ВС
Издательство Вече

12 великих трагедий

12 великих трагедий

Коллектив авторов, Максим Горький, Иоганн Вольфганг Гёте, Антон Павлович Чехов, Александр Николаевич Островский, Педро Кальдерон де ла Барка, Фридрих Шиллер, Софокл, Еврипид, Генрик Ибсен, Александр Сергеевич Пушкин, Оскар Уайльд, Уильям Шекспир

Аннотация
12 великих трагедий
Софокл. Антигона
  Действующие лица
  Пролог
  Парод
  Эписодий первый
    Сцена 1
    Сцена 2
  Стасим первый
  Эписодий второй
    Сцена 1
    Сцена 2

Стасим второй
Эписодий третий
Сцена 1
Сцена 2
Стасим третий
Эписодий четвертый
Сцена 1
Сцена 2
Стасим четвертый
Эписодий пятый
Сцена 1
Сцена 2
Стасим пятый
Эксод
Сцена 1
Сцена 2
Сцена 3
Сцена 4
Сцена 5
Еврипид. Вакханки
Действующие лица
Пролог
Явление первое
Вступительная песнь хора
Действие первое
Явление второе

Явление третье
Первый музыкальный антракт
Действие второе
Явление четвертое
Второй музыкальный антракт
Действие третье
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Явление восьмое
Явление девятое
Третий музыкальный антракт
Действие четвертое
Явление десятое
Четвертый музыкальный антракт
Действие пятое
Явление одиннадцатое
Исход
Явление двенадцатое
Явление тринадцатое
Явление четырнадцатое
Явление пятнадцатое
Явление шестнадцатое
Гете Иоганн. Фауст
Посвящение
Пролог в театре

Пролог на небесах
Часть первая
- Сцена 1
- Сцена 2
- Сцена 3
- Сцена 4
- Сцена 5
- Сцена 6
- Сцена 7
- Сцена 8
- Сцена 9
- Сцена 10
- Сцена 11
- Сцена 12
- Сцена 13
- Сцена 14
- Сцена 15
- Сцена 16
- Сцена 17
- Сцена 18
- Сцена 19
- Сцена 20
- Сцена 21
- Сцена 23
- Сцена 24
- Сцена 25

Часть вторая
Действие первое
Действие второе
Действие третье
Действие четвертое
Действие пятое
Уайльд Оскар. Герцогиня Падуанская
Лица драмы
Действие первое
Действие второе
Действие третье
Действие четвертое
Действие пятое
Шекспир Уильям. Макбет
Действующие лица
Действие первое
Сцена I
Сцена II
Сцена III
Сцена IV
Сцена V
Сцена VI
Сцена VII
Действие второе
Сцена I
Сцена II

Сцена III
Сцена IV
Действие третье
Сцена I
Сцена II
Сцена III
Сцена IV
Сцена V
Сцена VI
Действие четвертое
Сцена I
Сцена II
Сцена III
Действие пятое
Сцена I
Сцена II
Сцена III
Сцена IV
Сцена V
Сцена VI
Сцена VII
Сцена VIII
Ибсен Генрик. Пер Гюнт
Действующие лица
Действие первое
Действие второе

Действие третье
Действие четвертое
Действие пятое
Шиллер Фридрих. Орлеанская дева
Действующие лица
Пролог
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Действие первое
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Явление восьмое
Явление девятое
Явление десятое
Явление одиннадцатое
Действие второе
Явление первое
Явление второе
Явление третье

Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Явление восьмое
Явление девятое
Действие третье
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Явление восьмое
Явление девятое
Явление десятое
Явление одиннадцатое
Действие четвертое
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое

Явление восьмое
Явление девятое
Явление десятое
Явление одиннадцатое
Явление двенадцатое
Явление тринадцатое
Действие пятое
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Явление восьмое
Явление девятое
Явление десятое
Явление одиннадцатое
Явление двенадцатое
Явление тринадцатое
Явление четырнадцатое
Кальдерон Педро. Стойкий принц
Действующие лица
Хорнада первая
Сцена 1-я
Сцена 2-я

Сцена 3-я
Сцена 4-я
Сцена 5-я
Сцена 6-я
Сцена 7-я
Сцена 8-я
Сцена 9-я
Сцена 10-я
Сцена 11-я
Сцена 12-я
Сцена 13-я
Сцена 14-я
Сцена 15-я
Сцена 16-я
Сцена 17-я
Сцена 18-я
Сцена 19-я
Сцена 20-я
Хорнада вторая
Сцена 1-я
Сцена 2-я
Сцена 3-я
Сцена 4-я
Сцена 5-я
Сцена 6-я
Сцена 7-я

Сцена 8-я
Сцена 9-я
Сцена 10-я
Сцена 11-я
Сцена 12-я
Сцена 13-я
Сцена 14-я
Сцена 15-я
Сцена 16-я
Сцена 17-я
Хорнада третья
Сцена 1-я
Сцена 2-я
Сцена 3-я
Сцена 4-я
Сцена 5-я
Сцена 6-я
Сцена 7-я
Сцена 8-я
Сцена 9-я
Сцена 10-я
Сцена 11-я
Сцена 12-я
Сцена 13-я
Сцена 14-я
Горький Максим. На дне

Действующие лица
Акт первый
Акт второй
Акт третий
Акт четвертый
Антон Чехов. Чайка
Действующие лица
Действие первое
Действие второе
Действие третье
Действие четвертое
Островский Александр. Бесприданница
Действие первое
Лица
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Действие второе
Лица
Явление первое
Явление второе
Явление третье

Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Явление восьмое
Явление девятое
Явление десятое
Явление одиннадцатое
Действие третье
Лица
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Явление восьмое
Явление девятое
Явление десятое
Явление одиннадцатое
Явление двенадцатое
Явление тринадцатое
Явление четырнадцатое
Действие четвертое
Лица

Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Явление восьмое
Явление девятое
Явление десятое
Явление одиннадцатое
Явление двенадцатое
Пушкин Александр. Скупой рыцарь
Сцена I
Сцена II
Сцена III

Аннотация

Книга «12 великих трагедий» – уникальное издание, позволяющее ознакомиться с самыми знаковыми произведениями в истории мировой драматургии, вышедшими из-под пера выдающихся мастеров жанра.

Многие пьесы, включенные в книгу, посвящены реальным историческим персонажам и событиям, однако они творчески переосмыслены и обогащены благодаря оригинальным авторским интерпретациям.

Книга включает произведения, созданные со времен греческой античности до начала прошлого века, поэтому внимательные читатели не только насладятся сюжетом пьес, но и увидят основные этапы эволюции драматического и сценаристского искусства.

12 великих трагедий

Софокл. Антигона

Действующие лица

Антигона, Исмена — дочери царя Эдипа.
Креонт — новый правитель Фив.
Эвридика — жена Креонта.
Гемон — сын Креонта и жених Антигоны.
Страж.
Вестник.
Слуга.
Хор старейшин фиванских.
Тиресий — прорицатель.

Пролог

Антигона

Дай голову твою обнять, Исмена!
Сестра моя, скажи, какой беде
Из многих бед – отца и нас, невинных
Его детей, оставшихся в живых,
Не обрекал Зевес? И есть ли в мире
Хоть что-нибудь неправедное, злое
И горькое, неведомое нам?
Ты слышала ль, сестра, о том, что ныне
Всем гражданам правитель повелел?
Иль, может быть, не знаешь ты, Исмена,
Что ждет друзей твоих судьба врагов?

Исмена

Еще ко мне, сестра, не доходила
Ни горькая, ни сладостная весть,
С тех пор как брат убил в сраженье брата,

С тех пор как мы лишились в тот же день
Обоих. В ночь ушли войска аргосцев;
Не слышала я больше ничего —
Ни радости достойного, ни горя.

Антигона

Я позвала тебя за двери дома,
Чтоб говорить наедине с тобой.

Исмена

Какой полна ты думой сокровенной?

Антигона

Не повелел ли царь из наших братьев
Единого земле предать, лишив
Всех почестей другого? Этеокл
Священного обряда удостоен,
В подземный мир сошел и родным теням.
А между тем останки Полиника
Креонт велел не предавать земле
И, не почтив обрядом, не оплакав,
Не приютив в могиле, бедный труп

Покинуть хищным птицам на съеденье.

Так приказал наш добрый царь тебе —

И мне, увы! Провозгласить веленье

Он к нам идет. Что б ни было, закон

Исполнится, и будет непослушный

На площади побит камнями. Знаешь

Теперь ты все и показать должна,

Достойной ли от предков благородных,

Бесчестной ли от честных родилась.

Исмена

Но если царь велел, сестра, подумай, —

Смирюсь иль нет – что сделать я могу?

Антигона

Захочешь ли помочь мне в трудном деле?

Исмена

Свой замысел открой мне.

Антигона

Тело брата

Похоронить.

Исмена

Закон царя нарушить
Посмеешь?

Антигона

Да. И если ты боишься,
Одна исполню я обряд над милым.
Изменницей не назовут меня.

Исмена

Безумная! Наперекор царю?

Антигона

Царь не заставит не любить меня,
Кого люблю!

Исмена

Сестра, ты позабыла,
Как наш отец, узнав, что он – злодей,
Отверженный и ненавистный людям,
Исторгнув очи сам себе, погиб;
Как мать – она была ему женою
И матерью – на петле роковой

Повесилась; как оба брата пали
Несчастные, друг друга умертвив
В единый миг на том же поле битвы.
Теперь, когда остались мы одни,
Без помощи, – подумай, Антигона,
Какая ждет нас гибель, если, власть
Царя презрев, закон его нарушим.
Мы женщины, не нам вести борьбу
Неравную с мужами: наша доля —
Пред сильными покорствуя, молчать.
У мертвеца я вымолю прощенье
Невольного греха и покорюсь
Велению владыки: неразумно
Желать того, что выше сил моих.

Антигона

Я ни о чем просить тебя не буду,
И не приму я помощи твоей.
Что хочешь делай, – я же тело брата
Похороню, и будет смерть моя
Желанною. Презрев закон людской,
Исполню долг и лягу рядом с ним,
В одном гробу, любимая с любимым

Я не живым, а мертвым угодить
Хочу затем, что с ними буду вечно
Лежать в земле. А ты живи, презрев
Все, что святым считают боги.

Исмена

Свято
Я сердцем чту богов, но силы нет
Противиться велению законов.

Антигона

Ищи себе предлога… Я иду
Могильный холм воздвигнуть Полинику.

Исмена

О милая, мне страшно за тебя!

Антигона

Себя спасай, а за меня не бойся.

Исмена

Не говори про замысел ни с кем…
Не правда ли, хранить мы будем тайну?

Антигона

О нет, ступай к врагам, открой им все!
Безмолвствуя, ты будешь ненавистней.

Исмена

Каким огнем полна твоя душа!

Антигона

Усопшему любовь моя отрадна.

Исмена

Ты все равно не можешь…

Антигона

Пусть, – когда
Не хватит сил, я отрекусь от цели.

Исмена

Не лучше ли к тому, что выше сил,
Не приступать?

Антигона

Молчи, молчи, Исмена,
Не то врагом ты будешь мне навек
И ненавистною родным теням
Сойдешь в могилу. Дай исполнить мне

Мой замысел безумный и погибнуть, —
Прекрасной будет смерть моя!

(Уходит.)

Исмена

Иди
И знай, что ты уходишь неразумной,
Но любящей и верной до конца.

(Уходит.)

Парод

Хор
Строфа I

Луч зари, первый взгляд
Золотистого дня,
Над диркейской волной
И над Фивами
Семивратными
Ты блеснул – и, смутясь,
Пред тобою бежал
Воин с белым щитом,
Муж из Аргоса, —
Полиник к нам пришел,
Полный хитрой вражды,
Полиник свою рать
В шлемах блещущих,
С конской гривою,
К нам привел: так из туч
С белоснежным крылом,
С громким криком орел

Низвергается.

Антистрофа I

Он над Фивами стал,
Поднял копья, открыл
Кровожадную пасть,
Как чудовище.
Но, убийствами
Не насытившись, враг
Отступил: наших стен
Не коснулся пожар.
Вея ужасом,
Бог войны загремел;
И, надменную речь
Ненавидящий Зевс,
Видя гордое,
В блеске золота,
Вражье войско того,
Кто готов был кричать
О победе, – во прах
Сбросил молнией.

Строфа II

Пал, загремел и о землю ударился тяжко

Молнией бога сожженный, за миг перед тем

Страшный и яростью буре подобный.

Но благодатный, великий Арей,

Непобедимый союзник,

Поколебал их ряды.

В поле рассеял

И погубил.

Семь вождей бегут, покинув

Богу медные трофеи.

Только те, кого вскормили

Мать одна, один отец,

Только два несчастных брата

Устремили друг на друга

Копья, оба победили,

И удел обоих смерть.

Антистрофа II

В город, где гул колесниц не смолкает, с приветом,

С громкою славой богиня Победа во-

шла.
Войны забудем и храмы наполним
Пеньем и пляской на целую ночь.
Вакх, потрясающий землю
В пляске ударом ноги,
Хоров веселых
Будет вождем.
Но сюда грядет владыка
Менойкид, правитель новый.
В этот день, когда свершилась
Воля вечная богов,
Царь, в душе своей питая
Новый замысел, недаром
На совет старейшин фивских
Чрез глашатаев созвал.

Эписодий первый
Сцена 1

Креонт

Восстановив наш город, потрясенный
Ударом волн во время долгих бурь,
Желанный мир нам боги даровали.
Созвал я граждан избранных сюда,
Чтоб объявить им волю нашу: чтили
Вы древний скиптр и трон священный Лайя;
Вы верными остались до конца
И при царе Эдипе и при детях
Покойного царя. Когда же братья
В братоубийственном сраженье пали,
Разящие, сраженные друг другом, —
По всем правам ближайшего родства
Я власть от них наследственную принял.
Вы знаете, как трудно угадать
И помыслы и душу человека,

Пока в руках он власти не имел.
Кто хочет быть царем, не помышляя
О благе всех; кто истину скрывает
И для кого не выше всех друзей
Отечество, – презрения достойным
Того считаю. Бог свидетель мне:
Молчал ли я когда-нибудь из страха,
Скрывал ли я грозящую беду
И был ли враг отечества мне другом?
О нет, всегда я думал об одном —
О благе общем: для него и близких
Я забывал. Так думаю и ныне
И пользу тем отчизне принесу.
Вот и теперь я приказал – да будет
Похоронен как доблестный герой,
За родину на поле брани павший,
С торжественным обрядом Этеокл.
А Полиник, беглец и враг народа,
Вернувшийся на родину затем,
Чтоб сжечь дотла и город наш и храмы
Родных богов, чтоб нас поработить,

Насытившись убийствами и кровью,
Я повелел – да будет он лишен
Надгробных слез, и жалоб, и молитв,
Да будет труп его, ужасный людям,
Добычей псов и кровожадных птиц.
Я так хочу: не должен быть порочный
Превознесен над праведным; а тот,
Кто возлюбил отчизну, будет нами
Всегда почтен, и мертвый и живой.

Хор

Ты так решил, Креонт, о сын Менойка?
Судьба врагов отечества, судьба
Его друзей – в твоих руках: ты можешь
Приказывать и мертвым и живым.

Креонт

Вы избраны исполнить волю нашу.

Хор

О царь, назначь других, моложе нас.

Креонт

Я сторожей давно приставил к телу.

Хор

Но чем еще могли бы мы служить?

Креонт

Храня закон, казните непокорных.

Хор

Какой безумец сам пойдет на смерть?

Креонт

Хотя грозит виновным смерть, но подкуп
Уж много раз губил людей.

Сцена 2

Входит страж.

Страж

О царь!
Я не бежал – я шел не торопясь,
Не раз мой шаг я замедлял в раздумье,
Не раз с пути вернуться я хотел,
И говорил мне тайный голос: «Бедный,
Не сам ли ты на казнь свою бежишь?

А между тем вернуться ты не можешь:
Другой царю расскажет эту весть,
И все-таки ты казни не избегнешь».
Так думал я и шел не торопясь,
И краткий путь мне показался длинным.
Но наконец я должен был прийти.
Хотя и сам я многого не знаю, —
Тебе, Креонт, всю правду я скажу.
Последнее осталось утешенье:
Что Рок судил, того не миновать.

Креонт

Чего ты так боишься? Что случилось?

Страж

Сперва скажу я о себе: ни в чем
Я пред тобой не виноват, не знаю
Виновного, и было бы, мой царь,
Казнить меня несправедливо.

Креонт

Вижу,

Стараешься ты оградить себя:
Должно быть, весть недобрая.

Страж

Великий
Внушает страх предчувствие беды.

Креонт

Но знать я должен. Говори ж скорее!

Страж

Открою все: тайком – не знаю кто —
Пришел и, труп покрыв сухою пылью,
Могильные обряды совершил.

Креонт

Что говоришь ты? Кто посмел?

Страж

Не знаю.
Земля кругом нетронута была
Ни заступом, ни острою лопатой,
И след колес глубокой колеи
Не проложил в кремнистом диком поле,

И не осталось никаких улик
Виновного. От стражи первой смены
Услышали мы утром о беде,
И все тогда подумали: вот чудо
Зловещее… Невидим был мертвец,
Не погребли, а лишь землей покрыли,
Чтоб охранить от святотатства труп.
И не нашли мы никаких следов:
Ни хищный зверь, ни пес не приходил
И мертвого не трогал. Брань и крики
Послышались: мы все наперерыв
В нссчастии друг друга попрекали,
И дракой спор окончиться грозил.
Мы верного не знали ничего,
И помириться не могли, и втайне
Подозревали мы друг друга все.
Меж тем богов в свидетели призвать,
Пройти огонь и в руки взять железо
Каленое готов из нас был каждый,
Чтоб доказать, что раньше не слыхал
Про заговор преступный и ни в чем

Ни помыслом, ни делом не повинен.
Так спорили напрасно мы; но вдруг
Один из нас сказал такое слово,
Что головой поникли молча все
В смущении, и как беды избегнуть —
Не ведали, и не принять совет
Мы не могли. И было это слово
О том, что скрыть несчастие нельзя,
Что мы должны сказать тебе всю правду.
Послушались совета – и меня
По жребию как вестника избрали.
И вот я здесь – наперекор тебе
И мне, затем что ненавидят люди
Того, кто весть недобрую принес.

Хор

О царь, давно я думал: это чудо
Не боги ли послали нам?

Креонт

Молчи!
Не то мой гнев заслужишь ты и люди

Сочтут тебя безумным. Неужель
Ты мог сказать, подумать мог, что боги
Заботятся об этом трупе, чтут,
Как своего избранника, хоронят
В земле родной того, кто к ним пришел,
Чтоб грабить, жечь, законы их разрушить
И разметать священные дары,
И осквернить их жертвенники? Боги?
Ты видел ли, чтоб награждали злых
Бессмертные? Нет, не богов, а граждан
Виню во всем: роптали на меня
Бунтовщики, главами помавая,
Стряхнуть ярмо пытаясь: мой закон.
Их золотом подкупленная стража
Нарушена затем, что деньги – зло
Великое для смертных: из-за денег
Обречены на гибель города
И отчий кров изгнанник покидает;
И, развратив невинные сердца,

Деяниям постыдным учат деньги,
И помыслам коварным, и нечестью.
Но час придет, и не минует казнь
Преступников, подкупленных врагами.

(Стражу.)

А вы, – коль тех, кто труп похоронил,
Вы, отыскав, ко мне не приведете, —
Клянусь (и верь, пока я чту отца
Крониона, той клятвы не нарушу!),
Не будет смерть вам легкой карой. Нет,
Я не убью – живыми вас повешу
И пытками заставлю говорить,
Пока я всех виновных не узнаю;
И прибыли искать вас научу
Где следует, награду принимая
Не всякую: приносят больше зла,
Чем выгоды, неправедные деньги…

Страж

Дозволишь ли мне слово молвить, царь?

Креонт

Я слов пустых уже довольно слышал.

Страж

Что оскорбил я: сердце или слух?

Креонт

К чему ты речь ведешь?

Страж

О царь, подумай:

Кто весть принес, тот слух твой оскорбил,

А душу – тот, кто совершил злодейство.

Креонт

Лишь без толку умеешь ты болтать!

Страж

А все же, царь, я пред тобой невинен.

Креонт

Ты изменил, за деньги совесть продал.

Страж

О горе! Чем же убедить того,

Кто ложному поверил подозренью?

Креонт

Да говори что хочешь о своей
Невинности, но если не найдете
Преступника, увидите, что скорбь
Рождается от прибыли нечестной.

Страж *(про себя)*

Отыщут ли виновника иль нет —
О том Судьба и боги только знают.
Но во дворец уж больше никогда
Я не вернусь к тебе, мой повелитель,
И небеса благодарю за то,
Что гибели избегнул так нежданно!

(Уходит.)

Стасим первый

Хор

Строфа I

В мире много сил великих,
Но сильнее человека
Нет в природе ничего.
Мчится он, непобедимый,
По волнам седого моря,
Сквозь ревущий ураган.
Плугом взрывает он борозды
Вместе с работницей-лошадью,
Вечно терзая Праматери,
Неутомимо рождающей,
Лоно богини Земли.

Антистрофа I

Зверя хищного в дубраве,
Быстрых птиц и рыб, свободных
Обитательниц морей,
Силой мысли побеждая,
Уловляет он, раскинув

Им невидимую сеть.
Горного зверя и дикого
Порабощает он хитростью,
И на коня густогривого,
И на быка непокорного
Он возлагает ярмо.

Строфа II

Создал речь и вольной мыслью
Овладел, подобной ветру,
И законы начертал,
И нашел приют под кровлей
От губительных морозов,
Бурь осенних и дождей.
Злой недуг он побеждает
И грядущее предвидит,
Многоумный человек.
Только не спасется,
Только не избегнет
Смерти никогда.

Антистрофа II

И, гордясь умом и знаньем,

Не умеет он порою
Отличить добро от зла.
Человеческую правду
И небесные законы
Ниспровергнуть он готов.
Но и царь непобедимый,
Если нет в нем правды вечной,
На погибель обречен:
Я ни чувств, ни мыслей,
Ни огня, ни кровли
С ним не разделю!

Вдали показывается Антигона. Ее ведут под стражей.

Хор

Кто это, боги? Какое видение чудное!
Ты ль, Антигона, Эдипа великого,
Многострадального
Скорбная дочь?
Ныне ведут Антигону под грозною стражею.
Ты ли, законам людским непокорная,
Смело нарушила

Волю царя?

Эписодий второй
Сцена 1

Входит страж.

Страж

Пред вами та, что тело Полиника
Предать земле пыталась. Где Креонт?

Хор

Он из дворца выходит.

Креонт

Что случилось?
Кто спрашивал меня?

Страж

Пусть люди, царь,
Себя вовек не связывают клятвой:
Вторая мысль едва придет на ум,
Как первая нам кажется ошибкой.
Я поклялся к тебе не приходить,
Испуганный угрозами твоими,
Но счастие нежданное сильней

Всех радостей других. Нарушив клятву,
Пришел опять и девушку привел,
Ту самую, что мертвого почтила
Обрядами. Но знай: на этот раз
Не избран я по жребию случайно, —
Нет, сам нашел ее: мне одному
Принадлежит вся честь. Теперь, владыка,
Виновную ты можешь, допросив,
Изобличить. Но, видишь, я оправдан
И милости твоей достоин.

Креонт

Где
И как ее нашел ты?

Страж

Для могилы
Уж землю рыла.

Креонт

Правда ли?

Страж

О Царь!

Я видел сам, как труп она хотела
Предать земле. Ужели и теперь
Словам моим правдивым ты не веришь?

Креонт

Рассказывай: хочу я знать про все.

Страж

Случилось так: лишь только мы вернулись,
Дрожащие, боясь твоих угроз,
Как, разметав всю пыль над мертвым телом
И обнажив полуистлевший труп,
В унынии мы сели, против ветра,
Чтоб запаха избегнуть, на холме
И бодрствовать друг друга побуждали
Словами бранными. В тот самый час.
Когда стоит блестящий круг светила
Великого в зените и лучи
Палящие кидает, вдруг мы видим,
Как буря, пыль взметая до небес,
Над знойною долиной закружила

Внезапный вихрь и листья сорвала
В дуброве, мглой наполнив воздух. Долго,
Закрыв глаза, мы ждали, чтоб утих
Небесный гнев. Когда ж промчалась буря,
Над мертвецом, склоненную в тоске,
Увидели мы плачущую деву,
И жалобный был голос у нее,
Пронзительно-унылый, как у птицы,
Когда она горюет, увидав,
Что нет в гнезде ее птенцов любимых.
Так бедная над оскорбленным трупом
И плакала и проклинала тех,
Кто разметал могильный холм; и пыли,
В ладони рук сбирая, принесла;
Усопшего почтив, она из медной
И кованой амфоры льет струи
Священные тройного возлиянья.
И мы ее схватили; но она,
Бесстрашная, вины не отрицала

И нам во всем призналась так легко,
Что радостно и горько было мне:
Избегнуть смерти – радостно, и горько —
Обречь на смерть достойную любви…
Но людям жизнь всего дороже в мире.

Креонт

Зачем главу склонила? Отвечай:
Виновна ты иль нет?

Антигона

Я не скрываю —
Я твой закон нарушила.

Креонт *(стражу)*

Иди —
Оправдан ты от обвинений тяжких.

(Антигоне.)

А ты скажи нам прямо: волю нашу
Ты знала ли?

Антигона

Не знать я не могла:

Весь город знал.

Креонт

И преступить закон
Осмелилась?

Антигона

Закона твоего
Не начертал ни бог, ни справедливость,
Царящая в загробном мире. Нет,
Не знала я, что, по земному праву
Царей земных, ты можешь, человек,
Веления божественных законов,
Неписаных, но вечных, преступать,
И не вчера рожденных, не сегодня,
Но правящих всегда, – никто из нас
Не ведает, когда они возникли.
Я думала, что лишь бессмертным дам
Отчет во всем; что воли человека
Я на земле бояться не должна;
Что если б ты мне смертью неизбежной
И не грозил, – я все-таки умру:

Не лучше ли мне умереть до срока?

Не может смерть не быть желанной тем,

Кто жизнь, как я, проводит в скорби вечной.

И вот зачем я на судьбу мою

Не жалуюсь; но если б тело брата,

Исполнив долг, земле не предала,

Тогда скорбеть должна бы я – не ныне.

А ты смотри, чтобы, назвав меня

Безумною, ты не был сам безумцем!

Хор

У дочери суровый дух отца:

Она главы не склонит под ударом.

Креонт

Кто слишком горд, того сломить легко:

И сталь, приняв в огне закал могучий,

Ломается, и малою уздой

Нам буйного коня смирить не трудно.

Надменные мечты в душе питать

Не должно тем, кто у других во вла-

сти.
Она вдвойне виновна: мой закон
Нарушила и надо мной смеялась
И хвастала. Но если этот смех
И торжество без тяжкого возмездья
Останутся, – о, пусть тогда ее,
А не меня считают мужем. Знайте:
Хотя и дочь она сестры моей.
Но если бы еще по крови ближе
Была, чем все, кого объединил
У очага семейный Зевс-хранитель,
И то, клянусь, возмездья не могла б
Избегнуть, – нет! И с ней сестра погибнет,
В ее вине сообщница… Но где
Она? Пускай мне приведут Исмену.
Безумную, от горя вне себя,
Я во дворце застал ее недаром.
Так злую мысль таящих выдает
Смятение, но и преступник явный,
Мечтающий словами оправдать
Вину свою, мне столь же ненавистен.

Антигона

Иль у меня отнять ты хочешь больше.
Чем жизнь мою?

Креонт

Нет, я хочу обречь
Тебя на смерть, – мне большего не надо.

Антигона

Не медли же. О чем нам говорить?
И мне в словах твоих отрады мало,
И ничего желанного, поверь,
Из уст моих услышать ты не можешь.
Исполнен долг: мой брат похоронен,
Я не могу достигнуть большей славы.
Когда б не страх, сковавший им уста, —
Оправдана была бы я народом.
Но, кроме всех неисчислимых благ,
Принадлежит земным владыкам право
Все говорить и делать, что хотят.

Креонт

Ты мыслишь так одна во всем народе.

Антигона

Так мыслят все, но пред тобой молчат.

Креонт

Не стыдно ли, что ты одна не хочешь
Молчать?

Антигона

О нет, не стыдно мертвых чтить!

Креонт

Но не был ли противник Полиника
Твой брат родной?

Антигона

От одного отца
И матери.

Креонт

Зачем же оскорбила
Ты почестью, оказанной врагу,
Другого брата?

Антигона

Тень его, я знаю,
Не обвинит меня.

Креонт

Почет один
Ты воздаешь и доброму и злому?

Антигона

Но разве был сраженный Полиник
Невольником – не братом Этеокла?

Креонт

Один врагом отчизны пал, другой —
Защитником.

Антигона

Равняет всех Аид.

Креонт

В Аиде злым и добрым – воздаянье
Неравное.

Антигона

Что свято на земле,
Считают ли святым в загробном ми-

ре?

Креонт

И мертвый враг не может другом быть.

Антигона

Я родилась не для вражды взаимной,
А для любви.

Креонт

Иди же ты в Аид
И там люби. А на земле я женам
Царить не дам, – клянусь, – пока я жив!

Стражи ведут Исмену.

Сцена 2

Хор

Вот у порога Исмена
Льет о сестре своей бедной
Тихие слезы любви.
Скорбь опустилась, как туча,
И на прекрасных ланитах —

Жаркий румянец от слез.

Креонт *(Исмене)*

Ехидна, в дом проникшая, чтоб выпить
Всю кровь мою, меж тем как я не знал,
Что на груди вскормил двух змей, двух тайных
Врагов престола моего, – иди,
Иди сюда и отвечай: была ли
Сообщницей, иль клясться будешь нам,
Что ничего не знаешь?

Исмена

Я виновна,
И если мне она позволит, с ней
Я разделить хочу вину и кару.

Антигона

Ты мой удел не вправе разделить:
Я помощи твоей не принимала.

Исмена

Я не стыжусь в страданиях тебе
На жизнь и смерть быть спутницей и другом.

Антигона

Кто другом был на деле – знает тень
Сошедшего в Аид; а тех, кто любит
Лишь на словах, – не надо мне.

Исмена

Сестра,
Не оскорбляй меня, позволь, оплакав
Родную тень, с тобою умереть?

Антигона

Ты не умрешь со мной: ты недостойна.
Я умереть хочу одна.

Исмена

Увы!
Зачем мне жить, когда тебя не будет?

Антигона

Спроси о том Креонта, чей закон
Ты чтила свято.

Исмена

Пощади! Напрасно
Не унижай меня!

Антигона

Когда смеюсь
Я над тобой, я за тебя страдаю.

Исмена

О, чем помочь тебе?

Антигона

Лишь о себе
Заботься; верь: я твоему спасенью
Завидовать не буду.

Исмена

Горе мне!
Я участи твоей, твоих страданий
Не разделю.

Антигона

Тебе хотелось жить,
Мне – умереть.

Исмена

Как я тебя молила!

Антигона

Ты пред людьми права, а я хочу

Быть правою перед тенями мертвых.

Исмена

Но мы в одном с тобой виновны…

Антигона

Нет.
Живи, сестра. Будь твердою, мужайся.
А я уже навеки отошла
К моим теням возлюбленным…

Креонт

Я вижу:
Одна из них безумной родилась
И только что сошла с ума другая.

Исмена

Владыка, ум скорбевшего – не тот,
Что был до скорби: изменяет душу
Страдание.

Креонт

Должно быть, разум твой
Затмила скорбь: вот почему так жаждешь

Ты разделить с преступными вину.

Исмена

Ах, что мне жизнь, когда сестры не будет!

Креонт

Не говори о ней: ее уж нет
Среди живых.

Исмена

И ты убьешь невесту
Возлюбленного сына?

Креонт

Для мужей —
Довольно жен: земли всегда довольно
Для пахарей!

Исмена

Поверь, он не найдет
Такой души, ему родной и близкой.

Креонт

Чтоб взял жену порочную мой сын,
Я не хочу.

Антигона

О бедный, милый Гемон,
Тебя отец бесчестно предает!

Креонт *(Антигоне)*

Оставь меня, чтоб не слыхал я больше
Ни о тебе, ни о любви твоей!

Исмена

Ты разлучишь их?

Креонт

Смерть их разлучит.

Исмена

Она умрет, – и знать, что нет спасенья!

Креонт

Она умрет! Не медлите, рабы:
Во внутренность дворца их уведите.
Вы там должны стеречь их, никуда
Не выпускать: спасенья ищут в бегстве
И смелые, когда грозит им казнь.

Рабы уводят под стражей Антигону и Исмену.

Стасим второй

Хор

Строфа I

Благо тем, кто всю жизнь без печали провел.
Но когда потрясут небожители
Твое счастье, твой дом, – это бедствие
От тебя через все поколенья пройдет:
Так, фракийскою бурей гонимые,
Проносясь через бездны подводные,
Поднимают со дна волны черный песок,
И полны берега потрясенные
Воплем и грохотом.

Антистрофа I

Многолетняя скорбь переходит в семье
Лабдакидов от прадедов к правнукам.
Нет спасенья: беды за бедами,
Смерть за смертью: их губит безжалостный бог.
Оставалась от рода Эдипова

Только слабая ветвь, беззащитная,
Луч, блеснувший во мраке… Но вот и тебя,
О последняя жертва безумия,
Поражают кровавой секирою
Боги подземные.

Строфа II

Громовержец, разве может
Человеческая сила
Власть твою преодолеть?
Зевс, один не побежденный
Сном, владыкой всех живущих,
И теченьем быстрых лет,
Не стареющий, всесильный, —
Над Олимпом светозарным
В блеске вечном ты царишь.
Нами же, слабыми, жалкими,
Ныне, и в прошлом, и в будущем
Правит закон: в человеческой
Жизни скорбям не причастного
Нет ничего.

Антистрофа II

А лукавая надежда,
Утешительница смертных,
Увлекает, обманув
Легкокрылые желанья,
И незнающих ведет
Прямо к бездне, прямо к смерти.
И прославлено недаром
Изреченье мудреца:
Если тебя небожители,
Смертный, ведут к преступлению, —
Злое тогда тебе кажется
Добрым – и знай, что погибели
Не избежишь.

Эписодий третий
Сцена 1

Вдали показывается Гемон.

Хор

Видишь, царь, подходит Гемон,
Твой любимый сын: должно быть,
О несчастной Антигоне
Он горюет, о невесте,
Ложа брачного лишен.

Креонт

Тотчас мы все узнаем. Милый Гемон,
Врагом ли ты приходишь, услыхав,
Что я обрек на смерть твою невесту,
Иль все ж отец твой дорог для тебя?

Гемон

Тебе я весь принадлежу; давая
Разумные советы, ты ведешь
Меня к добру. Ни для какого брака
Не отступлю от мудрости твоей.

Креонт

И хорошо, дитя мое, что воля
Отцовская тебе дороже всех
Желаний. Вот за что мне мил послушный
И добрый сын: он мстит врагу отца;
Его друзей он так же чтит и любит,
Как самого родителя; а тот.
Кто сыновей рождает бесполезных,
Тот скорбь себе рождает и врагам
Великое посмешище. О Гемон,
Ты мудростью не жертвуй никогда
Для женщины: покажутся супругу
Холодными объятья злой жены,
Живущей с ним без мира и согласья.
Что может быть губительней друзей
Неистинных? Изменницу отвергни, —
Пускай других в Аиде женихов
Себе найдет. В непослушанье дерзком
Одну ее в народе уличив,
Я не солгу пред городом и смерти
Ее предам, хотя б на помощь Зевса

Она звала, хранителя семьи.

Покорности и от чужих не требуй,

Кто воспитал мятежный дух в семье;

А кто в делах домашних мудр, – сумеет

И городом разумно управлять,

И властвовать, и покоряться власти.

Во всем ему доверься: будет он

В смятенье битв незаменимым другом

И воином бестрепетным; но тех,

Кто царствовать мечтает над царями,

Презрев закон, – я тех не похвалю.

Чтить волю тех, кто правит нами, должно

Не только в легком, но и в трудном деле.

Нет хуже зла, чем дух мятежный: гонит

От очага домашнего людей,

И воинов он обращает в бегство

Постыдное, и губит города.

А граждане, покорные владыке,

Спасаются. И так, оберегать
Нам следует закон, не допуская,
Чтоб женщина владела нами. Нет,
Когда мне пасть назначено Судьбою,
Пускай паду я от руки мужей, —
Но женщине не покорюсь вовеки!

Хор

Насколько я, годами удрученный,
Могу судить, – ты правду говоришь.

Гемон

Дарованный богами, разум в людях
Прекраснее всего, что в мире есть.
Я не скажу, сказать я не посмею,
Что ты неправду говоришь, о нет!
Но, может быть, отец, есть доля правды
И у других. Мне легче знать про то,
Что думает народ, что порицает,
Меж тем как царь единым взором страх
Внушает тем, чьи праведные речи
Ему не льстят. И вот я знаю, царь,

Что втайне все невинную жалеют
И сетуют, что ожидает смерть
Позорная за подвиг дочь Эдипа
Несчастную, что не хотела труп
Погибшего в бою родного брата
В добычу птиц и кровожадных псов,
Лишенного могилы, бросить в поле.
«Не должно ли наградой золотой
Ее почтить?» – так в городе глухая
Молва идет. А для меня, отец,
И жизнь и честь твоя всего дороже,
Затем, что сын величием отца
Бывает горд, отец – величьем сына.
Не думай же, что истина тебе
Принадлежит и никому другому:
Кто всех умом мечтает превзойти,
И мужеством, и даром слова, часто
Ничтожней всех; а истинный мудрец
Упорствовать не будет в заблужденье:
Благой совет он примет не стыдясь.
Так дерево, поникшее ветвями,
Не падает, а гордый ствол, поток

Бушующий с корнями вырывает;
Так мореход, свой парус не сложив
Под бурею, спасается на утлой
Скамье гребцов – обломке корабля.
Забудь же гнев, скажи, что отменяешь
Ты приговор. Насколько я могу,
Как юноша, судить о том, – нельзя
Желать, чтоб все рождались мудрецами, —
А если ум – столь редкий дар, то пусть
Хоть умному совету люди внемлют.

Хор

В чем Гемон прав – послушайся его;
А ты прими совет отца: разумно
Вы говорили оба.

Креонт

Непристойно
Мне юношей выслушивать советы
В моих летах.

Гемон

Будь справедлив, отец:

Не сколько лет я жил, а сколько правды

В моих речах, подумай.

Креонт

Речь твоя

Лишь об одном: что следует преступным

Потворствовать.

Гемон

Я не просил тебя

Преступного щадить.

Креонт

Ты не считаешь

Виновной Антигону?

Гемон

Нет, отец.

Все граждане и весь народ фиванский

Ее вины не признают.

Креонт

Народ

Не может мне повелевать.

Гемон

О царь,
Теперь не я – ты сам заговорил,
Как юноша неопытный и пылкий.

Креонт

В моей земле я царствую один.

Гемон

Принадлежать не может одному
Свободная земля.

Креонт

Принадлежит
Земля тому, кто в ней царит по праву.

Гемон

Не лучше ли в пустыне одному
Тебе царить?

Креонт

Он борется отважно
За женщину!

Гемон

Тебя хочу спасти

И честь твою.

Креонт

Меня же обвиняя
Во всем?

Гемон

Отец, ты был неправ…

Креонт

Неправ,
Когда хотел, чтоб граждане законов
Не нарушали?

Гемон

Ты неправ был тем,
Что сам закон божественный нарушил.

Креонт

О, слабая, презренная душа,
Раб женщины!

Гемон

Зато слепого гнева
И низких чувств не буду я рабом!

Креонт

За милую ты заступился!

Гемон

Нет!
Я заступился за себя, отец,
За честь твою и за богов подземных.

Креонт

Довольно слов пустых… Мне жалок тот,
Кем женщина владеет.

Гемон

Так не хочешь
Ты выслушать меня?

Креонт

Я все решил:
Твоей женой не будет дочь Эдипа
Здесь, на земле…

Гемон

Когда она умрет,
То и другой погибнет!

Креонт

Ты грозишь?

Гемон

Угроза ли ответ речам безумным?...

Креонт

Остерегись, чтоб собственные речи,
Оплакав их, ты скоро не назвал
Безумными!

Гемон

Когда б отцом ты не был,
Назвал бы я тебя безумцем!

Креонт

Что?
Что говоришь?.. Клянусь Олимпом вечным,
Не отомстив, я не снесу такой
Обиды! Воины, сюда ведите
Преступницу: она умрет сейчас же,
Здесь, на глазах его!

Гемон

Нет, не увидят

Глаза мои: я ухожу, отец,

И не вернусь; и с этих пор один,

Среди рабов безумствовать ты можешь!

(Уходит.)

Сцена 2

Хор

О царь, ушел он в гневе: берегись.

В такой душе безумный гнев опасен.

Креонт

Пусть делает что хочет, пусть грозит:

Хотя б он больше мог, чем смертный может,

От казни он ничем их не спасет.

Хор

Обеих ли казнишь? Одна виновна…

Креонт

Ты прав: на казнь не буду обрекать
Я той из них, что не касалась трупа.

Хор

Какую смерть ты для другой избрал?

Креонт

Я уведу ее тропой пустынной
И в каменной пещере, под землей,
Похороню живую, дав ей пищи
Не более, чем нужно для того,
Чтоб города не осквернить убийством.
Из всех богов она лишь бога чтит
Подземного: так пусть к нему взывает,
Чтоб спас ее от смерти; там, в гробнице,
Поймет она, как бесполезно верить
В загробный мир и мертвых чтить.

(Креонт уходит.)

Стасим третий

Хор

Строфа I

Эрос, бог всепобеждающий,
Бог любви, ты над великими
Торжествуешь, а потом,
Убаюканный, покоишься
На ланитах девы дремлющей,
Пролетаешь чрез моря,
Входишь в хижину убогую.
Ни единый в смертном племени,
Ни единый из богов,
Смерти чуждых, не спасается,
Но страдают и безумствуют
Побежденные тобой.

Антистрофа I

Ты влечешь сердца к преступному
И к неправедному – праведных.
Вносишь в мирную семью
Ты губительную ненависть;

И единый взор, сияющий
Меж опущенных ресниц
Юной девы, полный негою,
Торжествует над законами
Вековечными богов, —
Потому что все живущее,
Афродита, вечно юная,
Побеждаешь ты, смеясь!

Вдали появляется Антигона под стражей.

Ныне и мы, старики,
Царскую волю нарушили,
Слез удержать не могли.
Смотрим и плачем от жалости —
Видим: невеста не к брачному —
К смертному ложу идет.

Эписодий четвертый
Сцена 1

КОММОС

Антигона
Строфа I

Видите, граждане: ныне последний
Путь совершаю, смотрю на последний
Солнца вечернего свет.
Солнца мне больше не видеть вовеки:
К чуждым брегам Ахерона, в могильный,
Всех усыпляющий мрак,
Смерть уведет меня, полную жизни,
Смерть приготовит мне брачное ложе,
Свадебный гимн пропоет.

Хор

Не достигнув вечной славы,
Ты идешь в жилище мертвых,
Не в мучительной болезни,

Не добычею врагов, —
Нет, одна из всех живущих
В цвете юности, свободно
Ты за долг идешь на смерть.

Антигона
Антистрофа I

Там на вершине Сипила, от горя
Мать Ниобея в скалу превратилась:
Всю, как побеги плюща,
Камень ее охватил, вырастая:
В тучах, под ливнем и тающим снегом,
Плачет она, и дождем
Вечные слезы струятся на лоно.
В каменной, душной тюрьме мне готовят
Боги такую же смерть.

Хор

Родилась она богиней,
Ты же смертная; но славен
Твой удел: как Ниобея,
Как богиня, ты умрешь.

Антигона
Строфа II

Вы смеетесь – увы! – надо мной, умирающей.
Оскорбляют меня перед вами, о граждане,
Мой родимый, великий народ!
О диркейские волны, о Фивы, обильные
Колесницами, рощи богов заповедные,
Я в свидетели всех вас зову:
Без суда, без закона, ни в чем не повинную,
Чтобы ввергнуть меня в подземелье, подобное
Темной, страшной могиле, ведут!
И, никем не оплакана,
Там я буду покинута,
Среди мертвых не мертвая,
А живая в гробу!

Хор

Ты устремилась, гордая,
К пределу недоступному,

К подножью Правды царственной,

Богини справедливости, —

Но, с высоты низвергнута,

Падешь за грех отца.

Антигона

Антистрофа II

Вы к больному в душе моей, к самому горькому

Прикоснулись: зачем об отце вы напомнили

И о древней семейной беде,

Что преследует дом Лабдакидов наш царственный?

Вот я гибну, на ложе преступном зачатая,

Где несчастный отец мой лежал, —

О, бесчестье! – в объятьях у собственной матери!

Я от них родилась и, богами проклятая

И безбрачная, к ним возвращусь…

Полиник мой возлюбленный,

О, погибший безвременно,

Ты меня, еще полную

Жизни, к мертвым влечешь!

Хор

Велик закон божественный,
Но людям надо слушаться
И власти человеческой:
В себя ты слишком верила
Душой непобедимою —
И вот за то умрешь!

Антигона
ЭПОД

Ныне путь последний совершаю
Без родных, без милых, без участья,
И лучей божественного солнца
Больше мне вовеки не увидеть.
Я одна пред смертью в целом мире,
И никто меня не пожалеет!

Сцена 2

Креонт выходит из дворца.

Креонт

Вы знаете ль, что если б плач и стоны
Могли помочь, – преступник никогда
Не прекратил бы жалоб перед смертью?
Ведите же на казнь ее скорей
И, заперев, как я велел, в гробницу
Подземную, вы там ее одну
Оставьте: пусть живет иль умирает.
Но света ей отныне никогда
Уж не видать. А я руки убийством
Не осквернил, я пред богами чист.

Антигона

Подземная гробница, ты мой вечный
Приют, увы! мой свадебный чертог!
Я ухожу навеки к вам, о тени
Любимые, бесчисленные, к вам,
Сошедшие в жилище Персефоны!
Теперь и я последняя иду,
Покинув жизнь до срока, но с надеждой,
Что встретите вы радостно меня,
Отец, и мать, и милый брат. Бывало
С молитвами я каждому из вас

Надгробные творила возлиянья,
Обмыв тела, украсив и почтив,
И вот теперь за то, что Полиника
Я предала земле, иду на казнь.
Но добрые меня прославят: верьте,
Что если бы я матерью была,
То, вопреки законам, ни супруга,
Ни сыновей не погребла бы, нет!
Вот почему: других детей и мужа
Могла бы я иметь, когда бы муж
Иль сын погиб, – но не другого брата,
Затем, что мой отец и мать туда
Ушли навек, откуда нет возврата...
О милый мой, я чтила выше всех
Тебя, и вот за что меня преступной
Назвал Креонт, и вот за что, схватив,
От всех друзей увлек, от милых сердцу,
Бездетную, не знавшую любви,
Чтоб с мертвыми похоронить живую!
Но в чем вина моя, о боги?... Нет,
Зачем к богам невнемлющим взываю,
Кого из них о помощи молю?

Воздав им честь, я гибну за нечестье!
Когда неправду терпят сами боги,
Пускай умру, пускай меня зовут
Преступною, – но коль и вы преступны,
Враги мои, то не желаю вам
Страдать сильней, чем я теперь страдаю!

Хор

Та же буря в душе, та же сила и гнев.
О, мятежное, гордое сердце!

Креонт *(страже)*

Уведите ее: горе вам, о рабы,
Если вы еще будете медлить!

Антигона

Это слово мне смерть возвещает...

Креонт

И знай,
Что веленья мои неизменны:
Не избегнешь ты смерти!

Антигона

О город родной,
О великие боги отчизны,
Без вины умираю! Старейшины Фив,
И вожди, и народ, посмотрите,
На какие страданья какой человек
Дочь владыки, меня, обрекает за то,
Что почтила я волю бессмертных!

Антигону уводят.

Стасим четвертый

Хор

Строфа I

Небесного света лишилась, как ты,
Даная в тюрьме медностенной,
Подобной могиле, меж тем, о дитя,
Была она славного рода:
К ней сам Громовержец, любя, нисходил
На лоно дождем златострунным.
Но ужасна сила Рока:
От нее спасти не могут
Ни твердыни, ни войска,
Ни сокровища, ни в море
Ударяемых волнами
Стаи черных кораблей.

Антистрофа I

Так в каменный гроб заключил Дионис
Дриантова буйного сына,
Владыку Эдонов, за гордость и гнев:

Как ты, он в темнице томился.
Пред силою бога смиряется гнев
В бессильной груди человека:
Он раскаялся, что Вакха
Оскорбил надменной речью,
Вырвал светочи из рук
У божественных вакханок,
Что прогневал муз, влюбленных
В звуки сладостные флейт.

Строфа II

Близ черных утесов двух смежных морей,
Где в грозный обрыв Сальмидесса,
На диком прибрежье фракийском, валы
Босфора, шумя, ударяют,
Где вечно царит беспощадный Арей, —
Погибли два сына Финея:
Злая мачеха пронзила
Им страдальческие очи
Острием веретена;
Свет потух для них навеки,
И о мщенье возопила

Кровь пролитая к богам.

Антистрофа II

Тоскуя, они вспоминали в тюрьме,
Как бедная мать их погибла.
А царственным родом была и она
Из древней семьи Эрехтидов;
Ее в полуночных пещерах Борей,
Отец, убаюкивал бурей.
Дева мощная взбегала
На вершины ледяные
Легче быстрого коня,
Но, увы! И дочь Борея
Парки дряхлые настигли,
Как и всех, мое дитя!

Эписодий пятый
Сцена 1

Входит прорицатель Тиресий с поводырем-мальчиком.

Тиресий

Старейшины, сюда пришли мы двое,
Но за двоих смотрел один из нас:
Так и всегда – ведет слепого зрячий.

Креонт

Что нового, Тиресий?

Тиресий

Я сейчас
Открою все, а ты меня, владыка,
Послушайся.

Креонт

Еще я никогда
Не отвергал твоих советов мудрых.

Тиресий

И городом доныне управлял

Ты счастливо.

Креонт

Я знаю, что во многом
Ты мне помог.

Тиресий

Но счастью твоему
Теперь грозит опасность.

Креонт

Что случилось?
От слов твоих я содрогаюсь.

Тиресий

Царь,
Ты все поймешь, когда тебе приметы
Я расскажу. В убежище, куда
Слетаются пророческие птицы,
Я слышал крик зловещий, гневный, звук
Неведомый; узнав по шуму крыльев,
Что в яростной борьбе когтями рвут
Пернатые друг друга, – полон страха,
На алтарях пылающих искал
Я знамений в огне; но пламя ярко

Над жертвою не вспыхивало: жир
Растопленный был поглощаем пеплом,
И он кипел, дымясь, и желчь алтарь
Обрызгала; белели кости, мяса
Лишенные, нагие. Обо всем
Поведал мне вожатый (этот мальчик
Ведет меня, как я веду народ).
Узнай же, царь, что бедствием великим
И ужасом объят из-за тебя
Весь город: псы и птицы клочья тела,
Лишенного могилы, разнесли
По очагам и жертвенникам, всюду.
Вот почему от граждан ни молитв,
Ни дыма жертв не принимают боги;
И страх царит, и стаи вещих птиц
Безмолвствуют, упившись кровью трупа.
Подумай же об этом: все грешат —
Таков удел живущих; но блаженны
И мудры те, кто кается в грехах
И кто нейдет, познав свою неправду,

Упорствуя, по ложному пути, —

Изобличат упрямых в неразумье.

Помилуй же убитого врага,

Погибшему не мсти. Какая слава

Торжествовать над мертвыми, мой сын?

Благой совет приносит людям радость, —

Не гневайся: я говорил любя.

Креонт

Старик, метать мне в сердце ваши стрелы,

Как в цель стрелки, вы сговорились: вот

Пришел черед гадателей; родные

Врагам давно уж предали меня.

Что ж, радуйтесь о прибыли, копите

Вы золото индийское, янтарь

Из дальних Сард, но знайте: Полиника

Убитого я не предам земле,

Хотя б орлы Зевесовы добычу

Кровавую на небо унесли

До самого подножья Олимпийца.
Похоронить я не позволю труп,
И не боюсь я осквернênья, зная,
Что из людей не может оскорбить
Богов никто. А ты, о старец, помни:
И опытный и хитрый муж падет,
Коль, ослеплен корыстью, изрекает
Постыдные и лживые слова!

Тиресий

Увы, когда б могли постигнуть люди…

Креонт

Что? Говори.

Тиресий

Как дорог ум…

Креонт

Прибавь:
Как пагубно безумье.

Тиресий

А меж тем
Ты сам объят безумьем.

Креонт

Отвечать
Я старику не буду оскорбленьем.

Тиресий

Ты оскорбил меня, когда назвал
Подкупною святую речь пророка.

Креонт

Но говорят, что деньги любят все
Гадатели.

Тиресий

А все тираны – прибыль
Бесчестную.

Креонт

Старик, ты позабыл,
С кем говоришь!

Тиресий

Я не забыл, что город
Тебе спасти помог!

Креонт

Гадать умеешь —

Но правды нет в душе твоей.

Тиресий

Смотри,
Ты высказать меня принудишь тайну,
Хранимую доныне.

Креонт

Только пусть
Подкупны вновь слова твои не будут.

Тиресий

Правдивы были все мои слова.

Креонт

Меня, старик, ты обмануть не можешь.

Тиресий

Узнай же все: еще немного раз
Обычный круг колеса бога солнца
На небесах свершат, и – смерть за смерть —
На голову, любимую тобою,
Обрушится отмщение за то,
Что заключил ты в гроб живую душу,

Невинную к теням низверг в Аид,
А мертвого – в земле лишил приюта
Последнего и обесчестил труп,
На что ни люди права не имеют,
Ни боги. Ты насилье совершил,
Ты преступил закон, и духи мщенья,
Эриннии божественные, смерть
Несущие, тебя подстерегают,
Чтоб муками за муки отплатить.
Ты назовешь и нынче речь пророка
Подкупною?... Но близок час, Креонт,
Когда твой дом наполнят стоны женщин
И вопль мужей; восстанут города
Враждебные, где птица, пес голодный
Иль зверь кусок добычи проносил
И осквернял тяжелый запах трупа
Святой огонь семейных алтарей?
Как в цель стрелок, тебе я прямо в сердце
Кидаю стрелы гнева моего,
И ты от ран их жгучих не спасешься!..

Домой, дитя! Я слишком стар; пускай
Не надо мной – над теми, кто моложе,
Он истощит свой гнев. Уйдем скорей:
Должна Судьба надменного смиренью
И мудрости безумца научить.

Сцена 2

Хор

О царь, предрек ужасное гадатель!
А никогда – так помню я с тех пор,
Как белыми из черных стали кудри
На голове моей, – пророк не лгал.

Креонт

Увы, ты прав! В душе моей – смятенье.
И уступить мне тяжко, и боюсь,
Противостав, погибнуть.

Хор

Будь разумным,
Креонт, о сын Менойка!

Креонт

Но скажи,

Что делать мне? Я твой совет исполню.

Хор

Убитого скорей земле предай,

Невинную освободи от казни.

Креонт

Ты уступить советуешь?

Хор

О да.

Спеши, Креонт, затем, что божьи кары

Торопятся навстречу злым.

Креонт

Увы,

Я не могу бороться с неизбежным;

Мне тяжело, но надо уступить.

Хор

Иди – и сам, другим не поручая,

Исполни все.

Креонт

Иду сейчас. О слуги,
Бегите же, скорей бегите все,
И кто со мной и кто остался дома,
Туда, на холм, секиры захватив,
Спешите! Сам ту девушку в темницу
Я заключил – и ныне, отменив
Мой приговор, я сам хочу свободу
Ей возвратить. Кто знает, для людей
Здесь, на земле, не лучшая ли доля —
Храня закон, окончить мирно жизнь?

Стасим пятый

Хор

Строфа I

Многоименный потомок
Тяжкогремящего бога,
Девы Кадмейской отрада,
О Дионис всемогущий,
На берегах Италийских
И в Элевзисе царящий,
Там, где для таинств Деметры
Сходятся все племена,
Вакх, обитающий в славных
Фивах, отчизне вакханок,
Где над потоком Исмены
Древле Драконовы зубы
Грозным посевом взошли!

Антистрофа I

Вакх, ты сидишь, окруженный
Облаком вечно блестящим,
Там, над вершиной двойною,

Где корикийские нимфы
Мчатся в вакхической пляске,
Там, где Кастальские воды
Сладко лепечут, – из рощи
Горной, увитой плющом,
Ты по отрогам нисейским
В зелени лоз виноградных,
Вакх, среди криков священных,
О покровитель народа,
Сходишь в предместия Фив!

Строфа II

Ты, как мать свою, громом
Пораженную, любишь,
Вакх, родимые Фивы
Больше всех городов.
Ныне в бедствии тяжком
Ты приди к нам на помощь
От вершины Парнаса
Иль чрез волны морские,
Через шумный пролив!

Антистрофа II

К нам, о чадо Зевеса!
К нам, о бог, предводитель
Пламенеющих хоров
Полуночных светил,
С шумом, песнями, криком
И с безумной толпою
Дев, объятых восторгом,
Вакха славящих пляской,
К нам, о радостный бог!

Эксод
Сцена 1

Входит вестник.

Вестник

Наследники чертогов Амфиона
И Кадма, жизнь людская такова,
Что не могу я ни хвалить всецело,
Ни порицать ее, но вечно Рок,
По прихоти, то к счастию возносит
Несчастного, то низвергает вновь;
И предсказать грядущее не может
Никто. Креонт родную землю спас,
Держал в руках бразды верховной власти
И, окружен цветущими детьми,
Он зависти был некогда достоин, —
И вот теперь, как дым, исчезло все.
Мне кажутся живыми мертвецами,
А не людьми, кто потерял навек
Все радости: имей богатство, силу,

Величие, но если у тебя
Нет счастья, то все. что ты имеешь.
Ничтожнее, чем тень от облаков.

Хор

Но о какой беде, владык постигшей,
Ты возвестить пришел?

Вестник

Он умер; тот,
Кто жив еще, – виновник смерти.

Хор

Кто же
Виновник, кто погибший? Говори.

Вестник

Не от руки враждебной умер Гемон.

Хор

От собственной иль от руки отца?

Вестник

Отца за смерть невесты проклиная,
Он умертвил себя.

Хор

Увы, Тиресий,
Пророчество твое свершилось!

Вестник

Должно
И о другом подумать…

Хор

Подожди:
Несчастную мы видим Эвридику,
Жену царя; случайно, может быть,
Иль услыхав о сыне, из чертога
Она идет.

Сцена 2

Входит Эвридика.

Эвридика

О граждане, в дверях
Услышала я весть: во храм Паллады
Молиться шла о помощи – и вдруг,
Когда с ворот запор отодвигала,
Весть о беде мне поразила слух,

И, чувств лишась от страха, навзничь пала

Я на руки служанкам; но, молю,

Что б ни было, скажите мне всю правду:

К несчастиям привыкла я давно.

Вестник

Я расскажу, царица, все, что видел,

И ничего не утаю. Увы,

Зачем твой слух баюкать лестью? Правду

Узнав, лжецом ты назовешь меня,

А скрыть ее нельзя. С твоим супругом

На горную равнину мы взошли,

Туда, где труп непогребенный, жалкий,

Добыча псов, растерзанный, лежал,

И, помолясь Гекате и Плутону,

Чтоб гнев они смягчили, и обмыв

Усопшего, мы труп сожгли на ветках

Олив, в лесу нарубленных, и холм

Насыпали высокий из родимой

Земли, потом в чертоги к новобрач-

ной,
В подземную гробницу мы сошли.
Но кто-то, вдруг из недр неосвещенной
Могилы крик далекий услыхав,
Сказал о том Креонту; подошел он,
И жалобы достигли до него.
«О горе мне, – он молвил с тяжким вздохом,
Исполнилось предчувствие мое.
Из всех путей я ныне самый тяжкий
Свершаю путь: то сына моего
Зловещий крик. Скорей бегите, слуги,
И, отвалив надгробную плиту,
Проникните во внутренность пещеры:
То Гемон ли взывал иль божеством
Обманут я, – узнайте». И, не медля,
Мы сделали, как царь нам повелел.
И в глубине гробницы темной, видим,
Повесилась несчастная, связав
Из тонкого покрова петлю. Рядом,
Сжимая труп в объятиях, стоял
Жених ее, оплакивая свадьбу

Печальную, и гнев отца, и смерть
Возлюбленной. Креонт увидел сына
И подошел к нему и возопил:
«Несчастный, что ты сделал, что с тобою?
Какую смерть избрал? Молю, уйдем
Отсюда прочь!» Но молча, страшным взором
Он на отца взглянул и обнажил
Двуострый меч. Спасаясь от удара,
Креонт бежал, и ярость обратил
На самого себя несчастный Гемон:
Он бросился на острие меча.
Клинок пронзил его, и с мыслью темной,
Предсмертною, он милую обнять
Слабеющей рукой старался; тяжко
Дыша, струей кровавой обагрил
Он бледные ланиты юной девы.
Эвридика поспешно уходит.
Так скорбный брак в жилище тихой смерти
Он заключил. Там, с мертвой мертвый,

спит
Он вечным сном, пример являя людям,
Как пагубно безумие любви.

Сцена 3

Хор

Недоброе предвижу я: царица
От нас ушла, ни слова не сказав.

Вестник

И я смущен: быть может, скорбь о сыне
Она толпе стыдится показать
И во дворец пошла к своим рабыням
Оплакивать семейную беду?
За женщину столь мудрую бояться
Нам нечего…

Хор

Не знаю. Но в беде
Великое безмолвие – такой же
Недобрый знак, как и великий плач.

Вестник

Я во дворец пойду узнать скорее,
Не скрыла ли чего-нибудь в душе
Несчастная. Ты прав: зловещий признак —
Молчание среди великих бед.

Вестник удаляется. Входит Креонт.
Он несет на руках труп сына.

Сцена 4

Хор

Вот и царь. Мертвый сын на руках у него, —
Труп холодный, свидетель безмолвный,
Что над ним – страшно молвить, увы! – не чужой,
Сам отец совершил злодеянье.

КОММОС

Креонт
Строфа I

О, жестокое, непоправимое

Дело рук моих! Вот,

Вот чего я достиг!

Посмотрите: убитый с убийцею

Связан узами кровными.

Ты ушел от меня,

Сын мой! В смерти твоей

Неповинен ты, нет, —

Сам сразил я тебя в цвете жизни, безвременно!

Хор

Увы! Постиг ты правду слишком поздно.

Креонт

Строфа II

Правду постиг я! О, горе мне! Яростный

Бог, поражая, лишил меня разума,

К бездне увлек, – и теперь

Он торжествует, поправ мое счастье.

О, как бесцельна вся жизнь мимолетная,

Весь человеческий труд!

Сцена 5

Входит слуга.

Слуга

Ты жертва, царь, всех бедствий: мертвый Гемон —
В руках твоих, а за стеной дворца
Уж новое страданье ждет.

Креонт

Какое
Страдание ужаснее того,
Что я терплю!

Слуга

Жена твоя погибла,
Мать Гемона, пронзив себя мечом.

Креонт
Антистрофа I

Неизбежная, неотвратимая
Смерть, зачем у меня
Отнимаешь ты все,

Все родное? О вестник безжалостный,

Ты сразил полумертвого!

Повтори, что за весть,

Что ты молвил? Ужель

Вслед за сыном моим

Страшной смертью погибла жена моя бедная?

Открываются двери. В глубине дворца виден труп Эвридики.

Слуга

Ты видишь сам: вот тело Эвридики.

Креонт

Антистрофа II

Горе мне! Вижу я новое бедствие!..

Чем еще после всего, что я пережил,

Может Судьба мне грозить?

Здесь, на руках моих, Гемон возлюбленный,

Там, во дворце, – его мать. О дитя мое

Бедное! Бедная мать!

Слуга

Детей своих оплакав, Мегарея

И Гемона, – когда уж не могла
Поднять очей, покрытых тенью смертной,
Она припала к алтарю, молясь
О том, чтоб месть за гибель сына боги
Обрушили на голову твою.

Креонт

Строфа III

Горе, о, горе мне!
Я содрогаюсь от ужаса.
Лучше бы кто-нибудь, сжалившись,
Сердце пронзил мне мечом!
Нет исцеления
Мукам моим!

Слуга

Она тебя винила в смерти сына
И в гибели своей.

Креонт

Но как, скажи,
Несчастная себя лишила жизни?

Слуга

Вонзила в грудь себе двуострый меч,
Узнав про смерть возлюбленного сына.

Креонт
Строфа IV

Сам я убил ее, граждане,
Слышите ль? Сам я – убийца,
Некого больше винить.
Слуги, возьмите несчастного,
Прочь поскорей уведите:
Кончена, кончена жизнь!

Хор

Ты прав: уйти скорей и позабыть —
Последняя отрада для несчастных.

Креонт
Антистрофа III

Где ты, желанная?
Смерть, я зову тебя! Где же ты?
День бесконечного отдыха,
День мой последний, приди!
Пусть не увижу я
Солнца вовек!

Хор

Но смерть сама придет, а мы подумать
Должны о том, что ближе к нам; и пусть
Заботятся о смерти нашей боги.

Креонт

О милости последней я молю!

Хор

Оставь мольбы и знай: спасенья нет —
Для смертного судьба неотвратима.

Креонт

Антистрофа IV

Сына убийцу и матери
Прочь уведите скорее,
Прочь!.. Но куда мне идти?
Все, что любил я, потеряно,
И на главу мою пала
Страшная кара богов!

Слуги уводят Креонта.

Хор

Стремишься ли к счастью ты, – прежде всего

Будь мудрым и воли бессмертных,

О смертный, вовек не дерзай преступать;

И верь, что за дерзкие речи

Постигнет безумца великая скорбь

И мудрости поздней научит.

Еврипид. Вакханки

Действующие лица

Дионис.
Слуга.
Хор вакханок, лидийских женщин.
Вестник-пастух.
Тиресий, слепой старик, прорицатель.
Вестник-слуга.
Кадм, бывший царь фиванский.
Агава, дочь Кадма, мать Пенфея.
Пенфей, юноша, внук Кадма, новый царь фиванский.

Действие происходит в Кадмее, фиванской крепости, к северу от Фив, перед дворцом Кадма. Фасад дворца в дорийском стиле, с колоннами и триглифом.

Средняя дверь играет роль главных ворот, ведущих внутрь помещения. У правой периакты (кулисы) куча деревянных обломков, огороженных и обвитых зеленью винограда.

При начале пьесы выходит на сцену слева Дионис в виде поклонника Вакха: сверх длинного, до самых пят, пестрого хитона у него шафранного цвета перекидка, которую стягивает широкий

пестрый пояс; по накидке свешивается с плеч небрида — ланья шкура; с головы из-под мягкой митры и плюшевого венка роскошными локонами падают на плечи нежные, светло-золотистые волосы, закрывающие уши и часть щек. Он имеет вид изнеженного красавца с женоподобным лицом; щеки белые, с густым румянцем (глаза с поволокой); в правой руке у него тирс, палка в рост человека, обвитая плющом.

Пролог
Явление первое

Дионис

Сын Зевса, Дионис, я – у фиванцев.
Здесь некогда Семела, Кадма дочь,
Меня на свет безвременно явила,
Огнем Зевесовой грозы поражена.
Из бога став по виду человеком,
Я подхожу к струям родимых рек.

(Видит обломки, увитые виноградом.)

Вот матери моей сожженной память
У самого дворца обломки дома
Еще курятся, – в них еще живет
Огонь небесный, Геры горделивой
На мать мою неугасимый гнев…
10 Как хорошо, что сделал неприступным
Кадм дочери святилище; его
Со всех сторон я скрыл и винограда
Кистями нежной зелени обвил.

Богатой Лидии равнины я покинул[1]
И Фригию, и Персии поля,
Сожженные полдневными лучами,
И стены Бактрии, и у мидян
Изведав холод зимний, я арабов
Счастливых посетил и обошел
Всю Азию, что по прибрежью моря
Соленого простерлась: в городах
Красиво высятся стенные башни,
И вместе там грек с варваром живет.
Я в Азии ввел праздники и пляски
И от людей, как бог, везде почтен.
20 Здесь почву Греции впервые попираю.
Из городов Эллады раньше всех
Вас, Фивы, я наполню ликованьем,
Небриды[2] *на плечи накину и, взамен*
Копья, вручу вам тирс, плющом увитый:

---

[1] Примечания: 1

В описании пути Диониса в Грецию с Ближнего Востока сохраняется воспоминание о близких связях, существующих между этим богом и его финикийским двойником Адонисом, а также шумеро-вавилонским Думузи-Таммузом.

[2] Примечания: 2

Небрида — шкура молодого оленя.

Здесь сестры матери[3] *– кто мог бы ожидать?*

Во мне Зевеса сына не признали,

И утверждали, будто, согрешив

Со смертным, мать Зевесу приписала

З °Свой женский грех, что ловко сочинил

Ту басню Кадм, и будто Зевс Семелу

Убил за дерзко выдуманный брак.

Я, бешенством объяв их, из домов

Бежать заставил, – потеряв рассудок

Они теперь ушли на Киферон

В вакхических одеждах, с жаждой оргий

В груди, и сколько в Фивах есть

Народу женского, всех с ними вместе

Заставил я покинуть очаги.

И под шатрами елей, как попало,

Бездомные на голых спят скалах.

Да, город, ты почувствуешь теперь,

---

[3] Примечания: 3

У Кадма, по мифологической генеалогии, было четыре дочери: Семела, Автоноя (мать Актеона), Инб и Агава, мать Пенфея (см. ст. 229–231).

40 Что до сих пор чуждался оргий Вакха.
Семелы матери я память защитить
Являюсь мощным богом, сыном Зевса.
Почет и власть царя здесь отдал Кадм
Пенфею, сыну дочери Агавы.
Он богоборец и ни разу мне
Не сделал возлиянья и в молитвах.
Упоминать не хочет. Пусть же царь
И прочие фиванцы убедятся,
Что точно бог я. Здесь как научу
Себе служить, пойду в другие земли.
50 А если с войском двинутся фиванцы,
Чтоб женщин с Киферона возвратить,
Затеют с ними бой мои менады.
Так вот зачем, обличье изменив,
Из бога стал я с виду человеком.

(Обращаясь к хору, который перед этим только что выступил на Фимелу.)

А вы, со мной покинувшие Тмол[4],

---

[4] Примечания: 4
Тмол — гора в Лидии

Вы, Лидии питомицы, подруги
В пути и на стоянке, вы, тимпан
Над головой фригийский поднимая,
Подарок Реи-матери и мой,
6 °Столпитесь около дворца Пенфея:
Пусть громкие удары соберут
Сюда фиванцев. Я на Киферон
Пойду теперь, к моим вакханкам новым,
И в хороводы легкие вплетусь[5].

Вступительная песнь хора

Хор при произнесении 63 строки проходит вдоль параскений, спускается на фимелу (помост в оркестре, несколько ниже сцены) и располагается с левой стороны от зрителей, четырехугольником по пяти в ряд; средний в первом ряду — корифей.

Флейтист (точнее кларнетист) предшествует хору и остается с ним на фимеле во все время

---

[5] Примечания: 5

Ремарка Анненского: «Вступительная песнь хора (под аккомпанемент флейтиста) раскрывает перед нами полную картину культа Диониса. Она полна веселого и невозбранного одушевления и вся проникнута живым общением с природой…»

пьесы. Хор состоит из 15 лидийских женщин: они в длинных одеждах, босые, на плечах небриды, голова увита плющом или тисом; в руках длинные тирсы в плюще или легкие короткие посохи; у иных, вместо тирса, в руках тимпан (род бубна). Дионис по окончании пролога уходит направо.

Хор поет в унисон. Первые восемь строк исполняет один корифей. Мимические движения, а может быть и плясовые, сопровождают эту вступительную песнь.

Строфа I

Земли Азии, где вы?

Тмол священный, ты покинут! Сладок труд мой.

Я истому в славу Бромия подъемлю,

К богу Вакху я взываю: Эвоэ!

Антистрофа I

Прочь с дороги, с дороги!

Скройтесь в домы, и уста благоговейно

70 Пусть сомкнутся: Диониса петь я буду,

Как его везде я славлю и всегда.

Строфа II

О, как ты счастлив, смертный,
Если, в мире с богами,
Таинства их познаешь ты,
Если, на высях ликуя,
Вакха восторгов чистых
Душу исполнишь робкую.
Счастлив, если приобщен ты
Оргий матери Кибелы;
80 Если, тирсом потрясая,
Плюща зеленью увенчан,
В мире служишь Дионису.
Вперед, вакханки, вперед!
Вы, бога и божьего сына,
Домой Диониса ведите!
С гор Фригийских на стогна Эллады
Отведите вы Вакха домой.

Антистрофа II

Грянули громы Зевса —
Муки родов приспели:
90 Не доносив, извергнула
Бромия мать из чрева
И под ударом молний

Кончила жизнь безвременно.
Но извергнутого принял
Зевс в свое немедля лоно
И, тая от Геры сына,
Он его в бедре искусно
Золотой зашпилил пряжкой:
Когда же приспел ему срок,
100 Рогатого бога родил он,
Из змеи он венок ему сделал:
С той поры этой снедью звериной
Обвивает менада чело.

Строфа III

Вы, колыбель Семелы,
Фивы, плющом венчайтесь!
Нежной листвой оденьтесь,
Пурпуром ягод тиса!
Вакха исполнись, город
11 °C зеленью дуба и ели!
И белорунных кистей
Больше на пестрой небриде нашей!
Надменный тирс тебя сподобит Вакху, —

И вся страна запляшет за тобою,
Где свои лики промчит Дионис…
В гору он мчится, а женщин толпа
Ждет его там – не дождется.
От станков их отбил Дионис:
Только Вакхом и бредят.

Антистрофа III

120 Крита юдоль святая[6],
Мрачный приют Куретов,
Зрел ты рожденье Зевса.
С гребнем тройным на шлеме,
Там Корибанты обруч
Звонкой одели кожей.
Дико тимпан загудел:
С сладкими звуками слиться хотел
Фригийских флейт; тимпан вручили

---

[6] Примечания: 6

Когда Рея родила Зевса, она спрятала его в Диктейской пещере на Крите и велела местным божествам — куретам бить в тимпан («обруч, кожей одетый»), чтобы заглушить крики младенца: его отец Кронос, боясь своего свержения с престола богов, проглатывал живыми своих только что рожденных детей. Затем тимпан нашли корибанты, служители Великой Матери богов — малоазийской богини, сближаемой то с Деметрой (см. примеч. к «Елене», ст. 1301–1368), то с Реей, от которых он перешел к вакханкам. Все эти детали являются, по-видимому, измышлением самого Еврипида.

Рее,
Но стали петь под гул его вакханки.
130 Рея сатирам его отдала:
Звонкая кожа с ума их свела.
Через два года на третий[7]
Бьют в тимпаны и пляшут они,
Веселят Диониса[8].

ЭПОД

О, как я люблю Диониса,
Когда он один на горе
От легкой дружины отстанет,
В истоме на землю падет.
Священной небридой одет он,
140 Путь держит к Фригийским горам;
Он хищника жаждал услады:
За свежей козлиною кровью
Гонялся сейчас.
Но чу! Прозвучало: «О Вакх, эвоэ!»

---

[7] Примечания: 7

Через два года на третий… — справляемые раз в три года празднества в честь Диониса.

[8] Примечания: 8

Пакты — золотоносная река в Лидии, берущая начало на г. Тмоле.

Млеком струится земля, и вином, и нектаром пчелиным,
Смол благовонных дымом курится.
Прянет тогда Дионис…
И вот уже носится вихрем:
150 Он нежные кудри
По ветру распустит.
Вот факел горящий в горах замелькал
На тирсе священном.
И с вакхической песнью слились
Призывные клики:
«Ко мне, мои вакханки,
Ко мне, мои вакханки!
Роскошный дар Пактола,
Злаченые тимпаны
Пусть тяжко загудят!
Воспойте Диониса,
Ликующего бога,
На свой фригийский лад!
160 Нежной флейты священные звуки
Пусть нагорный вам путь усладят!»
И призыв еще не смолкнул,

А вакханка в быстром беге
Рядом с Вакхом уж несется:
Точно в стаде жеребенок
Подле матки скачет резвый.

Действие первое
Явление второе

Сначала Тиресий, потом Кадм.

Тиресий входит справа, один; он — слепой и на сцену обыкновенно выступает с провожатым, но здесь на нем вакхический убор, и потому бог Дионис невидимо поддерживает и направляет старца; поверх хитона на нем белая сетчатая шерстяная одежда предсказателей, но на голове вместо жреческой повязки зелень плюща; на плечах небрида, в руках тирс.

Тиресий *(говорит громко, у ворот нет никого)*

Эй, кто там у ворот? поди скорей:
Мне надо повидаться с Кадмом,
Что башнями наш город укрепил,
Придя из стран Сидонских. Так пускай
Ко мне он выйдет. Ты ему скажи,
Что ждет его Тиресий. Он, согбенный,
И я, старик, сегодня мы должны
Взять тирсы и, накинувши небриды,
Плющом седые головы увить.

Кадм *(он тоже в вакхическом уборе и по виду еще старше Тиресия: выходит из дверей дворца)*

О, друг сладчайший! Выйти не успел я,
Уж мудрого по голосу признал.
180 Иду, иду. Смотри, как обрядился!
Да, сколько в силах наших, я хочу
Сегодня возвеличить Диониса:
Явленный бог – по дочери мне внук.
Ты – человек умелый, мой Тиресий,
И я – старик вверяюсь старику:
Не правда ль, ты укажешь, где плясать мне
И где, остановившись, затрясти
Седою головой? Я столько силы
В себе почувствовал, что день и ночь
Готов стучать о землю тирсом Вакха:
Веселье нам снимает годы с плеч.

Тиресий

Со мною тоже, Кадм, – помолодел я
190 И в хоровод вакхический войду.

Кадм

Но до горы не лучше ль нам доехать?

Тиресий

А богу тем почет не уменьшим?

Кадм

Ну, так идем: моим заботам вверься.

Тиресий

Сам бог, о Кадм, нам путь наш облегчит.

Кадм

А мы одни – на игрище из граждан?

Тиресий

Увы! разумных больше не нашлось.

Кадм

Что ж медлить далее, Тиресий, — руку!

Тиресий *(протягивая перед собой руку)*

Кадм, вот моя рука, сплети ее с своей.

Кадм

Нет, презирать богов не мне – я смертен.

Тиресий

200 Да, перед богом нечего мудрить:
Предания отцов, как время, стары,
И где та речь, что опровергнет их[9],
Пусть в высях разума мудрец витает?
Пожалуй, скажут вот: «и как не стыдно?
Старик плясать собрался и плющом
Чело обвил!» А разве где-нибудь
Нам обозначил бог, что пляшет юный,
А не старик в честь Вакха. Нет, почет
От всех равно приятен богу Вакху:
Своих поклонников не делит Дионис.

Кадм (*обращаясь к слепому)*

210 Тиресий, солнце для тебя не светит;
Тебе заранее, что вижу, все скажу.

(Заметив подходящего Пенфея.)

Вот царь Пенфей, трон от меня приявший,

---

[9] Примечания: 9

И где те речи, что низвергнут их... — В уста Тиресия вложена полемика с идеями софиста Протагора, изложенными в его сочинении «Низвергающие речи».

Сюда спешит. Как озабочен он!
Какие новости его смутили?

Явление третье

Те же и Пенфей входит слева. Это совсем молодой человек, с нежной растительностью на лице, огромного роста; на нем пурпурная накидка сверх пестрого хитона, на голове диадема, в руках скипетр; за ним свита, вооруженные слуги. Он, видимо, встревожен и сначала не замечает стариков.

Пенфей

Едва успел вернуться я домой,
Дурные вести слышу отовсюду,
Нежданная постигла нас беда:
Дома, детей фиванки побросали;
В вакхическом безумии они
Скитаются в горах, поросших лесом,
220 И бога Диониса – что за бог,
Не знаю – почитают пляской.
Среди их роев полные вином
Стоят кратеры, а вакханки наши

Тайком, поодиночке, в чащу леса
Бегут с мужчиной ложе разделить[10].
По виду, точно бы менады на служенье,
Но Афродита им милей, чем Вакх.
Иных я уж поймал: связавши руки,
В тюрьме теперь их люди стерегут.
А тех, что нам покуда не попались,
На Кифероне всех переловлю:
Ино, Агаву, что от Эхиона
Меня родила, Актеона мать —
230 Я разумею Автоною – крепко,
В железо их велю я заковать,
Авось тогда пройдет их беснованье.
Да говорят, какой-то чародей
Пожаловал из Лидии к нам в Фивы…
Вся в золотистых кудрях голова
И ароматных, сам с лица румяный,
И чары Афродиты у него

---

[10] Примечания: 10

Дионисийским оргиям, носившим с самого их зарождения характер аграрной магии, первоначально был, несомненно, присущ элемент полового разгула, который рассматривался как средство стимулировать плодородие природы. В «Вакханках», однако, это подозрение Пенфея (ср. ст. 354, 454, 487, 957 сл.) не находит подтверждения (см. ст. 686–688, 693 сл.).

В глазах: обманщик дни и ночи
С девицами проводит, – учит их
Он оргиям ликующего бога...
Ну, попадись он мне, – тогда стучать
О землю тирсом, встряхивать кудрями
Не долго будет – голову сниму.
Он смеет богом Вакха называть!
В бедре у Зевса будто был зашит он.
А между тем за выдуманный брак
Семелу мать и Диониса сына
Огнем небесным Зевс испепелил —
Все это знают, и неужто дерзкий,
Кто б ни был он, хулой не заслужил
Позорной петли.

(Оборачивается и видит стариков.)

Ба! Что вижу! Новость!
Еще диковинка: Тиресий чудодей
И матери моей отец, как будто на смех
В небридах пестрых, с тирсами в руках
Служить собрались Вакху.

(Обращаясь к Кадму.)

Дед, могу ли

Я старость чтить, теряющую смысл.

(Несколько времени выжидает, но Кадм стоит молча, тогда с нетерпеливым жестом.)

Да сбросишь ли ты плющ? От тирса руку

Освободишь ли наконец, старик?

(Обращаясь к слепому, с насмешкой, потом с угрозой.)

Все ты, Тиресий, видно, снова хочешь,

Вводя к фиванцам бога, погадать

По птицам и за жертвы взять день-жонок.

О, если б не седая голова

Тебя спасала, посидел бы ты

Теперь в оковах, там, среди вакханок,

260 За оргии порочные, что вводишь!

Нет, тот обряд, где женам подают

Сок виноградный, чистым не признаю.

Хор

Безумец! ни богов, ни Кадма чтить,
Посеявшего колос земнородный,
Не хочешь ты, и только род срамишь!

Тиресий *(к Пенфею, спокойно, с достоинством мудрого старца и прорицателя)*

Когда умен оратор, и предмет
Искусно выбран им, не диво речью
Ему пленить сердца. Но ты, Пенфей,
На бойкость языка все возложил надежды:
Твоим речам недостает ума.
А вреден гражданин, коль, смелый и речистый,
Он, власть имея, смыслом обделен.
Смеешься ты над нашим новым богом:
О, если бы внушить тебе я мог,
Как будет славен он по всей Элладе!
Послушай, юноша: две вещи в мире есть
Для человека главные: Деметра
– Или земля, как хочешь называй —
Сухою пищею людей богиня кормит,
Но не уступит ей Семелы сын:

Придумал он питье из винограда
И смертным дал – усладу всех скорбей.
Когда несчастный соком винограда
Пресытится, забвение и сон
Забот дневных с души снимают тяжесть,
И от страдания верней лекарства нет.
Когда ж, сам бог, богам он отдается
На возлияние, по милости его
Со всех концов идет обилье к людям.
Тебе смешно, Пенфей, что Вакх зашит
В бедре у Зевса был. А дело вот в чем:
Когда из пламени небесного его
Исхитил Зевс-родитель, этот отпрыск
Божественный возвел он на Олимп,
А Гера сбросить с неба захотела.
Тогда придумал средство властный бог:
Он сделал из небесного эфира
Другого Диониса и в борьбе
Заложником тот призрак выдал Гере.

Из homeros с годами ho meros[11]

В устах народа вышло, и сложился

Рассказ, что Вакх в бедре зашит был Зевса.

Наш Дионис – и вещий бог: есть дар

Пророчества в вакхическом безумье,

300 И если в тело властно вступит бог,

Уста безумцев исполняются вещаний.

Арея он не чужд: когда порой

Вооруженное и жадное сразиться

Вдруг, жертвой страха сделавшись, бежит.

Без боя войско – это чары Вакха.

(Вдохновенно.)

Верь, будет день, когда в твоих глазах

Двуглавую Парнасскую вершину,

При свете факелов и потрясая тирсом,

Стопою резвою Вакх будет попирать,

И будет всей Элладою прославлен

Бог Дионис.

---

[11] Примечания: 11

Рационалистическое толкование мифа, основанное в подлиннике на игре слов homeros — «заложник» и ho meros — «бедро»

(Опять в спокойном тоне.)

А ты, Пенфей, смирись:
Не царь один повелевает людям, —
И если ум твой поврежден, покинь
Уверенность, что непреложно судишь.
Нет, бога нового в страну приняв, почти
Его и возлиянием, и пляской
В венке. – А женщин скромности учить
В делах любовных Дионис не должен!
Стыдливость – это их природный дар,
И скромная не развратится в пляске.
Когда народ толпится у дворца
И граждане Пенфея величают,
Доволен ты. Вот так и Дионис,
Когда почтен вакхическою пляской.

(Как бы собираясь уходить.)

И так, покрывши голову плющом,
На смех тебе, плясать мы с Кадмом будем:
В честь бога пляска и седым идет,
И не склонил меня ты спорить с богом.

(Повышенным тоном, со сдержанной угрозой.)

Знай: ты больной безумец. Твой недуг
Неизлечим, но жди – лекарство будет!

Хор

Приносят Фебу честь твои слова,
И, славя Вакха, старец, ты – разумен.

Кадм *(ласково обращаясь к любимому внуку, которого считает несколько убежденным словами Тиресия)*

330 Дитя мое, Тиресий дал совет
Тебе благой: не преступай законов,
Будь наш. Теперь не здраво судишь ты, —
Ум затемнен в тебе пустым мечтаньем.
Ну, хорошо: пусть он не Вакх, все ж богом
Признай его, Пенфей: ведь в этой лжи
Семеле честь, в ней слава роду Кадма.

Перед тобой – несчастный Актеон[12]:
Псы хищные, ты помнишь, растерзали
Его в лесу, когда он утверждал,
340 Что в ловле он искусней Артемиды.
Пока ты цел еще, Пенфей, плющом
Дай увенчать тебя, восславим Вакха!

(Протягивает к нему руку с плющом, взятым с тирса.)

Пенфей *(гневно, отстраняя руку Кадма)*

Прочь руки, дед! Сам бражничать ступай
И жалкой глупостью своей меня не пачкай!
За слабоумие твое мне даст ответ
Наставник твой.

(Обращаясь к одному из слуг.)

Эй, кто там, люди, живо
Ступай на вышку старого, где птиц
Он поджидает. Все разбей там ломом,

---

[12] Примечания: 12

Древний вариант мифа об Актеоне, ставящий его в один ряд с другими преданиями о гневе богов, раздраженных похвальбой смертного. Более распространенная версия — Актеон увидел обнаженной купающуюся Артемиду — эллинистического происхождения.

Вверх дном поставь! Его повязки все
350 На жертву кинь ветрам и вихрям буйным.

(В сторону, со злорадством.)

Злей кары он не выдумал бы сам!

(Посланный уходит направо, Пенфей к другим.)

А вы, другие, выследите в Фивах
Женоподобного лидийца, что принес
Недуг неслыханный, пятная ложе брака, —
А изловив, сюда его в цепях
Ведите: пусть он, камнями побитый,
Умрет, на горьком опыте узнав,
Как здесь справляют праздники в честь Вакха.

Последние уходят направо.
Тиресий *(к Пенфею)*

О нечестивец! что ты говоришь?
Ты был помешан, а теперь взбесился.

(К Кадму.)

360 Пойдем же, Кадм, молить, чтоб

за него,

За этого свирепого безумца,

На город Фивы бог еще беды

Нам не наслал. За мной, с плющом на тирсе

Скорее в путь! а чтоб нам не упасть,

Поддерживать мы, Кадм, друг друга будем:

Два старика упавших – вид печальный[13]*...*

Там будь что будет, а должны служить

Мы Дионису богу, сыну Зевса.

(Кадм во время последних слов Тиресия берет его за руку, и они направляются к выходу. Уходя, Тиресий приостанавливается и приподнимает свободную руку.)

Да, Кадм, смотри, чтобы Пенфей-горюн

На дом твой славный не накликал горя:

Не по гаданьям так я говорю,

---

[13] Примечания: 13

Пенфей-горюн... — Здесь, как и в ст. 508, Еврипид сближает имя Пенфея (Pentheus) со словом penthos — «горе», «скорбь».

А по речам, что слышал от безумца.

Уходят направо.

Пенфей, раздав приказания, уже не обращает внимания на дальнейшие слова стариков. Он остается на сцене, ожидая своих посланных; первый, посланный к Тиресию, его не интересует: он ждет стражу, которая должна привести лидийца.

Первый музыкальный антракт

Строфа I

О, богиня из богинь,
Правда, весь ты мир крылом
Обвеваешь золотым!
Неужели же Пенфей
От очей твоих ушел
И безбожный гнев укрыл,
Гнев свой на Бромия-бога,
Средь венчанного пира
Первого в сонме блаженных?
Только у Вакха и дела:
В хороводы вакханок сплетать,
Да под музыку флейты смеяться,
Да из сердца гнать думы, когда
Подают за трапезой богов
Виноградную влагу,
Или на плющом венчанных пирах
Чаша на вежды людские дремоту наводит.

Антистрофа I

Злоречивым без узды,
Нечестивым и глупцам
Злой конец определен;
390 А рассудок и покой
Человека берегут:
С ними жизнь его прочна.
Держатся миром и домы:
С хладной выси эфирной
Видят разумного боги,
Видят они нечестивца.
Да и мудрость не в мудрость, когда
Человек выше смертного смотрит:
Век проходит, и время не ждет,
А ты счастье роняешь из рук,
За мечтою гоняясь!
400 Нет, мудрецы мне такие всегда
Кажутся или больными, иль просто глупцами.

Строфа II

Зовет сердце Киприйский брег:
Там царит Афродита;

Любви боги летают там,
Разум у смертных чаруют.
Туда,
где без дождей полны
Воды Нила стоустого,
Я за тобой бы умчалась, Вакх…
Нет, ты открой мне обитель Муз[14],
410 Где красотою цветут живой
Славные склоны Олимпа:
Туда уведи меня, Бромий,
Там первый запой «Эвоэ»:
Хариты живут там, летает Желанье,
И для оргий вакханкам – свобода.

Антистрофа II

Пиры,
Вакху угодны вы,
Милы Зевсову сыну!
Но мир —
добрый податель благ,

---

[14] Примечания: 14
Пиерия, на склонах Олимпа; здесь, в Македонии, писал Еврипид своих «Вакханок». В параллель Македонии, северному краю греческого мира, названы Египет (в подлиннике — Фарос, Остров в устье Нала), южный его край, и Кипр, восточный его край.

Общий кормилец – милее.
Вина влагу усладную,
Всех печалей забвение,
Дал богачу он и бедному.
Но ненавистен ему гордец,
Кто без заботы не хочет жить
Утром и милою ночью.
От тех мудрецов горделивых
Я ум свой подальше держу,
Душою свободной всегда принимаю
От толпы я обычай и веру.

Действие второе
Явление четвертое

Входят слуги Пенфея и ведут Диониса, со связанными за спиной руками; тирс он, однако, не выпустил даже из связанных рук. Он идет спокойно. Во время речи слуги Пенфей стоит потупившись, рассказ он слушает невнимательно и только по временам украдкой взглядывает на Диониса.

Слуга

Мы привели к тебе желанную добычу:
Не попусту старались, царь Пенфей.
А зверь хоть дикий, смирный нам попался,
Бежать не думал, сам и руки дал
«Вяжите, мол», и только все смеялся
С лица ж румяного ничуть не побледнел.
44 °Себя связать он дал и увести нам,
И я с почтением тогда ему сказал:
«Пришелец, не моя на это воля:

Мой господин связать тебя велел».

А с теми, царь, вакханками, которых,

Связавши раньше, запер ты в тюрьму,

Случилось чудо: узы их распались,

И убежали пленницы. Поди,

Теперь опять они на воле скачут

И в чащу леса Бромия зовут.

Никто не помогал им снять оковы,

С дверей никто запоров не снимал.

(Немного помолчав, тихо, как бы в раздумье разводя руками.)

Да, этот человек немало в Фивы

450 Принес чудес. А воля, царь, твоя.

Пенфей *(поднимает голову, но ни на кого не смотрит, с усмешкой)*

Распутать руки пленнику. Хоть боек,

А из моих сетей не убежит.

(Пока Диониса развязывают, Пенфей поворачивается к нему и с усмешкой и деланной небрежностью разглядывает его.)

Ну, дай взглянуть, каков ты. Ишь красавец,

Как раз на женский вкус! а ведь для жен

Ты в Фивы и пришел. Да, не в палестре,

Конечно, локон нежный твой взращен,

Что вдоль щеки лежит, соблазна полный,

Не на припеке солнца, в холодке

Ты кожу белую свою лелеял,

Когда красой Киприду уловлял.

46 °Скажи, почтеннейший, откуда родом?

(Пенфей предлагает дальнейшие свои вопросы отрывисто. Дионис отвечает без замедления и спокойно, притом тем спокойнее, чем больше горячится Пенфей.)

Дионис

Без пышных слов тебе отвечу я.

Ты, может быть, слыхал про Тмол цветущий?

Пенфей

Что город Сарды охватил кольцом?

Дионис

Оттуда я. Мне Лидия – отчизна.

Пенфей

А эти таинства, откуда ты их взял?

Дионис

Сам Дионис, сын Зевса, посвятил нас.

Пенфей *(с усмешкой)*

Что ж новых Зевс богов вам народил?

Дионис

Он здесь с Семелой сочетался браком.

Пенфей

Тебе внушал во сне иль наяву?

Дионис

470 Лицом к лицу, – и оргии преподал.

Пенфей

В каком же роде оргии, скажи?

Дионис

Нет, для непосвященных это – тайна.

Пенфей

А польза в чем поклонникам от них?

Дионис

Узнать тебе нельзя, а интересно.

Пенфей

Поклонников вербуешь ловко ты!

Дионис

Нет, оргии извергнут нечестивца.

Пенфей

Каков же из себя он был, тот бог?

Дионис

Какой хотел, без наших указаний.

Пенфей *(нетерпеливо)*

Опять виляешь. Дело говори!

Дионис

480 Глупцом невежде кажется и умный.

Пенфей

Ты с этим богом прямо к нам пришел?

Дионис

Нет, варвары уж оргии справляют.

Пенфей

Умом слабее эллинов они.

Дионис

Как в чем, – но в этом варвар выше грека.

Пенфей

А служите вы ночью или днем?

Дионис

Ночь лучше. Мрак имеет обаянье.[15]

Пенфей

Ловушка, чтобы женщин развращать…

Дионис

Как будто днем позорному нет места!

Пенфей *(сердясь)*

За злые выдумки я накажу тебя.

Дионис

49 °Сам богу за нечестие ответишь.

---

[15] Примечания: 15

Мрак имеет обаянье — неточный перевод, проистекающий из стремления всячески подчеркнуть подавляемую Пенфеем в себе чувственность. В оригинале сказано: «В мраке есть священная торжественность».

Пенфей

Поклонник Вакха дерзкий! ты речист.

Дионис

Да чем же ты грозишь мне? что придумал?

Пенфей

Во-первых, локоны твои я остригу.

Дионис

Они священны, богу их ращу я.

Пенфей *(не слушая)*

Затем, ты тирс из рук мне передашь.

Дионис

Сам отними. Мой тирс – от Диониса.

Пенфей *(не слушая Диониса)*

Потом в тюрьму тебя мы заключим.

Дионис

А бог отпустит, стоит пожелать мне.

Пенфей

В толпу вакханок прежде попади.

Дионис

500 Зачем? бог тут, – он видит, что терплю я.

Пенфей *(с усмешкой)*

Ну, бога что-то подле не видать.

Дионис *(внушительно)*

Он здесь, но нечестив ты – и не видишь.

Пенфей *(кричит)*

Взять дерзкого! Он оскорбил царя.

Слуги приближаются.

Дионис *(еще внушительнее)*

Оставьте, говорю. Я – зрячий, вы – слепые.

Слуги останавливаются в нерешимости.

Пенфей

Вяжите, говорю. Я царь, а он в плену.

Дионис *(смотрит в упор на Пенфея)*

Ты позабыл, что делаешь и кто ты!

Пенфей *(в минутном смущении)*

Пенфей, Агавы сын от Эхиона.

Дионис

Пенфей!.. И имя то беду тебе сулит.

Пенфей *(попадая в прежний тон)*

Вон, дерзкий.

(К слугам.)

Подле стойла крепче

510 Его вы привяжите! Там темно:

Пусть пляшет. А его пособниц, женщин,

Что он с собой привел, я распродам

Иль, отучив от глупого стучанья

И кожаной той музыки, к станку

Приставлю, – мне работницы годятся.

Во время его слов слуги связывают спокойно стоящего при этом Диониса.

Дионис

Я ухожу, но знай, чему не быть,

Тому не быть. Тебя же за глумленье

Тот Дионис, которого признать

Ты не хотел, накажет. Бог – в оковах.

Слуги уводят Диониса. Пенфей идет за ними.

Второй музыкальный антракт

Строфа

Здравствуй, Диркея,
Ахелоя старца дочь,
В блеске девственном богиня!
Помнишь, ты когда-то в волны
Семя Зевса приняла?
Из огня он вырвал сына,
Из бессмертного, и спрятал
У себя в бедре, воскликнув:
«Дифирамб[16]*, мой сын, укройся*
Ты к отцу в мужское чрево!
Будет день, – и Дифирамбом
Звать тебя велю я Фивам».
А теперь, о дева-радость,
Нет увенчанным приюта:
Гонишь ты дружину Вакха.

---

[16] Примечания: 16

Это слово (вероятно, малоазийского происхождения) Еврипид употребляет здесь как имя собственное нового бога, культовой песнью которого действительно являлся дифирамб.

Чем тебе я не угодна?
Нет, клянусь усладой Вакха,
Пьяным соком винограда:
Ты еще подумаешь о Вакхе.

Антистрофа

О, сколько гнева,
Сколько гнева здесь явил
Царь Пенфей, земли исчадье
540 И змеиное отродье,
Это семя Эхиона[17],
Сына темного земли!
Не похож на человека:
Смертью он и кровью дышит,
Как гигант в борьбе с богами.
На дружину Вакха узы
Изготовил, в стены дома
Моего вождя он спрятал,
Держит связанным в темнице.
550 Дионис, о чадо Зевса!
Вещих слуг в горниле бедствий

---

[17] Примечания: 17
Имя Эхион ассоциируется со словом echis — «змея»

Неужели ты покинешь?
Нет, о бог, спустись с Олимпа,
Тирс колебля златоцветный,
Укроти ты ярый гнев безумца!

Эпод

Где теперь за желтым тирсом,
Дионис, твой рой летит?
По лугам ли тучной Нисы,
Иль Парнас тебя взманил,
560 Или заросли лесные
По ущелиям Олимпа,
Где игру Орфея слушать[18]
Звери дикие стекались,
И сходили с мест деревья?
О Пиерия, ликуй!
Эвий чтит тебя и гибких,
Извивающихся в пляске,
Он ведет к тебе вакханок.
Только две реки пройдет он:

---

[18] Примечания: 18
Местопребыванием Орфея в мифологии обычно считалась гора Пангей во Фракии; Еврипид называет Олимп, вероятно, из благодарности к своему гостеприимному хозяину Архелаю.

Прежде будет быстрый Аксий[19],
570 А потом, людей кормилец,
Всю страну обогативший,
Будет Лидий чистой влагой
Разливаться по лугам.
Что за кони там пасутся!

[19] Примечания: 19

Аксий (ныне Вардар) и Лидий — реки в Македонии; Лидий вытекает из озера, на котором стояла царская столица Пелла. Еврипид обыгрывает созвучие его названия с названием малоазийской Лидии, откуда пришел Дионис.

Действие третье
Явление пятое

На сцене — никого. Хор на помосте разделился на два полухория, по 7 человек.

Корифей стал отдельно, ближе к сцене. За сценой тревожная суета. Слышны подземные удары. Фасад дворца колеблется. Огонь загорается на капище Семелы.

Смятение охватывает женщин.

Дионис *(за сценой)*

И-о!

Слушайте голос мой, слушайте,

Женщины, женщины!

Первое полухорие

Кто это? Чей

Голос зовет меня? кликом вакхическим

Кто зовет?

Дионис

580 И-о! и-о! снова взываю.

Я – сын Семелы и Зевса.

Второе полухорие

И-о! и-о!
Царь ты наш радостный,
О, поспеши
В наш хоровод,
Бромий, мы ждем тебя!

Корифей

Ай! ай!
Где я стою? земля дрожит…
Силы небесные!
Весь на куски дворец сейчас рассыплется…
То бог Дионис в чертоги вступил.
Вы славьте его!

Хор

59 °Слава тебе!
Первое полухорие
Видишь: расходятся балки из мрамора,
И из дворца сейчас
Вакха раздастся победный клик.

Дионис *(за сценой)*

Факел зажги ты у молнии Зевсовой!
Ты поджигай дворец, ты поджигай чертог!

Второе полухорие

Ах!
Видишь, видишь ты пламя…
Вот на гробе Семелы:
Молния Зевса
Пала стрелою там,
Пламя зажгла.

Корифей

600 В прах упадите, менады дрожащие,
Телом дрожащим в прах!

Хоревты падают ниц.

Царь ваш в чертоги несет разрушенье,
Зевса великого сын.

Явление шестое

Землетрясение утихло. Следы разрушения

скрыты от глаз зрителей: фасад уцелел. Из дворца выходит Дионис в том виде, в котором являлся раньше. Вид рабского, азиатского страха его поклонниц, поверженных ниц, ему не совсем приятен.

Дионис

Жены Азии! Вы трепетом объяты,
Пали ниц вы и прониклись силой Вакха,
Когда дом он рушил. Но дерзайте,
Поднимитесь и покиньте трепет!

Хоревты поднимаются.
Хор *(с движением к Дионису)*

Свет возлюбленный! Ты радость вакханалий
Возвращаешь брошенной менаде.

Дионис

610 Духом пали вы, о женщины, покуда
Отводил в тюрьму меня Пенфей?

Хор

Да ведь ты – одна моя защита…
Как спастись-то удалось тебе?

Дионис

Спас я сам себя, без затруднений.

Хор

Разве рук тебе он не связал?

Дионис

Над глупцом смеялся я: все время
Он меня вязал в воображенье,
А на деле пальцем не коснулся.
Подле стойла, где мне полагалось
В заключенье быть, нашел быка он.
Вот быку-то на ноги и начал
Петли он накидывать, от гнева
620 Задыхаясь, сам в поту, все губы
Искусал он в кровь, – а на безумца,
Тут же сидя, я глядел спокойно.
В это время бог потряс чертоги
И огонь на гробе матери зажег.
Увидал Пенфей и испугался.
Думал, что пожар. И вот рабам он
Приказал таскать воды, работу
Задал всем, но даром труд пропал.

Вдруг блеснула мысль, что убежал я.
Тут во двор с мечом бежит Пенфей…
И, должно быть, Бромий из эфира
63 °Сделал призрак мой. Я вижу, что Пенфей
Выскочил и тычет в воздух, словно
Горло колет… Вакх на том не кончил:
Рушит дом он – весь чертог в обломках:
«Вот тебе, Пенфей, мои оковы».
Меч из рук роняя, обессилен,
Падает Пенфей. – Так вот что значит
Смертному дерзать на битву с богом!
К вам тогда я ухожу спокойно:
О Пенфее думы больше нету.
За стеной – стук шагов Пенфея.
Но шаги мне слышатся: стучит
За стеной подошва: чу… подходит.
Что-то нам теперь Пенфей расскажет?
640 Гнев его перенесу шутя:
Мудрый должен быть всегда спокоен.

Явление седьмое

Из дворца выходит Пенфей, задумчивый, без оружия, за ним свита. Сначала он не замечает Диониса.

Пенфей

Со мной беда: бежал тот чужестранец,

Которого я только что связал.

(Увидав Диониса, наскакивает на него.)

Ба! что я вижу?

Как за стеною мог ты очутиться?

Да говори ж, как вышел? что молчишь?

Дионис *(слегка отстраняет его)*

Останови свой гнев – иди спокойно!

Пенфей *(не слушая)*

Как ты ушел, как узы мог ты снять?

Дионис

Я говорил тебе: меня развяжут.

Пенфей

650 Развяжет кто? Еще что сочинишь?

Дионис

Тот, кто лозу дает нам с виноградом.

Пенфей

В твоих устах звучит хулой и благо.

Дионис

А сколько благ таких он вам принес!

Пенфей

Эй! запереть ворота городские.

Дионис

Зачем? стене ль остановить богов?

Пенфей *(с усмешкой)*

Мудрец, мудрец, а тут ума не стало.

Дионис

Мне верно служит мой природный ум…
Я не уйду… а вот смотри-ка лучше:
С горы к тебе-какой-то человек…

Последними словами Дионис обращает внимание царя на новое лицо, пастуха с Киферона.

Явление восьмое

Те же и вестник (приходит слева, с Киферона). Поверх короткого хитона на нем бурка, на голове шапка; волосы белые, гладкие, лоб в морщинах, грубые черты и толстый нос, борода с проседью. Он обращается к Пенфею.

660 Пенфей, владыка над землей фиванской!
К тебе пришел я с Киферона: там
Блестящий снег не тает в белых хлопьях.

Пенфей

Пришел зачем? по делу по какому?

Вестник

Поведать про божественных менад:
В безумном беге белыми ногами
Они мелькают, и чудес немало,
Каких чудес я нагляделся, царь.
Тебе и городу рассказ мой да поможет!
Но прежде мне хотелось бы узнать,

Могу я говорить свободно, или речь мне
Посдерживать? Ты на решенья скор,
Гневлив и самовластен, и мне страшно.

Пенфей

Все говори – в ответ не попадешь;
И знай при том: чем больше про вакханок
Наскажешь ужасов, тем я сильней казню
Вот этого, внушившего им чары.

(Указывая на Диониса.)

Вестник

В тот час, как солнца первые лучи
Греть начинают землю, полегоньку
Быков на пастбище я в гору гнал, смотрю —
Передо мной из женщин три дружины.
В одной заметил Автоною я, в другой
Агава-мать царила, в третьей Ино.

Но спали женщины, раскинувшись свободно,

Под спину веток ели подложив

Или в листве дубовой утопая…

И чинно как! а ты-то уверял,

Что, опьяненные вином и звуком флейты,

Они по зарослям глухим Киприду ловят…

Но вот, средь стана спящего вскочив,

690 Агава-мать их зычным криком будит!

Она заслышала мычанье наших стад.

И, легкий сон сгоняя с вежд, вскочили

Вакханки на ноги – все чудо как скромны:

Старухи, жены молодые и девицы…

Сначала кудри распускают по плечам,

А у кого небрида распустилась,

Те подвязать спешат и пестрой лани

Опять покров змеею подпоясать.

И змеи им при этом лижут щеки.

Те взяли на руки волчонка, сосунка

700 От лани и к грудям их приложили
Набухшим. Видно, матери детей
Новорожденных бросили. Венками
Из плюща, из листвы дубовой или тиса
Цветущего украсились потом.
Вот тирс берет одна и ударяет
Им о скалу. Оттуда чистый ключ
Воды струится. В землю тирс воткнула
Другая – бог вина источник дал,
А кто хотел напиться белой влаги,
Так стоило лишь землю поскоблить
710 Концами пальцев – молоко лилося.
С плюща на тирсах капал сладкий мед…
Бранишь ты Вакха, царь, но, раз увидев
Все это, ты молился бы ему.
Мы, пастухи коровьи и овечьи,
Сошлись тогда, и все наперерыв
О чудесах невиданных судили…
Бывалый человек нашелся тут
И мастер говорить – мы стали слу-

шать,
И вот что он сказал нам: «Пастухи,
Священных высей жители, давайте
Похитим с игрища Агаву, мать царя!
Мы угодим владыке». Тут, конечно,
Все согласились. В зелени кустов
Устроили засаду, притаившись
Сидим, – и вот в условный час
Под взмахи тирсов игрище открылось,
И в голос стали жены Вакха звать.
Все ликовало с ними – горы, звери,
От топота задвигалась земля.
Случись, что около меня в своем раденье
Агава очутилась, чтоб схватить
Ее, я выскочил – и тем открыл засаду.
И – их! закричала – «Борзые, за мной,
За мною, быстрые! менад мужчины ловят:
Тирс в руки, борзые, и все, и все – за мной!»

Бегом едва спаслись мы от вакханок;
А то бы разорвали. Там стада
У нас паслись, так с голыми руками
На них менады бросились. Корову
С набрякшим вымем и мычащую волочат.
Другие нетелей рвут на куски. Там бок,
740 Посмотришь, вырванный. Там пара ног передних
На землю брошена, и свесилось с ветвей
Сосновых мясо, и сочится кровью.
Быки – обидчики, что в ярости, бывало,
Пускали в ход рога, повержены лежат:
Их тысячи свалили рук девичьих.
Ты б царским глазом не успел моргнуть,
Так быстро кожу с мяса там сдирали.
Но вот снялись вакханки: легче птицы
750 Бегут на берега Асопа, в те поля,
Что свой дают фиванцам тучный колос[20],

---

[20] Примечания: 20

Асоп — река на юге Беотии; Эрифры — город там же, недалеко от Платен; Гисии — поселение на склоне Киферона.

В Эритры, в Гисии, за Киферонский склон, —

Они несут повсюду разрушенье:

Я видел, как они, детей украв,

Их на плечах несли, не подвязавши,

И на землю не падали малютки.

…

Ни меди, ни железа, – а на кудрях

У них огонь горел и их не жег.

Потоком уносимые пытались

760 Оружие поднять. И вот то диво, царь,

Их дротик хоть бы раз вакханку ранил,

Вакханка тирс поднимет, и бегут

Мужчины – сколько раненых осталось!

(Таинственно, понизив голос.)

Менадам тут не смертный помогал.

Но вот туда вернулися вакханки,

Где бог для них источники открыл.

В прозрачной влаге смыли кровь, а змеи

Лизали капли, щеки освежая.

О, господин, кто б ни был этот бог,

770 Но он – великий бог, прими его в наш город!

Не знаю, так ли, только я слыхал,

Что это он, на утешенье горю,

Дал людям виноград, – а без вина

Какая уж любовь, какая радость!

Хор

Перед лицом тирана говорить

Слова свободные опасно, но скажу я:

«Да, всех богов сильнее Дионис».

Пенфей

Вот и сюда кощунство, точно пламя

Пожарное, подкралося. Для греков

Какой позор!

Но медлить поздно: (слуге) слушай,

78 °Ступай к Электриным воротам. Всем скажи,

Кто носит щит тяжелый или конным

Вступает в бой; кто зыблет легкий щит

Иль лука тетиву в сраженье щиплет, —

Всем объяви, что мы идем в поход
Против менад. Какой еще беды,
Когда над нами женщины глумятся?
Посланный уходит.

Явление девятое

Дионис *и* ***Пенфей****.*

Дионис

Пенфей, ты не хотел послушаться меня
И груб ты был со мной. Но знай: не должен
На бога поднимать руки ты, усмирись!
790 Я говорю тебе, что Бромий не потерпит,
Чтоб трогали менад с ликующих вершин.

Пенфей

Меня ты не удержишь. Будь доволен,
Что ускользнул от уз, а то опять свяжу.

Дионис

А лучше бы принес ты жертву Вакху:
Борьба смешна: ты – человек, он – бог.

Пенфей

За тем иду. В ущельях Киферона
Я в жертву Вакху самок перебью.

Дионис

Пенфей, прогонят вас, и – верх позора!
Отступит перед тирсом медный щит.

Пенфей *(сердясь)*

800 Вот навязался-то болтун беспутный:
Ни отдыху, ни сроку не дает.

Дионис

Любезнейший! А дело можно сладить.

Пенфей

Как сладить? У служанок стать рабом?

Дионис

Ты хочешь, я добуду их без боя.

Пенфей *(недоумевая)*

Он что-то новое задумал, – вот беда!

Дионис

Чего боишься? Для тебя ж задумал.

Пенфей

Тут просто заговор, чтоб оргии продлить.

Дионис

Да, с богом заговор: что верно – верно.

Пенфей *(силясь попасть в прежний тон)*

Меч мне сюда! и перестань болтать!

Дионис

Ба!

Хотел бы ты их посмотреть на месте?

Пенфей *(как во сне)*

Еще бы! золотом я тысячу бы дал.

Дионис

Что ж посмотреть менад так загорелось?

Пенфей *(с затаенной страстью в голосе)*

Позорно пьяными я видеть их хочу.

Дионис

Как? с радостью ты испытал бы горечь?

Пенфей *(мечтательно)*

Я б под сосной там молча просидел.

Дионис

Ведь выследят, как ни таись, любезный.

Пенфей *(в экстазе)*

Ты – прав. Туда открыто я пойду.

Дионис

Что ж? значит, в путь? вести тебя готов я.

Пенфей

820 Веди скорей! Теряем время мы.

Дионис

Постой! сначала пеплос ты наденешь.

Пенфей

Как, разве я перечисляюсь в жены?

Дионис

Нельзя иначе – мужа там убьют.

Пенфей

Ты прав опять: хвалю твой ум и опыт.

Дионис

Искусство это дал мне Дионис.

Пенфей

Совет хорош, да как его исполнить?

Дионис

Там, во дворце, тебя одену я.

Пенфей

Как? женщиной? мне, чужестранец, стыдно.

Дионис

Так, значит, видеть их ты расхотел?

Пенфей *(немного подумав)*

830 А что ты мне надеть на тело скажешь?

Дионис

С макушки волосы распустим подлинней…

Пенфей

Потом… Какой наряд ты мне придумал?

Дионис

По пяты – пеплос, митру – над челом…

Пенфей

К убору что-нибудь еще прибавишь?

Дионис

Да в руку – тирс, небриду спустим с плеч.

Пенфей *(короткое молчание: в нем чувствуется душевная борьба)*

Нет, я не в силах женщиной одеться.

Дионис

В сраженье с ними лучше кровь пролить?

Пенфей

Ты прав, – разведки мне необходимы.

Дионис

Умней, чем лихо лихом прогонять.

Пенфей

840 А как пройти чрез Фивы незаметно?

Дионис

Я знаю путь. Мы пустырем пройдем.

Пенфей

Все – лучше, чем глумление вакханок.

(Проводя рукой по лицу и поворачиваясь к главным воротам дворца.)

Войдем! здесь с мыслями никак не соберусь.

Дионис

И то войдем.

(В сторону.)

Идет отлично дело.

Пенфей *(силясь сохранить самообладание и рассудительность)*

Соображу, что лучше: воевать

Или твоим последовать советам?

(Уходит во дворец.)

Дионис

О, женщины! в силки он сам идет,
И ждет Пенфея кара у вакханок.
Ты близко, Дионис, и наказать
Его поможешь. Легкое безумье
Наслав, с ума его сведи! он не хотел
В рассудке здравом женщиной одеться,
Пускай с ума для этого сойдет.
А за его недавние угрозы
Посмешищем фиванцев станет он,
Когда пойдет средь них в наряде женском.
Пойду Пенфею надевать убор,
В котором он сойдет в чертог Аида,
Руками матери убитый. Дионис
Ему себя покажет: бог суровый —
Для гордых, а для кротких – нет добрей.

(Уходит во дворец.)

Третий музыкальный антракт

Припев поется всем хором, а строфа и антистрофа — полухориями.

Хор

Строфа

Милая ночь, придешь ли?
Вакху всю я тебя отдам,
Пляске – белые ноги,
Шею – росе студеной.
Лань молодая усладе
Луга зеленого рада.
Вот из облавы вырвалась,
Сеть миновала крепкую.
87 °Свистом охотник пускай теперь
Гончих за ланью шлет.
Ветер – у ней в ногах,
В поле – раздолье.
Берегом мчаться отрадно ей…
И любо лани в чащу леса
Подальше скрыться от людей.

Когда ж над вражьей головой
Держишь победную руку ты, —
Это ль не мудрость?
880 Дара прекраснее нет для тебя у богов.
Жажду прекрасного дара!

Антистрофа

Медленно, твердым шагом
Божья сила к нам движется.
Дерзких она карает,
Тех, кто живет неправдой,
Кто отвергает безумно
Жертвы богам и моленья.
За нечестивцем издали
Зорко следят бессмертные:
Казнь приближается тихо к ним
89 °C каждым мгновением.
Веры не надо нам
Лучше отцовской,
Дорог старинный обычай нам;
И то, что время освятило,
Что бог нам дал, нельзя не чтить.

Когда ж над вражьей головой
Держишь победную руку ты, —
Это ль не мудрость?
900 Дара прекраснее нет для тебя у богов.
Жажду прекрасного дара!

Эпод

Счастлив ты, если в бурю
В гавань вошел и спасся;
Счастлив, и труд окончив.
Властью и деньгами
Разнятся смертные,
Но всем в сердце положена
Надежд сила безмерная.
Одни счастьем венчаются,
Другим нет исполнения,
910 Кто день за днем без печали живет,
Тот, по-моему, счастлив.

Действие четвертое
Явление десятое

Из дворца сначала выходит Дионис и, обращаясь к двери, из которой вышел, вызывает Пенфея.

Дионис

Ты, видеть запрещенное и делать
В несчастной страсти ищущий Пенфей,
Из дома выйди и явись менадой,
В вакхическом уборе-как идешь
Лазутчить мать и пляшущих вакханок!

Из дворца выходит Пенфей, одетый менадой; на его огромной фигуре неловко сидит женский наряд: локоны выбились из-под митры, подол висит неровно: в походке и движениях заметно что-то лихорадочное. Глаза блестят. Он перекладывает из руки в руку тирс.

Как ты похож теперь на Кадма дочь.

Пенфей (не слушая его, оглядывается вокруг с удивлением)

Мне кажется, что вижу я два солнца

И Фивы семивратные вдвойне.

(К Дионису.)

920 Ты кажешься быком мне, чужестранец,

Вон у тебя на голове рога.

Так ты был зверь и раньше? Бык, бесспорно!

Дионис

То божья милость снизошла, Пенфей.

Ты видишь то, что должен был ты видеть.

Пенфей

Кого ж тебе напоминаю я:

Ино или Агава пред тобою?

Дионис

Как будто на обеих я смотрю…

Но, погоди, я локоны под митру

Тебе убрал. Откуда ж эта прядь?

Пенфей

930 Да выбилась. Я, знаешь, был в вос-

торге

И голову все вскидывал да гнул...

Дионис

Сейчас исправим. Я недаром взялся

Тебе служить. Ну, голову прямей!

Пенфей

Изволь. Я вещью сделался твоею.

Дионис

И пояс распустился. Посмотри:

Края у пеплоса не сходятся в подоле.

Пенфей *(смотрит на подол своего платья)*

Не правда ли, что с правой стороны

Волочится, с другой же все исправно?

Дионис *(оправляя на нем платье)*

А вдруг менад ты скромными найдешь?

940 Ведь для меня награды ты не сыщешь?

Пенфей

В какую руку тирс я должен взять,

Чтобы казаться истинной вакханкой?

Дионис

Конечно, в правую, и правой же ногой
Поддерживать. Ты изменился к благу.

Пенфей *(в экстазе)*

Как думаешь, смогу ль я Киферон
С вакханками взвалить себе на плечи?

Дионис

Да, если ты захочешь. Разум твой
Был не здоров, теперь он настоящий.

Пенфей

Рычаг возьмем, или рукой скалу
950 Мне обхватить, или плечо подставить?

Дионис

Нет, пощади, Пенфей, обитель Муз,
Приют, где Пан играет на свирели.

Пенфей *(переходя к другой мечте, более сладострастной)*

Ну хорошо. Действительно, зачем

Их силой брать? Пусть ель меня прикроет.

Дионис

О да, тебя прикроет верный кров,

Коль ты пойдешь подстерегать вакханок.

Пенфей

Мне чудится, что птички уж сидят,

Как в гнездышке, в сетях моих счастливых.

Дионис

Вот каковы разведки у тебя!

960 Ты словишь, да… коль сам не будешь словлен.

Пенфей *(снова впадая в экстаз)*

По главным улицам теперь меня веди!

На этот подвиг я один дерзаю.

Дионис

Да ты один за город пострадать

Теперь идешь – ждет бой тебя достойный.

Вперед! К спасению, Пенфей, тебя веду.
Оттуда же доставит…

Пенфей

Мать, конечно.

Дионис

Всем напоказ.

Пенфей

О, я затем иду.

Дионис

Ты не пойдешь, снесут тебя.

Пенфей

Вот роскошь!

Дионис

Мать – на руках…

Пенфей

Ты негу мне сулишь!

Дионис

970 Коль это нега.

Пенфей

О, я стою славы.

(Уходит направо.)

Дионис

Ужасен замысел и страшен жребий твой,

Но до небес дойдет Пенфея слава.

Агава с сестрами, вы, порожденье Кадма!

Вам в руки юношу Пенфея предаю

На страшный бой. Победа будет наша —

Вакх победит. А дальше – поглядим.

(Уходит за Пенфеем.)

Четвертый музыкальный антракт

Хор
Строфа

На Киферон его вы, псицы Лиссы,
Гоните, борзые! В челе дружин —
Там Кадма дочери.
980 Под женским убором укрыться там мнит
Лазутчик менад, безумный Пенфей.
И первая мать с открытой скалы
Увидит, как крадется он,
И крикнет она:
«Смотрите: чужой
Из Фив на Киферон наш, на Киферон пришел.
Кто породил его? Крови не женской он.
В нем львицы скорей порода видна,
990 Ливийских горгон»[21].

---

[21] Примечания: 21
Ливийские горгоны. — Обычно мифологическая традиция локализовала горгон на Крайнем Западе.

Гряди же ты, кара, с грозой, с мечом,

И шею насквозь проколи

Тому, кто суд и правду безбожный оскорбил,

Пенфею, чаду праха!

Антистрофа

Безумна ярость дикого Пентея,

О Дионис, на оргии твои

И Реи матери!

1000 Все рвется безумец на дерзкий бой

В борьбе роковой победу вкусить…

Нет, горя не знать

Дано лишь тому,

Кто божье оставил богам,

Кто сдержан умом

И скромен душой.

Что мудрость, коли счастья не может дать она?

Мне же отрадно чтить ночью и днем богов;

1010 И если чего в законе их нет,

То чуждо и мне.

Гряди же ты, кара, с грозой, с мечом,

И шею насквозь проколи

Тому, кто суд и правду безбожный оскорбил,

Пенфею, чаду праха!

Эпод

Быком обернись, ты наш Вакх, наш бог,

Явись многоглавым драконом,

Иль львом золотистым ты в очи метнись!

Лазутчик менад нацелил напасть

На стаю вакханок.

1020 Приди же и петлю с улыбкой накинь

Безумцу на шею.

Действие пятое
Явление одиннадцатое

Второй вестник *(приходит со стороны Киферона — по виду подобен первому, хотя не пастух, а домашний слуга)*

О дом, блиставший счастьем среди греков,

Дом Кадма старого, который здесь, в полях

Ареевых, пожал посев змеиный, —

Я плачу над тобой, да, плачу, хоть и раб.

Хор

Ты с Киферона? что-нибудь случилось?

Вестник

1030 Узнай! Царя Пенфея больше нет.

Хор

О Бромий владыка! Слава великому богу!

Вестник

Что слышу я? У нас несчастье в доме,
А ты ликуешь, женщина!

Хор

Я варварской песнью восславила бога
За то, что не надо оков мне бояться.

Вестник

Так мужества не хватит в Фивах…

Хор

Мой повелитель – Дионис, сын Зевса,
Не Фивы, нет!

Вестник

Пусть рада ты, но громко ликовать
1040 Не надо, женщина, в виду чужого горя.

Хор

А смертью он какой погиб, скажи,
Безумец злой, средь замыслов преступных?

Вестник

Дворы фиванские оставив за собой,

Мы вышли на берег Асопа и в ущелья
Вступили: было двое нас – покойный
Мой господин и я, а впереди шел гость.
В лесную глушь сначала мы забрались
И сели там на травке, притаясь.
Старались не шуметь, едва шептали,
Чтоб не открыли зрителей они.
Глядим – лощина, а вокруг все скалы,
А в той лощине ели да ручьи;
Под елями, глядим, сидят менады
И все по сердцу делом заняты:
Те облетевший снова навивают
На тирсы плющ, а те между собой
Перекликаются вакхическим напевом —
Вот жеребята резвые порой,
Ярмо покинув, так зовут друг друга.
Но женщин царь несчастный не видал:
И так сказал тогда он: «Чужестранец,
Мне этих самозванок не видать:
Вот если б на какой-нибудь пригорок
Мне влезть, с верхушки ели посмот-

реть,
Я разглядел бы хорошо бесстыдниц».
И чудо первое тогда наш гость явил.
Была там ель, под облака верхушкой:
Вот он ее берет и тихо-тихо стал
Клонить к земле. Как гибкий лук круг-
лится,
Или под циркулем – волнистая черта,
Так до земли, круглясь, она склонилась
В его руках – не человек то был.
1070 И вот, на ветке усадив Пенфея,
Гость начал потихоньку ель пускать,
Он наблюдал, чтоб всадник не свалил-
ся.
И прянула вершиной ель в эфир,
А на хребте ее сидел несчастный.
И вышло так, что всадник на виду,
А вниз менад ему почти не видно.
Сначала не заметили его.
А я смотрю – уж гостя подле нету,
И вдруг какой-то голос зазвучал
Из синевы воздушной, будто Вакха;

И мне слова послышались:
«Юницы,
1080 Я вам веду того, кто осмеял
Меня и оргии. Пусть дерзкий вам заплатит!»
И засиял божественный огонь
Между землей и небом в это время.
Ни дуновенья ветра. Охватило
Безмолвие и мягкий луг, и лес,
И голоса звериные замолкли…
Но женщины не разобрали слов,
Насторожились только, озираясь.
И вот опять призыв его звучит.
Тут Кадма дочери признали голос бога
1090 И с места прянули… И легче голубей
Они несутся в напряженном беге;
Агава, сестры с ней, другие следом,
И дуновенье бога вихрем мчит
Через ручьи вакханок и стремнины.
Вот господина моего они
Заметили на ели. По соседству

Утес нашли и камнями швырять
В него пошли; ветвями отбивался
Он, сколько мог. Там тирсы засвистали
По воздуху. Но в бедную мишень
1100 Не удалось попасть им, как ни бились:
Уж очень высоко тогда сидел
Беспомощный Пенфей на этой ели…
И вот они, набравши сучьев дуба,
Стараются (железа нет у них)
Ель отделить от корней – все напрасно.
Попытку бросили и эту. Стала мать
Тут говорить: «Давайте станем кругом,
За дерево возьмемся – и авось
С вершины мы тогда достанем зверя,
Чтоб тайн священных он не разгласил».
Без счету рук за ель тут ухватились
1110 И вырвали с корнями… наверху
Сидевший падает на землю, испуская

Немолчно жалобы: он гибель увидал.
И вот всех прежде мать его, как жрица,
Бросается на жертву. Тут Пенфей
С волос срывает митру, чтоб признала
Свое дитя Агава и спасла
Несчастная; щеки касаясь с лаской,
Он говорит: «О мама, это я,
Пенфей, тобой рожденный с Эхионом.
1120 Ты пожалей меня и за ошибки
Свое дитя, родная, не губи!»
Но он молил напрасно: губы пеной
У ней покрылись, дико взор блуждал, —
И рассуждать была она не в силах:
Во власти Вакха вся тогда была.
Вот в обе руки левую берет
Злосчастного Пенфея руку, крепко
В бок уперлась и… вырвала с плечом —
Не силою, а божьим изволеньем.
Ино с другой напала стороны
1130 И мясо рвет. Явилась Автоноя.
За ней толпа. О боги, что за крик

Тут поднялся! Стонал Пенфей несчастный.
Пока дышал, и ликований женских
Носились клики. Руку тащит та,
А та ступню с сандалией, и тело
Рвут, обнажив, менады и кусками,
Как мячиком, безумные играют…
Разбросаны останки по скалам
Обрывистым, в глубокой чаще леса…
Где их сыскать? А голову его
1140 Победную Агава захватила
Обеими руками, и на тирс
Воткнула – головой считая львиной;
Трофей по Киферону пронесла,
И вот, покинувши сестер и хороводы,
Уж здесь она, по городу идет,
Гордясь, безумная, добычей злополучной,
И Вакха прославляет, что помог
В охоте, что ее венчал победой.
А всей-то и победы-только слезы.
Подальше от несчастной отойти,

Пока еще близ дома нет Агавы!

Да, скромность и служение богам —

Вот лучшее что есть, и кто сумеет

Всю жизнь блюсти их свято, тот мудрец.

(Уходит в город.)

Исход
Явление двенадцатое

Пока на сцене никого нет, хор исполняет короткую плясовую песню.

Хор

Воспляшем в честь Вакха – и слава ему!
Мы кликом восславим Пенфееву смерть.
Погиб Пенфей – отродье
Ужасное змеи:
Он женщиной оделся,
За посох тирс он принял
И с ним в Аид сошел.
Шел бык перед Пенфеем:
В беду его он вел…
1160 А вы, менады Фив,
Вы гимн свой, славы полный,
Победный гимн свели
На стоны и на слезы.
О славный поединок,

Где матери рука
Багрится кровью сына!
Но вот спешит к Пенфееву дворцу
Агава-мать – безумный взор блуждает…
Твой пир готов, о Эвий, Эвоэ!

Явление тринадцатое

Агава является слева в сопровождении толпы вакханок. Она в вакхическом уборе, в митре и небриде, босая, а на тирсе у нее голова Пенфея, вся перепачканная в крови; она оглядывается во все стороны и, по-видимому, находится в сильнейшем возбуждении. Следуют строфа и антистрофа, образующие печальную песнь, так называемый коммос. Хор поделен на полухория; в строфе Агава переговаривается с одним парастатом (корифеем полухория), в антистрофе — с другим. Агава спешит и не договаривает. Она то и дело с улыбкой поглядывает на голову Пенфея, украшающую ее тирс.

Агава
Строфа

Вакханки Азии!

Хор

Что ты зовешь меня?

Агава

Несем с Киферона
Улов свой счастливый, трофей этот свежий,
Кисть плюща к чертогам.

Хор

Я вижу трофей твой: приди и ликуй!

Агава

Его без сетей изловила…
Смотрите-ка: львенок.
Ведь можно узнать…

Хор

В глуши, где-нибудь?

Агава

О да, Киферон…

Хор

Да что ж Киферон?

Агава

Убил – Киферон…

Хор

А чья ж это добыча?

Агава

Я первая взяла.

Хор

118 °Счастливица Агава!

Агава

В дружинах так зовусь…

Хор

Одна ты?

Агава

Нет, Кадма…

Хор

Что Кадма?..

Агава

Отродье…
Те после меня, те после меня

За зверя взялися.

Хор

Добыча на славу!

Агава
Антистрофа

Приди ж, пируй со мной!

Хор

Пир-то где, горькая?

Агава

Детеныш-то молод:
Цветущий, красивый; волосики пухом
Лицо обрамляют.

Хор

Зверь дикий, конечно: как много волос!

Агава

Да, бог наш охотник искусный,
1190 И ловко менад он
На след наводил.

Хор

Владыка – ловец!

Агава

Ты хвалишь его?

Хор

Конечно, хвалю!

Агава

Фиванцы с тобой.

Хор

Хоть сын по крайней мере…

Агава

Меня похвалит он.

Хор

За взятую добычу…

Агава

Что львицей рождена.

Хор

На славу…

Агава

Со славой…

Хор

Гордишься?

Агава

Еще бы!..
Добычей такой, трофеем таким,
Всем Фивам на диво…

Хор

Твой подвиг свершен.
Да покажи же гражданам, Агава,
Победную добычу, наконец.

Агава

Вы, жители твердынь фиванских славных,
Придите и любуйтесь! Вот – трофей!
Мы, Кадма дочери, мы зверя изловили:
Тут дротик фессалийский ни при чем,
И схвачен зверь не сетью, а кистями
Рук наших белых. Не к чему теперь,
Оружием обвесившись, кичиться!
По крайней мере _мы_ его рукой
И изловили, и на части тело
Разъяли без железа.

Где ж отец?

Что я не вижу с нами старца Кадма?

И где Пенфей, мой сын? Пускай возьмет

Он лестницу покрепче, и к триглифу

Вот эту львиную он голову прибьет,

Мою добычу в нашей славной ловле.

Явление четырнадцатое

Кадм *(является слева в сопровождении слуг, несущих на носилках окровавленные куски Пенфеева тела, кое-как сложенные. Вначале ни Агава не замечает его, ни он Агавы)*

Сюда несите свой печальный груз,

Прислужники, поставьте перед домом…

Пенфея труп искать пришлось мне долго,

И по кускам его я подбирал:

В расщелинах глубоких Киферона,

1220 В лесу дремучем долго я ходил.

Мы с игрища с Тиресием обратно

Уж городом фиванским шли домой,
Когда рассказ ужасный мне поведал,
На что дерзнули дочери мои.
Я снова – на гору, и вот оттуда внука,
Менадами убитого, несу.
Я видел там несчастных сумасшедших:
Что Аристею сына принесла,
Мать Актеонову, с ней Ино в чаще леса.
А про Агаву кто-то мне сказал,
Что видел, как вакхической стопою
1230 Она сюда ушла.

(Оборачивается и видит Агаву.)

Был верен слух.
О зрелище печальное! О горе!

Агава *(тоже видит отца, но не видит трупа Пенфея; она обращается к Кадму)*

Отец, гордись! Да, дочерей таких
Еще никто из смертных не посеял…
Ты сестрами гордись, но больше мной:
Ты знаешь, как я от станка шагнула?
Зверей, отец, руками я ловлю…

(Протягивает ему голову на тирсе.)

Вот полюбуйся на мою добычу,
И пусть она украсит твой дворец.
Прими ее обеими руками.

(Протягивает Кадму голову Пенфея, сняв ее с тирса.)

1240 И, ловлей дочери гордясь, зови на пир
Друзей, старик. О, разве не блаженство
Вкушаешь ты от наших славных дел?

Во время этой речи Кадм молча смотрит на Агаву. Головы он не берет и не приближается к дочери.

Кадм

Ты, скорбь, которую не смеришь, не оглянешь:
Убили вы – вот дело жалких рук.

(С горечью.)

И славную богам повергла жертву
Ты, что зовешь нас с Фивами на пир.
Да, горе нам: тебе, Агава, горе,
А за тобой и мне. Он, этот бог,

Был справедлив, конечно, но, жестокий,
1250 Не пощадил и рода своего.

Агава *(не вслушиваясь еще в его слова, но уже несколько озадаченная его тоном)*

Ах, любит поворчать людская старость,
И ей не угодишь.

(Помолчав.)

А мой Пенфей?
Вот если бы он в мать пошел удачей,
Когда за зверем гонится в толпе
Товарищей. Да где ему! Он с богом
Бороться только может. Хоть бы ты
Его, отец, на ум наставил. Где ж он?

(Ищет глазами вокруг.)

Пусть к матери счастливой подойдет
И на ее добычу хоть посмотрит.

Кадм

О горе, горе! Если только все,
Что сделали, поймете вы, ужасна
126 °Скорбь ваша будет. Если ж навсе-

гда

Пребудете в безумии, ни счастья,

Ни горя знать вам больше не дано.

Агава *(начинает прислушиваться к словам отца, разобрала слово «горе»)*

Да что же тут дурного, где тут горе?

Кадм *(приближаясь к Агаве)*

Ты к небу подними сперва глаза.

Агава *(смотрит на небо)*

Ну, подняла. Что там смотреть прикажешь?

Кадм

Оно все то же? Перемены нет?

Агава *(опять смотрит на небо, потом на Кадма — в некотором раздумье)*

Нет, будто стало ярче и лучистей.

Кадм

Так не покинуло безумие тебя!

Агава *(понижая голос)*

Не знаю, что ты говоришь, но будто

1270 В себя я прихожу теперь, отец.

Кадм

Ты, выслушав меня, могла б ответить ясно?

Агава *(упавшим голосом, просто)*

Да, только прежнее забыла я, отец.

Кадм

В чей дом вошла ты с песней Гименея?

Агава

За Эхиона отдал ты меня.

Кадм

А сын какой у твоего был мужа?

Агава

Пенфей, от брака нашего рожден.

Кадм

А чье лицо в руках твоих, Агава?

Агава *(с сомнением и некоторой тревогой в голосе)*

Чье? это – лев… Так мне сказали там.

Кадм *(внушительно)*

Вглядись в него, труд не велик, Агава.

Агава *(в ужасе)*

1280 Ай, что я вижу? что я принесла?

Кадм *(настойчиво)*

Гляди, гляди, пока совсем признаешь!

Агава *(закрывая глаза свободной рукой)*

Я вижу, вижу скорбь свою, отец.

Кадм

Что ж, голова на львиную похожа?

Агава

Нет, голову Пенфея я ношу.

Кадм

Что, не признавши, обагрила кровью.

Агава *(в смятенье)*

Убил-то кто? Как он попал ко мне?

Кадм*(с горечью)*

О, злая истина, пришла ты поздно.

Агава *(прерывающимся голосом)*

Ах, сердце не на месте. Не томи.

Кадм *(раздельно)*

Так знай: его убийцы – ты и сестры.

Агава *(совсем упавшим голосом)*

1290 Где ж он погиб? в чертогах или где?

Кадм

Где Актеон собаками растерзан.

Агава

Да как же на гору, злосчастный, он попал?

Кадм

Пошел глумиться над служеньем вашим.

Агава *(ввинчиваясь в отца вопросами)*

Да мы, отец, как мы ушли туда?

Кадм

Взбесились вы. Был полон Вакха город.

Агава *(окончательно приходя в себя)*

Я поняла: нас Дионис сгубил.

Кадм

Разгневанный, что вами не был признан.

Агава *(ужас сменяется скорбью)*

А тело сына, где оно, отец?

Кадм *(указывая на носилки)*

Вот – труп. Его насилу разыскал я.

Агава

1300 На месте все? Все сложено опять?...

За мать безумную неужто ж сын в ответе?

Кадм

Как вы, он бога не хотел признать, —

Тогда всех нас одной бедой покрыл он:

Вы, и Пенфей, и весь наш род погиб.

И мне, которому не дали боги сына,

Теперь приходится смотреть на отпрыск твой,

Убитый так злодейски, так позорно.

(Обращается к останкам Пенфея, к которым присоединил и окровавленную голову, взяв ее

от Агавы.)

Дитя мое, с надеждой на тебя
Мой дом взирал, ты был его опорой!
Пенфей, тебя весь город трепетал.
1310 И старика, как на тебя посмотрит,
Никто бы не подумал оскорбить.
Теперь же из дому, пожалуй, выгнан
С позором буду я, великий Кадм,
Тот Кадм, что здесь, посеяв род фиванцев,
Такую жатву дивную собрал.
О, муж любимейший! тебя уж нет со мною,
А все тебя по-прежнему люблю.
До бороды рукой уж не коснешься,
Уж не обнимешь деда, дорогой.
1320 Не скажешь: «Кто, старик, тебя обидел?
Кто сердце растревожил и смутил?
Скажи, отец, и дерзкий мне ответит».
Теперь несчастлив я,

(Кивая головой на Агаву)

и ты горька,

Мать бедная, весь род с тобою страждет.

(Воздевая руки.)

О смертный! Если небо ты презрел,

Взглянув на эту смерть, в богов уверуй!

Хор

Старик! тебя мне жаль: хоть заслужил

Пенфей свой жребий, все же горько деду.

Агава

Смотри, отец, как изменилась я…[22]

---

[22] Примечания: 22

Затем следовал «плач» Агавы. Вероятно, это было одно из сильнейших мест трагедии. Агава стремится обнять останки и не смеет коснуться до них осквернеными руками, наконец она побеждает свои религиозный страх и с плачем, с причитаниями покрывает поцелуями отдельные куски Пенфеева тела. В развязке пьесы на альтане, который возвышается у задней стены, замыкающей сцену, появляется Дионис, уже как небожитель. Начало его речи, где он, объяснив вину Пенфея и его наказание, определял сперва общую кару, потом особую Агаве с сестрами, потеряно вместе с плачем Агавы. Конец речи обращен к Кадму.

Явление пятнадцатое

Дионис

1330 Драконом станешь ты, а дочь Арея,
Гармония, что в жены получил
Ты, смертный, тоже примет вид змеиный.
И повезут тебя с женой быки
Перед несчетной варварской дружиной,
И много городов ты разоришь:
Оракул Зевса вам вещает это.
Но Феба прорицалище твои
Разграбят воины и на возвратном
Пути постраждут. А тебя Арей
С Гармонией спасет и вас с женою
На острове блаженных поселит.
1340 Я говорю вам это, сын Зевеса,
Не смертным порожденный Дионис.
Вот если б скромно вы тогда почтили
Во мне рожденье Зевса, я б теперь

Вам счастье дал, как верный ваш союзник.

Агава

Мы виноваты, сжалься, Дионис!

Дионис

Нет, к богу вы идете слишком поздно.

Агава

Ты прав, о бог, но чересчур суров…

Дионис

Я, бог, терпел от смертных поношенье.

Агава

Но разве смертный гнев пристал богам?

Дионис

Отец мой Зевс все порешил давно.

Агава

1350 Все кончено, старик! О, мрак изгнанья!

Дионис

Что медлить! Рок свершится – все рав-

но.

Явление шестнадцатое

Дионис исчезает. Следует сцена прощанья Агавы с отцом.

Кадм

Дитя мое, беда приспела злая
На нас – и на тебя, и на сестер.
И мне приходится на старости печальной
Переселяться к варварам. Увы,
Оракул мне сказал, что на Элладу
Я варварское войско приведу:
Дракон с змеею, Кадм и дочь Арея,
Мы во главе их смешанных дружин
Пойдем на алтари, гробницы греков…
1360 И Ахеронта волны не дадут
Злосчастному от бед успокоенья.

Агава

Отец, как ты уйдешь, меня ушлют…

(Обнимает Кадма и прижимается к нему с

нежной мольбою.)

Кадм

Дитя, зачем бессильного с мольбою
Ты лебедя седого обняла?

Агава

Кто даст приют отверженной, несчастной?

Кадм

Не знаю, дитятко. Отцу не защитить.

Агава

Прощай, чертог! Прощай, отцовский город!
1370 Для горя покидаю я тебя
Изгнанницей, мой терем.

Кадм

Туда пойди теперь, где Аристеев…[23]

Агава

Отец, я плачу над тобой!

---

[23] Примечания: 23

Дальнейшие строки потеряны. Кадм посылает дочь на Киферон, на то место, где погиб сын Аристея — Актеон и где только что она сама убила Пенфея: ей надо оттуда привести сестер, своих будущих спутниц в изгнании.

Кадм

И я тебя оплакал… всех вас, дети.

Агава

В дом твой горе принес
Дионис-властелин,
Горе злое.

Кадм

Горько было и Вакху, как в Фивах
Вы почтить не хотели его.

Агава

Ты прости, мой отец!

Кадм

Будь здорова,
1380 Если можешь… несчастная дочь!

Агава *(к спутницам)*

К сестрам меня ведите,
Их я возьму с собой
Горечь делить изгнанья…
Ты ж, ненавистный
Склон Киферона,

Век не видеть тебя!

Пусть для других менад

Тирсы красуются!

(Уходит со спутницами.)

Хор

Воли небесной различны явленья, —

Смертный не может ее угадать:

1390 Много надежд проходит бесследно,

Многое боги нежданно дают…

Драме же нашей тут окончанье.

По окончании драмы и уходе актеров со сцены, хор оставляет помост, двигаясь в том же порядке и тем же левым проходом. Хоревты уходят под звуки флейты.

Гете Иоганн. Фауст

Посвящение

Вы вновь со мной, туманные виденья,
Мне в юности мелькнувшие давно…
Вас удержу ль во власти вдохновенья?
Былым ли снам явиться вновь дано?
Из сумрака, из тьмы полузабвенья
Восстали вы… О, будь, что суждено!
Как в юности, ваш вид мне грудь волнует,
И дух мой снова чары ваши чует.
Вы принесли с собой воспоминанье
Веселых дней и милых теней рой;
Воскресло вновь забытое сказанье
Любви и дружбы первой предо мной;
Все вспомнилось: и прежнее страданье,
И жизни бег запутанной чредой,
И образы друзей, из жизни юной
Исторгнутых, обманутых фортуной.
Кому я пел когда-то, вдохновенный,
Тем песнь моя – увы! – уж не слышна…

Кружок друзей рассеян по вселенной,
Их отклик смолк, прошли те времена.
Я чужд толпе со скорбью, мне священной,
Мне самая хвала ее страшна,
А те, кому моя звучала лира,
Кто жив еще, – рассеяны средь мира.
И вот воскресло давнее стремленье
Туда, в мир духов, строгий и немой,
И робкое родится песнопенье,
Стеня, дрожа эоловой струной;
В суровом сердце трепет и смиренье,
В очах слеза сменяется слезой;
Все, чем владею, вдаль куда-то скрылось;
Все, что прошло, – восстало, оживилось!

Пролог в театре

Директор, поэт и комик

Директор

Друзья, вы оба мне не раз
Помочь умели в горькой доле;
Как ваше мненье: хорошо ли
Пойдут дела теперь у нас?
Тружусь для публики я неизменно:
Она живет и жить другим дает.
Уже стоят столбы, готова сцена,
Ждет праздника взволнованный народ.
У нас ведь все к чудесному стремятся:
Глядят во все глаза и жаждут удивляться.
Мне угождать толпе, хоть и не новый труд,
Но все ж меня берет невольное сомненье:
Прекрасного они, конечно, не поймут,
Зато начитаны они до пресыщенья.

Вот дать бы пьесу нам поярче, поновей,

Посодержательней – для публики моей!

А ведь приятен вид толпы необозримой,

Когда она вокруг театра наводнит

Всю площадь и бежит волной неудержимой,

И в двери тесные и рвется и спешит.

Нет четырех часов, до вечера далеко,

А уж толпа кишит, пустого места нет —

Точь-в-точь голодные проед лавкой хлебопека,

И шею все сломить готовы за билет.

Такие чудеса во власти лишь поэта!

Мой друг, теперь прошу: скорей ты сделай это.

Поэт

Не говори мне о толпе безумной —

Она иной раз вдохновение спугнет;

Избавь меня от этой давки шумной,

Влекущей мощно в свой водоворот;

Нет, тишины ищу я, многодумный, —

Лишь там поэту радость расцветет;

Там, только там божественною властью

Любовь и дружба нас приводит к счастью.

Что в глубине сердечной грудь лелеет,

Что просится на робкие уста —

Удачно ль, нет ли, – выйти чуть посмеет

На свет – его погубит суета!

Нет, лучше пусть годами дума зреет,

Чтоб совершенной стала красота!

Мишурный блеск – созданье вероломства,

Прекрасное родится для потомства!

Комик

Потомство! Вот о чем мне речи надоели!

Что, если б для него – потомства – в самом деле

И я бы перестал смешить честной народ?

Кто ж публику тогда, скажите, развлечет

Веселой шуткою, ей нужной, без сомненья?...

Нет, как хотите, а держусь я мненья,

Что весельчак заслужит свой почет

И что забавник не лишен значенья.

Кто интересен публике, мой друг,

Тот говорить с толпою может смело;

Увлечь ее – ему пустое дело.

Успех тем легче, чем обширней круг!

Итак, смелей вперед! Вы можете заставить

Фантазию, любовь, рассудок, чувство, страсть

На сцену выступить; но не забудьте часть

И шаловливого дурачества прибавить.

Директор

А главное, мой друг, введите приключенья!

Глазеть на них-толпе нет выше наслажденья;

Ну, и пускай толпа, разиня рот, глядит...

Причудливую ткань раскиньте перед нею —

И вы упрочили за пьесою своею

Успех, и к вам толпа уже благоволит.

Пусть масса массу привлекает!

Пусть каждый кое-что на вкус получит свой!

Кто много предложил, тот многим угождает —

И вот толпа идет, довольная, домой.

Смелее все в куски мельчайшие крошите —

И этот винегрет успех доставит вам.

Легко вам выдумать, легко представить нам!

Что пользы, если вы им «целое» дадите?

Ведь публика ж его расщиплет по кускам.

Поэт

И вы не видите, как гнусно и постыдно

Такое ремесло? Иль не художник я?

Дряных писак пустая пачкотня

У вас вошла уж в правило, как видно.

Директор

Не может нас упрек подобный оскорбить;

Ведь всякий человек, рассудок свой имея,

Берет оружие, какое бьет вернее.

С волками жить – по-волчьи выть!

Кто ваша публика, позвольте вас спросить?

Один приходит к нам, чтоб скуку утолить,

Другой, набив живот потуже,

Спешит сюда переварить обед,

А третий – что для нас всего, пожалуй, хуже —

Приходит нас судить по толкам из газет.

Для них одно – театр, балы и маскарады:

Лишь любопытством весь народ го-

ним;

А дамы – те идут показывать наряды:

Чтоб роль играть, не нужно платы им.

О чем вы грезите? Спуститесь-ка пониже!

Вам хорошо смотреть с надзвездной вышины!

Нет, вы взгляните-ка поближе!

Те грубы, эти холодны!

Тот хочет пьянствовать недели,

А тот в игорный дом идет…

Смешно, когда поэт зовет

Великих муз к ничтожной цели!

Прошу вас об одном: побольше сочинить,

Как можно более – вот в чем мое стремленье!

Запутайте толпу, введите в заблужденье;

Иначе – верьте мне – ей трудно угодить.

Что с вами? Или вас коснулось вдохновенье?

Поэт

Иди других ищи себе рабов:

Мне высшие права природа уделила.

Предам ли на позор высокий дар богов?

Продажна ли певца святая сила?

Чем трогает сердца восторженный поэт?

Какая сила в нем стихиями владеет?

Не та ль гармония, что в сердце он лелеет,

Которою, творя, объемлет он весь свет?

Когда природа-мать движеньем равнодушным

Нить вечную влечет веретеном послушным,

Когда все сущее, сменяясь каждый час,

В нестройный, резкий хор сливается вкруг нас, —

Кто звуки мерные в порядке размещает,

Чьей речи верный ритм живителен и тверд?

Кто единичное искусно обобщает,

Объединяя все в торжественный аккорд?

Кто бурю выразит в борьбе страстей кипучей,

В теченье строгих дум – зари вечерней свет?

Весны роскошный, лучший цвет

К ногам возлюбленной бросает кто, могучий?

Кто цену придает незначащим листам[24],

В прославленный венок вплетая листья эти?

Кто стережет Олимп, кто друг и связь богам?

Мощь человечества, живущая в поэте!

Комик

И долг ваш – эту мощь на деле применить!

---

[24] Примечания: 24

«Кто цену придает незначащим листам...» — Речь идет о листьях лавра, из которых в древности сплетали венок для украшения головы прославленного человека.

Итак, ловите же минуты вдохновенья,

Как ловит ловелас предлог для похожденья!

Угодно ль, например, любовь изобразить?

Случайно сходятся – взаимное сближенье,

Затем – свидания, надежды, опасенья;

То счастье близко к ним, то вновь уходит вдаль,

То ревность, то боязнь, то радость, то печаль, —

Глядишь – готов роман. И так-то все на свете.

Смелей лишь черпайте из жизни всех людей —

И для задуманной комедии своей

Не будете нуждаться вы в предмете.

Всяк испытал, конечно, чувства эти,

Но редкий знает, сколько в них чудес.

Где ни копните – тут и интерес!

Картина попестрей, поменьше освещенья

Да искра истины средь мрака заблужденья,

И смотришь – славное сварили вы питье,

По вкусу каждому: в нем всяк найдет свое.

Цвет юности идет сюда, мечтая,

Что откровенье в пьесе он найдет,

И нежных душ чувствительная стая

Меланхоличной пищи сердцу ждет.

В одном одну мечту, в другом другую будит

Рассказ искусный ваш, и каждый зритель будет,

ручаюсь, вашей пьесой восхищен:

Что в сердце у него, то в пьесе видит он!

Они еще не прочь и плакать и смеяться,

Возвышенное чтить и блеском восхищаться;

Кто пожил, на того не угодишь ничем,

А тот, кто не созрел, доволен будет

всем!

Поэт

Отдай даже годы мне златые,
Когда и сам я был незрел,
Когда я песни молодые
Не уставая вечно пел!
В тумане мир передо мною
Скрывался; жадною рукою
Повсюду я цветы срывал
И в каждой почке чуда ждал.
Я беден был – и все, что надо
Для счастья чистого, имел:
Стремленьем к истине кипел,
И бред мечты мне был отрада!..
Отдай мне прежний жар в крови,
Мои порывы и стремленья,
Блаженство скорби, мощь любви,
И мощной ненависти рвенье,
И годы юные мои!

Комик

Что юность! Юность вам нужнее,

Когда идете вы на бой,

Когда красавица порой

Сама на вашей виснет шее,

Когда конца своим трудам

Хотите быстро вы добиться,

Когда всю ночь придется вам

Плясать, и петь, и веселиться.

Но чтоб искусною рукой

Играть, восторги возбуждая,

И ловко там и сям блуждая,

Стремиться к цели подставной,

За это старшие пускай берутся смело:

Тем больше будет вам почета, старики!

Что старость в детство нас приводит – пустяки:

До самой старости мы-дети, вот в чем дело!

Директор

Довольно слов, довольно споров,

И комплиментов, и укоров!

Зачем болтать по пустякам?

Пора за дело взяться нам.
К чему такие затрудненья?
Что вдохновенья долго ждать?
Поэт – властитель вдохновенья:
Он должен им повелевать.
Что нужно нам – мы с вами знаем;
Напиток крепкий мы считаем
За лучший – дайте ж нам его!
Не забывайте ничего:
Что можно сделать неотложно,
Зачем на завтра оставлять?
Должны мы сразу уловлять
Все то, что нужно и возможно,
И уж из рук не выпускать!
Для нашей сцены все пригодно;
На ней – вы полный господин;
Берите сколько вам угодно
И декораций, и машин,
Огней бенгальских, освещенья,
Зверей и прочего творенья,
Утесов, скал, огня, воды:
Ни в чем не будет вам нужды.

Весь мир на сцену поместите,
Людей и тварей пышный ряд —
И через землю с неба в ад
Вы мерной поступью пройдите!

Пролог на небесах

Господь, ***архангелы***, *потом* ***Мефистофель***

Рафаил

Звуча в гармонии вселенной
И в хоре сфер гремя, как гром,
Златое солнце неизменно
Течет предписанным путем.
Непостижимость мирозданья
Дает нам веру и оплот,
И, словно в первый день созданья,
Торжественен вселенной ход!

Гавриил

И с непонятной быстротою,
Кружась, несется шар земной;
Проходят быстрой чередою
Сиянье дня и мрак ночной;
Бушует море на просторе,
У твердых скал шумит прибой,
Но в беге сфер земля и море

Проходят вечно предо мной.

Михаил

Грозя земле, волнуя воды,
Бушуют бури и шумят,
И грозной цепью сил природы
Весь мир таинственно объят.
Сверкает пламень истребленья,
Грохочет гром по небесам,
Но вечным светом примиренья
Творец небес сияет нам.

Все трое

И крепнет сила упованья
При виде творческой руки:
Творец, как в первый день созданья,
Твои творенья велики!

Мефистофель

Опять, о Господи, явился ты меж нас
За справкой о земле, – что делается с нею!
Ты благосклонностью встречал меня не раз —

И вот являюсь я меж челядью твоею.

Прости, не мастер я по части громких слов;

Но если б пышный слог я в ход пустить решился,

Сам рассмеялся б ты – ручаться я готов, —

Когда б от смеха ты давно не отучился.

Мне нечего сказать о солнцах и мирах:

Я вижу лишь одни мученья человека.

Смешной божок земли, всегда, во всех веках

Чудак такой же он, как был в начале века!

Ему немножко лучше бы жилось,

Когда б ему владеть не довелось

Тем отблеском божественного света,

Что разумом зовет он: свойство это

Он на одно лишь смог употребить —

Чтоб из скотов скотиной быть!

Позвольте мне – хоть этикет здесь строгий —

Сравненьем речь украсить: он на вид —
Ни дать ни взять кузнечик долгоногий,
Который по траве то скачет, то взлетит
И вечно песенку старинную твердит.
И пусть еще в траве сидел бы оно уютно, —
Так нет же, прямо в грязь он лезет поминутно.

Господь

Ты кончил? С жалобой одною
Являешься ты вечно предо мною!
Иль на земле добра совсем уж нет?

Мефистофель

Нет, что ни говори, а плох наш белый свет!
Бедняга человек! Он жалок так в страданье,
Что мучить бедняка и я не в состоянье.

Господь

Ты знаешь Фауста?

Мефистофель

Он доктор?

Господь

Он мой раб.

Мефистофель

Но не такой, как все; он служит по-иному;
Ни пить, ни есть не хочет по-земному;
Как сумасшедший, он рассудком слаб,
Что чувствует и сам среди сомнений;
Всегда в свои мечтанья погружен,
То с неба лучших звезд желает он,
То на земле – всех высших наслаждений,
И в нем ничто – ни близкое, ни даль —
Не может утолить грызущую печаль.

Господь

Пока еще умом во мраке он блуждает,
Но истины лучом он будет озарен;
Сажая деревцо, садовник уже знает,
Какой цветок и плод с него получит он.

Мефистофель

Бьюсь об заклад: он будет мой!
Прошу я только позволенья, —
Пойдет немедля он за мной.

Господь

Пока живет он на груди земной,
Тебе на то не будет запрещенья:
Блуждает человек, пока в нем есть стремленья.

Мефистофель

Благодарю: не надо мертвых мне!
От трупов я держуся в стороне.
Нет, дайте мне здорового вполне:
Таких я мертвецам предпочитаю, —
Как кошка с мышью, с ними я играю.

Господь

Тебе позволено: иди
И завладей его душою
И, если можешь, поведи
Путем превратным за собою, —
И посрамлен да будет сатана!

Знай: чистая душа в своем исканье смутном

Сознанья истины полна!

Мефистофель

Сознаньем слабым и минутным!

Игра мне эта не страшна,

Не проиграю я заклада;

Но только знайте: если мне

Поддастся он, пусть будет мой вполне:

Триумф победы – вот моя награда!

Пусть вьется он в пыли, как тетушка моя,

Достопочтенная змея!

Господь

Тогда явись ко мне без колебанья!

К таким, как ты, вражды не ведал я…

Хитрец, среди всех духов отрицанья

Ты меньше всех был в тягость для меня.

Слаб человек; покорствуя уделу,

Он рад искать покоя, – потому

Дам беспокойного я спутника ему:

Как бес, дразня его, пусть возбуждает к делу!

А вы, сыны небес и рая, —

Пусть вечно радует вас красота святая,

И ко всему, что есть и бедет вновь,

Пусть проникает вас священная любовь,

И все, что временно, изменчиво, туманно,

Обнимет ваша мысль, спокойно-постоянна.

Небо закрывается. Архангелы расходятся.

Мефистофель*(один)*

Охотно старика я вижу иногда,

Хоть и держу язык; приятно убедиться,

Что даже важные такие господа

Умеют вежливо и с чертом обходиться!

Часть первая
Сцена 1

НОЧЬ.

Старинная комната с высокими готическими сводами.

Фауст, исполненный тревоги, сидит у своего стола в высоком кресле.

Фауст

Я философию постиг,
Я стал юристом, стал врачом…
Увы! с усердьем и трудом
И в богословье я проник, —
И не умней я стал в конце концов,
Чем прежде был… Глупец я из глупцов!
Магистр и доктор я – и вот
Тому пошел десятый год;
Учеников туда, сюда
Я за нос провожу всегда.
И вижу все ж, что не дано нам знанья.
Изныла грудь от жгучего страданья!

Пусть я разумней всех глупцов —

Писак, попов, магистров, докторов, —

Пусть не страдаю от пустых сомнений,

Пусть не боюсь чертей и привидений,

Пусть в самый ад спуститься я готов, —

Зато я радостей не знаю,

Напрасно истину ищу,

Зато, когда людей учу,

Их научить, исправить – не мечтаю!

Притом я нищ: не ведаю, бедняк,

Ни почестей людских, ни разных благ...

Так пес не стал бы жить! Погибли годы!

Вот почему я магии решил

Предаться: жду от духа слов и сил,

Чтоб мне открылись таинства природы,

Чтоб не болтать, трудясь по пустякам,

О том, чего не ведаю я сам,

Чтоб я постиг все действия, все тайны,

Всю мира внутреннюю связь;
Из уст моих чтоб истина лилась,
А не набор речей случайный.
О месяц! Если б в этот час
Ты озарил в последний раз
Меня средь комнаты моей,
Где я познал тоску ночей!..
О, если б мог бродить я там
В твоем сиянье по горам,
Меж духов реять над вершиной,
В тумане плавать над долиной,
Науки праздный чад забыть,
Себя росой твоей омыть!..
Еще ль в тюрьме останусь я?
Нора проклятая моя!
Здесь солнца луч в цветном окне
Едва-едва заметен мне;
На полках книги по стенам
До сводов комнаты моей —
Они лежат и здесь и там,
Добыча пыли и червей;
И полок ряд, убог и сир,

Хранит реторт и банок хлам
И инструменты по стенам.
Таков твой мир! И это мир!
Еще ль не ясно, почему
Изныла грудь твоя тоской,
И больно сердцу твоему,
И жизни ты не рад такой?
Живой природы пышный цвет,
Творцом на радость данный нам,
Ты променял на тлен и хлам,
На символ смерти – на скелет!..
О, прочь! Беги, беги скорей
Туда, на волю! Нострадам
Чудесной книгою своей
Тебя на путь наставит сам.
К словам природы будь не глух —
И ты узнаешь ход светил.
И дух твой будет полон сил,
Когда ответит духу дух!
Чудесных знаков дивный вид
Сухой наш ум не объяснит.
О духи! Здесь вы в тишине

Витаете: ответьте мне!

(Раскрывает книгу и видит знак Макрокосма.)[25]

Что за блаженство вновь в груди моей
Зажглось при этом виде, сердцу милом!
Как будто счастье жизни юных дней
Вновь заструилось пламенно по жилам!
Начертан этот знак не Бога ли рукой?
Он душу бурную смиряет,
Он сердце бедное весельем озаряет,
Он таинства природы раскрывает
Пред изумленною душой!
Не бог ли я? Светло и благодатно
Все вкруг меня! Здесь с дивной глубиной
Все творчество природы предо мной!
Теперь мне слово мудреца понятно:
В мир духов нам доступен путь,

---

[25] Примечания: 25

По учению средневековых мистиков Макрокосм является воплощением вселенной, мироздания, а Микрокосм — это человек. Знак Макрокосма в книгах по магии обозначал вселенную, живые силы природы.

Но ум твой спит, изнемогая,

О ученик! восстань, купая

В лучах зари земную грудь!»

(Рассматривает изображение.)

Как в целом части все, послушною толпою

Сливаясь здесь, творят, живут одна другою!

Как силы вышние в сосудах золотых

Разносят всюду жизнь божественной рукою

И чудным взмахом крыл лазоревых своих

Витают над землей и в высоте небесной —

И стройно все звучит в гармонии чудесной!

О, этот вид! Но только вид – увы!

Мне не обнять природы необъятной!

И где же вы, сосцы природы, – вы,

Дарующие жизнь струею благодатной,

Которыми живет и небо и земля,

К которым рвется так больная грудь

моя?

Вы всех питаете – что ж тщетно жажду я?

(Нетерпеливо перелистывая книгу, видит знак Духа Земли.)

Вот знак другой. Он чувства мне иные

Внушает. Дух Земли, ты ближе мне, родней!

Теперь себя я чувствую сильней —

Снесу и горе я и радости земные.

Как будто бы вином живительным согрет,

Отважно ринусь я в обширный божий свет;

Мне хочется борьбы, готов я с бурей биться —

И в час крушенья мне ли устрашиться?

Повсюду мрак и тишина.

Меж туч скрывается луна,

И лампа тихо угасает.

Над головою в вышине

Кровавый луч во мгле сверкает,

И в кровь, стесняя сердце мне,

Холодный ужас проникает.

О дух, ты здесь, ты близок – о, приди!

Как сердце бьется у меня в груди!

Всем существом, души всей мощным зовом

Я порываюсь к чувствам новым!

Явись, явись мне – я всем сердцем твой!

Пусть я умру – явись передо мной!

(Закрывает книгу и таинственно произносит заклинание.

Вспыхивает красноватое пламя, в котором является Дух.)

Дух

Кто звал меня?

Фауст*(отворачиваясь)*

Ужасное виденье!

Дух

Я вызван мощным голосом твоим:

К моей ты сфере льнул, ее ты порожденье, —

И вот...

Фауст

Увы, твой вид невыносим!

Дух

Не ты ли сам желал с тоской упорной
Увидеть лик, услышать голос мой?
Склонился я на зов отважный твой —
И вот я здесь! Но что за страх позорный,
Сверхчеловек, тобою овладел?
Где мощный зов души, где тот титан могучий,
Кто мир весь обнимал, кто мыслию кипучей
Сравняться с нами, духами, хотел?
Ты Фауст ли, кто звать меня посмел
Всей силою души неосторожной?
И что ж? Моим дыханьем обожжен,
Дрожит, в пыли дорожной корчась, он,
Как червь презренный и ничтожный!

Фауст

Во прах перед тобой я не склонюсь челом.
Знай: равен я тебе, дух пламенный, во

всем!

Дух

В буре деяний, в волнах бытия
Я подымаюсь,
Я опускаюсь...
Смерть и рожденье —
Вечное море;
Жизнь и движенье
И вечном просторе...
Так на станке проходящих веков
Тку я живую одежду богов.

Фауст

Ты целый мир обширный обнимаешь:
О деятельный дух, как близок я тебе!

Дух

Ты близок лишь тому, кого ты постигаешь —
Не мне.

(Исчезает.)
Фауст *(падая)*

Не тебе!

Но кому ж?

Я, образ Божества,

Не близок и тебе!

Стучатся в дверь.

Стучатся. Знаю я: помощник это мой!

Погибло все! О смерть, о муки!

Да, он пришел смутить видений чудный рой,

Ничтожный червь сухой науки!

Отворяется дверь. Входит Вагнер в спальном колпаке и халате, держа лампу в руке. Фауст с неудовольствием отворачивается.

Вагнер

Простите! Что-то вслух читали вы сейчас —

Из греческой трагедии, конечно?

Вот в этом преуспеть желал бы я сердечно:

Ведь декламация в большой цене у нас!

Случалось слышать мне, что может в деле этом

К комедианту поп явиться за советом.

Фауст

Да, коль священник ваш актер и сам,
Как мы нередко видим здесь и там.

Вагнер

Что ж делать! Мы живем всегда в уединенье;
Едва по праздникам покинешь свой музей,
И то, как в телескоп, свет видишь в отдаленье.
Так где ж найти слова, чтоб нам учить людей?

Фауст

Когда в вас чувства нет, все это труд бесцельный;
Нет, из души должна стремиться речь,
Чтоб прелестью правдивой, неподдельной
Сердца людские тронуть и увлечь!
А вы? Сидите, сочиняйте,
С чужих пиров объедки подбирайте —
И будет пестрый винегрет

Поддельным пламенем согрет.
Когда таков ваш вкус – пожалуй, этим
Вы угодите дуракам и детям;
Но сердце к сердцу речь не привлечет,
Коль не из сердца ваша речь течет.

Вагнер

Нет, в красноречьи – истинный успех!
Но в этом, признаюсь, я поотстал от всех.

Фауст

Ищи заслуги честной и бесспорной!
К чему тебе колпак шута позорный?
Когда есть ум и толк в словах у нас,
Речь хороша и без прикрас.
И если то, что говорится, дельно, —
Играть словами разве не бесцельно?
Да, ваши речи, с праздным блеском их,
В обман лишь вводят вычурой бесплодной.
Не так ли ветер осени холодной
Шумит меж листьев мертвых и сухих?

Вагнер

Ах, Боже мой, наука так пространна,

А наша жизнь так коротка!

Мое стремленье к знанью неустанно,

И все-таки порой грызет меня тоска.

Как много надо сил душевных; чтоб добраться

До средств лишь, чтоб одни источники найти;

А тут, того гляди, еще на полпути

Придется бедняку и с жизнию расстаться.

Фауст

В пергаменте ль найдем источник мы живой?

Ему ли утолить высокие стремленья?

О нет, в душе своей одной

Найдем мы ключ успокоенья!

Вагнер

Простите: разве мы не радостно следим

За духом времени? За много лет пред

нами

Как размышлял мудрец и как в сравненьи с ним

Неизмеримо вдаль подвинулись мы сами?

Фауст

О да, до самых звезд! Ужасно далеко!

Мой друг, прошедшее постичь не так легко:

Его и смысл – и дух, насколько не забыты, —

Как в книге за семью печатями сокрыты.

То, что для нас на первый, беглый взгляд

Дух времени – увы! – не что иное,

Как отраженье века временное

В лице писателя: его лишь дух и склад!

От этого в отчаянье порою

Приходишь: хоть беги куда глаза глядят!

Все пыльный хлам да мусор пред тобою,

И рад еще, когда придется прочитать

О важной пьесе с пышным представленьем

И наставительным в конце нравоученьем,

Как раз для кукольной комедии под стать!

Вагнер

А мир? А дух людей, их сердце? Без сомненья,

Всяк хочет что-нибудь узнать на этот счет.

Фауст

Да; но что значит – знать? Вот в чем все затрудненья!

Кто верным именем младенца наречет?

Где те немногие, кто век свой познавали,

Ни чувств своих, ни мыслей не скрывали,

С безумной смелостью к толпе навстречу шли?

Их распинали, били, жгли...

Однако поздно: нам пора расстаться;

Оставим этот разговор.

Вагнер

А я хоть навсегда готов бы здесь остаться,

Чтоб только продолжать такой ученый спор!

Ну что ж: хоть завтра, в пасху, в воскресенье,

Позвольте вам еще вопрос-другой задать.

Ужасное во мне кипит к наукам рвенье:

Хоть много знаю я, но все хотел бы знать.

(Уходит.)

Фауст*(один)*

Он все надеется! Без скуки безотрадной

Копается в вещах скучнейших и пустых;

Сокровищ ищет он рукою жадной —

И рад, когда червей находит дожде-

вых!..

И как слова его раздаться здесь могли,

Где духи реяли, всего меня волнуя!

Увы! Ничтожнейший из всех сынов земли,

На этот раз тебя благодарю я!

Ты разлучил меня с отчаяньем моим;

А без тебя я впал бы в исступленье:

Так грозно-велико восстало то виденье,

Что карликом себя я чувствовал пред ним!

К зерцалу истины, сияющей и вечной,

Я, образ Божества, приблизиться мечтал,

Казалось – я быть смертным перестал

В сиянии небес и в славе бесконечной;

Превыше ангелов я был в своих мечтах,

Весь мир хотел обнять и, полный упоенья,

Как Бог, хотел вкусить святого наслажденья —

И вот возмездие за дерзкие стремленья:

Я словом громовым повержен был во прах!

О нет, не равен я с тобою,

Тебя я вызвать мог тоскующей душою,

Но удержать тебя я силы не имел:

Так мал я, так велик казался, – но жестоко

Ты оттолкнул меня; одно мгновенье ока —

И вновь я человек, – безвестен мой у дел!

Кто ж скажет мне, расстаться ли с мечтами?

Научит кто? Куда идти?

Увы, себе своими же делами

Преграды ставим на пути!

К высокому, прекрасному стремиться

Житейские дела мешают нам,

И если благ земных нам удалось добиться,

То блага высшие относим мы к мечтам.

Увы, теряем мы средь жизненных вол-

нений

И чувства лучшие и цвет своих стремлений.

Едва фантазия отважно свой полет

К высокому и вечному направит, —

Она себе простора не найдет:

Ее умолкнуть суета заставит.

Забота тайная тяжелою тоской

Нам сердце тяготит, и мучит нас кручиной,

И сокрушает нам и счастье и покой,

Являясь каждый день под новою личиной.

Нам страшно за семью, нам жаль детей, жены;

Пожара, яда мы страшимся в высшей мере;

Пред тем, что не грозит, дрожать обречены;

Еще не потеряв, мы плачем о потере.

Да, отрезвился я – не равен я богам!

Пора сказать «прости» безумным тем мечтам!

Во прахе я лежу, как жалкий червь, убитый

Пятою путника, и смятый и зарытый.

Да, я во прахе! Полки по стенам

Меня мучительно стесняют:

Дрянная ветошь, полусгнивший хлам

На них лежат и душу мне терзают.

Все пыльный сор да книги! Что мне в них?

И должен ли прочесть я эти сотни книг,

Чтоб убедиться в том, что в мире все страдало

Всегда, как и теперь, и что счастливых мало?

Ты, череп, что в углу смеешься надо мной,

Зубами белыми сверкая?

Когда-то, может быть, как я, владелец твой

Блуждал во тьме, рассвета ожидая!

Насмешливо глядит приборов целый строй,

Винты и рычаги, машины и колеса.

Пред дверью я стоял, за ключ надежный свой

Считал вас… Ключ хитер, но все же двери той

Не отопрет замка, не разрешит вопроса!

При свете дня покрыта тайна мглой,

Природа свои покров не снимет перед нами,

Увы, чего не мог постигнуть ты душой

Не объяснить тебе винтом и рычагами!

Вот старый инструмент, не нужный мне торчит!

Когда-то с ним отец мой много повозился;

Вот этот сверток здесь давным-давно лежит

И весь от лампы копотью покрылся.

Ах, лучше бы весь скарб я промотал скорей,

Чем вечно здесь потеть под гнетом мелочей!

Что дал тебе отец в наследное владенье,

Приобрети, чтоб им владеть вполне;

В чем пользы нет, то тягостно вдвойне,

А польза только в том, что даст тебе мгновенье.

Но что там за сосуд? Он мощно, как магнит,

Влечет меня к себе, блестящий, милый взору!

Так сладко нам, когда нам заблестит

В лесу луна в ночную пору.

Привет тебе, единственный фиал,

Который я беру с благоговеньем!

В тебе готов почтить я с умиленьем

Весь ум людей, искусства идеал!

Вместилище снов тихих, непробудных,

Источник сил губительных и чудных, —

Служи владельцу своему вполне!

Взгляну ли на тебя – смягчается страданье;

Возьму ли я тебя – смиряется желанье.

И буря улеглась в душевной глубине.

Готов я в дальний путь! Вот океан кристальный

Блестит у ног моих поверхностью зеркальной,

И светит новый день в безвестной стороне!

Вот колесница в пламени сиянья

Ко мне слетает! Предо мной эфир

И новый путь в пространствах мирозданья.

Туда готов лететь я – в новый мир.

О наслажденье жизнью неземною!

Ты стоишь ли его, ты, жалкий червь земли?

Да, решено: оборотись спиною

К земному солнцу, что блестит вдали,

И грозные врата, которых избегает

Со страхом смертный, смело нам открой

И докажи, пожертвовав собой,

Что человек богам не уступает.

Пусть перед тем порогом роковым

Фантазия в испуге замирает;

Пусть целый ад с огнем своим

Вокруг него сверкает и зияет, —

Мужайся, соверши с весельем смелый шаг,

Хотя б грозил тебе уничтоженья мрак!

Приди ж ко мне, кристальный мой фиал,

Покинь футляр, под слоем пыли скрытый!

Как долго ты лежал, презренный и забытый!

На дедовских пирах когда-то ты сверкал,

Гостей суровых веселя беседу,

Когда тебя сосед передавал соседу.

Краса резьбы причудливой твоей,

Обычай толковать в стихах ее значенье

И залпом осушать всю чашу в заклю-

ченье —

Напоминают мне попойки юных дней.

Не пировать уж мне, тебя опорожняя,

Не изощрять мой ум, узор твой объясняя!

Хмелен напиток мой, и темен зелья цвет:

Его сготовил я своей рукою,

Его избрал всем сердцем, всей душою.

В последний раз я пью и с чашей роковою

Приветствую тебя, неведомый рассвет!

(Подносит к губам бокал.)
Звон колоколов и хоровое пение.

Хор ангелов

Христос воскрес!

Тьмой окруженные,

Злом зараженные,

Мир вам, прощенные

Люди, с небес!

Фауст

О звук божественный! Знакомый сердцу звон

Мне не дает испить напиток истребленья.

Его я узнаю: нам возвещает он

Божественную весть святого воскресенья.

В ту ночь, когда с землей сроднились небеса,

Не так ли ангелов звучали голоса

Святым залогом искупленья?

Хор женщин

Щедро мы лили

Миро душистое,

В гроб положили

Тело пречистое;

В ткань плащаницы

Был облачен Христос, —

Кто ж из гробницы

Тело унес?

Хор ангелов

Христос воскрес!

Кто средь мучения,
В тьме искушения
Ищет спасения, —
Мир вам с небес!

Фауст

О звуки сладкие! Зовете мощно вы
Меня из праха вновь в иные сферы!
Зовите тех, чьи души не черствы,
А я – я слышу весть, но не имею веры!
Меня ли воскресить? Могу ли верить я?
А чудо – веры есть любимое дитя!
Стремиться в мир небес, откуда весть нисходит,
Не смею я; туда пути мне нет...
И все же милый звон, знакомый с юных лет,
Меня, как прежде, к жизни вновь приводит.
В субботу тихую касалася меня
Небесная любовь святым своим лобзаньем,
И звон колоколов пленял очарованьем,

И вся молитвою пылала грудь моя.

Влекомый силою какой-то непонятной,

Я уходил в леса, бродил в тиши полей,

И за слезой слеза катилась благодатно,

И новый мир вставал в душе моей.

Все, все мне вспомнилось – и юности отвага,

И счастье вольное, краса моей весны…

О нет! Не сделаю я рокового шага:

Воспоминанием все муки смягчены!

О звуки дивные, плывите надо мною!

Я слезы лью, мирюсь я с жизнию земною!

Хор учеников

Гроб покидает он,

Смерть побеждая;

К небу взлетает он,

Славой блистая;

Мир озаряет весь

Светом спасения;

Нас оставляет здесь
В области тления.
Здесь мы томимся все
В тяжкой борьбе!
Сердцем стремимся все,
Боже, к тебе!

Хор ангелов

Чуждый истления,
Мощно Христос восстал!
Узы мучения
Он разорвал!
Вам, здесь страдающим,
Всех утешающим,
Ближних питающим,
В рай призывающим, —
Близок учитель вам:
С вами он сам!

Сцена 2

У ГОРОДСКИХ ВОРОТ.
Гуляющие выходят из ворот.

Несколько подмастерьев

Эй, вы! Куда вы, господа?

Другие

В охотный двор. А вы куда?

Первые

На мельницу!

Один из подмастерьев

Пойдем к прудам!

Второй подмастерье

Бог с ними!
Туда дорога чересчур худа.

Вторая группа подмастерьев

А ты?

Третий подмастерье

Пойду куда-нибудь с другими.

Четвертый

В Бургдорф наведаться советую я вам.
Какие девушки, какое пиво там!
А драка – первый сорт! Пойдемте-ка, ребята!

Пятый

Знать, чешется спина: все драки подавай,
Вот погоди, намнут тебе бока-то!
Ступай-ка сам – меня не зазывай.

Служанка

Нет, нет! Вернуться надо мне скорее.

Другая

Куда? Он, верно, там, у тополей, в аллее.

Первая

Да мне-то что за радость в нем?
Он вечно ходит за тобою,
Болтает, пляшет не со мною:
Что мне в веселии твоем?

Вторая

Да мы пойдем не с ним одним:
Кудрявый тоже будет с ним.

Студент

Эх, девки, черт возьми! Смотри, бегут как живо!

А что, коллега, надо их догнать!

Забористый табак, да пенистое пиво,

Да девушка-краса – чего еще желать!

Девушка-горожанка

Вот так молодчики! Как им не удивляться!

Ведь это просто стыд и срам!

Могли бы в обществе отличном прогуляться —

Нет, за служанками помчались по пятам!

Второй студент *(первому)*

Постой: вон две идут другие;

Из них соседка мне одна.

Мне очень нравится она.

Смотри, нарядные какие!

Не торопясь, идут они шажком

И поджидают нас тайком.

Первый студент

Эх, братец, брось! Стесняться неохота.

Скорей вперед: дичь может ускакать!

Чья ручка пол метет, когда придет суббота,

Та в праздник лучше всех сумеет приласкать.

Горожанин

Нет, новый бургомистр ни к черту не годится.

Что день, то больше он гордится.

А много ль город видит пользы в нем?

Что день, то хуже, без сомненья:

Все только больше подчиненья

Да платим мы все больше с каждым днем.

Нищий *(поет)*

Веселой, пестрою толпою

Вы здесь идете, господа;

Взгляните, сжальтесь надо мною,

Да тронет вас моя нужда!

Услышьте голос мой молящий!

Лишь тот блажен, кто может дать.

О, пусть день праздника блестящий

Днем сытым буду я считать!

Другой горожанин

Люблю послушать я, как в праздник соберутся
Потолковать о битвах, о войне,
Как где-то в Турции, в далекой стороне,
Народы режутся и бьются.
Стаканчик свой держа, стою перед окном,
И барки по реке проходят предо мною;
А после, к вечеру, иду себе в свой дом,
Благословляя мир спокойною душою.

Третий горожанин

Так, так, сосед! Мы смирно здесь живем,
А там, кто хочет, пусть себе дерется!
Перевернись весь свет вверх дном —
Лишь здесь по-старому пускай все остается!

Старуха *(девушкам-горожанкам)*

Вишь, как разряжены, – что розан молодой!
Ах вы, красавицы! Ну как в вас не влю-

биться?

Что гордо смотрите? Не брезгайте вы мной:

Старушка может пригодиться.

Девушка-горожанка

Сюда, Агата! От старухи прочь!

Нам с ведьмой говорить при людях не пристало.

Хотя, поверь, в андреевскую ночь

Она мне суженого ловко показала[26].

Другая

У ней я тоже видела его:

Мне в зеркале колдунья показала.

Военный-как хорош! Уж я его искала,

Да встретить не могу, не знаю отчего.

Солдаты

Башни с зубцами,

Нам покоритесь!

Гордые девы,

---

[26] Примечания: 26

По немецкому народному поверью, в андреевскую ночь (под 30 ноября) девушка, помолившись святому Андрею, может увидеть своего суженого.

Нам улыбнитесь!
Все вы сдадитесь!
Славная плата
Смелым трудам!
Подвиг солдата
Сладостен нам.
Сватаны все мы
Звонкой трубою
К радости шумной,
К смертному бою.
В битвах и штурмах
Дни наши мчатся;
Стены и девы
Нам покорятся.
Славная плата
Смелым трудам!
Миг – и солдата
Нет уже там.

Фауст *и* ***Вагнер****.*

Фауст

Умчалися в море разбитые льдины;
Живою улыбкой сияет весна;

Весенней красою блистают долины;
Седая зима ослабела: в теснины,
В высокие горы уходит она.
Туда она прячется в злобе бесплодной
И сыплет порою метелью холодной
На свежую, нежную зелень весны, —
Но солнце не хочет терпеть белизны;
Повсюду живое стремленье родится,
Все вырасти хочет, спешит расцвести-ться,
И если поляна еще не цветет,
То вместо цветов нарядился народ.
Взгляни, обернись: из-под арки старинной
Выходит толпа вереницею длинной;
Из душного города в поле, на свет
Теснится народ, оживлен, разодет;
Погреться на солнце – для всех наслаждень-ье,
Они торжествуют Христа воскресенье
И сами как будто воскресли они:
Прошли бесконечные зимние дни,

Из комнаты душной, с работы тяжелой,
Из лавок, из тесной своей мастерской,
Из тьмы чердаков, из-под крыши резной
Народ устремился гурьбою веселой,
И после молитвы во мраке церквей
Так сладостен воздух зеленых полей.
Смотри же, смотри: и поля и дорога
Покрыты веселой и пестрой толпой;
А там, на реке, и возня, и тревога,
И лодок мелькает бесчисленный рой.
И вот уж последний челнок нагруженный
С усильем отчалил, до края в воде;
И даже вверху, на горе отдаленной,
Виднеются пестрые платья везде.
Чу! Слышится говор толпы на поляне;
Тут истинный рай им! Ликуют селяне,
И старый и малый, в веселом кругу.
Здесь вновь человек я, здесь быть им могу!

Вагнер

Люблю прогулку, доктор, с вами,
В ней честь и выгода моя;
Но враг я грубого – и не решился б я
Один здесь оставаться с мужиками.
Их кегли, скрипки, крик и хоровод
Я наблюдаю с сильным отвращеньем:
Как бесом одержим, кривляется народ, —
И это он зовет весельем, пляской, пеньем!

Крестьяне *(танцуют под липой; пляска и пение)*

Пустился в пляску пастушок;
На нем и ленты, и венок,
И куртка красовалась.
Народ под липами кишел,
И танец бешеный кипел,
И скрипка заливалась.
В толпу немедля он влетел
И локтем девушку задел
Для первого начала.

Но бойко девушка глядит:
«Как это глупо, – говорит, —
Потише б не мешало!»
Но он, обвив ее рукой,
Пустился с нею в пляс лихой —
Лишь юбки развевались.
Ее он поднял на локте,
Им стало жарко в тесноте,
И оба задыхались.
«Пусти, меня не проведешь!
Я знаю: ласки ваши – ложь,
И клятвы ваши зыбки!»
Но он, обняв ее, влечет,
А там, вдали, шумит народ
И льются звуки скрипки.

Старый крестьянин

Прекрасно с вашей стороны,
Что вы пришли в веселый час!
Вы так учены и умны,
А не забыли и о нас.
Вас кружкой лучшего питья
Народ признательный дарит,

И громко здесь желаю я:
Пусть грудь она вам освежит,
И сколько капель чистых в ней —
Дай Бог вам столько светлых дней.

Фауст

Я за здоровье ваше пью,
А за привет – благодарю.
Народ собирается вокруг.

Старик

Да, мысль благая – посетить
Народ теперь, в веселый час;
Но вам случалось приходить
И в дни беды, трудясь для нас.
Немало здесь стоит таких,
Которых ваш отец лечил:
От верной смерти спас он их
И нам заразу потушил.
Тогда ты, юноша, за ним
Везде ходил среди больных,
Отважен, чист и невредим
Меж трупов, гноем залитых, —

И жив остался покровитель:
Хранил спасителя Спаситель.

Народ

Ученый муж, ты многих спас;
Живи ж сто лет, спасая нас!

Фауст

Склонитесь лучше перед тем,
Кто учит всех и благ ко всем.

(Идет с Вагнером дальше.)

Вагнер

Что должен был ты, муж великий, ощутить,
Услышав эту речь и эти восклицанья!
О, счастлив, кто дары свои и знанья
С такою пользой мог употребить!
Приход твой мигом изменил картину:
Отец тебя показывает сыну,
Бегут, спешат, теснятся все вокруг;
Замолк скрипач, затихла пляска вдруг;
Проходишь ты – они стоят рядами,
И шапки вверх летят все тут!

Еще момент – и ниц они падут,
Как пред священными дарами.

Фауст

Пойдем туда: на камне том
Присядем мы и отдохнем немного.
Не раз я здесь сидел, томя себя по-стом,
Молясь и призывая Бога.
С надеждой, с верою в Творца,
В слезах, стеня, ломая руки,
Для язвы злой, для страшной муки
Просил я скорого конца.
Слова толпы звучат насмешкой злою
В ушах моих, и знаю я один,
Как мало мы, отец и сын,
Гордиться можем этой похвалою.
Отец мой, темный труженик, в тиши
Над тайнами природы тщетно бился;
В ее круги святые он стремился
Проникнуть всеми силами души —
По-своему, но честно. Меж адептов
Сидел он в черной кухне взаперти

И силился бальзам целительный найти,

Мешая разных множество рецептов.

Являлся красный лев – и был он женихом,

И в теплой жидкости они его венчали

С прекрасной лилией, и грели их огнем,

И из сосуда их в сосуд перемещали.

И вслед – блиставшую лучами всех цветов

Царицу юную в стекле мы получали:

Целительный напиток был готов[27].

И стали мы лечить. Удвоились мученья:

Больные гибли все без исключенья,

А выздоравливал ли кто,

Спросить не думали про то.

Вот наши подвиги леченья!

Средь этих гор губили мы

---

[27] Примечания: 27

Черная кухня — рабочий кабинет алхимика. Гёте пользуется терминологией алхимиков для изображения фантастического опыта добывания панацеи — всеисцеляющего средства. Под красным львом алхимики разумели золото или серу. Лилия — в алхимии название серебра или ртути. Царица юная — в алхимии панацея.

Страшней губительной чумы!
Я сам дал тысячам отраву:
Их нет – а я живу… И вот —
В моем лице воздал народ
Своим убийцам честь и славу!

Вагнер

Ну стоит ли об этом вам тужить!
Довольно, если правильно и честно
Сумели вы все к делу приложить,
Что от других вам сделалось известно.
Как юноша, трудам отца почет
Воздали вы, – он был доволен вами;
Потом науку двинули вы сами,
А сын ваш снова далее пойдет!

Фауст

О, счастлив тот, кому дана отрада —
Надежда выбраться из непроглядной тьмы!
Что нужно нам, того не знаем мы,
Что ж знаем мы, того для нас не надо.
Но перестань: не будем отравлять

Прекрасный этот час печальными речами,

Взгляни: уж солнце стало озарять

Сады и хижины прощальными лучами.

Оно заходит там, скрываясь вдали,

И пробуждает жизнь иного края...

О, дайте крылья мне, чтоб улететь с земли

И мчаться вслед за ним, в пути не уставая!

И я увидел бы в сиянии лучей

У ног моих весь мир: и спящие долины,

И блеском золотым горящие вершины,

И реку в золоте, и в серебре ручей.

Ущелья диких гор с высокими хребтами

Стеснить бы не могли стремления души:

Предстали бы моря, заснувшие в тиши,

Пред изумленными очами.

Вот солнце скрылось, но в душе больной

Растет опять могучее желанье

Лететь за ним и пить его сиянье,
Ночь видеть позади и день передо мной,
И небо в вышине, и волны под ногами.
Прекрасная мечта! Но день уже погас.
Увы, лишь дух парит, от тела отрешась, —
Нельзя нам воспарить телесными крылами!
Но подавить нельзя подчас
В душе врожденное стремленье —
Стремленье ввысь, когда до нас
Вдруг долетает жаворонка пенье
Из необъятной синевы небес,
Когда, внизу оставя дол и лес,
Орел парит свободно над горами
Иль высоко под облаками
К далекой родине своей
Несется стая журавлей.

Вагнер

Хандрил и я частенько, без сомненья,
Но не испытывал подобного стремленья.

Ведь скоро надоест в лесах, в полях блуждать...

Нет, что мне крылья и зачем быть птицей!

Ах, то ли дело поглощать

За томом том, страницу за страницей!

И ночи зимние так весело летят,

И сердце так приятно бьется!

А если редкий мне пергамент попадется,

Я просто в небесах и бесконечно рад.

Фауст

Тебе знакомо лишь одно стремленье,

Другое знать – несчастье для людей.

Ах, две души живут в больной груди моей,

Друг другу чуждые, – и жаждут разделенья!

Из них одной мила земля —

И здесь ей любо, в этом мире,

Другой – небесные поля,

Где тени предков там, в эфире.

О духи, если вы живете в вышине

И властно реете меж небом и землею,

Из сферы золотой спуститесь вы ко мне

И дайте жить мне жизнию иною!

О, как бы я плащу волшебному был рад,

Чтоб улететь на нем к неведомому миру!

Я б отдал за него роскошнейший наряд,

Его б не променял на царскую порфиру!

Вагнер

Не призывай знакомый этот рой,

Разлитый в воздухе, носящийся над нами;

От века он душе людской

Грозит со всех концов и горем и бедами.

То мчатся с севера, и острый зуб их лют,

И языком они язвят нас, как стрелою;

То от востока к нам они бездождье шлют

И сушат нашу грудь чахоткой злою;

То, если из пустынь пошлет их жаркий юг,

Они палящий зной над головой нам копят;

То с запада они примчат прохладу вдруг,

А после нас самих, луга и нивы топят.

Они спешат на зов, готовя гибель нам:

Они покорствуют, в обман увлечь желая,

Уподобляются небес святым послам,

И пенью ангелов подобна ложь их злая…

Однако нам домой пора давно:

Туман ложится, холодно, темно…

Да, только вечером мы ценим дом укромный!

Но что ж ты стал? И чем в долине темной

Твое вниманье так привлечено?

Чего твой взор во мгле туманной ищет?

Фауст

Ты видишь – черный пес по ниве рыщет?

Вагнер

Ну да; но что ж особенного в том?

Фауст

Всмотрись получше: что ты видишь в нем?

Вагнер

Да просто пудель перед нами:
Хозяина он ищет по следам.

Фауст

Ты видишь ли: спиральными кругами
Несется он все ближе, ближе к нам.
Мне кажется, что огненным потоком
Стремятся искры по следам его.

Вагнер

Ты в зрительный обман впадаешь ненароком;
Там просто черный пес – и больше ничего.

Фауст

Мне кажется, что нас он завлекает
В магическую сеть среди кругов своих.

Вагнер

Искал хозяина – и видит двух чужих!
Взгляни, как к нам он робко подбегает.

Фауст

Круги тесней, тесней... Вот он уж близок к нам.

Вагнер

Конечно, пес как пес – не призрак: видишь сам!
То ляжет, то, ворча, помчится без оглядки,
То хвостиком вильнет: собачьи все ухватки!

Фауст

Иди сюда! Ступай за нами вслед!

Вагнер

Да, с этим псом конца забавам нет;
Стоишь спокойно – ждет он терпеливо;

Окликнешь – он к тебе идет;
Обронишь вещь – он мигом принесет;
Брось палку в воду – он достанет живо.

Фауст

Ты прав, я ошибался. Да:
Все дрессировка тут, а духа ни следа.

Вагнер

Да, вот к такой собаке приученной
Привяжется порой и муж ученый.
Воспитанник студентов удалых,
Пес этот стоит милостей твоих.
Они входят в городские ворота.

Сцена 3

КАБИНЕТ ФАУСТА.
Фауст входит с пуделем.

Фауст

Покинул я поля и нивы;
Они туманом облеклись.
Душа, смири свои порывы!

Мечта невинная, проснись!
Утихла дикая тревога,
И не бушует в жилах кровь:
В душе воскресла вера в Бога,
Воскресла к ближнему любовь.
Пудель, молчи, не мечись и не бейся:
Полно тебе на пороге ворчать;
К печке поди, успокойся, согрейся;
Можешь на мягкой подушке лежать.
Нас потешал ты дорогою длинной,
Прыгал, скакал и резвился весь путь;
Ляг же теперь и веди себя чинно,
Гостем приветливым будь.
Когда опять в старинной келье
Заблещет лампа, друг ночей,
Возникнет тихое веселье
В душе смирившейся моей,
И снова мысли зароятся,
Надежда снова зацветет —
И вновь туда мечты стремятся,
Где жизни ключ струею бьет.
Пудель, молчи! К этим звукам небес-

ным,

Так овладевшим моею душой,

Кстати ль примешивать дикий твой вой?

Часто у нас над прекрасным и честным

Люди смеются насмешкою злой,

Думы высокой понять не умея.

Злобно ворчат лишь, собой не владея.

Так ли ты, пудель, ворчишь предо мной?

Но горе мне! Довольства и смиренья

Уже не чувствует больная грудь моя.

Зачем иссяк ты, ключ успокоенья?

Зачем опять напрасно жажду я?

Увы, не раз испытывал я это!

Но чтоб утрату счастья заменить,

Мы неземное учимся ценить

И в откровеньи ждем себе ответа,

А луч его всего ясней горит

В том, что Завет нам Новый говорит.

Раскрою ж текст я древний, вдохновенный,

Проникнусь весь святою стариной,
И честно передам я подлинник священный
Наречью милому Германии родной.

(Открывает книгу и собирается переводить.)

Написано: «В начале было Слово» —
И вот уже одно препятствие готово:
Я слово не могу так высоко ценить.
Да, в переводе текст я должен изменить,
Когда мне верно чувство подсказало.
Я напишу, что Мысль – всему начало.
Стой, не спеши, чтоб первая строка
От истины была недалека!
Ведь Мысль творить и действовать не может!
Не Сила ли – начало всех начал?
Пишу – и вновь я колебаться стал,
И вновь сомненье душу мне тревожит.
Но свет блеснул – и выход вижу смело,
Могу писать: «В начале было Дело»!
Пудель, не смей же визжать и метать-

ся,
Если желаешь со мною остаться!
Слишком докучен товарищ такой:
Мне заниматься мешает твой вой.
Я или ты; хоть и против охоты,
Гостя прогнать принужден я за дверь.
Ну, выходи же скорее теперь:
Путь на свободу найдешь тут легко ты.
Но что я вижу? Явь или сон?
Растет мой пудель, страшен он,
Громаден! Что за чудеса!
В длину и в ширину растет.
Уж не походит он на пса!
Глаза горят; как бегемот,
Он на меня оскалил пасть.
О, ты мою узнаешь власть!
Ключ Соломона[28] *весь свой вес*
Тебе покажет, полубес!

---

[28] Примечания: 28

«Ключ Соломона» — В средние века библейский царь Соломон считался могучим волшебником. «Ключ Соломона» — Древнееврейская книга заклинаний.

Духи[29] *(в коридоре)*

Он попался! Поспешим!
Но входить нельзя за ним,
Как лиса среди тенет,
Старый бес сидит и ждет.
Так слетайся же скорей,
Осторожных духов рой,
И старайся всей толпой,
Чтоб избегнул он цепей.
В эту сумрачную ночь
Мы должны ему помочь.
Он велик, могуч, силен:
Помогал не раз нам он!

Фауст

Для покоренья зверя злого
Скажу сперва четыре слова:
Саламандра, пылай!
Ты, Сильфида, летай!
Ты, Ундина, клубись!

---

[29] Примечания: 29

«Духи» — прислужники Мефистофеля, пытающиеся спасти его от магических заклинаний Фауста.

Домовой, ты трудись[30]*!*
Стихии четыре
Царят в этом мире;
Кто их не постиг,
Их сил не проник, —
Чужда тому власть,
Чтоб духов заклясть.
Исчезни в огне,
Саламандра!
Разлейся в волне
Ты, Ундина!
Звездой просверкай
Ты, Сильфида!
Помощь домашнюю дай,
Incubus[31]*, Incubus,*
Выходи, чтоб закончить союз!
Нет, ни одной из четырех

---

[30] Примечания: 30

Фауст заклинает здесь четыре стихии: огонь, воздух, воду и землю. Саламандра в этом заклятии олицетворяет стихию огня, так как, по легенде, это пресмыкающееся не горит в огне; Сильфида олицетворяет духов воздуха, Ундина — духов воды и Домовой — духов земли.

[31] Примечания: 31

Incubus (лат.) — название домового, домашнего духа, хранящего клады.

В ужасном звере не таится:
Ему не больно; он прилег
И скалит зубы и глумится.
Чтоб духа вызвать и узнать,
Сильней я буду заклинать.
Но знай же: если ты, наглец,
Из ада мрачного беглец, —
Так вот – взгляни – победный знак[32]*!*
Его страшатся ад и мрак,
Ему покорны духи праха.
Пес ощетинился от страха!
Проклятое созданье!
Прочтешь ли ты названье
Его, несотворенного,
Его, неизреченного,
И смерть и ад поправшего
И на кресте страдавшего!
Страшен, грозен, громаден, как слон,
Вырастает за печкою он,
И в тумане он хочет разлиться!

---

[32] Примечания: 32

«Победный знак» — знак, изображающий начальные буквы имени Иисуса Христа.

Он весь свод наполняет собой.
Мрачный дух, повелитель я твой:
Предо мною ты должен склониться.
Не напрасно грозил я крестом:
Я сожгу тебя божьим огнем!
Не жди же теперь от меня
Трикраты святого огня[33]*!*
Не жди, говорю, от меня
Сильнейшего в таинстве нашем!

Туман рассеивается, из-за печи появляется Мефистофель в одежде бродячего схоласта.

Мефистофель

К чему шуметь? Я здесь к услугам вашим.

Фауст

Так вот кто в пуделе сидел:
Схоласт, в собаке сокровенный!
Смешно!

Мефистофель

---

[33] Примечания: 33

«Трикраты святого огня» разумеется Троица: Бог-Отец, Бог-Сын (Иисус) и Бог-Дух.

Привет мой вам, науки жрец почтенный!

По вашей милости изрядно я вспотел.

Фауст

Как звать тебя?

Мефистофель

Вопрос довольно мелочной

В устах того, кто слово презирает

И, чуждый внешности пустой,

Лишь в суть вещей глубокий взор вперяет.

Фауст

Чтоб узнать о вашем брате суть,

На имя следует взглянуть.

По специальности прозванье вам дается:

Дух злобы, демон лжи, коварства-как придется.

Так кто же ты?

Мефистофель

Часть вечной силы я,

Всегда желавший зла, творившей лишь благое.

Фауст

Кудряво сказано; а проще – что такое?

Мефистофель

Я отрицаю все – и в этом суть моя.

Затем, что лишь на то, чтоб с громом провалиться,

Годна вся эта дрянь, что на земле живет.

Не лучше ль было б им уж вовсе не родиться!

Короче, все, что злом ваш брат зовет, —

Стремленье разрушать, дела и мысли злые,

Вот это все – моя стихия.

Фауст

Ты мне сказал: «я часть»; но весь ты предо мной?

Мефистофель

Я скромно высказал лишь правду, без

сомненья.

Ведь это только вы мирок нелепый свой

Считаете за все, за центр всего творенья!

А я – лишь части часть, которая была

В начале все той тьмы, что свет произвела,

Надменный свет, что спорить стал с рожденья

С могучей ночью, матерью творенья.

Но все ж ему не дорасти до нас!

Что б он ни породил, все это каждый раз

Неразделимо связано с телами,

Произошло от тел, прекрасно лишь в телах,

В границах тел должно всегда остаться,

И – право, кажется, недолго дожидаться —

Он сам развалится с телами в тлен и прах.

Фауст

Так вот твое высокое значенье!

Великое разрушить ты не мог,

Тогда по мелочам ты начал разруше-нье!

Мефистофель

Что делать! Да и тут старался я не впрок.

Дрянное Нечто, мир ничтожный,

Соперник вечного Ничто,

Стоит, не глядя ни на что,

И вред выносит всевозможный:

Бушует ли потоп, пожары, грозы, град —

И море и земля по-прежнему стоят.

С породой глупою звериной и людскою

Бороться иногда мне не хватает сил —

Ведь скольких я уже сгубил,

А жизнь течет своей широкою рекою.

Да, хоть с ума сойти, – все в мире так ведется,

Что в воздухе, в воде и на сухом пути,

В тепле и в холоде зародыш разовьется,
Один огонь еще, спасибо, остается.
А то б убежища, ей-богу, не найти!

Фауст

Так, силой мощной, животворной,
Тебе враждебною влеком,
Ты тщетно, демон непокорный,
Ей угрожаешь кулаком!
Другое лучше выдумай стремленье,
Хаоса странное творенье!

Мефистофель

О том подумать сами мы хотим…
Но после мы с тобой еще поговорим.
Теперь могу ль я удалиться?

Фауст

К чему такой вопрос? Иди.
Твое знакомство пригодится:
Когда захочешь, приходи.
Не хочешь ли в окно – открытая дорога!
Не то – в трубу ступай; не заперта и

дверь.

Мефистофель

Нет, трудновато выйти мне теперь.
Тут кое-что мешает мне немного:
Волшебный знак у вашего порога.

Фауст

Так пентаграмма этому виной[34]*?*
Но как же, бес, пробрался ты за мной?
Каким путем впросак попался?

Мефистофель

Изволили ее вы плохо начертить,
И промежуток в уголку остался,
Там, у дверей, – и я свободно мог вскочить.

Фауст

Да, случай над тобой удачно посмеялся.
Так ты мой пленник, стало быть?

---

[34] Примечания: 34
«Пентаграмма» — магический знак в виде пятиугольной звезды, по углам которой размещены начальные буквы греческого имени Иисуса Христа. Пентаграмму изображали для того, чтобы спастись от проникновения в дом злых духов.

Вот удалось негаданно-нежданно!

Мефистофель

Не видел пудель этой штуки странной;
Вскочил – и вмиг переменился вид,
И выход был лукавому закрыт.

Фауст

Ступай в окно, не будет затруднений.

Мефистофель

Увы! таков закон чертей и привидений:
Каким путем вошел, таким и выходить.
Во входе волен я, а выходить обязан
Там, где вошел.

Фауст

И ад законом связан?
Вот новости! Ну что ж! Прекрасно: может быть
С тобой и договор возможно заключить?

Мефистофель

Что обещаем мы, ты можешь полу-

чить

Сполна, – ни в чем тебя мы не надуем.

Да, но об этом долго рассуждать.

Другой раз мы подробней потолкуем.

Теперь же я прошу нижайше позволенья

Уйти. Нельзя ль вам пентаграмму снять?

Фауст

Куда? Чего спешить? Останься на мгновенье.

Не можешь ли мне сказку рассказать?

Мефистофель

Теперь пусти! Ведь я приду опять;

Тогда расспрашивай – на все я дам решенье.

Фауст

Тебя не звал я, сам ты это знаешь;

Ты сам попался в сеть, не правда ли, скажи?

Кто черта держит, тот его держи:

Не скоро ведь опять его поймаешь.

Мефистофель

Ну, если так уж хочешь, я готов
С тобой остаться несколько часов;
Но попрошу мне волю предоставить
Тебя моим искусством позабавить.

Фауст

Что хочешь делай; лишь сумей
Меня занять повеселей.

Мефистофель

Ты в краткий час среди видений
Получишь больше наслаждений,
Чем в целый год обычных дней.
Ни песни духов бестелесных,
Ни дивный ряд картин чудесных
Не будут сном волшебных чар;
Ты будешь тешить обонянье,
И вкус, и даже осязанье —
Все, все тебе доставлю в дар!
Приготовлений ждать не нужно:
Мы в сборе все. Начните дружно!

Духи

Вы, темные арки,
О, пусть вас не станет!
Пусть светлый и яркий
Приветливо глянет
Эфир голубой!
Пусть туч, исчезая,
Рассеется рой!
Пусть звезды, мерцая,
Пусть, кротко лаская,
Нам солнца блестят!
Как легкая стая,
В роскошном расцвете
Красы бестелесной
Небесные дети,
Порхая, летят;
И рой их прелестный
То выше умчится,
То стелется ниже,
И ближе, все ближе
К земле он стремится,
И тканью эфирной
Одежды их веют

Над кущами мирной,
Блаженной страны,
Где, в неге беседки,
Дум сладких полны,
Влюбленные млеют,
Друг другу верны.
И всюду пестреют
Беседки, беседки!
Лоз нежные ветки
Дают виноград;
Давимы тисками,
Сок гроздья струят,
И, пенясь, реками
Стекает вино;
Среди несравненных
Камней драгоценных
Струится оно
И, высь покидая
Сияющих гор,
Течет, ниспадая,
В равнины озер.
Холмов вереницы

Меж ними цветут,
И райские птицы
Блаженство там пьют,
И к солнцу стремятся,
И радостно мчатся
Они к островам,
Что в блеске сиянья
Плывут по волнам;
И гимн ликованья
Там слышится нам;
Пленяют нам взоры
Танцующих хоры
На светлых лугах,
Взбираются в горы,
Ныряют в волнах,
И в воздухе реют,
И в сердце лелеют
Стремленья свои
К той жизни блаженной
В безбрежной вселенной,
Где звезды, сверкая,
Дарят им, лаская,

Блаженство любви!

Мефистофель

Он убаюкан, спит. Воздушные творенья,

Спасибо вам мое за ваши песнопенья:

В долгу у вас я за концерт такой.

Нет, Фауст, не тебе повелевать бесами!

Пусть грезит он, объят воздушными мечтами,

Весь погружен в обманчивый покой.

Но надо снять с порога заклинанье:

Его мне крыса отгрызет.

Вот уж одна пришла: бежит и приказанье

Мое исполнить только ждет.

Владыка крыс, мышей, лягушек,

Клопов, и блох, и вшей, и мушек[35]

Тебе изволит приказать

К тому порогу подбежать —

---

[35] Примечания: 35

По народному поверью, черти являются повелителями животной нечисти: паразитов, грызунов, лягушек и т. п.

И там, где масло он положит,

Пускай твой зуб усердно гложет.

Живей, зверек! Вперед! Мешает выйти мне

Там, с краю, уголок на левой стороне.

Довольно! Хорошо! Спасибо за старанье!

Ну, Фауст, спи себе! До скорого свиданья!

(Уходит.)

Фауст *(просыпаясь)*

Ужели я обманут снова?

Мир духов вновь исчез: во сне

Коварный бес явился мне,

А пудель скрылся из алькова!

Сцена 4

КАБИНЕТ ФАУСТА.

Фауст, Мефистофель.

Фауст

Кто там? Войдите! Вечно помешают!

Мефистофель

Я здесь.

Фауст

Войдите же!

Мефистофель

Трижды приглашают
Чертей.

Фауст

Войди же!

Мефистофель

Ну, теперь вхожу,
Надеюсь, мы с тобой поладим
И от тебя хандру отвадим.
Примером я тебе служу:
В одежде златотканой, красной,
В плаще материи атласной,
Как франт, кутила и боец,
С пером на шляпе, с длинной шпагой,
Дыша весельем и отвагой, —
Чем я не бравый молодец?

И не пора ли наконец
Тебе одеться в том же роде?
Тогда, на воле, на свободе,
И бросив вздорные мечты,
Что значит жизнь, узнаешь ты!

Фауст

Что ни надень, все мучусь я хандрою,
И уз земных не в силах я забыть.
Я слишком стар, чтоб тешиться игрою,
И слишком юн, чтоб без желаний быть.
Свет ничего не даст мне, я уверен.
«Умерен будь! Лишь будь умерен!» —
Вот песня вечная у нас.
Она терзает наши души,
Ее поют нам хрипло в уши
И каждый день и каждый час!
Встаю ли утром – ждут меня страданья:
Я убежден, что долгий день пройдет
И мне не даст, я знаю наперед,

Ни одного достичь, ни одного желанья!

Мгновенье радости почую ли душой —

Вмиг жизни критика его мне разрушает

И образы, лелеянные мной,

Гримасою ужасной искажает.

Когда же ночь спускается и мне

С тоской в постель приходится ложиться,

Не знаю я покоя и во сне:

Мне сон жестокий будет сниться.

Тот бог, который жив в груди моей,

Всю глубину ее волнует:

Он правит силами, таящимися в ней,

Но силам выхода наружу не дарует.

Так тяжко, горько мне, что жизнь мне не мила —

И жду я, чтоб скорей настала смерти мгла.

Мефистофель

Ну, смерть, однако, гость не очень-то приятный.

Фауст

О, как завиден жребий благодатный,
Того, кто, лавры заслужив в бою,
С победою встречает смерть свою,
Того, кто после пляски знойной
Находит смерть в объятьях девы стройной!
Зачем, зачем с восторженной душой
Не пал я мертвым в миг тот роковой,
Когда мне дух явился величавый!

Мефистофель

А все-таки в ту ночь один знакомый мой
Не осушил бокал, наполненный отравой.

Фауст

Шпионство, видно, страсть твоя?

Мефистофель

Я знаю многое, хоть не всеведущ я.

Фауст

Когда от дикого порыва

Отвлек меня знакомый звон,
То чувства детские так живо
Твердили ложь былых времен.
Всему, что душу обольщает,
Я шлю проклятие, – всему,
Что наше сердце увлекает,
Что льстит несчастному уму!
Тебе проклятье – самомненье,
Которым дух порой влеком!
Тебе проклятье – ослепленье
Блестящим всяким пустяком!
Проклятье грезам лицемерным,
Мечтам о славе – тем мечтам,
Что мы считаем счастьем верным,
Семейству, власти и трудам!
Тебе проклятье, идол злата,
Влекущий к дерзким нас делам,
Дары постыдные разврата
И праздность неги давший нам!
Будь проклята любви отрада!
Проклятье соку винограда
И искрометному вину,

Надежд и веры всей святыне, —
Но больше всех тебя отныне,
Терпенье пошлое, кляну!

Хор духов *(невидимо)*

Увы, увы!
Разбил ты его,
Прекраснейший мир,
Могучей рукой.
Он пал пред тобой,
Разрушен, сражен полубогом!
И вот мы, послушны ему,
Уносим обломки созданья
В ничтожества тьму
Сквозь плач и рыданья
О дивной погибшей красе…
И молим мы все:
Воспрянь, земнородный, могучий!
Мир новый, чудесный и лучший
Создай в мощном сердце своем;
С душой обновленной
Ты новую жизнь начинай, просветленный,

И новую песнь мы тебе воспоем!

Мефистофель

Слышишь? Дух-малютка
Не лишен рассудка;
Он дает совет разумный:
Кличет к делу, к жизни шумной!
Брось же угол свой,
Где, во мгле сырой,
Стынет кровь и ум смолкает:
Выйди в мир, где жизнь сверкает!
Довольно же играть своей тоскою,
Что рвет, как коршун, грудь твою! Взгляни:
Ты окружен беспечною толпою,
Ты человек такой же, как они.
Впрочем, ведь я не равняю с тобою
Эту толпу, неразумный народ.
Слушай: хоть я не из важных господ,
Все-таки, если ты хочешь со мною
В светлую жизнь веселее вступить,
Буду усердно тебе я служить,
Я тебе преданным спутником стану

И ни на шаг от тебя не отстану;
Знай, что повсюду помощник я твой;
Стану рабом и покорным слугой.

Фауст

А чем я заплачу за эти попеченья?

Мефистофель

О, нам с тобой еще не близко до того!

Фауст

Нет, нет! Черт – эгоист, нельзя ждать от него,
Чтоб даром стал он делать одолженья.
Ясней условимся, мой друг:
Таких держать опасно слуг.

Мефистофель

Я буду верным здесь тебе слугою,
Твоим веленьям подчинен вполне;
Когда же там мы встретимся с тобою,
Ты отплатить обязан тем же мне.

Фауст

Что будет там, о том мне нет забо-
ты;
Когда разрушишь этот свет легко
ты, —
Пускай себе иной возникнет свет!
Здесь, на земле, живут мои стремле-
нья,
Под солнцем, здесь, мои мученья;
Когда ж придет последнее мгновенье —
Мне до того, что будет, дела нет.
Зачем мне знать о тех, кто там, в
эфире, —
Бывает ли любовь и ненависть у них,
И есть ли там, в мирах чужих,
И низ и верх, как в этом мире!

Мефистофель

Что ж, если так, – условься же смелей,
И я тебя немедля позабавлю
Своим искусством! Я тебе доставлю
Чего еще никто не ведал из людей!

Фауст

Что, дашь ты, жалкий бес, какие насла-

жденья?

Дух человеческий и гордые стремленья

Таким, как ты, возможно ли понять?

Ты пищу дашь, не дав мне насыщенья;

Дашь золото, которое опять,

Как ртуть, из рук проворно убегает;

Игру, где выигрыш вовеки не бывает;

Дашь женщину, чтоб на груди моей

Она к другому взоры обращала;

Дашь славу, чтоб чрез десять дней,

Как метеор, она пропала, —

Плоды, гниющие в тот миг, когда их рвут,

И дерево в цвету на несколько минут!

Мефистофель

Ну, это для меня пустое!

Легко б я надавать таких сокровищ мог;

Но, может быть, захочешь ты, дружок,

Со временем вкусить и что-нибудь другое.

Фауст

Когда на ложе сна, в довольстве и покое,
Я упаду, тогда настал мой срок!
Когда ты льстить мне лживо станешь
И буду я собой доволен сам,
Восторгом чувственным когда меня обманешь,
Тогда – конец! Довольно спорить нам!
Вот мой заклад!

Мефистофель

Идет!

Фауст

Ну, по рукам!
Когда воскликну я «Мгновенье,
Прекрасно ты, продлись, постой!» —
Тогда готовь мне цепь плененья,
Земля разверзнись подо мной!
Твою неволю разрешая,
Пусть смерти зов услышу я —
И станет стрелка часовая,

И время минет для меня.

Мефистофель

Я буду помнить все; рискуешь ты, не скрою.

Подумай же.

Фауст

Свободен ты во всем.

Поверь, я не кичусь собою;

Тебе ль, другому ли – рабом

Готов я быть, когда того я стою.

Мефистофель

Итак, пируйте ж, доктор, на досуге,

А я сегодня же исполню роль прислуги!

Еще одно: неверен жизни срок;

Могу ль у вас просить я пару строк?

Фауст

Расписку? Вот педант! Тебе ли видеть ново,

Что значит человек и данное им слово?

То, что сказал я, власть тебе дает

Над всей земною жизнию моею;

Весь мир меняется, несется все вперед,

А я нарушить клятву не посмею?

Что делать: рождены мы с глупостью такой!

Кто от нее избавиться сумеет?

Блажен, кто верен, чист душой:

Он жертвовать ничем не пожалеет.

Но лист пергамента с печатями на нем —

Вот призрак, всех пугающий, к несчастью.

Мы слову смолкнуть на пере даем,

А воск[36] *и кожу одаряем властью!*

Итак, чего ж ты хочешь, бес? Ответь!

Пергамент ли, бумагу, мрамор, медь —

Решай же, выбирай свободно!

Перо ли взять, резец иль грифель? Что еще?

Мефистофель

---

[36] Примечания: 36

Под «воском» подразумевается восковая печать, которой скрепляли написанное на коже (пергаменте).

Как ты словами сыплешь горячо!
Без них уладим дело превосходно.
Любой листок лишь взять решись
И каплей крови подпишись.

Фауст

Изволь, уж если так тебе угодно.
Итак, обряд нелепый, совершись!

Мефистофель

Кровь – сок совсем особенного свойства.

Фауст

Но только чтоб ни тени беспокойства
За мой залог; я сам стремлюсь, поверь,
Всей силою к тому, что обещал теперь!
Собой напрасно слишком я кичился:
Мое достоинство лишь твоему равно.
Великий дух презреть меня решился,
И тайн природы знать мне не дано.
Теперь конец всему: порвалась нить мышленья;

К науке я давно исполнен отвращенья,

Тушить страстей своих пожар

В восторгах чувственных я буду,

И под густой завесой чар

Готов ко всякому я чуду!

Я кинусь в шумный времени поток,

В игру случайностей, куда забросит рок,

И пусть страданье и отрада,

И пусть удача и досада

Причудливой промчатся чередой;

Кто хочет действовать-тот позабудь покой!

Мефистофель

Не будет вам ни в чем ни меры, ни преграды;

Чем ни захочется полакомиться вам —

Все смело на лету хватайте здесь и там,

Что послужить вам может для отрады!

Не надо лишь робеть и выбор свой стес-

нять.

Фауст

Не радостей я жду, – прошу тебя понять!
Я брошусь в вихрь мучительной отрады,
Влюбленной злобы, сладостной досады;
Мой дух, от жажды знанья исцелен,
Откроется всем горестям отныне:
Что человечеству дано в его судьбине,
Все испытать, изведать должен он!
Я обниму в своем духовном взоре
Всю высоту его, всю глубину;
Все счастье человечества, все горе —
Все соберу я в грудь свою одну,
До широты его свой кругозор раздвину
И с ним в конце концов я разобьюсь и сгину!

Мефистофель

Старался разжевать я смысл борьбы земной
Немало тысяч лет. Поверь ты мне, мой

милый,

Никто еще с пеленок до могилы,

Не переваривал закваски вековой.

Весь этот свет, все мирозданье —

Для Бога лишь сотворены;

Себе он выбрал вечное сиянье,

Мы в вечный мрак погружены;

А вы-то день, то ночь испытывать должны.

Фауст

Но я хочу!

Мефистофель

Я понимаю это;

Боюсь я за одно, в одном лишь мой протест:

Ars longa, vita brevis est[37].

Позвольте вам сказать словцо совета:

Коль уж на то пошло, сыщите вы поэта, —

Пусть мыслью в небе он парит

---

[37] Примечания: 37
Ars long a, vita brevis est (лат.) — искусство вечно, жизнь коротка.

И все возвышенное света
В особе вашей пусть осуществит:
Отвагу пламенную львов,
Оленя быстроту,
Испанца огненную кровь,
Норвежца прямоту.
Пускай найдет он тайное искусство
С коварством согласить возвышенное чувство,
По плану вам составит идеал,
По плану вас влюбить не затруднится;
Ну, словом, если б мог тот идеал явиться,
Ему б я имя Микрокосма дал.

Фауст

Что ж значу я, коль не достигну цели,
Венца, к которому стремиться род людской,
К которому и сам стремлюсь я всей душой?

Мефистофель

Ты значишь то, что ты на самом деле.

Надень парик с мильонами кудрей,
Стань на ходули, но в душе своей
Ты будешь все таким, каков ты в самом деле.

Фауст

Да, вижу, что напрасно я собрал
Сокровища познания людского;
Не нахожу в себе я силы снова,
Когда свести я счеты пожелал;
Ни на волос не выше я, не ниже
И к бесконечному не ближе.

Мефистофель

Привык смотреть на вещи ты, мой друг,
Как все на них вы смотрите; а надо
Умней, толковей тратить свой досуг,
Пока доступна жизни вся отрада.
Тьфу, пропасть! Руки, ноги, голова
И зад – твои ведь, без сомненья?
А чем же меньше все мои права
На то, что служит мне предметом наслажденья?

Когда куплю я шесть коней лихих,
То все их силы – не мои ли?
Я мчусь, как будто б ног таких
Две дюжины даны мне были!
Итак, смелей! Раздумье все долой,
И прямо в шумный мир за мной
Спеши, надеждой окрыленный!
Кто философствует, тот выбрал путь плохой,
Как скот голодный, что в степи сухой
Кружит себе, злым духом обойденный,
А вкруг цветет роскошный луг зеленый!

Фауст

С чего ж начать?

Мефистофель

Уйти скорей.
Что делать нам в тюрьме твоей?
Что здесь за жизнь? Тоской да пустяками
Морить себя с учениками?
Сосед-толстяк на это есть.

Толочь ли воду ты желаешь?

Все лучшие слова, какие только знаешь,

Мальчишкам ты не можешь преподнесть.

Да вот, один идет уж в коридоре.

Фауст

Я не могу его принять.

Мефистофель

Нельзя же так его прогнать:

Бедняжка долго ждал, он будет в страшном горе.

Твой плащ да шапочку на время я возьму;

Как раз к лицу мне быть в таком уборе!

(Переодевается.)

Ты остроумию доверься моему —

Всего лишь четверть часика мне нужно, —

А сам иди да в путь сготовься дружно.

Фауст уходит.

Мефистофель *(один, в длинной одежде Фау-*

ста)

Лишь презирай свой ум да знанья светлый луч —
Все высшее, чем человек могуч;
Пусть с чародейскою забавой
Тебя освоит дух лукавый, —
Тогда ты мой, без дальних слов!
Ему душа дана судьбою,
Стремящаяся вдаль, не вынося оков;
В своем стремленьи пылкою душою
Земные радости он презирать готов.
Он должен в шумный мир отныне погрузиться;
Его ничтожеством томим,
Он будет рваться, жаждать, биться,
И призрак пищи перед ним
Над ненасытною главою будет виться;
Напрасно он покоя будет ждать.
И даже не успей оно душу мне продать,
Сам по себе он должен провалиться.

Входит ученик.

Ученик

Я только что приехал по делам,
И вот, исполнен преданности к вам,
Я утруждать решаюсь посещеньем
Того, о ком все говорят с почтеньем.

Мефистофель

Учтивость ваша делает вам честь:
Таких, как я, немало, впрочем, есть.
Вам приходилось где-нибудь учиться?

Ученик

Я прямо к вам намерен обратиться!
От всей души стараться я готов;
И деньги есть и телом я здоров.
Меня пускать мать долго не хотела,
Да слишком мной охота овладела
Узнать побольше дельного у вас.

Мефистофель

О, если так – на месте вы как раз.

Ученик

Признаться, я б уехал хоть сейчас
Назад: все эти стены, коридоры
Мучительно мои стесняют взоры;

Так неприветлив, тесен этот дом:
Ни зелени, ни деревца кругом!
А в залах, на скамьях – в одно мгновенье
Теряешь сразу ум, и слух, и зренье.

Мефистофель

На все привычка есть, мой юный друг:
Дитя – и то у матери не вдруг
Берет сосец, чтоб присосаться плотно,
Впоследствии ж питается охотно.
А мудрости божественная грудь
Что день, то больше даст вам наслажденья.

Ученик

Всем сердцем я желаю к ней прильнуть.
Но как мои осуществить стремленья?

Мефистофель

Сначала дайте мне ответ:
Какой милей вам факультет?

Ученик

Хочу я быть ученым чрезвычайным,

Приблизиться ко всем земли и неба тайнам —

обнять желаю, словом, полный круг

Природы всей и всех наук.

Мефистофель

Вы верный путь себе избрали,

Лишь развлекаться не должны.

Ученик

И телом и душой, от сердца глубины,

Отдамся я ученью; но нельзя ли

И отдохнуть – гулять по временам,

Хотя бы летом, по воскресным дням?

Мефистофель

Цените время: дни уходят бевозвратно!

Но наш порядок даст привычку вам

Распределять занятья аккуратно.

А потому, мой друг, на первый раз,

По мне, полезен был бы тут для вас

Курс логики: хоть опыт и рискован,

Начнут дрессировать ваш ум,
Как бы в сапог испанский зашнурован,
Чтоб тихо он, без лишних дум
И без пустого нетерпенья,
Вползал по лестнице мышленья,
Чтоб вкривь и вкось, по всем путям,
Он не метался там и сям.
Затем внушат вам ради той же цели,
Что в нашей жизни всюду, даже в том,
Для всех понятном и простом,
Что прежде сразу делать вы умели —
Как, например, питье, еда, —
Нужна команда «раз, два, три» всегда.
Так фабрикуют мысли. С этим можно
Сравнить хоть ткацкий, например, станок.
В нем управленье нитью сложно:
То вниз, то вверх снует челнок,
Незримо нити в ткань сольются;
Один толчок – сто петель вьются.
Подобно этому, дружок,
И вас философ поучает:

«Вот это – так и это – так,

А потому и это так,

И если первая причина исчезает,

То и второму не бывать никак».

Ученики пред ним благоговеют,

Но ткань соткать из нитей не сумеют.

Иль вот: живой предмет желая изучить,

Чтоб ясное о нем познанье получить,

Ученый прежде душу изгоняет,

Затем предмет на части расчленяет

И видит их, да жаль: духовная их связь

Тем временем исчезла, унеслась!

Encheiresin naturae[38] *именует*

Все это химия; сама того не чует,

Что над собой смеется.

Ученик

Виноват:

Неясно это мне.

---

[38] Примечания: 38

Encheiresin naturae (лат.) — способ действия природы (термин древней химии).

Мефистофель

О, все пойдет на лад:
В редукцию[39] лишь надо вникнуть,
К классификации[40] привыкнуть.

Ученик

Все дико мне! В мозгу моем
Все завертелось колесом.

Мефистофель

Затем, первей всего, займитесь неизбежно
Вы метафизикой[41]: учитесь ей прилежно;
Глубокомысленно трудясь,
Вместить старайтесь то, что отродясь

---

[39] Примечания: 39

Редукция (лат.) — термин логики, означающий сведение понятий к основным видам.

[40] Примечания: 40

Классификация (лат.) — термин логики, означающий распределение понятий по классам и категориям.

[41] Примечания: 41

«Метафизикой» в то время называли часть философии, которая рассматривала вопросы, не поддающиеся изучению посредством опыта (о Боге, душе и пр.).

В мозг человеческий не входит;

Вместите ль, нет ли – не беда:

Словечко громкое всегда

Из затрудненья вас выводит!

Но в первые полгода, милый друг,

Порядок вам нужнее всех наук;

Вам в день занятий пять часов нормально:

С утра к звонку являйтесь пунктуально!

Старайтесь раньше дома протвердить

Параграф, чтобы в классе проследить,

Что вам твердит учитель, слово в слово,

Лишь то, что в книге, – ничего другого,

И так старательно пишите все в журнал,

Как будто б Дух Святой вам диктовал.

Ученик

Об этом мне напоминать не надо!

Сам знаю я, какая в том отрада.

Спокойно мы домой тетрадь несем:

Топор не вырубит, что писано пером.

Мефистофель

Так изберите ж факультет.

Ученик

К юриспруденции не чувствую влеченья.

Мефистофель

Что ж, не во вред вам это отвращенье:
По правде, в ней большого проку нет.
Законы и права, наследное именье,
Как старую болезнь, с собой
Несет одно другому поколенье,
Одна страна – стране другой.
Безумством мудрость станет, злом – благое:
Терпи за то, что ты не дед!
А право новое, родное —
О нем – увы! – и речи нет!

Ученик

К ней утвердили вы мое презренье.
Блажен, кому вы можете помочь!
Я богословие избрать теперь не прочь.

Мефистофель

Не стану вас вводить в заблужденье,
Мой юный друг. В науке сей
Легко с дороги сбиться: все в ней ложно;
Так яду скрытого разлито много в ней,
Что с пользой различить его едва ли можно.
И здесь учителя вы слушать одного
Должны и клясться за слова его.
И вообще: держитесь слова
Во всем покрепче, каждый раз!
Тогда дорога верная для вас
В храм несомненности готова.

Ученик

Но ведь понятия в словах должны же быть?

Мефистофель

Прекрасно, но о том не надо так крушиться:
Коль скоро недочет в понятиях случится,

Их можно словом заменить.

Словами диспуты ведутся,

Из слов системы создаются;

Словам должны вы доверять:

В словах нельзя ни йоты изменять.

Ученик

Простите, вам наскучил я; но снова

Решусь я вас вопросом утруждать:

Нельзя ли будет мне узнать

О медицине ваше слово?

Три года – много ли? А время ведь не ждет,

И – Бог мой! – мудрости так необъятно поле!

Когда указан путь, тогда гораздо боле

Почувствуешь себя продвинутым вперед.

Мефистофель *(в сторону)*

Ну, речь педантская порядком мне приелась:

Мне сатаной опять явиться захотелось.

(Вслух.)

Дух медицины всяк легко поймет!
Большой и малый свет вам изучать придется.
А там – пускай все остается,
Как Бог пошлет.
В науке здесь парить не надо через меру:
Все учатся кой-как, по мере сил;
А кто мгновенье уловил,
Тот мигом делает карьеру.
Притом же вы недурно сложены,
А стало быть, робеть лишь не должны:
Кто верить сам в себя умеет,
Тот и других доверьем овладеет,
И вот – ему успехи суждены.
Особенно ж всегда умейте к дамам
Подделаться их вечный «ох» да «ах»
Во всех его бесчисленных тонах
Лечите все одним, все тем же самым;
Тут стоит такта чуточку иметь —

И, смотришь, все попались в вашу сеть.

Ваш титул им внушит тот вывод ясный,

Что вы – искусник редкостный, прекрасный,

Каких на свете мало есть; а там —

Вы сразу приметесь за всяческие штучки.

Которых ждут иные по годам;

Пожмете нежно пульс прелестной ручки

И, пламя хитрое придав своим глазам,

Изящный стан вы обовьете ловко:

Уж не тесна ли, мол, у вас шнуровка?

Ученик

Вот это лучше, видно – как и где.

Мефистофель

Суха, мой друг, теория везде,

А древо жизни пышно зеленеет!

Ученик

Клянусь, теперь брожу я как во сне!

Еще разок прийти нельзя ли мне?

Никто учить так мудро не умеет!

Мефистофель

Чем я могу, служить всегда готов.

Ученик

Нельзя ж мне так уйти от вас! Позвольте

Просить вас написать в альбом мне пару слов

В знак вашей благосклонности!

Мефистофель

Извольте!

(Пишет и возвращает ученику альбом.)

Ученик *(читает)*

Eritis sicut Deus, scientes bonum et malum[42].

(Почтительно закрывает альбом и откланивается.)

Мефистофель

---

[42] Примечания: 42

Eritis sicut Deus, scientes bonum et malum (лат.) — «Будете, как Бог, знать добро и зло». По библейской легенде, этими словами змий-искуситель соблазнял в раю Еву, предлагая ей отведать плодов с «древа познания».

Следуй лишь этим словам да змее, моей тетке, покорно:

Божье подобье свое растеряешь ты, друг мой, бесспорно!

Фауст *(входя)*

Куда ж теперь?

Мефистофель

Куда стремишься ты душой.

Сначала в малый свет[43]*, потом в большой.*

С каким весельем, друг ты мой любезный,

Ты просмакуешь этот курс полезный!

Фауст

Ну нет; я с этой длинной бородой,

Далек от жизни легкой, молодой.

Не верю я в попытку эту;

Притом всегда я чужд был свету.

Я ниже всех себе кажусь,

---

[43] Примечания: 43

Под «малым светом» Мефистофель подразумевает узкий мир средневекового городка, в котором происходит действие первой части «Фауста». «Большой свет» — государственная и общественная деятельность Фауста, показанная во второй части.

Всегда стесняюсь и стыжусь.

Мефистофель

Уменье жить придет само собою.

Лишь верь в себя, так жизнь возьмешь ты с бою!

Фауст

Но как же нам пуститься в путь?

Где экипаж, где кони, слуги?

Мефистофель

Мне стоит плащ мой развернуть —

И взовьемся легче вьюги.

Но на полет отважный свой

Ты не бери узлов с собой.

Вот я дыханьем огненным повею —

И мы поднимемся с поверхности земной:

Чем легче, тем скорей помчишься ты со мной.

Ну-с, с новой жизнью вас поздравить честь имею!

Сцена 5

ПОГРЕБ АУЭРБАХА В ЛЕЙПЦИГЕ.
Компания гуляк.

Фрош

Никто не пьет! И смеха нет ни в ком!
Эх, проучить бы вас за эти рожи!
Сегодня вы – что мокрые рогожи.
А ведь могли б быть парни с огоньком!

Брандер

Ты виноват – кого ж винить другого?
Ни глупостей, ни свинства никакого!

Фрош *(выливая ему на голову стакан вина)*

Так получи сполна!

Брандер

Свиньей свинья!

Фрош

Ты сам просил – исполнил я.

Зибель

Кто ссорится, тех вон! Их нам не нужно.

Знай пойте, пейте да ревите дружно:

«Гоп, голла, го!»

Альтмайер

Пропали мы, беда!

Где вата? Уши мне он раздерет! Ужасно!

Зибель

Когда трясутся своды, лишь тогда

Вся сила баса чувствуется ясно!

Фрош

Идет! А кто перечит, тех – за дверь!

Га, тра-ла-ла-ла-ла!

Альтмайер

Га, тра-ла-ла-ла-ла!

Фрош

Ну, глотки все настроены теперь!

(Поет.)

Святой, высокий римский трон,

Как до сих пор не рухнет он?

Брандер

Дрянная песня, тьфу, политикой звучит!

Создателя благодарите смело,

Что римский трон блюсти – не ваше дело!

Конечно, уж судьба ко мне благоволит,

Что быть мне канцлером иль князем не велит.

Но старшину иметь не худо и меж нами:

Так изберем мы папу сами.

Известно вам, какой чертой

Решается избранье в сан святой?

Фрош *(поет)*

Взвейся, подымися к небу, соловей,

Сто раз поклонися милой ты моей!

Зибель

Поклона милой нет – и чтоб о том ни слова!

Фрош

Поклон и поцелуй – стою на этом снова!

(Поет.)

Прочь замОк! – в тиши ночной —

Прочь замОк! – ждет милый твой;

Щелк замОк! – горит восток.

Зибель

Ну, ладно, величай да песни в честь ей пой!

Тебя же осмеют, а никого другого:

Как провела меня, так проведет любого.

Пускай с ней встретится влюбленный домовой,

На перекрестке пусть ей отведет он очи!

Пусть в полночь с Блоксберга[44] *несущийся домой*

Проблеет ей козел спокойной ночи!

Чтоб парень спину гнул пред ней, —

---

[44] Примечания: 44

Блоксберг — гора Брокен в Германии, в Гарце, где, по народному поверью, происходил шабаш ведьм.

Нет, много чести будет ей!
Повыбить окна ей – вот это
Я одобряю для привета!

Брандер *(ударяя кулаком по столу)*

Молчать! Молчать! Послушайте меня!
Я, как известно, жить умею!
Ведь здесь влюбленных целая семья —
И всем доставить по порядку я
Им кое-что приятное имею.
На новый песенка покрой:
Вы петь припев должны за мной!

(Поет.)

Раз крыса в погребе жила,
Все ела жир да сало;
Как доктор Лютер, завела
Брюшко и бед не знала.
Но повар яду ей подлил —
И крысе белый свет постыл:
Ужель она влюбилась?

Хор *(весело)*

Ужель она влюбилась?

Брандер

Бежит назад, бежит вперед,
Везде грызет и гложет;
Во всякой грязной луже пьет,
А боль унять не может.
Бедняга скачет там и тут,
Но скоро ей пришел капут:
Ужель она влюбилась?

Хор

Ужель она влюбилась?

Брандер

Средь бела дня она в пылу
Вбежала в кухню, села
В предсмертных корчах на полу
И жалобно пыхтела.
А повар злой, смеясь, твердит:
«Ага! со всех концов свистит —
Ужель она влюбилась?»

Хор

Ужель она влюбилась?

Зибель

Вишь, умники! Нашли себе отраду!
Как будто нет и подвига славней,
Чем дать бедняжке крысе яду!

Брандер

Давно ли крысы в милости твоей?

Альтмайер

Эх ты, пузан с башкою лысой!
В несчастье тих и кроток он:
Сравнил себя с распухшей крысой —
И полным сходством поражен.

Входят Фауст и Мефистофель.

Мефистофель *(Фаусту)*

Тебя ввожу я с первого же шага
В веселый круг. Вот буйная ватага:
Взгляни, как жить возможно без забот!
Для них – что день, то праздник настает.
С плохим умом, с большим весельем, в мире

Ребята скачут в танце круговом,
Точь-в-точь котята за хвостом.
Им только б был кредит в трактире
Да не трещала б голова, —
Так все на свете трын-трава!

Брандер

Душа моя приезжих сразу чует:
В них по манерам я чужих узнал сейчас;
Они и двух часов не пробыли у нас.

Фрош

Ты прав! Ни перед кем наш Лейпциг не спасует:
Как маленький Париж, он свой народ шлифует.

Зибель

Ты их откуда же считаешь, из каких?

Фрош

Уж предоставьте мне! Я только им поставлю
Бутылочку винца, так без труда я их

Всю подноготную поведать нам заставлю.

Они, должно быть, не простые, брат:

Недаром зло и гордо так глядят.

Брандер

Знать, шарлатаны, черт их подери!

Альтмайер

Должно быть, так.

Фрош

Так надо к ним придраться.

Мефистофель *(Фаусту)*

Народец! Черт меж них, а им не догадаться:

Хоть прямо их за шиворот бери.

Фауст

Поклон вам, господа!

Зибель

Спасибо за поклон.

(Взглянув искоса на Мефистофеля, в сторону.)

Но отчего прихрамывает он[45]*?*

Мефистофель

Присесть к столу прошу я позволенья.
Хорошего вина здесь получить нельзя,
Так мы найдем в беседе наслажденье.

Альтмайер

Вы избалованы порядком, вижу я.

Фрош

Вы в Риппахе вчера, должно быть, ночевали?
Поужинали вы у Ганса-дурачка?

Мефистофель

Нет, нынче мы пришли издалека,
Но прошлый раз мы долго с ним болтали,
Нам говорил он много о родне:
Ей снесть поклон приказывал он мне.

(Кланяется Фрошу.)

---

[45] Примечания: 45

«Но отчего прихрамывает он?» — По библейской легенде, дьявол хромает, с тех пор как был свергнут Богом с небес в преисподнюю. Он иногда изображается с одной лошадиной ногой, как бы свидетельствующей о его скотской природе.

Альтмайер *(тихо)*

Что, съел?

Зибель

Да, это парень не простой.

Фрош

Еще его поддену я, постой!

Мефистофель

Входя сюда, мы слышали сейчас,
Как стройно вы здесь хором песни пели.
Здесь голоса должны звучать: как раз
Хорош высокий свод для этой цели.

Фрош

Вы, верно, сами музыкант?

Мефистофель

Охота есть, да невелик талант.

Альтмайер

Что ж, спойте песню нам.

Мефистофель

Хоть сто, когда хотите.

Зибель

С условием одним: что новую дадите.

Мефистофель

О да! В Испании мы были, а она —
Известно – родина и песни и вина!

(Поет.)

Жил-был король когда-то,
Имел блоху-дружка…

Фрош

Вы слышите – блоху! Понятно ли для вас?
Блоха – вот славный гость у нас!

Мефистофель *(поет)*

Жил-был король когда-то,
Имел блоху-дружка;
Берег блоху, как злато,
Лелеял, как сынка.
Вот шлет король к портному, —
Портной пришел сейчас.
«Сшей плащ дружку родному
Да брюки в самый раз».

Брандер

Да вы бы подтвердить портному не забыли,

Чтобы с бедняжки снял он мерку поверней

И чтоб, коль дорожит он головой своей,

Без складок и морщин штанишки сшиты были!

Мефистофель*(поет)*

И в шелк и в бархат чудный

Блоха наряжена

И носит крест нагрудный,

На ленте ордена.

Блоха министром стала.

Блестит на ней звезда!

Родня ее попала

В большие господа.

Блоха, дав волю гневу,

Всех жалит с этих пор:

Вельмож, и королеву,

И фрейлин, и весь двор.

Никто не смей чесаться,
Хоть жалит всех наглец!
А мы – посмей кусаться, —
Прищелкнем – и конец!

Хор *(весело)*

А мы – посмей кусаться, —
Прищелкнем – и конец!

Фрош

Bis, bravo, bis! Что за припев лихой!

Зибель

Да будет так со всякою блохой!

Брандер

На ноготь лишь ее – и нет блохе исхода.

Альтмайер

Да здравствует вино! Да здравствует свобода!

Мефистофель

Я в честь свободы рад бы выпить сам,
Когда бы вин получше дали нам.

Зибель

Опять! Не нравится нам речь такого рода!

Мефистофель

Хозяина боюсь обидеть я,

А то бы мы гостям почтенным удружили:

Свой погреб мы бы вам охотно предложили.

Зибель

Сюда его, сюда! Беру все на себя!

Фрош

Что ж, выпить мы не прочь. Смотрите только, чтобы

Не слишком мелки были ваши пробы:

Мне, чтоб о винах правильно судить,

Немало надо в глотку пропустить.

Альтмайер *(тихо)*

А! Гости с Рейна перед нами!

Мефистофель

Достаньте мне бурав.

Брандер

На что бурав-то вам?

У вас не бочка за дверями?

Альтмайер

Вон ящик на столе: бурав найдется там.

Мефистофель *(взяв бурав, Фрошу)*

Какого же вина отведать вам угодно?

Фрош

Что за вопрос! Иль много их у вас?

Мефистофель

Чего желает кто, всяк выбирай свободно.

Альтмайер *(Фрошу)*

А ты уж губы стал облизывать сейчас!

Фрош

Что ж, если так, рейнвейну наливайте:

Я предпочту всему отечества дары.

Мефистофель *(буравя край стола перед Фрошем)*

Нельзя ли воску для дыры?

Альтмайер

Ах, это фокусы! Вы нас не надувайте!

Мефистофель *(Брандеру)*

А вам?

Брандер

Шампанское вино!

Чтоб било в потолок оно!

Мефистофель буравит; один из гостей сделал тем временем восковые пробки и затыкает отверстия.

Я не боюсь чужого дара,

И вдалеке добро бывает рождено;

Хоть немцу кровному француз совсем не пара,

Но с радостью мы пьем французское вино.

Зибель *(видя, что Мефистофель приближается к нему)*

Я кислых вин, признаться, не любитель.

Чего-нибудь послаще не дадите ль?

Мефистофель *(буравит)*

Токайского предложим вам тогда.

Альтмайер

Нет, нет! Взгляните-ка в глаза мне, господа:

Я вижу, вы смеетесь лишь над нами.

Мефистофель

Ай-ай, как смеем мы! С такими господами

Опасно было бы шутить.

Ну, поскорей решайте сами,

Каким вином могу служить?

Альтмайер

Любым, чтоб слов не тратить с вами.

Все отверстия провернуты и заткнуты восковыми пробками.

Мефистофель *(делая странные жесты)*

Нам виноград лоза дала;

На лбу рога есть у козла;

Вино на древе рождено;

Стол деревянный даст вино.

В природу вникните верней:

Поверьте, чудо скрыто в ней!

Ну, пробки прочь – и пейте живо!

Все *(вынимают пробки; требуемое вино льется в стаканы)*

О чудный ключ! Какое диво!

Мефистофель

Но берегись, ни капли не пролей!

Они пьют еще раз.

Все *(поют)*

По-каннибальски любо нам,

Как будто пятистам свиньям!

Мефистофель

Народ свободен стал: любуйтесь на него!

Фауст

Мне кажется, что нам пора бы удалиться.

Мефистофель

Постой, должно еще все их скотство

Во всей красе пред нами проявиться.

Зибель пьет неосторожно, вино льется на землю и вспыхивает.

Зибель

Огонь! Спасите! Ад! Мы все сгорим сейчас!

Мефистофель *(заговаривая огонь)*

Смирись мне, верная стихия!

(Всем.)

Огонь чистилища был тих на этот раз.

Зибель

Что это? Берегись! За шуточки такие

Ответить можешь ты! Не знаешь, видно, нас!

Фрош

Посмей-ка повторить дурачество такое!

Альтмайер

Пусть убирается, оставив нас в покое.

Зибель

Нет, как вы смели? Как вам в ум взбрело

Творить здесь фокусы? Что это за игрушки?

Мефистофель

Цыц, бочка!

Зибель

Сам ты помело!

Ты хочешь, чтоб до кулаков дошло?

Брандер

Смотри! Дождемся колотушек!

Альтмайер вынимает пробку из стола; ему в лицо бьет огонь.

Альтмайер

Пожар! Горю!

Зибель

Да это колдовство!

За голову его награда! Режь его!

Вынимают ножи и бросаются на Мефистофеля.

Мефистофель *(с важным видом)*

Ум, смутися по словам!

Ложный вид предстань очам!

Будьте здесь и будьте там!

Все останавливаются, в изумлении глядя друг на друга.

Альтмайер

Где я и что со мной? Ах, что за сад прелестный!

Фрош

Что вижу я? Лоза!

Зибель

И виноград чудесный!

Брандер

Взгляните, что за куст густой!

И что за гроздья! Боже мой!

Брандер хватает Зибеля за нос. Другие делают то же и поднимают ножи.

Мефистофель *(по-прежнему)*

Спади с очей, повязка заблужденья!

И помните, как дьявол пошутил!

(Исчезает с Фаустом.)

Приятели выпускают друг друга.

Зибель

Что?

Альтмайер

Как?

Фрош

Так это нос твой был?

Брандер *(Зибелю)*

А я за твой схватился? Наваждень!

Альтмайер

Каков удар! Всего меня потряс!

Подайте стул – я упаду сейчас.

Фрош

Но что же было тут, я спрашиваю вас?

Зибель

Где этот молодец? Ну, встреться в одиночку

Мне где-нибудь, так жив не будет он!

Альтмайер

Я видел сам, как он вскочил на бочку

И вмиг на ней верхом умчался вон.

В ногах свинец: со мной недоброе творится.

(Оборачиваясь к столу.)

Я думаю, вино могло б еще политься?

Зибель

Все было тут обман, предательство и ложь.

Фрош

А тем не менее мне кажется, что все ж

Я пил вино.

Брандер

А как же гроздья эти?

Альтмайер

Пусть говорят теперь, что нет чудес на свете!

Сцена 6

КУХНЯ ВЕДЬМЫ.

На низком очаге, на огне, стоит большой котел.

В паре, поднимающемся кверху, виднеются различные образы.

Мартышка-самка сидит у котла, снимает пену и смотрит, чтобы варево не выкипало. Мартышка-самец с детенышами сидит подле и греется. Стены и потолок увешены причудливой утварью ведьмы.

Фауст *и* ***Мефистофель****.*

Фауст

К бессмысленным их чарам отвращенье
Питаю я: найдется ль исцеленье
Здесь, в этой тьме безумства, для меня?
Я не хочу советов старой бабы!
Но, может быть, дряная пачкотня
Лет тридцать с плеч моих долой сняла бы?
Нет, мир надежды для меня потух:
Беда, коль не найдешь другого мне леченья.
Ужель природа и могучий дух

Нам не дадут бальзама возрожденья?

Мефистофель

Мой друг, ты говоришь умно:
Природное есть средство стать моложе;
Жаль, не про нас лишь писано оно,
Да и довольно странно тоже.

Фауст

Я знать хочу его скорей!

Мефистофель

Изволь; вот средство возрожденья
Без чар, без денег, без леченья:
Уединись в глуши полей,
Руби, копай, потей за плугом
И ограничить тесным кругом
Себя и ум свой не жалей;
Питайся просто в скромной доле,
Живи, как скот, среди скотов
И там, где жил ты, будь готов
Сам удобрять навозом поле.
Поверь мне: в этом весь секрет

Помолодеть хоть в восемьдесят лет.

Фауст

Но не привык я к плугу и лопате,
За них мне взяться было бы некстати;
Нет, узкая мне жизнь не суждена!

Мефистофель

Так ведьма, стало быть, нужна.

Фауст

К чему тут баба – непонятно!
Свари напиток сам, без лишних слов.

Мефистофель

Да! Вот бы время я провел приятно!
Уж лучше выстрою я тысячу мостов.
Здесь мало знанья и уменья —
Здесь ты не обойдешься без терпенья.
Корпеть пришлось бы тут немало лет:
Ведь раньше времени броженью ходу нет.
Чего-чего тут нет в бродилах,
И надо знать уловок тьму!

Хоть черт и учит их всему,
А сам все сделать он не в силах.

(Показывая на зверей.)

Не правда ль, миленький народ?
Вот вам слуга, служанка – вот!

(Зверям.)

А что, хозяйка улетела?

Звери

Она поела,
В трубу взвилась
И унеслась.

Мефистофель

А долго ли она там реет?

Звери

Пока огонь нам лапы греет.

Мефистофель *(Фаусту)*

Как ты находишь – хороши?

Фауст

Нет слов сказать, насколько гадки.

Мефистофель

А мне так нравятся их речи и повадки;
Беседу их люблю я от души.

(Зверям.)

Ну, куклы чертовы, скажите,
Что тут за варево? Над чем вы ворожите?

Звери

Для нищих жидкий суп кипит!

Мефистофель

На этот раз
Немало будет публики у вас.

Самец *(подползая и ласкаясь к Мефистофелю)*

Разочек сыграй
Со мною и дай
Набиться карману!
Без денег шабаш;
А денег мне дашь —
Я умником стану!

Мефистофель

Тварь эта с радости совсем бы очумела,

Когда б она в лото играть умела.

Детеныши, играя большим шаром, катят его.

Самец

Вот мир летит,
Спешит, бежит,
Крутясь, в пустыне.
Стеклянный звон,
Как хрупок он!
Пустой в средине,
Он тут блестит,
А там горит.
Я жив доныне!
Дитя, мой друг,
Пусти из рук,
Не то умрешь ты.
Здесь глина: стук —
И разобьешь ты.

Мефистофель

Что в решете у вас?

Самец *(доставая решето)*

Случись тут вор у нас,

Могли б его узнать мы.

(Бежит к самке и дает ей взглянуть в решето.)

Взгляни-ка в решето[46]:
Вор виден нам, но кто,
Посмеем ли сказать мы?

Мефистофель

А что за польза вам от этого горшка?

(Приближается к огню.)

Самец и самка

Пустая башка!
Не понял горшка,
Котла не поймет он!

Мефистофель

Невежа ты, зверь!

Самец

Присел бы теперь
Ты с веником: вот он.

(Заставляет Мефистофеля сесть.)

---

[46] Примечания: 46

По немецкому народному поверью, подвешенное на гвозде решето начинает само вращаться, если к нему подведут вора.

Фауст *(который тем временем глядел в зеркало, то приближаясь, то удаляясь)*

Что вижу я! Чудесное виденье

В волшебном зеркале мелькает все ясней!

О дай, любовь, мне крылья и в мгновенье

Снеси меня туда, поближе к ней!

О, если б был не в комнате я тесной,

О, если б мог лететь к богине той!

Но нет, она полузакрыта мглой...

О, дивный образ красоты телесной!

Возможна ли подобная краса?

Возможно ли, чтоб в прелести чудесной.

Вмещалися все неба чудеса?

Найдется ль чудо на земле такое?

Мефистофель

Понятно: шесть ведь дней трудился наш Творец

И «браво» сам себе промолвил наконец, —

Так, верно, что-нибудь да вышло же благое:

Теперь любуйся тем, что видишь пред собой;

А там найду тебе подобное созданье,

И счастлив тот, кому дано судьбой

Сокровищем подобным обладанье.

Фауст все смотрит в зеркало.

Мефистофель, потягиваясь и играя веником, продолжает говорить.

Сижу, как царь, на возвышенье трона,

Со скипетром в руках; нужна еще корона.

Звери (делавшие разные странные движения, с громкими криками приносят Мефистофелю корону)

Корону ты склей:

Пот нужен для ней

И кровь со слезами.

(Они неловко обращаются с короной, ломают ее пополам и прыгают кругом с ее кусками.)

Свершилось! Мы зрим,

Мы слышим, кричим,
И даже стихами.

Фауст *(перед зеркалом)*

Ах, я с ума сойду!

Мефистофель *(указывая на зверей)*

Увы! на этот раз
И у меня башка кружиться начинает.

Звери

И даже подчас
Бывает, что нас
И мысль осеняет.

Фауст*(как выше)*

Я весь горю, нет больше сил моих!
Нельзя ли нам отсюда удалиться?

Мефистофель *(в том же положении)*

По крайней мере, надо согласиться,
Что задушевная поэзия у них.

Котел, оставленный самкой без присмотра, начинает выкипать; возникает большое пламя, бьющее в трубу. Ведьма прилетает в этом огне со страшным воплем.

Ведьма

Ай-ай-ай-ай! Вот всех вас я!
Проклятый зверь, свиньей свинья!
Проспал котел! Обжег меня!
Вот всех вас я!

(Замечая Фауста и Мефистофеля.)

Что вижу я!
Зачем вы к нам?
Что нужно вам?
Вот я вам дам:
Сожгу я вас
Огнем сейчас!

(Черпает ложкой из котла и брызжет на всех огнем.)

Звери визжат.

Мефистофель *(перевернув веник, бьет посуду)*

Раз – бью, два – бью!
Котлы свалю,
Стряпню пролью!
Знай, морда: так
Стучу я в такт
Под песнь твою.

Ведьма отступает в ярости и ужасе.

Ну что, костлявая? Теперь узнала ты?
Узнала, пугало, царя и господина?
Махну рукой – и все твои скоты
И ты сама – все прахом, образина!
Не уважаешь красный мой камзол?
Петушьего пера узнать не можешь?
Иль я, закрыв лицо, сюда пришел?
Что ж, самому назваться мне предложишь?

Ведьма

Простите, сударь, мне за грубый мой привет!
Но конского при вас копыта нет,
И вороны куда, скажите мне, девались[47]*?*

Мефистофель

На этот раз уж пусть тебе сошло!
С тех пор воды немало утекло,

---

[47] Примечания: 47

Древние германцы чтили бога солнца Вотана, которого изображали с двумя воронами. Впоследствии, согласно христианским представлениям, вороны стали спутниками чёрта.

Как мы с тобой в последний раз видались.

Цивилизация велит идти вперед;

Теперь прогресс с собой и черта двинул.

Про духа северного позабыл народ,

И, видишь, я рога, и хвост, и когти кинул.

Хоть ногу конскую иметь я должен все ж,

Но с нею в публике являться не желаю

И вот в фальшивых играх щеголяю,

Как франтовская молодежь.

Ведьма *(пляшет)*

Ах, голова пошла от радости кругом!

Голубчик сатана, вы снова здесь со мною!

Мефистофель

Тсс! Не зови меня, старуха, сатаною!

Ведьма

Как? Почему же? Что дурного в том?

Мефистофель

Давно попало в басни это слово!
Что толку, впрочем, от таких затей?
Не меньше стало злых людей,
Хоть и отвергли духа злого.
Теперь мой титул – «господин барон»:
Других не хуже, рыцарь я свободный;
А что я крови благородной —
Так вот мой герб! Хорош ли он?

(Делает неприличный жест.)

Ведьма *(смеясь во все горло)*

Ха-ха-ха-ха! Да, это в вашем роде!
Вы все шалун такой же продувной!

Мефистофель *(Фаусту)*

Учись, мой друг, и поспевай за мной:
Вот что приятно ведьмам в обиходе.

Ведьма

Чем, господа, служить могу вам я?

Мефистофель

Подай стакан известного питья;
Но только, знаешь, постарее!
Оно что год, то действует сильнее.

Ведьма

Охотно. У меня имеется флакон:
Я лакомлюсь порой сама, когда придется.
Притом нисколько не воняет он.
Для вас стакан-другой всегда найдется.

(Тихо.)

Но если чарами ваш друг не защищен,
Ему и часу жить не остается.

Мефистофель

Не бойся: без вреда приятель выпьет мой
Венец стряпни твоей и знанья.
Черти же круг, промолви заклинанья
И влей в стакан напиток чудный твой.

Ведьма причудливыми жестами выводит круг и ставит в него разные предметы.

Стаканы и горшки начинают звенеть, и звуки переходят в музыку.

Наконец она приносит большую книгу и ставит мартышек в круг. Одна из них держит на спине книгу, другие стоят с факелами.

Затем ведьма кивает Фаусту, чтоб он подошел.

Фауст*(Мефистофелю)*

К чему, скажи мне, эти представленья?
Чушь глупая, безумные движенья,
Обман и ложь пошлейшие кругом.
Мне этот вздор давно знаком.

Мефистофель

Чудак, ведь это лишь для смеха!
Не будь к старухе слишком строг:
Она ведь тоже врач. Пусть будет ей потеха.
Без этого питье тебе пойдет не впрок.

(Заставляет Фауста войти в круг.)

Ведьма *(напыщенно декламируя по книге)*

Пойми: причти
Раз к десяти,
Два опусти,
А три ставь в ряд —
И ты богат.
Четыре сгладь,

А шесть и пять
За семь считать
И восемь раз —
Закон у нас.
Пусть девять в счет
За раз пойдет,
А десять сгладь.
Так ведьма учит умножать!

Фауст

Старуха в лихорадке бредить стала.

Мефистофель

О, это, друг, пока еще начало,
А далее вся книга так гласит!
Понять ее стараться – труд напрасный:
Глупец и умный с толку будет сбит
Противоречий массою ужасной.
Все это и старо и ново! Посмотри
В историю и вспомни: не всегда ли,
Три за одно, одно за три
Считая, люди вздор за правду выдавали?

Так учат зря болтать с начала всех веков —

С глупцами заводить никто не хочет спора.

Да людям редко что и нужно, кроме слов:

Что в них есть мысли, верят без разбора!

Ведьма *(продолжая)*

Познанья свет

Для всех секрет,

Для всех без исключенья!

Порою он,

Как дар, сужден

И тем, в ком нет мышленья!

Фауст

Какая чушь! Я убежать готов:

Пожалуй, лопнет голова от вздора.

Я точно слышу песню хора

Ста тысяч круглых дураков!

Мефистофель

Ну, будет, будет, мудрая Сивилла!

Ты лучше бы стаканчик предложила,
Налив его полнее, до краев.
Приятелю он не придется солон:
Недаром ведь все степени прошел он
И много разных делывал глотков.

Ведьма с разными церемониями наливает питье в бокал; когда Фауст подносит его к губам, вылетает легкое пламя.

Живее пей до дна бокал —
И ты мгновенно ободришься.
На «ты» давно ты с чертом стал,
А все еще огня боишься.

Ведьма открывает круг; Фауст выходит.

Теперь стоять не надо, живо в путь!

Ведьма

Пусть вам глоточек принесет отраду!

Мефистофель*(ведьме)*

При случае получишь ты награду;
В Вальпургиеву ночь мне можешь намекнуть.

Ведьма

Вот песенка: чтоб дать всю силу соку,
По временам ее должны вы петь.

Мефистофель*(Фаусту)*

Скорей! Иди, а то не будет проку:
Ты непременно должен пропотеть,
Чтоб весь насквозь ты пропитался зельем.
Ты прогуляешься спокойно, без забот —
И вдруг почувствуешь с отрадой и весельем,
Как сладко Купидон играть в тебе начнет.

Фауст

Дай в зеркало мне бросить взор прощальный:
Так был прекрасен образ идеальный!

Мефистофель

Не стоит: наяву увидишь ты
Образчик лучший женской красоты.

(В сторону.)

Да, этим зельем я тебя поддену.

Любую бабу примешь за Елену!

Сцена 7

УЛИЦА.
Фауст *и* ***Маргарита*** *проходят.*

Фауст

Прекрасной барышне привет!
Я провожу вас… если смею.

Маргарита

Прекрасной барышни здесь нет!
Домой одна дойти сумею.

(Вырывается и уходит.)
Фауст

Как хороша! Я клятву б дал,
Что в жизни лучших не видал!
Так добродетельна, скромна —
И не без колкости она.
А взор потупленных очей
Запечатлен в душе моей.
Румяных губ и щечек цвет…
Ах, позабыть его нет сил!

А как суров и краток был
Ее находчивый ответ!
Восторг – и слов тут больше нет!

Входит Мефистофель.

Фауст

Ты должен мне добыть девчонку непременно.

Мефистофель

Какую?

Фауст

Ту, что только что прошла.

Мефистофель

Как, эту? У попа она сейчас была
И от грехов свободна совершенно:
К исповедальне подойдя,
Отлично все подслушал я.
Она на исповедь напрасно —
Пришла: невинна, хоть прекрасна, —
И у меня над нею власти нет.

Фауст

Не меньше ж ей четырнадцати лет?

Мефистофель

Ты говоришь, как сердцеед порочный.
Подай ему сейчас любой цветок!
Он мнит, что нет любви, нет чести прочной,
Которой он похитить бы не мог!
Но не всегда бывает это впрок!

Фауст

Почтеннейший магистр-педант, нельзя ли
Меня теперь избавить от морали?
Без лишних слов, скажу тебе одно:
Знай: если эту ночь я в неге страстной
Не проведу с малюткою прекрасной,
То в полночь нам с тобой расстаться суждено!

Мефистофель

Подумай, друг: не все же мне подвластно!
Мне надобно не меньше двух недель,
Чтоб достижимой сделать эту цель:
Сыскать предлог, найти заручку…

Фауст

Будь семь часов спокоен я —
Не надо черта мне в друзья,
Чтоб соблазнить такую штучку!

Мефистофель

Ты судишь, как француз, слегка.
Прошу тебя, однако, не сердиться.
К чему так сразу – взять и насладиться?
Утеха, право, тут не велика.
Не лучше ли пойти путем интрижки;
Увлечь ее, водить и так и сяк,
Как учат нас иные книжки?

Фауст

Мой аппетит хорош и так.

Мефистофель

Нет, кроме шуток, лишь впросак
Попасть с горячностью здесь можно.
Здесь надо дело осторожно
Вести – тут сила не возьмет:
Тут хитрый надобен подход.

Фауст

Достань же мне вещицу от бесценной,
Сведи меня в покой ее священный,
Достань платочек мне с ее груди,
Подвязку хоть на память мне найди!

Мефистофель

Ну, если так влюбился ты в девицу, —
Смотри, как верно я тебе служу
И каждою минутой дорожу:
Сегодня ж к ней сведу тебя в светлицу.

Фауст

К ней? Ею обладать?

Мефистофель

Ну вот!
Не сразу же! Она уйдет
К соседке; ты ж в уединенье скромном
О счастье будущем мечтам отдайся томным.

Фауст

Когда ж? Сейчас?

Мефистофель

Немного попоздней.

Фауст

Так не забудь достать подарок ей!

(Уходит.)

Мефистофель

Как, уж дарить? Недурно для начала!
Успехи делать может он вполне!
Известно много старых кладов мне.
Теперь пора проведать их настала[48].

Сцена 8

ВЕЧЕР.

Маленькая опрятная комната. ***Маргарита*** *заплетает косу.*

Маргарита

Я, право, дорого б дала,
Когда бы я узнать могла,

---

[48] Примечания: 48

Чёрта по народному поверью, считали владельцем кладов, зарытых в землю.

Кто этот видный господин.
Должно быть, это дворянин:
Так благородно он глядел
И так уверен был и смел.

(Уходит.)
Мефистофель *и* ***Фауст****.*
Мефистофель

За мной, потише – вот сюда!

Фауст *(после некоторого молчания)*

Я здесь один хочу остаться.

Мефистофель *(оглядывая комнату)*

Да!
У девушек так чисто не всегда!

(Выходит.)
Фауст *(осматриваясь кругом)*

О милый сумрак, о приют святой,
Привет мой вам! Владей, любви томленье,
Душой моей; питай свое стремленье
Надежды милой сладкою росой!
Как дышит здесь повсюду дух покоя,

Порядком все проникнуто кругом!

Средь бедности довольство здесь какое!

Святой приют! Благословенный дом!

(Бросается в кожаное кресло у постели.)

Прими ж меня, семейный старый трон!

Отцов и дедов нежил ты покоем

В дни радости и горя, окружен

Детей беспечным шумным роем!

Быть может, милая моя в кругу детей,

Горя румянцем щечек, ликовала

И, благодарная за елку, всех нежней

Сухую руку деда целовала.

Твой дух, о дева, надо мной парит,

Дух тихого довольства и порядка;

Устами матери тебе он говорит,

Чтоб чистой скатертью твой стол был устлан гладко,

И учит посыпать, узоры выводя,

Песком весь чистый пол каморки тес-

ной.

О милая рука! Божественность твоя
Из хижины создать способна рай небесный!
А здесь!..

(Отдергивает полог кровати.)

Святой меня объемлет страх!
Я не ушел бы, кажется, отсюда!
Лелеяла природа в легких снах
Здесь ангела, и вот – явилось чудо!
Дитя дышало в сладком сне,
И чистой творческою силой
Прекрасный образ в тишине
Расцвел, божественный и милый!..
А я? Сюда что привело меня?
О небо, как глубоко тронут я!
Чего хочу? Чем совесть так задета?
О бедный Фауст, ты ли, ты ли это?
Не чары ли, под кровом полутьмы,
Здесь в воздухе? Я шел, чтоб насладиться, —
Пришел – и сердце грезами томится!

Иль ветерка игрушкой служим мы?
Как я своих бы мыслей устыдился,
Когда ее сейчас бы увидал!
Я за минуту был не больше как нахал,
Теперь же в прах пред нею бы склонился.

Мефистофель *(входя)*

Скорей беги! Она сюда идет!

Фауст

Прочь! Навсегда! Ее мне видеть больно!

Мефистофель

А я принес и ларчик; вот —
Увесист, кажется, довольно!
Ей в шкаф поставим мы его:
Она с ума сойдет, ручаюсь!
Такой вещицей хоть кого
Для вас сманить я обещаюсь:
Игра – всегда игра; дитя – всегда дитя!

Фауст

Осмелюсь ли?

Мефистофель

Вы это не шутя?

Хотите ларчик вы себе оставить?

Так раньше бы сказать, не ждать до этих пор,

Чтоб нам не тратить времени на вздор

И от пустых меня хлопот избавить!

Не скряга ж вы, надеюсь, милый мой!

Для вас затылок трешь, мозолишь руки…

(Ставит ларчик в шкаф и запирает его.)

Ну, прочь! Скорей теперь за мной!

Пусть соблазняется: ей надо быть одной!

А вы стоите с видом скуки,

Как будто вам приходится идти

На лекцию и вот уж на пути

И метафизика и физика пред вами

Как бы стоят с постылыми словами!

Уходят.
Маргарита *входит с лампой.*
Маргарита

Как душно! Тяжесть в воздухе какая!

(Открывает окно.)

А ночь совсем не так тепла.
Скорей бы маменька пришла!
Чего-то все боюсь одна я,
И страх и дрожь меня берут:
Еще трусихой назовут!

(Начинает петь и раздеваться.)

Жил в Фуле король; до могилы
Одной он был верен душой;
Ему, умирая, вручила
Любимая кубок златой.
И стал ему кубок заветный
Дороже всего с этих пор;
Он пил – и слезой чуть заметной
Средь пира туманился взор.
И роздал король пред кончиной
Наследникам все города;
Но кубок – лишь кубок единый —
Оставил себе навсегда.
Морские валы грохотали

Под башней, бушуя у скал;
Меж рыцарей, в дедовском зале,
Прощаясь, король пировал.
Наполнивши влагою пенной
Свой кубок он выпил до дна
И бросил тот кубок священный
Туда, где шумела волна.
Он видел, как кубок, волною
Подхвачен, черпнул и пропал;
И очи покрылися тьмою —
И пить он и жить перестал.

(Отпирает шкаф, чтобы убрать платье, и видит ларчик.)

Как этот ларчик тут явиться мог?
Шкаф, кажется, был заперт на замок.
Вот странно! Что за вещи тут – не знаю!
Но, впрочем, понимать теперь я начинаю:
Не взят ли, может быть, он маменькой в залог?
А! ключик здесь, привязанный тесьмою.

Что, если я его возьму да и открою?

(Отпирает.)

Что это! Боже мой! Чудеснейший убор!

Мне видеть не пришлось такого до сих пор!

Его б и дама знатная надела

И на гулянье в нем отправилась бы смело.

Цепочку бы надеть: какой приму я вид?

Чья ж эта роскошь вся? Кому принадлежит?

(Наряжается и смотрит в зеркало.)

Хоть серьги мне иметь хотелось бы ужасно!

Наденешь их – и вот совсем уже не то!

К чему красивой быть? Совсем, совсем напрасно!

Не худо это – я, конечно, в том согласна;

Да люди красоту нам ставят ни во что

И хвалят только нас из жалости. Вот слава:

Все денег ждут,

Все к деньгам льнут;

Ах, бедные мы, – право!

Сцена 9

ГУЛЯНЬЕ.

***Фауст** прогуливается в раздумье. Подходит **Мефистофель**.*

Мефистофель

Клянусь отвергнутой любовью, бездной ада!

Клялся бы хуже я, да нечем, вот досада!

Фауст

Я не видал еще подобных морд!

Что там могло с тобою приключиться?

Мефистофель

Я рад бы к черту провалиться,

Когда бы сам я не был черт!

Фауст

Да ты не спятил ли, приятель?
К лицу ль тебе беситься, кстати ль?

Мефистофель

Подумай: ценный наш убор
Стащил у Гретхен поп, как вор.
Мамаше Гретхен показала,
А той сейчас же жутко стало:
В молитвы вся погружена
И чуткой быть приучена,
Повсюду нюхает она,
Свята ли вещь или грешна, —
А тут разгадка, видимо, простая:
Что святость в этом ларчике плохая.
«Дитя мое, – старуха шепчет ей, —
Неправое именье – лютый змей!
Снесем его царице мы небесной —
И манны нам пошлет она чудесной».
Бедняжка Гретхен от таких речей
Поморщилась, надула молча губы:
Дареному коню не смотрят, дескать, в зубы;
И чем же, мол, уж так безбожен был,

Кто мне сережки подарил?
Мать между тем попа призвать успела.
Тот сразу видит, в чем тут дело.
«Поступку вашему я рад, —
Им говорит он с постной рожей, —
Кто воздержался, тот богат».
Желудок, мол, хорош у церкви божьей;
Немало стран уж слопала она
И несвареньем все же не больна.
Одна лишь церковь может, без сомненья,
Переварить неправые именья.

Фауст

Да, все берет она сегодня, как вчера!
Король и ростовщик – такие ж мастера.

Мефистофель

Потом браслеты, кольца, брошки
Загреб он, как грибы в лукошке,
Прибрал – спасибо не сказал,
Как будто горсть орехов взял,

И посулил за то награды
В раю, а те стоят – и рады!

Фауст

А Гретхен?

Мефистофель

Мучится, жалеет:
Подарок спать ей не дает,
И день и ночь с ума нейдет,
А с ним – кто так дарить умеет.

Фауст

Бедняжка! Как ее мне жаль!
Другой достать для ней нельзя ль?
Да не такие безделушки.

Мефистофель

Для вас, конечно, все игрушки!

Фауст

Я так хочу – хоть разорвись!
Да ты к соседке подберись:
Будь бес как бес, не размазня!
Чтоб был подарок у меня!

Мефистофель

Так точно, сударь: рад служить на славу!

Фауст уходит.

Влюбившийся дурак на глупости горазд:
И солнце, и луну, и звезды он отдаст
На фейерверк – красотке на забаву!

Сцена 10

ДОМ СОСЕДКИ.

Марта*(одна)*

Господь с тобой, мой муж! Скажу правдиво:
Ты поступил со мной несправедливо!
Пропал куда-то с буйной головой,
И жить теперь мне суждено одной!
А чем его я в жизни оскорбила?
Свидетель Бог, как я его любила!

(Плачет.)

Давно уж он и умер, может быть!

О смерти б хоть свидетельство добыть.

Входит Маргарита.

Маргарита

Ах Марта!

Марта

Гретхен, что с тобою?

Маргарита

Колена гнутся подо мною:
В шкафу я вновь ларец такой
Нашла, с чудесною резьбой;
А вещи – просто загляденье
И лучше прежних без сравненья.

Марта

Ты матери о том не говори,
А то опять снесет на покаянье!

Маргарита

Ах, погляди! Ах, посмотри!

Марта*(наряжая ее)*

Ах ты, счастливое созданье!

Маргарита

Что толку в том! Ведь в них не смею я
Ни погулять, ни в церкви показаться…

Марта

А ты бывай почаще у, меня:
Тихонько здесь ты можешь наряжаться.
Пред зеркальцем повертишься часок:
Вот нам и радость будет, мой дружок!
А там, при случае – ну, в праздник, что ли, – станем
Мы вещь за вещью в люди надевать:
Цепочку, серьги там… Твоя старуха-мать
И не заметит их; а то ведь и обманем!

Маргарита

Но кто два ящика поставил мне?
Тут дело чисто не вполне.

Стучатся.

Ах, Боже мой, не мать ли уж за мною?

Марта *(смотрит в дверное окошечко, отдернув*

занавеску)

Какой-то господин; сейчас ему открою.

(Отворяет дверь.)

Пожалуйте.

Мефистофель *(входя)*

Прошу простить меня,
Что прямо к вам вхожу я так свободно.

(Почтительно отступает перед Маргаритой.)

Я к Марте Швердтлейн.

Марта

Марта – это я.
Что, сударь, будет вам угодно?

Мефистофель *(тихо Марте)*

Благодарю: теперь я знаю вас;
Но барышня в гостях у вас сейчас…
Итак, прошу прощенья за помеху.
Я к вам зайду попозже: мне не к спеху.

Марта

Вы, сударь, приняли за барышню ее?

Подумай, что за честь тебе, дитя мое!

Маргарита

Ах, вовсе нет! Я девушка простая…
Вы чересчур добры… Цепочка золотая
И эта брошка – не моя.

Мефистофель

Сударыня, судил не по цепочке я!
Осанка, взгляд ваш-как у дамы знатной.
Так я могу остаться? Как приятно!

Марта

Ну что ж, какую вы приносите мне весть?

Мефистофель

О, как желал бы я вам лучшую принесть!
Да, тяжело слова мне выговорить эти:
Ваш добрый муж велел вам долго жить на свете.

Марта

Он умер? Мой дружок, супруг мой до-

рогой!

Ах, я не вынесу! За что беда такая!

Маргарита

Ах, Марта, не тужи, утешься, дорогая!

Мефистофель

Угодно ль выслушать рассказ печальный мой?

Маргарита

Нет, лучше жить, любви совсем не зная:

Я б умерла от горести такой!

Мефистофель

Нет худа без добра, и нет добра без худа!

Марта

Скажите ж, как и где он дух свой испустил?

Мефистофель

Лежит он в Падуе, там, далеко отсюда,

Его святой Антоний приютил.

Он спит теперь сном вечным и отрадным

В священном месте, тихом и прохладном.

Марта

Что ж поручил он вам?

Мефистофель

Мне долг велит

Большую передать вам просьбу: непременно

Просил он отслужить три сотни панихид.

Карманы ж у меня пустые совершенно.

Марта

Как? Ни одной монетки? Ни одной

Вещицы? Да любой мастеровой

В своей котомке что-нибудь приносит

На память в дом и делится с женой;

Скорей не ест, не пьет и милостыню просит!

Мефистофель

Мадам, мне очень жаль; а впрочем, ваш супруг

Не расточитель был. Он вынес много мук,

Когда в грехах своих он каялся душевно

И жаловался всем, как жизнь его плачевна.

Маргарита

О, как несчастны люди! За него

Я помолюсь от сердца моего.

Мефистофель

Вы замуж выйти хоть сейчас достойны:

Такое вы премилое дитя!

Маргарита

Ах нет, мне рано!..

Мефистофель

Будьте в том спокойны,

И поручусь вам чем угодно я,

Что лучший кавалер обрадовался б счастью

Такую прелесть обнимать со страстью.

Маргарита

Обычай скромный наш на это не похож.

Мефистофель

Обычай или нет – бывает это все ж!

Марта

Ну, продолжайте же!

Мефистофель

Я был при смертном ложе
Супруга вашего: под ним всегда была
Солома лишь одна навозная, но все же
Он умер во Христе, кляня свои дела.
«Увы! – он восклицал, – достоин я проклятья
За то, что бросил так жену и все занятья!
Воспоминание об этом-казнь моя!
Ах, если бы жена грехи мне отпустила!»

Марта *(плача)*

Мой добрый муж, давно я все тебе простила!

Мефистофель

«Но, видит Бог, она еще грешней, чем я!»

Марта

Он лжет! Бездельник! Лгать у гробового края!..

Мефистофель

О да! Поверьте мне, подумал сам тогда я,

Что это бредил зря в предсмертных муках он.

Он говорил: «Я жил не праздно, не зевая,

В трудах больших детей и хлеб свои добывая,

Ел только черствый хлеб, измучен, истощен,

Но и того не мог ни разу съесть в покое».

Марта

А всю мою любовь, денное и ночное

Страданье он забыл? Вся верность – нипочем?

Мефистофель

О нет, он свято помнил обо всем!

Он говорил: «Из Мальты уезжая,

Молился я о детях, о жене —

И милость небо ниспослало мне:

Нам в море барка встретилась большая

Турецкая, которая везла

Несметные сокровища султана.

Напали мы, и храбрость верх взяла,

И мне уделена частичка тут была

При дележе богатства басурмана».

Марта

Ах! Где ж он деньги дел? Быть может, их зарыл?

Мефистофель

Ну, денег тех искать – что ветра в поле!

Когда потом в Неаполе он был

И здесь, как гость, покучивал на воле,
Им крепко занялась красавица одна;
И вот участье приняла она
Столь близкое в его печальной доле,
Что он ее любовь и верность оценил
И знаки нежности до гроба сохранил.

Марта

Подлец! Мерзавец! Вор! Враг своего семейства!
Ни горе, ни нужда, ни смертный час – ничто
Не сокрушило в нем бесстыдства и злодейства!

Мефистофель

Ну, вот и умер он зато!
На вашем месте я, даю вам слово,
Всего лишь год бы траур поносил,
А там бы мужа стал искать другого.

Марта

Увы, каков мой первый был,
Навряд ли я найду второго!

Такой он был милейший дурачок!

Любил он только жен чужих, к несчастью,

Вино чужое пил где только мог,

Да был бродягою, да был еще порок:

Игре проклятой предан был со страстью.

Мефистофель

И только? Что ж, когда и вам

Он позволял, что делал сам,

Так жить с ним было превосходно!

С таким условьем с вами нам

Ударить можно по рукам.

Марта

Насмешник! Вам шутить угодно.

Мефистофель*(про себя)*

Удрать теперь: у ней такая прыть,

Что даже черта рада подцепить.

(Маргарите.)

А ваше сердце все еще свободно?

Маргарита

Что вы сказать хотите?

Мефистофель *(про себя)*

О, дитя
Невинное!

(Громко.)

Я ухожу. Простите!

Маргарита

Прощайте.

Марта

Ах, минутку подождите:
Свидетельство иметь хотела б я,
Где ясно б каждый пункт обозначался,
Когда, и где, и как мой муж скончался.
Порядка другом я всегда была,
А потому охотно бы прочла
Известие о смерти и в газете.

Мефистофель

Сударыня, повсюду, в целом свете
Свидетелей достаточно двоих,
Чтоб истину упрочить. Вот, пожалуй,

Есть у меня приятель, славный малый;
Он подтвердит правдивость слов моих.
Я приведу его сюда.

Марта

Ах, приведите!

Мефистофель

А барышня придет?
Прошу вас, приходите!
Он молодец собой, умен —
Ну, словом, кавалер вполне изящный он.

Маргарита

Боюсь, придется мне краснеть пред господином!

Мефистофель

Краснеть? – Ни пред одним на свете властелином!

Марта

Так вечерком у нас в саду
Я с нею вас сегодня жду.

Сцена 11

УЛИЦА.
Фауст и Мефистофель.

Фауст

Ну что? Ну как? Идет на лад?

Мефистофель

Ого! В огне вы! Вот так диво!
Не бойтесь: птичку схватим живо!
Пойдем сегодня к Марте в сад.
Вот баба, доложу вам! Точно
Быть сводней создана нарочно.

Фауст
Прекрасно!
Мефистофель
Но и ей должны мы удружить.
Фауст
Что ж, за услугу я готов служить.
Мефистофель
Она добыть от нас свидетельство б хотела
О том, что бренное ее супруга тело
В могиле, в Падуе, почило вечным сном.

Фауст
Умно! Так съездить мы туда должны сначала?
Мефистофель
Sancta simplicitas[49]! Еще недоставало!
Свидетельство и так, без справок, подмахнем.
Фауст
Когда нет лучшего, то, значит, все пропало.
Мефистофель
О муж святой, ужель вы всех других честней
Хотите быть? Ужель ни разу не давали
Свидетельств ложных в жизни вы своей?
О Боге, о земле, о том, что скрыто в ней,
О том, что в голове и в сердце у людей
Таится, вы давно ль преважно толковали
С душою дерзкою, с бессовестным челом?
А если мы вникать поглубже начинаем,
Сейчас же видим мы, что знали вы о том
Не более, чем мы о муже Марты знаем.
Фауст
Софист и лжец ты был и будешь!
Мефистофель
Обмануть

---

[49] Примечания: 49

Sancta simplicitas (лат.) — «Святая простота». Эти слова произнес чешский реформатор Ян Гус (1369–1415) во время сожжения его на костре, когда увидел, как одна старушка подбросила в костер вязанку хвороста, думая, что совершает этим богоугодное дело.

Меня не пробуйте: я знаю, в чем тут суть.
Не завтра ли, душа святая,
Бедняжку Гретхен надувая,
В любви ей клясться станешь ты?
Фауст
И от души!
Мефистофель
Ну да, конечно,
И в вечной верности, и в вечной
Любви, и в страсти бесконечной.
И все от сердца полноты?
Фауст
Оставь! Когда я чувством нежным
Томлюсь, назвать его хочу,
Порывам бурным и мятежным
Напрасно имени ищу,
И мыслью мир весь облетаю,
И высшие слова хватаю,
Какие лишь найти могу,
И называю пыл сердечный
Любовью вечной, бесконечной,-
Ужель тогда, как бес, я лгу?
Мефистофель
А все-таки я прав!
Фауст
Послушай: всяк имеет

Свой взгляд, но чем надсаживать нам грудь,
Скажу тебе одно, а ты не позабудь:
Кто хочет правым быть и языком владеет,
Тот правым быть всегда сумеет.
Итак, скорей! Что толку в болтовне?
Будь прав хоть потому, что нужно это мне!

Сцена 12

САД.

Маргарита *под руку с* ***Фаустом****, а* ***Марта*** *с* ***Мефистофелем*** *прогуливаются по саду.*

Маргарита

Я чувствую, что вы жалеете меня,
Ко мне снисходите; мне перед вами стыдно.
Вы путешественник: привыкли вы, как видно,
Всегда любезным быть. Ведь понимаю я,
Что вас, кто столько видел, столько знает,
Мой бедный разговор совсем не занимает.

Фауст

Одно словечко, взор один лишь твой
Мне занимательней всей мудрости земной.

(Целует ее руку.)

Маргарита

Ах, как решились вы! Ну что вам за охота
Взгляните, как жестка, груба моя рука;
На мне лежит и черная работа:
У маменьки любовь к порядку велика.

Проходят.

Марта

И что же? Так должны вы ездить вечно?

Мефистофель

Что делать: ремесло и долг нам так велят!
В иных местах остаться был бы рад,
А надо ехать, хоть скорбишь сердечно.

Марта

Пока кто молод, почему

По свету вольной птицей не кружить-ся!

А вот как в старости придется одному

К могиле, сирому, холостяком, та-щиться —

Едва ли это нравится кому.

Мефистофель

Увы, со страхом я предвижу это!

Марта

Ну что же, вовремя послушайте сове-та!

Проходят.

Маргарита

Да, с глаз долой – из сердца вон!

Лишь по привычке вы учтивы.

Других друзей всегда б найти могли вы,

Кто вправду сведущ и умен.

Фауст

О друг мой, верь, что мудрость вся людская —

Нередко спесь лишь пошлая, пустая!

Маргарита

Как?

Фауст

О, зачем невинность, простота
Не знает, как она бесценна и свята!
Смиренье, скромность чувств невинная, святая —
Вот самый лучший дар для нас.

Маргарита

Когда б вы обо мне подумали хоть раз,
О вас бы думала с тех пор всегда, всегда я.

Фауст

И часто ты одна?

Маргарита

Да; хоть невелико
У нас хозяйство, все же нелегко
Его вести. Служанки нет: должна я
Варить, мести и шить; с рассвета на ногах…

А маменька во всем престрогая такая
И аккуратна так, что просто страх!
И не от бедности: мы вовсе не такие,
Чтоб хуже жить, чем все живут другие.
Отец покойный мой довольно был богат,
Оставил домик нам, а с ним и старый сад.
Теперь наш дом затих, труды мне легче эти:
Ушел служить в солдаты брат,
Сестрички нет уже на свете…
Немало с ней хлопот я приняла,
Но вновь все перенесть я с радостью б могла —
Так было мне дитя родное мило!

Фауст

О, если на тебя малютка походила,
Она, конечно, ангелом была!

Маргарита

Да. Я ее вскормила, воспитала…

И как меня любить малютка стала!

Отца уж не было в живых, когда на свет

Она явилась; матушка ж, бедняжка,

Слегла в постель и захворала тяжко;

Мы думали, что уж надежды нет,

И времени прошло у нас немало,

Пока она поправилась и встала.

Где ж было ей самой кормить дитя?

И вот его взялась лелеять я,

Кормила крошку молоком с водою, —

Она совсем, совсем моя была

И на руках моих, по целым дням со мною,

Барахталась, ласкалась и росла.

Фауст

Чистейшим счастьем ты в то время обладала!

Маргарита

И горя тоже много я видала.

Со мною по ночам стояла колыбель

Рядком; дитя чуть двинется – я вста-

ну.

Беру из люльки и к себе в постель

Кладу иль молоком кормить, бывало, стану;

А не молчит – должна опять вставать,

Чтоб проходить всю ночь да песни распевать.

А по утрам – белье чуть свет встаю и мою;

Там время на базар, на кухню там пора —

И так-то целый день, сегодня, как вчера!

Да, сударь: иногда измучишься заботой!

Зато и сладко спишь, зато и ешь с охотой.

Проходят.

Марта

Холостяки, всегда вы таковы:

Чрезмерно к бедным женщинам суровы!

Мефистофель

О, мы всегда исправиться готовы,
Найдя такую женщину, как вы!

Марта

Признайтесь: есть у вас кто на примете?
Привязанность есть где-нибудь на свете?

Мефистофель

Пословица гласит: жена своя и кров
Дороже всех на свете нам даров.

Марта

Но до любви у вас не доходило дело?

Мефистофель

Я всюду и всегда любезно принят был.

Марта

Не то! Серьезен ли был ваш сердечный пыл?

Мефистофель

Ну с дамами шутить – чрезмерно было

б смело!

Марта

Ах, вы не поняли!

Мефистофель

Жалею всей душой!
Но очень понял я, как вы добры со мной.

Проходят.

Фауст

Так ты меня сейчас, мой ангелок, узнала,
Когда перед тобой в саду явился я?

Маргарита

Вы видели, что я потупилась сначала.

Фауст

И ты меня простишь, прекрасная моя,
Что я себе тогда позволил слишком много,
Когда к тебе я подошел дорогой?

Маргарита

Смутилась я: мне это в первый раз.

Насчет меня нигде не говорят дурного.
Уж не нашел ли он – я думала о вас —
Во мне бесстыдного чего-нибудь такого,
Что прямо так решился подойти,
Игру с такой девчонкой завести.
Но все ж во мне, признаться, что-то было,
Что в вашу пользу сильно говорило.
И как же на себя сердита я была,
Что я на вас сердиться не могла!

Фауст

Мой друг!

Маргарита

Пустите-ка!

(Срывает астру и ощипывает лепестки.)

Фауст

Что рвешь ты там? Букет?

Маргарита

Нет, пустяки – игра.

Фауст

Что?

Маргарита

Полно вам смеяться!

(Шепчет.)

Фауст

Что шепчешь ты?

Маргарита *(вполголоса)*

Он любит – нет; он любит – нет!

Фауст

О ангел, как тобой не восхищаться!

Маргарита *(продолжает)*

Он любит – нет; он любит – нет!

(Вырывая последний лепесток, радостно.)

Он любит! Да!

Фауст

О, пусть цветка ответ
Судьбы решеньем будет нам, родная!
Да, любит он! Поймешь ли, дорогая?

(Берет ее за обе руки.)

Маргарита

Я вся дрожу!

Фауст

О, не страшись, мой друг!
Пусть взор мой, пусть пожатье рук
Тебе расскажут просто и не ложно,
Что выразить словами невозможно!
Отдайся вся блаженству в этот час
И верь, что счастье наше бесконечно:
Его конец – отчаянье для нас!
Нет, нет конца! Блаженство вечно, вечно!

Маргарита жмет ему руку, вырывается и убегает.

Фауст стоит несколько минут в задумчивости, потом следует за нею.

Марта *(подходя)*

Смеркается.

Мефистофель

Да, нам пора домой.

Марта

Я вас подольше б удержать хотела,

Но, знаете, уж город наш такой:

Как будто здесь у всех другого нет и дела,

Заботы будто нет у них другой,

Как только за соседями день целый

Подсматривать; и что ты тут ни делай —

Глядишь, пошла уж сплетня меж людей.

А наша парочка?

Мефистофель

Вдоль по саду пустилась,

Как пара мотыльков.

Марта

Она в него влюбилась.

Мефистофель

А он в нее. Таков уж ход вещей!

Сцена 13

БЕСЕДКА.

Маргарита *вбегает, становится за дверью,*

прикладывает палец к губам и смотрит сквозь щель.

Маргарита

Идет!

Фауст

Меня ты дразнишь? Ах, плутовка!
Постой же: я тебя поймаю ловко.

(Целует ее.)
Маргарита *(обнимая его и возвращая поцелуй)*

Люблю тебя всем сердцем, милый мой!

Мефистофель стучится.
Фауст *(топая ногой)*

Кто там?

Мефистофель

Приятель.

Фауст

Скот!

Мефистофель

Пора домой.

Марта входит.

Марта

Да, сударь, поздно уж.

Фауст

Позволите ль из сада
Вас проводить?

Маргарита

А маменька? Меня
Так проберет она за это!.. Нет, не надо!
Прощайте!

Фауст

Очень жаль, что должен я
Уйти так скоро, против ожиданья.
Прощайте же!

Марта

Адье[50]*!*

Маргарита

До скорого свиданья.

Фауст и Мефистофель уходят.

Маргарита

---

[50] Примечания: 50
Адьё (франц. adieu) — прощайте.

Ах, Боже мой, как он учен!
Чего не передумал он!
А я – краснею от стыда,
Молчу иль отвечаю: да…
Ребенок я – он так умен!
И что во мне находит он?

(Уходит.)

Сцена 14

ЛЕС И ПЕЩЕРА.

Фауст *(один)*

Могучий дух, ты все мне, все доставил,
О чем просил я. Не напрасно мне
Свой лик явил ты в пламенном сиянье.
Ты дал мне в царство чудную природу,
Познать ее, вкусить мне силы дал;
Я в ней не гость, с холодным изумленьем
Дивящийся ее великолепью, —
Нет, мне дано в ее святую грудь,
Как в сердце друга, бросить взгляд глу-

бокий.
Ты показал мне ряд живых созданий,
Ты научил меня увидеть братьев
В волнах, и в воздухе, и в тихой роще.
Когда в лесу бушует ураган
И повергает ближние деревья,
Ломаясь с треском, богатырь-сосна,
И холм ее паденью глухо вторит, —
В уединенье ты меня ведешь,
И сам себя тогда я созерцаю
И вижу тайны духа моего.
Когда же ясный месяц заблестит,
Меня сияньем кротким озаряя,
Ко мне слетают легкою толпою
С седой вершины влажного утеса
Серебряные тени старины,
И созерцанья строгий дух смягчают.
Для человека, вижу я теперь,
Нет совершенного. Среди блаженства,
Которым я возвышен был, как бог,
Ты спутника мне дал; теперь он мне
Необходим; и дерзкий и холодный,

Меня он унижает, и в ничто
Дары твои, смеясь, он обращает.
В груди моей безумную любовь
К прекраснейшему образу он будит;
Я, наслаждаясь, страсть свою тушу
И наслажденьем снова страсть питаю.

Входит ***Мефистофель****.*

Мефистофель

Чем жизнь такая радостна для вас?
Не надоест вам все в глуши слоняться?
Я понимаю – сделать это раз,
А там опять за новое приняться.

Фауст

Другое дело мог бы ты найти,
Чем в добрый час смущать меня бесплодно.

Мефистофель

Ну, ну! Не злись: ведь я могу уйти.
Уйду совсем, когда тебе угодно.
С тобою, грубым и безумным, жить —

Неважный дар послала мне судьбина.
Весь день изволь трудиться и служить,
И так и сяк старайся удружить —
Не угодишь ничем на господина.

Фауст

Ну вот, теперь упреки мне пошли!
Ты надоел, а я – хвали за это.

Мефистофель

А чем бы жил ты, жалкий сын земли,
Без помощи моей, не видя света?
Не я ль тебя надолго исцелил
От тягостной хандры воображенья?
Не будь меня, давно бы, без сомненья,
Здесь, на земле, ты дней своих не длил.
К чему же ты сюда, в леса и горы,
Как мрачный филин, обращаешь взоры?
Во влажном мху, под кровом темноты
Себе, как жаба, жизни ищешь ты.
Прекрасная манера веселиться!
Нет, все еще педант в тебе гнездится.

Фауст

Поймешь ли ты, что я в пустыне здесь
Чудесной силой оживаю весь?
Да, если б мог понять ты, то, конечно,
Как черт, ты мне б завидовал сердечно.

Мефистофель

Еще бы! Неземная благодать!
Всю ночь на мокром камне пролежать,
К земле и небу простирать блаженно
Объятья, раздувать себя надменно
До божества и в самый мозг земли
Впиваться мыслью, – полною стремленья;
Все ощущать, что в мир внесли
Все шесть великих дней творенья;
Внезапно гордой силой воспылав,
Не знаю, чем-то пылко упиваться
И, всю вселенную объяв,
В любви блаженной расплываться,
О смертности своей забыв совсем,
И созерцанье гордое затем
Вдруг заключить... а чем-сказать мне стыдно!

(Делает неприличное движение.)

Фауст

Тьфу на тебя!

Мефистофель

Не нравится, как видно?

Как тут стыдливо не плеваться вам!

Ведь нравственным ушам всегда обидно

То, что приятно нравственным сердцам!

Глупец! Ему позволил я порою

Полгать себе, потешиться игрою,

Да вижу, что не выдержать ему.

Ты и теперь худеешь и томишься;

Не нынче-завтра возвратишься

К мечтам и страху своему.

Довольно же! Возлюбленная страждет,

Сидит она печальна и мрачна;

Тебя, тебя увидеть жаждет,

В тебя она безумно влюблена!

Любовь твоя недавно бушевала,

Как речка, что бежит со снежных гор,
Бедняжку Гретхен страстью заливала,
И вдруг – иссякла речка! Что за вздор!
По мне, чем здесь в лесу царить уныло —
Не лучше ли тебе вернуться вновь
И бесконечную любовь
Вознаградить своей бедняжки милой?
День для нее едва идет:
Глядит она в окно, следит за облаками,
Бегущими грядой над старыми домами;
«Будь божьей птичкой я!» – все только и поет,
И в полдень ждет, и в полночь ждет,
То равнодушной станет снова,
То вдруг всплакнет, не молвя слова,
И вновь влюбилась.

Фауст

О, змея, змея!

Мефистофель *(про себя)*

Пожалуй, лишь поймать тебя сумел бы я!

Фауст

Уйди, уйди отсюда! Сгинь, проклятый!
Не называй красавицу мне вновь
И не буди к ней плотскую любовь
В душе моей, безумием объятой!

Мефистофель

Что ж, ей ведь кажется, что от нее уйти
Решил ты навсегда; да так и есть почти.

Фауст

Где б ни был я, мне всюду остается
Она близка; везде она моя!
Завидую Христову телу я,
Когда она к нему устами прикоснется[51].

Мефистофель

---

[51] Примечания: 51

«Завидую Христову телу я...» — Речь идет о католическом таинстве причащения, когда верующие вкушают частицу тела Христова.

Так, милый мой! Не раз завидно было мне
При виде парочки на, розах, в сладком сне.

Фауст

Прочь, сводник!

Мефистофель

Что ж, бранись; а я смеюсь над бранью.
Творец, мужчину с женщиной создав,
Сам отдал должное высокому призванью,
Сейчас же случай для того им дав.
Да полно же, оставь свой вид унылый!
Подумаешь, какое горе тут:
Ведь в комнату к красотке милой,
А не на казнь тебя зовут!

Фауст

В ее объятьях рай небесный!
Пусть отдохну я на груди прелестной!
Ее страданья чую я душой!
Беглец я жалкий, мне чужда отрада,

Пристанище мне чуждо и покой.
Бежал я по камням, как пена водопада,
Стремился жадно к бездне роковой;
А в стороне, меж тихими полями,
Под кровлей хижины, дитя, жила она,
Со всеми детскими мечтами
В свой тесный мир заключена.
Чего, злодей, искал я?
Иль недоволен был,
Что скалы дерзко рвал я
И вдребезги их бил?
Ее и всю души ее отраду
Я погубил и отдал в жертву аду!
Пусть будет то, что суждено судьбой.
Бес, помоги и сократи дни страха!
Пусть вместе, вместе в бездну праха
Она низвергнется со мной!

Мефистофель

Опять кипит! Опять пылает!
Ступай, утешь ее, глупец!
Чудак, всему уж и конец
Он видит, чуть лишь нить теряет.

Кто вечно смел, хвалю того;
Ты ж, с чертом столько дней проведший, —
Ты что? Нет хуже ничего,
Как черт, в отчаянье пришедший!

Сцена 15

КОМНАТА ГРЕТХЕН.

Гретхен *(одна за прялкой)*

Покоя нет,
Душа скорбит:
Ничто его
Не возвратит.
Где нет его,
Там все мертво,
Там счастья нет,
Не красен свет.
Мой бедный ум
Смущен, молчит;
Мой бедный дух
Сражен, разбит.

Покоя нет,
Душа скорбит!
Ничто его
Не возвратит!
Лишь для него
В окно гляжу,
Лишь для него
Я выхожу.
Походка, стан,
Улыбка, взгляд,
Как талисман,
К себе манят.
Его речей
Волшебный звук,
Огонь очей,
Пожатье рук!
Покоя нет,
Душа скорбит!
Ничто его
Не возвратит!
К чему, за ним
Стремится грудь;

К нему прильнуть
И отдохнуть!
Его обнять
И тихо млеть,
И целовать,
И умереть!

Сцена 16

САД МАРТЫ.
Маргарита *и* ***Фауст****.*

Маргарита

Так обещай же, Генрих, мне!

Фауст

Охотно.
Все, что могу!

Маргарита

Скажи ты мне прямей:
Как дело обстоит с религией твоей?
Ты славный, добрый человек, но к ней
Относишься как будто беззаботно.

Фауст

Оставь, дитя! Мою узнала ты любовь;
За близких сердцу рад свою пролить я кровь;
Не против веры я, кому в ней есть отрада.

Маргарита

Нет, мало этого: нам твердо верить надо.

Фауст

Да надо ли?

Маргарита

Ах, не найти мне слов,
Чтоб убедить тебя! Ты и святых даров
Не чтишь.

Фауст

Я чту их.

Маргарита

Да, но без охоты
Принять их. В церкви не был уж давно ты,

На исповедь не ходишь уж давно.
Ты в Бога веришь ли?

Фауст

Мой друг, кому дано
По совести сказать: я верю в Бога?
Священников ты спросишь, мудрецов —
У них тебе ответ всегда готов;
Но весь ответ их, как рассудишь строго,
Окажется насмешкой над тобой.

Маргарита

Не веришь ты?

Фауст

Пойми же, ангел мой:
Назвать его кто смеет откровенно?
Кто исповедать может дерзновенно:
Я верую в него?
Кто с полным чувством убежденья
Не побоится утвержденья:
Не верую в него?
Он, вседержитель

И всехранитель,
Не обнимает ли весь мир —
Тебя, меня, себя?
Не высится ль над нами свод небесный?
Не твердая ль под нами здесь земля?
Не всходят ли, приветливо мерцая,
Над нами звезды вечные? А мы
Не смотрим ли друг другу в очи,
И не теснится ль это все
Тебе и в ум и в сердце
И не царит ли, в вечной тайне,
И зримо и незримо вкруг тебя?
Наполни же все сердце этим чувством
И, если в нем ты счастье ощутишь,
Зови его, как хочешь:
Любовь, блаженство, сердце, Бог!
Нет имени ему! Все – в чувстве!
А имя-только дым и звук,
Туман, который застилает небосвод.

Маргарита

Как это хорошо, мой друг!
Священник так же это объясняет,

Немножко лишь в других словах.

Фауст

Везде, мой друг, во всех местах
Сиянье неба восхваляет
Весь мир на разных языках, —
И мой не хуже их нимало.

Маргарита

Да, как послушаешь, сначала
Все будто так, но грех один:
В душе ты не христианин.

Фауст

Дитя мое!

Маргарита

Я ужас ощущаю,
Давно уже скорблю всем существом,
Когда тебя всегда я с ним встречаю.

Фауст

С кем это?

Маргарита

С кем повсюду ходишь ты.

Он ненавистен мне от сердца полноты!

Изо всего, что в жизни я видала,

Я не пугалась столько ничего,

Как гадкого лица его.

Фауст

Поверь мне, куколка, не страшен он нимало.

Маргарита

Его присутствие во мне волнует кровь.

Ко всем и ко всему питаю я любовь;

Но как тебя я жду и видеть жажду,

Так перед ним я тайным страхом стражду;

Притом мне кажется, что плут он и хитрец,

И если клевещу – прости меня, Творец!

Фауст

И чудакам, как он, ведь жить на свете нужно!

Маргарита

Нет, жить с таким я не могла бы дружно!
Он всякий раз, как явится сюда,
Глядит вокруг насмешливо всегда,
В глазах его таится что-то злое,
Как будто в мире все ему чужое;:
Лежит печать на злом его челе,
Что никого-то он не любит на земле!
С тобой всегда я так довольна,
Мне так легко, тепло, привольно;
При нем же сердцем унываю я.

Фауст

Ах ты, вещунья милая моя!

Маргарита

И столько он мне ужаса внушил!
Что если к нам войти ему случится,
И ты как будто мне уже не мил.
При нем никак я не могу молиться;
И так тогда мне больно, милый мой!
И, верно, Генрих, то же и с тобой.

Фауст

Враждебна ты к нему!

Маргарита

Прощай – идти мне надо.

Фауст

Мой друг, когда же будет мне отрада
Часочек хоть с тобою отдохнуть,
Душа с душой и с грудью грудь?

Маргарита

Ах, я дверей бы запирать не стала,
Когда бы только я спала одна;
Но маменька… так чутко спит она.
И если б нас она застала,
Я с места, кажется, не встала бы живой!

Фауст

Мы все устроим, ангел мой!
Вот капли: действуют прекрасно!
В питье немножко ей подлей,
И сон слетит глубокий к ней.

Маргарита

Я для тебя на все согласна!
Конечно, здесь ведь яду нет?

Фауст

Могу ль я дать тебе такой совет?

Маргарита

Ты приковал какой-то чудной силой
Меня к себе: на все готова я;
И больше сделать, кажется, нельзя,
Чем для тебя я сделала, мой милый!

(Уходит.)

Мефистофель *(входя)*

Мартышка! Где она?

Фауст

Шпионил ты опять?

Мефистофель

Да, кое-что я мог понять.
Вас, доктор, катехизису[52] *учили:*
Надеюсь, вы урок на пользу получили.

---

[52] Примечания: 52

Катехизис (греч.) — краткое изложение основ христианского вероучения в вопросах и ответах.

Для девушек так интересно знать,
Кто чтит религию. Кто верит непритворно,
Тот и за нами, мол, пойдет покорно.

Фауст

Чудовище! Не видишь, что она
В душе любовь лишь чистую лелеет:
Своею верою полна,
Той верою, которая одна
Спасенье ей, – она жалеет,
Как душу близкую, погибшего меня.

Мефистофель

Эх, ты! В тебе ведь только похоть бродит!
Тебя девчонка за нос водит!

Фауст

Прочь, порожденье грязи и огня!

Мефистофель

А в рожах ловко суть она находит!
При мне минутки не сидится ей:
Ум замечая в рожице моей,

Она томится и скорбит безмерно,

Что если я не черт, то гений уж наверно.

Гм! Эта ночь!..

Фауст

Для тебя ль она?

Мефистофель

И я, мой друг, порадуюсь сполна.

Сцена 17

У КОЛОДЦА.
Гретхен *и* ***Лизхен*** *с кувшинами.*

Лизхен

Ты о Варваре не слыхала?

Гретхен

Нет. Я ведь дома все сижу одна.

Лизхен

Мы знаем кое-что! Сивилла мне сказала.

Попалась наконец она!

Вперед не важничай!

Гретхен

А что?

Лизхен

Да дело скверно!
Что ест она и пьет – двух кормит: это верно.

Гретхен

Ах!

Лизхен

Да, теперь награждена!
На шею парню вешалась она:
На все гулянья с ним ходила,
С ним танцевала и кутила;
Везде хотела первой быть,
Есть пирожки да вина пить,
Себя красавицей считала;
Дошла в бесстыдстве до того,
Что наконец уж от него
Открыто брать подарки стала!
Ласкала, нежила дружка —

Вот и осталась без цветка!

Гретхен

Бедняжка!

Лизхен

Ты еще жалеешь!

А мы? Как мать велит, бывало, прясть, —

Сидишь да ночью вниз сойти не смеешь,

Она же мигом к миленькому – шасть!

Там, на скамье иль в переулке темном,

Не скучно было в уголке укромном!

Теперь вот пусть свою убавит спесь

Да перед нами в церкви грех свой весь

В рубашке покаянной пусть расскажет[53]*!*

Гретхен

Ее он замуж взять, наверно, не откажет.

Лизхен

---

[53] Примечания: 53

«В рубашке покаянной пусть расскажет!» — По средневековым законам, рождение детей вне брака каралось церковным покаянием и гражданским судом. Поэтому часто наблюдались случаи детоубийства.

Держи карман! Нет, парень не дурак:
Получше может заключить он брак.
Да он уж и удрал.

Гретхен

Он поступил нечестно.

Лизхен

Да хоть женись – не очень будет лестно.
Ей наши парни разорвут венок,
А мы насыплем сечки на порог[54]*!*

(Уходит.)

Гретхен *(идя домой)*

И я, бывало, храбро осуждала,
Как девушка, бедняжка, в грех впадала!
Проступки я бранила строже всех;
Чтоб их клеймить, не находила слова:
Каким мне черным ни казался грех,
Я все его чернить была готова!
Сама, бывало, так горда, важна:

---

[54] Примечания: 54

Существовал обычай срывать во время венчания венок с головы невесты, потерявшей девственность до замужества, а также посыпать сечкой или соломой порог ее дома.

А вот теперь и я грешна!
Но, Боже, что меня смутило,
Так было сладостно, так мило!

Сцена 18

У ГОРОДСКОЙ СТЕНЫ.

В нише статуя Mater dolorosa[55]; перед нею вазы для цветов.

***Гретхен** ставит свежие цветы.*

Гретхен

Скорбя, страдая,
О мать святая,
Склонись, склонись к беде моей!
С мечом в груди ты
На лик убитый
Христа глядишь, полна скорбей.
Отца зовешь ты,
И вздохи шлешь ты
Из глубины души своей.

---

[55] Примечания: 55

Mater dolorosa (лат.) «скорбящая мать» — изображение Богоматери у подножия креста. Маргарита после падения кается перед статуей Mater dolorosa.

Увы, кто знает,
Как изнывает
Вся грудь моя, тоски полна!
Как душа моя томится,
Как дрожит, куда стремится, —
Знаешь ты лишь, ты одна!
С людьми ли я – невольно
Мне больно, больно, больно,
Везде тоскую я!..
Одна ли горе прячу —
Я плачу, плачу, плачу,
И рвется грудь моя.
Цветы омыла эти
Слезами я, скорбя,
Когда я на рассвете
Рвала их для тебя.
Когда мне заблестели
Лучи зари в окно,
Сидела я в постели,
Рыдая уж давно.
Меня позором не убей!
Молю тебя я,

О мать святая,
Склонись, склонись к беде моей!

Сцена 19

НОЧЬ УЛИЦА ПЕРЕД ДОМОМ ГРЕТХЕН.
***Валентин**, солдат, брат Гретхен.*

Валентин

Сидишь, бывало, за столом
С друзьями; шум идет кругом;
Лишь о красотках и речей —
И каждый хвалится своей
Да пьет, красой ее кичась;
А я, спокойно подбочась,
При этой шумной похвальбе
Сижу да слушаю себе;
И вдруг, смеясь, крутя свой ус
И полный вверх стакан подняв,
Скажу: «У всякого свой вкус,
Не угодишь на каждый нрав;
Но мне назвать прошу я вас
Одну хоть девушку у нас,

Чтоб Гретхен стоила моей,
В подметки чтоб годилась ей!»
Тут шум пойдет, и звон, и гром.
«Он прав, он прав! – толпа кричит. —
Нет краше девушки кругом!»
Любой хвастун тут замолчит.
Теперь – рви волосы да злись,
Лезь на стену, хоть разорвись
От гнева: стали все кругом
Кивать, подмигивать глазком.
Язвить любой бездельник рад;
А я, как будто виноват,
Сижу, молчу. Чуть кто сболтнет,
Меня бросает в жар и пот.
Хоть разнесешь их всех, а все ж
Не скажешь им, что это ложь!
Кто там? Какой там черт ползет?
Не двое ль их? Пришли за нею!
Постой же: пусть я околею,
Когда он с места жив уйдет!

Входят ***Фауст*** *и* ***Мефистофель****.*

Фауст

Вон в ризнице церковной под окном
Блестит огонь лампады: то затихнет,
Слабей, слабей, то снова ярко вспыхнет,
То вновь замрет – и мрак густой кругом,
В душе ж моей давно огонь не блещет.

Мефистофель

Что до меня, то грудь моя трепещет,
Как у кота, когда влезает он
На крышу, юной кошкою прельщен.
И мысли все хорошие такие:
То похоть, то проказы воровские.
Все существо мое с восторгом ждет
Чудеснейшей Вальпургиевой ночи.
Вот послезавтра к нам она придет;
В ту ночь недаром сна не знают очи.

Фауст

А этот клад, что видится вдали:
Поднимется ль он вверх из-под земли?

Мефистофель

Порадуйся, недолго ждать: оттуда
Ты котелок достанешь без труда.
Недавно я заглядывал туда:
Там талеров[56] *порядочная груда.*

Фауст

Браслетов нет ли иль перстней
Моей красотке на веселье?

Мефистофель

Найдутся там и вещи поценней:
Жемчужное я видел ожерелье!

Фауст

Вот это хорошо! Мне больно к ней идти
И ничего с собой в подарок не нести.

Мефистофель

По мне, так чем же было б неприятно
Себя порой потешить и бесплатно?
Как ярки звезды! В блеске их лучей
Теперь я шутку выкину на диво:

---

[56] Примечания: 56
Талер — старинная немецкая серебряная монета.

Спою я песню нравственную ей,
Чтоб тем верней сманить красотку живо.

(Поет, аккомпанируя на гитаре.)

Не стой, не стой,
Не жди с тоской
У двери той,
Катринхен, пред денницей[57]*!*
Не жди, не верь:
Войдешь теперь
Девицей в дверь,
А выйдешь не девицей!
Не верь словам!
Насытясь сам,
Бедняжке там
«Прости, прощай!» – он скажет,
Скажи: «Постой,
Повеса мой,
Пока со мной
Кольцо тебя не свяжет!»

---

[57] Примечания: 57
Денница — утренняя заря.

Валентин *(выходя)*

Черт побери! Кого ты там
Смущаешь, крысолов проклятый[58]*?*
Гитара к черту! К черту сам
Слетишь и ты, певец завзятый!

Мефистофель

Гитара сломана: ее не нужно нам!

Валентин

Теперь и череп пополам!

Мефистофель *(Фаусту)*

Ну, доктор, я вас приглашаю!
Вперед, смелее! Не робей,
Валяй шпажонкою своей,
Коли смелей – я отражаю.

Валентин

Так отражай же!

Мефистофель

Я к услугам весь!

---

[58] Примечания: 58

«Крысолов проклятый» — Намек на легендарного крысолова из Гаммельна (Германия), который, играя на дудочке, сманивал вместо крыс детей.

Валентин

Еще!

Мефистофель

Могу!

Валентин

Сам черт дерется здесь!
Но что со мной! Рука уж ослабела.

Мефистофель *(Фаусту)*

Коли же!

Валентин *(падая)*

Ох!

Мефистофель

Смирили дурака!
Теперь пора убраться нам приспела:
Тут будет шум и крик наверняка.
Хоть мне возня с полицией легка,
Но уголовный суд – иное дело!

Уходят.

Марта *(у окна)*

Сюда скорей!

Гретхен *(у окна)*

Сюда огня!

Марта

Здесь драка, спор! Здесь шум, возня!

Народ

Убит один, гляди!

Марта *(выходя)*

А где убийца, где злодей?

Гретхен *(выходя)*

Кто здесь?

Народ

Сын матери твоей.

Гретхен

Всевышний, пощади!

Валентин

Я умираю. Так легко сказать,
А умереть легко вдвойне.
Эй, бабы! Больше не к чему кричать —
Приблизьтесь и внимайте мне!
Все обступают его.

Ты, Гретхен, очень молода
И так глупа, что навсегда
Плохой избрала путь.
Могу при всех тебе сказать:
Когда могла такою стать,
Так уж открыто будь!

Гретхен

О Боже! Брат мой, что такое?

Валентин

Оставь хоть Бога ты в покое!
Что было, нам не воротить;
Уж, видно, так тому и быть.
Ты начала теперь с одним,
Потом другой придет за ним.
А как до дюжины дойдет,
К тебе весь город побредет.
Когда впервые грех родится,
Себя таит он в первый миг:
Под кровом ночи рад он скрыться
И закрывает грозный лик;
Тогда убить его не поздно.

Но скоро, скоро грех растет,
Средь бела дня открыт идет;
Лицо его не меньше грозно,
Но чем лицо его страшней,
Тем яркий свет ему нужней.
Я знаю, срок настанет твой —
И честный гражданин любой,
Как перед язвой моровою,
Распутница, перед тобою
Отпрянет. От стыда горя,
В глаза открыто ты не взглянешь;
В цепочке ты франтить настанешь
И убежишь от алтаря!
Не будешь в танце красоваться
Ты в кружевном воротничке[59]*:*
Меж нищих и калек скрываться
Ты будешь в темном уголке!
И если Бог простит твой грех,
Ты на земле презренней всех!

---

[59] Примечания: 59

В XV веке в Германии женщинам нескромного поведения запрещали пышно одеваться, носить золотые и серебряные вещи и посещать богослужение.

Марта

Предайся лучше покаянью,
Чем удручать себя вам бранью!

Валентин

Когда б сломать я ребра мог
Тебе, бесстыжей сводне скверной,
Я знаю, что простил бы Бог
Тогда грехи мои наверно!

Гретхен

О, муки ада! Брат мой, брат!

Валентин

Напрасны слезы, говорят!
Сестра, ты честь свою забыла,
Меня ты в сердце поразила, —
На Божий суд идет твой брат
Без страха, честно, как солдат.

(Умирает.)

Сцена 20[60]

СОБОР.
Служба, пение, орган.
Гретхен в толпе народа; позади нее Злой Дух.

Злой Дух

Не так ты, Гретхен, прежде,
С душой невинной,
Ходила к алтарю.
Молясь по книжке старой,
Ты лепетала,
Наполовину детским играм,
Наполовину Богу
Душою предана!
О Гретхен!
Где голова твоя?
И на душе твоей
Какой тяжелый грех?
Ты молишься ль за мать свою? Она
Тобой для долгих-долгих мук усыплена!

---

[60] Примечания: 60

В этой сцене Маргарита, терзаемая угрызениями совести, оплакивает две смерти: матери, отравленной Мефистофелем, и брата Валентина, убитого Фаустом на поединке.

Чья кровь у дома твоего?
Что у тебя под сердцем скрыто?
Не шевелится ль что-то там
И не тревожит ли тебя
Присутствием своим?

Гретхен

Увы, увы!
Как дум мне этих избежать,
Которые теснятся отовсюду
Ко мне и в душу проникают?

Хор

Dies irae, dies illa
Solvet saeclum in fayilla[61].

---

[61] Примечания: 61

Церковный хор исполняет католический гимн о Страшном Суде, который ждет всех грешников.
Этот гимн входит в заупокойную службу (реквием):

День гнева,
Этот день испепелит мир,
Когда воссядет Высший Судия,
Все сокровенное откроется,
И ничто не останется без возмездия.
Что скажу я тогда, несчастный?
К какому покровителю припаду,
Когда даже праведник вострепещет?

Звуки органа.

Злой Дух

Гнев неба над тобою!
Труба звучит;
Заколебались гробы;
Душа твоя
Из бездны праха
Для мук ужасных
Огня и ада,
Дрожа, встает!

Гретхен

О, если б мне уйти отсюда!
Мне грозный гром органа —
Дышать мешает,
Меня терзает это пенье
До глубины сердечной!

Хор

Judex ergo cum sedebit,
Quidquid latet, adparebit
Nil inultum remanebit.

Гретхен

Как душно мне!
Как эти арки, эти своды
Теснят меня!
Воздуха, воздуха больше!

Злой Дух

Беги! Но грех и стыд
Не будет скрыт.
Что? Воздуха? Света?
Горе тебе!

Хор

Quid sum miser tunc dicturus?
Quem patronum rogaturus,
Quum vix Justus sit securus?

Злой Дух

Свой лик пресветлый отвращают
Святые от тебя,
И руку протянуть тебе
Им, чистым, страшно!
Увы!

Хор

Quid sum miser tune dicturus?

Гретхен

Соседка, ваш флакон!..

(Падает в обморок.)

Сцена 21

ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ.

Местность в горах Гарца, в окрестностях деревень Ширке и Эленд.

Фауст *и* ***Мефистофель****.*

Мефистофель

Не чувствуешь нужды ты в помеле?
Теперь на дюжем рад бы я козле
Погарцевать, уставши от дороги.

Фауст

Меня еще покамест носят ноги:
Дубинкой путь стараюсь облегчать.
К чему дорогу сокращать?
То странствовать в извилистой долине,
То лезть с утеса на утес к вершине,
Откуда вниз ручей стремится в дол, —

Мне весело, и путь мой не тяжел.
Везде весна: береза зеленеет,
Позеленела даже и сосна;
Ужель на нас весною не повеет?

Мефистофель

Признаться, мне чужда весна!
Во мне зима царит: мне надо,
Чтоб снег, мороз был на пути моем.
В ущербе месяц; тусклою лампадой
Едва мерцает красным он лучом;
Неважный свет! Здесь каждый шаг нам может
Опасен быть: наткнешься прямо лбом
На камень или ствол. Постой-ка, нам поможет
Блудящий огонек[62]*, мелькающий кругом!*
Эй, ты, поди сюда и посвети, любезный!
К чему иначе свет твой бесполезный?
Веди-ка нас вперед средь этой тьмы.

---

[62] Примечания: 62

По народному поверью, блуждающие огоньки на болоте завлекали путников в трясину и помогали нечистой силе.

Блуждающий огонек

Мне изменить придется, вам в угоду,
Мой легкий нрав и всю мою природу.
И вкривь и вкось блуждать привыкли мы.

Мефистофель

Эге! ты – человека подражатель?
Во имя черта, марш вперед, приятель,
Не то тебя задую я сейчас!

Блуждающий огонек

Я вижу, вы хозяин здесь; для вас
Все сделать я готов, чтоб не сойти с дороги.
Но помните: гора от чар с ума сойдет,
И если вас огонь блуждающий ведет,
То вы к нему не будьте слишком строги!

Фауст, Мефистофель и Блуждающий огонек поют попеременно.

Фауст

В область сна вошли мы, словно
В очарованные страны.

О, веди нас прямо, ровно
Сквозь леса и сквозь туманы,
Чрез пустыню, меж горами!

Огонек

Вот деревья вдаль рядами
Сзади нас, шумя, несутся;
Гор вершины будто гнутся;
Скалы длинными носами
Захрапели перед нами.

Фауст

Под камнями, под кустами
Слышу я ручья шептанье:
Песня ль это иль журчанье?
Зов любви ли, звук ли смеха,
Счастья ль отклик – нам утеха,
Песнь надежд, любви мечтанья?
И всему свой отзыв эхо
Шлет, как старое преданье.

Мефистофель

С шумом, гулом мчатся бойко
Сыч и чибис, с ними сойка:

Все проснулись, всем гулянье!
А в кустах сидят лягушки —
Долгоножки, толстобрюшки.
Будто змеи, меж камнями
Вьются корни за корнями,
Западни для нас готовят,
И пугают нас, и ловят,
И, ожив, деревьев капы,
Как полипы, тянут лапы
Нам навстречу. И, несметны,
Мох и вереск наполняя,
Беспокойны, разноцветны,
Мыши носятся, шныряя;
И вокруг пред нами реет
Светляков толпа живая
И, с дороги нас сбивая,
Яркой свитой пламенеет.

Фауст

Но скажи: вперед мы шли ли
Иль на месте все мы были?
Лес и горы заходили;
Скалы, сучья рожи злые

Строят нам; огни ночные
Засверкали, засветили.

Мефистофель

За меня держись сильнее:
Здесь с горы всего виднее
Будет нам, как царь Маммон
Заблестит со всех сторон[63].

Фауст

Как странно мутный свет мерцает
Внизу румяною зарей!
В глубокой бездне он сверкает
И льется слабою струей;
Здесь встал туман, там – пар безбрежный;
Сквозь дымку жар горит лучом;
Здесь свет струится нитью нежной,
Там брызжет огненным ключом;
То, охватив всю глубь долины,
Он в сотнях жил струится там,

---

[63] Примечания: 63

«Царь Маммон заблестит со всех сторон.» — Намек на клад и золотую руду в горе.

То, заключен среди теснины,
Он одиноко блещет нам;
Там сыплет искры, их взметая,
Как золотой песок со дна,
А здесь – смотри – горит седая
Утеса старого стена!

Мефистофель

Ужель на праздник досточтимый
Маммон дворца б не осветил?
Ты, к счастью, всю картину охватил:
Уж мчится хор гостей неукротимый.

Фауст

Как грозен вихрь! В порыве бурных сил
Он в спину бьет могучими толчками.

Мефистофель

За ребра скал обеими руками
Держись: не то ты свалишься в обрыв.
Лес потемнел; в туман весь погруженный,
Шумит он. Вот, глаза раскрыв,
Взлетает филин пробужденный,

И ломятся колонны
Зеленого лесного дома.
Ты слышишь ли раскаты грома,
Стволов паденье, шум ветвей,
И леса стон, и скрип корней?
Ствол за стволом друг друга кроет
В глубокой пропасти, на дне,
И ветер свищет, буря воет
Среди обломков в глубине.
Слышишь крики – дальше, ближе?
Слышишь вопли – выше, ниже?
Между скал, по скатам гор
Шумно мчится дикий хор.

Хор ведьм

На Брокен все! Толпа густа;
Посев был зелен, рожь желта.
Там Уриан[64] *вверху сидит:*
К вершине ведьмам путь лежит
Средь гор и скал, с метлой, с козлом, —
И вонь и гром стоят кругом.

---

[64] Примечания: 64
Уриан — одно из немецких названий черта.

Голос

Старуха Баубо[65] в стороне
Летит на матушке-свинье!

Хор

Хвала, кому хвала идет!
Вперед же, Баубо! Пусть ведет!
На дюжей свинке Баубо-мать
Достойна хором управлять.

Голос

Откуда ты?

Голос

Чрез Ильзенштейн[66] я шла:
Там я сову в гнезде нашла.
А та глаза себе таращит!

Голос

О, чтоб тебя нелегкая взяла!

---

[65] Примечания: 65

Баубо (греч. миф.) — кормилица богини земли Деметры, веселившая её непристойными шуткам. Гёте изображает Баубо как предводительницу бесстыжих ведьм.

[66] Примечания: 66

Ильзенштейн — утес в Гарце, названный по имени принцессы Ильзы, возлюбленной германского императора Генриха II. Вблизи утеса протекает речка Ильза.

Кой черт тебя так скоро тащит?

Голос

Она зацепила меня, пролетая:
Глядите-ка, рана какая

Хор ведьм

Нам всем дорога тяжела, —
К чему друг друга задевать?
Нас колют вилы, бьет метла:
Дитя убила – лопнет мать.

В давке одна из ведьм ранит другую и убивает младенца в ее утробе.

Колдуны *(полухор)*

Улиткой наши все ползут,
А бабы все вперед бегут.
Где зло, там женщина идет
Шагов на тысячу вперед.
Другая половина хора колдунов
Не будем в споре тратить слов!
Нужна им тысяча шагов;
Мужчина вздумает – и вмиг
Одним прыжком обгонит их.

Голос *(сверху)*

Вперед, вперед, вы, из озер!

Голос *(снизу)*

Мы рады влезть на скаты гор;
Мы мылись – чисты хоть куда,
Зато бесплодны навсегда.

Оба хора

Вот вихорь стих, звезда мутна.
За тучи прячется луна;
Темно повсюду с этих пор,
И мечет искры шумный хор.

Голос *(снизу)*

Подождите! Тише, тише!

Голос *(сверху)*

Кто кричит в скалистой нише?

Голос *(снизу)*

Это я! Да, это я!
О, возьмите вы меня!
Триста лет я здесь копаюсь
И к своим попасть пытаюсь.

Оба хора

На вилах мчись, свезет метла,
На жердь садись, седлай козла!
Пропал навеки тот – поверь, —
Кто не поднимется теперь.

Полуведьма *(внизу)*

Тащусь я здесь за шагом шаг,
Другие ж вон умчались как!
Я раньше всех сюда пошла,
А все угнаться не могла.

Хор ведьм

Мазь ведьме бодрость придает[67],
Тряпье – за парус нам сойдет.
Корыто – лодка. Не взлетит
Вовеки, кто теперь сидит!

Оба хора

Взлетев к вершине в этой мгле,
Мы ниже спустимся к земле,
И чащу леса всю собой

---

[67] Примечания: 67

«Мазь ведьме бодрость придаёт» — Волшебная мазь, которой якобы натирались ведьмы для полета в воздухе на метлах, вилах и т. п.

Наполнит наш волшебный рой.

(Спускаются.)

Мефистофель

Толкают, жмут, бегут, летают,
Шипят, трещат, влекут, болтают,
Воняют, брызжут, светят. Ух!
Вот настоящий ведьмин дух!
Ко мне, не то нас растолкают!
Да где ж ты?

Фауст *(издали)*

Здесь!

Мефистофель

Туда уж увлечен?
В хозяйские права вступить я принужден.
Дорогу! – Черт идет! Дорогу, чернь, живее!
Я здесь, брат доктор! Ухватись скорее!
Пойдем в сторонку; эта толкотня
Невыносима даже для меня.
Вон там какой-то странный свет мелькает

И в те кусты невольно привлекает.

Нырнем туда, бока свои храня.

Фауст

Противоречий дух, не сам ли ты старался

Меня увлечь сюда? Уж слишком ты умен!

В Вальпургиеву ночь пришел на Брокен он,

И что же? – под кусты запрятаться собрался.

Мефистофель

Одни не будем мы и там;

Смотри: огни, пестрея, загорелись!

Веселым клубом гости там расселись.

Фауст

Все ж наверху бы лучше было нам.

На злое дело вся толпа стремится;

Взгляни: уж дым столбом пошел у них.

Немало здесь загадок разрешится.

Мефистофель

Немало и возникнет их.

Пусть свет большой шумит, бушуя,

Тебя подальше утащу я.

Везде бывает так – сомненья в этом нет, —

Что свет большой рождает малый свет.

Взгляни: разделась ведьма молодая,

А старая накидочку взяла.

Будь вежлив к ним: услуга мне большая

Труд не велик, забава не мала.

Чу, музыка играет! Вот досада!

Проклятый скрип! Но покориться надо.

Вперед, вперед! С тобою я пойду,

Вступлю в их круг, тебя в него введу

И познакомлю с новыми гостями.

Что скажешь, друг? Равнина здесь тесна ль?

Взгляни: конца не видно в эту даль!

Здесь тысячи огней горят рядами;

Болтают, пляшут, варят, любят, пьют, —

Чего же лучше? Чем же худо тут?

Фауст

Как мы войдем? Намерен притвориться

Ты колдуном иль чертом к ним явиться?

Мефистофель

Инкогнито я мог бы предпочесть,

Но всяк свой орден в праздник надевает.

Меня «подвязка» хоть не украшает[68]*,*

Зато копыту здесь большая честь.

Смотри: ползет улитка; протянула

Она рога свои навстречу нам.

Пронюхала, кто я такой, смекнула!

Не скрыться здесь, хоть и хотел бы сам.

Мы от огня к огню пойдем повсюду;

Ты будешь женихом, я – сватом буду.

(Подходит к нескольким сидящим у тлеющих углей.)

---

[68] Примечания: 68
Орден подвязки — высший английский орден.

Что, господа, сидите в стороне?
Вы лучше время провели бы
Средь молодежи в толкотне;
А так сидеть и дома вы могли бы!

Генерал[69]

Кто может верить нациям беспечно?
Я делал им добро – и что ж?
Толпа-как женщина, и вечно
У ней в почете только молодежь.

Министр

Народ теперь о правде позабыл,
Былое времечко умчалось.
Тот век, когда пред нами все склоняло-сь,
Век золотой, поверьте, был.

Parvenu

И мы не глупы были ведь небось!
Мы всем по-своему вертели,
И вдруг пошло все вкривь и вкось,

---

[69] Примечания: 69
Генерал, а затем министр, parvenu (по-французски «выскочка») и автор — сторонники отживших порядков, враждебно относящиеся ко всем новшествам.

Когда свой труд упрочить мы хотели.

Автор

Кто книгу с мыслью умной и благой
Теперь у нас читает, в самом деле?
Нет, молодежь до дерзости такой
Дошла теперь, как никогда доселе!

Мефистофель*(на миг являясь дряхлым стариком)*

Народ созрел, и близок страшный суд;
В последний раз на Брокен я взбираюсь…
Так мутно дни мои текут,
Что и весь мир к концу идет, ручаюсь!

Ведьма-ветошница[70]

Не проходите, господа!
Удобный случай уловите,
Мои товары посмотрите:
Я много их снесла сюда;
Мой магазин – пребогатейший,

---

[70] Примечания: 70

Образ ведьмы-ветошницы — сатира на историков и археологов, перерывающих разный хлам, не имеющий научного значения.

Ему на свете равных нет.
Здесь ни вещицы нет малейшей,
Не наносившей миру вред:
Здесь нету шпаги, кровью не облитой;
Здесь кубка нет, в котором не бывал
Когда-нибудь напиток ядовитый;
Убора нет, который не прельщал
Невинных дев, и каждый здесь кинжал
Противника изменой убивал.

Мефистофель

Эх, тетенька, ты плохо постигаешь
Дух времени: что было, то прошло.
Ты новостей зачем не предлагаешь?
Нас новое скорей бы привлекло.

Фауст

Однако здесь совсем остолбенеешь:
Вот так базар! Тут оторопь берет.

Мефистофель

Стремится кверху весь водоворот:
Ты думаешь, что сам толкать умеешь,
Глядишь – тебя ж толкают все вперед.

Фауст

Кто это там?

Мефистофель

Знать хочешь, кто она?
Всмотрись: Лилит[71].

Фауст

Кто?

Мефистофель

Первая жена
Адама. Берегись косы ее касаться:
Коса – ее единственный убор.
Кого она коснется, тот с тех пор
Прикован к ней, не может с ней расстаться.

Фауст

Вон там старуха с молодой присела.
Умаялись – им пляска надоела.

Мефистофель

---

[71] Примечания: 71
Лилит — по еврейской легенде, первая жена Адама, дьяволица и соблазнительница. Имя ее часто упоминается в средневековых легендах.

Ну нет, сегодня отдых здесь плохой.

Вот пляшут вновь: пойдем и мы с тобой!

Фауст *(танцуя с молодою)*

Прекрасный сон я раз видал:

Я перед яблоней стоял;

Вверху два яблочка на ней;

Я влез на яблоню скорей.

Красавица

Всегда вам яблочки нужны:

В раю вы ими прельщены.

Я рада, что в моем саду

Я тоже яблочки найду!

Мефистофель *(танцуя со старухою)*

Встревожен был я диким сном:

Я видел дерево с дуплом,

В дупле и сыро и темно,

Но мне понравилось оно.

Старуха

Копыта рыцарь, я для вас

Готова всем служить сейчас:

Дупло охотно я отдам,

Когда оно не страшно вам.

Проктофантасмист[72]

Народ проклятый! Как вы это смели?

Не ясно ль вам доказано давно,

Что духам ног телесных не дано?

А вы плясать, как люди, захотели!

Красавица *(танцуя)*

А он зачем пришел на бал?

Фауст *(танцуя)*

Э, где он только не бывал!

Другие пляшут – он их осуждает;

Когда ж на каждый шаг рацей[73] *он не найдет,*

То этот шаг он просто отрицает.

Всего больней ему, что мы идем впе-

---

[72] Примечания: 72

Проктофантасмист — Под этим именем Гёте высмеял немецкого издателя и литератора Ф.Николаи, которого считал тупицей и бездарностью. Николаи заявил однажды в ученом заседании Берлинской Академии наук, что избавился от мучившего его привидения при помощи пиявок, которые он поставил себе на зад. На это намекает первая часть прозвища — proktos, что по-гречески означает «зад».

[73] Примечания: 73

Рацея (лат.) — поучение, наставление.

ред;
Вот если б вы на месте все кружились,
Как он на старой мельнице своей,
Возликовал бы он душою всей,
Особенно, когда б ему вы поклонились.

Проктофантасмист

Вы здесь еще? Нет, вынести нет сил!
Исчезните! Ведь я же разъяснил.
Но эти черти к поученьям глухи.
Мы так умны, – а в Тегеле[74] есть духи!
Как долго я ни просвещал людей,
А толку нет! Неслыханно, ей-ей!

Красавица

Когда же он надоедать нам бросит?

Проктофантасмист

Вам всем в лицо свой приговор я шлю!
Я деспотизма духов не терплю:
Мой дух его не переносит,

---

[74] Примечания: 74

Тегель — имение известного немецкого естествоиспытателя Гумбольдта, где якобы являлись привидения, что и дало повод для отмеченного выше выступления Николаи.

Пляска продолжается.

Сегодня мне ничто не удается,

Но продолжать я путь готов,

И, может быть, в конце концов

Поэтов и чертей мне победить придется.

Мефистофель

Постой, вот он сейчас увязнет в луже той,

Где успокоиться от всех трудов он может;

А как пиявка там крестец ему погложет,

Забудет духов он и дух испустит свой.

(Фаусту, который прекращает танец.)

А где ж, скажи, красавица твоя?

Она, танцуя, так приятно пела.

Фауст

Во время пенья вдруг увидел я,

Как с губ у ней мышь красная слетела.

Мефистофель

И только? Строго ж ты, мой друг, на все глядишь!

Благодари судьбу – не серая хоть мышь.

Ведь в час любви до этого нет дела.

Фауст

Еще я вижу…

Мефистофель

Что?

Фауст

Вдали передо мной

Встал образ девы бледной и прелестной.

Она ступает медленной стопой,

Как будто цепью скованная тесной.

Признаться, в ней, когда гляжу,

Я сходство с милой Гретхен нахожу.

Мефистофель

Оставь ее: бездушна дева эта,

Всего лишь тень, бегущая рассвета.

С ней встреча – смерть, не счастье, не любовь,

При встрече с ней вмиг стынет в жилах кровь

И человек, как камень, замирает.

Миф о Медузе[75]*, – кто его не знает?*

Фауст

Глаза ее недвижно вдаль глядят,

Как у усопшего, когда их не закрыла

Рука родная. Это Гретхен взгляд.

Да, это тело, что меня прельстило!

Мефистофель

Ведь это колдовство! Обман тебя влечет:

Красавицу свою в ней каждый узнает.

Фауст

Какою негою, мучением каким

Сияет этот взор! Расстаться трудно с ним!

Как странно под ее головкою прекрасной

На шее полоса змеится нитью красной,

---

[75] Примечания: 75

Медуза (греч. миф.) — одна из трех дев Горгон со змеями на голове вместо волос. От взгляда Медузы люди обращались в камень.

Не шире, чем бывает острый нож!

Мефистофель

Давно все это знаю я: ну что ж?
Под мышку голову берет она порою,
С тех пор как ей срубил ее Персей[76]*.*
Ты все, как прежде, носишься с мечтою.
Вперед, на холм, за мною поскорей!
Он весь покрыт веселою толпою:
Как в Пратере[77] *кипит веселье тут!*
Уж не театр ли? Мне сдается,
Что скоро здесь спектакль начнется.
Что здесь у вас?

Servibilis[78]

Сейчас начнут
Последнее, седьмое, представленье —
Всегда уж столько принято давать.
Любителя на сцене сочиненье,

---

[76] Примечания: 76
Персей (греч. миф.) — легендарный герой, отрубивший голову Медузе.

[77] Примечания: 77
Пратер — обширный парк в Вене, место народных увеселений.

[78] Примечания: 78
Servibilis (лат. «услужливый») — тип поверхностного знатока в литературе и искусстве.

Любители здесь будут и играть.
Я ухожу – прошу в том извиненья:
Я сам любитель – занавес поднять.

Мефистофель

На Блоксберге такие представленья
Как раз у места, без сомненья.

Сцена 23[79]

ПАСМУРНЫЙ ДЕНЬ. ПОЛЕ.
Фауст *и* ***Мефистофель****.*

Фауст. В одиночестве! В отчаянье! В страданиях долго блуждала она по земле — и вот теперь заключена, заключена в темницу на ужасные мучения, как преступница, — она, это несчастное, милое создание! Вот до чего дошло! И ты, изменник, недостойный дух, смел скрывать все это от меня! Стой же, стой теперь и вращай яростно своими сатанинскими очами! Стой и — терзай меня невыносимым своим присутствием! В плену! В

[79] Примечания: 79

В настоящем издании исключена интермедия к «Вальпургиевой ночи» — «Золотая свадьба Оберона и Титании» (Сцена 22), которая составлена из эпиграмм, сначала предназначавшихся для журнала, издававшегося Фр. Шиллером. С основным содержанием трагедии эта интермедия не связана.

не выразимом мучении! Предана власти духов и бесчувственно осуждающего человечества! И ты стараешься развлечь меня отвратительными удовольствиями, скрываешь от меня ее растущее горе, оставляешь ее гибнуть без помощи!

Мефистофель. Она не первая.

Фауст. Пес! Отвратительное чудовище! О дух бесконечный! Преврати его, преврати червя этого в его собачий образ, который он так часто принимал ночью, бегая предо мною, вертясь под ногами беззаботного путника и бросаясь на плечи, чтобы увлечь падающего. Преврати его в этот излюбленный им образ, чтобы он пресмыкался передо мной по земле, чтоб я мог ногами топтать его отверженного. Не первая! О муки, муки, невыносимые для души человека! И не одно такое создание погибло в бездне горя и несчастья! И эта первая недостаточно искупила пред очами всепрощающего все грехи прочих в своем ужасном, смертном горе! Мозг мой и мое сердце терзаются, когда я смотрю на одну эту страдалицу, а ты издеваешься хладнокровно над судьбою тысяч существ!

Мефистофель. Да, теперь мы снова приближаемся к границам нашего остроумия, туда, где человек теряет управление своим рассудком. К

чему же ты вступаешь в общение с нами, когда не в силах поддержать его? Хочешь летать — и боишься, что голова закружится? Мы ли тебе навязывались или ты нам?

Фауст. О, не скаль же так на меня свои прожорливые зубы: это отвратительно! О великий, чудесный дух, удостоивший меня видеть лицо свое! Ты знаешь сердце мое, душу мою: к чему же было приковывать меня к этому постыдному спутнику, который во зле видит свою жизнь, а в убийстве — наслажденье!

Мефистофель. Скоро ты кончишь?

Фауст. Спаси ее или горе тебе! Тягчайшее проклятие на голову твою на тысячи лет!

Мефистофель. Не в моих силах разрывать узы мстителя и снимать его затворы. Спаси ее! Но кто, скажи, ввергнул ее в бездну погибели: я или ты?

Фауст дико озирается кругом.

За громы схватиться хочешь? Счастье, что не вам Даны они, жалким смертным! Сокрушить непокорного — вот известный прием тиранов, к которому они прибегают, когда их поставят в тупик.

Фауст. Веди меня туда! Она должна быть свободна.

Мефистофель. А опасность, которой ты сам

подвергаешься? Знай, что в городе ты оставил следы твоего кровавого греха. На месте убийства парят мстительные духи и ждут возвращения убийцы.

Фауст. Что еще предстоит мне от тебя? Смерть и проклятие всей вселенной на тебя чудовище! Веди меня, говорят тебе, и освободи ее!

Мефистофель. Изволь, я сведу тебя. Слушай же, что я могу сделать, — ведь не все же силы земли и неба в моей власти. Я могу помрачить ум тюремщика, а ты завладей ключами и выведи ее человеческою рукою. Я буду на страже: волшебные кони, которые умчат вас, будут готовы. Вот все, что я могу.

Фауст. Туда — и сейчас же!

Сцена 24

НОЧЬ. ОТКРЫТОЕ ПОЛЕ.

Фауст *и* ***Мефистофель*** *мчатся на вороных конях.*

Фауст

Зачем там слетелись у плахи они?

Мефистофель

Не знаю, но вижу, там что-то творят.

Фауст

Взлетают, кружатся, спускаются вниз.

Мефистофель

То ведьмы.

Фауст

Свершают какой-то обряд.

Мефистофель

Пускай их колдуют! За мною, вперед!

Сцена 25

ТЮРЬМА.

Фауст *со связкой ключей и лампой перед железной дверью.*

Фауст

Вся скорбь людей скопилась надо мною:
Давно мне чуждым страхом я объят;
Вот здесь ее, за влажною стеною,
Невинную, оковы тяготят.

Что ж медлишь ты, войти не смея?
Боишься встретить милый взгляд?
Твой страх – ей смерть! Вперед скорее!

(Хватается за замок.)

Песня внутри

Мать, распутница мать,
Погубила меня;
Мой отец, негодяй,
Изглодал всю меня;
А сестричка моя
Мои кости нашла,
Тайно в поле снесла.
Резвой птичкою я
Мчусь в чужие края!

Фауст *(отворяя дверь)*

Не чувствует она, что милый здесь стоит!
Лишь цепь на ней гремит, солома шелестит.

(Входит.)

Маргарита *(прячась на кровати)*

Идут! Настал час смертный мой!

Фауст *(тихо)*

Молчи, молчи: свободна будешь!

Маргарита *(бросаясь перед ним на колени)*

Кто б ни был, сжалься надо мной!

Фауст

Потише: стражу ты разбудишь!

(Начинает разбивать цепи.)

Маргарита *(на коленях)*

Кто власть тебе такую дал,
Палач, над бедной надо мною?
Меня будить ты в полночь стал…
О, сжалься и оставь живою
Хоть до утра, – казни тогда!
Я молода, так молода —
И вот заутра умираю!

(Встает.)

Я хороша была – за то и погибаю!
Был близок друг, теперь далек,
Цветы увяли, сорван мой венок…
О, не хватай меня ты, умоляю!
Тебе я зла не делала, поверь:

Мы в первый раз встречаемся теперь.
Палач, палач, услышь мои моленья!

Фауст

Переживу ль все эти я мученья!

Маргарита

Палач, твоя теперь я, вся твоя!
Свою бы дочь я только накормила:
Всю ночь ее в слезах ласкала я…
Ее украли, чтобы я тужила,
А говорят, что я ее убила.
Я никогда не буду весела:
Ведь про меня и песня ходит злая…
Такая в сказке, правда, мать была,
Но разве я такая?

Фауст *(становясь на колени)*

Возлюбленный у ног твоих лежит;
Он от цепей тебя освободит.

Маргарита *(падая рядом с ним на колени)*

Скорей на колени!
Смотри, у ступени,
У двери зияет

Весь ад и пылает;
Злой дух там стоит,
Шумит и гремит.
Дрожу от испуга!

Фауст *(громко)*

Гретхен! Гретхен!

Маргарита *(прислушиваясь)*

Это голос друга!

(Вскакивает. Цепи падают.)

Я слышу, он зовет меня!
Свободна я, свободна я!
К нему помчусь я, изнывая,
К нему прильну я, отдыхая!
Он звал меня: «Гретхен!» У двери стоял он,
Сквозь крики бесовские громко взывал он;
Сквозь хохот, и грохот, и яростный вой
Я слышала голос знакомый, родной.

Фауст

Я здесь!

Маргарита

Ты здесь? О, повторить нельзя ль?

(Обнимая его.)

Ты здесь, ты здесь? Где вся моя печаль,

Где страх тюрьмы? Ты цепи разбиваешь!

Ты здесь: пришел и из тюрьмы спасаешь!

Я спасена! А вот и улица опять,

Где в первый раз тебя пришлось мне повстречать.

А вот и сад я увидала,

Где с Мартою тебя я поджидала.

Фауст *(увлекая ее)*

Идем, идем!

Маргарита

О милый, подожди!

(Ласкается к нему.)

Так любо мне с тобой!

Фауст

Выходи!

Спеши – не то ты горько пожалеешь!

Маргарита

Иль целовать ты больше не умеешь?
Ты лишь на миг со мной в разлуке был
И целовать меня уж позабыл!
О, отчего теперь перед тобой дрожу я,
Когда еще вчера в тебе, в твоих словах
Я находила рай, как в ясных небесах,
И ты душил меня в объятиях, целуя?
Целуй, целуй скорей меня!
Не хочешь – поцелую я
Тебя сама!

(Обнимает его.)

Увы, остыла
Твоя любовь; твои уста
Так стали холодны! Твоих объятий сила
Исчезла… То ли прежде было?
О, горе, горе мне! Иль я уже не та?

(Отворачивается от него.)

Фауст

За мной, за мной! Опомнись, дорогая:
Я твой всегда от сердца полноты!
Иди – молю лишь об одном тебя я!

Маргарита (*оборачиваясь к нему)*

Так это ты? Наверно это ты?

Фауст

Я, я! Идем!

Маргарита

И ты освобождаешь
Меня, мой друг, и к сердцу прижимаешь?
Ужель тебе не страшно быть со мной?
Да знаешь ли, кого ты, милый мой,
Освободил?

Фауст

Уж стало рассветать!

Маргарита

Ах! я свою убила мать,
Свое дитя убила я!
Ребенок, дочь моя, твоя…

Твоя? Ты здесь? Да, это он!
Дай руку! Это был не сон?
Рука твоя; но оботри
Ее скорее: посмотри —
Дымится кровь его на ней!
Что сделал ты! Скорей, скорей
Вложи в ножны свой страшный меч,
Вложи, чтоб больше не извлечь!

Фауст

Что было – вновь тому не быть;
Но ты нас можешь погубить.

Маргарита

О нет, живи, живи, мой милый!
Послушай, вырой три могилы…
С зарей придется умирать…
На первом месте будет мать,
С ней рядом брат мой будет спать,
А я – поодаль, но немного,
Немного, милый, ради Бога!
Ребенка ж положи ты на груди моей:
Кому ж, как не ему, лежать теперь со

мною?

А помнишь, милый друг, как много мы с тобою

Когда-то провели блаженно-чудных дней!

Теперь мне обнимать уж больше не придется

Тебя, мой дорогой, затем, что мне сдается,

Что ты меня в ответ с презреньем оттолкнешь.

А все же это ты, все так же добр, хорош!

Фауст

Коль любишь ты меня, за мною ты пойдешь!

Маргарита

Куда?

Фауст

На волю!

Маргарита

Что ж, когда могилу там

Найду и с нею смерть, – пойдем дорогой тою

К загробной тишине, к безмолвному покою;

Но дальше – ни на шаг... Идешь ты, милый мой?

О, если бы и я могла идти с тобой!

Фауст

Ты можешь, если б только захотела!

Маргарита

Нет, мне нельзя! Надежда улетела!

Зачем бежать? Меня там стража ждет...

Жить в нищете так тягостно и больно!

А совесть? Как не вспомнить все невольно!

Так горько мне идти в чужой народ...

Да и поймают скоро нас, я знаю!

Фауст

Я остаюсь!

Маргарита

Спеши же, заклинаю!
Ступай все вниз, все вниз,
К ручью спустись,
Тропинку там найди
И в лес войди.
Налево под мостом
Одна она лежит,
И плачет, и кричит,
Влекомая ручьем.
Она жива. Хватай,
Хватай ее, спасая!

Фауст

Приди в себя! Не медли боле!
Опомнись: шаг – и ты на воле!

Маргарита

Нам только бы гору скорей миновать:
На голом там камне сидит моя мать, —
По жилам мороз пробегает…
На голом там камне сидит моя мать
И мне головою кивает.

Недвижны глаза; голова тяжела...

Не встать ей: увы! она долго спала, —

Уснула, чтоб мы без нее наслаждались...

Дни счастья минули; куда вы умчались?

Фауст

Ни словом, ни просьбой увлечь не могу я —

Так силой с собою тебя увлеку я!

Маргарита

К чему насилье? О, оставь, молю!

Не жми так крепко руку ты мою —

И без того покорною была я.

Фауст

Уж скоро день! Опомнись, дорогая!

Маргарита

День? Скоро день? То день последний мой,

А мог бы стать днем свадьбы нам с тобой!

Смотри, мой друг, чтоб люди не узнали,

Что был ты у меня. Венок мой разорвали, —

Увы, беда стряслася надо мной!

Постой, еще мы встретимся с тобой, —

Не в хороводе только, нет, едва ли!

Безмолвно дыханье свое затая,

Теснится толпа; их так много:

Вся площадь полна, вся дорога…

Чу, колокол слышится… Вот уж судья

Сломал свою палочку[80]*… Разом схватили,*

Связали, на плаху меня потащили!

И каждому страшно: пугается он,

Как будто топор и над ним занесен…

Вокруг тишина, как под крышкою гроба!

Фауст

---

[80] Примечания: 80

Перед казнью в знак смертного приговора судья ломал свой жезл и звонили в церковный колокол.

О, если б не был я рожден!

Мефистофель *(в дверях)*

За мной, иль вы погибли оба!
Скорей, восток уж озарен!
Оставьте ваши вздохи, ахи!
Дрожат уж кони, жмутся в страхе.

Маргарита

Кто из земли там вырос? Он!
То он! Нельзя дышать при нем!
Зачем на месте он святом?
За мной?

Фауст

Ты жить должна! Скорее!

Маргарита

Суд Божий, предаюсь тебе я!

Мефистофель

За мной, иль с ней тебя покину я!

Маргарита

Спаси меня, Господь! О Боже, я твоя!
Вы, ангелы, с небес ко мне слетите,

Меня крылами осените!

Ты, Генрих, страшен мне!

Мефистофель

Она

Навек погибла!

Голос свыше

Спасена!

Мефистофель *(Фаусту)*

За мной скорее!

(Исчезает с Фаустом.)

Голос Маргариты *(из тюрьмы, замирая)*

Генрих! Генрих!

Часть вторая[81]
Действие первое

ЖИВОПИСНАЯ МЕСТНОСТЬ.

***Фауст** лежит, утомленный, на цветущем лугу, в беспокойном сне. Сумерки. Над Фаустом парит хор прелестных малюток-духов.*

Пение, сопровождаемое звуками эоловых арф.

Ариэль

В дни, когда весна сияет,
Дождь цветов повсюду льет,
Поле в зелень одевает,
Смертным радости несет, —
Крошек-эльфов дух великий
Всем спешит смягчить печаль:
Свят ли он иль грешник дикий,
Несчастливца эльфам жаль.
Вы, что сюда слетелись в рой свободный,
Исполните долг эльфов благородный:

---

[81] Примечания: 81
В настоящем издании из второй части «Фауста» исключен ряд сцен.

Смирите в нем свирепый пыл борьбы,
Смягчите боль жестокую упрека,
Изгладьте память ужасов судьбы.
В безмолвии ночном четыре срока[82] —
Не медлите ж! Слетясь со всех сторон,
Его склоните нежно к изголовью, —
Росою Леты[83] *брызните с любовью, —*
Усталые расправит члены сон,
И день он встретит бодр и укреплен.
Итак, скорее подвиг свой начните:
К святому свету вновь его верните!

Хор эльфов *(поодиночке, по два и по нескольку, чередуясь и соединяясь)*
(Serenade)

Теплый воздух безмятежен,
Тихо в зелени полян,

---

[82] Примечания: 82

Здесь имеется в виду счет времени у древних римлян. Половина суток, от шести часов вечера до шести часов утра, они делили на четыре части, называемые вигилиями. В дальнейшем эти четыре срока названы Гёте условно: Serenade (вечер), Notturno (ночь), Mattutino (рассвет), Reveil (утро).

[83] Примечания: 83

Лета (греч. миф.) — река забвения в подземном мире; от ее воды души умерших забывали о земных страданиях.

Сладок запах, и безбрежен
Легкий вечера туман;
Нашепчите ж мир ночлега,
Детским отдыхом маня,
И очам усталым нега
Пусть закроет двери дня!

(Notturno)

Ночь восходит, рассыпая
Сотни звезд по небесам;
Рой светил горит, мерцая,
Блещет здесь, сияет там;
Спят озер зеркальных воды;
Чисто небо; ночь ясна, —
И над тихим сном природы
Пышно царствует луна.

(Mattutino)

Пусть текут часы забвенья,
Грусть и радость устраня;
Близко время исцеленья, —
Верь же вновь сиянью дня!
По долине меж холмами

Тихо в зелени дерев,
И сребристыми волнами
Нива зыблет свой посев.

(Re veil)

Достижимы все стремленья;
Посмотри: заря ясна!
Слабы цепи усыпленья, —
Сбрось же, сбрось оковы сна!
Меж медлительной толпою
Будь творцом отважных дел!
Всемогущ, кто чист душою,
Восприимчив, быстр и смел.

Сильный шум возвещает восход солнца.

Ариэль

Чу! Шумят, бушуют Оры[84]*!*
Шум их слышат духов хоры;
Новый день увидят взоры.
Чу! Скрипят ворота неба!
Чу! Гремят колеса Феба[85]*!*

---

[84] Примечания: 84
Оры (греч. миф.) — богини времени.

[85] Примечания: 85
Феб (греч. миф.) — бог солнца.

Сколько шуму вносит свет!
Трубный звук гудит и мчится,
Слепнут очи, слух дивится,
Лишь для смертных шума нет!
Поскорей к цветам спешите,
Глубже, глубже в них нырните;
Скройтесь в листьях, в щели скал,
Чтоб вас шум не оглушал!

Фауст

Опять ты, жизнь, живой струею льешься,
Приветствуешь вновь утро золотое!
Земля, ты вечно дивной остаешься:
И в эту ночь ты в сладостном покое
Дышала, мне готовя наслажденье,
Внушая мне желанье неземное
И к жизни высшей бодрое стремленье.
Проснулся мир – и в роще воспевает
Хор стоголосый жизни пробужденье.
Туман долины флером одевает,
Но озаряет небо предо мною
И глубь долин. Вот ветка выступает,

Не скрытая таинственною мглою;
За цветом цвет является, ликуя,
И блещет лист трепещущей росою.
О чудный вид! Здесь, как в раю, сижу я!
А там, вверху, зажглися гор вершины,
Зарделись, час веселый торжествуя.
Вы прежде всех узрели, исполины,
Тот свет, который нам теперь сияет!
Но вот холмы и тихие долины
Веселый луч повсюду озаряет,
И ниже все светлеют очертанья.
Вот солнца диск! Увы, он ослепляет!
Я отвернусь: не вынести сиянья.
Не так ли в нас высокие стремленья —
Лелеют часто гордые желанья
И раскрывают двери исполненья, —
Но сразу мы в испуге отступаем,
Огнем объяты и полны смущенья:
Мы светоч жизни лишь зажечь желаем,
А нас объемлет огненное море.
Любовь тут? Гнев ли? Душно; мы стра-

даем;

Нам любо, больно в огненном просторе;

Но ищем мы земли – и пред собою

Завесу снова опускаем в горе.

К тебе я, солнце, обращусь спиною:

На водопад сверкающий, могучий

Теперь смотрю я с радостью живою;

Стремится он, дробящийся, гремучий,

На тысячи потоков разливаясь,

Бросая к небу брызги светлой тучей.

И между брызг как дивно, изгибаясь,

Блистает пышной радуга дугою,

То вся видна, то вновь во мгле теряясь,

И всюду брызжет свежею росою!

Всю нашу жизнь она воспроизводит:

Всмотрись в нее – и ты поймешь душою,

Что жизнь на отблеск радужный походит.

ИМПЕРАТОРСКИЙ ДВОРЕЦ.

Тронный зал. Государственный совет. Трубы.

Входит император с блестящей свитой и

садится на трон. Справа от него становится астролог.

Император

Привет вам, други! Весь вполне
Вокруг меня мой двор собрался.
Мудрец со мной; куда ж девался
Дурак, мой шут, скажите мне?

Юнкер

За вашим шлейфом он влачился,
Упал при входе и разбился.
Толстяк был поднят, унесен:
Не знаю – пьян иль умер он.

Другой юнкер

За ним другой – откуда взялся,
Не знаю – быстро протолкался.
Одет был очень пышно он,
Но безобразен и смешон.
Уж он пробрался до чертога,
Но алебарды у порога
Пред ним скрестила стража тут.
Да вот и он, наш смелый шут!

Мефистофель *(входя и склоняясь перед троном)*

Что ненавистно – и отрадно?
Что всяк и звать и гнать готов?
Что все ругают беспощадно,
Чтоб защищать в конце концов?
Кого ты звать не должен смело?
Чье имя всех к себе влекло?
Что к трону путь найти сумело?
Что гнать само себя могло?

Император

Довольно, шут, слова плести лукаво;
Твои загадки здесь некстати, право;
Загадки любы этим господам:
Им разгадай их; это будет нам
Приятней. Старый шут покинул сцену;
Пожалуй, стань сюда, ему на смену.

Мефистофель становится по левую сторону трона.

Говор толпы

Вот шут другой – к другой беде!
Откуда он? Как он вошел?

Приелся прежний. Прежний где?
Тот бочка был, а этот – кол.

Император

Итак, о други дорогие,
Привет! Сошлись передо мной.
Вы под счастливою звездой:
Сулит нам небо радости большие.
Хотели мы взглянуть на божий свет
Повеселей, от дел освободиться
И маскарадом пышным насладиться.
Помех, казалось, для веселья нет, —
К чему ж сошлись на скучный мы совет?
Сказали вы: «Так надо!» Покоряюсь —
И вот пред вами я теперь являюсь.

Канцлер

Как лик святых сияньем окружен,
Так добродетель высшая венчает
Чело владыки: ею обладает
Лишь он один, и всем он одарен;
Все, что народу нужно, любо, мило,

Нам божество в лице его явило.
Увы! К чему рассудка полнота,
Десницы щедрость, сердца доброта,
Когда кругом все стонет и страдает,
Одна беда другую порождает?
Из этой залы, где стоит твой трон,
Взгляни на царство: будто тяжкий сон
Увидишь. Зло за злом распространилось,
И беззаконье тяжкое в закон
В империи повсюду превратилось.
Наглец присваивает жен,
Стада, светильник, крест церковный;
Хвалясь добычею греховной,
Живет без наказанья он.
Истцы стоят в судебном зале,
Судья в высоком кресле ждет;
Но вот преступники восстали —
И наглый заговор растет.
За тех, кто истинно греховен,
Стоит сообщников семья —
И вот невинному «виновен»

Твердит обманутый судья.
И так готово все разбиться:
Все государство гибель ждет.
Где ж чувству чистому развиться,
Что к справедливости ведет?
Перед льстецом и лиходеем
Готов и честный ниц упасть:
Судья, свою утратив власть,
Примкнет в конце концов к злодеям.
Рассказ мой мрачен, но, поверь,
Еще мрачнее жизнь теперь.

Пауза.

И нам нельзя откладывать решенья!
Средь этой бездны зла и разрушенья
И даже сан небезопасен твой.

Военачальник

Все нынче буйны, удержу не знают,
Теснят друг друга, грабят, убивают,
Не слушают команды никакой.
Упрямый бюргер за стенами
И рыцарь в каменном гнезде

Сидят себе, смеясь над нами,
И нас не слушают нигде.
Наемные роптать солдаты стали:
Упорно платы требуют у нас,
И если б мы им так не задолжали,
Они бы нас покинули сейчас.
Чего б себе они ни запросили —
Не дать попробуй: будешь сам не рад.
Мы защищать им царство поручили —
Они ж страну разграбить норовят.
Полцарства гибнет; если их оставят
Так буйствовать – пропала вся страна!
Хоть короли кой-где еще и правят,
Но никому опасность не ясна.

Казначей

К союзникам толкнуться – мало прока;
Обещанных субсидий нет притока:
Казна у нас – пустой водопровод!
В твоих обширных, государь, владеньях,
Какие нынче господа в именьях?
Куда ни глянь, везде живет не тот,

Кто прежде жил; всяк нынче независим;

Мы смотрим, чтоб по вкусу мы пришлись им,

А подчинить ни в чем не можем их.

Мы столько прав гражданских надавали,

Что не осталось прав для нас самих;

От разных партий, как бы их ни звали,

Поддержки тоже нет на этот раз.

Хвала и брань бесплодны обе стали,

Бессильна их любовь и злость для нас.

Ни гибеллинов[86] нет, ни гвельфов нет и следу:

Все спрятались – потребен отдых им.

Кто нынче станет помогать соседу?

Все делом заняты своим;

У золота все двери на запоре, —

Всяк для себя лишь копит: вот в чем горе!

---

[86] Примечания: 86

Гибеллины (итал.) — политическая партия сторонников императорской власти в средневековой Италии, враждебная папской партии гвельфов, отстаивавшей светскую власть папы.

А наш сундук – увы, нет денег в нем!

Кастелян[87]

Беда и у меня: огромны
Издержки наши; как ни экономны,
А тратим мы все больше с каждым днем.
Для поваров, как прежде, нет стеснений:
Бараны, зайцы, кабаны, олени
У них еще в порядке, как всегда;
Индейки, гуси, утки и цыплята —
Доход наш верный: шлют их торовато.
Все это есть; в вине одном нужда:
Где прежде горы полных бочек были
И лучших сборов лучший цвет хранили —
Все до последней капли истребили
Попойки вечные сиятельных господ.
Для них открыл и магистрат подвалы:
И вот звенят их чаши и бокалы;

---

[87] Примечания: 87

Кастелян — В ведении кастеляна в средние века находились охрана замка и хозяйство.

Все под столом лежат, и пьянство все растет.

Я счет веду: платить за все ведь надо;

И ростовщик нам не дает пощады.

По векселям он вечно заберет

Изрядный куш на много лет вперед.

Давно у нас уж свиньи не жирели,

Заложен каждый пуховик с постели,

И в долг мы каждый подаем обед.

Император *(после некоторого размышления, Мефистофелю)*

Ты тоже, шут, немало знаешь бед?

Мефистофель

Я? Никогда! Я вижу блеск чудесный,

Тебя и пышный двор. Сомненья неуместны,

Где нерушимо сам монарх царит,

Врагов своих могуществом разит,

Где светлый ум, и доброй воли сила,

И мощный труд царят на благо нам, —

Как может зло и мрак явиться там,

Где блещут эти чудные светила?

Говор толпы

Мошенник, плут! Умен, хитер!
Он лжет бесстыдно! С этих пор
Я знаю, что нам предстоит.
А что? Проект он сочинит.

Мефистофель

Везде своя нужда: таков уж белый свет!
Здесь-то, другое – там. У нас вот денег нет;
Здесь, на полу, кто находить их будет,
Но мудрость их из-под земли добудет.
Войдите в тьму пещер глубоких: там
В кусках, в монетах золото сверкает;
А кто его из бездны извлекает?
Дух выспренний, природой данный нам.

Канцлер

Природа, дух – таких речей не знают
У христиан; за это ведь сжигают
Безбожников: такая речь вредна!
Природа-грех, а дух есть сатана:

Они лелеют в нас сомненье,
Любимое сил адских порожденье.
Нет, здесь не то! Два рода лишь людей
Имеет государь в империи своей:
То божьих алтарей служители святые
И рыцари. Они хранят нас в бури злые;
Лишь в них себе опору трон найдет.
За то им земли государь дает.
Пустой толпы безумные затеи
Противостать пытаются порой,
Еретики и злые чародеи
Мутят страну и потрясают строй.
Шуту они любезны свыше меры:
Душе преступной всех они милей.
И смеешь дерзкой шуткою своей
Ты омрачать возвышенные сферы!

Мефистофель

О, как ученый муж заметен в вас сейчас!
Что осязать нельзя-то далеко для вас;
Что в руки взять нельзя-того для вас и нет,

С чем не согласны вы-то ложь одна и бред,

Что вы не взвесили – за вздор считать должны,

Что не чеканили – в том будто нет цены.

Император

К чему ты эту проповедь читаешь?

Мне надоело это: перестань!

Здесь денег нет, – скорей же их достань;

Словами ж ты беды не уменьшаешь.

Мефистофель

Достану больше я, чем кажется вам всем;

Все это хоть легко, но трудно вместе с тем.

Клад не далек, но чтобы докопаться,

Искусство нужно и уменье взяться.

В тот давний век, как массы дикарей

Губили жадно царства и людей,

Напора орд их человек пугался

И укрывать сокровища старался.
То было в мощный Рима век, давно;
Но и теперь немало так зарыто,
И все, что там лежит, в земле сокрыто,
Правительству принадлежать должно.

Казначей

Да, хоть дурак, а рассудил он здраво!
Конечно, это государя право!

Канцлер

Вам ставит дьявол золотой капкан:
В преступный вас желает ввесть обман.

Кастелян

Чтоб провиант был у меня в запасе,
Я на обман даю свое согласье.

Военачальник

Дурак умен: всем благ наобещал!
Солдат не спросит, где он деньги взял.

Мефистофель

Иль я вам лгу? Что ж сомневаться много?

Вот вам мудрец: спросите астролога;

Как дважды два, он знает день и час.

Скажи, что видно в небесах для нас?

Говор толпы

Плуты! Союз уж заключен:

Шут и авгур[88] *взошли на трон.*

Вся песня та ж – сюжет избит.

Глупец велит – мудрец гласит.

Астролог *(повторяя громко тихий подсказ Мефистофеля)*

Как золото, нам Солнце свет свой льет;

Меркурий, вестник радостный, несет

Любовь и милость; благосклонный нам

Бросает взор Венера по утрам

И вечерам; Луны капризен вид;

Марс хоть бессилен, гибелью грозит;

Юпитер всех ясней всегда сиял;

---

[88] Примечания: 88

Авгур — в древнем Риме жрец, гадавший по полёту птиц.

Сатурн велик, а кажется нам мал.
Хоть, как металл, он низко оценен,
Но – если взвесить – полновесен он.
Да, коль сойдутся Солнца лик с Луной,
Сребро со златом, – это знак благой!
Все явится, что б пожелать ты мог:
Дворцы, сады, балы, румянец щек;
Ученый муж доставит это вам,
Исполнив то, что невозможно нам[89].

Император

Всю речь вдвойне как будто слышу я,
Однако трудно убедить меня.

Говор толпы

Что мелет он
На старый тон?
Врет звездочет!
Алхимик врет!
Сто раз слыхал!

---

[89] Примечания: 89

Темный смысл предсказания астролога станет понятен, если учесть, что каждая из семи известных в древности планет соответствовала определенному металлу: Солнце — золоту, Меркурий — ртути, Венера — меди, Луна — серебру, Марс — железу, Юпитер — олову, Сатурн — свинцу.

Напрасно ждал!
Опять и тут
Обманет плут!

Мефистофель

Находке верить ли, не знает
Никто из них; дивятся все:
Один альравнов[90] *вспоминает,*
Другой о черном бредит псе.
Тот трусит, тот смеяться хочет;
Но образумьтесь, верьте мне:
Когда в подошве защекочет
У вас иль зазнобит в спине,
То знайте, что на вас влияет
Природа силою своей:
Струя живая возникает
Из глубочайших областей.
Когда мороз знобит вам тело

---

[90] Примечания: 90

Альравны — уродливые фигурки, которые вырезывались из корня мандрагоры. Этим фигуркам приписывались волшебные свойства. По народному поверью, корень мандрагоры мог выкопать только черный пёс; человек, добывший корень мандрагоры из земли, тотчас же падал мертвым. Альравнами в германской мифологии назывались также злые духи.

И не сидится что-то вам[91]*,*
Вы в землю вкапывайтесь смело
И тотчас клад найдете там.

Говор толпы

Ух, тяжко! Что-то беспокоит
Меня. Рука, озябнув, ноет.
Мне что-то палец заломило.
А у меня в спине заныло.
По этим признакам, под нами
Лежат сокровища пудами.

Император

Ну, к делу ж! Так ты не уйдешь отсюда!
Правдивость слов своих нам докажи
И нам места сокровищ укажи.
Свой меч и скипетр я сложу покуда
И к делу сам немедля приступлю.
Когда не лжешь, осуществлю я чудо,
А если лжешь, тебя я в ад сошлю.

---

[91] Примечания: 91

По народному поверью, у человека, проходящего по земле, где зарыт клад, щекочет в подошве.

Мефистофель

Туда-то я дорогу твердо знаю.
Конечно, я всего не сосчитаю.
Что там лежит, на свет не выходя.
Пример: крестьянин, землю бороздя,
Златой сосуд порой зацепит плугом;
Порой селитры ищет он простой —
И видит слитки золота. С испугом
И радостью он бедною рукой
Старинные нам открывает своды.
Туда-то, в эти галереи, ходы,
В подземный мир, с киркой проникнуть рад
Искусный муж, преследуя свой клад.
В тех погребах сокровищ чудных груда:
Тарелки, чаши, золотые блюда
Везде рядами пышными стоят;
Что ни бокал – рубинами сверкает;
А из него испить кто пожелает,
Найдет в бочонке старое вино;
А обручи на бочке той старинной —
Поверите ль? – скрепляет камень вин-

ный.

А дерево истлело уж давно.

И чем та область мрака не богата!

Да, не одних каменьев там и злата

Довольно – есть и вин большой запас.

Но лишь мудрец их вынесет оттуда;

При свете видеть это все не чудо.

А мрак все тайной делает для нас.

Император

К чему нам мрак, к чему нам тайны эти?

Что драгоценно – покажи при свете:

Кто плутовство во мраке уличит?

«Все кошки ночью серы», – говорит

Пословица. Даю приказ тебе я

Доставить те сокровища скорее!

Мефистофель

Так сам возьми лопату, бур и лом,

И возвеличен будешь ты трудом,

Причем душою снова ты воспрянешь.

Златой телец предстанет вновь тогда —

И всех, себя и близких, без труда

Вновь украшать алмазами ты станешь,

А камни те, играя и горя,

И красоту возвысят и царя.

Император

Смелей за труд! Скорей за исполненье!

Астролог *(как выше)*

Умерь, монарх, могучее стремленье:

Сперва окончить праздник свой решись!

За много дел ты сразу не берись:

Ведь заслужить сперва должны мы сами

Дары земли достойными делами.

Добра кто хочет, должен добрым быть;

Кто жаждет благ, тот должен дух смирить;

Кто алчет вин, тот у тисков трудися;

Кто ждет чудес, тот верой утвердися.

Император

Прекрасно! Пустим празднества мы

в ход,

А там – пускай суровый пост придет.

Итак, повеселей во что бы то ни стало

Отпразднуем теперь мы время карнавала!

Трубы. Все уходят.

Мефистофель

Глупцы! Судьба своих даров,

Заслуг не видя, не истратит!

Имей вы камень мудрецов —

Для камня мудреца не хватит.

Здесь чего-то опущено к вящему моему сожалению.

РЫЦАРСКИЙ ЗАЛ.
Слабое освещение.
Император и придворные.

Герольд

Мой старый долг исполнить – представленье

Вам возвестить на предстоящий час —

Препятствует мне смутное волненье —

Влиянье духов; тщетно в этот раз
Чудесному, что ожидает вас,
Старался бы найти я объясненье.
Готовы кресла, стулья всем даны;
Сидит сам император у стены,
Роскошными картинами покрытой
Великих битв эпохи знаменитой;
А позади стоят ряды скамей;
Влюбленная воссела, с томным взглядом,
На милое местечко с милым рядом;
Уселись все как следует и ждут.
Готово все: пусть духи к нам идут!

Трубы.

Астролог

Начнись же, драма, как монарх велит;
Стена, раздвинься: дай на сцену вид!
Препятствий нет: здесь все послушно чарам!
И вот ковер, как скрученный пожаром,
Взвивается; раздвинулась стена,
И сцена нам глубокая открылась;

Волшебным светом зала озарилась —

На авансцену я всхожу.

Мефистофель *(показываясь в суфлерской будке)*

Должна

Здесь роль моя удаться, нет сомненья:

В подсказках черт – искусник без сравненья.

(Астрологу.)

Ты постигаешь звезды и луну, —

Так все поймешь, что я тебе шепну.

Астролог

Вот силою чудесной перед нами

Явился древний храм. Он, как Атлант[92] *—*

Державший небо на плечах гигант, —

Велик, массивен; длинными рядами

Стоят колонны крепкие: на них,

Пожалуй, можно возложить хоть гору.

---

[92] Примечания: 92

Атлант (греч. миф.) — титан, осуждённый Зевсом поддерживать небесный свод.

Большому зданью прочную опору
Могла бы пара дать колонн таких.

Архитектор

Вот в чем античность! Это мне не любо:
По мне, все это тяжело и грубо.
Что дико, то за благородство чтут,
Великим – неуклюжее зовут!
Столбов и арок узких сочетанья
Мне более по вкусу бы пришлись:
Свод стрельчатый дух устремляет ввысь.
Такие нам всего приятней зданья!

Астролог

Почтите данный звездами нам час!
Рассудок пусть нам душу не стесняет:
Пусть свой полет волшебный исполняет
Фантазия, собой пленяя нас!
Пусть видит глаз, что дух желал без меры:
Все это невозможно, и как раз

Поэтому оно достойно веры!

Фауст поднимается на сцену с другой стороны.

Смотрите: вот явился наконец

Он, муж чудесный, в жреческое платье

Одетый; на челе его венец;

Он смелое исполнит предприятье!

Треножник с ним из бездны восстает, —

Я фимиама чувствую куренье...

Благословить великое творенье

Уж он готов, – теперь нас счастье ждет!

Фауст *(величественно)*

Вас, беспредельных, призываю ныне,

Вас, Матери, царящие в пустыне

И все ж не одинокие! Вкруг вас,

Без жизни, лики жизни бесконечно

Парят и реют; все, что было раз,

Там движется, там есть и будет вечно!

Послушен вам созданий каждый шаг;

Их делите вы в дивном полномочье
Меж дня шатром и темным сводом ночи;
Одни живут средь жизни милых благ,
Других отважный вызывает маг;
Уверенно и щедро мир чудесный
Умеет он призвать пред взор телесный.

Астролог

Ключом блестящим тронул он слегка
Треножник – вмиг покрыли облака
Всю сцену; ходят, носятся, клубятся,
Сливаются, расходятся, двоятся:
То духов рой. Как их игра чудна!
В движенье этом музыка слышна:
Воздушных звуков смесь и переливы
Мелодией звучат, легки и живы,
Звучит триглиф[93]*, звучат колонны, свод,*
И дивный храм как будто весь поет.

---

[93] Примечания: 93

Триглиф (греч.) — орнамент в виде разных желобков, располагаемых группами по три под основою крыши в дорических храмах.

Туман расплылся. Мерными шагами
Вот юноша в пленительной красе
Выходит… Я умолкну: видят все,
Что здесь Парис[94] прекрасный перед нами!

Первая дама

О, блеск цветущей силы молодой!

Вторая дама

Румян, как персик, свеж, хорош собой!

Третья дама

Изящный ротик, пухленькие губы!

Рыцарь

Пастух как есть, не принц из высшей сферы!
Чужды ему придворные манеры!

Другой рыцарь

Да, он красив, когда он обнажен;
Я б посмотрел, каков-то в латах он!

---

[94] Примечания: 94

Парис — герой античного мифа о Троянской войне. Похищение Парисом прекрасной Елены, жены спартанского царя Менелая, и послужило, по преданию, причиной этой войны.

Камергер

Он уж лежит! Невежливый какой!

Дама

Бранить – мужчин излюбленное дело!

Камергер

При государе так развлечься смело!

Дама

Ведь он один, по пьесе!

Камергер

И она

Здесь вежливой, приличной быть должна.

Дама

Он тихо засыпает.

Камергер

Натурально

Храпеть начнет: ведь это так реально!

Появляется Елена.

Мефистофель

Так вот она! Спокоен я вполне:

Хоть недурна, но вовсе не по мне.

Астролог

На этот раз – сказать я должен честно —
Мой слаб язык. О, как она прелестна!
Красавицу и пламенная речь
Не описала б! Много воспевали
Красу ее, и перед ней едва ли
Способен кто спокойствие сберечь!
Блаженны те, кто ею обладали!

Фауст

Своими ли глазами вижу я
Тебя, источник красоты волшебный?
Твоя ли жизни полная струя
Влилась мне в душу, как поток целебный?
Мой страшный поиск дивный плод мне дал:
Весь мир мне был ничтожен, непонятен;
Теперь, когда твоим жрецом я стал,
Впервые он мне дорог, благодатен,

Незыблем, прочен! Лучше пусть лишусь
Дыханья жизни, чем теперь решусь
С тобой расстаться? Образ тот туманный,
Что мне в волшебном зеркале сиял, —
Был только отблеск твой непостоянный,
О красоты роскошный идеал!
Тебе всю жизнь, все силы мощной воли,
Мольбу и страсть безумную мою,
Мою любовь и нежность отдаю!

Мефистофель *(из суфлерской будки)*

Опомнись же, не выходи из роли!

Пожилая дама

Большого роста, дивно сложена,
Лишь голова мала несоразмерно.

Молодая дама

Зато нога: смотрите, как крупна!

Дипломат

Видал принцесс я много: беспримерно
Она прекрасна, с головы до ног!

Ее ни с кем сравнить бы я не мог.

Придворный

Вот с хитростью лукавой тихо, мерно
Идет к красавцу спящему она.

Дама

Как с ним она сравнительно дурна!

Поэт

Он озарен сиянием богини!

Дама

Эндимион[95] *с Луной – как на картине!*

Поэт

Вот подошла к нему богиня… вот
Склоняется, его дыханье пьет…
Чу! Поцелуй! Счастливец! Как завидно!

Дуэнья[96]

Пред всеми! Ах, как это ей не стыдно!

---

[95] Примечания: 95

Эндимион (греч. миф.) — прекрасный юноша, охотник, возлюбленный Дианы (богини Луны и Охоты).

[96] Примечания: 96

Дуэнья (исп.) — пожилая дама, сопровождающая девушку и наблюдающая за её поведением.

Фауст

Ужасный знак любви!

Мефистофель

Да замолчи!

Дай призраку свободу, не кричи!

Придворный

Проснулся он; она отходит… стала…

Дама

Глядит назад: я так и ожидала!

Ученый

Я вижу все; но точно ли она

Елена, в том есть для меня сомненье:

Ведь видимость нас вводит в заблужденье;

Чтоб убедиться, книга мне нужна.

«Она была мила всем старцам в Трое», —

Сказал Гомер. Явление такое

И здесь могу заметить я вполне:

Я сед, а все ж она мила и мне.

Астролог

Уж он не мальчик: смелою рукою
Берет ее; противиться герою
Она не в силах; вот он наконец
Ее уносит…

Фауст

Дерзостный глупец,
Назад! Не слышишь? Говорю тебе я!

Мефистофель *(из суфлерской будки)*

Твоя ж ведь это глупая затея!

Астролог

И так ход пьесы нам указывает весь,
Что похищение Елены будет здесь.

Фауст

Как похищение? Но разве, силы полный,
Я возле не стою, отважен и могуч?
Я разве не держу в руке волшебный ключ,
Который вел меня сквозь мрак, туман и волны,
Сквозь ужасы пустынь? И вот вернулся я, —

Здесь вновь действительность и твердая земля,

Здесь смело с духами мой дух бороться будет

И в двух мирах себе двойную власть добудет!

Прекрасная была когда-то далека,

Недостижима мне – теперь она близка.

За дело же смелей! Мне дивный ключ поможет;

Спасу ее-тогда она моя вдвойне.

Вас, Матери, зову: вы помогите мне!

Кто дивную узнал, жить без нее не может!

Астролог

Что хочешь сделать ты? Опомнись, Фауст!

С силой

Хватает он ее… Темнеет образ милый…

Вот, вот – он юноши касается ключом…

Беда! Пропали мы, сейчас сразит нас гром!

Громовый взрыв. Фауст падает. Духи исчезают в тумане.

Мефистофель *(унося Фауста на плечах)*

Ну, вот вам и спектакль! Эх, право, предосадно!

Связаться с дураком и сатане накладно!

Мрак. Смятение.

Действие второе

ПРЕЖНИЙ КАБИНЕТ ФАУСТА.

Мефистофель *выходит из-за занавески.*

Когда он ее приподнимает и оглядывается назад, там виден ***Фауст****, распростертый на старинной прадедовской кровати.*

Мефистофель

Лежи, несчастный! Вновь опутан ты

Любовной крепкой цепью не на шутку!

Кого Елена силой красоты

Сразила, тот надолго чужд рассудку.

(Осматривается.)

Взгляну ли вверх иль вниз, сюда ль, туда ли —
Осталось все, как было, здесь и там;
Цветные стекла лишь мутнее стали
Да паутины больше по углам;
В чернильнице лишь высохли чернила,
Бумага цвет свой в желтый изменила,
Но в общем все имеет прежний вид:
На месте даже и перо лежит,
Которым Фауст, душу продавая,
Дал дьяволу свою расписку в том;
Вот даже крови капелька на нем
Еще видна, что выманил тогда я!
Перо такое не дается даром,
Оно приносит радость антикварам.
Вот старый плащ на вешалке старинной,
В котором так напыщенно и чинно
Я городил мальчишке разный вздор,
Который, может быть, долбит он до сих пор.

Опять не прочь я под твоей личиной,
Наряд сурово-теплый, роль сыграть
И, как доцент надутый, смело врать
С серьезною, непогрешимой миной:
Ученым людям это всем дано,
А черт ту роль уж не играл давно.

(Снимает меховой плащ со стены и встряхивает его, причем оттуда вылетают цикады, жуки и разные букашки.)

Хор насекомых

Здорово, здорово,
Патрон дорогой!
Летим мы, жужжим мы,
Знакомы с тобой!
В тиши понемножку
Плодил ты нас, друг, —
И тысячи ныне
Танцуют вокруг!
Коварство таится
В груди у людей:
В одежде их вошек
Откроешь скорей...

Мефистофель

Тварь новая! Как я ей рад сердечно!

Да, только сей, так и пожнешь, конечно!

Еще встряхну хламиду – здесь и там

Вновь вылетают из нее букашки;

Летят туда, сюда, по всем углам

Попрятаться спешат мои милашки!

В коробки, что стоят давно в пыли,

В пергамент побуревший заползли,

В разбитую старинную посуду,

В глазные дыры черепа – повсюду!

Да, где хранится этот жалкий хлам,

Там как не быть сверчкам да червякам!

(Надевает плащ.)

Ну что ж, покрой еще разок мне плечи, —

Пусть стану я учителем опять!

Но что мне в званье без почетной встречи?

Кто есть здесь, чтоб почтенье мне

воздать?

(Тянет за звонок, который издает резкий, пронзительный звон. От этого звона содрогаются стены и распахиваются двери.)

Фамулус[97] *(идет колеблющимися шагами по длинному темному коридору)*

Звуки страшные несутся,
Стены, лестницы трясутся!
В пестрых стеклах свет трепещет,
Словно молния там блещет!
Пол дрожит и гнутся доски,
Сверху целый дождь известки!
Двери с крепкими замками
Отворились чудом сами!
Там – о, ужас! – исполином,
В платье Фауста старинном,
Кто-то встал… глядит, кивает!
Страх колена мне сгибает…
Ждать ли? В бегство ль обратиться?
Боже, что со мной случится?

---

[97] Примечания: 97

Фамулус (лат). — ученый служитель при профессоре или лаборатории.

Мефистофель *(кивая ему)*

Войдите! Вас зовут ведь Nicodemus[98]*?*

Фамулус

Да, господин, я так зовусь! Oremus[99]*!*

Мефистофель

Ну, это вздор!

Фамулус

Как рад я, что меня

Вы знаете!

Мефистофель

О да, вас помню я!

Вы все студент, хотя и поседелый,

Обросший мхом! Так точно век свой целый

Ученый муж корпит, своим трудом

Весь поглощен, – не может он иначе!

Так понемножку карточный свой дом

---

[98] Примечания: 98

Nicodemus (лат.) — Никодим.

[99] Примечания: 99

Oremus (лат.) — «Помолимся». Испуганный неожиданным появлением Мефистофеля и тем, что он знает его имя, Фамулус хочет сотворить молитву.

Он созидает; да еще притом,
Хотя б владел великим он умом,
Он до конца не справится с задачей.
Но ваш учитель – вот кто молодец!
Почтенный доктор Вагнер, всем известный,
В ученом мире первый он мудрец,
Авторитет имеет повсеместный.
Один в себе вместил все знанья он
И ежедневно мудрость умножает.
Зато его, сойдясь со всех сторон,
Рой жаждущих познанья окружает.
Он с кафедры один свет яркий льет;
Как Петр святой, ключами он владеет[100].
Что в небесах, что на земле живет —
Все знает он, все объяснить умеет.
Всех мудрецов он славу посрамил,
Сияет он, блестит необычайно,
Он то открыл, что для других есть

[100] Примечания: 100

«Как Петр святой, ключами он владеет» — Апостол Пётр, по христианскому преданию, владеет ключом от рая.

тайна,
И даже имя Фауста затмил!

Фамулус

Почтенный муж, прошу я извиненья,
Что возразить решусь на ваши мненья.
В нем, право, нет о том и помышленья:
Он скромностью всегда был одарен.
Куда исчез, где находиться может
Великий муж, ума он не приложит:
Все только ждет, чтоб воротился он,
И молится об этом возвращенье,
Как о едином светлом утешенье;
И комната осталась взаперти,
С тех пор как Фауст вдруг исчез нежданно,
И ждет владельца прежнего; сохранно
В ней все – я сам едва посмел войти.
Но что за час чудесной перемены
Несут нам звезды? Даже сами стены
Как будто в страхе: лопнули замки,
Дверные расшатались косяки,
А то и вы сюда бы не попали.

Мефистофель

Но где же сам учитель ваш? Нельзя ли
Пройти к нему? Быть может, он бы мог
Прийти сюда?

Фамулус

Боюсь я: слишком строг
Его запрет; великим занят делом,
В немой тиши, по месяцам он целым
В своей рабочей комнате сидит.
Из всех ученых был он самым чистым,
А ныне смотрит сущим трубочистом.
Совсем теперь чумазым он глядит:
Глаза его распухли, покраснели
От раздуванья жаркого огня,
А нос, и лоб, и уши почернели;
Щипцами да ретортами звеня,
Он ждет открытия день ото дня.

Мефистофель

Ужель он мне откажет, станет спорить?

Его удачу я бы мог ускорить.

Фамулус уходит.
Мефистофель с важностью усаживается.

Едва успел усесться я – и вот
Уж новый гость, знакомый мне, идет;
Но этот – молодого поколенья
И будет страшно дерзок, без сомненья.

Бакалавр[101] *(шумно приближаясь по коридору)*

Двери настежь! Наконец-то
Есть теперь надежде место,
Что людская грудь живая
Здесь не будет, изнывая,
Чахнуть, гибнуть в этой гнили,
Точно заживо в могиле!
Эти стены и строенья
Накренились, ждут паденья;
Прочь уйти, а то, пожалуй,
Быть здесь страшному обвалу.

---

[101] Примечания: 101
Бакалавр — это тот самый ученик, которому Мефистофель в первой части «Фауста» давал коварные наставления. В грубом и самонадеянном молодом человеке нельзя узнать прежнего скромного и наивного юношу.

Несмотря на всю отвагу,
Дальше я туда ни шагу!
Что-то я теперь узнаю?
Здесь как раз – припоминаю —
Первокурсником невинным
Я внимал урокам длинным,
Бородатым веря слепо,
Вздору радуясь нелепо.
Что из книг старинных брали
И что знали – все мне врали,
Ничему не веря сами,
Жизнь лишь портя пустяками
И себе и мне. Однако —
Кто там в дымке полумрака?
Что я вижу? В том же длинном
Меховом плаще старинном
Он сидит, все тот же самый,
Как расстались с ним тогда мы.
Он тогда хитер был, ловок,
Я ж не мог понять уловок;
Ну, теперь иное дело:
На него обрушусь смело!

Почтенный! Если волны мутной Леты
Не все еще понятья и предметы
Из вашей хмурой лысой головы
Умчали, не припомните ли вы
Ученика? Но ныне мыслью вольной
Он перерос лозу науки школьной;
Вы тот же все, каким я видел вас,
Но я совсем другой на этот раз.

Мефистофель

Я вас ценил и в прежнем вашем виде.
Я рад, что вас мой звон сюда привлек.
В простой личинке, в нежной хризалиде[102]
Уж будущий таится мотылек.
Вы в кружевном воротничке ходили
И в локонах кудрявых: как дитя,
Вы в том себе забаву находили;
Косы ж, насколько в силах вспомнить я,
Вы не носили. Ныне же, без лоска,

---

[102] Примечания: 102
Хризалида — куколка бабочки.

У вас простая шведская прическа;

Резолютивен ваш отважный вид,

Но абсолютность все же вам вредит[103].

Бакалавр

Здесь то же место, ментор мой; но знайте,

Что время ныне стало уж не тем.

Двусмысленных речей не расточайте:

Ведь мы в других условиях совсем.

Легко юнца вам было озадачить,

Над мальчиком наивным свой язык

Потешить: труд был очень невелик;

Теперь никто не смеет нас дурачить.

Мефистофель

Когда всю правду скажем мы юнцу,

Не угодим бесперому птенцу;

Впоследствии ж, когда промчатся го-

---

[103] Примечания: 103

Эти слова Мефистофеля — пародия на учение философа-идеалиста Фихте, который утверждал, что мир не является объективной реальностью, а только плодом субъективного сознания. На это намекает и игра слов у Гёте: «Резолютивен (то есть чрезмерно решителен) ваш отважный вид, но абсолютность (то есть абсолютный субъективизм) всё же вам вредит».

ды,

На шкуре собственной узнает он невзгоды

И мнит, что сам он до всего дошел,

И говорит: учитель был осел.

Бакалавр

А может быть, и плут! Вы мне скажите

И хоть один пример мне укажите:

Какой учитель только правду нам

В лицо открыто скажет, смел и прям?

Один прибавит, а другой убавит,

Тот с важностью, тот в шутках все представит,

А дети – верь подобранным словам.

Мефистофель

Что ж, время есть всему: не так давно вы

Еще учились, ныне – вижу сам —

Вы и других учить уже готовы.

Прошло немного месяцев и лет —

И опытом изведали вы свет.

Бакалавр

Ах, этот опыт! Дым, туман бесплодный;
Его ведь превосходит дух свободный!
Сознайтесь: то, что знали до сих пор,
Не стоило и знать совсем?

Мефистофель *(помолчав)*

Пожалуй,
Я сам давно так думаю. Отсталый
Я был глупец и верил в пошлый вздор.

Бакалавр

Вот этому я рад: в вас ум я замечаю.
Впервые старика неглупого встречаю!

Мефистофель

Искал я клада не жалея рук,
А вырыл кучу мусора простого.

Бакалавр

И ваша плешь – сознайтесь, милый друг, —
Ничем не лучше черепа пустого?

Мефистофель *(ласково)*

Ты, верно, сам, дружок, не сознаешь,

Как груб ты.

Бакалавр

Вежлива у немцев только ложь!

Мефистофель *(сидя в кресле на колесиках, все время подвигался на авансцену и теперь обращается к партеру)*

Здесь, наверху, житья нет никакого:

Ни воздуха, ни света не дают.

Авось меж вами я найду приют?

Бакалавр

Я нахожу весьма претенциозным,

Что люди, пережив известный срок,

Хотят быть чем-то, хоть ничем серьезным

Уже не могут быть: их век истек!

Ведь жизнь горит в крови, а в ком кипучей,

Чем в юноше, кровь свежая течет?

Живая кровь в нем силою могучей

Жизнь новую из жизни создает.

Все движется, все в деле оживает;

Кто слаб, тот гибнет, сильный – успевает.
Пока полмира покорили мы,
А вы как жили, старые умы?
Вы думали, судили, размышляли,
Да грезили, да планы составляли
И сочинили только планов тьмы.
Да, старость – просто злая лихорадка,
Бессилие, болезненный озноб!
Как человеку стукнет три десятка,
Его клади сейчас хоть прямо в гроб.
Вас убивать бы, как пора приспела!

Мефистофель

На это черт согласен будет смело.

Бакалавр

Что черт? Лишь захочу – и черта нет!

Мефистофель *(про себя)*

Тебе подставит ножку он, мой свет!

Бакалавр

Да, вот призванье юности святое!
Мир не существовал, пока он мной

Не создан был; я солнце золотое

Призвал восстать из зыби водяной;

С тех пор как я живу, стал месяц ясный

Вокруг земли свершать свой бег прекрасный;

Сиянье дня мой озаряет путь,

Навстречу мне цветет земная грудь;

На зов мой, с первой ночи мирозданья,

Явились звезды в блеске их сиянья!

Не я ли уничтожил мысли гнет,

Сорвал тиски филистерства[104]*, свободный,*

Я голос духа слушаю природный,

Иду, куда свет внутренний влечет,

Иду, восторга полный! Предо мною

Свет впереди, мрак – за моей спиною!

(Уходит.)

Мефистофель

Иди себе, гордись, оригинал,

И торжествуй в своем восторге шум-

---

[104] Примечания: 104

Филистерство (нем.) — обывательщина, мещанство, пошлость.

ном!
Что, если бы он истину сознал:
Кто и о чем, нелепом или умном,
Помыслить может, что ни у кого
В мозгу не появлялось до него?
Но это все нас в ужас не приводит:
Пройдут год, два – изменится оно;
Как ни нелепо наше сусло бродит,
В конце концов является вино.

(К молодым зрителям в партере, которые не аплодируют.)

Вы не хотите мне внимать?
Не стану, дети, спорить с вами:
Черт стар, и чтоб его понять,
Должны состариться вы сами.

Действие третье

МЕСТНОСТЬ ПЕРЕД ДВОРЦОМ МЕНЕЛАЯ В СПАРТЕ.

Входит ***Елена***[105] *в сопровождении хора пленных троянок с* ***Панталис****, предводительницей хора, во главе.*

Елена

Хвалой одних, хулой других прославлена,
Являюсь я, Елена, прямо с берега,
Где вышли мы на сушу, и теперь еще
Морской живою зыбью опьяненная,
Которая с равнин далекой Фригии[106]
Несла нас на хребтах высоких, пенистых
В родные наши бухты Эвра силою
И милостью великой Посейдоновой.
А там, внизу, царь Менелай с храбрейшими
Из воинов свое прибытье празднует.
Прими ж меня приветливо, высокий дом!

---

[105] Примечания: 105

Елена, героиня древнегреческого мифа о Троянской войне, предстает здесь как воплощение античного идеала красоты.

[106] Примечания: 106

Фригия — страна в Малой Азии. Елена, забыв об Аиде, из которого она вызвана, воображает, что она только что вернулась из Трои.

Воздвиг тебя, на родину вернувшися,

Отец мой Тиндарей[107] *у склона славного*

Холма Паллады; здесь я детство видела.

Привет вам, двери меднокованные!

Когда-то вы навстречу распахнулися

Гостям – и вот, один из многих выбранный,

В вас Менелай явился женихом моим.

Откройте их! Спешу теперь исполнить я

Приказ царя, как долг велит супружеский.

Одна войду я! Сзади пусть останется

Все то, что вкруг меня кипело бурею

По воле рока. С той поры как вышла я

Отсель во храм Цитеры, беззаботная,

Чтоб долг священный свой свершить, и схвачена

---

[107] Примечания: 107

Тиндарей — легендарный спартанский царь, отец Елены; изгнанный на некоторое время своим братом из Спарты, он затем вернулся на родину и построил дворец на склоне холма, на котором стоял храм Паллады (Афины).

Была фригийским дерзким похитителем, —

Да с той поры, увы, свершилось многое,

О чем так любят люди все рассказывать

И что услышать тягостно несчастному,

О ком молва, разросшись, стала сказкою.

Хор

Ужель презришь, царица цариц,

Свой дар почетный, благо из благ?

Славнейшим ты счастьем владеешь одна:

Из всех величайшею славой красы.

Герою предшествует имени гром,

Затем он и горд;

Но даже упрямец склоняет чело

Пред всепокоряющей силой красы.

Елена

Довольно! Царь, супруг мой, вместе плыл со мной

И к городу вперед теперь послал меня;
Но что в душе замыслил он – не знаю я.
Супруга ль я, царица ли по-прежнему
Иль жертвою паду я гнева царского
И злой судьбы, терзавшей долго эллинов?
Добыча я, но пленница ль – не ведаю.
На корабле смотрел супруг невесело;
Он на меня лишь изредка поглядывал
И слова мне приветного не вымолвил,
Как будто мне недоброе готовил он;
Когда ж, войдя Эврота в устья тихие,
Земли родной ладьи его коснулися,
Промолвил он, как будто богом движимый:
«На брег морской отсюда выйдут воины;
Устроить их на время тут останусь я,
А ты ступай по берегу священному,
По берегу Эврота плодородного.
По низменной равнине направляй коней
В долину ту, горами окруженную,

Где прежде было поле плодоносное,

А ныне Спарта, город мой, красуется.

Прибыв туда, поди в высокий царский дом

И там сбери служанок, мной оставленных

С хозяйкою, разумной старой ключницей.

И пусть тебе покажут все сокровища,

Которые отцом моим накоплены

И мной в войне и мире увеличены.

Конечно, ты увидишь все в дому моем

В порядке, ибо должен царь, придя назад,

Имущество найти свое нетронутым,

На том же месте, где его оставил он:

Не смеет раб менять того, что сделал царь».

Хор

О, пусть богатства сладостный вид

Твои утешит очи и грудь!

Златые запястья и блеск диадем

Покоятся гордо в надменной красе;
Но стоит, царица, тебе захотеть —
И все налицо;
И вступит, о диво, в неслыханный спор
С алмазом и златом твоя красота.

Елена

И дальше так сказал мне повелитель мой:
«Когда же там в порядке все осмотришь ты,
Треножников возьми ты сколько надобно,
Сосуды все священные, которые
Нужны жрецу, когда обряд свершает он:
Котлы и чаши, также блюдо круглое;
Воды налей ты из ключа священного
В высокие кувшины; приготовь еще
Ты дров сухих из дерева горючего
И острый нож, старательно отточенный.
О прочем же сама должна подумать ты».

Так он сказал и в путь затем послал меня.

Но что хотел он в жертву принести богам

Из всех земных созданий, не сказал он мне,

Здесь тайна есть; но больше не забочусь я:

Известно все бессмертным лишь, которые

Свершают то, что в сердце их задумано…

О будь, что будет! Ныне же прилично мне

Немедленно войти отсюда в царский дом,

Желанный, милый, мной почти потерянный

И вновь мне данный, как – сама не знаю я.

Не так легко взойти мне на ступени те,

Где в детстве я, бывало, резво прыгала.

(Входит в дом.)

Хор

Сестры любезные,
Бедные пленницы,
Бросим свои мы печали!
Вместе с Еленою,
Вместе с царицею
Счастливы будьте, которая
Поздно, но твердой стопою зато
Радостно снова является
Ныне в родную обитель.

Панталис *(как предводительница хора)*

Покиньте, сестры, песни путь, столь радостный, —
К дверям высоким взор вы обратите свой!
Что вижу я, о сестры! Возвращается
Назад царица к нам стопами быстрыми.
Что было там, царица? Что могло тебе
В дому твоем попасться не приветное,
А страшное? Я вижу – что-то было

там;

Я вижу недовольство на челе твоем,

И гневное я вижу изумление.

Елена *(возбужденная, оставив двери открытыми)*

Несвойствен страх обычный Зевса дочери;

Пустой испуг не тронет сердца гордого;

Но ужас, мрачный ужас, Ночью древнею

Рожденный искони, во многих образах,

Как в бездне горной пламенное облако,

Являясь нам, смущает и героя грудь.

Так и сегодня жители стигийские[108],

Ужасные, при входе мне явилися,

И я с порога милого, желанного

Должна была бежать, как гость непрошеный.

Но нет, на свет я вышла ныне: далее

---

[108] Примечания: 108

Жители стигийские — страшные образы подземного мира Аида, где течет река Стикс. За один из таких образов Елена принимает Форкиаду.

Прогнать меня нельзя вам, силы мрачные,

Кто б вы ни были! Дом же освящу я свой,

И, чистый вновь, меня с приветом примет он.

Панталис

Что было там с тобой, жена высокая,

Открой рабыням ты своим почтительным.

Елена

Что было там, вы сами видеть можете,

Коль ночь еще в свои пучины тайные

Не поглотила вновь того чудовища.

Но чтоб вы знали, все я вам поведаю:

Вступая в глубь родного дома радостно,

Чтоб долг свершить скорее свой супружеский,

Дивилась я безмолвию глубокому.

Ни звук шагов не слышался ушам моим,

Ни вид работы спешной не пленял очей;
Служанки не встречались мне, ни ключница,
Приветливо гостей всегда встречавшие.
Когда ж потом я к очагу приблизилась,
На груде пепла теплого сидела там
Огромная старуха, вся закутана,
Не спящая, но в думы погруженная.
Зову ее к работе повелительно,
Подумавши, что ключницу я встретила,
Которую оставил царь хозяйкою.
Закутавшись, молчит она, недвижима!
Моим угрозам наконец ответствуя,
Она рукою машет, чтоб ушла я прочь.
Я, в гневе отвернувшися, спешу от ней
По горнице, пройти в казнохранилище;
Но чудище, поднявшися стремительно,
Становится, дорогу заграждая мне,
Как госпожа, огромная и тощая,
С кроваво-мутным взором, видом

странная,

Ужасная и взору и душе людской.

Но нет, никак нельзя словами бедными

Вам описать ужасное видение.

Вот, вот она на свет выходит дерзостно!

Но здесь мы господа, пока придет наш царь.

Могучий Феб, бессмертный друг прекрасного,

Сразит созданье мрака иль прогонит прочь.

Форкиада показывается в дверях.

Хор

Кто ты из страшных

Форкиса[109] *дщерей?*

Ибо, как вижу я,

Ты из их рода.

Верно, одна ты из мрачных чудищ,

Око одно лишь и зуб один

---

[109] Примечания: 109

Форкис (греч. миф.) — морской старец, брат Нерея; дочерьми его были Форкиады, или Граи.

Вместе имеющих страшных Грай,

Нас посетившая ныне?

Смеешь ты, чудо,

Рядом с красою

Взору глубокому

Феба явиться?

Форкиада

Вы, наглые, пришли сюда из чуждых стран,

Надменные и журавлям подобные,

Которые несутся над главой у нас,

Охриплым криком воздух наполняя весь.

Смотрю на вас – и кажется, что рой цикад

Крикливых скачет по полю зеленому.

Добро чужое жрете вы, снедаете

Добытое трудом благополучие:

Вы – воинов добыча, меновой товар!

Елена

В присутствии хозяйки кто слугу бранит,

Тот дерзостно права ее себе берет.

Одна – хозяйка может дать достойному

Награду иль наказывать преступного.

Довольна ими я была все время то,

Пока святая сила илионская

Боролася – и пала и легла; потом

Со мной они делили горе странствия,

Когда все только о себе заботятся.

Мне нужно знать не кто мой раб-как служит он.

Итак, молчи и больше их не смей бранить!

Коль ты, хозяйки должность исправлявшая,

Исправно все хранила, то хвала тебе.

Пришла сама хозяйка – уступи же ей,

Чтоб не было взысканья вместо всех похвал.

Форкиада

Слуге грозить – есть право несомненное,

Которое супругою властителя

За много лет супружества заслужено;
И если вновь сюда, на место старое
Царицы и хозяйки, ты пришла опять,
Возьми бразды правления свободные,
Владей отныне нами и богатствами;
Но защити меня, старуху, ты от них,
Которые пред лебедем красы твоей
Крикливыми гусями только кажутся.

Панталис

С красою рядом как противно мрачное!

Форкиада

С рассудком рядом глупость отвратительна.

Панталис

Зажму твой рот, когда скажу я, кто ты есть.

Форкиада

Так назови себя – и все разгадано.

Елена

Время дерзостного спора вы должны вознаградить:

Быстро жертвенник поставьте, как супруг мой повелел.

Форкиада

Уж готово все: треножник, чаши, кубки, острый нож,

И кропленья, и куренья – лишь на жертву укажи.

Елена

Царь о жертве не сказал мне.

Форкиада

Не сказал? О, горе вам!

Елена

Что за горе, мне поведай!

Форкиада

О царица, жертва – ты.

Елена

Я?

Форкиада *(указывая на хор)*

И эти.

Хор

Горе, горе!

Форкиада

Ты падешь под топором.

Елена

Страшно! Знала я… О, ужас!

Форкиада

Неизбежно это вам.

Хор

Ах, а мы? Что будет с нами?

Форкиада

Благородно пасть должна

Ваша славная царица; но под крышею дворца,

Как дроздов крикливых стая, вы повиснете вверху.

Елена и хор, охваченные изумлением и ужасом, составляют выразительные, живописные группы.

Форкиада

Презренные! Как призраки застывшие,

Стоите вы, дрожа за жизнь, которая

Принадлежать теперь уж перестала вам!

Ни человек, ни призраки, как вы теперь, —

Все люди только призраки, подобно вам, —

Не любят расставаться с светом солнечным;

Но никому в конце концов спасенья нет:

Известно это всем – не всем приятно лишь!

Но кончено: все вы погибли! К делу же!

(Хлопает в ладоши.)

В дверях появляются замаскированные карлики, быстро исполняющие все последующие приказания.

Катись сюда, чудовищ круглых темный рой!

Немало зла наделать тут вы можете.

Пусть златорогий жертвенник восстанет здесь

С секирой на краю его серебряном;

Наполните кувшины, чтобы было чем

Омыть алтарь, залитый кровью черною.

Ковер роскошный пышно расстелите вы:

Колена пусть преклонит жертва царственно,

И пусть ее, хоть с головой отрубленной,

С почетом завернувши, похороним мы.

Панталис

Царица, размышляя, в стороне стоит.

И вянут девы, как цветник подкошенный.

Старейшая из них, с тобой промолвить я

Должна два слова – с самою старейшею.

Ты опытна, мудра и благосклонна к нам,

Хотя безумно резвый рой бранил тебя.

Скажи же нам: спасенья ты не знаешь ли?

Форкиада

Сказать легко: зависит от царицы лишь
Спасти себя и вас с собою вместе всех;
Но нужно тут решение поспешное.

Елена

О, пусть они страшатся! Страха нет во мне —
Лишь горе! Но когда спасенье знаешь ты, —
Благодарю: возможно часто мудрому,
Что невозможно прочим. Говори скорей!

Форкиада

Имеете ль терпение прослушать вы
Рассказ мой долгий! Много есть в нем важного.

Хор

Рассказывай: мы в это время будем жить!

Форкиада

Кто в доме мирно бережет сокровища,

Кто стены держит в целости высокие

И крышу чинит, чтоб ее не портил дождь,

Тот долго, долго будет жить в дому своем;

Но кто, святой порог ногою легкою

Переступив, уходит, дом оставя свой,

Тот, воротясь, найдет хоть место старое,

Но все не так, как было, иль разрушено.

Елена

К чему сто раз болтать давно известное!

Нельзя ль вести рассказ, не досаждая мне?

Форкиада

Пришлося к слову: нет тебе упрека здесь.

Из бухты в бухту Менелай ладьи водил,

По берегам и островам он хищничал

И приезжал с добычею награбленной.

Под Троею провел он долгих десять лет,

Назад он плыл – не знаю, сколько времени.

Но что же было в доме Тиндареевом?

Что было с самым царством Менелаевым?

Елена

Ужели брань с тобою так сроднилася,

Что чуть раскроешь рот – уж осуждаешь ты?

Форкиада

Забыты были много лет отроги гор,

Что к северу от Спарты гордо высятся

Вблизи Тайгета, где ручьем сверкающим

Спускается Эврот в долину тихую,

Где лебеди селятся в камышах его.

В ущелья те недавно молодой народ

Откуда-то явился из полночных стран —

И крепкий замок там они построили

И как хотят страною правят с гор своих.

Елена

Возможно ль это? Как они отважились?

Форкиада

Они имели долгих двадцать лет.

Елена

И есть начальник? Много ли разбойников?

Форкиада

Начальник есть, но это не разбойники.

Он мне грозил, но все ж я не браню его:

Он мог бы все похитить, но доволен был

Немногими подарками, без подати.

Елена

Красив ли он?

Форкиада

Пожалуй: мне он нравится.

Отважный он, с осанкой благородною,

Разумный муж, каких в Элладе мало есть.

И замок их, когда б его вы видели! —

Совсем не так построен неуклюже он,

Как ваши предки, грубо громоздившие

На камни камни, как циклопы дикие,

Строенья воздвигали: там, напротив, все

Отвесно, прямо, ровно, строго, правильно…

Решай, царица, дай свое согласие:

Немедленно я в замок отведу тебя.

Трубы вдали. Хор содрогается.

Хор

Трубы слышишь ли, царица? Блеск ты видишь ли мечей?

Форкиада

Здравствуй, царь и повелитель! Я готова дать отчет.

Хор

Что же мы?

Форкиада

Ее кончину вы увидите сейчас,

А за ней кончину вашу. Нет, ничем вам не помочь!

Пауза.

Елена

Я думала, на что теперь решиться мне.

Ты демон злой, наверно это знаю я:

Боюсь, добра во зло не обратила б ты.

Но все-таки с тобой отправлюсь в замок я;

А что таит царица в глубине души,

Она одна лишь знает – вам неведомо

Останется. Веди, старуха, нас вперед.

Хор

О, как охотно с ней мы идем

Легкою стопою!

Смерть сзади нас,

А перед нами

Твердая крепость

Высится грозной стеною.

Облака окружают их со всех сторон.

Что это, что?

Сестры, смотрите вокруг:

Ясный и светлый был день;

Но отовсюду собрался

Тучи с Эврота священного;

Скрылся из виду любезный нам

Брег, камышами поросший весь;

Грозною тучей вокруг

Стало окутано все.

Потемнели, почернели – уж не блещут эти тучи,

Обступили, точно стены; стены стали перед нами,

Перед нашими очами. Двор ли это иль могила?

Страшно, страшно! Горе, сестры! Мы в плену теперь остались,

Да, в плену, в плену тяжелом, так, как прежде никогда.

Хор оказывается во внутреннем дворце замка, окруженном со всех сторон фантастическими постройками в средневековом вкусе.

Елена

О, где ж ты, пифонисса[110]? Как зовешься ты,

Не знаю я; но все же отзовися мне

И выйди из-под сводов замка мрачного!

Коль ты пошла к вождю героев славному

Просить его принять меня, пришедшую, —

Благодарю! Веди ж маня к нему скорей:

Конца я жажду, лишь покоя жажду я!

Панталис

Напрасно лишь, царица, ты глядишь вокруг!

Исчезло это чудище: осталося,

Быть может, там, в тумане, из которого

Примчались дивно мы сюда, не двигаясь,

Иль, может быть, блуждает нерешительно

В обширном лабиринте замка дивного,

---

[110] Примечания: 110

Пифонисса — имя прорицательницы в Дельфах (Греция) стало нарицательным для обозначения предсказательниц.

Возникшею из многих, вместе слившихся,

И ищет там властителя, готовя нам

Прием его торжественный и царственный.

Но посмотри, царица: перед окнами,

И в портиках, и в ходах появилися

Толпами всюду слуги суетливые.

Прием радушный это предвещает нам.

Хор

Я свободней дышу! Посмотрите туда,

Как торжественно вниз, замедляя свой шаг,

Нежных юношей хор вереницей идет,

Направляяся к нам! По веленью чьему

Так поспешно явился, построясь в ряды,

Этих юношей чудных бесчисленный рой?

Всех из красавцев прекраснее

Те, что подходят к нам ныне.

К трону ступени приносят они,

Ставят роскошно разубранный трон,

Пышный ковер перед ним расстилают.

Сестры, смотрите: над троном богатым

Ставят красавцы цветной балдахин!

Вот балдахин, колыхаяся,

Над головою Елены

Облаком дивным роскошно повис;

Пышно царица воссела на трон;

Станем же мы на ступенях.

Славен, о славен и трижды преславен

Этот тебе, о царица, прием!

Все, что возвещает хор, постепенно исполняется.

После того как юноши и оруженосцы длинною процессией спустились вниз, наверху лестницы показывается Фауст в средневековом рыцарском наряде. Медленно и с достоинством сходит он вниз.

Предводительница хора *(внимательно смотря на него)*

Коль боги не нарочно, как случалося,

Столь чудный образ дали мужу этому,

Приятный вид, лицо, любви достойное,

На время только, – каждого, сомненья нет,

Он победит повсюду: и в борьбе мужей

И в мелких войнах с женами прекрасными.

Конечно, выше многих без сравненья он,

Которых все ж глубоко уважала я.

Но вот он шагом медленным почтительно

Подходит к нам. Царица, обратись к нему!

Фауст *(подходит, ведя с собою скованного Линцея)*

Царица! Вместо пышного привета,

Какой тебе хотел я оказать,

Прием тебе почтительный готовя,

Я привожу к тебе раба в цепях.

Забыв свой долг, лишил меня тем самым

Возможности свершить мой долг. Склонись же,

Преступный раб, пред дивною женой

И повинись пред ней! Царица, он,

На редкость сильным зреньем одаренный,
На нашей башне мною был поставлен
Осматривать окрестные поляны,
Земную даль, широкий неба свод
И все, что там явиться взору может
И что в долину с этих гор идет
На замок наш – стада ли будут то
Иль воины. Стада мы защищаем,
Врага – встречаем грудью. В этот день —
Какое совершил он упущенье!
Явилась ты – а он не возвестил!
Не удалась торжественная встреча
Высокой гостьи. Он не должен жить —
И, без сомненья, смерти он достоин.
Уж он в крови лежал бы; но суди
Его сама: казни его иль милуй.

Елена

Высокий сан ты ныне мне даешь
Царицы и судьи, хотя, быть может,
Меня ты лишь желаешь испытать.

Исполню первый долг судьи: спрошу я,
Что скажет обвиненный. Говори!

Дозорный Линцей[111]

Преклоняюсь, созерцая!
Жизнь ли, смерть ли жребий мой —
Очарован навсегда я,
Небом данная, тобой!
Вечно солнца пред зарею
Я с востока ожидал,
Вдруг – о чудо! – пред собою
Солнце с юга увидал.
Вместо дали поднебесной,
Вместо всех полей и гор
Я на лик его чудесный
Устремил свой жадный взор.
Зренье чудное имея,
Ока рысьего быстрей,
Все ж не верил, как во сне, я
Дальновидности очей.
Предо мною все кружилось —

---

[111] Примечания: 111
Линцей — имя одного из аргонавтов, кормчего корабля, Арго, он отличался необыкновенной зоркостью.

Башни, стены, вал крутой:
Туча мчится, туча скрылась —
И богиня предо мной!
К ней и взором и душою
Я стремился, восхищен:
Ослепительной красою
Был я, бедный, ослеплен.
Позабыв, что я на страже,
Я в свой рог не затрубил…
Осуди меня! Мне даже
Самый гнев твой будет мил.

Елена

За вред, который мною нанесен,
Я ль накажу? Зачем ты, рок суровый,
Судил мне так смущать сердца
Что не щадят себя они самих
И ничего высокого! Враждуя,
Сражаясь, водили за собой
Меня герои, демоны и боги —
И с ними я блуждала по земле,
Смущала мир, потом смущала вдвое,
И ныне – втрое, вчетверо несу

Я бедствий ряд. Пускай идет бедняк!
Кто ослеплен богами – невиновен.

Линцей уходит.

Фауст

Владычица, я вижу, изумлен,
Что он твоею поражен стрелою;
Я вижу, как, напрягшись, дивный лук
Пускает метко стрелы за стрелами
Мне в грудь. И вот пернатые снуют,
Свистя, под сводом замка моего.
И что я сам? Ты можешь сделать мне
Всех верных слуг – врагами, эти стены —
Неверными: все царство перейдет
К победоносной и непобедимой.
И что ж осталось мне, как не предать
Во власть твою себя и все именье?
Дозволь тебя у ног твоих признать
Владеющий отныне всеми нами —
Царицею, вступившею на трон!

Елена

С тобой хочу я говорить. Садись

Со мною рядом. Место есть тебе,
И этим мне ты место обеспечишь.

Фауст

Сперва позволь, царица, принести
Тебе присягу и поцеловать
Позволь меня подъемлющую руку.
Пускай в твоих владеньях безгранич-ных
Я буду соправителем тебе,
Поклонником, защитником, слугою!

Елена

И вижу я и слышу чудеса!
Изумлена, хотела б я о многом
Спросить тебя. Скажи мне: почему
Так странно и приятно речь раба
Звучала? Звук ко звуку подходил;
За словом слово, ухо мне лаская,
Неслось, одно согласное с другим.

Фауст

Коль самый говор нашего народа
Уж мил тебе, тогда – сомненья нет —

Ты от души полюбишь наши песни.
Мы сами будем в этом упражняться:
Наш говор ты, беседуя, поймешь.

Елена

Как мне столь дивной речи научиться?

Фауст

Легко: должна лишь речь от сердца литься.
Кто счастья полн, желанием томим,
Тот ищет лишь…

Елена

Кто счастлив вместе с ним.

Фауст

Смотреть ни в даль, ни в прошлое не надо;
Лишь в настоящем…

Елена

Счастье и отрада.

Фауст

В нем наше благо, власть, залог свя-

той;
Чем утвердить его?

Елена

Моей рукой.
Так далеко – и все ж так близко я!
Мне так легко: я здесь, я у тебя!

Фауст

Я восхищен: чуть дышит грудь моя.
Иль это сон? Не помню я себя!

Елена

Я отжила – и вновь обновлена;
Я жизнь нашла в любви, тебе верна.

Фауст

Средь моря, крепко защищенный,
Пусть процветает с этих пор
Твой полуостров, прикрепленный
К Европе узкой цепью гор.
Нет лучше края в поднебесной:
Пусть все цветут там племена!
То край владычицы прелестной,
Где родилась сама она,

Где в камышах она восстала
Из лебединого яйца
И мать и братьев побеждала
Красою чудного лица.
Перед тобою в пышном цвете
Земля раскинулась твоя;
О, предпочти всему на свете
Свой край родной, краса моя!
Хоть солнца хладный луч почти не греет
Высоких гор скалистую главу,
Но все ж скала местами зеленеет
И козы щиплют скудную траву.
Вот бьют ключи, ручьи бегут сливаясь;
Зазеленели каждый склон и скат;
Дол тянется, холмами прерываясь,
И кормит сотни тонкорунных стад;
Поодиночке осторожно бродит
Рогатый скот над пропастью крутой,
Но в сотнях гротов он себе находит
Убежище, и отдых, и покой.

Их Пан[112] хранит, ущелья населяют
Там нимфы жизни в свежести кустов,
И к горным сферам ветви устремляют,
Теснясь, деревья сотнями стволов.
То древние леса! В стволе высоком
Дуб копит силу, крепко ввысь растет,
А кроткий клен пропитан сладким соком,
Весь груз ветвей он весело несет.
Там молоко, струясь в тени жилища,
И для детей и для ягнят течет;
Есть и плоды, долин цветущих пища,
А из стволов дуплистых каплет мед.
Блаженство здесь наследственное длится,
Уста румяны, ярок цвет ланит,
Бессмертен каждый там, где он селится,
Здоровы все, довольство вкруг царит.
В сиянье дня там жизнь привольно

---

[112] Примечания: 112
Пан (греч. миф.) — бог лесов, покровитель стад.

льется

От детских лет до зрелости мужской;

Дивясь на них, спросить лишь остается:

Кто это – боги или род людской?

Красивейшим из пастухов их рода

Уподоблялся даже Аполлон;

Где в чистой сфере царствует природа

Там всех миров союз осуществлен.

(Садится рядом с Еленой.)

Так ты и я – мы счастием богаты:

Забудем же былое бытие!

Сознай, что высшим богом рождена ты,

И первый мир – отечество твое!

Но жить не будем в крепости мы тесной.

В соседстве Спарты нас с тобою ждет

Аркадия[113]*; она в красе прелестной*

И в вечной силе юности цветет.

---

[113] Примечания: 113

Аркадия — местность в древней Греции, населённая пастухами и охотниками. В поэзии Аркадия — счастливая страна.

Туда, в блаженный край, мы путь направим,

Там радостно укроемся вдвоем!

Мы для беседки пышный трон оставим,

Аркадским вольным счастьем заживем!

Место действия совершенно меняется.

К ряду горных пещер примыкают закрытые беседки.

Тенистая роща простирается до окружающих ее крутых утесов.

Фауста и Елены не видно. Хор стоит группами.

Форкиада

Как долго девы спят здесь, неизвестно мне.

Не то ли им пригрезилось, что видела

Я наяву? Но лучше разбужу я их.

Сомненья нет: дивиться будет юный хор…

(Обращаясь к зрителям.)

А с ним и вы, брадатые, что, сидя там,

Разгадки ждете чуда вероятного.

(К хору.)

Вставайте же и кудри отряхните вы!

Довольно спать: послушайте, что я скажу!

Хор

О, скажи, скажи, поведай, что чудесного случилось?

Слушать нам всего приятней то, чему нельзя поверить,

Ибо скучно эти скалы вечно видеть пред собой.

Форкиада

Дети, чуть глаза протерли – уж и скука вас берет?

Но внемлите: в этом гроте и в тенистой той беседке

Счастье тихое досталось, как в идиллии любовной,

Господину с госпожою.

Хор

Как, в пещере той?

Форкиада

От мира

Отделившися, служить им лишь меня они призвали,

Я, польщенная вниманьем, как поверенной прилично,

В стороне от них держалась, занималась посторонним,

Зная все растений свойства, корни, травы, мох искала,

Оставляя их одних.

Хор

Ты рассказ ведешь, как будто было все там, что угодно:

Горы, лес, поля, озера! Нам ты сказку говоришь!

Форкиада

Да, неопытные дети, здесь неведомые тайны:

Залы, ходы, галереи я могла б тут отыскать.

Вот в пещере раздается смеха резвый отголосок;

Я смотрю: чудесный мальчик от жены

к супругу скачет,

А от мужа вновь к супруге. Шаловливые проказы,

Ласки нежные и крики восхищенья и восторга

Поражают взор и слух.

Голый гений, но без крыльев, фавн[114]*, но зверю не подобный,*

Он резвится над землею; но едва земли коснется,

Вмиг на воздух он взлетает; прыгнет раз, другой, а в третий

Уж до сводов достает.

Мать взывает боязливо: «Прыгай, прыгай сколько хочешь,

Но летать остерегайся: запрещен тебе полет!»

А отец увещевает: «Там, в земле, таится сила,

От которой ты взлетаешь. Лишь ногой земли касайся —

И окрепнешь ты безмерно, точно сын

---

[114] Примечания: 114
Фавн (римск. миф.) — бог лесов, полей и пасущихся стад.

земли Антей»[115].

Но со скал на скалы скачет резвый мальчик неустанно,

Там и сям, как мяч упругий, ловко прыгает резвясь.

Вдруг в расщелине утеса он мгновенно исчезает —

И пропал из глаз куда-то. В горе мать; отец утешить

Хочет; я – в недоуменье. Но опять какое чудо!

Не сокровища ль там скрыты? Разодетый, весь в гирляндах,

Он является опять,

Рукава его с кистями, на груди же ленты вьются,

А в руках златая лира. Точно Феб в миниатюре,

На краю скалы высокой стал он. Все мы в изумленье,

А родители в восторге вновь друг друга к сердцу жмут.

---

[115] Примечания: 115

Антей (греч. миф.) — великан, сын Геи (богини земли), черпавший силы от прикосновения к матери-земле.

Что горит над головою у него, сказать мне трудно:

Золотой убор иль пламя, знак высокой силы духа?

Как он гордо выступает! В нем уже заметен гений,

Все прекрасное вместивший, и мелодий вечных прелесть

По его струится телу. Но услышите его вы

И увидите – и, верно, удивитесь вы ему.

Из пещеры раздаются чарующие, мелодичные звуки струн.

Все прислушиваются к ним и кажутся глубоко тронутыми.

С этого времени вплоть до нижеуказанной паузы продолжается музыка.

Хор

Если, страшное творенье,

Ты смягчилося теперь,

Брызнут слезы умиленья

Из очей у нас, поверь!

Солнца лик пускай затмится,

Лишь в душе сиял бы свет!
В сердце нашем все таится —
Все, чего и в мире нет.

Появляется ***Фауст***, ***Елена*** *и* ***Эвфорион***[116].

Эвфорион

Песню ль детскую слагаю —
Вам веселье в этот час;
В такт ли, прыгая, ступаю —
Сердце прыгает у вас.

Елена

Двух сближая нежной страстью,
Радость им любовь дает,
Но к божественному счастью
Наш тройной союз ведет.

Фауст

Ныне все дано судьбою:
Весь я твой и весь ты мой.
Мы в союзе меж собою:

---

[116] Примечания: 116
Образ Эвфориона создавался Гёте под впечатлением деятельности английского революционного романтика Байрона, который умер в расцвете сил, приняв участие в освободительной борьбе греков против турецкого ига.

Мог ли быть исход иной?

Хор

Многих лет благословенье
Подарило вам, клянусь,
Это дивное творенье!
Как чудесен ваш союз!

Эвфорион

Пустите прыгать,
Скакать, резвиться!
Туда, на воздух,
Хочу я взвиться —
И весь желаньем
Проникнут я.

Фауст

Но тише, тише,
Без увлеченья,
Чтоб не грозило
Тебе паденье.
Нас в гроб сведешь ты,
Мое дитя!

Эвфорион

Не стану больше
Внизу стоять я,
Оставьте руки,
Оставьте платье,
Оставьте кудри:
Они – мои!

Елена

О, вспомни, чей ты,
Мой сын бесценный!
Нас пожалей ты:
Союз священный,
Едва возникший,
Не разорви!

Хор

Боюсь я, рухнет
Союз любви!

Елена и Фауст

Сдержи, о сдержи, смирив,
Хоть к нам из любви,
Чрезмерно живой порыв
И страсти свои!

Спокойно здесь, в поле,
Красуйся, молю!

Эвфорион

Смирясь, вашей воле
Пока уступлю.

(Пробегает среди хора, увлекая его в пляску.)

Вот подлетел я к вам,
Бодрый народ!
Что же, не спеть ли нам?
Пляска ль у нас пойдет?

Елена

Славно! Пускай с тобой
Пляшет красавиц рой
Мерно и в лад.

Фауст

Только б конец скорей!
Нет, я игре твоей
Вовсе не рад.

Эвфорион и хор, танцуя, с пением, движутся переплетающимися рядами.

Эвфорион

Чащи лесов густых,
Горы кругом меня.
Что мне до стен крутых:
Молод и пылок я!
Вихри вдали свистят,
Волны вдали шумят.
Грустно смотреть мне вдаль:
Ближе взглянуть нельзя ль?

(Перепрыгивает со скалы на скалу и поднимается все выше и выше.)

Елена, Фауст и хор
С серной хочешь ты сравниться?
Берегись, чтоб не слететь!

Эвфорион

Выше должен я стремиться,
Дальше должен я смотреть.
Знаю, где ныне я:
Море вокруг меня!
Пелопса[117] *здесь страна:*

---

[117] Примечания: 117

Пелопс — древнегреческий царь, по имени которого назван полуостров Пелопонес.

Морем шумит она.

Хор

Милый, спустися! Тут
Будешь ты с нами.
Здесь на скалах растут
Лозы с кистями,
Яблоков плод златой
Свесился ниже.
В милой земле родной,
Милый, живи же!

Эвфорион

Снится вам мирный сон?
Что же, обманчив он!
Лозунг мой в этот миг —
Битва, победный крик!

Хор

Кто презирает
Мир, лишь войной прельщен,
Знай, что теряет
Счастье надежды он.

Эвфорион

Кто здесь рожден на свет,
Взросшие в бурях бед,
Волю куют в бою,
Кровь не щадя свою.
Их не смирить ничем,
Чистых душой!
Счастье да даст им всем
Ревностный бой!

Хор

Ввысь умчался он стрелою,
Но и там не мал на вид!
Точно в латах, точно к бою,
Точно сталь на нем блестит!

Эвфорион

Что нам стены, укрепленья!
Защищай себя смелей!
Всех их крепче без сравненья
Грудь железная мужей.
Чтоб ты жил непокоренный, —
Смело в поле, в легкий строй!
На конях помчатся жены;

В каждом отроке – герой.

Хор

К небу лети, неси
Звуки поэзии:
Выше сияй всегда,
Точно небес звезда!
Слышим тебя мы там:
С неба слетают к нам
Звуки сюда!

Эвфорион

Нет, уж не отрок пред вами:
Выходит юноша на бой!
Уже с отважными бойцами
Соединился он душой!
Вперед, вперед!
Нас честь ведет
Туда, где к славе путь прямой!

Елена и Фауст

День едва увидел милый,
К светлой жизни чуть рожден, —
Ты с высот во мрак унылый,

В мир скорбей уж устремлен!
Или впрямь
Чужд ты нам?
Иль союз наш-только сон?

Эвфорион

Чу! Гром вы слышите ли в море,
В долинах отклик боевой?
В пыли, в волнах, все рати в сборе
Идут на скорбь, на грозный бой.
Смерть для нас
В этот час —
Лозунг первый и святой!

Елена, Фауст и хор

Ужас! Страшное решенье!
Смерть – желанный лозунг твой?

Эвфорион

Мне ль смотреть из отдаленья?
Нет, приму нужду и бой!

Елена, Фауст и хор

Храбрость средь бед таких —
Гибель всегда.

Эвфорион

Пусть! На крылах своих

Ринусь туда!

Рвусь в боевой пожар,

Рвусь я к борьбе!

(Бросается со скалы. Одежды на время поддерживают его. Голова его сияет; за нею тянется светящийся след.)

Хор

Горе! Икар[118]*! Икар!*

Горе тебе!

Прекрасный юноша падает к ногам родителей. Лицо его напоминает знакомые черты, но вскоре телесное исчезает, ореол в виде кометы возносится к небу, а на земле остаются лира и мантия.

Елена и Фауст

Радость прошла моя,

Горе пришло за ней!

---

[118] Примечания: 118

Икар (греч. миф.) — сын художника, архитектора и изобретателя Дедала. Отец сделал ему крылья из перьев, скрепленных воском, на которых Икар поднялся так высоко, что приблизился к солнцу. Воск растаял, Икар упал в море и утонул.

Голос Эвфориона *(из-под земли)*

Мать, не покинь меня
В царстве теней!

Пауза.

Хор *(скорбная песня)*

Не покинем, без сомненья!
Ты и близок нам и мил:
В час разлуки, в час паденья
Все сердца ты поразил.
Плач не нужен погребальный:
Нам завиден жребий твой!
Жил ты, светлый, но печальный,
С гордой песней и душой.
Ах, рожден для счастья был ты!
Древний род твой славен был;
Рано сам себя сгубил ты,
В полном цвете юных сил.
Ясно мир прозрев очами,
Ты сочувствовать умел,
Лучших жен владел сердцами,
Песни сладостные пел.
Ты помчался несдержимо,

Вдаль невольно увлечен;
Ты презрел неукротимо
И обычай и закон.
Светлый ум к делам чудесным
Душу чистую привел:
Ты погнался за небесным,
Но его ты не нашел.
Кто найдет? Вопрос печальный!
Рок ответа не дает.
И молчит многострадальный,
Кровью залитый народ.
Лучше песни петь сначала,
Чем так горестно стоять.
Песни ввек земля рождала
И родит их нам опять.

Продолжительная пауза. Музыка прекращается.

Елена *(Фаусту)*

На мне теперь сбылося слово древнее,
Что не живет с красою счастье долгое.
Любви и жизни узы разрешаются:
Оплакав их печально, я скажу: прости!

И обниму тебя – увы! – в последний раз.
Прими меня, о Персефона[119], с отроком!

(Обнимает Фауста. Телесное исчезает, а платье и покрывало остаются у него в руках.)

Форкиада *(Фаусту)*

Держи: тебе досталось платье лишь!
Не выпускай из рук, держи его!
Его б хотелось демонам отнять
И унести к себе: держи сильней!
Богини нет: ее ты потерял;
Но это все ж божественно. Возьми
Чудесный дар: взлетишь ты к небесам,
Над всем земным тебя возвысит он —
И там, в эфире, будешь ты парить.
Вдали отсюда встречусь я с тобой.

Одежды Елены, расплывшись в облака, окружают Фауста, поднимают его ввысь и уносятся вместе с ним.

Форкиада *(поднимая лиру и мантию Эвфориона, направляется к авансцене, поднимает их*

---

[119] Примечания: 119
Персефона (греч. миф.) — владычица подземного царства.

кверху и говорит)

Себя с находкой мы поздравить можем,
Хотя святой огонь исчез, положим, —
Но надобно ль о мире горевать?
Успел довольно гений нам оставить,
Чтоб титулы поэтов даровать
И в ремесле их зависть развивать.
Талантов им не в силах я доставить,
Но платье в долг могу им раздавать.

(Садится на авансцене на обломок колонны.)

Панталис

Спешите, девы! Чары нас покинули:
Заклятье снято ведьмой фессалийскою[120],
Исчез и шум сплетенных звуков тягостный,
Смущавший нам и слух, и ум тем более.
За мной в Аид! Спешите за царицею
Немедленно – и пусть же за спиной ее

---

[120] Примечания: 120
«Ведьмой фессалийскою» — так Панталис называет Форкиаду.

Служанок верных хор повсюду следует!
У трона Недоступной мы найдем ее.

Хор

Да, для цариц есть повсюду приют.
Даже в Аиде, во мраке его,
Сходятся с равными гордо они
И с Персефоною дружбу ведут.
Мы же во тьме безотрадной
Грустных лугов асфоделей[121],
Средь тополей длинных, тощих,
Между бесплодных тоскующих ив, —
Как мы проводим там время?
Точно летучие мыши,
Шепчем печально мы там.

Панталис

Кто имени ничем не приобрел себе,
Кто даже не стремится к благородному, —
Принадлежит стихиям тот. Исчезните ж!

---

[121] Примечания: 121
Асфодель — мифическое адское растение вроде лилии.

А я пойду к царице: не заслугой лишь,

А также верностью мы можем славиться.

(Уходит.)

Хор

К свету дневному вернулись мы;

Мы существами не будем —

Это мы чуем и знаем;

Но не вернемся в Аид никогда.

Сделает духов из нас

Вечно живая природа:

В ней-то и будем отныне мы жить.

Форкиада, став Великаном на авансцене, сходит с котурнов, снимает маску и покрывало и является Мефистофелем, чтобы, в случае надобности, объяснить пьесу в эпилоге.

Занавес падает.

Действие четвертое

ВЫСОКИЙ ГОРНЫЙ ХРЕБЕТ.

Скалистая вершина. Туча подплывает к ней и спускается на верхнюю площадку горы.

Из тучи выходит Фауст.

Фауст

У ног моих зияет бездна горная;
Всхожу я на вершину с думой светлою
И тучу покидаю, что несла меня
В дни ясные над морем и над сушею.
Не расплываясь, тихо отделяется,
Меня оставив, облако, и медленно,
Клубясь, оно к востоку вдаль уносится,
И взор за ним стремится с восхищением.
Плывет оно, волнуясь, изменяя вид,
И в дивное виденье превращается;
Да, это так: я различаю явственно
На пышном изголовье гор сияющих
Гигантский образ женщины божественной.
Юнона ль это, Леда ли, Елена ли?
Своим величьем взор она пленяет мой.
Увы! Она вдали уж расплывается,
Покоится бесформенной громадою,
Подобно льдистых гор верхам сияю-

щим,

И отражает смысл великий прошлых дней!

А вкруг меня тумана струйка светлая,

Прохладою лаская, обвивается.

Взвилась она наверх... остановилась там

Прозрачной тучкой. Это ль чудный образ тот,

Великое, святое благо юности?

Души моей сокровища проснулися,

Любовь Авроры вновь восстала в памяти

И первый милый взгляд, не сразу понятый,

Всего потом дороже в мире ставший мне.

Как красота душевная, стремится вверх,

В эфир небес, чудесное видение,

Неся с собой часть лучшую души моей.

На гору ступает семимильный сапог. За ним следует другой.

Мефистофель сходит с сапог, а они отправляются далее.

Мефистофель

Вот так поход – рекомендую!
Что за фантазия пришла
Тебе забраться в глушь такую,
Где на скале торчит скала?
Иль непременно место выбрать надо,
Когда-то прежде бывшее дном ада?

Фауст

Любитель глупых сказок ты: опять
Ты начинаешь ими угощать!

Мефистофель *(серьезно)*

Когда Творец, нам отомстить желая —
Я б мог сказать, за что, – низвергнул нас
С высот небес в ту бездну, где, пылая,
Сверкал огонь и ввек бы не угас, —
Ужасный жар нас мучил повсеместно;
Притом же там уж слишком было тесно.

Тогда все черти, напрягая грудь,
Чтоб из темницы выйти, стали дуть.
Наполнилась вся бездна серным газом —
И стены ада лопнули, и разом
Потрескалась земная вся кора:
Здесь очутилась пропасть, там – гора.
Переворотов было тут немало:
Вершина дном, а дно вершиной стало —
И люди так же точно все потом
В теориях поставили вверх дном.
Так выбрались мы из темницы мрачной
Наверх, на воздух светлый и прозрачный.
Все это было тайной для людей
И стало им открыто лишь поздней.

Фауст

Гора молчит в покое горделивом.
Каким она на свет явилась дивом,
Как знать? Природа силою святой

Произвела вращеньем шар земной,
Утесы, камни, горы и теснины
И создала ущелья и вершины,
И ряд холмов, который перешел
Чрез мягкие изгибы в тихий дол;
И чтоб росли, цвели природы чада,
Переворотов глупых ей не надо.

Мефистофель

Ну да, еще бы; это ясно вам!
Но я, который был при этом сам,
Скажу другое: в глубине, пылая,
Сверкал огонь и страшный грохот был;
Молоха[122] *молот, скалы разбивая,*
Утесы на утесы громоздил.
Поныне тьма каменьев стопудовых
Валяется. Кем брошены они?
Молчит философ; что ни сочини —
Нет объяснений этому толковых!
Скала лежит – и пусть себе лежит,
А объяснять тут – праздный труд и

[122] Примечания: 122
Молох — у древних финикиян бог солнца, огня и войны, которому приносились человеческие жертвы.

стыд.

Одни простые люди смотрят зрело

На это все – их с толку не собьешь;

Народу здравый смысл докажет все ж,

Что чудеса все эти – беса дело;

И вот идет он, в вере тверд и прост,

Смотреть на чертов камень, чертов мост.

Фауст

Что ж, продолжай! Приятно, без сомненья,

Знать на природу чертовы воззренья.

Мефистофель

Что нам природа! Лестно только нам,

Что действовать пришлось в ней и чертям.

Великих мыслей в нас всегда обилье;

Безумство, неурядица, насилье —

Вот наш девиз! Но бросим этот спор.

Скажи ты мне, на чем теперь твой взор

Остановился? Ты, себе в забаву,

«Земные царства все и всю их славу»
Мог видеть[123]*. Все достигнуты мечты.*
Иль новое затеял что-то ты?

Фауст

Конечно: есть великая затея.

Мефистофель

Что?

Фауст

Угадай.

Мефистофель

Сейчас скажу тебе я.
Столицу ты построишь. В ней дома
Тесниться будут, узких улиц тьма
Лепиться будет криво, грязно, густо;
В средине – рынок: репа, лук, капуста,
Мясные лавки; в них лишь загляни —
Жужжат там мухи жадными ста-

---

[123] Примечания: 123

«Земные царства все и всю их славу» — Слова из евангельского рассказа о том, как дьявол повел Христа на высокую гору и показал ему оттуда все царства земли.

дами

Над тухлым мясом. Словом, перед нами

Немало вони, много толкотни.

В другой же части города, бесспорно,

Дворцов настроишь, площади просторно

Раздвинешь; вне же городской черты

Предместья вширь и вдаль раскинешь ты.

И наблюдать ты станешь, как теснятся

Повсюду люди, как кареты мчатся,

Как озабоченный народ,

Спеша, по улицам снует;

А сам проедешь – вмиг заметит

Тебя толпа, с почетом встретит;

Ты будешь центром их...

Фауст

Ну вот,

Нашел хорошую отраду!

Плоди людей, питай и грей,

А после, смотришь, бунтарей
Ты воспитал себе в награду!

Мефистофель

Ну, если так, то лично для себя
Построил бы роскошный замок я
В красивом месте; лес, холмы и нивы
В парк превратил бы пышный и красивый;
Деревья там зеленою стеной
Прямые бы аллеи окаймляли
И для прогулок тень бы доставляли;
Луга, как бархат, взор ласкали б мой;
Струились бы меж скал везде каскады,
Хрустальные ручьи и водопады;
Фонтан высокий бил бы мощно там,
И мелких струй ряды по сторонам
Журчали бы; затем, для оживленья,
Я б домиков настроил, поселил
Там жен прекрасных, с ними бы делил
Волшебные часы уединенья…

Фауст

Противно, хоть и модно. Ты заврался,
Сарданапал[124]*!*

Мефистофель

Я, право, потерялся
В догадках, хоть и был в них очень смел.
Смотри, как близко к небу ты забрался:
Не на луну ль лететь ты захотел?

Фауст

Довольно места для великих дел
И на земле: зачем бежать отсюда?
Вперед же смело! Совершу я чудо:
Вновь дух во мне отвагой закипел.

Мефистофель

А, вот что! Славы ты желаешь ныне!
Недаром был ты близок к героине.

Фауст

Власть, собственность нужна мне с

---

[124] Примечания: 124
Сарданапал — ассирийский царь, прославившийся своей роскошью и изнеженностью.

этих пор!

Мне дело – все, а слава – вздор!

Мефистофель

Ну что ж, тебя поэты не оставят,

В потомстве даже гимнами прославят,

Чтоб дурью дурь в других воспламенять!

Фауст

Не в силах, вижу я, понять

Ты человеческих стремлений.

Тебе ли, жалкий, злобный гений,

Людей потребности обнять?

Мефистофель

Пусть так. Скажи мне все-таки на милость,

Что там за мысль в тебе закопошилась?

Фауст

У моря я стоял. Вода росла,

Прилив готовя, грозно пред очами;

Остановилась – и, встряхнув волнами,
На плоский берег приступом пошла.
Тогда меня досада обуяла:
Свободный дух, ценящий все права,
Противник страстный грубого начала,
Не терпит дикой силы торжества.
Я это счел за случай; убедиться
Желая, стал смотреть: вода ушла,
Покинув то, что гордо так взяла;
В урочный час явленье повторится.

Мефистофель *(к зрителям)*

Что ж, ничего тут нового мне нет:
Я видел это много тысяч лет.

Фауст *(страстно продолжая)*

Бесплодная, бесплодье порождая,
Встает пучина бурная, седая,
Растет – и вот опять наводнена
Пустынной мели скучная страна;
Валы ревут, кипят – и снова с мели
Они уйдут, без пользы и без цели.
В отчаянье и в страх меня привел

Слепой стихии дикий произвол.
Но сам себя дух превзойти стремится:
Здесь побороть, здесь торжества добиться!
И можно это: дикая волна
Малейший холмик огибать должна;
Ей не под силу даже возвышенье
Малейшее: невольно в углубленье
Вливается покорная вода.
И план за планом встал в уме тогда;
Я с наслажденьем чувствую отвагу:
От берега бушующую влагу
Я оттесню, предел ей проведу,
И сам в ее владенья я войду!
За шагом шаг все выяснил себе я
В задаче этой. Вот моя затея.

За спиною зрителей, с правой стороны, раздаются отдаленные звуки барабанов и воинственной музыки.

Мефистофель

Нетрудно это. Слышишь марш?

Фауст

Опять

Война! Уму плохая в ней отрада.

Мефистофель

Мир иль война – вся штука в том, что надо

Уметь отвсюду пользу извлекать

При случае. Здесь случай есть: так смело

Лови его, чтоб сразу двинуть дело.

Фауст

Нельзя ль меня избавить от речей

Загадочных? В чем дело, поскорей!

Мефистофель

В пути моем сюда я видел много:

Наш император вновь в беде; тревога

Его гнетет. Ты помнишь ведь его:

Когда с тобой его мы веселили

И вслед богатством ложным наделили,

Он возмечтал, что в мире ничего

Ему нет недоступного. Он сана

Высокого достиг чрезмерно рано
И к заключенью ложному пришел,
Что, никаких не опасаясь зол,
Он может жить, как хочется, беспечно,
И управлять и наслаждаться вечно.

Фауст

Большое заблужденье! Находить
Во власти счастье должен повелитель.
Пусть высшей воли будет он хранитель,
Но пусть никто не сможет проследить
Его высоких мыслей. Повеленье
Он только близким тайно отдает;
Чрез них оно свершается – и вот
Невольно мир приходит в изумленье.
Тогда всех выше чтит его народ;
Так он себе всю славу оставляет!
А наслажденье только опошляет.

Мефистофель

Наш не таков! Он тешился лишь сам —

И вот распалось царство по частям:
Большой и малый спорят меж собою,
На брата брат родной идет войною,
На город город восстает везде;
Ремесленник с дворянством во вражде,
Епископы – с властями и с приходом:
Куда ни глянь– вражда между народом!
В церквах разбой; грабеж везде, всегда,
Купцу и страннику в пути беда!
Всяк борется и отражает смело
Соперника. Так вечно шло их дело!

Фауст

Шло, падало, хромало, встав опять, —
И вот свалилось так, что уж не встать!

Мефистофель

Сперва их это мало тяготило:
Привольно жить им и свободно было;
Кто слаб был, тот слабейших грабил все ж,
Но лучшим это стало невтерпеж.

Умнейшие восстали, рассуждая:
Спокойствие должна давать святая
Монарха власть; наш император, знать,
Его не хочет иль не может дать;
Так изберем, не мешкая напрасно,
Другого императора: создаст
Он царство вновь, чтоб жить нам безопасно,
И всем нам мир и справедливость даст.

Фауст

Попами пахнет тут.

Мефистофель

Попы и были
Зачинщики: они народ подбили
К восстанию, чтоб выдумкой такой
Сберечь брюшка набитого покой.
И стал мятеж расти, с благословенья
Святых отцов; народ восстал гурьбой,
И бедный наш любитель наслажденья
Идет, быть может, на последний бой.

Фауст

Мне жаль его: он добр и прям был.

Мефистофель

Что же
Пойдем к нему: пока живешь, негоже
Терять надежду, хоть грозит беда.
Освободим его мы из теснины;
Кто раз спасен – быть может, навсегда
Спасется. Как предречь игру судьбины?
Раз победив, вассалов вновь тогда
Найдет он и не будет знать кручины.

Они всходят на середину горы и смотрят на войско, расположенное в долине. Снизу слышен гром барабанов и звуки военной музыки.

Мефистофель

Позиция теперь досталась им
Хорошая. Пойдем и победим!

Фауст

Какую же ты помощь им предложишь?
Ты лишь обман волшебный дать им можешь.

Мефистофель

Полезна ведь и хитрость на войне!
Ты лишь держись своей великой цели:
Ведь только б мы помочь ему сумели
И утвердили трон его в стране, —
Тогда пред ним лишь преклони колена,
И даст тебе он берег в виде лена.

Фауст

Немало ты свершил чудес;
Так победи в сраженье, бес!

Мефистофель

Ты победишь: я под твоим началом;
Ты сам здесь будешь главным генералом!

Фауст

Мне вовсе не к лицу высокий сан
В таких делах, где я совсем профан!

Мефистофель

Ты предоставь лишь штабу все заботы —
И, как фельдмаршал, можешь ничего

ты

Не делать. Я давно уже расчел,

Что будет здесь война, что дело гадко;

И у меня готова уж разгадка,

Как выбраться из этих бед и зол:

Я в недрах гор союзников нашел —

Народ могучий, древний там таится,

И благо тем, с кем он соединится.

Фауст

Кто это там с оружием идет?

Быть может, горный то восстал народ?

Входят Трое сильных[125].

Мефистофель

Взгляни на них: различных лет

Мои волшебные ребята;

Различно каждый разодет;

Их сила помощью богата.

(К зрителям.)

---

[125] Примечания: 125

«Трое сильных» — так называются в библии герои из войска царя Давида.

Известно: любят в наши дни
Все дети панцири и латы;
Так вам понравятся мои
Аллегорические хваты.

Догоняй *(молодой, легко вооруженный и пестро одетый)*

Кого ни встречу я, тому
В физиономию заеду,
А труса догоню по следу
И за вихор его возьму.

Забирай *(средних лет, хорошо вооруженный и богато одетый)*

Все это вздорно и ничтожно!
Врага поймавши, забери
Сперва все то, что взять возможно;
О прочем – после говори.

Держи-Крепче *(пожилой, тяжело вооруженный, в простом платье)*

Барыш и в этом невеликий!
Все эти блага с силой дикой
Умчит житейская река.

Взять – хорошо; сберечь – важнее;
Чтоб сохранилось все вернее,
Поставьте стражем старика.
Все спускаются в долину.

Действие пятое

ОТКРЫТАЯ МЕСТНОСТЬ.

Странник

Вот она, в красе тенистой,
Старых, крепких лип семья!
Кончив долгий путь тернистый,
Снова здесь их вижу я!
Вот то место, кров счастливый
Той избушки предо мной,
Где я жил, когда бурливой
Был я выброшен волной.
Дорогих моих хозяев
Обниму ль? Я шел сюда,
Видеть их почти не чаяв:
Стары были уж тогда.
Да, чета была святая!

Постучать? Заговорить?
Все ль, любовь ко всем питая,
Рады вы добро творить?

Бавкида *(очень старая бабушка)*

Тише, тише, странник милый!
Тише: муж мой дремлет тут!
Подкрепляет старец хилый
Долгим сном короткий труд.

Странник

Ты ль, родная, видишь снова
Благодарного меня?
С мужем путника младого
Ты ль спасла, мне жизнь храня?
Ты ль, Бавкида, чьим уменьем
Полумертвый воскрешен?
Муж старушки выходит.
Ты ль, добро мое со рвеньем,
Смело спасший, Филемон?
Вот он, ваш очаг отрадный,
Нежный колокола звон;
Да, от гибели нещадной

Я лишь вами был спасен!
Дайте ж к морю удалиться,
На простор его взглянуть,
Преклониться, помолиться:
Чувства мне стеснили грудь.

(Идет вперед по дюне.)
Филемон *(Бавкиде)*

В сад, жена, иди скорее:
Там ты стол накроешь нам.
Пусть дивится он, не смея
Верить собственным глазам.

(Следует за странником.)
Филемон *(став рядом со странником)*

Там, где был ты опрокинут
Необузданной волной,
Сад и вширь и вдаль раздвинут,
Рай раскинулся земной.
Стар я стал, не мог уж, хилый,
Помогать вершить дела,
Но пока терял я силы,
Зыбь морская вдаль ушла.
Умных бар рабы лихие

Рыли рвы, воздвигли мол,
Воцарились над стихией,
Сузив моря произвол.
Горизонт лесами сужен.
Села там, луга пестрят…
Но пойдем, вкуси наш ужин:
Близок солнечный закат.
Парусов вдали так много:
К ночи нужен им приют.
Птицам ведома дорога
К гнездам! Порт их примет тут.
Да, лишь там каймою синей
Моря зыбь теперь видна;
Здесь же, вкруг, по всей равнине —
Многолюдная страна.

САД.
Стол для троих.

Бавкида *(страннику)*

Что ж молчишь? Что не съедаешь
Ни кусочка за столом?

Филемон

Ты охотно так болтаешь:
Расскажи о чуде том.

Бавкида

Точно, чудо приключилось:
И теперь я вся дрожу.
Право, это все случилось
Не добром, как погляжу.

Филемон

Император наш свободно
Отдал берег: где ж тут грех?
Ведь трубою всенародно
Известил герольд нас всех.
И под дюной, на равнине,
Дело вмиг пошло на лад:
Лагерь, хижины – а ныне
Там дворец и пышный сад.

Бавкида

Тщетно слуги днем трудились,
Грохотал топор и лом;
По ночам огни кружились, —
Смотришь, вал явился днем.

Люди сильные старались
Так, что ночью стон стоял,
Реки огненные мчались, —
Утром был готов канал.
Он безбожник: взять он ладит
Нашу рощицу, наш дом;
Там, где он соседом сядет,
Преклоняйся все кругом!

Филемон

Он нас только звал, не споря,
Перебраться в новый край.

Бавкида

Ну, не слишком верь дну моря:
Знай на горке поживай.

Филемон

Мы в часовне, в тихой сени,
Встретим солнечный заход,
Зазвоним, склонив колени,
Старый бог наш – нам оплот!

ДВОРЕЦ, РОСКОШНЫЙ САД.
***Фауст**, глубокий старик, задумчиво прогули-*

вается по саду.

Линцей *(стоя на башне, говорит в рупор)*

Садится солнце; подплывая,
Бегут последние суда;
Вот барка в порт вошла большая
И к нам в канал идет сюда.
На ней игриво вьются флаги
И мачты крепкие стоят.
И, полный счастья и отваги,
Тебя восславить боцман рад.
На дюне звонят в колокол.

Фауст *(вздрагивая)*

Проклятый звон! Как выстрел, вечно
Он в сердце бьет! Передо мной
Мое владенье бесконечно,
А там – досада за спиной!
Твердит мне звон дразнящий, мерный,
Что господин я не вполне,
Что кучка лип, домишко скверный,
Часовня – не подвластны мне!
Пойду ль туда – мне страшны, гадки

Чужие тени на пути, —
Бельмо в глазу, заноза в пятке!
О, если б прочь отсель уйти!

Линцей *(как выше)*

С вечерним ветром мчится барка
На парусах, нагружена
Пестро, блистательно и ярко,
Мешков и ящиков полна!

Подходит великолепная барка, богато нагруженная изделиями чужих краев.

Мефистофель *и* ***Трое сильных****.*

Хор

Вот мы вернулись,
Путь свершен;
Привет, владыка,
Наш патрон!

Трое сильных выходят и выгружают богатство на берег.

Мефистофель

Мы отличились как могли, —
Ты только труд наш похвали!
Пошло немного кораблей;

Теперь же в гавани твоей
Их двадцать. Много было нам
Хлопот: их плод ты видишь сам.
В свободном море дух всегда
Свободен; медлить, разбирать —
Не станешь: надо смело брать!
То ловишь рыбу, то суда;
Уж скоро три я их имел,
Потом четыре; там, забрав
Еще корабль, пятью владел;
Имеешь силу, так и прав!
Лишь был бы наш карман набит.
Кто спросит, как наш груз добыт?
Разбой, торговля и война —
Не все ль равно? Их цель одна!

Трое сильных

Привета нет
И нет наград,
Как будто дрянь
У нас – не клад!
С досадой он
На нас глядит,

И царский дар
Ему претит.

Мефистофель

Наград не ждите.
Все равно:
Всяк часть свою
Уж взял давно.

Трое сильных

Ну, это все
Нам прах и дым:
По равной части
Все хотим!

Мефистофель

Сперва расставьте
В залах там
Весь груз сокровищ
По рядам.
Авось тогда
Со всех сторон
Подробней все
Осмотрит он.

Он не скупец,
Дарить горазд
И пир за пиром
Флоту даст.
Я пестрых птиц назавтра жду[126]
И им воздать сумею мзду.

Трое сильных уносят выгруженное. (Фаусту.)

С суровым взором и с тоской
Ты принял жребий чудный свой!
Здесь мудрый труд ты сотворил
И берег с морем примирил;
Твоих судов отсюда рать
Готово море принимать;
Здесь твой дворец стоит, отсель
Ты обнимаешь круг земель;
Отсюда шел весь подвиг наш,
Здесь первый выстроен шалаш,
И первый ров был вырыт тут,
Где ныне весла воду бьют.

---

[126] Примечания: 126

«Я пестрых птиц назавтра жду...» — Мефистофель говорит о пестрых флагах иноземных кораблей.

Твой гордый ум, труд верных слуг
И сушу здесь и море вкруг
Стяжали; здесь…

Фауст

О, это «здесь»
Проклятое! В нем зло и есть!
Скажу тебе – на все ведь руки
Ты ловок, – страшно я бешусь!
Невыносимы эти муки,
А говорить о них стыжусь.
Мне стариков бы первым делом
Убрать: мне нужно место их;
Мне портит власть над миром целым
Одна та кучка лип чужих!
Из их ветвей для кругозора
Себе я вышку бы воздвиг,
Чтоб весь свой труд легко и скоро
Мог обозреть я, чтобы вмиг
Мог все обнять, что так прекрасно
Дух человека сотворил,
И править всем умно и властно,
Чем я народы одарил.

О, как мучительно, как гадко
В богатстве чувство недостатка!
Мне запах лип давно не мил!
Звон этот колокола ровный
Напоминает мрак церковный,
Пугает ужасом могил!
Иль здесь, у дюн, сразит крушенье
Всесильной воли все решенья?
Когда ж я с этим развяжусь?
Раздастся звон – и я бешусь.

Мефистофель

Еще бы: эта мерзость, право,
Способна жизни быть отравой!
Противен звон – скажу и сам —
Благовоспитанным ушам:
Висит проклятый звук «бим-бом»,
Как туча в небе голубом,
Во все мешаясь без причины,
И от купели до кончины
Как будто важен только звон,
А жизнь сама – ненужный сон.

Фауст

Упорством глупым и строптивым
Испорчен плод моих побед;
Измучен я, терпенья нет;
Я устаю быть справедливым!

Мефистофель

Чего ж стесняться? Ты давно
Решил создать там поселенья.

Фауст

Идите ж, чтоб без промедленья
Убрать отсюда их в именье,
Что мною им отведено.

Мефистофель

И не успеют оглянуться —
На новоселье уж очнутся;
Насилья след пройдет, и впрок
Пойдет им чудный уголок.

(Дает резкий свисток.)
Трое сильных возвращаются.

Исполним, что велит он нам, —
И завтра праздник морякам.

Трое сильных

Нас старый барин принял грубо,
Но нам повеселиться любо.

Мефистофель *(к зрителям)*

Рассказ не нов: отдай скорей
Свой виноградник, Навуфей[127]*!*

ГЛУБОКАЯ НОЧЬ.

Линцей *(башенный сторож, стоя на страже, поет)*

Страж зоркий, всегдашний,
На вышке стою;
Сроднившися с башней,
Весь мир я люблю.
Вся даль предо мною
Открыта всегда —
И звезды с луною,
И лес, и стада.
Весь мир с неизменной
Я вижу красой,

---

[127] Примечания: 127

Намек на библейский рассказ о самарийском царе Ахаве, который при помощи подлой хитрости отнял виноградник у своего соседа Навуфея.

Доволен вселенной,
Доволен собой.
Что видел с отрадой
Я в жизни своей,
Все было усладой
Счастливых очей.

Пауза.

Нет, не только наслажденье
Вижу здесь я в вышине:
Что за страшное виденье
Там грозит из мрака мне?
Между лип там засверкали
Искры в сумраке двойном;
Вот пожар ползет все дале,
Раздуваем ветерком.
То горит избушка, тлея
В темной сырости своей;
Помощь ей нужна скорее,
Но уж нет спасенья ей!
Ах, как добрым людям старым
Страшен был огонь всегда!
А теперь объят пожаром

Дом их. Страшная беда!
Вот уж красными огнями
Стены мшистые горят…
Старички бы только сами
Не погибли! Что за ад!
Языки огней, взбегая,
Листья жгут, шипя, дымя;
Ветки гнутся засыхая,
Сучья падают шумя…
Вот что вижу я, вздыхая:
О, зачем так зорок я!
Вот часовня обвалилась
С тяжким бременем ветвей,
И в вершинах заструилось
Пламя тысячами змей,
И торчат, светясь уныло
Красным пурпуром, стволы.
Что веками взор манило,
Скрыла все завеса мглы…

Долгая пауза. Снова пение.

Фауст *(на балконе против дюн)*

Что там за плач вверху певучий?

Жалеть уж поздно! В вышине
Он стонет – и досадой жгучей
Вновь сердце растерзало мне.
Я поспешил… Но пусть золою
И пеплом станут липы те, —
Я скоро башню там построю,
Чтоб вдаль смотреть на высоте;
А стариков найду тогда я
На новоселье – и простят
Они обиду мне, встречая
В довольстве дней своих закат.

Мефистофель и **Трое сильных** *(внизу).*
Мефистофель

Бегом вернулись мы сюда:
Прости, произошла беда!
Стучались мы, ломились там,
Но все не отворяли нам;
Мы навалились, налегли
И прочь гнилую дверь снесли;
Просили мы, внушали страх —
Никто не слушал просьбы той,
И, как всегда в таких делах,

Все речи были – звук пустой.
Тогда, чтоб праздный спор не длить,
Мы их решились удалить.
Не много было тут возни:
От страха умерли они,
А гость, который был там скрыт
И вздумал драться, был убит.
Борьба окончилась сейчас,
Но невзначай один из нас
Рассыпал уголья – и вдруг
Солома вспыхнула вокруг.
И запылало все костром,
На горе жертвам нашим трем.

Фауст

К моим словам вы глухи были?
Не мена это, а разбой!
Проклятье вашей дикой силе!
Его делите меж собой.

Хор

Он песню старую поет:
Сноси охотно силы гнет!

Кто смел, кто тверд – будь сам в борьбе

Защитой дому и себе.

Уходят.

Фауст

За тучей звездный рой сокрыт;

Огонь уж гаснет… чуть горит;

Пахнуло воздухом ночным:

Ко мне несется легкий дым.

Да, слишком скор был мой приказ

И слишком скоро все сейчас

Свершилось… Я тому виной!..

Что там за тени предо мной?

ПОЛНОЧЬ.
Появляются четыре седые женщины.

Первая

Зовусь я Пороком.

Вторая

Зовусь я Грехом.

Третья

Зовусь я Заботой.

Четвертая

Зовусь я Нуждой.

Порок, Грех и Нужда

Здесь заперты двери, нельзя нам войти:
К богатому, сестры, нам нету пути.

Порок

Там тенью я стану.

Грех

Исчезну там я.

Нужда

Богач избалован – отвергнет меня.

Забота

Из вас, мои сестры, никто не пройдет,
Забота ж в замочную щель проскользнет.

Порок

Вы, сестры седые, идите за мной.

Грех

Везде я с тобою пойду стороной.

Нужда

Везде за тобою Нужда по пятам.

Порок, Грех и Нужда

Проносятся тучи по тверди широкой —

Смотрите, смотрите! Далеко-далеко

Не брат ли – не Смерть ли виднеется там?

Уходят.

Фауст *(во дворце)*

Пришли четыре, только три ушли!

О чем беседу здесь они вели?

«Нужда» – вдали печально раздалось,

И слово «смерть», как эхо, донеслось.

Глуха их речь, волшебна их семья…

Не вырвался еще на волю я!

О, если бы мне магию прогнать,

Забыть все заклинанья, чар не знать,

Лицом к лицу с природой стать! Тогда

Быть человеком стоило б труда!

И я им был, пока, во тьме бродя,

Себя и мир не проклял дерзко я!

Теперь весь воздух чарами кишит,
И этих чар никто не избежит.
Пусть светел и разумен ясный день,
Но в сети снов нас ловит ночи тень;
Пусть весело с прогулки я иду, —
Вдруг ворон каркнет. Что же? На беду.
Так суеверье царствует везде:
То – к горю, это – к счастью, то – к беде;
И вот стоишь один, страшась всего…
Дверь скрипнула… Но нет здесь никого…

(Взволнованно.)

Здесь кто-то есть?

Забота

Ответ естествен: есть.

Фауст

Но кто же ты?

Забота

Я пред тобою, здесь.

Фауст

Прочь! Удались!

Забота

Я кстати здесь – зачем?

Фауст *(сперва гневно, потом, успокоившись, про себя)*

Не заклинай! Сдержись! Останься нем!

Забота

Пусть меня не слышит ухо —
Громок зов мой в недрах духа;
В разных образах встает
Мой суровый, властный гнет;
На морях, на суше – всюду
Страшным спутником я буду;
Хоть не ищут никогда,
Но найдут меня всегда;
И клянут меня – и вместе
Ублажают словом лести…
Ты никогда не знал заботы?

Фауст

Я
Чрез мир промчался быстро, несдер-

жимо,
Все наслажденья на лету ловя.
Чем недоволен был, пускал я мимо,
Что ускользало, то я не держал.
Желал достичь – и вечно достигал,
И вновь желал. И так я пробежал
Всю жизнь – сперва неукротимо, шумно;
Теперь живу обдуманно, разумно.
Достаточно познал я этот свет,
А в мир другой для нас дороги нет.
Слепец, кто гордо носится с мечтами,
Кто ищет равных нам за облаками!
Стань твердо здесь – и вкруг следи за всем:
Для дельного и этот мир не нем.
Что пользы в вечность воспарять мечтою!
Что знаем мы, то можно взять рукою.
И так мудрец весь век свой проведет.
Грозитесь, духи! Он себе пойдет,
Пойдет вперед, средь счастья и мученья,

Не проводя в довольстве ни мгновенья!

Забота

Раз кого я посетила,
В мире все тому не мило;
Тьмой душа его объята:
Ни восхода, ни заката!
Пусть его все чувства мощны —
В сердце мрак царит полнощный;
Пусть богатство он имеет —
Им на деле не владеет;
В счастье, в горе он страдает,
В изобилье – голодает;
Ждет ли радость, скорбь ли точит —
Все охотно он отсрочит;
Все в грядущем полагая,
Он лишь ждет, не достигая.

Фауст

Довольно! Не поймаешь ты меня!
Напрасно вздор свой ты твердишь мне злобно.
Прочь! Причитаний этих болтовня

Умнейшего с ума свести способна.

Забота

В путь идти ль? Стремиться ль смело?
Нет решимости для дела!
Он пошел, но на дороге
Замедляет шаг в тревоге;
Тщетно бьется он, как в сети,
Видит все в превратном свете,
Сам себя отягощая
И другим лишь жить мешая.
Так, ни жив, ни мертв, тревожно,
Задыхаясь безнадежно,
Он терзается без меры,
Без отчаянья и веры.
Беспрестанным раздраженьем,
Этой вялостью унылой,
Этим тягостным кружденьем
И потребностью постылой,
Полусном, душе усталой
Отводящим отдых малый, —
Вечно к месту он прикован

И для ада уготован.

Фауст

Злосчастные виденья! Для людей
Изобрели вы тысячи терзаний,
И даже ряд простых, обычных дней
Вы превратили в лабиринт страданий.
От демонов труднее нам всего
Отделаться: крепка их цепь, конечно;
Но, грозно-низкая Забота, твоего
Могущества я не признаю вечно!

Забота

Так испытай его теперь, в тот миг,
Когда тебя с проклятьем я покину!
Всю жизнь вы, люди, слепы: ты, старик,
Ослепнув, встреть свою кончину!

(Дует на него.)

Фауст *(ослепленный)*

Вокруг меня весь мир покрылся тьмою,
Но там, внутри, тем ярче свет горит;
Спешу свершить задуманное мною:

Одно владыки слово все творит!

Вставайте, слуги! Все трудолюбиво

Мой смелый план исполнить пусть спешат!

Машин побольше, заступов, лопат!

Что я наметил, пусть свершится живо!

Порядок строгий, неустанный труд

Себе награду славную найдут;

Великое свершится – лишь бы смело

Рук тысячью одна душа владела!

БОЛЬШОЙ ДВОР ПЕРЕД ДВОРЦОМ.
Факелы.

Мефистофель *(в качестве смотрителя, впереди)*

Сюда, сюда! Смелей, дружней,

Дрожащие Лемуры[128],

Из жил и связок и костей

Сплетенные фигуры!

Лемуры *(хором)*

---

[128] Примечания: 128
Лемуры (римск. миф.) — беспокойные духи или тени умерших злых людей.

Везде, всегда мы за тобой!
Велишь ты, без сомненья,
Расширить новою страной
Господские владенья?
С собой мы колья принесли,
И цепь для меры с нами.
Что делать нам? Зачем мы шли,
О том забыли сами.

Мефистофель

Несложен будет труд на этот раз!
Себя самих за меру вы примите:
Пусть ляжет тот, кто всех длинней из вас,
А остальные – дерн вокруг снимите
И, как отцам все делают своим,
В земле квадратик выройте под ним.
В дом тесный из дворца! Такою
Всегда кончают люди чепухою.

Лемуры *(роя, поют с ужимками)*

Когда я юн и пылок был,
Мне все казалось мило;

Где пир был, дым столбом ходил,
Туда меня манило.
Но старость злобная меня
Клюкой своей хватила —
И вдруг о гроб споткнулся я:
Откуда ты, могила?

Фауст *(выходя из дворца ощупью, у дверного косяка)*

Как звон лопат ласкает ухо мне!
Здесь вся толпа мой замысл исполняет:
Она кладет предел морской волне,
С самой собою землю примиряет,
Грань строгую для моря создает.

Мефистофель *(в сторону)*

Лишь нам на пользу все пойдет!
Напрасны здесь и мол и дюна:
Ты сам готовишь для Нептуна,
Морского черта, славный пир!
Как ни трудись, плоды плохие!
Ведь с нами заодно стихии;
Уничтоженья ждет весь мир.

Фауст

Смотритель!

Мефистофель

Здесь.

Фауст

Громаду за громадой
Рабочих здесь нагромождай,
Приманкой действуй, платой и наградой
И поощряй и принуждай!
И каждый день являйся с донесеньем,
Насколько ров подвинут исполненьем.

Мефистофель *(вполголоса)*

А мне доносят, что не ров,
А гроб скорей тебе готов.

Фауст

До гор болото, воздух заражая,
Стоит, весь труд испортить угрожая;
Прочь отвести гнилой воды застой —
Вот высший и последний подвиг мой!
Я целый край создам обширный, новый,

И пусть мильоны здесь людей живут,
Всю жизнь, в виду опасности суровой,
Надеясь лишь на свой свободный труд.
Среди холмов, на плодоносном поле
Стадам и людям будет здесь приволье;
Рай зацветет среди моих полян,
А там, вдали, пусть яростно клокочет
Морская хлябь, пускай плотину точит:
Исправят мигом каждый в ней изъян.
Я предан этой мысли! Жизни годы
Прошли не даром; ясен предо мной
Конечный вывод мудрости земной:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой!
Всю жизнь в борьбе суровой, непрерывной
Дитя, и муж, и старец пусть ведет,
Чтоб я увидел в блеске силы дивной
Свободный край, свободный мой народ!
Тогда сказал бы я: мгновенье!
Прекрасно ты, продлись, постой!
И не смело б веков теченье

Следа, оставленного мной!
В предчувствии минуты дивной той
Я высший миг теперь вкушаю свой.

Фауст падает. Лемуры подхватывают его и кладут на землю.

Мефистофель

Нигде, ни в чем он счастьем не владел,
Влюблялся лишь в свое воображенье;
Последнее он удержать хотел,
Бедняк, пустое, жалкое мгновенье!
Но время-царь; пришел последний миг.
Боровшийся так долго, пал старик.
Часы стоят!

Хор

Стоят! Остановились!
Упала стрелка их. Как мрак ночной,
Они молчат.

Мефистофель

Все кончено. Свершилось!

Хор

Прошло!

Мефистофель

Прошло? Вот глупый звук, пустой!

Зачем прошло? Что, собственно, случилось?

Прошло и не было – равны между собой!

Что предстоит всему творенью?

Все, все идет к уничтоженью!

Прошло… что это значит? Все равно,

Как если б вовсе не было оно —

Вертелось лишь в глазах, как будто было!

Нет, вечное Ничто одно мне мило!

ПОЛОЖЕНИЕ ВО ГРОБ.

Один из Лемуров

Кто строил тесный дом такой

Могильною лопатой?

Лемуры *(хором)*

Доволен будь, жилец немой,

Квартирой небогатой!

Один из Лемуров

Так почему же зал стоит
Без мебели, убого?

Лемуры *(хором)*

Все было куплено в кредит,
И кредиторов много.

Мефистофель

Простерто тело, дух бежать готов;
Я покажу кровавую расписку…
Но много средств есть ныне и ходов,
У черта душу чтоб отнять без риску!
Путь старый труден; много там тревог;
На новом – знать нас не хотят… Досада!
На то, что я один исполнить мог,
Теперь уже помощников мне надо.
Да, плохо нам! Во всем мы стеснены:
Обычай древний, право старины —
Все рушилось, утрачена опора!
С последним вздохом прежде вылетал
На волю дух; я – цап-царап, хватал
Его, как мышь, и не было тут спора.

Теперь он ждет, не покидает он
Противное жилище, труп постылый,
Пока стихий враждующие силы
Его с позором не погонят вон.
И день и ночь гнетет меня тревога:
Где, как, когда? Вопросов гадких много;
И точно ли? Сомненье есть и в том!
Смерть старая уж не разит, как гром.
Глядишь на труп, но вид обманчив: снова
Недвижное задвигаться готово.

(Делает фантастические заклинательные жесты, означающие приказания.)

Удвойте шаг! Спешите, господа!
Рогов прямых, рогов кривых немало
У нас! Вы, черти старого закала,
Пасть адову несите мне сюда!
У ада пастей, правда, много, много,
И жрут они по рангам, по чинам;
Но в будущем все это слишком строго
Распределять не нужно будет нам.
Слева раскрывается страшная адская

пасть.
Клыки торчат; со свода истекает,
Ярясь бурливо, пламени поток,
А сзади город огненный сверкает
В пожаре вечном, страшен и высок.
Огонь со дна бьет до зубов; у края,
Подплыв, стремятся грешники уйти,
Но вновь их зев глотает, посылая
На страх и муки жаркого пути.
В углах так много страшного таится;
Каких страстей и ужасов там нет!
Пугайте грешных: все-таки им мнится,
Что эти страхи-только ложь и бред.

(К толстым бесам с короткими прямыми рогами.)

Вы, плуты, краснощекие пузаны,
Взращенные на сере и огне,
С недвижной шеей толстые чурбаны,
Смотрите вниз: как фосфор, в глубине
Не светится ль душа? Добудьте мне

Ее одну, крылатую Психею[129]*!*

Все остальное-только червь дрянной!

Своей печатью я ее запечатлею

И в вихре огненном помчу ее с собой!

Вам, толстяки, теперь одна забота:

От низших сфер не отводите глаз,

Как знать, быть может, ей придет охота

Себе приюта там искать как раз!

В пупке ей любо жить: так наблюдайте

И чрез него ей выскользнуть не дайте.

(К худощавым бесам с длинными кривыми рогами.)

А вы, гиганты, рослые шуты,

Тамбур-мажоры, в воздух, вверх смотрите!

Расправьте руки, когти навострите,

Не дайте ей вспорхнуть до высоты.

---

[129] Примечания: 129

Психея (греч. миф.) — прекрасная девушка, возлюбленная Амура, бога любви. Психея олицетворяла собой человеческую душу и изображалась в виде прелестной девушки с крыльями бабочки или просто в виде бабочки.

Ей в старом доме жутко; нет сомнений,

Что к небесам взлететь желает гений.

Сверху сияние, с правой стороны.

Небесное воинство

Вестники рая,

Неба сыны,

Тихо слетая

С горной страны,

Прах оживляя,

Грех искупляя,

Радость дарим

Всем мы твореньям

Светлым пареньем,

Следом своим.

Мефистофель

Противных звуков сверху бормотанье

И ненавистный свет нисходит к нам.

Мальчишек и девчонок причитанье

По вкусу лишь святошам и ханжам!

Вы знаете, как гибель замышляли

Людскому роду мы в проклятый час:
Все злейшее, что мы осуществляли,
Ханжи, нашло сочувствие у вас!
Предательски подкрались, простофили!
Так обирали нас они не раз:
Оружьем нашим нас же проводили
Такие ж черти под покровом ряс!
Здесь проиграть – навеки стыд: у гроба
Держитесь крепко и смотрите в оба.

Хор ангелов *(рассыпая розы)*

Розы блестящие,
Амбру струящие,
В небе парящие,
Животворящие,
Ветки крылатые
Почки разжатые —
Все расцветай!
Вкруг изумрудной
Зеленью чудной,
Пурпуром красным,
Вешним днем ясным

В блеске достойном
Встань над покойным,
Радостный рай!

Мефистофель *(к бесам)*

Что жметесь? Разве так в аду у нас
Ведут себя? Пусть сыплют розы кучей:
На место все, и слушать мой приказ!
Цветочками, как будто снежной тучей,
Хотят они засыпать ад кипучий;
Дохните лишь – засохнет все сейчас.
Ну, дуйте ж, поддувалы! Будет, будет!
Один ваш чад поблекнуть все принудит.
Не так свирепо! Полно, будет с вас!
Довольно! Эк, как пасти растянули!
Вы чересчур усердно уж дохнули.
Ни в чем нет меры у моих ребят!
Цветы не только сохнут, но горят,
Летят и жгут нас силой ядовитой!
Сплотитесь, станьте крепкою защитой!

Слабеют черти! Весь их гнев остыл!
Проник в их сердце чуждый, нежный пыл!

Ангелы

Цветы вы небесные,
Огни благовестные,
Любовь всюду шлете вы,
Блаженство даете вы,
Как сердце велит!
Слова правды чистой
В лазури лучистой
Из уст вечной рати
И свет благодати
Повсюду разлит!

Мефистофель

Проклятье, стыд! Болваны и канальи!
Мои все черти вверх ногами стали,
Летят мои уроды кувырком
И в ад кромешный шлепаются задом.
Купайтесь же в огне вы поделом, —
Я здесь стою, расставшись с этим стадом.

(Отбиваясь от летающих роз)

Прочь, отвяжись, блудящий огонек!
Схвачу тебя, ты грязи лишь комок!
Что вьешься вкруг? Ух, шею мне без мер
Жжет что-то, будто жар огня и серы!

Хор ангелов

Пламень священный!
Кто им объят —
Жизни блаженной
С добрыми рад.
К славе Господней,
К небу скорей:
Воздух свободней,
Духу вольней!

Поднимается к небу, унося бессмертную часть Фауста.

Мефистофель *(оглядываясь)*

Что? Как? Куда умчались? Неужели
Меня вы, дети, обманули? Ввысь,
На небеса, с добычей улетели!
Затем-то вы у ямы здесь толклись!

Расстался я с сокровищем великим,
Единственным, – его я отдал вмиг им!
Высокий дух, бесценный мой залог —
Как хитрецам вдруг уступить я мог?
Кто склонит слух свой к жалобе законной,
Отдаст мне право, купленное мной?
Как ты, старик, ты, опытом прожженный,
Ты проведен! Ты сам тому виной!

Уайльд Оскар. Герцогиня Падуанская

Лица драмы

Симоне Джессо, герцог Падуанский.

Беатриче, его жена.

Андреа Полайоло, кардинал Падуанский.

Маффио Петруччи, Тадео Барди и Джеппо Вителлоццо — придворные герцога.

Гвидо Ферранти, молодой человек.

Асканио Кристофано, его друг.

Граф Моранцоне, пожилой человек.

Бернардо Кавальканти, верховный судья в Падуе.

Уго, палач.

Лючия, девушка при герцогине.

Слуги, горожане, солдаты, монахи, сокольничие с их соколами и собаками и т. п.

Место действия — Падуя.

Время действия — вторая половина XVI века.

Сцены драмы.

Действие первое — рынок в Падуе (25 минут).

Действие второе — комната в герцогском дворце (36 минут).

Действие третье — галерея в герцогском двор-

це (29 минут).

Действие четвертое — зал суда (31 минута).

Действие пятое — темница (25 минут).

Стиль архитектуры: итальянский, готический и романский.

Действие первое

Рынок в Падуе, в полдень; в глубине — большой собор Падуи; архитектура романского стиля, строен из черного и белого мрамора; мраморные ступени ведут к дверям собора; у подножия лестницы два громадных каменных льва; дома по обеим сторонам сцены окружены каменными аркадами и с цветными жалюзи у окон; на правой стороне сцены — общественный фонтан со статуей, из зеленой бронзы, тритона, трубящего в раковину; вокруг фонтана — каменная скамья; звонит колокол собора, и горожане — мужчины, женщины и дети — проходят в собор. Входят Гвидо Ферранти и Асканио Кристофано.

Асканио. Ну, жизнью клянусь, Гвидо, дальше я не пойду; если я ступлю еще шаг, то духу во мне не останется для проклятий; мы летим, словно дикие гуси! *(Бросается на скамью у фонтана.)*

Гвидо. Это, должно быть, здесь. *(Направляется к одному из прохожих и снимает шапочку.)* Простите, синьор, ведь это рыночная площадь, а это — церковь Санта-Кроче?

Прохожий кивает утвердительно.

Благодарю вас, синьор.

Асканио. Ну?

Гвидо. Так! Это здесь.

Асканио. Я бы предпочел, чтобы это было где-нибудь в другом месте, так как здесь я не вижу таверны.

Гвидо *(вынимая из кармана письмо и читая его)*. «Час — полдень; город — Падуя; место — рынок; а день — день святого Филиппо».

Асканио. А что до человека, как мы его узнаем?

Гвидо *(все читая).* «На мне будет лиловый плащ с вышитым на плече серебряным соколом». Красивое одеяние, Асканио?

Асканио. Мне милее мой кожаный камзол. И ты думаешь, он расскажет тебе о твоем отце?

Гвидо. Конечно, да! Ты припомни, тому теперь ровно месяц, когда был я в нашем винограднике, как раз в том углу, что подходит к улице и куда обыкновенно заходят козы, — проехал мимо меня какой-то человек, спросил, меня ли зовут Гвидо, и отдал мне это письмо, подписанное: «Друг вашего отца», приглашающее меня быть здесь сегодня, если я хочу узнать тайну своего рождения, и указывающее мне, как признать написавшего. Я всегда думал, что это неверно, но что ребенком

меня отдал ему на попечение какой-то неизвестный, которого он более не видал никогда.

Асканио. Так что ты не знаешь, кто твой отец?

Гвидо. Нет.

Асканио. У тебя нет даже никакого воспоминания о нем?

Гвидо. Никакого, Асканио, никакого.

Асканио *(смеясь).* Стало быть, не мог он тебе давать затрещин так часто, как мой отец мне.

Гвидо *(улыбаясь).* Я уверен, что ты их никогда не заслуживал.

Асканио. Никогда; это-то и было в них хуже всего. Ни разу не мог я найти в себе сознания вины… А какой час назначил тот?

Гвидо. Полдень.

Часы на соборе бьют.

Асканио. Теперь как раз полдень, а твой человек не пришел. Я в него не верю, Гвидо. Должно быть, просто какая-нибудь девица загляделась на тебя; и, раз я проводил тебя из Перуджи в Падую, ты обязан, клянусь в этом, проводить меня в ближайшую таверну. *(Встает.)* Призываю во свидетели великие божества еды, я так хочу есть, Гвидо, как вдове хочется мужа, так устал, как молодая девушка от добрых советов, и весь высох, словно монашеская проповедь. Идем, Гвидо, что

тебе стоять здесь, глядя в пустоту, словно помешанному, который старается заглянуть в свою собственную душу; твой человек не придет.

Гвидо. Хорошо; кажется, ты прав. А!

В тот самый миг, когда он встает со скамьи вместе с Асканио, — входит граф Моранцоне в лиловом плаще, с серебряным соколом, вышитым на плаще; Моранцоне проходит через всю сцену, направляясь к собору, и в ту минуту, когда он готов войти в него, Гвидо вбегает по ступеням и прикасается к нему.

Моранцоне. Ты вовремя пришел, Ферранти Гвидо.

Гвидо. Как! Так отец мой жив?

Моранцоне

Да, жив в тебе.
Ты – он своим лицом, своей походкой,
Осанкой, видом, внешностью своей;
Ты, верно, он и духом благородным.

Гвидо

О, расскажите об отце; я этой
Минуты ждал всю жизнь.

Моранцоне

Нам должно быть
Одним.

Гвидо

Но это лучший друг мой: он
Пришел со мною из любви ко мне;
Мы, как два брата, делим с ним все тайны.

Моранцоне

Вы этой тайны не должны делить;
Пусть он уйдет.

Гвидо *(к Асканио)*

Друг, через час вернись.
Не знает он, что зеркала любви
Такой, как наша, омрачить не может
Ничто. Пока прощай.

Асканио

Не говори с ним,
Есть что-то страшное в его глазах.

Гвидо *(смеясь)*

Нет, я уверен: он пришел сказать мне,

Что я Италии великий принц,
Что нас обоих дни веселья ждут
Надолго! До свиданья, друг.

Асканио уходит

Теперь
Вы про отца расскажете мне все?

(Садится на каменную скамью.)

Он был высок? в седле сидел он стройно?
Он черен был? иль волосы его
Как красно-золотое пламя были?
Имел он голос тихий? Иногда
У первых храбрецов бывает голос
Исполнен тихой музыки; иль, может,
Он, как труба, гремел, внушая ужас
Врагам? Он выезжал один? иль вместе
С толпою слуг, в сопровожденье свиты?
Порой я чувствую, что в этих жилах
Кровь королей стучит! Он был король?

Моранцоне

Он больше был король, чем все другие.

Гвидо *(гордо)*

Итак, отца вы видели последний.
Что ж, над людьми высоко он стоял?

Моранцоне

Да, над людьми высоко он стоял

(подходит к Гвидо и кладет свою руку ему на плечо)

На красном эшафоте, где палач
Ждал с топором его.

Гвидо *(вскакивая)*

Кто ты, ужасный,
Как некий ворон иль как филин ночи,
Восставший из могилы с страшной вестью?

Моранцоне

Меня зовут здесь графом Моранцоне,
Владельцем замка на пустой скале;
Есть у меня миль пять земли бесплодной
И нищих шесть служителей. Но был я
Из самых знатных в Парме; больше:

были

Друзьями мы с твоим отцом.

Гвидо *(схватывая его за руку)*

Скажите

Все!

Моранцоне

Герцога великого Лоренцо

Ты сын. Он властелином в Парме был

И графом всей Ломбардии прекрасной

До самых стен Флоренции, но та

Ему платила дань.

Гвидо

А как он умер?

Моранцоне

Узнаешь все. То было в дни войны.

(О благородный лев! Не мог снести

В Италии он никакой неправды!)

Цвет лучший рыцарства повел он против

Клятвопреступника из Римини,

Джованни Малатесты – будь он про-

клят!
Но был коварно завлечен в засаду
И, как злодей, как человек безродный,
Казнен на эшафоте всенародно.

Гвидо *(хватаясь за кинжал)*

И Малатеста жив?

Моранцоне

Он умер.

Гвидо

Умер?
О, если б ты, не медлящая смерть,
Могла еще немного подождать,
Твой долг свершил бы я!

Моранцоне

Еще не поздно!
Тот, кем отец твой продан, жив еще.

Гвидо

Отец был продан?

Моранцоне

Оценен, как вещь,

И за назначенную цену продан.
На вольном рынке был уступлен он
Тем, кто его считался лучшим другом,
Кому он верил и кого любил,
С кем братства узами был долго связан.

Гвидо

Предатель жив!

Моранцоне

Его ты сам увидишь.

Гвидо

Так жив Иуда! Хорошо же! Всю землю
Я сделаю «землею крови», ибо
На ней висеть он должен!

Моранцоне

Ты Иудой
Его зовешь? Да, как Иуда, он
Предатель, – но иной он ждал награды:
Не тридцать сребреников, много больше!

Гвидо

За кровь отца что ж получил он?

Моранцоне

Много…

Поместья, виноградники и замки,

И княжества, и земли…

Гвидо

От которых

Он сохранит шесть локтей – для могилы!

Где ж гнусный шут? Где негодяй проклятый?

Скажите, где он? Пусть он будет в панцырь

Одет, и в сталь до самых пят закован,

И охраняем тысячью людей,

Я поражу его сквозь копья, буду

Смотреть, как потечет вдоль по кинжалу

Кровь черная его. Скажите, где он,

И я его убью.

Моранцоне *(холодно)*

И это месть?

Безумец! Смерть не суждена ль нам всем?

И тем она желанней, чем внезапней.

(Подступает ближе к Гвидо.)

Был предан твой отец, – и в этом все.

Предателя предай же в свой черед.

Тебя введу я в дом его, ты должен

Сидеть с ним за столом, есть тот же хлеб…

Гвидо

О, горький хлеб!

Моранцоне

Ты слишком прихотлив:

Месть подсластит его! Ты должен ночи

С ним пировать, пить из единой чаши,

Его стать другом, чтоб тебя любил он

И тайны все свои открыл тебе!

Захочет он веселья – будь веселым;

Его порой охватит ли печаль

Будь грустен сам. Когда ж приспеет время…

Гвидо хватается за кинжал.

Ах, я тебе не верю! Юн твой дух
И необуздан; слишком буйный гнев
Не в силах ждать, во имя высшей мести,
Но в страсти гибнет…

Гвидо

Ты меня не знаешь.
Скажи, кто он, – и я готов во всем
Повиноваться.

Моранцоне

Хорошо. Когда
Приспеет время и удобный случай,
И будет враг в сетях, тебе с послом
Подам я знак.

Гвидо

И как его убью я?

Моранцоне

В ту ночь к нему прокрасться должно в спальню;
И если ты его застанешь спящим,

Сначала разбудить; потом за горло
Рукой схватить – да, так – и рассказать,
Кто ты, чей сын, за что ты мстишь ему.
Дозволь ему просить пощады, пусть
За жизнь свою он предлагает цену;
Когда ж он обещает все богатства
Скажи, что золота тебе не надо
И что пощады нет! И соверши все.
Но поклянись, что не убьешь ты раньше,
Чем прикажу я! Или я уйду,
Ты будешь жить в неведеньи, как прежде,
И твой отец не будет отомщен!

Гвидо

Отца мечом клянусь!

Моранцоне

Палач на рынке
Его пред всем народом преломил.

Гвидо

Отца могилой…

Моранцоне

Где его могила?
Отец твой не лежит в земле; развеян
Был прах его по ветру, и разнесся
По улицам он Пылью, беднякам
Слепя глаза… А голову его,
Одев на острие ворот тюремных,
Оставили на поруганье черни,
И та его дразнила языком…

Гвидо

Так чем же клясться? Памятью отца,
Священной мне, его позорной казнью,
Предательством коварным друга, всем,
Что мне еще осталось, – я клянусь:
Не подыму я на него руки
До приказанья; после – Бог да примет
Проклятый дух: как пес, убит он будет.
Но знак? Какой же знак?

Моранцоне

Вот – твоего
Отца кинжал.

Гвидо

О, дайте рассмотреть мне!
Припоминаю, дядя мой названый,
Старик, которому я отдан был,
Мне говорил, что был я в плащ завернут,
И были вышиты два леопарда
На нем по золоту – такие ж точно!
Но, вылиты из стали, мне милее
Вот эти: с ними к цели путь прямее!..
Отец вам ничего не поручил
Мне передать?

Моранцоне

Отец не знал тебя.
Когда он предан был коварным другом,
Из приближенных всех один я спасся
И в Парму, герцогине, весть принес.

Гвидо

О мать моя! Скажите мне об ней!

Моранцоне

Услышав роковую весть, она
Без чувств упала и тебя – до срока
На свет произвела, и вслед затем
Ее душа взнеслась на небеса,
Чтоб встретить мужа у предверья рая.

Гвидо

Мать умерла, отец казнен и продан…
Мне кажется: я осажден врагами,
И за гонцом гонец приносят вести,
Одна другой ужасней! Дай вздохнуть мне,
Я изнемог.

Моранцоне

Когда скончалась мать,
Из страха пред врагами всем сказал я,
Что умер ты, и тайно передал
Тебя старинному слуге, который
Жил близ Перуджии. Что было дальше,
Ты знаешь.

Гвидо

Видели отца вы после?

Моранцоне

Однажды. Я в одежде бедняка
Пробрался в Римини.

Гвидо *(беря его за руку)*

Какая смелость!

Моранцоне

Все продается в Римини, и я
Купил тюремщиков. Когда отец твой
Узнал, что у него родился сын,
Его лицо, под шлемом просияло,
Как светит в море зарево огня.
Взяв за руки меня, меня просил он,
Чтоб я тебя взрастил его достойным,
И мстителя в тебе я воспитал.

Гвидо

Вы долг исполнили. Благодарю вас
От имени отца. Но как же имя
Предателя?

Моранцоне

Как на отца похож ты!
Я узнаю в тебе его движенья.

Гвидо

Как имя?

Моранцоне

Ты его сейчас узнаешь.
Вот герцог наш со свитою придворных
Сюда идет.

Гвидо

Что из того! Как имя?

Моранцоне

Не кажутся ль они тебе собраньем
Людей достойных, честных, благородных?

Гвидо

Граф! Имя! Имя!

Входят герцог Падуанский с графом Барди, Маффио Петруччи и другими придворными.

Моранцоне *(быстро)*

Тот, пред кем колени
Я преклоню, и есть убийца, – помни.

Гвидо *(хватается за кинжал)*

Как, герцог?

Моранцоне

Руку прочь! Ужель так скоро
Ты все забыл?

(Преклоняется перед герцогом.)

Наш благородный герцог!

Герцог

Добро пожаловать, граф Моранцоне.
Давно мы в Падуе вас не видали.
Близ замка вашего еще вчера мы
Охотились, но называть ли замком
Холодный дом, где вы живете, четки
Перебирая, как отшельник дряхлый.

(Встречает глазами Гвидо и отступает назад.)

Кто это?

Моранцоне

Мой племянник, ваша светлость.
Он в тех годах, когда пора на службу,
И быть желал бы при дворе у вас.

Герцог *(молча глядит на Гвидо)*

Его зовут?

Моранцоне

Ферранти Гвидо.

Герцог

Родом?

Моранцоне

Он в Мантуе родился, ваша светлость.

Герцог *(подходя к Гвидо)*

Твой взор напоминает мне кого-то,
Кого я знал… Но умер тот бездетным.
Ты честен ли? И если да, то честность
Не расточай, но для себя храни.
Здесь в Падуе все думают, что честность
Лишь хвастовство; она не в моде. Видишь
Синьоров этих?

Барди *(в сторону)*

В нас стрелой он метит.

Герцог

Любой из них свою имеет цену,
Все продаются, но, сказать по правде,
Иные слишком дорожатся.

Барди *(в сторону)*

Мило!

Герцог

Итак: нам честности не надо. Также
Не очень любим мы оригинальность,
Хотя в наш глупый век едва ль не тот
Оригинальней всех, кто смеет мыслить
И возбуждает тем насмешки черни.
А что до черни, презирай ее,
Как я. Толпы восторг минутный мне
Смешон, и одного лишь оскорбленья
Я не испытывал: любви народа.

Маффио *(в сторону)*

А ненависти вдоволь испытал ты.

Герцог

Благоразумен будь; не торопись
С поступками: подумав дважды, действуй;
Решенье первое всегда прекрасно.

Гвидо *(в сторону)*

Из уст его не жаба ль брызжет ядом!

Герцог

И постарайся завести врагов:
Иначе свет тебя сочтет ничтожным.
Враги доказывают нашу силу,
Но в маске дружбы каждого встречай,
Пока его в свои, не схватишь когти:
Тогда души его.

Гвидо *(в сторону)*

Философ мудрый!
Не для себя ли роешь ты могилу?

Моранцоне *(к Гвидо)*

Запомнил?

Гвидо

Будь спокоен.

Герцог

И не будь
Разборчив слишком. Чистая рука,
Когда пуста, имеет вид печальный.
И если хочешь львиной доли в жизни,
Оденься в лисью шкуру – подойдет
Она тебе, как всякому подходит.

Гвидо

Я все запомню, ваша светлость.

Герцог

Дельно.
Я не хочу быть окружен глупцами,
Что жизни золото долями весят,
Дрожат, колеблются – и все же терпят
Лишь неудачи… Неудача – вот
Единый грех, я в коем неповинен!
Вокруг меня мужчины быть должны.
А что до совести, то это – слово,
Что трусость написала на щите,

Бежав из битвы. Понял?

Гвидо

Ваша светлость,
Я понял все и заповедям вашим
Отныне буду следовать во всем.

Маффио

Не знал я, ваша светлость, что так сильны
Вы в деле проповеди. Ах, когда бы
Взглянул на ваши лавры кардинал!

Герцог

За мной пойдут мужчины, а другие
За кардиналом. Что мне до него!
Он ревностный служитель церкви,
Но человек не слишком прозорливый.

(К Гвидо.)

Итак, отныне на моей ты службе.

(Протягивает Гвидо руку для поцелуя.)
Гвидо отступает в ужасе, но по знаку графа Моранцоне опускается на колени и целует ее.

Ты должен быть одет, как подобает

И должности твоей и нашей чести.

Гвидо

Благодарю сердечно вашу светлость.

Герцог

Тебя зовут, не правда ль, Гвидо?

Гвидо

Гвидо
Ферранти, государь.

Герцог

И родом ты
Из Мантуи? За женами, синьоры,
Смотрите в оба: он для них опасен!
Смеетесь вы, граф Барди? Впрочем, тот
Супруг спокоен, чья жена
Нехороша.

Маффио

Простите, ваша светлость,
Но жены в Падуе вне подозрений.

Герцог

Как? Все неинтересны?.. Но пойдемте.
Сегодня герцогиню кардинал
Совсем замучил. Надо бы ему
И бороду и проповедь убавить.
Угодно, граф, вам с нами слушать текст
Святого Иеронима?

Моранцоне *(кланяясь)*

Государь,
Простите…

Герцог *(прерывая)*

Что за извиненья, если
Идти к обедне лень. Пора, синьоры.

(Уходит со свитою в собор.)

Гвидо *(после молчания)*

Он продал моего отца; я – руку
Его поцеловал.

Моранцоне

Целуй почаще.

Гвидо

Я должен это делать?

Моранцоне

Ты поклялся.

Гвидо

От этой клятвы я окаменею.

Моранцоне

Прощай, дитя! И раньше срока мы
Не встретимся.

Гвидо

Вернитесь поскорее.

Моранцоне

Вернусь, когда настанет час. Будь твердым.

Гвидо

Доверьтесь мне.

Моранцоне

Твой друг идет сюда.
Из сердца и из Падуи его
Ты должен удалить.

Гвидо

Отсюда – да.

Из сердца – нет.

Моранцоне

Нет, нет! Из сердца также.
Я не уйду, пока все не исполнишь.

Гвидо

Нельзя иметь мне друга?

Моранцоне

Месть – твой друг,
Иных не ведай.

Гвидо

Пусть! Да будет так.

Входит Асканио Кристофано.

Асканио. Ну, Гвидо, я, наверно, во всем превзошел тебя: я выпил фьяску доброго вина, съел пирог и расцеловал служанку в остерии. Что ты глядишь так уныло, словно школьник, которому не на что купить яблок, или как избиратель, которому некому продать свой голос? Что же нового, Гвидо, что нового?

Гвидо. Асканио, нам должно распроститься.

Асканио. Конечно, это ново, но неправда.

Гвидо

Нет, слишком правда! Ты уйдешь отсюда,

И никогда меня ты не увидишь.

Асканио

Нет! Значит, ты меня не знаешь, Гвидо!

Да, я простого земледельца сын,

Обычаев придворных я не знаю.

Но если оказалось, что ты знатен,

Ужель я не могу служить тебе?

Клянусь, усердней буду я, чем всякий

Слуга наемный...

Гвидо *(хватая его за руку)*

Ах, Асканио!

(Взглядывает на Моранцоне, который смотрит на него, и выпускает руку Асканио.)

Нет! Этого не может быть.

Асканио

Не может?

Я думал, что веков прошедших дружба

Еще жива, что в наш ничтожный век

Своей любовью воскресили мы
Преданья Рима древнего… О! этой
Любовью, ясно, словно море летом,
Молю я: что б тебя ни ждало – все
Позволь с тобой мне разделить, как другу!

Гвидо

Все разделить!

Асканио

Да, да!

Гвидо

Нет, нет!

Асканио

Ах, верно,
Наследство получил ты – пышный замок,
Богатство?

Гвидо *(горько)*

Да, я получил наследство!
Кровавый дар! Ужасное наследье!
Беречь его я должен, как скупец,

Для самого себя хранить. Итак,
Расстанемся, прошу тебя.

Асканио

Ужели
Мы больше никогда рука с рукой
Не сядем рядом, как сидели часто,
Чтоб углубиться в рыцарскую книгу?
Иль, как бывало, убежав из школы,
Ужель мы вместе больше никогда
Бродить не будем по лесам осенним
С охотником, следя, как ястреб зоркий
Рвет шелковые путы, на опушке
Завидя зайца?

Гвидо

Больше никогда.

Асканио

Так должен я уйти без слова дружбы?

Гвидо

Так ты уйдешь – с тобой моя любовь…

Асканио

Не рыцарски, не благородно это!

Гвидо

Не рыцарски, не благородно? Пусть!
Уже бесплодны все слова. Прощай.

Асканио

Ты ничего мне не поручишь, Гвидо?

Гвидо

Нет! Прошлое – как детский сон за мною.
Я нынче начинаю жизнь. Прощай.

Асканио

Прощай.

(Уходит медленно.)

Гвидо *(к Моранцоне)*

Довольны вы? Я все исполнил.
Любимейшего друга я сейчас
Прогнал, как недостойного слугу.
Я это сделал! Вы теперь довольны?

Моранцоне

Да. Я доволен и теперь уйду.

Не позабудь про знак: кинжал отца.
Сверши свой долг, когда его пришлю я.

Гвидо

Доверьтесь мне; исполню все.

Моранцоне уходит.

О небо!
Когда в душе моей есть капля чувства,
Есть сострадание, есть нежность – их
Убей, сожги и обрати в ничто!
А если ты не хочешь, сам их вырву
Из сердца я отточенным ножом,
Во сне я жалость задушу в себе,
Чтоб не шептала мне она! О месть,
Ты мне одна осталась. Будь мне другом
И ложе разделяй со мною. Рядом
Сиди со мной, сопутствуй на охоте,
Когда устану, песенки мне пой,
Когда я буду счастлив, веселись,
Когда усну, нашептывай мне в уши
Рассказ ужасный об отца убийстве…
Убийстве, я сказал?

(Обнажает кинжал.)

Внемли, бог мести,
Клятвопреступников разящий громом!
Пусть эту клятву пламенем на небе
Запишут ангелы! Клянусь: отныне,
Пока не отомщу отца убийство
Я кровью, – отрекаюсь я от дружбы,
От благородных радостей любви,
От всякого сочувствья и союза!
И даже больше: отрекаюсь я
От женщин, от любви к ним, от приманок
Их красоты…

Торжественные звуки органа несутся из собора, и под сребротканым балдахином, что несут четыре пажа, одетые в алое, сходит по мраморным ступеням герцогиня Падуанская; она проходит перед Гвидо, на мгновение встречается с ним глазами и, уже почти покидая сцену, обернувшись, взглядывает на него; кинжал падает из рук Гвидо.

Гвидо. Кто это?

Один из горожан. Герцогиня.

Занавес

Действие второе

Зал в герцогском дворце, убранный коврами, на которых вышиты сцены переодеваний Венеры; широкая дверь в середине ведет на галерею из красного мрамора, через которую открывается вид на Падую; большой балдахин (справа) с тремя тронами, из которых один несколько ниже других; потолок из позолоченных балок; обстановка того времени — стулья, обтянутые кожей с позолотой, поставцы с золотой и серебряной посудой, ларцы, расписанные мифологическими сценами. Несколько придворных стоят в галерее и смотрят на нее вниз, на улицу; с улицы доносится гул толпы и крики: «Смерть герцогу!»; несколько времени спустя входит герцог Падуанский, совершенно спокойный; он опирается на руку Гвидо Ферранти; вместе с ними входит кардинал; толпа продолжает кричать.

Герцог

Нет, кардинал, я от нее устал!
Она не то что некрасива, хуже
Она добра!

Маффио *(возбужденно)*

Там, ваша светлость, больше
Двух тысяч человек, и с каждым мигом
Кричат сильней.

Герцог

Что ж, пусть их тратят силы.
Толпа кричащая – ничто, синьоры,
И если кто опасен – молчаливый.

Рев народа.

Вот, кардинал, как я любим народом.

Снова рев.

Иди, Петруччи, прикажи внизу
Начальнику стрелков очистить площадь.
Вы приказанье слышали, синьор?
Что сказано, исполнить.

Петруччи уходит.

Кардинал

Вашу милость
Прошу я выслушать мольбы народа…

Герцог *(садится на свой трон)*

Да, груши этим летом что-то мельче,
Чем были прошлым. Кардинал, простите,
Вы, кажется, о грушах говорили.
Слышны с улицы крики радости.
Что там?

Гвидо *(бросается к окну)*

На площадь герцогиня вышла,
Между народом и стрелками стала,
Им не дает стрелять.

Герцог

Черт побери!

Гвидо *(все еще у окна)*

Теперь идет сюда с толпою граждан.

Герцог *(вскакивая)*

Клянусь святым Джованни, слишком смело
Она себя ведет.

Барди

Вот герцогиня.

Герцог

Закройте дверь; сегодня день холодный.

Дверь, ведущую в галерею, закрывают. Входит герцогиня с кучкой бедно одетых горожан.

Герцогиня *(бросается на колени)*

Нас выслушать молю я, ваша светлость!

Герцог

Чего ж они хотят?

Герцогиня

О государь!
Они того хотят, о чем ни разу
Ни вам, ни мне и никому из этих
Синьоров думать не случалось: хлеба!
Они готовят из гнилой мякины
Свой хлеб!

Первый горожанин

Да, верно! Из одной мякины!

Герцог

Хороший корм; я лошадям своим
Даю его.

Герцогиня *(сдерживаясь)*

По их словам, в цистернах
Водопровод, вы знаете, разрушен
Вода цветет и затянулась тиной.

Герцог

Так надо пить вино: вода вредна!

Второй горожанин

Ах, ваша светлость, пошлины да сборы
У городских ворот берут такие,
Что покупать вино нам не под силу.

Герцог

Благословляйте пошлины – они
Вас учат воздержанью.

Герцогиня

Государь,
Подумайте, мы в роскоши живем,
А в темных переулках нищета
Голодная блуждает и ножом

Малюткам перерезывает молча
Их горло теплое...

Третий горожанин

Да, это правда!
От голода вчерашней ночью помер
Сынишка мой – был по шестому году,
И схоронить-то не на что его.

Герцог

Вы бедны? Славьте же судьбу! Ведь бедность
Одна из добродетелей.

(К кардиналу.)

Не так ли?
Вы, монсиньор, берете десятину,
Имеете доходы, замки, земли
За то, что проповедуете бедность.

Герцогиня

О государь, но будьте милосерды!
Пока сидим мы здесь в чертогах этих,
Где портики от зноя защищают,
А от морозов – стены, двери, крыша,

Как много граждан Падуи живет
В лачугах со щелями, где всегда
Холодный дождь, и снег, и ветер – дома!
Иные же ночуют под мостами,
Осенней ночью в сырости дрожат,
Потом приходит лихорадка, и…

Герцог *(заканчивает)*

Возносятся на лоно Авраама.
Они меня должны благодарить:
Из мира бедствий шлю я их на небо!

(К кардиналу.)

Не сказано ль в писании, что должно
Нам бремя наше с радостью нести?
Мне ль изменять уставленное Богом
И вмешиваться в волю провиденья?
Одни пресыщены, те голодают.
Так создан мир, и создан он не мною.

Первый горожанин

В нем милости не видно.

Второй горожанин

Помолчи!

Вот кардинал за нас поговорит.

Кардинал

Терпеть нужду – христианина долг,
Но также долг его быть милосердым!
Есть в нашем городе немало бедствий,
Их реформировать могли бы вы.

Первый горожанин

Что значит – реформировать?

Второй горожанин

Должно быть,
Оставить все, как есть оно теперь.

Герцог

Да? Реформировать? Ах, кардинал,
В Германии нашелся некто Лютер
И реформировать задумал церковь
Не вы ль его еретиком назвали
И отлученью предали?

Кардинал *(подымаясь с своего трона)*

Хотел
Он паству с пастбища увлечь, а мы

Вас просим накормить овец духовных.

Герцог

Я тех кормлю, с кого стригу я шерсть.
Что до мятежников…

Герцогиня делает умоляющий жест.

Первый горожанин

Он стал добрее
И даст нам что-нибудь.

Второй горожанин

Ах, так ли?

Герцог

Эти
Оборвыши сюда явились с глоткой,
Наполненной изменой…

Третий горожанин

Ваша светлость!
Заткните нам ее краюхой хлеба!
Мы замолчим.

Герцог

Я вас молчать заставлю

Голодных или сытых, все равно!
Таков наш век, синьоры, что мужик
Перед тобой не снимет шапки: надо
Ее сбивать с башки! На перекрестках
Любой ремесленник господ поносит!

(К горожанам.)

Ввиду молений нашей герцогини,
Не смея отказать прекрасной даме,
Что оскорбило б вежливость и нашу
Любовь, и снисходя на ваши просьбы...

Первый горожанин

Он сбавит пошлины, честное слово!

Второй горожанин

Иль выдаст каждому из нас по хлебу.

Герцог

...Я прикажу, чтоб в это воскресенье
На проповеди кардинал сказал
Вам о высоком долге послушанья.

Ропот среди горожан.

Первый горожанин

Ну, проповедью брюха не наполнишь.

Второй горожанин

Она не больше, как подливка, что же
Мы с нею будем есть?

Герцогиня

Друзья мои,
Вы видите: пред герцогом и я
Бессильна. Но на задний двор пройдите,
Я прикажу, чтоб казначей мой выдал
Из личных средств моих вам сто дукатов.

Первый горожанин

Бог да хранит нам герцогиню!

Второй горожанин

Верно!
Бог да хранит ее!

Герцогиня

И раз в неделю
Я буду раздавать беднейшим хлеб.

Изъявляя свою радость, горожане идут к вы-

ходу.

Первый горожанин *(уходя)*

Бог да хранит нам герцогиню.

Герцог *(подзывает его)*

Сюда, приятель. Как тебя зовут?

Горожанин

Я, ваша светлость, Доменико.

Герцог

Имя

Хорошее. А в честь кого дано?

Горожанин *(почесывая голову)*

Да я родился в день святого Джордже.

Герцог

Вполне понятно! Вот тебе дукат.

Что ж не кричишь: да здравствует наш герцог?

Горожанин *(слабо)*

Да здравствует наш герцог!

Герцог

Громче! Громче!

Горожанин *(немного громче)*

Да здравствует наш герцог!

Герцог

Чувства мало.
Кричи сильней, приятель. Вот еще
Тебе дукат.

Горожанин *(восторженно)*

Да здравствует наш герцог!

Герцог *(насмешливо)*

Как трогает меня его любовь,
Синьоры!

(Горожанину, гневно.)

Вон!

Горожанин уходит, кланяясь.

Таким путем, синьоры,
Любовь народа приобресть легко.
О, мы – ничто, когда народу чужды!

(К герцогине.)

А вы, синьора, сеете мятеж
Меж граждан!

Герцогиня

Государь, есть право бедных:
На жалость и на милость нашу право.

Герцог

Вы спорите со мной? Вот какова
Та женщина, из-за которой лучших
Три города Италии я отдал:
Орвьетто, Геную и Пизу.

Герцогиня

Вы
Не отдали, а только обещали
И предпочли опять нарушить слово.

Герцог

Вы ошибаетесь, синьора, были
На то причины важные.

Герцогиня

Какие
Причины могут быть, чтоб обещанье,
Пред целым миром данное, нарушить?

Герцог

Есть много кабанов в лесу под Пизой;
Когда я этот город обещал
Достойнейшему вашему отцу,
Я позабыл, что там охота. Также
Я слышал – и не сомневаюсь в том,
Что в гавани под Генуей так много
Редчайших рыб, как более нигде.
(Обращаясь к одному из придворных.)
Вы блюд изысканных знаток, синьор,
И это объясните герцогине.

Герцогиня

Так, а Орвьетто?

Герцог *(зевая)*

Я уже не помню.
Должно быть, тоже что-то помешало
Отдать его согласно договору.
Быть может, просто не хотелось мне.

(Подходит к герцогине.)

Синьора, бросьте взгляд: вы здесь одни!
До старой Франции немало миль,
Да и отец ваш при своем дворе

Не больше сотни рыцарей содержит,
На что же вы надеетесь? Кто здесь
Из этих всех синьоров предан вам?

Герцогиня

Никто.

Гвидо вздрагивает, но овладевает собой.

Герцог

И так останется, пока
Я герцог в Падуе. Синьора, вы
Принадлежите мне. Что я хочу,
Должны вы исполнять. Угодно мне,
Чтоб вы сидели дома, – и дворец
Для вас тюрьмою станет. Захочу я,
Чтоб вы гуляли, и с утра до ночи
Придется вам гулять.

Герцогиня

Но где же право?

Герцог

Покойная жена вопрос такой же
Мне предложила. Памятник ее
Стоит в капелле фра Бартоломео,

Он весь из мрамора; весьма красив!
Пора идти, синьоры! Руку, Гвидо!
Пойдемте в полдень соколов спускать,
Подумайте, синьора, вы – одни.

(Уходит, опираясь на Гвидо, за ними — вся свита.)

Герцогиня *(глядя ему вслед)*

Да, герцог прав, я здесь совсем одна,
Заброшена, унижена, забыта!
Бывал ли кто так одинок, как я?
Мужчина, сватаясь, зовет детьми нас,
Нам говорит, что мы не в силах сами
Устроить жизнь, – и разбивает нашу:
Для них мы – вещь, их общие рабыни,
Нас меньше ценят, чем собак послушных,
Ласкают реже, чем любимых птиц!
Я, кажется, сказала: сватовство...
Не сватают – нас просто покупают,
И наше тело – рыночный товар!
Да, это общая судьба всех женщин.
Все выбирают неудачно мужа

И губят жизнь по прихотям его.
Что это доля всех – не легче каждой!
Я, кажется, ни разу не слыхала,
Чтоб женщина смеялась от души?
Нет, слышала: на площади, раз ночью…
Бедняжка шла, раскрасив ярко губы,
Веселья маску на лице храня…
О, так смеяться я бы не желала,
Нет, лучше умереть.

Входит Гвидо, который остается в глубине незамеченным; герцогиня преклоняет колени перед изображением мадонны.

О Матерь Божия!
Склонила ты свой бледный, кроткий лик
Меж ликов ангельских, поющих гимны!
Ответь же мне: ужель мне нет надежды?

Гвидо

Я более переносить не в силах.
Ее люблю! С ней должен говорить я!

(К герцогине.)

Помянут ли и я в молитвах ваших,
Синьора?

Герцогиня *(вставая с колен)*

Нет, синьор. Одним несчастным
Мои молитвы могут быть нужны.

Гвидо

Тогда и мне!

Герцогиня

Но разве вы несчастны?
Иль почестей от герцога вам мало?

Гвидо

Мне от того не нужно, ваша светлость,
Наград, кого в душе я ненавижу.
Хочу тебя молить я на коленях:
Позволь тебе до гроба мне служить.

Герцогиня

Увы! я так ничтожна, что тебе
В награду ничего дать не могу я.

Гвидо *(хватая ее за руку)*

Ты можешь дать любовь мне!

Герцогиня отступает, а Гвидо падает к ее ногам.

О святая!
Прости мне, если я был слишком дерзок!
Ты красотой своей зажгла мне кровь.
Дай мне прильнуть устами богомольно
К твоей руке! От страсти я дрожу!
На все готов я, чтоб добиться только
Твоей любви.

(Вскакивает.)

Прикажешь ты мне вырвать
Из львиной пасти гибельную славу
И я пойду в пустыню на борьбу
С немейским львом! Брось в середину битвы
Цветок, иль ленту, или что-нибудь,
К чему касалась ты, – я их достану,
Хотя б все рыцарство сражалось тут,
И принесу назад! И даже больше.

Мне прикажи на бледные утесы
Могучей Англии взобраться – я
С ее надменного щита сорву
Те лилии твоей родной страны,
Что у нее похитил лев британский,
Морей владыка!
Слушай, Беатриче!
Не уходи отсюда! Без тебя
Часы идут свинцовыми ногами,
Когда ж твое очарованье вижу,
Со скоростью Меркурия летят
И золотят всю жизнь!

Герцогиня

Я не ждала,
Что буду я любима. Только правда ль,
Что любишь ты так сильно, как клянешься?

Гвидо

Спроси: что, чайка – сильно любит море?
Спроси: что, роза – сильно любит дождь?

Спроси: что, жаворонок, на рассвете
Летящий к небу, – сильно любит день?
И все же все сравнения ничтожны
Они лишь тень моей любви, горящей
Таким огнем, что водам океанов
Ее не погасить! Но ты молчишь.

Герцогиня

Не знаю я, что вам могу сказать.

Гвидо

Скажи и ты: люблю тебя.

Герцогиня

Так, сразу?
Совет хорош бы был, когда бы вас
Любила я. А если не люблю?
Тогда что мне сказать?

Гвидо

Скажи все то же!
Скажи: люблю! – и на твоих устах
Ложь, застыдившись, тотчас станет правдой.

Герцогиня

А может быть, не должно говорить.
Влюбленные счастливей до признанья.

Гвидо

Молчание мне – смерть, а жить я должен!
Убей меня признаньем, не молчаньем.
Остаться мне иль мне уйти – скажи!

Герцогиня

Не знаю я, уйти вам иль остаться.
Оставшись, вы похитите мою
Любовь. Уйдя, с собою унесете
Ее же… Гвидо! если б звезды пели,
Они не рассказали бы всей силы
Моей любви!.. Люблю тебя, мой Гвидо!

Гвидо *(простирая к ней руки)*

О, говори еще! А мне казалось,
Что только ночью соловьи поют
Но если ты молчишь, позволь устами
Прильнуть к твоим устам, поющим нежно.

Герцогиня

Прильнув к устам, ты сердца не коснешься.

Гвидо

Ужели для меня оно закрыто?

Герцогиня

Увы, синьор, его нет у меня.
Едва тебя увидела я, ты
Его похитил! Против воли – вор,
В мою сокровищницу ты проник
И лучший перл с собой унес оттуда!
О, странный вор! Не зная сам того,
Ты стал богаче и меня оставил
Обкраденной и вместе с тем счастливой!

Гвидо *(порывисто обнимая ее)*

Возлюбленная! милая! моя!
Не закрывай лица! Позволь открыть мне
Пурпуровые маленькие двери,
Где дремлет музыка! Позволь проникнуть
К кораллам уст твоих, и лучший дар

Я унесу с собой, чем все богатства,
Хранимые в горах Армейских грифом.

Герцогиня

Ты – господин мой! Все, чем я владею,
Давно твое; а если нет чего,
Ты это все создашь мечтой и чудом
Ничтожество в богатство обратишь.

(Целует его.)

Гвидо

Как смел я, что гляжу так на тебя!
Фиалка прячется под свой листок,
Боясь смотреть на пламенное солнце,
Боясь его сиянья; мой же взор,
Мой дерзкий взор достиг такой отваги,
Что, как звезда недвижная, глядит
В твои глаза, купаясь в их сиянье!

Герцогиня

О, если б на меня всегда смотрел ты!
Твои глаза – два зеркала глубоких.
В них возникая, узнаю себя
И рада, что в тебе живет мой образ.

Гвидо *(вновь обнимая ее)*

Летящий диск! остановись на небе!
И сделай этот час бессмертным!
Краткое молчание.

Герцогиня

Милый,
Садись вот здесь, у самых ног моих.
Вложу я пальцы в волосы твои
И буду видеть, как твое лицо
К моим губам влечется, как цветок...
Случалось ли тебе когда входить
В пустынный зал, где пыль лежит и плесень,
Где много лет шагов не слышно было,
Засовы отодвинуть у окна
И отворить навстречу солнцу ставни?
Ты видел ли, как в окна входит солнце,
Как превращает каждую пылинку
В танцующую золотую точку?
Моя душа была тем залом, Гвидо,
Твоя любовь вошла в него, и вдруг
Все стало золотом. Не правда ль, Гви-

до,

Любовь – смысл жизни.

Гвидо

Да! Жизнь без любви

Мертва, как необделанная глыба

В каменоломне, прежде чем ваятель

Прозрел в ней бога! Да! Жизнь без любви

Безмолвна, как простой тростник, растущий

По берегам реки и чуждый песен.

Герцогиня

Но вот певец, по имени Любовь,

Тростник безмолвный сделает свирелью

И песнями наполнит! Ах, любовь

Любую жизнь способна сделать песней.

Не правда ли?

Гвидо

Для женщин это правда.

Мужчины же творят резцом и кистью,

Как сын красильщика в Вероне, Павел,
Иль как в Венеции его соперник,
Великий Тициан, создавший деву
Стройнее лилий и белее лилий,
Всходящую по ступеням во храм,
Иль тот урбинец, чьи мадонны святы
Затем, что матери они вполне.
Но женщина – вот истинный художник!
Одна она способна нашу жизнь,
Запятнанную думами о деньгах,
Преобразить любовью в красоту!

Герцогиня

Пусть жили бы мы оба в нищете!
Любя друг друга, были б мы богаты.

Гвидо

Скажи «люблю» еще раз, Беатриче!

Герцогиня *(касаясь пальцами его воротничка)*

Как этот воротник к лицу тебе!

Граф Моранцоне выглядывает из-за двери, ведущей в галерею.

Гвидо

Скажи еще раз мне: люблю!

Герцогиня

Я помню,
Что в Фонтенбло, когда еще была
Я в милой Франции, носил такие
Воротнички король.

Гвидо

Так ты не хочешь
Сказать: люблю!

Герцогиня *(смеясь)*

Король Франциск был рыцарь
С осанкой царственной, но ты – прекрасней!
Зачем же, Гвидо, мне твердить: люблю!

(Берет руками его голову и приближает ее к себе.)

Не знаешь разве ты, что я – твоя
Навек, душой и телом!

(Целует его, но внезапно встречает взгляд Мо-

ранцоне и вскакивает.)

О! Кто там?

Моранцоне исчезает.

Гвидо

Где, милая?

Герцогиня

Я видела глаза,
Горящие огнем, за этой дверью.

Гвидо

Нет никого. Должно быть, промелькнула
Тень часового.

Герцогиня продолжает стоять, глядя в окно.

Никого не видно.

Герцогиня

Но что нам может повредить, когда мы
В руках любви? Мне было б все равно,
Хотя б весь мир, устами низкой черни
Меня злословя, жизнь мою топтал.
Нам говорят, что полевой цветок

Сильнее пахнет, если он раздавлен,
Чем в поле на стебле, что травы есть
Без запаха – но дивным ароматом
Дышащие, когда их разотрешь
Меж пальцами. Так молодую жизнь
Жестокий мир стремится раздавить,
Но лишь дает ей больше аромата
И прелести. И если любим мы,
Мы лучшим в жизни обладаем. Правда?

Гвидо

Мне хочется шутить, смеяться, петь.
Я чувствую, что мог бы петь сегодня.

Герцогиня

Не говори! Вот миг, когда все в жизни
Слилось в единый сладостный восторг,
И замыкает страсть уста печатью.

Гвидо

Но пусть мои уста печать сломают.
Меня ты любишь, Беатриче?

Герцогиня

Да!

Как странно, что люблю врага.

Гвидо

Врага?

Герцогиня

Тебя! Ты сердце мне пронзил стрелою;
Оно укромно, тихой жизнью жило,
Пока его ты не сразил.

Гвидо

Поверь мне,
Стрелою той я ранил и себя.
От этой раны я умру сегодня,
Когда меня, врач милый, не спасешь ты.

Герцогиня

Я не могу лечить тебя; я тоже
Больна, как ты.

Гвидо

Как я люблю тебя!
Я песню у кукушки перенял:
Твержу одно и то же.

Герцогиня

Мне не надо
Другой! И если это песнь кукушки,
То соловей охрип, и потерял
Свой голос жаворонок…

Гвидо

Беатриче!
Целуй меня!

Она берет руками его лицо, склоняется и целует его; раздается громкий стук в дверь; Гвидо вскакивает; входит слуга.

Слуга

Для вас, синьор.

Гвидо

Подай.

Слуга передает шкатулку, завернутую в красный шелк, и уходит; когда Гвидо уже готов открыть шкатулку, герцогиня подходит к нему сзади и шутя отнимает ее у него.

Герцогиня *(смеясь)*

Бьюсь об заклад – от девушки подарок,
Цвета, которые носить ты должен!

Но я ревнива, не отдам тебя,
Как скряга, буду для себя беречь,
Хотя бы тем измучила тебя.

Гвидо

Ты ошибаешься…

Герцогиня

Нет, я права!

Гвидо

Клянусь тебе…

Герцогиня *(отвернувшись, открывает шкатулку)*

Изменник, отвечай:
Что означает этот знак: кинжал,
На нем литые леопарды…

Гвидо *(отнимая кинжал)*

Боже!

Герцогиня

Я посмотрю в окно; быть может, я
Узнаю герб слуги, который отдал
У входа ящик! Я хочу все тайны

Твои узнать.

(Со смехом бросается в галерею.)

Гвидо

О ужас! Неужели
Так скоро я забыл про смерть отца?
Так скоро дал любви прокрасться в сердце?
И должен я любовь прогнать и в душу
Впустить убийство, ждущее у двери?
Я это должен! Разве я не клялся?
Но не сегодня ночью?.. Нет, сегодня!
Прощайте, радости и звезды жизни,
Все милые воспоминанья, вся
Любовь, прощай! Кровавыми руками
Посмею ль я касаться рук невинных?
И уст ее коснусь ли я устами
Убийцы? Буду ли преступным взором
Смотреть в ее фиалковые они,
Что ясностью своей слепят других
И в вечной ночи их с пути сбивают?
О нет! Убийство страшную преграду
Воздвигнет между нами, будет трудно

Через нее нам целоваться!

Герцогиня

Гвидо!

Гвидо

Вы обо мне должны забыть навеки,
Изгнать меня из вашей жизни.

Герцогиня *(идя к нему)*

Милый!

Гвидо *(отступая назад)*

Меж нами выросла преграда, мы
Переступить ее не смеем.

Герцогиня

Я
Все смею, если только ты со мной!

Гвидо

Но с вами быть я не могу, не должен,
Единым с вами воздухом дышать,
Лицом к лицу пред вашей красотой
Стоять не должен; перед ней слабеет
Моя рука и замыслов своих

Свершать не смеет. Дайте мне уйти,
Забудьте, что когда-то мы встречались.

Герцогиня

Как? Мне забыть те клятвы, что твердил ты,
Когда еще лобзаньями твоими
Горят уста?

Гвидо

Беру назад я клятвы.

Герцогиня

Но ты не властен это сделать, Гвидо!
Те клятвы стали частью мира; воздух
Дрожит их музыкой, и пенье птиц
От них звучит нежней в саду прекрасном!

Гвидо

Меж нами выросла преграда; я
Об ней не знал, верней – забыл об ней.

Герцогиня

Ее не будет; за тобою, Гвидо,

Я в жалком рубище идти готова
На край земли.

Гвидо *(жестоко)*

Увы! Для нас двоих
Земля мала! Прощай, прощай навек!

Герцогиня *(кротко, подавляя свои чувства)*

Зачем же ты ворвался в жизнь мою,
Зачем в душе моей, в саду пустынном,
Взрастил цветок любви?

Гвидо

О Беатриче!

Герцогиня

Теперь его ты хочешь вырвать с корнем,
Но эти корни в сердце так впились,
Что, вырывая их, ты вырвешь сердце.
Зачем же ты ворвался в жизнь мою?
Зачем открыл в душе любви источник,
Давно запечатленный?

Гвидо

Боже! Боже!

Герцогиня *(сложив руки)*

Зачем во мне открыл ты шлюзы страсти,
Чтоб как река, во время половодья
Сметающая все в своем пути,
Любовь мне в душу рухнула лавиной
И жизнь мою с собою унесла?
Должна ли я теперь за каплей каплю
Сбирать все эти воды и опять
Запечатлеть их? Каждая из них
Слезою станет и соленой влагой
Отравит жизнь мою.

Гвидо

О, замолчи!
Я должен от твоей любви уйти.
Передо мною путь, которым ты
Идти не можешь.

Герцогиня

Мне случалось слышать,
Что потерпевшие крушенье в море,

От жажды изнывая на плотах,
В виденьях видят рощи и ручьи,
Но пробуждаются все с той же жаждой,
И умирать еще труднее им
Из-за обманов сна, и, умирая,
Они клянут их обманувший сон.
Тебя я не кляну, хотя крушенье
Я потерпела в море том, что люди
Отчаяньем именовали…

Гвидо

Боже!

Герцогиня

Останься, Гвидо, я люблю тебя.

(Ждет некоторое время ответа.)

Иль эхо умерло? О, почему
В ответ мне не звучит: люблю тебя!

Гвидо

Все умерло; одно в живых, и то
Умрет сегодня ночью.

Герцогиня

Если так,

Ко мне не прикасайся! Уходи!

Гвидо уходит.

Преграда! О какой преграде он

Мог говорить? Меж нами нет преград!

Он мне солгал, а я должна за это

Возненавидеть то, что я люблю,

И чем я восхищаюсь – презирать?

Нет! Женщины иной любовью любят.

И если вырежу я милый образ

Из сердца, сердце вслед за ним по миру,

Как раненый стрелою пилигрим,

Пойдет и будет звать назад с любовью!

Входит герцог в охотничьем уборе, с сокольничим и собаками.

Герцог

Вы ждать меня заставили, синьора.

Вы ждать собак заставили, синьора.

Герцогиня

Я не поеду нынче.

Герцог

Почему?

Герцогиня

Я, государь, не в силах.

Герцог

Бледноличка!
Со мной ты спорить смеешь? Я бы мог
Тебя к позорной кляче привязать
И гнать сквозь город, чтобы чернь, которой
Ты хлеб даешь, глумилась над тобой.

Герцогиня

Мне слова доброго от вас не слышать!

Герцог

Я крепко вас держу в своих руках,
К чему ж мне тратить добрые слова!

Герцогиня

Что ж! Я поеду.

Герцог *(ударяя хлыстом по сапогам)*

Нет, я передумал.

Здесь у окна, как верная жена,
Должны вы ждать, пока мы не вернемся,
И грустно думайте о том, что может
Несчастие с супругом приключиться.
Синьоры, в путь! Волнуются собаки,
А я покорностью жены взволнован.
Где Гвидо?

Маффио

Целый час, как, ваша светлость,
Его нигде не видно.

Герцог

Ничего.
Его довольно я еще увижу.
А вы, синьора, сели бы за прялку.
К семейным добродетелям я склонен,
Синьоры, если вижу их – в других.

(Уходит со свитой.)

Герцогиня

Я чувствую, что звезды мне враждебны.

Сегодня ночью, как уснет супруг мой,
Я брошусь на кинжал и все покончу.
Мое окаменело сердце; только
Кинжала сталь его сумеет тронуть.
Пусть лезвие отыщет в сердце имя,
Там скрытое. Да, этой ночью герцог
Со мной развод получит… Но и он
Ведь может умереть; он очень стар.
Что, если он умрет сегодня ночью?
Еще вчера его рука немела,
А многих убивает паралич…
Бывают лихорадки, и удушья
И разные болезни стариков…
Нет, нет, он не умрет, он слишком грешен.
Достойный умирает слишком рано,
Все люди чести умирают; он же,
Как прокаженный, между них живет
Позорной жизнью; матери и дети,
Все умирают, но не герцог: слишком
Он грешен! Почему бессмертен грех
И смертна доблесть? Или тем он жив,

Что для других смертельно, как живут

Гниеньем ядовитые цветы?

Нет, Бог не может этого терпеть!

И все же герцог жив: он слишком грешен.

Пусть я умру одна; пусть нынче ночью

Любовником мне будет смерть, могила

Приютом тайных наслаждений! Что же!

Весь мир – большое кладбище, и в каждом

Скрыт, как в гробу, его скелет!

Входит Моранцоне, одетый во все черное, проходит в глубине сцены, беспокойно оглядываясь кругом.

Моранцоне

Где Гвидо?

Нигде его не нахожу я.

Герцогиня *(замечая его)*

Боже!

Ты, значит, отнял у меня любовь!

Моранцоне *(с радостным взором)*

Как? Он покинул вас?

Герцогиня

Ты это знаешь?
Отдай его мне! Говорю: отдай!
Иль на куски тебя я разорву
И к виселице голову прибью,
Чтоб вороны твой обглодали череп!
О, безопасней перед львицей стать,
Чем между мною и моей любовью.

(С возрастающей страстью.)

Отдай его назад! Нет, ты не знаешь,
Как я его люблю! Еще сейчас
Он на коленях предо мной стоял,
Вот здесь стоял и на меня смотрел;
Мне руки целовал и в уши мне
Нашептывал он сказку о любви
Столь нежную, что птицы все замолкли!
Отдай его назад мне!

Моранцоне

Он, синьора,

Не любит вас.

Герцогиня

Чума на твой язык!

Отдай его!

Моранцоне

Его не видеть вам

Ни в эту ночь, ни больше никогда.

Герцогиня

Но кто же ты?

Моранцоне

Мне имя – мщенье!

(Уходит.)

Герцогиня

Мщенье?

Я в жизни не обидела ребенка.

Так почему ж ко мне стучится мщенье!

Не все ли мне равно? С ним рядом – смерть

Путь дымным факелом мне озаряет!

Ты людям ненавистна, смерть, но будешь

Со мною ты нежней, чем мой любовник!

Пошли скорее вестников своих,

Поторопи коней ленивых дня,

Пусть ночь, твоя сестра, взойдет скорее

И мир весь в траур облечет. Пусть филин,

Служитель твой, с угрюмой башни стонет,

И воют жабы, и мышей летучих,

Рабынь проклятых грозной Прозерпины,

Шуршат во мраке сумрачные крылья!

В горах безвестных вырви мандрагоры

И прикажи им петь! Вели кроту

Холодную постель в земле мне вырыть,

Чтоб нынче мне уснуть в твоих объятьях!

Занавес.

Действие третье

Широкая галерея в герцогском дворце; в окно (слева) открывается вид на Падую в лунном свете; лестница (справа) ведет к двери с портьерой алого бархата, по которой золотом вышит герцогский герб; на нижней ступени лестницы сидит фигура, закрытая черным плащом; вестибюль освещается железным треножником, наполненным горящей паклей; снаружи то гром, то молния; глубокая ночь.

Гвидо *(влезает в окно)*

Растет гроза; как лестница качалась!
Казалось, ветер оборвет веревки!

(Смотрит на город.)

О Боже, что за ночь! Гром в небесах,
И молнии летают с башни к башне
По городу, а бедные дома
Дрожат и клонятся при каждой вспышке
На узких улицах…

(Переходит через сцену к подножию лестницы.)

Но кто же ты,
Сидящий здесь, как у порога смерти,
Чтоб душу грешную схватить?

Молчание.

Ответь же!
Иль ты не можешь говорить? Иль буря
Сковала холодом язык твой?

Фигура встает и снимает маску.

Моранцоне

Гвидо
Ферранти, твой отец ликует нынче.

Гвидо *(смущенно)*

Как, это вы?

Моранцоне

Я долго ждал тебя.

Гвидо *(глядя в сторону)*

Я вас не ждал, но вам я очень рад.
Я вам скажу, что я намерен сделать.

Моранцоне

Сначала выслушай, что я придумал.

Поставил у ворот, ведущих в Парму,
Я лошадей: когда свой долг свершишь ты,
Мы тотчас же ускачем; завтра ночью…

Гвидо

Тому не быть.

Моранцоне

Нет, это будет!

Гвидо

Граф!
Я герцога решил не убивать.

Моранцоне

Я, верно, не расслышал. Повтори.
Года мой слух ослабили, я стар.
Что ты сказал? Что, ты своим кинжалом
Отмстишь убийство своего отца?
Не так ли?

Гвидо

Нет, я повторяю, граф,

Что герцога решил не убивать.

Моранцоне

Не может быть; мне чувства лгут; быть может,
Твои слова доходят искаженно.

Гвидо

Вы верно слышали: я не убью.

Моранцоне

А как же клятва, о изменник, клятва!

Гвидо

Решился я нарушить эту клятву.

Моранцоне

А что ж убийца твоего отца?

Гвидо

Вы думаете, будет рад отец,
Увидя на руках моих кровь старца?

Моранцоне

Он будет ликовать.

Гвидо

Нет, я не верю,

Иначе думают на свете том:
Отмщенье мне, и аз воздам.

Моранцоне

Но ты
Орудие отмщенья.

Гвидо

Не орудьем
Карает Бог, но правою десницей.
Я не убью.

Моранцоне

Зачем же ты пришел?

Гвидо

Я в спальню герцога решил пробраться,
И спящему я положу на грудь
Кинжал с письмом; когда проснется, он
Узнает, в чьих руках он был и кем
Был пощажен. Вот доблестная месть,
Иной я не хочу.

Моранцоне

Ты не убьешь?

Гвидо

Нет.

Моранцоне

Недостойный сын великих предков!
Ты терпишь, чтобы тот, кем был отец твой
Постыдно продан, – жил!

Гвидо

Не вы ли мне
Убить его на рынке помешали
В тот первый день?

Моранцоне

Тогда не время было,
Оно пришло, а ты теперь, как дева,
Лепечешь о прощенье!

Гвидо

Нет, о мести.
Ее свершит сын моего отца.

Моранцоне

Ты – трус. Бери кинжал, ступай немедля

В ту комнату и герцогское сердце

Мне принеси. Когда он будет мертв,

Ты будешь вправе рассуждать о мести.

Гвидо

Вас заклинаю честью и любовью

К отцу покойному, ответьте, граф:

Ужели мог бы мой отец достойный,

Отважный рыцарь, благородный воин,

Прокрасться ночью в спальню, словно вор,

И спящего зарезать старика,

Хотя б он был им оскорблен: ответьте!

Моранцоне *(после некоторого колебания)*

Ты клятву дал! Исполнить должно клятву.

Дитя! Ты думаешь, что я не знаю

Твоих сношений с герцогиней!

Гвидо

Лжец,

Молчи! Не так чиста луна на небе,
Не так безгрешны звезды!

Моранцоне

Все ж – ты любишь.
Не знаешь ты, что женская любовь
Игрушка в жизни.

Гвидо

Для тебя, быть может:
В твоих, старик, бессильных жилах кровь
Едва стучит; твои глаза слезятся,
И в них войти не может красота,
Усталый слух твой чуткость потерял,
И для него нема певучесть слов.
Ты говоришь: любовь! Ее не знал ты.

Моранцоне

О, было время, при луне блуждал я.
Я клялся жить для ласк и поцелуев,
Я клялся, что умру, и вот не умер.
В плохих стихах я пел любовь – о, плохо!

Но все ж как все влюбленные. Изведал
Я боль разлуки и разгула буйство…
В конце концов мы – звери, а любовь
Под громким именем – простая страсть.

Гвидо

Я вижу: никогда ты не любил!
Любовь есть таинство; она творит
Прекрасней доблесть; все пороки мира
Она стирает с сердца человека.
Она – огонь чистительный, в котором
Сгорают шлаки, золото являя;
Она – весна, что из земли холодной
Выводит в светлый мир невинность роз;
Она – тот цеп, что делит от мякины
Живые зерна. В наши дни Господь
Не сходит к людям, но любовь меж нами
Витает, как его чистейший образ.
Любя, мы ведаем все тайны Бога
И тайны мира. Нет такой лачуги

Ничтожной или малой, чтоб в нее
Когда живущие в ней сердцем чисты
Не снизошла любовь. Но если в дверь
Кровавое убийство постучится,
Любовь и во дворце от этой раны
Умрет; и это – божье наказанье
За грех; любить не может, кто преступен.
Из комнаты герцога слышится стон.
Что это? слышали? – нет, ничего.

(Продолжает.)

Призванье женщины – своей любовью
Спасать нас от грехов. Любя ее,
Ту лилию меж лилий, Беатриче,
Я понял, что достойней будет мщенье
Преступнику жизнь даровать, чем ночью
Кровавое возмездье совершить
И руки юные багрить во мраке.
И не во имя ли любви Христос,
Сам бывший воплощенною любовью,
Нам повелел прощать своим врагам?

Моранцоне *(насмешливо)*

То было в Палестине, не у нас;
Он говорил к святым, мы – только люди.

Гвидо

То было сказано для всех времен.

Моранцоне

Что ж, лилия меж лилий, герцогиня
Тебе в награду даст за милосердье?

Гвидо

Увы! ее я больше не увижу.
Назад часов двенадцать я расстался
С ней так жестоко и в таком порыве,
Что для меня ее закрыто сердце.
С ней не увижусь.

Моранцоне

Что ж ты хочешь делать?

Гвидо

Когда кинжал я положу на место,
Я Падую покину.

Моранцоне

А потом?

Гвидо

Я попрошу, чтоб дож венецианский
Меня на службу принял и послал
Меня в сраженья. Не ценю я жизнь
И брошу радостно ее на копья.
Снова из комнаты герцога слышен стон.
Вы слышали? что это?

Моранцоне

Слышу только
Я крик о мести из могилы темной.
Мы тратим время, скоро встанет солнце.
Решай: свершишь ли долг свой?

Гвидо

Я решил.

Моранцоне

Отец несчастный, ты отмщен не будешь!

Гвидо

Еще несчастней – быть отцом убийцы.

Моранцоне

Но что такое жизнь?

Гвидо

Не знаю, граф.
Не я дал жизнь, не мне ее отнять.

Моранцоне

Благодарил я Бога редко; ныне
Благодарю, что не имею сына!
Нет, не отца в тебе струится кровь,
Когда, врага держа в своих руках,
Его щадишь ты. Лучше бы остаться
Тебе в простой семье, где вырос ты.

Гвидо

Быть может, было б лучше, но еще
Мне было б лучше вовсе не родиться.

Моранцоне

Прощай!

Гвидо

Прощайте, граф. Настанет день,
Вы месть мою поймете.

Моранцоне

Никогда

(Спускается в окно и удаляется по веревочной лестнице.)

Гвидо

Мое решенье знаешь ты, отец,
И этой местью будешь ты доволен.
Я герцогу оставлю жизнь, но верю
Я поступаю так, как хочешь ты.
Не знаю, в силах ли наш смертный голос
Проникнуть за врата стальные смерти
И знают ли умершие, что мы
Творим во имя их иль не творим.
Но чье-то здесь присутствие я чую,
Со мною рядом чья-то тень стоит,
Уста бесплотные моих коснулись;
Благословляю их.

(Преклоняет колени.)

Отец, ты ль это?
О, если б, одолев уставы смерти,
В телесном образе предстал ты мне,
Чтоб я припал к руке твоей! – Все тихо.

(Встает.)

То ночь обманами тревожит чувство.
Как в кукольном театре, ночью мы
Там видим нечто, где нет ничего.
Но поздно. Мне пора за дело.

(Вынимает из камзола письмо и пробегает его глазами.)

Герцог

Письмо найдет, проснувшись, и кинжал.
Он ужаснется ли за жизнь свою?
Покается, изменится, захочет
Жить лучше? Или только посмеется,
Что пощадил я злейшего врага?
Мне все равно. Твое, отец, веленье
Я исполняю и веленье той,
Через которую тебя познал!

(Осторожно входит по лестнице.)

Но в ту минуту, когда он протягивает руку, чтобы отодвинуть занавес, выходит герцогиня, вся в белом; Гвидо отступает.

Герцогиня

Вы, Гвидо, здесь! Зачем вы здесь так поздно?

Гвидо

О белый, непорочный ангел! Ты
С небес сошла, конечно, – возвестить,
Что милосердие прекрасней мести!

Герцогиня

Меж нами больше нет преграды, Гвидо.

Гвидо

Да! больше нет.

Герцогиня

Я это совершила.

Гвидо

Здесь жди меня.

Герцогиня

Как? Ты опять уходишь?

Ты вновь меня покинешь, как тогда?

Гвидо

В одно мгновенье я вернусь назад,
Но к герцогу войти я должен в спальню
И там письмо с кинжалом положить.
Когда проснется утром он…

Герцогиня

Кто?

Гвидо

Герцог.

Герцогиня

Он не проснется.

Гвидо

Как! Он умер?

Герцогиня

Умер.

Гвидо

О Боже! Как пути твои чудесны!
Кто мог бы угадать, что той же ночью,

Когда я месть вручал твоей руке,
Своей десницей ты его коснешься
И призовешь перед собой на суд!

Герцогиня

Кинжалом герцога убила я.

Гвидо (*в ужасе)*

О!

Герцогиня

Милый, подойди, все расскажу.
Себя убить хотела я сегодня.
Проснувшись час назад, из-под подушки
Достала я кинжал, хранимый там,
И обнажила лезвие из ножен.
И с мыслью, как тебя люблю я, Гвидо,
Я острие направила в себя.
Вдруг увидала я, что рядом спит
Старик, от лет и от грехов усталый,
Проклятия произнося сквозь сон.
И вот, глядя на гнусное лицо,
Как в блеске молнии вдруг поняла я:
Вот та преграда, о которой Гвидо

Мне говорил, – ты, помнишь, о преграде
Мне говорил, – иной не может быть!
Я помню смутно, что случилось после.
Туман кровавый между мной и им
Застлал глаза мне.

Гвидо

Ужас!

Герцогиня

Простонал он,
И больше не стонал. Лишь было слышно,
Как капала по капле на пол кровь.

Гвидо

Довольно! О, довольно!

Герцогиня

Почему же
Меня ты не целуешь? Говорил ты,
Что ангелами женская любовь
Вас делает; зато любовь мужская
Нас превращает в мучениц, готовых
Все вытерпеть.

Гвидо

О Боже!

Герцогиня

Говори же!

Гвидо

Я говорить не в силах.

Герцогиня

Слов не надо.

Бежим скорей. Меж нами нет преграды.

Чего ж ты медлишь? Скоро утро. Время!

(Кладет руку на плечо Гвидо.)

Гвидо *(отступая от нее)*

Святая дьявола иль ангел ада,

Прочь! Что за демон научил тебя!

Пусть ты убила мужа – что мне в этом,

Его души давно заждался ад!

Но ты любовь убила и ее

Кроваво-страшным заменила делом.

Его дыханье дышит черным ядом
И все мертвит во мне.

Герцогиня *(в крайнем изумлении)*

Но это все
Лишь для тебя мной сделано. Когда бы
Не ты, об этом я не помышляла б!
Ты должен был остаться чуждым крови,
Безвинным, безответным, беспорочным.
Мы, женщины, всем жертвуем любви,
И за тебя я погубила душу
В сей жизни и в другой!

Гвидо

Не прикасайся!
Поток кровавый реет между нами!
Я чрез него не вижу. Убивая
Того, вонзила ты клинок в любовь.
Нам вместе быть нельзя.

Герцогиня *(ломая руки)*

Лишь для тебя,

Лишь для тебя! Ужели ты не понял?
Ты мне сказал: меж нами есть преграда.
Она теперь в той комнате лежит
Повержена, разломана, разбита,
Нас больше не разделит.

Гвидо

Ты ошиблась.
Грех был преградой, ты его свершила;
Злодейство и убийство было ею,
Ты взгромоздила их своей рукой
Так высоко, что досягнула неба,
Что Бога досягнула.

Герцогиня

Для тебя
Все совершила я, лишь для тебя,
Меня покинуть ты не можешь, Гвидо.
Достань коней, бежать нам должно тотчас.
Былое – тяжкий сон, его забудем!
Вся жизнь пред нами, перед нами дни
Любви, и опьяненья, и веселья!

Нет, не веселья – плакать мы должны,
Но плакать будем вместе. Буду я
Служить тебе; я буду милой, нежной:
Меня еще не знаешь ты.

Гвидо

Нет, знаю!
Прочь, говорю я, с глаз моих.

Герцогиня *(ходя взад и вперед)*

О Боже!
Как я его любила!

Гвидо

Никогда
Ты не любила. Иначе любовь
Тебе сковала б руки. Как мы можем
Делить с тобою пиршество любви?
В вино любви ты яду налила,
И сладких яств коснулося убийство.

Герцогиня *(бросается на колени)*

Тогда убей меня. Я пролила
Кровь нынче ночью. Что ж, пролей и ты.

Рука с рукой, на небо или в ад,

Пойду я вместе с ним. Вынь шпагу, Гвидо!

Когда она вонзится в это сердце,

Она найдет в нем, может быть, твой образ.

А если ты убить меня не хочешь,

Скажи мне слово – и сама я брошусь

На этот нож.

Гвидо *(вырывая у нее кинжал)*

Отдай его мне. Боже,

Твоя рука вся кровью залита!

Здесь – ад; я быть здесь не могу; уйди!

Я на твое лицо смотреть не в силах!

Герцогиня

Ах, если б на твое я не смотрела!

Гвидо отстраняется; она, продолжая стоять на коленях, хватает его руки.

Нет, Гвидо, выслушай еще минуту.

Пока тебя не довелось мне встретить,

Я в Падуе жила несчастной, правда,

Но никогда не мысля об убийстве.
Я подчинилась грозному супругу,
Я исполняла все его веленья
И, может быть, была невинней многих
Тех девушек, которые теперь
От рук моих в испуге отшатнутся.

(Встает.)

Но ты пришел; ах, Гвидо, в первый раз
С тех пор, как с Францией рассталась я,
Я услыхала ласковое слово
Из уст твоих: да, да! О, только это!
Да, ты пришел, и я в твоих глазах
Прочла обет любви; моей душе
Как музыка твои слова звучали.
Как я тебя любила! Но не смела
Я о любви тебе и намекнуть.
К моим ногам ты сам склонился, Гвидо,
Давая клятвы, – как склоняюсь я.

(Вновь становится на колени.)

Как сладостно в моих ушах те клятвы

Еще звучат – о, верила я им.
Ты клялся мне в любви, и я могла бы
(И тысячи других так поступили б!)
Сказать тебе: пойди убей его!
И если б это сделала я, нынче
Я не лежала б пред тобой во прахе.

(Встает.)

Но ты мне клялся бы в любви безмерной.

(После короткого молчания приближается к нему робко.)

Не знаю, понял ли меня ты, Гвидо:
Лишь для тебя свершила я убийство,
Что холодом мне оковало кровь.
Лишь для тебя.

(Простирая руки.)

Ты говорить не хочешь?
Люби меня хотя б немного – я
И девушкой не знала ни любви,
Ни дружбы.

Гвидо

Тяжело тебя мне видеть.
Мне предлагаешь благосклонность ты
Отдай ее придворным дамам.

Герцогиня

Вот как!
Так говорит мужчина! Если б ты
Принес ко мне тяжелый грех на сердце,
Убийство, совершенное за плату, – _
Я села бы у ложа твоего,
И стерегла б всю ночь, и не дала бы
Раскаянью прийти и влить свой яд
В твой слух, и сон твой берегла бы зорко.
Преступник более страдает – он
И более нуждается в любви.

Гвидо

Где преступленье, там любви не место.

Герцогиня

Где преступленье, нет любви! О Боже!
Мы, женщины, не так любить умеем!

Как много в Падуе есть бедных женщин
Ремесленников и рабочих жены,
Мужья которых заработок свой
В тавернах тратят на игру и пьянство
И, приходя домой в субботу ночью,
У очага потухшего найдя
Жену с ребенком плачущим, без хлеба,
Ее жестоко бьют за то, что плачет
От голода ребенок, и за то,
Что в доме холодно. А что ж она?
Любя его, все так же встанет утром,
С лицом, еще покрытым синяками,
Дом подметет, исполнит всю работу
И, улыбаясь, будет рада, если
Ее вторично муж не поколотит
Перед детьми!.. Вот женская любовь.

Молчание. Гвидо не говорит ничего.

Нет, Гвидо, ты меня не оттолкнешь.
Подумай: мне ведь некуда пойти.
Лишь для тебя я пролила ту кровь,
Лишь для тебя я погубила душу

И вечное спасенье.

Гвидо

Уходи.
Стал призраком убитый, и любовь.
Как призрак тоже, здесь витает грустно,
По дому, как по склепу, бродит, плача,
Что твой кинжал вонзился в сердце ей.
Ты видишь этот призрак?

Герцогиня

Вижу я,
Что отдает своей любви мужчина
Лишь часть души, а женщина любви
Всю душу отдает. Я это вижу.

Гвидо

Прочь! Воскреси убитого, тогда
С тобой я буду вновь.

Герцогиня

Ах, если б было
Убитого возможно воскресить,
Вернуть его глазам потухшим зренье,

Его язык умолкший оживить
И сердце мертвое заставить биться!
Но этого нельзя; что было – было;
Кто умер, будет мертв; уже огонь
Не даст ему тепла, и зимний холод
Его не потревожит. Он – не здесь.
Пусть позовут его, он не ответит;
Пусть позабавят, он не засмеется;
Пусть снова ранят, кровь не застру-ится.
Ах, если б воскресить его могла я!
О Боже, поверни немного солнце,
Из книги жизни вырви эту ночь,
Да будет так, чтоб не было ее!
Дай быть мне той же, что и час назад!
Нет, время на мгновенье не замедлит,
Не повернется солнце, хоть бы голос
Раскаянья охрип. Но ты, мой милый,
Ужель ни слова жалости не можешь
Сказать мне? Гвидо, Гвидо, неужели
Поцеловать меня не можешь ты?
Не брось меня в отчаянье, в безумье.

Ведь женщина теряет разум, если
Так смотрят на нее. Ужель меня
Не поцелуешь?

Гвидо *(держа кинжал)*

Не могу тебя
Я целовать, когда твой нож в крови.

(Яростно.)

Вернись к тому, кто был тобой убит!

Герцогиня *(всходя на первые ступени лестницы)*

Вернусь к нему. Да будет милосердней
К тебе судьба, чем ты ко мне сегодня.

Гвидо

Да будет милосердней, если нынче
И я убийство совершу.

Герцогиня *(спускаясь на несколько ступеней)*

Убийство?
Убийство – жадно, малым недовольно,
И ненасытна смерть, его сестра;
Она по дому бродит, не уйдет,

Пока не обретет себе подруги!

Смерть, погоди, я дам тебе слугу.

Бродить с тобою! Перестань, убийство,

Кричать: ты скоро голод свой насытишь.

На этот дом до утра грянет буря,

Такая страшная, что месяц в небе

От ужаса замрет и побледнеет.

Со стоном ветер воет вкруг, и звезды

В безумном беге чертят небосвод,

Как если б ночь огнистыми слезами

О том рыдала, что увидит утро!

Плачь, горестное небо! Выплачь горе!

Хотя б ты хлынуло потопом в поле

И превратило землю в море слез,

Все было б мало!

Удар грома.

Слышишь? Это небо

Дает нам знак. Проснулась месть, спустила

Своих собак на мир. Обоим нам

Она грозит. И тот, на чью главу

Небесный гром падет, пусть бережется

Погибели в огне разящих молний!

Блеск молнии, сопровождаемый ударом грома.

Гвидо

Прочь! Прочь!

Герцогиня уходит; когда она поднимает алый занавес перед дверью, она, обернувшись, одно мгновение смотрит на Гвидо, но тот не делает ни одного движения; раскат грома.

У ног вся жизнь, как груда пепла;

Любовь сама себя убила; в жизнь

Кровавою пятой вошло убийство.

Она свершила это; но меня

Она любила; любит и теперь:

Лишь для меня решилась это сделать.

О, как я был жесток с ней. Беатриче,

Послушай, Беатриче, возвратись!

(Подымается по лестнице, когда слышится шум идущих солдат.)

Что это? факелы? сюда идут?

Спаси ее, о Боже!

Шум усиливается.

Беатриче!

Еще бежать есть время! Возвратись!

Скорей!

Слышен голос герцогини за сценой.

Герцогиня

Туда бежал убийца мужа.

Вниз по лестнице стремительно сбегает отряд солдат; они сначала не замечают Гвидо, пока герцогиня, окруженная слугами с факелами, не появляется на верху лестницы и не указывает на него; Гвидо тотчас схватывают, и один из солдат, вырвав у него из рук кинжал, показывает его перед всеми начальнику отряда.

Картина.

Занавес

Действие четвертое

Зал суда; стены обиты серым тисненым бархатом; выше этой обивки стены красные; золоченые символические фигуры поддерживают потолок из красных балок с серым карнизом и фризом; балдахин из белого атласа, вышитый золотыми цветами, поставлен для герцогини; ниже — длинная скамья, покрытая красным сукном, для судей; еще ниже — стол для судебных писцов. Два солдата стоят по сторонам балдахина; два других — на страже у двери; часть горожан уже пришла на суд; другие приходят, приветствуя друг друга; два стража, в лиловом одеянии, с длинными белыми жезлами, поддерживают порядок.

Первый горожанин. Доброе утро, сосед Антонио.

Второй горожанин. Доброе утро, сосед Доменико.

Первый горожанин. Страшный день для Падуи, не правда ли? — герцог умер.

Второй горожанин. Могу сказать, сосед Доменико, что такого дня не бывало с того времени, как умер последний герцог.

Первый горожанин. Сперва будут судить его, а потом произнесут решение, ведь так, сосед?

Второй горожанин. Нет, так он, пожалуй, увернется от наказания; они его сначала осудят, чтобы он получил свое, а судить будут потом, чтобы несправедливости не было.

Первый горожанин. Верно, верно, с ним поступят круто, нечего сомневаться.

Второй горожанин. И впрямь это страшное дело — пролить кровь герцога.

Первый горожанин. Говорят, у герцогов кровь голубая.

Второй горожанин. Я так думаю, что у нашего герцога кровь была черная, как его душа.

Первый горожанин. Берегись, сосед, на тебя посматривает страж.

Второй горожанин. Чего мне бояться, если он на меня смотрит; он ведь не может поколотить меня глазами.

Третий горожанин. А что вы думаете о молодчике, всадившем нож в герцога?

Второй горожанин. Человек очень милый, очень добрый, очень славный, и все же виноват в том, что убил герцога.

Третий горожанин. Это он в первый раз; может быть, суд его и помилует, так как раньше он

ничего подобного не делал.

Второй горожанин. Верно.

Страж. Молчи, негодяй!

Второй горожанин. Разве я ваше зеркало, господин страж, что вы меня называете негодяем?

Первый горожанин. Вот идет одна из служанок. Ну, синьора Лючия, вы состоите при дворе, как поживает бедная герцогиня, что ее милое личико?

Лючия. Ну, денек! Что за ужасный день! Что за день! Что за ужас! Ровно девятнадцать лет назад, в июне, в день святого Микеля, я вышла замуж, а вот теперь август, и герцога зарезали. Посмотрите, какое совпадение.

Второй горожанин. Уж если это совпадение, то молодчика, пожалуй, не казнят: закон против совпадения не пойдет.

Первый горожанин. Но как поживает герцогиня?

Лючия. Да, я ведь знала, что над этим домом стрясется несчастие: шесть недель назад пироги пригорели с одного бока, а в день святого Мартина, под вечер, налетел на огонь громадный мотылек с крыльями, — я совсем перепугалась.

Первый горожанин. Эх, кумушка, перейди к герцогине: что она?

Лючия. Верно, самое время спрашивать об ней: бедняжка чуть не помешалась. Всю ночь не спала, все ходила по комнате. Уж я ее просила выпить вина покрепче или настойки да лечь в постель и поспать немного, чтобы силы подкрепить, но она ответила, что боится увидеть сон. Странный ответ, не правда ли?

Второй горожанин. Знатные люди всегда с придурью, это Бог устроил за то, что у них шелки да бархаты.

Лючия. Да, уж упаси нас Боже от убийства, пока мы живы.

Входит быстро Моранцоне.

Моранцоне. Герцог умер?

Второй горожанин. Ему нож воткнули в сердце, а это никому не на пользу.

Моранцоне. Кого обвиняют в убийстве?

Второй горожанин. Да обвиняемого, синьор.

Моранцоне. А кто обвиняемый?

Второй горожанин. Да тот, кого обвиняют в убийстве герцога.

Моранцоне. Я спрашиваю, как его зовут?

Второй горожанин. Помилуй Бог, зовут как окрестили, как же иначе?

Страж. Его зовут Гвидо Ферранти, синьор.

Моранцоне

Я был почти уверен в этом раньше.

(В сторону.)

Что герцога убил он, это странно,
Иное он задумывал. Но, верно,
Когда он герцога увидел ночью
Его отца продавшего злодея,
В порыве страсти он забыл свои
Безумные мечтанья о любви
И пожелал отмстить; но странно только,
Что он не спасся.

(Поворачиваясь к другим.)

Как его схватили?

Третий горожанин

За волосы, должно быть, синьор.

Моранцоне

Нет, кто его схватил?

Третий горожанин

Да тот, кто наложил на него руку.

Моранцоне

Кто поднял тревогу?

Третий горожанин. Этого не могу сказать вам, синьор.

Лючия. Сама герцогиня указала убийцу.

Моранцоне *(в сторону).* Герцогиня? Это очень странно.

Лючия. Да, и в руке у него был кинжал — собственный кинжал герцогини.

Моранцоне. Что вы сказали?

Лючия. Клянусь честью, герцог был убит кинжалом герцогини.

Моранцоне *(в сторону).* Здесь есть какая-то тайна: я этого не понимаю.

Второй горожанин. Долго они что-то не идут.

Первый горожанин. По-моему, для преступника они придут слишком вовремя.

Страж. Молчание в суде!

Первый горожанин. Вы, господин страж, сами больше всех шумите своим криком.

Входят верховный судья и другие судьи.

Второй горожанин. Кто это в красном? Палач?

Третий горожанин. Нет, это верховный судья.

Входит Гвидо под стражей.

Второй горожанин. Это, наверно, преступник.

Третий горожанин. У него вид честный.

Первый горожанин. Этим-то он и плох: него-

дяи в наши дни так похожи на честных людей, что честному человеку, для отличия, надо быть похожим на негодяя.

Входит палач, который занимает место позади Гвидо.

Второй горожанин. Вот там, должно быть, палач. Господи! Как ты думаешь, топор отточен?

Первый горожанин. Поострее твоих острот; но лезвие направлено не на него, заметь.

Второй горожанин *(почесывая шею).* По правде сказать, неприятно быть поблизости от него.

Первый горожанин. Э, тебе-то его нечего бояться; простым людям голов не рубят; их просто вешают.

Трубы за сценой.

Третий горожанин. Почему трубят? Разве суд кончился?

Первый горожанин. Нет, это для герцогини.

Входит герцогиня в черном бархатном платье; его шлейф из черного бархата, вышитого цветами, несут два пажа, одетые в лиловое; с ней кардинал в алой сутане и придворные, все в черном; герцогиня садится на свой трон выше судей, которые встают и снимают шляпы при ее появлении; кардинал садится рядом с герцогиней, несколько ниже ее; придворные располагаются

вокруг трона.

Второй горожанин. Бедняжка, как она бледна! Она сядет на трон?

Первый горожанин. Да, ведь она теперь у нас вместо герцога.

Второй горожанин. Это для Падуи хорошо; герцогиня очень добрая и сострадательная герцогиня; она лечила у меня ребенка от лихорадки.

Третий горожанин. Да, и еще дала нам хлеба: не надо забывать про хлеб.

Солдат. Добрые люди, отступите.

Второй горожанин. Если мы добрые, зачем нам отступать?

Страж. Молчание в суде!

Верховный судья

По вашему желанью, ваша светлость,
Мы приступаем, если вам угодно,
К разбору дела, как убит был герцог.

Герцогиня наклоняет голову в знак согласия.

Пусть подойдет преступник.

Гвидо подводят.

Как тебя
Зовут?

Гвидо

Синьор, не важно это.

Верховный судья

Гвидо
Ферранти – так тебя здесь называли.

Гвидо

Не все ль равно мне, буду я наказан
Под этим именем иль под другим?

Верховный судья

Ты знаешь, по какому обвиненью
Тяжелому ты привлечен сюда;
А именно: что был тобой убит
Симоне Джессо, герцог Падуанский.
Что можешь возразить ты?

Гвидо

Ничего.

Верховный судья *(вставая)*

Тогда наш долг…

Моранцоне *(выступая из толпы)*

Помедлите, синьор.

Верховный судья

Кто ты, что предлагаешь правосудию
Помедлить?

Моранцоне

Если это правосудье,
Пускай оно свершится; если ж нет…

Верховный судья

Кто это?

Барди

Знатный человек: его
Знавал покойный герцог.

Верховный судья

Вы, синьор,
Явились вовремя, чтоб увидать,
Как будет отомщен покойный герцог.
Вот человек, свершивший злое дело.

Моранцоне

Есть доказательства у вас, синьор?

Верховный судья *(показывая кинжал)*

Вот этот окровавленный кинжал.

Он был из рук его, кровавых тоже,

Солдатом вырван нынче ночью. Нужно ль

Иных вам доказательств?

Моранцоне *(берет кинжал и приближается к герцогине)*

Ваша светлость,

Не этот ли кинжал вчера я видел

У вас на поясе?

Герцогиня содрогается, но ничего не отвечает.

Позвольте мне,

Синьор, поговорить одну минуту

С несчастным юношей.

Верховный судья

Синьор, охотно.

Быть может, вы его уговорите

Нам сделать полное признанье.

Моранцоне подходит к Гвидо, стоящему справа, и берет его за руку.

Моранцоне *(вполголоса)*

Гвидо!

Убила герцогиня. Я прочел
Признание в ее глазах. Ужели,
Ты думаешь, позволю я, чтоб ты
Казнен был за чужое преступленье!
Отец твой герцогом был предан: ныне
Его вдова здесь предает тебя.

Гвидо

Граф, это сделал я. Отмщен отец мой.
Чего ж вам более?

Верховный судья

Сознался он?

Гвидо

Я сознаю, что было свершено
Ужасное, постыдное убийство.

Первый горожанин. Ну посмотрите, какое у него доброе сердце: он совсем не похож на убийц; они его оправдают.

Верховный судья

И это все?

Гвидо

Синьор, еще скажу я,

Что смертный грех – пролить чужую кровь.

Второй горожанин. Ему бы следовало сказать это палачу: дельное мнение.

Гвидо

Теперь, синьор, прошу я позволенья
Здесь, пред судом, открыто объяснить,
Что скрыто тайного в убийстве этом,
И вам назвать того, кто этой ночью
Кинжалом этим герцога убил.

Верховный судья

Ты можешь говорить.

Герцогиня *(вставая)*

Нет, он не должен:
Не очевидно разве это дело?
Не он ли схвачен ночью во дворце
В плаще, залитом кровью?

Верховный судья *(показывая ей книгу законов)*

Ваша светлость,
Прочтите, вот закон.

Герцогиня *(отталкивая книги)*

Синьор, уместно ль,
Чтоб человек, как этот, вправе был
Здесь, пред лицом народа, надругаться
Над герцогом, моим покойным мужем,
Над честью города и надо мной,
Быть может…

Верховный судья

Государыня, но – право?

Герцогиня

Он говорить не должен! Пусть ему
И рот заткнут, когда взведут на плаху.

Верховный судья

Но право?

Герцогиня

Разве связаны мы правом?
Других мы вяжем им.

Моранцоне

Синьор, ужели
Допустите вы это беззаконье?

Верховный судья

Таких советов, граф, суду не нужно.
Пример опасный был бы, ваша светлость,
Обычный путь закона преграждать.
Бесправию мы тем дадим возможность
Коснуться наших золотых весов,
И беззаконие тогда победу справит.

Барди

Нельзя мешать закону, ваша светлость.

Герцогиня

Но если, благородные синьоры,
Затронуть ваши земли и богатства
И ваши беспредельные доходы
Осмелиться на грош один уменьшить,
Не будете вы говорить о праве
С таким упорством важным, как теперь.

Барди

На нас клевещете вы, ваша светлость.

Герцогиня

Нет, я не клевещу. И кто из вас,
В своем дому застигнув ночью вора,
Несущего в мешке домашний хлам,
С ним станет говорить, а не предаст
Его тотчас же в руки сторожей,
Чтоб отвести его в тюрьму? Не так ли
Должны вы поступить, когда нашли
Убийцу в комнате дворца, с руками,
Залитыми горячей кровью мужа?
Его должны вы привести на суд
И под топор послать без промедленья.

Гвидо

О Боже!

Герцогиня *(верховному судье)*

Отвечайте.

Верховный судья

Ваша светлость,
Есть точные законы, по которым

Простой убийца все ж имеет право
От обвиненья лично защищаться.

Герцогиня

Синьор, пред нами не простой убийца.
Он вне закона, он изменник низкий,
На наше герцогство он поднял руку.
Кто убивает государя, с ним
И государство поражает вместе;
Жен делает вдовами, а детей
Сиротами; подобен он врагу,
Пришедшему на нас с военной силой,
Ведя с собой ряды венецианцев,
Чтоб стены Падуи низвергнуть в прах.
Нет, он для нас опаснее врага.
Врата и стены, крепости и замки,
Что созданы из дерева и камня,
Возможно воссоздать, но кто вернет
Жизнь моему убитому супругу,
Кто воскресит его?

Маффио

Клянусь я верой,

Он не получит права говорить.

Джеппо Вителлоццо

Похоже, так, но слушайте.

Герцогиня

Пускай
Посыплет пеплом Падуя главу,
Повесит всюду черные знамена
И облечется в траур. Только прежде,
Чем мы приступим к горестным обрядам,
Подумать должно о руке преступной,
Готовившей погибель государству;
Пора убийцу бросить в тесный дом,
Где звуков нет, где малой горстью пыли
Навек замкнутся лживые уста.

Гвидо

Пустите, стражи! Выслушай, судья!
Как не смиришь ты вольный океан,
Альпийскую грозу иль зимний ветер,
Так тщетно мне приказывать мол-

чать!

Свои ножи в меня сейчас вонзите

Все раны тотчас обретут язык

И будут вопиять!

Верховный судья.

Синьор, напрасен

Такой порыв. Покуда суд не даст

Тебе законно право защищаться,

Мы слов твоих не примем во вниманье.

Герцогиня смеется, а Гвидо с жестом отчаяния отступает назад.

Позвольте мне и судьям, ваша светлость,

Пройти в другую комнату и там

Все затрудненья дела разобрать

И подыскать законы и примеры.

Герцогиня

Синьор, идите рассмотрите дело

И воспретите вольничать убийце.

Моранцоне

Идите, судьи, и спросите совесть,

Возможно ли, не выслушав, казнить.

Верховный судья и другие судьи удаляются.

Герцогиня

Молчи, злой дух моей несчастной жизни!

Ты встал вторично между мной и им.

Но этот раз, синьор, черед за мною.

Гвидо

Я не умру, не высказав всего.

Герцогиня

Умрешь и тайну унесешь с собою.

Гвидо

Ты ль это, герцогиня Беатриче?

Герцогиня

Я-то, чем сделал ты меня. Смотри:

Я рук твоих созданье.

Маффио

Не похожа ль

Она сейчас на белую тигрицу,

Что Индия прислала дожу в дар?

Джеппо

Молчи, еще услышит.

Палач

Бедный малый,
Зачем тебе охота говорить,
Когда топор уже висит над шеей?
Словами не притупишь острия.
Но если это так тебе желанно,
То попроси себе духовника:
Простые люди все его зовут,
А он, я знаю, с доброю душою.

Гвидо

Хоть смерть и ремесло твое, но все же
Ты был со мной любезнее других.

Палач

Спаси вас Бог, синьор, а я готов
Вам оказать последнюю услугу.

Гвидо *(кардиналу)*

Скажите, монсиньор, возможно ль,

чтобы
Здесь, в христианском городе, где лик
Спасителя глядит на нас в суде,
Без исповеди был казнен несчастный?
Мне запретят ли исповедать грех,
Тяжелый грех, в душе лежащий камнем?

Герцогиня

Напрасно было б тратить время.

Кардинал

Сын мой,
В делах суда я власти не имею.
Наш долг там начинается, где суд
Кончает дело. И тогда тебя
Раскаяться мы будем убеждать
И церкви на ухо поведать тайны
Твоей души греховной.

Герцогиня

Да, ты можешь
На исповеди столько говорить,
Что у тебя от слов распухнут губы,

Но здесь молчать ты должен.

Гвидо

Монсиньор,
Мне в этом мало утешенья.

Кардинал

Сын мой,
Власть церкви переходит за пределы
Того комка земли, на коем мы
Лишь прах, как говорит Иероним.
И если ты раскаянным умрешь,
Молитвами и мессами мы можем
Твоей душе в чистилище помочь.

Герцогиня

И если ты в чистилище увидишь
Покойного супруга, с язвой в сердце,
Скажи ему, что послан мной.

Гвидо

О Боже!

Моранцоне

И эту женщину ты мог любить!

Кардинал

Как вы к нему жестоки, ваша светлость.

Герцогиня

Не боле, чем ко мне он был жесток.

Кардинал

Пощада – украшенье государей.

Герцогиня

Я не щажу и не прошу пощады.

Он сердце обратил мне в твердый камень,

Он терний посеял в чистом поле,

Он в сердце отравил источник блага,

Он вырвал с корнем жалость из души;

Вся жизнь моя – голодная страна,

В которой все живое помертвело.

Я то, чем сделал он меня. (Плачет.)

Джеппо

Как странно,

Что герцога она любила так.

Маффио

Да, странно, если муж любим женою,
А если не любим – еще страннее.

Джеппо

Какой философ ты, Петруччи!

Маффио

Да,
С моей философией легко
Несчастия других переношу я.

Герцогиня

Седые бороды довольно медлят.
С моею философией легко
Зовите их, велите им прийти,
А то боюсь, что сердце разорвется!
Не потому, чтоб мне хотелось жить;
Бог видит жизнь мою, в ней мало счастья,
Но как-то странно умереть одной
И в ад одной идти… Ах, монсиньор,
Вы видите, здесь, на моем челе,
Написано пером кровавым: Месть!
Подайте мне воды, я смою слово.

Мне эти буквы выжгли нынче ночью,
Но днем я не могу их выносить,
Они мне жгут и сушат мозг; подайте
Мне нож, не этот, нет, другой, я срежу
Их прочь с чела!

Кардинал

Понятно, ваша светлость,
Что гневаетесь вы на руку ту,
Что герцога предательски убила.

Герцогиня

А! Эту руку я сожгла б в огне;
Но вечный пламень пусть палит ее!

Кардинал

Спаситель повелел – прощать врагам.

Герцогиня

Прощать? Мне не прощали! Я не буду!
Но вот идут. Ну что ж, синьор, ну что ж?

Входят верховный судья и другие судьи.

Верховный судья

Всемилостивейшая герцогиня!

Мы долго обсуждали ваш вопрос
И, признавая мудрость ваших слов,
Что исходили из прекрасных уст…

Герцогиня

Любезностей не надо, дальше!

Верховный судья

Мы
Нашли, что справедливо ваша светлость
Считает гражданина, кто насильем
Злоумышляет против государя,
Стоящим ipso facto – вне закона.
Он сам себя лишил защиты права,
И, став изменником, врагом народа,
Он может каждым быть убит свободно,
Причем убивший не несет ответа.
И если будет он представлен в суд,
Он должен там в почтительном молчанье
Прослушать только должный приговор,

Лишившись права защищать себя.

Герцогиня

Вас от души благодарю, синьор.
Мне ваш закон по сердцу, и прошу
Произнести скорее приговор.
Как, что-то есть еще?

Верховный судья

Да, ваша светлость.
Наш обвиняемый – не падуанец.
Не здесь родившись, с герцогом покойным
Он клятвой верности не связан; он
Ему служил, как мог служить другому.
Итак, хотя он обвинен в измене,
За что закон всегда карает смертью,
Но он по праву может защищаться
Перед лицом народа и суда.
Должны мы даже прямо настоять,
Чтоб он свою защиту произнес,
Дабы тот город, где родился он,
В неправосудии не обвинил нас

И против Падуи войны не начал.
Так милосерды в Падуе законы
По отношенью к чужестранцам.

Герцогиня

Как!
Придворный мужа – чужестранец здесь?

Верховный судья

Да, только после семилетней службы
Он может в Падуе стать гражданином.

Гвидо

Вас от души благодарю, синьор.
Мне ваш закон по сердцу.

Второй горожанин

Мне законы
Не по душе. Не будь законов, их
Не нарушали б. Каждый был бы честен.

Первый горожанин

Вот умные слова: ведут далеко.

Страж

На виселицу, друг.

Герцогиня

Таков закон?

Верховный судья

Таков закон наверно, ваша светлость.

Герцогиня

Подайте книгу: он написан кровью.

Джеппо

Смотри на герцогиню.

Герцогиня

О проклятый!
Я вырвала б тебя из нашей жизни,
Как вырываю здесь, из этой книги.

(Вырывает страницу.)

Граф Барди, подойдите; честны вы?
Доставьте быстро ко дворцу коня,
В Венецию мне надо ехать тотчас.

Барди

В Венецию?

Герцогиня

Ни слова никому,
Исполните.

Граф Барди уходит.

Синьор, одну минуту.
Вы мне сказали, что таков закон,
Нет, нет, не сомневаюсь, что вы правы,
Хоть в деле этом и неправ закон,
Но объясните мне, в моей ли власти
Наш суд отсрочить до другого дня?

Верховный судья

Нельзя отсрочить дело об убийстве.

Герцогиня

Я слушать не хочу, как этот дерзкий
Бесстыдным языком порочить будет
В суде священную особу нашу.
Синьоры, мы уходим.

Верховный судья

Ваша светлость,
Нельзя нам удаляться из суда,

Пока мы приговора не объявим.

Герцогиня

Нельзя, синьор? Но кто дает вам право
Мне воспрещать, когда хочу уйти?
Как, разве я не герцогиня ваша?
Кто ж правит городом?

Верховный судья

Да, ваша светлость,
Вы в этом городе – источник права,
Оно из вашей воли истекает;
Едва вы удалитесь, как река,
Оно иссохнет. Вам уйти нельзя.

Герцогиня

Что ж, ты меня удержишь против воли?

Верховный судья

Не должно вашей воле спорить с правом.

Герцогиня

А если силой я найду дорогу?

Верховный судья

В суде дорогу силой не находят.

Герцогиня

Я ухожу отсюда.

(Встает с трона.)

Верховный судья

Где привратник?

Привратник выступает вперед.

Ты знаешь долг свой.

Привратник закрывает двери суда на левой стороне сцены, и, когда герцогиня со свитой приближается к ним, становится на колени.

Привратник

Ваша светлость, я
Смиренно вас прошу не обращать
Моих обязанностей в непочтенье,
Служенья моего – в непослушанье.

Герцогиня

Ужель из вас, синьоры, ни единый
Не уберет с дороги болтуна?

Маффио *(обнажая шпагу)*

Я это сделаю!

Верховный судья

Граф Маффио,
Не смейте.

(К Джеппо.)

Также вы, синьор. Кто первый
Поднимет меч на служащих суда
Умрет еще до сумерек.

Герцогиня

Синьоры,
Вложите в ножны ваши шпаги. Я
Хочу признания убийцы слушать.

(Возвращается на свой трон.)

Моранцоне

Теперь врага в руках ты держишь.

Верховный судья *(держа песочные часы)*

Гвидо
Ферранти, ты, пока песок в часах
Течет, имеешь право говорить
Не дольше.

Гвидо

Этого с меня довольно.

Верховный судья

Уже стоишь ты на пороге смерти,
И говорить ты должен только правду,
Иное не поможет.

Гвидо

Если я
Скажу иное – пусть меня казнят.

Верховный судья *(перевертывает песочные часы)*

Молчание – пока он говорит.

Страж

Молчание в суде!

Гвидо

Синьоры, я
Откуда речь свою начать не знаю:
Так это дело странно и ужасно.
Позвольте объяснить мне, кто я родом.

Я сын законный герцога Лоренцо,
Который был изменнически предан
Тем гнусным негодяем, кто так долго
В прекрасной Падуе как герцог правил.

Верховный судья

Остерегись, напрасно ты глумишься
Над герцогом, в гробу лежащем ныне.

Маффио

Помилуй Бог! Так, значит, он – законный
Властитель Пармы!

Джеппо

Виден в нем был рыцарь.

Гвидо

Я сознаюсь, что с целью правой мести,
Да, с правой целью, отомстить убийце,
Я к герцогу на службу поступил,
Ел хлеб его, с ним пил вино и был
Его товарищем. Я сознаюсь,
Что добивался дружбы я его,
Чтоб мне свои все тайны он открыл,

Чтоб мне стал доверять он, как когда-то

Ему отец покойный доверял.

Для этого я у него служил.

(К палачу.)

Топор помедли на меня клонить:

Кто знает, мне ли время умереть,

Иль голову другую плаха ждет.

Верховный судья

Песок в часах не медлит. Приступай

Скорей к рассказу, как убит был герцог.

Гвидо

Я буду краток. Прошлой ночью, в полночь,

Я во дворе взобрался по веревке

С намереньем отмстить за смерть отца.

Да, с этой целью; сознаюсь, синьоры.

Все это я признал, и вот еще что:

Я подошел по лестнице до двери,

Ведущей в спальню герцога, и руку

Я протянул к пурпурной занавеске,
Дрожавшей и качавшейся под ветром;
Вдруг белый месяц в небе засиял,
Залив покой своим сребристым светом,
Ночь для меня зажгла свои светила,
И я увидел герцога в постели.
И с мыслью о возлюбленном отце,
Которого на эшафот послал он,
Схватил кинжал я, найденный случайно,
Там, в этой комнате, и прямо в сердце
Его вонзил презренному убийце!

Герцогиня *(вставая с трона)*

О!

Гвидо *(неудержимо)*

Герцога убил я. Нет, синьоры,
Я милости не попрошу у вас.
Пусть только не увижу я рассвета,
Встающего над этим жалким миром.

Верховный судья

Исполним эту просьбу. Нынче ночью

Ты жизнь покончишь. Пусть его возьмут.

Пойдемте, ваша светлость.

Гвидо уводят; когда он проходит мимо герцогини, она простирает к нему руки и стремительно встает со своего трона.

Герцогиня

Гвидо! Гвидо!

(Падает без чувств.)

Картина.
Занавес.

Действие пятое

Темница в падуанской тюрьме; Гвидо спит на скамье (слева); стол, на котором стоит чаша (слева); пять солдат пьют и играют в кости на углу каменного стола; у одного из них фонарь, висящий на алебарде; факел вставлен в стену над головой Гвидо; в глубине два окна с решетками, между которыми дверь (посередине), ведущая в проход; на сцене полутьма.

Первый солдат *(бросает кости).* Опять шестерки, милый Пьетро!

Второй солдат. Черт возьми, товарищ, я больше с тобой не играю. А то проиграю все.

Третий солдат. Все, кроме ума; ты этим крепок.

Второй солдат. Да, этого он с меня не возьмет.

Солдаты *(громко смеются).* Ха-ха-ха!

Первый солдат. Тише! Вы заключенного разбудите; он спит.

Второй солдат. Что за беда! Он довольно выспится, когда его похоронят. Вот если бы мы его разбудили в могиле, я думаю, он был бы рад.

Третий солдат. Нет! Ведь когда он там проснет-

ся, будет день Страшного суда.

Второй солдат. Зато и сделал он страшное дело; ты подумай: убить одного из нас, состоящих из плоти и крови, это грех, а убить герцога — это уже преступление.

Первый солдат. Ну, это был дурной герцог.

Второй солдат. Поэтому он и не должен был его трогать; кто связывается с дурными людьми, сам от них заражается.

Третий солдат. Что верно, то верно. А сколько ему лет?

Второй солдат. Довольно, чтобы поступить по-глупому, но мало, чтобы поступить по-умному.

Первый солдат. Этак может ему быть лет сколько угодно.

Второй солдат. Говорят, герцогиня хотела его помиловать.

Первый солдат. Да что ты?

Второй солдат. Да, и очень она просила верховного судью, только тот не согласился.

Первый солдат. А я думал, Пьетро, что герцогиня все может.

Второй солдат. Верно, судя по ее сложению; никого я не видывал красивее.

Солдаты *(смеются).* Ха-ха-ха!

Первый солдат. Я хотел сказать, что герцогиня

все может сделать.

Второй солдат. Нет, потому что он предан судьям, а те уже позаботятся, чтобы совершилось правосудие, — те, вместе с силачом Уго, палачом; а когда ему голову отрубят, вот тогда герцогиня может его помиловать, если ей угодно; против этого нет законов.

Первый солдат. А мне не думается, чтобы Уго-силачу, как ты его называешь, пришлось-таки в конце концов делать свое дело. Ведь этот Гвидо из знатных и, значит, по закону имеет право раньше выпить яд, если это ему угодно.

Третий солдат. А если он не выпьет?

Первый солдат. Ну, тогда ему отрубят голову.

Стук в дверь.

Посмотри, кто там?

Третий солдат идет к двери и смотрит в окошечко, проделанное в ней.

Третий солдат. Это, синьор, женщина.

Первый солдат. Красива?

Третий солдат. Не сумею сказать, она в маске.

Первый солдат. Только очень безобразные или очень красивые женщины всегда прячут свое лицо. Впусти ее.

Солдат отпирает дверь, входит герцогиня в маске и в плаще.

Герцогиня *(к третьему солдату).* Кто здесь начальник?

Первый солдат *(выходя вперед).* Я, синьора.

Герцогиня. Я должна остаться с узником наедине.

Первый солдат. Очень жаль, синьора, но это невозможно.

Герцогиня подает ему перстень, тот, взглянув на него, возвращает его с поклоном и делает знак солдатам.

Ступайте отсюда!

Солдаты уходят.

Герцогиня. Ваши солдаты немного грубы.

Первый солдат. Они добрые ребята.

Герцогиня. Я выйду отсюда через несколько минут. Прикажите им, когда я буду проходить мимо, не подымать моей маски.

Первый солдат. Не беспокойтесь, синьора.

Герцогиня. У меня есть важные причины на то, чтобы моего лица не видели.

Первый солдат. Синьора, с этим перстнем вы можете приходить и уходить сколько вам угодно: это собственный перстень герцогини.

Герцогиня. Оставьте меня.

Солдат поворачивается, чтобы идти.

Одну минуту, синьор. В каком часу назначе-

на?..

Первый солдат. Нам приказано, синьора, вывести его в двенадцать часов; но я не думаю, чтобы он стал нас дожидаться: по всей вероятности, он выпьет этот яд; люди палачей боятся.

Герцогиня. Это — яд?

Первый солдат. Да, синьора, самый верный яд.

Герцогиня. Можете идти, синьор.

Первый солдат. Черт побери, красивая рука! Кто бы это мог быть? Должно быть, его возлюбленная. *(Уходит.)*

Герцогиня *(снимая маску)*

О, наконец-то! – Может он спастись
В плаще и маске: с ним мы сходны ростом,
Его солдаты примут за меня…
А я? Мне все равно. Лишь только б он
Меня не ненавидел. А боюсь,
Он будет ненавидеть – и по праву.
Теперь одиннадцать; придут в двенадцать.

(Подходит к столу.)

Так это яд. Не странно ль: в этой чаше

Таится ключ всей мудрости земной.

(Берет чашу.)

Он пахнет маком. Помню хорошо,
Когда жила в Сицилии я, в детстве,
Я часто красный мак рвала в полях,
Плела венки, а мой суровый дядя,
Джованни из Неаполя, смеялся.
Не знала я тогда, что может мак
Жизнь оборвать, остановить биенье
В усталом сердце, кровь оледенить
В застывших жилах, так что наше тело
Поволокут крюками и швырнут
В могилу общую. Да, наше тело…
А что душа? На небо или в ад
Она пойдет. Куда ж пойдет моя?

(Берет со стены факел и подходит к постели Гвидо.)

Как сон его спокоен! Спит, как мальчик,
Уставший от игры. О, если б я
Могла так спать. Но сны мне снятся

ночью!

(Наклоняясь над ним.)

Что, если поцелую я его?
Нет, я его устами обожгу!
Ему любви довольно. Все готово.
Из Падуи он нынче в ночь уедет;
И это хорошо. Синьор судья,
Быть может, умны вы; но я умнее,
И это хорошо. – Как я любила!
Но из любви цветок кровавый вырос.

(Возвращается к столу.)

Лишь выпить этот сок – всему конец.
Чем лучше ждать, когда захочет смерть
Прийти к моей постели, с черной свитой
Болезней, старости, бед, угрызений?
Ужель еще должна страдать я много?
Я слишком молода, чтоб умирать.
Но это надо. Почему же надо?
Он убежит сегодня. Кровь его
Меня не будет мучить. Нет, так надо.

Я грех свершила, и за это – смерть.
Меня любил он, и за это – смерть.
Меня не любит он, за это – смерть.
Я б умерла счастливой, если б он
Поцеловал меня; он не захочет.
Его не знала я, и мне казалось,
Что он меня предаст суду. Как странно!
Мы, женщины, умеем разгадать
Возлюбленного, лишь расставшись с ним.
Колокол начинает звонить.
Проклятый колокол! Как жадный волк,
Ты медной глоткой вопиешь о смерти.
Добычи не получишь, замолчи!
Он шевельнулся – я должна спешить.

(Берет в руки чашу.)

Любовь! любовь! любовь! не знала я,
Что так тебя я буду прославлять!

(Выпивает яд и ставит чашу на стол, позади себя.)

Этот шум будит Гвидо, он встает, но не видит,

что она сделала. Минуту длится молчание, они смотрят друг на друга.

Я не прощения пришла просить:
Я знаю, ты простить меня не можешь.
Не будем говорить об этом. Я
Во всем созналась судьям: говорили,
Что басней я тебя спасти хочу,
Что ты – сообщник мой, что милосердьем
Играют женщины, как и любовью,
Что я от горя разум потеряла;
Когда ж крестом я поклялась, они
Послали за врачом лечить меня.
Их было десять, Гвидо, десять против
Одной меня, и ты вполне в их власти.
Я в Падуе считаюсь герцогиней;
Не знаю, так ли это; я просила
Тебя помиловать, мне отказали.
Твердят, что ты изменник, что сама
Я это указала. Может быть
И через час они придут сюда,
Тебя возьмут и уведут отсюда,

Связавши руки за спиной, заставят

На плахе на колени стать. Но я

Успела их опередить. Возьми

Вот перстень с государственной печатью;

Ты с ним пройдешь свободно мимо стражи;

Вот плащ и маска; дан приказ солдатам

Не трогать маски; миновав ворота,

Иди налево; пред вторым мостом

Ждет конь тебя; ты будешь завтра утром

В Венеции.

Молчание.

Что ж ты не отвечаешь?

Меня проклясть не хочешь, уходя?

Ты – прав.

Молчание.

Ты, кажется, меня не понял.

Между ударом палача и нами

Осталось столько времени, в какое

В часах протечь успеет горсть песку
Из рук ребенка. Перстень – здесь. Возьми.
Нет больше крови на руке моей.
Не отвергай ее. Ты взять не хочешь?

Гвидо *(берет перстень и целует его)*

Возьму охотно.

Герцогиня

И беги сейчас.

Гвидо

Бежать?

Герцогиня

Бежать скорее, нынче ночью.

Гвидо

Да, этой ночью я спасусь.

Герцогиня

Да будет!

Гвидо

Я буду жить? Милей еще ни разу
Мне не казалась жизнь.

Герцогиня

Не медли, Гвидо.
Вот плащ и маска. Конь – ждет у моста.
Налево, мост второй, у перевоза.
Не медли, Гвидо. Разве ты не слышишь
Ужасный колокол? Ударом каждым
Он отрывает у тебя минуты.
Спеши.

Гвидо

Все ж он прийти успеет.

Герцогиня

Кто?

Гвидо *(спокойно)*

Палач.

Герцогиня

Нет, нет!

Гвидо

Лишь он один мне может
Из Падуи дорогу указать.

Герцогиня

Не смеешь ты, нет, ты не смеешь, Гвидо,
Вторым убийством отягчить мне душу.
Довольно одного! Когда предстану
На божий суд, я не хочу, чтоб ты
Явился вслед, с рубцом на белой шее,
И говорил, что я тебя убила.

Гвидо

Я остаюсь, синьора.

Герцогиня

Ты не смеешь.
Не понял разве ты, что нынче ночью
Я в Падуе бессильна точно так же,
Как женщина любая: ты умрешь.
Я видела на площади помост,
Вокруг него толпилась злая чернь
С ужасными насмешками, со смехом,
Как будто перед кукольным театром,
А не пред троном смерти. Гвидо, Гвидо,

Ты должен убежать.

Гвидо

Я остаюсь.

Герцогиня *(ломая руки)*

Ужели мало одного греха?
Ужель он должен возрастить второй,
Ужасней первого, чтоб тот стал явным?
Замкни грехов утробу, загради.
Я не хочу, чтоб снова запятнала
Мне руки кровь.

Гвидо *(хватая ее за руку)*

Ужель так низко пал я,
Что за тебя не смею умереть?

Герцогиня *(вырывая руку)*

Как, за меня? – но жизнь моя позорна
И брошена в пыли земных путей;
Ты за меня не должен умирать:
Я – грешница.

Гвидо

Пусть это скажет тот,
Кто не познал, что значит искушенье,
Кто не бродил, как мы с тобой бродили,
В огне страстей, чья жизнь бледна и скучна.
Да, если есть на свете человек,
Кто не любил ни разу, пусть в тебя
Он бросит камнем. Но не я.

Герцогиня

Увы!

Гвидо *(падая к ее ногам)*

Ты – вся моя любовь и весь мой мир!
О золото волос! о пурпур губ!
Все это создано – лишь для любви!
Очарованья воплощенный образ!
Тобой любуясь, забываю все,
Тобой любуясь, я с тобой сливаюсь,
Тобой любуясь, счастлив я, как бог.
Пусть будет тело брошено на плаху,
Моя любовь бессмертна!

Герцогиня закрывает лицо руками; Гвидо отводит их.

О, открой
Дрожащий завес этих милых глаз,
Чтоб я сказал, глядя на эти очи,
Что никогда так не любил тебя,
Как ныне, в час, когда нас разделяют
Уста холодной смерти. Беатриче,
Я говорю тебе: люблю! Ответь же!
Да, я могу перенести топор,
Но не твое молчанье! Повтори же
Мое «люблю»! Скажи одно мне слово,
И смерти притупится лезвие!
Но ты молчишь, и тысяча смертей
В сравненье с этим легче. Ты меня
Не любишь, ты жестока.

Герцогиня

Я не смею.
Я залила любви невинной руки
Багряной кровью. Здесь повсюду кровь.
Она вокруг меня.

Гвидо

О нет, не ты!
Какой-то дьявол искусил тебя.

Герцогиня *(внезапно вставая)*

Мы сами – дьявол свой, и целый мир
Мы превращаем в ад.

Гвидо

Так пусть мой рай
Низвергнут будет в Тартар. Этот мир
Я в небо превращу на эти миги!
О, если был здесь грех, то был он – мой.
Кто, как не я, вскормил убийство в сердце,
Им подслащая яства и вино,
Я герцога сто раз на дню кинжалом
Пронзал в моих мечтах. И если б мог он
Хоть вполовину умирать так часто,
Как я того желал, – всегда стояла б
Смерть во дворце и рыскало убийство.
Но ты, о дорогая, ты жалела

Побитую собаку, на тебя
С восторгом улыбались дети, ты
С собой вносила всюду ясность солнца,
Ты, белый ангел чистоты небесной,
Не можешь быть виновна во грехе!
Что ж это было?

Герцогиня

Было что? Порою
Все, что свершилось, кажется мне сном,
Что мне послал какой-то демон злой,
Но тотчас вижу бледный лик во гробе
И сознаю, что то не сон, что руки
Мои в крови и что душа моя,
В своей любви искавшая приюта
Под грозной бурей мира, – челн свой утлый
Разбила об утес греха. Спросил ты,
Что это было? Ах, одно убийство.
Ужасное убийство. Только это.

Гвидо

Нет, нет и нет! То был цветок стра-

дальный
Твоей любви; в единый миг он прожил
Жизнь скорби, и в единый миг он дал
Кровавый плод, который я в мечтах
Срывал так много раз. Моя душа
Была убийцей, руки были слабы;
Твоя душа – чиста, хотя руками
Свершила ты убийство. Беатриче,
За это я люблю тебя, и тот,
Кто в милосердии тебе откажет,
Да будет проклят. Поцелуй меня.

(Пытается поцеловать ее.)

Герцогиня *(уклоняясь)*

Твои уста чисты, мои преступны.
Любовником мне было преступленье,
И грех со мной лежал на ложе. Нет!
Но если любишь ты меня – беги.
Ведь каждый миг подтачивает жизнь
Твою, как червь. Беги, мой милый. Если
Ты вспомнишь обо мне когда-нибудь,
То знай, что я тебя любила больше,
Чем могут полюбить другие! Помни,

Что я любви пожертвовала жизнью,
Но тем любовь убила... Что такое?
Звук колокола смолк. Я слышу ясно
По лестнице шаги солдат.

Гвидо *(в сторону)*

Идут
Уже за мной.

Герцогиня

Что ж колокол замолк?

Гвидо

Он подал знак, что близится конец
Моей несчастной жизни в этом мире.
Но в мире лучшем будем мы с тобой!

Герцогиня

Нет, нет, еще не поздно, поспеши.
Конь у моста, беги не медля, Гвидо.

Шум солдат в проходе.

Голос за дверью

Верховному судье дорогу!

Сквозь решетчатое окно видно, как проходит

верховный судья, предшествуемый людьми с факелами.

Герцогиня

Поздно!

Голос за дверью

Дорогу палачу!

Герцогиня *(падая)*

О! О!

Видно, как проходит палач, с топором на плечах, сопровождаемый монахами с горящими свечами.

Гвидо

Прощай,
Моя любовь! Мне должно выпить яд.
Я смерти не боюсь, но не хочу
Я умирать на площади, один.
Здесь, здесь, в твоих руках, тебя целуя,
Умру счастливым…

(Идет к столу и берет чашу.)

Как, она пуста?
Скупой тюремщик, пожалел ты яду!

Герцогиня *(слабо)*

Его не обвиняй.

Гвидо

Как, это – ты?
Ты выпила? Скажи мне, Беатриче,
Что нет.

Герцогиня

Когда б я стала отрицать,
Огонь, сжигающий мне сердце, скоро
Тебе все объяснил бы.

Гвидо

Ты жестока,
Зачем мне не оставила ни капли!

Герцогиня

Для одного лишь было здесь довольно.

Гвидо

О, нет ли яду на губах твоих?
Его я поцелуем выпью!

Герцогиня

Нет!

Ты не убил и умереть не должен.

Убила я и умереть должна.

Ты помнишь: кровь за кровь. Кто так сказал?

Я позабыла.

Гвидо

Подожди. Умрем

С тобой мы вместе!

Герцогиня

Нет, ты должен жить.

Есть в мире много женщин, и они

Тебя полюбят, не свершив убийства.

Гвидо

Люблю одну тебя.

Герцогиня

Но умереть,

Не должен ты!

Гвидо

Возлюбленная! Если

Умрем мы вместе, можно будет лечь

И вместе нам в могилу.

Герцогиня

Будет
Для ложа брачного тесна могила.

Гвидо

Достаточна для нас!

Герцогиня

Ее закроют.
Суровым саваном, полынью горькой;
Нет больше на могилах алых роз,
А, если были, все они увяли
С тех пор, как муж убит мой.

Гвидо

Беатриче,
Есть розы уст твоих – те не увянут!

Герцогиня

О нет, в могиле станут серым прахом
Мои уста, как и твои глаза
Влюбленные в глазницах помертвеют,
И черви стаей нам изгложут сердце.

Гвидо

Я не боюсь. Любовь сильнее смерти.
Во имя торжествующей любви
Умру с тобою!

Герцогиня

Но в могиле мрачно,
В гробу темно. Так, я иду вперед,
Чтоб светочи зажечь перед тобою.
Нет, не хочу я смерти! не хочу!
О милый мой, ты силен, молод, храбр;
Стань между мной и ангелами смерти,
Сражайся с ними за меня.

(Ставит Гвидо перед собой.)

Тебя
Я поцелую, если победишь.
Ужель нет средств спасти меня от яда?
Ужель в Италии нет больше рек,
Что ты не хочешь дать мне горсть воды,
Чтоб загасить огонь!

Гвидо

О Боже!

Герцогиня

Гвидо!

Что ж ты скрывал, что засуха в стране,

Что нет воды и что везде – огонь!

Гвидо

О Беатриче!

Герцогиня

Позови врача,

Но не того, кто состоял при муже,

Другого! Позови врача. Скорее.

Я знаю, есть лекарства против яда,

Нам продадут их, если мы заплатим.

Скажи ему: я Падую отдам

За час единый жизни! Умирать

Я не хочу. Мне больно. Умираю,

Не прикасайся. Яд мне сердце жжет.

Не знала я, как страшно умирать.

Я думала, что жизнь взяла себе

Все муки. Нет, не так.

Гвидо

Гасите, звезды

Проклятые, в слезах свое сиянье!

Пусть месяц не выходит нынче ночью!

Герцогиня

Зачем мы здесь? Мне кажется, мой Гвидо,

Для брачной комнаты здесь слишком бедно.

Уйдем скорей отсюда. Где же кони?

Давно пора в Венецию нам ехать.

Как холодно. Поскачем поскорей.

Монахи начинают петь за сценой.

Поют? Напев печален. Но теперь

Везде печаль – не знаю почему.

Не надо плакать: мы друг друга любим;

Довольно этого. Зачем здесь смерть?

Кто вас позвал за этот стол, синьора?

Прочь! Ты нам не нужна! Послушай, я

Пила не яд, а в честь твою вино.

Ложь, будто бы мной выпит яд; он пролит

На землю, как та кровь. Ты опоздала.

Гвидо

Здесь никого нет с нами, дорогая!

Все это только призраки твои.

Герцогиня

Зачем ты медлишь, смерть! Ступай наверх;

Там есть остатки после похорон,

Возьми себе; мы здесь справляем свадьбу.

Тебе не место здесь. К тому же – лето.

Нам пламени подобного не надо,

Ты нас сожжешь. О Гвидо, я горю!

О, помоги мне! дай воды! воды!

Иль больше яду! Нет, вся боль прошла

Как странно: боли в теле не осталось

И смерть ушла, – как этому я рада.

Она – нас разлучить хотела. Гвидо,

Жалеешь ты, что встретился со мной?

Гвидо

Без этого не стоило и жить,
Клянусь тебе! И многие на свете
Умрут охотно за подобный миг,
Но не найдут его!

Герцогиня

Ты не жалеешь?
Как это странно!

Гвидо

Беатриче! Я
Лицом к лицу стоял пред красотой.
Довольно этого для нашей жизни.
О милая! Я счастлив. Часто прежде
Сидел я на пирах, но что сравнится
С тем пиром, на котором мы теперь?
Здесь наши кравчие – любовь и смерть,
Любили вместе мы, умрем мы вместе.

Герцогиня

Всех женщин я преступнее была,
Всех женщин я наказана жесточе.
Ты веришь ли – нет, это невозможно,

Ты веришь ли, что с рук моих любовь
Способна смыть кровавое пятно,
Бальзамом раны сердца окропить
И сделать грех багряный чище снега?
Я много согрешила.

Гвидо

Тот невиновен,
Кто согрешил из-за любви.

Герцогиня

Нет, много
Я согрешила, но, быть может, мне
Простят за то, что я любила много!

Они целуют теперь друг друга, впервые в этом действии, но вдруг герцогиня вскакивает в мучительной судороге смерти, рвет в агонии свои волосы и наконец, с лицом, измененным и искаженным болью, падает мертвой на скамью. Гвидо, выхватив у нее из-за пояса кинжал, закалывается; падая на ее колени, он увлекает плащ, повешенный на спинке скамьи, и покрывает ее всю этим плащом. Несколько мгновений длится молчание. Потом из прохода слышны шаги солдат; дверь открывается, и входят верховный судья,

палач и стражи; они видят фигуру, покрытую черным, и Гвидо, лежащего мертвым у ее ног. Верховный судья устремляется вперед и подымает плащ с герцогини, лицо которой теперь подобно мрамору и исполнено мира, как знак, что Бог простил ее.

Картина.
Занавес.

Шекспир Уильям. Макбет

Действующие лица

Дункан, король шотландский. Ак. 1 сц. 2, 4, 6.

Малькольм, сын Дункана. Ак. I сц. 2, 4, 6. Ак. II сц. 3. Ак. IV сц. 3. Ак. V сц. 6, 7.

Дональбайн, сын Дункана. Ак. I сц. 2, 4, 6. Ак. II сц. з.

Макбет, полководец королевских войск. Ак. I сц. 3, 4, 5, 7. Ак. II сц. 1, 2, 3. Ак. III сц. 1, 2, 4. Ак. IV сц. 1. Ак. V 3, 5, 7.

Банко, полководец королевских войск. Ак. I сц. 3, 6. Ак. II сц. 1. Ак. III сц. 1, 3.

Макдуф, шотландский вельможа. Ак. I сц. 6. Ак. II сц. 3, 4. Ак. IV сц. 3. Ак. V сц. 4, 6, 7.

Ленокс, шотландский вельможа. Ак. I сц. 2, 4, 6. Ак. И сц. 3. Ак. III сц. 1,4, 6. Ак. IV сц.1. Ак. V сц. 2, 4, 7.

Росс, шотландский вельможа. Ак. I сц. 2, 3, 4, 6. Ак. II сц. 4. Ак. III сц. 1, 4. Ак. IV сц. 2, 3, 4. Ак. V сц. 8.

Ментет, шотландский вельможа. Ак. 5 сц. 4, 7.

Ангус, шотландский вельможа. Ак. I сц. 3, 4, 6. лк. V сц. 2, 4, 7.

Катнесс, шотландский вельможа. Ак. V сц. 2, 4, 7.

Флинс, сын Банко. Ак. II сц. 1. Ак. III сц. 3.

Сивард, граф нортумберлэндский, английский полководец. Ак. V сц. 4, 6, 7.

Молодой Сивард, сын его. Ак. V сц. 4, 7.

Сейтон, офицер из свиты Макбета. Ак. V сц. 3, 5.

Сын Макдуфа. Ак. V сц. 2.

Английский доктор. Ак. IV сц. 3.

Шотландский доктор. Ак. V сц. 1, 3.

Солдат. Ак. I сц. 2.

Привратник. Ак. II сц. 2.

Старик. Ак. II сц. 4.

Леди Макбет. Ак. I сц. 5, 6, 7. Ак. II сц. 2, 3. Ак. III сц. 1, 2, 4. Ак. V сц. 1.

Леди Макдуф. Ак. IV сц. 2.

Придворная дама леди Макбет. Ак. V сц. 1.

Геката. Ак. III сц. 5.

Три **Ведьмы**. Ак. I сц. 1, 3. Ак. III сц. 5. Ак. IV сц. 1.

Лорды, вельможи, офицеры, солдаты, убийцы, свита и вестники.

Дух Банко и другие явления.

Действие в конце четвертого акта в Англии, остальные — в Шотландии. Время — XI век по Р. Х.

Действие первое
Сцена I

Открытое место.
Гром и молния. Входят три ведьмы.

1-я ведьма

Когда сойдемся мы опять:
Опять ли в бурю, в дождик, в град?

2-я ведьма

Когда кровавый стихнет бой.

3-я ведьма

Перед вечернею порой.

1-я ведьма

Но где же место?

2-я ведьма

Степь вон эта

3-я ведьма

Мы встретим там…

1-я ведьма

Кого?

2-я ведьма

Макбета

3-я ведьма

Леший крикнул!

Все

Кот мяукнул!
Пора! пора!
Гроза гремит
Без черных туч,
На небесах
Играет луч.
Сквозь пар и дым
Летим, летим!

(Исчезают).

Сцена II

Поле близ Фореса.

Шум битвы вдали. Входят король Дункан, Малькольм, Дональбайн, Ленокс и другие. Они встречают раненого солдата.

Дункан

Кто этот раненый? Он прямо с поля
И, верно, может нам сказать, как идут
Дела мятежников.

Малькольм

Лихой солдат!
Он смело выхватил меня из плена.
Здорово, молодец! Что, как дерутся?
Ты только что оттуда – расскажи.

Солдат

Бог весть чем кончится, а бьются жарко.
Устали мы и, словно два пловца,
Схватились, плавая в крови, с врагами.
Свирепый Макдональд – кому и быть
Изменником, как не ему: все злое,
Все мерзкое срослось с его душой —
Свирепый Макдональд одушевился:
К нему на помощь подоспели керны,
Он силы свежие повел на бой —

И счастье встретило его улыбкой.

Да все не помогло! Наш бравый Макбет —

Не попусту слывет он молодцом! —

С презреньем глянул на врага; мгновенно

От свежей крови задымился меч,

И он, как ловкий рудокоп, прорылся

К лицу раба.

Сошлись – Макбет не опочил от битвы,

Покаместь черепа не раскроил врагу.

Дункан

Мой храбрый Макбет! муж, каких немного!

Солдат

Но как случается: на небесах

За красным солнышком восходит буря —

Так и теперь она взошла; из недр победы

Возникла новая борьба. Заметьте!

Едва лишь меч, карающий неправду,

Заставил кернов обратиться в бегство,

Как ринулся на нас король норвежский.

Пришлось опять схватиться с свежей силой

И меч скрестить с мечом еще блестящим.

Дункан

Что ж? Банко и Макбет не испугались?

Солдат

Да,

Как зайца может испугаться лев.

Сказать вам правду: на ряды врагов

Они ударили, как залп орудий,

Разорванных на тысячу кусков.

Бог ведает, чего они хотели:

Омыться ли в дымящейся крови,

Иль повторить все ужасы Голгофы…

Но я устал: меня терзают раны.

Дункан

Они идут к тебе, как твой рассказ,

В них дышит честь. Отвесть его к врачу.

(Солдата уводят).
Входит Росс.

Дункан

А это кто сюда идет?

Малькольм

Тан росский.

Ленокс

Какой огонь горит в его глазах!
Так смотрят вестники чудес.

Росс

Господь,
Храни царя.

Дункан

Откуда храбрый тан?

Росс

Из Файфа, государь, где так недавно
Пятнали небеса врагов знамена
И дерзко навевали холод страха

На твой народ. С бесчисленной дружиной

Свекон, примкнув к изменнику Кавдору,

Вступил в жестокий бой. И битва длилась,

Пока он Макбета не повстречал.

Беллоны друг, облитый крепкой сталью,

Схватился с ним грудь с грудью и рука с рукой —

И гордый дух смирен. Мы победили.

Дункан

Какое счастье!

Росс. Теперь он просит мира.

За позволение предать земле

Убитых ратников он заплатил

Двенадцать тысяч долларов в Сен-Кольме.

Дункан

Вперед Кавдор не будет изменять.

Иди и прикажи его казнить,

А Макбета поздравь кавдорским та-

ном.

Росс

Иду.

Дункан

Чего лишился он,
Тем пусть обогатится Макбет.

(Уходят).

Сцена III

Степь.
Гром, три ведьмы сходятся.

1-я ведьма

Где была, сестра?

2-я ведьма

Свиней душила.

3-я ведьма

Ну, а ты?

1-я ведьма

Я по селу бродила.

Глядь: купчиха у ворот
Щелкает орехи.
Щелк да щелк – и полон рот!
«Дай», сказала я старухе;
А проклятая в ответ:
«Для тебя орехов нет!»
Ну, постой же! Мы сочтемся,
С муженьком твоим сойдемся:
Он поплыл с товаром в море —
Не за злато ж, не купцам:
Он отдаст его за горе
Жадным бешеным волнам,
Я лечу за ним на мщенье!
Серой крысой обернусь,
И за ветра дуновеньем
В решете за ним помчусь.

2-я ведьма

Слушай! я тебе дарю
Ветер мой.

1-я ведьма

Благодарю.

Остальные мне подвластны.
Погоди ж, пловец несчастный!
Ты не можешь утонуть,
Но ужасен будет путь!
В черной пасти бурных волн,
Ожиданья смерти полн,
Лютых семью-семь седьмиц
Не сомкнешь своих ресниц!
Будешь чахнуть – не исчахнешь,
Будешь сохнуть – не иссохнешь,
День рожденья проклянешь,
Окаянным пропадешь…
Посмотрите, что нашла я.

2-я ведьма

Что там?

1-я ведьма

Палец моряка.
Плыл моряк издалека,
Видел дом, детей, жену
И, дойдя, пошел ко дну.

(Слышны звуки барабана).

3-я ведьма

Чу! барабан там бьет!

Макбет, Макбет идет!

Все три *(пляшут и поют)*

Мы вещие сестры, урочной порою

Несемся над морем, летим над землею.

Сомкнувшись в кружок очарованный, вместе

Мы трижды обходим заклятое место.

Круг первый для первой, второй – для второй,

И третий – для третьей. Довольно постой!

Заклятье готово: погибнет герой.

Входят Макбет и Банко.

Макбет

Как странен день: гроза без туч

На небесах играет луч.

Банко

До Фореса далеко ль? Это кто,

Худые, дикие, иссохшие как тень?

Как не похожи на жильцов земли!

Однако ж здесь они. Живете ль вы?

И можно ль к вам с вопросом обратиться?

Конечно, вам слова мои понятны;

Я вижу – каждая свой палец костяной

К губам давно поблекшим поднесла.

Вы женщины, но бороды густые

Совсем другое говорят о вас.

Макбет

Когда вы можете, скажите: кто вы?

1-я ведьма

Да здравствует Макбет, гламисский тан!

2-я ведьма

Да здравствует Макбет, кавдорский тан!

3-я ведьма

Да здравствует Макбет, король в грядущем!

Банко

Ты изумлен? Ты будто испугался
Их сладких слов? Во имя чистой правды!
Вы – призраки иль существа живые?
Макбета вы почтили предсказаньем
Высокой почести; одушевили
Надеждою на царскую корону.
Внимая вам, он упоен восторгом, —
Мне ничего не говорите вы…
Когда ваш взор в посев времен проникнуть
И плод от смерти может отличить,
То слово вещее скажите мне.
Я вашей дружбы не ищу
И не боюсь вражды.

1-я ведьма

Ура!

2-я ведьма

Ура!

3-я ведьма

Ура!

1-я ведьма

Ниже и выше Макбета.

2-я ведьма

Не столько счастлив, но счастливее его.

3-я ведьма

Царей родоначальник, но не царь.

Да здравствуют Макбет и Банко!

1-я ведьма

Да здравствуют и Банко и Макбет!

Макбет

Постойте, вестницы! Загадки прочь!

Скажите больше мне! Я тан гламисский

С тех пор, как умер мой отец Синел.

Но тан кавдорский жив и в цвете лет,

И быть царем, как быть кавдорским таном,

Не из числа возможных дел. Откуда

Чудесное исходит ваше знанье?

Зачем вы нас пророческим приветом

Здесь на степи глухой остановили?

Я заклинаю вас – скажите!

(Ведьмы исчезают).

Банко

Земля, как и вода, содержит газы —

И это были пузыри земли.

Куда они исчезли?

Макбет

В воздух. Ветер

Разнес их мнимые тела, как вздох.

Как жаль, что не остались!

Банко

Полно, так ли?

Не о мечте ль мы говорим? Не обаял ли

Нас запах трав, лишающих рассудка?

Макбет

Твоим потомкам суждена корона…

Банко

Ты будешь сам король…

Макбет

И тан кавдорский.
Не так ли?

Банко

Слово в слово. Это кто?

Входят Росс и Ангус.

Росс *(Макбету)*

Король обрадован счастливой вестью
Твоих побед. Когда узнал он, Макбет,
Что ты с изменником сразился лично,
Он и хвалить тебя не мог: умолкнул,
Дивяся подвигам твоим. Везде,
Куда в тот день ни обращал он взоры,
Везде тебя в толпе врагов встречал он,
Везде был ты, бестрепетный и смелый
Средь вызванных тобой явлений смерти…
За вестью весть, как в сказке, прилетала;
Что ни гонец, то новую победу
Слагал Макбет к Дунковым стопам.
Ангус. Мы присланы от имени монарха

Благодарить и звать к нему; награды
Мы для тебя не принесли…

Росс

А только
В залог других, почетнейших даров,
Он танство Кавдора тебе дает.
Будь счастлив, тан! Будь счастлив в новом сане!

Банко

Как? Дьявол правду может говорить?

Макбет

Но тан кавдорский жив – так для чего же
Чужой одеждой украшать меня?

Ангус

Он жив еще, но он уже не тан.
Остаток дней подавлен приговором —
И он умрет. Что сделал он – не знаю:
Мятежным тайную ли подал помощь,
Иль явно стал в Свеноновых рядах:
Но он в измене уличен – и пал.

Макбет *(тихо)*

Гламис и Кавдор – впереди престол.

(Громко)

Благодарю за труд. Что скажешь, Банко?

Не вправду ль царствовать твоим сынам?

Мне новый сан, а им престол обещан.

Банко

Да, вверься им – они тебя заставят
Все танства в мире позабыть
И руку протянут к короне. Странно!
Как часто, чтоб вернее погубить,
Созданья мрака говорят нам правду:
Манят к себе невинною безделкой,
А там – обманывают и влекут
В пучину ужасающих последствий.

(Россу и Ангусу).

Друзья, на пару слов.

(Отходят в сторону).
Макбет *(тихо)*

Два изречения сбылись: пролог
И драма царская растет, разыгран.

(Громко).

Благодарю вас, господа.

(Тихо).

Их сверхъестественный и темный вызов
Ни зол, ни добр; когда он зло, к чему бы
Давать залог вернейшего успеха,
Начавши истиной? Я тан кавдорский.
Когда он добр, зачем я так невольно
Прильнул к мечте, ужасной искушеньем…
Гляжу – и чувствую, как бьется сердце,
И волос встал, что прежде не бывало,
Но ужас истинный не так велик,
Как ложный страх, дитя воображенья.
Убийство – мысль; она еще в уме;
Но эта мысль встревожила всю душу!
Вся сила органов подавлена,
Исчезла истина, и мир видений
Меня объял.

Банко

Смотри каким восторгом
Он упоен!

Макбет *(тихо).*

Когда судьбе угодно
Меня венчать, так пусть меня венчает!
Я ей не помогу.

Банко

Что нам одежда,
То почесть Макбету: пока нова,
Все как-то в ней неловко.

Макбет *(тихо)*

Будь что будет!
Ненастный день промчится, как и ясный.

Банко

Мы ждем тебя, мой благородный тан.

Макбет

Ах, виноват… забылся… вспоминал.

Кой что забытое.

(Россу и Ангусу, указывая на сердце).

Ваш труд записан
Сюда, друзья; а в этой книге Макбет
Привык читать. Пойдемте к королю.

(Банко).

Что было не забудь. В другое время,
Когда пройдет влияние минуты,
Откроем мысль друг другу откровенно.
Банко. Я очень рад.
Макбет. Теперь довольно, в путь

(Уходят.)

Сцена IV

Форес. Комната во дворце.
Звуки труб. Входят Дункан, Малкольм, Дональбайн, Ленокс и придворные.

Дункан

Казнен ли Кавдор? Посланные здесь?

Малькольм

Их нет еще. Но был здесь очевидец
Кончины Кавдора. Он говорил,
Что бывший тан признался откровенно
В своей вине, молил вас о прощеньи
И глубоко покаялся в грехе.
На поприще его минувшей жизни
Всего прекрасней был конец. Он умер,
Как будто смерть он изучил. Свой лучший,
Дражайший дар он бросил, как игрушку.

Дункан

В чертах лица души не прочитаешь.
Я доверял ему вполне.

Входят Макбет, Банко, Росс и Ангус.

Дункан

Герой наш!
На мне лежит тяжелый грех, о Макбет!
Неблагодарен я; но ты далеко

Ушел вперед, и соколиным крыльям
Моих наград тебя уж не настичь!
Будь подвиг твой не так велик, я мог бы
Тебя за труд твой наградить. Теперь
Одно осталось мне: сказать, что долг мой
Мне никогда ничем не уплатить.

Макбет

Я выполнил мой долг – не больше.
Награда за него – он сам. Мы – дети.
Вы – наш отец; с сыновнею любовью
Нам легок труд, и вам на честь и славу
Мы все трудиться рождены.

Дункан

Я насадил тебя и позабочусь,
Чтоб ты расцвел в роскошной полноте.
И ты велик, мой благородный Банко,
В твоих делах! Я их не позабуду.
Сюда, на грудь мою, в мои объятия!

Банко

О! если там созрею я, то жатва ваша.

Дункан

Восторгом переполнена душа.
И он готов бежать слезою скорби.
Сыны! родные! царедворцы! знайте,
Что старшему из сыновей, Малькольму,
Мы завещаем наш престол; отныне
Он принцем Комберлэндским наречен.
Но почести не одному, и мы
Всех верных слуг наградами осыплем,
Как звездами осыпан свод небес.
Отсюда в Инвернес с тобою, Макбет!

Макбет

Нет, это труд; а труд сужден не вам.
Я сам лечу, чтоб радостною вестью:
«Король наш гость!» обрадовать жену.
Итак, простите.

Дункан

Благородный Кавдор!

Макбет *(тихо)*

Принц Комберлэнд! вот камень на пути!

На нем мне пасть, иль все за ним найти.

Померкните, светила в небесах!

Глазам не вынести – взор ужаснется.

Так
пусть удар мой ниспадет впотьмах;

Рука верна, она не промахнется.

(Уходит).

Дункан

Ты, Банко, прав: он истинно велик.

Хвалить его – прямое наслажденье.

Скорей же в путь! За ним! С какой любовью

Домой спешит он, чтобы нас принять!

Ему подобного нет в целом мире.

(Уходят).

Сцена V

Инвернес. Комната в замке Макбета.
Входит леди Макбет, читая письмо.

Леди Макбет *(читает).* «Они встретились со мною в день победы, и я убежден фактом, что знание их сверхъестественно. Когда я сгорал желанием расспросить их подробнее, — они превратились в воздух и исчезли. Я не успел еще опомниться от удивления, как передо мной стояли уже посланные от короля и поздравили меня таном кавдорским — сан, которым только что приветствовали меня вещие сестры, намекнув на будущее восклицанием: «да здравствует Макбет, король в грядущем!» Я счел за нужное уведомить тебя об этом, Милая соучастница моего величия. Я не хотел лишить тебя твоей доли радости, умолчав о происшедшем. Запечатлей его в сердце и прощай».

Гламис и Кавдор! Королем ты будешь.
Но я боюсь: в твоей душе так много
Млека любви, что ты не изберешь
Пути кратчайшаго. В тебе, я знаю,
И гордость есть, и жажда громкой славы,
Да нет сопутника их – зла. Престола
Путем прямым желал бы ты достигнуть,

Игрою чистою сорвать весь банк...

Нельзя, Гламис! звучат неотразимо

Слова: «Убей иль откажись от власти!»

А ты смущен и страхом и желаньем.

Спеши сюда! В твой слух пролью я смелость

Моей души и бодрыми словами

Заставлю взять златой венец. Судьба

И сонм духов тебя уже венчали.

Входит слуга.

Леди Макбет

Что нового?

Слуга

Король сегодня на ночь

Приедет к вам.

Леди Макбет

Король! в уме ли ты?

Макбет при нем и, верно, поспешил бы

Прислать гонца; ведь надо ж приготовить

Ему прием.

Слуга

Сам тан уже в дороге:
Гонец его опередил; усталый,
Едва дыша, он сообщил нам новость.

Леди Макбет

Пусть отдохнет. Принять его получше.
Он весть великую привез.

(Слуга уходит. Слышно карканье ворона).

И ворон
Охрип, закаркав на приезд Дункана.
Сюда ж, сюда, о демоны убийства!
В мой женский дух вселите лютость зверя!
Сгустите кровь мою, загородите
Путь к сожалению в моей груди!
И будет замысел мой тверд; природа
Не пошатнет его, и духи мира
Моей руки не отклонят. Сюда,
Убийства ангелы, где б ни витали
Вы в этот час, на гибель естеству!

Сюда, к грудям моим! Смените желчью

Их молоко! Скорей, глухая ночь!

Спустись на мир и в мрачном дыме ада

Укрой мой нож! Пусть он не видит раны,

И небо не пронзит покрова тьмы

Словами: «стой! остановись!».

Входит Макбет.

Леди Макбет

Великий тан гламисский и кавдорский,

Король, судьбой отмеченный на царство!

Твое письмо меня уже умчало

Из этих жалких настоящих дней:

Всю будущность я сознаю теперь.

Макбет

Душа моя! Дункан приедет к ночи.

Леди Макбет

А едет он когда отсюда?

Макбет

Завтра —

Так он предполагал.

Леди Макбет

О, никогда

Такого завтра не увидеть солнцу!

В твоем лице, мой милый тан, как в книге,

Прочтут недоброе. Смотри светлей!

Обманем свет, надев его личину:

Радушный взгляд, да ласковые речи,

Да вид цветка с змеей, под ним сокрытой.

Мы гостя угостим. Я позабочусь,

Чтоб даром ночь не потерять. Она

Всем нашим будущим ночам и дням

Доставит власть, доставит славу нам.

Макбет

Поговорим об этом после.

Леди Макбет

Да,

Но ободрись, смотри повеселее:

Кто изменяется в лице, тот трус.

За остальное я берусь.

(Уходит).

Сцена VI

Перед замком Макбета.

Музыка. Вдали слуга Макбета.

Входят Дункан, Малькольм, Дональбайн, Банко, Ленокс, Макдуф, Росс, Ангус и свита.

Дункан

Прекрасный вид! Как чист и легок воздух!

Как нежно он ласкает наши чувства!

Банко. А вот и ласточка, весенний гость;

Ее присутствие нам говорит,

Что мирно здесь дыханье неба веет.

Взгляните, нет ни уголка, ни фриза,

Где б не висел птенцов воздушный домик.

А где они, заметил я, гнездятся

С такой охотою, там воздух чист.

Входит леди Макбет.

Моя хозяюшка, я вам так много
Принес забот, но много и любви!
Примите ж труд, любовью освященный.

Леди Макбет

Что значит труд наш, государь? Ничто!
И будь он во сто раз важней – ничто
В сравнении с щедротами монарха.
Вы царской милостью взыскали нас,
И за нее мы ваши богомольцы.

Дункан

Где тан кавдорский? Мы за ним гнались.
Но он не едет, а летит. Умчался,
Гонимый любящей душой, как конь,
Гонимый шпорою. Мы ваши гости
На эту ночь, прекрасная хозяйка.

Леди Макбет

Мы ваши, государь; своим добром
Владеем мы не больше, как займом.
Угодно вам потребовать расчета —
И мы обязаны отдать вам все.

Дункан

Нет только руку, – и пойдемте к тану, —
В моей любви он может быть уверен.
Позвольте.

(Уходят).

Сцена VII

Комната в замке Макбета.

Гобои и факелы. Кравчий и несколько слуг проходят через сцену с кушаньями. Потом входит Макбет.

Макбет

Удар... один удар... будь в нем
Я не замедлил бы. Умчи с собою все дело,
Он все следы, подай залог успеха,

Будь он один начало и конец —
Хоть только здесь, на отмели времен —
За вечность мне перелететь не трудно.
Но суд свершается над нами здесь:
Едва урок кровавый дан, обратно
Он на главу учителя падет.
Есть суд и здесь: рукою беспристрастный
Подносит нам он чашу с нашим ядом.
Король Дункан вдвойне здесь безопасен:
Родной и подданный – я не могу
Поднять руки на короля; хозяин —
Убийце должен затворить я дверь,
Не сам своим ножом зарезать гостя.
Дункан царил так доблестно и кротко!
Высокий сан так чисто сохранял!
Его убить? – О! страшен будет вопль
Прекрасных доблестей его души!
За черный грех он прогремит проклятье,
Как трубы ангелов; в сердцах пробудит

Он состраданье, как грудной младенец,
Несомый бурею; как херувим,
Промчится вихрем над землей! Убийство
Возстанет призраком перед людьми
И выжжет слезы из очей народа!
И что влечет меня? Желанье славы…
Как ярый конь, поднявшись на дыбы,
Оно обрушится – и я задавлен.

Входит леди Макбет.

Макбет

Что нового?

Леди Макбет

Он встал из-за стола.
Зачем ты вышел вон?

Макбет

Он спрашивал меня?

Леди Макбет

А ты не знаешь?

Макбет

Оставим этот план. Он так недавно

Меня наградами почтил; в народе
Я мненье золотое заслужил;
Дай сохранить его прекрасный блеск:
Его не должно помрачать так скоро.

Леди Макбет

Так, верно, пыл, в который ты рядился,
Был жар вина? С тех пор тебе вздремнулось —
И вот, со сна, мутит тебе в глазах
От смелых дум? Теперь я оценила
Твою любовь. Ты на желанья смел,
На дело – нет! И ты бы согласился
Носить венец – красу и славу жизни,
И труса сознавать в себе? Сказать:
Хочу, и вслед затем: не смею?

Макбет

Замолчи!
На все, что может человек, готов я;
Кто смеет больше, тот не человек, а зверь.

Леди Макбет

Какой же зверь мне умысел доверил?
Задумал ты, как человек; исполни,
И будешь выше ты: не зверь, а муж.
Удобный час и ловкое местечко —
Их не было, ты их создать хотел.
Теперь они столкнулись здесь случайно —
И ты ничто. Кормила я и знаю,
Как дорого для матери дитя;
Но я без жалости отторгла б грудь
От нежных улыбающихся губок,
И череп бы малютки раздробила,
Когда б клялась, как клялся ты!

Макбет

Но если не удастся?...

Леди Макбет

Не удастся!
Решись – и нам удастся все. Дункан
Уснет, усталый от пути дневного;
Тогда пажей его я угощу
Таким винцом, что память, страж разсудка,

Как дым в трубу, сквозь череп улетит.
Когда ж вином пропитанное тело
Погрязнеть в сне, чего над беззащитным
Не сделать нам? Чего не своротить
На пьяных слуг? И плата за труды
Придется им.

Макбет

Рожай мне мальчиков одних!
Огонь, пылающий в твоей крови,
Одних мужей производить способен.
Что, если спящих мы обрызжем кровью,
И их кинжалами его пронзим —
Не ясно ль будет, что работа их?

Леди Макбет

И кто ж дерзнет подозревать другое?
Нам возгласов лишь стоит не жалеть
И воплей горести.

Макбет

Так решено!

Вся сила органов слилась в одно.
Пойдем. Ужасный час недалеко;
Но, все равно, мы будем улыбаться.

(Уходят).

Действие второе
Сцена I

Инвернес. Двор внутри замка.

Ночь. Входят Банко и Флинс: перед ними слуга с факелом.

Банко

Который час?

Флинс

Луна уже зашла;
Я не слыхал, который час пробило.

Банко

Она заходит в полночь.

Флинс

Нет, позднее.

Банко

Возьми-ка меч мой, Флинс. На небесах
Ведут расчет: все свечи погасили.
Меня гнетет тяжелая дремота,
Но я бы не желал уснуть. О, Боже!

Избавь меня от грешных помышлений,
Невольных замыслов во время сна!
Подай мне меч.

Входят Макбет и слуга с факелом.

Банко

Кто это?

Макбет

Друг.

Банко

Как! ты еще не спишь? Король уж лег.
Он был сегодня чрезвычайно весел;
Всех слуг твоих он одарил по-царски;
А вот алмаз добрейшей из хозяек,
Твоей жене. Как был он всем доволен!
Какой он светлый прожил день!

Макбет

Мы угощали, чем пришлось; во многом
Был недостаток; нас не предварили.

Банко

Все было хорошо. Прошедшей ночью

Во сне я видел трех сестер. Тебе
Они отчасти предсказали правду.

Макбет

А я о них и позабыл; однако ж,
В свободный час, когда тебе угодно,
Поговорим об этом.

Банко

Я готов.

Макбет

Настанет время – согласись со мной —
Оно тебе доставит много чести.

Банко

Да, лишь бы из-за чести не нажить бесчестья;
А то, изволь, на все, что не противно
Ни совести, ни долгу – я согласен.

Макбет

Итак, спокойной ночи!

Банко

До свиданья.

(Уходит с Флинсом и слугой).

Макбет *(своему слуге)*

Скажи жене моей, чтоб позвонила,
Как приготовить мне питье.
Ты спать иди.

(Слуга уходит).

Га! это что? кинжалы
И рукояткою ко мне! Возьму.
Ты не даешься и не исчезаешь —
Так ты неуловим? так ты доступен
Одним глазам – виденье роковое?
Кинжал – мечта, дитя воображенья,
Горячки, жгущей угнетенный мозг?
Но нет! ты здесь. Твой образ осязаем
Не меньше этого в моей руке.
Ты в путь задуманный меня ведешь:
Такой клинок хотел употребить я.
Мой глаз безумствует, иль он острее
Всех прочих чувств. Ты здесь еще —
Вот капли крови на твоем клинке;
Их прежде не было. Нет, это призрак
Кровавый замысел морочит зренье.

Полмира спит теперь; но сон тревожен:
Его виденья посетили злые.
Теперь слетаются на праздник ведьмы;
Убийца встал, услыша волчий вой,
И к жертве крадется, как привиденье.
Ты, твердо-прочная земля, не слышь,
Куда пойдут мои шаги! Иначе
И мертвый камень, завопив, прогонит
Безмолвный ужас темноты; а он
Мне добрый друг теперь. Я угрожаю,
А он живет. С словами исчезает
Весь страсти пыл, и дело умирает.

(Слышен звонок).

Иду – и кончено. Звонок зовет.
Не слышь его, Дункан! – то звон зловещий!
Он в небо или в ад тебя зовет.

(Уходит).

Сцена II

Там же. Комната в замке.
Входит леди Макбет.

Леди Макбет

Вино лишило их ума и силы,
А мне дало и смелость и огонь.
Тс. Чу!..
Сова то крикнула, зловещий сторож.
Как страшно воет он: покойной ночи!
Он там – за делом. Дверь раскрыта. Слышно,
Как стражи пьяные храпят. Теперь
И долг и честь им нипочем. Удачно
Я угостила их вином. Над ними
И смерть, и жизнь… пусть спорят за добычу!

Макбет *(за сценой)*

Кто здесь? А? кто?

Леди Макбет

О! ежели они проснулись,

А он живет еще! Для нас опасна

Не смерть, а умысел на жизнь. Чу! слышь!

Я подготовила кинжалы спящих:

Он их не может не найти. Не будь он

Во сне так резко на отца похож,

Я поразила бы его сама.

Входит Макбет.

Леди Макбет

Ну, что?

Макбет

Окончено. Не слышала ты шума?

Леди Макбет

Сова провыла да пищал сверчок.

Ты что-то говорил?

Макбет

Когда?

Леди Макбет

Теперь.

Макбет

Когда я шел назад?

Леди Макбет

Да.

Макбет

Тише. Слышишь?
Кто спит в той комнате?

Леди Макбет

Там Дональбайн.

Макбет *(оглядывая свои руки)*

Печальный вид!

Леди Макбет

И, что за вздор! Какой печальный вид!

Макбет

Один захохотал во сне, другой
Вскричал: «убийца!» – и они проснулись.
Я притаился и внимал: они,
Молитву сотворив, опять уснули.

Леди Макбет

Там двое вместе спят.

Макбет

Один сказал:
«Помилуй, Господи!» другой: «аминь!»
Как будто видели, как притаился
Во тьме палач. А я – я был не в силах
Сказать: «аминь!» когда они молились.
«Помилуй, Господи!»

Леди Макбет

К чему так мрачно?

Макбет

Зачем не мог я произнесть «аминь»?
Я так нуждался в милосердьи Бога,
«Аминь» же замер на моих губах.

Леди Макбет

На это нечего смотреть; пожалуй,
Недолго и с ума сойти.

Макбет

Я слышал,
Раздался страшный вопль: «Не спите больше!
Макбет зарезал сон! невинный сон!

Зарезал искупителя забот,
Бальзам целебный для больной души,
Великого союзника природы,
Хозяина на жизненном пиру!»

Леди Макбет

Что хочешь ты сказать?

Макбет

По сводам замка
Неумолкаемый носился вопль:
«Гламис зарезал сон; зато отныне
Не будет спать его убийца Кавдор,
Не будет спать его убийца Макбет».

Леди Макбет

Гм! Кто же там кричал? Ты уничтожишь
Всю крепость духа, благородный тан,
Так лихорадочно глядя на вещи.
Ступай, возьми воды и смой скорее
Кровавую улику с рук своих.
Зачем кинжалы ты принес сюда?
Их место там: снеси же их назад

И спящих сторожей запачкай кровью.

Макбет

Я не пойду туда опять: мне страшно,
Когда подумаю, что сделал я.
Иди сама, я не могу.

Леди Макбет

Бездушный!
Подай кинжалы. Спящий и мертвец —
Не больше, как картины; только дети
Боятся нарисованного черта.
Я им обрызжу и лицо, и руки,
Чтоб всем казалось, что работа их.

(Уходит. Снаружи стучат).

Макбет

Откуда этот стук? О, что со мною,
Что каждый шум меня пугает? Га!
Какие руки! о! они готовы
Мне вырвать зрение! А эту кровь
Не смоет с рук весь океан Нептуна.
Нет! Нет! скорей от этих рук
В морях бесчисленных заплещут волны,

Как кровь, багровые!

Леди Макбет *(возвращается)*

Моя рука
Красна, как и твоя, но я стыжусь,
Что сердце у меня так бело.

(Стучат).

Слышишь?
Стучат! Пойдем скорее в нашу спальню.
Стакан воды – и дело наше смыто.
И что ж тут важного? Ты потерял
Всю твердость духа.

(Стучат).

Чу! опять стучат!
Ступай, разденься, а не то заметят,
Что мы не спали. Перестань так жалко
Теряться в мыслях.

Макбет

Сознавать убийство. —
Мне легче бы не сознавать себя!

(Опять стучат).

Когда б ты мог Дункана пробудить!

(Уходят).

Сцена III

Там же. Двор внутри замка.
Стучат в ворота. Входит привратник.

Привратник. Вот что воистину можно назвать стуком! Будь привратник в аду, было бы кому отворять. (Стучат). Туки тук! тук! Кто там, во имя Вельзевула? А, почтенный фермер! Ждал, ждал урожая, да и повесился. Милости просим! платков с вами довольно? Тут придется попотеть. *(Стучат).* Тук! тук! Кто там, во имя другого черта? Смотри, пожалуй! свидетель против кого и за кого угодно: свидетель во имя Господне — а в небеса не пустили? *(Стучат).* Тук! тук! Кто там? Портной англичанин имеет честь быть впущен сюда за уменье украсть лоскут материи от французских штанов в обтяжку. Пожалуйте! Тут и утюг ваш можно изжарить. *(Стучат).* Опять, вот не дадут покоя! Кто там? — Однако, для преисподней тут, черт возьми, холодно. Не хочу быть адским

привратником. А думал было впустить всякого звания по штучке; ведь сами же бегут по гладкой дорожке на потешный огонь. *(Стучат).* Сейчас! сейчас! *(Отворяет ворота).*

Входят Макдуф и Ленокс.

Привратник. Пожалуйте на водку.

Макдуф. Должно быть, ты поздненько лег, приятель, что не добудишься тебя.

Привратник. Гуляли до вторых петухов; ну, а напьешься, так уж известно что бывает.

Макдуф. Что?

Привратник. Покраснеет нос, уснешь и — захочется на двор. Оно и еще кое-чего захочется, да уж зуб неймет.

Макдуф. Кажется, ты не любишь водки?

Привратник. Терпеть не могу! и потому истребляю ее.

Макдуф. Встал твой господин?

Входит Макбет.

Макдуф

Стук разбудил его, вот сам он здесь.

Ленокс

Здорово, тан.

Макбет

Друзья, здорово.

Макдуф

Что,
Его величество проснулся?

Макбет

Нет.

Макдуф

Он приказал придти к нему пораньше,
Я чуть не опоздал.

Макбет

Я провожу…

Макдуф

Я знаю, этот труд тебе приятен,
Но все ж он труд.

Макбет

Приятная забота
Для нас сладка. Вот дверь.

Макдуф

Я позову.
Мне так приказано.

(Макдуф уходит).

Ленокс

Король сегодня
Оставит нас?

Макбет

Да… то есть, он хотел.

Ленокс

Ночь бурная была; над нашей спальней
Снесло трубу; по воздуху носились
Унылый вопль и смертное хрипенье;
Ужасный голос предрекал войну,
Пожар и смуты. Филин, верный спутник
Времен злосчастных, прокричал всю ночь.
Земля, как говорят, дрожала.

Макбет

Да,
Ночь бурная была.

Ленокс

Я не припомню

Подобной ей.

Макдуф возвращается.

Макдуф

О, ужас! ужас! Сердцу не постичь,
Словам не выразить!

Макбет и Ленокс

Что? что такое?

Макдуф

Злодейства образец! Убийца-тать
Вломился в храм и из священных сводов
Похитил жизнь.

Макбет

Что говоришь ты? жизнь?

Ленокс

Ты разумеешь короля?

Макдуф

Идите!
Там Горго новая вас ослепит.
Нет, я не выскажу; взгляните сами —
У вас отнимется язык. Вставайте!

(Макбет и Ленокс уходят).

Ударьте в колокол! Измена! Банко!

Малькольм и Дональбайн! проснитесь!

Покиньте сон – к чему эмблема смерти?

Здесь налицо она сама. Вставайте!

Вот образ страшного суда! Малькольм!

Сюда! как тень, возникшая из гроба,

Приди, взгляни на ужас гробовой!

(Бьют в набат).
Входит леди Макбет.

Леди Макбет

Что за тревога? Что за звон зловещий

Всех спящих в замке разбудил? скажите!

Макдуф

Не вам внимать моим словам, о леди!

Для слуха женского их звуки – смерть.

Входит Банко.

Макдуф

О, Банко! Банко! наш король убит!

Леди Макбет

О, Боже, в нашем доме!

Банко

Все равно,

Где б ни было, жестоко слишком! Макдуф!

Любезный Дуфф! скажи, что ты ошибся!

Входят Макбет и Ленокс.

Макбет

Умри я час тому назад, не дальше, —

Я жил бы счастливо. Теперь вся смертность —

Игрушка, вздор! Скончались честь и милость,

Елей пролит, разбита чаша жизни,

Нам черепки презренные остались —

Для хвастовства!

Входят Малькольм и Дональбайн.

Дональбайн

Что здесь случилось? С кем?

Макбет

С тобой – и ты не знаешь! Высох ключ
Твоей крови, и высох в самых недрах.

Макдуф

Отец твой, Дональбайн, убит.

Малькольм

О! кем?

Ленокс

Придворными, что спали вместе с ним.
Лицо и руки их в крови; при них
Лежали неотертые кинжалы;
Их взор был дик и исступлен; никто
Им не решился бы доверить жизнь.

Макбет

Теперь досадно мне, что я убил их
В порыве ярости.

Макдуф

Зачем же сделал?

Макбет

Кто может быть горяч и хладнокровен,

Умен и глуп в одно и то же время?
Никто. Любовь во мне заговорила,
И рассуждать я опоздал. Пред нами
Лежал Дункан; на серебристом теле
Струилась лентой золотая кровь;
Из ран как будто порывался демон
Разрушить мир, чтоб он погиб с Дунканом.
Вдали – убийцы, и на них алела
Их обличительница-кровь. О! кто же,
В чьем сердце есть отвага и любовь,
Своей любви не доказал бы делом?

Леди Макбет *(падая в обморок)*

Ах! помогите!

Макдуф

Поддержите леди.

Малькольм *(тихо Дональбайну)*

А мы молчим!
Нам горе ближе всех.

Дональбайн *(тихо Малькольму)*

Что говорить, когда судьба в засаде

Готова выскочить и нас убить?

Пойдем скорей; слезам еще не время.

Малькольм *(тихо)*

Да, горько на душе, а слов не сыщешь.

Банко. Смотрите, господа, за леди.

(Леди Макбет уносят).

Здесь холодно; пойдем, набросим платье

На нашу бренность и сойдемся вновь.

Такой кровавый беспримерный случай

Мы постараемся разоблачить.

На сердце страх, догадки нас тревожат…

Но длань Всевидящего надо мной —

И я клянусь: цареубийца подлый

И черный замысел его найдут

Во мне жестокого врага!

Макдуф

Я тоже!

Все

Мы все!

Макбет

Решимся же на что-нибудь
И соберемся в залу.

Все

Мы согласны.

Все, кроме Малькольма и Дональбайна, уходят.

Малькольм

Что будем делать, брат? Оставим их:
Высказывать притворную печаль
Изменникам легко. Я еду в Лондон.

Дональбайн

А я в Ирландию. Разделим участь —
Оно верней. А здесь из-за улыбки
Сверкает нож, и чем кто однокровней,
Тем кровожаднее.

Малькольм

Стрела убийцы
Еще летит, так отойдем от цели,
Не станем тратить на прощанье время.
Скорее в путь! скорее на коня!

Уйдем тайком: себя украсть не стыдно,
Когда не верится в чужую честь.

(Уходят).

Сцена IV

Вне замка.
Входят Росс и старик.

Старик

Мне восемьдесят лет; за это время
Я много страшных пережил минут.
И был свидетелем чудес… Игрушки,
Пустяк пред тем, что было в эту ночь!

Росс

Взгляни-ка, дедушка: и небеса
Как будто хмурятся на дол кровавый,
Где оскорбил их человек. Теперь
Давно уж день, а над лампадой неба
Витает ночь. Не царство ль тьмы настало?
Иль стыдно дню лобзанием обычным

Лицо земное озарить?

Старик

Да, эта тьма,
Как этот грех, с природой несогласна.
Прошедший вторник видел я, как сокол,
Паривший гордо в высоте, внезапно
Был схвачен и убит совой.

Росс

Как странно!
А между тем не подлежит Сомненью,
Что лошади Дункана одичали,
Сломали стойло и умчались в поле,
Как будто вызвали людей на бой.

Старик

Они пожрали, говорят, друг друга…

Росс

В моих глазах. Дивился я немало.

Входит Макдуф.

Росс

Что в свете нового, мой добрый Макдуф?

Макдуф

Как, разве ты не видишь?

Росс

Что узнали?

Кто грех неслыханный свершил?

Макдуф

Те двое,

Которых Макбет заколол.

Росс

О, Боже!

Что пользы было им?

Макдуф

Их подкупили:

Малькольм и Дональбайн бежали тайно,

И подозренье падает на них.

Росс

И все на зло естественным законам!

О честолюбие! как безрассудно,

Как слепо льешь ты собственную

кровь!
Так, верно, трон достанется Макбету.

Макдуф

Он избран и уже поехал в
Скон короноваться.

Росс

Где ж Дункана тело?

Макдуф

Его отправили на Кольмескилль —
В священную отцов его гробницу,
Обитель их костей.

Росс

Ты едешь в Скон?

Макдуф

Нет, в Файф.

Росс

Так я поеду в Скон.

Макдуф

Ступай.
Дай Бог, чтоб было чем повеселиться,

И в новом платье не тужить по старом.

Росс

Прощай, старик.

Старик

Благослови вас Бог
И всех, готовых на добро и мир!

(Уходят).

Действие третье
Сцена I

Форес. Комната во дворце.
Входит Банко.

Банко

Итак, ты Гламис, Кавдор и король,
Ты все, что вещие тебе сулили.
Боюсь, ты не бесчестно ль вел игру?
Однако, сказано: твоя корона
Не родственной достанется главе.
Не ты, а я царей родоначальник.
И если правду говорят они —
А как не верить их словам? их слово
Так оправдалось над тобой, Макбет! —
То почему бы им не быть и мне
Оракулом, питающим надежду?..
Но тише! тсс!..

(Звуки труб).

Входят Макбет в королевской одежде; леди Макбет также; за ними Ленокс, Росс, придворные

дамы и кавалеры.

Макбет

Вот первый гость наш.

Леди Макбет

Без него
Не полон был бы наш великий праздник,
И пир бы не был в пир.

Макбет

Сегодня ночью
Друзьям торжественный даем мы ужин.
Прошу пожаловать.

Банко

Повелевайте;
Мой долг прикован к воле государя
Надежнейшими узами навек.

Макбет

Вы едете сегодня пополудни?

Банко

Да, государь.

Макбет

А мы было хотели
Спросить у вас в сегодняшнем собраньи
Совета о делах; но пусть до завтра.
Вы едете далеко?

Банко

Вероятно,
Я раньше ужина не возвращусь.
И, если конь не поспешит, придется
Проехать час-другой и темной ночью.

Макбет

Прошу же не забыть нас.

Банко

Не забуду.

Макбет

Мы слышим, что преступные сыны
В Ирландию и в Англию бежали.
И, дерзко перед всеми отрицая
Жестокое отцеубийство, сеют
В народе сказки... Но об этом завтра:

Нам надобно обдумать вместе с вами
Довольно важные дела. Прощайте.
За ужином увидимся опять.
Флинс едет с вами?

Банко

Да, со мной. Пора.
Мне время дорого.

Макбет

Счастливый путь!
Прошу вернуться к нам скорей. Прощайте.

(Банко уходит).

Вы все свободны до семи часов.
Чтоб тем живей беседой насладиться,
Я остаюсь теперь один. Прощайте.

(Леди Макбет и придворные уходят).

Послушай, эй! Те люди здесь?

Слуга

Пришли;
Они стоят за воротами замка.

Макбет

Введи-ка их сюда.

(Слуга уходит).

Зайти так далеко – немного значит;
Но твердо устоять на высоте!..
Мой страх пред Банко глубоко проник
Мне в сердце; в царственной его натуре
Есть что-то поселяющее страх.
Он смел и с смелостью неукротимой
В нем слит холодный ум: он умеряет
И в верный путь ведет порывы, сердца,
Из всех живых мне страшен он один.
Мой дух подавлен им, как был Антоний
Подавлен Цезарем. Суровой речью
Он требовал, чтоб вещие сказали,
Что будет с ним, когда они сначала
Меня назвали королем, и сестры
Сказали: ты – царей родоначальник.
Мою же голову они венчали
Венцом безрадостным; мне в руку дали
Бесплодный скиптр! он будет досто-яньем

Чужих детей. Так для потомков Банко
Я душу осквернил? Для них зарезал,
Дункана благодатного? Для них
Я чашу мира отравил и продал
Мой вечный дух врагу людского рода?|
Чтоб их венчать – венчать потомков Банко?
Нет, этому не быть! Тебя зову я,
Судьба, на смертный поединок… Кто там?

Входит слуга с двумя убийцами.

Макбет

Ступай за дверь и жди – я позову.

(Слуга уходит).

Мне помнится, вчера мы говорили?

1-й убийца

Так точно, государь.

Макбет

Ну, что ж, друзья?
Мои слова успели вы обдумать?
Вы знаете, что он вас угнетал,

А я был вами обвинен напрасно.
Я объяснил вам все: как вас ловили,
Кто разорил вас, кто вам ставил сети —
Короче, все, что даже пол-душе
И бедному уму сказало б ясно:
То сделал Банко.

1-й убийца

Да, вы так сказали.

Макбет

И намекнул вам кой о чем. Теперь
Поговорим подробнее о деле.
Ужели вы так многотерпеливы,
Что все готовы позабыть? Так святы,
Что станете молиться о спасеньи
Благоприятеля за то, что он
Чуть не в могилу вас втоптал и сделал
Навеки нищими?

1-й убийца

Мы люди.

Макбет

Да.

И вы считаетесь в числе людей,

Как, пудель, шавка, гончая, ищейка,

Борзая, мопс – все за собак слывут;

Но в списке доблестей различны

Ленивый, быстрый, хитрый и сердитый,

Страж дома и охотник смелый – все,

Смотря по внутреннему свойству духа,

Какое каждому дала природа.

По нем уже дают ему прозванье,

Отличное от пса. Так и с людьми.

И если вы не из числа последних,

Когда в вас мужество не спит – скажите.

Я поручу вам кое-что; вы исполняйте —

И от врага свободны вы, и теплый

Я в сердце отведу вам уголок.

Пока он жив, я не дышу свободно,

И только смерть его мне даст покой.

1-й убийца

Меня удары и обманы света
Так раздражили, что, назло ему,
Не разбирая, я готов на все.

2-й убийца

И я с судьбой боролся неудачно,
И жизнь мне стала тяжела; я рад
Нести ее опасностям навстречу,
Чтоб улучшить иль развязаться с ней.

Макбет

Вы знаете, что Банко был ваш враг.

1-й убийца

Да, правда, государь.

Макбет

И мне он враг,
Такой кровавый и смертельный враг,
Что каждый миг его существованья,
Как нож, впивается мне в жизнь. Конечно,
Я мог бы от него освободиться
Открытой силою; но не хочу
Расстроить дружеские отношенья

Кой с кем, кто другом был ему и мне;
Придется даже пожалеть о жертве.
Вот почему я жду от вас услуги;
Есть много важных для меня причин
Скрыть это дело от толпы.

2-й убийца

Мы, государь, исполним ваш приказ.

1-й убийца

И если б даже наша жизнь…

Макбет

Довольно!
Я вижу мужество у вас в глазах.
Чрез час, не дальше, я вас извещу,
Когда и где их ловче подстеречь.
Покончить надо в эту ночь, притом
Не очень близко от дворца,
Чтоб на меня не пало подозренье.
Флинс едет с ним; равно необходимо
Нужна мне смерть и сына и отца.
Так, чтобы не было потом оглядок,
Пусть участь мрачную разделит с

ним.

Решайтесь! Я сейчас приду назад.

Убийцы

Решились, государь.

Макбет

Так обождите,
Я позову Вас.

(Убийцы уходят).

Банко! решено!
И если небом суждено
Твоей душе, чрез два часа
Она пойдет на небеса!

(Уходит).

Сцена II

Там же. Другая комната.
Входит леди Макбет и слуга.

Леди Макбет

Уехал Банко?

Слуга

Да, но он сказал,

Что к ночи возвратится.

Леди Макбет

Попроси

Его величество на пару слов.

(Слуга уходит).

Что пользы нам желать, и все желать?

Где ж тот покой, венец желаний жарких?

Не лучше ли в могиле тихо спать,

Чем жить среди души волнений жалких?

Входит Макбет.

Леди Макбет

Ну что, мой друг? Зачем ты все один,

Все с мрачной думою? Твоим мечтам

Пора бы в гроб, к тому, о ком мечтают,

Чему помочь нельзя – к чему ж и думать?

Того, что сделано, не воротить.

Макбет

Змею рассекли мы, но не убили;
Она срастется – и опять жива.
И мы опять должны в бессильной злобе
Дрожать за жизнь. Но нет! скорей погибнет
Союз вещей и дрогнут оба мира,
Чем нам наш хлеб придется есть со страхом
И спать под гнетом мрачных снов,
Гостей полуночи! С убитым легче,
Купившим мир ценой своей короны,
С ним легче спать, чем жить в душевной пытке
Среди мучений без конца!..
Дункан в своей могиле; безмятежно,
Покойно спит он после бури жизни.
Измена! ты взяла свое! Теперь
Ни нож, ни яд, ни брат, ни чужеземец
Не посягнут уж на него.

Леди Макбет

И, полно!

Послушай, проясни свой дикий взор;
Будь весел и приветлив; скоро ужин.

Макбет

Я буду весел; будь, пожалуйста, и ты.
На Банко обрати свое вниманье;
Будь с ним поласковей в словах и взглядах.
Как тягостно, что мы еще должны
Потоком лести омывать наш сан
И из лица слагать для сердца маску,
Чтоб скрыть движения души.

Леди Макбет

Да полно.

Макбет

О! скорпионами полна душа!
Ты знаешь: Банко, Флинс еще живут!

Леди Макбет

Но им бессмертье не дано.

Макбет

Да, к счастью.

Их разрушаемость отрадна мне.
Порадуйся: еще не встрепенется
Пустынный нетопырь, и жук крылатый
Еще не прожужжит во тьме ночной,
Летя на зов таинственной Гекаты,
Как страшный ниспадет удар.

Леди Макбет

Какой?

Макбет

Будь, милый друг, в незнании невинна;
Вкуси лишь сладкий дела плод. Скорей,
Слепая ночь! закрой твоей завесой
Глаза чувствительного дня!
Кровавою, невидимой рукой
Схвати и растерзай мои оковы…
Мне душно в них! Уже бледнеет день;
Летит в отеческую рощу ворон;
Вздремнули добрые созданья дня,
И духи тьмы несутся за добычей…
Дивишься ты моим словам? Пустое!

Посев был зол, так и пожнем мы злое.
Пойдем со мной.

(Уходят).

Сцена III

Там же. Парк перед воротами дворца.
Входят трое убийц.

1-й убийца

Да кто тебе велел пристать к нам?

3-й убийца

Макбет.

2-й убийца

Мы можем смело доверить: он знает,
Зачем мы здесь; все рассказал подробно.

1-й убийца

Так оставайся здесь. Еще играет
На западе вечерняя заря;
Коня пришпорил путник запоздалый,
Торопится доехать до ночлега,

И близко тот, кого мы ждем...

3-й убийца

Постой!
Я слышу топот лошадей.

Банко *(за сценой)*

Огня!
Эй, посветите!

2-й убийца

Это он! Другие,
Которых нам не надобно, уж в замке.

1-й убийца

Их лошадей куда-то увели.

3-й убийца

Их поведут другой дорогой с версту.
Он должен, как и все, по парку
Идти до самого дворца пешком.

Входят Банко и Флинс. Перед ними идет слуга с фонарем.

1-й убийца

Огонь!

3-й убийца

Вот он!

1-й убийца

За дело!

Банко

Ночью будет дождь.

1-й убийца

Он уж идет!

(Они нападают на Банко).

Банко

Измена! Флинс! беги!

Беги, ты можешь отомстить! О, изверг!

(Он умирает. Флинс и слуга бегут).

3-й убийца

Кто погасил огонь?

1-й убийца

Что ж, разве худо?

3-й убийца

Убит один отец! Сын убежал.

2-й убийца

По лучшему-то мы и промахнулись.

1-й убийца

Пойдем, доложим, что готово.

(Уходят).

Сцена IV

Торжественная зала во дворце.

Накрыт стол. Входит Макбет, леди Макбет, Росс, Ленокс, лорды и свита.

Макбет

Вы знаете свои места – садитесь.
Душевно рады всем.

Лорды

Благодарим.

Макбет

Мы будем с вами наравне: хозяин
Сам должен угощать своих гостей.
Хозяйка села уж на трон: мы просим
Нам слово ласковое подарить.

Леди Макбет

Скажите вы его: душевно рада
Приветствовать друзей.

1-й убийца появляется в дверях.

Макбет

Тебе навстречу
Летят их благородные сердца.
Стол занят весь; мы сядем посредине.
Ну, веселей! осушим круговую!

(Подходит к убийце).

Лицо твое в крови?

Убийца

Она из Банко.

Макбет

Ей лучше на тебе, чем в нем. Совсем?

Убийца

Покончен: горло пополам. Моя работа.

Макбет

Ты лучший изо всех головорезов. Но
Хорош и тот, кто рассчитался с Флин-

сом,

И если это ты, то ты единствен.

Убийца

Флинс спасся бегством, государь.

Макбет

Итак,

Я болен вновь. Я был уже здоров;

Как мрамор тверд и крепок, как скала,

Как воздух свеж и невредим и волен!

Теперь опять я связан и стеснен,

И бледный страх опять ко мне прикован.

Но Банко ведь наверно…

Убийца

Не проснется, —

Уснул во рву. На голове зияют

Пятнадцать ран – слабейшая смертельна.

Макбет

Благодарю. Так старый змий задавлен,

А червь ушел – и будет ядовит,

Как зубы вырастут. Теперь ступай.

Доскажешь завтра.

(Убийца уходит).

Леди Макбет

Вы гостей забыли.

Без добрых слов хозяина им скучно,

И пир похож на купленный обед.

Чтоб есть – покойней оставаться дома;

В гостях мы ждем радушную беседу

И ласковость, – без них невкусен стол.

Макбет

Да, правда, милый друг! Прошу вас кушать.

Желаю веселиться на здоровье.

Ленокс

Угодно сесть вам, государь?

Дух Банко является на Макбетовом месте.

Макбет

Будь с нами здесь наш благородный Банко,

Здесь был бы собран королевства цвет.

Дай Бог, чтоб с ним чего бы не случилось;

Пусть лучше пожурим его за леность.

Росс

Он слово данное забыл. Угодно ль

Вам сделать честь присесть к нам, государь?

Макбет

Стол полон!

Ленокс

Вот еще есть место.

Макбет

Где?

Ленокс

Здесь, государь… Что с вами?

Макбет

Кто это сделал, лорды?

Лорды

Что такое?

Макбет

Меня ты в этом уличить не можешь:
К чему кивать мне головой кровавой?

Росс

Король наш болен. Встанем, господа!

Леди Макбет

Сидите, добрые друзья. С ним это часто,
И с детских лет. Прошу вас, не вставайте!
Припадок мимолетен: две минуты —
И он прошел. Оставьте, не смотрите!
Он только пуще раздражен от взглядов.
Не обращайте на него вниманья
И кушайте.

(Макбету)

И ты мужчина!

Макбет

Да,
И смелый; я могу смотреть на то,

Пред чем сам дьявол побледнел бы.

Леди Макбет

Так!

Вот призраки ребяческого страха —

Тот тень – кинжал, что вел тебя к Дункану!

Признаться надо, эта дрожь и взгляды,

Пародия на истинный испуг,

Прекрасны были бы у камелька,

Под говор сказки, на лице старух.

Стыдись! Как искажаешь ты лицо!

И из чего? Что испугало? Стул!

Макбет

Но посмотри! туда! туда! Что скажешь?

Что мне до этого? Когда ты можешь

Кивать мне головой, так говори!

Земля отвергла мертвецов! могилы

Их шлют назад – так пусть орлов утробы

Гробами будут для людей!

Леди Макбет

Возможно ль
Так оробеть?

(Дух исчезает).

Макбет

Он был передо мною —
Клянусь тебе!

Леди Макбет

Стыдись!

Макбет

Кровь проливали
Уже давно, когда еще закон
Не охранял общественного мира,
Да и потом убийства совершались;
О них и слышать тяжело. Но встарь,
Когда из черепа был выбит мозг,
Со смертью смертного кончалось все.
Теперь встают они, хоть двадцать ран
Рассекли голову, и занимают
Места живых – вот что непостижимо!
Непостижимее цареубийства.

Леди Макбет

Вас гости ждут.

Макбет

Ах, виноват, забылся!
Не удивляйтесь мне, друзья: я болен;
Припадки странные, но это вздор;
Домашние давно к тому привыкли.
Что ж, выпьем за всеобщее здоровье!
Потом я сяду. Эй! вина!

(Слуге, который наливает вино).

Полней!
Я пью за здравие всего стола
И Банко, друга моего. Как жаль,
Что с нами нет его! Его здоровье
И всех любезных нам гостей!

Дух является на том же месте.

Лорды

Вам тоже.

Макбет

Исчезни! Прочь! Пусть гроб тебя укроет!

Твой череп пуст, и кровь охолодела!

В твоих сверкающих глазах нет зренья!

Леди Макбет

Не удивляйтесь: это с ним нередко.

Мне только жаль, что вечер наш расстроен.

Макбет

На все, что может человек, готов я,

Явись мне грозным, разъяренным львом,

Гирканским тигром, северным медведем,

Явись, чем хочешь ты – и я не дрогну.

Воскресни вновь и вызови в пустыню

На смертный бой меня – не откажусь,

И если в страхе отступлю на шаг,

Зови меня игрушкою девчонки!

Прочь, тень ужасная! Прочь, ложный призрак!

(Дух исчезает).

Исчез. Я снова муж… Не беспокойтесь.

Леди Макбет

Ты все веселье разогнал; наш праздник
Нарушен недугом твоим. Ты странен.

Макбет

Но эта тень не тень от летней тучки,
И как ей странностью не поразить?
Не знаю, верить ли своим глазам:
Ты смотришь на подобное виденье,
И кровь играет на твоем лице,
Тогда как я от ужаса бледнею.

Росс

Что за виденье, государь?

Леди Макбет

Молчите;
Вы видите, ему от часу хуже;
Он вдвое горячится от вопросов.
Расстанемся! Прощайте, доброй ночи.

Ленокс

Покойной ночи. Лучшего здоровья
Его величеству!

Леди Макбет

Прощайте, лорды.

(Лорды и свита уходят).

Макбет

Он хочет крови: кровь за кровь. Случалось,
Что камни двигались, и излетало
Живое слово из дерев; гадатель
Не раз отгадывал посредством птиц
Убийц непроницаемые тайны.
Который час?

Леди Макбет

Почти уже светает.

Макбет

И Макдуф, говоришь ты, отказался
Придти на праздник наш?

Леди Макбет

Ты звал его?

Макбет

Ответ его узнал я стороною.

Пошлю еще. У всех без исключенья
Я содержу шпионов на мой счет.
С рассветом я пойду к волшебным сестрам:
Пусть погадают мне еще; я все
Хочу узнать, не разбирая средств,
И всем пожертвую для нашей пользы.
Я так глубоко погрузился в кровь,
Что, все равно, не стоит возвращаться —
Плыву вперед… Я кое-что задумал,
И быстро надо нанести удар;
Тут думать нечего.

Леди Макбет

Ты сна лишен —
Отрады всех существ.

Макбет

Пойдем же спать.
Мое тревожное себязабвенье —
Страх новичка. Душа еще не свыклась.
Для этих дел мы, просто, еще дети.

(Уходят).

Сцена V

Степь.
Гром. Входят Геката и три ведьмы.

1-я ведьма

Твой взор сердит; ты сердишься, Геката?

Геката

И есть за что.
Не к вам ли в сеть
Попал давно
Король Макбет?
Вы нарекли
Его царем
И завлекли
Обманом слов
На путь грехов.
Источник зла,
Царица чар,
Я вам дала

Мой тайный дар.
Зачем же я
Отчуждена?
Зачем же я
Устранена?
Он без меня
Торжествовал,
Лукавый враг, —
И Макбет пал!
Ваш труд пропал:
Он и без вас
Был горд и зол
И не для вас
К убийству шел.
В нем луч любви
Давно погас,
И не для вас
В людской крови
Он весь погряз.
Едва лишь луч
Блеснет из туч,
Он вновь придет

Спросить судьбу.
Сквозь дым и пар
Волшебных чар
Увидит он
Грядущих лет
Неясный сон,
Неверный свет.
Пора! Лечу!
С морей, луны
Туман волны
Я захвачу.
В нем дивный дар
Волшебных снов;
Искусством чар
И тайных слов
Он призовет
Толпу духов;
Их мрачный круг
Бессмертный дух
В нем омрачит.
Его судьба
Не устрашит.

Его борьба
Не утомит —
И он взойдет;
Но с высоты
Он ниспадет
От слепоты.

Голос *(поет за сценой)*

Лети сюда!
Я жду тебя!

Геката

Малютка-дух
Меня зовет;
На облаках
Меня он ждет.
Малютка мой!
Как легкий дым
Летим с тобой,
Летим, летим!

(Исчезает).

1-я ведьма

За дело же, сестры! Она скоро воро-

тится.

(Уходят).

Сцена VI

Форес. Комната в замке.
Входят Ленокс и другой лорд.

Ленокс

Я намекнул вам кой на что – и только;
А дальше изъясняйте как угодно.
Мне только странно, как тут все случилось:
Макбет оплакивал Дункана – да,
Конечно, как не пожалеть о мертвом?
Несчастный Банко ехал слишком поздно;
Пожалуй, можете, когда угодно,
Сказать, что Флинс его убил: ведь Флинс
Бежал. Не надо ездить слишком поздно.
Кому не бросится в глаза, как зверски.

Малькольм и Дональбайн отца убили?
Ужасный грех! Так оскорблен был Макбет
Не он ли, в ярости благочестивой,
Убил убийц, рабов вина и сна?
Не благородный ли порыв – и умный?
Они, конечно, стали б отпираться;
Кого ж не возмутили б их слова?
Я думаю, он ловко свел концы,
И попадись ему сыны Дункана
(От этого да сохранит их Бог!),
Он, верно, показал бы им, что значит
Убить отца, и Флинсу не забыл бы
Прочесть урок… Но лучше замолчим.
Вы слышали? За пару вольных слов
И за отказ придти на пир к тирану
Макдуф в немилости. Вам неизвестно,
Где он теперь?

Лорд

Дункана старший сын,
Земель отцовских истинный наследник,

Живет при английском дворе; он принять

Так милостиво кротким Эдуардом,

Что злость судьбы как будто не касалась

Высоких прав его. Туда-то Макдуф

Бежал молить святого короля

Помочь отечеству; с его войсками

И с Божьей помощью он возвратит

Нам хлеб насущный и ночной покой;

Исчезнет нож из дружеской беседы,

И будем вновь мы под законной властью

Служить, как честь велит. Все эти вести

Так заживо задели короля,

Что он готовится и ждет войны.

Ленокс

Не звал ли он к себе Макдуфа?

Лорд

Звал:

Но тот ответил наотрез: «не еду!»

И посланный, нахмурив мрачно брови,
Пробормотал, отворотясь: «Постой!
Настанет час, когда ты пожалеешь,
Что дал такой ответ!»

Ленокс

Из этих слов
Пусть он научится быть осторожным,
Держать себя в дали благоразумной.
Да будет ангел на его пути
Предтечей благодатным! Край родной
Да будет вновь благословен Всевышним
И исцелен от тягостных страданий
В когтях проклятого!

Лорд

Аминь…

(Уходят).

Действие четвертое
Сцена I

Темная пещера; в глубине ее котел на огне. Входят три ведьмы.

1-я ведьма

Три раза мяукнул кот:
Час урочный настает.

2-я ведьма

Трижды филин простонал.

3-я ведьма

Леший свистнул – час настал.

1-я ведьма

Так начнемте.
Духи воздуха, огней,
Духи суши и морей!
Вы, ночные и полуночные,
Вы, денные и полуденные!
Вам словами тайных чар
Мы приносим мрачный дар!

Все три *(поют)*

Кипи, котел! шипи! бурли!
Огонь, гори! вари! вари!

2-я ведьма

Жабу, тридцать дней проспавшую,
Острый яд в себя впитавшую,
Злой дурман, крыло совиное,
Желчь козла, глаза мышиные,
Волчий зуб, змею холодную,
Злую, подколодную!

Все три *(поют)*

Кипи, котел! шипи! бурли!
Огонь, гори! вари! вари!

3-я ведьма

Кровь младенца, в тьме зарытого,
Грешной матерью убитого —
Плод преступного сознания
Черной смерти достояние!
Все проклятьем пораженное,
Злом в природе зарожденное!

Все три *(поют)*

Кипи, котел! шипи! бурли!
Огонь, гори! вари! вари!

Является Геката и три других ведьмы.

Геката

Спасибо вам!
Прилежный труд
Не пропадет.
На пользу вам,
Во славу всех,
Он наведет
На новый грех.
Пора кончать!
Последний хор!

(Поют заклинание).

Духи воздуха, огней,
Духи суши и морей!
Вы, ночные и полуночные!
Вы, денные и полуденные!
Вас со дна морей глубокого,
Вас из облака высокого,
Из далеких неизведанных

Стран, от века заповеданных,
К нам зовет непреклонимое
Слово, впрямь неотразимое!

2-я ведьма

Палец у меня зудит,
Что-то злое к нам спешит.
Ну, входи, кто б ни был там!

Входит Макбет.

Макбет

Здорово, тайные, ночные ведьмы!
Чем заняты?

Ведьмы

Для наших дел нет слова.

Макбет

Так тайной безыменного искусства
Я заклинаю, отвечайте мне!
Мне все равно, откуда ваше знанье:
Пусть ваш ответ подымет ураганы,
И их пошлет на бой против церквей,
Пусть все суда погибнут в океане,
Иссохнет жатва на полях, падут

Твердыни замков на своих жильцов,
И в прах поникнут гордые вершины
Дворцов и пирамид, пусть в недра жизни
Проникнет смерть и возвратится хаос —
Я требую ответа на вопрос!

1-я ведьма

Так говори.

2-я ведьма

Спроси.

3-я ведьма

Дадим ответ.

1-я ведьма

Скажи, от нас или от наших старших
Желаешь ты узнать ответ?

Макбет

Зовите их, я их хочу увидеть.

1-я ведьма

Так свершите возлияние

Кровью зверя, раскопавшего
Прах могилы и пожравшего
Труп погибшего в отчаяньи.

Все три

Малый иль большой, явись!
Заклинанью – покорись!

Гром. Является первый призрак: голова в шлеме.

Макбет

Скажи, неведомая сила…

1-я ведьма

Тише!
Он знает мысль твою. Молчи и слушай.

1-й призрак

О, Макбет, Макбет! берегись Макдуфа!
Опасен файфский тан!.. Пусти!.. довольно!

(Исчезает).

Макбет

Кто б ни был ты, спасибо за совет,

Ты страх мой разгадал. Еще два слова…

1-я ведьма

Ему приказывать нельзя. Молчи.
Но вот другой, и он сильнее. Слушай.

Гром. Является второй призрак: окровавленное дитя.

2-й призрак

Макбет! Макбет! Макбет!

Макбет

Когда б природа
Три органа для слуха мне дала,
Я всеми впился бы в твои слова.

2-й призрак

Будь смел и тверд! судьба тебя хранит:
Рожденный женщиной тебе не повре-

дит [130].

(Исчезает).

Макбет

Живи ж, Макдуф! Чего тебе бояться?
Но нет! Я ограждусь двойным щитом,
Двойной залог возьму я от судьбы:
Ты должен умереть. Тогда спокойно
Я страху бледному скажу: ты лжешь!
И буду спать на-зло громам небесным.

Гром. Является третий призрак: дитя в короне, с ветвью в руке.

Макбет

А это что за царственный ребенок,
С короной на младенческом челе?

Ведьмы

Молчи и слушай.

---

[130] Примечания: 130

Из последующего хода действия оказывается, что нерожденный женщиной есть вырезанный из ее утробы посредством известного кесарева сечения. Этот неестественный способ происхождения на свет давно уже обратил на себя внимание народа, и подобные рождения были обставлены множеством поверий. Уже искони, еще со времен Цезаря, существует общераспространенное поверье, что вырезанные из утробы матери бывают одарены от природы щедрее других людей: из них, говорят в народе, выходят или действительно великие люди, для воли которых не существуют никаких пределов или необычайные злодеи.

3-й призрак

Будь горд, как лев;
Ни злость, ни гнев
Живых людей
Не изменят
Судьбы твоей.
Макбет царит
Непобедим,
Пока стоит,
Неколебим,
Пока нейдет
С своих высот
Бирнамский лес
На Донзинан.

(Исчезает).

Макбет

Тому не быть. Кто завербует рощу?
Кто скажет дереву: освободи
Глубокий корень из земли? Спасибо
За вести добрые!.. Смирись, измена!
Пока не двинется Бирнамский лес,
Тебе главы не вознести – и Макбет,

Живи на гордой высоте, отдаст
Свое дыхание одной природе,
Когда придет урочный час. Но сердце
Дрожит опять: еще хочу спросить вас.
Скажите мне, когда ваш взор проникнет
В такую даль: царить ли в этом царстве
Потомству Банко?

Ведьма

Ты оставь вопросы.

Макбет

Я все хочу узнать! Отриньте просьбу —
И будьте прокляты из рода в род!
Скажите мне… Куда исчез котел?
И что за шум?

(Музыка).

1-я ведьма

Явись!

2-я ведьма

Явись!

3-я ведьма

Явись!

Все три

Явитесь! пусть ряд ваш пред ним проснется!

Пусть холод по гордому сердцу прольется!

Являются восемь королей; они идут через сцену один за другим. Последний держит в руке зеркало. За ними тень Банко.

Макбет

Ты слишком схож

С виденьем Банко! Прочь! Твоя корона

Мне жжет глаза! Другой!.. Исчезни, призрак,

Ты тот же лик и с той же диадемой!

Еще один! Проклятые колдуньи!

К чему мне этих вызывать?... Четвертый?

Не до последнего ль суда продлится

Их ряд? Идут и все идут... Седьмой.

Я больше видеть не хочу... Восьмой!..

Он с зеркалом – и в нем я вижу цепь
Корон и лиц со скиптрами двойными,
С тройной державою. Ужасный призрак!
Нет, это истина; теперь я верю —
Мне улыбается убитый Банко;
Он мне указывает на других,
Как будто хочет мне сказать: «смотри!
Они сыны мои!» Не так ли – а?

(Призраки исчезают).

1-я ведьма

Да, это правда. Но зачем
Макбет стоит смущен и нем?
Не унывай! – Сестрицы! В круг!
Утешим сетующий дух.
Живей! живей! рука с рукой
Сплетайся в круг, пляши и пой!
Будь веселей, король Макбет!
Тебе почет, тебе привет!

(Музыка. Ведьмы исчезают в пляске).

Макбет

Их нет? Ушли? Будь этот час навеки
Отмечен проклятым в календаре!
Эй, ты, сюда!

Ленокс

Я здесь. Что повелите?

Макбет

Ты вещих не видал?

Ленокс

Нет, не видал.

Макбет

И там они не проходили?

Ленокс

Нет.

Макбет

Так пусть чума вселится в этот воздух!
Да будут прокляты, кто верит им!
Я слышал конский топот: кто приехал?

Ленокс

Два всадника приехали с известьем,
Что Макдуф в Англию бежал.

Макбет

Бежал?

Ленокс

Да, государь.

Макбет

О время! ты перехватило жертву!
Летучий замысел не воротить,
Когда летит он налегке, без дела.
Отныне сердца первенец да будет
И первенцем моей руки. Сейчас же
Венчаю мысль короной исполненья:
На замок Макдуфа я нападу,
Возьму весь Файф, отдам мечу на жертву
Жену, детей, все жалкия душонки
Его родни. Прочь глупость красных слов!
За дело! замысел еще горяч!
Виденья, прочь! Где вестники? Пойдем.

(Уходят).

Сцена II

Файф. Комната в замке Макдуфа.
Входит леди Макдуф, маленький сын ее и Росс.

Леди Макдуф

Что сделал он, что должен был бежать?

Росс

Терпение!

Леди Макдуф

Он не имел терпенья.
Его побег – безумство. Не дела,
Так этот страх нас обвинит в измене.

Росс

Но этот страх был, может быть расчет.

Леди Макдуф

Расчет покинуть дом, жену, детей,
Покинуть там, откуда сам бежал?

Нет, он не любит нас: он чужд простых
Природных чувств. Бедняжка королек,
Малейшая из птиц – и та дерется
С совой за маленьких птенцов! А он!
Тут виден страх, и ни следа любви.
Нет, плох расчет – бежать на зло рассудку.

Росс

Любезная сестрица, успокойтесь.
Ваш муж умен, догадлив, благороден;
Он лучше всех постиг значенье века.
Не смею много говорить: настала
Година бедствия; как тяжело
Прослыть изменником, не изменяя.
Дрожать, не зная перед чем, носиться
По бурной прихоти свирепых волн!
Прощайте, я приду опять, и скоро.
Такому бедствию не устоять:
Оно пройдет, пройдет необходимо;
Порядок прежний должен воротиться.
Благослови тебя Господь, дружок!

Леди Макдуф

Отец не умер, а дитя сиротка!

Росс

Нет, я не в силах оставаться дольше;
Невольно слезы… это вас расстроит…
Прощайте.

(Уходит).

Леди Макдуф

Отец твой умер. Что ты станешь делать?
Как будешь жить?

Сын

Как птички.

Леди Макдуф

Как? червями?

Сын

Чем Бог пошлет; они, ведь, так живут.

Леди Макдуф

О, птичка бедная! и не боишься ты
Ни клеток, ни силков!

Сын

Зачем бояться?
На бедных птичек их никто не ставит.
Отец мой жив, хоть ты и говоришь,
Что умер он.

Леди Макдуф

Он умер, говорю я.
Где взять другого?

Сын

Где? А где тебе
Другого мужа взять?

Леди Макдуф

О, их на рынке
Я разом дюжину могу купить.

Сын

А через день опять продать?

Леди Макдуф

Бедняжка!
Как меток бессознательный твой лепет!

Сын. Маменька, папенька был изменник?

Леди Макдуф. Да.

Сын. А что такое изменник?

Леди Макдуф. Человек, который клянется и лжет.

Сын. И всех, которые клянутся и лгут, надо вешать?

Леди Макдуф. Всех.

Сын. А кто же должен их вешать?

Леди Макдуф. Честные люди.

Сын. Так глупы же лгуны: их столько, что они могли бы перевязать и перевешать всех честных людей.

Леди Макдуф

Господь с тобой, бедняжка-лепетун!
Но где достанешь ты отца другого?

Сын. Если бы он умер, вы плакали бы; а если бы не плакали, так добрый знак: значит, у меня скоро был бы новый папенька.

Леди Макдуф

Чего ты ни болтаешь!

Входит вестник.

Вестник

Бог в помощь вам! Я незнаком вам, ле-

ди,
Но я вас знаю. Вам грозит опасность.
Примите добрый мой совет: бегите
Отсюда прочь, да деток не забудьте.
Я грубо испугал вас – что же делать.
Жестоко было бы не предварить.
Беда близка. Господь да защитит вас!
Я дольше оставаться не могу.

(Уходит).

Леди Макдуф

Куда бежать? Что сделала я злого?
Однако ж, да! Я здесь, на этом свете,
Где часто злой бывает прославляем, '
А тот, кто добр, слывет за дурака,
Безумца вредного. Что ж пользы в том,
Что женщины щитом я укрываюсь,
И говорю: я зла не сотворила?

Входят убийцы.

Леди Макдуф

А! это что за лица?

1-й убийца

Где ваш муж?

Леди Макдуф

Надеюсь, не в таком нечистом месте,
Где б мог он встретиться с таким, как ты.

1-й убийца

Изменник он!

Сын

Ты лжешь, мерзавец!

1-й убийца

Ба!
И он туда ж? негодное отродье!

(Убивает его).

Сын

Меня убил он! Маменька, бегите!

(Умирает. Леди Макдуф бежит, преследуемая убийцами).

Сцена III

Англия. Комната во дворце короля.

Входят Малькольм и Макдуф.

Малькольм

Пойдем и выплачем в уединеньи.
Печаль души.

Макдуф

Нет. Лучше обнажим
Гудящий меч, пойдем спасать отчизну
И бодро станем за свои права.
Что новый день, то вопли новых вдов,
И плач сирот, и тяжкий стон несчастья
Восходят к небу – и в его громах
Как будто слышится глагол участья.

Малькольм

Я сетую о том, чему я верю,
А верю я тому, в чем я уверен;
Исправлю все, когда настанет время.
Тиран, которого одно названье
Способно воздух заразить, – когда-то
Он честным слыл. Ты был к нему привязан.

И он тебя еще не уязвил.
Я молод; но и я гожусь в подарок,
И мною можно услужить; расчет
Приносит в жертву бедного ягненка,
Чтоб гневное смирить им божество.

Макдуф

Я не изменник.

Малькольм

Но Макбет изменник, —
Приказ властителя мог пошатнуть
И душу честную. Прости мне, Макдуф!
Кто б ни был ты, тебя не переменит
Чужая мысль: и ангелы все светлы,
Хотя светлейшие из них и пали.
Пусть подлый враг набросит маску чести,
Как распознать ее с лицом друзей?

Макдуф

Я потерял мои надежды.

Малькольм

Да.

Быть может, там, где я нашел сомненья.

С такой поспешностью, и не простясь

Покинуть дом, жену, детей? Расторгнуть

Любви святые узы? Но, Макдуф,

Я не хочу обидеть подозреньем,

Я безопасен быть хочу – и только.

Ты можешь честным быть, что б я ни думал.

Макдуф

Страдай, отечество, страдай! ликуй,

Тиранство гордое! Святая правда

Тебя не смеет поразить! злодействуй!

Закон признал тебя. Прощай, Малькольм.

За все страны, подвластные тирану,

За все сокровища богатого Востока

Я не могу быть той презренной тварью,

Какой ты счел меня.

Малькольм

Не обижайся,

Мое сомнение не безусловно.

Я верю: край родной страдает тяжко,

Довольно слез и крови пролито.

Охотно верю, что найдутся руки

В защиту прав моих; король Эдвард

Дает мне войско – что же будет дальше?

Положим, я попру моей ногою

Тирана голову, или вонжу

Ее на меч мой, – бедная отчизна!

Ты станешь жертвою других страстей!

Тебя больней и глубже истерзает

Наследник Макбета.

Макдуф

Но кто же он?

Малькольм

Я сам. Во мне пороки вкоренились

Так глубоко, что дай им только волю —

И черный Макбет станет бел, как снег.

Народ, сравнив его с моею злостью,
Увидит в нем ягненка.

Макдуф

И в аду
Не сыщешь дьявола, который мог бы
Поспорить с Макбетом в искусстве зла.

Малькольм

Я знаю, он кровав, двуличен, жаден,
Свиреп и зол – в нем живы все пороки,
Но и мое безмерно сладострастье:
Все ваши дочери, все ваши жены,
Все ваши девушки не утолят
Бездонной пропасти моих желаний.
Я грубо ниспровергну все преграды,
Какие встречу на моем пути.
Пусть лучше царствует Макбет, чем я.

Макдуф

Конечно, сладострастие без меры
Есть тоже зло – жестокий деспотизм.

Оно не раз опустошало троны
И низводило королей. При всем том,
Чего бояться взять свое? Ты можешь
Насытить страсть свою до пресыщенья,
И вместе с тем воздержным слыть. У нас
Довольно дам, готовых на услуги;
И коршун страсти, как ни будь он жаден,
Не может всех их исклевать.

Малькольм

К тому же,
В моей испорченной душе живет
Ненасытимое любостяжанье.
О! будь я королем, я за богатство
Зарежу всех: кого за блеск алмазов,
Кого за земли и дома. Добыча
Не утолит неугасимой жажды —
Напротив, будет только раздражать.
Ни преданность, ни святость не спасут

Богатого от плахи и суда.

Макдуф

Да, эта страсть пускает в душу корни,
Опаснее и глубже сладострастья.
Она была ужасный меч-губитель,
Сразивший наших королей. Однако
Опять я повторю: чего бояться?
Шотландия богата; ей легко
И эту жажду утолить. Поверь мне,
При доблестях иных, все это сносно.

Малькольм

Их ни единой нет во мне: правдивость,
Умеренность, терпение, любовь,
Решимость волю подчинить закону,
Уменье управлять самим собой,
Дать доступ истине и отличать
Заслугу скромную от гнусной лести —
О! этих доблестей, царя достойных,
Нет и следа во мне. Зато кипит
В моей душе водоворот пороков.
О! дай мне власть, и я в пучину ада

Сплесну елей согласия и мира,
Разрушу связь – единство на земле.

Макдуф

Шотландия! Шотландия!

Малькольм

Скажи,
Такой достоин ли быть королем?
А я таков.

Макдуф

Быть королем? – о! нет,
И просто жить он даже недостоин.
Народ несчастный, под кровавым скипт-
тром
Тирана страждущий, когда же снова
Увидишь ты дни счастья и покоя?
Наследник истинный своим призна-
ньем
Сам осудил себя и опозорил
Свой царский род! Король, отец твой,
Благочестивый был король; царица,
Тебя родившая, гораздо чаще

Молилась, чем блистала на престоле.
В тебе, Малькольм, нашел я все пороки,
Все зло, которое меня изгнало
Из милой родины! Прощай! О сердце!
Здесь кончились твои надежды.

Малькольм

Макдуф!
Твой честный гнев, дитя души открытой,
Освободил меня от подозренья
И примирил с твоею честью. Макбет
Уже не раз пытался хитрой ложью
Меня в ловушку заманить: но скромность
Меня спасала: не решался я
Поверить на-слово всему, что слышал.
Но – будь Господь свидетель между нами —
Отныне я вполне тебе вверяюсь
И все слова мои беру назад.
От всех пороков отрекаюсь я:
Они мне чужды; я еще невинен;

Я клятву данную не нарушал;
Едва ль желал я своего; всегда
Хранил святыню данных слов и правду
Любил, как жизнь; здесь в первый раз солгал я
На самого себя. Но прочь притворство!
Я твой – и весь принадлежу отчизне;
Туда еще до твоего приезда
Готовились идти старик Сивард
И с ним двенадцать тысяч войска.
Теперь и мы соединимся с ними.
Господь за правого! Зачем молчишь ты?

Макдуф

Меня смутил внезапный переход
От горя к радости.

Входит доктор.

Малькольм

Довольно; после.
Его величество сегодня выйдет?

Доктор

Да; там уж ждет его толпа несчастных.

Болезни их науке недоступны;

Но Бог благословил его десницу [131]*;*

Едва рукой коснется он страдальца —

И он здоров.

Малькольм

Благодарю вас, доктор.

(Доктор уходит).

Макдуф

Что за болезнь?

Малькольм

Ее зовут здесь немочь [132] —

---

[131] Примечания: 131

Здесь речь идет об Эдуарде Исповеднике, ко времени которого хроника относит правление Макбета. Исповедник вступил на престол в 1041 году, по смерти Гардиканута. Царствовал чрезвычайно кротко, издал законы, которые долго уважались англичанами, и завещал свою корону Вильгельму Нормандскому. После его смерти, последовавшей в 1066 году, Эдуард был причтен к лику святых папою Александром III. Память его празднуется 5-го января. Шекспир рассказывает здесь о совершенных им чудесах, вероятно, на основании его жития.

[132] Примечания: 132

Переводчик передал здесь словом немочь Шекспирово выражение — evil (зло, бедствие). Хотя оно немного и странно выходит по-русски, что болезнь зовут немочью, однако же повальные болезни, опустошавшие древнюю Русь, очень часто носили название немочей, например: черная немочь, кровавая немочь… Какую болезнь описывает здесь

Шекспир, — определительно ответить на это трудно, но должно предполагать, что проказу. Если Шекспир описывает здесь проказу, то это еще один из его анахронизмов, потому что проказа появилась в Европе не ранее первых крестовых походов и местами проявлялась потом в Европе до конца XV века.

И добрый царь творит над нею чудо;
С тех пор, как я здесь, в Англии, не раз
Он совершал его в моих глазах.
Как молится он Господу – не знаю,
Но только он страдальцев исцеляет,
Покрытых язвами; врачей наука
От недуга их отреклась – и страшно
На них взглянуть; но он, с святой молитвой
На шею налагая им монету,
Врачует их. В народе говорят,
Что царственным потомкам передаст он
Свой дивный дар; с целительною силой
Он одарен и духом прорицанья.
Престол его украшен чудесами —
Знать, благодати преисполнен он!

Входит Росс.

Макдуф

Кто это там?

Малькольм

Земляк, но кто – не знаю.

Макдуф

А! здравствуй, милый брат!

Малькольм

Теперь узнал я!
О, Господи! скорее уничтожь
Все то, чем чужды мы друг другу!

Росс

Аминь!

Макдуф

Ну, что в Шотландии? все то же?

Росс

Страна несчастная! Увы! ей страшно
И оглянуться на себя. Для нас
Она не мать, а темная могила.
Улыбки там не встретишь на лице;
На стон и вопль, звучащий без умолку,
Никто не обращает и вниманья;
Печаль слывет за пошлое безумство,
При мрачном звуке похоронной меди
Едва ль кто вздумает спросить: по ком?

И люди мрут, с болезнью не знакомясь,
Как вянет сорванный цветок.

Макдуф

Ужасный,
Но верный очерк.

Малькольм

Кто погиб последний?

Росс

Кто вздумает рассказывать о том,
Что было час назад, того освищут.
Там что ни миг, то новое несчастье.

Макдуф

А что жена?

Росс

Что? ничего!

Макдуф

А дети?

Росс

И дети тоже.

Макдуф

Изверг не нарушил
Покоя их?

Росс

Нет; при моем отъезде
Они покойны были.

Макдуф

Не скупись
Словами, Росс! А каково им, бедным?
Росс. Когда я выехал, с душой отягощенной
Вестями горькими, пронесся слух,
Что многие из знатных лиц убиты;
Я этому поверил тем скорее,
Что был свидетелем движенья в войске.
Теперь час помощи настал: явитесь —
И взор ваш будет создавать солдат:
Чтоб ужас бедствий прекратить, возьмутся
За меч и женщины.

Малькольм

Мы в путь готовы.

Король Эдвард дает нам в помощь войско

И храброго вождя: старик Сивард

Славнейший из воителей Христа.

Росс

О, если б я на радостные вести

Мог также вестью радостной ответить!

Но нет!.. я слово вам принес, друзья!

Ему в степи бы прозвучать глухой,

А не касаться слуха человека!

Макдуф

К кому относится оно? ко всем?

Иль частное в нем зло заключено?

Росс

В ком сердце есть, тот будет огорчен

Но ты особенно.

Макдуф

Так говори

Скорей!

Росс

Не прокляни же мой язык —
Он поразит твой слух ужасной вестью.

Макдуф

О, я предчувствую!

Росс

Твой замок взят…
Жену, детей зарезали злодеи…
Рассказывать подробно я не стану:
Я не хочу к окровавленным трупам
Прибавить новый труп.

Малькольм

Творец небесный!
Макдуф! не надвигай на брови шляпу:
Дай скорби вылиться в словах, иначе
Она невидимо источит жизнь.

Макдуф

Так и детей?

Росс

Жену, детей, вассалов —

Все, что могли найти.

Макдуф

А я был здесь!

Так и жену?

Росс

Да, и жену.

Малькольм

Мужайся!

Пойдем и эту рану сердца

Пусть беспощадная излечит месть.

Макдуф

Макбет бездетен!.. Всех моих малюток,

Всех, говоришь ты?... Адский коршун!.. Всех?

Птенцов и мать одним налетом? Дьявол!

Малькольм

Снеси несчастие, как муж.

Макдуф

Снесу.

Но я и чувствую его, как муж.

Я не могу не вспоминать о том,

Что было для меня дороже жизни.

И небо не вступилось? Грешный Макдуф!

Они погибли за тебя! Презренный!

Не за свои грехи они убиты,

А за твои! О Боже, упокой их!

Малькольм

Точи свой меч на этом камне, Макдуф!

Дай волю сердцу, растравляй страданье,

Дай скорби превратиться в гнев.

Макдуф

Я мог бы,

Как женщина, залиться горьким плачем,

Храбриться на словах! Но, Боже, Боже!

Не отлагай суда! лицом к лицу

Сведи меня с Шотландии тираном!

Дай мне сойтись с ним на длину меча,

И если он уйдет живой, тогда —
О Господи! – прости ему и Ты.

Малькольм

Слова достойные мужчины.
Пойдемте с королю; войска готовы.
Теперь простимся, – и в поход. Макбет
Созрел для гибели, и меч небесный
Уж занесен; пусть доживает день свой, —
Ночь безрассветная близка.

(Уходит).

Действие пятое
Сцена I

Донзинан. Комната в замке.
Входят доктор и придворная дама.

Доктор. Вот уже две ночи, как я на стороже с вами, а рассказ ваш все еще не подтверждается. Когда блуждала она в последний раз?

Дама. С тех пор, как его величество отправился в поход, я не раз видела, как она встает с постели, набрасывает ночное платье, открывает бюро, берет бумагу, пишет, складывает ее, запечатывает и потом опять ложится. И все это в глубочайшем сне.

Доктор. Страшное расстройство организма! Наслаждаться благодеянием сна и в то же время исполнять дела дневные! Кроме этих прогулок во время сна и других движений, не заметили ли вы, чтоб она что-нибудь говорила?

Дама. Да, слова, которых я не повторю.

Доктор. Мне можно; это даже необходимо.

Дама. Ни вам и никому на свете. У меня нет свидетелей, которые подтвердили бы сказанное.

Входит леди Макбет.

Дама. Смотрите! вот она идет. Всегда так. И, клянусь вам, она спит. Замечайте; подойдите ближе.

Доктор. Где она взяла свечу?

Дама. Свеча стояла возле нее. Это всегда так. Она сама приказала.

Доктор. Вы видите, глаза открыты.

Дама. Но чувство их закрыто.

Доктор. Что это она делает? Смотрите: как трет она руки.

Дама. Это ее привычка: как будто моет их. Мне случалось видеть, что она занимается этим минут двадцать.

Леди Макбет. Вот еще пятно.

Доктор. Тс, она говорит. Я запишу слова ее, чтоб лучше упомнить.

Леди Макбет. Прочь, проклятое пятно! прочь, говорю я! Раз, два — пора за дело! Преисподняя мрачна… Стыдись! солдат — и бояться? Какое дело — знают, нет ли; кто позовет нас к ответу?… Однако, кто бы мог подумать, что в старике так много крови?

Доктор. Слышите?

Леди Макбет. У тана файфского была жена — где она теперь? Как? неужели эти руки никогда не вымоются дочиста? Полно, друг мой, полно об

этом; ты все дело испортишь своей пугливостью.

Доктор. Продолжай, продолжай! Ты узнала, чего тебе не должно было знать.

Дама. По крайней мере, сказала, чего не должна была, говорить. Одному Богу известно, что она узнала.

Леди Макбет. Все еще пахнет кровью. Все ароматы Аравии не смоют этой маленькой руки. О-о-о!

Доктор. Что за вздох! Тяжело у нее на сердце!

Дама. Такого сердца я не согласилась бы носить в груди за все величие ее сана.

Доктор. Да, да!

Дама. Успокой ее, Господи!

Доктор. Эта болезнь выше моего искусства. Я знал, однако же, людей, которые блуждали во сне и скончались в мире, на смертном одре своем.

Леди Макбет. Умой руки, набрось ночное платье. Как ты бледен! Я говорю тебе: Банко похоронен; он не может встать из могилы.

Доктор. Право?

Леди Макбет. В постель! в постель! Слышишь? стучат в ворота. Пойдем, пойдем! пойдем! дай мне твою руку. Что сделано, то сделано. В постель! в постель!

(Уходит).

Доктор. И она ляжет теперь.
Дама. Непременно.
Доктор

В народе носятся дурные слухи.
Дела неслыханные порождают
И страх неслыханный: больная совесть
Глухим подушкам поверяет тайну,
Священник ей нужней врача. О, Боже!
Прости нам всем! Вам надо удалить
Все острые оружья от миледи
И не сводит с ней глаз. Теперь прощайте.
Она встревожила мой ум и взоры.
Я думаю, но говорить не смею.
Дама. Покойной ночи, доктор.

(Уходит).

Сцена II

Поле недалеко от Донзинана.

Входят Ментет, Катнесс, Ангус, Ленокс и войско с распущенными знаменами и барабанным боем.

Ментет

Британские войска недалеко.

Малькольм, Сивард и прямодушный Макдуф

Ведут их в битву, пламенея мщеньем:

Обиды их зажгли бы жажду крови

В душе отшельника.

Ангус

Они пойдут

Через Бирнамский лес; мы там их встретим.

Катнесс

Кто знает; Дональбайн при брате?

Ленокс

Нет.

Вот список всех дворян – там сын Сивард

И много юношей, схвативших меч

На подвиг мужества.

Ментет

А что тиран?

Катнесс

Он укрепляет Донзинаиский замок.
Сошел с ума, как говорят; другие,
Напротив, в бешенстве его находят
Черту геройства. Несомненно то,
Что он не в силах устоять.

Ангус

Теперь
Он чувствует, как тайные убийства
Сломили силу в нем; повсюду бунты —
Улики собственного вероломства;
Войска идут не из любви – из страха;
Теперь он чувствует, что царский сан
Висит на нем, как панцирь великана,
Надетый карликом.

Ментет

Понятно,
Как падший дух смутился от проклятий
Преступной совести.

Катнес

Друзья, идем
Навстречу истинному королю,
Врачу больного государства; с ним
Всю нашу кровь прольем для исцеленья
Страны родной.

Ленокс

Мы ею оросим
Наш царственный цветок и вырвем терны.
Идемте же, в Бирнам!

(Уходят).

Сцена III

Донзинан. Комната в замке.
Входят Макбет, доктор и свита.

Макбет

Вперед с докладами не приходить!
Пусть все бегут: пока Бирнамский лес
Не двинулся на Донзинанский замок,
Страх незнаком мне! Что дитя Малькольм?

Иль он не женщиной рожден? «Не бойся»,

Сказали духи мне – а им открыты

Судьбы людей – «тебе не повредит

Рожденный женщиной». Бегите ж, таны!

Бегите к Англии изнеженным сынам!

Мой крепок дух – и сердцу не смутиться:

Сомненья чужды мне и страх мне незнаком.

Входит слуга.

Макбет

Чтоб почернеть тебе в когтях у черта!

Глядит как гусь! Чего ты побледнел?

Слуга

Там десять тысяч.

Макбет

Да, гусей, конечно?

Слуга

Солдат, мой государь.

Макбет

Возьми румян,

Замажь свой страх. Что за солдаты, баба?

Чтоб черт тебя побрал! Ты только годен

Пугать других. Что за солдаты, трус?

Слуга

Британские войска, мой государь.

Макбет

Пошел же!

(Слуга уходит).

Сейтон! Сердце мне щемит,

Когда подумаю ну, Сейтон! – Этот бой

Покончит все: убьет или излечит.

Довольно долго пожил я: мой май

Промчался быстро; желтыми листами

Опал моей весны увядший цвет.

Но где же спутники преклонных лет?

Любовь, почтение, кружок друзей —

Их мне не ждать. А вместо их – проклятья

Н а дне сердец и лесть на языке;

Их жалкий род и в ней бы отказал мне,

Когда бы смел. Сейтон!

Входит Сейтон.

Сейтон

Здесь, государь.

Макбет

Что нового?

Сейтон

Все оказалось правдой,

О чем докладывали, государь.

Макбет

Так я дерусь, пока мне не обрубят

Все мышцы с остова. Подать мне панцирь!

Сейтон

Еще успеете.

Макбет

Подать, я говорю!

Пошли за вал еще кавалеристов —

И вешать всех, кто только заикнется

О страхе пред врагом. Подай мне панцирь!

А что твоя больная, доктор?

Доктор

Страждет

Под гнетом мрачных и тяжелых грез.

Макбет

Ну, что же? вылечи ее. Иль ты

Больной души не можешь исцелить?

Не может грусть из сердца вырвать с корнем,

Изгладить врезанную в мозг заботу

И сладким, усыпляющим лекарством

Очистить грудь от ядовитой дряни?

Доктор

От этих недугов я не лечу.

Пусть сам больной отыскивает средства.

Макбет

Так брось же псам твои лекарства – что в них?

Подай мне шлем! где меч мой? Дай… не надо…

Все таны, доктор, от меня бегут…

Скорее, Сейтон!.. Если бы ты мог

Узнать болезнь моих владений, доктор,

И возвратить им крепость прежних лет,

Я эхо пробудил бы славою твоей…

Прими, я говорю… Какие травы,

Какие корни, порошки, пилюли

Избавят нас от англичан? Ты слышал?

Доктор

Я вижу, государь, приготовленья

Для встречи их.

Макбет

На, отнеси за мною.

Пока не тронулся Бирнамский лес —

Все вздор; ни яд, ни меч мне не опасны.

(Уходит).

Доктор

Дай только Бог уйти из Донзинана,
За горы золота не возвращусь.

(Уходит).

Сцена IV

Поле недалеко от Донзинана. Вдали виден лес.

Входят Малькольм, Сивард, сын его, Макдуф, Ментет, Катнесс, Ангус, Ленокс и Росс.

За ними идет войско с барабанным боем и распущенными знаменами.

Малькольм

Итак, друзья, мы можем утешаться,
Что близок час, когда под мирной кровлей
Начнем мы жизнь, свободную от страха.

Ментет

В том нет сомненья.

Сивард

Что это за лес?

Ментет

Бирнамский лес.

Малькольм

Пусть каждый из солдат
Отрубит ветвь; под тенью их мы скроем
Число людей – и враг наш ошибется.

Солдат

Слушаю.

Сивард

Мы слышим, что тиран, надежды полный,
Засел в стенах и ждет осады замка.

Малькольм

Да, Донзинан – его оплот последний.
Все отложились от него: вельможа
И бедный раб бегут, нашедши случай;
А кто остался поневоле с ним,
Тот сердцем далеко.

Макдуф

Дождемся следствий, —
Они рассудят лучше слов. Вперед!

Сивард

Идемте! Дело разрешит вопрос.
Надежда слов – пустой, неверный призрак;
Удар меча ее осуществит.
Идем.

(Уходят).

Сцена V

Донзинан. Двор внутри замка.
Входят Макбет, Сейтон и солдаты со знаменами и барабанным боем.

Макбет

Знамена выставить на укрепленьях!
Отвсюду слышен крик: «идут! идут!»
Мой замок крепок: пусть ведут осаду —
Она смешна. Под этими стенами

Дождутся голода или чумы!
Не будь у них так много наших танов,
Я встретил бы гостей лицом к лицу
И с честью проводил бы их домой.

(Из замка слышен крик женщин).

Что там за крик?

Сейтон

Как будто женский вопль.

(Уходит).

Макбет

Я позабыл почти, что значит страх.
А было время – замирали чувства
При крике филина; от страшных сказок
Вставали волосы на голове,
Как будто в них дышала жизнь! Я сыт;
Всех ужасов полна моя душа —
И трепетать я не могу.

Сейтон возвращается.

Макбет

Ну, что там?

Сейтон

Ее величество скончалась, государь.

Макбет

Она могла бы умереть и позже;
Всегда б придти поспела эта весть…
Да! завтра, завтра – и все то же завтра
Скользит невидимо со дня на день
И по складам отсчитывает время;
А все вчера глупцам лишь озаряли
Дорогу в гроб. Так догорай, огарок!
Что жизнь? – тень мимолетная, фигляр,
Неистово шумящий на помосте
И через час забытый всеми: сказка
В устах глупца, богатая словами
И звоном фраз, но нищая значеньем!

Входит вестник.

Макбет

Ты хочешь что-то говорить – скорей!

Вестник

Я должен доложить о том, что видел,
Но истинно не знаю, как сказать.

Макбет

Что ж? говори.

Вестник

Стоявши на часах,
Взглянул с горы я на Бирнамский лес;
Гляжу – и вдруг мне показалось, будто…
Он движется.

Макбет

Ты лжешь!

(Бьет его).

Вестник

Когда я лгу,
Пусть на меня падет ваш гнев. Взгляните!
Я говорю вам: он идет, отсюда видно.

Макбет

Послушай: если ты солгал – живому
На первом дереве тебе висеть,

Пока от голода ты не иссохнешь!
Но если правду ты сказал, тогда —
Мне все равно – повесь меня, пожалуй:
Моя уверенность поколебалась,
В словах врага двойной я вижу смысл.
Он лжет и в истине: «не бойся, Макбет,
Пока не двинется Бирнамский лес!»
И вот он двинулся. Так в поле! в поле!
Теперь мне все равно – спасенья нет.
Мне опротивел этот свет! Иду!
И если пасть мне суждено – паду
С мечом в руках. Ударить сбор, тревогу!
О, если б мир разрушился со мною!

(Уходит).

Сцена VI

Там же. Долина перед замком.

Входят Малькольм, старик Сивард, Макдуф и другие. За ними войско с распущенными знаменами и барабанным боем. Солдаты держат в

руках ветви.

Малькольм

Мы подошли теперь довольно близко;
Пора явиться в настоящем виде.
Отбросьте ветви! Вы, почтенный дядя,
И ваш отважный, благородный сын —
Вы поведете авангард, а я
И храбрый Макдуф – мы распорядимся
Всем остальным, согласно с нашим планом.

Сивард

Нам лишь бы засветло сойтись с врагом;
А там – умрем иль победим.
Малькольм. Трубите!

(Уходит).

Сцена VII

Там же. Другая часть равнины.
Шум битвы. Входит Макбет.

Макбет

Я окружен: бежать нельзя!

Как зверь, за жизнь я принужден сражаться;

Но где же тот, кто не рожден женой?

Его боюсь я – больше никого.

Входит молодой Сивард.

Молодой Сивард

Кто ты?

Макбет

Не спрашивай: ты ужаснешься

При имени моем.

Молодой Сивард

Нет, никогда,

Хоть будь оно ужасней всех имен,

Какие слышатся в аду.

Макбет

Я Макбет.

Молодой Сивард

Сам сатана не мог бы произнесть

Мне боле ненавистнейшего звука…

Макбет

И более ужасного.

Молодой Сивард

Ты лжешь!
Я докажу тебе мечом, презренный,
Что ты солгал.

(Они сражаются. Молодой Сивард падает).

Макбет

Ты женщиной рожден —
Смешон мне меч безвредный и тупой
В руке рожденного на свет женой.

(Уходит. Шум битвы продолжается).
Входит Макдуф.

Макдуф

Шум битвы здесь, но где же ты, тиран?
Явись! О! если от чужой руки
Погибнешь ты, мне не найти покоя
От призраков малюток и жены.
Я не могу рубить наемных кернов;
С тобою, Макбет, мы поспорим насмерть,

Иль меч в ножны вложу я без удара.

Ты, верно, там; по громким кликам слышно,

Что знатный бьется там боец. О, счастье!

Я об одном молю: сведи нас вместе.

(Уходит. Шум битвы продолжается).
Входят Малькольм и старик Сивард.

Сивард

Сюда, мой принц; нам замок сдался скоро;

Солдаты похитителя дерутся

За нас и против нас. Еще немного —

И враг разбит.

Малькольм

Да, он дерется плохо.

Сивард

Войдите в замок

(Они уходят).

Сцена VIII

Другая часть равнины.
Входит Макбет.

Макбет

К чему играть мне римского глупца
И упадать на собственный свой меч [133],
Пока передо мной живые люди?
Им лучше раны наносить.

Входит Макдуф.

Макдуф

Стой, изверг!

Макбет

Из всех людей я избегал тебя.
Ступай! Душа моя уже довольно

---

[133] Примечания: 133

Эта фраза Макбета указывает, вместе со многими местами «Гамлета» (особенно последней сценой), на то, что обе пьесы произошли под впечатлением незадолго перед тем оконченного «Юлия Цезаря». Любопытно, однако же, как Шекспир сумел здесь презрительно взглянуть на самоубийство, которому в классической драме придал значение совершенно разумного факта.

Запятнана твоею кровью, Макдуф!

Макдуф

Мой меч – язык мой; у меня нет слов
И им не выразить, как гнусен ты.

(Они сражаются).

Макбет

Напрасно ты теряешь труд, Макдуф!
Твой острый меч скорее может ранить
Неразделимый воздух, чем меня.
Побереги его: он пригодится
Для черепа, доступного железу;
А я заговорен; Мне не опасен
Рожденный женщиной.

Макдуф

Разочаруйся ж
И знай, служитель сатаны, что Макдуф
Из чрева вырезан, а не рожден.

Макбет

Будь проклят твой язык за это слово!

Он вырвал бодрость из моей души.
Да будут прокляты и силы ада!
Они дурачат нас: в словах коварных
Сулят успех – и поражают делом!
Я не дерусь с тобой.

Макдуф

Так сдайся, трус.
Ты редкий зверь; народу на потеху
Мы в клетке выставим тебя: пусть смотрят
На изверга, какого не бывало.

Макбет

Мне сдаться? жить на поруганье черни?
Мне ползать и лизать Малькольму ноги —
Нет, никогда! Хотя Бирнамский лес
И двинулся на Донзинанский замок,
Хотя ты женщиной и не рожден,
Последнее хочу я испытать,
Вот щит мой на груди – руби, Макдуф,
И проклят будь. кто первый скажет:

стой!

(Они уходят, сражаясь. Отступление).

Входят Мальколым, старик Сивард, Росс, Ленокс, Ангус, Катнесс, Ментет и войско с распущенными знаменами и барабанным боем.

Малькольм

Дай Бог, чтоб все явились на лицо!

Сивард

Иным и не явиться; но победа
Досталась дешево.

Малькольм

Макдуфа нет
И сына вашего.

Росс

Ваш сын окончил
Свой счет с войной. Он выступил, как отрок,
И пал, как муж, на шаг не отступая.

Сивард

Так он убит?

Росс

И с поля унесен.

Забудьте доблести его; иначе

Безмерна будет ваша скорбь.

Сивард

Он ранен спереди?

Росс

Да, прямо в грудь.

Сивард

Так будь же, сын мой, ратником Господним!

Будь у меня хоть, тысяча сынов —

Я всем им лучшей не желаю смерти.

Малькольм

О нем нельзя не пожалеть.

Сивард

Довольно.

Он честно рассчитался с жизнью – Бог с ним.

Вот новая и радостная весть.

Входит Макдуф с головой Макбета на копье.

Макдуф

Да здравствует король! Смотри, Малькольм!

Вот хищника проклятого глава!

Свободен мир! Вокруг тебя я вижу

Все перлы трона твоего. Друзья!

Воскликнем же от сердца глубины:

Да здравствует Малькольм, король шотландский!

Все. Да здравствует Малькольм, король шотландский!

(Звук труб).

Малькольм

Мое спасибо не замедлит… Таны

Отныне графы вы – и этим титлом

Шотландия приветствует вас первых!

Все прочее, что предстоит исполнить:

Призвать друзей, бежавших из отчизны

Искать спасенья от сетей тирана,

Открыть помощников цареубийцы

И злой жены его, как слышно, павшей

От собственной руки – мы все исполним

С Господней помощью; а между тем
Благодарим вас всех и просим в Скон
На торжество коронованья.

(Уходит при звуках труб)

Ибсен Генрик. Пер Гюнт

Действующие лица

Осе, вдова-крестьянка.
Пер Гюнт, ее сын.
Две старухи с мешками зерна.
Аслак, кузнец.
Гости на свадьбе.
Распорядитель пира.
Музыкант и др.
Переселенцы, муж с женой.
Сольвейг и маленькая **Хельга**, их дочери.
Крестьянин, хозяин усадьбы Хэгстад.
Ингрид, его дочь.
Жених и его родители.
Три пастушки.
Женщина в зеленом.
Доврский дед.
Старший придворный тролль, тролли обоего пола, взрослые и дети, ведьмы, домовые, лесовики, гномы и проч.
Уродец.
Голос во мраке.
Птичий крик.
Кари, бобылка
Master Каттон, monsieur Баллон, фон Эбер-

копф и **Трумпетерстроле** — путешественники.

Вор и **укрыватель**.

Анитра, дочь вождя бедуинов.

Арабы, рабыни, танцовщицы и проч.

Колосс Мемнона (поющий), **Сфинкс в Гизе** (лицо без речей).

Бегриффенфелд, профессор, доктор философии, директор дома для умалишенных в Каире.

Гугу, борец за очищение малабарского языка.

Гуссейн, восточный министр.

Феллах с мумией фараона.

Умалишенные и их сторожа.

Капитан корабля и его команда.

Неизвестный пассажир.

Пастор.

Участники похорон.

Ленсман.

Пуговичник.

Худощавая личность.

Действие, охватывающее время от начала XIX столетия до шестидесятых годов, происходит частью в Гудбраннской долине и в окрестных горах, частью на берегу Марокко, в пустыне Сахаре, в доме для умалишенных в Каире, на море и проч.

Действие первое

Горный склон, поросший лиственными деревьями, близ дворе Осе. Сверху сбегает горная речка. Налево старая мельница. Жаркий летний день.

Пер Гюнт, рослый, коренастый парень лет двадцати, спускается вниз по тропинке; Осе, маленькая, худенькая женщина, следует за ним. Она сердита и бранится.

Осе

Лжешь ты, Пер!

Пер Гюнт *(не останавливаясь)*

Не лгу я вовсе!

Осе

Нет? Не лжешь? Так побожись!

Пер Гюнт

Вот еще! Зачем божиться?

Осе

А? Не смеешь! Все наврал!

Пер Гюнт *(останавливаясь)*

Правда-каждой словечко.

Осе *(забегая вперед).*

Стыд-то есть ли у тебя?
В страду самую шататься
За оленем по горам
Больше месяца! Вернуться
В рваной куртке, без ружья,
Без добычи да морочить
Баснями старуху-мать?!
Ну, где встретил ты оленя?
Пер Гюнт. Там, на запад от хребта…
Осе (насмешливо). Так.
Пер Гюнт. Под ветром я пришелся;
Он в кустах ольхи стоял;
Снег копытом разгребая,
Мох щипал…

Осе *(как прежде).*

Так, так.

Пер Гюнт

В кустах
Лишь рога одни виднелись;

Затаивши дух в груди,
Скрип копыт его я слушал
И ползком между камней
Все поближе подбирался…
Вот уж виден стал он мне —
Жирный, с гладкими боками…
Ты такого никогда,
Побожусь я, не видала!..

Осе

Ну, еще бы!

Пер Гюнт

Трах!.. Олень
Оземь грянулся врастяжку,
Я же на спину ему
Вмиг вскочил и, ухватившись
За ухо одной рукой,
Нож стал вынимать другою,
Чтоб оленя приколоть
Тут он как взревет, скотина,
Да как вскочит вдруг с земли,
Да поддаст ногою задней!..

Вышиб нож из рук моих
И к спине прижал рогами, —
Как в тиски я тут попал, —
И пустился вскачь со мною
Прямо к Ендину-хребту.

Осе *(невольно).*

Иисусе!

Пер Гюнт

Ты видала
Тот хребет когда-нибудь?
Он длиной с полмили будет,
Крут, обрывист и остер;
Лед, лавины и морены —
Справа, слева, а внизу
Дремлют черные озера, —
Сажен сотен пять до них!
Вдоль хребта мы и летели,
Как стрела, – олень и я.
Не езжал еще я сроду
На таком лихом коне!
Искры сеял он копытом,

Обгоняли мы орлов,
Что, красуясь, проплывали
Между озером и мной.
Льдины о берег ломались,
Но до нас не достигал
Треск и грохот их, – высоко
Были мы; вокруг же нас
Духи снежные плясали,
И крутились, и вились,
Пели, выли, застилали
Пеленою взор и слух.

Осе *(словно у нее голова кружится).*

Господи, спаси, помилуй!..

Пер Гюнт

Вдруг на страшной крутизне
Вверх взлетела куропатка,
С выступа сорвавшись, где
Притаясь в гнезде сидела,
И с кудахтаньем – шарах
Прямо под ноги оленю!
В сторону метнулся он

И, подпрыгнув чуть не к небу,
В бездну ринулся стремглав.

Осе шатается и хватается за ствол дерева. Пер Гюнт продолжает.

Пер Гюнт

Позади стена крутая,
А под нами глубь без дна.
Облака прорезав, в стаю
Чаек врезались мы с ним.
С криком чайки разлетелись,
Мы же дальше вниз стрелой.
Я взглянул туда и вижу —
Беловатое пятно.
Словно б оленье брюхо,
Нам навстречу все растет…
То изображенье было
Наше собственное, мать!
Нам навстречу поднималось
Из озерной глубины
На поверхность в то же время,
Как неслись мы сами вниз!

Осе *(почти задыхаясь).*

Пер… скорее, Бога ради!

Пер Гюнт

Вот и встретились олени —
И со дна и с высоты;
Брызги так и полетели, —
Мы нырнули с головой!..
Как-никак олень, однако,
Выплыл на берег со мной,
И я марш домой скорее…

Осе

А олень?..

Пер Гюнт

Должно быть, там
Где-нибудь себе гуляет…

(Прищелкивая пальцами и перевертываясь на одном каблуке.)

Поищи – авось найдешь,
Постарайся – и поймаешь!

Осе

Как ты шею не сломал?

Иль хоть ноги, или спину?
Господи! Хвала тебе!
Это ты мне спас парнишку...
Правда, куртка вся в дырах,
И штанам досталось, видно;
Ну, да не о них тужить,
Как припомнишь, что могло бы...

(Внезапно застывает с открытым ртом и вытаращенными глазами, долго не может найти слов и наконец разражается.)

Ах ты, чертова башка!
Ах ты, лгун! Ведь эту сказку,
Как я вспомнила теперь,
В девках я еще слыхала!
Было это не с тобой, —
С Глесне Гудбрандом когда-то!

Пер Гюнт

А со мной быть не могло?
Я ведь тоже ездить мастер.

Осе *(сердито)*

Мастер ты чужую ложь

Разукрасить так, что с толку
Хоть кого собьет она.
И орлов сюда, и чаек,
И невесть чего приплел он!
Смесью были с небылицей
Страх такой нагнал, что я
Не узнала старой сказки!

Пер Гюнт

Пусть чужой бы так сказал, —
Я ему бы задал перцу!

Осе *(плачет)*

Пусть бы Бог прибрал меня!
Лучше б мне лежать в могиле!..
С парнем просто сладу нет.
Пер, пропащий ты, пропащий!

Пер Гюнт

Полно, милая моя,
Золотая, дорогая!
Ты права, я виноват,
Лишь не плачь, не сокрушайся!

Осе

Как не плакать бедной мне,
Вырастив такого сына
На позор и стыд себе?
Как же мне не сокрушаться?..

(Опять плачет.)

Полной чашей дом наш был
При твоем покойном деде;
А теперь осталось что
От богатства и почета?
Твой отец протер глаза
Деньгам дедовским скоренько, —
Накупил земель, домов,
Ездил барином четверкой,
Задавал пиры горой;
Ни вина тут, ни посуды
Не жалели; каждый гость,
Выпив, об стену с размаху
Был бутылку и стакан.
А потом – куда что делось?
Где богатство, где почет?

Пер Гюнт

Вот!.. А снег где прошлогодний?

Осе

Цыц! Молчи, молокосос!
Ты на дом наш полюбуйся:
Что окно, то и дыра,
Заткнута тряпицей старой;
Еле держится забор,
Скот стоит в хлеву без крыши,
На полях, лугах – бурьян;
Сколько раз за недоимки
Уж описывали нас...

Пер Гюнт

Ну, довольно бабьих охов!
Счастье часто то начнет
Чахнуть, вянуть, то вдруг снова
Краше вдвое расцветет.

Осе

Нет, посыпано золою
Место, где оно цвело!
Ты один не изменился:
Нос по-прежнему дерешь

И с лица не спал; такой же,
Как тогда, когда здесь был
Копенгагенский священник
Как зовут тебя, спросил
И клялся, что многих принцев
Ты за пояс бы заткнул
И умом и красотою.
Лошадь с санками отец
Подарил ему за это.
Да, жилось нам хоть куда!
Пробст и фогт со всей оравой
День-деньской толклись у нас,
Ели, пили до отвалу.
А когда пришла беда —
Всех повымело, как ветром.
Опустел наш дом с тех пор,
Как пошел бродить по свету
Коробейником мой Йун!

(Утирая глаза передником.)

Ох, но ты ведь взрослый парень,
Крепкий, сильный, и тебе
Быть пора бы уж опорой

Хилой матери своей,
Самому хозяйство править,
Чтоб хоть что-нибудь сберечь
Из остатком от наследства.

(Снова плачет.)

Ох, да где уж проку ждать
От такого шалопая!
Дома – с печки не сойдет,
Весь в золе, как Замарашка;
В люди выйдет – стыд и срам!
С парнями полезет в драку,
Девок распугает всех…

Пер Гюнт *(отходя)*

Ну, оставь!

Осе *(за ним)*

Не правда разве?
Иль не ты в последний раз
На гулянье в роще драку
С парнями завел, когда
Все, как псы, вы перегрызлись?
Руку Аслаку сломал

Или вывихнул не ты ли?

Пер Гюнт

Это кто тебе наплел?

Осе *(раздраженно)*

Кари вопли-то слыхала!

Пер Гюнт *(потирая плечо)*

Да, но кто вопил-то? Я.

Осе

Ты?

Пер Гюнт

Ну да. Меня избили.

Осе

Как?…

Пер Гюнт

Еще бы! Он ловкач.

Осе

Кто ловкач?

Пер Гюнт

Кузнец твой Аслак…

Осе

Тьфу ты! И такая дрянь,
Этот испитой бродяга
Мог тебя поколотить?!

(Снова плачет.)

Много вынесла я сраму,
Но такого не ждала!
Он – ловкач! А ты-то кто же?
Увалень, негодный трус!

Пер Гюнт

Я ли бью, меня ль колотят —
Все равно ты слезы льешь.

(Смеясь.)

Ну, утешься!

Осе

Иль опять ты
Все наврал мне?

Пер Гюнт

Не опять,
А на этот раз лишь только.

Ну, утешься, говорю.

(Сжимая и разжимая пальцы левой руки.)

Сжали кузнеца клещами
Пальцы этой вот руки,
Правый же кулак, как молот...

Осе

Ах, разбойник, ах, драчун!
В гроб меня свети затеял?!

Пер Гюнт

Что ты, что ты! В гроб свести?
Нет, ты лучшей стоишь доли,
Злая, милая моя!
Верь: когда-нибудь в деревне
Будешь первою у нас;
На поклон к тебе, увидишь,
Будут все ходить, лишь дай
Что-нибудь такое сделать...
Крупное, большое мне!

Осе *(презрительно)*

Так и сделаешь ты! Как же!

Пер Гюнт

Знать заранее нельзя,
Что и с кем случится в жизни.

Осе

Ох, хватило бы ума
У тебя хоть на починку
Дыр на собственных штанах!

Пер Гюнт *(запальчиво)*

Захочу – так князем стану,
А не то – так и царем!

Осе

Ну, совсем с ума уж спятил!

Пер Гюнт

Вот и стану, погоди!

Осе

По пословице старинной:
«Жди-пожди да погоди, —
Будешь королем, поди!»

Пер Гюнт

Вот увидишь – так и будет.

Осе

Замолчишь ты или нет?!
Обезумел, право слово!..
Что-нибудь-то из тебя
Путное, пожалуй, вышло б,
Коли б ты весь день-деньской
Не слонялся тут без дела
Да не хвастал и не врал!
Страсть к тебе как льнула Ингрид;
В жены мог ты взять ее,
Коли б вел себя умнее…

Пер Гюнт

Ой ли?

Осе

Знаешь сам, – ни в чем
От отца ей нет отказа.
Как старик там ни упрям,
Дочка им, как хочет, вертит,
И куда она – туда,
Хоть ворчит, и он плетется.

(Снова ударяясь в слезы.)

И достанется ей все —
Дом, земля, усадьба, деньги…
Захотел бы, так теперь
Ты, на зависть всей деревне,
Женихом бы щеголял,
А не грязным оборванцем.

Пер Гюнт *(живо)*

Ну, коль так – идем за ней!

Осе

Как? За кем?

Пер Гюнт

За Ингрид.

Осе

Поздно,
Нет тебе туда пути.

Пер Гюнт

Почему так?

Осе

Потому что…
Ох, ну как мне слез не лить?

Бедный Пер мой, бесталанный?

Пер Гюнт

Ну?

Осе

Пока ты разъезжал
Там по кручам на олене,
Ингрид высватал Мас Мон.

Пер Гюнт

Это пугало воронье?

Осе

Да, и он теперь жених.

Пер Гюнт

Погоди, сейчас буланку
Запрягу.

(Хочет идти.)

Осе

И не трудись.
Завтра их уж повенчают.

Пер Гюнт

Ну, а я сейчас отправлюсь!

Осе

Тьфу! Неужто же ты хочешь
Стать посмешищем для всех?

Пер Гюнт

Э, не бойся. Все улажу.

(Вдруг вскрикивает и смеется.)

Стой! С запряжкою возня…
Ну ее совсем, буланку!

(Подхватывает мать на руки.)

Осе

Ой, пусти ты!

Пер Гюнт

На руках
Отнесу тебя я в Хэгстад.

(Переходит вброд речку.)

Осе

Стой… Не смей… Господь, спаси!
Помогите! Мы утонем!..

Пер Гюнт

Ждет меня получше смерть!..

Осе

Да, на виселице разве!

(Таскает его за волосы.)

Ах, разбойник!

Пер Гюнт

Смирно, мать!
Тут так скользко!

Осе

Дрянь! Скотина!

Пер Гюнт

Языком болтать – болтай,
Это делу не мешает…
Ну, теперь помельче тут…

Осе

Ах, держи же ты! Уронишь!

Пер Гюнт

Гоп-гоп! Я – олень, ты – Пер!

(Прыгает.)

Гоп-гоп! Лихо погарцуем!

Осе

Ох, пришел, знать, мой конец!

Пер Гюнт

Не тебе конец, а броду.

(Выходит на берег.)

Поцелуя ждет олень,
За езду скажи спасибо.

Осе *(дает ему затрещину)*

Вот тебе спасибо! Вот!

Пер Гюнт

Ой! Ты стала больно щедрой!

Осе

И пусти!

Пер Гюнт

Ну нет, шалишь!
Мы с тобой поскачем в Хэгстад.
Свахой будешь там моей.
Ты умна; сумеешь, верно,
Старика уговорить.
Ты скажи, что Мас – фефела…

Осе

Пер, пусти!

Пер Гюнт

И распиши
Пер Гюнта так, что любо!

Осе

Да так уж распишу,
Что останешься доволен!
Все твои проделки, плут,
Перечислю по порядку...

Пер Гюнт

Ах, ты вот как?

Осе *(пиная его ногой от злости)*

Я добьюсь —
На тебя, как на бродягу,
Спустит псов цепных старик!

Пер Гюнт

Гм... так я один отправлюсь.

Осе

Не уйдешь! Я догоню!

Пер Гюнт

Где! Куда тебе! Слабенька!

Осе

Я? Я так сердита, зла —
Камень бы перекусила,
Проглотила бы кремень!
Пустишь ты?!

Пер Гюнт

Коль обещаешь...

Осе

Ни за что! Хочу с тобой;
Пусть узнают все-каков ты!

Пер Гюнт

Ну, так лучше здесь побудь.

Осе

Ни за что! Хочу туда!

Пер Гюнт

Мало ли чего ты хочешь!

Осе

Что ты делаешь?

Пер Гюнт

А вот
Посажу тебя на крышу.

(Сажает ее на крышу мельницы и отходит.)
Осе *(кричит)*

Пер! Сними, сними сейчас!

Пер Гюнт

Обещаешь?...

Осе

Вздор!

Пер Гюнт

А если
Я прошу тебя?...

Осе *(бросая в него куском дерна с крыши)*

Сними!

Пер Гюнт

Снял бы, если б можно было.

(Подходя ближе.)

Ну, теперь сиди смирней.
Не возись и не брыкайся,

Камни, дерн не вороши,
А не то беда стрясется —
Оземь брякнешься как раз.

Осе

Ах ты, скот!

Пер Гюнт

Ногой не дрыгай!

Осе

Чтобы вихрь тебя унес,
Как подменыша-тролленка!

Пер Гюнт

Фу, стыдись!

Осе

Тьфу!

Пер Гюнт

Лучше дай
Мне свое благословенье,
Чтоб я счастья попытал.
Хочешь?

Осе

Вздуть тебя хочу я,
Да и вздую, погоди,
Даром, что большой верзила!

Пер Гюнт

В самом деле? Так прощай!
Потерпи; я ненадолго…

(Идет, затем оборачивается и предостерегающе поднимает палец.)

Не забудь же – не возись!

(Уходит.)

Осе

Пер!.. О Господи! Уходит!
Пугало оленье! Лгун!
Стой! Послушай… Воротись же!..
Нет, и ухом не ведет!
Знай идет себе…

(Кричит.)

Спасите!
Кругом голова идет…

Две старухи с мешками за спиной поднимаются снизу к мельнице.

Первая старуха

Сила крестная будь с нами!
Кто вопит тут?

Осе

Я.

Вторая старуха

И впрямь
Осе! Вишь куда взлетела!

Осе

Ох, того гляди, взлетит
Душенька моя на небо!

Первая старуха

Ну, счастливого пути!

Осе

Лестницу добудьте, бабы!
Вниз хочу. Проклятый Пер!..

Вторая старуха

Ваш сынок?

Осе

Теперь вы сами

Видите, каков мой сын.
Первая старуха
Нас в свидетели берите.

Осе

Дайте вниз скорей сойти,
Побегу я прямо в Хэгстад…

Вторая старуха

Там он разве?

Первая старуха

Если там,
Так спокойны будьте, – Аслак
Рассчитается за вас.

Осе *(ломая руки)*

Нет, Господь спаси, помилуй!
Этак ведь в конце концов
Жизни может он лишиться.

Первая старуха

Что ж! Нам всем один конец,
Так о чем тут сокрушаться?

Вторая старуха

Баба впрямь с ума сошла.

(Кричит вверх.)

Эйвинд! Андрес! Эй, скорее!

Мужской голос

Что там?

Вторая старуха

Засадил Пер Гюнт

Мать на мельничную крышу.

Небольшой холм, поросший вереском и кустарником. Дальше, за плетнем, проселочная дорога.

Пер Гюнт спускается по тропинке и быстро направляется к плетню, но останавливается и смотрит на открывающийся перед ним вид.

Пер Гюнт

Ну, вот и Хэгстад. Скоро буду там.

(Заносит ногу, чтобы перешагнуть через плетень, и задумывается.)

Узнать бы, дома Ингрид и одна ль?

(Приставив к глазам руку щитком, смотрит вдаль.)

Эге! Дорога вся кишит гостями…

Пожалуй, лучше повернуть назад.

(Опустив ногу.)

А то начнут хихикать за спиною,
Шептаться – со стыда сгоришь.

(Отходит от плетня и рассеянно ощипывает листья с кустов.)

Хватить бы
Для храбрости чего-нибудь покрепче!
Иль незаметно прошмыгнуть! Иль пусть бы
Никто тебя не знал в лицо!.. А лучше
Всего – хватить чего-нибудь покрепче!
Тогда тебе насмешки нипочем.

(Вдруг, словно испугавшись чего-то, озирается, затем прячется за кустами.)

Мимо проходит несколько человек, неся в руках узелки с гостинцами и направляясь к усадьбе.

Мужчина *(продолжая разговор)*

Отец пьянчуга был, а мать глупа.

Женщина

Так и не диво, что сынок – оболтус.

Проходят. Немного погодя Пер Гюнт выходит, красный от стыда, и смотрит им вслед.

Пер Гюнт *(тихо)*

Не обо мне ли это?

(С напускным ухарством.)

А пускай их!
Им не убить меня своим шипеньем.

(Кидается на поросший вереском бугорок и долго лежит на спине, подложив руки под голову и глядя в небо.)

Какое облако чудное... вроде
Коня... И человек на нем верхом.
А сзади не старуха на метле?..

(Посмеивается про себя.)

Да это мать! Бранится и кричит:
Скотина Пер! Постой-ка! Я тебе!

(Глаза его понемногу слипаются.)

Ага, теперь, небось, перепугалась:
Пер Гюнт со свитой едет, на коне
С серебряным султаном, а подковы
Из золота червонного. Он сам

В перчатках, с саблей, в мантии широкой
Такая же нарядная. Но кто
Сидит в седле прямее, кто всех краше?
Пер Гюнт! И где он едет – там народ
Шпалерами стоит, ломает шапки
И на него во все глаза глядит,
А женщины смиренно приседают.
Все знают – это царь Пер Гюнт со свитой!
Бросает, словно камешки, в толпу
Монеты пригоршнями он, и разом
Становятся вокруг все богачами…
Пер Гюнт и через море еде вброд,
А принцы Англии на берегу
Стоят и ждут. И Девушки все тоже.
Вельможи Англии и короли —
Где едет Пер – из-за столов встают.
Снимает император сам корону
И говорит…

Аслак *(проходя с товарищами по ту сторону плетня)*

Вон пьяная скотина – Пер Гюнт лежит.

Пер Гюнт *(полуприподнимаясь)*

Позвольте… император!..

Аслак *(облокачиваясь на плетень и усмехаясь)*

Ну, вставай же!

Пер Гюнт

Ах, черт, кузнец. Что надобно тебе?

Аслак *(другим)*

Как видно, не очухался.

Пер Гюнт *(вскакивая)*

Ступай-ка,
Проваливай же по добру!

Аслак

Эге!..
Уйду, уйду. Но ты взялся откуда?
Ведь шесть недель ни слуху и ни духу…
Мы думали – ты к троллям в плен попал.

Пер Гюнт

Гм... я таких наделал дел, что любо!

Аслак *(подмигивая товарищам)*

Послушаем!

Пер Гюнт

Вам дела нет до них.

Аслак *(немного погодя)*

Ты в Хэгстад?

Пер Гюнт

Нет.

Аслак

В деревне толковали,
Что будто девку-то к тебе тянуло...

Пер Гюнт

Покаркай у меня ты, ворон!..

Аслак

Полно.
Ты не сердись. Ну, эту упустил —
Других найдется много, помани лишь!
Недаром ты – Пер Гюнт, сын Йуна Гюнта.

Пойдем же с нами. Там сегодня сбор —
И молодых овечек и материых!

Пер Гюнт

Поди ты к черту!

Аслак

Верно, уж нашел бы
И ты себе там парочку… Прощай же!
Снести поклон невесте от тебя?

Уходят, смеясь и перешептываясь.

Пер Гюнт *(смотрит им вслед, машет рукой и отворачивается)*

По мне, так пусть венчается с кем хочет.
Мне все одно.

(Смотрит на себя.)

Оборван весь, в лохмотьях…
Эх, было б поновее что надеть!

(Топая ногою.)

Из глотки вырвал с языком бы вместе
Насмешки их проклятые!

(Вдруг озираясь.)

Что? Что?

Опять хихикают как будто сзади?

Гм… нет, почудилось. Тут никого, —

Пойду домой.

(Далее несколько шагов в гору и прислушивается.)

Чу, к танцам заиграли.

(Пристально смотрит и слушает, затем потихоньку спускается вниз; глаза его блестят, и он поглаживает себе бедра.)

А девок гибель там. На одного

По целому пятку, а то и больше.

Ах, черт возьми!.. Ну как тут не пойти!..

А мать-то как же? Все сидит на крыше?…

(Не может отвести глаз от дороги в усадьбу, подпрыгивает и смеется.)

Гоп-гоп! Отплясывает халлинг лихо!

Скрипач Гуторм пилит вовсю! Веселье

И гул-как будто водопад шумит!

А девок, девок сколько! Вишь хохочут!

Нет, черт возьми, ну как тут не пойти!

(Одним прыжком перелетает через изгородь и идет по дороге.)

Усадебный двор в Хэгстаде. В глубине жилой дом. Толпа гостей. На лужайке идут оживленные танцы. Музыкант сидит на столе. В дверях дома стоит Распорядитель пира; стряпухи бегают взад и вперед; пожилые гости сидят группами там и сям и беседуют.

Женщина *(присаживаясь к гостям, разместившимся на бревнах)*

Невеста?... Ну, известно уж, поплачет.

Нельзя же без этого.

Распорядитель *(подходя к другой группе)*

А ну-ка, гости!

Вот жбан мне помогите опорожнить!

Один из гостей

Спасибо: только ты уж больно часто

Подносишь, кум!

Парень *(музыканту, проносясь мимо него в паре с девушкой)*

Ты струн-то не жалей —

Нажаривай!

Девушка

Чтобы в лугах звенело!

Девушки *(окружая другого парня, пляшущего в одиночку)*

Лихой прыжок!

Одна из них

Вот икры – что пружины!

Парень *(продолжая пляску)*

Ни стен, ни потолка тут не зацепишь;

Чеши ногами в стороны и вверх!

Жених *(подходит к отцу, который разговаривает с другими гостями, и, хныча, тянет его за полу куртки)*

Она не хочет; злющая такая!

Отец

Чего не хочет?

Жених

В клети заперлась.

Отец

Ну, поищи ключа.

Жених

Да я не знаю…

Отец

Растяпа ты!

(Отворачивается к собеседникам, а жених опять растерянно бродит по двору.)

Второй парень *(выходя из дому)*

Ну, девки, вот когда

Потеха-то начнется – Пер идет!

Аслак *(только что вошедший)*

А кто позвал его?

Распорядитель

Никто.

(Идет к дому.)

Аслак *(девушкам)*

Так если

Заговорит он – вы не отвечайте.

Девушка *(другим)*

Да, да, как будто мы его не знаем.

Пер Гюнт *(входит разгоряченный и оживленный, останавливается перед гурьбой девушек и хлопает в ладоши)*

Ну, кто тут разбитнее всех из девок?

Одна *(к которой он приближается)*

Не я.

Другая

Не я.

Третья

Да и не я.

Пер Гюнт *(четвертой)*

Ну ты!

Пойдем, пока не сыщется получше!

Четвертая *(отворачиваясь)*

Мне недосуг!

Пер Гюнт *(пятой)*

Так ты!

Пятая *(отходя)*

Домой пора.

Пер Гюнт

В такую рань? Да ты рехнулась, что ли?

Аслак *(немного погодя, вполголоса)*

Смотри-ка, Пер! Пошла со стариком.

Пер Гюнт *(быстро оборачиваясь к пожилому человеку).*

Куда ж они девались все?

Пожилой человек

Ищи!

(Отходит.)

Пер Гюнт сразу притихает и исподлобья косится на толпу. Все смотрят на него, но никто с ним не говорит. Он подходит то к одной, то к другой группе, — везде сразу же водворяется молчание, а когда он отходит, его провожают улыбками.

Пер Гюнт *(про себя)*

Как шила – взгляды, мысли и улыбки!

А шепот – словно визг пилы тупой!

(Пробирается вдоль плетня.)
Сольвейг, держа за руку маленькую Хельгу, вхо-

дит во двор в сопровождении родителей.

Один из гостей *(другому, неподалеку от Пера Гюнта)*

Переселенцы.

Второй

С запада?

Первый

Из Хэдской

Долины, кажется.

Второй

Да, да.

Пер Гюнт *(заступая дорогу вошедшим и указывая на Сольвейг, спрашивает переселенца).*

Нельзя ли

Мне с дочкою твоею поплясать?

Переселенец *(тихо)*

Пожалуй; только надобно сначала

Зайти хозяину отдать поклон.

Входят в дом.

Распорядитель *(Перу Гюнту, угощая его)*

Уж раз ты здесь, так горло промочи!

Пер Гюнт *(не отрываясь, глядит вслед ушедшим)*

Спасибо, жажды нет; плясать я буду.

Распорядитель отходит.

Пер Гюнт *(смотрит на дом и смеется)*

Какая светлая! Таких я сроду
Не видывал. Не поднимает глаз;
За юбку матери рукой схватилась,
В другой руке молитвенник у ней,
Завернутый в платок. Взглянуть еще раз!

(Хочет войти в дом.)

Парень *(выходя из дому с несколькими товарищами)*

Уже? Уходишь, Пер, от танцев?

Пер Гюнт

Нет.

Парень

Так не туда идешь.

(Берет его за плечо, чтобы повернуть.)

Пер Гюнт

Пусти меня!

Парень

Иль кузнеца ты испугался?

Пер Гюнт

Я-то?

Парень

Ну да – припомнил вашу схватку в роще?

Толпа смеется и уходит к танцующим.
Сольвейг *(в дверях)*

Не ты поплясать хотел со мной?

Пер Гюнт

А кто же, как не я?

(Берет ее за руку.)

Идем скорее!

Сольвейг

Но уходить далеко не велела
Мне матушка.

Пер Гюнт

Скажите! Не велела?
Да ты вчера, что ль, родилась?

Сольвейг

Ты хочешь
Смеяться надо мной?

Пер Гюнт

И впрямь девчонка!
Ты разве взрослая?

Сольвейг

Весной ходила
К священнику и причащалась.

Пер Гюнт

Так.
А как тебя зовут, – чтоб легче было
Нам разговаривать с тобою?

Сольвейг

Сольвейг.
А как тебя?

Пер Гюнт

Пер Гюнт.

Сольвейг *(выдергивая руку)*

Ах, крест святой!..

Пер Гюнт

Ну, что ты?

Сольвейг

Надо завязать потуже
Подвязку – развязалась.

(Уходит.)

Жених *(дергая мать за юбку)*

Мать, она
Не хочет...

Мать

Как не хочет?

Жених

Так!

Мать

Чего не хочет?

Жених

Отомкнуть задвижку.

Отец *(тихо, сердито)*

Тебя в стойле привязать, осла!

Мать

Ну, не бранись! Он справится еще.

Уходит.

Парень *(с целой ватагой товарищей с лужайки, где идут танцы)*

Глоточек водки, Пер!

Пер Гюнт

Не надо.

Парень

Полно,

Один глоток.

Пер Гюнт *(угрюмо глядя на него)*

С тобою есть?

Парень

Найдется.

(Вынимает из кармана бутылку и пьет.)

А! Так и жжет!.. Ну, что же?

Пер Гюнт

Дай отведать.

(Пьет.)

Второй парень

Теперь моей…

Пер Гюнт

Не надо.

Второй парень

Что за вздор!

Не будь же дураком. Хлебни.

Пер Гюнт

Ну, каплю.

(Пьет еще.)

Девушка *(вполголоса)*

Пойдем же!

Пер Гюнт

Или ты меня боишься?

Третий парень

Еще бы! Кто тебя не побоится?

Четвертый парень

Ты в роще показал, на что ты мастер.

Пер Гюнт

И не на то еще, как разойдусь!

Первый парень *(шепотом)*

Сейчас начнется.

Остальные *(обступая Пера Гюнта)*

Ну-ка! Расскажи,
На что еще ты мастер?

Пер Гюнт

Завтра.

Окружающие

Нет,
Сегодня, Пер!

Девушка

Ты колдовать умеешь?

Пер Гюнт

Умею черта заклинать.

Один из гостей

Ну, это
Умела бабушка, когда меня
Еще на свете не было.

Пер Гюнт

Все враки.

Того, что я могу, никто не может.

Я черта раз в орех загнал. Орех-то

Был со свищем. Вы поняли?

Окружающие *(со смехом)*

Еще бы!

Пер Гюнт

Уж он и бесновался, и ругался,

И плакал, и сулил мне то и се…

Один из окружающих

А все-таки пришлось залезть в орех?

Пер Гюнт

Пришлось-таки. Я свищ заткнул гнилушкой,

И – батюшки! – как он там загудел!

Девушка

Подумай!

Пер Гюнт

Да, ни дать ни взять, как шмель.

Девушка

И до сих пор он у тебя в орехе?

Пер Гюнт

Нет, улизнул, проклятый! И успел
Поссорить с кузнецом меня.

Один из парней

Да что ты?

Пер Гюнт

Я, видишь, к кузнецу пришел с орехом
И попросил мне расколоть его.
Кузнец пообещал; на наковальню
Орешек положил да по своей
Повадке грубой – чуть что, бить с плеча —
Не молоток, а молот взял большущий…

Голос из толпы

И черта вдребезги расквасил?

Пер Гюнт

Аслак
Ударил, как мужчина настоящий,
Но увернуться черт успел и вихрем

Из кузницы как вылетит!.. Снес крышу
И стену по пути...

Голоса

А что ж кузнец?

Пер Гюнт

Обжегся. Вот с тех пор и не в ладах мы.

Общий смех.

Некоторые

Занятная история.

Другие

Пожалуй,
Занятней прежних россказней его.

Пер Гюнт

По-вашему, я сочиняю их?

Один из гостей

Зачем напраслину взводить – не ты;
Я все почти от деда слышал в детстве.

Пер Гюнт

Все враки! Это все со мною было.

Тот же

Да уж чего с тобою ни бывало!

Пер Гюнт *(ухарски перевертываясь на каблуке)*

Эх-ма! Я захочу, так поднимусь
На воздух на коне и полечу!..
Я и не то еще могу!..

Снова хохот.

Один из толпы

А ну-ка!
Ну, поднимись на воздух, полетай!

Другие

Пожалуйста, голубчик Пер, потешь нас!

Пер Гюнт

Ну, нечего вам клянчить. Я взовьюсь
И пронесусь над вами буйным вихрем;
Вы будете все кланяться мне в ноги!

Пожилой человек

Как видно малый вовсе спятил, братцы!

Второй

Осел!

Третий

Бахвал!

Четвертый

Хвастун и лгун!

Пер Гюнт *(грозя им)*

Постойте ж!

Один из гостей *(полупьяный)*

Постой-ка, из тебя повыбьют пыль!

Многие

Своротят скулы, фонарей наставят!

Толпа расходится; кто постарше — в сердцах, помоложе — со смехом и шутками.

Жених *(подойдя к Перу вплотную)*

Неужто ты летать умеешь, Пер?

Пер Гюнт *(отрывисто)*

Я все умею, Мас. Лихой я парень.

Жених

Так у тебя и куртка-невидимка,

Пожалуй, есть?

Пер Гюнт

Ну, то есть шапка? Есть.

(Отворачивается от него.)
Через двор проходит Сольвейг, ведя за руку Хельгу.

Пер Гюнт *(с прояснившимся лицом)*

А, Сольвейг! Хорошо, что ты пришла!

(Схватив ее за руку.)

Держись же, закружу тебя я так!..

Сольвейг

Пусти меня.

Пер Гюнт

Зачем?

Сольвейг

Такой ты... дикий.

Пер Гюнт

Олень дичает тоже по весне.
Пойдем же! Полно киснуть!

Сольвейг *(отдергивая руку)*

Я не смею.

Пер Гюнт

А почему?

Сольвейг

Ты выпил.

(Отходит с Хельгой.)

Пер Гюнт

Взять бы нож

Да всех их до единого!..

Жених *(подталкивая его локтем)*

Послушай,

Хоть ты бы пособил мне с нею сладить.

Пер Гюнт *(рассеянно)*

С невестой? Где ж она?

Жених

Да в клети все.

Пер Гюнт

А ну тебя!

Жених

Да право же, попробуй!

Пер Гюнт

Ну нет ж, обойдешься без меня.

(Вдруг осененный мыслью, говорит тихо и резко.)

Так Ингрид в клети.

(Опять подходит к Сольвейг.)

Ну, решайся, что ли!

Сольвейг хочет уйти, Пер Гюнт загораживает ей дорогу.

Пер Гюнт

Стыдишься, что одет я, как бродяга?

Жених *(с живостью)*

Ты на бродягу не похож, неправда.

Пер Гюнт

Уж ладно, ладно! И к тому же выпил…

На зло тебе, – обидела меня ты.

Идем же!

Сольвейг

И хотела б, да не смею.

Пер Гюнт

Кого боишься?

Сольвейг

Пуще всех – отца.

Пер Гюнт

Отца? Да, да, он из тихонь, как видно.
Ханжа? Не так ли? Отвечай же мне!

Сольвейг

Не знаю, что и отвечать.

Пер Гюнт

Сектант он?
И ты и мать сектантки, верно, тоже?
Ну, отвечай!

Сольвейг

Оставь меня в покое!..

Пер Гюнт

Оставить? Нет.

(Понижая голос, но резко и угрожающе.)

Я троллем обернусь.
И в полночь подойду к твоей постели.

Услышишь, кто-то возится, сопит, —
На кошку не подумай: это – я.
Я выпью кровь твою. Сожру с костями
Твою сестренку. Я – вампир! Вопьюсь
Зубами в грудь твою…

(Вдруг, словно испугавшись, меняет угрожающий тон на робкий, молящий.)

Пойдем же, Сольвейг!

Сольвейг *(хмуро глядя на него)*

Каким ты безобразным был сейчас.

(Уходит в дом.)

Жених *(беспомощно слоняясь по двору, опять подходит к Перу)*

Я дам вола, лишь помоги!

Пер Гюнт

Идем.

(Уходит за дом.)

В это время большая толпа отделяется от круга, где танцуют; среди них много пьяных. Шум и гам. Сольвейг, Хельга с родителями и еще несколькими пожилыми людьми выходят из дверей дома.

Распорядитель *(кузнецу Аслаку, который идет впереди толпы)*

Не задирай.

Аслак *(снимая на ходу куртку)*

Нет, я уж с ним расправлюсь!
Пер Гюнт иль я – один не устоит!

Некоторые

Пускай их сцепятся!

Другие

Пусть побранятся!

Аслак

Нет, слов тут мало, кулаки нужны!

Отец Сольвейг

Эй, парень, воздержись!

Хельга *(матери)*

Они хотят
Побить его?

Парень

Давайте лучше на смех
Его поднимем хорошенько!

Другой

Да!

И в шею выгоним!

Третий

И наплюем

В глаза лгунишке!

Четвертый *(Аслаку)*

Что ж ты? На попятный?

Аслак *(сбрасывая куртку)*

Бока все обломать ему!

Мать Сольвейг *(к Сольвейг)*

Ты видишь,

В какой чести у всех здесь этот молодчик!

Осе *(входит во двор с хворостиной в руках)*

Не здесь ли мой сынок? Уж и задам же,

Уж и отпотчую его!

Аслак *(засучивая рукава рубахи)*

Да разве

Проймешь дубину прутиком?

Некоторые из толпы

Постой!
Кузнец его отпотчует!

Другие

Уважит!

Аслак *(поплевывая себе на ладони и кивая Осе)*

Расквашу!

Осе

Что? Расквасить Пера! Ну-ка,
Попробуйте! Такого вам задам!..
Да где ж он?

(Кричит на весь двор.)

Пер!

Жених *(вбегает со всех ног)*

Беда, беда! Идите
Скорей, отец, и матушка, и все!..

Отец

Ну, что стряслось?

Жених

Подумайте, Пер Гюнт...

Осе *(кричит)*

Убили вы его?

Жених

Да нет! Глядите…
Вон на горе!

Толпа

С невестой!

Осе *(роняя хворостину)*

Ах, скотина!

Аслак *(ошеломленный)*

Карабкается с ней по кручам, где
Лишь впору козам лазить…

Жених *(плача)*

Гляньте, тащит
Ее под мышкой, словно поросенка!

Осе *(грозя Перу)*

О, чтоб ты кувырком слетел оттуда,
Свернул бы шею…

(Вскрикивает в страхе.)

Ой, поосторожней!

Хозяин Хэгстада *(выбегая из дома с непокрытой головой, бледный от гнева)*

Украсть невесту!.. Я его убью!

Осе

Смотрите-ка! Так я вам и позволю!

Действие второе

Узенькая скалистая тропинка в горах. Раннее утро. Пер Гюнт, сердитый, быстро идет по тропинке. Ингрид, в полуподвенечном наряде, старается удержать его.

Пер Гюнт

Прочь поди ты от меня!

Ингрид *(плача)*

После этого!.. Куда же?

Пер Гюнт

Все равно, – подальше лишь!

Ингрид *(ломая руки)*

Ах, изменник!

Пер Гюнт

Понапрасну
Будешь хныкать и корить;
Ты – направо, я – налево.

Ингрид

Грех меня с тобой связал!

Пер Гюнт

Черт бы взял воспоминанья!
Черт побрал бы всех вас, баб...
Кроме лишь одной-единой...

Ингрид

Кто ж она?

Пер Гюнт

Не ты.

Ингрид

А кто ж?

Пер Гюнт

Отвяжись и убирайся!
Прочь! Назад к отцу вернись!

Ингрид

Милый, славный мой, красавец!..

Пер Гюнт

Замолчи!

Ингрид

Не может быть,
Чтоб от сердца говорил ты!

Пер Гюнт

Как сказал я, так и есть.

Ингрид

Как? Сманить меня и – бросить!

Пер Гюнт

А чего ж еще мне ждать?
Что еще мне можешь дать ты?

Ингрид

Двор, усадьбу и…

Пер Гюнт

Всегда
Ты с молитвенником ходишь?
По плечам твоим лежат
Золотые косы в лентах?
Ходишь, опустив глаза,
Мать за юбку ухватив?
Ну же?

Ингрид

Нет, но...

Пер Гюнт

В первый раз
Лишь весной ты причащалась?

Ингрид

Нет, но, Пер...

Пер Гюнт

Стыдлива ты?
Отказать мне ты смогла ли?

Ингрид

Господи!.. Рехнулся он!

Пер Гюнт

Можешь взглядом светлый праздник
Вызвать в чьей-нибудь душе?

Ингрид

Нет, но...

Пер Гюнт

Все же остальное
Много стоит? Ничего.

(Хочет уйти.)

Ингрид *(заступая ему дорогу)*

Знаешь ты, что головою
Мне заплатишь за обман?

Пер Гюнт

Все равно.

Ингрид

Почет, богатство
Ты со мной бы приобрел.

Пер Гюнт

Нет, себе дороже станет.

Ингрид *(заливаясь слезами)*

Ты сманил...

Пер Гюнт

Ты поддалась.

Ингрид

Я была так безутешна.

Пер Гюнт

Ну, а я был под хмельком.

Ингрид *(угрожающе)*

Но ты дорого заплатишь!..

Пер Гюнт

Все ж останусь в барышах.

Ингрид

На своем стоишь?

Пер Гюнт

Как камень.

Ингрид

Ну, смотри! Не прогадай!

(Начинает спускаться вниз.)

Пер Гюнт *(молчит с минуту, затем вдруг вскрикивает)*

Черт бы взял воспоминанья!

Черт побрал бы всех вас, баб!

Ингрид *(оборачиваясь, насмешливо кричит)*

Кроме лишь одной-единой?

Пер Гюнт

Да, единственной-одной!

Каждый идет своей дорогой.

У горного озера; мягкая болотистая почва. Со-

бирается гроза. Осе в отчаянии кричит, озираясь во все стороны. Сольвейг с трудом поспевает за нею. В некотором отдалении следует за ними чета переселенцев с Хельгой.

Осе *(размахивает руками и рвет на себе волосы)*

Все против нас с ним – небо, и вода,
И скалы! Небо хмурится и хочет
Густым туманом сбить его с пути;
Болото засосать сулит, а скалы
Грозят ему лавинами, обвалом!
А люди-то – убить его хотят!
Да не попустит Бог! Нет! Нет! Не в силах
Я Пера потерять!.. Ах он, змееныш!
И дернула нелегкая его…

(Оборачиваясь к Сольвейг.)

Ну, кто ждал от него такого дела?
Ведь только на словах он был удал
Да небылицы сочинять был мастер,
А чуть коснись до дела – нет его!
Не знаешь прямо, плакать иль смеять-

ся…

А как мы с ним друг к другу прежде льнули,

Чего-чего не натерпелись вместе!

Покойник-муж был пьяница и мот,

По деревням таскался и по селам

Да бражничал, сорил деньгами. Я же

С ребенком Пером дома все да дома…

Ну, как же быть, как время скоротать?

С судьбой бороться разве нам под силу?

Да и глядеть в глаза ей тоже страшно.

Ну вот и норовят забыться люди,

Рассеять мысли жуткие – кто чаркой,

Кто выдумочкой баюкает себя;

И мы с сыночком сказками спасались —

Про принцев заколдованных, про троллей,

Про похищения невест… Но кто же

Подумал бы, что так засядут сказки

Те в голове?

(Вскрикивая в испуге.)

У, вопль какой!

Иль водяной, иль лесовик то крикнул.

О Пер мой, Пер!.. Там что-то промелькнуло...

(Взбегает на холм и смотрит через озеро.)
Чета переселенцев тем временем присоединяется к ней.

Осе

Ошиблась! И следов нигде не видно!

Переселенец *(тихо)*

Тем хуже для него.

Осе *(плача)*

Ах, Пер мой, Пер!

Моя пропавшая овечка!

Переселенец *(кротко кивая головой)*

Правда.

Пропал твой сын, погиб.

Осе

Ну, что ты, что ты!

Такой-то молодец! Да днем с огнем

Такого не сыскать другого! Вот что!

Переселенец

Ты неразумная.

Осе

Да, пусть глупа я,
Зато сынок мой – парень хоть куда!

Переселенец *(по-прежнему тихо, с кротким взглядом)*

Душой он заблудился и погиб.

Осе *(в страхе)*

Нет, нет! Не так жесток отец небесный!

Переселенец

Иль может сын твой грех своей из души
Огнем небесным покаянья выжечь?

Осе *(горячо)*

Зато он может вихрем на олене
По воздуху летать.

Жена переселенца

Бог с вами! Что Вы!

Переселенец

Вы говорите?..

Осе

Говорю вам: нет
Такого дела, чтоб он не осилил.
Постойте, дайте лишь дожить ему…

Переселенец

Чем он скорей на виселице будет,
Тем лучше для него.

Осе

Помилуй Бог!

Переселенец

У палача в руках он, может статься,
Покается и душу тем спасет.

Осе *(ошеломленная)*

От ваших слов и ум зайдет за разум.
Нет, надо, надо нам его сыскать!

Переселенец

Чтоб душу бедную его спасти.

Осе

И тело. Если он завяз в болоте,
Мы вытащим его, а если тролли
Его в свою пещеру заманили,
Я упрошу звонить в колокола,
Мы вызвоним его!

Переселенец

Гм… здесь тропинка
Протоптана коровами…

Осе

Господь
Воздаст за то вам, что пошли со мною,
Стараетесь помочь в беде!

Переселенец

Ну, это
Долг каждого христианина.

Осе

Тьфу!
Так те язычники – все остальные!
Хоть бы один помог!

Переселенец

Они, как видно,
Его узнали слишком хорошо.

Осе

Нет, он для них хорош был слишком.

(Ломая руки.)

Вот,
Того гляди, и сгибнет из-за них!

Переселенец

Тут след мужской ноги.

Осе

Скорей по следу.

Переселенец

У пастбища мы можем разойтись.

(Идет с женой и Хельгой вперед.)

Сольвейг *(Осе)*

Ну, расскажите мне...

Осе *(отирая глаза)*

О Пере?

Сольвейг

Да,

Все, все!

Осе *(улыбаясь и закидывая голову)*

Не переслушаешь всего-то, —

Устанешь.

Сольвейг

Вы рассказывать скорее

Устанете, чем я устану слушать!

Низкие безлесные холмы, ведущие к скалистому плоскогорью; издали видны горные пики. Падают длинные тени; день клонится к вечеру.

Пер Гюнт *(вбегает, сломя голову, и останавливается на холме)*

Вся деревня в погоне за мной.

Кто с ружьем, кто с дубьем; впереди же

Сам старик завывает. Молва,

Знать, далеко пошла о Пер Гюнте!

Эх-ма! Это вот-дело! Не то, что

Драться с Аслаком! Это вот жизнь!

Силы чую в себе я медвежьи!

(Обмахивается и подпрыгивает.)

Мять, крутить, водопад запрудить!
Бить, с корнями выдергивать сосны!
Это – жизнь! Закалит хоть кого.
К черту выдумки, глупые сказки!

Три Пастушки *(бегая по холмам с криком и песнями)*

Тронд из Вальфьелла! Борд и ты, Коре!
Тролли! Вас в объятья мы зовем!

Пер Гюнт

Эй вы, девки! Кого вы зовете?

Пастушки

Троллей.

Первая пастушка

Тронд! Понежнее берись!

Вторая

Борд, возьми меня силой!

Третья

Пусты
Все каморки у нас в шалаше.

Первая

Сила – в нежности!

Вторая

Нежность же в силе!

Третья

Нет дружков, так мы троллей зовем!

Пер Гюнт

Где же ваши дружки?

Все три *(с хохотом)*

Не прийти им!

Первая

Мой голубил меня, целовал,
Да на старой вдове и женился!

Вторая

Мой с цыганкой столкнулся в лесу,
Вместе с ней и шатается где-то.

Третья

Наше детище мой утопил,
С головой распростился и скалит
Зубы череп его на шесте.

Все три

Тронд из Вальфьелла! Борд и ты, Коре!
Тролли! Вас мы в объятья зовем!

Пер Гюнт *(одним прыжком становясь между ними)*

Трехголовый я тролль – для трех девок
Пригожусь!

Девушки

Ты такой молодец?

Пер Гюнт

Вот увидите сами!

Первая

Скорей же
К нам в шалаш!

Вторая

Там найдется и мед.

Пер Гюнт

Пусть он пенится!

Третья

Наши каморки

В эту ночь будут заняты все!

Вторая *(целуя Пера Гюнта)*

Пышет жаром и искрами сыплет,
Словно сталь раскаленная, он!

Третья *(тоже)*

Взор горит… словно детские глазки
В глуби озера темной блестят!

Пер Гюнт *(приплясывая в хороводе девушек)*

Сердцу грустно, так весело мысли!
В горле слезы, но смех на губах!

Девушки *(показывая носы горным выступам).*

Тронд из Вальфьелла! Борд и ты, Коре!
Уж не спать вам в объятьях у нас!

(Приплясывая, увлекают Пера Гюнта за собой.)

В Рондских горах. На закате. Кругом озаренные солнцем снежные вершины.

Пер Гюнт *(идет нетвердой походкой, словно в чаду похмелья)*

Высится замок над замком.
Жаром ворота горят!

Стой! Остановишься, что ли?
Дальше, все дальше бежит!..
Крылья петух расправляет,
С флюгера хочет вспорхнуть...
Скалы вдали засинели,
Горы угрюмо встают...
Что за стволы и за корни
Выросли в трещинах скал?
Это борцы-великаны
На журавлиных ногах!..
Тают они. Заиграла
Радуга, взор мой слепит...
Звон раздается какой-то...
Тяжесть на веках моих.
У! Как мне лоб разломило!..
Сжало кольцом огневым!..
Черт побери, не припомню —
Кто же надел мне его?

(Валится на землю.)

Ендин... полет на олене...
Сказки и чертова ложь...
В горы украдкой с невестой...

Бешеный бег по скалам…
Пьянство без просыпа сутки…
Коршунов стая за мной;
Тролли и всякая нечисть…
С девками шалыми ночь…
Ложь и проклятые сказки!

(Долго смотрит, вперив взор вдаль.)

Реют два темных орла.
Гуси на юг потянулись,
Что же, а мне тут сидеть,
Видно, в грязи по колено?

(Вскакивая.)

С ними лететь! И в волнах
Ветра холодного грязь всю
Смыть с себя мне захотелось, —
В облачной светлой купели,
Стать краше всех молодцов!
Реять хочу над горами,
Тело очистить и дух,
Взвиться над морем, стать выше
Английских принцев самих!..

Что загляделись, красотки?
Дела вам нет до меня.
Сколько ни ждите – напрасно!..
Может быть, впрочем, спущусь…
Вот тебе раз! Где ж орлы-то?
Кажется, черт их унес?…
Что это? Высится будто
Кровли железной конек…
Выросли стены и трубы…
Настежь ворота стоят.
Иль это новый дом деда?
Старый домишко – тю-тю!
Изгородь старая-тоже.
Стекла на солнце блестят;
В горнице светлой пируют.
Слышу, ножом о стакан
Пробст зазвенел, и бутылкой
В зеркало бац капитан.
Пусть их! Пусть все пойдет прахом!
Мать, замолчи! Не беда!
Знай, как Йун Гюнт угощает!
Гюнтову роду ура!..

Что там за шум и за крики?
Сына зовет капитан.
Пробст хочет выпить за Пера.
Смело иди, Пер, на суд!
Шумно друзья тебя встретят:
«Ты из великого рода,
Быть же великим тебе!»

(Ринувшись вперед и хватившись носом о выступ скалы, падает и не может подняться.)

Горный склон, поросший крупными лиственными деревьями, шелестящими от ветра. Сквозь листву блестят звезды; в ветвях поют птицы. По склону спускается Женщина в зеленом. За нею увивается Пер Гюнт.

Женщина в зеленом

Правда ли?

Пер Гюнт *(проводя пальцем себе по горлу)*

Правда – не будь я Пер Гюнт!
Правда – не будь ты такою красоткой!
Хочешь моей быть! Увидишь, что я
Буду с тобой хорошо обращаться.
Прясть не заставлю, ни ткать нико-

гда.

Есть будешь вволю и пить сколько влезет.

За косы слово даю не таскать…

Женщина в зеленом

Да, и не драться?

Пер Гюнт

Еще бы! Да разве

Мы, королевичи, бьем своих жен?

Женщина в зеленом

Ты королевич?

Пер Гюнт

Ну да.

Женщина в зеленом

А я дочка

Доврского деда; отец мой – король.

Пер Гюнт

Вот как? Так видишь, мы пара с тобою.

Женщина в зеленом

Пышный дворец его в Рондских скалах.

Пер Гюнт

Больше дворец моей матери вдвое.

Женщина в зеленом

Знаешь, как звать его? Бросе-король.

Пер Гюнт

Мать я зову королевою Осе.

Женщина в зеленом

Скалы трещат, коль рассердится он.

Пер Гюнт

Валятся, стоит начать ей браниться.

Женщина в зеленом

Прыгнуть до неба ему нипочем.

Пер Гюнт

Ей перейти по колено и море.

Женщина в зеленом

Кроме вот этих лохмотьев, надеть
Есть у тебя что другое получше?

Пер Гюнт

Ты погляди мой воскресный наряд!

Женщина в зеленом

В золото, в шелк я и в будни одета.

Пер Гюнт

Больше похоже на стебли, траву.

Женщина в зеленом

Да, но ты помни, у жителей Рондских
Вид все двоякий имеет и смысл.
С первого взгляда ты наши палаты
Примешь, пожалуй, за груду камней.

Пер Гюнт

Так и у нас ты, пожалуй, за мусор
Золото примешь и скажешь: тряпьем
Заткнуты грязным разбитые окна.

Женщина в зеленом

Кажется белым у нас, что черно,
Что безобразно – красивым.

Пер Гюнт

У нас же
Кажется малым великое все;
Грязное – чистым и белым.

Женщина в зеленом *(бросается ему на шею)*

Я вижу —

Мы с тобой пара!

Пер Гюнт

Как два сапога!

Женщина в зеленом *(кричит)*

Свадебный конь мой! Скакун мой, скорее!

Прибегает гигантский поросенок с веревкой вместо уздечки и старым мешком вместо седла. Пер Гюнт вскакивает на поросенка верхом и сажает женщину в зеленом впереди себя.

Пер Гюнт

В Рондские двери мы вихрем влетим!

Гоп! Ну, лети же, скакун мой, как ветер!

Женщина в зеленом *(нежно)*

Ах! Как недавно, сама не своя,

Я тут бродила… Ну, кто бы подумал!..

Пер Гюнт *(погоняя поросенка)*

Важных господ по езде узнают!

Тронная зала Доврского деда. Множество придворных троллей, домовых, лесовиков и гномов. Доврский дед сидит на троне в короне и со скипетром. По обе стороны трона королевские дети и ближайшие родственники. Пер Гюнт стоит перед троном. В зале шум и гам.

Придворные тролли

Смерть человеку! Любимую дочь
Доврского деда увлек он!

Тролленок

Что, если палец ему откушу?

Другой тролленок

В волосы можно вцепиться?

Девушка-троллиха

Дайте мне ляжку ему прокусить!

Ведьма *(с большой суповой ложкой)*

В супе сварить его, что ли?

Другая ведьма *(с большим ножом)*

Иль зажарить? На вертел воткнуть?
Иль подрумянить в кастрюле?

Доврский дед

Смирно!

(Кивком головы подзывает к себе приближенных.)

К чему хорохориться так?
Сильно в последнее время
Мы опустились, и помощь людей
Нам отвергать неразумно.
Парень к тому же на вид хоть куда:
Рослый, плечистый и сильный!
Правда, одна у него голова;
Но и у дочки не больше.
Тролли о трех головах ведь у нас
Вышли почти что из моды;
И двухголовых-то встретишь едва,
Да и немного стоят
Головы те.

(Перу Гюнту.)

Так пришел ты сюда
Дочь мою требовать в жены?

Пер Гюнт

Дочь и в приданое царство твое!

Доврский дед

Дам половину при жизни;
Будет твоей и другая, когда
Век свой окончу.

Пер Гюнт

Согласен.

Доврский дед

Стой, погоди! Обещания дать
Кое-какие ты должен;
Стоит нарушить одно – уговор
Весь свою силу теряет,
И уж от нас ты живым не уйдешь!..
Прежде всего обещаешь
Плюнуть на все, что вне Рондских границ,
Света и дня сторониться,
Светлого дела и солнца луча.

Пер Гюнт

Это все плевое дело,
Только бы сесть королем!

Доврский дед

А затем
Ум твой хочу испытать я...

Старший придворный тролль *(Перу Гюнту)*

Ну-ка, остер ли твой ум? И орех
Доврского деда раскусит?

Доврский дед

Тролли и люди – в чем разница тут?

Пер Гюнт

Я ее что-то не вижу.
Взрослые съесть с потрохами хотят,
Малые – мучить, кусаться;
Так вот и наши, лишь дайся я им.

Доврский дед

Правда, во многом мы схожи
Но и большое различие есть.
Утро есть утро, а вечер —
Вечер всегда. Вот различие в чем:
Там, под сияющим сводом,
Учат: «Самим будь собой, человек!»
В Рондских же скалах иначе:
«Тролль, будь доволен собою самим!»

Придворный тролль *(Перу Гюнту)*

Смысл постигаешь глубокий?

Пер Гюнт

Что-то туманно.

Доврский дед

Доволен собой.
Соль вся в словечке «доволен».
Это словечко девизом возьми!

Пер Гюнт *(почесывая за ухом)*

Да, но…

Доврский дед

Ты должен, коль хочешь
Стать здесь владыкой.

Пер Гюнт

А ну, наплевать,
Пусть уж по-твоему будет!

Доврский дед

Далее: нашим домашним столом
Должен ты впредь обходиться.

(Кивает.)

Два тролля со свиными головами в белых колпаках и прочие приносят яства и пития.

Доврский дед

Вол дает мед, а корова блины.
Кисло ли, сладко ли будет —
Дело не в том; здесь вся суть: что свое
Все у нас, непокупное!

Пер Гюнт *(отталкивая от себя угощенье)*

К черту вас с вашим домашним столом!
К этому мне не привыкнуть.

Доврский дед

Чаша в придачу, из золота вся;
Тот же, кто чашей владеет,
В жены себе и возьмет мою дочь.

Пер Гюнт *(раздумывая)*

Да, по писанию, нужно
Превозмогать нам природу свою;
Стерпится – слюбится… Ладно.

(Принимает угощение.)

Доврский дед

Слушать приятно разумную речь…
Плюнул?

Пер Гюнт

На силу привычки
Надобно впредь уповать.

Доврский дед

А теперь
Платье людское ты сбросишь.
К чести будь сказано нашей, у нас
Все своего производства;
Все, что мы носим, сработано здесь,
В скалах родных; из долины
Банты лишь те, что у нас на хвостах.

Пер Гюнт *(сердито)*

Я без хвоста!

Доврский дед *(придворным)*

Подвяжите
Хвост мой парадный ему поскорей!

Пер Гюнт

Так и дался я вам на смех!

Нет, уж оставьте! Нашли дурака!

Доврский дед

Ну, а бесхвостым не суйся
К Доврскому деду в зятья!

Пер Гюнт

Из людей
Делать зверей!

Доврский дед

Лишь приличным
Сделать тебя мы хотим женихом.
Бант ярко-желтый получишь, —
Это здесь высшая честь.

Пер Гюнт *(раздумывая)*

Человек —
Сказано – в мире песчинка;
Жить же с волками – по-волчьи и выть!
Ну, подвяжите уж, что ли!

Доврский дед

Вижу, покладистый малый ты, зять!

Придворный тролль

Ловко ль вилять им – попробуй!

Пер Гюнт *(взбешенный)*

Ну, вы еще захотите меня
Вероотступником сделать?!

Доврский дед

Нет, твоей веры не тронем, мой сын, —
Вера свободна от пошлин;
Нам оболочка одна лишь важна…
С виду будь троллем заправским,
Верь же, как хочешь, и верой зови
То, что здесь страхом зовется.

Пер Гюнт

Легче, однако, поладить с тобой,
Чем ожидал я вначале.

Доврский дед

Лучше мы, тролли, чем слава о нас;
Этим еще, между прочим,
Мы отличаемся, сын мой, от вас.
Но с деловым разговором
Можно и кончить пока. Усладить

Время нам уши и очи.
Доврские девы-арфистки, вперед!
Девы-танцовщицы тоже!
Доврские арфы пускай зазвенят, —
Скалы пусть дрогнут от пляски!

Музыка и танцы.

Придворный тролль

Ну, каково?

Пер Гюнт

Каково?

Доврский дед

Говори,
Зять, не стесняйся! Что видишь?

Пер Гюнт

Что-то прегадкое. Вижу, свинья,
Пляшет в коротких штанишках;
Струны корова копытом дерет...

Придворные тролли

Съесть его!

Доврский дед

Иль вы забыли —

Видит и судит он, как человек!

Девушки-троллихи

Уши, глаза ему вырвать!

Женщина в зеленом *(хныча)*

Слушать, как он нас поносит с сестрой,

Нашу игру, нашу пляску!

Пер Гюнт

Ты разве это была?... На пиру

Шутка приправою служит.

Я ведь шутил.

Женщина в зеленом

Поклянись!

Пер Гюнт

Хоть куда —

Кошка меня оцарапай! —

Ваша и пляска была и игра!

Доврский дед

Да, уж с природою людскою

Сладишь нескоро: живуча она.
Сколько увечий не терпит
С нами в борьбе, – оправляется вновь,
Словно ни в чем не бывало.
Зять мой на редкость покладист, скажу;
Сбросил людскую одежду,
Меду домашнего выпил и хвост
С бантом надеть согласился;
Словом, исполнил он все, что ему
Было предложено нами.
Я уж и думал, что старый Адам
Выгнан навеки за двери;
Глядь, он опять тут как тут! Так тебе
Надо серьезно лечиться,
Зять, от господства природы людской.

Пер Гюнт

Что ты еще затеваешь?

Доврский дед

Левый твой глаз я чуть-чуть поскоблю, —

Вкось все и вкривь будешь видеть,
Но уж зато все красивым найдешь.
Правый же глаз твой я выну.

Пер Гюнт

Пьян или рехнулся ты?

Доврский дед *(кладет на стол какие-то острые орудия)*

Здесь у меня
Полный набор инструментов,
Нужных стекольщику; видишь ты – есть
Даже наглазники; будешь
Ты их носить, как норовистый вол.
То-то невеста прелестной
Будет казаться тебе! И твой глаз
Впредь не смутит тебя видом
Пляшущих свиной в штанах и коров.

Пер Гюнт

Вздор ты болтаешь! Ты спятил?

Старший придворный тролль

Доврского деда премудры уста.

Ты, а не он, вздор болтаешь!

Доврский дед

Сам посуди, от каких неудобств
Этим тебя я избавлю.
Вспомни, глаза суть источники слез,
Горьких и едких, как щелок.

Пер Гюнт

Правда, написано: если тебя
Глаз соблазняет твой – вырви!..
Ну, а когда же опять-то, скажи,
Буду по прежнему видеть?

Доврский дед

Ты? Никогда.

Пер Гюнт

Так покорный слуга!

(Порывается уйти.)

Доврский дед

Что тебе надо за дверью?

Пер Гюнт

Выйти хочу.

Доврский дед

Погоди-ка! Открыт
Вход к нам для всех, но не выход.

Пер Гюнт

Что же, ты силой задержишь меня?

Доврский дед

Слушай, принц Пер! Будь разумен!
Троллем стать – данные все у тебя.

(Придворным.)

Правда, почти как заправский
Тролль он ведет себя?

(Снова обращается к Перу.)

И ведь хотел
Сам же ты сделаться троллем?

Пер Гюнт

Да, это так. Чтоб невесту добыть
И королевство впридачу,
Я кое-чем поступиться готов.
Только всему ведь есть мера!
Хвост подвязать я позволил, – пускай!

Как ни старайся придворный,
Не прирастет он; смогу отвязать.
Ну, и штаны с себя сбросил, —
Ветхие были, в заплатах; к тому ж
Снова надеть их недолго.
Труд небольшой и мешок опростать
Из-под домашних гостинцев.
Можно за деву корову признать,
Клятвою в том поручиться, —
Клятвы – слова, проглотил и – конец!
Стать же мне троллем навеки,
Чтоб по-людски даже в гроб мне не лечь,
Словом, чтоб не было вовсе,
Как говорится, возврата назад, —
Это уж слишком! На это,
Как ты там хочешь, согласья не дам!

Доврский дед

Слушай! Бесчестное слово,
Я не на шутку сейчас рассержусь.
Светопятнистый мальчишка!
Знаешь ты, кто я? Дерзнул соблазнить

Ты мою дщерь…

Пер Гюнт *(перебивая)*

Это враки!

Доврский дед

Значит, и должен жениться на ней!

Пер Гюнт

Как? Ты меня обвиняешь?

Доврский дед

Иль отпираться посмеешь, что ты
К ней вожделел в своих мыслях?

Пер Гюнт *(присвистнув)*

Только-то? Кой же привяжется черт
К вздору такому?

Доврский дед

Вы, люди,
Вечно себе остаетесь верны.
Дух на словах признаете,
Вправду же цените только одно —
Что можно сцапать руками.
Думаешь ты – вожделенье ничто?

Ну, погоди же, увидишь…

Пер Гюнт

Не попадусь я на этот крючок!

Женщина в зеленом

Году не минет, как станешь,
Милый мой Пер, ты счастливым отцом.

Пер Гюнт

Дайте мне выйти! Мне нужно…

Доврский дед

В шкуре козлиной дитя за тобой
Вслед понесут!

Пер Гюнт *(отирая пот)*

Хоть проснуться б!

Доврский дед

Иль во дворец твой его отослать?

Пер Гюнт

В дом воспитательный!

Доврский дед

Ладно:

Будет по-твоему! Помни одно:
С возу упало – пропало;
Item – расти не по дням, по часам
Будет он, – эти ублюдки
Живо растут.

Пер Гюнт

Перестань же, старик,
Словно осел, упираться!
Будь поразумней, девица! Давай
Дело решим полюбовно!
Знайте, не принц я, ничтожный бедняк;
Как ни верти, как ни щупай,
Мало корысти тебе от меня.

Женщина в зеленом падает в обморок, и другие троллихи уносят ее из залы.

Доврский дед *(с высоты своего величия с минуту презрительно смотрит на Пера Гюнта и затем говорит)*

Детки, хватите покрепче
Об стену прямо его головой!

Тролленята

Папа! Позволь нам сначала
В кошку и мышку, в сову и орла
С ним поиграть!

Доврский дед

Поиграйте!
Только недолго! Я зол и меня
Клонит ко сну! Доброй ночи!

(Уходит.)

Пер Гюнт *(преследуемый троллятами)*

Прочь, дьяволята! Пустите меня!

(Хочет удрать сквозь печную трубу.)

Тролленята

Гномы, сюда! Домовые!
Сзади кусайте его!

Пер Гюнт

Ай-яй-яй!

(Бросается к подвальному люку.)

Тролленята

Дыры и щели заткните!

Придворный тролль *(нежно)*

Как разыгрались малютки!

Пер Гюнт *(борясь с тролленком, который вцепился ему в ухо)*

Отстань!

Слышишь, отстань же, негодный!

Придворный тролль *(ударив его по руке)*

Ну, ты повежливей с принцем, мужлан!

Пер Гюнт

Норка мышиная!

(Бежит к ней.)

Тролленята

Гномы!

Живо заткните!

Пер Гюнт

Со старым беда,

С малыми ж во сто крат хуже!

Тролленята

В клочья его!

Пер Гюнт

Превратиться бы в мышь!

(Мечется из стороны в сторону.)
Тролленята *(окружая его толпой)*

В круг его, в круг замыкайте!

Пер Гюнт *(плача)*

Ах, будь я вошь!

(Падает.)
Тролленята

В харю прямо теперь!

Пер Гюнт *(погребенный под кучей навалившихся на него тролленят.)*

Мать! Помоги! Умираю!

Издали доносится звон церковных колоколов.
Тролленята

Чу! Колокольчики слышны в горах!

То – чернорясцев коровы!

(С визгом и воем разбегаются.)

Своды залы рушатся; все исчезает.
Кромешный мрак. Слышно, как Пер Гюнт бьет и колотит направо и налево большим стуком.

Пер Гюнт

Ну, отвечай же мне! Кто ты?

Голос из мрака

Сама.

Пер Гюнт

Прочь убирайся с дороги!

Голос

Нет, обойди-ка сторонкой, Пер Гюнт!

Пер Гюнт *(хочет пройти в другом месте, но снова натыкается)*

Кто ты?

Голос

Сама. А ты можешь
То же сказать про себя?

Пер Гюнт

Что хочу,
То и могу. И не трус я.
Эй, берегись! Раздавлю! Побивал
Сотни Саул, ну, а мною
Тысячи будут побиты!

(Хлещет и бьет.)

Ответь,
Кто ты?

Голос

Сама.

Пер Гюнт

Отвяжись ты
С глупым ответом таким! Говори!
Что ты такое?

Голос

Кривая.

Пер Гюнт

Как? Ты – Кривая?

Голос

Великая, Пер!

Пер Гюнт

Черное сделалось серым.
Прочь же с дороги!

Голос

Сторонкой, Пер Гюнт!

Пер Гюнт

Нет! Напролом!

(Бьет и хлещет.)

А! Урала!

(Хочет пройти, но спотыкается.)

Как? Тут вас много?

Голос

Одна, Пер, одна.
Та же Кривая. Убита,
Сломлена, с виду мертва, но… жива!

Пер Гюнт *(бросая сук)*

Меч мой, знать, тролли закляли!
Но берегись ты моих кулаков!

(Старается пробиться.)

Голос

Да, поднатужься; побольше,
Пер, на кулак упирай! Хи-хи-хи!
Действуй руками, ногами, —
Глядь, и пройдешь как-нибудь! Хи-хи-хи!

Пер Гюнт *(опять натыкаясь)*

Взад ли, вперед ли – ни с места!

Тесно и вне и внутри!
Там она, тут она – всюду:
В круге каком-то верчусь!
Выйду, и снова я заперт!..
Эй, назовись! Покажись!
Что ты такое?

Голос

Кривая.

Пер Гюнт *(ощупывая кругом)*

Гм... ни мертва, ни жива...
Скользкое, влажное что-то...
Формы и образа нет!
Словно я в кучу ворчащих,
Сонных попал медвежат!

(Кричит.)

Ну, отбивай же удары!

Голос

Нет, Пер! Кривая с ума не сошла.

Пер Гюнт

Бейся!

Голос

Кривая не бьется.

Пер Гюнт

Нужно! Борись!

Голос

Без борьбы
Всех побеждает Кривая.

Пер Гюнт

Пусть домовой, лесовик,
Пусть годовалый тролленок
Здесь бы напал на меня, —
С ними я мог бы схватиться!..
С этой же!.. Ну, захрапела!.. Эй, ты!

Голос

Что тебе?

Пер Гюнт

Натиском действуй!

Голос

Исподволь я побеждаю всегда.

Пер Гюнт *(царапая и кусая себе руки)*

Впиться бы в тело когтями!
Мясо прогрызть до костей!
Собственной крови отведать!

Слышен как бы шум крыльев больших птиц.

Птичий крик

Эй ты, Кривая! Идет?

Голос из мрака

Да, он идет, шаг за шагом.

Птичий крик

Сестры далекие! Мчитесь сюда!

Пер Гюнт

Девушка! Если меня ты
Хочешь спасти, – поспеши!
Книгой святою смелее
В голову троллю пусти!

Птичий крик

Он зашатался, глядите!

Голос

Он наш!

Птичий крик

Эй, сестры! Живей!

Пер Гюнт

Дорого стало бы слишком
Жизнь этой страшной игрою купить!

(Падает.)

Птичий крик
Пал он! Кривая, бери же!

Издали доносится колокольный звон и церковное пение.

Кривая *(расплываясь в ничто, говорит, зевая)*

Нет, с ним не сладить! Ему
Женщины стали оплотом!

Горное пастбище Осе; пастуший шалаш; дверь заперта; тихо и пусто. Восход солнца. Пер Гюнт спит у загородки.

Пер Гюнт *(просыпаясь, озирается мутным, усталым взглядом и отплевывается)*

Селедки бы теперь посолонее…

(Плюет опять и в эту минуту видит Хельгу, которая несет узелок со съестным).

Ты как сюда попала? Что тебе?

Хельга

Мне надо Сольвейг…

Пер Гюнт *(вскакивая)*

Где она?

Хельга

Да тут же,
За загородкой.

Сольвейг *(из своей засады)*

Сделай только шаг —
Я убегу.

Пер Гюнт

Боишься, что схвачу я
Тебя силком, к груди прижму?

Сольвейг

Стыдись!

Пер Гюнт

Ты знаешь, где я ночь был? У троллей.
Дочь деда Доврского в меня влюбилась.

Сольвейг

Так кстати по тебе звонить велели.

Пер Гюнт

Не из таких Пер Гюнт. Он не пропал бы!..

(Хельге.)

Ты что?

Хельга *(плача)*

Она сбежала!

(Кидаясь вслед.)

Погоди же!

Пер Гюнт *(схватив ее за руку)*

Смотри-ка, что в кармане я нашел —
Серебряную пуговку. Получишь
Ее ты, если за меня замолвишь.
Словечко ей...

Хельга

Пусти меня!

Пер Гюнт

Бери же!

Хельга

Пусти! Вон там мой узелок остался…

Пер Гюнт

И Бог тебя спаси, коль ты…

Хельга

Пусти же!
Тебя боюсь я.

Пер Гюнт *(вдруг смиряясь и выпуская ее)*

Нет, хотел сказать я:
Проси ее – меня не забывать!

Хельга убегает.

Действие третье

В глубине бора. Серая осенняя погода. Падает снег. Пер Гюнт, без куртки, рубит строевой лес.

Пер Гюнт *(подрубая огромную старую сосну с узловатыми ветвями)*

Упрям ты, старый великан, как вижу,
Да как там ни упрямься, час твой пробил!

(Принимается опять рубить.)

Броню, вишь, на себя надел стальную!
Но я сдеру ее со шкурой вместе!
Ага! Кривыми лапами трясешь?
Я понимаю, – ты сердиться вправе,
Но все же предо мной падешь ты ниц!

(Вдруг обрывая.)

Все выдумки. Сосна это, а вовсе
Не в сталь закованный могучий витязь;
Сосна простая с треснувшей корой.
Не легкий труд рубить стволы такие;

А замечтаешься – сам черт не брат!
Но надо это бросить все; довольно
Ходить в тумане, бредить наяву…
Ты, парень, изгнан в лес и – вне закона!

(С жаром продолжает рубить.)

Отверженный. И матери с тобою
Здесь нет; никто тебе не сварит пищу
И не накроет стол. Захочешь есть —
Справляйся сам, как знаешь; раздобудь
В реке, в лесу чего-нибудь съестного,
Лучины нащепи да разведи
Огонь в печи и стряпай сам. Захочешь
Теплей одеться – подстрели оленя;
А нужен кров – так камня наломай
Да бревен наруби и сам на место
Перетаскай на собственной спине.

(Роняет топор и мечтательно глядит вдаль.)

Хоромы выйдут важные. На крыше
Я башенку с флюгаркою поставлю,
А для конька морскую деву с рыбьим
Хвостом я вырежу; замки и скобки

Из желтой мели сделаю и стекол
Для окон раздобуду. То-то станут
Прохожие дивиться: что такое,
Как жар, горит там, на горе, в лесу?

(Злобно смеется.)

Опять за выдумки! Себя морочить!
Ты вне закона!..

(Ожесточенно рубит.)

И с тебя довольно
На случай непогоды шалаша...

(Смотрит вверх на дерево.)

Ага, шатается. Еще удар...
Ну вот, во всю улицу и растянулось!..
Затрясся молодняк, весь бор гудит.

(Принимается очищать дерево от ветвей, но вдруг останавливается с поднятым топором и прислушивается.)

За мной кто-то... А, так ты обманом
Меня взять хочешь, хэгстадский старик!..

(Присаживается на корточки за деревом и

осторожно выглядывает из своей засады.)

Какой-то парень… Сам боится, видно;
Все озирается по сторонам
И что-то прячет под полою куртки…
А, серп!.. Остановился и тревожно
Прислушался… Теперь на лыжный по-
сох
Он руку правую кладет, и… что с ним?
Шатается, за дерево схватился?…
Ай-ай! Никак он палец отхватил?!
Да, начисто! Фонтаном кровь забила…
Он тряпкой замотал и убежал!

(Встает.)

И молодец же, черт возьми! Весь палец
Большой отчикнул! Сам, по доброй во-
ле,
Никто его не заставлял… Ах, вот что!
Теперь я понял. Только так и можно
Избавиться от королевской службы.
Его в солдаты, видно, взять хотели,
А парню-то, понятно, не охота.
Но отрубить?… Раз навсегда расстать-

ся?...

Придумать это, этого желать,

Хотеть... но – сделать?... Нет, не понимаю.

(Качает головой и затем снова принимается за работу.)

В доме Осе. Полный беспорядок. Сундуки стоят раскрытые, носильное платье разбросано кругом; на кровати кот. Осе и Бобылка торопливо увязывают и укладывают вещи.

Осе *(бросаясь в одну сторону)*

Послушай, Кари!

Бобылка

Что?

Осе *(кидаясь в другую сторону)*

Послушай, где же?...

Куда девала я?... Скажи – куда?...

Да, что, бишь, я ищу-то? Сбилась с толку

Совсем... Ах да, – где ключ от сундука?

Бобылка

Торчит в замке.

Осе

Ой, что это за грохот?

Бобылка

Последний воз с двора съезжает – в Хэгстад.

Осе *(плача)*

Уж заодно бы и меня свезли
В гробу на кладбище! Ох, сколько горя
Приходится перетерпеть на свете!..
Очистили весь дом. Чего ж не взял
Старик от Хэгстада, то отнял ленсман.
Одеждой не побрезговали даже…
Тьфу! Стыд и срам таким жестоким судьям!

(Присаживаясь на край постели.)

И двор и землю отняли у нас.
Старик жесток был, ну а судьи пуще.
Ни помощи ни милости. Совета
И то спросить мне не у кого было.

Бобылка

Дают вам все же век свой тут дожить.

Осе

Да, милостыней будем жить мы с кошкой.

Бобылка

Сынок вам дорогонько обошелся.

Осе

Мой Пер? В уме ты? Он при чем? Вернулась

Домой цела и невредима Ингрид.

Им черта бы к ответу звать, не Пера;

Тут, кроме черта, виноватых нет;

Не кто, как он подбил на грех беднягу.

Бобылка

На вас лица, я вижу, нет. Не лучше ль

Сходить за пастором?

Осе

Сходи, пожалуй…

(Вскакивая.)

Нет, что ты, Бог с тобой! Досуг ли мне!
Я мать ему иль нет? Так чье же дело
В беде помочь ему по мере сил,
Когда его другие оттолкнули?..
Позволили они вот эту куртку
Отдать ему... лишь надо починить.
Ах, если б смела я ему припрятать
И одеяло меховое!.. Кари,
А где ж чулки?

Бобылка

Да тут же, в общей куче.

Осе *(роясь)*

Ах, что нашла я! Ложку для литья,
Его любимую игрушку. С нею
Он в пуговичника любил играть;
Бывало, топит, плавит, отливает...
Раз как-то пир здесь шел, и попросил
Кусочек олова он у отца;
А тот: «Не олова, дам серебра,

Монету Кристиана короля;

Ты не забудь, что ты сын Йуна Гюнта…»

Покойник с пьяных глаз не разбирал,

Что – олово, что – золото… Чулки-то

Все в дырках, Кари. Надобно заштопать.

Бобылка. Не худо бы.

Осе. Заштопаю и лягу.

Не по себе мне вправду; тяжело…

(Радостно.)

Смотри-ка, две фуфайки шерстяные!

Не доглядели… или – позабыли.

Бобылка

Как видно.

Осе

Вот удача! Ну, одну

Ты им вернешь… Иль нет, оставим обе, —

На Пере больно старая, плохая.

Бобылка

Ах, матушка, ведь это грех, пожалуй!

Осе

Да, да, но каяться уж заодно, —
Священник всем грехам даст отпущенье.

Перед только что срубленной избушкой в лесу. Над дверью оленьи рога. Глубокий снег. Сумерки. Пер Гюнт прибивает к дверям большой деревянный засов.

Пер Гюнт *(посмеиваясь)*

Засов сюда, чтоб здесь от троллей злобных
И злых людей я запереться мог;
Засов сюда, чтоб эта нечисть вся
И на порог ко мне ступить не смела...
Они приходят с тьмой ночной, стучатся:
Открой, Пер Гюнт! Мы прытки, словно мысли!
Мы под кроватью прячемся, в золе
Мы копошимся, мы в трубу влетаем.
Хи-хи, Пер Гюнт! Запрешься ль на за-

мок

От дьявольских, нечистых, злобных мыслей?

Сольвейг прибегает на лыжах с равнины; на голову наброшен платок, в руках узелок.

Сольвейг

Эй, Бог в помощь! Гостьей не побрезгуй!

Ты звал меня, ну вот, я и пришла.

Пер Гюнт

О Сольвейг! Ты ли это? Нет… Да, да!

И не боишься подойти так близко?

Сольвейг

Твой первый зов передала мне Хельга;

Потом его мне стали повторять

И тишина и ветер; мне звучал он

В рассказах матери твоей и в сладких

Мечтах, что те рассказы навевали;

И днем и ночью слышался он мне,

И не могла я не прийти. Померкла

Вся жизнь там для меня. Я не могла

Ни плакать от души там, ни смеять-ся.

На знала я, что в мыслях у тебя;
Но знала что мне следовало сделать.

Пер Гюнт

А твой отец?

Сольвейг

Теперь я сирота;
Без матери и без отца: со всеми
Я порвала.

Пер Гюнт

Чтобы ко мне уйти!
О Сольвейг, милая!..

Сольвейг

К тебе. Так будь же
Теперь мне всем на свете ты – и другом
И утешителем.

(Со слезами в голосе.)

Всего больнее
С сестренкой было расстаться… Нет,
Пожалуй, тяжелей еще с отцом…
Всего же тяжелей – с моей родимой…

Нет, нет, прости мне, Боже… Я не знаю,
С кем тяжелее было мне расстаться!

Пер Гюнт

Но приговор суда ты знаешь, Сольвейг?
Наследства я лишен, двора, земли.

Сольвейг

Иль думаешь, рассталась я со всеми
И всем, что дорого мне было, ради
Наследства твоего, земли, усадьбы?

Пер Гюнт

Мой уговор со стариком ты знаешь?
Бежать от всех я должен, жить в лесу,
Не то схватить меня имеет право,
Как только выследит меня.

Сольвейг

Дорогу
Я разузнала и к тебе помчалась
На лыжах; спрашивал же кто из встреч-ных,
Куда, – я говорили, что домой.

Пер Гюнт

Так прочь засовы и замки! Не надо
Мне запираться от недобрых мыслей!
Порог мой ты переступить решишься,
И – милость свыше кров мой осенит!
О Сольвейг! Дай тобой полюбоваться!..
Не надо слишком близко. Лишь смотреть…
Какая же ты светлая! Позволишь —
Я буду на руках тебя носить!
Ты так нежна, легка! Я не устал бы
Хоть век нести тебя, позволь лишь только!
И я тебя не загрязнил бы. Дальше,
Как можно дальше от себя держал бы!
Нет, кто подумал бы, что я могу
Понравиться тебе?… А знала б ты,
Как сам я стосковался по тебе!
Вот видишь, как я тут трудился, строил…
Но для тебя все это бедно слишком;
Сломаю все и выстрою получше.

Сольвейг

Богато или бедно – я довольна;
Здесь по душе мне, – дышится свободно.
Ведь там, внизу, вздохнуть я не могла,
Давило камнем грудь. И эта тяжесть
Меня оттуда тоже прочь гнала.
А здесь – где бор шумит… где тишь такая
И словно пенье в воздухе дрожит —
Мне так легко, так хорошо; я – дома.

Пер Гюнт

И крепко ты уверена, что будешь
Всегда так чувствовать? Всю жизнь свою?

Сольвейг

По той дороге, по которой я
Сюда пришла, возврата нет.

Пер Гюнт

О Сольвейг!
Так ты моя! Войди же! Дай взглянуть
Мне на тебя в моем жилище, Сольвейг!

Войди! Я разведу сейчас огонь;
Увидишь, станет там светло, уютно;
И мягко будешь ты сидеть и спать!

(Отворяет дверь.)

Сольвейг входит. Пер Гюнт минуту стоит молча, громко смеется от радости и подпрыгивает.

Пер Гюнт

Моя царевна! Я ее нашел!
Завоевал! Так для нее теперь
Дворец, ее достойный, строить буду!

(Схватив топор, направляется в лес.)

Навстречу ему из чащи выходит пожилая женщина в зеленых лохмотьях, за нею ковыляет, держась за ее юбку, уродец с пивным жбаном в руках.

Женщина

Здорово, Пер Беглец!

Пер Гюнт

Чего тебе?
И кто ты?

Женщина

Старые знакомцы мы,
Соседи; тут живу неподалеку.

Пер Гюнт

Вот это новость для меня.

Женщина

Ведь вместе
С твоей избушкой и моя росла.

Пер Гюнт *(желая уйти)*

Мне недосуг, однако…

Женщина

Знаю, знаю;
Всегда так было; прыток ты уж больно,
Но за тобой я поплетусь и рано
Иль поздно догоню тебя.

Пер Гюнт

Да, верно,
Ты обозналась, матушка! Ошиблась!

Женщина

Ошиблась-то я раньше, мой дружок,

Когда так щедр ты был на обещанья.

Пер Гюнт

Я обещал тебе?... Какого черта?

Женщина

Иль позабыл ты вечер тот, когда
У моего отца ты угощался?
Забыл?

Пер Гюнт

Да было бы что забывать!
О чем толкуешь ты – не понимаю.
Когда с тобой в последний раз видались?

Женщина

Последний раз и первым был.

(Уродцу.)

Спроси-ка,
Не хочет ли отец испить пивца?

Пер Гюнт

Отец? Да ты пьяна? Его зовешь ты?

Женщина

Не узнают ли свинку по щетинке?

Глаза-то есть во лбу? Не видишь, что ли?

Он хромоног, как ты душою хром.

Пер Гюнт

Меня ты хочешь обморочить, будто?

Женщина

А ты не хочешь ли уж отвильнуть?

Пер Гюнт

Щенок вот этот длинноногий?

Женщина

Что же,

Таков уж рост.

Пер Гюнт

И на меня ты смеешь,

Хрычовка, взваливать!?

Женщина

Пер Гюнт, ты груб!

(Плачет.)

Моя ль вина, что так успела с лета

Я подурнеть, с тех пор, как за собою
Меня увлек ты через лес и горы?
Когда по осени пришел мне срок,
То черт был повитухой у меня;
Куда уж похорошеть. Но если
Ты хочешь мне красу мою вернуть —
Ту девушку из дому прогони
И прочь из памяти, из сердца выкинь;
Дружок мой, сделай так, – я скину харю.

Пер Гюнт

Сама ты, ведьма, убирайся прочь!

Женщина

Ну как же, так и убралась.

Пер Гюнт

Не то я
Как тресну по башке!..

Женщина

Посмей, посмей!
Хо-хо, Пер Гюнт, мне нипочем побои.
Что день – к тебе наведываться буду,

К вам в горенку заглядывать, и если
Увижу рядышком вас на скамейке,
Начнешь ласкаться к ней – войду тихонько
И доли ласк потребую своей.
Да, да, со мной придется ей делиться.
Прощай, дружок! Теперь женись хоть завтра!

Пер Гюнт

О дьявольское наваждение!

Женщина

Да.
Чуть-чуть тебе сказать не позабыла:
Мальчишку уж воспитывай ты сам,
Бродяга быстроногий!.. Эй, чертенок,
Пойдешь к отцу?

Уродец *(плюет на Пера Гюнта)*

Тьфу, тьфу! Я топором
Тебя хвачу! Увидишь! Погоди!

Женщина *(целуя уродца)*

Ну, что за голова у мальчугана!

Ты будешь вылитый отец с годами.

Пер Гюнт *(топая ногой)*

Ах, чтобы черт унес вас так далеко…

Женщина

Как близко мы сейчас?

Пер Гюнт *(сжимая кулаки)*

И это все…

Женщина

За блуд лишь мысленный! Тебя мне даже жаль.

Пер Гюнт

Всех больше жаль другую. Сольвейг, Сольвейг!..

Ты золото, ты солнышко мое!..

Женщина

Всегда невинный должен отдуваться, —

Как черт сказал: его побила мать

За то, это допьяна отец напился.

(Плетется в чашу, уродец за нею, швырнув жба-

ном в Пера Гюнта.)

Пер Гюнт *(после долго молчания)*

Сторонкой обойти дала совет
Кривая мне. И тут придется так же...
Ну, вот и рухнул с треском мой дворец!
Стена воздвиглась между ней и мною...
И разом стало гадко здесь и радость
Моя состарилась... Да, да, сторонкой.
К ней через эту грязь прямой дороги
Мне не найти. Гм... да, прямой дороги...
А все-таки, пожалуй, есть? Коль память
Не изменяет мне, то где-то что-то
Насчет раскаянья когда-то говорилось...
Но что? Что именно? Я не припомню,
И книги при себе здесь нет, и нити
В глухом лесу не сыщешь путеводной...
Раскаянье? Нужны, пожалуй, годы,
Пока я с ним пробьюсь вперед. Несладко
Такую жизнь вести. Сломать, разбить,
Что дорого так, чисто и прекрасно,

И снова склеить из кусков, обломков?
Со скрипкою удастся это может,
Но с колоколом – нет. Нельзя лужайку,
Что зеленеть должна, топтать ногами…
Да полно, выдумки все это, вздор!
Ведь вот исчезла же из глаз та мерзость…
Но не из памяти и не из сердца!
Прокрадываться будут в душу мне
Те мысли грешные. Сначала Ингрид,
Потом те три, скакавшие, как козы
На пастбище. Пожалуй, и они
Придут? И тоже с хохотом и бранью
Потребуют, чтоб я их приласкал
И на руки взял бережно, как Сольвейг!..
Ступай сторонкой, парень! Если б руки
Твои длиннее лап сосновых были,
Ты и тогда ее нести не мог бы
Достаточно далеко от себя,
Чтоб грязью собственною не запачкать…

Сторонкой обойди. Без барыша,
Так уж по крайней мере без убытка
Со всем покончить, да и позабыть…

(Делает несколько шагов назад, но опять останавливается.)

Войти туда… Теперь? Таким-то грязным,
Оплеванным? Войти туда, таща
Всю эту чертовщину за собою?
С ней говорить и все-таки молчать…
Ей признаваться и кривить душою?…

(Отбрасывая топор.)

Святой сегодня вечер. Ей навстречу
Идти таким, каков я, – святотатство.

Сольвейг *(в дверях избушки)*

Идешь ты, Пер?

Пер Гюнт *(вполголоса)*

Сторонкой.

Сольвейг

Что сказал ты?

Пер Гюнт

Придется подождать тебе. Стемнело,
А ноша будет тяжела моя.

Сольвейг

Постой, я помогу. Разделим ношу.

Пер Гюнт

Нет, нет, останься! Я один снесу.

Сольвейг

Ну, хорошо, но не ходи далеко.

Пер Гюнт

Имей терпенье, девушка! Далеко
Иль близко – подождешь.

Сольвейг *(кивая ему вслед)*

Я подожду.

Пер Гюнт уходит по лесной тропинке. Сольвейг все стоит в полуотворенных дверях избушки.

В доме Осе. Вечер. В печи ярко горит охапка хвороста. У кровати, в ногах, стул. На нем кот. Осе лежит в постели и беспокойно перебирает руками одеяло.

Осе

Ох, Господи Боже! Ужель не придет?
Ох, долго как тянется время!
Послать бы за ним… Да кого? А ему
Сказать мне так много бы надо!
И время не ждет. Вдруг нашло на меня!
Ну кто бы подумал… Лишь знать бы,
Что я с ним была уж не слишком строга…

Пер Гюнт *(входит)*

Привет тебе!

Осе

Бог тебе радость даруй!
Так все же пришел ты, мой милый сынок!
Но как же посмел ты?… Ведь можешь за это
Ты жизнью своей поплатиться.

Пер Гюнт

А пусть!

Не мог я тебя не проведать.

Осе

Вот стыд будет Кари! А я отойду
Спокойно.

Пер Гюнт

Куда это? Что ты толкуешь?

Осе

Ах, Пер мой, к концу подошла моя жизнь,
И смерть за плечами стоит... Умираю.

Пер Гюнт *(содрогаясь и начиная взволнованно ходить по комнате)*

Ну вот! Я оттуда сбежал, чтобы здесь
Забыться, вздохнуть посвободней, полегче...
Что, холодно разве рукам и ногам?

Осе

Застыли почти. Остается недолго...
Когда же последний я вздох испущу —
Рукою своею закроешь тихонько
Глаза мне и гроб заказать мне пой-

дешь.

Пожалуйста, Пер, покрасивее только…

Ах нет, я забыла…

Пер Гюнт

Да полно, молчи.

Успеем об этом подумать.

Осе

Пожалуй.

(Беспокойно озираясь кругом.)

Вот все, что они нам оставили, Пер!

Похоже на них.

Пер Гюнт *(его опять всего передергивает)*

Ну, опять!

(Жестко.)

Ведь я знаю,

Что я виноват, так к чему вспоминать?

Осе

И вовсе не ты, а проклятое пьянство;

Весь грех и беда от него. Ты был пьян;

А пьяный не знает ведь сам, что творит;

Ты помнишь, как ты на олене катался?

Уж, значит, порядочно был под хмельком.

Пер Гюнт

Да, да, но забудь ты все глупости эти,

И в сторону все, от чего на душе

Тоскливо становится, мать!

(Присаживаясь на край постели.)

Поболтаем

С тобой мы лучше о том да о сем...

Забудем все беды, напасти и горе!

А, старая киска! Жива еще все?

Осе

Беда по ночам с ней, – мяучит, скребется;

А это, ты сам знаешь, Пер, не к добру...

Пер Гюнт *(перебивая)*

В деревне что нового слышно?

Осе *(улыбаясь)*

Толкуют,

Что в горы тут тянет девицу одну...

Пер Гюнт *(поспешно)*

А Мас успокоился?

Осе

Слышно, не жалко

Ей даже родителей старых своих.

Ты к ним завернул бы; пожалуй, и средство

Придумал бы – горю помочь...

Пер Гюнт

А кузнец?

Куда он девался?

Осе

А Бог с ним, с чумазым!

Ты лучше спроси, как ту девушку звать.

Зовут ее...

Пер Гюнт

Нет, я сказал: поболтаем

С тобою мы лучше о том да о сем,

Забудем все беды, напасти и горе!
Не хочешь ли пить? Я принес бы сейчас…
Не вытянуть ног? Ты лежишь неудобно?
Кровать коротка. Не на ней ли я спал
Ребенком? Да, да. Я улягусь, бывало,
А ты одеялом укроешь меня,
Присядешь на край и баюкаешь песней
Иль сказывать сказки начнешь…

Осе

Да, да, да!
А помнишь, зимою уедет, бывало,
Отец твой – «в дорогу» играем и мы.
Возком одеяло служило, а фьордом
Замерзшим, равниною снежною – пол.

Пер Гюнт

Но лучше всего, веселее, ты помнишь,
Играли с тобой мы в «лихого коня».

Осе

Еще бы не помнить! У Кари мы брали

Кота и сажали его на чурбан…

Пер Гюнт

И в Суриа-Муриа, замок волшебный,
Лежащий на запад от кроткой луны,
К востоку от солнца, мы мчались с тобою.
Бичом хворостина служила тебе…

Осе

В ногах у тебя я, как будто на козлах,
Сидела…

Пер Гюнт

С вожжами-веревкой в руках;
Ты их распускала, как будто бы вихрем
И впрямь вороной наш летел, а меня
Заботливо все окликала – не зябну ль?
Господь да воздаст тебе, старая мать!
Душа-то была у тебя золотая!..
Но что ты все охаешь?

Осе

Ноет спина
От жестких досок.

Пер Гюнт

Повернись; поддержу я...

Вот так; и удобно теперь полежишь.

Осе *(беспокойно)*

Нет, Пер, ухожу я...

Пер Гюнт

Уходишь ты? Полно.

Осе

Отправлюсь; да я лишь того и хочу.

Пер Гюнт

Ну, полно же, полно! Укройся теплее,

А я вот присяду к тебе на кровать,

И вечер пройдет у нас в песнях и сказках.

Осе

Ох, лучше достал бы ты с полки псалмы,

А то на душе у меня неспокойно.

Пер Гюнт

Тсс... В Суриа-Муриа задал король

Гостям своим, принцам пир званый горою…

Ты к спинке саней прислониться изволь,

Туда вороной понесет нас стрелою.

Осе

Ах, Пер! Приглашали нас разве с тобой?

Пер Гюнт

Обоих – тебя и меня.

(Накидывает веревку на стул, на котором лежит кот, берет в руки хворостину и присаживается на кровать в ногах.)

Ну, лети же,

Несись во всю прыть, мой лихой вороной!

Мы фьорд переедем, – там будет поближе;

Не зябнешь ты, матушка?

Осе

Нет, мой сынок…

А что там звенит?

Пер Гюнт

Колокольчик дорожный.

Осе

Как гулко звенит он!..

Пер Гюнт

Въезжаем в лесок.

Осе

Мне странно... я слышу там шопот тревожный
И чьи-то тяжелые вздохи?

Пер Гюнт

О нет,
От ветра шумят там деревья.

Осе

Сверкает
И блещет там что-то... Откуда тот свет?

Пер Гюнт

Из окон дворца и от крыши. Играет
Там музыка, слышишь? Танцуют.

Осе

Да, да.

Пер Гюнт

Там ждет святой Петр у ворот нас с ключами;
С поклоном тебя пригласит он туда.

Осе

С поклоном?

Пер Гюнт

И с честью. Своими руками
Тебе он стаканчик винца поднесет.

Осе

Винца! А пирожного?

Пер Гюнт

Целое блюдо.
Покойная пасторша там тебя ждет
Пить кофе; готовит закуску.

Осе

Вот чудо!
Я с ней там компанию буду водить?

Пер Гюнт

Когда лишь захочешь.

Осе

Нет, вот мне, убогой,
Уж счастье так счастье!

Пер Гюнт *(щелкая кнутом)*

Скачи во всю прыть!

Осе

Смотри только, верной ли едешь дорогой?

Пер Гюнт

Дорога прямая.

Осе

Ох, Боже ты мой!
А скоро ль конец будет этой дороге?
Устала я больно…

Пер Гюнт *(опять щелкая)*

Лети, вороной!

Осе

Совсем затекли мои руки и ноги…

Пер Гюнт

Не охай же, мать! Вот уж виден дворец!

Гляди-ка! Там ждет тебя честь и награда.

Осе

Закрыла глаза я; но ты – молодец,

Я верю – меня привезешь, куда надо.

Пер Гюнт

Лети, вороной! У дворцовых ворот

Толпа, и трещит под напором ограда.

Пер Гюнт подкатил – расступайся, народ!

Нельзя ли впустить мою мать поскорее?

Что скажешь на это, отец пресвятой?

А я поручусь – в целом мире добрее,

Честнее не сыщешь души ни одной!

Насчет же себя хлопотать я не стану,

Могу от ворот повернуть я и вспять;

Захочешь обоим поднесть по стакану —

Я выпью, а нет – я не буду пенять.

Я столько наплел небылиц, что со мною

Тягаться не смог бы и сам сатана;

Наседкою мать обзывал я, не скрою, —

Уж нянчилась больно со мною она!

Так вот и не требую я уваженья,

Но ей не угодно ль почет оказать!

Гостей не являлось к вам в ваши селенья

Достойнее, чем моя старая мать.

Ага! Сам хозяин – Господь милосердный!

Тебе, Святой Петр, от него попадет!

(Басом.)

Довольно ломаться, слуга мой усердный,

Пусть матушка Осе свободно войдет.

(С громким смехом оборачивается к матери.)

Ну, разве не знал я, чем кончится дело?

Немного потратить пришлось нам и слов...

(С испугом.)

Но что с тобой, матушка? Вся побелела,

И взор твой как будто погаснуть готов?

(Подходит к изголовью.)

С меня ты не сводишь упорного взора,

Как будто не знаешь? Твой сын пред тобой!..

(Осторожно прикасается к ее лбу и рукам и, бросим веревку на стул, тихо говорит.)

Так вот что! Поездка закончилась скоро,

И может теперь отдохнуть вороной.

(Закрывает Осе глаза и наклоняется к ней.)

Спасибо за все – и за брань и за ласку,

За все, чем ты в жизни была для меня.

И мне поцелуй в благодарность за сказку

Ты дай… за езду и лихого коня.

(Прижимается щекой к губам умершей.)

Бобылка *(входит)*

А, Пер! Значит, худшее все миновало.

Заботу всю снимет с нее как рукой.
О Господи, как она сладко уснула...
Иль нет... она, кажется?..

Пер Гюнт

Тсс... умерла.

Кари плачет над телом Осе. Пер Гюнт долго бродит по комнате и наконец останавливается у постели.

Пер Гюнт

Ты с честью ее схоронить постарайся,
А я попытаюсь уехать скорей.

Бобылка

Куда же? Далеко ли?

Пер Гюнт

За море, Кари.

Бобылка

Вот даль-то!

Пер Гюнт

Пожалуй, и дальше еще.

(Уходит.)

Действие четвертое

На юго-западном берегу Марокко. Пальмовая роща. Под натянутым тентом на цыпочках стоит накрытый обеденный стол. В глубине рощи между деревьями висят гамаки. Вблизи берега стоит на якоре паровая яхта с двумя флагами — норвежским и американским. К самому берегу причалена шлюпка. Солнце близко к закату.

Пер Гюнт, красивый, средних лет господин в изящном дорожном костюме, с болтающимся на груди лорнетом в золотой оправе, председательствует на конце стола в качестве хозяина; он и гости — master Коттон, monsieur Баллон, фон Эберкопф и Трумпетерстроле — кончают обед.

Пер Гюнт

Прошу вас, пейте, господа! Раз создан
Для наслаждения, так наслаждайся!
Что с воза раз упало, то пропало, —
Недаром сказано… Чего налить?

Трумпетерстроле

Ты, братец Пер, хозяин бесподобный!

Пер Гюнт

Делю я эту честь с моим карманом,
С буфетчиком и поваром…

Коттон

О, yes!
Так за здоровье четверых всех разом.

Баллон

Monsieur, у вас есть gout и общий стиль,
Какие редко встретишь в наше время
У лиц, живущих en garcon; ну, словом,
В вас нечто есть – не знаю, как сказать,
Такое нечто…

Фон Эберкопф

Есть полет высокий,
И блеск свободного мировоззренья,
И гражданства вселенского печать;
Проникновенный взгляд и вдаль и вглубь,
Не связанный предубежденьем узким,
Самосознанье высшего порядка;

Натура первобытная, но жизнью
Испытанная в высшем смысле слова.
Не это ль вы, monsieur, сказать хотели?

Баллон

Пожалуй, – приблизительно; оно
Звучит не так красиво по-французски.

Фон Эберкопф

Ei, was! Хоть ваш язык и мало гибок,
Но если в суть проникнуть феномена…

Пер Гюнт

То вот она: я холост, вот в чем дело.
Да, да, друзья мои, оно так просто.
Ведь чем быть должен человек? Ответ:
Самим собой. Оберегать он должен,
Лелеять «я» свое и развивать.
А мыслимо ли это, если кладью
Себя навьючит он, что твой верблюд?

Фон Эберкопф

Вы это «an und fur sich» бытие

Не без борьбы себе отвоевали?

Пер Гюнт

О да, пришлось-таки. Но, впрочем, с честью
Всегда умел я выйти из борьбы.
Один лишь раз чуть было не попался
Помимо воли в западню. Красивым
И видным парнем был я и влюбился
В особой царской крови.

Баллон

Царской крови?!

Пер Гюнт *(небрежно)*

Ну да, вы знаете, из тех родов,
Которые…

Трумпетерстроле *(ударяя кулаком по столу)*

Из знатных тех чертей!..

Пер Гюнт *(пожимая плечами)*

Из тех былых величий, коих гордость
Вся в том, чтоб на гербе их не являлось
Ни пятнышка плебейского.

Коттон

Так дело
Расстроилось?

Баллон

Семья не согласилась
На мезальянс?

Пер Гюнт

Напротив.

Баллон

Вот как!

Пер Гюнт *(деликатно)*

Да,
Вы понимаете, – была причина
Особая желать, чтоб поскорее
Мы обвенчались. Но, сказать по правде,
Не по душе история вся эта
Была мне лично с самого начала.
В известных случаях я щепетилен,
Люблю стоять на собственных ногах.
И вот, когда мой тесть ко мне явился

И требования свои понять
Мне дал намеками, – мне предлагалось
Переменить занятия и имя,
Приобрести себе патент дворянский
И многое еще, что не по вкусу,
Верней сказать, противно было мне, —
То я с достоинством ретировался,
Отвергнул все условия старика
И отказался от своей невесты.

(Барабаня пальцами по столу и делая набожный вид.)

Что на роду написано кому!
Судьбы своей да не прейдет никто же!
На это можем уповать мы твердо,
И в этом утешение большое.

Баллон

Тем все и кончилось?

Пер Гюнт

Нет, кое-что
Еще пришлось мне испытать: вмешались

Тут третьи лица, подняли скандал.
Трудней всего отделаться мне было
От младших членов рода. С семерыми
Я вынужден был драться на дуэли.
Да, памятно осталось мне то время,
Хоть я и вышел с честью из беды.
Я кровью заплатил своей за это
И ею же себе купил патент,
Повысивший в цене мою особу
И утвердивший благостную веру
В неодолимость правящей судьбы.

Эберкопф

Ваш взгляд на ход вещей вас поднимает
До степени мыслителя. В то время,
Как заурядный наблюдатель видит
Лишь ряд разрозненных, отдельных сцен
И бродит ощупью средь них всю жизнь.
Способны вы сводить их воедино.
Одною мерой мерите вы все;
И даже мимолетные сужденья

Свои все так шлифуете искусно,
Что образуют род лучей они
От центра вашего мировоззренья…
А вы ведь, собственно, и не учились?

Пер Гюнт

Я говорил вам, что я самоучка.
Систематически я ничего
Не изучал, но размышлял и думал,
И понемножку набрался познаний
Из чтения. Немолодым я начал,
А, как вы знаете, тогда труднее
Прожевывать страницу за страницей,
Ненужное и нужное глотать.
С историей знакомился, признаться,
Я по отрывкам только; не хватало
На большее досуга никогда;
И так как нам нужна на всякий случай
Опора, то урывками себе
Я и религию усвоил. Легче
Таким путем переварить ее.
И вообще ученья смысл не в том,
Чтоб знанием себя напичкать всяким,

Но выбрать то, что может пригодиться.

Коттон

Вот это взгляд практический!

Пер Гюнт *(закуривая сигару)*

Вы сами,
Друзья мои, судите – каково
Мне в жизни вообще пришлось. На запад
Я без гроша явился, бедным парнем;
Пришлось трудиться до седьмого пота
Из-за куска насущного, поверьте!
Но жизнь сладка, – недаром говорится, —
А смерть горька. Затем я понемногу
Стал выбиваться из нужды; и счастье
Ко мне благоволило и судьба;
И сам я изворотлив был и ловок;
Год от году все лучше шли дела,
И через десять лет среди чарльстоунских
Судовладельцев я считался крезом;

Из порта в порт моя промчалась слава;

Я истинным любимцем счастья слыл…

Коттон

А чем вели торговлю?

Пер Гюнт

В Каролину

Ввозил я негров, а в Китай – божков.

Баллон

Fi donc!

Трумпетерстроле

Сто тысяч троллей, дядя Гюнт!

Пер Гюнт

Вам кажется, пожалуй, что торговля

Моя на самом кончике вертелась

Того, что дозволяется законом?

И сам я это живо ощущал,

И наконец претить мне стало дело.

Но, раз затеяв предприятье, трудно,

Поверьте слову, прекратить его,

Особенно же крупное такое.
Тут, знаете ли, тысячами пахнет, —
И сразу вдруг порвать никак нельзя.
И вообще я враг крутых решений...
С другой же стороны, признаться должен,
Я во вниманье принимал всегда
Последствия, и преступать границы
Всегда немножко страшно было мне.
К тому же я уж был не так-то молод —
К пяти десяткам дело подходило,
Сединки появились в волосах;
И вот, хотя не мог я на здоровье
Свое пожаловаться, стали мысли
Меня докучливые навещать;
Как знать, когда пробьет твой смертный час,
И приговор когда объявлен будет,
И овцы от козлов отделены?
Что делать тут? Совсем прервать сношенья
С Китаем было делом невозможным,

Вот и придумал я такой исход:
Второе предприятие затеял,
Что б коррективом первому служило;
Ввозил в Китай весною я божков,
А осень туда ж – миссионеров,
Снабжая их необходимым всем —
Чулками, ромом, библиями, рисом...

Коттон

Не даром же, а с прибылью, надеюсь?

Пер Гюнт

Ну, разумеется. И дело шло.
Миссионеры ревностно трудились:
На каждого там сбытого божка
Новокрещеный кули приходился,
И вред нейтрализован был вполне.
Ведь поле действия миссионеров
Под паром никогда не оставалось, —
Божкам ввозимым объявлялся шах!

Коттон

Ну, а с живым товаром как же?

Пер Гюнт

Верх

Соображенья нравственные взяли

И там. Мне, человеку пожилому,

Такое дело было не с руки;

Как знать, когда пробьет последний час?

А к этому еще соображенья

Прибавились о тысячах ловушек

Со стороны усердных филантропов,

Не говоря уже о той угрозе,

Какой являлись каперов суда,

О риске сесть на мель, разбиться в бурю.

Все это, вместе взятое, меня

Заставило сказать себе: стой, Петер, живым и мертвым,

Убавь-ка паруса и постарайся

Ошибки старые свои загладить!

Купив на юге землю, я себе

Последний транспорт с неграми оставил;

Товар как на подбор был первосортный,

И у меня все прижились отлично,

Толстели, лоснились от жиру – мне
Да и себе на радость. Вообще
Без хвастовства скажу, что обходился
Я с ними просто как отец родной,
И сам был не в убытке от того.
Завел я школы, чтобы добродетель
Поддерживать на уровне известном;
Я сам следил за тем, чтоб слишком низко
Барометр ее не опускался.
Теперь-то, впрочем, я со всем покончил,
Совсем от всяких отстранился дел.
Плантацию свою я перепродал
Со всем инвентарем, живым и мертвым,
И на прощанье негров угостил
Всех gratis ромом – женщин и мужчин,
А вдовам табаку понюшки роздал.
Так вот теперь и уповаю я, —
Коль скоро не лукавит поговорка:
«Кто зла не делает, творит добро», —
Что прошлое мое давно забыто,

И я скорей, чем кто другой, загладил
Делами добрыми свои грехи.

Фон Эберкопф *(чокаясь с ним)*

О, как отрадно видеть проведенным
Моральный принцип в жизнь! Освобожденным
Из тьмы теории – неповрежденным!

Пер Гюнт *(в течение предыдущего разговора усердно подливавший из бутылок в стаканы и выпивший)*

Да, на своем поставить мастера
Мы, северяне. Ключ к успеху в жизни —
На страже быть, беречься злой ехидны…

Коттон

Какой ехидны, дорогой мой?

Пер Гюнт

Той,
Которая нас соблазнить сумеет
На что-нибудь, чего уж никогда
Вернуть нельзя, нельзя и переделать…

(Опять выпивает.)

Отвага действия, искусство риска
Ведь в том и состоит, чтоб сохранить
Свою свободу; ни в одну из хитрых
Ловушек жизни не попасться; помнить,
Что день борьбы не есть твой день последний,
И мост себе для возвращенья вспять
Всегда на случай оставлять.
Вот эта-то теория, окраску
Моей всей жизни дав, пробить дорогу
Мне помогла; она от предков мне
Досталась по наследству.

Баллон

Вы – норвежец?

Пер Гюнт

Да, по рождению. По духу ж я —
Вселенский гражданин. Своей фортуной
Америке обязан; образцовой
Своей библиотекой – юным школам

Германии; из Франции же вывез
Манеры, остроумие, жилеты;
Работать в Англии я научился
И там же к собственному интересу
Чутье повышенное приобрел.
У иудеев выучился ждать,
В Италии же к dolce far niente
Расположеньем легким заразился,
А дни свои продлил я шведской сталью.

Трумпетерстроле *(поднимая стакан)*

За эту сталь!..

Фон Эберкопф

Нет, прежде за того,
Кто одержал победу этой сталью.

Все чокаются и пьют с Пером Гюнтом. Понемногу вино бросается ему в голову.

Коттон

Все это очень хорошо, но, сэр,
Дальнейшие намерения ваши
Желал бы знать я. С золотом своим, —
Что будете вы делать?

Пер Гюнт

Что с ним делать?

Все четверо *(придвигаясь к нему поближе)*

Да, да, скажите нам!

Пер Гюнт

Ну, для начала
Я путешествовать хочу. Затем
И захватил я вас из Гибралтара, —
Компания нужна мне, хор друзей,
Вкруг золотого моего тельца
Танцующий...

Фон Эберкопф

Преостроумно, право!

Коттон

Но парусов никто не поднимает
Затем лишь, чтобы плыть. И быть не может,
Чтоб не было при этом и у вас
Своей особой цели! Цель же эта?..

Пер Гюнт

Царем быть.

Все четверо

Как?!

Пер Гюнт *(кивая)*

Да, да, царем.

Все четверо

Да где же?

Пер Гюнт

Везде и всюду; в целом мире.

Баллон

Но

Какой же силой нужно обладать?

Пер Гюнт

Лишь силой золота. Мой план, поверьте,

Отнюдь не нов; я с детства с ним ношусь;

Он был душою всех моих поступков.

Мальчишкой к облакам в мечтах взлетал я

В плаще пурпурном, с саблей золотою;
И хоть и шлепался оттуда в грязь,
С мечтой своей не расставался все же
И верным самому себе остался.
Написано иль сказано когда-то
И кем-то, – я не помню хорошенько, —
Что если даже обретешь всю землю,
Но потеряешь «самого себя» —
Венком на черепе разбитом будет
Твоя победа. Если не буквально
Так сказано, то нечто в этом роде,
И это не пустые ведь слова.

Фон Эберкопф

Но что такое гюнтское – «я сам»?

Пер Гюнт

Тот мир под сводом черепа, который
Меня и делает таким, каков
Я есмь, столь мало же иным, сколь мало
Господь на дьявола похож.

Трумпетерстроле

Так вот
На что ты намекал своим желаньем!

Баллон

Sublime! Monsieur – мыслитель!

Фон Эберкопф

И поэт!

Пер Гюнт *(с возрастающим увлечением)*

Да, гюнтское «я сам» есть легион
Желаний, и влечений, и страстей;
Есть море замыслов, порывов к цели,
Потребностей… ну, словом, то, чем я
Дышу, живу – таким, каков я есмь.
Но как нуждается Господь Бог в прахе,
В материи, чтоб быть владыкой мира,
Так в золоте нуждаюсь я, чтоб быть
Царем в том смысле, как я понимаю!

Баллон

Но золото у вас ведь есть.

Пер Гюнт

Да мало,

Иль разве лишь довольно для князька,
Монарха a la Липпе-Детмольд. Я же
Хочу «самим собою» быть en bloc,
Хочу быть Гюнтом первым и последним,
Да, сэром Гюнтом с головы до пят!

Баллон *(в восторге)*

Ласкать красавиц первых в целом мире!

Фон Эберкопф

Столетний весь йоганнисбергер выпить!

Трумпетерстроле

Мечами Карла всеми завладеть!

Коттон

Но надо, чтоб представился сначала
Удобный случай к выгодной афере…

Пер Гюнт

Она уже в виду. И вот причина
Стоянки нашей здесь. Прочел в газетах
Я новость важную.

(Встает и поднимает свой стакан.)

Кто не плошает сам…

Все четверо

Но в чем же дело?

Пер Гюнт

Восстанье в Греции.

Все четверо *(вскакивая)*

Ужели? Греки…

Пер Гюнт

Восстали против Турции.

Все четверо

Ура!

Пер Гюнт

И Турция в тисках.

(Опоражнивает стакан.)

Баллон

Итак – в Элладу!

Дорога в славы храм открыта нам!

Я помогу оружием французским!

Фон Эберкопф

А я воззваньями – на расстояньи.

Коттон

А я поставками.

Трумпетерстроле

А я в Бендерах
Сыщу прославленные шпоры Карла.

Баллон *(бросаясь Перу Гюнту на шею)*

Простите мне, mon cher, – одну минуту
О вас превратного я мненья был.

Фон Эберкопф *(пожимая Перу Гюнту руку)*

Я Dummkopf, я готов был негодяем
Считать вас!

Коттон

Ну, уж это слишком сильно;
Лишь дураком, сказал бы я.

Трумпетерстроле *(собираясь расцеловать Пера Гюнта)*

Прости же
Ты, дядюшка, меня. Тебя считал я
Типичным янки самой низкой пробы.

Фон Эберкопф

Мы заблуждались все…

Пер Гюнт

Да что за вздор?

Фон Эберкопф

Теперь же мы узрели в полном блеске
Весь этот гюнтский легион желаний,
Порывов и страстей…

Баллон *(с восхищением)*

Так вот что значит
Быть Гюнтом!

Фон Эберкопф *(так же)*

Гюнтом с честью и со славой.

Пер Гюнт

Да объясните мне?…

Баллон

Вам непонятно?

Пер Гюнт

Повесьте, если что-нибудь я понял!

Баллон

Да как же так? Иль курс ваш не в Элладу,

На помощь грекам с золотом?

Пер Гюнт *(присвистнув)*

Спасибо!

Я силу поддержу и туркам денег

Я дам взаймы.

Баллон

Да быть не может!

Фон Эберкопф

Шутка!

Преостроумная, но все же шутка!

Пер Гюнт *(после небольшой паузы, опираясь на стул и напускал на себя важность)*

Послушайте-ка, господа, нам лучше

Расстаться прежде, чем остаток дружбы

Последний в воздухе, как дым, растает.

Без ничего – всем рисковать легко.

Кто на земле назвать своей не может

И пяди, на которую он тень
Отбрасывает в полдень, тот, пожалуй,
И создан мясом пушечным. А я
Сумел устроиться, скопить достаток,
Так мне цена другая – подороже.
Вы отправляйтесь в Грецию себе;
Я вас перевезу туда бесплатно,
Вооруженных. Чем вы ярче пламя
Борьбы раздуете, тем натянуть
Могу я туже лук свой. За свободу,
За право бейтесь! Бурю поднимите!
Задайте жару туркам и со славой
Кончайте жизнь на пиках янычаров!
Меня же извините!

(Хлопая себя по карману.)

У меня
Есть золото, и я самим собою
Останусь – сэром Гюнтом!

(Раскрывает зонтик и уходит в рощу, где развешаны гамаки.)

Трумпетерстроле

Вот свинья!

Баллон

Понятия о чести никакого!

Коттон

Ну, честь-то... это бы куда ни шло;
А вот какие выгоды могло бы
Нам дать освобождение страны!..

Баллон

Я победителем себя уж видел
В кругу гречанок молодых!

Трумпетерстроле

Я шпоры
Героя мысленно своими уж считал.

Фон Эберкопф

А я немецкую культуру видел
Распространенною до Геллеспонта!

Коттон

Обиднее всего потеря выгод
Существенных. Goddam! Заплакать впору!

Себя уже хозяином Олимпа
Я видел! Если мало-мальски славы
Своей гора достойна, то в ней меди
Такие залежи, что стоит снова
Эксплуатацию ее начать.
Да к этому прибавить пресловутый
Кастальский ключ – в порогах, в водопадах, —
Их мощность, верно, не одною сотней
Сил лошадиных надо измерять…

Трумпетерстроле

Я двинусь все-таки. Мой шведский меч —
Он переносит все богатства янки.

Коттон

Пожалуй, но, вступив в ряды толпы,
Мы растворимся в ней, утонем сами,
А где же выгода тогда?

Баллон

Проклятье!
Быть от зенита счастья в двух шагах

И очутиться у его могилы!

Коттон *(грозя кулаком по направлению яхты)*

Тот черный гроб набоба заключает
Пот негров золотой!

Фон Эберкопф

Друзья! Вот мысль!
Мысль царская! Спешим туда! Скорее!
Ура! На волоске висит трон Гюнта!
Ура!

Баллон

Ваш план?

Фон Эберкопф

Он прост: присвоить власть.
Нетрудно будет подкупить команду.
На яхту! Я произведу захват!

Коттон

Захват?

Фон Эберкопф

Я приберу к рукам, что можно.

(Направляется к шлюпке.)

Коттон

Мой личный интерес и мне велит
Участие принять в захвате этом.

(Следует за фон Эберкопфом.)

Баллон

Дневной грабеж! Но… как же быть, en fin!

(Бежит за первыми двумя.)

Трумпетерстроле

Приходится и мне бежать за ними…
Но на весь мир я заявлю протест!

(Следует за компаньонами.)

Другое место на берегу. Луна. Несутся облака. Далеко в море виднеется яхта, уходящая на всех парах.

Пер Гюнт бежит вдоль берега и то щиплет себя за руку, то впивается взглядом в морскую даль.

Пер Гюнт

Кошмар!.. Я брежу!.. Вот сейчас проснусь!
Уходит яхта! Вот она уходит!..
Да нет же, вздор! Я сплю. Иль просто

пьян.

(Ломает руки.)

Но ведь нельзя, нельзя же мне погибнуть.

(Рвет на себе волосы.)

Я сплю. Пусть это будет только сном...

Ужасная действительность, к несчастью!

Мои друзья скотами оказались...

О Господи, внемли!.. Ты справедлив...

(Подняв руки к небу.)

Ведь это я! Смотри же хорошенько!

Подай мне помощь или я погибну!

Пусть задний ход скорей дадут машине!

Пусть спустят шлюпку! Задержи воров!

Запутай как-нибудь у них там снасти!

Внемли! Оставь пока дела другие!

Мир обойдется как-нибудь и сам...

Да где! Он разве слушает! На просьбы

Он, как обычно, вовсе не ответит!
Отличные порядки! Оставлять
Людей без помощи в нужде!

(Манит пальцем, словно призывая.)

Пст!.. Слушай!
Ведь я с плантацией своей расстался;
Миссионеров посылал в Китай, —
Так разочтемся же с тобою честно:
Ты должен мне помочь догнать корабль!..

С яхты взвивается огненный столб, судно заволакивается густым дымом, слышится глухой раскат. Пер Гюнт испускает крик и бессильно опускается на песок. Понемногу дым рассеивается и видно, что судно исчезло.

Пер Гюнт *(бледный, тихо)*

Сразил их кары меч. Пошли ко дну
Они со всей командой и грузом.
О, как благодарить счастливый случай!..

(Растроганно.)

Счастливый случай? Нет, не случай

это.

Мне суждено было спастись, а им

Погибнуть. О, хвала тебе, Господь,

Что ты взял меня ты под свою защиту,

Не посмотрел и на грехи мои!

(Вздыхая полной грудью.)

Как на душе становится спокойно

И радостно от одного сознанья,

Что ты под покровительством особым.

Но я в пустыне. Где взять пить и есть?

А, впрочем, где-нибудь найдется, верно.

Не может же он позабыть об этом.

Чего ж бояться мне?

(Громко, вкрадчиво.)

Он не захочет,

Чтоб я погиб, несчастный воробей!

Да, да, смириться и ему дать время,

Не докучать. Его предаться воле…

(Испуганно вскакивает.)

Не лев ли зарычал там в тростнике?

(Стуча зубами.)

Нет, кажется, не лев...

(Подбадривая себя.)

Еще бы! Лев!

Нет, эти бестии, небось, подальше

От человека держатся. Не смеют

На господина своего напасть.

Инстинкт-то есть у них, и чуют, видно,

Что со слоном плохие шутки... Все же

Не худо дерево себе сыскать.

Вон там акации и пальмы веют...

Взберусь-ка на верхушку, так мне будет

Спокойнее, особенно коль мне

Псалом, другой припомнить удалось бы...

(Карабкается на дерево.)

И утро вечера ведь мудренее;

Святая эта истина не раз

Проверена, подтверждена на деле.

(Устраивается поудобнее.)

Отрадно чувствовать такой подъем;
Мышленье благородное дороже
Богатства всякого. На волю Божью
Лишь положись. Он знает, сколько выпить
По силам мне из чаши испытаний;
Ко мне отечески расположен.

(Бросая взгляд на море, со вздохом шепчет.)

Нельзя сказать лишь, чтоб он был расчетлив!

Стан марокканцев на границе пустыни. Ночь. Возле сторожевого огня отдыхают Воины.

Раб *(выбегает, рвет на себе волосы)*

Коня царя украден белый!

Второй *(выбегая и разрывая на себе одежды)*

Нет одежд царя священных!

Надсмотрщик *(вбегая)*

Всыплю палок сто по пяткам
Всем, кто не отыщет вора!

Воины садятся на коней и скачут в разные стороны.

Купы деревьев — акаций и пальм. Утренняя заря. Пер Гюнт с обломанной веткой в руках сидит на дереве, отбиваясь от обезьян.

Пер Гюнт

Из рук вон! Неприятнейшая ночь!

(Отмахиваясь.)

Опять? Ах, черт! Швыряется плодами!
И не плодами, а черт знает чем!
Ведь экое животное какое!..
Хоть и написано: «Борись и бодрствуй»,
Но я, ей-богу, больше не способен;
Устал, ослаб.

(Потревоженный снова, нетерпеливо.)

Нет, надо положить
Такому безобразию конец.
Поймать бы хоть одну из этих бестий,
Повесить, ободрать, да на себя
Лохматую приладить шкуру, – пусть бы

Подумали, что я из их породы…

Ох, что мы, люди, в мире? Лишь песчинки.

Приспособляться надо понемножку;

С волками жить – по-волчьи выть… Опять!

Их тут не оберешься. Так и лезут.

Пошли! Кыш, кыш! Совсем взбесились, право!

Ах, будь теперь при мне тот хвост поддельный,

Иль что-нибудь, что придавало б сходство

Известное с животным!.. Ну, скажите, —

Затеяли возню над головою!..

(Смотрит вверх.)

Старик набрал пригоршни грязи… Ух!

(В испуге съеживается и с минуту сидит молча.)

Обезьяна делает движение; Пер Гюнт начинает манить и уговаривать ее, как собаку.

Пер Гюнт

А, это ты, Барбосик? Ну, ты славный!
С тобой добром поладить можно. Полно,
Ведь ты не бросишь, нет? Ну разве можно!
Ведь это я. Фью-фью! Твой старый друг.
Ам-ам! По-твоему умею, видишь?
Мы старые знакомые с тобой.
Да, да; и сахару получишь, только…
Скотина! Так-таки и залепил!..
Какая гадость!.. А быть может, впрочем,
Она съедобна?… Гм… не разберешь…
Но вкус зависит больше от привычки.
Какой это мыслитель раз сказал:
«Плюю и на привычку уповая»?
За стариком и молодежь!..

(Отмахиваясь.)

Пошли!
Нет, это уж из рук вон: царь природы
И вынужден… На помощь! Караул!
Беда со старым, с малыми же вдвое!

Скалистая возвышенность с видом на пустыню. По одну сторону ущелье с пещерой. Раннее утро.

Вор и Укрыватель в ущелье с украденными царским конем и одеждами. Конь, в богатой сбруе и под роскошным седлом, привязан к камню. Вдали видны всадники.

Вор

Копья и пики
Блещут вдали,
Острые жала
Точат свои!

Укрыватель

Головы наши
С плеч полетят,
Алою кровью
Прах напоят!

Вор *(складывая руки на груди)*

Вор был отец мой, —
Сын его – тать!

Укрыватель

Мой – укрыватель, —

Мне – укрывать!

Вор

Жребий неси свой,
Будь сам собой!

Укрыватель *(прислушиваясь)*

Слышу шаги я
Там за скалой…

Вор

Ох, поразит нас,
Чую я, рок!

Укрыватель

Дай улизнуть нам,
Мощный пророк!

(Бегут, бросив в ущелье краденое. Всадники исчезают вдали.)

Пер Гюнт *(входит в ущелье, вырезая из тростника дудочку)*

Чудеснейшее утро! Жук навозный
Катает шарик свой в песке; улитка
Из домика тихонько выползает.
Да, да! Час утренний – час золотой.

Поистине, природа в свет дневной
Вложила замечательную силу.
Увереннее чувствуешь себя,
Бодрее как-то; духу прибывает;
Хоть на быка рогатого пошел бы!
Какая тишь кругом! Не понимаю,
Как мог я до сих пор пренебрегать
Привольную жизнью сельскою на лоне
Природы. Сиднем взаперти сидеть
В больших вонючих городах. Зачем?...
Чтоб всякий сброд порог твой обивал!..
А как проворно ящерица-крошка
Скользит между камней и ловит мошек,
Не задаваясь мыслью ни о чем!
Какая милая царит невинность
В животном царстве! Каждое созданье
Завет создателя блюдет и строго
Свое предназначенье исполняет,
«Самим собою» остается, – то есть
В игре, как и в борьбе за жизнь, таким,
Каким явилось в первый день творе-

нья…

(Поднося к глазам лорнет.)

А, жаба! В самой середине глыбы
Песчаника. Окаменела там.
Лишь голова торчит наружу.
Сидит и будто бы в окошко смотрит
На божий мир, столетья оставаясь
Сама собой… сама собой довольна!

(Задумывается.)

Самим собою быть… довольным?… Гм…
Откуда взял я это? Где читал
Еще мальчишкой это изреченье?
Мне помнится – в какой-то толстой книге…
В «Домашнем проповеднике»?… Иль нет…
У Соломона в изреченьях, что ли?
Досадно, что с летами все слабеет
По части времени и места память!..

(Присаживаясь в тень.)

В тени тут отдохну! Эге, какие
Кусты большие! Не съедобны ль корни?

(Пробует на вкус.)

Скорее для скота, чем для людей;
Но ведь написано недаром где-то:
«Превозмогать свою природу нужно»;
А также: «Пусть гордец смирится, ибо
Возвышен будет, кто себя унизит!»

(Несколько встревоженно.)

Возвышен? Да. И я возвышен буду.
Иначе быть не может. Мне отсюда
Поможет выбраться сама судьба
И так устроит, что себе смогу я
Опять пробить дорогу. Испытанье
Ниспослано мне временное. Скоро
Ему придет конец. Вот только дал бы
Господь терпенья, силы и здоровья!..

(Отгоняет от себя мысли и, растянувшись на песке, устремляет взгляд в пустыню.)

Какая безграничная пустыня...
Вон там вдали шагает важно страус.

Не понимаю, право, для чего
Такое запустенье и безлюдье
Понадобились Богу? Никаких
Источников к существованью; пользы
На грош нельзя извлечь из этой части
Вселенной, втуне здесь века лежащей;
От сотворенья мира не слыхал
Творец от трупа этого спасибо.
К чему же было создавать его?
Н-да, расточительна природа-мать!..
А что, не море ль это на востоке —
Та плоская, блестящая равнина?...
Не может быть. Оптический обман, —
Оно на западе; вон та гряда
Холмов отлогих отделяет море
Плотиной узкой от пустыни мертвой.

(Вдруг, словно осененный мыслью.)

Плотиною? Так мог бы я?... Она
Не широка. Прорыть канал – и хлынут
Живительные воды, и пустыня,
Все это море знойное песку,
Соленым, настоящим морем станет!

Оазисы в нем будут островами,
И побережием зеленым Атлас
Потянется на север. Словно птицы,
Начнут летать суда на парусах,
Следы пересекая караванов.
Морской живительный и влажный климат
Удушливую атмосферу сменит;
Дожди здесь будут выпадать и росы;
Начнут селиться люди, строить город
За городом; появится трава,
Зашелестят и закивают пальмы!..
Страна на юге за стеной Сахары
Приморской станет с новою культурой;
Откроются заводы в Тамбукту;
Борну колонизируется мигом,
Через Габес железная дорога
Пройдет к верховьям Нила, и спокойно
В вагоне будет путь свой с этих пор
Естествоиспытатель совершать!
А на оазисе центральном моря

Норвежскую я расу распложу.

Мы, гудбраннсдальцы, – самой знатной крови!

Арабской примесь дело довершит.

И на высоком берегу залива

Я город славный заложу – Пирополь.

Свет старый одряхлел. Пришла пора

Стране возникнуть новой – Гюнтиане!

(Вскакивая.)

Лишь были б капиталы – дело в шляпе.

К вратам морским ключ золотой мне нужен!

Поход крестовый смерти объявлю!

Пусть ростовщик сундук свой, на котором,

Как курица на яйцах, сидит,

Откроет мне! Мечтают о свободе

Теперь везде, и как осел в ковчеге,

Я Голос свой подам на целый свет

И скованным, прекрасным берегам

Свободу возвещу… Но прежде надо

Отсюда выбраться. Вперед пробиться.

А там и капиталы я достану.

Вперед! Полцарства за коня!

В ущелье раздается ржанье.

Пер Гюнт

Мой конь!

Одежда! Драгоценности! Оружье!

(Подходит ближе.)

Не может быть?... Нет, правда! Да и разве

Не сказано, что воля движет горы?

Однако, чтоб коней она седлала?...

Э, вздор! Конь – налицо, вот факт; ab esse

Ad posse... и так дальше, и так дальше.

(Набрасывает на себя платье и оглядывает себя.)

Сэр Петер – турок с головы до пят!

Что будет впереди – никто не знает.

Ну, добрый конь, вези меня вперед!

(Садится на коня.)

И стремя золотое!.. Ну, лети же!

Ведь узнаются по езде вельможи!

(Скачет в пустыню.)

Шатер арабского вождя, расположенный особняком среди оазиса. Пер Гюнт, в восточном одеянии, возлежит на подушках, попивая кофе и покуривая трубку из длинного чубука. Анитра с толпой девушек пляшет и поет перед ним.

Хор девушек

Пророк к нам явился,
Всеведущий, мудрый пророк!
Верхом на коне он примчался,
Как вихрем гонимый песок.
Пророк к нам явился!
Господень посланник святой,
На белом коне, ослепляя
Одеждой своей золотой.
Пророк к нам явился!
Пусть флейта звенит и поет!
Господь не забыл правоверных,
Пророк посетил свой народ!

Анитра

Скакун его белый – белей,
Чем реки молочные рая.
Склоните чело и колени скорей!
Глаза его – звезды; сверкая,
Глядит из-под темных бровей!
Как вихрь по пустыне он мчался,
В алмазах в рубинах вся грудь;
Где ехал он – свет впереди загорался,
За ним же во тьму погружался весь путь
И жгучий самум поднимался!
И вот среди нас он, пророк!
Промчался, как вихрь по пустыне;
К ногам его скоро падет весь восток;
Кааба пустует отныне! —
Как нам возвестил он, пророк!

Хор девушек

Пророк к нам явился!
Пусть флейта звенит и поет!
Господь не забыл правоверных,
Пророк посетил свой народ!

Девушки пляшут под тихие звуки музыки.

Пер Гюнт

Читал я в книжке раз, – и это верно, —
На родине пророком быть нельзя.
Но быть таким, как я, пророком – лучше,
Чем первым быть среди богачей чарльстоунских,
Была в том ремесле, что я покинул,
Какая-то нечистая закваска,
Неясное и чуждое мне что-то;
Я никогда не чувствовал себя
Вполне в своей тарелке в том кругу,
Я не был истым человеком дела.
И дернула нелегкая меня!
Что нужно было мне на той галере?
Дела, аферы, счеты да расчеты —
Мое ли это дело? Оглянусь
Назад и сам себя не понимаю.
Не сам я и затеял это все;
Скорей так обстоятельства сложились...
На почве золотой «самим собою» быть

Ведь все равно, что на трясине строить.
Хвостом виляют, падают во прах,
Ломают шапки люди пред часами,
Цепочкой и перстнями золотыми;
Но ведь часы, булавка, перстень, цепь
И прочее – не сам же человек!
Пророк – вот эта роль ясней и чище.
Тут точно знаешь, на каком ты свете.
Успех имеешь ты, – так им обязан
Себе, а не карману своему;
Овации относятся к тебе,
А не твоим гинеям или фунтам.
Сам по себе таков, а не иной ты;
Ни случаю, ни счастью не обязан;
Не получил особого патента.
Пророк, – да, это вот как раз по мне.
И стал я им негаданно-нежданно, —
Верхом лишь по пустыне прокатился
Да встретил этих вот детей природы.
Они ж решили, что пророк пред ними.
Обманывать я не хотел их, право;

Ведь не одно и то же – прямо лгать
И за пророка выдавать себя,
Иль отвечать a la пророк. К тому же
Всегда могу ретироваться я, —
Ничем не связан, так положенья
Официального не занял здесь.
Характер частный дело сохраняет;
Могу уйти я, как пришел; мой конь
Всегда готов. Ну, словом, остаюсь
И тут я господином положенья.

Анитра *(приближаясь к нему)*

Пророк и повелитель мой!

Пер Гюнт

Что скажет
Моя рабыня?

Анитра

Там у входа ждут
Сыны пустыни; разреши войти им —
Лицо твое узреть…

Пер Гюнт

Нет, нет! Не надо.

Скажи – пусть выстроятся в ряд подальше;

Я издали молитвы их приму;

Прибавь, что не терплю мужского духа

Я здесь, в шатре!.. Мужчины, дочь моя,

Прежалкий род и в сущности канальи...

Презлющие вдобавок! Ты представить

Себе не можешь, как они надули...

Гм... я хочу сказать – как согрешили!

Ну вот, ты так им и ответь на просьбу

И – в пляс опять. Пророк забыться хочет,

Прогнать досадные воспоминанья!

Девушки *(танцуя перед ним)*

Пророк так добр! Он огорчен,

Что дети праха впали в грех.

Пророк так добр! Простит он всех,

Всем двери в рай откроет он!

Пер Гюнт *(следя глазами за пляшущей Анитрой)*

Как дробь по барабану, отбивает
Ногами такт… Гм… лакомый кусочек!
Положим, формы несколько выходят
Из норм законных строгой красоты…
Пикантны лишь. Но красота?… Ведь это
Условное понятье, дело вкуса;
От времени зависит и от места.
Пикантность-то и дорога нам, людям,
Когда нормальным сыты мы по горло.
Привычное нас больше не пьянит.
Лишь крайность – худобы или дородства,
Иль юности иль старости – способна
Ударить в голову, а середина
Лишь вызвать тошноту способна. Правда,
Не очень-то опрятны эти ножки
И ручки… а особенно одна…
Но это тоже ничего не портит,
Скорей, напротив, прелесть придает.
Поди сюда, Анитра!

Анитра *(приближаясь)*

Повелитель,
Твоя рабыня слушает тебя!

Пер Гюнт

Ты так мила. Растрогала пророка.
Не веришь – доказательства я дам:
Ты будешь гурией в раю. Довольна?

Анитра

О, это невозможно, повелитель!

Пер Гюнт

Ты думаешь, что я тебя морочу?
Клянусь, я говорю совсем серьезно.

Анитра

Да у меня же нет души.

Пер Гюнт

Получишь.

Анитра

Откуда?

Пер Гюнт

Это не твоя забота.

Я воспитанием твоим займусь.

Души нет! Да, ты пустовата, правда, —

Я это уж заметил с сожаленьем, —

Но для души в тебе найдется место.

Поди сюда! Я череп твой измерю…

Я так и знал, что хватит. Ну, конечно,

Особенно серьезной ты не станешь,

Души великой не вместишь в себе;

Да наплевать! С тебя довольно будет

И маленькой, чтоб быть не хуже прочих…

Анитра

Пророк так добр…

Пер Гюнт

Ну, что же ты замялась?

Анитра

Я лучше бы хотела…

Пер Гюнт

Говори!

Анитра

Я о душе не очень беспокоюсь;

Ты лучше дай мне...

Пер Гюнт

Что?

Анитра *(указывая на его тюрбан)*

Опал вот этот.

Пер Гюнт *(в восторге, протягивая ей опал)*

Анитра! Евы истинная дочь!

Меня к себе влечешь ты, как магнит, —

Мужчина я; а как сказал когда-то

Какой-то уважаемый поэт:

Das ewig Weibliche нас привлекает!

Пальмовая роща перед шатром Анитры. Лунная ночь. Пер Гюнт с арабской лютней в руках сидит под деревом. Борода у него пострижена и вообще он стал на вид значительно моложе.

Пер Гюнт *(поет, аккомпанируя себе на лютне)*

Свой рай я запер на замок

И взял ключи с собою;

И ветер с севера повлек

Тихонько к югу мой челнок,
А вслед глядели мне с тоскою
Красотки, брошенные мною!
И вот принес меня мой челн
На берег пальм отлогий;
Здесь взял и сжег я старый челн,
Ненужный для песчаных волн,
И новый, годный для дороги,
Добыл челнок – четвероногий!
Как птица, я на нем сел, —
Лови меня, Анитра!
Ты слаще сока пальм и роз
И молока ангорских коз!
Услышь меня, Анитра!

(Вешают лютню через плечо и подходит ближе к шатру.)

Все тихо. Слышит ли меня красотка?
Вняла ли страстной песенке моей?
Глядит, пожалуй, из-под занавески
И без фаты и без… уборов прочих?
Тсс… что за звуки? Словно вылетает
Из горлышка бутылки пробка с трес-

ком?...

Еще, еще! За разом раз! Не вздохи

Любви ли это? Нет, как будто пенье?...

Нет, просто явственный довольно храп!

Он слаще музыки! Анитра спит!..

Умолкни, соловей! Будь проклят, если

Ты помешаешь щелканьем своим...

А впрочем, пусть его поет и свищет, —

И соловей певец любви, как я,

И он сердца на звуки песни ловит.

И эта ночь прохладная для песен

Любовных будто создана нарочно!

Да, песни – наша сфера: и моя

И соловья. Для нас обоих петь —

«Самим собою» быть, дышать и жить!

А в том, что спит она, – вся соль блаженства;

Ведь это то же, что бокал с вином

Держать у губ своих, не отпивая!

Но что я вижу? Да, она сама!

Вот это все же лучше, что явилась!

Анитра *(из шатра)*

Мой повелитель! Ты ль зовешь тут ночью?

Пер Гюнт

Ну да! Пророк зовет. Давно проснулся, —

Такой скандал тут подняли коты

В своем охотничьем азарте…

Анитра

Ах,

То не охотничий азарт, – похуже.

Пер Гюнт

А что же?

Анитра

Пощади!

Пер Гюнт

Хочу я знать!

Анитра

Краснею я.

Пер Гюнт *(подходя ближе)*

Не то же ли, чем полон
Был я, когда опал тебе дарил?

Анитра *(с испугом)*

Тебе ль себя равнять, о свет востока,
Со старым влюбчивым котом?

Пер Гюнт

Ну, если
Взглянуть на нас с любовной точки зренья, —
Пророк и кот один другого стоят.

Анитра

Твои уста мед шутки источают.

Пер Гюнт

Дитя, как девушки другие, видишь
В великих людях только оболочку;
По ней одной и судишь их. К примеру
Меня взять: я большой шалун… тем боле
Наедине с тобою! Принужден
Лишь в силу положенья своего
Я днем носить серьезности личину;

Я связан саном, долгом; я обязан
Со многим ведь, дитя мое, считаться;
И делает меня все это часто
Пророчески угрюмым, кислым, – впрочем,
Лишь на словах… Но прочь весь этот вздор!
Наедине с тобой – я просто Пер,
Таков, каков я есть на самом деле;
Бери меня таким, пророка ж – в шею!

(Садится под дерево и привлекает ее к себе.)

Сюда, Анитра! Отдохнем под пальмой!
Шептать тебе я буду на ушко,
А ты с улыбкой мне внимать; потом
Мы поменяемся с тобой ролями:
Зашепчут губки свежие твои,
А я тебя с улыбкой слушать буду!

Анитра *(ложась у его ног)*

Как песня-каждое из слов твоих,
Хоть я и мало что в них разумею.
Скажи, владыка, обретет ли душу,
Внимая им, твоя рабыня?

Пер Гюнт

Душу
И свет ума и знанья – все успеешь
Ты получить потом. Когда заря
Печатать золотом начнет на алых
Полосках неба… словом, днем даю я,
Дитя мое, уроки, и тогда
Займусь я и с тобой, не беспокойся.
Но выступать с остатками потертой,
Изношенной премудрости средь ночи,
Прохладной, ароматной, – просто глупо!
К тому ж душа, сказать по правде, вовсе
Не главное, не так важна, как сердце.

Анитра

О, говори, владыка! Говоришь ты —
И я как будто блеск опалов вижу!

Пер Гюнт

До крайности дошедший ум есть глупость;
И расцветает трусости бутон

В цветок жестокости махровый. Правда

Преувеличенная – лишь изнанка

Ученья мудрого. Да, да, дитя,

Вот будь я проклят как собака, если

На свете мало умственных обжор!

Земля кишит людьми, которым трудно

Достигнуть ясности души и мысли.

Я сам знавал один такой образчик;

Среди ему подобных – перл. Ошибся

Он в целях сам и в общей суматохе

Утратил всякий здравый смысл… Ты видишь

Пустыню вкруг оазиса? Мне стоит

Махнуть своим тюрбаном, чтоб мгновенно

Сюда нахлынули морские волны

И затопили все эти пески.

Но я бы дураком был, если б вздумал

Творить тут земли и моря! Ты знаешь,

Что значит жить?

Анитра

О, научи меня!

Пер Гюнт

Плыть по реке времен сухим, всецело
Всегда «самим собою» оставаясь.
Но быть «самим собой» могу я только,
Свое мужское проявляя «я».
Орел, состарившись, теряет перья,
Старуха шамкает беззубым ртом,
Старик, кряхтя, едва волочит ноги,
И все они душою увядают.
Всего важнее – юность сохранить.
И я хочу быть юным, быть султаном,
Владыкою горячим и единым —
Не на холмах высоких Гюнтианы,
Меж стройных пальм и виноградных лоз,
О нет! – на девственной и свежей почве,
В девичьих чистых грезах, в юном сердце!..
Так видишь, почему тебя, малютка,
Изволил милостиво соблазнить я,

Избрал твое сердечко, основал

В нем, так сказать, мужской свой калифат?

Хочу владыкой быть твоих желаний

И деспотом в своем любовном царстве.

Должна ты мне принадлежать всецело;

Хочу держать тебя в плену, как держит

Оправа золотая бриллиант.

И если мы расстанемся – конец…

Тебе, конечно, а не мне, запомни!

Я всю тебя хочу собой наполнить,

Чтоб уж не помыслов в тебе, ни воли

Не оставалось – все заполнил я!

Дары твоих полночных чар, Анитра,

И прочие все прелести твои

Меня должны в рай Магомета светлый

Как вавилонские сады, вознесть!

Поэтому-то, в сущности, и кстати

Что пусто в черепе твоем, дитя!

Душа нас заставляет углубляться

В самих себя, собою заниматься.

Итак, – уж раз вопрос затронут этот, —

Ты можешь, если хочешь, получить

На щиколотки по кольцу; обоим

Так будет выгодней, тебе и мне;

Души же место сам в тебе займу я,

А прочее по-старому все будет.

Анитра всхрапывает.

Пер Гюнт

Уснула? Как? Иль пролетело мимо

Ее ушей все то, что говорил я?

Нет, это подтверждает власть мою,

Раз на крылах речей моих любовных

Она уносится в мир светлых грез!

(Встает и кладет ей на колени драгоценности.)

Вот тут запястья, перстни, ожерелье.

Спокойно спи! Пусть я тебе приснюсь.

Спи, спи! Во сне корону возлагаешь, плутовка!

Анитра

И что ты вздумал? Что ты хочешь делать?

Пер Гюнт

В голубку и орла играть с тобою.
С тобой бежать! Дурачиться! Шалить!

Анитра

Стыдись! Ты стар, пророк!

Пер Гюнт

Твои уста
Лепечут вздор. Я стар? Похоже ль это
На старость? А?

Анитра

Пусти! Домой хочу!

Пер Гюнт

Кокетка! Ей домой вдруг захотелось!
Вернуться к тестю? Нет, слуга покорный!
Как птички, мы из клетки упорхнули,
И на глаза ему попасть не стоит!
И не годится, друг мой, заживаться

Подолгу на одном и том же месте:
Насколько в мнении людей теряешь, —
Особенно, играя роль пророка.
Тут лучше грезой промелькнуть, виденьем.
И мне пора визит свой было кончить.
Непостоянны сыновья пустыни;
Я по конец от них ни фимиама,
Ни приношений, ни молитв не видел!

Анитра

Да ты пророк?

Пер Гюнт

Нет, я твой падишах!

(Хочет поцеловать ее.)

Смотрите, как закинула головку,
Упрямица!

Анитра

Отдай мне перстень свой!

Пер Гюнт

Бери! Возьми весь этот хлам, голубка!

Анитра

Твои слова звучат, как песнопенье!

Пер Гюнт

Ну не блаженство ль быть любимым так!..
Сойти хочу и под уздцы, как раб,
Вести коня!

(Отдает ей хлыст и слезает с лошади.)

Ну, вот, теперь я буду,
Прекрасный мой цветок, идти по зною
И по песку, пока меня не хватит
Удар и ног своих не протяну.
Я молод! Не забудь, Анитра, – молод!
Так слишком строго не суди меня
За выходки и шалости мои.
Ведь юность шаловлива! Если б не был
Твой ум неповоротлив так, ты сразу
Смекнула б, мой прелестный олеандр,
Что раз твой друг так шаловлив – он молод!

Анитра

Ты молод, да. А много у тебя
Еще перстней?

Пер Гюнт

Так молод я? Не правда ль?

(Бросает ей перстни.)

Лови, дитя! Готов козлом я прыгать!
Поблизости нет винограда – жаль,
А то я, как вакхант, венок надел бы!
Я молод, да! И в пляс сейчас пущусь!

(Пляшет и припевает.)

Я блаженный петушок, —
Курочка меня заклюй!
Дай за пляску поцелуй!
Я блаженный петушок!

Анитра

Ты весь вспотел, пророк, боюсь – растаешь.
Давай-ка лучше мне кошель тяжелый;
Смотри, как оттянул тебе он пояс.

Пер Гюнт

О нежная заботливость! Возьми!
Возьми совсем! Ведь любящему сердцу
Не нужно золото и серебро!

(Опять приплясывает и напевает.)

Юный Пер Гюнт – сумасброд!
С радости сам он не знает-какою,
Левой иль правой, ступает ногою!
Юный Пер Гюнт – сумасброд!

Анитра

Вот радость – видеть, что пророк так весел!

Пер Гюнт

Э, что еще там за пророк! Все вздор!
Давай-ка поменяемся одеждой!
Живей!

Анитра

Но твой кафтан мне будет длинен,
И пояс твой широк, чулки же узки...

Пер Гюнт

Eh bien!

(Становится на колени.)

Анитра, причини мне горе!
Страданье любящему сердцу – сладко!
Когда ж ко мне во дворец приедем…

Анитра

В твой рай; а до него еще далеко?

Пер Гюнт

О, тысячи и сотни миль еще!

Анитра

Так это слишком для меня далеко!

Пер Гюнт

Послушай, там зато получишь душу,
Которую я обещал тебе.

Анитра

Спасибо, но… я обойдусь, пожалуй,
И без души. А ты просил о горе?

Пер Гюнт *(вставая)*

Да, черт меня возьми! Доставь мне горе!
Глубокое и острое страданье,

Но краткое, на день-другой... не больше!

Анитра

Анитра повинуется пророку!

Прощай!

(С силой ударяет его хлыстом по пальцам и пускает коня галопом в обратный путь.)

Пер Гюнт *(стоит с минуту как оглушенный молнией)*

Нет, это уж... Ах, чтоб ее!

На том же месте. Час спустя. Пер Гюнт степенно и задумчиво разоблачается, снимая с себя одну часть восточного одеяния за другой. Наконец, вынимает из кармана сюртука дорожную фуражку, надевает ее и снова становится вполне европейцем.

Пер Гюнт *(отбрасывая в сторону тюрбан)*

Там турок, а здесь – я. Сказать по правде,

И не к лицу язычество мне это.

И хорошо, что лишь на мне сидело,

А не внутри меня; как говорится,

Мне не успело въесться в плоть и в кровь.

Что нужно было мне на той галере?

Не лучше ль жить по-христиански скромно,

За перьями павлиньими не гнаться,

Законам и морали верным быть,

Самим собой остаться, чтоб по смерти

Тебя приличным помянули словом,

Украсили твой гроб венком!..

(Делает несколько шагов.)

Вот дрянь!

Чуть было ведь серьезно не вскружила

Мне голову! И будь я проклят, если

Теперь пойму я, чем был опьянен!

Но хорошо, что кончилось все разом.

Зайди игра еще на шаг подальше —

Я сделался б смешным... Да, маху дал я.

Но утешеньем мне вот что служит:

Ошибка вся произошла на почве

Непрочной положенья моего.

Оно виною было, а не личность,
Не «я» мое. Так не оно, не личность
И потерпела пораженье тут.
Удел пророков – праздное безделье,
В котором ты никак не сыщешь соли
Людских деяний, отмстило мне
Отрыжкою и тошнотой безвкусья…
Плохая должность – состоять в пророках,
По долгу службы напускать туману
И на себя и на других! Начать же
Судить и мыслить трезво – с точки зренья
Пророческой – себе дать шах и мат.
Так я на высоте был положенья,
Гусыню превратив себе в кумир.
Но тем не менее…

(Разражаясь смехом.)

Подумать только!
Остановить стараться время пляской,
Теченье запрудить – хвостом виляя!
Давать на лютне ночью серенады,

Вздыхать, миндальничать и, наконец,
Дать общипать себя, как петуха, —
Вот это по-пророчески безумно.
Да, общипать!.. Меня и общипали!
Хотя... я кое-что припрятал все же;
В Америке осталось кое-что,
Да и в карманах не совсем уж пусто,
Ну, словом, я еще банкрот не полный,
И, в сущности, ведь что всего дороже,
Милее? Золотая середина!
Ни кучером, ни лошадьми не связан,
Ни с багажом хлопот, ни с экипажем.
Я – положенья полный господин.
Какой же путь избрать мне? Их так много,
И выбор выдает – кто мудр, кто глуп...
С карьерою дельца покончил я
И, как лохмотья, сбросил с плеч своих
Я увлечения любви. Не склонен
Зады я повторять, ходить по-рачьи.
«Вперед или назад, а все ни с места;
внутри и вне – все так же узко, тес-

но» —
прочел я в некой остроумной книжке.
Итак, мне нужно новенькое нечто;
Поблагороднее занятье, цель,
Достойная расходов и трудов...
Не биографию ль свою составить
Чистосердечно, без утаек всяких,
Для назиданья и для руководства?...
Иль нет!.. Я временем ведь не стеснен,
Пущусь-ка путешествовать сначала
С научной целью; буду изучать
Времен минувших жадность вековую.
Как раз по мне занятие такое!
Я хроникой зачитывался в детстве,
Историей и позже увлекался, —
Путь человечества и прослежу я.
По историческим волнам скорлупкой
Носиться буду, вновь переживу
Историю всю, как во сне. Я буду
Борьбу героев наблюдать, борьбу
За благо и идеи; но-как зритель,
Из уголка укромного взирая.

Увижу я одних идей паденье
И торжество других на трупах жертв;
Создание и разрушение царств,
И мировых эпох возникновенье
По камешку, из мелочей... ну, словом, —
С истории снимать я буду пенки!
Я постараюсь как-нибудь достать
Том Беккера и объезжать в порядке
Хронологическом все страны мира.
Положим, скуден мой багаж научный,
А механизм истории хитер, —
Да наплевать! Чем точка отправленья
Нелепей, тем бывает очень часто
Оригинальней вывод, результат...
А как заманчиво – наметить цель
И к ней идти упорно, неуклонно!

(Растроганно.)

Порвать все нити дружбы и родства
И по ветру пустить все состоянье,
Сказать «прости» любовным наслажденьям, —

Чтоб только истины постигнуть тайны...

(Отирая слезу.)

Да, подлинный исследователь в этом!
О, как же счастливя, что разрешил
Загадку назначенья своего!
Лишь устоять теперь и в дождь и в ведро!..
И мне простительно теперь закинуть
Высоко голову в сознаньи гордом,
Что самого себя нашел Пер Гюнт,
Самим собою стал; сказать иначе —
Стал жизни человеческой царем!
В руках своих держать я буду сумму,
Итог времен минувших, и не стану
Я настоящего путей топтать, —
Подошв трепать не стоит; в наше время
Иль вероломны иль бессильны люди;
Их ум лишен полета, дело – веса;
А женщины —

(пожимая плечами)

и вовсе род пустой!

(Уходит.)

Летний день на севере. Избушка в сосновой бору. Открытая дверь с большим деревянным засовом. Над дверью оленьи рога. Возле избушки пасется стадо коз.

На пороге сидит с прялкой Женщина средних лет, с светлым, прекрасным лицом.

Сольвейг *(устремляя взгляд на лесную дорогу, поет)*

Пройдут, быть может, и зима с весной,
И лето, и опять весь год сначала, —
Вернешься ты, мы встретимся с тобой,
Я буду ждать тебя, как обещала.

(Манит коз, снова принимается за работу и поет.)

И где бы ни жил ты – Господь тебя храни;
А умер – в светлый рай войди, ликуя!
И ночи жду тебя я здесь и дни!

А если ты уж там – к тебе приду я!

В Египте. На утренней заре. Полузанесенный песками колосс Мемнона. Пер Гюнт подходит и некоторое время молча рассматривает его.

Пер Гюнт

Вот здесь свой путь начать мне будет кстати.
Я стану египтянином пока что,
Для развлечения, – то есть, конечно,
Я – египтянин на подкладке гюнтской.
Затем в Ассирию стопы направлю.
Опасно сразу поиски начать
С эпохи сотворенья мира, —
Недолго заблудиться. Я в сторонке
Библейскую историю оставлю, —
Следы ее ведь сыщутся и в светской;
По косточкам же разбирать ее —
И выше сил моих и не по плану.

(Садится на камень возле колосса Мемнона.)

Присяду отдохнуть здесь и дождусь,
Когда свой гимн он солнцу запоет.
Позавтракав, взберусь на пирамиду,

А хватит времени, так и внутри
Исследую ее я досконально.
Потом – вкруг моря Красного по суше;
Могилу фараона Потифара,
Быть может, там найти удастся мне.
Затем преображусь я в азиата
И в Вавилоне поищу следов
Садов висячих и блудниц – главнейших
Следов культуры, так сказать. А там
До Трои лишь рукой подать.
От Трои морем путь прямой в Афины;
На месте изучу я каждый камень
В проходе, где сражался Леонид.
И с лучшими философами также
Поближе познакомлюсь; разыщу
Тюрьму, где в жертву принесли Сократа…
А впрочем, нет! Теперь ведь там восстанье!
Так эллинизм мы по боку пока.

(Смотрит на свои часы.)

Однако безобразие, как солнце

Изволит долго прохлаждаться. Время
Мне дорого… На чем бишь я… на Трое
Остановился?

(Встает и прислушивается.)

Это что за звуки?…
Как будто бы насвистывает ветер?

Восход солнца.

Колосс Мемнона *(поет)*

Птицы взлетают из пепла богов,
Птицы поющие,
Юность дающие.
Создал их Зевс, повелитель громов,
Неукротимыми,
Непримиримыми.
Мудрая птица-сова, отвечай,
Где мои птицы спят сладко?
Или умри, иль отгадай
Песни загадку!

Пер Гюнт

И в самом деле… показалось мне,
Что статуя те звуки издавал!

То – музыка прошедшего. Я слышал,
Как голос каменный то повышался,
То понижался… Надо записать
И передать затем на обсужденье
Специалистов.

(Заносит в записную книжку.)

«Статуя поет.
Я слышал звуки явственно довольно,
Но текста песни разобрать не мог.
Все это, несомненно, чувств обман.
Я больше ничего на этот раз
Достойного внимания не встретил».

(Идет дальше.)

Близ селения Гизе. Колоссальный сфинкс, высеченный из скалы. Вдали иглы и минареты Каира.

Появляется Пер Гюнт и внимательно осматривает сфинкса, приставляя к глазам то лорнет, то сложенную трубкой кисть руки.

Пер Гюнт

Нет, где же я когда-то видел нечто,
Похожее на чучело вот это?

Ведь где-то видел я – не то на юге,
Не то на севере? И что такое
То было? Человек? Но кто такой?
Колосс Мемнона на своих обломках
Торчком торчащий, – после уж смекнул я, —
Похож на пресловутых доврских дедов.
И этого ублюдка, сочетанье
Диковинное женщины и льва,
Я тоже разве взял из сказок? Или
Похожее я в самом деле видел?..
Из сказок? Нет, не то... А, вспомнил, вспомнил!
Ведь это же «великая Кривая»,
Которой я башку разбил... Конечно,
В бреду лежал тогда я, в лихорадке...

(Подходит ближе.)

Такие же глаза, такие ж губы...
Лишь взгляд не так сонливо туп, хитрее;
А в общем-то же самое совсем.
Так вот она – Кривая! Днем да с ты-

лу —
На льва похожа... Ну, а знаешь ты
Еще загадки? Так ли ты ответишь
Теперь, как и тогда?

(Кричит сфинксу.)

Кривая! Кто ты?

Голос *(из-за сфинкса)*

Ach, Sphinx, wer bist du?

Пер Гюнт

Вот так диво! Эхо
Лопочет по-немецки!

Голос

Wer bist du?

Пер Гюнт

Совсем как немец! Это наблюденье
Прелюбопытно, – ново и мое!

(Записывает в книжку.)

«Немецкий отзвук. Диалект берлинский».

Из-за сфинкса выходит Бегриффенфельдт.

Бегриффенфельдт

Здесь человек!

Пер Гюнт

Так говорил я… с ним?

(Снова записывает.)

«Пришел я позже к выводам другим».

Бегриффенфельдт *(с беспокойным телодвижениями)*

Простите, сударь… Жизненный вопрос!..

Узнать позвольте: что как раз сегодня

Вас привело сюда?

Пер Гюнт

Хотел отдать

Я другу юности визит…

Бегриффенфельдт

Как? Сфинкс?

Пер Гюнт *(кивая головой)*

Знавал его я в старину.

Бегриффенфельдт

Famos!..

И это за минувшей ночью вслед!..

Трещит мой череп... хочет разлететься...

Как молотками бьют в нем... Отвечайте:

Вы знаете ли, кто он, что он?

Пер Гюнт

Сфинкс-то?

Он попросту – он сам, каков он есть;

И век останется самим собою.

Бегриффенфельдт *(подпрыгнув)*

А! Молнией блеснула предо мной

Загадка жизни! Верно ль только это,

Что он – он сам, каков он есть?

Пер Гюнт

Ну да,

Он сам так говорит, по крайней мере.

Бегриффенфельдт

Он сам, каков он есть! Так близок, близок

Переворота час!

(Снимая шляпу.)

А ваше имя?

Пер Гюнт

Пер Гюнт.

Бегриффенфельдт *(в тихом волнении)*

Пер Гюнт. Конечно, это – символ!

Как надо было ожидать... Пер Гюнт!

То, значит, – он, неведомый, грядущий,

О чьем приходе был я извещен!..

Пер Гюнт

Как, это правда? Вы пришли, чтоб встретить?

Бегриффенфельдт

Пер Гюнт!.. Загадочно! Остро! Глубоко!

Премудрости тут в каждом слове бездна!

А что вы представляете собою?

Пер Гюнт *(скромно)*

Я быть всегда «самим собой» старался.

Каков я есмь. А впрочем, вот мой паспорт.

Бегриффенфельдт

Все тот же смысл загадочный на дне!

(Схватив его за руку.)

В Каир! Толковников толковник найден!

Вы – царь!

Пер Гюнт

Я – царь?

Бегриффенфельдт

Идем! Идем!

Пер Гюнт

Нет, правда,

Я признан?

Бегриффенфельдт *(увлекая его за собой)*

Да! Толковников царем —

На основанье собственного «я»!

В Каире. Большой двор, кругом идут высокие стены и здания с решетками на окнах. Во дворе

несколько железных клеток. Трое сторожей. Входит четвертый.

Четвертый

Послушай, Шафран, где же наш директор?

Один из сторожей

Уехал ранним утром на заре.

Четвертый

С ним, видно, что-то приключилось ночью…

Второй

Потише вы! Смотрите, он вернулся!

Бегриффефельдт вводит Пера Гюнта, запирает ворота и кладет ключи себе в карман.

Пер Гюнт *(про себя)*

Предаровитый человек, как видно;
Глубокий ум; что слово-то загадка!

(Озираясь.)

Так вот он – клуб толковников ученых?

Бегриффенфельдт

Здесь всех их до единого найдете;
Их семьдесят числом сначала было;
Потом же прибыло сто шестьдесят.

(Кричит сторожам.)

Эй, Михель! Шафман! Шлингельберг и Фукс!
Живее в клетку!

Сторожа

Нам?

Бегриффенфельдт

А то кому же?
Ну, марш! Скорее! Вертится земля,
И будем мы вертеться вместе с нею!

(Вынуждает их войти в клетку.)

Пришел великий Пер! Об остальном
Судите сами, я же умолкаю.

(Запирает клетку и швыряет ключи в колодец.)

Пер Гюнт

Но, доктор... уважаемый директор...

Бегриффенфельдт

Ни то и ни другое. Этим прежде
Я был… Умеете ли вы молчать,
Царь Пер? излить хочу пред вами душу…

Пер Гюнт *(с беспокойством)*

Но в чем же дело?

Бегриффенфельдт

Обещайте мне,
Что вы не содрогнетесь.

Пер Гюнт

Постараюсь…

Бегриффенфельдт *(увлекает его в угол и шепчет)*

Сегодня в ночь, в двенадцатом часу,
Скончался абсолютный разум!

Пер Гюнт

Боже!..

Бегриффенфельдт

Прискорбное до крайности событье.
Особенно же неприятно мне, —

Ведь это учрежденье до сих пор
Именовалось сумасшедшим домом...

Пер Гюнт

Так это – сумасшедший дом!

Бегриффенфельдт

Поймите,
Так было прежде, не теперь.

Пер Гюнт *(бледный, про себя)*

Теперь-то
Я понял, где я, с кем я говорю!
Он – сумасшедший, но никто не знает!..

(Пытается уйти от Бегриффенфельдта.)
Бегриффенфельдт *(следуя за ним)*

И вообще, надеюсь, вы меня
Как должно поняли? Хоть и сказал я,
Что разум умер, это вздор, конечно.
Он вышел из себя, из кожи вылез,
Как та лиса из шкуры, о которой
Рассказывал Мюнхгаузен.

Пер Гюнт

Но простите…
Я на минутку…

Бегриффенфельдт *(удерживая его)*

Иль не, как угорь, —
Не как лиса. Гвоздь в глаз ему – и он
Задрыгал на столе…

Пер Гюнт

Куда деваться?

Бегриффенфельдт

Потом ножом вкруг головы – чик-чик,
И – он из кожи выскочил!

Пер Гюнт *(в сторону)*

Безумный!
Как есть безумный!

Бегриффенфельдт

Ну, так дело ясно,
Что этого события не скроешь, —
Ведь этот «выход из себя» ведет
К перевороту полному во всем.
Все личности, что за безумных слыли

До этой ночи, с этих пор – нормальны,
Согласны с разумом в его новейшей,
Последней фазе. А отсюда вывод
Дальнейший, правильный, что в тот же час
За умных слывшие – сошли с ума.

Пер Гюнт

Вы кстати мне напомнили о часе;
Я тороплюсь, не терпит время…

Бегриффенфельдт

Время?
Вы мысль мою пришпорили!

(Открывает одну из дверей и кричит.)

Сюда!
Грядущее, обещанное близко!
Скончался разум – да живет Пер Гюнт!

Пер Гюнт

Добрейший… но позвольте…

На дворе понемногу собираются умалишенные.

Бегриффенфельдт

Все сюда!

Приветствуйте зарю освобожденья!
Пришел ваш царь!

Пер Гюнт

Я – царь? Да неужели?

Бегриффенфельдт

Ну да!

Пер Гюнт

Такая честь… превыше меры…

Бегриффенфельдт

Э, полно, ложной скромности не место
В такой великий миг.

Пер Гюнт

Хоть срок мне дайте…
Я, право, не способен… поглупел…

Бегриффенфельдт

И это говорит тот человек,
Который понял даже мысли сфинкса,
И стал «самим собой»?

Пер Гюнт

В том-то и дело!

«Самим собой» я вообще являюсь;

Но здесь, насколько понимаю я,

«Самим собой» быть – значит отрешиться

от собственного «я»?

Бегриффенфельдт

Ничуть! Ничуть!

Вы ошибаетесь. Напротив, каждый

Является «самим собою» здесь

И более ничем; с самим собою

Здесь каждый носится, в себя уходит,

Лишь собственного «я» броженьем полон.

Здесь герметическою втулкой «я»

Себя в себе самих все затыкают.

Здесь для беды чужой нет слез; вниманья,

Чутья к чужим идеям не ищите;

Мы сами по себе и для себя

Во всем – до мозга самого костей!

В разбеге собственного «я» – на самом

Краю трамплина мы, и если нужен

Нам царь, то это – вы, не кто иной!

Пер Гюнт

Ах, черт меня возьми!..

Бегриффенфельдт

Не падать духом!
На свете все почти вначале ново.
«Я – сам» вперед! Сейчас я вам образчик
Представлю, – первого, кто попадется...

(Мрачной личности.)

А, здравствуй, добрый мой Гугу! Ну что?
По-прежнему с печатью скорби бродишь?

Гугу

А как иначе, если целый род
За поколеньем поколенье мрет
Неистолкованным?

(Перу Гюнту.)

Ты, чужестранец,
Меня желаешь слушать?

Пер Гюнт

Да.

Гугу

Так слушай...
Там в сказочном востоке,
Малабар лежит далекий,
Погрузясь в морские дали.
Там культуру насаждали
Португальцы и голландцы.
Кроме этих чужестранцев,
Были толпы там своих,
Малабарцев коренных.
Но теперь язык их смешан,
К сожалению. А встарь
Там – могуч, свободен, бешен —
Сам орангутанг был царь.
Чужд всех тонкостей культуры,
Только свой язык он знал, —
Как свободный сын натуры,
Завывал лишь да рычал.
Горе! Пришлою ордою

Тот язык сведен на нет.
Ночь нависла над страною
На четыре сотни лет!
Результат же долгой ночи —
Всех природных сил застой.
Вот рычать не стало мочи,
Вот и смолк туземный вой.
Чтобы выразить идею,
К речи нужно прибегать!
Хуже гнета, думать смею,
В свете слыхом не слыхать.
Оставаться самобытным
Хочет, должен «всяк язык», —
Я и встал за первобытный
Наш природный рев и крик.
На него народа право
Отстоять я криком мнил;
Он ведь гордость наша, слава —
Я вопил, что было сил.
Но – увы! – мои страданья
Не сумели оценить.
Друг, ты зришь мои страданья,

Посоветуй, как мне быть?

Пер Гюнт *(про себя)*

С волками жить – по-волчьи выть, – недаром
Написано.

(Вслух.)

Насколько мне известно,
Мой друг, в лесах, на берегах Марокко,
Живут еще стада орангутангов —
Не истолкованы и не воспеты.
Язык их – малабарщина прямая;
Так вот прекрасный и примерный подвиг —
Туда вам эмигрировать, подобно
Другим великим людям, ради пользы
Туземцев-земляков...

Гугу

Благодарю!
Совет твой принимаю и исполню.

(С важной миной.)

Отверг певца-толковника восток,

Но есть на западе орангутанги!

(Уходит.)

Бегриффенфельдт

Ну, не является ль он «сам собою»?
«Самим собой», одним собой он полон;
во всем он, с головы до пят, он сам.
Является «самим собою» в силу
Того, что – вне себя. Сюда подите!
Другого покажу я вам, который
Был тоже с разумом в конфликте прежде,
Но со вчерашней ночи с ним в ладу.

(Феллаху, таскающему за спиной мумию.)

Ну, как дела, царь Апис?

Феллах *(дико Перу Гюнту)*

Я – царь Апис?

Пер Гюнт *(прячась за директора)*

Я, к сожалению, не посвящен…
И положенье для меня неясно…
Насколько же могу судить по тону…

Феллах

Так лжешь и ты.

Бегриффенфельдт *(феллаху)*

Он разъясненья ждет
От вашего величества.

Феллах

Пусть внемлет!

(Обращаясь к Перу Гюнту.)

Ты видишь, кого я ношу за спиною?
«Царь Апис» – при жизни он имя носил,
а ныне он мумией просто зовется,
и мертв он мертвецки, хотя и не сгнил.
Он выстроил все пирамиды Египта,
И сфинкса великого вытесал он,
И с турками, как говорит наш директор,
Вел славные войны, за что был почтен
При жизни еще благодарным народом:
Владыку причислили к лику богов
И статуй ему понаставили в храмах —
Кумиров из золота, в виде быков.

Теперь же во мне возродился царь Апис,
Сомнений в том нет у меня никаких,
А есть у тебя они – живо рассею
Их силой живой доказательств моих!..
Царь Апис со свитой раз был на охоте
И, спрыгнув с коня, удалился на час
От свиты своей на соседнее поле…
А полем-то пращур владел мой как раз.
И это же поле, что царь унавозил,
Вскормило меня своим тучным зерном.
А этого мало – рога-невидимки
Ношу я над царственным этим челом!
Итак, я – царь Апис природный; но люди,
Увы, не хотят признавать мою власть;
Феллахом, не больше, меня все считают,
Так мне ли удел свой жестокий не клясть!
И средство помочь – так поведай же мне!

Скажи, посоветуй, что должен я сделать,

Чтоб Апису стал я подобен вполне?

Пер Гюнт

О, вашему величеству лишь стоит

Настроить пирамид еще, и сфинкса

Еще крупнее вытесать, и войны

Еще славнее с турками вести.

Феллах

Да, хорошо так говорить! Но сделать —

Феллаху бедному, голодной вше?

Мне хижину мою едва под силу

Очистить от мышей да и от крыс...

Давай другой совет – такой, чтоб мне

И ничего не стоило исполнить,

И чтобы уподобился вполне я

Тому, с кем я ношусь всю жизнь мою!

Пер Гюнт

Так вашему величеству пойти бы

Да удавиться; раз уж очутившись

В земле, в естественных границах гроба, —

Мертвецки-мертвым, как и он, держаться.

Феллах

Готовь веревку! За веревку – жизнь!

Я удавлюсь со всеми потрохами!

Сначала разница меж нами будет,

Со временем же сгладится она.

(Отходит и готовится повеситься.)

Бегриффенфельдт

Вот это – личность, человек с методой!..

Не правда ли, Пер Гюнт!

Пер Гюнт

Да, да, я вижу…

Но он и впрямь удавится сейчас!

О Господи, помилуй!.. Сам не свой я…

Собраться с мыслями не в состоянье…

Бегриффенфельдт

Вы – в переходной стадии; она

Непродолжительна, однако.

Пер Гюнт

То есть?
Я – в переходной стадии… к чему?
Вы извините… но мне надо выйти…

Бегриффенфельдт *(удерживая его)*

С ума сошли вы?

Пер Гюнт

И не думал. Что вы!
Избави Бог!

Суматоха. Сквозь толпу пробирается министр Гуссейн.

Гуссейн

Сейчас мне доложили,
Что царь сегодня прибыл к нам.

(Обращаясь к Перу Гюнту.)

Не вы ли?

Пер Гюнт *(с отчаянием)*

Да, да, подписано и решено!

Гуссейн

Отлично... Надо отвечать на ноты?

Пер Гюнт *(рвет на себе волосы)*

Отлично! Да! Чем хуже тут, тем лучше!

Гуссейн

Так удостойте обмакнуть меня!

(С низким поклоном.)

К услугам вашим: я – перо.

Пер Гюнт *(кланяясь еще ниже)*

А я —
Исписанный каракулями царский
Пергамент!

Гуссейн

Государь мой, вот вам вкратце
История печальная моя:
Песочницей слыву, а я – перо.

Пер Гюнт

Моя история еще короче:
Я лист бумаги чистой, на которой
И не напишут никогда ни строчки.

Гуссейн

На что я годен – людям невдомек,
И хочется меня им приспособить
Для посыпания песком.

Пер Гюнт

Я книгой
С застежками серебряными был
В руках у девушки! Но что безумным,
Что умным быть – все та же опечатка.

Гуссейн

Какое жалкое существованье —
Пером гусиным быть и никогда
Не чувствовать ножа прикосновенья!

Пер Гюнт *(высоко подпрыгивая)*

А быть оленем и все прыгать, прыгать
Над пропастью… и под своим копытом
Не чувствовать опоры никогда!

Гуссейн

Скорее нож! Я туп; пускай очинят
И заострят меня! Весь свет погибнет,

Коль отупею я совсем!

Пер Гюнт

О бедный мир,
Который – как всегда свое изделье —
Творцу таким прекрасным показался!

Бегриффенфельдт

Вот нож!

Гуссейн *(хватая его)*

Как жадно буду пить чернила!
С каким я наслажденьем очинюсь!

(Перерезает себе горло.)

Бегриффенфельдт *(поспешно отодвигаясь)*

Не брызгай же, перо!

Пер Гюнт *(с все возрастающим страхом)*

Ай-ай! Держите!

Гуссейн

Меня держите, да! Ведь я перо!
Держите крепче и – на стол бумагу…

(Падает.)

Я исписался. Слушайте постскриптум:

«Он жил и умер держанным пером!»

Пер Гюнт *(шатаясь)*

А что осталось мне? И кто я?... Что я?...

Держи меня, великий... Крепче, крепче!

Я – все, что хочешь ты. Я – грешник, турок,

Я – тролль... Лишь помоги мне... Порвались

Во мне как будто струны...

(Вскрикивая.)

Не могу я

Припомнить второпях, как звать тебя...

Спаси меня, ты... опекун безумцев!

(Падает в обморок.)

Бегриффенфельдт *(с венком из соломы, подпрыгивает и садится на Пера Гюнта верхом)*

Хо-хо! Как гордо в луже он лежит!

Он вышел из себя. Венчать его!

(Нахлобучивает на Пера Гюнта венок и кричит.)

Да здравствует царь собственного «я»!

Шафман *(в клетке)*

Es lebe hoch der grose Пер!

Действие пятое

На палубе корабля, плывущего по Северному морю, в виду норвежских берегов. Солнце заходит. Погода бурная.

Пер Гюнт, сильный, бодрый старик с седыми, как лунь, волосами и бородой, стоит за рубкой. На нем непромокаемая куртка и высокие сапоги, одежда несколько потерта, поношена; лицо обветрено и приобрело более жесткое выражение. Капитан корабля на мостике. Весь экипаж на носу корабля.

Пер Гюнт *(опираясь локтями о борт и впиваясь взглядом в берега)*

Вот Халлингский хребет в одежде зимней;
Старик выпячивает грудь на солнце;
За ним же Йёкуль, брат его, скривился
В плаще своем зеленом, ледяном.
И нежится красотка Фолгефоннен,
Как девушка в постельке белоснежной.
Оставьте вы свои ужимки, старцы!

И стойте, как стоите, – вы из камня.

Капитан *(кричит матросам)*

На руль двоих! И фонари наверх!

Пер Гюнт

Свежеет ветер…

Капитан

К ночи будет буря.

Пер Гюнт

А Рондских скал отсюда не видать?

Капитан

Нет, где же; Фолгенфоннен их скрывает.

Пер Гюнт

И Блохе тоже не видать?

Капитан

И Блохе.

Но сверху, с мачты, в ясную погоду

Пик Галлхе виден.

Пер Гюнт

Где у нас Хортейг?

Капитан *(указывая)*

Да приблизительно вон там.

Пер Гюнт

Да, да.

Капитан

Вам эти все места знакомы, видно?

Пер Гюнт

Когда я покидал страну, так мимо
Тут плыл; осадок же на дне бокала,
Проглоченный с глотком последним вместе,
Свой вкус во рту надолго оставляет.

(Отплевывается и продолжает всматриваться в берега.)

Те пятна синеватые – ущелья;
И впадина та черная – долина.
Внизу же, там, вдоль берега морского
Ютятся люди.

(Смотрит на капитана.)

Редко здесь у вас,

Разбросано живут.

Капитан

Да, от поселка
Поселка не видать.

Пер Гюнт

А будем к утру
Мы в гавани?

Капитан

Коль буря не задержит.

Пер Гюнт

На западе-то хмурится как будто…

Капитан

Да, хмурится.

Пер Гюнт

Постойте. Не забудьте
Напомнить мне – хочу я при расчете
Матросов наградить.

Капитан

Благодарю.

Пер Гюнт

Безделицей, само собой. Искал
Я золота, но сам все потерял;
С судьбою не в ладах мы оказались.
Вы знаете, багаж мой не велик,
И это все, что у меня осталось;
Пошло все остальное прахом.

Капитан

Что ж,
И этого довольно, чтоб доставить
Вам вес на родине, средь ваших близких.

Пер Гюнт

Я не имею ни души родной.
Никто не ждет богатого хрыча…
Зато на пристани избавлен буду
От родственных объятий.

Капитан

Близок шторм!

Пер Гюнт

А впрочем, если кто из молодцов
Особенно в нужде, не поскуплюсь я.

Капитан

Прекрасно. Большинство здесь бедно-
та;
Женаты все, детей имеют кучу,
А заработок – грош; едва хватает,
Чтоб с голоду не помереть с семьей;
Домой вернутся с лишними грошами —
Их встретят так, что долго не забу-
дут.

Пер Гюнт

Позвольте… жены есть у них и дети?
Они женаты?

Капитан

Все до одного,
Но самая жестокая нужда
У повара в семье; там прямо голод.

Пер Гюнт

Женаты. Значит, ждет их дома кто-
то,
Кто будет радоваться их приезду?

Капитан

Как могут и умеют бедняки.

Пер Гюнт

И если вечером они вернутся?..

Капитан

Я думаю – на стол поставят жены
Для случая такого все, что только
Найдется повкусней у них.

Пер Гюнт

И свечку
Зажгут, пожалуй?

Капитан

Может быть, и две,
Да и винца им поднесут по чарке.

Пер Гюнт

Затопят печь, и в горнице тепло,
Уютно станет… сядут все в кружок…
И дети тут же… и пойдут рассказы
Наперебой… Договорить друг другу
Давать не будут до конца, – так много
У каждого из них сказать найдется

Так радостно на сердце будет?

Капитан

Да,
Пожалуй, так и будет все. Тем больше,
Что вы по доброте своей сердечной
Решили наградить их…

Пер Гюнт *(ударяя кулаком о борт)*

Ни за что!
Да что я, выжил из ума? Хотите,
Чтоб тратился я на чужих ребят?
Горбом я деньги сколотил. И права
На них ни у кого здесь нет. И ждать
Здесь Пера Гюнта некому.

Капитан

Не спорю,
Что ваши деньги – ваши.

Пер Гюнт

Да, мои!
Мои. И более ничьи. Как только
Мы бросим якорь, с вами расплачусь
За свой проезд в каюте пассажирской

От берегов Панамы и на водку
Матросам дам, и больше ни гроша!
Не то – позволю вам мне в ухо дать!

Капитан

Мое все дело – вам расписку выдать.
Для оплеух другого поищите.
Но, извините, шторм шутить не любит.

(Уходит.)

Темнеет, в каюте зажигают огни. Зыбь все усиливается, туман сгущается, и небо заволакивается тучами.

Пер Гюнт

Иметь ораву ребятишек, жить,
Как будто жизнь есть радость, а не бред,
И знать, что чьи-то мысли за тобою
Повсюду следуют?... А обо мне,
Небось, не думает никто! Так свечки
На радостях зажгут еще? Погаснут!
Об этом постараюсь я. Команду
Всю допьяна спою. Пусть ни один

Не выйдет трезвым на берег. Пусть к женам

И детям пьяными придут, затеют

Скандал, начнут ругаться, кулаками

Бить по столу и напугают тех,

Кто так их ждал, до полусмерти! Жены

Поднимут крик и убегут из дома,

Таща детей. Пойдет вся радость прахом!

Корабль сильно накреняет. Пер Гюнт шатается и едва удерживается на ногах.

Пер Гюнт

А здорово качнуло! Море словно

За деньги трудится; самим собою,

Все тем же морем Северным, сердитым

И бурным остается…

(Прислушиваясь.)

Что за крик?

Вахтенный

Обломок корабля под ветром.

Капитан *(командуя)*

Право
Руля! И ближе к ветру!

Штурман

Есть там люди?

Вахтенный

Сдается, трое…

Пер Гюнт

Так спустите шлюпку!

Капитан

Ее сейчас же захлестнет волною.

(Уходит на нос корабля.)

Пер Гюнт

Об этом ли раздумывать теперь?

(Матросам.)

Вы люди или нет? Спасайте ближних!
Иль шкуры подмочить свои боитесь?

Боцман

И думать нечего в такую зыбь.

Пер Гюнт

Опять кричит. А ветер стал слабее…

Не попытаешься ли, повар, ты?

Не мешкай же, я заплачу…

Повар

Да что вы!

Хоть двадцать фунтов стерлингов давайте!..

Пер Гюнт

Собаки! Трусы! Или вы забыли,

Что ждут их дома семьи – жены, дети?…

Боцман

И подождут, потерпят. Говорится,

Что претерпевший до конца спасется.

Капитан

Левее правь от банки!

Штурман

Ах, обломок

Перевернулся!

Пер Гюнт

Разом стихло все?

Повар

Да, если эти трое, о которых
Вы беспокоились, женаты были,
То приобрел наш мир трех вдов зараз.

Буря усиливается. Пер Гюнт уходит на корму.

Пер Гюнт

Не стало веры меж людьми, не стало
И христианства, о котором столько
Говорено и писано. Ленивы
Они молиться и добро творить,
И страха нет у них пред высшей силой…
А Бог – он грозен ведь в такую ночь!
Поостеречься б им, скотам, подумать,
Что не шутить козявкам со слоном!
Они же Бога прямо искушают.
Что до меня – я умываю руки.
На всех сошлюсь, – когда дошло до жертвы,
Откликнулся я первый – кошельком.
А толку что? Положим, говорится,

Что с чистой совестью спокойней спится;
Но это правдой может быть на суше,
А на море значенья не имеет;
Тут честных и плутов не разбирают…
И рад бы ты самим собой остаться,
Своим путем идти, – так нет, ступай
За всеми вслед! Возмездья час пробьет
Для боцмана и повара – так с ними
В компании и ты иди на дно!
Тут личные достоинства и нужды
В расчет не принимаются совсем;
Тут смотрят на тебя, как на начинку
Колбасную мясник на свинобойне.
Моя ошибка – был я слишком смирен.
Неблагодарность и пожал в награду
За все свои труды. Будь я моложе,
Пожалуй, я свой нрав бы изменил,
Покруче стал. Да это не ушло.
Пройдет далеко слух, что я вернулся
Из стран заморских богачом. Верну я
Свой дом добром иль силой, перестрою

И разукрашу как дворец его.
Но никого и на порог к себе
Не допущу. Пусть у ворот без шапок
Стоят и бьют челом мне – на здоровье!
Не выманивать им у меня гроша.
Коль надо мной потешилась судьба, —
Так уж и я натешусь над другими.

Неизвестный пассажир *(словно вырастая перед ним из мрака и приветливо раскланиваясь)*

Мое почтенье!

Пер Гюнт

Здравствуйте! Но… кто вы?

Пассажир

Ваш спутник и слуга покорный.

Пер Гюнт

Вот как?
Вы тоже пассажир? А я ведь думал,
Что я – единственный.

Пассажир

Предположенье,

Которое теперь должно отпасть.

Пер Гюнт

Но странно, что вас в первый раз я вижу
Сегодня ночью…

Пассажир

Днем не выхожу я…

Пер Гюнт

Вы не больны? Как полотно, бледны вы…

Пассажир

О нет, я чувствую себя отлично.

Пер Гюнт

Как море-то бушует!

Пассажир

Просто прелесть!

Пер Гюнт

Как – прелесть?

Пассажир

Волны, словно горы, ходят.

Взглянуть – так слюнки потекут. Представьте,

Какую массу разобьет судов

И трупов выкинет сегодня море!

Пер Гюнт

Помилуйте!..

Пассажир

Утопленника видеть

Иль удавленника вам случалось?

Пер Гюнт

Нет, это уж из рук вон!

Пассажир

Трупы их

Смеются. Принужденным смехом, правда.

Язык у них прикушен большей частью.

Пер Гюнт

Отстаньте от меня!

Пассажир

Один вопрос…

А что как наше судно сядет на мель
И разобьется?

Пер Гюнт

Разве есть опасность?

Пассажир

Не знаю, что на это вам ответить.
Но вы представьте – вы ко дну пойдете,
А я спасусь?...

Пер Гюнт

Вот вздор!..

Пассажир

Возможность есть.
Но кто стоит одной ногой в могиле,
Становится добрее и щедрее...

Пер Гюнт *(хватаясь за карман)*

А, денег вам?

Пассажир

Нет, будьте так любезны
Мне завещать ваш труп, почтенный...

Пер Гюнт

Что?

Нет, это слишком далеко заходит!

Пассажир

Лишь труп, – вы понимаете. Для пользы

Науки хлопочу я.

Пер Гюнт

Убирайтесь!

Пассажир

Но вам прямая выгода, мой друг.

О вашем вскрытии похлопочу я.

Меня особенно интересует,

Где специальный орган фантазерства;

Так вас по косточкам и разберем мы.

Пер Гюнт

Да провалитесь вы совсем!

Пассажир

Но, друг мой, —

Утопленника труп?

Пер Гюнт

Да вы безбожник!
Безумец! Вы накличете беду.
И без того такая буря, качка…
Того гляди, дойдет до катастрофы,
А вы ее торопите как будто.

Пассажир

Я вижу ваше нерасположенье
Беседу продолжать на эту тему;
Но время многое ведь изменяет…

(Приветливо раскланиваясь.)

Мы встретимся, когда ко дну пойдете,
А может быть, и раньше. И тогда
Вы будете сговорчивей, надеюсь.

(Скрывается в каюту.)

Пер Гюнт

Пренеприятные субъекты – эти
Ученые. Такое вольнодумство!

(Проходящему мимо боцману.)

Послушай-ка, любезный! Кто такой
Тот пассажир? Из дома сумасшедших?

Боцман

Я не слыхал, чтоб кроме вас здесь были
Другие пассажиры. Вы один.

Пер Гюнт

Час от часу не легче!

(Юнге, выходящему из каюты.)

Кто в каюту
Сейчас юркнул?

Юнга

Собака наша, сударь.

(Уходит.)

Вахтенный *(кричит)*

На риф несет нас!

Пер Гюнт

Чемодан мой! Ящик!
На палубу скорее весь багаж!

Боцман

Не до того теперь нам.

Пер Гюнт

Капитан!
Я вздор сейчас молол, шутил, конечно…

И всем… и повару помочь готов…

Капитан

Ну, кливер пополам!

Штурман

Снесло фок-мачту!

Боцман *(кричит на носу)*

Вот рифы впереди!

Капитан

И судно гибнет!

Толчок. Судно содрогается. Шум и смятение.

Между прибрежными рифами и бурунами. Корабль погибает. В тумане виднеется лодка с двумя пассажирами. Ее настигает шквал и переворачивает. Слышен крик. Затем все стихает на некоторое время; наконец, лодка всплывает дном кверху.

Пер Гюнт *(вынырнув возле лодки)*

Спасите! Помогите! Лодку! Лодку!

Я погибаю… Вынеси, Господь…

Как сказано в писании!..

(Цепляется за киль лодки.)

Повар *(вынырнув с другой стороны)*

О Боже!

Спаси меня… моих малюток ради!

(Тоже держится за киль.)

Пер Гюнт

Пусти!

Повар

Пусти!

Пер Гюнт

Ударю!

Повар

Сдачи дам!

Пер Гюнт

Я размозжу тебе башку! Пусти же!

Двоих не сдержит лодка.

Повар

Знаю сам.

Так ты пусти!

Пер Гюнт

Нет, ты!

Повар

Пустил я, как же!

Завязывается борьба. Повар, сильно ударившись одной рукой, которая повисает, как плеть, изо всех сил вцепляется в лодку другою.

Пер Гюнт

И эту лапу прочь!

Повар

Добрейший… сжальтесь!
Хоть ребятишек малых пожалейте!

Пер Гюнт

Мне жизнь нужнее, чем тебе, – ведь я
Ребят еще не наплодил.

Повар

Пустите!
Вы пожили, а я еще так молод.

Пер Гюнт

Довольно! Прочь… Тони! Все тяжелее
Становишься.

Повар

О, будьте милосердны!
Пустите, ради Бога! Убиваться
Ведь некому по вас…

(С криком выпускает киль.)

Тону! Спасите!

Пер Гюнт *(хватая его одной рукой за волосы)*

Я поддержу тебя пока, – молись,
Читай скорее «Отче наш»…

Повар

Смешалось
Все в голове… Припомнить не могу!

Пер Гюнт

Скорее… вкратце… главное лишь вспомни.

Повар

Хлеб наш насущный…

Пер Гюнт

Это пропусти.
На твой век хватит, верно, что имеешь.

Повар

Хлеб наш насущный...

Пер Гюнт

Ну, заладил! Видно,

Что поваром жизнь прожил.

(Выпускает его.)

Повар *(погружаясь)*

Даждь нам днесь...

(Скрывается под водой.)

Пер Гюнт

Аминь! Ты был и до конца остался

«Самим собой».

(Взбирается на лодку.)

Где жизнь – там и надежда!

Неизвестный пассажир *(тоже хватаясь за лодку)*

Мое почтение!

Пер Гюнт

Фу! Чтоб тебя!..

Пассажир

Я крики услыхал. А ведь забавно,
Что я таки нашел вас. Ну? Не прав ли
Я был, предсказывая вам?

Пер Гюнт

Пустите!
Здесь впору уместиться одному.

Пассажир

Я поплыву одной ногою левой;
За край придерживаться мне довольно
Лишь кончиками пальцев. A propos —
О трупе…

Пер Гюнт

Замолчите!

Пассажир

Остальное
Ведь все погибло…

Пер Гюнт

Да заткните глотку!

Пассажир

Ну, как угодно.

Молчание.

Пер Гюнт

Что же вы?

Пассажир

Молчу.

Пер Гюнт

Проклятье! Что вы делаете?

Пассажир

Жду.

Пер Гюнт *(рвет на себе волосы)*

Нет, я с ума сойду! Да кто вы?

Пассажир *(кивая)*

Друг.

Пер Гюнт

Ну, дальше! Говорите же!

Пассажир

Да разве
Я никого вам не напоминаю?

Пер Гюнт

Не черта ли?

Пассажир *(тихо)*

Иль он ночной путь жизни
Вам освещает страха фонарем?

Пер Гюнт

Ага! Так вы в конце концов, пожалуй,
Посланник света?

Пассажир

Друг мой, вам случалось
Испытывать хоть раз в полгода страх, —
Спасительный, серьезный страх, и быть
До глубины души им потрясенным?

Пер Гюнт

Когда грозит опасность, всякий струсит…
Но не спроста вы речь свою ведете;
В ней что-то есть… подвох какой-то чую…

Пассажир

Иль раз хоть в жизни одержали вы
Победу, что дана нам страхом?

Пер Гюнт *(глядя на него)*

Если
Явились вы открыть мне дверь познанья.
То глупо, что не приходили раньше.
На что похоже, – выбирать минуту,
Когда, того гляди, пойдешь на дно?

Пассажир

По-вашему, победа вероятней
Была бы, если б вы теперь сидели
Уютно в горнице у камелька?

Пер Гюнт

Гм… да… но ваша речь скорей могла бы
Своей иронией замысловатой
Сбить с толку, чем встряхнуть и образумить.

Пассажир

Но там, откуда я, значенье то же
Ирония имеет, как и пафос.

Пер Гюнт

Всему и время есть свое и место;
Написано: «Что мытарю прилично,
Епископу зазорно».

Пассажир

Но и те,
Чей прах хранится в урнах в виде пепла,
Не каждый день ходили на котурнах.

Пер Гюнт

Поди ты, пугало! Оставь меня!
Я не желаю умирать. Мне надо
На берег выбраться.

Пассажир

На этот счет
Не беспокойтесь. В середине акта —
Хотя б и пятого – герой не гибнет!

(Исчезает.)

Пер Гюнт

Ну, под конец себя он все же выдал.
Он попросту был жалкий ригорист.

Сельское кладбище, расположенное на высоком плоскогорье. Похороны. Священник и народ. Допевают последние псалмы. Пер Гюнт проходит по дороге мимо.

Пер Гюнт *(у ворот кладбища)*

Как видно, одного из земляков
Здесь провожают в путь обычный смертных.
Хвала создателю, что не меня!

(Входит за ограду.)
Священник *(над свежей могилой)*

Теперь, когда душа на суд предстала,
А прах лежит, как шелуха пустая,
В гробу, – поговорим, друзья мои,
О странствии покойника земном.
Не славился умом он, ни богатством;
Ни голосом не брал и ни осанкой;
Во мнениях труслив был, неуверен,
Да и в семье едва ль был головой,
А в божий храм всегда входил, как будто
Просить хотел людей о позволеньи

Занять местечко на скамье средь прочих...
Вы знаете, что он не здешний был, —
Из Гудбраннской долины к нам явился
Почти мальчишкой; и с тех самых пор
Он до конца, вы помните, ходил,
Засунув руку правую в карман.
И эта правая рука в кармане
Была той характерною чертой,
Что в памяти людей определяла
Его наружный облик, так же как
Его обычная манера жаться
К сторонке, где бы он ни находился...
Но хоть и шел всегда он втихомолку
Своим путем особым и ни с кем
Здесь не сближался, не был откровенным,
Вы, верно, знали, что на той руке,
Которую всегда он прятал, было
Всего лишь навсего четыре пальца...
Я помню, много лет тому назад
Объявлен в Лунде был выбор рекрут-

ский:

К войне готовились. Все толковали
О трудных временах, стране грозивших.
И я был на приеме. Капитан,
Набор производивший, занял место
Посередине за столом; с ним рядом
Сел ленсман и помощники-сержанты;
По очереди парней вызывали,
Осматривали, измеряли рост,
И принимали или браковали.
Набилась комната полна народу,
И громкий говор несся со двора…
Но вот на оклик вышел новый парень —
Белее полотна, с рукою правой,
Обмотанной тряпицей; был в поту он,
Чуть на ногах держался, задыхался;
Заговорить пытался – и не мог…
Едва-едва, приказу повинуясь
И заревом весь вспыхнув, рассказал,
То заикаясь, то словами сыпля,
Историю о том, как отхватил

Себе нечаянно серпом весь палец...
И в комнате вдруг разом стихло. Люди
Лишь переглядывались меж собой,
Поджавши губы, да кидали взгляды
Тяжелые, как камни, на беднягу.
И он их чувствовал, хоть и не видел,
С опущенною головою стоя.
Затем седобородый капитан
Привстал и, плюнув, указал на дверь...
Когда де парень повернулся, чтобы
Пройти к дверям, все расступились разом,
И как сквозь строй он до порога шел;
Одним прыжком за дверью очутился
И бросился бежать по горным скатам,
Оврагам каменистым, спотыкаясь
И чуть не падая, в свое селенье...
Спустя полгода он переселился
Сюда к нам с матерью, грудным ребенком
И нареченной. Взял себе участок
На косогоре, на границе Ломба,

При первой же возможности женился,
Построил дом и заступом ломать
Стал каменистый грунт, чтоб понемногу
В возделанное поле превратить.
Чем дальше-дело лучше шло, о чем
Колосья золотые говорили.
Держал в кармане руку в церкви он,
Но дома, мне сдается, девять пальцев
Его работали не хуже, чем
Все десять у других. Но раз весною
Все половодьем у него снесло;
Семья и он едва спаслись от смерти.
Но он упорен был в труде – и прежде,
Чем осень подошла, опять вился
Дымок над крышей нового жилища,
Которое на этот раз построил
Он на горе, где не грозили воды
Снести его. Зато, спустя два года,
Лавина дом снесла с лица земли;
Но мужества она не придавила
В крестьянине. Он снова заступ взял,

Копал, и чистил, и возил, и строил,
И третий домик был к зиме готов…
Три сына в этом доме подрастали;
Пришла пора им школу посещать,
А путь туда не близкий был – ущельем
Крутым, извилистым; и вот отец
Двух младших на спине носил, а старший
Справлялся сам, пока не становился
Спуск слишком крут, – обвязывал тогда
Отец веревкой малыша и вел…
Шел год за годом; стали мальчуганы
Мужчинами. Пришло, казалось, время
Отцу пожать плоды трудов своих;
Но три норвежца, сколотив деньжонки
В Америке, и думать позабыли
И об отце, и о дороге в школу…
Был узок кругозор его, не видел
Он ничего вне тесного кружка
Своей семьи и самых близких лиц.
И звуками пустыми отдавались,

Как звон бубенчиков, в ушах его
Слова, которые с волшебной силой
Других по струнам сердца ударяют:
«Народ», «отечество», «гражданский долг»
И «патриота ореол», – все это
Туманным оставалось для него.
Но он всегда исполнен был смиренья;
Со дня призыва на себе нес тяжесть
Сознания вины своей, о чем
В тот день стыда румянец говорил,
А позже – правая рука в кармане…
Он был преступником: страны законы
Нарушил он. Ну да! Но нечто есть,
Что так же над законами сияет,
Как над венцом блестящим ледников
Вершины гор из облаков. Нет спору —
Плохим он гражданином был; для церкви,
Для государства – деревом негодным.
Но здесь, на горном склоне, в круге тесном

Задач и обязательств семьянина,
Он был велик, он был самим собой.
Один мотив чрез жизнь его проходит.
Он с ним родился, и всю жизнь его
Звучал мотив тот, – правда, под сурдинку,
Зато фальшивой не было в нем нотки!..
Так с миром же покойся, скромный воин,
Стоявший до конца в рядах крестьянства,
Участвуя в той маленькой войне,
Которую оно всю жизнь ведет!
Не будем мы вскрывать чужое сердце,
В чужом мозгу копаться; это – дело
Не созданных из праха, но творца
Одну надежду выскажу я смело,
Что вряд ли тот, кого мы схоронили,
Перед своим судьей предстал калекой!

Народ расходится. Пер Гюнт остается один.

Пер Гюнт

Вот это – христианский дух!

Ничто тут не смущало, не пугало.
И тема проповеди – долг наш первый:
Всегда быть верным самому себе —
Довольно назидательна к тому же.

(Смотрит на могилу.)

Не он ли палец отрубил себе
Тогда в лесу, где строил я избушку?
Как знать? Одно я знаю, что, не стой
Я сам тут над могилой мне родного
По духу человека, мог бы я
Подумать, что во сне правдоподобном
Я собственное погребенье видел,
Себе похвальное я слово слышал…
Поистине прекрасный, христианский
Обычай – так вот бросить взор назад,
На поприще земное тех, кто умер!..
И я б не прочь был, чтобы приговор
Мне вынес этот же достойный пастырь…
Но, впрочем, я надеюсь, что нескоро
Еще могильщик пригласит меня
На новоселье в тесное жилище;

И «от добра добра не ищут», или
«Дню каждому его довлеет злоба»,
Как говорит писание; а также
«Не следует себе рыть в долг могилу»...
Да, все же истинное утешенье
Дает нам церковь! Не умел, как должно,
Я раньше этого ценить. Теперь же
Я знаю, как отрадно услыхать
Из компетентных уст нам подтвержденье
Старинной поговорке: «Что посеешь,
То и пожнешь»... Завет дан человеку:
Себе быть верным, быть «самим собою»
И в малом и в большом, всегда и всюду.
Тогда хоть счастье и изменит – честь
Останется, что жил ты по завету!..
Домой теперь! Пусть будет труден путь,
Пускай судьба смеется надо мною —
Старик Пер Гюнт пойдет своим путем,

Останется «самим собой» – хоть бедным,

Но добродетельным. Да будет так!

(Уходит.)

Горный склон с высохшим речным руслом. Возле него развалины мельницы; грунт изрыт; на всем печать разорения. Повыше, на холме, большой крестьянский двор.

Во дворе происходит аукцион. Много народу. Попойка и шум. Пер Гюнт сидит на куче камней среди развалин мельницы.

Пер Гюнт

Вперед или назад – и все ни с места;

Внутри и вне – все так же узко, тесно.

Съедает ржа железо, время – силы.

И тут придется, видно, мне припомнить

Совет Кривой: «Сторонкой обойди!»

Человек в трауре

Лишь хлам остался.

(Увидев Пера Гюнта.)

А, да тут чужие?

Ну что ж! Добро пожаловать, приятель!

Пер Гюнт

Спасибо; весело у вас сегодня.

Крестины здесь справляют или свадьбу?

Человек в трауре

Скорее – возращение домой:

Лежит невеста в ящике с червями.

Пер Гюнт

И черви друг у друга рвут тряпье.

Человек в трауре

Тут песне и конец!

Пер Гюнт

Один у всех;

Они стары, и я знавал их в детстве.

Молодой крестьянин *(с ложкой)*

Смотрите, что за штуку приобрел я!

Серебряные пуговицы в ней

Пер Гюнт топил и отливал.

Второй

А я-то, —
За шиллинг приобрел себе мошну!

Третий

Четыре с половиной дол за короб!
Никто не даст дороже мне?

Пер Гюнт

Пер Гюнт…
Он кто ж такой был?

Человек в трауре

Он? Свояк Курносой
И Аслака, что кузницу здесь держит.

Человек в сером

А ты меня-то с пьяных глаз забыл?

Человек в трауре

А ты забыл про хэгстадскую клеть?

Человек в сером

Н-да, ты брезгливостью не отличался.

Человек в трауре

Она, пожалуй, проведет и смерть!

Человек в сером

Пойдем, свояк! Запьем свое свойство.

Человек в трауре

Пусть будет черт в свойстве с тобой! Заврался!

Человек в сером

Э, кровь-то все же гуще, чем вода,

И как-никак – в свойстве мы с Пером Гюнтом.

Оба отходят.

Пер Гюнт *(тихо)*

И тут приходится знакомых встретить.

Парень *(вслед человеку в трауре)*

Смотри же, Аслак! Если ты напьешься,

Из гроба встанет мать, задаст тебе!

Пер Гюнт *(встает)*

Гм… тут, пожалуй, повторить некстати

За агрономами: «Чем глубже роешь,

Тем лучше пахнет».

Парень *(с медвежьей шкурой)*

Гляньте – доврский кот…
Вернее, шкура лишь того кота,
Который троллей напугал в сочельник.

Второй *(с черепом оленя)*

А вот олень! На нем Пер Гюнт катался
По воздуху!

Третий *(с молотком, кричит человеку в трауре)*

Эй, Аслак! Узнаешь
Тот молоток, которым расколол ты
Орех, куда Пер Гюнт запрятал черта?

Четвертый *(с пустыми руками человеку в сером)*

Мас Мон! А вот и куртка-невидимка,
В ней улетела Ингрид с Пером Гюнтом.

Пер Гюнт

Вина, ребята! Чувствую, что стар я, —
Устрою-ка и я здесь распродажу…
Со старым хламом развяжусь.

Парень

А ну-ка!

Что продаешь?

Пер Гюнт

Дворец прекрасный в Рондах;

Из глыб гранитных вековых построен.

Парень

Я пуговицу дам. Кто больше?

Пер Гюнт

Стыдно!

Хоть рюмку водки предложил бы! Стоит!

Второй

А ты, старик, веселый! Ну, еще что?

Толпа окружает Пера Гюнта.

Пер Гюнт *(вскрикивает)*

Еще есть конь, мой старый вороной.

Один из толпы

А где же он?

Пер Гюнт

На западе далеко,
Где солнышко садится. Мой скакун
Быстрее ветра носится, быстрее,
Чем лгал Пер Гюнт.

Голоса

А что еще найдется?

Пер Гюнт

О, много драгоценностей и хлама.
В убыток куплено и продается
Без прибыли.

Парень

Ну, ну!

Пер Гюнт

Мечта о книге
С застежками серебряными. Вам
За пуговицу отдал бы ее.

Парень

А ну их к черту, все мечты!

Пер Гюнт

Еще

Есть царство у меня. В толпу бросаю —

Лови, кто попроворней!

Парень

А оно

С короной?

Пер Гюнт

Из соломы первосортной;

Тому и будет впору, кто наденет.

А вот еще: яйцо-болтун, седины

Безумного и борода пророка!

Получит даром все, кто столб с указкой —

Где настоящий путь – покажет мне!

Ленсман *(только что подошедший к толпе)*

Сдается мне, приятель, твой-то путь

Прямехонько в арестный дом.

Пер Гюнт *(снимая шапку)*

Возможно.

Но не могу ль от вас узнать я – кто был

Пер Гюнт?

Ленсман

Э, вздор…

Пер Гюнт

Ну, будьте ж так любезны!
Покорнейше прошу!

Ленсман

Да говорят,
Что это был пренаглый сочинитель…

Пер Гюнт

Как сочинитель?

Ленсман

Все, что лишь случалось
Великого, прекрасного на свете,
Сплетал он вместе, – будто бы все это
Случилось с ним… Но извини, приятель,
Мне недосуг.

(Уходит.)

Пер Гюнт

А где же он теперь?

Пожилой человек

В чужие страны за море уехал;
И там ему не повезло, понятно
Теперь давным-давно повешен он.

Пер Гюнт

Повешен? Вот как! Впрочем, так и знал я,
Пер Гюнт покойный до конца остался
«Самим собой».

(Раскланивается.)

Спасибо и прощайте!

(Делает несколько шагов и опять останавливается.)

А не хотите ль, девицы-красотки,
И вы, ребята, чтобы расквитаться,
Историйку я расскажу вам?

Многие

Разве
Ты знаешь?

Пер Гюнт

Ну еще бы мне не знать!

(Подходит ближе, и лицо его принимает какое-то чужое выражение.)

Я в Сан-Франциско золото копал,
Кишмя-кишел фиглярами весь город.
Один на скрипке мог пилить ногами,
Другой плясать горазд был на коленках,
А третий сочинял стихи, когда
Ему иглой просверливали череп.
И вот туда однажды черт явился,
Чтоб показать свое искусство. Он
Как настоящий поросенок хрюкал.
Никто его не знал, но с виду был он
Пресимпатичный малый, так что полный
Взял сбор; театрик был набит битком
И с нетерпеньем ждали все начала.
На сцену вышел черт в плаще широком,
Закинув полы на плечи: Man mus sich
Drapieren, – как у немцев говорится.
А под плащом своим сумел он спря-

тать,
Тайком от всех, живого поросенка…
И представленье началось. В стихах
И в прозе фантазируя на тему
Житья-бытья свинячьего, щипал
Без всякой жалости черт поросенка,
И тот картину визгом дополнял;
Закончилось все верещаньем диким,
Как будто поросенка закололи.
Раскланялся искусник и ушел…
И вот специалисты, разбирая
Искусство, явленное чертом, стали
Критиковать и осуждать его.
Кто находил, что писк был как-то жидок,
Кто деланным предсмертный визг считал,
И все единогласно утверждали,
Что хрюканье утрированно вышло…
Так вот чего добился черт в награду;
И поделом, – зачем не рассчитал,
С какою публикой имеет дело!

(Кланяется и уходит.)

Толпа в недоумении молчит.

В лесу. Троицын вечер. Вдали на расчищенном месте избушка с прибитыми над дверью оленьими рогами.

Пер Гюнт ползает по земле, собирая дикий лук.

Пер Гюнт

Одна из стадий это. А какая
Ближайшая за нею будет? Все
Испробовать и лучшее избрать!
Я так и сделал: цезарем начав,
Я Навуходоносором кончаю.
Да, довелось-таки пройти мне всю
Библейскую историю. Пришлось
На старости прильнуть к груди родимой.
«Ты от земли взят», – сказано недаром…
И в жизни главное – наполнить брюхо.
Но луком наполнять какой же прок?
Пущусь на хитрость я, силков наставлю.

Вода тут есть в ручье, так не придется

От жажды изнывать, а что до пищи —

Приходится быть хищником средь хищных.

Когда ж приблизится мой смертный час, —

Когда-нибудь да это ведь случится, —

Я подползу под дерево и в кучу

Сухой листвы зароюсь, как медведь.

А на коре древесной начерчу я

Такую надпись: «Здесь лежит Пер Гюнт,

Честнейший малый и всех тварей царь».

(Посмеиваясь про себя.)

Ах, старая кукушка, прорицатель!

Не царь, а луковица ты! Постой-ка,

Возьму сейчас да облуплю тебя,

Мой милый Пер, как ни вертись, ни сетуй.

(Берет луковицу и отщипывает один мясистый листок за другим, приговаривая.)

Вот внешней оболочки лоскутки —
Крушенье потерпевший и на берег
Волнами выкинутый нищий Пер.
Вот оболочка пассажира, правда,
Тонка, жидка она, но от нее
Еще попахивает Пером Гюнтом.
Вот золотоискателя листочки;
В них соку нет уже – и был ли прежде?
Вот грубый слой с каемкою сухой —
Охотник за пушниной у залива
Гудсонова. Под ним – листочки вроде
Коронки… Прочь их, бросить, слов не тратя!
Вот археолога листок короткий,
Но толстый; вот пророка – пресный, сочный;
Так ложью от него разит, что слезы —
По поговорке старой – вышибает
Из глаз порядочного человека.
А эти вот листочки, что свернулись
Изнеженно-спесиво так – богач,
Который жил, как сыр катаясь в мас-

ле.

Листки под ними – с черною каемкой,
Больными смотрят и напоминают
Зараз о неграх и миссионерах.

(Отщипывает несколько листочков сразу.)

Да их не оберешься тут! Ну, что же?
Когда-нибудь покажется ядро?

(Общипывает все до конца.)

Скажите! От начала до конца
Одни слои, листки – все мельче, мельче!..
Природа остроумна.

(Бросает остатки.)

Черту разве
Тут впору разобраться; человеку ж,
Задумавшись, лишь спотыкнуться легче.
Хоть мне-то, впрочем, нечего бояться —
На четвереньках крепко я держусь.

(Почесывая затылок.)

А удивительная штука – жизнь!
У ней за каждым ухом по лисице —
Как говорят о людях продувных;
Перед тобой юлит и манит, дразнит;
Нацелишься схватить – не тут-то было!
Лисица выкинет куништюк, и – глядь —
В руках твоих не то, – другое нечто,
Иль вовсе ничего…

(Сам того не замечая, приближается к избушке и, увидав ее, не сразу приходит в себя от изумления.)

Жилье? В лесу?

(Протирает в глаза.)

Как будто мне знакомо это место…
Рога оленьи над входною дверью…
Морская дева на верхушке крыши…
Все выдумки! Не дева – доски, гвозди;
Замок тяжелый, чтобы запираться
От дьявольски нечистых, злобных мыслей…

Сольвейг *(поет в избушке)*

Горенку к троице я убрала;
Жду тебя, милый, далекий...
Жду, как ждала.
Труден твой путь одинокий —
Не торопись, отдохни.
Ждать тебя, друг мой далекий,
Буду я ночи и дни.

Пер Гюнт *(при звуках песни медленно встает, безмолвный и бледный как смерть)*

Она не забыла, а он позабыл;
Она сохранила, а он расточил...
О, если бы можно начать все сначала...
Ведь здесь меня царство мое ожидало!

(Кидается бежать по лесной тропинке.)

Сосняк, выжженный пожаром. Далеко кругом торчат обгорелые пни. Ночь. В глубине там и сям клубится туман. Пер Гюнт бежит по сосняку.

Пер Гюнт

Пепел, туман и летучая пыль —
Вот матерьял для постройки;
Гниль, разложенье, зараза внутри;

Взять же все вместе – гробница!
Краеугольные камни кладет
Мертворожденное знанье;
Выдумки праздные, грезы, мечты
Самое зданье возводят;
Ложь высекает ступени. Боязнь
Мыслей серьезных, глубоких
И нежеланье вигу искупить
Щит водружают на кровле;
Крупная надпись гласит на щите:
«Цезарь Пер Гюнт – архитектор».

(Прислушиваясь.)

Слышатся детские мне голоса?..
Плач… но похожий на пенье?..
Под ноги катит мне кто-то клубки…

(Отбрасывая ногой.)

Прочь вы! Дорогу давайте!

Клубки *(на земле)*

Мы – твои мысли; но нас до конца
Ты не трудился продумать.
Жизнь не вдохнул в нас и в свет не пу-

стил, —
Вот и свились мы клубками!

Пер Гюнт *(стараясь их обойти)*

Будет с меня! Я дал жизнь одному;
Выпустил в свет хромоногим.

Клубки

Крыльями воли снабдил бы ты нас, —
Мы бы взвились, полетели,
А не катались клубками в пыли,
Путаясь между ногами.

Пер Гюнт *(спотыкаясь на один из клубков)*

Увалень глупый! Отцу своему
Хочешь ты ножку подставить?

(Бежит.)

Сухие листья *(гонимые ветром)*

Лозунги мы, – те, которые ты
Провозгласить был обязан!
Видишь, от спячки мы высохли все,
Лености червь источил нас;
Не довелось нам венком вкруг плода —
Светлого дела – обвиться!

Пер Гюнт

Все ж не напрасно явились на свет:
На удобренье годитесь.
Шелест в воздухе
Песни, тобою не спетые, – мы!
Тщетно рвались мы на волю,
Тщетно просились тебе на уста,
Ты нас глушил в своем сердце,
Не дал облечься нам в звуки, в слова!
Горе тебе!

Пер Гюнт

Замолчите!
Был ли для песен досуг у меня?

(Бежит кратчайшей дорогой.)

Капли росы *(скатываясь с ветвей)*

Слезы мы – те, что могли бы
Теплою влагой своей растопить
Сердца кору ледяную,
Если б ты выплакал нас! А теперь
Сердце твое омертвело;
Нет больше силы целительной в нас!

Пер Гюнт

Слезы!.. Не плакал я разве
В Рондах? И что ж – пожалели меня?
Ноги унес еле-еле!

Сломанные соломинки

Мы – те дела, за которые ты
С юности должен был взяться.
Нас загубило сомненье твое.
Против тебя мы в день судный
С жалобой выступим и – обвиним!

Пер Гюнт

Как? Не за то лишь, что было,
И за небывшее мне отвечать?

(Бежит от них.)

Голос Осе

Вот так возница негодный!
Вывалил ты ведь меня из саней!
Снег, верно, шел тут недавно…
В нем по колена увязла… Ах, Пер!
Сбился ты, вижу, с дороги!
Где же обещанный царский дворец?

Черт подшутил над тобою!

Пер Гюнт

Нет, тут одно остается – бежать!
Если еще тебе взвалят
На спину чертовы плутни, грехи —
Скоро конец тебе, друг мой,
Ведь и свои-то нести – не снести!

(Кидается бежать.)

Другое место в лесу.

Пер Гюнт *(поет)*

Могильщик, могильщик! Да где вы, лисицы?
Дьячки, начинайте же блеять, вопить!
На шляпу мне черные дайте тряпицы, —
Умерших своих я иду хоронить!

С боковой тропинки выходит навстречу Перу Гюнту пуговичник; в руках у него ящик с инструментами и большая ложка.

Пуговичник

Здорово, старичок!

Пер Гюнт

Здорово, друг!

Пуговичник

Куда же так спешишь ты?

Пер Гюнт

На поминки.

Пуговичник

Ага! Глаза-то стали слабоваты…
Позволь узнать – не ты ли Пер?

Пер Гюнт

Пер Гюнт.

Пуговичник

Скажите! Вот удача! Ты-тот самый
Пер Гюнт, за кем я послан.

Пер Гюнт

Послан ты?
Зачем?

Пуговичник

Я пуговичник; видишь ложку?
Пора тебе в нее.

Пер Гюнт

С какой же стати?

Пуговичник

Расплавить надобно и перелить
Тебя, мой друг!

Пер Гюнт

Расплавить?

Пуговичник

Да, вот ложка —
Очищена; лишь за тобою дело.
Могила вырыта, и гроб заказан.
Червям богатый пир готовит тело,
А мне хозяин поручил взять душу.

Пер Гюнт

Позволь... без всякого предупрежденья?!
Нет, это слишком!

Пуговичник

Испокон веков
Так водится, что выбирают день
Торжественный родин и погребенья

Сюрпризом для виновников событья.

Пер Гюнт

Положим!.. Кругом голова идет...
Ты, значит?..

Пуговичник

Пуговичник.

Пер Гюнт

Много прозвищ
Любимое дитя имеет, знаю!
Так к пристани причалить мне пора?
Но все ж, приятель, не по чести это!
Я обхожденья лучшего бы стоил.
Совсем не так я грешен, как, пожалуй,
Вы полагаете. И на земле
Немало доброго успел я сделать;
Во всяком случае, могу назваться
Скорей ослом, чем грешником большим!

Пуговичник

Вот в том-то все и дело, что не грешник

Ты в строгом смысле слова; потому
От вечных мук избавлен и лишь в ложку
С себе подобными ты попадешь.

Пер Гюнт

Зови как хочешь – ложкой иль котлом,
От этого не легче. Сгинь ты, дьявол!

Пуговичник

Ты, верно, не такой невежа, чтобы
Мне конское приписывать копыто?

Пер Гюнт

Копыто конское иль когти лисьи
Ты носишь – все равно мне, только сгинь,
Исчезни! Да впредь будь осторожней!

Пуговичник

Ты, право, заблуждаешься, приятель!
Обоим недосуг нам и, чтоб даром
Не тратить времени, я объясню
Тебе, в чем суть. Ты, как сейчас признался

Мне сам, не крупный грешник, да, пожалуй,

И за посредственного не сойдешь.

Пер Гюнт

Ну вот, теперь ты рассуждаешь здраво.

Пуговичник

Но ведь и добродетельным тебя

Считать – не правда ль – было б слишком смело?

Пер Гюнт

Я вовсе и не претендую.

Пуговичник

Значит,

Ты – нечто среднее: ни то, ни се.

Сказать по правде, грешник настоящий

В наш век довольно редкое явленье:

Тут мало просто пачкаться в грязи;

Чтобы грешить серьезно, нужно силу

Душевную иметь, характер, волю.

Пер Гюнт

Признаться – прав ты; тут необходимо

Лезть напролом, как в старину берсерки!

Пуговичник

А ты как раз наоборот, приятель,

Грешил всегда слегка лишь, понемножку.

Пер Гюнт

Лишь внешним образом; всегда считал я,

Что грех – лишь брызги грязи; взял – стряхнул.

Пуговичник

Так мы с тобой вполне сошлись во мненьях:

Не для тебя, не для тебя подобных,

Которые плескались в грязной луже,

Геенна огненная.

Пер Гюнт

Да, и, значит,

Свободен я идти куда угодно?

Пуговичник

Нет, значит – надобно тебя расплавить

И перелить.

Пер Гюнт

Какие завелись

Тут дикие обычаи у вас,

Пока я за границей находился!

Пуговичник

Обычай этот так же древен, как

Происхожденье змия, и рассчитан

На то, чтоб матерьял не пропадал.

Ты смыслишь в нашем ремесле и знаешь,

Что иногда литье не удается

И пуговица выйдет без ушка;

Ты что с такою пуговицей делал?

Пер Гюнт

Бросал.

Пуговичник

Ну, ты ведь в Йуна Гюнта вышел.

И он бросал направо и налево,

Пока лишь было что бросать. Но, видишь,

Хозяин не таков; он бережлив

И потому богат. Он не бросает,

Как никогда негодный хлам, того,

Что в качестве сырого матерьяла

Еще годится. Пуговицей вылит

Ты для жилета мирового был,

Но вот ушко сломалось, отскочило,

И предстоит тебе быть сданным в лом,

Чтоб вместе с прочими быть перелитым.

Пер Гюнт

Позволь… не собираешься же ты

Меня расплавить вместе с первым встречным

И вылить нечто вновь из общей массы?

Пуговичник

Вот именно. И не с тобой одним, —

Со многими мы поступали так;

И так же поступает двор монетный
Со стертыми монетами.

Пер Гюнт

Но это
Так мелочно… такое скупердяйство!
Голубчик, ты уж отпусти меня!
Ну что такое стертая монета
Иль пуговица без ушка – в хозяйстве
Того, которому ты служишь?! А?

Пуговичник

Но суть-то все-таки ведь остается.
И вещь всегда свою имеет цену —
По ценности металла.

Пер Гюнт

Нет же, нет!
Я не хочу! Зубами и ногтями
Я буду защищаться! Я на все
Готов, лишь не на это, не на это!

Пуговичник

Да как же быть? Ты сам суди: для неба
Ты недостаточно воздушен…

Пер Гюнт

Пусть;
Я и не мечу так высоко – скромен;
Из «я» же своего не уступлю
Ни ноты! Лучше пусть меня осудят
По старому закону. Пусть отправят
Меня на срок известный… лет хоть на сто,
Коли на то пойдет, к тому, кого
С копытом конским и хвостом рисуют.
Такую кару все-таки возможно
Снести, – скорей моральные там муки
И, следовательно, не так страшны.
То было б «переходным состояньем»,
Как говорится или как сказала
Лиса, когда с нее сдирали шкуру.
Все дело там в терпеньи было б только:
Ну, подождешь и все-таки дождешься —
Освобожденья час пробьет; надежда

Меня бы и поддерживала там.

А тут… расплавиться, войти частичкой,

Ничтожным атомом в чужое тело,

Утратить «я» свое, свой гюнтский облик,

И перестать «самим собою» быть?!.

Нет, против этого готов я спорить,

Бороться всеми силами души!

Пуговичник

Но, милый Пер, зачем же по пустому

Так волноваться? Никогда ты не был

Самим собой; так что же за беда,

Коль «я» твое и вовсе распадется?

Пер Гюнт

Я не был?… Нет, ведь это же нелепо!

Когда-нибудь был не собой Пер Гюнт?!

Нет, пуговичник, наобум ты судишь.

Хоть наизнанку выверни меня,

Ты ничего другого, кроме Пера

И только Пера, не найдешь.

Пуговичник

Не верю.

И вот приказ, мне данный. Он гласит:

«Ты послан Пера Гюнта взять, который

Всю жизнь не тем был, чем он создан был,

И, как испорченная форма, должен

Быть перелит».

Пер Гюнт

Все вздор! Идет тут дело,

Наверно, о другом, не обо мне!

Да Пер ли сказано? Не Йун? Не Расмус?

Пуговичник. О, их-то я давно уж перелил,

Не трать же времени, иди добром!

Пер Гюнт

Да ни за что! Вот было бы премило,

Когда бы завтра оказалось вдруг,

Что это просто недосмотр, ошибка,

Что о другом, не обо мне шла речь,

Тебе быть осторожней не мешает!

А то еще придется отвечать...

Пуговичник

Но у меня приказ...

Пер Гюнт

Так дай хоть срок!

Пуговичник

На что тебе он?

Пер Гюнт

Доказать хочу я,
Что я «самим собою» был всю жизнь,
А в этом ведь и вся причина спора.

Пуговичник

Ты хочешь доказать? Но чем?

Пер Гюнт

Добуду
Свидетелей живых иль аттестаты.

Пуговичник

Боюсь, отвергнет их хозяин.

Пер Гюнт

Нет!

Не может быть! А впрочем, там – увидим,

Дню каждому его довлеет злоба.

Поверь взаймы мне самого себя!

Вернусь я живо. Раз всего родишься,

Ну вот и хочется таким остаться,

Каким родился ты, – «самим собою».

Так по рукам?...

Пуговичник

Куда ни шло. Но помни —

Мы встретимся на первом перекрестке.

Пер Гюнт убегает.
Дальше, в глубине леса.

Пер Гюнт *(на всем бегу)*

Недаром говорится: время-деньги.

А знать бы – где тот первый перекресток?

Быть может, далеко еще; быть может,

Близехонько совсем. Ох, под ногами

Земля горит! Свидетель! Где свидетель?

Ну где его возьмешь в глухом лесу?

Нет, что это за мир, где человеку

Приходится доказывать, что прав он,

Хоть правота его ясна, как день!

(Нагоняет дряхлого старика, ковыляющего с палкой в руках и сумой за спиною.)

Доврский дед *(останавливается)*

Подай бездомному бродяге грошик!

Пер Гюнт

Не обессудь, – нет мелких…

Доврский дед

Как? Принц Пер!

Уж вот не думал, не гадал я…

Пер Гюнт

Кто ты?

Доврский дед

Ты помнишь Ронды?

Пер Гюнт

Ну?

Доврский дед

Я – Доврский дед.

Пер Гюнт

Ты – Доврский дед? Возможно ль? Говори!

Доврский дед

Ох, дожил я до черных дней! Совсем я…

Пер Гюнт

Ты разорен?

Доврский дед

Дотла; пошел с сумой;
От голода мне брюхо подвело…

Пер Гюнт

Ура! Ура! Свидетели такие
На соснах не растут!

Доврский дед

И поседел же
Принц Пер с тех пор, как виделись мы с ним!

Пер Гюнт

О милый тесть, грызут и точат годы!
Но в сторону все частные дела...
Мы дрязг семейных заводить не будем.
Я вел себя тогда как сумасброд...

Доврский дед

Да, да; был молод принц. А молодежи
Чего иной раз не взбредет на ум?
Но умница принц Пер, что от невесты
Отделался. Себя избавил он
От срама и позора. Сбилась после
Она совсем с пути.

Пер Гюнт

Ну-ну. Скажите!

Доврский дед

Увы! Прошла через огонь и воду
И трубы медные, как говорится.
Теперь связалась с Трондом.

Пер Гюнт

С Трондом?

Доврский дед

С Трондом
Из Вальфьелла.

Пер Гюнт

Ага! Припоминаю.
Я у него еще отбил пастушек.

Доврский дед

А внучек мой огромный стал и толстый
И деток наплодил по всей стране…

Пер Гюнт

Да, да; но даром слов не будем тратить,
Другое на душе теперь лежит.
Я, видишь ли, запутался… попал
В презатруднительное положенье,
И мне свидетельство необходимо
Иль поручительство; к кому же ближе
За этим обратиться, как не к тестю?
Не будешь ты в накладе, – раздобуду
Уж где-нибудь на водку грош, другой…

Доврский дед

Неужто быть могу полезным принцу?
Готов служить. А мне в обмен дадите
Свидетельство о бедности?

Пер Гюнт

Охотно;
Ведь в кошельке-то у меня не густо, —
Я поневоле должен экономить.
Так вот в чем дело. Памятен тебе,
Конечно, вечер тот, когда явился
Я в Ронды свататься за дочь твою…

Доврский дед

Еще бы, принц!

Пер Гюнт

Оставим принца!.. Помнишь,
Ты мне хотел во что бы то ни стало
Испортить зренье: вынуть глаз один,
Другой немножко поскоблить и в тролля
Меня из Пера Гюнта превратить?
И, помнишь, всеми силами восстал я,

Клялся, что жить хочу своим умом,
И от любви, от власти, от богатства
Отрекся, чтоб «самим собой» остаться!
Вот это подтвердить тебе придется,
И под присягой, если будет нужно…

Доврский дед

Об этом нечего и думать!..

Пер Гюнт

Как?

Доврский дед

Солгать меня принудить хочет принц?
Иль он забыл, что троллем нарядился,
Отведал меду?

Пер Гюнт

Поддался соблазну,
Не спорю, я, пока шло дело только
О несущественном, но наотрез
Я отказался поступиться главным.
А в этом человек и познается!
Конец ведь делу всякому венец!

Доврский дед

Да, но конец-то, Пер, обратный вышел.

Пер Гюнт

Ну, это что за враки?

Доврский дед

Уходя
От нас, ты намотал себе на ус
Девиз мой, Пер.

Пер Гюнт

Какой?

Доврский дед

Одно словечко —
Забористое, сильное.

Пер Гюнт

Какое?

Доврский дед

Которое кладет границу между
Мирами – человеческим и нашим:
Самим собою будь доволен, тролль!

Пер Гюнт *(отступая на шаг)*

Доволен?!

Доврский дед

Да; с тех пор ты и старался
Девиз тот всею жизнью оправдать.

Пер Гюнт

Старался… я? Пер Гюнт?

Доврский дед *(со слезами)*

Неблагодарный!
Ты жил, как тролль, но в том не признавался.
Благодаря тому словечку в гору
Пошел ты, богачом стал, а теперь
Ты больше знать не хочешь ни меня,
Ни моего учения.

Пер Гюнт

«Доволен»!
Я не «самим собою» был, а только
«Самим собою доволен»? Жил я троллем?
Был эгоистом?… Нет! Чистейший вздор!

Доврский дед *(вынимая из кармана пачку газет)*

Да разве нет у нас газет? Увидишь
На черном красным похвалу себе
В «Блоксбергской почте», в «Хеклефьельском эхо»;
Тебя хвалить они не уставали
С тех пор, как ты за океан уехал.
Не хочешь ль прочесть ты, например,
Статью за подписью: «Копыто», или
Другую: «Наш троллизм национальный»?
Проводится в ней мысль, что не в хвосте
И не в рогах, а в духе тут все дело;
В душе будь троллем с виду же – чем хочешь!
А в заключенье сказано, что в слове
«Доволен» – центр всей тяжести: оно
Преображает человека в тролля,
Причем тебя в пример приводит автор.

Пер Гюнт

Я – тролль?

Доврский дед

Ну да. Тут не о чем и спорить!

Пер Гюнт

Я, значит, мог с таким же результатом

Весь век свой в Рондах просидеть за печкой,

Себя избавить от трудов, забот?

Пер Гюнт всю жизнь был троллем?... Вздор и враки!

Прощай!.. Вот грош тебе на табачок.

Доврский дед

Нет, погоди, принц Пер!

Пер Гюнт

Пусти! Ты спятил?

Иль в детство впал? Так в госпиталь просись!

Доврский дед

Я только этого и добиваюсь.

Но дочкино потомство, как сказал я,

Размножившись, забрало силу здесь
И говорит, что я – лишь миф старинный!
Свой своему, как молвят, худший враг;
Я, бедный, на себе изведал это.
И как мне горько вздором, бредом слыть!..

Пер Гюнт

Ну, этот жребий многим выпадает.

Доврский дед

У нас самих же, троллей, нет ни касс
Взаимопомощи, ни богаделен.
Все это в Рондах было бы некстати.

Пер Гюнт

Еще бы, раз девиз ваш – «будь доволен
Самим собой», лишь для себя живи!

Доврский дед

Не принцу брезговать девизом этим.
Так если принц каким-нибудь путем…

Пер Гюнт

Ну, тестюшка, с меня уж взятки глад-

ки!

Я сам, как говорится, на бобах.

Доврский дед

Да неужели принц и впрямь стал нищим?

Пер Гюнт

Увы! И княжеское «я» свое

Он заложил! Всему ж виной вы, тролли!

Теперь и видно вот, к чему приводит

Компания дурная!

Доврский дед

Так и эта

Надежда лопнула!.. Ну, до свиданья;

Попробую до города добраться.

Пер Гюнт

А что там делать?

Доврский дед

Поступлю на сцену.

В газетах пишут все о недостатке

Национальных персонажей…

Пер Гюнт

Браво!

Счастливый путь! И от меня поклон.

Коль целым вырвусь – я пойду туда же.

Сам фарс состряпаю под заголовком:

«Sic transit Gloria…» – ну, и так дальше.

Пер Гюнт убегает по дороге. Доврский дед кричит ему вслед.

У перекрестка.

Пер Гюнт

Ну, Пер, в таких тисках ты не был сроду!..

Тебе словечко доврское «доволен»

И суд и приговор произнесло.

Корабль разбился твой, – так на обломках

Спасайся вплавь! На все готов я, лишь бы

Среди дрянных обломков не застрять.

Пуговичник

Ну что, Пер Гюнт? Ты аттестат до-

был?

Пер Гюнт

А разве мы на перекрестке? Что-то
Уж больно скоро!

Пуговичник

Вижу по лицу,
Каков твой аттестат, и не читая.

Пер Гюнт

Мне надоело рыскать; долго ль сбиться
С пути совсем...

Пуговичник

Вот-вот. Да и к чему
Трудиться попусту?

Пер Гюнт

Еще бы! Ночью,
В глухом лесу...

Пуговичник

А вон там ковыляет
Какой-то старичок

Его спросить?

Пер Гюнт

Нет, нет! Он пьян…

Пуговичник

Но все-таки, быть может…

Пер Гюнт

Не стоит; брось!

Пуговичник

Так к делу перейти бы.

Пер Гюнт

Один вопрос лишь: в сущности, что значит
«Самим собою» быть?

Пуговичник

Вопрос престранный,
Особенно со стороны того,
Кто сам недавно…

Пер Гюнт

Коротко и ясно
Ответь мне!

Пуговичник

Быть самим собою – значит
Отречься от себя, убить в себе
Себя иль «я» свое. Тебе-то, впрочем,
Такое объясненье ни к чему.
Ну, скажем так: самим собой быть – значит
Всегда собою выражать лишь то,
Что выразить тобой хотел хозяин.

Пер Гюнт

А если ты всю жизнь узнать не мог,
Что выразить тобой хотел хозяин?

Пуговичник

Нужна догадка, Пер!

Пер Гюнт

Да, да, но часто
Обманывают нас догадки наши, —
Так из-за этого и погибать?

Пуговичник

Приходится, Пер Гюнт! И собирает
Средь недогадливых рогатый жатву.

Пер Гюнт

Как это все запутано и сложно!..
Послушай, я не утверждаю больше,
Что был «самим собою», трудновато
Представить доказательства тому,
И я проигранным считаю дело.
Но вот теперь, здесь по лесу блуждая,
Я вдруг почувствовал внезапно приступ
Мучений совести и сам себе
Сказал: ты грешник, Пер…

Пуговичник

Опять сначала?

Пер Гюнт

Да нет же! Я хочу сказать: большой,
Серьезный грешник. И не делом только
Грешил я, но и словом, помышленьем.
Я за границей жизнь такую вел,
Что тошно вспомнить.

Пуговичник

Может быть; дай список
Твоих грехов, – увидим…

Пер Гюнт

Срок мне дай, —
Я пастора найду, покаюсь живо
И принесу свидетельство тебе.

Пуговичник

Ну, если принесешь, так дело ясно,
Что переплавки можешь избежать.
Но как же тот приказ?

Пер Гюнт

Он, верно, старый
От тех еще времен, когда я вел
Такую пресную, пустую жизнь,
Играл в пророки, верил в фатум… Значит,
Мне можно попытаться?

Пуговичник

Но…

Пер Гюнт

Добрейший,
Пожалуйста! К чему тебе спешить?
Ведь ты не так уж занят, – прогуляй-

ся!

Здесь чудный воздух; говорят, что он

На целый локоть прибавляет жизни.

Припомни, что писал один священник

Из Юстедала: «Смерть здесь – редкий случай».

Пуговичник

Ну, так и быть, я подождать согласен

До перекрестка нового; но помни —

Не дальше!

Пер Гюнт

Пастора теперь сыскать,

Найти, поймать во что бы то ни стало!

(Убегает.)

Поросший вереском холм, по которому идет извилистая дорога в горы.

Пер Гюнт

«Как знать, пожалуй, пригодиться может», —

Сказал недаром Эсбен-Замарашка,

Найдя крыло сорочье на дороге.

Ну, кто подумал бы, что человека

Его грехи в последний час спасут?

Положим, из огня я попаду

Всего лишь в полымя, как говорится;

Но можно утешать себя словами:

Пока есть жизнь, до тех пор есть надежда!

Худощавая личность, в высоко подобранном пасторском одеянии и с закинутой за спину сетью для ловли птиц, бежит по склону холма.

Пер Гюнт

Какой-то человек… Да это пастор!

Как видно, вышел птиц ловить. Ура!

Везет же мне… Мой пастор, добрый вечер!

Не легкий путь?

Худощавый

Да, да, но для души

Чего ни сделаешь.

Пер Гюнт

Помочь должны вы
Кому-нибудь отправиться на небо?

Худощавый

О нет, он на ином пути, надеюсь.

Пер Гюнт

Вы проводить вас, пастор, разрешите?

Худощавый

Пожалуйста, я общество люблю

Пер Гюнт

Признаться… камень на душе ношу я…

Худощавый

Heraus! Выкладывайте же!

Пер Гюнт

Пред вами
Порядочный и честный человек;
С законами всегда умел я ладить,
В тюрьме не сиживал; но человеку
Случается утратить равновесье.
Споткнуться…

Худощавый

Да, бывает, друг, бывает,
И даже с лучшими людьми.

Пер Гюнт

Так вот
Все эти мелочи…

Худощавый

Так это были
Все мелочи?

Пер Гюнт

Да, от грехов en gros
Воздерживался я.

Худощавый

Тогда оставьте
Меня в покое, милый человек!
Не тот я, за кого меня, как видно,
Вы приняли… Да что вы так на пальцы
Мои глядите? Что нашли вы в них?

Пер Гюнт

Необычайно развитые ногти…

Худощавый

Ну да, так что ж... Коситесь и на ногу?

Пер Гюнт *(указывая)*

Копыто настоящее?

Худощавый

Надеюсь.

Пер Гюнт *(приподнимая шапку)*

Готов был побожиться, что вы пастор,
Тогда как честь имею видеть... Гм...
Что ж, от добра добра не ищут; если
Открыта дверь в салон, не лезть же в кухню;
Король встречает, – не искать лакея.

Худощавый

Позвольте вашу руку. Вы, я вижу,
Без предрассудков человек... Итак,
Скажите, чем могу вам быть полезен?
Лишь денег не просите, ну, и власти,
На этот счет бессилен, хоть повесьте!
Тугие времена, поверьте слову;
Застой в делах полнейший, прибыль

душ
Ничтожная совсем; лишь редкий раз
Какая попадется...

Пер Гюнт

Значит, люди
Заметно лучше и добрее стали?
Их общий уровень так поднялся?

Худощавый

Напротив, он понизился, и люди
Все больше попадают в переплавку.

Пер Гюнт

Гм... да; об этом кое-что я слышал;
И это, в сущности, и вынуждает
Меня прибегнуть к вам...

Худощавый

Смелей! В чем дело?

Пер Гюнт

Да если не покажется нескромным
Мое желанье, я бы попросил...

Худощавый

Убежища?

Пер Гюнт

Вы угадали раньше,
Чем я договорил. Дела у вас,
Как вы сказали, плохи; так, быть может,
Вы снисходительнее отнесетесь?

Худощавый

Но, милый мой…

Пер Гюнт

Я в требованьях скромен.
На жалованье я не претендую;
Мне обхождение всего дороже, —
Приличное, по месту и заслугам.

Худощавый

Местечко потеплее?

Пер Гюнт

Но не слишком,
И главное – свободный выход; то есть
Желательно бы за собою право

Оставить – отретироваться, если
Представится мне что-нибудь получше.

Худощавый

Ах, милый мой, мне, право, очень жаль!
Вы не поверите, какая масса
К нам поступает просьб таких от добрых
Людей, когда пора им удалиться
От дел земных на отдых.

Пер Гюнт

Я имею
Известные права, однако, в прошлом;
За мной немало числится грехов…

Худощавый

Все мелочи, как сами вы сказали.

Пер Гюнт

В известном смысле, да. Но, как припомню,
Я торговал людьми…

Худощавый

Э, мало ль на свете
Торгующих и волей и душой;
Но если это делают они
Без умысла, без ясного сознанья, —
Им места нет у нас.

Пер Гюнт

В Китай ввозил я
Изображенья Брамы…

Худощавый

Ах, уж этот
Мне тон просительский! Я повторяю:
Над всем подобным мы смеемся лишь.
Изображенья ввозят и похуже,
Безнравственнее – в книгах, на картинах
И прочее, но мы ввозящих все же
К себе не принимаем…

Пер Гюнт

Я вдобавок
Разыгрывал пророка.

Худощавый

За границей?

Пустое! Большинство людей с их sehen

Ins Blaue – все кончают переплавкой.

Коль не на что вам больше опереться,

Принять вас не могу при всем желаньи.

Пер Гюнт

Еще одно; я потерпел крушенье…

На опрокинутую лодку влез…

Ведь утопающий готов схватиться

И за соломинку, как говорят!

Затем – своя рубашка ближе к телу —

У повара почти что отнял жизнь…

Худощавый

Эх, хоть бы отняли в придачу вы

Еще у поварихи кое-что!

«Почти что» – право, даже слушать тошно!

Ну кто ж дровишки пожелает тратить

В такие-то тугие времена

На дрянь подобную, что неспособна

Ни на какой порыв – ни злой, ни доб-

рый?

Сердитесь, не сердитесь, как хотите, —

Но заслужили вы такой упрек.

Да, да, за откровенность извините!

А мой совет: оставьте все затеи

И с ложкою плавильной примиритесь!

Подумайте, – вы человек разумный!

Положим, были бы у вас воспоминанья,

Но что могли бы дать они вам? Nichts,

Как немцы говорят. Для вас пустыней

Явилась бы страна воспоминаний:

Ничто обрадовать там не могло бы

Ваш взор, ни на уста улыбку вызвать,

Ни из груди рыдания исторгнуть,

Ни бросить в жар восторга вас, ни в дрожь

Отчаянья, а много-много разве

Заставило бы в вас разлиться желчь!

Пер Гюнт

Но знать, как говорится, мудрено,

Где жмет сапог, пока не на ноге он.

Худощавый

Да, да; вот я, благодаря кому-то,
Нуждаюсь лишь в непарном сапоге!
Но кстати вы сапог упомянули, —
Напомнили, что мне пора бежать.
В виду дичинка есть и, я надеюсь,
Прежирная; так недосуг болтать мне…

Пер Гюнт

Нельзя ль узнать, какой греховной пище
Она обязана жирком своим?

Худощавый

Насколько знаю, был «самим собою»
Тот человек всю жизнь – и днем и ночью;
А в этом ведь вся суть.

Пер Гюнт

«Самим собою»?
Такие люди попадают к вам?

Худощавый

Случается; для них полуоткрыты,
Во всяком случае, у вас ворота.
Двояким образом ведь можно быть
«Самим собой»: навыворот и прямо.
Вы знаете, изобретен в Париже
Недавно способ новый – делать снимки
Посредством солнечных лучей, причем
Изображенья могут получаться
Прямые и обратные – иль, как
Зовут их, – негативы, на которых
Обратно все выходит – свет и тени;
На непривычный глаз такие снимки
Уродливы, однако есть в них сходство,
И только надобно их обработать.
Так если в бытии своем земном
Душа дала лишь негативный снимок,
Последний не бракуют как негодный,
Но поручают мне, а я его
Дальнейшей обработке подвергаю,
И с ним, при помощи известных средств,
Прямое превращенье происходит.

Окуриваю серными парами,
Обмакиваю в огненные смолы
И снадобьями разными травлю,
Пока изображенье позитивным,
Каким ему и быть должно, не станет.
Но если стерта так душа, как ваша, —
Выходит бледный и неясный снимок,
Которого никак не проявить;
И сера и огонь тут бесполезны.

Пер Гюнт

Итак, к вам надобно явиться черным,
Как ворон, чтоб затем уйти от вас,
Как куропатка, белым?... А какое,
Спросить позвольте, выставлено имя
Под негативным снимком тем, который
Вам поручили позитивным сделать?

Худощавый

Там выставлено: Петер Гюнт, mein Herr!

Пер Гюнт

Гм… да… Так Петер Гюнт? А разве этот

Пер Гюнт – «самим собою» был?

Худощавый

Он сам клянется в этом.

Пер Гюнт

Ну, ему-то можно

Поверить: он правдивый человек.

Худощавый

Вы знаете его?

Пер Гюнт

О да, немножко;

Ведь мало ль с кем приходится встречаться!

Худощавый

Ну, мне пора. А где в последний раз

С ним виделись?

Пер Гюнт

Да в Африке; на Капе…

Худощавый

Di buona speranza!

Пер Гюнт

Но оттуда,
Насколько мне известно, собирался
Он выехать на первом пароходе.

Худощавый

Помчусь туда; быть может, захвачу!
Уж эта мне Капландия! Немало
Напортили мне там миссионеры,
Особенно ставангерские двое.

(Мчится на юг.)

Пер Гюнт

Бежать пустился, высунув язык,
Как глупый пес! Надул его я ловко.
Оставить с длинным носим дурака —
Большое наслажденье. И такой-то
Осел кичится, напускает важность!
А есть чем важничать? Ведь ремесло
Его немного барышей приносит, —
Того гляди, он вылетит в трубу…
И я, положим, не совсем-то крепко

Сижу в седле: я исключен – увы! —
Из благородных собственников «я»!

Падает звезда; он кивает ей вслед.

Пер Гюнт

Звезда, снеси поклон от брата Пера!
Светить, погаснуть и… скатиться в бездну!..

(Весь съеживается, точно от страха, и скрывается в тумане; с минуту длится молчание, затем он вскрикивает.)

Так неужели всюду пустота?
Ни в бездне, ни на небе никого?

(Появляется из тумана; срывает с себя шляпу и рвет на себе волосы. Мало-помалу как-то стихает.)

Какой же нищею душе вернуться
Приходится в туманное ничто!..
Не гневайся, прекрасная земля,
За то, что я топтал тебя без пользы!
Ты, солнце дивное, напрасно лило
Свои лучи на хижину пустую.
Ты никого там не могло согреть,

Обрадовать, – в отсутствии хозяин
Всегда был, говорят... Земля и солнце,
Напрасно мать мою взрастили вы!
Дух скуп и расточительна природа.
О, слишком дорого свое рожденье
Приходится нам жизнью искупать!
Я ввысь хочу. На самую крутую,
Высокую вершину. Я увидеть
Еще раз солнечный восход хочу
И насмотреться до изнеможенья
Хочу на обетованную землю!
А там – пусть погребет меня лавина;
Над ней напишут: «здесь никто схоронен».
Затем же... после... будь со мной, что будет.

Прихожане *(идущие в церковь, поют на лесной тропе)*

Утро великое, благословенное,
Дивный таинственный миг;
Искры из божьего царства упали
И рыбакам языки развязали,

Дабы познала вселенная

Божьего царства язык!

Пер Гюнт *(съежившись точно в испуге)*

А мне… мне царства этого не видеть,

Меня ждет мрак и пустота. Боюсь,

Что был я мертв давно, хоть и не умер.

(Хочет шмыгнуть в кусты, но попадает на перекресток.)

Пуговичник

Ну, здравствуй, Пер! а где ж реестр грехов?

Пер Гюнт

Ты думаешь, я не старался? Как же!

Уж я ль не бегал?… Выбился из сил.

Пуговичник

И никого не встретил?

Пер Гюнт

Ни души;

Фотограф лишь бродячий мне попался.

Пуговичник

Но сроку ведь конец.

Пер Гюнт

Всему конец.
Завыл зловеще филин. Чует, видно!
Ты слышишь?

Пуговичник

Это колокольный звон.
Звонят к заутрене.

Пер Гюнт *(указывая)*

А что такое
Блестит там?

Пуговичник

Огонек в лесной избушке.

Пер Гюнт

А что за звуки?

Пуговичник

Женщина поет.

Пер Гюнт

Так вот где, вот где отыщу я список
Моих грехов!

Пуговичник *(хватая его)*

Готовься!

Они уже вышли из лесу на поляну, и перед ними лесная избушка. Занимается заря.

Пер Гюнт

Что? Готовься?
Поди ты прочь! Будь ложка с гроб, и то
Ей не вместить меня с грехами всеми!

Пуговичник

Да третьего распутья, Пер; а там…

(Сворачивает в сторону и удаляется.)

Пер Гюнт *(приближаясь к избушке)*

Вперед или назад – и все ни с места;
Внутри и вне – все так же узко, тесно.

(Останавливается.)

Как бесконечно больно, тяжело
Вернуться так домой, к себе…

(Делает несколько шагов, но опять останавливается.)

Сказала

Кривая: обойди сторонкой...

(Слышит пение в хижине.)

Нет!

На этот раз пойду я напролом,

Пойду прямым путем, как он ни тесен!

Бросается к дверям избушки, которые в эту минуту отворяются, и на пороге показывается Сольвейг в праздничной одежде, с молитвенником, завернутым в платок, и с посохом в руках. Она стоит прямая, стройная, с кротким выражением лица.

Пер Гюнт *(распростершись на пороге)*

О, если грешника ты осудила,

Ему свой приговор произнеси!

Сольвейг

Вернулся! Он вернулся! Слава Богу!

(Ищет его ощупью.)

Пер Гюнт

Ну, жалуйся и обвиняй меня,

Вины мои скорее перечисли!

Сольвейг

Ни в чем ты не виновен, мой бесценный!

(Опять ищет его ощупью и находит.)

Пуговичник *(за домом)*

Реестр, Пер Гюнт!

Пер Гюнт

В лицо мне грех мой брось!

Сольвейг *(присаживаясь возле него)*

Ты песнью чудной сделал жизнь мою.
Благословляю первое свиданье
И эту нашу встречу в духов день.

Пер Гюнт *(Сольвейг)*

Так я погиб.

Сольвейг

Господь всем миром правит.

Пер Гюнт *(смеется)*

Погиб, коль ты не разрешишь загадки.

Сольвейг

Скажи-какой.

Пер Гюнт

Сказать? Да, да, скажу!

Где был Пер Гюнт с тех пор, как мы расстались?

Сольвейг

Где был?

Пер Гюнт

Да, где он был? Он сам, с печатью

Божественного предопределенья.

Таков, каким его Господь задумал?

Скажи! Не то уйти домой я должен…

В страну туманной пустоты.

Сольвейг *(улыбаясь)*

О, эта

Загадка не трудна.

Пер Гюнт

Так говори же!

Где был «самим собою» я – таким,

Каким я создан был, – единым, цельным,

С печатью божьей на челе своем?

Сольвейг

В надежде, вере и в любви моей!

Пер Гюнт *(пораженный, откидываясь назад)*

О, что ты говоришь! Молчи! Загадка
В самом ответе! Иль… сама ты мать
Тому, о ком ты говоришь!

Сольвейг

Я мать.
А кто отец? Не тот ли, кто прощает
По просьбе матери?

Пер Гюнт *(словно озаренный лучом света, вскрикивает)*

О мать моя!
Жена моя! Чистейшая из женщин!
Так дай же мне приют, укрой меня!

(Крепко прижимается к ней и прячет лицо в ее коленях.)

Долгое молчание. Восходит солнце.

Сольвейг *(тихо поет)*
Спи, усни, ненаглядный ты мой,
Буду сон охранять сладкий твой!..
На руках мать носила дитя;

Жизнь для них проходила шутя.
У родимой груди день-деньской
Отдыхало дитя… Бог с тобой!
У меня ты у сердца лежал
Весь свой век. А теперь ты устал, —
Спи, усни, ненаглядный ты мой,
Буду сон охранять сладкий твой!..

Пуговичник *(за хижиной)*

До встречи на последнем перекрестке,
А там увидим… Больше не скажу.

Сольвейг *(громче, озаренная солнечным сиянием)*

Буду сон охранять сладкий твой,
Спи, усни, ненаглядный ты мой!

Шиллер Фридрих. Орлеанская дева

Действующие лица

Карл Седьмой, король французский.
Королева Изабелла, или **Изабо**, его мать.
Агнеса Сорель.
Филипп Добрый, герцог Бургундский.
Граф Дюнуа.
Ла Гир.
Дю Шатель.
Архиепископ Реймский.
Шатильон, бургундский рыцарь.
Рауль, лотарингский рыцарь.
Тальбот, главный вождь англичан.
Лионель, **Фастольф**, английские вожди.
Монгомери, валлиец.
Французские, бургундские, английские рыцари.
Чиновники орлеанские.
Английский герольд.
Тибо д'Арк, земледелец.
Алина, Луиза, Иоанна — его дочери.
Этьен, Арман, Раймонд — их женихи.
Бертранд, поселянин.
Черный рыцарь.
Угольщик.

Его жена.

Пажи. — Солдаты. — Народ. — Придворные. — Епископы. — Маршалы. — Чиновники. — Дамы, дети и пр.

Действие происходит в 1430 году.

Пролог

Сельское место; впереди на правой стороне часовня и в ней образ Богоматери; на левой стороне высокий ветвистый дуб.

Явление первое

Тибо д'Арк, Этьен, Арман, Раймонд, Алина, Луиза, Иоанна.

Тибо

Так, добрые соседи, нынче мы
Еще французы, граждане, свободно
Святой землей отцов своих владеем;
А завтра… как узнать? чьи мы? что наше?
Во всех местах пришелец торжествует;
Везде врагов знамена; их конями
Истоптаны отеческие нивы;
Париж врата их войскам отворил,
И древняя корона Дагоберта

Досталася в добычу иноземцу;
Внук королей без трона, без приюта,
Скитается в своей земле, как странник;
Знатнейший пэр, ближайший из родных
Против него с врагами в заговоре;
Родная мать ему готовит гибель;
Деревни, города пылают; тихо
Еще у нас в долинах… но дойдет,
Дойдет и к нам гроза опустошенья.
Итак, друзья, пока еще есть воля,
Я дочерей хочу пристроить с Богом.
Для женщины против времен опасных
Необходим заботливый защитник;
А с кем любовь, тому в бедах легко.
Этьен, тебе понравилась Алина;
У нас поля соседственно граничат,
Сердца же заодно… такой союз
Угоден Богу. Ты, Арман, ни слова;
А ты глаза, Луиза, опустила…
Друзья, друзья, вы встретились серд-

цами —

Не мне вас разлучать. К чему богатство?

Кто в наши дни богат? Теперь все наше

До первого врага или пожара;

Теперь один спасительный приют:

Грудь верная испытанного мужа.

Луиза

Арман!

Арман *(подавая ей руку)*

Твой навсегда.

Луиза

А ты, сестра?

Тибо

На каждую дам тридцать десятин,

И огород, и двор, и стадо – Бог

Благословил меня, благословит

И вас.

Алина

Утешь отца, сестра Иоанна,

Пусть в этот день устроится три счастья.

Тибо

Подите; завтра мы сыграем свадьбу
И пир на всю деревню; приготовьте,
Что надобно.

Алина, Луиза, Арман и Этьен уходят.

Явление второе

Тибо

Твои, Жаннета, сестры
Выходят замуж; их судьба счастлива;
При старости они мое веселье;
Одна лишь ты мне горе и печаль.

Раймонд

Сосед, на что Жаннету огорчать?

Тибо *(указывая на Раймонда)*

Вот юноша прекрасный, честный; с ним
Никто у нас в деревне не сравнится;

Тебе он отдал душу; три весны,

Как он, задумчивый, с желаньем тихим,

С безропотным, покорным постоянством

Вздыхает по тебе; а ты молчишь,

Ты холодно сама в себе таишься;

И ни один из наших поселян

Улыбкою твоею не утешен.

Смотрю: ты в полноте прекрасной жизни;

Пора надежд, весна твоя пришла;

Цветешь… но я напрасно ожидаю,

Чтобы любовь в душе твоей созрела,

Прискорбно это мне. Боюсь, но вижу,

Что над тобой ошиблася природа;

Я не люблю души холодной, черствой,

Бесчувственной в поре прекрасной чувства.

Раймонд

Не принуждай ее, мой честный Арк.

Любовь, моей Иоанны есть прекрасный

Небесный плод; прекрасное свободно;
Оно медлительно и тайно зреет.
Теперь ее веселье жить в горах;
К нам в хижины, жилища суеты,
С вершины их она сходить боится.
Нередко я с благоговеньем тихим
Из дола вслед за ней смотрю, когда
Она одна в величии над стадом
Стоит и взор склоняет в размышленье
На мелкие обители земные.
Я вижу в ней тогда знаменованье
Чего-то высшего, и часто мнится,
Что из других времен пришла она.

Тибо

А это мне противно! Для чего
Чуждаться ей сестер своих веселых?
Всегда встает до ранних петухов,
Чтобы бродить по высотам пустынным;
И в страшный час – в который человек
Доверчивей теснится к человеку —
Украдкою, как птица, друг развалин,

В туманное жилище привидений,
В ночную тьму бежит, чтоб горный ветер
Подслушивать на темном перекрестке.
Зачем она всегда на этом месте?
Зачем сюда гонять ей стадо? Часто
Видал я, как она час целый в думе
Под этим деревом друидов, где
Боится быть счастливое созданье,
Сидит недвижима... а здесь не пусто;
Здесь водится недобрый с давних лет;
У стариков ужасные преданья
Сохранены об этом старом дубе;
И часто шум каких-то голосов
Нам слышится в его печальных ветвях.
Однажды мне случилось запоздать,
Меня вела дорога мимо дуба,
И вдруг мне видится: под ним сидит
Туманное, а что?.. не знаю! Тихо
Иссохшею рукой приподняло
Широкую одежду и меня

Как будто бы манило… Сотворив
Молитву, я бежал скорее прочь.

Раймонд *(указывая на образ в часовне)*

Не верю я; не козни сатаны,
А чудотворный лик Пречистой Девы
Ее всегда приводит в это место.

Тибо

Нет, нет! И сны и страшные виденья
Меня, мой друг, тревожат не напрасно:
Три ночи я все вижу, будто в Реймсе
Она сидит на королевском троне;
Семь ярких звезд венцом на голове;
В ее руке какой-то чудный скипетр,
И из него три белые лилеи,
И я – ее отец – и обе сестры,
И герцоги, и графы, и прелаты,
И сам король пред нею на коленях!..
Моей ли хижине такая слава?
Нет, это не к добру; то знак паденья;
Иносказательно мне этот сон
Ее души изобразил надменность;

Убожества она стыдится; Бог
Ей даровал богатство красоты,
Ее щедрей всех наших поселянок
Благословил чудесными дарами…
И гордость грешная зашла к ней в душу;
А гордостью и ангелы погибли,
И ею враг в свои нас ловит сети.

Раймонд

Но кто ж скромней, кто непорочней в нравах
Твоей смиренной Иоанны? Старшим
Сестрам она с веселым сердцем служит;
В селе у нас она всех выше… правда!
Но где найдешь работницу прилежней?
Бывал ли ей и низкий труд противен?
Ты видишь, под ее рукой чудесно
Твои стада и жатвы процветают;
На все, к чему она коснется, сходит
Непостижимое благословенье.

Тибо

Непостижимое... так, правда! Ужас
Объемлет при таком благословенье.
Ни слова; я молчу, молчать мне должно...
Мне ль вызывать на суд свое дитя?
Могу лишь остеречь; могу молиться;
Но остеречь мой долг... Оставь сей дуб;
Не будь одна; не рой кореньев в полночь;
Не составляй из сока их питья
И не черти в песке волшебных знаков.
Нам в области духов легко проникнуть;
Нас ждут они и молча стерегут
И, тихо внемля, в бурях вылетают.
Не будь одна: в пустыне искуситель
Перед самим создателем явился.

Явление третье

Бертранд *входит с шлемом в руках.*

Раймонд

Молчи, идет Бертранд; он возвратился

Из города. Но что несет он?

Бертранд

Вы
Дивитесь, что с таким добром я к вам
Являюсь?

Тибо

Подлинно; откуда взял
Ты этот шлем? На что знак бед и смерти
Принес ты к нам в жилище тишины?

Иоанна, которая до сих пор не принимала никакого участия в том, что вокруг нее происходило, становится внимательнее и подходит ближе.

Бертранд

И сам едва могу я объяснить,
Как мне достался он. Я покупал
Железные изделья в Вокулёре;
На площади толпилась тьма народа —
Вкруг беглецов, лишь только прибежавших
С недоброю из Орлеана вестью;
Весь город был в волненье; сквозь толпу

С усилием я продирался… вдруг
Цыганка смуглая со мной столкнулась;
В руках у ней был этот шлем; она,
Пронзительно в глаза мне посмотрев,
Сказала: «Ты, я знаю, ищешь шлема;
Вот шлем, недорогой, возьми». – «На что?» —
Я отвечал ей. – «К латникам пойди;
Я земледелец, мне нет нужды в шлеме».
Но я никак не мог отговориться.
«Возьми, возьми! – она одно твердила. —
Теперь для головы стальная кровля
Приютнее всех каменных палат».
И так из улицы одной в другую
Она за мной гналася с этим шлемом.
Я посмотрел: он был красив и светел;
Был рыцарской достоин головы;
Я взял его, чтоб ближе разглядеть;
Но между тем, как я стоял в сомненье,
Она из глаз моих, как сон, пропала:

Ее толпой народа унесло…
И этот шлем в моих руках остался.

Иоанна *(ухватясь за него поспешно)*

Отдай мне шлем.

Бертранд

На что? Такой наряд
Не девичьей назначен голове.

Иоанна *(вырывая шлем)*

Отдай, он мой и мне принадлежит.

Тибо

Иоанна, что с тобой?

Раймонд

Оставь ее;
В ней мужеством наполнена душа,
И ей убор воинственный приличен.
Ты помнишь сам, как прошлого весной
Она в горах здесь волка одолела,
Ужасного для стад и пастухов.
Одна, одна, душою львица, дева
Чудовище сразила и ягненка

Исторгнула из челюстей кровавых.
Чью б голову сей шлем ни украшал,
Но ей приличней он.

Тибо

Бертранд, какая
Беда еще случилась? Что сказали
Бежавшие из Орлеана?

Бертранд

Боже,
Помилуй короля и наш народ!
Мы в двух больших сражениях разбиты;
Враги в средине Франции; все взято
До самых берегов Луары; войска
Со всех сторон сошлись под Орлеан,
И страшная осада началася.

Тибо

Как! Север весь уже опустошен,
А хищникам все мало; к югу мчатся
С войной…

Бертранд

Бесчисленный снаряд осадный

Со всех сторон придвинут к Орлеану.
Как летом пчел волнующийся рой,
Слетайся, жужжит кругом улья,
Как саранча, на нивы темной тучей
Обрушившись, кипит необозримо,
Так Орлеан бесчисленно народы
Осыпали, в одно столпившись войско;
От множества племен разноязычных
Наполнен стан глухим, невнятным шумом;
И всех своих землевластитель герцог
Бургундский в строй с пришельцами поставил:
Из Лидтиха, из Генего, из Гента,
Богатого и бархатом и шелком,
Из мирного Брабанта, из Намура,
Из городов Зеландии приморских,
Блистающих опрятностью веселой,
От пажитей голландских, от Утрехта,
От северных Фризландии пределов,
Под знамена могущего Бургунда

Сошлись полки разрушить Орлеан.

Тибо

О горестный, погибельный раздор;
На Францию оружие французов!

Бертранд

И, бронею покрывшись, Изабелла,
Мать короля, князей баварских племя,
Примчалась в стан врагов и разжигает
Их хитрыми словами на погибель
Того, кто жизнь приял у ней под сердцем.

Тибо

Срази ее проклятием, Господь!
Богоотступница, погибнешь ты,
Как некогда Иезавель погибла.

Бертранд

Заботливо осадой управляет
Рушитель стен, ужасный Салисбури;
С ним Лионель, боец с душой звериной;
И вождь Тальбот, один судьбу сражений

Свершающий убийственным мечом;
Они клялись, в отваге дерзновенной,
Всех наших дев предать на посрамленье;
Сразить мечом, кто встретится с мечом.
Придвинуты к стенам четыре башни,
И, городом владычествуя грозно,
С их высоты убийства жадным оком,
Невидимый, считает Салисбури,
На улицах поспешных пешеходов.
Уж много бомб упало в город; церкви
В развалинах, и сам великолепный
Храм Богоматери грозит паденьем.
Бесчисленны подкопы под стенами;
Весь Орлеан стоит теперь над бездной
И робко ждет, что вдруг под ним она,
Гремящая, разверзнется и вспыхнет.

Иоанна слушает с великим, беспрестанно усиливающимся вниманием и, наконец, надевает на голову шлем.

Тибо

Но где Сангграль? Что сделалось с Ла Гирам?

Где Дюнуа, отечества надежда?

С победою вперед стремится враг, —

А мы об них не знаем и не слышим.

И что король? Ужель он равнодушен

К потере городов, к бедам народа?

Бертранд

Король теперь с двором своим в Шиноне;

Людей взять негде, все полки разбиты.

Что смелый вождь? Что рыцарей отважность,

Когда нет сил, когда все войско в страхе?

Нас Бог казнит; ниспосланный им ужас

К бесстрашнейшим запал глубоко в душу;

Все скрылося; все вызовы напрасны;

Как робкие бегут к заградам овцы,

Послышавши ужасный волчий вой,

Так, древней чести изменив, французы

Спешат искать защиты в крепких замках.

Едва один нашелся храбрый рыцарь:

Он слабый полк собрал и к королю

С шестнадцатью знаменами идет.

Иоанна *(поспешно)*

Кто этот рыцарь?

Бертранд

Бодрикур; но трудно

От поисков врага ему укрыться:

Две армии преследуют его.

Иоанна

Но где же он? Скажи скорей, что слышно?

Бертранд

На переход один от Вокулёра

Стоит он лагерем.

Тибо

Молчи, Иоанна,

Ты говоришь о том, чего не смыслишь.

Бертранд

Уверившись, что враг неодолим,
И помощи от короля не чая, —
Чтобы спастись от ига иноземцев
И сохранить себя законной власти, —
Решилися граждане Вокулёра
Могущему Бургунду покориться,
Но с тем, чтоб он их принял договор:
Чтоб возвратил нас древнему престолу,
Как скоро мир опять меж ними будет.

Иоанна *(вдохновенно)*

С кем договор? Ни слова о покорстве!
Спаситель жив; грядет, грядет он в силе!..
Могущий враг падет под Орлеаном:
Исполнилось! Для жатвы он созрел!..
Своим серпом вооружилась дева,
Пожнет она кичливые надежды;
Сорвет с небес продерзостную славу,
Взнесенную безумцами к звездам…
Не трепетать! Вперед! Не пожелтеет

Еще на ниве клас и круг луны
На небесах еще не совершится —
А ни один уже британский конь
Не будет пить из чистых вод Луары.

Бертранд

Ах! В наши дни чудес уж не бывает.

Иоанна

Есть чудеса!.. Взовьется голубица
И налетит с отважностью орла
На ястребов, терзающих отчизну;
И низразит она сего Бургунда,
Цареотступника, сего Тальбота,
Сторукого громителя небес,
С ругателем святыни Салисбури;
И побегут толпы островитян,
Затрепетав, как агнцы, перед нею…
Господь с ней будет! Бог всесильный брани
Пошлет свое дрожащее созданье;
Творец земли себя в смиренной деве
Явит земле… зане он всемогущий!

Тибо

Какой в ней дух пророчит?

Раймонд

Этот шлем
Воинственно воспламенил в ней душу:
Взгляните на нее: глаза, как звезды,
И все лицо ее преобразилось.

Иоанна

Как! Древнему престолу пасть? Стране,
Избранной славою, под вечным солнцем
Прекраснейшей, счастливому Эдему,
Стране, творцу любезной, как зеница
Его очей, рабою быть пришельца?..
Здесь рухнула неверных сила; здесь
Был первый крест, спасенья знак, воздвигнут;
Здесь прах лежит святого Людовика;
Ерусалим отсюда завоеван…

Бертранд

Вы слышите?.. Откуда вдруг открылся
Такой ей свет?.. О, дочерью чудесной,
Сосед, тебя Господь благословил.

Иоанна

Нам не иметь властителей законных,
Воспитанных единым с нами небом?
Для нас король наш должен умереть,
Неумирающий; защитник плуга,
Хранитель стад, плодотворитель нив,
Невольникам дарующий свободу,
Скликающий пред трон свой наши грады,
Покров бессилия, гроза злодейства,
Без зависти возвышенный над миром,
И человек и ангел утешенья
На вражеской земле?.. Престол законных
Властителей и в пышности своей
Для слабого приют; при нем на страже
И власть и милость; стать пред ним боится
Виновный; пред него с надеждой правый

Идет в лицо судьи смотреть без страха...

Но царь-пришлец, чужой страны питомец,

Пред кем отцов священный прах не скрыт

У нас в земле, земли не взлюбит нашей.

Кто нашим юношам товарищ не был,

Кому язык наш в душу не бежит,

Тот будет ли для нас отец в короне?

Тибо

Да защитит всевышний короля

И Францию! Нам, мирным поселянам,

Меч незнаком; нам бранного коня

Не укротить; мы будем ждать смиренно,

Кого нам даст владыкою победа!

Сражения успех есть божий суд.

Король наш тот, кто был миропомазан

В священном Реймсе, кто приял державу

Над древними гробами Сен-Дени...

Друзья, пора к работе; помни каждый
Ближайший долг свой; пусть князья земные
Земную власть по жеребью берут!
А нам смотреть в тиши на разрушенье:
Покорной нам земли оно не тронет;
Пускай пожжет селенья наши пламень,
Пускай кони притопчут наши нивы —
С младой весной взойдет младая жатва,
А низкие легко восстанут кровли.

Все, кроме Иоанны, уходят.

Явление четвертое

Иоанна *(долго стоит в задумчивости)*

Простите вы, холмы, поля родные;
Приютно-мирный, ясный дол, прости;
С Иоанной вам уж боле не видаться,
Навек она вам говорит: прости!
Друзья-луга, древа, мои питомцы,

Вам без меня и цвесть и доцветать;
Ты, сладостный долины голос, эхо,
Так часто здесь игравшее со мной,
Прохладный грот, поток мой быстротечный,
Иду от вас и не приду к вам вечно.
Места, где все бывало мне усладой,
Отныне вы со мной разлучены;
Мои стада, не буду вам оградой…
Без пастыря бродить вы суждены;
Досталось мне пасти иное стадо
На пажитях кровавыя войны.
Так вышнее назначило избранье;
Меня стремит не суетных желанье.
Кто некогда, гремя и пламенея,
В горящий куст к пророку нисходил,
Кто на царя воздвигнул Моисея,
Кто отрока Давида укрепил —
И с сильным в бой стал пастырь не бледнея, —
Кто пастырям всегда благоволил,
Тот здесь вещал ко мне из сени древа:

«Иди о мне свидетельствовать, дева!
Надеть должна ты даты боевые,
В железо трудь младую заковать;
Страшись надежд, не знай любви земныя,
Венчальных свеч тебе, не зажигать;
Не быть тебе душой семьи родныя;
Цветущего младенца не ласкать…
Но в битвах я главу твою прославлю;
Всех выше дев земных тебя поставлю.
Когда начнет бледнеть и смелый в брани,
И роковой пробьет отчизне час —
Возьмешь мою ты орифламму в длани
И мощь врагов сорвешь, как жница клас;
Поставишь их надменной власти грани,
Преобратишь во плач победный глас,
Дашь ратным честь, дашь блеск и силу трону,
И Карла в Реймс введешь принять корону».

Мне обещал небесный извещенье;
Исполнилось… и шлем сей послан им.
Как бранный Огнь – его прикосновенье,
С ним мужество, как божий херувим…
В кипящий бой несет души стремленье;
Как буря, пыл ее неукротим…
Се битвы клич! Полки с полками стали!
Взвились кони, и трубы зазвучали!

(Уходит.)

Действие первое
Явление первое

Ставка короля Карла в Шиноне.
Дюнуа. Дю Шатель.

Дюнуа

Нет! Доле не стерплю; пора покинуть
Нам короля, который сам бесславно
Себя покинул. Кровь бунтует в жилах,
И душу всю я выплакать готов,
Смотря на бедную отчизну… Боже!
Разбойники мечами города,
Старинные жилища чести, делят
И выдают их ржавые ключи
С покорностью врагу… а мы, мы здесь
В бездействии покоя расточаем
Священные спасения часы.
Лишь весть пришла, что Орлеан в осаде, —
Спешу свою Нормандию покинуть,
Лечу сюда в надежде, что король,

Готовый в бой, попки уж вывел в поле…
Но что ж? Он окружен толпой шутов;
В кругу своих беспечных трубадуров
Заботится разгадывать загадки
И лишь пиры дает своей Агнесе.
Как будто все спокойно!.. Коннетабль,
Терпенье потеряв, уже решился
Расстаться с ним… и я, и я расстанусь;
Пора судьбе на власть его предать.

Дю Шатель

Но вот и он.

Явление второе

Те же и король ***Карл****.*

Король

Друзья, скажу вам новость:
Наш коннетабль прислал мне меч свой; он…
Он просится в отставку… в добрый час!
Брюзгливей, мне уж сделался несносен;

Все не по нем; лишь он один все знает.

Дюнуа

Ах! Твердый муж бесценен в наше время!
Расстаться с ним мне было б тяжело.

Король

Друг Дюнуа привык противоречить…
Но сам же ты всегда с ним был в раздоре.

Дюнуа

Я признаюсь: он горд, досаден, скучен;
Век ничего он кончить не умел…
Но в пору он узнал сие искусство:
Он прочь идет, когда остаться – стыд.

Король

Я вижу, ты в своем веселом нраве:
Смущать его не стану… Дю Шатель,
Король Рене прислал ко мне послов…
Они певцы, их имя знаменито;
Их угостить хочу великолепно,
И каждому по цепи золотой…

(К Дюнуа.)

К чему твой смех?

Дюнуа

Ты цепи золотые

Куешь словами.

Дю Шатель

Казна уж вся давно истощена,

И денег нет…

Король

Найди; певец высокий

Без почести отселе не пойдет;

Для нас при нем наш мертвый жезл цветет;

Он жизни ветвь бессмертно-молодую

Вплетает в наш безжизненный венец;

Властителю совластвует певец:

Переселясь в обитель неземную,

Из легких снов себе он зиждет трон;

Пусть об руку идет с монархом он:

Они живут на высотах созданья.

Дю Шатель

О государь, до сих пор я щадил
Твой слух; для нас была еще надежда!
Но все сказать велит необходимость:
Не о дарах нам думать, нет! о том,
Где завтра хлеб найти себе насущный.
Растрачено все золото твое,
И наши все сокровищницы пусты;
С роптаньем ждет условной платы войско,
Грозясь твои покинуть знамена;
Не в силах я твой королевский дом
И скудною рукою содержать.

Король

Но разве нам уж средства не осталось?
Отдай в залог, что можно заложить.

Дю Шатель

Все, государь, напрасно: на три года
Доходы все вперед заложены.

Дюнуа

А срок придет... ни денег, ни залогов!

Король

Еще у нас земель богатых много.

Дюнуа

Пока щадит их Бог и меч Тальбота;
Но Орлеан в осаде; сдайся он —
Тогда паси овец с своим Рене.

Король

Насчет Рене ты любишь ум острить;
Но этот твой безобластный король
Мне в дар прислал сокровище бесценно.

Дюнуа

Избави Бог! Не право ль на Неаполь?
Несчастный дар! Оно в цене упало
С тех пор, как он пасет своих овец.

Король

То ясная забава, шутка, праздник,
Который он душе своей готовит:
Средь ужасов существенности мрачной
Он сотворил невинный, чистый мир;
Он царское, великое замыслил:
Призвать назад то время старины,

Те дни любви, когда любовь вздымала
Грудь рыцарей великим и прекрасным,
Когда в суде присутствовали жены,
Суровое смягчая нежным чувством.
В сих временах живет незлобный старец;
И в той красе, какой они пленяют
Нас в дедовских преданьях, в древних песнях —
Как божий град на светлых облаках,
Он мыслит их переселить на землю.
Он учредил верховный суд любви,
Где рыцарей дела судимы будут,
Где чистых жен святое будет царство,
Где чистая любовь для нас воскреснет —
И он меня избрал царем любви.

Дюнуа

Не столько я еще забыт природой,
Чтоб отвергать владычество любви.
И в областях любви мое наследство;
Я сын ее, она дала мне имя,

Моим отцом был Орлеанский принц —
Он не встречал красавиц непреклонных,
Зато не знал и крепких вражьих замков.
Ты хочешь быть царем любви по праву?
Храбрейшим будь из храбрых. В старых книгах
Случилось мне читать, что неразлучны
Любовь и рыцарская бодрость были;
Не пастухи, слыхал я, а герои
За круглый стол садились в древни годы.
Лишь тот, чья грудь защитой красоте,
Берет ее награду… Место боя
Перед тобой – сразись за трон наследный;
Опасность ждет – стань с рыцарским мечом
За честь венца, за славу жен прекрасных.
Когда ж, сломив врагов, из их когтей
Кровавую корону смело вырвешь —

Тогда твой час, тогда царю прилично
Венцом любви чело свое украсить.

Король *(вошедшему пажу)*

Что скажешь?

Паж

Ждут гонцы из Орлеана.

Король

Впусти.

Паж уходит.

Они пришли просить защиты…
Что отвечать? И сам я беззащитен.

Явление третье

Те же. Орлеанские чиновники.

Король

Какую весть, граждане Орлеана,
Вы принесли? Что мой надежный город?
Все так же ли с отважным постоянством

Упорную осаду отражает?

Чиновник

Ах! Государь, мы в крайности; погибель
Час от часу неизбежимей; сбиты
Все внешние твердыни; каждый приступ
Лишает нас и войска и земли;
Уж на стенах защитники редеют;
Всечасно в бой выходит рать; но с боя
Немногие приходят в город; скоро
Постигнет нас беда ужасней – голод.
В такой беде высокий Рошепьер,
Наместник твой, обычаем старинным
С врагом вступил в последний договор:
Чтоб город сдать через двенадцать дней,
Когда к нему не подоспеет войска,
Могущего осаду отразить.

Дюнуа показывает досаду.

Король

Двенадцать дней! Как мало!

Чиновник

Неприятель
Нас пропустил, и мы пришли тебя
О помощи спасительной молить.
Будь жалостлив, не медли, государь,
Иль Орлеан для Франции погибнет.

Дюнуа

Возможно ль?.. Как Сантраль мог согласиться
На гнусный этот договор?

Чиновник

О нет!
Никто не смел о сдаче и помыслить,
Пака был жив Сантраль великодушный.

Дюнуа

Его уж нет?

Чиновник

Сражаясь на стене,
За короля он с честию погиб.

Король

Сантраль погиб! Ах! В нем одном по-

гибло

Мне войско храбрых.

Входит рыцарь и говорит тихо с Дюнуа, который показывает изумление и негодование.

Что еще случилось?

Дюнуа

К тебе прислал Дуглас: его шотландцы

Волнуются, грозятся отступить,

Когда не дашь задержанной им платы.

Король *(к Дю Шателю)*

Ты слышишь?

Дю Шатель *(пожимая плечами)*

Что могу я?

Король

Обещай

Продать, что есть; в залог полкоролевства.

Дю Шатель

Напрасно все: они словам не верят.

Король

Они мое надежнейшее войско;
Ужель теперь, теперь меня покинут?

Чиновник *(на коленях)*

О государь, спаси твой Орлеан!

Король *(в отчаянии)*

Могу ль родить вам войско из земли?
В моей руке созреет ли вам жатва?
Вот грудь моя; мое пусть вырвут сердце;
Пусть выбьют из него монету; жизнью
Готов купить вам золото и войско.

Явление четвертое

Те же и ***Агнеса*** *с ларчиком в руках.*

Король *(бежит к ней навстречу)*

Агнеса, ты ль? Приди, мой утешитель;
Дай руку мне в ужасный час беды;
Отчаянье в мою теснится душу,
Но ты моя… не все еще погибло.

Агнеса

О государь!

(Смотря на предстоящих в смятении.)

Что слышу?.. Дюнуа,
Ужели?

Дюнуа

Правда.

Агнеса

Как! Такая крайность?
Солдатам платы нет, бунтует войско?

Дю Шатель

Все правда.

Агнеса *(отдавая ларчик)*

Вот вам деньги; здесь мои
Алмазы; серебро мое расплавьте
В монету; замки все мои в залог;
В залог мои прованские поместья;
Все в золото, чтоб войско успокоить!
Скорей! Беги, не медли, Дю Шатель.

Король

Что, Дюнуа? Что, Дю Шатель? Еще ли
Я беден? Нет… Взгляните на нее;
Она со мной породою равна;
Кровь Валуа не благородней крови
Ее отцов; престола украшеньем
Была б она… но ей престол не лестен.
Моею быть – одно ее желанье.
Дарами ль я ее осыпал?.. Нет!
Весенний первый цвет иль редкий плод —
Вот все мои дары… Все в жертву мне,
И ничего на жертву от меня.
И что ж теперь?.. Последнее вверяет
Она моей обманчивой судьбе.

Дюнуа

Она тебе в безумстве не уступит;
Она свое в горящий дом бросает
И бочку Данаид наполнить мыслит;
Тебя ей не спасти, себя лишь вместе
С тобою погубить.

Агнеса

Не верь ему.

Он жертвовал тебе стократно жизнью...

Ему ль дрожать за золото мое?

И не давно ль тебе с веселым сердцем

Я отдала все то, что драгоценней

И золота и перлов? Мне ли ныне

Лишь для себя спасать земное счастье?

Пойдем, все лишние убранства жизни

Отбросим прочь... О друг! Дай мне примером

Высокого пожертвованья быть;

Преобрати свой двор в военный стан

И золото в железо; брось отважно

Все, все за твой обиженный венец,

Пойдем! Беды и бедность пополам;

Пора нам сесть на бранного коня;

Пусть солнце льет свой жар на нашу грудь;

Пусть кровлею нам будут облака;

Пусть будет нам подушкой острый камень,

Безропотно снесет суровый ратник

Свою беду, когда король – пример
И твердости и самоотверженья.

Король *(усмехаясь)*

Итак, должно обещанное сбыться:
Давно, давно монахиня в Клермоне
В пророческом жару мне предсказала,
Что женщина сразит моих врагов
И мой престол наследный завоюет.
Я мнил ее найти в британском стане,
Ее искал я в материнском сердце….
Но здесь она, спасительница славы;
В священный Реймс за нею мы пойдем;
Победу даст любовь моей Агнесы.

Агнеса

Ты победишь мечом своих друзей.

Король

Раздор врагов – другая нам надежда,
Уже молва мне верная сказала,
Что охладел к союзу англичан
Мой родственник, бургундский герцог; скоро

Узнаю все; к Филиппу я Ла Гира
Послал, чтоб он озлобленного пэра
Склонил на мир и дружбе возвратил,
Всечасно жду ответа.

Дюнуа *(смотря в окно)*

Рыцарь здесь;
Сейчас сошел с коня он у крыльца.

Король

Желанный гость!.. Друзья, теперь решится:
К победе ль нам идти, иль уступить?

Явление пятое

Те же. ***Ла Гир****.*

Король

Скажи, Ла Гир, надежда или смерть?
Чего нам ждать? Скорей, двумя словами!

Ла Гир

Твой меч – вот вся теперь для нас на-

дежда.

Король

Итак, непримирим надменный герцог;
Но что же он тебе сказал в ответ?

Ла Гир

Еще не дав произнести мне слово,
Потребовал он с гордостью, чтоб выдан
Был Дю Шатель: он мыслит и поныне,
Что Дю Шатель убил его отца.

Король

Когда ж такой постыдный договор
Отвергнем мы…

Ла Гир

Тогда и мир отвергнут.

Король

И ты мое исполнил повеленье?
Сказал, что я готов с ним на мосту
У Монтеро, где пал его отец,
Сразиться?..

Ла Гир

Я твою перчатку бросил;
Я объявил, что ты, забыв свой сан,
Идешь с ним в бой на жизнь и смерть, как рыцарь.
Но гордо он ответствовал: нет нужды
Сражаться мне за то, что уж мое.
Когда же Карл столь жадничает боя,
То пусть найдет меня под Орлеаном:
У стен его я завтра с войском буду.
Так отвечал с презрительным он смехом.

Король

Но что ж? Ужель в парламенте моем
Совсем умолк священный голос правды?

Ла Гир

Немеет он пред дерзким буйством партий;
Парламентом и ты и весь твой род
Отрешены навеки от престола.

Дюнуа

Безумное властительство толпы!

Король

Но виделся ль ты с матерью моею?

Ла Гир

С твоею матерью?..

Король

Что королева?

Ла Гир

Скажу ли все?.. Был день коронованья,
Когда вошел я в Сен-Дени; граждане,
Как на триумф, разубраны все были;
Я видел ряд торжественных ворот —
И в них вступал с надменностью британец;
Усыпан был цветами путь; и, словно
Спасение отчизны торжествуя,
Рукоплескал народ за колесницей.

Агнеса

Рукоплескал… предавши короля
И растерзав отеческое сердце!

Ла Гир

Таясь в толпе, я видел, как Ланкастер,
Дитя, сидел на королевском троне
Святого Людвига, как близ него
Стояли гордые Бедфорд и Глостер,
Как наш Филипп, бургундский герцог, брат твой,
Произносил пред ним обет подданства.

Король

Неверный брат! Предатель нашей чести!

Ла Гир

Ребенок оробел и спотыкнулся,
Всходя на трон по ступеням высоким.
«Недобрый знак!» – послышалось в народе,
И поднялся отвсюду громкий хохот.
Но что же?.. Вдруг твоя родная мать…
О вечный стыд!.. приблизилась… скажу ли?

Король

Скажи.

Ла Гир

И, на руки схватив младенца,
Его сама на трон твой посадила.

Король

О сердце матери!

Ла Гир

Бургундцы сами,
Грабители, привыкшие к убийству,
При виде сем зарделись от стыда.
Но что ж она?.. Взглянувши на толпу,
Сказала вслух: французы, я для вас
Больную ветвь здоровою сменила;
Для вас навек отвергнула я сына,
Исчадие безумного отца.

Дюнуа

Чудовище!

Король

Вы слышали, друзья?
Чего ж вам ждать? Спешите возвра-

титься
В свой Орлеан и гражданам скажите,
Что сам король их клятвы разрешает.
Не у меня спасенья им искать.
Пускай идут с покорностью к Бургунд-
цу;
Он милостив; его прозванье: Добрый.

Дюнуа

Возможно ли?.. Покинуть Орлеан?

Чиновник

О государь, не отнимай от нас
Твоей руки; не отдавай на жертву
Грабительству британцев Орлеана;
В твоем венце он самый лучший перл;
Он верностью к законным королям
Всегда был знаменит.

Дюнуа

Но разве мы
Разбиты?.. Мы ль покинем поле чести,
За Орлеан меча не обнажив?
Как? Не пролив ни капли крови, ты

Осмелишься ничтожным словом вырвать
Из сердца Франции твой лучший город?

Король

Довольно кровь лилась; напрасно все;
Рука небес на мне отяготела;
Везде мои разбиты войска; я
Парламентом отвергнут; мой Париж
И весь народ врагу рукоплескают;
И кровные преследуют меня!
И все мой враг – сама родная мать!..
Мы перейдем, не медля, за Луару;
Не устоять против руки небес;
Она теперь на нас за иноземца.

Агнеса

Что слышу?.. Мы ль, в самих себе отчаясь,
Отечества постыдно отречемся?
Достойно ли тебя такое слово?
Нет, матери чудовищное дело
Минутно твой геройский дух смутило,
Войди в себя: будь снова твердый муж;

С величием беде противостань —
И победишь...

Король *(в горестной задумчивости)*

Усилия напрасны;
Ужасная свершается судьба
Над родом Валуа; его сам Бог
Отринул; мать злодействами погибель
Накликала на мой несчастный дом,
Отец мой был безумцем двадцать лет;
Безвременно моих трех старших братьев
Сразила смерть... то божий приговор:
Погибнет все шестого Карла племя.

Агнеса

В тебе оно воскреснет обновленным.
О, верь в себя! Судьбою не напрасно
Ты, младший брат, твоих погибших братьев
Был пережить назначен; не напрасно
Ты на престол нежданный возведен;
Твоя, твоя прекрасная душа

Есть избранный целитель тяжких ран,
Отечеству раздором нанесенных;
Пожар войны гражданской ты потушишь;
Мне сердце говорит: ты дашь вам мир
И Франции создатель новый будешь.

Король

Не я… Крутым и бурным временам
В правители сильнейший кормщик нужен.
Счастливить мог бы я народ спокойный —
Но с дикостью бунтующей не слажу;
Не мне мечом кровавым разверзать
Себе сердца, запершиеся в злобе.

Агнеса

Народ твой слеп; он призраком обманут;
Сей тяжкий сон не может продолжиться;
День недалек: пробудится любовь
К законным королям – в груди фран-

цузов

Она всегда жива и неизменна, —

Пробудятся и ненависть и ревность,

Врожденные двум нациям противным,

И гордый враг своим погибнет счастьем…

Не отходи ж от поприща побед,

Воюй, борись за каждый шаг земли;

Обороняй, как собственную грудь,

Твой Орлеан – скорей все переправы

Разрушь, скорее все сожги мосты,

Ведущие за грань твоей державы,

Туда, где нет уж чести, за Луару.

Король

Что мог, то все я сделал; сам, как рыцарь,

Я был готов на смертный поединок

За мой венец… но вызов мой отвергнут.

Я тщетно жизнь моих народов трачу;

Все города мои валятся в прах.

Иль, матери свирепой уподобясь,

Своих детей на жертву сам я брошу?
Нет, лучше сам погибну, их спасая!

Дюнуа

О Боже! То ль язык монарха? Так ли
Венец свой должно уступать?.. Последний
Твой подданный отважно отдает
И кровь и жизнь за мненье, за любовь
И ненависть свою; все жертва партий
Во времена войны междоусобной!
Тогда свой плуг бросает земледелец;
Старик, дитя – кидаются к мечу;
И гражданин свой город, пахарь ниву
Своей рукою жгут; и каждый рвется
Тебе служить иль вред тебе нанесть,
Чтоб отстоять души своей желанье.
Никто не даст пощады и не примет,
Как скоро честь зовет и биться должно
За идола иль Бога своего.
Итак, отбрось изнеженную жалость —

Она душе монарха неприлична;
Пускай война сама свой огнь потушит;
Не ты ее безумно воспалил.
Народ за трон себя щадить не должен —
Таков закон и вечный жребий света;
Иного мы, французы, не признаем;
И стыд той нации, которой жаль
Все положить за честь свою святую.

Король *(к чиновникам)*

Подите! Вам защитой небеса,
А я для вас ничто.

Дюнуа

Да отвратится ж
Навеки бог победы от тебя,
Как ты от Франции! Когда ты сам
Себя оставил – мы должны расстаться.
Не Англия с бунтующим Бургундцем —
Твой робкий дух тебя сгоняет с трона.
Природный дар французских королей
Геройство – ты ж не мужем быть рож-

ден.

(К чиновникам.)

Монарха нет у вас; но я за вами!
Я затворюсь в родимый Орлеан
И с ним в его развалинах погибну.

(Хочет идти.)

Агнеса

О государь! Останови его;
Он на словах жесток, но сердцем верен,
Как золото; он твой; тебя он любит;
Он за тебя лил кровь… прольет и ныне…
Признайся, Дюнуа, ты далеко
Был заведен досадой благородной…
А ты прости его суровой дружбе…
Ах, дайте мне, пока не разгорелся
В сердцах огонь вражды непримиримой,
Завременно быть вашим миротворцем.

Дюнуа смотрит на короля и ждет ответа.

Король *(к Дю Шателю)*

Мы перейдем Луару; на суда

Вели скорей все нагружать…

Дюнуа *(поспешно Агнесе)*

Прости!

(Уходит с чиновниками.)

Агнеса

Стой, Дюнуа!.. Теперь мы беззащитны!..
Беги за ним, Ла Гир, смягчи его.

Явление шестое

Король. Агнеса. Дю Шатель.

Король

Ужели трон единственное благо?
Ужель расстаться с ним так тяжело?
О нет! Я зло несноснейшее знаю:
Игрушкой быть сих дерзких, гордых душ;
Покорствовать, жить милостью вассалов,
От грубой их надменности зависеть —
Вот бедствие, вот жребий нестерпимый.

Не легче ли судьбе своей поддаться?

(К Дю Шателю.)

Исполни мой приказ.

Дю Шатель *(на коленях)*

О государь!

Король

Ни слова! Решено, поди.

Дю Шатель

Нет! Нет!
Склонись на мир с Филиппом, государь;
Другого нет спасенья для тебя.

Король

Какой совет!.. Но разве ты забыл,
Что жизнь твоя ценою примиренья?

Дю Шатель

Вот голова моя; я за тебя
Не раз ее носил в сраженье… ныне
Я за тебя ж несу ее на плаху.
Иного средства нет; предай меня
На произвол неумолимой злобы;

Пускай вражда в моей крови потухнет.

Король *(с горестью)*

Как! До того ль дошло?.. Мои друзья,
Которым вся моя душа открыта,
Мне путь стыда к спасенью выбирают!
Теперь свою всю бедность узнаю:
На честь мою доверенность погибла.

Дю Шатель

О нет!..

Король

Молчи! Не раздражай меня!
Хотя бы сто престолов мне терять —
Я не спасусь погибелию друга...
Исполни то, что я велел, иди;
Чтоб на суда немедленно грузились.

Дю Шатель

Иду.

Явление седьмое

Король. Агнеса.

Король

Не унывай, моя Агнеса.
Есть Франция для нас и за Луарой.
В благословенный край с тобой мы едем.
Смеется там безоблачное небо,
И воздух легче там, и мягче нравы
С тобою я найду, звучат там песни,
Прекраснее цветут жизнь и любовь.

Агнеса

Какой должна я страшный встретить день!
Король идти в изгнанье осужден;
Семейный дом покинуть должен сын
И с милою расстаться колыбелью…
О родина, прекрасная земля,
Прости, тебя мы вечно не увидим!

Явление восьмое

Те же. ***Ла Гир****.*

Агнеса

Ла Гир, ты здесь? А Дюнуа?

(Смотрит на него пристально.)

Но что?
Сверкает взор твой… говори, Ла Гир,
Иль новая беда?

Ла Гир

Беды прошли:
Нам небеса опять благоприятны.

Агнеса

Возможно ль! Как?

Ла Гир *(королю)*

Скорее орлеанских
Чиновников вели позвать.

Король

Зачем?

Ла Гир

Судьба войны на нашей стороне:
Дано сражение; мы победили.

Агнеса

Победа! О божественное слово!

Король

Ла Гир, меня ты льстишь молвой напрасной.
Мы победили? Нет, то слух неверный.

Ла Гир

Поверишь ты чудеснейшему скоро.
Но вот идет архиепископ; с ним
И Дюнуа.

Агнеса

О сладкий цвет победы!
Как скоро плод небесный он приносит:
Согласие и мир!

Явление девятое

Те же. ***Архиепископ. Дюнуа. Рауль.***

Архиепископ

Граф, государь,
Забудьте гнев, друг другу дайте руку;
Раздору места нет; за нас всевышний.

Король и Дюнуа обнимаются.

Король

Друзья, мое сомненье разрешите;
Я верю вам и верить вам страшусь;
Когда и как столь быстро перемена
Чудесная свершилась?

Архиепископ *(Раулю)*

Говори.

Рауль

Шестнадцать было нас знамен; мы шли
Примкнуть к тебе; наш храбрый предводитель
Был рыцарь Бодрикур из Вокулёра.
Но только мы достигли Фермантонских
Высот и в дол, Ионной орошенный,
Спустились… вдруг явился нам вдали
Равнину всю занявший неприятель.
Хотим назад… возвратный путь захвачен;
Спасенья нет, победа невозможна;
Храбрейшие упали духом, ратник

Оружие готов был кинуть; тщетно,
Советуясь, вожди искали средства
К отпору – средства нет… Но в этот миг
Свершается неслыханное чудо:
Из глубины густой дубовой рощи
Выходит к нам девица: яркий шлем
На голове; идёт, как божество,
Прекрасная и страшная да взгляд,
И темными кудрями по плечам
Летают волосы… и вдруг чело
Сиянием небесным обвилося,
Когда она, приблизившись, сказала:
«Что медлите, французы? На врага!
Будь он морских песков неисчислимей —
За вас Господь и Дева Пресвятая!»
И вмиг она из рук знаменоносца
Исторгла знамя; с ним вперед и в страшном
Величии пошла перед рядами.
Мы, изумясь, безмолвные, невольно

За дивною воительницей вслед…
И на врага ударили, как буря.
Оторопев, ударом оглушенный,
Недвижимый, испуганными смотрит
Очами он на гибельное чудо…
И вдруг – как будто стал господний ужас
Ему в лицо – он дрогнул и бежит,
Бросая, щит и меч; и по равнине
В единый миг все войско разметалось;
Забыто все; невнятен клик вождей;
Преследуем, разимый без отпора,
Бежит он, глаз не смея обратить;
В реку стремглав и конь и всадник мчатся..
И то была не битва, но убийство;
На месте их две тысячи легло.
Но более в волнах реки погибло…
А наши все остались невредимы.

Король

Неслыханно! Чудесно! Непонятно!

Агнеса

Девица совершила это чудо?
Но кто она? Откуда?

Рауль

Кто она,
Один король сию узнает тайну.
Пророчицей, посланницею Бога
Она себя зовет и обещает
До совершения луны прогнать
Врага и снять осаду Орлеана.
Ей веруя, народ сраженья жаждет;
И скоро здесь она сама явится.
Звон колоколов и шум за сценою.
Вы слышите… шумит народ… Она!

Король *(к Дю Шателю)*

Введи ее сюда.

(Архиепископу.)

Но что мне думать?
Победа нам от девы… и когда же?
Когда лишь Бог один спасти нас может..
Естественно ль? И где закон природы?

Скажи, отец, поверить ли мне чуду?

Голоса за сценой

Да здравствует спасительница-дева!

Король

Идет.

(К Дюнуа.)

Займи мое на время место;
Пророчицу мы опыту подвергнем;
Когда с небес ей послано всезнанье —
Она сама откроет короля.

Явление десятое

Прежние. ***Иоанна****, за нею чиновники орлеанские и множество рыцарей, которые занимают всю глубину сцены. С величием выступает она вперед и осматривает предстоящих одного за другим.*

Дюнуа *(с важностию)*

Ты ль, дивная…

Иоанна *(прерывает его величественно)*

Ты Бога испытуешь;

Не на своем ты месте, Дюнуа!

Вот тот, к кому меня послало небо.

(Решительно приближается к королю, преклоняет пред ним колено, потом встает и на несколько шагов отступает.)

Дюнуа сходит с места. Король остается один посреди сцены.

Король

Мое лицо ты видишь в первый раз,

Кто дал тебе такое откровенье?

Иоанна

Я видела тебя… но только там,

Где ты никем не зрим был, кроме Бога.

(Приближается и говорит таинственно.)

Ты помнишь ли, что было в эту ночь?

Тогда, как все кругом тебя заснуло

Глубоким сном – не ты ль, покинув ложе,

С молитвою пред Господом простерся?

Вели им выйти… я твою молитву

Тебе скажу.

Король

Что Богу я поверил,
Не потаю того и от людей.
Открой при них моей молитвы тайну —
Тогда твое признаю назначенье.

Иоанна

Ты произнес пред Богом три молитвы;
И первою молил ты, чтоб всевышний
Когда твой трон стяжанием неправым
Иль незаглаженной из древних лет
Виной обременен и тем на нас
Навлечена губящая война —
Тебя избрал мирительною жертвой
И на твою покорную главу
Излил за нас всю чашу наказанья.

Король *(отступая с трепетом)*

Но кто же ты, чудесная?.. Откуда?..

Все в изумлении.

Иоанна

Другая же твоя была молитва:

Когда уже назначено всевышним
Тебя лишить родительского трона
И все отнять, чем праотцы твои
Венчанные владели в сей земле, —
Чтоб сохранить тебе три лучших блага:
Спокойствие души самодовольной,
Твоих друзей и верную Агнесу.

Король закрывает лицо и плачет. Движение изумления в толпе.

(Иоанна, помолчав, продолжает.)

Скажу ль твою последнюю молитву?

Король

Довольно; верую; сего не может
Единый человек; с тобой всевышний!

Архиепископ

Откройся ж нам, всезнающая, кто ты?
В каком краю родилась? Кто и где
Счастливые родители твои?

Иоанна

Святой отец, меня зовут Иоанна;
Я дочь простого пастуха; родилась
В местечке Дом-Реми, в приходе Туля;
Там стадо моего отца пасла
Я с детских лет; и я слыхала часто,
Как набежал на нас островитянин
Неистовый, чтоб сделать нас рабами,
Чтоб посадить на трон наш иноземца,
Немилого народу; как столицей
И Францией властительствовал он…
И я в слезах молила Богоматерь:
Нас от цепей пришельца защитить,
Нам короля законного сберечь.
И близ села, в котором я родилась,
Есть чудотворный лик Пречистой Девы —
К нему толпой приходят богомольцы —
И близ него стоит священный дуб,
Прославленный издревле чудесами;
И я в тени его сидеть любила,
Пася овец, – меня стремило сердце —

И всякий раз, когда в горах пустынных
Случалося ягненку затеряться,
Пропадшего являл мне дивный сон,
Когда под тем я дубом засыпала.
И раз – всю ночь с усердною молитвой,
Забыв о сне, сидела я под древом —
Пречистая предстала мне; в руках
Ее был меч и знамя, но одета
Она была, как я, пастушкой и сказала:
«Узнай меня, восстань; иди от стада;
Господь тебя к иному призывает.
Возьми мое святое знамя, меч
Мой опояшь и им неустрашимо
Рази врагов народа моего,
И проведи помазанника в Реймс,
И увенчай его венцом наследным».
Но я сказала: «Мне ль, смиренной деве,
Неопытной в ужасном деле брани,
На подвиг гибельный такой дерзать?»
«Дерзай! – она рекла мне. – Чистой деве
Доступно все великое земли,
Когда земной любви она не знает».

Тогда моих очей коснулась…
Подъемлю взор: исполнено все небо
Сияющих крылатых серафимов;
И в их руках прекрасные лилеи;
И в воздухе провеял сладкий голос…
И так Пречистая три ночи сряду
Являлась мне и говорила: «Встань,
Господь тебя к иному призывает».
Но в третью ночь она, явясь во гневе,
Мне строгое сие вещала слово:
«Удел жены – тяжелое терпенье;
Возьми твой крест, покорствуй небесам;
В страдании земное очищенье;
Смиренный здесь – возвышен будет там».
И с словом сим она с себя одежду
Пастушки сбросила, и в дивном блеске
Явилась мне царицею небес,
И на меня с утехой поглядела,
И медленно на светлых облаках
К обители блаженства полетела.

Все тронуты. Агнеса в слезах закрывает лицо руками.

Архиепископ *(по долгом молчании)*

Должно молчать перед глаголом неба
Сомнение премудрости земной:
Здесь истине событие свидетель;
Единый Бог подобное творит.

Дюнуа

Нет, не словам – ее глазам я верю
И чистоте девической ее.

Король

Достоин ли я милости такой?
Всевидящий, необольстимый, ты,
Свидетель душ, в моей душе читаешь.

Иоанна

Покорности всегда Господь доступен;
Смирился ты – тебя он возвеличил.

Король

И так с врагом могу еще бороться?

Иоанна

Я Францию во власть твою предам.

Король

И Орлеан не будет завоеван?

Иоанна

Скорей назад Луара потечет.

Король

И Реймса я с победою достигну?

Иоанна

По трупам их тебя в него введу.

Все предстоящие рыцари, показывая мужество, гремят копьями и щитами.

Дюнуа

Вели ей стать пред нашим войском; слепо

За дивною мы бросимся вослед,

Нам вождь – ее пророческое око;

А верный ей защитник – этот меч.

Ла Гир

Будь мир на нас, будь враг в союзе с адом —

Не дрогнем, стой она лишь впереди;

Мы рады в бой. Чудесная, веди!
Сам бог побед пойдет с тобою рядом.

Король

Так, я тебе свое вверяю войско;
Его вожди твою признают власть.
Прими сей меч, сей знак верховной силы;
Покинутый строптивым полководцем,
Его кладу в достойнейшую руку;
И будь отныне ты…

Иоанна

Постой, дофин;
Орудие могущества земного
Не совершит победы. Меч другой,
Предизбранный сразить врага, я знаю,
Чудесным сном мне этот меч указан;
Мне ведомо то место, где он скрыт.

Король

Где?

Иоанна

В городе старинном Фьербуа

Кладбище есть святой Екатерины;

На древнем том кладбище есть палата,

Где множество набросано оружий —

Военная добыча древних лет, —

Меж ними скрыт мой меч обетованный

Примета ж: три лилеи золотые

Насечены на лезвии булатном.

Найди сей меч – в нем сила и победа.

Король

Немедленно исполнить, Дю Шатель.

Иоанна

И белое хочу носить я знамя,

Обшитое пурпурной полосой.

Изобразить на нем святую деву

С спасителем-младенцем на руках,

И под ее стопами шар земной;

В ее руке такое было знамя.

Король

Исполню все.

Иоанна *(к архиепископу)*

Святой архиепископ,
Моей главы коснись твоей рукою,
И дочь свою, отец, благослови.

(Становится на колена.)

Архиепископ

Не нам тебя благословлять; тобою
Сошло на нас благословенье… С Богом
Гряди; а мы, и в мудрости своей,
Слепцы.

Паж

Герольд от графа Салисбури.

Иоанна

Введи! Господь приводит к нам его.

Явление одиннадцатое

Те же. ***Герольд****.*

Король

Кем послан ты, герольд? С какою вестью?

Герольд

Найду ли здесь я Карла Валуа?

Дюнуа

Презрительный ругатель, как дерзаешь
Ты короля законного французов
Здесь на его земле не признавать?
Твой сан тебе защита; без того…

Герольд

Один король законный у французов;
Но он теперь живет в британском стане.

Король *(к Дюнуа)*

Спокойся, друг… доканчивай, герольд!

Герольд

Военачальник мой, жалея крови,
Которая пролита и прольется,
Свой грозный меч в ножнах остановил;
И, гибнущий спасая Орлеан,
С тобой вступить желает в договор.

Король

В какой?

Иоанна

Позволь мне именем твоим
Сказать ответ герольду.

Король

Говори.
Тебе решить судьбу войны иль мира.

Иоанна

Кто говорит, герольд, в твоем лице?

Герольд

Граф Салисбури, вождь британцев.

Иоанна

Лжешь,
Герольд; одни живые говорят;
И так твой вождь здесь говорить не может.

Герольд

Но вождь мой жив – и здравием и силой
Исполнен он врагам на истребленье.

Иоанна

Вчера был жив – а нынче на заре
Убит он выстрелом из Орлеана,
Когда стоял на башне Лятурнель.
Смеешься ты моей чудесной вести:
Но верь не мне – своим глазам, герольд.
Ты, в лагерь свой вступая, будешь встречен
Печальными его похоронами.
Теперь скажи: в чем ваше предложенье?

Герольд

Когда тебе все тайное открыто —
Его сама ты знаешь без меня.

Иоанна

Но знать его не нужно мне теперь.
Внимай, герольд, внимай и повтори
Мои слова британским полководцам:
Ты, английский король, ты, гордый Глостер,
И ты, Бедфорд, бичи моей страны,
Готовьтесь дать всевышнему отчет
За кровь пролитую; готовьтесь выдать

Ключи градов, отъятых вопреки
Святейшего божественного права.
От Господа предизбранная дева
Несет вам мир иль гибель – выбирайте!
Вещаю здесь, и ведомо да будет:
Не вам, не вам всевышний завещал
Святую Францию – но моему
Владыке, Карлу; он от Бога избран;
И вступит он в столицу с торжеством,
Любовию народа окруженный…
Теперь, герольд, спеши к твоим вождям;
Но знай, когда с сей вестию до стана
Достигнешь ты – уж дева будет там,
С кровавою свободой Орлеана.

(Уходит; все за нею.)

Действие второе
Явление первое

Место, окруженное утесами. Ночь.

Тальбот. Лионель. Герцог Бургундский. Фастольф. Шатильон. Солдаты.

Тальбот

Здесь можем мы, под этими скалами,
Разбить шатры; здесь место безопасно;
Сюда сберем скорее беглецов,
Расстроенных внезапностью и страхом.
По высотам расставить стражу. Правда,
Преследовать не будут ночью нас;
Хотя б они имели крылья – нам
Нельзя теперь бояться нападенья:
Но все нужна предосторожность; враг
Успехом ободрен, а мы разбиты.

Фастольф уходит с солдатами.

Лионель

Разбиты! Мы! Неверная судьба!
Возможно ли постигнуть, чтоб француз
Торжествовал и нас бегущих видел…
О Орлеан, могила нашей славы,
Честь Англии погибла пред тобой!
Постыдное, презрительное бегство!
Поверят ли грядущие лета,
Чтоб женщиной был прогнан победитель
При Пуатье, Креки и Азинкуре?

Герцог

Утешимся; не силой человека
Разбиты мы, но силой чародейства.

Тальбот

Нет, силой нашего безумства… Герцог,
Ужель и ты испуган привиденьем?
Но суеверие не оправданье
Для робких; первый ты бежал с твоими.

Герцог

Но кто же устоял? Все побежало.

Тальбот

Нет, прежде всех твое крыло смешалось.

Не вы ли в лагерь к нам вломились с воплем:

«Пропали! Ад за Францию воюет!»

И не тогда ль смятенье стало общим?

Лионель

Вы первые бежали, это правда.

Герцог

На первых нас ударил неприятель.

Тальбот

Он угадал, что вы не устоите,

Что робкие и храбрых увлекут.

Герцог

Как?.. Я ль один виною пораженья?

Лионель

Свидетель Бог, без вас бы Орлеана

Не потерять нам...

Герцог

Так! Но потому,
Что вы без нас его б и не видали.
Кто вам открыл во Францию дорогу?
Кто руку вам защитную простер
При выходе на брег враждебно-чуждый?
Кем Генрих ваш в Париже коронован?
Кто покорил ему сердца французов?..
Не будь моя могущая рука
Вожатый ваш – вы дыма б не видали,
Встающего вдали с французской кровли.

Лионель

Так! Будь в словах напыщенных победа —
Ты был бы здесь один завоеватель.

Герцог

Раздражены утратой Орлеана,
Хотите вы всю желчь напрасной злобы
На верного союзника пролить.

Но кто ж у вас похитил Орлеан?

Не вы ли? Он готов был покориться —

Кто помешал?.. Корысть и зависть ваша.

Тальбот

Не для тебя его мы осаждали.

Герцог

Уйди я с войском... что б тогда вы были?

Лионель

Все то ж, что в день победы азинкурской,

Когда с тобой и с Францией одни

Мы сладили.

Герцог

Но цену дорогую

За мой союз регент ваш заплатил.

Тальбот

Он стоит нам теперь еще дороже:

Он чести нас лишил пред Орлеаном.

Герцог

Молчи, Тальбот, иль будешь сожалеть!
Затем ли я отечества отрекся
И на себя навлек позор измены,
Чтобы сносить ругательства пришельцев?
Зачем я здесь? За что сражаюсь с Карлом?
Когда служить неблагодарным должно —
Верней служить родному королю.

Тальбот

Мы знаем: ты в переговоры с Карлом
Уже вступил… но верь, что от измены
Себя мы защитим.

Герцог

Великий Боже,
Что слышать мне досталось?.. Шатильон,
Собрать полки! Сей час отступим!..

Шатильон уходит.

Лионель

С Богом

Британия всегда торжествовала,
Когда ее надежный меч один
Разил, не ждав союзников неверных.
Всяк за себя сражайся; кровь француза
С британскою не породнится кровью.

Явление второе

Те же. ***Королева Изабелла****.*

Королева

Возможно ли? Что слышу, полководцы?
Какой враждебный дух вас обуял!
Вы на себя раздором безрассудным
Постыдную накличете погибель.
В согласии теперь спасенье наше…
Останови полки свои, Филипп;
А ты, Тальбот достойно-славный, руку
В знак мира дай обиженному другу…
Тебя зову на помощь, Лионель,
Скажи вождям мирительное слово.

Лионель

Нет, я молчу! Мне все равно; и лучше
Разрознить то, чему нельзя быть вместе.

Королева

Ужель и здесь владычествует ад,
Столь гибельно смутивший нас в сраженье?
Скажите, кто зачинщик был? Тальбот,
Ты ль, выгоду свою пренебрегая,
Достоинство союзника обидел?
Но что начнешь, союз его отринув?
Не им ли ваш король на троне нашем?
Кого венчал, того и развенчать
Ему легко. Пускай нахлынет вся
Британия на наши берега —
Не победит, когда согласны будем:
Лишь Франция для Франции опасна.

Тальбот

Союзника надежного я чту,
Но долг вождя предателей беречься.

Герцог

Кто пренебрег коварно благодарность,
Тому знаком и лжи язык бесстыдный.

Королева

Как, герцог, ты ль забудешь честь и руку
Подашь руке, еще облитой кровью
Предательски убитого отца?
Безумие поверить, чтоб дофин,
К погибели тобою приведенный,
Тебе твой стыд простить от сердца мог.
Над бездной он и пасть в нее готов…
Ты ль сам свое творенье уничтожишь?
Здесь, здесь твои друзья; в союзе тесном
С Британией спасение твое.

Герцог

О мире я с дофином и не мыслил;
Но как молчать?.. Могу ль снести презренье
И дерзкую хвастливость пришлецов?

Королева

Не обвиняй горячности минутной.

Прискорбен вождь: победой он обманут;

В несчастии мы все несправедливы;

Спеши же с ним обняться; примиритесь,

Пока раздор еще не разгорелся.

Тальбот

Что скажешь, герцог? Кто душою прав,

Тому легко покорствовать рассудку;

Я убежден советом королевы.

Забудь мои поспешные слова

И руку мне залогом дружбы дай.

Герцог

Согласен, вот рука; необходимость

Велит мне гнев правдивый укротить.

Королева

И хорошо; скорей запечатлейте

Союз ваш крепким, братским поцелуем —

И на ветер все гневные слова.

Герцог и Тальбот обнимаются.

Лионель *(смотря на них, про себя)*

Надежен мир, подписанный мегерой!

Королева

В сраженье мы разбиты, полководцы,
И счастье не за нас; но бодрость нашу
Сразит ли неуспех? Пускай дофин
Отчаялся в защите неба, ад
В сообщники зовет… напрасно губит
Он душу: ад его не защитит.
Будь дева их вождем победоносным —
За вас его разгневанная мать.

Лионель

Нет, королева, мой совет: в Париж
Вам возвратиться; нам не нужно женщин.

Тальбот

Так, признаюсь, с тех пор, как в стане вы,
Нам ни на что благословенья нет.

Герцог

Подите; вам при войске быть не должно;

На вас глядит неблагосклонно ратник.

Королева *(смотря на каждого с изумлением)*

И ты за них! И ты к неблагодарным,

Филипп, пристал ругаться надо мной!

Герцог

Нет, королева, рать теряет бодрость;

Противно ей за вас идти в сраженье.

Королева

Возможно ль? Вас едва я примирила —

И вы меня согласны уж отречься.

Тальбот

Мадам, уйдите! Мы не побоимся

И чорта, если только вас не будет.

Королева

Но знать хочу, в союзе мы иль нет?

Не за одно ль сражаемся мы дело?

Тальбот

Не за одно; мы рыцарски стоим

За честь отечества, за наше право.

Герцог

Я за отца убийцам отомщаю;
Сыновний долг вложил мне в руку меч.

Тальбот

Но, признаюсь, поступки ваши с сыном
И человечеству и божеству
Противны.

Королева

Проклят будь он в чадах чад;
Над матерью своею он ругался.

Герцог

Он мстил за честь супруга и отца.

Королева

Он быть дерзнул судьей моих деяний!
Он мать свою на ссылку осудил!
Мне, мне его простить? Скорей погибну —
Скорей, чем дать ему престол наследный...

Тальбот

Вы честь свою готовы посрамить.

Королева

Не знаете вы, слабые сердца,
Что чувствует обиженная мать.
Без меры я люблю и ненавижу,
Чем ближе к сердцу враг – и будь он сын, —
Тем ненависть моя непримиримей,
Когда он грудь, питавшую его,
Дерзнул пронзить в богоотступной злобе.
Сама своей рукою истреблю
Я бытие, дарованное мною.
Но вы за что ведете с ним войну?
На трон его какое ваше право?
Обидой ли, нарушенным ли долгом
Он на себя навлек гоненье ваше?
О нет! Корысть и зависть – ваш закон.
Но мне он сын – властна я ненавидеть.

Тальбот

Так, мать свою по мщенью знает он.

Королева

Ругатели презренные, не вам
Правдивый свет коварством обмануть.
На Францию разбойнически руку
Простерли вы, британцы, но по праву
Здесь шагу нет земли подвластной вам;
Вы хищники. А ты, бургундский герцог,
Ты, обесславленный прозваньем: Добрый,
Не ты ль врагам свою отчизну продал?
Не ты ль отцов наследие пришельцу,
Грабителю отдал на разграбленье?
А все твердит язык ваш: справедливость,
О лицемеры, вас я презираю.
На мне личины нет; с лицом открытым
Иду на суд; пусть судит свет...

Герцог

То правда!

Вы мненье света подтвердить сумели.

Королева

Во мне есть страсти, кровь во мне кипит,

Как и у всех; сюда как королева

Явилась я, чтоб жить, а не сиять!

Должна ль от радостей я отказаться

Из-за того, что отдала судьба

Безумцу мужу молодость мою?

Свобода мне дороже самой жизни,

И кто меня поносит... Но к чему

Мне с вами спорить о своих правах?

У вас густая кровь коснеет в жилах,

Не наслажденье, ярость вам знакома.

А этот герцог вечно меж добром

И злом колеблется и не умеет

Любить и ненавидеть всей душой.

В Мелун я еду. Дайте мне его

(указывая на Лионеля)

Как провожатого, для развлеченья.

Решайте, как хотите! Мне нет дела
Ни до бургундцев, ни до англичан.

(Кивает своему пажу и хочет уйти.)

Лионель

Не беспокойтесь! Юношей отборных
Из пленников мы к вам пошлем в Мелун.

Королева *(останавливаясь)*

Вы годны лишь владеть мечом; французы
Одни умеют говорить галантно.

(Уходит.)

Явление третье

Тальбот. Герцог. Лионель.

Тальбот

Вот женщина!..

Лионель

Что делать, полководцы?
Все ль отступать, иль, быстро обра-

тившись,
Решительным ударом истребить
Бесславие последнего сраженья?

Герцог

Мы слабы; все расстроены полки;
И ратником владычествует ужас.

Тальбот

Нас победил слепой, минутный страх —
Незапное могущество мгновенья;
Но робкого воображенья призрак
Исчезнет сам, увиденный вблизи;
И мой совет: с рассветом переправить
Через реку все воинство и стать
В лицо врагу.

Герцог

Подумайте.

Лионель

Но, герцог,
Что думать здесь? Минута драгоценна;

Теперь для нас один удар отважный
Решит навек: бесчестье или честь.

Тальбот

Так, решено; и завтра мы сразимся,
Чтоб истребить мечту, перед которой
Все наше войско в страхе цепенеет.
Увидим мы: Тальботова меча
Осмелится ль отведать чародейка?
Когда она со мною выйдет в бой —
Тогда одним все кончено ударом;
Когда же нет, и, верьте, не посмеет,
Тогда и страх волшебный истреблен.

Лионель

Дай мне, Тальбот, с ней выйти в поединок.
Не обнажив меча, ее живую
В виду всего их войска принесу
В британский стан.

Герцог

Не слишком на себя
Надейся, Лионель.

Тальбот

Сведи нас Бог —
Ее ласкать моя рука не станет.
Теперь пойдем; истраченные силы
Возобновим минутою покоя;
Но только день займется – на сраженье.

Уходят.

Явление четвертое

Темная ночь. Вдали показывается ***Иоанна*** *в шлеме, в панцыре; остальная одежда женская; в руках ее знамя. За нею* ***Дюнуа***, ***Ла Гир***, *множество рыцарей и солдат. Они сперва являются на высотах, осторожно пробираются между утесами, потом сходят на сцену.*

Иоанна *(окружающим ее рыцарям)*

Мы стражу обошли – и вот их лагерь;
Нам мрак не изменил; теперь пора
С себя сложить покров безмолвной ночи;
Пусть в ужасе погибельную близость

Узнает нашу враг... Ударьте разом,

Воскликнув: Бог и дева!

Между тем беспрестанно подходит войско; оно занимает, наконец, всю глубину сцены.

Солдаты *(гремя оружием)*

Бог и дева!

Стражи *(за сценою)*

К оружию!

Иоанна

Огня! Зажечь шатры!

Пускай пожар удвоит их тревогу!

Извлечь мечи! Рубить и истреблять!

Все солдаты обнажают мечи и бегут за сцену; Иоанна хочет за ними следовать.

Дюнуа *(удерживая ее)*

Иоанна, стой; свое ты совершила;

Мы введены тобой в средину стана,

И в руки нам врага ты предала —

Довольна будь, от боя удались

И нам оставь кровавую расправу.

Ла Гир

Так, пролагай для войска путь победы;
Неси пред ним святую орифламму;
Но до меча сама не прикасайся,
Чтоб о тебе не ведал бог сражений;
Обманчив он, и слеп, и беспощаден.

Иоанна

Кто путь мне заградит? Кто остановит
Мной властвующий дух?.. Лети стрела,
Худа ее стрелок послал могучий,
Где гибель, там должна Иоанна быть;
Не в этот час, не здесь она падет;
Ей короля в короне видеть должно;
Доколь она всего не совершила —
Ее главы не тронет вражья сила.

(Уходит.)

Ла Гир

Друг Дюнуа, пойдем за ней; пусть будет
Ей наша грудь защитой.

(Уходит.)

Явление пятое

Английские солдаты бегут через сцену, потом ***Тальбот****.*

Один солдат

Дева! Дева!

Другой

Кто?

Первый

Дева в лагере!

Другой

Не может быть!
Как в лагерь ей зайти?

Третий

На облаках
Примчалась, с ней все бесы заодно!

Множество бежит через сцену.

Спасайтеся!.. Бегите!.. Все пропало!

Тальбот *(за ними)*

Куда вы?.. Стой! Не видят и не слышат.
Разрушена покорность, страх бунтует;
Как будто ад все ужасы свои
Наслал на нас и вдруг одно безумство
Постигло всех; и робкий и бесстрашный
Бегут; отпора нет, весь лагерь
Внезапная погибель обхватила.
Ужель во мне одном осталась память,
А все вокруг меня в чаду безумства?
И так опять бежать от малодушных,
Во всех боях бежавших перед нами!..
Но кто ж сия владычица судьбы,
Ужасная решительница битвы,
Дающая и львиную отважность,
И ратный дух, и силу малодушным?..
Обманщица ль под маскою геройства
В презренный страх бесстрашных приведет
И женщина ль – о вечный стыд! – исторгнет
Из рук моих награду славы?

Солдат *(бежит через сцену)*

Дева!

Беги! Беги! Спасайся, полководец!

Тальбот *(гонится за ним с мечом и убивает его)*

Безумец! Вот тебе мое спасенье!

Никто не смей о бегстве поминать!

(Уходит.)

Явление шестое

Сцена открывается. На высотах виден пылающий английский лагерь.

Бегство и преследование; стук оружия и гром барабанов. Чрез несколько времени является ***Монгомери****.*

Монгомери

Куда бежать?.. Кругом враги, везде погибель!

Там вождь разгневанный, карающим мечом

Дорогу заслонив, навстречу смерти

гонит;

А здесь ужасная… повсюду, как пожар

Губительный, она свирепствует… И нет

Защитного куста, пещеры темной нет.

Зачем переплывал я море?.. Бедный! Бедный!

Обманутый любимою мечтой, я здесь

Искал в бою прекрасной славы… что ж нашел?

Моей судьбы неодолимая рука

Меня в сей бой на гибель привела… Почто

Не на брегу моей Саверны я теперь,

В дому родительском, где матерь я покинул

В печали, где моя цветущая невеста?

Иоанна является вдали на утесе, освещенная пламенем пожара.

О страх!.. Что вижу я?.. Ужасная идет;

Из племени, сияя грозно, поднялась

Она, как мрачное страшилище из ада…

Куда спасусь?.. За мною огненные очи
Уж погнались; уже бросает на меня
Издалека неизбежимых взоров сеть;
Я чувствую, уже волшебный узел мне
Опутал ноги; я прикован к месту, силы
Для бегства нет; я принужден – хоть вся душа
Противится – смотреть на смертоносный образ.
Иоанна делает несколько шагов и опять останавливается.
Подходит… Буду ль ждать, чтоб грозная ко мне
Приблизилась?.. Моля о жизни, обниму
Ее колена; может быть, ее смягчу.
В ней сердце женщины; слезам она доступна.

(Хочет идти к ней навстречу; Иоанна быстрыми шагами к нему подступает.)

Явление седьмое

Монгомери. Иоанна.

Иоанна

Стой! Ты погиб! Британка жизнь тебе дала.

Монгомери *(падает пред нею на колена)*

Помедли, грозная; не опускай руки

На беззащитного; я бросил меч и щит;

Я пред тобой обезоруженный, в слезах;

Оставь мне свет прекрасной жизни; мой отец.

Богат поместьями в цветущей стороне

Валлийской, где Саверна по густым лугам

Катит веселый свой поток; там много нив

Обильных у него; и злато и сребро

Он даст, чтоб выкупить единственного сына,

Когда к нему дойдет молва его неволи.

Иоанна

Обманутый, погибший, в руку девы ты

В неумолимую достался; из нее

Ни избавления, ли выкупа уж нет;

Когда б у крокодила ты во власти был,

Когда б ты трепетал под тяжкой лапой тигра

Или детей младых у львицы истребил —

Тебе осталась бы надежда на пощаду.

Но встреча с девою смертельна… Я вступила

С могуществом нездешним, строгим, недоступным,

Навек в связующий ужасно договор

Все умерщвлять мечом, что мне сражений бог

Живущее пошлет на встречу роковую.

Монгомери

Ужасна речь твоя, но взор твой ясно-тих!

И, зримая вблизи, уже ты не страшна;

Всю душу мне пленил твой милый, кроткий лик…

Ах! Женской прелестью и нежностью твоей

Молю тебя: смягчись над младостью моею.

Иоанна

Не уповай на нежный пол мой; не зови

Меня ты женщиной… Подобно бестелесным

Духам, не знающим земного сочетанья,

Не приобщаюсь я породе человека.

Престань молить… под этой броней сердца нет.

Монгомери

Душевластительным, святым любви законом,

Перед которым все смиряется, молю:

Смягчись! На родине меня невеста ждет,

Прекрасная, как ты, в прекрасном цвете жизни;

И ждет она возврата моего в печали.

О, если ты сама любовь знавала, если

Ждешь счастья от любви, – не разрывай жестоко

Двух сочетавшихся любовию сердец.

Иоанна

Ты именуешь здесь богов земных и чуждых,

Не чтимых мной и мной отверженных; вотще

Зовешь любовь, не знаю я об ней и вечно

Моя душа не будет знать ее закона.

Готовься жизнь оборонять – твой час настал.

Монгомери

Увы! Смягчись моих родителей судьбою;

Они ждут сына… о своих ты вспомни, верно

И день и ночь они тоскуют по тебе.

Иоанна

Несчастный! Ты родителей напомнил мне.

Но сколько здесь от вас бесчадных матерей!

И сколько чад осиротелых и невест,

Безбрачно овдовевших!.. Пусть теперь узнают

И матери британские, как тяжко тратить

Надежду жизни, милых чад! Пусть ваши вдовы

Поймут, что значит скорбь по милых невозвратных.

Монгомери

Увы! Погибну ль на чужбине, не оплакан?

Иоанна

Но кто вас звал в чужую землю – истреблять

Цветущее богатство нив, нас из домов

Семейных выгонять и пламенник войны

Вносить в спокойное святилище градов?..

Мечтали вы, в надменности души своей,

Свободно дышащим французам дать неволю

И Францию великую, как челн покорный,

Пустить вослед за вашим гордым кораблем...

О вы, безумцы! Наш державный герб прибит

К престолу Бога; легче вам сорвать звезду

С небес, чем хижину единую похитить

У Франции неразделимо-вечной... Час

Возмездия ударил: ни один живой

Не проплывет в обратный путь святого моря,

Сей грани, Божеством уставленной меж нами,

Которую безумно вы переступили.

Монгомери *(опускает ее руку)*

И так погибнуть, смерть ужасную увидеть?..

Иоанна

Умри, друг... и зачем так робко трепетать

Пред смертию, пред неизбежною?..

Смотри,

Кто я. Простая дева; бедною пастушкой

Родилась я; и меч был чужд моей руке,

Привыкнувшей носить невинно-легкий посох…

Но вдруг, отъятая от пажитей домашних,

От груди милого отца, от милых сестр,

Я здесь должна… должна – не выбор сердца, голос

Небес меня влечет – на гибель вам, себе

Не в радость, призраком карающим бродить,

Носить повсюду смерть, потом… быть жертвой смерти.

И не взойдет мне день свидания с семьею;

Еще для многих вас погибельна я буду;

И много сотворю вдовиц; но, наконец,

Сама погибну… и свершу свою судьбу.

Сверши ж свою и ты… берись за бодрый

меч,

И бой начнем за милую добычу жизни.

Монгомери *(встает)*

Итак, когда ты смертная, когда мечу

Подвластна, как и мы, сразимся; мне, быть может,

За Англию назначено тебе отмстить.

Я жребий свой кладу в святую руку Бога;

А ты, призвав на помощь весь твой страшный ад,

Отступница, дерись со мной на жизнь и смерть.

(Схватывает меч и щит и нападает на нее.)

Вдали раздается военная музыка. Чрез несколько минут Монгомери падает.

Иоанна

Твой рок привел тебя ко мне… прости, несчастный!

(Отходит от него и останавливается в размышлении.)

О благодатная! Что ты творишь со мною?

Ты невоинственной руке даруешь силу;

Неумолимостью вооружаешь сердце;

Теснится жалость в душу мне; рука, готовясь

Сразить живущее создание, трепещет,

Как будто храм божественный ниспровергая;

Один уж блеск изъятого меча мне страшен…

Но только повелит мой долг готова сила;

И неизбежный меч, как некий дух живой,

Владычествует сам трепещущей рукой.

Явление восьмое

Иоанна. ***Рыцарь*** *с опущенным забралом.*

Рыцарь

Ты здесь, отступница?.. Твой час ударил;

Тебя давно ищу на поле ратном;

Страшилище, созданье сатаны,
Исчезни; в ад сокройся, призрак адский.

Иоанна

Кто ты?.. Тебя послал не добрый ангел
Навстречу мне… по виду не простой
Ты ратник; мнится мне, ты не британец;
Бургундский герб ты носишь на щите,
И меч мой сам склонился пред тобою.

Рыцарь

Проклятая! Не княжеской руке
Тебя бы поразить; под топором
Презренным палача должна бы ты
На плахе умереть – не с честью пасть
Под герцогским Бургундии мечом.

Иоанна

Итак, ты сам державный этот герцог?

Рыцарь *(поднимая забрало)*

Я… Трепещи, конец твой наступил;
Теперь тебе не в помощь чародейство;

Лишь робких ты досель одолевала —
Муж твердый ждет тебя…

Явление девятое

Те же. ***Дюнуа***. ***Ла Гир***.

Дюнуа

Постой, Филипп;
Не с девами, но с рыцарями бейся;
Мы защищать пророчицу клялися;
Нам прежде грудь пронзить твой должен меч.

Герцог

Я не страшусь ни хитрой чародейки,
Ни вас, рабов презренных чародейства.
Стыдися, Дюнуа; красней, Ла Гир;
Унизили вы рыцарскую храбрость;
Вы сан вождей на сан оруженосцев
Отступницы коварной променяли…
Я жду вас, бьемся… Тот в защите Бога
Отчаялся, кто ад зовет на помощь.

Обнажают мечи.

Иоанна *(становится между ними)*

Стой!

Герцог

Прочь!

Иоанна

Ла Гир, останови их. Нет!
Не должно здесь французской литься крови,
И не мечом решить сей спор; иное
На небесах назначено: я говорю,
Остановитесь, мне внемлите, духу
Покорствуйте, гласящему во мне.

Дюнуа

Зачем ты мой удерживаешь меч?
Он дать готов кровавое решенье;
Готов упасть карательный удар,
Отмщающий отечества обиду.

Иоанна

Ни слова, Дюнуа… Ла Гир, умолкни,
Я с герцогом Бургундским говорю.

Все молчат.

Что делаешь, Филипп? И на кого
Ты обнажил убийства жадный меч?
Сей Дюнуа – сын Франции, как ты;
Сей храбрый – твой земляк и сослуживец;
И я сама – твоей отчизны дочь;
Все мы, которых ты обрек на гибель,
Принадлежим тебе, тебя готовы
Принять в объятия, склонить колена
Перед тобой почтительно желаем
И для тебя наш меч без острия.
В твоем лице, под самым вражьим шлемом,
Мы зрим черты любимого монарха.

Герцог

Волшебница, ты жертву обольстить
Приманкою сладкоречивой мыслишь;
Но не меня тебе поймать; мой слух
Оборонен от сети слов коварных;
Твоих очей пылающие стрелы
От твердых лат души моей отпря-

нут…

Что медлишь, Дюнуа?.. Сразимся; биться

Оружием должны мы, не словами.

Дюнуа

Сперва слова, потом удары; стыдно

Бояться слов; не та же ль это робость,

Свидетельство неправды?

Иоанна

Нас не крайность

Влечет к твоим стопам, и не пощады

С покорностью мы просим… оглянись!

Британский стан лежит в кровавом пепле,

И поле все покрыли ваши трупы;

Ты всюду гром трубы французской внемлешь…

Всевышний произнес: победа наша!

Но лаврами прекрасного венца

С тобою мы готовы поделиться…

О, возвратись! Враг милый, перейди

Туда, где честь, где правда и победа.

Небес посланница, сама я руку
Тебе даю; спасительно хочу я
Тебя увлечь в святое наше братство;
Господь за нас! Все ангелы его —
Ты их не зришь – за Францию воюют;
Лилеями увенчаны они;
И белизне сей чистой орифламмы
Подобится святое наше дело;
Его символ: божественная дева.

Герцог

Прельстительны слова коварной лжи,
Ее ж язык – простой язык младенца;
И адский дух, вселившийся в нее,
Невинности небесной подражает.
Нет! страшно ей внимать… К мечу! Мой слух,
Я чувствую, слабей моей руки.

Иоанна

Ты мнишь, что я волшебница, что ад
Союзник мой… но разве миротворство,
Прощение обид, есть дело ада?

Согласие ль из тьмы его исходит?
Что ж человечески прекрасней, чище
Святой борьбы за родину? Давно ли
Сама с собой природа в споре, небо
С неправой стороны и ад за правду?
Когда же то, что я сказала, свято —
Кто мог внушить его мне, кроме неба?
Кто мог сойти ко мне в мою долину,
Чтобы душе неопытной открыть
Великую властителей науку?
Я пред лицом монархов не бывала,
Язык мой чужд искусству слов... но что же?
Теперь тебя должна я убедить —
И ум мой светел, зрю дела земные;
Судьба держав, народов и царей
Ясна душе младенческой моей;
Мои слова как стрелы громовые.

Герцог *(смотрит на нее с изумлением)*

Что я? И что со мной?.. Какая сила
Мой смутный дух внезапно усмирила?..
Обманчив ли сей трогательный вид?

Нет! Чувствую, не адский обольститель

Меня влечет; мне сердце говорит:

С ней Бог, она небес благовеститель.

Иоанна

Он тронут… так, он тронут; не напрасно

Молила я… лицо его безгневно!

Его глаза миролюбиво-ясны…

Скорей… покинуть меч… и сердце к сердцу!

Он плачет!.. Он смиряется!.. Он наш!

(И меч и знамя выпадают из рук ее; она бежит к герцогу, обнимает его в сильном движении.)

Ла Гир и Дюнуа бросают мечи и стремятся в объятия герцога.

Действие третье
Явление первое

Дворец короля Карла в Шалоне на Марне.
Дюнуа. Ла Гир.

Дюнуа

Мы верные друзья и сослуживцы,
Мы за одно вооружились дело,
Беды и смерть делили дружно мы.
Ужель теперь любовь разлучит нас,
Превратною судьбой не разлученных?

Ла Гир

Принц, выслушай.

Дюнуа

Ла Гир, ты любишь деву;
И тайный твой мне замысел известен.
Я знаю, ты пришел сюда просить
У короля Иоанниной руки.
Не может быть, чтоб храбрости твоей

Он отказал в награде заслуженной;
Но знай, Ла Гир, чтоб ею обладать,
Сперва со мной…

Ла Гир

Спокойся, Дюнуа.

Дюнуа

Не блеском я минутной красоты,
Как юноша кипящий, очарован;
Любви моя упорная душа
До встречи с сей чудесною не знала;
Но здесь она, предизбранная Богом
Избавить Францию, моя невеста;
И ей моя душа при первой встрече
Любовию и клятвой отдалася,
Могущий муж могущую подругу
Сопутником житейским, избирает;
Я сильную, пылающую грудь,
Хочу прижать ко груди равносильной.

Ла Гир

Не мне с тобой достоинством равняться,

Не мне с твоей великой славой спорить;

С кем Дюнуа идет в единоборство,

Покорно тот без боя отступи.

Но вспомни, кто она? Дочь земледельца.

Приличен ли тебе такой союз?

Кто твой отец? И с кровью королей

Смешается ль простая кровь пастушки?

Дюнуа

Она небесное дитя святой

Природы, как и я; равны мы саном.

И принцу ли бесславно руку дать

Ей, ангелов невесте непорочной?

Блистательней земных корон сияют

Лучи небес кругом ее главы;

Невидимы, ничтожны и презренны

Пред нею все величия земли;

Поставьте трон на трон, до самых звезд

Воздвигнитесь... но все вам не достиг-

нуть
Той высоты, на коей предстоит
Нам в ангельском величестве она.

Ла Гир

Пускай решит король.

Дюнуа

Нет! Ей одной
Решить. Она свободу нам спасла —
Пускай сама останется свободна.

Явление второе

Те же. ***Король. Дю Шатель. Шатильон. Агнеса.***

Ла Гир

Вот и король.

Король *(к Шатильону)*

Он будет? Он готов
Меня признать и дать обет подданства?

Шатильон

Так, государь; в Шалоне всенародно
Желает пасть Филипп, бургундский герцог,
К твоим стопам; и мне он повелел
Приветствовать тебя, как короля,
Законного владыку своего;
За мною вслед он скоро сам здесь будет.

Агнеса

Он близко, день стократ благословенный!
Желанный день согласия и мира!

Шатильон

С ним двести рыцарей; перед тобой
Готов склонить свои колена герцог,
Но мыслит он, что ты того не стерпишь
И родственно прострешь ко брату руки.

Король

Моя душа летит к нему навстречу.

Шатильон

Желает он, чтоб о вражде минувшей
Не поминать при первой вашей встрече.

Король

Минувшее навеки позабыто;
Лишь ясные дни в будущем я вижу.

Шатильон

За всех своих ходатайствует герцог:
Прощение без исключенья всем.

Король

Всем! Всем! Они опять мое семейство!

Шатильон

Не исключать и королевы, если
На мир с тобой она согласна будет.

Король

Не я воюю с ней, она со мною;
Конец вражде, когда ей мир угоден.

Шатильон

Двенадцать рыцарей залогом мира.

Король

Мне слово свято.

Шатильон

Пусть архиепископ
Пред алтарем присягой обоюдной
Спасительный союз сей утвердит.

Король

Не будь мне счастья в царствии небесном,
Когда моя рука и сердце врозь.
Какой еще залог желает герцог?

Шатильон *(посмотрев на Дю Шателя)*

Здесь есть один… присутствием своим
Он возмутит свиданья сладость.

Дю Шатель удаляется молча.

Король

Друг,
Поди! Пускай смирит Филиппа время;
Дотоль его присутствия чуждайся.

(Смотрит за ним вослед, потом бежит к нему и обнимает его.)

О верный друг, ты более хотел

За мой покой на жертву принести.

Шатильон *(подавая свиток)*

Здесь прочие означены статьи.

Король

Все наперед бесспорно утверждаю.
Что дорого за друга? – Дюнуа,
Возьми с собой сто рыцарей избранных
И к герцогу с приветствием спеши.
Должны надеть зеленые венки
Солдаты все для встречи братьев; город
Торжественно убрать, и звон
Колоколов пускай провозгласит,
Что Франция с Бургундией мирится,
Но что?.. Трубят!

Звук трубы.

Паж *(вбегая поспешно)*

Бургундский герцог в город
Вступает.

Дюнуа

Рыцари, к нему навстречу!

(Уходит с Ла Гиром и Шатильоном.)

Король

Агнеса, плачешь?.. Ах! И у меня
Нет сил для этой радостной минуты;
Сколь много жертв досталось смерти прежде,
Чем мирно мы увидеться могли.
Но стихнула свирепость бури; день
Сменил ночную тьму; настанет время,
И нам плоды прекрасные созреют.

Архиепископ *(смотря в окно)*

Народ со всех сторон, и нет ему
Дороги; на руках его несут,
Сорвав с коня; целуют платье, шпоры…

Король

О добрый мой народ! Огонь во мщенье!
Огонь в любви!.. Как скоро, примиренный,
Он позабыл, что этот самый герцог
Его отцов и чад убийцей был!
Всю жизнь одна минута поглощает.

Агнеса, укрепись! Восторг твой сильный
Его душе быть может укоризной;
Чтоб здесь ничто его не оскорбляло.

Явление третье

***Герцог Бургундский, Дюнуа, Ла Гир, Шатильон**, два рыцаря из свиты герцога и прежние.*

Герцог останавливается в дверях; король делает движение, чтобы к нему подойти, но герцог его предупреждает; он хочет преклонить колена, но король принимает его в объятия.

Король

Ты нас предупредил; тебе навстречу
Хотели мы; твои кони крылаты.

Герцог

Они к стопам монарха моего
Несли меня...

(Увидев Агнесу.)

Прекрасная Агнеса,
Вы здесь?.. Позвольте мне обычай наш

Аррасский сохранить; в моем краю
Прекрасный пол ему не прекословит.

(Целует ее в лоб.)

Король

Молва идет, что твой блестящий двор
Учтивостью обычаев отличен,
Что он любви и красоты столица.

Герцог

Вас, государь, молва не обманула:.
Моя земля отечество красавиц.

Король

Но про тебя молва гласит иное:
Что будто ты в любви непостоянен
И верности не веришь.

Герцог

Государь,
Неверием неверный и наказан;
Заране вы постигли сердцем то,
Что поздно мне открыто бурной жизнью.

(Увидев архиепископа, подает ему руку.)

Вы здесь, отец; вы вечно там, где честь.

Благословите. Кто вас хочет встретить,

Тот праведной стези не покидай.

Архиепископ

Благодарю всевышнего! Я радость

Вкусил вполне и свет готов покинуть:

Мои глаза прекрасный день сей зрели.

Герцог *(Агнесе)*

До нас дошло, что все свои алмазы

Вы отдали, дабы сковать из них

Оружие против меня… ужели

Вам так была нужна моя погибель?

Но спор наш кончен; все должно найтись,

Что в нем утрачено; алмазы ваши

Нашлись; войне вы жертвовали ими —

Их от меня примите знаком мира.

(Берет у одного из пришедших с ним ларчик и подает его Агнесе; она смотрит в недоумении на короля.)

Король

Возьми; то мне залог вдвойне священный

Прекрасный любви и примиренья.

Герцог *(вплетая ей в волосы алмазную розу)*

Жаль, что теперь в руках моих цветочек,

А не венец французской королевы:

Как возложил бы я его любовно

На эту несравненную головку…

(Значительно пожимает руку Агнесы.)

И ежели понадобится друг,

Вы на меня рассчитывайте смело.

Агнеса плачет; король тронут; все смотрят на них с чувством.

Герцог *(посмотря на всех, бросается в объятия к королю)*

О государь!

В эту минуту три бургундских рыцаря бегут к Дюнуа, Ла Гиру и архиепископу и обнимают их. Герцог несколько минут держит короля в объятиях.

И вас я мог отречься?
И вам я недруг был?

Король

Молчи! Ни слова!

Герцог

Я мог врага венчать короной вашей,
Пришельцу дать обет подданства, гибель
Законному монарху приготовить?

Король

Спокойся; все забыто; этот миг
Всему, всему замена; то была
Судьба или враждебная звезда.

Герцог

Заглажу все; поверьте, все заглажу;
И вам за все страдания воздам;
Вся Франция во власти вашей будет;
Ни одного села им не похитить.

Король

В союзе мы – какой же враг опасен?

Герцог

О верьте, я спокоен сердцем не был,
Воюя против вас. Когда б вы знали…

(Указывая на Агнесу.)

Но для чего ж ее вам не прислать?
Ее слезам кто б мог не покориться?
Теперь всему конец; сам ад не властен
Нас разлучить, прижавших сердце к сердцу;
Узнал свое теперь я место; здесь,
При вас свое я странничество кончил.

Архиепископ

В союзе вы – и Франция, как феникс,
Подымется из пепла своего;
Загладится войны кровавый след;
Сожженные селенья, города
Блистательней восстанут из развалин,
И жатвою поля зазеленеют.
Но падшие раздора жертвой – их
Уже не воскресить! И слезы, в вашей

Вражде пролитые, пролиты были
И будут; расцветет другое племя,
Но прежнее все жертвой бед увяло…
Пробудятся ль отцы для счастья внуков?
Таков раздора плод: для вас, монархи,
Урок сей; божество меча ужасно;
Его могущества не испытуйте; раз
Исторгнувшись с войной, оно уже —
Как сокол, с вышины на крик знакомый
Слетающий к стрелку, – не покорится
Напрасному призванью человека;
И не всегда к нам во-время, как ныне,
Спасение небесное нисходит.

Герцог

О государь! При вас небесный ангел.
Но где ж она? Что медлит?..

Король

Где Иоанна?
Почто в торжественно-счастливый миг
Не видим мы создательницы счастья?

Архиепископ

Ее душе противен, государь,
Веселый блеск роскошного двора.
Когда ее глас божий не стремит
В среду людей, застенчиво она
Скрывается от взоров любопытных;
Как скоро нет заботы ей о благе
Отечества – она в беседе с Богом;
И всюду с ней его благословенье.

Явление четвертое

*Прежние. **Иоанна**, в панцыре, но без шлема; на голове ее венок из белых роз.*

Король

Иоанна, ты священницей пришла
Благословить тобою утвержденный
Союз.

Герцог

Ужасна ты была в сраженье;
Но сколь мила в спокойной красоте!
Иоанна, я исполнил свой обет;

Довольна ль мною ты?

Иоанна

Себя, Филипп,
Возвысил ты смирением своим.
Доселе нам в пожарном блеске брани
Являлся ты кометой бедоносной, —
И благостью теперь ты нам сияешь.

(Осматриваясь.)

Все рыцари в торжественном собранье,
И светлая горит в очах их радость;
Лишь одного несчастного я зрела…
Тоскует он при общем торжестве.

Герцог

Кто он? Каким тяжелым преступленьем
Обременен, чтоб милости не верить?

Иоанна

Дерзнет ли он приблизиться? Скажи…
И он у ног твоих. О, доверши
Прекрасный подвиг твой; нет примиренья,

Когда душа не вся еще свободна!
Отравой нам целебное питье,
Когда в святом мирительном сосуде
Хотя одна есть ненависти капля.
Не может быть обиды столь кровавой,
Чтоб ты ее в сей день не позабыл.

Герцог

Я понимаю.

Иоанна

Так! И ты простишь;
Не правда ль, друг?.. Войди же, Дю Шатель;
Своих врагов всех милует Филипп;
И ты прощен.

Герцог

Что делаешь со мною,
Иоанна?.. Знаешь ли, чего ты просишь?

Иоанна

Приветливо, без исключенья, всех
Зовет в свой дом гостеприимец добрый;

Как небеса вселенную свободно,
Так друга и врага объемлет милость;
Без выбора, повсюду блеском равным
В неизмеримости сияет солнце;
Всем жаждущим растениям равно
Дает свою живую росу небо;
На всех, для всех добро нисходит свыше.

Герцог

Не властен я упорствовать пред нею;
Моя душа в руках ее, как воск...
Приближься, Дю Шатель... Не оскорбись,
О тень отца, что руку я свою
В сразившую тебя влагаю руку;
Не оскорбится, вы, боги смерти,
Что изменил я страшной клятве мщенья;
У вас, во тьме подземного покоя,
Не бьется сердце; там все вечно, все
Неизменяемо... Но все иное
Здесь на земле, под ясным блеском солнца;

Здесь человек, живым влекомый чувством,
Игралище всесильного мгновенья.

Король *(Иоанне)*

О, как тебя благодарить, Иоанна?
Прекрасно ты свершила свой обет;
Ты всю мою судьбу преобразила:
Мои друзья со мной примирены,
Мои враги низринуты во прах,
У хищника мои отняты земли,
И все тобой… Что дам тебе в награду?

Иоанна

Будь в счастье человек, как был в несчастье;
На высоте величия земного
Не позабудь, что значит друг в беде:
То испытал ты в горьком униженье;
К беднейшему в народе правосудным
И милостивым будь: из бедной кущи
Тебе извел спасительницу Бог…
Вся Франция твою признает власть;
Ты праотцом владык великих будешь;

Потомки от тебя своею славой
Затмят твоих предшественников славу,
И род твой будет цвесть, доколь любовь
Он сохранит к себе в душе народа;
Лишь гордостью погибнуть может он;
И в низкой хижине, откуда ныне
Спаситель вышел твой, таится грозно
Для правнуков виновных истребленье.

Герцог

Пророчица, наставленная небом,
Когда тебе в грядущем тайны нет,
Скажи и мне о племени моем:
Продлится ли величие его?

Иоанна

Филипп, я зрю тебя во блеске, в силе;
Близ трона ты, и выше гордый дух
Стремится возлететь; под облака
Он смелое свое возносит зданье;
И сильная рука из высоты
Строение гордыни остановит…

Но не страшись, не рушится твой дом;
Он девою для славы сохранится,
И скиптроносные монархи, сильных
Народов пастыри, от ней родятся;
Могущие, они с двух славных тронов
Дадут закон и знаемому свету
И новому, сокрытому всевышним
Еще за мглой морей непереплытых.

Король

О, если дух открыл тебе, поведай:
Сей дружеский, спасительный союз —
Продлится ль он, чтобы и внукам нашим
Как нам, благотворить?

Иоанна *(помолчав)*

Владыки мира,
Страшитеся раздора, не будите
Вражды в ее ужасном логовище;
Рассвирепев, не стихнет; от нее
Ужасное родится поколенье;
Она пожар пожаром зажигает…

Но я молчу… Спокойно в настоящем
Ловите счастие, а мне оставьте
Грядущее безмолвием закрыть.

Агнеса

Иоанна, ты в душе моей читаешь;
Ты ведаешь, хочу ль мирских величий…
Скажи и мне пророческое слово.

Иоанна

Небесный дух являет мне одну
Великую всемирного судьбину…
Твоя ж судьба в твоей душе таится.

Дюнуа

Но что ж тебе самой назначил Бог?
Откройся нам, небесная. О, верно,
Тебя ждет лучшее земное счастье
В награду за твое смиренье.

Иоанна *(задумчиво и смиренно показав на небо)*

На небесах у вечного отца.

Король

Поверь его монарху твоему;
И почтено твое да будет имя
Во Франции; пускай тебе дивятся
Позднейшие потомки… да свершится
Теперь же долг мой; на колена!

Иоанна становится на колена; король вынимает меч и прикасается им к ней.

Сим
Прикосновением меча, Иоанна,
Король тебе дарует благородство;
Восстань; твоя возвышена порода,
И самый прах отцов твоих прославлен;
Лилея Франции твой герб; знатнейшим
Отныне будь равна высоким саном;
Твоя рука будь первому из первых
Великою наградой; мне ж оставь
Тебе найти достойного супруга.

Дюнуа

Моя она; ее и в низкой доле
Я выбрал сердцем – честь не возвышает
Моей любви, ни доблести ее;

Перед лицом монарха моего,
В присутствии святого мужа церкви,
Готов ее наречь моей супругой,
Готов подать ей княжескую руку,
Когда мой дар принять благоволит.

Король

Неизъяснимая, за чудом – чудо
Творишь ты… Так, я верю, для тебя
Возможно все; ты в этом гордом сердце,
Любовию досель не побежденном,
Любовь произвела.

Ла Гир

Краса Иоанны
Есть кроткое души ее смиренье;
Она всего великого достойна —
Но чужды ей и гордые желанья
И почестей блестящая ничтожность;
Простой удел, любовь простого сердца
С моей рукой я предлагаю ей…

Король

И ты, Ла Гир? Два равных пред тобою
Соперника по мужеству и сану,
Иоанна… ты врагов со мной сдружила,
Мой трон возвысила: ужель теперь
Меня лишишь друзей моих вернейших?
Для одного награда, но достойны
Равно награды оба; отвечай.

Агнеса

Ее душа внезапностью смутилась,
И девственным стыдом она краснеет.
О, дайте ей спроситься с сердцем, тайну
С подругой верной разделять и душу
Передо мной открыть непринужденно;
Теперь мой час; как нежная сестра
Приблизиться могу я к строгой деве,
Чтоб женское с заботливостью женской
Размыслить вместе с ней. Оставьте нас
Решить наедине.

Король

Пойдем.

Иоанна

Постойте!
Нет, государь, мои пылают щеки
Не пламенем смятенного стыда;
И то, что я могу сказать ей втайне,
То я скажу и пред лицом мужей…
О рыцари! Своим избраньем вы
Великую мне делаете честь;
Но разве я для суетных величий
Покинула отеческую паству?
Для брачного ль венца я грудь младую
Одела в сталь и панцырь боевой?
Нет, призвана я к подвигу иному;
Лишь чистою свершится девой он;
Я на земле воительница Бога,
Я на земле супруга не найду.

Архиепископ

Быть на земле сопутницей супруга
Есть жребий женщины; храня закон
Природы, божеству она угодна;

И, совершив указанное небом,
Тебя пославшим в бой, ты броню скинешь,
Ты перейдешь к судьбе своей смиренной,
Покинутой для бранного меча;
Не девственной руке им управлять.

Иоанна

Святой отец, еще не знаю я,
Куда меня пошлет могущий дух;
Придет пора, и он не промолчит,
И покорюсь тогда его веленью;
Теперь же он велит начатый подвиг
Свершить: еще монарх мой не увенчан;
Еще елей главы его избранной
Не освятил; еще он не король.

Король

Но мы идем стезей прямою к Реймсу.

Иоанна

И медлить нам не должно; враг повсюду;
Дорогу нам он мыслит заградить;

Но сквозь него промчу к победе вас.

Дюнуа

Когда же все, Иоанна, совершится,
Когда войдем с тобою в стены Реймса,
Склонишь ли ты внимание тогда…

Иоанна

Когда Господь велит, чтоб я с победой
Из грозныя борьбы со смертью вышла,
Тогда всему конец; тогда пастушке
Уж места нет в обители монарха.

Король *(взяв ее за руку)*

Теперь тебе лишь голос духа внятен;
Любовь молчит в груди, горящей Богом;
Но верь, она молчать не вечно будет.
Утихнет брань; победа приведет
К нам ясный мир; в сердца вольется радость,
Нежнейшие пробудятся в них чувства…
Тогда об них проведаешь и ты,
Тогда впервой печали сладкой слезы

Прольют твои глаза и будешь сердцем,
Исполненным доныне только неба,
С любовию искать земного друга;
Всех ныне ты для счастия спасла —
И одному тогда ты будешь счастьем.

Иоанна *(посмотрев на него с унылым негодованием)*

Иль, утомясь божественным явленьем,
Уж хочешь ты разбить его сосуд
И благовестницу верховной воли
Низвесть во прах ничтожности земной?
О маловерные! Сердца слепые!
Величие небес кругом вас блещет;
Их чудеса пред вами без покрова;
А я для вас лишь женщина… безумцы!
Но женщине ль под бронею железной
Мешаться в бой, водить мужей к победе?
Погибель мне, когда, господне мщенье
Неся в руке, я суетную душу

Отдам любви, от Бога запрещенной;
О нет! Тогда мне лучше б не родиться;
Ни слова более; не раздражайте
Моей душой владеющего духа;
Один уж взор желающего мужа
Есть для меня и страх и осквернень.

Король

Умолкните; ее не преклонить.

Иоанна

Вели, вели греметь трубе военной,
Спокойствие меня теснит и мучит;
Стремительно зовет моя судьба
Меня от сей бездейственности хладной;
И строгий глас твердит мне: довершай.

Явление пятое

Те же. Рыцарь вбегает поспешно.

Король

Что сделалось?

Рыцарь

Близ Марны неприятель;
Он строится в сраженье.

Иоанна *(вдохновенно)*

Бой и брань!
Теперь душа от уз своих свободна…
Друзья, и мечам; а я устрою войско.

(Уходит поспешно.)

Король *(Ла Гиру)*

Поди за ней. Перед стенами Реймса
Они хотят сорвать с меня корону.

Дюнуа

Их мчит не мужество, но безнадежной
Свирепости отчаянный порыв.

Король *(герцогу)*

Филипп, тебя я не зову; но час
Настал минувшее загладить.

Герцог

Будешь
Доволен мной.

Король

Я сам дорогой чести
Хочу идти пред войсками моими,
Хочу в виду венчательного Реймса
Венец мой заслужить. Моя Агнеса,
Твой рыцарь говорит тебе: прости!

Агнеса *(подает ему руку)*

Не плачу я; моя душа спокойна;
На небесах живет моя надежда;
На то ль даны столь явные залоги
Спасенья их, чтоб после нам погибнуть?..
Ты победишь; то сердца предвещанье;
И в Реймсе нам назначено свиданье.

Все уходят. Сцена переменяется; видно открытое поле, на нем рассыпаны группы деревьев; за сценою слышны военные инструменты, выстрелы, стук оружия; сражающиеся пробегают через сцену; наконец все тихо; сцена пуста.

Явление шестое

Тальбот выходит раненый, опираясь на Фастольфа, за ним солдаты, скоро потом Лионель.

Тальбот

Под этими деревьями, друзья,
Меня оставьте; сами в бой подите;
Чтоб умереть, помощник мне не нужен.

Фастольф

Несчастный день! Враждебная судьба!

(К Лионелю.)

Зачем пришел ты, Лионель? Смотри,
Наш храбрый вождь от раны умирает.

Лионель

Да сохранит нас небо! Встань, Тальбот,
Не время нам о ранах помышлять;
Вели ожить природе, одолей

Бунтующую смерть.

Тальбот

Напрасно все;
Судьба произнесла: должна погибнуть
Во Франции британская держава;
Последнее отчаянною битвой
Я истощил, чтоб рок сей отвратить;
И здесь лежу, разбит стрелой громовой,
Чтоб более не встать. Потерян Реймс —
Париж спасайте.

Лионель

Нет для нас Парижа:
Он договор с дофином заключил.

Тальбот *(срывая с себя повязку)*

Бегите ж вы, кровавые потоки!
Противно мне смотреть на это солнце.

Лионель

Мне ждать нельзя; Фастольф, на этом

месте

Вождю опасно быть; нам отстоять

Его не можно; нас теснят ужасно;

Ряды расстроены; за девой вслед

Они бегут – и все, как буря, ломят.

Тальбот

Безумство, ты превозмогло, а я

Погибнуть осужден. И сами боги

Против тебя не в силах устоять.

О гордый ум, ты, светлое рожденье

Премудрости, верховный основатель

Создания, правитель мира, что ты?

Тебя несет, как бурный конь, безумство;

Вотще твоя узда; ты бездну видишь

И сам в нее с ним падаешь невольно;

Будь проклят тот, кто в замыслах великих

Теряет жизнь, кто мудро выбирает

Себе стезю вернейшую. Безумству

Принадлежит земля.

Лионель

Тальбот, тебе
Не много здесь минут осталось; вспомни
О Боге…

Тальбот

Если б мы разбиты были,
Как храбрые от храбрых, – нам отрадой
Была бы мысль, что мы в руке судьбы,
Играющей землею самовластно;
Но жалкой быть игрушкою мечты…
Иль наша жизнь, вся отданная бурям,
Не стоила славнейшего конца?

Лионель

Тальбот, прости! Дань слез моих тебе
Я принесу, как друг твой, после битвы,
Когда останусь цел… теперь иду…
Еще судьба на поле боевом
Свой держит суд и жребии бросает.
Простимся до другого света! Краток
Разлуки миг за долгую любовь!

(Уходит.)

Тальбот

Минута кончит все; отдам земле
И солнцу все, что здесь во мне сливалось
В страдание и в радость так напрасно;
И от могучего Тальбота, славой
Наполнившего свет, на свете будет
Одна лишь горсть летучей пыли. Так
Весь гибнет человек – и вся нам прибыль
От тягостной борьбы с суровой жизнью
Есть убеждение в небытии
И хладное презренье ко всему,
Что мнилось нам великим и желанным.

Явление седьмое

Король, герцог, Дюнуа, Дю Шатель *и солдаты входят.*

Герцог

Сраженье решено.

Дюнуа

Победа наша.

Король *(заметив Тальбота)*

Но кто же там, покинутый, лежит
В борении с последнею минутой?
По броне он не ратник рядовой.
Скорей! Помочь, когда еще не поздно!

К Тальботу приближаются солдаты.

Фастольф

Не приближайтесь! Прочь! Почтенье к смерти
Того, кто был вам страшен так живой!

Герцог

Что вижу я? Тальбот лежит в крови.

(Приближается к нему.)

Тальбот, взглянув на него, умирает.

Фастольф

Не подходи, предатель ненавистный!

Твой вид смутит последний взор героя.

Дюнуа

Тальбот, погибельный, неодолимый,
Столь малое пространство для тебя,
Которого желаньям исполинским
Всей Франции обширной было мало!

(Преклоняет меч пред королем.)

Теперь приветствую вас королем;
Дрожал венец на вашей голове,
Пока душа жила еще в сем теле.

Король *(посмотрев молча на мертвого)*

Не мы его сразили – некто высший!
На землю Франции он лег, как бодрый
Боец на щит, которого не выдал.

(К воинам.)

Возьмите!

Труп Тальбота выносят.

Мир его великой тени;
Здесь памятник ему достойный будет;
В средине Франции, где он геройски

Свой кончил путь, покойся прах его!
Столь далеко враги не заходили,
И лучшее надгробие ему
То место, где его найдут во гробе.

Фастольф *(подавая меч королю)*

Я пленник ваш.

Король *(возвращая ему меч)*

Нет, рыцарь, и война
Священный долг умеет чтить, свободно
Ты своего проводишь полководца…
Но, Дю Шатель… моя Агнеса в страхе;
Спеши ее обрадовать победой;
Скажи, что я и жив и невредим,
Что в Реймсе жду ее к коронованью.

Дю Шатель уходит.

Явление восьмое

Те же. ***Ла Гир****.*

Дюнуа

Ты здесь, Ла Гир? Но где Иоанна?

Ла Гир

Как?
Она не с вами?.. Я ее покинул
В сраженье близ тебя.

Дюнуа

Я побежал
На помощь к королю; я был в надежде,
Что ты останешься при ней…

Герцог

Недавно
Я видел сам в густой толпе врагов
Ее распущенное знамя…

Дюнуа

Боже!
Страшусь я! Где она? Скорее к ней
На помощь. Может быть, ее далеко
Замчало мужество. Одна, быть может,
Она, толпой стесняемая, бьется
И тщетно ждет защиты от друзей.

Король

Спешите.

Дюнуа

Я бегу.

Ла Гир

И я.

Герцог

Мы все.

Все уходят поспешно.

Явление девятое

Другое место на поле сражения: утесы, деревья; вдали башни Реймса, освещенные заходящим солнцем. ***Рыцарь*** *в черном панцыре с опущенным забралом.*

Иоанна *преследует его; он останавливается.*

Иоанна

Коварный, я твою узнала хитрость;
Обманчиво притворным бегством ты
Меня сюда увлек из жаркой битвы,

Чтобы своих спасти от грозной встречи

С моим мечом; но сам теперь погибнешь.

Черный рыцарь

Почто за мной ты гонишься? Почто

Так бешено к моим стопам пристала?

Не суждено мне пасть твоей рукой.

Иоанна

Противен ты душе моей, как ночь,

Которой цвет ты носишь; истребить

Тебя с лица земли неодолимо

Влечет меня могущее желанье.

Скажись, кто ты? Открой забрало. Если б

Передо мной Тальбот не пал в сраженье,

Тогда бы я сказала: ты Тальбот.

Черный рыцарь

Иль смолкнул глас пророческого духа?

Иоанна

Нет, громко он вещает мне, что здесь
Моя беда стоит с тобою рядом.

Черный рыцарь

Иоанна д'Арк, с победою до Реймса
Дошла ты – стой! Не дале! Будь довольна
Своим венцом и счастье отпусти,
Служившее тебе рабом покорным;
Не жди, чтобы оно забунтовало;
Ласкает нас, но верность ненавидит
И никому не служит до конца.

Иоанна

Почто ты мне велишь с моей дороги
Сойти, забыв начатый мною подвиг?
Свершу его, исполню свой обет.

Черный рыцарь

Могучая, ты все ниспровергаешь;
Покорен бой тебе – но удержись
От боя; мне поверь, пока не поздно.

Иоанна

Не выпущу меча я из руки,

Доколь враги не втоптаны во прах.

Черный рыцарь

Смотри же, там сияют башни Реймса;
Туда твой путь; ты видишь: блещет купол
Соборный на величественной церкви —
В нее вступить ты можешь с торжеством,
В ней увенчать монарха, свой обет
Исполнить, но… Иоанна, не входи
В ту церковь; мне поверь – и возвратись.

Иоанна

Но кто же ты, прельститель двуязычный?
Ты мнишь меня смутить и ужаснуть
Обманчивым пророчеством…

Черный рыцарь хочет уйти; она заступает ему дорогу.

Постой!
Ответствуй мне иль гибни…

(Хочет ударить в него мечом.)

Черный рыцарь *(прикасается к ней рукой, и она остается неподвижна)*

Умерщвляй
Одно лишь смертное.

Гром и молния; рыцарь исчезает.

Иоанна *(долго молчит в изумлении, потом, опомнившись, говорит)*

То был не здешний
И не живой… то было привиденье,
Враждебный дух, изникнувший из ада,
Чтобы смутить во мне святую веру.
Но мне с мечом владыки моего
Кто страшен? Нет, иду; зовет победа;
Пусть на меня весь ад вооружится;
Жив Бог – моя надежда не смутится.

Явление десятое

Иоанна. Лионель.

Лионель

Отступница, готовься в бой; погибнуть

Один из нас на этом месте должен;
Храбрейшие тобой умерщвлены;
Герой Тальбот в объятиях моих
С великою душой своей расстался;
Отмщу за храброго иль будь одна
Для нас судьба; но пасть ли мне, иль нет,
Ты прежде знать должна, кого твой рок
С тобою свел: я Лионель, последний
Британский вождь, еще непобежденный.

(Нападает на нее; через минуту она вышибает из руки его меч.)

О счастие!

(Борется с нею.)

Иоанна во время борьбы срывает с него шлем, и он остается с непокрытою головою; поднявши меч, чтобы его поразить, она говорит:

Иоанна

Умри! Святая Дева
Моей рукой тебя приносит в жертву.

(В эту минуту ее глаза встречаются с глазами Лионеля; пораженная видом его, она стоит неподвижно, и рука ее опускается.)

Лионель

Что медлишь? Что удар твой задержало?
Взяв честь, возьми и жизнь; я не хочу
Пощады; я в твоих руках.

Она подает ему знак рукою, чтобы он бежал.

Бежать
Мне должно? Быть обязанным тебе
Презренной жизнию? Скорей погибнуть!

Иоанна *(отвратив глаза)*

И знать я не хочу, что жизнь твоя
Была в моих руках…

Лионель

Я ненавижу
Тебя и дар твой; не хочу пощады;
Не медли, поражай того, кто сам
Сразить тебя хотел.

Иоанна

Убей меня
И удались.

Лионель

Что слышу?

Иоанна *(закрыв лицо руками)*

Горе мне!

Лионель *(приблизясь к ней)*

Молва идет, что ни один британец
Тобой не пощажен; за что же мне
Пощада одному?

Иоанна *(собравшись с духом, поднимает меч, чтобы его поразить; но, опять взглянув на него, опускает руку)*

Святая Дева!

Лионель

Почто зовешь святую? О тебе
Не ведает она; ты небесами
Отвержена.

Иоанна *(в сильнейшем отчаянии)*

О горе! Горе! Что

Я сделала? Нарушен мой обет.

(Ломает в горести руки.)

Лионель *(смотрит на нее с участием и подходит ближе)*

Несчастная, жалею о тебе;

Ты трогаешь меня; со мной одним

Великодушною была ты; сердце

Мое тебя, я чувствую, простило;

С участием оно к тебе стремится.

Скажи, кто ты? Откуда?

Иоанна

Прочь! Беги!

Лионель

Мне жаль твоей цветущей красоты,

Жаль младости твоей; твой милый образ

Теснится в душу мне, и я хотел бы

Тебя спасти, но как и чем спасу?

Поди за мной; оставь союз твой страшный;

Оставь погибельный свой меч.

Иоанна

Увы!
Носить его я недостойна.

Лионель

Брось
Его, иди со мной.

Иоанна *(в ужасе)*

С тобой? О небо!

Лионель

Пойдем; еще тебя спасти возможно,
И я тебя спасу… но поспеши.
Моя душа печалью непонятной
Томится по тебе… невыразимым
Желанием спасти тебя полна.

(Берет ее за руку.)

Вдали показываются Дюнуа и Ла Гир.

Иоанна

О Боже! Дюнуа… они уж близко;
Беги!.. Тебя найдут.

Лионель

Я твой защитник.

Иоанна

О нет! Беги! Умру, когда погибнешь.

Лионель

Иль дорог я тебе?

Иоанна

О Пресвятая!

Лионель

Увидимся ль? Услышу ль о тебе?

Иоанна

Нет, никогда.

Лионель

Сей меч в залог, что я
Тебя найду.

(Вырывает из рук ее меч.)

Иоанна

Ты смеешь, безрассудный?

Лионель

Теперь я уступаю силе; мы
Увидимся.

(Уходит поспешно.)

Явление одиннадцатое

Дюнуа. Ла Гир. Иоанна.

Ла Гир

Она! Она!

Дюнуа

Иоанна,
Спокойна будь: друзья твои с тобою.

Ла Гир

Не Лионель ли там бежит?

Дюнуа

Оставь
Его; Иоанна, битва решена;
Реймс отворил ворота; весь народ
Бежит толпой навстречу королю.

Ла Гир

Но что она?.. Шатается, бледнеет!..

Дюнуа

Ты ранена?

Иоанна падает к ним на руки.

Снять панцырь! Рана
В плече, и легкая.

Ла Гир

Но льется кровь!

Иоанна

Пускай она с моею льется жизнью.

(Лишается памяти.)

Действие четвертое
Явление первое

Богато убранная зала; колонны обвиты гирляндами из цветов; вдали слышны флейты и гобои; они играют во все продолжение первой сцены.

Иоанна *(стоит в задумчивости и слушает, потом говорит)*

Молчит гроза военной непогоды;
Спокойствие на поле боевом;
Везде шумят по стогнам хороводы,
Алтарь и храм блистают торжеством,
И зиждутся из ветвей пышны входы,
И гордый столб обвит живым венцом,
И гости ждут венчательного пира;
Готовы трон, корона и порфира.
И все горит единым вдохновеньем,
И груди всем подъемлет мысль одна,
И счастие волшебным упоеньем
Сдружило все, что рознила война;

Гордится франк своим происхожденьем,
Как будто всем отчизна вновь дана;
И с честию примирена корона;
Вся Франция в собрании у трона.
Лишь я одна, великого свершитель,
Ему чужда бесчувственной душой;
Их счастия, их славы хладный зритель,
Я прочь от них лечу моей мечтой;
Британский стан – любви моей обитель,
Ищу врагов желаньем и тоской;
Таюсь друзей, бегу в уединенье
Сокрыть души преступное волненье.
Как! Мне любовию пылать?
Я клятву страшную нарушу?
Я смертному дерзну отдать
Творцу обещанную душу?
Мне, усладительнице бед,
Вождю спасенья и побед,
Любить врага моей отчизны?
Снесу ли сердца укоризны?

Скажу ль о том сиянью дня?
И стыд не истребит меня!

Звуки инструментов за сценою сливаются в тихую, нежную мелодию.

Горе мне! Какие звуки!
Пламень душу всю проник,
Милый слышится мне голос,
Милый видится мне лик.
Возвратися, буря брани!
Загремите, стрелы, копья!
Вы ударьте, строй на строй!
Битва, дай душе покой!
Тише, звуки! Замолчите,
Обольстители души!
Непонятным упоеньем
Вы ее очаровали;
Слезы льются от печали.

(Помолчав, с большею живостью.)

Могла ли я его сразить? О, как
Сразить, узрев его прекрасный образ?
Нет, нет, себя скорей бы я сразила.

Виновна ль я, склонясь душой на жалость?

И грех ли жалость?.. Как?.. Скажи ж, Иоанна,

Была ль к другим ты жалостлива в битве?

И жалости ль покорен был твой меч,

Когда младой валлиец пред тобою

Лежал в слезах, вотще моля о жизни?

О сердце хитрое, ты ль небеса

Всезрящие заманишь в ослепленье?

Нет, нет, тебя влекло не сожаленье!..

Увы! Почто дерзнула я приметить

Его лица младую красоту!

Несчастная, сей взор – твоя погибель!

Орудия слепого хочет Бог.

идти за ним должна была ты слепо;

Но волю ты дала очам узреть —

И от тебя щит божий отклонился,

И адская тебя схватила сеть.

(Задумывается, вслушивается в музыку, потом говорит.)

Ах! Почто за меч воинственный
Я мой посох отдала
И тобою, дуб таинственный,
Очарована была?
Мне, Владычица, являла ты
Свет небесного лица;
И венец мне обещала ты…
Недостойна я венца!
Зрела я небес сияние,
Зрела ангелов в лучах…
Но души моей желание
Не живет на небесах.
Грозной силы повеление
Мне ль, бессильной, совершить?
Мне ли дать ожесточение
Сердцу, жадному любить?
Нет! Из чистых небожителей
Избирай твоих свершителей!
С неприступных облаков
Призови твоих духов,
Безмятежных, не желающих,
Не скорбящих, не теряющих…

Деву с нежною душой
Да минует выбор твой.
Мне ль свирепствовать в сражении?
Мне ль решить судьбу царей?..
Я пасла в уединении
Стадо родины моей…
Бурный путь мне указала ты,
В дом царей меня ввела;
Но… лишь гибель мне послала ты…
Я ль сама то избрала?

Явление второе

Агнеса. Иоанна.

Агнеса *(идет в сильном волнении чувства к Иоанне, хочет броситься к ней на шею, но, одумавшись, падает перед ней на колена)*

Нет! Нет! Во прах перед тобою…

Иоанна *(стараясь ее поднять)*

Встань,
Агнеса, ты свой сан позабываешь.

Агнеса

Оставь меня; томительная радость
Меня к твоим ногам бросает – сердце
Пред божеством излить себя стремится;
Незримого в тебе боготворю.
Наш ангел ты; тобою мой властитель
Сюда введен; готов обряд венчанья;
Стоит король в торжественной одежде;
Сбираются кругом монарха пэры,
Чтобы нести регалии во храм;
Народ толпой бежит и соборной церкви;
Повсюду клик и звон колоколов…
Кто даст мне сил снести такое счастье?

Иоанна поднимает ее. Агнеса смотрит на нее пристально.

Лишь ты одна сурово-равнодушна;
Ты благ, тобой даруемых, не делишь;
Ты холодно глядишь на нашу радость;
Ты видела величие небес

И счастию земному неприступна.

Иоанна в сильном движении схватывает ее за руку, потом задумчиво опять ее опускает.

О, если б ты узнала сладость чувства!
Войны уж нет; сложи твой бранный панцырь
И грудь открой чувствительности женской…
Моя душа, горящая любовью,
Чуждается тебя вооруженной.

Иоанна

Чего ты требуешь?

Агнеса

Обезоружь
Себя, покинь твой меч; любовь страшится
Окованной железом тяжким груди;
Будь женщина, и ты любовь узнаешь.

Иоанна

Мне, мне себя обезоружить? Нет,
Я побегу с открытой грудью в бой…

Навстречу смерти… нет, тройной булат

Пусть будет мне защитою от ваших

Пиров и от меня самой.

Агнеса

Иоанна,

Граф Дюнуа, великодушный, славный,

К тебе горит святым, великим чувством;

О, верь мне, быть любовию героя

Удел прекрасный… но любить героя

Еще прекраснее…

Иоанна отвращается в сильном волнении.

Ты ненавидишь

Его?.. Нет, нет, его не любишь ты;

Но ненависть… лишь тот нам ненавистен,

Кто милого из наших рук исторгнул;

Но для тебя нет милого; ты сердцем

Спокойна… Ах, когда б оно смягчилось!

Иоанна

Жалей меня, оплачь мою судьбу.

Агнеса

Чего ж тебе недостает для счастья?
Все решено: отчизна спасена;
С победою, торжественно в свой Реймс
Вступил король, и слава твой удел;
Тебя народ честит и обожает;
Во всех устах твоя хвала: ты гений,
Ты божество сих праздников веселых,
И сам король не столь в своей короне
Величествен, как ты.

Иоанна

О, если б скрыться
Могла во тьме подземной я от вас!

Агнеса

Что слышу? Как понять тебя, Иоанна?
И ныне кто ж взглянуть дерзнет на свет,
Когда тебе глаза потупить должно?..
Мне, мне краснеть, мне, низкой пред тобою,

Не смеющей и мыслию постигнуть
Величия души твоей прекрасной.
Открою ль все ничтожество мое?
Не славное спасение отчизны,
Не торжество побед, не обновленный
Престола блеск, не шумный пир народа
Мне радости причина; нет, один
Живет в моей душе – иному чувству
В ней места нет, – он, сей боготворимый;
Его народ приветствует; его
Бегут встречать; пред ним цветы бросают —
И он, для всех единственный, – он мой.

Иоанна

Счастливица, завидую тебе;
Ты любишь там, где любит все; ты смеешь
Свободно, вслух изречь свое блаженство;
Перед людьми его ты не таишь;
Их общий пир есть пир твоей любви;

И этот весь бесчисленный народ,
Ликующий с тобой в одних стенах, —
Прекрасное твое он чувство делит,
Тебя приветствует, тебя венчает,
Ты с радостью всеобщей заодно,
Твоей душе небесный день сияет,
Любовью все твоей озарено.

Агнеса *(падая в ее объятия)*

О радость! Мой язык тебе понятен!
Иоанна, ты… любви ты не чужда;
Что чувствую – ты выразила сильно;
И ободренная душа моя
Доверчиво тебе передается…

Иоанна *(вырываясь из ее объятий)*

Прочь, прочь! Беги меня, не заражайся
Губительным сообществом моим;
Поди, будь счастлива, а мне дай скрыть
Во мрак мой стыд, мой страх, мое страданье.

Агнеса

Я трепещу; ты мне непостижима,
Но кто ж тебя постигнул? Кто проник
Во глубину твоей великой тайны?
Кто может ведать, что святому сердцу,
Что чистоте души твоей понятно?

Иоанна

Нет, нет, ты – чистая, святая – ты;
Когда б в мою ты внутренность проникла,
Ты б от меня, как от врага, бежала.

Явление третье

Иоанна. Агнеса. Дюнуа *и* ***Ла Гир*** *со знаменем* ***Иоанны.***

Дюнуа

Мы за тобой, Иоанна; все готово;
Король тебя зовет: в ряду вельмож,
Ближайшая к монарху, ты должна
Пред ним нести святую орифламму.
Он признает и хочет всенародно

Перед лицом всей Франции признать,
Что лишь тебе одной принадлежит
Вся честь сего торжественного дня.

Иоанна

О Боже! Мне предшествовать ему?
Мне перед ним нести святое знамя?

Дюнуа

Кому ж, Иоанна? Чья рука посмеет
Святыни сей коснуться? Это знамя
Носила ты в сраженье; им должна ты
И торжество победное украсить.

Ла Гир

Вот знамя; поспешим; король, вожди
И весь народ зовут тебя, Иоанна.

(Хочет подать ей знамя, она отступает с ужасом.)

Иоанна

Прочь, прочь!

Ла Гир

Иоанна, что с тобой? Трепещешь
Пред собственным ты знаменем сво-

им!
Узнай его, оно твое; ты им
Победу нам дала; взгляни, на нем
Сияет лик Владычицы Небесной.

(Развертывает знамя.)

Иоанна *(в ужасе смотря на знамя)*

Она, она!.. В таком являлась блеске
Она передо мной… Смотрите, гневом
Омрачено ее чело, и грозно
Сверкает взор, к преступнице склоненный.

Агнеса

Ты вне себя: опомнись, ты виденьем
Обманчивым испугана; тот образ…
Он слабой и земной руки созданье;
Сама ж она небес не покидала.

Иоанна

О грозная! Карать ли ты пришла?
Где молнии твои? Пускай сразят
Они мою преступную главу.
Разрушен наш союз; я посрамила,

Унизила твое святое имя.

Дюнуа

Что слышу я! Какой язык ужасный!

Ла Гир *(к Дю Шателю)*

Как изъяснить ее волненье, рыцарь?

Дю Шатель

Я вижу то, чего давно боялся.

Дюнуа

Как? Что ты говоришь?

Дю Шатель

Того открыть;
Что думаю, не смею; но дай Бог,
Чтоб было все уж кончено и наш
Король уж коронован был.

Ла Гир

Иоанна,
Иль ужас тот, который разливала
Ты знаменем своим, оборотился
Против тебя? Узнай его, Иоанна;
Одним врагам погибельно оно;

Для Франции оно символ спасенья.

Иоанна

Так, так, оно спасительно для верных;
Лишь на врагов оно наводит ужас.

Слышен марш.

Дюнуа

Возьми его, возьми; ты слышишь, ход
Торжественный уж начался: пойдем.

Принуждают ее взять знамя; она берет его с видимым отвращением и уходит; все прочие за нею.

Явление четвертое

Площадь перед кафедральною церковью.

Вдали множество народа. Бертранд, Арман, Этьен выходят из толпы; за ними вскоре Алина и

Луиза. Вдали слышен марш.

Бертранд

Уж музыка играет; идут; скоро
Увидим их; но где бы лучше нам

Остановиться? Там, на площади,
Иль здесь, на улице, чтоб посмотреть
На ход вблизи?

Этьен

Нет, сквозь толпу народа
Нам не пройти: от конных и от пеших
Простора нет; все улицы набиты;
У тех домов есть место, там увидеть
Нам можно все.

Арман

Какая бездна! Скажешь,
Что здесь вся Франция; и так велико
Народное стремленье, что и мы
Из Лотарингии своей далекой
Сюда с толпой пришли.

Бертранд

Да кто же будет
Один дремать в своем углу, когда
Великое свершается в отчизне?
Истратили довольно крови мы,
Чтоб голове законной дать корону;

А наш король, наш истинный король,
Которого мы в Реймсе коронуем,
Ужель он здесь быть должен встречен хуже
Парижского, который в Сен-Дени
По милости пришельца коронован?
Тот не француз, кто в этот славный день
Не будет здесь с другими и от сердца
Не закричит: да здравствует король!

Явление пятое

Те же. ***Луиза. Алина.***

Луиза

Сестрица, мы увидим здесь Иоанну;
Как бьется сердце!

Алина

Мы ее увидим
В величестве и в почести и скажем:
То наша милая сестра Иоанна.

Луиза

Пока меня глаза не убедили,
До тех пор все не буду верить я,
Чтоб та, которую все называют
Здесь Орлеанской девою, была
Сестра Иоанна, без вести от нас
Пропавшая.

Алина

Увидишь и поверишь.

Бертранд

Молчите, идут.

Явление шестое

Впереди идут музыканты; за ними дети в белых платьях с венками в руках; потом два герольда; отряд воинов с алебардами; чиновники в парадных платьях; два маршала с жезлами; бургундский герцог с мечом; Дюнуа с скипетром; другие вельможи с короною, державою, королевским жезлом; за ними рыцари в орденских одеждах; певчие с кадильницами; два епископа с сосудом миропомазания; архиепископ с крестом; за ним Иоанна с знаменем; она идет медленными,

неровными шагами, наклонив голову; ее сестры, увидев ее, знаками показывают радость и удивление; за Иоанною следует король под балдахином, который несут бароны; за королем придворные чиновники; потом отряд воинов. Когда все входят в церковь, марш умолкает.

Явление седьмое

Луиза. Алина, Арман. Этьен. Бертранд.

Алина

Видел ли сестру?

Арман

Что шла пред королем в богатых латах,
Со знаменем в руках?

Алина

Да, то Иоанна,
Сестра.

Луиза

На нас она не поглядела:
Она не думала, что сестры близко;

Была бледна, смотрела вниз, – дрожала
Под знаменем своим… мне стало грустно;
Я не могла обрадоваться ей.

Алина

Теперь мы видели Иоанну в славе
И в почести; но кто б мог то подумать
В то время, как она у нас в горах
Пасла овец?

Луиза

Отцу недаром снилось,
Что в Реймсе он и мы перед Иоанной
Стоять с почтеньем будем; вот та церковь,
Которая привиделась ему.
И все сбылось. Но знаешь ли? Отцу
С тех пор и страшные виденья были…
Ах! Мне она жалка, мне тяжко видеть
Ее в таком величии.

Бертранд

Пойдем.

Что здесь стоять? Не лучше ль протесниться

Нам в церковь? Там увидим весь обряд.

Алина

Пойдем; быть может, там с сестрой Иоанной

Мы встретимся.

Луиза

Мы видели ее,

Довольно с нас; воротимся в село.

Алина

Как, не сказав ни одного ей слова?

Луиза

Она теперь не нам принадлежит;

Лишь общество князей и полководцев

Прилично ей; на что же нам теснить-ся

К блестящему величеству ее?

И с нами быв, она была не наша…

Алина

Иль думаешь, что ей нас будет стыдно,

Что нас она теперь пренебрежет?

Бертранд

И сам король нас не стыдился; он

Здесь ласково всем кланялся; хотя

Она теперь стоит и высоко,

Но наш король все выше.

Трубы и литавры в церкви.

Арман

В церковь! В церковь!

Идут и пропадают в толпе народа.

Явление восьмое

Тибо *в черном платье; за ним* ***Раймонд****, который старается удержать его.*

Раймонд

Воротимся, мой добрый Арк, уйдем

Отсюда; здесь все празднует; твое

Уныние обидно для веселых…

Чего нам ждать? Зачем здесь оста-

ваться?

Тибо

Ты видел ли несчастное мое
Дитя? Всмотрелся ли в ее лицо?

Раймонд

Ах! Поскорей… прошу тебя, уйдем.

Тибо

Приметил ли, как робко шла она,
С каким лицом расстроенным и бледным?
Несчастная, она свой жребий знает…
Но час настал ее спасти; я им
Воспользуюсь.

(Хочет идти.)

Раймонд

Куда? Чего ты хочешь?

Тибо

Хочу ее внезапно поразить,
Хочу ее с ничтожной славы сбросить,
Хочу ее насильно возвратить
Отверженному ею Богу.

Раймонд

Ах!
Подумай прежде, что ты начинаешь;
Ты сам свое дитя погубишь.

Тибо

Так!
Жила б душа – пускай погибнет тело.

Иоанна выбегает из церкви без знамени; народ окружает ее, теснится к ней, целует платье ее и препятствует ей приблизиться.

Смотри, идет; на ней лица нет, ужас
Ее из церкви гонит, божий суд
Преследует ее…

Раймонд

Прости, отец;
С надеждой я пришел и без надежды
Уйду; я видел дочь твою и знаю,
Что для меня навек она пропала.

(Уходит.)
Тибо удаляется на противоположную сторону.

Явление девятое

***Иоанна**, народ, потом ее сестры.*

Иоанна *(приближаясь)*

Я не могу там оставаться – духи
Преследуют меня; органа звук,
Как гром, мой слух терзает; своды храма
Дрожат и пасть готовы на меня;
Хочу вздохнуть под вольным небом; там
В святилище оставила я знамя
И никогда к нему не прикоснусь…
Казалось мне, что видела я милых
Моих сестер, Луизу и Алину.
Они, как сон, мелькнули предо мной…
Ах! То была мечта; они далеко,
Далеко; мне уж их не возвратить,
Как детского потерянного счастья.

Алина *(выходя из толпы)*

Жаннета!

Луиза *(подбегая к ней)*

Милая сестра!

Иоанна

О Боже!

Итак, я видела не сон; вы здесь,

Со мной; опять знакомый – слышу голос,

Опять могу в степи сей многолюдной

Родную грудь прижать к печальной груди.

Алина

Она узнала нас; она все та же

Добросердечная сестра Жаннета.

Иоанна

О милые! Вы из какой далекой,

Далекой стороны пришли сюда,

Чтоб свидеться со мной; вы мне простили,

Что из села я, не сказавшись вам,

Ушла и вас как будто отреклась.

Луиза

То воля Божия была.

Алина

Молва
О чудесах твоих дошла и к нам;
Мы не могли противиться стремленью
И, родину спокойную покинув,
Пришли сюда взглянуть на славный праздник
Пришли твое величие увидеть.
Мы не одни…

Иоанна

Как? И отец? Он здесь…
Он здесь… но где же он? Зачем он скрылся?

Алина

Отца здесь нет.

Иоанна

О Боже! Нет!.. Ужели
Свое дитя он видеть не хотел?
Но с вами он хотя благословенье

Свое прислал мне…

Луиза

Он не знал, что мы
Сюда пошли…

Иоанна

Не знал? Но для чего ж
Не знал он?.. Вы молчите, вы глаза
Потупили?.. Скажите, где отец?

Алина

С тех пор, как ты ушла…

Луиза *(делая ей знаки)*

Алина!

Алина

Он
Задумчив стал.

Иоанна

Задумчив?

Луиза

Будь спокойна;
Ты лучше нас отца, Жанета, знаешь;

Его всегда предчувствие тревожит,
Но он утешится, когда мы скажем,
Что видели тебя, что ты жива
И счастлива.

Алина

Не правда ли, Жанета,
Ты счастлива? Чему ж и быть иному
В такой чести, в такой великой славе?

Иоанна

Ах, счастлива! Я с вами, я ваш голос
Опять услышала; он мне напомнил
Отечество, домашние луга;
Там я пасла стада свои беспечно,
Там счастлива была я как в раю.
И не видать уж мне такого счастья!

(Скрывает лицо на груди Луизы.)

Арман, Этьен и Бертранд показываются в отдалении и не смеют подойти.

Алина

Арман, Этьен, не бойтесь, подойдите;
Сестра узнала нас; она все так же

Смиренна и тиха и к нам теперь
Гораздо ласковей, чем прежде.

Они приближаются и хотят подать ей руку; Иоанна смотрит на них неподвижными глазами и впадает в задумчивость; потом говорит в изумлении.

Иоанна

Где я?
Мои друзья, не правда ль? Все то было
Один лишь долгий сон? Я в Дом-Реми;
Под деревом друидов я заснула;
Теперь проснулася, и вкруг меня
Знакомые, приветливые лица
Моих родных? Об этих королях,
Сраженьях, подвигах мне только снилось;
То были тени; вкруг меня они
Носилися под тем волшебным дубом;
Иначе как зайти вам в Реймс? Как мне
Самой быть в Реймсе? Нет, не покидала
Я Дом-Реми; признайтеся, друзья,
Обрадуйте мне сердце.

Луиза

Нет, мы в Реймсе,
Иоанна, и тебе не снилось; ты
Великое свершила наяву;
Опомнись, погляди вокруг себя,
Дотронься до своих блестящих лат.

Иоанна кладет руку на грудь, приходит в себя и вздрагивает.

Бертранд

Тебе твой шлем из рук моих достался.

Арман

Не диво, что тебе все это мнится
Чудесным сном; какой быть может сон
Чудеснее того, что ты свершила?

Иоанна

Ах, убежим! Я с вами возвращусь
К отцу, в село.

Луиза

Так, милая, пойдем.

Иоанна

Они меня здесь славят без заслуги;
Но с вами я, друзья, была младенцем;
Вы слабою меня знавали, вы
Не мыслите меня боготворить —
Вы любите меня.

Алина

Ты хочешь бросить
Свое величие?

Иоанна

Хочу, друзья,
С себя сорвать убор тот ненавистный,
Который нас сердцами разлучил;
Хочу опять пастушкой быть смиренной,
Покорною работою вам служить
И горестным загладить покаяньем
Безумное величие мое.

Трубы.

Явление десятое

Король выходит из церкви в короне и порфире, ***Агнеса****, архиепископ, герцог Бургундский,* ***Дюнуа, Ла Гир, Дю Шатель****, рыцари, придворные, народ.*

Народ *(кричит во время шествия короля)*

Да здравствует король!

Гремят трубы; по мановению короля, герольды подают знак, и все умолкают.

Король

Народ мой добрый,
Благодарю за верность и любовь,
Мне отдал Бог отцов моих корону;
Народа меч ее завоевал;
Еще на ней кровь подданных видна,
Но мир ее оливою украсит.
Благодарим защитников престола,
А нашим всем врагам даем прощенье;
К нам милостив Господь всевышний был —
И первое будь наше слово: милость.

Народ

Да здравствует король!

Король

Досель незримо
Сам Бог венчал французских королей,
Но видимо из рук его прияли
Мы свой венец.

(Указывая на Иоанну.)

Народ, перед тобою
Чудесная посланница небес,
Она престол законный защитила,
Она разрушила пришельца власть;
Ее пускай народная любовь
Защитницей отечества признает;
Да будет ей воздвигнут здесь алтарь.

Народ

Да здравствует спасительница-дева!

Трубы.

Король *(к Иоанне)*

Скажи, когда ты нам равна породой,
Какое здесь тебе угодно счастье?

Но если ты сошла на время с неба,

Чтоб нас спасти под видом смертной девы,

То просвети земные наши очи;

Преобразись, дай видеть нам твой светлый,

Бессмертный лик, в каком тебя лишь небо

Видало, чтоб тебя могли мы в прахе

Боготворить.

Всеобщее молчание; все глядят на Иоанну.

Иоанна *(вдруг восклицает)*

О Боже! Мой отец!

Явление одиннадцатое

Тибо *выходит из толпы и становится прямо против* ***Иоанны****.*

Множество голосов

Ее отец!

Тибо

Так, горестный, несчастный

Ее отец, пришедший сам предать
На суд свое дитя.

Герцог

Что это значит?

Дю Шатель

Ужасный свет увидим мы теперь.

Тибо *(к королю)*

Ты думаешь: могущество небес
Тебя спасло – ты, государь, обманут;
Народ, ты ослеплен; вы спасены
Искусством адовым.

Все отступают в ужасе.

Дюнуа

Безумство!

Тибо

Нет!
Безумец ты и все вы! Как поверить,
Чтобы Господь, создатель, вседержитель,
Себя явил в такой ничтожной твари?
Увидим мы: перед лицом отца

Отважится ль она обман свой хитрый,
Которым вас прельстила, подтвердить?
Ответствуй Мне во имя трисвятого:
Принадлежишь ли ты к святым и чистым?

Всеобщее молчание; все глаза устремлены на Иоанну; она стоит неподвижно.

Агнеса

Она молчит!

Тибо

Она должна молчать
Пред именем, пред коим ад и небо
Безмолвствуют. Она святая, небом
Нам посланная? Нет, на месте страшном,
Под деревом волшебным, где издревле
Нечистый дух гнездится, было все
Придумано; там вечность продала
Она врагу, чтоб славою минутной
Здесь, на земле, ее он возвеличил.

Герцог

Ужасно!.. Но отцу поверить должно:
Отцу ли дочь свою оклеветать!

Дюнуа

Безумец, кто жестокому безумцу,
Губящему детей своих, поверит!

Агнеса *(к Иоанне)*

Ах, отвечай! Молю тебя, прерви
Ужасное твое молчанье; мы
Не усомнимся, нас единым словом
Из уст твоих ты можешь убедить;
Но отвечай, отвергни клевету,
Скажи, что ты невинна, и поверим.

Иоанна молчит; Агнеса отступает от нее с ужасом.

Ла Гир

Она испугана; внезапный ужас
Сковал язык ее; сам божий ангел
От клеветы такой оцепенеет...
Приди в себя, очувствуйся; невинность
Имеет взгляд непобедимо-сильный;
Как молния, сразит он клевету;

Иоанна, подыми свой чистый взор,
Воздвигайся во гневе благородном,
Чтоб пристыдить, чтоб наказать сомненье,
Срамящее святую добродетель.

Иоанна молчит; Ла Гир, ужаснувшись, отступает; движение в народе увеличивается.

Дюнуа

Почто дрожит народ? Чего страшатся
Вожди и рыцари? Она невинна —
Я княжеским моим ручаюсь словом;
И здесь бросаю я перчатку; кто
Отважится ее назвать виновной?

Сильный удар грома; все трепещут.

Тибо

От имени гремящего там Бога
Я говорю: Иоанна, отвечай,
Скажи, что ты невинна, что врага
Нет в сердце у тебя, и в клевете
Изобличи отца.

Другой сильнейший удар; народ разбегается во

все стороны.

Герцог

О защити,
Создатель, нас! Какие страшны знаки!

Дю Шатель *(королю)*

Уйдите, государь.

Архиепископ

Я вопрошаю
Во имя Бога: что велит тебе
Молчать – твоя невинность иль вина?
Ты слышала гремящий божий голос?
Возьми сей крест – когда он за тебя.

Иоанна стоит неподвижно; новые сильные удары грома; король, Агнеса, архиепископ, герцог, Ла Гир и Дю Шатель уходят.

Явление двенадцатое

Дюнуа. Иоанна.

Дюнуа

Иоанна, я назвал тебя невестой,

Я с первого тебе поверил взгляда;
Так думаю я и теперь; я верю
Иоанне более, чем этим знакам,
Чем говорящему на небе грому.
Понятно мне молчание твое:
То благородный гнев; себя закрыв
Святой невинностью, ты подозренью
Презренному не хочешь дать ответа;
Пренебреги его, но мне откройся;
Я в чистоте твоей не усомнился;
Не говори ни слова; дай лишь руку
В залог, что ты себя моей руке
И делу правому вверяешь смело.

(Он подает ей руку; она отворачивается с трепетом; Дюнуа смотрит на нее в изумлении и ужасе.)

Явление тринадцатое

***Иоанна, Дю Шатель, Дюнуа**, потом **Раймонд**.*

Дю Шатель

Иоанна д'Арк, король тебе позволил
Покинуть Реймс; тебе отворены
Ворота. Не страшись – никто тебя
Не оскорбит; король твоя защита…
Граф Дюнуа, вам быть здесь неприлично;
Какой конец!..

(Он уходит.)

Дюнуа несколько времени молчит, потом бросает взгляд на Иоанну и медленно удаляется; Иоанна остается одна; наконец является Раймонд; он останавливается в отдалении, смотрит на нее в горестном молчании, потом подходит к ней и берет ее за руку.

Раймонд

Воспользуйся минутой;
На улицах все пусто; дай мне руку;
Иди за мной; я буду твой защитник.

При взгляде на него, она подает первый знак чувства; смотрит быстро ему в лицо, потом на небо, потом с живостью берет его за руку, и они уходят.

Действие пятое
Явление первое

Густой дикий лес; вдали хижина угольщика; темно; ужасная гроза; слышны выстрелы.

Угольщик *и его* ***жена****.*

Угольщик

Какая сильная гроза! Все небо
В огне; ночь среди бела дня, и страшно
Бушует ветер. Видишь ли, как гнутся
Деревья, как бунтуют их вершины?
И эта на небе война – пред нею
И дикий зверь смиряется и робко
В свой темный лог уходит, – лишь одних
Людей она не может усмирить;
Сквозь шум грозы, сквозь гром и вихорь слышны
Мне выстрелы; и оба войска так
Одно к другому близко, что теперь
Лишь только этот лес их разделяет;

Того и жди, что битва загорится.

Жена

Помилуй нас, Господь; враги разбиты
Уж наголову были; отчего ж
Они опять так сделались отважны?

Угольщик

Уж им теперь король наш не опасен;
С тех пор, как, дева, стала в Реймсе ведьмой,
Нечистый дух нам боле не помощник,
И все пошло вверх дном.

Жена

Смотри, смотри,
Кто там идет?

Явление второе

Те же. ***Иоанна***. ***Раймонд***.

Раймонд

Здесь хижина, Иоанна;
Иди за мной, мы здесь найдем приют;

Ты выбилась из сил; уж третий день,
Как по лесу безлюдному ты бродишь,
Лишь дикими кореньями питаясь.
Гроза мало-помалу утихает; становится ясно.
Здесь угольщик живет; поди сюда,
Иоанна.

Угольщик

Вы устали; отдохните
У нас; чем Бог послал, мы тем охотно
Вас угостим.

Жена

На ней военный панцырь:
К чему это?.. Но, правда, в наше время
И женщине всего приличней латы;
Я слышала, что королева-мать....
Явилася опять у англичан.
Надела шлем и панцырь и живет
В их лагере как ратник; и давно ли
Пастушка, дочь крестьянина простого,
За короля сражалась?..

Угольщик

Поди, из хижины ей принеси
Напиться.

Она уходит в хижину.

Раймонд

Видишь ли, Иоанна? Люди
Не все безжалостны, и в диком лесе
Есть добрые сердца; развеселись;
Гроза прошла; на небе ясно; солнце
В безоблачном сиянии заходит.

Угольщик

Конечно, вы идете к нашим войскам.
Остерегитеся: здесь недалеко
Поставили свой лагерь англичане,
И по лесу ежеминутно бродят
Отряды их.

Раймонд

Беда нам! Как от них
Спастись?

Угольщик

Останьтесь здесь; мой мальчик скоро

Воротится из города, он вас

Оврагами лесными проведет

В французский лагерь, нам тропинки все

Знакомы здесь.

Раймонд *(Иоанне)*

Сними свой шлем и панцырь;

Они тебя не защитят, лишь только

Врагам откроют.

Иоанна трясет головою.

Угольщик

Отчего она

Такая грустная?.. Но тише, кто там?

Явление третье

Угольщикова жена выходит из хижины с стаканом воды. ***Сын*** *их и прежние.*

Жена

Наш мальчик; он из Реймса воротился.

Пей с Богом.

(Подает Иоанне стакан.)

Угольщик

Что ты скажешь? Что там слышно?

Сын *(увидев, что мать его подает стакан Иоанне, и узнав ее, бросается к ней и вырывает из рук ее стакан)*

Прочь! Что ты делаешь? Каму напиться

Ты принесла?.. Ведь это чародейка.

Угольщик и жена его *(вместе)*

Помилуй нас, небесный царь.

(Крестятся и убегают.)

Явление четвертое

Раймонд. Иоанна.

Иоанна *(с кротостию)*

Ты видишь!

Проклятие за мною по следам;

Все от меня бежит; беги и ты;

Спасайся, друг; покинь меня.

Раймонд

Тебя

Покинуть! Мне! Теперь!.. Но кто же будет

Твоим проводником?

Иоанна

Я не одна;

Есть проводник; ты слышал гром небесный?

Моя судьба ведет меня; я к цели

Моей, и не искав ее, дойду.

Раймонд

Но этот лес опасен: англичане

Толпятся здесь; они клялись тебе

Отмстить. А там французы; и они

Против тебя… Куда же ты пойдешь?

Иоанна

Чему не должно быть, того со мной

Не будет.

Раймонд

Кто ж тебе здесь пищи станет

Искать? Кто здесь тебя оборонит

От зверя дикого, от злых людей?
Кто будет за тобой ходить в болезни
И нищете?

Иоанна

Я знаю все коренья
И травы – от овец я научилась
Целебные от вредных отличать;
Я знаю ход светил и облаков;
Для человека здесь не много нужно,
Природа жизнию богата.

Раймонд

Правда.
Но должно бы тебе войти в себя,
Покаяться, и примириться с Богом,
И возвратиться в недра церкви…

Иоанна

Друг,
И ты меня винишь?

Раймонд

Я принужден;
Твое безмолвное признанье…

Иоанна

Как?
Ты, не покинувший меня в беде,
Единое мне верное творенье,
Ты, мне отдавшийся, когда весь свет
Отрекся от меня, и ты считаешь
Меня отступницей, забывшей Бога!..

Раймонд молчит.

Ах, это тяжело!

Раймонд

Как, в самом деле
Ты не волшебница! Иоанна?

Иоанна

Я
Волшебница?

Раймонд

А эти чудеса?
Ты с помощью небесной их свершила?

Иоанна

С какою же иной?

Раймонд

Но для чего же
Молчала ты пред страшным обвине-ньем?
Теперь ты говоришь; а при народе,
При короле, где ты должна была
Ответствовать, была ты как немая.

Иоанна

Я той судьбе в молчанье покорилась,
Которую мой Бог, мой повелитель,
Назначил мне.

Раймонд

Но разве дать ответа
Ты не могла отцу?

Иоанна

От Бога было,
Что было от отца; и испытанье
Отеческое будет.

Раймонд

Голос неба
Твою вину свидетельствовал им.

Иоанна

И потому, что небо говорило,
Молчала я.

Раймонд

Как? Ты единым словом
Могла очиститься – и ты решилась
Оставить свет в погибельном обмане?

Иоанна

То не обман; то было испытанье…

Раймонд

И этот стыд стерпела ты безвинно,
С покорностью, без ропотного слова?
О, я тебе дивлюсь, мой ум мутится,
В моей груди поворотилось сердце,
Я сам твоей вины не постигал,
И сладко мне словам твоим поверить…
Но кто б вообразил, что сердце в силах
Безмолвствовать пред ужасом таким?

Иоанна

Была ли б я посланницею Бога,
Когда б его не чтила слепо власти?
И я не так несчастна, как ты мыслишь;
Я в нищете – но в низкой нашей доле
Несчастье ль нищета? Меня изгнали,
Нет места, где мне голову склонить, —
Но знать себя в степи я научилась;
Лишь там была борьба в моей душе,
Где вкруг меня сияла честь. Весь свет
Моей судьбе завидовал, а я
Была несчастней всех… Но все прошло,
И я исцелена; и эта буря,
Грозившая природе разрушеньем,
Была мне друг: с землею и меня
Она очистила; во мне спокойно;
Пусть будет то, чему быть должно, – я
Уж слабости не ведаю в себе.

Раймонд

Пойдем, пойдем, изобличим неправду.

Пускай твою невинность свет узнает.

Иоанна

Кто ослепил их очи, тот один
И просветит их. Не дозревши, плод
Судьбы не упадет; наступит день —
И кто теперь меня клянет и гонит,
Тот свой обман признает, и в слезах
Моей судьбе отказано не будет.

Раймонд

Как, буду ль ждать в молчании, чтоб случай…

Иоанна *(с кротостью взяв его за руку)*

Друг, ты одно естественное видишь,
И пелена земная омрачает
Твой взор – но я бессмертное глазами
Здесь видела… Без Бога не падет
И волос с нашей головы. Взгляни
На заходящее там солнце – завтра
Оно опять взойдет среди сиянья;
Так верно день наступит оправданья.

Явление пятое

Королева Изабелла *с солдатами и прежние.*

Королева *(еще за сценою)*

Здесь в лагерь английский дорога.

Раймонд

Боже!

Погибли! Неприятель!

Солдаты выходят на сцену; увидев Иоанну, они отступают в ужасе.

Королева

Что случилось?

Что испугало вас? Куда бежите?

(Увидев Иоанну, невольно содрогается.)

Что вижу я?

(Одумавшись, быстро к ней подходит.)

Остановися, сдайся!

Ты пленница моя.

Иоанна

Сдаюсь.

Раймонд убегает в отчаянии.

Королева

В оковы!

Солдаты робко подходят к Иоанне; она протягивает руки; на нее налагают цепи.

Вот та ужасная, перед которой
В сраженье вы, как овцы, разбегались;
Она себя не в силах защитить,
Чудесная для тех, кто верил чуду,
Лишь женщина при встрече с твердым мужем.

(К Иоанне.)

Зачем покинула ты войско? Где
Граф Дюнуа, твой рыцарь и защитник?

Иоанна

Меня изгнали.

Королева

Как, тебя изгнали?
Мой сын тебя изгнал?

Иоанна

К чему вопросы?

Я пленница твоя; реши мой жребий.

Королева

Изгнал! За то, что был тобой спасен

От гибели, и в Реймсе коронован,

И королем французским сделан? В этом

Я сына узнаю… Вы! отведите

Ее в наш лагерь; пусть увидит войско

Страшилище, пугавшее его.

Она волшебница? В безумстве вашем

И в вашей робости – ее волшебство;

Она сама безумная: она

За короля пожертвовала жизнью —

И королевскую теперь награду

Пускай узнает. – Прямо и Лионелю

Ее ведите; я ему с ней вместе

Передаю окованное счастье

Французов… Я сама за вами скоро

Последую; идите.

Иоанна

К Лионелю?

Нет, лучше умертви меня.

Королева

Идите.

(Уходит с частию солдат.)

Явление шестое

Иоанна. Солдаты.

Иоанна *(к солдатам)*

Британцы, вы ль потерпите, чтоб я
Из ваших рук живая вышла? Выньте
Мечи, вонзите их мне в сердце, бросьте
К ногам вождя мой труп окровавленный;
О, вспомните, что я храбрейших ваших
Товарищей сразила беспощадно,
Что я лила ручьями кровь британцев,
Что от меня столь многие из вас
С отчизною свиданья лишены;
Отмстите мне; убийцу умертвите;
Она у вас в руках; вы не всегда

Столь слабою увидите ее.

Начальник

Исполните, что велено.

Иоанна

О Боже!

Ужель мне быть несчастною вполне?..

Владычица, иль ты непримирима?

Иль я совсем отвержена тобою?

Не внемлет Бог, не сходит божий ангел;

Спят чудеса, и небо затворилось.

(Следует за солдатами.)

Явление седьмое

Французский лагерь. ***Дюнуа. Архиепископ. Дю Шатель.***

Архиепископ

Оставь твое негодованье, принц;

Король нас ждет; ужель теперь покинешь

Ты дело общее, когда все гибнет,

Когда рука могучая в защиту
Отечеству нужна?

Дюнуа

Но что причиной
Нам новых бед? Что подняло врага?
Все было решено: победа наша;
Врат истреблен; окончена война…
Спасительницу, вы, изгнали – сами
Теперь спасайтесь; ну а мне противен
Тот лагерь, где ее уж боле нет.

Дю Шатель

Не отпускай нас, принц, с таким ответом;
Подумай…

Дюнуа

Дю Шатель, молчи! Тебя
Я ненавижу, ты мой первый враг,
В ее душе ты первый усомнился.

Архиепископ

Но кто ж из нас мог веру сохранить
В тот страшный день, когда сам бо-

жий гром
Против нее свидетельствовал с неба?
Мы были все поражены; кто мог
При ужасе таком не обезуметь?..
Но заблуждение прошло; мы видим
Ее опять в той прелести, в какой
Она являлась нам, и в страхе мыслим,
Что тяжкая неправда совершилась.
Король раскаялся, бургундский герцог
Себя винит, в отчаянье Ла Гир,
И мрачная унылость в каждом сердце.

Дюнуа

Она обманщица? О, если б с неба
Святая истина сойти хотела —
Ее черты она бы приняла;
И если где живут здесь на земле
Невинность, верность, правда, чистота —
То на ее устах, то в светлом взоре
Ее жить должно им.

Архиепископ

Лишь чуду свыше
Рассеять мрак ужасной этой тайны,
Для ока смертного непостижимой;
Но что ни совершись – все мы виновны
В одном: иль мы в союзе были с адом,
Иль божию посланницу изгнали;
И вышний гнев за наше преступленье
Несчастное отечество казнит.

Явление восьмое

***Паж**, прежние, потом **Раймонд**.*

Паж

Граф, молодой пастух пришел к вам: он
Усильно просит, чтоб ему вам лично
Сказать два слова дали; он о деве
Известие принес.

Дюнуа

Скорей ввести
Его сюда!.. Известие о ней!

(Бежит навстречу к Раймонду.)

Где, где она?

Раймонд

Благодаренье Богу,
Что с вами здесь святой наш архипастырь,
Несчастных друг, подпора притесненных;
Он будет мой заступник.

Дюнуа

Где Иоанна?

Архиепископ

Ответствуй нам, мой сын.

Раймонд

Ах, верьте мне,
Не хитрая волшебница она!
Свидетель Бог и все его святые:
Вы и народ обмануты, невинность
Изгнали вы, посланницу Господню
Отвергнули.

Дюнуа

Но где она, скажи.

Раймонд

Я был проводником; в Арденском
Лесу скитались мы, и там она
Все исповедала передо мною;
Я в муках умереть готов и царства
Небесного пускай мне не видать,
Когда она, как ангел, не безгрешна.

Дюнуа

Сам божий день души ее не чище.
Но где она?

Раймонд

О, если вам Господь
К ней душу обратил, то поспешите
Ее спасти: она у англичан
В плену.

Дюнуа

В плену!

Архиепископ

Несчастная!

Раймонд

В Арденах,
Где вместе мы пристанища искали,
Попалась нам навстречу королева;
Она ее велела оковать
И в неприятельский послала лагерь…
Погибнуть в муках ей; о, поспешите
С защитою к защитнице своей.

Дюнуа

К оружию! Бей сбор! Все войско в строй!
Вся Франция беги за нами в бой!
В залоге честь, обругана корона;
Разрушена престола оборона;
В руках врага палладиум святой;
Все за нее; всей крови нашей мало!

(Обнажает меч.)

Спасти ее, во что бы то ни стало!

(Уходит.)

Явление девятое

Башня; на верху ее отверстие.
Иоанна, Лионель, Фастольф**, потом **коро-

лева.

Фастольф *(входя)*

Не укротить бунтующий народ:
Как бешеный, он требует, чтоб выдал
Ты пленницу ему на жертву. Силой
Его не одолеть; убей ее
И выбрось к ним ее кровавый труп;
Другим ничем не усмирится войско.

Королева *(входит)*

Уж лестницы приставлены к стене;
Хотят взять приступом наш замок... Слышишь
Их крик?.. Дождешься ли, чтоб силой
Они сюда вломились? Мы погибнем,
Ее не защитить, отдай ее.

Лионель

Пускай бунтуют, мне не страшен приступ,
Мой замок крепок, я скорей в его
Обломках погребусь, чем дерзкой воле
Бунтовщиков поддамся... Отвечай,

Иоанна, мне; решися быть моею —
И за тебя я драться с целым светом
Готов.

Королева

Стыдись, британский вождь!

Лионель

Твои
Отвергнули тебя, неблагодарной
Отчизне ты ничем уж не должна;
Предатели, спасенные тобою,
Тебя покинули – они не смели
За честь твою сразиться; я ж осмелюсь
С моим, с твоим народом за тебя
Сразиться… Мне казалось прежде,
Что жизнию моей ты дорожила,
Тогда врагом стоял я пред тобою,
А ныне я единственный твой друг.

Иоанна

Из всех врагов народа моего
Ты ненавистнейший мне враг, меж на-

ми
Быть общего не может, я не могу
Тебя любить… Но если ты наклонен
Ко мне душой, то пусть во благо будет
Твоя любовь для наших двух народов;
Вели твоим полкам мою отчизну
Немедленно покинуть, возврати
Мне все ключи французских городов,
Похищенных войной; отдай всех пленных
Без выкупа; вознагради за все,
Что здесь разорено, и дай залоги
Священной верности – тогда тебе
От имени монарха моего
Я предлагаю мир.

Королева

Ты смеешь нам,
Безумная, в цепях давать законы?

Иоанна

Решись завременно; ты должен будешь
Решиться; Франции не одолеть;

Нет, нет, тому не быть! Скорей она
Для ваших войск обширным гробом будет
Храбрейшие из вас погибли; вспомни
О родине; подумай о возврате;
Уже давно пропала ваша слава,
И вашего могущества уж нет.

Королева

С безумною речей не стоит тратить!

Явление десятое

Один из военачальников входит поспешно.

Военачальник

Скорее, вождь, устрой полки в сраженье;
Французское поколебалось войско,
Они идут, знамена распустив,
Долина вся оружием сверкает.

Иоанна

Идут, идут! Теперь вооружись,
Британия! Теперь отведай силы!

Ударил час; увидим, чья победа!

Фастольф

Безумная, твоя напрасна радость;
Из этих стен живая ты не выйдешь!

Иоанна

Пускай умру – народ мой победит,
Для храбрых я уж боле не нужна.

Лионель

Я презираю их; во всех сраженьях
Мы с ними ладили, доколе эта
Рука за них не поднялась. Меж ними
Одна была достойна уваженья —
И ту они изгнали… Друг, пойдем,
Теперь наш час: пришла пора напомнить
Им страшный день Креки и Пуатье.
Вы, королева, здесь останьтесь; вам
Вверяю пленницу.

Фастольф

Как? Нам ее
Покинуть за собой?

Иоанна

Стыдися, воин,
Ты женщины окованной робеешь.

Лионель *(Иоанне)*

Дай слово мне, что ты искать свободы.
Не станешь.

Иоанна

Нет, свободу возвратить
Живейшее желание мое.

Королева

В тройную цепь ее закуйте; жизнью
Клянусь вам, что она не убежит.

На Иоанну налагают цепи, которые окружают и руки ее и все тело.

Лионель

Иоанна, ты сама того хотела;
Еще не поздно; будь за нас и знамя
Британское возьми – и ты свободна;
И те враги, которые так крови
Твоей хотят, твою признают волю.

Фастольф

Пойдем, пойдем.

Иоанна

Не трать напрасно слов;
Они идут, спеши обороняться.

Трубы. Лионель уходит.

Фастольф

Вы знаете, что делать, королева,
Когда не к нам наклонится фортуна,
Когда не мы победу…

Королева *(вынимая кинжал)*

Будь спокоен,
Я ей не дам торжествовать.

Фастольф *(Иоанне)*

Теперь
Ты знаешь жребий свой; молися ж небу,
Чтоб твой народ оно благословило.

(Уходит.)

Явление одиннадцатое

Иоанна. Королева. Солдаты.

Иоанна

Я буду за него молиться, кто
Язык мой окует?.. Но что я слышу?
Военный марш народа моего;
Как мужественно он гремит мне в душу!
Победа Франции! Британцам гибель!
Вперед, мои бесстрашные, вперед!
Иоанна близко; знамя перед вами
Она нести не может, как бывало;
Она в цепях – но дух ее свободно
Стремится в бой за вашей бранной песнью.

Королева *(одному из солдат)*

Взойди на башню; с ней все поле видно;
Рассказывай, что там случится…

Солдат всходит на башню.

Иоанна

Дружно!
Мужайся, мой народ! То бой последний;
Еще победа – и врага не стало!

Королева

Что видишь там?

Солдат

Сошлись… Вот кто-то скачет,

Как бешеный, на вороном коне, —

Покрытый тигром; вслед за ним жандармы.

Иоанна

Граф Дюнуа! Вперед, мой бодрый витязь!

Победа там, где ты.

Солдат

Бургундский герцог

Ударил на мост.

Королева

Смерть тебе, предатель!

Солдат

Ему Фастольф дорогу заступил;

Сошли с коней – дерутся, грудь на грудь —

Бургундцы с нашими перемешались.

Королева

Узнал ли ты дофина? Не видишь ли
Там королевских знаков?

Солдат

Все в пыли
Смешалось; ничего не различишь.

Иоанна

Когда б мой взор имел он иль на башне
Стояла я – ничто б не ускользнуло
От зоркости моей; и вдалеке
От ворона орла б я отличила.

Солдат

Теперь во рву ужасная тревога…
Тут все вожди…

Королева

А наше знамя?

Солдат

Веет.

Иоанна

О, если б я хотя в пролом стены

Смотреть на них могла; тогда б и взор мой

Сражением повелевал.

Солдат

О горе!

Что вижу я! Наш вождь стеснен отвсюду.

Королева *(замахивается кинжалом на Иоанну)*

Умри, несчастная!

Солдат *(торопливо)*

Освободили!..

Фастольф на них с затылка налетел:

Он мнет врагов, он врезался в их гущу.

Королева *(прячет кинжал)*

Есть ангелы-хранители!

Солдат

Бегут!

Бегут! Победа!

Королева

Кто бежит?

Солдат

Французы,
Бургундцы… поле все покрылось ими.

Иоанна

О Боже! До того ль меня покинешь?

Солдат

Какой-то раненый упал… на помощь
Бегут толпы… то, верно, вождь…

Королева

Француз
Иль наш?

Солдат

Снимают шлем; граф Дюнуа.

Иоанна в отчаянии порывается из цепей.

Иоанна

А я в цепях!

Солдат

Вот кто-то в голубой
Богатой мантии с шитьем и с белым

Пером на шлеме… он несется прямо
На наших.

Иоанна *(с живостью)*

То король, мой государь!

Солдат

Конь испугался – прянул – и упал —
Он бьется под конем – он в стременах
Запутался – к нему помчались наши —
Уж близко – вот они – он окружен.

Иоанна сопровождает каждое слово отчаянным движением.

Иоанна

Иль ангелов на небесах не стало?

Королева *(с ругательным смехом)*

Теперь пора… Защитница, спасай!

Иоанна *(бросившись на колена)*

Господь, Господь! В беде моей жестокой,
На небеса твои, с надеждой, с верой,
В тоске, в слезах я душу посылаю;
Всесилен ты – тончайшей паутине

Тебе легко дать крепость твердой стали;

Всесилен ты – тройным железным узам

Тебе легко дать бренность паутины;

Ты повелишь – и цепь сия падет

И сей тюрьмы разрушится стена;

Ты дивный Бог, с тобой слепец Самсон

И в слабости могущество низринул;

Тебя призвав, он столб переломил —

И на врага упали своды храма.

Солдат

Победа!

Королева

Что?

Солдат

Король взят в плен.

Иоанна *(вскочив)*

Нет! С нами

Бог!

(Она схватила обеими руками свои цепи и разом

перервала их; потом бросилась на близстоящего воина, вырвала из рук его меч и убежала; все остались неподвижны от изумления и ужаса.)

Явление двенадцатое

Прежние, кроме Иоанны.

Королева *(после долгого молчания)*

Что это? Во сне ль я? Где она?
И эту цепь она перервала!
Своим глазам поверить я не смею.

Солдат *(с башни)*

Она на крыльях… вихрем мчится.

Королева

Где
Она?

Солдат

Ударила в средину битвы;
Мой взор за ней не поспевает – вдруг
И там, и тут, и в тысяче местах
Является она – там раздвоит

Толпу – там сломит строй – все перед ней

Бежит и падает – французы стали,

Опять построились – о горе! Наши

Рассыпались, оружие бросают, —

Знамена пали…

Королева

Как? Ужель она

Отымет верную у нас победу?

Солдат

Она пробилась к королю – и сильной

Рукою вырвала его из битвы —

К ней бросился Фастольф – он опрокинут —

Вождь окружен – его схватили…

Королева

Стой!

Ни слова более, сойди!

Солдат

Бегите!

Спасайтеся! Они хотят ударить

На замок наш.

(Сходит с башни.)

Королева *(вынимая меч)*

Обороняйтесь! Стойте!

Явление тринадцатое

Ла Гир *вбегает с солдатами; солдаты королевы бросают оружие.*

Ла Гир *(почтительно подходя к ней)*

Поддайтеся победе, королева,
Все ваши рыцари в плену; без нужды
Не должно крови лить; мои услуги
Я предлагаю вам… Куда велите
Вас проводить?

Королева

Туда, где нет дофина;
Мне все равно, лишь бы его не встретить.

(Отдает меч и следует за Ла Гиром.)

Явление четырнадцатое

Поле сражения; позади сцены солдаты с распущенными знаменами; впереди ***король*** *и* ***герцог Бургундский****; на руках у них лежит* ***Иоанна****, смертельно раненная и неподвижная; они тихо подвигаются вперед;* ***Агнеса*** *вбегает.*

Агнеса

Ты жив, освобожден, ты снова мой!

Король

Освобожден… но вот цена свободы,
Смотри!

(Указывает на Иоанну.)

Агнеса

Иоанна! Боже! Умирает.

Герцог

Скончалась; улетел наш ангел; тихо,
Безгорестно, как спящее дитя,
Она лежит, и райский мир сияет
В чертах ее лица; уже дыханье

Не подымает груди ей; но жизнь
Чувствительна еще в руке горячей.

Король

Ее уж нет; она уж не проснется;
Ее глаза померкли для земного;
И с высоты преображенный ангел
Не зрит ни слез, ни угрызений наших.

Агнеса

Она жива; она глаза открыла.

Герцог

Иль хочешь к нам из гроба воротиться?
Иль смерть покорна ей?.. Она встает.

Иоанна *(осматриваясь)*

Где я?

Герцог

С своим народом, посреди
Твоих, Иоанна.

Король

Здесь твои друзья;

Здесь твой король.

Иоанна *(долго смотрев неподвижными глазами)*

Ах нет! Вы в заблужденьи;
Я не волшебница.

Король

Ты ангел чистый;
Мы были слепы; наш был ум в затменьи.

Иоанна *(осматриваясь с веселой улыбкою)*

Итак опять с народом я моим;
И не отвержена; и не в презренье;
И не клянут меня; и я любима…
Так! Все теперь опять я узнаю:
Вот мой король… вот Франции знамена…
Но моего не вижу… Где оно?
Без знамени явиться не могу;
Его мой Бог, владыка мой, мне вверил;
Его должна перед господний трон
Я положить; теперь с ним показаться

Я смею: я ему не изменила.

Король *(отвратив глаза)*

Подайте знамя… Вот оно, возьми.

Она берет его, подымается и стоит; небо сияет ярким блеском.

Иоанна

Смотрите, радуга на небесах,
Растворены врата их золотые;
Средь ангелов – на персях вечный сын —
В божественных лучах стоит она
И с милостью ко мне простерла руки;
О, что со мною?.. Мой тяжелый панцырь
Стал легкою крылатою одеждой…
Я в облаках… я мчуся быстротечно…
Туда… туда!.. Земля ушла из глаз…
Минута – скорбь, блаженство – бесконечно.

Знамя выпадает из рук ее, и она мертвая на него опускается, все стоят в горестном молчании. — Король подает знак, и тихо склоняют на нее все знамена, так, что она совершенно ими закрыта.

Кальдерон Педро. Стойкий принц

Действующие лица

Дон Фернандо, принц
Дон Энрике, принц
Дон Хуан Кутиньо
Царь Феса, старик
Мулей, начальник армии
Селин
Брито, шут
Альфонсо, король Португалии
Таруданте, царь Марокко
Феникс, инфанта
Роза
Сара
Эстрелья
Селима
Португальские солдаты
Пленники
Мавры

Сцена в Фесе и его окрестностях и в окрестностях Танхера.

Действие начинается в 1437 году[134].

[134] Примечания: 134

Драма написана в конце 1628 г. Впервые напечатана в «Первой части комедий Кальдерона» в 1640 г. В основе сюжета пьесы лежат подлинные исторические события африканский поход португальских войск под командованием инфантов Фернандо и Энрике (1437). Португальцы тщетно пытались взять Танжер штурмом. Защитники крепости вместе с прибывшим подкреплением разбили португальские отряды. По условиям перемирия инфант дон Фернандо остался в качестве заложника и должен был получить свободу в обмен на крепость Сеуту. Энрике, возвратившись в Португалию, собрал кортесы для ратификации мирного договора. Однако знать и духовенство воспротивились такому обмену. Фернандо умер в плену в 1443 г., лишь в 1473 г. его останки были возвращены португальцам в обмен на знатного мавританского пленника. Вскоре Фернандо был канонизирован как мученик, и его имя обросло множеством легенд. История принца Фернандо была подробно изложена в хронике «Vida del principe constante, segun la cronica de su secretario Joan F. Alvares y otros infonnaciones». Возможно, что с этой критикой был знаком Кальдерон. Кроме того, он мог знать и пьесу о доне Фернандо (1595–1598), приписываемую (хотя, по мнению некоторых авторитетных критиков, и без должных оснований) Лопе де Веге. Подвигу Фернандо посвящены 52-я и 53-я октавы I песни поэмы «Лузиады» (1572) португальского поэта Камоэнса (1524–1580).

Хорнада первая
Сцена 1-я

Сад Царя Фесского.
Пленники выходят с пением; ***Сара****.*

Сара

Ну, пойте, пойте, звуки песен
С прекрасной Феникс говорят,
Пока она, внимая песне,
Меняет пышный свой наряд.
Ей часто нравились напевы
Печали, плена и скорбей.

Первый пленник

Те песни, что рождались волей
Колодок наших и цепей,
Ужель могли ей быть желанны?

Сара

Могли и были. Пойте ей.
Она вас слушает отсюда.

Второй пленник

То будет худшей из скорбей.
О, Сара нежная, лишь звери,
Лишь птицы, чья душа во тьме,
Чей дух мышленьем не украшен,
Поют, веселые, в тюрьме.

Сара

Так никогда вы не поете?

Третий пленник

В усладу горести своей,
Но не чужой, слагаем песни.

Сара

Она вас слушает. Скорей.

Пленники *(поют)*

Все высокое сдается
Тяжкой силе долгих лет.
Время с легкостью несется
Для губительных побед.

Сцена 2-я

***Роза**. — Те же.*

Роза

Ступайте, пленники, из сада,
И пенье кончите. Сюда
Выходит Феникс молодая,
Как предрассветная звезда,
И ей гордится луг зеленый,
И ей украшены цветы.

(Пленники уходят.)

Сцена 3-я

Феникс, ***Эстрелья*** *и* ***Селима***, *как бы кончая одевать* ***Инфанту***. *—* ***Сара, Роза***.

Эстрелья

Второй зарею к нам являясь,
Как царственно прекрасна ты!

Сара

И первая сказать не смеет,
Что ей обязаны одной
Своим багряным блеском – роза,
Жасмин – своею белизной.

Феникс

Подайте зеркало.

Эстрелья

Не надо
Просить совета у него:
Ни одного нет недостатка
В картине лика твоего.

(Ей дают зеркало.)

Феникс

Что в красоте (пусть я признаю,
Что я красива), что мне в ней,
Коль нет веселья, нет блаженства?

Селима

Какая ж боль в душе твоей?

Феникс

Ах, если б знала я, Селима,
Что мучит сердце, мне б тогда
Усладой горести служила
Моя сердечная беда!
Когда б я знала, в чем страданье
И чем нарушен мой покой,

Я назвала бы огорченьем
То, что зову теперь тоской.
Но я лишь чувствую и знаю
Глухую боль каких-то ран,
Воспринимаю огорченно
Души встревоженной обман.

Сара

Когда тебя не развлекает
Весною расцвеченный сад,
Где в пышном храме из жасминов
Колонны роз, блестя, молчат,
Отправься к морю: лодка будет
Воздушной колесницей дня.

Роза

И на волнах увидя столько
Живого блеска и огня,
Печально сад промолвит морю:
«Уж солнце, в мир бросая тень,
В свое вернулось средоточье:
Как быстро минул этот день!»

Феникс

Напрасно, образуя тени,
Являя дали, тешит взор,
Средь отражений и сияний,
Земли и моря дружный спор.
С цветами спорят блеском волны,
С волнами речь ведут цветы,
И друг у друга отнимают
Первопрестольность красоты.
Увидя, как умеет море
Движеньем волн своих дышать,
Стремятся в зависти растенья
Его теченью подражать:
И потому зефир влюбленный,
Волнуя цвет и аромат,
Колеблет нежные растенья
И изменяет пышный сад,
И он является не садом,
А океаном из цветов:
И море, видя с огорченьем,
Как вешний сад и свеж и нов,
Стремится также разукрасить
Роскошной пеной берег свой,

Высокие ломает волны,
С их белизной и синевой,
И в состязании изящном,
Вторичный воплотив закон,
Красуется залив зеленый
И голубой цветущий склон,
И красотою ярких перьев,
И переливностью сквозной,
Блистает сад, как море в цвете,
И море точно сад весной:
Так как же тосковать должна я,
Когда привлечь не могут взор
Земля и небо, сад и море?

Сара

Велик души твоей раздор.

Сцена 4-я

***Царь**, с портретом. — Те же.*

Царь

Когда недуг твой позволяет
Дать отдых для сердечных бед,

Пусть этот подлинник прекрасный
(То подлинник, а не портрет,
В нем дышит жизнь) тебе расскажет,
На утешение всем нам,
Что Принц мароккский, Таруданте,
Кладет венец к твоим ногам.
Он от него послом явился,
И несомненностью зови,
Что раз посол немым приходит,
Так с ним послание любви.
В его защиту я вступаюсь:
Он десять тысяч мне дает
Проворных всадников, которых
В моих войсках недостает.
А я как раз намереваюсь
Немедля Сеуту отбить.
Пусть стыд положит гнев на милость
И не препятствует любить
Того, кто будет в нашем Фесе,
На много беспечальных дней,
Блистательно короноваться,
Как царь над красотой твоей.

Феникс

Аллах да будет мне защитой!

Царь

Ну, что ж ты опускаешь взор?
Что так тебя тревожит сильно?

Феникс *(в сторону)*

Увы, мой смертный приговор.

Царь

Что говоришь ты?

Феникс

Государь мой,
Ты знаешь, что уж столько дней
Ты был мой царь, отец, владыка.
Что ж говорить мне?

(В сторону.)

(О, Мулей!
Какой тобой утрачен случай!)
Молчание (О, горе мне!)
Есть знак лишь моего смиренья.

(В сторону.)

(О, лжет душа, горя в огне,
Лжет голос, говоря такое!)

Царь

Возьми портрет.

Феникс *(в сторону)*

Возьму рукой,
По принужденью, не душою.

(Слышен пушечный выстрел.)

Сара

Встречают пушечной пальбой
Мулея, кончившего ныне
По морю фесскому блуждать.

Царь

И справедлива эта встреча.

Сцена 5-я

***Мулей**, с жезлом главнокомандующего. — Те же.*

Мулей

Дай ноги, Государь, обнять!

Царь

Мулей, счастливое прибытье!

Мулей

Кто, прибывая, видит свет
Такой властительнейшей сферы,
Чьей силой мир кругом одет,
И кто, вступая в пристань, видит
Дочь солнца, ясную зарю,
Его прибытие счастливо,
Я это смело говорю.
Прошу, сеньора, дай мне руку.
Я эту милость заслужил:
Лишь для тебя готовя славу,
Я не щажу послушных сил.

(В сторону.)

(Ушел как раб, и вновь с любовью,
Как прежде пылкой, прихожу).

Феникс *(в сторону)*

(О, небеса! Что предо мною?)
Я с благодарностью гляжу,
Мулей, на преданность и верность.

(Я умираю.) Твой приход
Да будет счастлив.

Мулей *(в сторону)*

Нет, как вижу,
Он много мне сулит невзгод.

Царь

Что ж нового, Мулей, на море?

Мулей

Теперь терпенье покажи:
Дурные вести приношу я.

Царь

Все, что ты знаешь, нам скажи:
Кто одарен душою стойкой,
Тот с ликом ясности всегда
Добро и зло равно встречает.
Сядь, Феникс нежная, сюда.

Феникс

Я здесь.

Царь

Садитесь все. Внимайте.

Не скрой молчаньем ничего.

(Царь и дамы садятся.)
Мулей *(в сторону)*

(Нет красноречья, нет молчанья,
Увы, у сердца моего.)
Великий Царь, как повелел ты,
С двумя галерами я вышел,
Чтоб совершить объезд по морю
Вдоль берберийских берегов[135].
Твоим намерением было,
Чтоб прибыл я в тот город славный,
Что звался некогда Элисой;
У самой бухты он стоит
Близ Геркулесова пролива[136],
Название его от Сейдо,
А Сейдо, Сеута, в еврейском,
Как и в арабском, красота.
Воистину красив тот город!

---

[135] Примечания: 135

Чтобы совершить объезд по морю Вдоль берберийских берегов. Берберийский берег — обозначение, принятое для африканского побережья.

[136] Примечания: 136

Имеется в виду Гибралтарский пролив.

Но небеса его отторгли
От твоего венца, владыка;
Быть может, мудрый Магомет
Хотел свой гнев явить нам в этом,
И в посрамленье нашей силы
Нам португальские знамена
На башнях видятся его.
И в них насмешка нашей славы,
Для нашей гордости преграда
Кавказ, которым задержался
Могучий Нил твоих побед[137],
И посредине перервавшись,
Поток разливный остановлен,
И путь в Испанию утрачен.
Так выполняя твой приказ,
Я вышел в море, чтоб разведать,
Какой он вид теперь имеет,
Какие в нем сокрыты силы,
И как вернее можешь ты,
Уменьшив тяжесть предприятья,

---

[137] Примечания: 137

В поэтической лексике того времени Кавказ — частый символ высочайшей преграды; Нил — величайшей реки в мире.

Начать войну. Да будет воля
Небес на то, чтобы с победой
Тебе был город возвращен!
Хотя теперь нам ждать придется,
Покорствуя беде важнейшей;
И замысел ты свой отвергни,
Увидя, что зовет другой:
Войска, которые тобою
Для Сеуты предназначались,
Должны к Танхеру устремиться,
Там та же горькая беда,
Там то же горькое несчастье,
Там та же пытка, та же мука.
Я это знаю, потому что
Однажды, утренней порой,
В тот час, когда, полупроснувшись,
И смутный запад попирая,
Выходит солнце, разметавши
Волну сияющих волос
Над нежной белизной жасминов,
Над блеском роз багряноцветных,
И тканью золотой стирает

С очей проснувшейся зари
Сверканье слез огня и снега,
Их превращая в пышный жемчуг,
Вдали на море увидал я
Громаду тяжких кораблей:
И в это первое мгновенье
Не мог решить мой взор смущенный,
Что было там на горизонте,
Утесы или корабли.
Подобно как в живописаньи
Искусной кистью создаются
Виденья, облики, и дали,
И, перспективой обольщен,
То видит глаз глухие горы,
То города с их светлой славой,
Всегда рождает отдаленность
Толпу чудовищ для очей,
Так точно в областях лазурных,
Смешавши волны с облаками
И море с небом сочетая,
Сплетенье света и теней
Родило тысячи обманов

Для глаз, увидевших сначала
Лишь облик смутных очертаний
Без различенья четких форм.
Сперва, увидев, что краями
Те отдаленные предметы
Уходят в небо, мы решили,
Что это были облака
Из тех, которые стремятся,
К сафиру моря прикоснувшись,
Зачать потоки дождевые,
Чтоб их кристаллами родить.
И складно было так подумать,
Неисчислимая громада,
Казалось, всю морскую бездну
По капле думала испить.
Потом нам ясно показалось,
Что это рой морских чудовищ
В сопровождении Нептуна
Из водных выступил пещер;
Игрушка утреннего ветра,
Вздувались паруса, качаясь,
И нам казалось, это крылья

Качаются над зыбью волн.
Но этот Вавилон огромный
Приблизился, и было видно,
Что вымпела с их трепетаньем
Его висячие сады.
Удостоверенное зренье
Тогда узнало без ошибки,
Что это близилась армада
По глади рассеченных вод.
Вкруг кораблей взметались волны,
Они кудрявились, крутились
То серебристыми скалами,
То горами из хрусталя.
Такие вражеские силы
Перед собою увидавши,
Я повернул: порой умело
Бежать – есть тоже победить.
Подробно море это зная,
Зашел я в замкнутую бухту,
Где под прикрытьем двух утесов
Нашел прибежище себе.
И мог без страха встретить ярость

Такой могущественной силы,
Явившейся на изумленье
Земли и моря и небес.
Они пришли, нас не заметив,
И я, желая (столь понятно!)
Узнать, куда армада эта
Направила дальнейший путь,
Решил вторично выйти в море,
И этот раз мои надежды
Напрасными не оказались,
Всевышней волею небес:
От флота сильного отставший
Один корабль на зыби водной,
Незащищенный, слабо бился,
Он, как позднее я узнал,
От всей армады, перенесшей
Свирепость бури, отделился,
И был разбит, и был разорван,
И так наполнен был водой,
Что не могли его насосы
Ее вычерпывать: качаясь
И наклоняясь вправо, влево,

Он выплывал и утопал,
Я подошел к нему вплотную,
И утопавших тем утешил,
Хоть я и мавр, – иметь в несчастьи
Товарища, – приятно всем,
Настолько, что усладой служит
И вид врага. Желанье жизни
Настолько охватило многих,
Что, сделав лестницей канат,
Они сдались, хотя другие
Их осуждали, восклицая,
Что жить – не жить, живя без чести,
И с португальским хвастовством
Сопротивленье оказали.
Один из сдавшихся подробно
Поведал, что армада эта
Из Лиссабона шла в Танхер,
Чтоб осадить его геройски,
И на стенах его зубчатых
Чтоб португальские знамена
Блистали так же, как всегда
На Сеуте мы это видим,

Когда выходит в небо солнце.
Царь португальский, Эдуарте,
Чья слава, полная побед,
Витает с римскими орлами,
Своих двух братьев посылает,
Энрике и Фернандо, славу
Столетья нашего, чтоб здесь
Они победой увенчались.
Магистры ордена – чье имя
Христос и Авис, – эти братья[138]*;*
И на груди у них кресты,
Зеленый крест и крест багряный.
Они четырнадцати тысяч
Солдат выплачивают деньги,
Тех не считая, государь,
Что служат им в свой счет, бесплатно.
Коней могучих десять сотен

---

[138] Примечания: 138

Ависский орден — португальский духовно-рыцарский орден, был основан в 1162 г. кастильскими рыцарями ордена Калатравы. Получил название по городу Авису, в 1162 г. сыграл значительную роль в истории Реконкисты (в 1789 г. перестал существовать). Орден Христа — португальский духовно-рыцарский орден, основанный в 1319 г. королем Дионисием I.

Дала испанская надменность,
И каждый конь – как ягуар,
Как ягуар, одетый тигром.
Они теперь уже в Танхере,
И в этот час, о, государь мой,
Ступают по его пескам,
А если нет, то проплывают
Вдоль берегов. Так поспешим же
И защитим его: бесстрашно
Бич Магомета подними,
И лучший лист из книги смерти
Исторгни властною рукою,
Быть может, совершится ныне,
Что Морабиты предрекли,
Что португальская корона
Найдет злосчастную могилу
Среди песков, сожженных солнцем,
На африканских берегах.
Пусть силою меча кривого
Кровь португальцев изольется,
И ширь полей зелено-синих
Воспримет ярко-алый цвет.

Царь

Молчи, не говори мне больше,
Твои слова смертельный яд,
Они во мне свирепость будят
И казнью лютою казнят.
Пускай Инфанты с мощной ратью
Идут, подобные огню.
Я укрощу смельцов кичливых
И в Африке похороню.
Мулей, ты с конницей немедля
Отправься к берегу и там
Держись, пока с своею силой
Я не приду на помощь к вам.
Твоей я крови доверяюсь.
Ты в стычку вовлеки врагов,
Не дозволяя захватить им
Все протяженье берегов,
А я с проворностью такой же,
Как ты, неся с собой беду,
Всех остальных бойцов бесстрашных
На поле битвы приведу.
Мы кровью спор запечатлеем,

Мы явим для веков пример,
И Сеута моею будет,
Им не достанется Танхер.

(Уходит.)

Сцена 6-я

Феникс, Мулей, Сара, Роза, Эстрелья, Селима.

Мулей

Хоть ухожу, но не хочу я
Уйти, о, Феникс, без того,
Чтоб не сказать, что умираю
Я от недуга моего.
И мой недуг меня заставит
Почтительность к тебе забыть:
Но тот, кто ревностью терзаем,
Учтивым может ли он быть?
В твоей руке прекрасно-белой
Скажи, врагиня, чей портрет?
Кто этим счастием обласкан?
Скажи мне, кто? Но, впрочем, нет.

Не говори мне оскорблений:
Не слыша от тебя, кто он,
Его в твоей руке увидя,
Я слишком, слишком поражен.

Феникс

Мулей, хотя мое желанье
Тебе позволило любить,
Но оскорбительным, но грубым
Со мною ты не должен быть.

Мулей

То правда, Феникс, сам я знаю,
Что так нельзя мне быть с тобой;
Но видит небо, что, ревнуя
И мучаясь, я сам не свой.
Тебе служил, тебя любил я,
Тебя я в сердце берегу;
Но если я молчал, влюбленный,
Молчать, ревнуя, не могу.

Феникс

Твоя вина не заслужила,
Чтоб объясненья я дала,

Но для себя самой хочу я,
Чтоб не было меж нами зла.
Причина есть…

Мулей

Так есть?

Феникс

Конечно.

Мулей

Да сохранит тебя Творец!

Феникс

Портрет мне…

Мулей

Послан?

Феникс

Таруданте.

Мулей

Зачем?

Феникс

Затем, что мой отец,

Не зная о моей заботе…

Мулей

Отлично.

Феникс

Пожелал, чтоб два
Владенья царские…

Мулей

Довольно.
Причина, значит, такова?
Творец тебя да покарает!

Феникс

Но в чем, скажи, моя вина,
Когда отец замыслил это?

Мулей

Ты лучше умереть должна
Была сегодня, но портрета
Не принимать.

Феникс

Свою боязнь
Могла я скрыть, но что же сделать

Могла бы я?

Мулей

Пойти на казнь,
Как я пошел бы.

Феникс

Неизбежность.

Мулей

Ты позабыла свой обет.

Феникс

Я уступила поневоле
Насилию.

Мулей

Насилья нет!

Феникс

Так что же?

Мулей

Я, с тобой расставшись,
Мою надежду схоронил.
И так как снова убеждаться
В твоей измене – выше сил,

Я ухожу, – ты можешь, Феникс,
Мне пожелать побольше зла.

Феникс

Иди, разлука неизбежна…

Мулей

Уже душа моя ушла.

Феникс

В Танхер, а сетованья после
Окончишь в Фесе, в свой черед.

Мулей

Да будет мой недуг продолжен.

Феникс

Прощай, разлука нас зовет.

Мулей

Итак, портрета не отдавши,
Ты мне велишь теперь идти?

Феникс

Когда б не Царь, его давно бы
Я уничтожила.

Мулей

Пусти,
Отдай же, говорю, портрет мне,
Пусть вырву из руки – того,
Кто за моей спиною вырвал
Меня из сердца твоего.

(Уходят.)

Сцена 7-я

Побережье Танхера.
За сценой слышен звук рожка, шум высадки на берег, затем выходят ***Дон Фернандо, Дон Энрике, Дон Хуан Кутиньо*** *и португальские солдаты.*

Дон Фернандо

О, Африка прекрасная, пусть первым
На берег твой песчаный я вступлю,
Чтоб тяжести шагов ты уступила,
Как волны уступают кораблю.

Дон Энрике

А я вторым на почве африканской
Встаю.

(Падает.)

Да осенит нас Дух Святой!
И здесь за мною следом предвещанья.

Дон Фернандо

Энрике, прогони свой страх пустой.
Раз ты упал, паденье это значит,
Что пред тобою самая земля,
Как пред царем, объятья раскрывает.

Дон Энрике

Пустынны горы, долы и поля,
Арабы, увидав нас, прочь бежали.

Дон Хуан

Танхер закрыл ворота стен своих.

Дон Фернандо

Граф де Миральва, Дон Хуан Кутиньо,
Враги ушли, но мы отыщем их.
Исследуйте подробно поле битвы,
И прежде чем полдневный жгучий зной
Нас будет жечь и ранить беспощадно,
Забросьте в город возглас боевой.
Скажите, чтоб не думал защищаться,
А ежели царит упорство в нем,

В Танхер ворвавшись, быстро я сумею
Его наполнить кровью и огнем.

Дон Хуан

Смотри же, как, направившись к воротам,
Я вплоть до крепостных приближусь круч,
Хотя бы там вулкан огней и молний
Извергнул к солнцу сонмы дымных туч.

(Уходит.)

Сцена 8-я

***Брито, Дон Фернандо, Дон Энрике**, португальские солдаты.*

Брито

Благодаренье Богу, я на суше.
Иду, куда хочу. Апрель и май.
Ни тошноты, ни ужасов, ни качки,
И я не в море. Ну, вода, прощай.
Не в море я, где даже самый быстрый

К чудовищу из дерева причтен,
И может быть судьею этим глупым
Внезапно на погибель осужден.
Родимая земля, да не умру я
В воде, и до последнего конца
Пускай и на земле не умираю.

Дон Энрике

Ты можешь слушать этого глупца?

Дон Фернандо

А ты так безрассудно, безутешно
Не слушаешь, как шепчет страх в тебе?

Дон Энрике

Душа моя полна предчувствий темных,
И казнь моя желательна судьбе:
Везде я вижу только лики смерти,
С тех пор как флот оставил Лиссабон,
Едва на этот берег берберийский
Набег армады нашей был решен,
Как Аполлон, весь в саване туманов,
Сокрыл свой образ, между туч, вдали,

И море, бурей бешеной объято,
Вдруг разметало наши корабли.
Взгляну на море – там ряды видений,
На небо – там в лазури вижу кровь,
На воздух – там ночные вьются птицы,
Смущенный, я смотрю на землю вновь,
Разъятая, она могилы кажет,
Я падаю, бессилием объят.

Дон Фернандо

Я изъясню тебе твои сомненья,
Печалиться не нужно, милый брат.
Один корабль у нас разбила буря,
И этим самым море предрекло,
Что слишком много войска взято нами;
Оделось небо пышно и светло,
В багряный цвет, – не ужас в том, а праздник;
Чудовища нам видятся в воде
И птицы в ветре – создали не мы их,
И если здесь мы видим их везде,
Они конец кровавый предвещают

Своей земле. Не верь в пустой обман,
Приличны эти все приметы маврам,
В них указаний нет для христиан.
Мы оба христиане, и с оружьем
Не для тщеславья прибыли сюда,
Не для того, чтоб мир в бессмертных книгах
Сказания о нас читал всегда.
Пришли мы возвеличить веру в Бога,
Ему и честь и слава надлежит,
Когда дозволит, будем жить счастливо:
Гнев Божий нас повсюду сторожит.
Его страшиться должно; но не в страхах
Пустых нисходит гнев с Его вершин:
Ему служить пришли мы, не обидеть:
Так будь же до конца христианин.
Но что случилось?

Сцена 9-я

***Дон Хуан**. — Те же.*

Дон Хуан

Повелитель,
Идя к стене, как ты сказал мне,
На склоне той горы высокой
Я конный увидал отряд;
Сюда стремится он из Феса,
И так наездники проворны,
Что кони, кажется, не кони,
А перелетных стая птиц.
Их не поддерживает ветер,
Земля едва их ощущает,
И воздух и земля не знают,
Они бегут или летят.

Дон Фернандо

Так поспешим же к ним навстречу,
Вперед направим мушкетеров,
За ними с копьями и в латах
Пусть выйдут конные бойцы.
Начало доброе, Энрике,
Нам обещает этот случай.
Его приветствовать должны мы.

Итак, мужайся.

Дон Энрике

Я твой брат.
Не устрашит меня неверность
Такого случая и даже
Не устрашил бы облик смерти.

(Уходят.)

Брито

А что касается меня,
Мне надо быть всегда в засаде.
И стычка же! На копья – копья.
Турнир, скажу вам, превосходный,
Ну, надо мне скорей в тайник.

(Уходит.)
(За сценой слышен призыв к оружию.)

Сцена 10-я

*Другой пункт побережья. **Дон Хуан** и **Дон Энрике**, сражаются с несколькими маврами.*

Дон Энрике

Смелей, на них, уже разбиты,

Повсюду мавры отступают.

Дон Хуан

Поля убитыми покрыты
Солдатами и лошадьми.

Дон Энрике

А что ж не видно Дон Фернандо?

Дон Хуан

В пылу борьбы он где-то скрылся.

Дон Энрике

Отыщем же его, Кутиньо.

Дон Хуан

Где ты, повсюду я с тобой.

(Уходят.)

Сцена 11-я

***Дон Фернандо**, со шпагой Мулея, и **Мулей**, с одним только щитом.*

Дон Фернандо

На поле битвы опустелом,

Что общей кажется могилой,
Или театром самой смерти,
Остался, мавр, один лишь ты,
Твои солдаты отступили,
Твой конь струит потоки крови,
Покрытый пеною и пылью,
Он возмущает дольний прах,
И меж коней, освобожденных
От седоков своих убитых,
Тебя добычей он оставил
Моей властительной руки.
И я горжусь такой победой,
Ее желаннее иметь мне,
Чем видеть это поле битвы
Венчанным злостью гвоздик.
Так много пролито здесь крови,
И так украсилось ей поле,
И так несчастие громадно,
Что утомленные глаза,
Проникшись жгучим состраданьем,
Уставши всюду видеть гибель,
Невольно ищут, не глядит ли

Меж красного зеленый цвет.
Итак, твою сразивши храбрость,
Я из коней, бродивших в поле,
Взял одного, и оказался
Таким чудовищем тот конь,
Что, сын ветров, он притязает
Быть у огня усыновленным,
И между пламенем и ветром
Его оспаривает цвет,
Он белый весь, и потому-то
Вода сказала: «Он рожденье
Моих глубин, его из снега
Могла сгустить одна лишь я».
По быстроте он, словом, ветер,
По благородству – пламя молний,
По белизне – воздушный лебедь,
По кровожадности – змея,
По красоте – высокомерный,
По дерзновенности – могучий,
По ржанью звонкому – веселый,
По груди сильной – великан.
Сев на седле и сев на крупе,

Вдвоем с тобой чрез море крови
Мы проносились между трупов
На оживленном корабле,
И между пеною и кровью,
Как бы играя в перламутре,
Он от хвоста до самой челки
В стремленьи бешеном дрожал
И, чуя тяжесть над собою,
Двойною парой шпор пронзенный,
Он мчался, чудилось, влекомый
Теченьем четырех ветров.
Но и такой атлант могучий
Под тяжестью своей сломился,
Затем что тяжкий гнет несчастий
И зверю чувствовать дано;
А может быть в своем инстинкте
Задет, он про себя промолвил:
«Веселым шествует испанец,
Печальным едет в путь араб:
Так против родины я буду
Изменником и вероломным?»
Но будет говорить об этом.

Глубоко опечален ты,
Скрывает сердце, сколько может,
Но ты устами и глазами
Изобличаешь те вулканы,
Что у тебя в груди кипят,
И шлешь ты пламенные вздохи,
И слезы нежные роняешь,
И каждый раз, как обернусь я,
Моя душа удивлена;
Должна другая быть причина,
Которая тебя печалит,
Не мог твой дух одним ударом
Судьбы жестокой быть сражен:
И было бы несправедливо
И дурно, если б о свободе
Так горько плакал тот, кто может
Так тяжко раны наносить.
И потому, коль, рассказавши
Другому о своем несчастьи,
Тем самым горе облегчаешь,
Пока к моим мы не придем,
Раз эту милость заслужил я,

Тебя степенно и учтиво
Я убеждаю, расскажи мне,
Какое горе у тебя.
Скорбь сообщенная бывает
Не побежденной, но смиренной,
И я, виновник самый главный
Превратности твоей судьбы,
Желаю быть и утешеньем
И устранителем причины
Твоих печальных воздыханий,
Коли причина разрешит.

Мулей

Велик ты в храбрости, испанец,
И так учтив ты, как бесстрашен;
И ты словами побеждаешь,
Как шпагой можешь побеждать.
Когда меня на поле битвы
Ты победил мечом могучим,
Ты жизнь мою своею сделал,
И вот вторично взят я в плен;
Моя душа твоею речью
Побеждена, ты повелитель

И над душою и над жизнью,
Ты и жесток и милосерд,
И побежден тобой я дважды
Оружием и обращеньем.
Ко мне проникшись состраданьем,
Испанец, ты меня спросил,
О чем я пламенно вздыхаю;
Я сознаю, что, если скажешь
Другому о своем несчастьи,
Оно тогда умягчено,
Но сознаю я вместе с этим,
Что тот, кто говорит о боли,
Желает, чтоб она смягчилась,
Моя же боль в моей душе
Царит настолько над моими
Восторгами, что, не желая
Смущенья их и облегченья,
Хотел бы я о ней молчать;
Но нужно мне повиноваться,
И я тебе открою тайну.
Я Фесского Царя племянник,
И называюсь шейх Мулей.

Мой род прославлен многократно
Наместниками и пашами.
Но я был сыном злополучии
С первоначальных дней моих,
И даже на пороге жизни
Родился я в объятьях смерти.
Пустыня, что была великой
Могилой для испанских войск,
Была моею колыбелью:
Узнай, что я родился в Хельве[139],
В тот самый год, когда у Хельва
Вы пораженье понесли.
Явился я к Царю Инфантом,
Служить ему. – Но тут начало
Моих печалей и несчастий:
Казни, судьба, меня, казни.
Я красоту увидел в Фесе,
Она, мое очарованье,
Жила близ моего жилища,

---

[139] Примечания: 139

Хельвы — одна из транскрипций названия острова Джерба (залив Габес в Средиземном море), вблизи которого в начале XVI столетия происходили жестокие сражения испанских войск с турками и маврами.

Чтоб ближе смерть я встретить мог.
И чтоб любовь была вернее,
Чтоб не могла она порваться,
Росли мы оба неразлучно
С первоначальных наших лет,
И в те младенческие годы
Любовь не молнией явилась,
Когда глубоко поразила
Не силу и не высоту,
А нежность, трепетность, смиренность,
И, чтоб явить свое господство,
Она неравными стрелами
Пронзила юные сердца.
Но как вода своим упорством
На камне след обозначает
Не силою своих ударов,
А тем, что падает всегда,
Так неотступными слезами
Сумел пробить я камень сердца,
Который в долгом равнодушьи
Казался тверже, чем алмаз;

Не силою заслуг особых,
А тем, что я любил безмерно,
Ее заставил я смягчиться,
И, осчастливлен ею, жил,
Хотя недолго, наслаждаясь
Восторгами любви блаженной,
Но отлучился на несчастье:
Довольно этим я сказал!
Другой влюбленный в это время
Меня убил своей любовью,
Он счастлив был, а я несчастен,
Он близко был, я далеко,
И я в плену, а он свободен,
Так велико противоречье
Его судьбы с моей судьбою:
Решай, могу ли я скорбеть!

Дон Фернандо

О, смелый мавр и в чувствах нежный,
Коль ты влюблен, как повествуешь,
И очарован, как сказал мне,
И любишь, как изобразил,
И так ревнуешь, как вздыхаешь,

И так мечтаешь, как боишься,
И так желаешь, как тоскуешь,
Блаженно мучаешься ты.
Один лишь выкуп мне желанен:
Чтобы твоим был этот выкуп.
Вернись к возлюбленной, скажи ей,
Что португальский дворянин
Тебя в рабы ей посылает:
А ежели она захочет
Мне заплатить из чувства долга,
Мое добро бери себе:
Возьми у ней любовь как деньги
И получи с нее проценты.
Смотри, уж конь, упавший наземь,
Передохнул и снова встал;
Я знаю, что зовут любовью,
И знаю, в чем беда разлуки,
Тебя удерживать не стану,
Бери коня и поспешай.

Мулей

Я не скажу тебе ни слова;
Кто дар свой щедро предлагает,

Тот награжден уже тем самым,
Что принят добровольный дар.
Скажи мне, португалец, кто ты?

Дон Фернандо

Не более, как благородный.

Мулей

Кто б ни был ты, я это вижу.
Я буду навсегда твой раб,
Как в счастии, так и в несчастьи.

Дон Фернандо

Бери коня, не медли. Поздно.

Мулей

Когда тебе так показалось,
Что чувствует, кто был в плену
И кто к любви спешит, свободный?

(Уходит.)

Дон Фернандо

Великодушно – дать другому
Свет жизни.

Мулей *(за сценой)*

Храбрый португалец!

Дон Фернандо

Он с лошади мне говорит.
Чего ты хочешь?

Мулей *(за сценой)*

Я надеюсь,
Что будет день, когда сумею
Я отплатить за это благо.

Дон Фернандо

Да усладит тебя оно.

Мулей *(за сценой)*

Добро не может потеряться.
Аллах тебя да сохраняет,
Испанец смелый.

Дон Фернандо

Если только
Аллах есть Бог, будь счастлив с ним.

(За сценой слышны барабаны и трубы.)

Но что за трубный звук я слышу?
Им ветры быстрые полны,

Загрохотали барабаны,
Я слышу музыку войны.

Сцена 12-я

***Дон Энрике*, *Дон Фернандо*.**

Дон Энрике

Фернандо, я к тебе с известьем.

Дон Фернандо

Что нового?

Дон Энрике

Ты слышишь шум?
Войска из Феса и Марокко
На нас примчались, как самум.
Нежданно прибыл Таруданте,
Чтоб фесскому царю помочь,
Сам царь пришел с огромным войском,
И обступили нас, как ночь.
Ведя осаду, их войсками
Мы с двух сторон осаждены,
С одним рука с рукой сразимся,

Другому тыл предать должны.
Нас ослепили блески Марса.
Что делать нам в беде такой?

Дон Фернандо

Что делать? Умереть, как должно,
С невозмутимою душой.
Мы два Маэстре, два Инфанта,
Довольно было бы сказать
Два португальца, чтобы страха
Ни перед чем не показать.
Так повторим, Христос и Авис,
Христос и Авис навсегда,
И с радостью умрем за веру,
Коль умереть пришли сюда.

Сцена 13-я

Дон Хуан. — Дон Фернандо, Дон Энрике.

Дон Хуан

В недобрый час на этот берег
Сошли мы с наших кораблей.

Дон Фернандо

Не время говорить об этом,
Сражаться нужно нам. Смелей!
Судьба взывает к нашей силе,
Мы вражьей стиснуты толпой,
Итак, на бой. Христос и Авис!

Дон Хуан

Идемте все. На бой, на бой!

(Уходят с обнаженными шпагами, и возникает битва.)

Сцена 14-я

Брито

Не выйти нам из переделки,
Два против одного сошлись.
Преподлая, скажу вам, штука.
О, небо, небо, отворись!
Хоть щелку маленькую дай мне,
Чтоб смерти избежать тому,
Кто вышел в битву, сам не зная,
Ни для чего, ни почему.

Давай-ка притворюся мертвым,
А заодно, не будь я глуп,
Вменю себе, что это время
Я не жил, будучи как труп.

(Бросается на землю.)

Сцена 15-я

***Мавр**, с обнаженным мечом нападает на **Дона Энрике**. — **Брито**, на земле.*

Мавр

Кто отражает так удары
Руки, струящей свет огней
Четвертой сферы?[140]

Дон Энрике

Тот, кто может,
Доверясь храбрости своей,
С врагами бешено сражаться
Как со свирепыми зверьми.

---

[140] Примечания: 140

Четвертой сферой является Солнце, занимающее в планетной системе Птолемея четвертое место (К. Б.).

Кто я, тебе мой меч покажет.

(Топчут лежащего Брито и уходят.)

Брито

И топчет же. Ах, черт возьми!

Сцена 16-я

Мулей *и* ***Дон Хуан***, ***Кутиньо***, *сражаясь. —* ***Брито***.

Мулей

Я вижу, португалец смелый,
Как сила велика твоя,
И не смущаюсь, вам победу
Сегодня дать хотел бы я.

Дон Хуан

О, горе мне, куда ни встану,
Топчу я трупы христиан.

(Уходят оба.)

Брито

Топчи, пожалуй, только я-то
Зачем в удел топтанью дан?

Сцена 17-я

***Дон Фернандо**, отступая перед **Царем** и другими маврами. — **Брито**.*

Царь

Высокомерный португалец,
Я обещание даю,
Что если ты оружье сложишь,
Ты дружбу получил мою.
Скажи мне, кто ты?

Дон Фернандо

Только рыцарь.
И больше сведений не жди.
Убей меня.

Сцена 18-я

***Дон Хуан**, становится рядом с **Доном Фернандо**. Те же.*

Дон Хуан

Пусть враг сначала
Найдет отпор в моей груди,
Она стеной алмазной будет.
Вперед, Фернандо, дай им знать
Свою наследственную храбрость.

Царь

Чего еще мне больше ждать?
Пусть прекратится спор оружья,
Не нужно больше славы мне:
Раз этот пленник мной захвачен,
Победа решена вполне.
Во имя плена или смерти
Исполни, что я говорю:
Твой рок свершен, отдай же шпагу,
Фернандо, Фесскому Царю.

Сцена 19-я

***Мулей**; потом **Дон Энрике**. — Те же.*

Мулей

Что вижу?

Дон Фернандо

Лишь Царю бы отдал
Я шпагу: не отдать ему
Не мужество, а безрассудство.

(Входит Дон Энрике.)

Дон Энрике

Мой брат!

Дон Фернандо

Волненью своему,
Энрике, не давай быть явным;
Мы тешились в пылу борьбы,
Прими же эту неудачу,
Как переменчивость судьбы.

Царь

Теперь, Энрике, Дон Фернандо
В моих руках: и я могу
Лишить вас жизни: но в победе
Я не желаю мстить врагу.
Я шел лишь на свою защиту,
И если вашу кровь пролью,
Такой я не достигну славы,

Как сохранив вас, в честь мою.
И чтобы выкуп был вернее,
Вернись к Царю, пусть знает он,
Что здесь Фернандо, и тобою
Он может быть освобожден.
Но пусть запомнит Эдуарте,
Что не получит он его,
Покуда Сеута не будет
Владеньем царства моего.
А Вас, светлейший Принц, прошу я
Теперь пожаловать за мной,
Идемте в Фес.

Дон Фернандо

Иду за сферой,
Чей свет – путеводитель мой.

Мулей *(в сторону)*

Итак, за ревностью и дружба
Зажжет мой дух огнем борьбы.

Дон Фернандо

Энрике, я в плену останусь,
Но не страшусь моей судьбы.

Ты скажешь брату, чтобы в этом
Нежданном бедствии моем
Он был Царем-христианином.

Дон Энрике

Ужель ты усомнишься в нем?

Дон Фернандо

Я говорю, христианином
Пусть явит он теперь себя.

Дон Энрике

И таковым сюда вернусь я.

Дон Фернандо

О неизбежном не скорбя,
Иди. Обнимемся.

Дон Энрике

Ты пленник,
Меня пленяешь.

Дон Фернандо

Дон Хуан,
Прощай.

Дон Хуан

Я остаюсь с тобою.

Дон Фернандо

О, друг, ты мне судьбою дан!

Дон Энрике

О, злополучное событье!

Дон Фернандо

Скажи Царю… Но, впрочем, нет.
Лишь передай мое молчанье
Царю, как горький мой привет.

(Уходят.)

Сцена 20-я

Мавры. — ***Брито***.

Первый мавр

Еще христианин убитый.

Второй мавр

Сегодня порубились мы.
Давай-ка бросим трупы в море,

Во избежание чумы[141].

Брито

А вот давайте-ка сперва я
Открою настежь вам башки;

(Встает и нападает на них.)

Мы, португальцы, и умерши,
Довольно на руку бойки.

[141] Примечания: 141

И после завоевания Сеуты бросали трупы в море. Страх перед чумой не был безосновательным: позднее она полтора года свирепствовала в Фесе. В Португалии она также неоднократно вспыхивала в XV в., короли Дуарте и Альфонсо V были ее жертвами (К. Б.).

Хорнада вторая

Горный склон близ садов Царя Фесского.

Сцена 1-я

***Феникс**, и тотчас **Мулей**.*

Феникс

Эстрелья! Роза! Сара! Что же,
Никто меня не слышит?

Мулей

Я.
Ты для меня горишь как солнце,
Я пред тобой как тень твоя.
Услышав голос твой певучий,
Ускорил я свои шаги.
Чего ты хочешь?

Феникс

Здесь останься
И мне советом помоги.

Как рассказать, сама не знаю.
Под тенью нежною ветвей,
Неблагодарный, льстивый, вольный,
И сладостный, бежал ручей,
В волне серебряно-хрустальной
Качая свет дневных лучей;
Неблагодарный, потому что
Не хочет ждать, стремясь вперед;
И льстивый, потому что шепчет,
Но, сам не чувствуя, течет;
И вольный, потому что звонко
Журчанье сладостное льет.
Я по горе гналась за зверем,
К ручью случайно подошла;
И ощутив, как между веток
Прохладно дышит полумгла,
Остановилась в этой чаще
И на мгновенье прилегла.
На этом склоне многоцветном
Гирляндами дышал жасмин,
Там были алые гвоздики,
Весенняя краса долин,

В расцвет растений изумрудных
Вплетался радостный кармин.
Но только душу предала я
Журчанью нежному, как пух,
Как вдруг я слышу шелест листьев,
Гляжу, насторожила слух,
Старуха, вижу, африканка,
Не человек, а точно дух.
Живой скелет того, что было
Лишь тенью бледной и пустой,
Чело наморщено, угрюмо,
Весь вид обманчивый и злой,
Как бы древесный ствол иссохший
И с неободранной корой.
И трепещи, – с печалью темной,
Как бы в предвиденьи невзгод,
Она протягивает руку,
И за руку меня берет,
И тут уж я – как ствол недвижный,
И у меня по жилам – лед.
И в сердце ужас пробуждая,
И сохраняя страшный вид,

Ко мне свой голос обратила,
И яд смертельный в нем горит,
Так быстро-быстро зашептала,
И так невнятно говорит:
«Беда, несчастная, проклятье,
Неустрашимая беда!
Твоя краса ужели будет
Ценою трупа навсегда?»
Она сказала, и от скорби
Я не избавлюсь никогда.
Я не живу: а умираю.
От привиденья – беглеца
Я услыхала предвещанье,
И жду зловещего конца.
О, горе, горе мне! Я буду
Ценой презренной мертвеца!

(Уходит.)

Сцена 2-я

Мулей

Легко понять химеру эту,

Легко распутать этот сон.
В них образ той жестокой пытки,
К которой дух мой присужден.
Супругой будешь Таруданте,
Ему ты руку дашь свою;
Но лишь об этом я помыслю,
Как слышу в сердце смерть мою.
Но я избегну этой пытки;
С тобой не будет он счастлив,
Твоей любовью не упьется,
Меня сначала не убив.
Тебя утратить, это можно,
Но жить, утратив, – свыше сил.
Раз нужно, значит, чтоб меня он,
Пред тем как взять тебя, убил,
Так жизнь моя ценою будет,
Которой купит он тебя.
И так как я умру, ревнуя,
И негодуя, и любя,
Свершится это предсказанье,
И ты поймешь его, когда,
Меня утратив, будешь вправду

Ценою трупа навсегда.

Сцена 3-я

***Дон Фернандо**, три пленника. — **Мулей**.*

Первый пленник

Ты на охоту шел, Фернандо,
Тебя увидеть – радость нам,
И мы, в саду работу бросив,
Пришли припасть к твоим ногам.

Второй пленник

Решением всевышним рока
Нет радости у нас иной.

Третий пленник

И в этом милосердье неба.

Дон Фернандо

Друзья, обнимемтесь со мной.
И видит Бог, когда бы мог я
Разрушить тяжкий гнет цепей,
Я вашей бы хотел свободы
Скорей и раньше, чем моей.

Но думайте, что это было
Благословением небес,
Что мы здесь вместе муку терпим;
Просвет надежды не исчез
Для тех, кто мудростью умеет
Все злоключенья побеждать;
Перетерпите гневность рока,
И будем перемены ждать:
Судьба, жестокая богиня,
Вчера цветок, сегодня труп,
Меняясь, наш удел изменит
Усмешкою капризных губ.
О, Господи! Я понимаю,
Что дать несчастному совет
И оказать лишь словом помощь,
В том мудрости особой нет.
Но если этот раз лишь в слове
Вся помощь слабая моя,
Тут нет вины моей, простите,
Мне дать вам нечего, друзья.
Я думаю, что нам подмога
Из Португалии спешит,

И то, что прислано мне будет,
Все вам, друзья, принадлежит.
А если выкуплен из плена
Я буду, слово вам даю,
Вы все отправитесь со мною.
Работу выполнять свою
Теперь идите, чтоб хозяев
Своих не раздражать ничем.

Первый пленник

Властитель, жизнь твоя – отрада
И утешение нам всем.

Второй пленник

Живи, наш повелитель, дольше,
Чем Феникс, что живет века.

(Пленники уходят.)

Сцена 4-я

Дон Фернандо, Мулей.

Дон Фернандо

Скорблю, ни с чем вас отпуская,

И велика моя тоска.
Кто им поможет!

Мулей

Здесь смотрю я,
С какой любовью ты сумел
Смягчить невольникам их участь.

Дон Фернандо

Меня печалит их удел.
Глядя, как мрачная превратность
На них свою бросает тень,
Я научаюсь быть несчастным;
И может быть настанет день,
Когда мне будет это нужно.

Мулей

Ты Принц, и думаешь о том?

Дон Фернандо

Родясь Инфантом, волей рока,
Я ныне сделался рабом:
И я отсюда заключаю,
Что если этим стать я мог,
Быть может худшее готовит

Мне в будущем неверный рок:
Между Инфантом и плененным
Длиннее путь судьбой пройден,
Чем между тем, кто просто пленник
И тем, кто более пленен.
Взывает день ко дню другому,
И вновь зовет его другой,
Соединяя в звенья цепи,
Со скорбью скорбь, тоску с тоской.

Мулей

Моя печаль еще сильнее.
Ты ныне пленник, – день пройдет,
На родину вернувшись Принцем,
Ты будешь счастлив в свой черед:
Мое бесплодно ожиданье,
Судьба изменчивей луны,
Но перемены, улучшенья
Моей судьбе не суждены.

Дон Фернандо

С тех пор, как я придворный в Фесе,
Ты не сказал мне ничего

О том, как любишь.

Мулей

Есть причина
Для умолчанья моего:
Хранить в глубокой тайне имя
Возлюбленной поклялся я.
Но я послушен долгу дружбы,
И от тебя не утая
То, что тебе сейчас скажу я,
Равно и клятву соблюду.
Единственной и несравненной
Считаю я мою беду;
Так, несравненной, потому что
Вне всех сравнений рождены
Моя любовь и светлый Феникс.
Мечты мои одним полны:
Мое мечтание есть Феникс,
Когда гляжу, когда молчу;
Мое страдание есть Феникс,
Когда скорблю, люблю, хочу;
Мое отчаяние – Феникс,
Когда я плачу, как в бреду;

И луч моей надежды – Феникс,
Когда со страхом счастья жду;
Моя любовь и мука – Феникс,
И если Феникс я сказал,
Как верный друг и как влюбленный,
Признался я и умолчал.

(Уходит.)

Дон Фернандо

Как он разумно изъяснился,
Учтив он так же, как влюблен.
Когда его страданье – Феникс,
Он большей скорбью огорчен.
Моя печаль – страданье многих,
Обыкновенная беда.

Сцена 5-я

Царь. — Дон Фернандо.

Царь

Тебя искал я, Принц светлейший,
И потому пришел сюда.
Пока меж перлов и кораллов

Не скрылось солнце за горой,
Мне хочется, чтоб ты развлекся
Моей охотничьей игрой:
Уже устроена облава
На тигра.

Дон Фернандо

Государь, ценя,
Что ты находишь развлеченья
Ежеминутно для меня,
Скажу, что если развлекаешь
Ты так невольников своих,
Утрата родины не будет
Непоправимою для них.

Царь

Раз пленник полон тех достоинств,
Что ты в душе своей вместил,
Вполне законно и разумно
Ему служить по мере сил.

Сцена 6-я

***Дон Хуан**. — Те же.*

Дон Хуан

Иди, великий Царь, на берег
Морской, и ты с него увидишь
Наикрасивейшего зверя,
Сумевшего соединить
Искусство гордое с природой:
Там христианская галера,
Нарядная, приходит в гавань,
Хотя вся в трауре она.
И сомневаешься, как может
Веселой быть ее угрюмость,
И португальские знамена
Блистают на ее снастях;
Я думаю, что раз в неволе
Принц Португальский, эти знаки
Есть указанье, что жалеет
Она о горести его,
И потому, покрывшись черным,

Тоскуя о его плененьи,
Идет вернуть ему свободу.

Дон Фернандо

О, добрый друг мой, Дон Хуан,
Не так ты объясняешь траур;
Когда б она несла свободу,
Она оделась бы, ликуя,
В одни веселые цвета.

Сцена 7-я

***Дон Энрике**, одетый в траур, со свернутым листом. — Те же.*

Дон Энрике *(к Царю)*

Позволь, великий Царь, с тобою
Обняться.

Царь

Доброе прибытье,
Светлейший Принц.

Дон Фернандо

Так значит верно,

Что осужден я, Дон Хуан!

Царь

Мулей, так значит совершилось
Мое заветное желанье!

Дон Энрике

Теперь, когда благополучным
Тебя я вижу, мне позволь,
О, государь, обняться с братом.
Фернандо!

(Они обнимаются.)

Дон Фернандо

Милый мой Энрике!
Что означает этот траур?
Но, впрочем, нет, не говори:
Твои глаза сказали столько,
Что бесполезным было б слово.
Не плачь. Коль ты пришел сказать мне,
Что я невольник навсегда,
В том высшее мое желанье:
Ты мог бы требовать награды

За вести добрые, и вместо
Того, чтоб траур надевать,
Одеться пышно, как на праздник,
И ликовать. Как поживает
Король, мой добрый повелитель?
Скажи лишь мне, что он здоров,
Я счастлив. Ты не отвечаешь?

Дон Энрике

Коль повторенные страданья
Нам доставляют боль двойную,
Пусть сразу их узнаешь ты.

(К Царю.)

И ты, великий Царь, внимай мне:
Хоть этот горный склон нам будет
Дворцом пустынным, здесь, прошу я,
Аудиенцию мне дай,
И пленнику отдай свободу,
Услышавши такие вести.
Вся разгромленная армада,
Что в тщетной гордости своей
Была для волн тяжелой ношей,

Инфанта в Африке оставив
Заложником переговоров,
Пошла печально в Лиссабон.
И как услышал Эдуарте
Трагические эти вести,
Печаль к нему внедрилась в сердце,
И то, что было лишь тоской,
Преобразилось в летаргию,
И, опровергнув говорящих,
Что от тоски не умирают,
Скончался добрый наш Король.
Да будет он допущен в небо!

Дон Фернандо

О, горе мне! Так много стоил
Ему мой плен?

Царь

Аллаху зримо,
Как тягостна мне эта весть.
Но продолжай.

Дон Энрике

Король покойный

Распорядился в завещаньи,
Чтобы за выдачу Инфанта
Вам Сеута была сдана.
И с полномочьем от Альфонсо,
Который нам, взамену солнца,
Явился пышною денницей,
Я прихожу, чтоб город сдать:
И так как...

Дон Фернандо

Замолчи, довольно,
Ни слова более, Энрике:
Слова такие недостойны,
Их неприлично говорить
Ни Португальскому Инфанту,
Ни христианскому Маэстре,
Ни даже подлому и злому,
Кто в мире как дикарь живет,
Не ведая христовой веры,
Сияющей лучом бессмертным.
Мой брат, что сопричислен к небу,
Пред смертью это завещал
Не для того, чтоб исполнялось

Дословно это повеленье,
А для того, чтоб показать вам,
Что хочет воли он моей,
Чтоб, значит, вы мою свободу
Другими средствами искали,
Другим, жестоким или мирным,
Неукоснительным путем.
Сказавши: «Сеуту отдайте»,
Он завещал вам: «Предпримите
Что только можно, и усилья
Пусть и до этого дойдут».
Но как же можно, как же можно,
Чтоб христианский, справедливый
Король отдать решился мавру
Тот город, что им куплен был
Своею кровью, потому что
Лишь со щитом и шпагой, первый,
Он утвердил свои знамена
На боевых его зубцах?
И главное еще не в этом:
Сдать мавру город, заслуживший,
Чтоб католическая вера

В нем торжествующей была,
И в храмах умолявший Бога,
С благоговеньем и любовью?
Да разве это было б делом,
Достойным честных христиан,
И соблюденьем правил веры,
И христианским милосердьем,
И бранной славой португальской,
Чтобы Атланты вышних сфер,
Чтобы возвышенные храмы,
На место светов золотистых,
В которых луч играет солнца,
Прияли мусульманский мрак,
И чтоб враждебные им луны,
Родив подобные затменья,
В церквах осуществляли ужас
Таких трагедий роковых?
Так значит это будет благом,
Чтоб храмы превратились в хлевы,
Часовни сделались конюшней,
Иначе, ежели не так,
Чтоб обратилися в мечети?

И тут язык мой умолкает,
Тут пресекается дыханье,
Тут мукою я удушен:
Лишь при одной подобной мысли
Готово сердце разорваться
И волосы восстали дыбом,
И телом овладела дрожь.
То было бы не первым разом,
Что хлев и ясли оказались
Гостеприимными для Бога;
Но раз мечети, в них для нас
Навеки будет знак позорный,
И надпись нашего бесславья,
Гласящая: «Здесь Бог когда-то
Имел жилище, а теперь
Его прогнали христиане,
И помещен здесь ими Дьявол».
И даже это позабыто,
(Как общий приговор гласит)
Что в дом чужой никто не входит,
Чтобы, хозяина обидеть,
Так разве будет справедливо,

Чтоб в Божий Дом вошел порок,
И нами был сопровождаем,
И мы, чтоб он вошел вернее,
Ему посторожили двери,
А Бога выкинули вон?
Католики, что пребывают
С своими семьями, с богатством,
В том городе, быть может станут,
Чтоб только их не потерять,
Трусливо отпадать от веры.
И мы доставим им возможность
Впадать в соблазн греха такого?
И будут дети христиан
Перенимать у мавров нравы,
И подчиняться их обрядам,
И жить сочленами их секты?
И столько жизней дорогих
Из-за одной, совсем ничтожной,
Должны погибнуть безвозвратно?
Но кто же я? Ужели больше,
Чем просто смертный человек?
Коль быть Инфантом – умножает

Мое значение, я – пленный:
Невольник притязать не может
На пышность почестей; я – раб:
И значит, тот впадет в ошибку,
Кто назовет меня Инфантом.
Так кто ж распорядиться может,
Чтоб жизнь единого раба
Такой ценою окупилась?
Кто умирает, тот теряет
Свою физическую цельность[142],
Ее я в битве потерял:
Раз потерял, так значит умер:
Раз умер, было бы деяньем
С разумной мыслью несовместным,
Чтоб ныне ради мертвеца
Навек погибло столько жизней.
Так пусть же это полномочье
Разорвано на части будет,
И станет искрами огня,

---

[142] Примечания: 142
Жизнеописание Иова см. в Книге Иова Ветхого Завета. В монологе можно усмотреть известное соответствие Евангелию (Матф., 16, 25): «кто потерял душу свою ради Меня, тот обретает ее».

И станет атомами солнца.

(Разрывает полномочие, которое привез Энрике.)

Но нет, я съем обрывки эти,
Да не останется ни буквы,
Способной миру возвестить,
Что мысль подобная возникла
В умах у знати лузитанской[143].
Царь, я твой раб, распоряжайся
Своим слугой, повелевай;
Я не хочу своей свободы,
Ей обладать не в состояньи.
Вернись на родину, Энрике:
Скажи, что в Африке меня
Оставил ты похороненным,
Затем что жизнь моя отныне
Во всем подобна будет смерти.
Фернандо, христиане, мертв;
Остался вам невольник, мавры;
Для ваших, пленники, страданий

---

[143] Примечания: 143
Лузитания — латинское название Португалии

Прибавился товарищ ныне;
О, небо, смертный человек
Твои восстановляет церкви;
О, море, скорбный умножает
Рыданием твои пучины;
О, горы, темный к вам пришел,
Чтоб жить средь вас, как ваши звери;
О, ветры, нищий удвояет
Дрожаньем крика ваши Сферы;
Во мгле глубин твоих, земля,
Себе мертвец могилу роет;
Чтоб все вы, Царь, и брат, и мавры,
И христиане, и созвездья,
И небо с морем и с землей,
И солнце, и луна, и горы,
И звери дикие узнали,
Что ныне, между злоключений
И бедствий, некий стойкий принц
Возвысил свет христовой веры
И оказал почтенье Богу:
И если б не было другого
Мне основания, как то,

Что в Сеуте одна есть церковь
Во имя вечного Зачатья
Владычицы земли и неба,
Я б сотни жизней потерял,
Чтоб лишь она не потерялась.

Царь

Неблагодарный, безучастный
К моей победоносной славе,
К величью царства моего,
Как ты дерзаешь отказать мне
В моем желанье самом сильном?
Но если ты в моих владеньях
Сильнее правишь, чем в своих,
Что ж тут мудреного, что рабства
Ты не почувствовал? Но если
Себя моим рабом признал ты,
С тобой я буду как с рабом:
Твой брат и все твои пусть видят,
Что как невольник самый подлый
Теперь ты ноги мне целуешь.

Дон Энрике

Какая боль!

Мулей

Какая скорбь!

Дон Энрике

Какой удар!

Дон Хуан

Какая пытка!

Царь

Ты мой невольник.

Дон Фернандо

Это правда,
И в этом месть твоя ничтожна;
Из лона темного земли
Для однодневного скитанья
Исходит человек, рождаясь,
Чтоб разные пути изведать
И снова возвратиться к ней.
Благодарить тебя я должен,
Не обвинять, ты научаешь,
Как достоверного жилища

Скорей могу достигнуть я.

Царь

Раз ты невольник, ты не можешь
Иметь ни прав, ни притязаний,
И если Сеутой владеешь
И признаешь, что ты мой раб,
И признаешь меня владыкой,
Зачем же не сдаешь мне город?

Дон Фернандо

Затем, что он не мой, а Божий.

Царь

Повиновения закон
Тебе не говорит ли ясно,
Что должен ты повиноваться?
Так я тебе повелеваю
Сдать город.

Дон Фернандо

Небо нам велит,
Чтоб раб всегда повиновался
Хозяину лишь в справедливом;
А ежели рабу хозяин

Прикажет, чтобы он грешил,
Его он слушаться не должен;
Грех, сделанный по приказанью,
Есть грех.

Царь

Тебя велю убить я.

Дон Фернандо

И будет жизнью эта смерть.

Царь

Так чтобы жизнью смерть не стала,
Живи, всечасно умирая;
Узнай, что я могу быть гневен.

Дон Фернандо

А я пребуду терпелив.

Царь

Но ты не выйдешь на свободу.

Дон Фернандо

Но Сеута твоей не будет.

Царь

Эй, кто там!

Сцена 8-я

***Селин, Мавры**. — Те же.*

Селин

Государь…

Царь

Немедля
Пусть будет этот раб сравнен
Со всеми: пусть ему на шею
И на ноги наденут цепи;
Пусть служит он в моих конюшнях,
Пускай работает в садах,
Как все, пусть терпит униженья,
Отбросив шелковый наряд свой,
Пускай он ходит в грубой сарже,
Ест черный хлеб и воду пьет
Солено-грязную; пусть спит он
В удушливых сырых темницах;
На слуг его и на вассалов
Наложен тот же приговор.

Взять их отсюда.

Дон Энрике

О, мученье!

Мулей

О горе!

Дон Хуан

О, беда!

Царь

Увидим,
Увидим, варвар, что сильнее,
Твое ль терпенье, мой ли гнев.

Дон Фернандо

Увидишь; потому что будет
Мое терпенье бесконечным.

(Его уводят.)

Царь

Энрике, верный обещанью,
Я позволяю, чтобы ты
Вернулся в Лиссабон свободно;
От африканских вод отправься

К своим сородичам, скажи им,
Что португальский их Инфант,
Маэстро Ависа, остался
За лошадьми ходить моими;
Пускай они сюда приходят
Освободить его.

Дон Энрике

Придут.
И если я в его несчастьи
Его теперь не утешаю
И ухожу, так это только
Лишь потому, что я хочу
Сюда вернуться с большей силой,
Чтобы вернуть ему свободу.

Царь

Прекрасно, если только сможешь.

Мулей *(в сторону)*

Явился случай, наконец,
За прямодушье – прямодушьем
Платя, представить верность дружбе;
Фернандо я обязан жизнью,

Ему я выплачу свой долг.

Сцена 9-я

Сад.

***Селин**; **Дон Фернандо**, как пленник, в цепях; потом **пленники**.*

Селин

Царь приказал, чтоб ты работал
С другими вместе, здесь в саду.
Его веленью повинуйся.

(Уходит.)

Дон Фернандо

Я снисхождения не жду.

(Входят несколько пленников, и в то время как они роют в саду, один из них поет.)

Первый пленник *(поет)*

На фесского тирана
Король направил брата,
Инфанта, Дон Фернандо,
Чтоб покорить Танхер.

Дон Фернандо

И будет так вставать воспоминаньем
Моя судьба в томительных мечтах.
Во мне печаль и горькое смущенье.

Второй пленник

О чем ты, пленник, думаешь в слезах?
Не плачь, утешься, нам сказал маэстре,
Что скоро все вернемся мы домой,
Он всех освободит нас из неволи.

Дон Фернандо *(в сторону)*

Как скоро вы расстанетесь с мечтой!

Второй пленник

Утешься, брат, возьми-ка эти ведра
И принеси воды мне из пруда
Полить цветы.

Дон Фернандо

Охотно и немедля,
Я в этом вам готов служить всегда.
Моя забота, в сердце скорби сея,
Прольет потоки быстрых слез из глаз.

(Уходит.)

Третий пленник

Еще пригнали пленников работать.

Сцена 10-я

Дон Хуан *и* ***второй пленник****. — Те же.*

Дон Хуан

Быть может, здесь его на этот раз
Увидим мы: в саду, быть может, был он,
И узники укажут мне его.
С ним вместе быть – явилось бы отрадой
Для горького мученья моего.
Скажи, приятель, мне, и да поможет
Тебе Господь! ты не видал в саду
Среди рабов маэстре Дон Фернандо?

Второй пленник

Нет, не видал.

Дон Хуан

Где ж я его найду?

О, горе мне!

Третий пленник

Я говорю, что новых
Еще пригнали пленников сюда.

Сцена 11-я

Дон Фернандо, с двумя ведрами воды. Те же.

Дон Фернандо

О, смертные, да не смутит вас видеть,
Какая мне ниспослана беда;
Инфант, маэстре Ависа, являет
Пример того, как переменчив рок.

Дон Хуан

Властитель и в таком убогом виде.
О, если бы тебя спасти я мог!
Несчастие!

Дон Фернандо

Прости тебя Всевышний!
О, Дон Хуан, ты огорчил меня:
Среди своих мне жить хотелось скрыт-

но,

Работая как раб день изо дня.

Второй пленник

Прощения, сеньор, прошу смиренно.

С тобою говорил я как слепой.

Первый пленник

Дай нам припасть к твоим ногам, властитель.

Дон Фернандо

Встань, друг. Зачем так говорить со мной?

Дон Хуан

Светлейший Принц…

Дон Фернандо

Как может быть светлейшим

Чья жизнь такою тьмой окружена?

Я равный, с вами, пленник между пленных,

Мне та же доля, что и вам, дана.

Дон Хуан

О, если б с неба молния упала,
Чтоб дать мне смерть!

Дон Фернандо

Как можно, Дон Хуан,
Чтоб благородный так в печаль вдавался?
Обетованья неба не обман.
Как раз теперь должны явить мы храбрость,
Все мужество душевной высоты.

Сцена 12-я

***Сара**, с небольшой корзиной. — Те же.*

Сара

Выходит в сад моя сеньора, Феникс,
И говорит, чтоб краски и цветы
Украсили края корзины этой.

Дон Фернандо

Всегда служить ей первый я готов,
Дай мне корзину, я ее украшу.

Первый пленник

Пойдемте и нарвем скорей цветов.

Сара

Я здесь вас подожду пока.

Дон Фернандо

Не нужно
Считать меня особым между вас:
Равны страданья, и не нынче, завтра
Сравняет всех последний смертный час.
Не будем же откладывать до завтра
То, что сегодня можно довести
До ясного конца.

(Уходит Инфант, и все уступают ему дорогу. Сара остается.)

Сцена 13-я

Феникс, Роза, Сара.

Феникс

Ты, Сара,

Цветов велела принести?

Сара

Велела.

Феникс

Мне хотелось красок,
Чтоб развлеклась моя тоска.

Роза

Поверить просто невозможно,
Что так, сеньора, велика
Твоя печаль, – что дух твой может
Быть сновидением смущен.

Сара

Что так могло тебя встревожить?

Феникс

То, что я видела, не сон,
Раз мне привиделось несчастье.
Когда несчастный видит клад,
Я знаю, Сара, он исчезнет
И не воротится назад;
Но если он во сне увидел,

Что на него идет беда,
Он, пробудившись, видит горе,
Его томящее всегда.
Я от судьбы не жду пощады,
Она гнетет нас без конца.

Сара

Ну, если так скорбеть ты будешь,
Что ж сохранишь для мертвеца?

Феникс

Уж чувствую свое несчастье.
Какая пытка мне дана!
Как веселиться мне, когда я
Ценою трупа быть должна?
Хотя бы только знать могла я,
Кто будет этот мертвый?

Сцена 14-я

***Дон Фернандо**, с цветами. — **Феникс, Сара, Роза**.*

Дон Фернандо

Я.

Феникс

Что вижу? Небо!

Дон Фернандо

Чем смутиться
Так вдруг могла душа твоя?

Феникс

И голосом твоим, и видом.

Дон Фернандо

Поверю и без всяких слов.
Но чтоб служить тебе, о, Феникс,
Я приношу тебе цветов.
Моей судьбы гиероглифы,
Они родилися с зарей,
И вместе с светлым днем скончались.

Феникс

Вот этот нежно золотой
Цветок названье носит чуда.

Дон Фернандо

Какой цветок не будет им,

Раз для тебя он мною сорван?

Феникс

Он служит образом твоим.
Кто ж создал эту перемену?

Дон Фернандо

Мой рок.

Феникс

Так непреклонен он?

Дон Фернандо

Так силен.

Феникс

Твой удел мне страшен.

Дон Фернандо

Пусть не тревожит он твой сон.

Феникс

Но почему?

Дон Фернандо

А потому что,
Рождаясь, человек всегда

Есть раб судьбы своей и смерти.

Феникс

Скажи, ведь ты Фернандо?

Дон Фернандо

Да.

Феникс

Кто ж так судьбу твою принизил?

Дон Фернандо

Закон раба.

Феникс

Кем создан он?

Дон Фернандо

Царем.

Феникс

Зачем?

Дон Фернандо

Затем что, Феникс,
Его я власти подчинен.

Феникс

Сегодня он тебя не любит?

Дон Фернандо

Ко мне исполнен он вражды.

Феникс

Возможно ли, чтоб в день короткий
Могли расстаться две звезды?

Дон Фернандо

С веселостью, и пышной, и беспечной,
Цветы проснулись утренней зарей.
Настала ночь, и вот, с холодной мглой,
Их сон объял, непробудимо вечный.
В них с золотом и с белизною млечной
Играла злость радужной игрой.
И тускло все. Вот лик судьбы людской.
Так много день уносит быстротечный.
С рассветом ранним розы расцвели
И умерли: в одной и той же чаше
И колыбель и гроб себе нашли.
Так точно мы, рожденные в пыли,
В единый день свершаем судьбы наши:
Столетья – час, когда они прошли.

Феникс

Ты мне внушаешь страшный ужас,
Мне страшен вид и голос твой;
Будь первым горестным, с которым
Не хочет вместе быть другой.

Дон Фернандо

А что ж цветы?

Феникс

Раз ты нашел в них
Узорный знак твоей тоски,
Могу я только оборвать их
И разбросать их лепестки.

Дон Фернандо

Но в чем же их вина?

Феникс

В их сходстве
С созвездьями.

Дон Фернандо

Скажи, а ты
Не любишь их?

Феникс

Мне нет отрады
В сияньи звездной красоты.

Дон Фернандо

Но почему?

Феникс

Родившись в мире
Как женщина, я навсегда
Раба своей судьбы и смерти,
Так мне велит моя звезда.

Дон Фернандо

Цветы и звезды значит сродны?

Феникс

Конечно.

Дон Фернандо

Волей их – скорбя,
Такого свойства их не знал я.

Феникс

Узнай.

Дон Фернандо

Я слушаю тебя.

Феникс

Те брызги света, сеть их огневая
Есть смесь лучей и скрытых темных снов,
Приняв от солнца светлый свой покров,
Они живут, блистая и страдая.
Цветы ночные. Их краса живая
Горит огнем лишь несколько часов;
И если день – столетье для цветов,
То ночь для звезд – их мера вековая.
И к нам от этой призрачной весны
Струится боль, и радостные сны,
Живет ли солнце, или догорает.
Какой же не дождемся мы беды,
Что прочного получим от звезды,
Что на ночь вспыхнув – за ночь умирает.

(Феникс, Сара и Роза уходят.)

Сцена 15-я

Мулей. — Дон Фернандо.

Мулей

Я ждал, чтоб Феникс удалилась,
И здесь стоял среди деревьев:
Орел, всегда влюбленный в солнце,
Порой стремится от него.
Мы здесь одни?

Дон Фернандо

Одни.

Мулей

Послушай.

Дон Фернандо

Скажи, Мулей, свое желанье.

Мулей

Хочу, чтоб ты узнал сегодня,
Что и у мавра есть в груди
И преданность и верность дружбе.

Не знаю, как начать; не знаю,
Как выразить тебе сумею
Все огорчение мое
При виде этой перемены
К тебе презрительного рока,
При виде этой притчи миру
И злой неверности судьбы.
Но я опасности подвержен,
Когда меня с тобой увидят,
С тобой сурово обращаться
Есть повеление Царя.
И голос предоставив скорби,
Которая сумеет лучше,
Как раб, с тобою изъясниться,
Я падаю к твоим ногам.
Инфант, тебе принадлежу я,
И я не милость предлагаю,
А только возвращаю долг свой,
Который ты мне дал взаймы.
Ты дал мне жизнь, ее тебе я
Пришел отдать теперь; затем что
Добро есть клад, что бережется

До дня, когда придет нужда.
И так как страх меня смущает
И сжал мне ноги кандалами,
И так как грудь моя и шея
Между веревкой и ножом,
Беседу нашу сокращая,
Все выскажу тебе я сразу,
И говорю, что нынче ночью
Тебя у взморья ждет судно.
Через отверстья подземелий,
Где ваши мрачные темницы,
Я вам заброшу инструменты,
Чтоб цепи вы могли сломать.
Снаружи отомкну засовы,
И ты со всеми, сколько в Фесе
Есть пленных, можешь удалиться
На том судне в родимый край,
Вполне уверенный, что в Фесе
Я в безопасности остался,
Легко мне будет так устроить,
Как будто заговор был ваш;
Итак с тобой спасем мы оба:

Я честь, ты жизнь; а если б даже,
О помощи моей узнавши,
Меня казнил во гневе Царь,
Не стал бы я жалеть о жизни.
И так как, чтоб склонять хотенья,
Иметь необходимо деньги,
Возьми сокровища мои,
За них тебе заплатят много.
И это выкуп мой, Фернандо,
За возвращенье мне свободы.
Мой долг тебе был так велик,
Что рано ль, поздно ль, было нужно
Его отдать во имя чести.

Дон Фернандо

Благодарить тебя хотел бы,
Но, вижу, в сад выходит Царь.

Мулей

Тебя он видел?

Дон Фернандо

Нет.

Мулей

Не дай же
Ему предлога к подозренью.

Дон Фернандо

Я спрячусь между этих веток,
А он тем временем пройдет.

Сцена 16-я

Царь. — Мулей.

Царь *(в сторону)*

(Мулей с Фернандо; говорили
С такой опаской, и как только
Меня увидели, сейчас же
Один уходит, а другой
Желает что-то скрыть. Мне надо
Бояться. Верно иль неверно,
Мне страх грозит, приму же меры.)
Я очень рад…

Мулей

Великий Царь,
Дай мне обнять твои колена.

Царь

С тобой побыть.

Мулей

Что повелишь мне?

Царь

Меня глубоко огорчило,
Что Сеута мне не сдана.

Мулей

Ты победителен и силен,
Поди на приступ, город сдастся.

Царь

Он будет мой без траты крови.

Мулей

Каким же образом?

Царь

Таким:
Фернандо так хочу принизить,
Что Сеуту он сам отдаст мне.
И знаешь что, Мулей, боюсь я,
Маэстре ненадежен здесь.

Его увидя в униженьи,
Пожалуй, пленники столкнутся,
И всей толпою возмутятся,
Из сострадания к нему.
А сверх того и очень сильно
В сердцах людей корыстолюбье;
Весьма легко он может златом
Вниманье стражей усыпить.

Мулей *(в сторону)*

(Теперь мне выгоднее будет
Сказать, что все это возможно,
Чтобы не мог иметь позднее
Он подозрений на меня.)
Твой страх вполне благоразумен:
Они наверно пожелают
Освободить его.

Царь

Одно лишь
Нашел я средство, чтоб никто
На власть мою не покусился.

Мулей

И это средство, государь мой?

Царь

Чтоб о надежности Инфанта
Ты позаботился, Мулей.
Ты ни боязнью, ни корыстью
Никак не можешь быть подкуплен.
Так будь его главнейшим стражем,
Смотри же, сбереги его.
И что бы с Принцем ни случилось,
Ты дашь отчет мне.

(Уходит.)

Мулей

Нет сомненья,
Царь слышал, как мы говорили.
Да не предаст меня Аллах!

Сцена 17-я

Дон Фернандо. — Мулей.

Дон Фернандо

О чем скорбишь?

Мулей

Ты слышал?

Дон Фернандо

Слышал.

Мулей

Так как же спрашивать ты можешь,
О чем скорблю, когда в смущеньи
Стою меж другом и Царем?
Во мне столкнулись честь и дружба:
Когда тебе я буду верен,
Пред ним изменником я буду;
А верность сохраню пред ним,
С тобой неблагодарным буду.
Что ж делать? (Небо, помоги мне!)
Кого хочу освободить я,
Мне доверяют охранять.
Что если Царь владеет тайной?
Но чтоб найти вернее выход,
Я у тебя прошу совета:
Скажи, что должен делать я.

Дон Фернандо

Мулей, любовь и дружба ниже,
Чем честь и верность государю.
Царю никто ни в чем не равен,
Лишь равен он один себе.
Вот мой совет: ему ты должен
Служить и обо мне не думать;
Я друг твой, и во имя дружбы,
Чтоб сохранилась честь твоя,
Сам за собой смотреть я буду;
И если б кто другой сказал мне,
Что предлагает мне свободу,
Не принял бы я жизнь свою,
Покуда честь твоя со мною.

Мулей

Фернандо, не давай советов
Учтивых столь же, сколько верных.
Я знаю, что мой долг тебе
Есть жизнь, и что платить я должен;
Итак я ночью все устрою,
Как мы с тобою говорили.
Освободись, и жизнь твою
Я искуплю своею смертью;

Лишь только б ты освободился,
Мне после ничего не страшно.

Дон Фернандо

И было б честно, чтобы я
Жестоким был и беспощадным
С тем, кто со мною милосерден,
И чтоб того, кто жизнь дает мне,
Жестоко чести я лишил?
Нет, и тебя хочу я сделать
Судьей моей судьбы и жизни:
Теперь и ты мне посоветуй.
Возможно ль взять мне от того
Свою свободу, кто потерпит
За это кару? Допустит ли,
Чтоб он, ко мне великодушный,
Убийцей чести был своей?
Что посоветуешь?

Мулей

Не знаю.
Ни да, ни нет сказать не смею:
Нет, потому что будет больно

Мне самому; да, потому
Что если да тебе промолвлю,
Пожалуй, я и сам увижу,
Что мой совет не подходящий.

Дон Фернандо

Нет, ты мне должный дал совет.
Благодаренье, потому что
Во имя Бога и закона,
Которые владеют мною,
Я буду в рабстве стойкий принц.

Хорнада третья

Зал в летнем помещении Мавританского Царя.

Сцена 1-я

Мулей, Царь.

Мулей *(в сторону)*

(Так много Царь поставил стражей
Над Дон Фернандо, что его
Спасти я больше не надеюсь.
Во имя долга моего,
Как верный друг, я постараюсь
Ему помочь по мере сил.)
Властитель, в море и на суше,
Ты знаешь, я тебе служил,
И если милости достоин,
Услышь…

Царь

Внимаю и молчу.

Мулей

Фернандо…

Царь

Более ни слова.

Мулей

Не хочешь слушать?

Царь

Не хочу.
Раз только назвал ты Фернандо,
Меня ты этим оскорбил.

Мулей

Но чем же?

Царь

Тем, что дал мне случай
Не дать того, о чем просил.
А дать нельзя, когда ты просишь
За Принца.

Мулей

Как же, раз его
Мне поручил ты, не желаешь

Отчета слышать моего?

Царь

Я слушаю; но состраданья
Не жди.

Мулей

Немилосердный рок
Фернандо истерзал настолько,
Что мир, чьи клички есть намек,
Дивясь таким страданьям, назвал
Его чудовищем судьбы;
Твой гнев изведав и суровость,
В таком неравенстве борьбы,
В несчастность бедствий вовлеченный,
Предав скорбям свой смелый дух,
В том месте, что назвать боюсь я,
Дабы не оскорбить твой слух,
Недужный, нищий, параличный,
Сраженный мужеством своим,
Он просит милостыни жалкой
У проходящих перед ним;
Ты повелел, чтоб он работал,

Чтоб был преследуем людьми,
Чтоб спал в угрюмых подземельях,
Чтобы ходил за лошадьми,
Чтобы узнал, что значит голод,
И обездоленный во всем,
И слабый раньше от природы,
Он был разбит параличом.
Так сила бедствий исказила
Его прекрасный царский вид.
Холодной ночью, черной ночью,
Он в мрачном подземельи спит.
Но, стойкий в вере неизменно,
Упорствует, как прежде, в ней,
И чуть, родитель утра, солнце,
Зажжет огни своих лучей,
Как узники (о, горе, горе!)
Циновку жалкую берут,
Недужного несут на воздух,
И – как мне вымолвить? – кладут
На место, что навозной кучей
Должны назвать мы: оттого
Что так он болен, стал он смраден;

Никто у дома своего
Ему лежать не позволяет;
Все гонят нищего, и он,
Без состраданья, без вниманья,
Лежит, мученьем удручен.
И лишь один слуга и рыцарь
Его не кинули в беде.
Стараются его утешить,
Ему сопутствуют везде,
Они с ним пищу разделяют,
Хотя ее и одному
Едва хватает, и от мавров
Гоненья терпят, потому
Что, повинуясь милосердью,
Инфанту служат. Но и гнев,
И беспощадную жестокость
Неоднократно претерпев,
Они его не покидают.
И каждый раз, когда идет
Один на поиски за пищей,
Другой при нем сидит, и ждет,
И страждущего утешает.

Смягчи же гнев свой, государь,
Будь, коль не жалостию тронут,
Так ужасом, о, сильный Царь,
Коль не слезами, изумленьем.

Царь

Ты кончил? Хорошо, Мулей.

Сцена 2-я

Феникс. — Те же.

Феникс

Властитель, если заслужила
Я что-нибудь в любви твоей,
О милости я умоляю.

Царь

В чем отказать тебе могу?

Феникс

Фернандо…

Царь

Более ни слова.
Могу ли я помочь врагу?

Феникс

Внушает ужас всем, кто видит
Маэстре в низости такой;
И я просить хотела только…

Царь

Стой, Феникс, замолчи же, стой.
Скажи мне, кто велит Фернандо
Идти за гибелью вослед
И умирать злосчастной смертью?
Мое ли в том желанье? Нет.
Когда во имя веры предал
Он сам себя скорбям таким,
Зови его – к себе жестоким,
А не меня – жестоким с ним.
В его руке возможность выйти
Из этой низости на свет:
Пусть только Сеуту отдаст мне,
Он вдруг избавится от бед.

Сцена 3-я

Селин. *— Те же.*

Селин

Перед тобой предстать желают
Посланники, о, Царь великий:
Один пришел от Таруданте,
Из Португалии другой,
По поручению Альфонсо.

Феникс *(в сторону)*

Какая скорбь с моей сравнится?
Пришли за мной от Таруданте,
Сомнения не может быть.

Мулей *(в сторону)*

Я потерял свою надежду,
Убит я ревностью и дружбой.

Царь

Пускай войдут.

(Селин уходит.)

Со мною, Феникс,
На этом возвышеньи сядь.

(Они садятся.)

Сцена 4-я

Дон Альфонсо *и* ***Таруданте****, входят с разных сторон. — Те же.*

Таруданте

Властитель Феса благородный…

Дон Альфонсо

Царь Феса гордый и могучий…

Таруданте

Ты светлой славой…

Дон Альфонсо

Светлой жизнью.

Таруданте

Не умирай…

Дон Альфонсо

Всегда живи…

Таруданте *(к Феникс)*

И ты, заря такого солнца…

Дон Альфонсо

Восток подобного заката…

Таруданте

Блаженствуй вопреки столетий…

Дон Альфонсо

И царствуй вопреки времен…

Таруданте

И упивайся…

Дон Альфонсо

Услаждайся…

Таруданте

Великой радостью…

Дон Альфонсо

Хвалами…

Таруданте

Высоким счастьем…

Дон Альфонсо

Нежным блеском…

Таруданте

С немногим злом…

Дон Альфонсо

С большим добром.

Таруданте

Христианин, как ты дерзаешь
Там говорить, где говорю я?

Дон Альфонсо

Где бы ни был я и с кем бы ни был,
Везде я первый говорю.

Таруданте

Раз я из племени арабов,
Мне надлежит теперь быть первым;
Где есть свои, для чужеземцев
Не может предпочтенья быть.

Дон Альфонсо

Нет, может, там, где понимают
Учтивость; потому что всюду,
Как постоянно можем видеть,
Сидит на лучшем месте гость.

Таруданте

Будь даже это основаньем,

Ты победить меня не мог бы;
Не правом речи обладает,
А только первым местом гость.

Царь

Довольно. Оба здесь садитесь.
Пусть начинает португалец:
Как представителя другого
Закона, мы должны принять
Его с почетом наибольшим.

Таруданте *(в сторону)*

Я пристыжен.

Дон Альфонсо

Я буду краток:
Король Альфонсо Португальский,
Чья слава, пышная, как свет,
В насмешку зависти и смерти,
Живет в вещаньях громких бронзы,
Тебе привет свой посылает,
И говорит: ввиду того,
Что сдача Сеуты – условье
Освобождения Фернандо,

И от свободы Принц отрекся,
Условье это не приняв,
Тебя определить он просит
Цену его освобожденья
В таких размерах, чтобы алчность
Пред щедростью смирила дух.
Он серебром тебе и златом
Даст столько, сколько могут стоить
Два города. Итак об этом
Он просит дружески тебя,
Но если Принца не отдашь ты,
Тебе дает он обещанье
Освободить его оружьем,
И с этой целью создает
На легкой пенной влаге моря
Готовый в путь плавучий город
Из тысячи вооруженных
Непобедимых кораблей,
Клянясь, что он огнем и кровью
Освободит его из плена
И победит тебя, оставив
Окровавленными поля,

Настолько, чтобы солнце утром,
Увидев землю изумрудом,
Ее с закатом покидая,
Увидело сплошной рубин.

Таруданте

Хоть я посланник, и ответа
Не от меня ты ожидаешь,
Христианин, но я осмелюсь,
Во имя моего Царя,
Тебе ответить, потому что
Его коснулось оскорбленье:
Властителю, что перед нами,
Он повинуется, как сын.
Так пусть же знает Дон Альфонсо,
Что именем его он вызван
Сюда явиться в срок не больший,
Чем от зари и до зари,
И столько алых жарких красок
На этих узрит он равнинах,
Что небо самое промолвит:
«Весь мир сегодня – из гвоздик».

Дон Альфонсо

Когда бы, мавр, ты был мне равным,
Свестись могла бы эта битва
К единоборству роковому
Двух славных юных. Но скажи,
Скажи, чтоб вышел твой властитель,
Коль он на славу притязает;
А я так сделаю, что выйдет
Немедленно на битву – мой.

Таруданте

Себя почти ты обнаружил,
А если это так, сумеет
Тебе ответить Таруданте.

Дон Альфонсо

На поле битвы жду тебя.

Таруданте

И будешь ждать меня недолго,
Лечу, я молния.

Дон Альфонсо

Я ветер.

Таруданте

Я огненный вулкан.

Дон Альфонсо

Я гидра.

Таруданте

Я гнев неистовства.

Дон Альфонсо

Я смерть.

Таруданте

Меня ты слышишь – и не в страхе?

Дон Альфонсо

Меня ты видишь – и не умер?

Царь

Владыки, в гневе вы расторгли
Завесы, чьею тьмою был скрыт
Лик солнца от очей нескромных.
В моей земле – меж вами битвы
Не быть без моего согласья,
А я отказываю в нем,
Дабы иметь досуг – принять вас

И угостить с почетом должным.

Дон Альфонсо

Гостеприимства не приемлю
От тех, кто мне наносит боль.
Сюда пришел я за Фернандо:
Желание его увидеть
Меня заставило явиться
Вот так переодетым в Фее:
Но прежде, чем туда дошел я,
Узнав, что здесь ты, в летнем замке,
Я поспешил сюда, влекомый
Надеждой, звавшею меня,
И так как вижу, что надежда
Меня звала сюда обманно,
Узнай, властитель, что теперь я
Лишь твоего ответа жду.

Царь

Ответа? Что ж, король Альфонсо,
Он будет не речист и ясен:
Не дашь мне Сеуту – не бойся,
Инфанта ты не увезешь.

Дон Альфонсо

Итак, война. Со мной он будет!
А ты, посол, иль кто б ты ни был,
Увидимся на поле битвы.
Теперь вся Африка дрожи!

(Уходит.)

Сцена 5-я

Царь, Феникс, Мулей, Таруданте.

Таруданте

Не мог достичь я до сегодня,
О, Феникс нежная, блаженства
Служить тебе как твой невольник,
Быть может, заслужу теперь
Блаженство пред тобой склониться
И, пав к ногам твоим покорно,
Просить, чтоб руку ты дала мне
В обмен поверженной души.

Феникс

Пусть победительный властитель

Вниманье там не расточает,
Где чувствуют к нему почтенье,
Пусть цену знает он свою.

Мулей *(в сторону)*

Кто это видит пред собою
И сам себя не убивает,
Чего он ждет?

Царь

Владыка светлый,
Не знал я, что идешь ты в Фее,
Итак, прости, что принимаю
Тебя не с пышностью достойной.

Таруданте

Мое отсутствие могу я
Продлить на самый краткий срок;
И если, как мы предположим,
Посланник мой сюда явился,
Чтоб увезти мою супругу,
Как соизволил ты решить,
Пусть самоличное прибытье
В вину мне вменено не будет,

И пусть увижу я скорее
Свершенье счастья моего.

Царь

Во всем меня ты побеждаешь:
Твой долг тебе уплачен будет,
Ты должен быть освобожденным
От этих мыслей и забот,
И так как нам грозят войною,
Ты должен поспешить с отъездом,
Не то пересечет проходы
Прибытье португальских войск.

Таруданте

Мне все равно, я с сильным войском,
Так численны мои отряды,
Что все окрестные равнины
Как смута людных городов:
Я возвращусь во всеоружьи,
Чтоб быть твоим солдатом верным.

Царь

Мы поспешить должны, однако,
С твоим отъездом. Только в Фее

Должна прибыть сначала Феникс,
Дабы украсить этот город.
Мулей!

Мулей

Великий Царь!

Царь

Со стражей
Ты будешь Феникс провожать,
И по прибытии на место
Ты передашь ее супругу.

Мулей *(в сторону)*

Лишь этого недоставало
Для завершенья бед моих:
Когда меня не будет в Фесе,
Последнюю свою поддержку
Со мной Фернандо потеряет,
И будет вовсе одинок.

(Уходят.)

Сцена 6-я

Улица в Фесе.

Дон Хуан, Брито *и другие пленники, выносят* ***Дона Фернандо*** *и сажают его на циновку.*

Дон Фернандо

Кладите здесь меня, чтоб лучше
Я насладился блеском дня.
О, милосердный мой Создатель,
Как услаждаешь ты меня!
Когда многострадальный Иов
Такой же мукой был объят,
Он проклинал сиянье солнца,
Но был он во грехе зачат.
А я его благословляю,
Благоволенье Бога в нем,
И каждый луч есть возглас к Богу,
Поющий светом и огнем.

Брито

Так хорошо тебе, владыка?

Дон Фернандо

О, лучше, чем я заслужил!
Как много для меня благого
Ты, Царь Небесный, совершил.
Когда из мрачных подземелий
Я выхожу на свет дневной,
Даешь мне солнце, чтоб согреться:
Ты расточителен со мной.

Первый пленник

С тобой хотел бы я остаться,
Тебя утешить, видит Бог;
Но нужно нам идти работать
И удержать докучный вздох.

Дон Фернандо

Прощайте, дети.

Второй пленник

Горе, горе!

Третий пленник

Что может горестнее быть?

(Пленники уходят.)

Дон Фернандо

Со мной вы остаетесь оба?

Дон Хуан

Я тоже должен уходить.

Дон Фернандо

Что буду без тебя я делать?

Дон Хуан

Я ворочусь к тебе сейчас;
Чего-нибудь поесть ты должен.
Мулей, увы, покинул нас,
И нет нам более поддержки,
И должен я идти к врагу,
Но все же я пойду спокойно
И все исполню, что могу;
Хоть с невозможностью придется
Мне быть в сомнительной борьбе:
Никто не должен по указу
Напиться даже дать тебе,
И ничего не продавать мне,
За то, что я всегда с тобой.
Могли ль мы думать, что придется

Быть так караемым судьбой?
Но вот идут.

(Уходит.)

Дон Фернандо

О, если б мог я
В ком состраданье возбудить,
Чтобы хотя одно мгновенье
Еще в страданиях пожить!

Сцена 7-я

Царь, Таруданте, Феникс, Селин. — Дон Фернандо, Брито.

Селин

Великий государь, ты вышел
На улицу, где пред собой
Сейчас Инфанта ты увидишь.

Царь *(к Таруданте)*

Я пожелал пойти с тобой,
Чтоб ты мое величье видел.

Таруданте

Весьма ценю такой почет.

Дон Фернандо

Подайте милостыню, люди,
С мольбою нищий вас зовет,
Взгляните на меня, я болен,
Я предан тяжести скорбей,
Я, голодая, умираю,
И даже зверь между зверей
Всегда находит состраданье.

Брито

Здесь просят милостыню так:
Имейте состраданье, мавры,
О хлебе молит вас бедняк,
Святой ногою Магомета
Он заклинает вас о том.

Царь

Что веру он хранит в несчастьи
И в унижении таком,
Меня бесславит, оскорбляет.
Инфант, маэстре!

Брито

Царь зовет.

Дон Фернандо

Меня? Ты обманулся, Брито,
Не от меня он слова ждет:
Я не Инфант и не маэстре,
Я труп его, лишенный сил;
И я с землей соприкоснулся;
Инфант, маэстре – прежде был,
Не так мое названье ныне.

Царь

Коль быть Инфантом перестал,
Ответь мне просто как Фернандо.

Дон Фернандо

Теперь, хотя б с земли я встал,
К твоим ногам паду покорно.

Царь

Ты тверд в решении своем.
Смиренье это или храбрость?

Дон Фернандо

Поклон раба – перед Царем.

И так как я твой раб, и так как
Я нахожусь перед тобою,
С тобою говорить я должен:
Внимай, властитель мой и Царь.
Ты Царь, промолвил я, и если
Иной закон тобою правит,
Так беспредельна, так могуча,
Пышна божественность царей,
Что безусловно порождает
Она душевное величье;
И ты с великодушной кровью
Таишь способность сострадать;
Не только меж людей, но даже
Среди зверей названье это
Так властно, что закон природы
Ему покорствовать велит;
Так в разных книгах мы читаем
О первобытных общежитьях,
Что лев, могучий царь животных,
Когда нахмуривает лоб,
На нем встает короной грива,
Но он проникнут милосердьем,

Того, кто перед ним склонился,
Не растерзал он никогда.
В соленых пенных брызгах моря
Дельфин, властитель рыб, с короной
Серебряной и золотою
Из светло-синей чешуи,
Не раз, во время сильной бури,
Спасал на сушу погибавших[144],
Чтоб море их не поглотило.
Могучий реющий орел,
Которому воздушный ветер
На голове взбивает перья[145],
Царь птиц, приветствующих солнце,
Исполнен высшей доброты,

---

[144] Примечания: 144

Дельфин, как царь рыб, был в свите Нептуна (Гомер, Одиссея, V; 421). О сострадательных наклонностях дельфина Геродот рассказывает следующее (I, 23; 24): «Когда певец Арион, мефимнеянин, с большими богатствами собрался отплыть в Коринф, нанятые им коринфяне в открытом море решили бросить его в воду и завладеть его имуществом. Арион попросил, чтобы ему позволили, стоя на корме, в полном наряде, спеть песню перед смертью. Ему позволили. Он взял кифару, спел песню и бросился в море. Перевозчики отправились в Коринф, а дельфин взял Ариона к себе на спину и вынес его на Тенар. Впоследствии Арион пожертвовал тенарскому святилищу медное изображение человека, сидящего на дельфине. — По понятиям древних, дельфины выносили на сушу и других людей, как живых, так и мертвых» (Aelian, «De natura anirnalium», VI, 15, VIII, 3; XII, 6) (К. Б.).

[145] Примечания: 145

Ветер таким образом делает его голову как бы венценосной. О милосердии орла рассказывает Элиан (XVII, 37): «Один жнец, пойдя к источнику за водой для своих товарищей, убил змею, от которой орел, обвитый ею как кольцом, никак не мог освободиться. Вернувшись затем к своим товарищам, он дал им воды, и они напились. Когда же он сам поднес сосуд с водой к губам, орел, летавший поблизости, опрокинул сосуд и разлил воду. Жнец, негодуя на неблагодарность, начал бранить его, но, когда он обернулся, товарищи его были уже объяты смертными муками, и он увидел тогда, что змея отравила источник, а орел спас ему жизнь» (К. Б.).

Чтоб человек не выпил смерти,
Которую жестокий аспид
Сокрыл во влаге серебристой,
К кристаллам примешавши яд,
Своими сильными крылами
И клювом возмущает воду.
И меж камней и меж деревьев
Мы видим той же власти знак:
Покрытый нежною коронкой,
Гранат, властитель над плодами,
Меняет цвет, когда отравлен,
И, погашая свой рубин,
Мерцает сумрачным топазом,
С оттенком обморочно-бледным.
Алмаз, перед которым силу
Теряет даже сам магнит,
Ему на верность присягая,
Так благороден, что измену
Хозяина изобличает,
И если раньше пред резцом
Он был непобедимо твердым,
По совершении измены

Становится как бы золою.
Так если меж зверей и рыб,
Меж птиц, камней и меж растений
Величье царское являет
Свою способность к милосердью,
Несправедливо, государь,
Чтоб меж людей она исчезла:
И для тебя не оправданье
Отличье твоего закона,
Бесчувственность везде одна.
Я не хочу тебя растрогать,
Чтоб ты, слезам моим внимая,
Дал жизнь мне царским состраданьем,
Я не прошу тебя о ней;
Я знаю, умереть я должен
От этой тягостной болезни,
Мои омрачены ей чувства,
Все тело от нее – как лед.
Я сознаю, я ранен смертью,
И чуть скажу какое слово,
Я чувствую, мое дыханье
Как острой шпаги лезвие.

Я знаю, наконец, я смертен,
И нет мгновений достоверных;
По этой-то причине разум
Устроил гроб и колыбель
Похожими по внешней форме,
Похожими по матерьялу.
Когда кого-нибудь мы просим,
Мы руки складываем так
И поднимаем их; когда же
Хотим мы что-нибудь отбросить,
Мы то же делаем движенье,
Но опускаем руки вниз.
Когда рождаемся мы к жизни,
То в знак того, что мир нас ищет,
Он в колыбель нас принимает,
Которая открыта вверх.
Когда же презреньем или гневом
Он пожелает нас отбросить,
Он вниз тогда роняет руки,
И тот же самый инструмент
Меняет смысл при той же форме,
И, сохраняя ту же сущность,

Что было кверху колыбелью,
То книзу превратилось в гроб.
Так близко мы живем от смерти,
Так тесно при рожденьи нашем
Сливаются, черта с чертою,
И колыбель и ложе мглы.
Чего ж он ждет, кто это слышит?
Кто это знает, что он ищет?
Не жизни, в этом нет сомненья,
А смерти: я о ней прошу;
Пусть небо даст мне исполненье
Желанья умереть за веру,
То не отчаянье, не думай,
Меня не отвращает жизнь,
Но я ее отдать хотел бы
В защиту дела правой веры,
Чтобы в единой жертве Богу
Душа и жизнь слились в одно.
Итак, хотя я жажду смерти,
Но чувством я своим оправдан.
И где бессильно состраданье,
Пусть там тебя обяжет гнев.

Ты лев? Тогда с могучим ревом
Скорее разорви на части,
Кем оскорблен ты и поруган.
Орел? Тогда скорей изрань
Свирепым клювом и когтями
Того, кто разорить решился
Твое гнездо. Дельфин? Вещай же
О страшных бурях моряку,
Что бороздит пучины моря.
Гранат? Яви нагие ветви,
Как признак Божеского гнева,
Неукротимости ветров.
Алмаз? Рассыпься мелкой пылью
И сделайся отравой жгучей,
И утомись, и успокойся,
Но только знай притом, что я,
Хотя б я больше ведал бурей,
Хотя бы больше видел гнева,
Хотя б я больше знал печалей,
Хотя бы больше знал тоски,
Хотя бы больше встретил бедствий,
Хотя бы больше понял голод,

Хотя б в лохмотьях был, хотя бы
В грязи и в низости лежал,
Но непреклонен буду в вере,
Она как солнце предо мною,
Она как свет, меня ведущий,
Она нетленный мой венец,
Ты победить не можешь Церковь,
Меня, коли захочешь, можешь,
Но будет Бог моей защитой,
Как я защита дел Его.

Царь

Возможно ль, чтоб в таких мученьях
Ты сохранил такую гордость
И сам сумел себя утешить,
Когда страдания – твои?
И чтобы мне в упрек ты ставил,
Что я тебе не сострадаю,
Не милосерд к чужому горю,
Коль ты не милосерд к себе?
Не я, а ты, своей рукою,
Себе удар наносишь смертный,
Проникнись ты к себе участьем,

Проникнусь им к тебе и я.

(Уходит.)

Дон Фернандо *(к Таруданте)*

Властитель, окажи мне помощь.

Таруданте

Какое горькое злосчастье!

(Уходит.)

Дон Фернандо *(к Феникс)*

Когда в тебе душа красива,
Как нежно тело у тебя,
Перед Царем будь мне защитой.

Феникс

Какая скорбь!

Дон Фернандо

Не взглянешь даже?

Феникс

О, ужас, ужас!

Дон Фернандо

Впрочем, правда:
Скорбь видеть не твоим глазам.

Феникс

Какая пытка!

Дон Фернандо

Но хотя бы
Ты на меня и не смотрела,
Хоть ты уходишь прочь, но нужно,
Чтоб ты услышала теперь,
Что если даже ты красива,
Ты более меня не стоишь,
И может быть я стою больше[146].

Феникс

В твоих словах смертельный яд.
Ты голосом наводишь ужас,
Меня своим дыханьем ранишь.
Оставь меня. Чего ты хочешь?
Страдать сильней я не могу.

(Уходит.)

---

[146] Примечания: 146

В этой фразе двойной смысл, так как, в исполнение предсказания старухи, пленная Феникс будет выдана в обмен на труп Дон Фернандо, и явится таким образом «ценою мертвеца» (К. Б.).

Сцена 8-я

***Дон Хуан**, с хлебом. — **Дон Фернандо, Брито**.*

Дон Хуан

За то, что шел к тебе я с хлебом,
Меня преследовали мавры,
Смеялись надо мной и били
Меня до нанесенья ран.

Дон Фернандо

Наследство праотца, Адама.

Дон Хуан

Бери и ешь.

Дон Фернандо

О, друг мой верный!
Ты этот хлеб приносишь поздно,
Ко мне уже подходит смерть.

Дон Хуан

Да ниспошлет мне свет свой небо!

Дон Фернандо

Но всякая болезнь смертельна,
Как быть, когда все люди смертны,
Как быть, когда в конце концов,
Уставши в этом лабиринте,
Старея, человек, смущенный
Самим собой, заболевает,
И тот недуг приносит смерть?
О, человек, не будь небрежным:
Не забывай о вечной казни,
Не жди в болезнях предвещаний,
Ты сам – страшнейший твой недуг.
Пока живешь ты в этом мире,
Ты по земле ступаешь твердой,
Но ты над собственной могилой
Проходишь в мире каждый миг.
Закон печальный, рок суровый:
Что б ни случилось, видеть ясно,
Что с каждым шагом (о, мученье)
Ты должен уходить вперед,
И даже Бог не может сделать,
Чтоб этот шаг твой был не сделан.
Друзья, конец мой подступает:

Несите на руках меня.

Дон Хуан

Последнее мое объятье
Отдам тебе.

Дон Фернандо

С последней просьбой
К тебе я, друг мой, обращаюсь,
Мой благородный Дон Хуан.
Раздень меня, когда умру я,
Найди в угрюмом подземельи
Мое монашеское платье,
Так долго я его носил,
И в нем меня, с лицом открытым,
Похорони, коль Царь жестокий
Смягчит свой гнев и не откажет
Мне в погребеньи; обозначь
Мою могилу; я надеюсь,
Что, умирая как невольник,
Я буду выкуплен позднее
И буду спать у алтаря.
Тебе, Создатель мой Небесный,

Церквей так много сохранил я,
Что я надеяться решаюсь,
Ты приютишь меня в одной.

(Его уносят на руках.)

Сцена 9-я

Побережье вдали от города Феса. — Ночь, ***Дон Альфонса****, солдаты с мушкетами.*

Дон Альфонсо

Оставьте на лазурном побережья
Громаду этих тяжких кораблей,
Которые, на изумленье небу,
Качает море в снежности своей.
И пусть меж этих дальних горизонтов
Морские горы выбросят солдат,
Чтоб корабли, как греческое зданье,
Зажгли пожар, губительный стократ.

Сцена 10-я

Дон Энрике*. — Те же.*

Дон Энрике

Ты не хотел, властитель, чтобы вышло
Близ Феса наше войско; пожелал,
Чтоб в этом месте высадка свершилась,
Ты место несчастливое избрал:
Сюда идет бесчисленное войско,
Движеньем гонит ветер пред собой,
И возвышает горные вершины
Воинственной растущею толпой.
Супругою уводит Таруданте
Принцессу Феса, он спешит к себе…
Но пусть раскат грохочущего эхо
Об этом громче возвестит тебя.

Дон Альфонсо

Энрике, я нарочно выбрал этот
Заранее намеченный проход:
Я войско Феса вместе с этим войском
Нашел бы, если б там причалил флот.
Теперь же, разделенных, я сумею
Сперва одних, потом других разбить.

И, прежде чем они соединятся,
Вели скорей к оружию трубить.

Дон Энрике

Безвременно сраженье это будет.

Дон Альфонсо

Мой гнев теперь ко всем советам глух,
Пусть мщение нагрянет безотложно,
Я в Африку явлюсь как грозный дух.

Дон Энрике

Смотри, уж ночь, закутанная в тени,
Светило дня сокрыла в бездне вод.

Дон Альфонсо

Мы будем в дымном сумраке сражаться;
Той веры, что в душе моей живет,
Не победить ни времени, ни силе.
Фернандо, если в этот самый час,
Во имя Бога, терпишь ты за веру,
Победа ждет и не обманет нас.
Мне будет честь, ему святая слава.

Дон Энрике

Ты гордостью своею увлечен.

Сцена 11-я

***Дон Фернандо**. — Те же.*

Дон Фернандо *(за сценой)*

На бой! На бой! Иди вперед, Альфонсо!

Дон Альфонсо

Ты слышишь чей-то крик и зов и стон?

Дон Энрике

Я слышу трубный звук, сигналы к битве

И смутные меж ними голоса.

Дон Альфонсо

Итак, вперед, Энрике. Нет сомненья,

Сегодня нам помогут небеса.

*(Появляется инфант **Дон Фернандо**, в рыцарской одежде своего ордена и с зажженным факелом.)*

Дон Фернандо

Помогут, да; твою увидя веру,

Они тебе замыслили помочь,
И защитят твое святое дело.
Из рабства я уйду отсюда прочь.
Пример, достойный общего вниманья:
За столько храмов, Бог дает мне храм;
Со светочем, изъятым у Востока,
Я буду озарять дорогу вам,
И с властным войском, царственный Альфонсо,
Войдешь ты в Фес, – пойми, что говорю,
Не для того, чтоб там короноваться,
Но мой закат преобразить в зарю.

(Уходит.)

Дон Энрике

Альфонсо, в том, что вижу, сомневаюсь.

Дон Альфонсо

Я верю в то, что вижу пред собой,
И если речь идет о славе Бога,
Скажи: «Победа», – говоря: «На бой».

(Уходят.)

Сцена 12-я

Внутренняя часть стен Феса.

***Царь** и **Селин**; в вышине **Дон Хуан** с одним пленником, и гроб, в котором, по-видимому, находится Инфант.*

Дон Хуан

Тиран, ты можешь услаждаться,
Что варварски ты уничтожил
Жизнь превосходнейшую.

Царь

Кто ты?

Дон Хуан

Хотя бы ты убил меня,
Я тот, кто будет при Фернандо,
И если б даже от печали
Померк мой ум, я в самой смерти,
Как верный пес, пойду за ним.

Царь

Вот, христиане, образец вам,

Он возвестит векам грядущим
О том, что суд мой справедливый
Неукоснительно суров;
Жестоким да не назовется
Отмщение за оскорбленье
Особ высоких царской крови.
Теперь, Альфонсо, приходи,
Будь вызывающе-надменным,
Освободи его из рабства,
И пусть я потерял надежду,
Что будет Сеута моей,
Но так как ты притом утратил
Надежду получить Фернандо,
Я ныне услаждаюсь, видя,
Что в тесной замкнут он тюрьме.
И мертвый не освободится
Он от моей суровой кары,
Пусть будет он на посмеянье
Пред всеми выставлен теперь.

Дон Хуан

Получишь скоро воздаянье:
Уже над морем и над сушей

Отсюда вижу я знамена
Сюда идущих христиан.

Царь

Взойдем на вышку и посмотрим,
Что происходит за стенами,
Какие новые готовит
События закон судьбы.

Дон Хуан

Я вижу траурные знаки,
Влачатся горестно знамена,
Звучат чуть слышно барабаны
И не дымятся фитили.

Сцена 13-я

Внешняя часть стен Феса.

Отдаленный бой барабанов; впереди идет ***Дон Фернандо****, с зажженным факелом, за ним* ***Дон Альфонса****,* ***Дон Энрике*** *и солдаты, ведущие захваченных в плен* ***Таруданте, Феникс и Мулея****; потом* ***Царь и Селин****.*

Дон Фернандо

Сквозь непроглядный ужас ночи,
Никем не знаемой дорогой,
Тебя я вел: и облик солнца
Расторг сплетенья дымных туч.
О, победительный Альфонсо,
До Феса ты дошел со мною:
Ты перед фесскою стеною,
Так выкупи теперь меня.

(Уходит.)

Дон Альфонсо

Кто на стенах там есть, услышьте!
Пусть выйдет Царь ко мне скорее!

(На стену выходят Царь и Селин.)

Царь

Чего, воитель юный, хочешь?

Дон Альфонсо

Чтоб ты Инфанта отдал мне!
Чтоб ты маэстре Дон Фернандо
За Таруданте и за Феникс,
Которых видишь пред собою,
В обмен мне отдал! Выбирай:

Смерть Феникс иль ее свободу.

Царь

О, друг Селин, что буду делать
Среди подобных затруднений:
Фернандо мертв, а дочь моя
В его руках. Судьбы превратность,
Вот до чего дожить пришлось мне.

Феникс

Но что я вижу пред собою?
О, что же это, государь:
Я в этом тяжком затрудненьи,
И жизнь моя под страхом смерти,
И честь моя в такой тревоге,
А ты не знаешь, что сказать?
Ты можешь медлить хоть минуту,
И колебаться хоть мгновенье,
Чтоб получить мою свободу?
Ты держишь жизнь мою в руке,
И соглашаешься (о, мука!),
Чтобы моя (о, горечь пытки!)
Была в несправедливом рабстве?

Твой голос может жизнь мою
Единым словом (о, страданье!)
Восстановить, и ты спокойно
Молчанием предоставляешь,
Чтоб мой звучал такой мольбой?
Здесь на глазах твоих кинжалом
Готовятся пронзить мне сердце,
А ты глядишь, как льются слезы
Перед тобою из моих?
Ты Царь, – и оказался зверем,
Отец, и предстаешь как аспид,
Судья, и палачом явился,
Нет, ты не Царь и не отец.

Царь

О, Феникс, это замедленье
Не понимай как нежеланье
Тебе дать жизнь, – желает небо,
Чтобы окончилась моя.
И так как более не хочет,
Чтоб наши жизни продолжались,
Узнай, Альфонсо, что с закатом
Вчерашний день, в тот самый час,

Как отбыла из Феса Феникс,
Закончив путь свой в море пены,
Закончив путь свой в море смерти,
Скончались – солнце и Инфант.
И этот гроб смиренно-тесный
Оправа царственного тела.
Сверши же приговор над Феникс:
Пускай за кровь прольется кровь.

Феникс

О, горе мне! моя надежда
В одно мгновенье оборвалась.

Царь

И ничего мне не осталось,
Чтоб хоть мгновение прожить.

Дон Энрике

Что слышу? Да поможет Бог мне!
Как поздно, небо, о, как поздно
К нему пришла его свобода!

Дон Альфонсо

Не говори так; если сам
Фернандо в символах сказал нам,

Чтоб мы его освободили,
Он разумел свой прах остывший,
Хотел сказать, что прах его
За много храмов храм получит,
И выкупить его должны мы.
Царь Фесский, чтобы ты не думал,
Что меньше этой красоты
Фернандо отошедший стоит,
Я на него ее меняю.
Пошли же снег мне за кристаллы,
Январь мне обменяй на май,
Отдай мне за алмазы – розы,
За неземной прекрасный образ
Дай мертвого многострадальца.

Царь

Альфонсо, что ты говоришь,
Непобедимый?

Дон Альфонсо

Говорю я:
Пусть пленники ее отпустят.

Феникс

И стала я ценою трупа:
Свершился неба приговор.

Царь

Спускайте со стены высокой
Тяжелый гроб, и сам спущусь я,
Чтобы у ног Альфонсо сдаться.

(Уходит со стены.)
(Гроб спускают на веревках по стене.)
Дон Альфонсо

О, Принц, о, мученик святой!
Тебя в объятья принимаю.

Дон Энрике

Перед тобой, мой брат, склоняюсь.

Сцена 14-я

***Царь, Дон Хуан**, пленники. — Те же.*

Дон Хуан

Привет, великий наш Альфонсо,
Дай руку.

Дон Альфонсо

Друг мой Дон Хуан,
Таков отчет твой об Инфанте?

Дон Хуан

Я был при нем до самой смерти,
Пока его не увидал я
Свободным, мертвым и живым:
Взгляните, как лежит он тихо.

Дон Альфонсо

Дай руку мне свою, родной мой.
Несведущий, я слишком поздно
Тебя пришел освободить.
Но в смерти, что всего важнее,
Всегда являет лик свой дружба.
Твои блаженные останки
Я отвезу с собой во храм.

(К Царю.)

Тебе я, Царь, вручаю Феникс
И Таруданте, и в супруги
Прошу ее отдать Мулею,
С Инфантом он так дружен был.

(К пленникам.)

Придите, пленники, взгляните,
Вот ваш Инфант, попеременно
Его несите до армады.

Царь

Пусть все идут вослед за ним.

Дон Альфонсо

Под заунывный трубный голос,
Под стройный рокот барабанов
Пусть похоронным маршем войско
Идет, – чтоб кончил долгий путь,
Прося смиренно извиненья
За все великие ошибки,
Инфант Фернандо Лузитанский,
В христовой вере стойкий Принц.

Горький Максим. На дне

Действующие лица

Михаил Костылев, 54 года, содержатель ночлежки.

Василиса Карповна, его жена, 26 лет.

Наташа, ее сестра, 20 лет.

Медведев, их дядя, полицейский, 50 лет.

Васька Пепел, 28 лет.

Клещ, Андрей Митрич, слесарь, 40 лет.

Анна, его жена, 30 лет.

Настя, девица, 24 года.

Квашня, торговка пельменями, под 40 лет.

Бубнов, картузник, 45 лет.

Барон, 33 года.

Сатин, **Актер** — приблизительно одного возраста: лет под 40.

Лука, странник, 60 лет.

Алешка, сапожник, 20 лет.

Кривой Зоб, Татарин — крючники.

Несколько босяков без имен и речей.

Акт первый

Подвал, похожий на пещеру. Потолок — тяжелые, каменные своды, закопченные, с обвалившейся штукатуркой. Свет — от зрителя и, сверху вниз, — из квадратного окна с правой стороны. Правый угол занят отгороженной тонкими переборками комнатой Пепла, около двери в эту комнату — нары Бубнова. В левом углу — большая русская печь, в левой, каменной, стене — дверь в кухню, где живут Квашня, Барон, Настя. Между печью и дверью у стены — широкая кровать, закрытая грязным ситцевым пологом. Везде по стенам — нары. На переднем плане у левой стены — обрубок дерева с тисками и маленькой наковальней, прикрепленными к нему, и другой, пониже первого. На последнем — перед наковальней — сидит Клещ, примеряя ключи к старым замкам. У ног его — две большие связки разных ключей, надетых на кольца из проволоки, исковерканный самовар из жести, молоток, подпилки. Посредине ночлежки — большой стол, две скамьи, табурет, все — некрашеное и грязное. За столом, у самовара, Квашня– хозяйничает, Барон жует черный хлеб и Настя, на табурете, читает,

облокотясь на стол, растрепанную книжку. На постели, закрытая пологом, кашляет Анна. Бубнов, сидя на нарах, примеряет на болванке для шапок, зажатой в коленях, старые, распоротые брюки, соображая, как нужно кроить. Около него — изодранная картонка из-под шляпы — для козырьков, куски клеенки, тряпье. Сатинтолько что проснулся, лежит на нарах и — рычит. На печке, невидимый, возится и кашляет Актер.

Начало весны. Утро.

Барон. Дальше!

Квашня. Не-ет, говорю, милый, с этим ты от меня поди прочь. Я, говорю, это испытала… и теперь уж — ни за сто печеных раков — под венец не пойду!

Бубнов *(Сатину)*. Ты чего хрюкаешь?

Сатин рычит.

Квашня. Чтобы я, — говорю, — свободная женщина, сама себе хозяйка, да кому-нибудь в паспорт вписалась, чтобы я мужчине в крепость себя отдала — нет! Да будь он хоть принц американский — не подумаю замуж за него идти.

Клещ. Врешь!

Квашня. Чего-о?

Клещ. Врешь. Обвенчаешься с Абрамкой…

Барон *(выхватив у Насти книжку, читает название).* «Роковая любовь»... *(Хохочет.)*

Настя *(протягивая руку).* Дай... отдай! Ну... не балуй!

Барон смотрит на нее, помахивая книжкой в воздухе.

Квашня *(Клещу).* Козел ты рыжий! Туда же — врешь! Да как ты смеешь говорить мне такое дерзкое слово?

Барон *(ударяя книгой по голове Настю).* Дура ты, Настька...

Настя *(отнимает книгу).* Дай...

Клещ. Велика барыня!.. А с Абрамкой ты обвенчаешься... только того и ждешь...

Квашня. Конечно! Еще бы... как же! Ты вон заездил жену-то до полусмерти...

Клещ. Молчать, старая собака! Не твое это дело...

Квашня. А-а! Не терпишь правды!

Барон. Началось! Настька — ты где?

Настя *(не поднимая головы).* А?.. Уйди!

Анна *(высовывая голову из-за полога).* Начался день! Бога ради... не кричите... не ругайтесь вы!

Клещ. Заныла!

Анна. Каждый божий день! Дайте хоть умереть

спокойно!..

Бубнов. Шум — смерти не помеха…

Квашня *(подходя к Анне)*. И как ты, мать моя, с таким злыднем жила?

Анна. Оставь… отстань…

Квашня. Ну-ну! Эх ты… терпеливица!.. Что, не легче в груди-то?

Барон. Квашня! На базар пора…

Квашня. Идем, сейчас! *(Анне)*. Хочешь — пельмешков горяченьких дам?

Анна. Не надо… спасибо! Зачем мне есть?

Квашня. А ты — поешь. Горячее — мягчит. Я тебе в чашку отложу и оставлю… захочешь когда, и покушай! Идем, барин… *(Клещу.)* У, нечистый дух… *(Уходит в кухню.)*

Анна *(кашляя)*. Господи…

Барон *(тихонько толкает Настю в затылок)*. Брось… дуреха!

Настя *(бормочет)*. Убирайся… я тебе не мешаю.

Барон, насвистывая, уходит за Квашней.

Сатин *(приподнимаясь на нарах)*. Кто это бил меня вчера?

Бубнов. А тебе не все равно?..

Сатин. Положим — так… А за что били?

Бубнов. В карты играл?

Сатин. Играл…

Бубнов. За это и били…

Сатин. М-мерзавцы…

Актер *(высовывая голову с печи)*. Однажды тебя совсем убьют… до смерти…

Сатин. А ты — болван.

Актер. Почему?

Сатин. Потому что — дважды убить нельзя.

Актер *(помолчав)*. Не понимаю… почему — нельзя?

Клещ. А ты слезай с печи-то да убирай квартиру… чего нежишься?

Актер. Это дело не твое…

Клещ. А вот Василиса придет — она тебе покажет, чье дело…

Актер. К черту Василису! Сегодня баронова очередь убираться… Барон!

Барон *(выходя из кухни)*. Мне некогда убираться… я на базар иду с Квашней.

Актер. Это меня не касается… иди хоть на каторгу… а пол мести твоя очередь… я за других не стану работать…

Барон. Ну, черт с тобой! Настёнка подметет… Эй, ты, роковая любовь! Очнись! *(Отнимает книгу у Насти.)*

Настя *(вставая)*. Что тебе нужно? Дай сюда! Озорник! А еще — барин…

Барон *(отдавая книгу)*. Настя! Подмети пол за меня — ладно?

Настя *(уходя в кухню)*. Очень нужно… как же!

Квашня *(в двери из кухни — Барону)*. А ты — иди! Уберутся без тебя… Актер! тебя просят, — ты и сделай… не переломишься, чай!

Актер. Ну… всегда я… не понимаю…

Барон *(выносит из кухни на коромысле корзины. В них — корчаги, покрытые тряпками)*. Сегодня что-то тяжело…

Сатин. Стоило тебе родиться бароном…

Квашня *(Актеру)*. Ты смотри же, — подмети! *(Выходит в сени, пропустив вперед себя Барона.)*

Актер *(слезая с печи)*. Мне вредно дышать пылью. *(С гордостью)*. Мой организм отравлен алкоголем… *(Задумывается, сидя на нарах.)*

Сатин. Организм… органон…

Анна. Андрей Митрич…

Клещ. Что еще?

Анна. Там пельмени мне оставила Квашня… возьми, поешь.

Клещ *(подходя к ней)*. А ты — не будешь?

Анна. Не хочу… На что мне есть? Ты — работник… тебе — надо…

Клещ. Боишься? Не бойся… может, еще…

Анна. Иди, кушай! Тяжело мне… видно, скоро уж…

Клещ *(отходя)*. Ничего… может — встанешь… бывает! *(Уходит в кухню.)*

Актер *(громко, как бы вдруг проснувшись)*. Вчера, в лечебнице, доктор сказал мне: ваш, говорит, организм — совершенно отравлен алкоголем…

Сатин *(улыбаясь)*. Органон…

Актер *(настойчиво)*. Не органон, а ор-га-низм…

Сатин. Сикамбр…

Актер *(машет на него рукой)*. Э, вздор! Я говорю — серьезно… да. Если организм — отравлен… значит — мне вредно мести пол… дышать пылью…

Сатин. Макробиотика… ха!

Бубнов. Ты чего бормочешь?

Сатин. Слова… А то еще есть — транс-сцедентальный…

Бубнов. Это что?

Сатин. Не знаю… забыл…

Бубнов. А к чему говоришь?

Сатин. Так… Надоели мне, брат, все человеческие слова… все наши слова — надоели! Каждое из них слышал я… наверное, тысячу раз…

Актер. В драме «Гамлет» говорится: «Слова,

слова, слова!» Хорошая вещь… Я играл в ней могильщика…

Клещ *(выходя из кухни)*. Ты с метлой играть скоро будешь?

Актер. Не твое дело *(Ударяет себя в грудь рукой.)* «Офелия! О… помяни меня в твоих молитвах!..»

За сценой, где-то далеко, — глухой шум, крики, свисток полицейского.

Клещ садится за работу и скрипит подпилком.

Сатин. Люблю непонятные, редкие слова… Когда я был мальчишкой… служил на телеграфе… я много читал книг…

Бубнов. А ты был и телеграфистом?

Сатин. Был… *(Усмехаясь.)* Есть очень хорошие книги… и множество любопытных слов… Я был образованным человеком… знаешь?

Бубнов. Слыхал… сто раз! Ну и был… эка важность!.. Я вот — скорняк был… свое заведение имел… Руки у меня были такие желтые — от краски: меха подкрашивал я, — такие, брат, руки были желтые — по локоть! Я уж думал, что до самой смерти не отмою… так с желтыми руками и помру… А теперь вот они, руки… просто грязные… да!

Сатин. Ну и что же?

Бубнов. И больше ничего…

Сатин. Ты это к чему?

Бубнов. Так… для соображения… Выходит: снаружи как себя ни раскрашивай, все сотрется… все сотрется, да!

Сатин. А… кости у меня болят!

Актер *(сидит, обняв руками колени)*. Образование — чепуха, главное — талант. Я знал артиста… он читал роли по складам, но мог играть героев так, что… театр трещал и шатался от восторга публики…

Сатин. Бубнов, дай пятачок!

Бубнов. У меня всего две копейки…

Актер. Я говорю — талант, вот что нужно герою. А талант — это вера в себя, в свою силу…

Сатин. Дай мне пятак, и я поверю, что ты талант, герой, крокодил, частный пристав… Клещ, дай пятак!

Клещ. Пошел к черту! Много вас тут…

Сатин. Чего ты ругаешься? Ведь у тебя нет ни гроша, я знаю…

Анна. Андрей Митрич… Душно мне… трудно…

Клещ. Что же я сделаю?

Бубнов. Дверь в сени отвори…

Клещ. Ладно! Ты сидишь на нарах, а я — на полу… пусти меня на свое место, да и отворяй… а

я и без того простужен…

Бубнов *(спокойно)*. Мне отворять не надо… твоя жена просит…

Клещ *(угрюмо)*. Мало ли кто чего попросил бы…

Сатин. Гудит у меня голова… эх! И зачем люди бьют друг друга по башкам?

Бубнов. Они не только по башкам, а и по всему прочему телу. *(Встает.)* Пойти, ниток купить… А хозяев наших чего-то долго не видать сегодня… словно издохли. *(Уходит.)*

Анна кашляет. Сатин, закинув руки под голову, лежит неподвижно.

Актер *(тоскливо осмотревшись вокруг, подходит к Анне)*. Что? Плохо?

Анна. Душно.

Актер. Хочешь — в сени выведу? Ну, вставай. *(Помогает женщине подняться, накидывает ей на плечи какую-то рухлядь и, поддерживая, ведет в сени.)* Ну-ну… твердо! Я — сам больной… отравлен алкоголем…

Костылев *(в дверях)*. На прогулку? Ах, и хороша парочка, баран да ярочка…

Актер. А ты — посторонись… видишь — больные идут?..

Костылев. Проходи, изволь… *(Напевая под нос что-то божественное, подозрительно осматривает ночлежку и склоняет голову налево, как бы прислушиваясь к чему-то в комнате Пепла.)*

Клещ ожесточенно звякает ключами и скрипит подпилком, исподлобья следя за хозяином.

Скрипишь?

Клещ. Чего?

Костылев. Скрипишь, говорю?

Пауза.

А-а… того… что бишь я хотел спросить? *(Быстро и негромко.)* Жена не была здесь?

Клещ. Не видал…

Костылев *(осторожно подвигаясь к двери в комнату Пепла).* Сколько ты у меня за два-то рубля в месяц места занимаешь! Кровать… сам сидишь… н-да! На пять целковых места, ей-богу! Надо будет накинуть на тебя полтинничек…

Клещ. Ты петлю на меня накинь да задави… Издохнешь скоро, а все о полтинниках думаешь…

Костылев. Зачем тебя давить? Кому от этого польза? Господь с тобой, живи, знай, в свое удовольствие… А я на тебя полтинку накину, — маслица в лампаду куплю… и будет перед святой иконой жертва моя гореть… И за меня жертва

пойдет, в воздаяние грехов моих, и за тебя тоже. Ведь сам ты о грехах своих не думаешь… ну вот… Эх, Андрюшка, злой ты человек! Жена твоя зачахла от твоего злодейства… никто тебя не любит, не уважает… работа твоя скрипучая, беспокойная для всех…

Клещ *(кричит)*. Ты что меня… травить пришел?

Сатин громко рычит.

Костылев *(вздрогнув)*. Эк ты, батюшка…

Актер *(входит)*. Усадил бабу в сенях, закутал…

Костылев. Экой ты добрый, брат! Хорошо это… это зачтется все тебе…

Актер. Когда?

Костылев. На том свете, братик… там все, всякое деяние наше усчитывают…

Актер. А ты бы вот здесь наградил меня за доброту…

Костылев. Это как же я могу?

Актер. Скости половину долга…

Костылев. Хе-хе! Ты все шутишь, милачок, все играешь… Разве доброту сердца с деньгами можно равнять? Доброта — она превыше всех благ. А долг твой мне — это так и есть долг! Значит, должен ты его мне возместить… Доброта твоя мне,

старцу, безвозмездно должна быть оказана…

Актер. Шельма ты, старец… *(Уходит в кухню.)*

Клещ встает и уходит в сени.

Костылев *(Сатину)*. Скрипун-то? Убежал, хе-хе! Не любит он меня…

Сатин. Кто тебя — кроме черта — любит?..

Костылев *(посмеиваясь)*. Экой ты ругатель! А я вас всех люблю… я понимаю, братия вы моя несчастная, никудышная, пропащая… *(Вдруг, быстро.)* А… Васька — дома?

Сатин. Погляди…

Костылев *(подходит к двери и стучит)*. Вася!

Актер появляется в двери из кухни. Он что-то жует.

Пепел. Кто это?

Костылев. Это я… я, Вася.

Пепел. Что надо?

Костылев *(отодвигаясь)*. Отвори…

Сатин *(не глядя на Костылева)*. Он отворит, а она — там…

Актер фыркает.

Костылев *(беспокойно, негромко)*. А? Кто — там? Ты… что?

Сатин. Чего? Ты — мне говоришь?

Костылев. Ты что сказал?

Сатин. Это я так… про себя…

Костылев. Смотри, брат! Шути в меру… Да! *(Сильно стучит в дверь.)*Василий!..

Пепел *(отворяя дверь)*. Ну? Чего беспокоишь?

Костылев *(заглядывая в комнату)*. Я… видишь — ты…

Пепел. Деньги принес?

Костылев. Дело у меня к тебе…

Пепел. Деньги — принес?

Костылев. Какие? Погоди…

Пепел. Деньги, семь рублей, за часы — ну?

Костылев. Какие часы, Вася?.. Ах, ты…

Пепел. Ну, ты гляди! Вчера, при свидетелях, я тебе продал часы за десять рублей… три — получил, семь — подай! Чего глазами хлопаешь? Шляется тут, беспокоит людей… а дела своего не знает…

Костылев. Ш-ш! Не сердись, Вася… Часы — они…

Сатин. Краденые…

Костылев *(строго)*. Я краденого не принимаю… как ты можешь…

Пепел *(берет его за плечо)*. Ты — зачем меня встревожил? Чего тебе надо?

Костылев. Да… мне — ничего… я уйду… если ты такой…

Пепел. Ступай, принеси деньги!

Костылев *(уходит)*. Экие грубые люди! Ай-яй…

Актер. Комедия!

Сатин. Хорошо! Это я люблю…

Пепел. Чего он тут?

Сатин *(смеясь)*. Не понимаешь? Жену ищет… И чего ты не пришибешь его, Василий?!

Пепел. Стану я из-за такой дряни жизнь себе портить…

Сатин. А ты — умненько. Потом — женись на Василисе… хозяином нашим будешь…

Пепел. Велика радость! Вы не токмо все мое хозяйство, а и меня, по доброте моей, в кабаке пропьете… *(Садится на нары.)* Старый черт… разбудил… А я — сон хороший видел: будто ловлю я рыбу, и попал мне — огромаднейший лещ! Такой лещ, — только во сне эдакие и бывают… И вот я его вожу на удочке и боюсь, — леса оборвется! И приготовил сачок… вот, думаю, сейчас…

Сатин. Это не лещ, а Василиса была…

Актер. Василису он давно поймал…

Пепел *(сердито)*. Подите вы к чертям… да и с ней вместе!

Клещ *(входит из сеней)*. Холодище… собачий…

Актер. Ты что же Анну не привел? Замерзнет…

Клещ. Ее Наташка в кухню увела к себе…

Актер. Старик — выгонит.

Клещ *(садясь работать)*. Ну… Наташка приведет…

Сатин. Василий. Дай пятак…

Актер *(Сатину)*. Эх ты… пятак! Вася! Дай нам двугривенный…

Пепел. Надо скорее дать… пока рубля не просите… на!

Сатин. Гиблартарр! Нет на свете людей лучше воров!

Клещ *(угрюмо)*. Им легко деньги достаются… Они — не работают…

Сатин. Многим деньги легко достаются, да немногие легко с ними расстаются… Работа? Сделай так, чтоб работа была мне приятна — я, может быть, буду работать… да! Может быть! Когда труд — удовольствие, жизнь — хороша! Когда труд — обязанность, жизнь — рабство! *(Актеру.)* Ты, Сарданапал! Идем…

Актер. Идем, Навухудоносор! Напьюсь — как… сорок тысяч пьяниц…

Уходят.

Пепел *(зевая)*. Что, как жена твоя?

Клещ. Видно, скоро уж…

Пауза.

Пепел. Смотрю я на тебя, — зря ты скрипишь.

Клещ. А что делать?

Пепел. Ничего…

Клещ. А как есть буду?

Пепел. Живут же люди…

Клещ. Эти? Какие они люди? Рвань, золотая рота… люди! Я — рабочий человек… мне глядеть на них стыдно… я с малых лет работаю… Ты думаешь — я не вырвусь отсюда? Вылезу… кожу сдеру, а вылезу… Вот, погоди… умрет жена… Я здесь полгода прожил… а все равно как шесть лет…

Пепел. Никто здесь тебя не хуже… напрасно ты говоришь…

Клещ. Не хуже! Живут без чести, без совести…

Пепел *(равнодушно)*. А куда они — честь, совесть? На ноги, вместо сапогов, не наденешь ни чести, ни совести… Честь-совесть тем нужна, у кого власть да сила есть…

Бубнов *(входит)*. У-у… озяб!

Пепел. Бубнов! У тебя совесть есть?

Бубнов. Чего-о? Совесть?

Пепел. Ну да!

Бубнов. На что совесть? Я — не богатый…

Пепел. Вот и я то же говорю: честь-совесть богатым нужна, да! А Клещ ругает нас, нет, говорит, у нас совести…

Бубнов. А он что — занять хотел?

Пепел. У него — своей много…

Бубнов. Значит, продает? Ну, здесь этого никто не купит. Вот картонки ломаные я бы купил… да и то в долг…

Пепел *(поучительно)*. Дурак ты, Андрюшка! Ты бы, насчет совести, Сатина послушал… а то — Барона…

Клещ. Не о чем мне с ними говорить…

Пепел. Они — поумнее тебя будут… хоть и пьяницы…

Бубнов. А кто пьян да умен — два угодья в нем…

Пепел. Сатин говорит: всякий человек хочет, чтобы сосед его совесть имел, да никому, видишь, не выгодно иметь-то ее… И это — верно…

Наташа входит. За нею — Лука с палкой в руке, с котомкой за плечами, котелком и чайником у пояса.

Лука. Доброго здоровья, народ честной!

Пепел *(приглаживая усы)*. А-а, Наташа!

Бубнов *(Луке)*. Был честной, да позапрошлой

весной…

Наташа. Вот — новый постоялец…

Лука. Мне — все равно! Я и жуликов уважаю, по-моему, ни одна блоха — не плоха: все — черненькие, все — прыгают… так-то. Где тут, милая, приспособиться мне?

Наташа *(указывая на дверь в кухню)*. Туда иди, дедушка…

Лука. Спасибо, девушка! Туда, так туда… Старику — где тепло, там и родина…

Пепел. Какого занятного старичишку-то привели вы, Наташа…

Наташа. Поинтереснее вас… Андрей! Жена твоя в кухне у нас… ты, погодя, приди за ней.

Клещ. Ладно… приду…

Наташа. Ты бы, чай, теперь поласковее с ней обращался… ведь уж недолго…

Клещ. Знаю…

Наташа. Знаешь… Мало знать, ты — понимай. Ведь умирать-то страшно…

Пепел. А я вот — не боюсь…

Наташа. Как же!.. Храбрость…

Бубнов *(свистнув)*. А нитки-то гнилые…

Пепел. Право — не боюсь! Хоть сейчас — смерть приму! Возьмите вы нож, ударьте против сердца… умру — не охну! Даже — с радостью, потому

что — от чистой руки…

Наташа *(уходит)*. Ну, вы другим уж зубы-то заговаривайте.

Бубнов *(протяжно)*. А ниточки-то гнилые…

Наташа *(у двери в сени)*. Не забудь, Андрей, про жену…

Клещ. Ладно…

Пепел. Славная девка!

Бубнов. Девица — ничего…

Пепел. Чего она со мной… так? Отвергает… Все равно ведь — пропадет здесь…

Бубнов. Через тебя пропадет…

Пепел. Зачем — через меня? Я ее — жалею…

Бубнов. Как волк овцу…

Пепел. Врешь ты! Я очень… жалею ее… Плохо ей тут жить… я вижу…

Клещ. Погоди, вот Василиса увидит тебя в разговоре с ней…

Бубнов. Василиса? Н-да, она своего даром не отдаст… баба — лютая…

Пепел *(ложится на нары)*. Подите вы к чертям оба… пророки!

Клещ. Увидишь… погоди!..

Лука *(в кухне, напевает)*. Середь но-очи… пу-уть-дорогу не-е видать…

Клещ *(уходя в сени)*. Ишь, воет… тоже…

Пепел. А скушно… чего это скушно мне бывает? Живешь-живешь — все хорошо! И вдруг — точно озябнешь: сделается скушно…

Бубнов. Скушно? М-м…

Пепел. Ей-ей!

Лука *(поет)*. Эх, и не вида-ать пути-и…

Пепел. Старик! Эй!

Лука *(выглядывая из двери)*. Это я?

Пепел. Ты. Не пой.

Лука *(выходит)*. Не любишь?

Пепел. Когда хорошо поют — люблю…

Лука. А я, значит, не хорошо?

Пепел. Стало быть…

Лука. Ишь ты! А я думал — хорошо пою. Вот всегда так выходит: человек-то думает про себя — хорошо я делаю! Хвать — а люди недовольны…

Пепел *(смеясь)*. Вот! Верно…

Бубнов. Говоришь — скушно, а сам хохочешь.

Пепел. А тебе что? Ворон…

Лука. Это кому — скушно?

Пепел. Мне вот…

Барон входит.

Лука. Ишь ты! А там, в кухне, девица сидит, книгу читает и — плачет! Право! Слезы текут… Я ей говорю: милая, ты чего это, а? А она — жалко!

Кого, говорю, жалко? А вот, говорит, в книжке… Вот чем человек занимается, а? Тоже, видно, со скуки…

Барон. Это — дура…

Пепел. Барон! Чай пил?

Барон. Пил… дальше!

Пепел. Хочешь — полбутылки поставлю?

Барон. Разумеется… дальше!

Пепел. Становись на четвереньки, лай собакой!

Барон. Дурак! Ты что — купец? Или — пьян?

Пепел. Ну, полай! Мне забавно будет… Ты барин… было у тебя время, когда ты нашего брата за человека не считал… и все такое…

Барон. Ну, дальше!

Пепел. Чего же? А теперь вот я тебя заставлю лаять собакой — ты и будешь… ведь будешь?

Барон. Ну, буду! Болван! Какое тебе от этого может быть удовольствие, если я сам знаю, что стал чуть ли не хуже тебя? Ты бы меня тогда заставлял на четвереньках ходить, когда я был не ровня тебе…

Бубнов. Верно!

Лука. И я скажу — хорошо!..

Бубнов. Что было — было, а остались — одни пустяки… Здесь господ нету… все слиняло, один

голый человек остался…

Лука. Все, значит, равны… А ты, милый, бароном был?

Барон. Это что еще? Ты кто, кикимора?

Лука *(смеется)*. Графа видал я и князя видал… а барона — первый раз встречаю, да и то испорченного…

Пепел *(хохочет)*. Барон! А ты меня сконфузил…

Барон. Пора быть умнее, Василий…

Лука. Эхе-хе! Погляжу я на вас, братцы, — житье ваше — о-ой!

Бубнов. Такое житье, что как поутру встал, так и за вытье…

Барон. Жили и лучше… да! Я… бывало… проснусь утром и, лежа в постели, кофе пью… кофе! — со сливками… да!

Лука. А всё — люди! Как ни притворяйся, как ни вихляйся, а человеком родился, человеком и помрешь… И всё, гляжу я, умнее люди становятся, всё занятнее… и хоть живут — всё хуже, а хотят — всё лучше… упрямые!

Барон. Ты, старик, кто такой?.. Откуда ты явился?

Лука. Я-то?

Барон. Странник?

Лука. Все мы на земле странники… Говорят, — слыхал я, — что и земля-то наша в небе странница.

Барон *(строго)*. Это так, ну, а — паспорт имеешь?

Лука *(не сразу)*. А ты кто, — сыщик?

Пепел *(радостно)*. Ловко, старик! Что, Бароша, и тебе попало?

Бубнов. Н-да, получил барин…

Барон *(сконфуженный)*. Ну, чего там? Я ведь… шучу, старик! У меня, брат, у самого бумаг нет…

Бубнов. Врешь!

Барон. То есть… я имею бумаги… но — они никуда не годятся…

Лука. Они, бумажки-то, все такие… все никуда не годятся.

Пепел. Барон! Идем в трактир…

Барон. Готов! Ну, прощай, старик… Шельма ты!

Лука. Всяко бывает, милый…

Пепел *(у двери в сени)*. Ну, идем, что ли! *(Уходит.)*

Барон быстро идет за ним.

Лука. В самом деле, человек-то бароном был?

Бубнов. Кто его знает? Барин, это верно… Он и

теперь — нет-нет, да вдруг и покажет барина из себя. Не отвык, видно, еще.

Лука. Оно, пожалуй, барство-то — как оспа… и выздоровеет человек, а знаки-то остаются…

Бубнов. Он ничего все-таки… Только так иногда брыкнется… вроде как насчет твоего паспорта…

Алешка *(входит выпивши, с гармонией в руках. Свистит)*. Эй, жители!

Бубнов. Чего орешь?

Алешка. Извините… простите! Я человек вежливый…

Бубнов. Опять загулял?

Алешка. Сколько угодно! Сейчас из участка помощник пристава Медякин выгнал и говорит: чтобы, говорит, на улице тобой и не пахло… нини! Я — человек с характером… А хозяин на меня фыркает… А что такое — хозяин? Ф-фе! Недоразумение одно… Пьяница он, хозяин-то… А я такой человек, что… ничего не желаю! Ничего не хочу и — шабаш! На, возьми меня за рубль за двадцать! А я — ничего не хочу.

Настя выходит из кухни.

Давай мне миллион — н-не хочу! И чтобы мной, хорошим человеком, командовал товарищ мой… пьяница, — не желаю! Не хочу!

Настя, стоя у двери, качает головой, глядя на Алешку.

Лука *(добродушно)*. Эх, парень, запутался ты…

Бубнов. Дурость человеческая…

Алешка *(ложится на пол)*. На, ешь меня! А я — ничего не хочу! Я — отчаянный человек! Объясните мне — кого я хуже? Почему я хуже прочих? Вот! Медякин говорит: на улицу не ходи — морду побью! А я — пойду… пойду лягу середь улицы — дави меня! Я — ничего не желаю!..

Настя. Несчастный!.. молоденький еще, а уж… так ломается…

Алешка *(увидав ее, встает на колени)*. Барышня! Мамзель! Парле франсе… прейскурант! Загулял я…

Настя *(громко шепчет)*. Василиса!

Василиса *(быстро отворяя дверь, Алешке)*. Ты опять здесь?

Алешка. Здравствуйте… пожалуйте…

Василиса. Я тебе, щенку, сказала, чтобы духа твоего не было здесь… а ты опять пришел?

Алешка. Василиса Карповна… хошь, я тебе… похоронный марш сыграю?

Василиса *(толкает его в плечо)*. Вон!

Алешка *(подвигаясь к двери)*. Постой… так нельзя! Похоронный марш… недавно выучил! Свежая

музыка… Погоди! так нельзя!

Василиса. Я тебе покажу — нельзя… я всю улицу натравлю на тебя… язычник ты проклятый… молод ты лаять про меня…

Алешка *(выбегая)*. Ну, я уйду…

Василиса *(Бубнову)*. Чтобы ноги его здесь не было! Слышишь?

Бубнов. Я тут не сторож тебе…

Василиса. А мне дела нет, кто ты таков! Из милости живешь — не забудь! Сколько должен мне?

Бубнов *(спокойно)*. Не считал…

Василиса. Смотри — я посчитаю!

Алешка *(отворив дверь, кричит)*. Василиса Карповна! А я тебя не боюсь… н-не боюсь! *(Прячется.)*

Лука смеется.

Василиса. Ты кто такой?..

Лука. Проходящий… странствующий…

Василиса. Ночуешь или жить?

Лука. Погляжу там…

Василиса. Пачпорт!

Лука. Можно…

Василиса. Давай!

Лука. Я тебе принесу… на квартиру тебе при-

волоку его…

Василиса. Прохожий… тоже! Говорил бы — проходимец… всё ближе к правде-то…

Лука *(вздохнув)*. Ах, и неласкова ты, мать…

Василиса идет к двери в комнату Пепла.

Алешка *(выглядывая из кухни, шепчет)*. Ушла? а?

Василиса *(оборачивается к нему)*. Ты еще здесь?

Алешка, скрываясь, свистит. Настя и Лука смеются.

Бубнов *(Василисе)*. Нет его…

Василиса. Кого?

Бубнов. Васьки…

Василиса. Я тебя спрашивала про него?

Бубнов. Вижу я… заглядываешь ты везде…

Василиса. Я за порядком гляжу — понял? Это почему у вас до сей поры не метено? Я сколько раз приказывала, чтобы чисто было?

Бубнов. Актеру мести…

Василиса. Мне дела нет — кому! А вот если санитары придут да штраф наложат, я тогда… всех вас — вон!

Бубнов *(спокойно)*. А чем жить будешь?

Василиса. Чтобы соринки не было! *(Идет в кухню. Насте.)* Ты чего тут торчишь? Что рожа-то вспухла? Чего стоишь пнем? Мети пол! Наталью… видела? Была она тут?

Настя. Не знаю… не видела…

Василиса. Бубнов! Сестра была здесь?

Бубнов. А… вот его привела она…

Василиса. Этот… дома был?

Бубнов. Василий? Был… С Клещом она тут говорила, Наталья-то…

Василиса. Я тебя не спрашиваю — с кем! Грязь везде… грязища! Эх, вы… свиньи! Чтобы было чисто… слышите! *(Быстро уходит.)*

Бубнов. Сколько в ней зверства, в бабе этой!

Лука. Сурьезная бабочка…

Настя. Озвереешь в такой жизни… Привяжи всякого живого человека к такому мужу, как ее…

Бубнов. Ну, она не очень крепко привязана…

Лука. Всегда она так… разрывается?

Бубнов. Всегда… К любовнику, видишь, пришла, а его нет…

Лука. Обидно, значит, стало. Охо-хо! Сколько это разного народа на земле распоряжается… и всякими страхами друг дружку стращает, а все порядка нет в жизни… и чистоты нет…

Бубнов. Все хотят порядка, да разума нехват-

ка. Однако же надо подмести… Настя!.. Ты бы занялась…

Настя. Ну да, как же! Горничная я вам тут… *(Помолчав.)* Напьюсь вот я сегодня… так напьюсь!

Бубнов. И то — дело…

Лука. С чего же это ты, девица, пить хочешь? Давеча ты плакала, теперь вот говоришь — напьюсь!

Настя *(вызывающе)*. А напьюсь — опять плакать буду… вот и все!

Бубнов. Не много…

Лука. Да от какой причины, скажи? Ведь так, без причины, и прыщ не вскочит…

Настя молчит, качая головой.

Так… Эхе-хе… господа люди! И что с вами будет?.. Ну-ка хоть я помету здесь. Где у вас метла?

Бубнов. За дверью, в сенях…

Лука идет в сени.

Настёнка!

Настя. А?

Бубнов. Чего Василиса на Алешку бросилась?

Настя. Он про нее говорил, что надоела она Ваське и что Васька бросить ее хочет… а Наташу взять себе… Уйду я отсюда… на другую квартиру.

Бубнов. Чего? Куда?

Настя. Надоело мне… Лишняя я здесь…

Бубнов *(спокойно)*. Ты везде лишняя… да и все люди на земле — лишние…

Настя качает головой. Встает, тихо уходит в сени. Медведев входит. За ним — Лука с метлой.

Медведев. Как будто я тебя не знаю…

Лука. А остальных людей — всех знаешь?

Медведев. В своем участке я должен всех знать… а тебя вот — не знаю…

Лука. Это оттого, дядя, что земля-то не вся в твоем участке поместилась… осталось маленько и опричь его… *(Уходит в кухню.)*

Медведев *(подходя к Бубнову)*. Правильно, участок у меня невелик… хоть хуже всякого большого… Сейчас, перед тем как с дежурства смениться, сапожника Алешку в часть отвез… Лег, понимаешь, среди улицы, играет на гармонии и орет: ничего не хочу, ничего не желаю! Лошади тут ездят и вообще — движение… могут раздавить колесами и прочее… Буйный парнишка… Ну, сейчас я его и… представил. Очень любит беспорядок…

Бубнов. Вечером в шашки играть придешь?

Медведев. Приду. М-да… А что… Васька?

Бубнов. Ничего… все так же…

Медведев. Значит… живет?

Бубнов. Что ему не жить? Ему можно жить…

Медведев *(сомневаясь)*. Можно?

Лука выходит в сени с ведром в руке.

М-да… тут — разговор идет… насчет Васьки… ты не слыхал?

Бубнов. Я разные разговоры слышу…

Медведев. Насчет Василисы, будто… не замечал?

Бубнов. Чего?

Медведев. Так… вообще… Ты, может, знаешь, да врешь? Ведь все знают… *(Строго.)*Врать нельзя, брат…

Бубнов. Зачем мне врать!

Медведев. То-то!.. Ах, псы! Разговаривают: Васька с Василисой… дескать… а мне что? Я ей не отец, я — дядя… Зачем надо мной смеяться?..

Входит Квашня.

Какой народ стал… надо всем смеется… А-а! Ты… пришла…

Квашня. Разлюбезный мой гарнизон! Бубнов! Он опять на базаре приставал ко мне, чтобы венчаться…

Бубнов. Валяй… чего же? У него деньги есть, и кавалер он еще крепкий…

Медведев. Я-то? Хо-хо!

Квашня. Ах ты, серый! Нет, ты меня за это мое, за больное место не тронь! Это, миленький, со мной было… Замуж бабе выйти — все равно как зимой в прорубь прыгнуть: один раз сделала — на всю жизнь памятно…

Медведев. Ты — погоди… мужья — они разные бывают.

Квашня. Да я-то все одинакова! Как издох мой милый муженек, — ни дна бы ему ни покрышки, — так я целый день от радости одна просидела: сижу и все не верю счастью своему…

Медведев. Ежели тебя муж бил… зря — надо было в полицию жаловаться…

Квашня. Я Богу жаловалась восемь лет, — не помогал!

Медведев. Теперь запрещено жен бить… теперь во всем — строгость и закон-порядок! Никого нельзя зря бить… бьют — для порядку…

Лука *(вводит Анну)*. Ну, вот и доползли… эх ты! И разве можно в таком слабом составе одной ходить? Где твое место?

Анна *(указывая)*. Спасибо, дедушка…

Квашня. Вот она — замужняя… глядите!

Лука. Бабочка совсем слабого состава… Идет по сеням, цепляется за стенки и — стонает… Пошто вы ее одну пущаете?

Квашня. Не доглядели, простите, батюшка! А горничная ейная, видно, гулять ушла…

Лука. Ты вот — смеешься… а разве можно человека эдак бросать? Он — каков ни есть — а всегда своей цены стоит…

Медведев. Надзор нужен! Вдруг — умрет? Канитель будет из этого… Следить надо!

Лука. Верно, господин ундер…

Медведев. М-да… хоть я… еще не совсем ундер…

Лука. Н-ну? А видимость — самая геройская!

В сенях шум и топот. Доносятся глухие крики.

Медведев. Никак — скандал?

Бубнов. Похоже…

Квашня. Пойти поглядеть…

Медведев. И мне надо идти… Эх, служба! И зачем разнимают людей, когда они дерутся? Они и сами перестали бы… ведь устаешь драться… Давать бы им бить друг друга свободно, сколько каждому влезет… стали бы меньше драться, потому побои-то помнили бы дольше…

Бубнов *(слезая с нар)*. Ты начальству поговори

насчет этого…

Костылев *(распахивая дверь, кричит).* Абрам! Иди. Василиса Наташку… убивает… иди!

Квашня, Медведев, Бубновбросаются в сени. Лука, качая головой, смотрит вслед им.

Анна. О Господи… Наташенька бедная!

Лука. Кто дерется там?

Анна. Хозяйки… сестры…

Лука *(подходя к Анне).* Чего делят?

Анна. Так они… сытые обе… здоровые…

Лука. Тебя как звать-то?

Анна. Анной… Гляжу я на тебя… на отца ты похож моего… на батюшку… такой же ласковый… мягкий…

Лука. Мяли много, оттого и мягок… *(Смеется дребезжащим смехом.)*

Занавес

Акт второй

Та же обстановка.

Вечер. На нарах около печи Сатин, Барон, Кривой Зоби Татарин играют в карты. Клещ и Актер наблюдают за игрой. Бубнов на своих нарах играет в шашки с Медведевым. Лука сидит на табурете у постели Анны. Ночлежка освещена двумя лампами, одна висит на стене около играющих в карты, другая — на нарах Бубнова.

Татарин. Еще раз играю, — больше не играю…

Бубнов. Зоб! Пой! *(Запевает.)* Солнце всходит и заходит…

Кривой Зоб *(подхватывает голос)*. А в тюрьме моей темно…

Татарин *(Сатину)*. Мешай карта! Хорошо мешай! Знаем мы, какой-такой ты…

Бубнов и Кривой Зоб *(вместе)*. Дни и ночи часовые — э-эх! Стерегут мое окно…

Анна. Побои… обиды… ничего кроме — не видела я… ничего не видела!

Лука. Эх, бабочка! Не тоскуй!

Медведев. Куда ходишь? Гляди!..

Бубнов. А-а! Так, так, так…

Татарин *(грозя Сатину кулаком).* Зачем карта прятать хочешь? Я вижу… э, ты!

Кривой Зоб. Брось, Асан! Все равно — они нас объегорят… Бубнов, заводи!

Анна. Не помню — когда я сыта была… Над каждым куском хлеба тряслась… Всю жизнь мою дрожала… Мучилась… как бы больше другого не съесть… Всю жизнь в отрепьях ходила… всю мою несчастную жизнь… За что?

Лука. Эх ты, детынька! Устала? Ничего!

Актер *(Кривому Зобу).* Валетом ходи… валетом, черт!

Барон. А у нас — король.

Клещ. Они всегда побьют.

Сатин. Такая у нас привычка…

Медведев. Дамка!

Бубнов. И у меня… н-ну…

Анна. Помираю, вот…

Клещ. Ишь, ишь как! Князь, бросай игру! Бросай, говорю!

Актер. Он без тебя не понимает?

Барон. Гляди, Андрюшка, как бы я тебя не швырнул ко всем чертям!

Татарин. Сдавай еще раз! Кувшин ходил за вода, разбивал себя… и я тоже!

Клещ, качая головой, отходит к Бубнову.

Анна. Все думаю я: Господи! Неужто и на том свете мука мне назначена? Неужто и там?

Лука. Ничего не будет! Лежи знай! Ничего! Отдохнешь там!.. Потерпи еще! Все, милая, терпят… всяк по-своему жизнь терпит… *(Встает и уходит в кухню быстрыми шагами.)*

Бубнов *(запевает)*. Как хотите, стерегите…

Кривой Зоб. Я и так не убегу…

(В два голоса.)

Мне и хочется на волю… эх!

Цепь порвать я не могу…

Татарин *(кричит)*. А! Карта рукав совал!

Барон *(конфузясь)*. Ну… что же мне — в нос твой сунуть?

Актер *(убедительно)*. Князь! Ты ошибся… никто, никогда…

Татарин. Я видел! Жулик! Не буду играть!

Сатин *(собирая карты)*. Ты, Асан, отвяжись… Что мы — жулики, тебе известно. Стало быть, зачем играл?

Барон. Проиграл два двугривенных, а шум делаешь на трешницу… еще князь!

Татарин *(горячо)*. Надо играть честна!

Сатин. Это зачем же?

Татарин. Как зачем?

Сатин. А так… Зачем?

Татарин. Ты не знаешь?

Сатин. Не знаю. А ты — знаешь?

Татарин плюет, озлобленный. Все хохочут над ним.

Кривой Зоб *(благодушно)*. Чудак ты, Асан! Ты — пойми! Коли им честно жить начать, они в три дня с голоду издохнут…

Татарин. А мне какое дело! Надо честно жить!

Кривой Зоб. Заладил! Идем чай пить лучше… Бубен! И-эх вы, цепи, мои цепи.

Бубнов. Да вы железны сторожа…

Кривой Зоб. Идем, Асанка! *(Уходит, напевая.)* Не порвать мне, не разбить вас…

Татарин грозит Барону кулаком и выходит вслед за товарищем.

Сатин *(Барону, смеясь)*. Вы, ваше вашество, опять торжественно сели в лужу! Образованный человек, а карту передернуть не можете…

Барон *(разводя руками)*. Черт знает, как она…

Актер. Таланта нет… нет веры в себя… а без этого… никогда, ничего…

Медведев. У меня одна дамка… а у тебя две… н-да!

Бубнов. И одна — не бедна, коли умна… Ходи!

Клещ. Проиграли, вы Абрам Иваныч!

Медведев. Это не твое дело… понял? И молчи…

Сатин. Выигрыш — пятьдесят три копейки…

Актер. Три копейки мне… А впрочем, зачем мне нужно три копейки?

Лука *(выходя из кухни)*. Ну, обыграли татарина? Водочку пить пойдете?

Барон. Идем с нами!

Сатин. Посмотреть бы, каков ты есть пьяный!

Лука. Не лучше трезвого-то…

Актер. Идем, старик… я тебе продекламирую куплеты…

Лука. Чего это?

Актер. Стихи — понимаешь?

Лука. Стихи-и! А на что они мне, стихи-то?..

Актер. Это — смешно… А иногда — грустно…

Сатин. Ну, куплетист, идешь? *(Уходит с Бароном.)*

Актер. Иду… я догоню! Вот, например, старик, из одного стихотворения… начало я забыл… забыл! *(Потирает лоб.)*

Бубнов. Готово! Пропала твоя дамка… ходи!

Медведев. Не туда я пошел… пострели ее!

Актер. Раньше, когда мой организм не был отравлен алкоголем, у меня, старик, была хоро-

шая память… А теперь вот… кончено, брат! Все кончено для меня! Я всегда читал это стихотворение с большим успехом… гром аплодисментов! Ты… не знаешь, что такое аплодисменты… это, брат, как… водка!.. Бывало, выйду, встану вот так… *(Становится в позу.)* Встану… и… *(Молчит.)* Ничего не помню… ни слова… не помню! Любимое стихотворение… плохо это, старик?

Лука. Да уж чего хорошего, коли любимое забыл? В любимом — вся душа…

Актер. Пропил я душу, старик… я, брат, погиб… А почему — погиб? Веры у меня не было… Кончен я…

Лука. Ну, чего? Ты… лечись! От пьянства нынче лечат, слышь! Бесплатно, браток, лечат… такая уж лечебница устроена для пьяниц… чтобы, значит, даром их лечить… Признали, видишь, что пьяница — тоже человек… и даже — рады, когда он лечиться желает! Ну-ка вот, валяй! Иди…

Актер *(задумчиво)*. Куда? Где это?

Лука. А это… в одном городе… как его? Название у него эдакое… Да я тебе город назову!.. Ты только вот чего: ты пока готовься! Воздержись!.. возьми себя в руки и — терпи… А потом — вылечишься… и начнешь жить снова… хорошо, брат, снова-то! Ну, решай… в два приема…

Актер *(улыбаясь)*. Снова… сначала… Это — хорошо… Н-да… Снова? *(Смеется.)* Ну… да! Я могу?! Ведь могу, а?

Лука. А чего? Человек — все может… лишь бы захотел…

Актер *(вдруг, как бы проснувшись)*. Ты — чудак! Прощай пока! *(Свистит.)* Старичок… прощай… *(Уходит.)*

Анна. Дедушка!

Лука. Что, матушка?

Анна. Поговори со мной…

Лука *(подходя к ней)*. Давай, побеседуем…

Клещ оглядывается, молча подходит к жене, смотрит на нее и делает какие-то жесты руками, как бы желая что-то сказать.

Что, браток?

Клещ *(негромко)*. Ничего… *(Медленно идет к двери в сени, несколько секунд стоит пред ней и — уходит.)*

Лука *(проводив его взглядом)*. Тяжело мужику-то твоему…

Анна. Мне уж не до него…

Лука. Бил он тебя?

Анна. Еще бы… От него, чай, и зачахла…

Бубнов. У жены моей… любовник был; ловко,

бывало, в шашки играл, шельма…

Медведев. Мм-м…

Анна. Дедушка! Говори со мной, милый… Тошно мне…

Лука. Это ничего! Это — перед смертью… голубка. Ничего, милая! Ты — надейся… Вот, значит, помрешь, и будет тебе спокойно… ничего больше не надо будет, и бояться — нечего! Тишина, покой… лежи себе! Смерть — она все успокаивает… она для нас ласковая… Помрешь — отдохнешь, говорится… верно это, милая! Потому — где здесь отдохнуть человеку?

Пепел входит. Он немного выпивши, растрепанный, мрачный. Садится у двери на нарах и сидит молча, неподвижно.

Анна. А как там — тоже мука?

Лука. Ничего не будет! Ничего! Ты — верь! Спокой и — больше ничего! Призовут тебя к Господу и скажут: Господи, погляди-ка, вот пришла раба твоя, Анна…

Медведев *(строго)*. А ты почему знаешь, что там скажут? Эй, ты…

Пепел при звуке голоса Медведева поднимает голову и прислушивается.

Лука. Стало быть, знаю, господин ундер…

Медведев *(примирительно)*. М… да! Ну… твое дело… Хоша… я еще не совсем… ундер…

Бубнов. Двух беру…

Медведев. Ах ты… чтоб тебе!..

Лука. А Господь — взглянет на тебя кротко-ласково и скажет: знаю я Анну эту! Ну, скажет, отведите ее, Анну, в рай! Пусть успокоится… Знаю я, жила она — очень трудно… очень устала… Дайте покой Анне…

Анна *(задыхаясь)*. Дедушка… милый ты… кабы так! Кабы… покой бы… не чувствовать бы ничего…

Лука. Не будешь! Ничего не будет! Ты — верь! Ты — с радостью помирай, без тревоги… Смерть, я те говорю, она нам — как мать малым детям…

Анна. А… может… может, выздоровлю я?

Лука *(усмехаясь)*. На что? На муку опять?

Анна. Ну… еще немножко… пожить бы… немножко! Коли там муки не будет… здесь можно потерпеть… можно!

Лука. Ничего там не будет!.. Просто…

Пепел *(вставая)*. Верно… а может, и — не верно!

Анна *(пугливо)*. Господи…

Лука. А, красавец…

Медведев. Кто орет?

Пепел *(подходя к нему)*. Я! А что?

Медведев. Зря орешь, вот что! Человек должен вести себя смирно…

Пепел. Э… дубина!.. А еще — дядя… х-хо!

Лука *(Пеплу, негромко)*. Слышь, — не кричи! Тут — женщина помирает… уж губы у нее землей обметало… не мешай!

Пепел. Тебе, дед, изволь, — уважу! Ты, брат, молодец! Врешь ты хорошо… сказки говоришь приятно! Ври, ничего — мало, брат, приятного на свете!

Бубнов. Вправду — помирает баба-то?

Лука. Кажись, не шутит…

Бубнов. Кашлять, значит, перестанет… Кашляла она очень беспокойно… Двух беру!

Медведев. Ах, пострели тебя в сердце!

Пепел. Абрам!

Медведев. Я тебе — не Абрам…

Пепел. Абрашка! Наташа — хворает?

Медведев. А тебе какое дело?

Пепел. Нет, ты скажи: сильно ее Василиса избила?

Медведев. И это дело не твое! Это — семейное дело… А ты — кто таков?

Пепел. Кто бы я ни был, а… захочу — и не ви-

дать вам больше Наташки!

Медведев *(бросая игру)*. Ты — что говоришь? Ты — про кого это? Племянница моя чтобы… ах, вор!

Пепел. Вор, а тобой не пойман…

Медведев. Погоди! Я — поймаю… я — скоро…

Пепел. А поймаешь, — на горе всему вашему гнезду. Ты думаешь — я молчать буду перед следователем? Жди от волка толка! Спросят: кто меня на воровство подбил и место указал? Мишка Костылев с женой! Кто краденое принял? Мишка Костылев с женой!

Медведев. Врешь! Не поверят тебе!

Пепел. Поверят, потому — правда! И тебя еще запутаю… ха! Погублю всех вас, черти, — увидишь!

Медведев *(теряясь)*. Врешь! И… врешь! И… что я тебе худого сделал? Пес ты бешеный…

Пепел. А что ты мне хорошего сделал?

Лука. Та-ак!

Медведев *(Луке)*. Ты… чего каркаешь? Твое тут — какое дело? Тут — семейное дело!

Бубнов *(Луке)*. Отстань! Не для нас с тобой петли вяжут.

Лука *(смиренно)*. Я ведь — ничего! Я только говорю, что, если кто кому хорошего не сделал, тот и худо поступил…

Медведев *(не поняв)*. То-то! Мы тут… все друг друга знаем… а ты — кто такой? *(Сердито фыркая, быстро уходит.)*

Лука. Рассердился кавалер… Охо-хо, дела у вас, братцы, смотрю я… путаные дела!

Пепел. Василисе жаловаться побежал…

Бубнов. Дуришь ты, Василий. Чего-то храбрости у тебя много завелось… гляди, храбрость у места, когда в лес по грибы идешь… а здесь она — ни к чему… Они тебе живо голову свернут…

Пепел. Н-ну, нет! Нас, ярославских, голыми руками не сразу возьмешь… Ежели война — будем воевать…

Лука. А в самом деле, отойти бы тебе, парень, прочь с этого места…

Пепел. Куда? Ну-ка, выговори…

Лука. Иди… в Сибирь!

Пепел. Эге! Нет, уж я погожу, когда пошлют меня в Сибирь эту на казенный счет…

Лука. А ты слушай — иди-ка! Там ты себе можешь путь найти… Там таких — надобно!

Пепел. Мой путь — обозначен мне! Родитель всю жизнь в тюрьмах сидел и мне тоже заказал… Я когда маленький был, так уж в ту пору меня звали вор, воров сын…

Лука. А хорошая сторона — Сибирь! Золотая

сторона! Кто в силе да в разуме, тому там — как огурцу в парнике!

Пепел. Старик! Зачем ты все врешь?

Лука. Ась?

Пепел. Оглох! Зачем врешь, говорю?

Лука. Это в чем же вру-то я?

Пепел. Во всем… Там у тебя хорошо, здесь хорошо… ведь — врешь! На что?

Лука. А ты мне — поверь, да поди сам погляди… Спасибо скажешь… Чего ты тут трешься? И… чего тебе правда больно нужна… подумай-ка! Она, правда-то, может, обух для тебя…

Пепел. А мне все едино! Обух, так обух…

Лука. Да чудак! На что самому себя убивать?

Бубнов. И чего вы оба мелете? Не пойму… Какой тебе, Васька, правды надо? И зачем? Знаешь ты правду про себя… да и все ее знают…

Пепел. Погоди, не каркай! Пусть он мне скажет… Слушай, старик: Бог есть?

Лука молчит, улыбаясь.

Бубнов. Люди все живут… как щепки по реке плывут… строят дом… а щепки — прочь…

Пепел. Ну? Есть? Говори…

Лука *(негромко)*. Коли веришь, — есть; не веришь, — нет… Во что веришь, то и есть…

Пепел молча, удивленно и упорно смотрит на старика.

Бубнов. Пойду чаю попью… идемте в трактир? Эй!..

Лука *(Пеплу)*. Чего глядишь?

Пепел. Так… погоди!.. Значит…

Бубнов. Ну, я один… *(Идет к двери и встречается с Василисой).*

Пепел. Стало быть… ты…

Василиса *(Бубнову)*. Настасья — дома?

Бубнов. Нет… *(Уходит.)*

Пепел. А… пришла…

Василиса *(подходя к Анне)*. Жива еще?

Лука. Не тревожь…

Василиса. А ты… чего тут торчишь?

Лука. Я могу уйти… коли надо…

Василиса *(направляясь к двери в комнату Пепла)*. Василий! У меня к тебе дело есть…

Лука подходит к двери в сени, отворяет ее и громко хлопает ею. Затем — осторожно влезает на нары и — на печь.

*(Из комнаты Пепла.)*Вася… поди сюда!

Пепел. Не пойду… не хочу…

Василиса. А… что же? На что гневаешься?

Пепел. Скушно мне… надоела мне вся эта ка-

нитель…

Василиса. И я… надоела?

Пепел. И ты…

Василиса крепко стягивает платок на плечах, прижимая руки ко груди. Идет к постели Анны, осторожно смотрит за полог и возвращается к Пеплу.

Ну… говори…

Василиса. Что же говорить? Насильно мил не будешь… и не в моем это характере милости просить… Спасибо тебе за правду…

Пепел. Какую правду?

Василиса. А что надоела я тебе… али это не правда?

Пепел молча смотрит на нее.

(Подвигаясь к нему.) Что глядишь? Не узнаёшь?

Пепел *(вздыхая)*. Красивая ты, Васка…

Женщина кладет ему руку на шею, но он стряхивает руку ее движением плеча.

…а никогда не лежало у меня сердце к тебе… И жил я с тобой, и всё… а никогда ты не нравилась мне…

Василиса *(тихо)*. Та-ак… Н-ну…

Пепел. Ну, не о чем нам говорить! Не о чем… иди от меня…

Василиса. Другая приглянулась?

Пепел. Не твое дело… И приглянулась — в свахи тебя не позову…

Василиса *(значительно)*. А напрасно… Может, я бы и сосватала…

Пепел *(подозрительно)*. Кого это?

Василиса. Ты знаешь… что притворяться? Василий… я — человек прямой… *(Тише.)* Скрывать не буду… ты меня обидел… Ни за что, ни про что — как плетью хлестнул… Говорил — любишь… и вдруг…

Пепел. Вовсе не вдруг… я давно… души в тебе нет баба… В женщине — душа должна быть… Мы — звери… нам надо… надо нас — приучать… а ты — к чему меня приучила?..

Василиса. Что было — того нет… Я знаю — человек сам в себе не волен… Не любишь больше… ладно! Так тому и быть…

Пепел. Ну, значит, и — шабаш! Разошлись смирно, без скандала… и хорошо!

Василиса. Нет, погоди! Все-таки… когда я с тобой жила… я все дожидалась, что ты мне поможешь из омута этого выбраться… освободишь

меня от мужа, от дяди… от всей этой жизни… И, может, я не тебя, Вася, любила, а… надежду мою, думу эту любила в тебе… Понимаешь? Ждала я, что вытащишь ты меня…

Пепел. Ты — не гвоздь, я — не клещи… Я сам думал, что ты, как умная… ведь ты умная… ты — ловкая!

Василиса *(близко наклоняясь к нему)*. Вася! давай… поможем друг другу…

Пепел. Как это?

Василиса *(тихо, сильно)*. Сестра… тебе нравится, я знаю…

Пепел. За то ты и бьешь ее зверски! Смотри, Васка! Ее — не тронь…

Василиса. Погоди! Не горячись! Можно все сделать тихо, по-хорошему… Хочешь — женись на ней? И я тебе еще денег дам… целковых… триста! Больше соберу — больше дам…

Пепел *(отодвигаясь)*. Постой… как это? За что?

Василиса. Освободи меня… от мужа! Сними с меня петлю эту…

Пепел *(тихо свистит)*. Вон что-о! Ого-го! Это — ты ловко придумала… мужа, значит, в гроб, любовника — на каторгу, а сама…

Василиса. Вася! Зачем — каторга? Ты — не сам… через товарищей! Да если и сам, кто узнает?

Наталья — подумай! Деньги будут… уедешь куда-нибудь… меня навек освободишь… и что сестры около меня не будет — это хорошо для нее. Видеть мне ее — трудно… злоблюсь я на нее за тебя… и сдержаться не могу… мучаю девку, бью ее… так — бью… что сама плачу от жалости к ней… А — бью. И — буду бить!

Пепел. Зверь! Хвастаешься зверством своим?

Василиса. Не хвастаюсь — правду говорю. Подумай, Вася… Ты два раза из-за мужа моего в тюрьме сидел… из-за его жадности… Он в меня, как клоп, впился… четыре года сосет! А какой он мне муж? Наташку теснит, измывается над ней, нищая, говорит! И для всех он — яд…

Пепел. Хитро ты плетешь…

Василиса. В речах моих — все ясно… Только глупый не поймет, чего я хочу…

Костылев осторожно входит и крадется вперед.

Пепел *(Василисе)*. Ну… иди!

Василиса. Подумай! *(Видит мужа.)* Ты — что? За мной?

Пепел вскакивает и дико смотрит на Костылева.

Костылев. Это я… я! А вы тут… одни? А-а… Вы — разговаривали? *(Вдруг топает ногами и громко визжит.)* Васка… поганая! Нищая… шкура! *(Пугается своего крика, встреченного молчанием и неподвижностью.)* Прости, Господи… опять ты меня, Василиса, во грех ввела… Я тебя ищу везде… *(Взвизгивая.)* Спать пора! Масла в лампады забыла налить… у, ты! Нищая… свинья… *(Дрожащими руками машет на нее.)*

Василиса медленно идет к двери в сени, оглядываясь на Пепла.

Пепел *(Костылеву)*. Ты! Уйди… пошел!..

Костылев *(кричит)*. Я — хозяин! Сам пошел, да! Вор…

Пепел *(глухо)*. Уйди, Мишка…

Костылев. Не смей! Я тут… я тебя…

Пепел хватает его за шиворот и встряхивает. На печи раздается громкая возня и воющее позевыванье. Пепел выпускает Костылева, старик с криком бежит в сени.

Пепел *(вспрыгнув на нары)*. Кто это… кто на печи?

Лука *(высовывая голову)*. Ась?

Пепел. Ты?!

Лука *(спокойно)*. Я… я самый… о, Господи Иисусе Христе!

Пепел *(затворяет дверь в сени, ищет запора и не находит)*. А, черти… Старик, слезай!

Лука. Сейча-ас… лезу…

Пепел *(грубо)*. Ты зачем на печь залез?

Лука. А куда надо было?

Пепел. Ведь… ты в сени ушел?

Лука. В сенях, браточек, мне, старику, холодно…

Пепел. Ты… слышал?

Лука. А — слышал! Как не слышать? Али я — глухой? Ах, парень, счастье тебе идет… Вот идет счастье!

Пепел *(подозрительно)*. Какое счастье? В чем?

Лука. А вот в том, что я на печь залез.

Пепел. А… зачем ты там возиться начал?

Лука. Затем, значит, что — жарко мне стало… на твое сиротское счастье… И — опять же — смекнул я, как бы, мол, парень-то не ошибся… не придушил бы старичка-то…

Пепел. Да-а… я это мог… ненавижу…

Лука. Что мудреного? Ничего нет трудного… Часто эдак-то ошибаются…

Пепел *(улыбаясь)*. Ты — что? Сам, что ли, ошибся однажды?

Лука. Парень! Слушай-ка, что я тебе скажу: бабу эту — прочь надо! Ты ее — ни-ни! — до себя не допускай… Мужа — она и сама со света сживет, да еще половчее тебя, да! Ты ее, дьяволицу, не слушай… Гляди — какой я? Лысый… А отчего? От этих вот самых разных баб… Я их, баб-то, может, больше знал, чем волос на голове было… А эта Василиса — она… хуже черемиса!

Пепел. Не понимаю я… спасибо тебе сказать, или ты… тоже…

Лука. Ты — не говори! Лучше моего не скажешь! Ты слушай: которая тут тебе нравится, бери ее под руку, да отсюда — шагом марш! — уходи! Прочь уходи…

Пепел *(угрюмо)*. Не поймешь людей! Которые — добрые, которые — злые?.. Ничего не понятно…

Лука. Чего там понимать? Всяко живет человек… как сердце налажено, так и живет… сегодня — добрый, завтра — злой… А коли девка эта за душу тебя задела всурьез… уйди с ней отсюда, и кончено… А то — один иди… Ты — молодой, успеешь бабой обзавестись…

Пепел *(берет его за плечо)*. Нет, ты скажи — зачем ты все это…

Лука. Погоди-ка, пусти… Погляжу я на Анну… чего-то она хрипела больно… *(Идет к постели Ан-*

ны, открывает полог, смотрит, трогает рукой.)

Пепел задумчиво и растерянно следит за ним.

Иисусе Христе, многомилостивый! Дух новопреставленной рабы твоей Анны с миром прими…

Пепел *(тихо)*. Умерла?.. *(Не подходя, вытягивается и смотрит на кровать.)*

Лука *(тихо)*. Отмаялась!.. А где мужик-то ее?

Пепел. В трактире, наверно…

Лука. Надо сказать…

Пепел *(вздрагивая)*. Не люблю покойников…

Лука *(идет к двери)*. За что их любить?.. Любить — живых надо… живых…

Пепел. И я с тобой…

Лука. Боишься?

Пепел. Не люблю…

Торопливо выходят. Пустота и тишина. За дверью в сени слышен глухой шум, неровный, непонятный. Потом — входит Актер.

Актер *(останавливается, не затворяя двери, на пороге и, придерживаясь руками за косяки, кричит)*. Старик, эй! Ты где? Я — вспомнил… слушай. *(Шатаясь, делает два шага вперед и, принимая позу, читает.)*

Господа! Если к правде святой
Мир дорогу найти не умеет, —
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой!

Наташа является сзади Актера в двери.

Старик!..
Если б завтра земли нашей путь
Осветить наше солнце забыло,
Завтра ж целый бы мир осветила
Мысль безумца какого-нибудь...

Наташа *(смеется).* Чучело! Нализался...

Актер *(оборачиваясь к ней).* А-а, это ты? А — где старичок... милый старикашка? Здесь, по-видимому, — никого нет... Наташа, прощай! Прощай... да!

Наташа *(входя).* Не здоровался, а прощаешься...

Актер *(загораживает ей дорогу).* Я — уезжаю, ухожу... Настанет весна — и меня больше нет...

Наташа. Пусти-ка... куда это ты?

Актер. Искать город... лечиться... Ты — тоже уходи... Офелия... иди в монастырь... Понимаешь — есть лечебница для организмов... для пьяниц... Превосходная лечебница... Мрамор... мраморный

пол! Свет… чистота, пища… всё — даром! И мраморный пол, да! Я ее найду, вылечусь и… снова буду… Я на пути к возрожденью… как сказал… король… Лир! Наташа… по сцене мое имя Сверчков-Заволжский… никто этого не знает, никто! Нет у меня здесь имени… Понимаешь ли ты, как это обидно — потерять имя? Даже собаки имеют клички…

Наташа осторожно обходит Актера, останавливается у кровати Анны, смотрит.

Без имени — нет человека…

Наташа. Гляди… голубчик… померла ведь…

Актер *(качая головой)*. Не может быть…

Наташа *(отступая)*. Ей-богу… смотри…

Бубнов *(в двери)*. Чего смотреть?

Наташа. Анна-то… померла!

Бубнов. Кашлять перестала, значит. *(Идет к постели Анны, смотрит, идет на свое место.)* Надо Клещу сказать… это — его дело…

Актер. Я иду… скажу… потеряла имя!.. *(Уходит.)*

Наташа *(посреди комнаты)*. Вот и я… когда-нибудь так же… в подвале… забитая…

Бубнов *(расстилая на своих нарах какое-то тряпье)*. Чего? Ты чего бормочешь?

Наташа. Так… про себя…

Бубнов. Ваську ждешь? Гляди — сломит тебе голову Васька…

Наташа. А не все равно — кто сломит? Уж пускай лучше он…

Бубнов *(ложится)*. Ну, твое дело…

Наташа. Ведь вот… хорошо, что она умерла… а жалко… Господи!.. Зачем жил человек?

Бубнов. Все так: родятся, поживут, умирают. И я помру… и ты… Чего жалеть?

Входят. Лука, Татарин, Кривой Зоби Клещ. Клещ идет сзади всех, медленно, съежившись.

Наташа. Ш-ш! Анна…

Кривой Зоб. Слышали… царство небесное, коли померла…

Татарин *(Клещу)*. Надо вон тащить! Сени надо тащить! Здесь — мертвый — нельзя, здесь — живой спать будет…

Клещ *(негромко)*. Вытащим…

Все подходят к постели. Клещ смотрит на жену через плечи других.

Кривой Зоб *(Татарину)*. Ты думаешь — дух пойдет? От нее духа не будет… она вся еще живая высохла…

Наташа. Господи! Хоть бы пожалели… хоть бы

кто слово сказал какое-нибудь! Эх вы…

Лука. Ты, девушка, не обижайся… ничего! Где им… куда нам — мертвых жалеть? Э, милая! Живых — не жалеем… сами себя пожалеть-то не можем… где тут!

Бубнов *(зевая)*. И опять же — смерть слова не боится!.. Болезнь — боится слова, а смерть — нет!

Татарин *(отходя)*. Полицию надо…

Кривой Зоб. Полицию — это обязательно! Клещ! Полиции заявил?

Клещ. Нет… Хоронить надо… а у меня сорок копеек всего…

Кривой Зоб. Ну, на такой случай — займи… а то мы соберем… кто пятак, кто — сколько может… А полиции заяви… скорее! А то она подумает — убил ты бабу… или что… *(Идет к нарам и собирается лечь рядом с Татарином.)*

Наташа *(отходя к нарам Бубнова)*. Вот… будет она мне сниться теперь… мне всегда покойники снятся… Боюсь идти одна… в сенях — темно…

Лука *(следуя за ней)*. Ты — живых опасайся… вот что я скажу…

Наташа. Проводи меня, дедушка…

Лука. Идем… идем, провожу!

Уходят. Пауза.

Кривой Зоб. Охо-хо-о! Асан! Скоро весна, друг… тепло нам жить будет! Теперь уж в деревнях мужики сохи, бороны чинят… пахать налаживаются… н-да! А мы… Асан!.. Дрыхнет уж, Магомет окаянный…

Бубнов. Татары спать любят…

Клещ *(стоит посредине ночлежки и тупо смотрит пред собой)*. Чего же мне теперь делать?

Кривой Зоб. Ложись да спи… только и всего…

Клещ *(тихо)*. А… она… как же?

Никто не отвечает ему. Сатин и Актер входят.

Актер *(кричит)*. Старик! Сюда, мой верный Кент…

Сатин. Миклуха-Маклай идет… х-хо!

Актер. Кончено и решено! Старик, где город… где ты?

Сатин. Фата-моргана! Наврал тебе старик… Ничего нет! Нет городов, нет людей… ничего нет!

Актер. Врешь!

Татарин *(вскакивая)*. Где хозяин? Хозяину иду! Нельзя спать — нельзя деньги брать… Мертвые… пьяные… *(Быстро уходит.)*

Сатин свистит вслед ему.

Бубнов *(сонным голосом)*. Ложись, ребята, не шуми… ночью — спать надо!

Актер. Да… здесь — ага! Мертвец… «Наши сети притащили мертвеца»… стихотворение… Б-бе-ранжера!

Сатин *(кричит)*. Мертвецы — не слышат! Мертвецы не чувствуют… Кричи… реви… мертвецы не слышат!..

В двери является Лука.

Занавес.

Акт третий

«Пустырь» — засоренное разным хламом и заросшее бурьяном дворовое место. В глубине его — высокий кирпичный брандмауер. Он закрывает небо. Около него — кусты бузины. Направо — темная, бревенчатая стена какой-то надворной постройки: сарая или конюшни. А налево — серая, покрытая остатками штукатурки стена того дома, в котором помещается ночлежка Костылевых. Она стоит наискось, так что ее задний угол выходит почти на средину пустыря. Между ею и красной стеной — узкий проход. В серой стене два окна: одно — в уровень с землей, другое — аршина на два выше и ближе к брандмауеру. У этой стены лежат розвальни кверху полозьями и обрубок бревна, длиною аршина в четыре. Направо у стены — куча старых досок, брусьев. Вечер, заходит солнце, освещая брандмауер красноватым светом. Ранняя весна, недавно стаял снег. Черные сучья бузины еще без почек. На бревне сидят рядом Наташаи Настя. На дровнях — Лукаи Барон. Клещлежит на куче дерева у правой стены. В окне у земли — рожа Бубнова.

Настя *(закрыв глаза и качая головой в такт словам, певуче рассказывает).* Вот приходит он ночью в сад, в беседку, как мы уговорились… а уж я его давно жду и дрожу от страха и горя. Он тоже дрожит весь и — белый как мел, а в руках у него леворверт…

Наташа *(грызет семечки).* Ишь! Видно, правду говорят, что студенты — отчаянные…

Настя. И говорит он мне страшным голосом: «Драгоценная моя любовь…»

Бубнов. Хо-хо! Драгоценная?

Барон. Погоди! Не любо — не слушай, а врать не мешай… Дальше!

Настя. «Ненаглядная, говорит, моя любовь! Родители, говорит, согласия своего не дают, чтобы я венчался с тобой… и грозят меня навеки проклясть за любовь к тебе. Ну и должен, говорит, я от этого лишить себя жизни…» А леворверт у него — агромадный и заряжен десятью пулями… «Прощай, говорит, любезная подруга моего сердца! — решился я бесповоротно… жить без тебя — никак не могу». И отвечала я ему: «Незабвенный друг мой… Рауль…»

Бубнов *(удивленный).* Чего-о? Как? Краул?

Барон *(хохочет).* Настька! Да ведь… ведь прошлый раз — Гастон был!

Настя *(вскакивая)*. Молчите… несчастные! Ах… бродячие собаки! Разве… разве вы можете понимать… любовь? Настоящую любовь? А у меня — была она… настоящая! *(Барону.)* Ты! Ничтожный!.. Образованный ты человек… говоришь — лежа кофей пил…

Лука. А вы — погодите! Вы — не мешайте! Уважьте человеку… не в слове — дело, а — почему слово говорится? — вот в чем дело! Рассказывай, девушка, ничего!

Бубнов. Раскрашивай, ворона, перья… валяй!

Барон. Ну — дальше!

Наташа. Не слушай их… что они? Они — из зависти это… про себя им сказать нечего…

Настя *(снова садится)*. Не хочу больше! Не буду говорить… Коли они не верят… коли смеются… *(Вдруг, прерывая речь, молчит несколько секунд и, вновь закрыв глаза, продолжает горячо и громко, помахивая рукой в такт речи и точно вслушиваясь в отдаленную музыку.)* И вот — отвечаю я ему: «Радость жизни моей! Месяц ты мой ясный! И мне без тебя тоже вовсе невозможно жить на свете… потому как люблю я тебя безумно и буду любить, пока сердце бьется во груди моей! Но, говорю, не лишай себя молодой твоей жизни… как нужна она дорогим твоим родителям,

для которых ты — вся их радость… Брось меня! Пусть лучше я пропаду… от тоски по тебе, жизнь моя… я — одна… я — таковская! Пускай уж я… погибаю, — все равно! Я — никуда не гожусь… и нет мне ничего… нет ничего…» *(Закрывает лицо руками и беззвучно плачет.)*

Наташа *(отвертываясь в сторону, негромко)*. Не плачь… не надо!

Лука, улыбаясь, гладит голову Насти.

Бубнов *(хохочет)*. Ах… чертова кукла! а?

Барон *(тоже смеется)*. Дедка! Ты думаешь — это правда? Это все из книжки «Роковая любовь»… Все это — ерунда! Брось ее!..

Наташа. А тебе что? Ты! Молчи уж… коли Бог убил…

Настя *(яростно)*. Пропащая душа! Пустой человек! Где у тебя — душа?

Лука *(берет Настю за руку)*. Уйдем, милая! ничего… не сердись! Я — знаю… Я — верю! Твоя правда, а не ихняя… Коли ты веришь, была у тебя настоящая любовь… значит — была она! Была! А на него — не сердись, на сожителя-то… Он… может, и впрямь из зависти смеется… у него, может, вовсе не было настоящего-то… ничего не было! Пойдем-ка!..

Настя *(крепко прижимая руки ко груди)*. Дедушка! Ей-богу… было это! Все было!.. Студент он… француз был… Гастошей звали… с черной бородкой… в лаковых сапогах ходил… разрази меня гром на этом месте! И так он меня любил… так любил!

Лука. Я — знаю! Ничего! Я верю! В лаковых сапогах, говоришь? А-яй-ай! Ну — и ты его тоже — любила?

Уходят за угол.

Барон. Ну и глупа же эта девица… добрая, но… глупа — нестерпимо!

Бубнов. И чего это… человек врать так любит? Всегда — как перед следователем стоит… право!

Наташа. Видно, вранье-то… приятнее правды… Я — тоже…

Барон. Что — тоже? Дальше?!

Наташа. Выдумываю… Выдумываю и — жду…

Барон. Чего?

Наташа *(смущенно улыбаясь)*. Так… Вот, думаю, завтра… приедет кто-то… кто-нибудь… особенный… Или — случится что-нибудь… тоже — небывалое… Подолгу жду… всегда — жду… А так… на самом деле — чего можно ждать?

Пауза.

Барон *(с усмешкой)*. Нечего ждать… Я — ничего не жду! Все уже… было! Прошло… кончено!.. Дальше!

Наташа. А то… воображу себе, что завтра я… скоропостижно помру… И станет от этого — жутко… Летом хорошо воображать про смерть… грозы бывают летом… всегда может грозой убить…

Барон. Нехорошо тебе жить… эта сестра твоя… дьявольский характер!

Наташа. А кому — хорошо жить? Всем плохо… я вижу…

Клещ *(до этой поры неподвижный и безучастный — вдруг вскакивает)*. Всем? Врешь! Не всем! Кабы — всем… пускай! Тогда — не обидно… да!

Бубнов. Что тебя — черт боднул? Ишь ты… взвыл как!

Клещ снова ложится на свое место и ворчит.

Барон. А… надо мне к Настёнке мириться идти… не помиришься — на выпивку не даст…

Бубнов. Мм… Любят врать люди… Ну, Настька… дело понятное! Она привыкла рожу себе подкрашивать… вот и душу хочет подкрасить… румянец на душу наводит… А… другие — зачем? Вот — Лука, примерно… много он врет… и без всякой пользы для себя… Старик уж… Зачем бы ему?

Барон *(усмехаясь, отходит).* У всех людей — души серенькие… все подрумяниться желают…

Лука *(выходит из-за угла).* Ты, барин, зачем девку тревожишь? Ты бы не мешал ей… пускай плачет-забавляется… Она ведь для своего удовольствия слезы льет… чем тебе это вредно?

Барон. Глупо, старик! Надоела она… Сегодня — Рауль, завтра — Гастон… а всегда одно и то же! Впрочем — я иду мириться с ней… *(Уходит.)*

Лука. Поди-ка, вот… приласкай! Человека приласкать — никогда не вредно…

Наташа. Добрый ты, дедушка… Отчего ты — такой добрый?

Лука. Добрый, говоришь? Ну… и ладно, коли так… да!

За красной стеной тихо звучит гармоника и песня.

Надо, девушка, кому-нибудь и добрым быть… жалеть людей надо! Христос-от всех жалел и нам так велел… Я те скажу — вовремя человека пожалеть… хорошо бывает! Вот, примерно, служил я сторожем на даче… у инженера одного под Томском-городом… Ну, ладно! В лесу дача стояла, место — глухое… а зима была, и — один я, на даче-то… Славно-хорошо! Только раз — слышу

— лезут!

Наташа. Воры?

Лука. Они. Лезут, значит, да!.. Взял я ружьишко, вышел… Гляжу — двое… открывают окно — и так занялись делом, что меня и не видят. Я им кричу: ах вы!.. пошли прочь!.. А они, значит, на меня с топором… Я их упреждаю — отстаньте, мол! А то сейчас — стрелю!.. Да ружьишко-то то на одного, то на другого и навожу. Они — на коленки пали: дескать, — пусти! Ну, а я уж того… осердился… за топор-то, знаешь! Говорю — я вас, лешие, прогонял, не шли… а теперь, говорю, ломай ветки один который-нибудь! Наломали они. Теперь, приказываю, один — ложись, а другой — пори его! Так они, по моему приказу, и выпороли дружка дружку. А как выпоролись они… и говорят мне — дедушка, говорят, дай хлебца Христа ради! Идем, говорят, не жрамши. Вот те и воры, милая *(смеется)* …вот те и с топором! Да… Хорошие мужики оба… Я говорю им: вы бы, лешие, прямо бы хлеба просили. А они — надоело, говорят… просишь-просишь, а никто не дает… обидно!.. Так они у меня всю зиму и жили. Один, — Степаном звать, — возьмет, бывало, ружьишко и закатится в лес. А другой — Яков был, все хворал, кашлял все… Втроем, значит, мы дачу-то и стерегли. При-

шла весна — прощай, говорят, дедушка! И ушли… В Россию побрели…

Наташа. Они — беглые? Каторжане?

Лука. Действительно — так, — беглые… с поселенья ушли… Хорошие мужики!.. Не пожалей я их — они бы, может, убили меня… али еще что… А потом — суд, да тюрьма, да Сибирь… что толку? Тюрьма — добру не научит, и Сибирь не научит… а человек — научит… да! Человек — может добру научить… очень просто!

Пауза.

Бубнов. Мм-да!.. А я вот… не умею врать! Зачем? По-моему — вали всю правду, как она есть! Чего стесняться?

Клещ *(вдруг снова вскакивает, как обожженный, и кричит).* Какая — правда? Где — правда? *(Треплет руками лохмотья на себе.)* Вот — правда! Работы нет… силы нет! Вот — правда! Пристанища… пристанища нету! Издыхать надо… вот она, правда! Дьявол! На… на что мне она — правда? Дай вздохнуть… вздохнуть дай! Чем я виноват?.. За что мне — правду? Жить — дьявол — жить нельзя… вот она — правда!..

Бубнов. Вот так… забрало!..

Лука. Господи Исусе… слышь-ка, милый! Ты…

Клещ *(дрожит от возбуждения)*. Говорите тут — пра-авда! Ты, старик, утешаешь всех… Я тебе скажу… ненавижу я всех! И эту правду… будь она, окаянная, проклята! Понял? Пойми! Будь она — проклята! *(Бежит за угол, оглядываясь.)*

Лука. Ай-яй-ай! Как встревожился человек… И куда побежал?

Наташа. Все равно как рехнулся…

Бубнов. Здорово пущено! Как в театре разыграл… Бывает это, частенько… Не привык еще к жизни-то…

Пепел *(медленно выходит из-за угла)*. Мир честной компании! Что, Лука, старец лукавый, всё истории рассказываешь?

Лука. Видел бы ты… как тут человек кричал!

Пепел. Это Клещ, что ли? Чего он? Бежит как ошпаренный…

Лука. Побежишь, если этак… к сердцу подступит…

Пепел *(садится)*. Не люблю его… больно он зол да горд. *(Передразнивая Клеща.)* Я — рабочий человек. И — все его ниже будто… Работай, коли нравится… чем же гордиться тут? Ежели людей по работе ценить… тогда лошадь лучше всякого человека… возит и — молчит! Наташа! Твои — дома?

Наташа. На кладбище ушли… потом — ко всенощной хотели…

Пепел. То-то, я гляжу, свободна ты… редкость!

Лука *(задумчиво, Бубнову)*. Вот… ты говоришь — правда… Она, правда-то, — не всегда по недугу человеку… не всегда правдой душу вылечишь… Был, примерно, такой случай: знал я одного человека, который в праведную землю верил…

Бубнов. Во что-о?

Лука. В праведную землю. Должна, говорил, быть на свете праведная земля… в той, дескать, земле — особые люди населяют… хорошие люди! друг дружку они уважают, друг дружке — завсякопросто — помогают… и все у них славно-хорошо! И вот человек все собирался идти… праведную эту землю искать. Был он — бедный, жил — плохо… и, когда приходилось ему так уж трудно, что хоть ложись да помирай, — духа он не терял, а все, бывало, усмехался только да высказывал: «Ничего! потерплю! Еще несколько — пожду… а потом — брошу всю эту жизнь и — уйду в праведную землю…» Одна у него радость была — земля эта…

Пепел. Ну? Пошел?

Бубнов. Куда? Хо-хо!

Лука. И вот в это место — в Сибири дело-то было — прислали ссыльного, ученого… с книгами, с

планами он, ученый-то, и со всякими штуками… Человек и говорит ученому: «Покажи ты мне, сделай милость, где лежит праведная земля и как туда дорога?» Сейчас это ученый книги раскрыл, планы разложил… глядел-глядел — нет нигде праведной земли! Всё верно, все земли показаны, а праведной — нет!..

Пепел *(негромко)*. Ну? Нету?

Бубнов хохочет.

Наташа. Погоди ты… ну, дедушка?

Лука. Человек — не верит… Должна, говорит, быть… ищи лучше! А то, говорит, книги и планы твои — ни к чему, если праведной земли нет… Ученый — в обиду. Мои, говорит, планы самые верные, а праведной земли вовсе нигде нет. Ну, тут и человек рассердился — как так? Жил-жил, терпел-терпел и все верил — есть! а по планам выходит — нету! Грабеж!.. И говорит он ученому: «Ах ты… сволочь эдакой! Подлец ты, а не ученый…» Да в ухо ему — раз! Да еще!.. *(Помолчав.)* А после того пошел домой — и удавился!..

Все молчат. Лука, улыбаясь, смотрит на Пепла и Наташу.

Пепел *(негромко)*. Ч-черт те возьми… история

— невеселая…

Наташа. Не стерпел обмана…

Бубнов *(угрюмо)*. Всё — сказки…

Пепел. Н-да… вот те и праведная земля… не оказалось, значит…

Наташа. Жалко… человека-то…

Бубнов. Всё — выдумки… тоже! Хо-хо! Праведная земля! Туда же! Хо-хо-хо! *(Исчезает из окна.)*

Лука *(кивая головой на окно Бубнова)*. Смеется! Эхе-хе…

Пауза.

Ну, ребята!.. живите богато! Уйду скоро от вас…

Пепел. Куда теперь?

Лука. В хохлы… Слыхал я — открыли там новую веру… поглядеть надо… да!.. Всё ищут люди, всё хотят — как лучше… Дай им, Господи, терпенья!

Пепел. Как думаешь… найдут?

Лука. Люди-то? Они — найдут! Кто ищет — найдет… Кто крепко хочет — найдет!

Наташа. Кабы нашли что-нибудь… придумали бы получше что…

Лука. Они — придумают! Помогать только надо им, девонька… уважать надо…

Наташа. Как я помогу? Я сама… без помощи…

Пепел *(решительно)*. Опять я… снова я буду

говорить с тобой… Наташа… Вот — при нем… он — все знает… Иди… со мной!

Наташа. Куда? По тюрьмам?

Пепел. Я сказал — брошу воровство! Ей-богу — брошу! Коли сказал — сделаю! Я — грамотный… буду работать… Вот он говорит — в Сибирь-то по своей воле надо идти… Едем туда, ну?.. Ты думаешь — моя жизнь не претит мне? Эх, Наташа! Я знаю… вижу!.. Я утешаю себя тем, что другие побольше моего воруют, да в чести живут… только это мне не помогает! Это… не то! Я — не каюсь… в совесть я не верю… Но — я одно чувствую: надо жить… иначе! Лучше надо жить! Надо так жить… чтобы самому себя можно мне было уважать…

Лука. Верно, милый! Дай тебе Господи… помоги тебе Христос! Верно: человек должен уважать себя…

Пепел. Я — сызмалетства — вор… все, всегда говорили мне: вор Васька, воров сын Васька! Ага? Так? Ну — нате! Вот — я вор!.. Ты пойми: я, может быть, со зла вор-то… оттого я вор, что другим именем никто никогда не догадался назвать меня… Назови ты… Наташа, ну?

Наташа *(грустно)*. Не верю я как-то… никаким словам… И беспокойно мне сегодня… сердце щемит… будто жду я чего-то. Напрасно ты, Василий,

разговор этот сегодня завел…

Пепел. Когда же? Я не первый раз говорю…

Наташа. И что же я с тобой пойду? Ведь… любить тебя… не очень я люблю… Иной раз — нравишься ты мне… а когда — глядеть на тебя тошно… Видно — не люблю я тебя… когда любят — плохого в любимом не видят… а я — вижу…

Пепел. Полюбишь — не бойся! Я тебя приучу к себе… ты только согласись! Больше года я смотрел на тебя… вижу, ты девица строгая… хорошая… надежный человек… очень полюбил тебя!..

Василиса, нарядная, является в окне и, стоя у косяка, слушает.

Наташа. Так. Меня — полюбил, а сестру мою…

Пепел *(смущенно)*. Ну, что она? Мало ли… эдаких-то…

Лука. Ты… ничего, девушка! Хлеба нету, — лебеду едят… если хлебушка-то нету…

Пепел *(угрюмо)*. Ты… пожалей меня! Несладко живу… волчья жизнь — мало радует… Как в трясине тону… за что ни схватишься… все — гнилое… все — не держит… Сестра твоя… я думал, она… не то… Ежели бы она… не жадная до денег была — я бы ее ради… на все пошел!.. Лишь бы она — вся моя была… Ну, ей другого надо… ей — денег надо…

и воли надо… а воля ей — чтобы развратничать. Она — помочь мне не может… А ты — как молодая елочка — и колешься, а сдержишь…

Лука. И я скажу — иди за него, девонька, иди! Он — парень ничего, хороший! Ты только почаще напоминай ему, что он хороший парень, чтобы он, значит, не забывал про это! Он тебе — поверит… Ты только поговаривай ему: «Вася, мол, ты — хороший человек… не забывай!» Ты подумай, милая, куда тебе идти окроме-то? Сестра у тебя — зверь злой… про мужа про ее — и сказать нечего: хуже всяких слов старик… и вся эта здешняя жизнь… Куда тебе идти? А парень — крепкий…

Наташа. Идти некуда… я знаю… думала… Только вот… не верю я никому… А идти мне — некуда…

Пепел. Одна дорога… ну, на эту дорогу я не допущу… Лучше убью…

Наташа *(улыбаясь)*. Вот… еще не жена я тебе, а уж хочешь убить.

Пепел *(обнимает ее)*. Брось, Наташа! Все равно!..

Наташа *(прижимаясь к нему)*. Ну… одно я тебе скажу, Василий… вот как перед Богом говорю! — как только ты меня первый раз ударишь… или иначе обидишь… я — себя не пожалею… или сама

удавлюсь, или…

Пепел. Пускай у меня рука отсохнет, коли я тебя трону!..

Лука. Ничего, не сумневайся, милая! Ты ему нужнее, чем он — тебе…

Василиса *(из окна)*. Вот и сосватались! Совет да любовь!

Наташа. Пришли!.. ох, Господи! Видели… эх, Василий!

Пепел. Чего ты испугалась? Теперь никто не смеет тронуть тебя!

Василиса. Не бойся, Наталья! Он тебя бить не станет… Он ни бить, ни любить не может… я знаю!

Лука *(негромко)*. Ах, баба… гадюка ядовитая…

Василиса. Он больше на словах удал…

Костылев *(выходит)*. Наташка! Ты что тут делаешь, дармоедка? Сплетни плетешь? На родных жалуешься? А самовар не готов? На стол не собрано?

Наташа *(уходя)*. Да ведь вы в церковь идти хотели…

Костылев. Не твое дело, чего мы хотели! Ты должна свое дело делать… что тебе приказано!

Пепел. Цыц, ты! Она тебе больше не слуга… Наталья, не ходи… не делай ничего!..

Наташа. Ты — не командуй… рано еще! *(Уходит.)*

Пепел *(Костылеву)*. Будет вам! Поиздевались над человеком… достаточно! Теперь она — моя!

Костылев. Тво-оя? Когда купил? Сколько дал?

Василиса хохочет.

Лука. Вася! Ты — уйди…

Пепел. Глядите вы… веселые! Не заплакать бы вам!

Василиса. Ой, страшно! Ой, боюсь!

Лука. Василий — уйди! Видишь — подстрекает она тебя… подзадоривает — понимаешь?

Пепел. Да… ага! Врет… врешь! Не быть тому, чего тебе хочется!

Василиса. И того не будет, чего я не захочу, Вася!

Пепел *(грозит ей кулаком)*. Поглядим!.. *(Уходит.)*

Василиса *(исчезая из окна)*. Устрою я тебе свадебку!

Костылев *(подходит к Луке)*. Что, старичок?

Лука. Ничего, старичок!..

Костылев. Так… Уходишь, говорят?

Лука. Пора…

Костылев. Куда?

Лука. Куда глаза поведут…

Костылев. Бродяжить, значит… Неудобство, видно, имеешь на одном-то месте жить?

Лука. Под лежач камень — сказано — и вода не течет…

Костылев. То — камень. А человек должен на одном месте жить… Нельзя, чтобы люди вроде тараканов жили… Куда кто хочет — туда и ползет… Человек должен определять себя к месту… а не путаться зря на земле…

Лука. А если которому — везде место?

Костылев. Стало быть, он — бродяга… бесполезный человек… Нужно, чтоб от человека польза была… чтобы он работал…

Лука. Ишь ты!

Костылев. Да. А как же?.. Что такое… странник? Странный человек… непохожий на других… Ежели он — настояще странен… что-нибудь знает… что-нибудь узнал эда-кое… не нужное никому… может, он и правду узнал там… ну, не всякая правда нужна… да! Он — про себя ее храни… и — молчи! Ежели он настояще-то… странен… он — молчит! А то — так говорит, что никому не понятно… И он — ничего не желает, ни во что не мешается, людей зря не мутит… Как люди живут — не его дело… Он должен преследовать

праведную жизнь… должен жить в лесах… в трущобах… невидимо! И никому не мешать, никого не осуждать… а за всех — молиться… за все мирские грехи… за мои, за твои… за все! Он для того и суеты мирской бежит… чтобы молиться. Вот как…

Пауза.

А ты… какой ты странник?.. Пачпорта не имеешь… Хороший человек должен иметь пачпорт… Все хорошие люди пачпорта имеют… да!..

Лука. Есть — люди, а есть — иные — и человеки…

Костылев. Ты… не мудри! Загадок не загадывай… Я тебя не глупее… Что такое — люди и человеки?

Лука. Где тут загадка? Я говорю — есть земля, неудобная для посева… и есть урожайная земля… что ни посеешь на ней — родит… Так-то вот…

Костылев. Ну? Это к чему же?

Лука. Вот ты, примерно… Ежели тебе сам Господь Бог скажет: «Михаиле! Будь человеком!..» Все равно — никакого толку не будет… как ты есть — так и останешься…

Костылев. А… а — ты знаешь? — у жены моей дядя — полицейский? И если я…

Василиса *(входит)*. Михаила Иваныч, иди чай пить.

Костылев *(Луке)*. Ты… вот что: пошел-ка вон! долой с квартиры!..

Василиса. Да, убирайся-ка, старик!.. Больно у тебя язычок длинен… Да и кто знает?.. может, ты беглый какой…

Костылев. Сегодня же чтобы духа твоего не было! А то я… смотри!

Лука. Дядю позовешь? Позови дядю… Беглого, мол, изловил… Награду дядя получить может… копейки три…

Бубнов *(в окне)*. Чем тут торгуют? За что — три копейки?

Лука. Меня вот грозятся продать…

Василиса *(мужу)*. Идем…

Бубнов. За три копейки? Ну, гляди, старик… Они и за копейку продадут…

Костылев *(Бубнову)*. Ты… вытаращился, ровно домовой из-под печки! *(Идет с женой.)*

Василиса. Сколько на свете темных людей… и жуликов разных!..

Лука. Приятного вам аппетиту!..

Василиса *(оборачиваясь)*. Попридержи язык… гриб поганый! *(Уходит с мужем за угол.)*

Лука. Сегодня в ночь — уйду…

Бубнов. Это — лучше. Вовремя уйти всегда лучше…

Лука. Верно говоришь…

Бубнов. Я — знаю! Я, может, от каторги спасся тем, что вовремя ушел.

Лука. Ну?

Бубнов. Правда. Было так: жена у меня с мастером связалась… Мастер, положим, хороший… очень он ловко собак в енотов перекрашивал… кошек тоже — в кенгурий мех… выхухоль… и всяко. Ловкач. Так вот — связалась с ним жена… И так они крепко друг за друга взялись, что — того и гляди — либо отравят меня, либо еще как со света сживут. Я было — жену бить… а мастер — меня… Очень злобно дрался! Раз — половину бороды выдрал у меня и ребро сломал. Ну и я тоже обозлился… однажды жену по башке железным аршином тяпнул… и вообще — большая война началась! Однако вижу — ничего эдак не выйдет… одолевают они меня! И задумал я тут — укокошить жену… крепко задумал! Но вовремя спохватился — ушел…

Лука. Эдак-то лучше! Пускай их там из собак енотов делают!..

Бубнов. Только… мастерская-то на жену была… и остался я — как видишь! Хоть, по правде

говоря, пропил бы я мастерскую… Запой у меня, видишь ли…

Лука. Запой? А-а!

Бубнов. Злющий запой! Как начну я заливать — весь пропьюсь, одна кожа остается… И еще — ленив я. Страсть как работать не люблю!..

Сатин и Актер входят, споря.

Сатин. Чепуха! Никуда ты не пойдешь… все это чертовщина! Старик! Чего ты надул в уши этому огарку?

Актер. Врешь! Дед! Скажи ему, что он — врет! Я — иду! Я сегодня — работал, мел улицу… а водки — не пил! Каково? Вот они — два пятиалтынных, а я — трезв!

Сатин. Нелепо, и всё тут! Дай, я пропью… а то — проиграю…

Актер. Пошел прочь! Это — на дорогу!

Лука *(Сатину)*. А ты — почто его с толку сбиваешь?

Сатин. «Скажи мне, кудесник, любимец богов, — что сбудется в жизни со мною?» Продулся, брат, я — вдребезги! Еще не все пропало, дед, — есть на свете шулера поумнее меня!

Лука. Веселый ты, Костянтин… приятный!

Бубнов. Актер! Поди-ка сюда!

Актер идет к окну и садится пред ним на корточки. Вполголоса разговаривают.

Сатин. Я, брат, молодой — занятен был! Вспомнить хорошо!.. Рубаха-парень… плясал великолепно, играл на сцене, любил смешить людей… славно!

Лука. Как же это ты свихнулся со стези своей, а?

Сатин. Какой ты любопытный, старикашка! Все бы тебе знать… а — зачем?

Лука. Понять хочется дела-то человеческие… а на тебя гляжу — не понимаю! Эдакий ты бравый… Костянтин… неглупый… и вдруг…

Сатин. Тюрьма, дед! Я четыре года семь месяцев в тюрьме отсидел… а после тюрьмы — нет ходу!

Лука. Ого-го! За что сидел-то?

Сатин. За подлеца… убил подлеца в запальчивости и раздражении… В тюрьме я и в карты играть научился…

Лука. А убил — из-за бабы?

Сатин. Из-за родной сестры… Однако — ты отвяжись! Я не люблю, когда меня расспрашивают… И… все это было давно… Сестра — умерла… уже девять лет… прошло… Славная, брат, была человечинка сестра у меня!..

Лука. Легко ты жизнь переносишь! А вот давеча

тут… слесарь — так взвыл… а-а-яй!

Сатин. Клещ?

Лука. Он. «Работы, кричит, нету… ничего нету!»

Сатин. Привыкнет… Чем бы мне заняться?

Лука *(тихо)*. Гляди! Идет…

Клещ идет — медленно, низко опустив голову.

Сатин. Эй, вдовец! Чего нюхалку повесил? Что хочешь выдумать?

Клещ. Думаю… чего делать буду? Инструмента — нет… всё — похороны съели!

Сатин. Я тебе дам совет: ничего не делай! Просто — обременяй землю!..

Клещ. Ладно… говори… Я — стыд имею пред людьми…

Сатин. Брось! Люди не стыдятся того, что тебе хуже собаки живется… Подумай — ты не станешь работать, я — не стану… еще сотни… тысячи, все! — понимаешь? все бросают работать! Никто ничего не хочет делать — что тогда будет?

Клещ. С голоду подохнут все…

Лука *(Сатину)*. Тебе бы с такими речами к бегунам идти… Есть такие люди, бегуны называются…

Сатин. Я знаю… они — не дураки, дедка!

Из окна Костылевых доносится крик Наташи: «За что? Постой… за что-о?»

Лука *(беспокойно)*. Наташа? Она кричит? а? Ах ты…

В квартире Костылевых — шум, возня, звон разбитой посуды и визгливый крик Костылева: «А-а… еретица… шкуреха…»

Василиса. Стой… погоди… Я ее… вот… вот…

Наташа. Бьют! Убивают…

Сатин *(кричит в окно)*. Эй, вы там!

Лука *(суетясь)*. Василья бы… позвать бы Васю-то… ах, Господи! Братцы… ребята…

Актер *(убегая)*. Вот я… сейчас его…

Бубнов. Ну и часто они ее бить стали…

Сатин. Идем, старик… свидетелями будем!

Лука *(идет вслед за Сатиным)*. Какой я свидетель! Куда уж… Василья-то бы скорее… Э-эхма!..

Наташа. Сестра… сестрица… Ва-а-а…

Бубнов. Рот заткнули… пойду взгляну…

Шум в квартире Костылевых стихает, удаляясь, должно быть, в сени из комнаты. Слышен крик старика: «Стой!» Громко хлопает дверь, и этот звук, как топором, обрубает весь шум. На сцене — тихо. Вечерний сумрак.

Клещ *(безучастно сидит на дровнях, крепко потирает руки. Потом начинает что-то бормотать, сначала — невнятно, далее:)*Как же?.. Надо жить… *(Громко.)* Пристанище надо… ну? Нет пристанища… ничего нет! Один человек… один, весь тут… Помощи нет… *(Медленно, согнувшись, уходит.)*

Несколько секунд зловещей тишины. Потом — где-то в проходе рождается смутный шум, хаос звуков. Он растет, приближается. Слышны отдельные голоса.

Василиса. Я ей — сестра! Пусти…
Костылев. Какое ты имеешь право?
Василиса. Каторжник…
Сатин. Ваську зови!.. скорее… Зоб — бей его!

Полицейский свисток.

Татарин *(выбегает. Правая рука у него на перевязи)*. Какой-такой закон есть — днем убивать?
Кривой Зоб *(за ним Медведев)*. Эх, и дал я ему разочек!
Медведев. Ты — как можешь драться?
Татарин. А ты? Твоя какая обязанность?
Медведев *(гонится за крючником)*. Стой! Отдай свисток…

Костылев *(выбегает)*. Абрам! Хватай… бери его! Убил…

Из-за угла выходят Квашня и Настя, они ведут под руки Наташу, растрепанную. Сатин пятится задом, отталкивая Василису, которая, размахивая руками, пытается ударить сестру. Около нее прыгает как бесноватый Алешка, свистит ей в уши, кричит, воет. Потом еще несколько оборванных фигур мужчин и женщин.

Сатин *(Василисе)*. Куда? Сова, проклятая…

Василиса. Прочь, каторжник! Жизни решусь, а — растерзаю…

Квашня *(отводя Наташу)*. А ты, Карповна, полно… постыдись! Что зверствуешь?

Медведев *(хватает Сатина)*. Ага… попал!

Сатин. Зоб! Лупи их!.. Васька… Васька!

Все сталкиваются в кучу около прохода, у красной стены. Наташу уводят направо и там усаживают на куче дерева.

Пепел *(выскочив из проулка, он молча сильными движениями расталкивает всех)*. Где — Наталья? Ты…

Костылев *(скрываясь за углом)*. Абрам! Хватай Ваську… братцы — помогите Ваську взять! Вора…

грабителя…

Пепел. А ты… блудня старая! *(Сильно размахнувшись, бьет старика.)*

Костылев падает так, что из-за угла видна только верхняя половина его тела. Пепел бросается к Наташе.

Василиса. Бейте Ваську! Голубчики… бейте вора!

Медведев *(кричит Сатину)*. Не можешь… тут — дело семейное! Они — родные… а ты кто?

Пепел. Как… чем она тебя? Ножом?

Квашня. Гляди-ко, звери какие! Кипятком ноги девке сварили…

Настя. Самовар опрокинули…

Татарин. Может — нечаянно… надо — верно знать… нельзя зря говорить…

Наташа *(почти в обмороке)*. Василий… возьми меня… схорони меня…

Василиса. Батюшки! Глядите-ка… смотрите-ка… помер! Убили…

Все толпятся у прохода, около Костылева. Из толпы выходит Бубнов, идет к Василию.

Бубнов *(негромко)*. Васька! Старик-то… того… готов!

Пепел *(смотрит на него, как бы не понимая).* Иди-зови… в больницу надо… ну, я рассчитаюсь с ними!

Бубнов. Я говорю — старика-то кто-то уложил…

Шум на сцене гаснет, как огонь костра, заливаемый водою. Раздаются отдельные возгласы вполголоса «Неужто?», «Вот те раз!», «Ну-у?», «Уйдем-ка, брат!», «Ах, черт!», «Теперь — держись!», «Айда прочь, покуда полиции нет!» Толпа становится меньше. Уходят Бубнов, Татарин. Настя и Квашня бросаются к трупу Костылева.

Василиса *(поднимаясь с земли, кричит торжествующим голосом).* Убили! Мужа моего… вот кто убил! Васька убил! Я — видела! Голубчики — я видела! Что — Вася? Полиция!

Пепел *(отходит от Наташи).* Пусти… прочь! *(Смотрит на старика. Василисе.)* Ну? рада? *(Трогает труп ногой.)* Околел… старый пес! По-твоему вышло… А… не прихлопнуть ли и тебя? *(Бросается на нее.)*

Сатин и Кривой Зоб быстро хватают его. Василисаскрывается в проулке.

Сатин. Опомнись!

Кривой Зоб. Тпруу! Куда скачешь?

Василиса *(появляясь)*. Что, Вася, мил друг? От судьбы — не уйдешь… Полиция! Абрам… свисти!

Медведев. Свисток сорвали, дьяволы…

Алешка. Вот он! *(Свистит.)*

Медведев бежит за ним.

Сатин *(отводя Пепла к Наташе)*. Васька — не трусь! Убийство в драке… пустяки! Это — недорого стоит…

Василиса. Держите Ваську! Он убил… я видела!

Сатин. Я тоже раза три ударил старика… Много ли ему надо! Зови меня в свидетели, Васька…

Пепел. Мне… оправдываться не надо… Мне — Василису надо подвести… я же ее подведу! Она этого хотела… Она меня подговаривала мужа убить… подговаривала!..

Наташа *(вдруг громко)*. А-а… я поняла!.. Так, Василий?! Добрые люди! Они — заодно! Сестра моя и — он… они заодно! Они все это подстроили! Так, Василий?.. Ты… для того со мной давеча говорил… чтобы она все слышала? Люди добрые! Она — его любовница… вы — знаете… это — все знают… они — заодно! Она… это она его подговорила мужа убить… муж им мешал… и я — мешала… Вот — изувечили меня…

Пепел. Наталья! Что ты… что ты?!

Сатин. Вот так… черт!

Василиса. Врешь! Врет она… я… Он, Васька, убил!

Наташа. Они — заодно! Будь вы прокляты! Вы оба…

Сатин. Н-ну, игра!.. Держись, Василий! Утопят они тебя!..

Кривой Зоб. Понять невозможно!.. Ах ты… дела!

Пепел. Наталья! Неужто ты… вправду? Неужто веришь, что я… с ней…

Сатин. Ей-богу, Наташа, ты… сообрази!

Василиса *(в проулке)*. Убили мужа моего… ваше благородие… Васька Пепел, вор… он убил… господин пристав! Я — видела… все видели…

Наташа *(мечется почти в беспамятстве)*. Люди добрые… сестра моя и Васька убили! Полиция — слушай… Вот эта, сестра моя, научила… уговорила… своего любовника… вот он, проклятый! — они убили! Берите их… судите… Возьмите и меня… в тюрьму меня! Христа ради… в тюрьму меня!..

Занавес

Акт четвертый

Обстановка первого акта. Но комнаты Пепла нет, переборки сломаны. И на месте, где сидел Клещ, нет наковальни. В углу, где была комната Пепла, лежит Татарин, возится и стонет изредка. За столом сидит Клещ; он чинит гармонию, порою пробуя лады. На другом конце стола — Сатин, Барон и Настя. Пред ними бутылка водки, три бутылки пива, большой ломоть черного хлеба. На печи возится и кашляет Актер. Ночь. Сцена освещена лампой, стоящей посреди стола. На дворе — ветер.

Клещ. Д-да… он во время суматохи этой и пропал…

Барон. Исчез от полиции… яко дым от лица огня…

Сатин. Тако исчезают грешники от лица праведных!

Настя. Хороший был старичок!.. А вы… не люди… вы — ржавчина!

Барон *(пьет)*. За ваше здоровье, леди!

Сатин. Любопытный старикан… да! Вот Настёнка — влюбилась в него…

Настя. И влюбилась… и полюбила! Верно! Он — все видел… все понимал…

Сатин *(смеясь)*. И вообще… для многих был… как мякиш для беззубых…

Барон *(смеясь)*. Как пластырь для нарывов…

Клещ. Он… жалостливый был… У вас вот… жалости.

Сатин. Какая польза тебе, если я тебя пожалею?..

Клещ. Ты — можешь… не то, что пожалеть можешь… ты умеешь не обижать…

Татарин *(садится на нарах и качает свою больную руку, как ребенка)*. Старик хорош был… закон душе имел! Кто закон душа имеет — хорош! Кто закон терял — пропал!..

Барон. Какой закон, князь?

Татарин. Такой… Разный… Знаешь какой…

Барон. Дальше!

Татарин. Не обижай человека — вот закон!

Сатин. Это называется «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных»…

Барон. И еще — «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями»…

Татарин. Коран называет… ваш Коран должна быть закон… Душа — должен быть Коран… да!

Клещ *(пробуя гармонию)*. Шипит, дьявол!.. А

князь верно говорит… надо жить — по закону… по Евангелию…

Сатин. Живи…

Барон. Попробуй…

Татарин. Магомет дал Коран, сказал: «Вот — закон! Делай, как написано тут!» Потом придет время — Коран будет мало… время даст свой закон, новый… Всякое время дает свой закон…

Сатин. Ну да… пришло время и дало «Уложение о наказаниях»… Крепкий закон… не скоро износишь!

Настя *(ударяет стаканом по столу)*. И чего… зачем я живу здесь… с вами? Уйду… пойду куда-нибудь… на край света!

Барон. Без башмаков, леди?

Настя. Голая! На четвереньках поползу!

Барон. Это будет картинно, леди… если на четвереньках…

Настя. Да, и поползу! Только бы мне не видеть твоей рожи… Ах, опротивело мне все! Вся жизнь… все люди!..

Сатин. Пойдешь — так захвати с собой Актера… Он туда же собирается… ему известно стало, что всего в полуверсте от края света стоит лечебница для органонов…

Актер *(высовываясь с печи)*. Орга-ни-змо-в,

дурак!

Сатин. Для органонов, отравленных алкоголем…

Актер. Да! Он — уйдет! Он уйдет… увидите!

Барон. Кто — он, сэр?

Актер. Я!

Барон. Mercі, служитель богини… как ее? Богиня драм, трагедии… как ее звали?

Актер. Муза, болван! Не богиня, а — муза!

Сатин. Лахеза… Гера… Афродита… Атропа… черт их разберет! Это все старик… навинтил Актера… понимаешь, Барон?

Барон. Старик — глуп…

Актер. Невежды! Дикари! Мель-по-ме-на! Люди без сердца! Вы увидите — он уйдет! «Обжирайтесь, мрачные умы»… стихотворение Беранжера… да! Он — найдет себе место… где нет… нет…

Барон. Ничего нет, сэр?

Актер. Да! Ничего! «Яма эта… будет мне могилой… умираю, немощный и хилый!» Зачем вы живете? Зачем?

Барон. Ты! Кин, или гений и беспутство! Не ори!

Актер. Врешь! Буду орать!

Настя *(поднимая голову со стола, взмахивает руками)*. Кричи! Пусть слушают!

Барон. Какой смысл, леди?

Сатин. Оставь их. Барон! К черту!.. Пускай кричат… разбивают себе головы… пускай! Смысл тут есть!.. Не мешай человеку, как говорил старик… Да, это он, старая дрожжа, проквасил нам сожителей…

Клещ. Поманил их куда-то… а сам — дорогу не сказал…

Барон. Старик — шарлатан…

Настя. Врешь! Ты сам — шарлатан!

Барон. Цыц, леди!

Клещ. Правды он… не любил, старик-то… Очень против правды восставал… так и надо! Верно — какая тут правда? И без нее — дышать нечем… Вон князь… руку-то раздавил на работе… отпилить напрочь руку-то придется, слышь… вот те и правда!

Сатин *(ударяя кулаком по столу)*. Молчать! Вы — все — скоты! Дубье… молчать о старике! *(Спокойнее.)* Ты, Барон, — всех хуже!.. Ты — ничего не понимаешь… и — врешь! Старик — не шарлатан! Что такое — правда? Человек — вот правда! Он это понимал… вы — нет! Вы — тупы, как кирпичи… Я — понимаю старика… да! Он врал… но — это из жалости к вам, черт вас возьми! Есть много людей, которые лгут из жалости к ближнему… я

— знаю! я — читал! Красиво, вдохновенно, возбуждающе лгут!.. Есть ложь утешительная, ложь примиряющая… Ложь оправдывает ту тяжесть, которая раздавила руку рабочего… и обвиняет умирающих с голода… Я — знаю ложь! Кто слаб душой… и кто живет чужими соками — тем ложь нужна… одних она поддерживает, другие — прикрываются ею… А кто — сам себе хозяин… кто независим и не жрет чужого — зачем тому ложь? Ложь — религия рабов и хозяев… Правда — бог свободного человека!

Барон. Браво! Прекрасно сказано! Я — согласен! Ты говоришь… как порядочный человек!

Сатин. Почему же иногда шулеру не говорить хорошо, если порядочные люди… говорят, как шулера? Да… я много позабыл, но — еще кое-что знаю! Старик? Он — умница!.. Он… подействовал на меня, как кислота на старую и грязную монету… Выпьем, за его здоровье! Наливай…

Настя наливает стакан пива и дает Сатину.

(Усмехаясь.) Старик живет из себя… он на все смотрит своими глазами. Однажды я спросил его: «Дед! зачем живут люди?..» *(Стараясь говорить голосом Луки и подражая его манерам.)* А — для лучшего люди-то живут, милачок! Вот, скажем,

живут столяры и всё — хлам-народ… И вот от них рождается столяр… такой столяр, какого подобного и не видала земля, — всех превысил, и нет ему во столярах равного. Всему он столярному делу свой облик дает… и сразу дело на двадцать лет вперед двигает… Так же и все другие… слесаря, там… сапожники и прочие рабочие люди… и все крестьяне… и даже господа — для лучшего живут! Всяк думает, что для себя проживает, ан выходит, что для лучшего! По сту лет… а может, и больше — для лучшего человека живут!

Настя упорно смотрит в лицо Сатина. Клещ перестает работать над гармонией и тоже слушает. Барон, низко наклонив голову, тихо бьет пальцами по столу. Актер, высунувшись с печи, хочет осторожно слезть на нары.

«Все, милачок, все, как есть, для лучшего живут! Потому-то всякого человека и уважать надо… неизвестно ведь нам, кто он такой, зачем родился и чего сделать может… может, он родился-то на счастье нам… для большой нам пользы?.. Особливо же деток надо уважать… ребятишек! Ребятишкам — простор надобен! Деткам-то жить не мешайте… Деток уважьте!» *(Смеется тихо.)*

Пауза.

Барон *(задумчиво)*. Мм-да… для лучшего? Это… напоминает наше семейство… Старая фамилия… времен Екатерины дворяне… вояки!.. выходцы из Франции… Служили, поднимались всё выше… При Николае Первом дед мой, Густав Дебиль… занимал высокий пост… Богатство… сотни крепостных… лошади… повара…

Настя. Врешь! Не было этого!

Барон *(вскакивая)*. Что-о? Н-ну… дальше?!

Настя. Не было этого!

Барон *(кричит)*. Дом в Москве! Дом в Петербурге! Кареты… кареты с гербами!

Клещ берет гармонию, встает и отходит в сторону, откуда наблюдает за сценой.

Настя. Не было!

Барон. Цыц! Я говорю… десятки лакеев!..

Настя *(с наслаждением)*. Н-не было!

Барон. Убью!

Настя *(приготовляясь бежать)*. Не было карет!

Сатин. Брось, Настёнка! Не зли его…

Барон. Подожди… ты, дрянь! Дед мой…

Настя. Не было деда! Ничего не было!

Сатин хохочет.

Барон *(усталый от гнева, садится на скамью)*.

Сатин, скажи ей… шлюхе… Ты — тоже смеешься? Ты… тоже — не веришь? *(Кричит с отчаяньем, ударяя кулаками по столу.)* Было, черт вас возьми!

Настя *(торжествуя)*. А-а, взвыл? Понял, каково человеку, когда ему не верят?

Клещ *(возвращаясь к столу)*. Я думал — драка будет…

Татарин. А-ах, глупы люди! Очень плохо!

Барон. Я… не могу позволить издеваться надо мной! У меня — доказательства есть… документы, дьявол!

Сатин. Брось их! И забудь о каретах дедушки… в карете прошлого — никуда не уедешь…

Барон. Как она смеет, однако!

Настя. Ска-ажите! Как смею!..

Сатин. Видишь — смеет! Чем она хуже тебя? Хотя у нее в прошлом, уж наверное, не было не только карет и — дедушки, а даже отца с матерью…

Барон *(успокаиваясь)*. Черт тебя возьми… ты… умеешь рассуждать спокойно… А у меня… кажется, нет характера…

Сатин. Заведи. Вещь — полезная…

Пауза.

Настя! Ты ходишь в больницу?

Настя. Зачем?

Сатин. К Наташе?

Настя. Хватился! Она — давно вышла… вышла и — пропала! Нигде ее нет…

Сатин. Значит — вся вышла…

Клещ. Интересно — кто кого крепче всадит? Васька — Василису, или она его?

Настя. Василиса — вывернется! Она — хитрая. А Ваську — в каторгу пошлют…

Сатин. За убийство в драке — только тюрьма…

Настя. Жаль. В каторгу — лучше бы… Всех бы вас… в каторгу… смести бы вас, как сор… куда-нибудь в яму!

Сатин *(удивленно)*. Что ты? Сбесилась?

Барон. Вот я ей в ухо дам… за дерзости!

Настя. Попробуй! Тронь!

Барон. Я — попробую!

Сатин. Брось! Не тронь… не обижай человека! У меня из головы вон не идет… этот старик! *(Хохочет.)* Не обижай человека!.. А если меня однажды обидели и — на всю жизнь сразу! Как быть? Простить? Ничего. Никому…

Барон *(Насте)*. Ты должна понимать, что я — не чета тебе! Ты… мразь!

Настя. Ах ты, несчастный! Ведь ты… ты мной

живешь, как червь — яблоком!

Дружный взрыв хохота мужчин.

Клещ. Ах… дура! Яблочко!

Барон. Нельзя… сердиться… вот идиотка!

Настя. Смеетесь? Врете! Вам — не смешно!

Актер *(мрачно)*. Катай их!

Настя. Кабы я… могла! я бы вас *(берет со стола чашку и бросает на пол)* — вот как!

Татарин. Зачем посуда бить? Э-э… болванка!..

Барон *(вставая)*. Нет, я ее сейчас… научу манерам!

Настя *(убегая)*. Черт вас возьми!

Сатин *(вслед ей)*. Эй! Полно! Кого ты пугаешь? В чем дело, наконец?

Настя. Волки! *(Убегает.)*Чтоб вам издохнуть! Волки!

Актер *(мрачно)*. Аминь!

Татарин. У-у! Злой баба — русский баба! Дерзкий… вольна! Татарка — нет! Татарка — закон знает!

Клещ. Трепку ей надо дать…

Барон. М-мерзавка!

Клещ *(пробуя гармонию)*. Готова! А хозяина ее — все нет… Горит парнишка…

Сатин. Теперь — выпей!

Клещ. Спасибо! Да и на боковую пора…

Сатин. Привыкаешь к нам?

Клещ *(выпив, отходит в угол к нарам)*. Ничего… Везде — люди… Сначала — не видишь этого… потом — поглядишь, окажется, все люди… ничего!

Татарин расстилает что-то на нарах, становится на колени и — молится.

Барон *(указывая Сатину на Татарина)*. Гляди!

Сатин. Оставь! Он — хороший парень… не мешай! *(Хохочет.)*Я сегодня — добрый… черт знает почему!..

Барон. Ты всегда добрый, когда выпьешь… И умный…

Сатин. Когда я пьян… мне все нравится. Н-да… Он — молится? Прекрасно! Человек может верить и не верить… это его дело! Человек — свободен… он за все платит сам: за веру, за неверие, за любовь, за ум — человек за все платит сам, и потому он — свободен!.. Человек — вот правда! Что такое человек?.. Это не ты, не я, не они… нет! — это ты, я, они, старик, Наполеон, Магомет… в одном! *(Очерчивает пальцем в воздухе фигуру человека.)* Понимаешь? Это — огромно! В этом — все начала и концы… Всё — в человеке, всё для человека! Существует только человек, все же остальное

— дело его рук и его мозга! Чело-век! Это — великолепно! Это звучит… гордо! Че-ло-век! Надо уважать человека! Не жалеть… не унижать его жалостью… уважать надо! Выпьем за человека, Барон! *(Встает.)* Хорошо это… чувствовать себя человеком!.. Я — арестант, убийца, шулер… ну, да! Когда я иду по улице, люди смотрят на меня как на жулика… и сторонятся и оглядываются… и часто говорят мне — «Мерзавец! Шарлатан! Работай!» Работать? Для чего? Чтобы быть сытым? *(Хохочет.)* Я всегда презирал людей, которые слишком заботятся о том, чтобы быть сытыми… Не в этом дело, Барон! Не в этом дело! Человек — выше! Человек — выше сытости!..

Барон *(качая головой)*. Ты — рассуждаешь… Это — хорошо… это, должно быть, греет сердце… У меня — нет этого… я — не умею! *(Оглядывается и — тихо, осторожно.)* Я, брат, боюсь… иногда. Понимаешь? Трушу… Потому — что же дальше?

Сатин *(уходит)*. Пустяки! Кого бояться человеку?

Барон. Знаешь… с той поры, как я помню себя… у меня в башке стоит какой-то туман. Никогда и ничего не понимал я. Мне… как-то неловко… мне кажется, что я всю жизнь только переодевался… а зачем? Не понимаю! Учился — носил мундир дво-

рянского института… а чему учился? Не помню… Женился — одел фрак, потом — халат… а жену взял скверную и — зачем? Не понимаю… Прожил все, что было, — носил какой-то серый пиджак и рыжие брюки… а как разорился? Не заметил… Служил в казенной палате… мундир, фуражка с кокардой… растратил казенные деньги, — надели на меня арестантский халат… потом — одел вот это… И всё… как во сне… а? Это… смешно?

Сатин. Не очень… Скорее — глупо…

Барон. Да… и я думаю, что глупо… А… ведь зачем-нибудь я родился… а?

Сатин *(смеясь)*. Вероятно… Человек рождается для лучшего! *(Кивая головой.)* Так… хорошо!

Барон. Эта… Настька!.. Убежала… куда? Пойду, посмотрю… где она? Все-таки… она… *(Уходит.)*

Пауза.

Актер. Татарин!

Пауза.

Князь!

Татарин поворачивает голову.

За меня… помолись…

Татарин. Чего?

Актер *(тише)*. Помолись… за меня!..

Татарин *(помолчав)*. Сам молись…

Актер *(быстро слезает с печи, подходит к столу, дрожащей рукой наливает водки, пьет и — почти бежит — в сени)*. Ушел!

Сатин. Эй ты, сикамбр! Куда? *(Свистит.)*

Входят — Медведев в женской ватной кофте и Бубнов; оба — выпивши, но не очень. В одной руке Бубнова — связка кренделей, в другой — несколько штук воблы, под мышкой — бутылка водки, в кармане пиджака — другая.

Медведев. Верблюд — он вроде… осла! Только без ушей…

Бубнов. Брось! Ты сам — вроде осла.

Медведев. Ушей вовсе нет у верблюда… он — ноздрей слышит…

Бубнов *(Сатину)*. Друг! Я тебя искал по всем трактирам-кабакам! Возьми бутылку, у меня все руки заняты!

Сатин. А ты — положи кренделя на стол — одна рука освободится…

Бубнов. Верно. Ах ты… Бутарь, гляди! Вот он, а? Умница!

Медведев. Жулики — все умные… я знаю! Им без ума — невозможно. Хороший человек, он — и

глупый хорош, а плохой — обязательно должен иметь ум. Но насчет верблюда ты — неверно… он — животная ездовая… рогов у него нет… и зубов нет…

Бубнов. Где — народ? Отчего здесь людей нет? Эй, вылезай… я — угощаю! Кто в углу?

Сатин. Скоро ты пропьешься? Чучело!

Бубнов. Я — скоро! В этот раз капитал я накопил — коротенький… Зоб! Где Зоб?

Клещ *(подходя к столу)*. Нет его…

Бубнов. У-у-ррр! Барбос! Бррю, брлю, брлю! Индюк! Не лай, не ворчи! Пей, гуляй, нос не вешай… Я — всех угощаю! Я, брат, угощать люблю! Кабы я был богатый… я бы… бесплатный трактир устроил! Ей-богу! С музыкой и чтобы хор певцов… Приходи, пей, ешь, слушай песни… отводи душу! Бедняк-человек… айда ко мне в бесплатный трактир! Сатин! Я бы… тебя бы… бери половину всех моих капиталов! Вот как!

Сатин. Ты мне сейчас отдай все…

Бубнов. Весь капитал? Сейчас? На! Вот — рубль… вот еще… двугривенный… пятаки… семишники… все!

Сатин. Ну и ладно! У меня — целее будет… Сыграю я на них…

Медведев. Я — свидетель… отданы деньги на

сохранение… числом — сколько?

Бубнов. Ты? Ты — верблюд… Нам свидетелей не надо…

Алешка *(входит босый)*. Братцы! Я ноги промочил!

Бубнов. Иди — промочи горло… Только и всего! Милый ты… поёшь ты и играешь, очень это хорошо! А — пьешь — напрасно! Это, брат, вредно… пить — вредно!..

Алешка. По тебе вижу! Ты — только пьяный и похож на человека… Клещ! Гармошку — починил? *(Поет, приплясывая.)*

Эх, кабы мое рыло
Не красиво было —
Так меня бы кума моя
Вовсе не любила!

Озяб я, братцы! Х-холод-но!

Медведев. Мм… а если спросить — кто такая кума?

Бубнов. Отстань! Ты, брат, теперь — тю-тю! Ты уж не бутошник… кончено! И не бутошник, и не дядя…

Алешка. А просто — теткин муж!

Бубнов. Одна твоя племянница — в тюрьме, другая — помирает…

Медведев *(гордо)*. Врешь! Она — не помирает, она у меня без вести пропала!

Сатин хохочет.

Бубнов. Все равно, брат! Человек без племянниц — не дядя!

Алешка. Ваше превосходительство! Отставной козы барабанщик!

У кумы – есть деньги,
У меня – ни гроша!
Зато я веселый мальчик,
Зато я – хороший!

Холодно!

Входит Кривой Зоб; потом — до конца акта — еще несколько фигур мужчин и женщин. Они раздеваются, укладываются на нары, ворчат.

Кривой Зоб. Бубнов! Ты чего сбежал?

Бубнов. Иди сюда! Садись… запоем мы, брат! Любимую мою… а?

Татарин. Ночь — спать надо! Песня петь днем надо!

Сатин. Ну, ничего, князь! Ты — иди сюда!

Татарин. Как — ничего? Шум будет… когда песня поют, шум бывает…

Бубнов *(идя к нему)*. Князь! Что — рука? Отрезали тебе руку?

Татарин. Зачем? Погодим… может — не надо резать… Рука — не железный, резать — недолго…

Кривой Зоб. Яман твое дело, Асанка! Без руки ты — никуда не годишься! Наш брат по рукам да по спине ценится… Нет руки — и человека нет! Табак твое дело!.. Иди водку пить… больше никаких!

Квашня *(входит)*. Ах, жители вы мои милые! На дворе-то, на дворе-то! Холод, слякоть… Бутошник мой здесь? Бутарь!

Медведев. Я!

Квашня. Опять мою кофту таскаешь? И как будто ты… немножко того, а? Ты что же это?

Медведев. По случаю именин… Бубнов… и — холодно… слякоть!

Квашня. Ты гляди у меня… слякоть! Не балуй… Иди-ка спать…

Медведев *(уходит в кухню)*. Спать — я могу… я хочу… пора!

Сатин. Ты чего… больно строга с ним?

Квашня. Нельзя, дружок, иначе… Подобного мужчину надо в строгости держать. Я его в сожители взяла, — думала, польза мне от него будет… как он — человек военный, а вы — люди буйные…

мое же дело — бабье... А он — пить! Это мне ни к чему!

Сатин. Плохо ты выбрала помощника...

Квашня. Нет — лучше-то... Ты со мной жить не захочешь... ты вон какой! А и станешь жить со мной — не больше недели сроку... проиграешь меня в карты со всей моей требухой!

Сатин *(хохочет)*. Это верно, хозяйка! Проиграю...

Квашня. То-то! Алешка!

Алешка. Вот он — я!

Квашня. Ты — что про меня болтаешь?

Алешка. Я? Всё! Всё, по совести. Вот, говорю, баба! Удивительная! Мяса, жиру, кости — десять пудов, а мозгу — золотника нету!

Квашня. Ну, это ты врешь! Мозг у меня даже очень есть... Нет, ты зачем говоришь, что я бутошника моего бью?

Алешка. Я думал, ты его била, когда за волосы таскала...

Квашня. *(смеясь)*. Дурак! А ты — будто не видишь. Зачем сор из избы выносить?.. И, опять же, обидно ему... Он от твоего разговору пить начал...

Алешка. Стало быть, правду говорят, что и курица пьет!

Сатин, Клещ — хохочут.

Квашня. У, зубоскал! И что ты за человек, Алешка?

Алешка. Самый первый сорт человек! На все руки! Куда глаз мой глянет, туда меня и тянет!

Бубнов *(около нар Татарина)*. Идем! Все равно — спать не дадим! Петь будем… всю ночь! Зоб!

Кривой Зоб. Петь? Можно…

Алешка. А я — подыграю!

Сатин. Послушаем!

Татарин *(улыбаясь)*. Ну, шайтан Бубна… подноси вина! Пить будим, гулять будим, смерть пришол — помирать будим!

Бубнов. Наливай ему, Сатин! Зоб, садись! Эх, братцы! Много ли человеку надо? Вот я — выпил и — рад! Зоб!.. Затягивай… любимую! Запою… заплачу!..

Кривой Зоб *(запевает)*. Со-олнце всходит и захо-оди-ит…

Бубнов *(подхватывая)*. А-а в тюрьме моей темно-о!

Дверь быстро отворяется.

Барон *(стоя на пороге, кричит)*. Эй… вы! Иди… идите сюда! На пустыре… там… Актер… удавился!

Молчание. Все смотрят на Барона. Из-за его спины появляется Настя и медленно, широко раскрыв глаза, идет к столу.

Сатин *(негромко).* Эх... испортил песню... дурак!

Занавес

Антон Чехов. Чайка

Действующие лица

Ирина Николаевна Аркадина, по мужу Треплева, актриса.

Константин Гаврилович Треплев, ее сын, молодой человек.

Петр Николаевич Сорин, ее брат.

Нина Михайловна Заречная, молодая девочка, дочь богатого помещика.

Илья Афанасьевич Шамраев, поручик в отставке, управляющий у Сорина.

Полина Андреевна, его жена.

Маша, его дочь.

Борис Алексеевич Тригорин, беллетрист.

Евгений Сергеевич Дорн, врач.

Семен Семенович Медведенко, учитель.

Яков, работник.

Повар.

Горничная.

Действие происходит в усадьбе Сорина. — Между третьим и четвертым действием проходит два года.

Действие первое

Часть парка в имении Сорина. Широкая аллея, ведущая по направлению от зрителей в глубину парка к озеру, загорожена эстрадой, наскоро сколоченной для домашнего спектакля, так что озера совсем не видно. Налево и направо у эстрады кустарник. Несколько стульев, столик.

Только что зашло солнце. На эстраде за опущенным занавесом Яков и другие работники; слышатся кашель и стук. Маша и Медведенко идут слева, возвращаясь с прогулки.

Медведенко. Отчего вы всегда ходите в черном?

Маша. Это траур по моей жизни. Я несчастна.

Медведенко. Отчего? *(В раздумье.)* Не понимаю… Вы здоровы, отец у вас хотя и небогатый, но с достатком. Мне живется гораздо тяжелее, чем вам. Я получаю всего двадцать три рубля в месяц, да еще вычитают с меня в эмеритуру, а все же я не ношу траура.

Садятся.

Маша. Дело не в деньгах. И бедняк может быть

счастлив.

Медведенко. Это в теории, а на практике выходит так: я, да мать, да две сестры и братишка, а жалованья всего 23 рубля. Ведь есть и пить надо? Чаю и сахару надо? Табаку надо? Вот тут и вертись.

Маша *(оглядываясь на эстраду)*. Скоро начнется спектакль.

Медведенко. Да. Играть будет Заречная, а пьеса сочинения Константина Гавриловича. Они влюблены друг в друга, и сегодня их души сольются в стремлении дать один и тот же художественный образ. А у моей души и у вашей нет общих точек соприкосновения. Я люблю вас, не могу от тоски сидеть дома, каждый день хожу пешком шесть верст сюда да шесть обратно и встречаю один лишь индифферентизм с вашей стороны. Это понятно. Я без средств, семья у меня большая… Какая охота идти за человека, которому самому есть нечего?

Маша. Пустяки. *(Нюхает табак.)* Ваша любовь трогает меня, но я не могу отвечать взаимностью, вот и все. *(Протягивает ему табакерку.)* Одолжайтесь.

Медведенко. Не хочется.

Пауза.

Маша. Душно, должно быть ночью будет гроза. Вы все философствуете или говорите о деньгах. По-вашему, нет большего несчастья, как бедность, а по-моему, в тысячу раз легче ходить в лохмотьях и побираться, чем… Впрочем, вам не понять этого…

Входят справа Сорин и Треплев.

Сорин *(опираясь на трость).* Мне, брат, в деревне как-то не того, и, понятная вещь, никогда я тут не привыкну. Вчера лег в десять и сегодня утром проснулся в девять с таким чувством, как будто от долгого спанья у меня мозг прилип к черепу и все такое. *(Смеется.)* А после обеда нечаянно опять уснул, и теперь я весь разбит, испытываю кошмар, в конце концов…

Треплев. Правда, тебе нужно жить в городе. *(Увидев Машу и Медведенка.)* Господа, когда начнется, вас позовут, а теперь нельзя здесь. Уходите, пожалуйста.

Сорин *(Маше).* Марья Ильинична, будьте так добры, попросите вашего папашу, чтобы он распорядился отвязать собаку, а то она воет. Сестра опять всю ночь не спала.

Маша. Говорите с моим отцом сами, а я не стану. Увольте, пожалуйста. *(Медведенку.)* Пой-

демте!

Медведенко *(Треплеву).* Так вы перед началом пришлите сказать.

Оба уходят.

Сорин. Значит, опять всю ночь будет выть собака. Вот история, никогда в деревне я не жил, как хотел. Бывало, возьмешь отпуск на 28 дней и приедешь сюда, чтобы отдохнуть и все, но тут тебя так доймут всяким вздором, что уж с первого дня хочется вон. *(Смеется.)* Всегда я уезжал отсюда с удовольствием… Ну, а теперь я в отставке, деваться некуда в конце концов. Хочешь — не хочешь, живи…

Яков *(Треплеву).* Мы, Константин Гаврилыч, купаться пойдем.

Треплев. Хорошо, только через десять минут будьте на местах. *(Смотрит на часы.)* Скоро начнется.

Яков. Слушаю. *(Уходит.)*

Треплев *(окидывая взглядом эстраду).* Вот тебе и театр. Занавес, потом первая кулиса, потом вторая и дальше пустое пространство. Декораций никаких. Открывается вид прямо на озеро и на горизонт. Поднимем занавес ровно в половине девятого, когда взойдет луна.

Сорин. Великолепно.

Треплев. Если Заречная опоздает, то, конечно, пропадет весь эффект. Пора бы уж ей быть. Отец и мачеха стерегут ее, и вырваться ей из дому так же трудно, как из тюрьмы. *(Поправляет дяде галстук.)* Голова и борода у тебя взлохмачены. Надо бы постричься, что ли…

Сорин *(расчесывая бороду)*. Трагедия моей жизни. У меня и в молодости была такая наружность, будто я запоем пил и все. Меня никогда не любили женщины. *(Садясь.)* Отчего сестра не в духе?

Треплев. Отчего? Скучает. *(Садясь рядом.)* Ревнует. Она уже и против меня, и против спектакля, и против моей пьесы, потому что ее беллетристу может понравиться Заречная. Она не знает моей пьесы, но уже ненавидит ее.

Сорин *(смеется)*. Выдумаешь, право…

Треплев. Ей уже досадно, что вот на этой маленькой сцене будет иметь успех Заречная, а не она. *(Посмотрев на часы.)* Психологический курьез — моя мать. Бесспорно талантлива, умна, способна рыдать над книжкой, отхватит тебе всего Некрасова наизусть, за больными ухаживает, как ангел; но попробуй похвалить при ней Дузе! Ого-го! Нужно хвалить только ее одну, нужно писать о ней, кричать, восторгаться ее необык-

новенною игрой в «La dame aux camelias» или в «Чад жизни», но так как здесь, в деревне, нет этого дурмана, то вот она скучает и злится, и все мы — ее враги, все мы виноваты. Затем она суеверна, боится трех свечей, тринадцатого числа. Она скупа. У нее в Одессе в банке семьдесят тысяч — это я знаю наверное. А попроси у нее взаймы, она станет плакать.

Сорин. Ты вообразил, что твоя пьеса не нравится матери, и уже волнуешься и все. Успокойся, мать тебя обожает.

Треплев *(обрывая у цветка лепестки).* Любит — не любит, любит — не любит, любит — не любит. *(Смеется.)* Видишь, моя мать меня не любит. Еще бы! Ей хочется жить, любить, носить светлые кофточки, а мне уже двадцать пять лет, и я постоянно напоминаю ей, что она уже не молода. Когда меня нет, ей только тридцать два года, при мне же сорок три, и за это она меня ненавидит. Она знает также, что я не признаю театра. Она любит театр, ей кажется, что она служит человечеству, святому искусству, а по-моему, современный театр — это рутина, предрассудок. Когда поднимается занавес и при вечернем освещении, в комнате с тремя стенами, эти великие таланты, жрецы святого искусства изображают, как люди

едят, пьют, любят, ходят, носят свои пиджаки; когда из пошлых картин и фраз стараются выудить мораль — маленькую, удобопонятную, полезную в домашнем обиходе; когда в тысяче вариаций мне подносят все одно и то же, одно и то же, одно и то же, — то я бегу и бегу, как Мопассан бежал от Эйфелевой башни, которая давила ему мозг своей пошлостью.

Сорин. Без театра нельзя.

Треплев. Нужны новые формы. Новые формы нужны, а если их нет, то лучше ничего не нужно. *(Смотрит на часы.)* Я люблю мать, сильно люблю; но она ведет бестолковую жизнь, вечно носится с этим беллетристом, имя ее постоянно треплют в газетах, — и это меня утомляет. Иногда же просто во мне говорит эгоизм обыкновенного смертного; бывает жаль, что у меня мать известная актриса, и, кажется, будь это обыкновенная женщина, то я был бы счастливее. Дядя, что может быть отчаяннее и глупее положения: бывало, у нее сидят в гостях сплошь все знаменитости, артисты и писатели, и между ними только один я — ничто, и меня терпят только потому, что я ее сын. Кто я? Что я? Вышел из третьего курса университета по обстоятельствам, как говорится, от редакции не зависящим, никаких талантов, денег ни гро-

ша, а по паспорту я — киевский мещанин. Мой отец ведь киевский мещанин, хотя тоже был известным актером. Так вот, когда, бывало, в ее гостиной все эти артисты и писатели обращали на меня свое милостивое внимание, то мне казалось, что своими взглядами они измеряли мое ничтожество, — я угадывал их мысли и страдал от унижения…

Сорин. Кстати, скажи, пожалуйста, что за человек этот беллетрист? Не поймешь его. Все молчит.

Треплев. Человек умный, простой, немножко, знаешь, меланхоличный. Очень порядочный. Сорок лет будет ему еще не скоро, но он уже знаменит и сыт, сыт по горло… Что касается его писаний, то… как тебе сказать? Мило, талантливо… но… после Толстого или Зола не захочешь читать Тригорина.

Сорин. А я, брат, люблю литераторов. Когда-то я страстно хотел двух вещей: хотел жениться и хотел стать литератором, но не удалось ни то, ни другое. Да. И маленьким литератором приятно быть, в конце концов.

Треплев *(прислушивается).* Я слышу шаги… *(Обнимает дядю.)* Я без нее жить не могу… Даже звук ее шагов прекрасен… Я счастлив безумно.

(Быстро идет навстречу Нине Заречной, которая входит.) Волшебница, мечта моя…

Нина *(взволнованно)*. Я не опоздала… Конечно, я не опоздала…

Треплев *(целуя ее руки)*. Нет, нет, нет…

Нина. Весь день я беспокоилась, мне было так страшно! Я боялась, что отец не пустит меня… Но он сейчас уехал с мачехой. Красное небо, уже начинает восходить луна, и я гнала лошадь, гнала. *(Смеется.)* Но я рада. *(Крепко жмет руку Сорина.)*

Сорин *(смеется)*. Глазки, кажется, заплаканы… Ге-ге! Нехорошо!

Нина. Это так… Видите, как мне тяжело дышать. Через полчаса я уеду, надо спешить. Нельзя, нельзя, Бога ради не удерживайте. Отец не знает, что я здесь.

Треплев. В самом деле, уже пора начинать, надо идти звать всех.

Сорин. Я схожу и все. Сию минуту. *(Идет вправо и поет.)* «Во Францию два гренадера…» *(Оглядывается.)* Раз так же вот я запел, а один товарищ прокурора и говорит мне: «А у вас, ваше превосходительство, голос сильный…» Потом подумал и прибавил: «Но… противный». *(Смеется и уходит.)*

Нина. Отец и его жена не пускают меня сюда. Говорят, что здесь богема… боятся, как бы я не пошла в актрисы… А меня тянет сюда к озеру, как чайку… мое сердце полно вами. *(Оглядывается.)*

Треплев. Мы одни.

Нина. Кажется, кто-то там…

Треплев. Никого.

Поцелуй.

Нина. Это какое дерево?

Треплев. Вяз.

Нина. Отчего оно такое темное?

Треплев. Уже вечер, темнеют все предметы. Не уезжайте рано, умоляю вас.

Нина. Нельзя.

Треплев. А если я поеду к вам, Нина? Я всю ночь буду стоять в саду и смотреть на ваше окно.

Нина. Нельзя, вас заметит сторож. Трезор еще не привык к вам и будет лаять.

Треплев. Я люблю вас.

Нина. Тсс…

Треплев *(услышая шаги)*. Кто там? Вы, Яков?

Яков *(за эстрадой)*. Точно так.

Треплев. Становитесь по местам. Пора. Луна восходит?

Яков. Точно так.

Треплев. Спирт есть? Сера есть? Когда покажутся красные глаза, нужно, чтобы пахло серой. *(Нине.)* Идите, там все приготовлено. Вы волнуетесь?…

Нина. Да, очень. Ваша мама — ничего, ее я не боюсь, но у вас Тригорин… Играть при нем мне страшно и стыдно… Известный писатель… Он молод?

Треплев. Да.

Нина. Какие у него чудесные рассказы!

Треплев *(холодно)*. Не знаю, не читал.

Нина. В вашей пьесе трудно играть. В ней нет живых лиц.

Треплев. Живые лица! Надо изображать жизнь не такою, как она есть, и не такою, как должна быть, а такою, как она представляется в мечтах.

Нина. В вашей пьесе мало действия, одна только читка. И в пьесе, по-моему, непременно должна быть любовь…

Оба уходят за эстраду.
Входят Полина Андреевна и Дорн.

Полина Андреевна. Становится сыро. Вернитесь, наденьте калоши.

Дорн. Мне жарко.

Полина Андреевна. Вы не бережете себя. Это

упрямство. Вы — доктор и отлично знаете, что вам вреден сырой воздух, но вам хочется, чтобы я страдала; вы нарочно просидели вчера весь вечер на террасе…

Дорн *(напевает).* «Не говори, что молодость сгубила».

Полина Андреевна. Вы были так увлечены разговором с Ириной Николаевной… вы не замечали холода. Признайтесь, она вам нравится…

Дорн. Мне 55 лет.

Полина Андреевна. Пустяки, для мужчина это не старость. Вы прекрасно сохранились и еще нравитесь женщинам.

Дорн. Так что же вам угодно?

Полина Андреевна. Перед актрисой вы все готовы падать ниц. Все!

Дорн *(напевает).* «Я вновь пред тобою…» Если в обществе любят артистов и относятся к ним иначе, чем, например, к купцам, то это в порядке вещей. Это — идеализм.

Полина Андреевна. Женщины всегда влюблялись в вас и вешались на шею. Это тоже идеализм?

Дорн *(пожав плечами).* Что ж? В отношениях женщин ко мне было много хорошего. Во мне любили главным образом превосходного врача.

Лет десять-пятнадцать назад, вы помните, во всей губернии я был единственным порядочным акушером. Затем всегда я был честным человеком.

Полина Андреевна *(хватает его за руку)*. Дорогой мой!

Дорн. Тише. Идут.

Входят Аркадина под руку с Сориным, Тригорин, Шамраев, Медведенко и Маша.

Шамраев. В 1873 году в Полтаве на ярмарке она играла изумительно. Один восторг! Чудно играла! Не изволите ли также знать, где теперь комик Чадин, Павел Семеныч? В Расплюеве был неподражаем, лучше Садовского, клянусь вам, многоуважаемая. Где он теперь?

Аркадина. Вы все спрашиваете про каких-то допотопных. Откуда я знаю! *(Садится.)*

Шамраев *(вздохнув)*. Пашка Чадин! Таких уж нет теперь. Пала сцена, Ирина Николаевна! Прежде были могучие дубы, а теперь мы видим одни только пни.

Дорн. Блестящих дарований теперь мало, это правда, но средний актер стал гораздо выше.

Шамраев. Не могу с вами согласиться. Впрочем,

это дело вкуса. *De gustibus aut bene, aut nihil*[147].

Треплев выходит из-за эстрады.

Аркадина *(сыну).* Мой милый сын, когда же начало?

Треплев. Через минуту. Прошу терпения.

Аркадина *(читает из «Гамлета»).* «Мой сын! Ты очи обратил мне внутрь души, и я увидела ее в таких кровавых, в таких смертельных язвах — нет спасенья!»

Треплев *(из «Гамлета»).* «И для чего ж ты поддалась пороку, любви искала в бездне преступленья?»

За эстрадой играют в рожок.

Господа, начало! Прошу внимания!

Я начинаю. *(Стучит палочкой и говорит громко.)* О вы, почтенные, старые тени, которые носитесь в ночную пору над этим озером, усыпите нас, и пусть нам приснится то, что будет через двести тысяч лет!

Сорин. Через двести тысяч лет ничего не будет.

Треплев. Так вот пусть изобразят нам это ни-

---

[147] Примечания: 147
О вкусах — или хорошо, или ничего (лат.)

чего.

Аркадина. Пусть. Мы спим.

Поднимается занавес; открывается вид на озеро; луна над горизонтом, отражение ее в воде; на большом камне сидит Нина Заречная, вся в белом.

Нина. Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, обитавшие в воде, морские звезды и те, которых нельзя было видеть глазом, — словом, все жизни, все жизни, все жизни, свершив печальный круг, угасли… Уже тысячи веков, как земля не носит на себе ни одного живого существа, и эта бедная луна напрасно зажигает свой фонарь. На лугу уже не просыпаются с криком журавли, и майских жуков не бывает слышно в липовых рощах. Холодно, холодно, холодно. Пусто, пусто, пусто. Страшно, страшно, страшно.

Пауза.

Тела живых существ исчезли в прахе, и вечная материя обратила их в камни, в воду, в облака, а души их всех слились в одну. Общая мировая душа — это я… я… Во мне душа и Александра Великого, и Цезаря, и Шекспира, и Наполеона, и

последней пиявки. Во мне сознания людей слились с инстинктами животных, и я понмю все, все, и каждую жизнь в себе самой я переживаю вновь.

Показываются болотные огни.

Аркадина *(тихо)*. Это что-то декадентское.

Треплев *(умоляюще и с упреком)*. Мама!

Нина. Я одинока. Раз в сто лет я открываю уста, чтобы говорить, и мой голос звучит в этой пустоте уныло, и никто не слышит… И вы, бледные огни, не слышите меня… Под утро вас рождает гнилое болото, и вы блуждаете до зари, но без мысли, без воли, без трепетания жизни. Боясь, чтобы в вас не возникла жизнь, отец вечной материи, дьявол, каждое мгновение в вас, как в камнях и в воде, производит обмен атомов, и вы меняетесь непрерывно. Во вселенной остается постоянным и неизменным один лишь дух.

Пауза.

Как пленник, брошенный в пустой глубокий колодец, я не знаю, где я и что меня ждет. От меня не скрыто лишь, что в упорной, жестокой борьбе с дьяволом, началом материальных сил, мне суждено победить, и после того материя и

дух сольются в гармонии прекрасной и наступит царство мировой воли. Но этот будет, лишь когда мало-помалу, через длинный ряд тысячелетий, и луна, и светлый Сириус, и земля обратятся в пыль… А до тех пор ужас, ужас…

Пауза; на фоне озера показываются две красных точки.

Вот приближается мой могучий противник, дьявол. Я вижу его страшные, багровые глаза…

Аркадина. Серой пахнет. Это так нужно?

Треплев. Да.

Аркадина *(смеется)*. Да, это эффект.

Треплев. Мама!

Нина. Он скучает без человека…

Полина Андреевна *(Дорну)*. Вы сняли шляпу. Наденьте, а то простудитесь.

Аркадина. Это доктор снял шляпу перед дьяволом, отцом вечной материи.

Треплев *(вспылив, громко)*. Пьеса кончена! Довольно! Занавес!

Аркадина. Что же ты сердишься?

Треплев. Довольно! Занавес! Подавай занавес! *(Топнув ногой.)* Занавес!

Занавес опускается.

Виноват! Я выпустил из вида, что писать пьесы и играть на сцене могут только немногие избранные. Я нарушил монополию! Мне… я… *(Хочет еще что-то сказать, но машет рукой и уходит влево.)*

Аркадина. Что с ним?

Сорин. Ирина, нельзя так, матушка, обращаться с молодым самолюбием.

Аркадина. Что же я ему сказала?

Сорин. Ты его обидела.

Аркадина. Он сам предупредил, что это шутка, и я относилась к его пьесе, как у шутке.

Сорин. Все-таки…

Аркадина. Теперь оказывается, что он написал великое произведение! Скажите пожалуйста! Стало быть, устроил он этот спектакль и надушил серой не для шутки, а для демонстрации… Ему хотелось поучить нас, как надо писать и что нужно играть… Наконец, это становится скучно. Эти постоянные вылазки против меня и шпильки, воля ваша, надоедят хоть кому! Капризный, самолюбивый мальчик.

Сорин. Он хотел доставить тебе удовольствие.

Аркадина. Да? Однако же вот он не выбрал какой-нибудь обыкновенной пьесы, а заставил нас прослушать этот декадентский бред. Ради шутки

я готова слушать и бред, но ведь тут претензии на новые формы, на новую эру в искусстве. А, по-моему, никаких тут новых форм нет, а просто дурной характер.

Тригорин. Каждый пишет так, как хочет и как может.

Аркадина. Пусть он пишет, как хочет и как может, только пусть оставит меня в покое.

Дорн. Юпитер, ты сердишься…

Аркадина. Я не Юпитер, а женщина. *(Закуривает.)* Я не сержусь, мне только досадно, что молодой человек так скучно проводит время. Я не хотела его обидеть.

Медведенко. Никто не имеет основания отделять дух от материи, так как, быть может, самый дух есть совокупность материальных атомов. *(Живо, Тригорину.)* А вот, знаете ли, описать бы в пьесе и потом сыграть на сцене, как живет наш брат — учитель. Трудно, трудно живется!

Аркадина. Это справедливо, но не будем говорить ни о пьесах, ни об атомах. Вечер такой славный! Слышите, господа, поют? *(Прислушивается.)* Как хорошо!

Полина Андреевна. Это на том берегу.

Пауза.

Аркадина *(Тригорину)*. Сядьте возле меня. Лет 10–15 назад, здесь, на озере, музыка и пение слышались, непрерывно почти кажду ночь. Тут на берегу шесть помещичьих усадеб. Помню, смех, шум, стрельба, и все романы, романы… *Jeune premier'ом* и кумиром всех этих шести усадеб был тогда вот, рекомендую *(кивает на Дорна)*, доктор Евгений Сергеич. И теперь он очарователен, но тогда был неотразим. Однако меня начинает мучить совесть. За что я обидела моего бедного мальчика? Я непокойна. *(Громко.)* Костя! Сын! Костя!

Маша. Я пойду поищу его.

Аркадина. Пожалуйста, милая.

Маша *(идет влево)*. Ау! Константин Гаврилович!.. Ау! *(Уходит.)*

Нина *(выходя из-за эстрады)*. Очевидно, продолжения не будет, мне можно выйти. Здравствуйте! *(Целуется с Аркадиной и Полиной Андреевной.)*

Сорин. Браво! браво!

Аркадина. Браво, браво! Мы любовались. С такою наружностью, с таким чудным голосом нельзя, грешно сидеть в деревне. У вас должен быть талант. Слышите? Вы обязаны поступить на сцену!

Нина. О, это моя мечта! *(Вздохнув.)* Но она ни-

когда не осуществится.

Аркадина. Кто знает! Вот позвольте вам представить: Тригорин, Борис Алексеевич.

Нина. Ах, я так рада… *(Сконфузившись.)* Я всегда вас читаю…

Аркадина *(усаживая ее возле)*. Не конфузьтесь, милая. Он знаменитость, но у него простая душа. Видите, он сам сконфузился.

Дорн. Полагаю, теперь можно поднять занавес, а то жутко.

Шамраев *(громко)*. Яков, подними-ка, братец, занавес!

Занавес поднимается.

Нина *(Тригорину)*. Не правда ли, странная пьеса?

Тригорин. Я ничего не понял. Впрочем, смотрел я с удовольствием. Вы так искренно играли. И декорация была прекрасная.

Пауза.

Должно быть, в этом озере много рыбы.

Нина. Да.

Тригорин. Я люблю удить рыбу. Для меня нет больше наслаждения, как сидеть под вечер на берегу и смотреть на поплавок.

Нина. Но, я думаю, кто испытал наслаждение творчества, для того уже все другие наслаждения не существуют.

Аркадина *(смеясь)*. Не говорите так. Когда ему говорят хорошие слова, то он проваливается.

Шамраев. Помню, в Москве в оперном театре однажды знаменитый Сильва взял нижнее до. А в это время, как нарочно, сидел на галерее бас из наших синодальных певчих, и вдруг, можете себе представить наше крайнее изумление, мы слышим в галереи: «Браво, Сильва!» — целою октавой ниже… Вот этак *(низким баском)*: браво, Сильва… Театр так и замер.

Пауза.

Дорн. Тихий ангел пролетел.

Нина. А мне пора. Прощайте.

Аркадина. Куда? Куда так рано? Мы вас не пустим.

Нина. Меня ждет папа.

Аркадина. Какой он, право… *(Целуются.)* Ну, что делать. Жаль, жаль вас отпускать.

Нина. Если бы вы знали, как мне тяжело уезжать!

Аркадина. Вас бы проводил кто-нибудь, моя крошка.

Нина *(испуганно)*. О нет, нет!

Сорин *(ей, умоляюще)*. Останьтесь!

Нина. Не могу, Петр Николаевич.

Сорин. Останьтесь на один час и все. Ну, что, право…

Нина *(подумав, сквозь слезы)*. Нельзя! *(Пожимает руку и быстро уходит.)*

Аркадина. Несчастная девушка в сущности. Говорят, ее покойная мать завещала мужу все свое громадное состояние, все до копейки, и теперь эта девочка осталась ни с чем, так как отец ее уже завещал все своей второй жене. Это возмутительно.

Дорн. Да, ее папенька порядочная-таки скотина, надо отдать ему полную справедливость.

Сорин *(потирая озябшие руки)*. Пойдемте-ка, господа, и мы, а то становится сыро. У меня ноги болят.

Аркадина. Они у тебя, как деревянные, едва ходят. Ну, пойдем, старик злосчастный. *(Берет его под руку.)*

Шамраев *(подавая руку жене)*. Мадам?

Сорин. Я слышу, опять воет собака. *(Шамраеву.)* Будьте добры, Илья Афанасьевич, прикажите отвязать ее.

Шамраев. Нельзя, Петр Николаевич, боюсь,

как бы воры в амбар не забрались. Там у меня просо. *(Идущему рядом Медведенку.)* Да, на целую октаву ниже: «Браво, Сильва!» А ведь не певец, простой синодальный певчий.

Медведенко. А сколько жалованья получает синодальный певчий?

Все уходят, кроме Дорна.

Дорн *(один)*. Не знаю, быть может, я ничего не понимаю или сошел с ума, но пьеса мне понравилась. В ней что-то есть. Когда это девочка говорила об одиночестве и потом, когда показались красные глаза дьявола, у меня от волнения дрожали руки. Свежо, наивно… Вот, кажется, он идет. Мне хочется наговорить ему побольше приятного.

Треплев *(входит)*. Уже нет никого.

Дорн. Я здесь.

Треплев. Меня по всему парку ищет Машенька. Несносное создание.

Дорн. Константин Гаврилович, мне ваша пьеса чрезвычайно понравилась. Странная она какая-то, и конца я не слышал, и все-таки впечатление сильное. Вы талантливый человек, вам надо продолжать.

Треплев крепко жмет ему руку и обнимает

порывисто.

Фуй, какой нервный. Слезы на глазах… Я что хочу сказать? Вы взяли сюжет из области отвлеченных идей. Так и следовало, потому что художественное произведение непременно должно выражать какую-нибудь большую мысль. Только то прекрасно, что серьезно. Как вы бледны!

Треплев. Так вы говорите — продолжать?

Дорн. Да… Но изображайте только важное и вечное. Вы знаете, я прожил свою жизнь разнообразно и со вкусом, я доволен, но если бы мне пришлось испытать подъем духа, какой бывает у художников во время творчества, то, мне кажется, я презирал бы свою материальную оболочку и все, что этой оболочке свойственно, и уносился бы от земли подальше в высоту.

Треплев. Виноват, где Заречная?

Дорн. И вот еще что. В произведении должна быть ясная, определенная мысль. Вы должны знать, для чего пишете, иначе, если пойдете по этой живописной дороге без определенной цели, то вы заблудитесь и ваш талант погубит вас.

Треплев *(нетерпеливо)*. Где Заречная?

Дорн. Она уехала домой.

Треплев *(в отчаянии)*. Что же мне делать? Я хочу ее видеть… Мне необходимо ее видеть… Я

поеду…

Маша входит.

Дорн *(Треплеву)*. Успокойтесь, мой друг.

Треплев. Но все-таки я поеду. Я должен поехать.

Маша. Идите, Константин Гаврилович, в дом. Вас ждет ваша мама. Она непокойна.

Треплев. Скажите ей, что я уехал. И прошу вас всех, оставьте меня в покое! Оставьте! Не ходите за мной!

Дорн. Но, но, но, милый… нельзя так… Нехорошо.

Треплев *(сквозь слезы)*. Прощайте, доктор. Благодарю… *(Уходит.)*

Дорн *(вздохнув)*. Молодость, молодость!

Маша. Когда нечего больше сказать, то говорят: молодость, молодость… *(Нюхает табак.)*

Дорн *(берет у нее табакерку и швыряет в кусты)*. Это гадко!

Пауза.

В доме, кажется, играют. Надо идти.

Маша. Погодите.

Дорн. Что?

Маша. Я еще раз хочу вам сказать. Мне хочет-

ся поговорить… *(Волнуясь.)* Я не люблю своего отца… но к вам лежит мое сердце. Почему-то я всею душой чувствую, что вы мне близки… Помогите же мне, помогите, а то я сделаю глупость, я насмеюсь над своею жизнью, испорчу ее… Не могу дольше…

Дорн. Что? В чем помочь?

Маша. Я страдаю. Никто, никто не знает моих страданий! *(Кладет ему голову на грудь, тихо.)* Я люблю Константина.

Дорн. Как все нервны! Как все нервны! И сколько любви… О, колдовское озеро! *(Нежно.)* Но что же я могу сделать, дитя мое? Что? Что?

Занавес

Действие второе

Площадка для крокета. В глубине направо дом с большою террасой, налево видно озеро, в котором, отражаясь, сверкает солнце. Цветники. Полдень. Жарко. Сбоку площадки, в тени старой липы, сидят на скамье Аркадина, Дорн и Маша. У Дорна на коленях раскрытая книга.

Аркадина *(Маше)*. Вот встанемте.

Обе встают.

Станем рядом. Вам двадцать два года, а мне почти вдвое. Евгений Сергеич, кто из нас моложавее?

Дорн. Вы, конечно.

Аркадина. Вот-с… А почему? Потому что я работаю, я чувствую, я постоянно в суете, а вы сидите все на одном месте, не живете… И у меня правило: не заглядывать в будущее. Я никогда не думаю ни о старости, ни о смерти. Чему быть, того не миновать.

Маша. А у меня такое чувство, как будто я родилась уже давно-давно; жизнь свою я тащу волоком, как бесконечный шлейф… И часто не

бывает никакой охоты жить. *(Садится.)* Конечно, это все пустяки. Надо встряхнуться, сбросить с себя все это.

Дорн *(напевает тихо)*. «Расскажите вы ей, цветы мои…»

Аркадина. Затем я корректна, как англичанин. Я, милая, держу себя в струне, как говорится, и всегда одета и причесана comme il faut [148]. Чтобы я позволила себе выйти из дому, хотя бы вот в сад, в блузе или непричесанной? Никогда. Оттого я и сохранилась, что никогда не была фефелой, не распускала себя, как некоторые… *(Подбоченясь, прохаживается по площадке.)* Вот вам — как цыпочка. Хоть пятнадцатилетнюю девочку играть.

Дорн. Ну-с, тем не менее все-таки я продолжаю. *(Берет книгу.)* Мы остановились на лабазнике и крысах…

Аркадина. И крысах. Читайте. *(Садится.)* Впрочем, дайте мне, я буду читать. Моя очередь. *(Берет книгу и ищет в ней глазами.)* И крысах… Вот оно… *(Читает.)* «И, разумеется, для светских людей баловать романистов и привлекать их к себе так же опасно, как лабазнику воспитывать крыс в своих амбарах. А между тем их любят. Итак, когда

---

[148] Примечания: 148
как следует (фр.)

женщина избрала писателя, которого она желает заполонить, она осаждает его посредством комплиментов, любезностей и угождений...» Ну, это у французов, может быть, но у нас ничего подобного, никаких программ. У нас женщина обыкновенно, прежде чем заполонить писателя, сама уже влюблена по уши, сделайте милость. Недалеко ходить, взять хоть меня и Тригорина...

Идет Сорин, опираясь на трость, и рядом с ним Нина; Медведенко катит за ним пустое кресло.

Сорин *(тоном, каким ласкают детей).* Да? У нас радость? Мы сегодня веселы в конце концов? *(Сестре.)* У нас радость! Отец и мачеха уехали в Тверь, и мы теперь свободны на целых три дня.

Нина *(садится рядом с Аркадиной и обнимает ее).* Я счастлива! Я теперь принадлежу вам.

Сорин *(садится в свое кресло).* Она сегодня красивенькая.

Аркадина. Нарядная, интересная... За это вы умница. *(Целует Нину.)* Но не нужно очень хвалить, а то сглазим. Где Борис Алексеевич?

Нина. Он в купальне рыбу удит.

Аркадина. Как ему не надоест! *(Хочет продолжать читать.)*

Нина. Это вы что?

Аркадина. Мопассан «На воде», милочка. *(Читает несколько строк про себя.)* Ну, дальше неинтересно и неверно. *(Закрывает книгу.)* Непокойна у меня душа. Скажите, что с моим сыном? Отчего он так скучен и суров? Он целые дни проводит на озере, и я его почти совсем не вижу.

Маша. У него нехорошо на душе *(Нине, робко.)* Прошу вас, прочтите из его пьесы!

Нина *(пожав плечами)*. Вы хотите? Это так неинтересно!

Маша *(сдерживая восторг)*. Когда он сам читает что-нибудь, то глаза у него горят и лицо становится бледным. У него прекрасный, печальный голос; а манеры, как у поэта.

Слышно, как храпит Сорин.

Дорн. Спокойной ночи!
Аркадина. Петруша!
Сорин. А?
Аркадина. Ты спишь?
Сорин. Нисколько.

Пауза.

Аркадина. Ты не лечишься, а это нехорошо, брат.

Сорин. Я рад бы лечиться, да вот доктор не

хочет.

Дорн. Лечиться в шестьдесят лет!

Сорин. И в шестьдесят лет жить хочется.

Дорн *(досадливо).* Э! Ну, принимайте валериановые капли.

Аркадина. Мне кажется, ему хорошо бы поехать куда-нибудь на воды.

Дорн. Что ж? Можно поехать. Можно и не поехать.

Аркадина. Вот и пойми.

Дорн. И понимать нечего. Все ясно.

Пауза.

Медведенко. Петру Николаевичу следовало бы бросить курить.

Сорин. Пустяки.

Дорн. Нет, не пустяки. Вино и табак обезличивают. После сигары или рюмки водки вы уже не Петр Николаевич, а Петр Николаевич плюс еще кто-то; у вас расплывается ваше я, и вы уже относитесь к самому себе, как к третьему лицу — он.

Сорин *(смеется).* Вам хорошо рассуждать. Вы пожили на своем веку, а я? Я прослужил по судебному ведомству 28 лет, но еще не жил, ничего не испытал в конце концов и понятная вещь, жить мне очень хочется. Вы сыты и равнодушны, и

потому имеете наклонность к философии, я же хочу жить и потому пью за обедом херес и курю сигары и все. Вот и все.

Дорн. Надо относиться к жизни серьезно, а лечиться в шестьдесят лет, жалеть, что в молодости мало наслаждался, это, извините, легкомыслие.

Маша *(встает).* Завтракать пора, должно быть. *(Идет ленивою, вялою походкой.)* Ногу отсидела… *(Уходит.)*

Дорн. Пойдет и перед завтраком две рюмочки пропустит.

Сорин. Личного счастья нет у бедняжки.

Дорн. Пустое, ваше превосходительство.

Сорин. Вы рассуждаете, как сытый человек.

Аркадина. Ах, что может быть скучнее этой вот милой деревенской скуки! Жарко, тихо, никто ничего не делает, все философствуют… Хорошо с вами, друзья, приятно вас слушать, но… сидеть у себя в номере и учить роль — куда лучше!

Нина *(восторженно).* Хорошо! Я понимаю вас.

Сорин. Конечно, в городе лучше. Сидишь в своем кабинете, лакей никого не впускает без доклада, телефон… на улице извозчики и все…

Дорн *(напевает).* «Расскажите вы ей, цветы мои…»

Входит Шамраев, за ним Полина Андреевна.

Шамраев. Вот и наши. Добрый день! *(Целует руку у Аркадиной, потом у Нины.)* Весьма рад видеть вас в добром здоровье. *(Аркадиной.)* Жена говорит, что вы собираетесь сегодня ехать с нею вместе в город. Это правда?

Аркадина. Да, мы собираемся.

Шамраев. Гм… Это великолепно, но на чем же вы поедете, многоуважаемая? Сегодня у нас возят рожь, все работники заняты. А на каких лошадях, извольте вас спросить?

Аркадина. На каких? Почем я знаю — на каких!

Сорин. У нас же выездные есть.

Шамраев *(волнуясь)*. Выездные? А где я возьму хомуты? Где я возьму хомуты? Это удивительно! Это непостижимо! Высокоуважаемая! Извините, я благоговею перед вашим талантом, готов отдать за вас десять лет жизни, но лошадей я вам не могу дать!

Аркадина. Но если я должна ехать? Странное дело!

Шамраев. Многоуважаемая! Вы не знаете, что значит хозяйство!

Аркадина *(вспылив)*. Это старая история! В таком случае я сегодня же уезжаю в Москву. Прикажите нанять для меня лошадей в деревне, а то

я уйду на станцию пешком!

Шамраев *(вспылив)*. В таком случае я отказываюсь от места! Ищите себе другого управляющего *(Уходит.)*

Аркадина. Каждое лето так, каждое лето меня здесь оскорбляют! Нога моя здесь больше не будет!

Уходит влево, где предполагается купальня; через минуту видно, как она проходит в дом; за нею идет Тригорин с удочками и с ведром.)

Сорин *(вспылив)*. Это нахальство! Это черт знает что такое! Мне это надоело в конце концов. Сейчас же подать сюда всех лошадей!

Нина *(Полине Андреевне)*. Отказать Ирине Николаевне, знаменитой артистке! Разве всякое желание ее, даже каприз, не важнее вашего хозяйства? Просто невероятно!

Полина Андреевна *(в отчаянии)*. Что я могу? Войдите в мое положение: что я могу?

Сорин *(Нине)*. Пойдемте к сестре… Мы все будем умолять ее, чтобы она не уезжала. Не правда ли? *(Глядя по направлению, куда ушел Шамраев.)* Невыносимый человек! Деспот!

Нина *(мешая ему встать)*. Сидите, сидите… Мы вас довезем…

(Она и Медведенко катят кресло.)

О, как это ужасно!

Сорин. Да, да, это ужасно… Но он не уйдет, я сейчас поговорю с ним.

Уходят; остаются только Дорн и Полина Андреевна.

Дорн. Люди скучны. В сущности следовало бы вашего мужа отсюда просто в шею, а ведь все кончится тем, что эта старая баба Петр Николаевич и его сестра попросят у него извинения. Вот увидите!

Полина Андреевна. Он и выездных лошадей послал в поле. И каждый день такие недоразумения. Если бы вы знали, как это волнует меня! Я заболеваю; видите, я дрожу… Я не выношу его грубости. *(Умоляюще.)* Евгений, дорогой, ненаглядный, возьмите меня к себе… Время наше уходит, мы уже не молоды, и хоть бы в конце жизни нам не прятаться, не лгать…

Пауза.

Дорн. Мне пятьдесят пять лет, уже поздно менять свою жизнь.

Полина Андреевна. Я знаю, вы отказываете мне, потому что, кроме меня, есть женщины, ко-

торые вам близки. Взять всех к себе невозможно. Я понимаю. Простите, я надоела вам.

Нина показывается около дома; она рвет цветы.

Дорн. Нет, ничего.

Полина Андреевна. Я страдаю от ревности. Конечно, вы доктор, вам нельзя избегать женщин. Я понимаю…

Дорн *(Нине, которая подходит)*. Как там?

Нина. Ирина Николаевна плачет, а у Петра Николаевича астма.

Дорн *(встает)*. Пойти дать обоим валериановых капель…

Нина *(подает ему цветы)*. Извольте!

Дорн. Merci bien. *(Идет к дому.)*

Полина Андреевна *(идя с ним)*. Какие миленькие цветы! *(Около дома, глухим голосом.)* Дайте мне эти цветы! Дайте мне эти цветы! *(Получив цветы, рвет их и бросает в сторону; оба идут в дом.)*

Нина *(одна)*. Как странно видеть, что известная артистка плачет, да еще по такому пустому поводу! И не странно ли, знаменитый писатель, любимец публики, о нем пишут во всех газетах, портреты его продаются, его переводят на ино-

странные языки, а он целый день ловит рыбу и радуется, что поймал двух головлей. Я думала, что известные люди горды, неприступны, что они презирают толпу и своею славой, блеском своего имени как бы мстят ей за то, что она выше всего ставит знатность происхождения и богатство. Но они вот плачут, удят рыбу, играют в карты, смеются и сердятся, как все…

Треплев *(входит без шляпы, с ружьем и с убитою чайкой)*. Вы одни здесь?

Нина. Одна.

Треплев кладет у ее ног чайку.

Что это значит?

Треплев. Я имел подлость убить сегодня эту чайку. Кладу у ваших ног.

Нина. Что с вами? *(Поднимает чайку и глядит на нее.)*

Треплев *(после паузы)*. Скоро таким же образом я убью самого себя.

Нина. Я вас не узнаю.

Треплев. Да, после того, как я перестал узнавать вас. Вы изменились ко мне, ваш взгляд холоден, мое присутствие стесняет вас.

Нина. В последнее время вы стали раздражительны, выражаетесь все непонятно, какими-то

символами. И вот эта чайка тоже, по-видимому, символ, но, простите, я не понимаю… *(Кладет чайку на скамью.)* Я слишком проста, чтобы понимать вас.

Треплев. Это началось с того вечера, когда так глупо провалилась моя пьеса. Женщины не прощают неуспеха. Я все сжег, все до последнего клочка. Если бы вы знали, как я несчастлив! Ваше охлаждение страшно, невероятно, точно я проснулся и вижу вот, будто это озеро вдруг высохло или утекло в землю. Вы только что сказали, что вы слишком просты, чтобы понимать меня. О, что тут понимать?! Пьеса не понравилась, вы презираете мое вдохновение, уже считаете меня заурядным, ничтожным, каких много… *(Топнув ногой.)* Как это я хорошо понимаю, как понимаю! У меня в мозгу точно гвоздь, будь он проклят вместе с моим самолюбием, которое сосет мою кровь, сосет, как змея… *(Увидев Тригорина, который идет, читая книжку.)* Вот идет истинный талант; ступает, как Гамлет, и тоже с книжкой. *(Дразнит.)* «Слова, слова, слова…» Это солнце еще не подошло к вам, а вы уже улыбаетесь, взгляд ваш растаял в его лучах. Не стану мешать вам. *(Уходит быстро.)*

Тригорин *(записывая в книжку)*. Нюхает табак

и пьет водку… Всегда в черном. Ее любит учитель…

Нина. Здравствуйте, Борис Алексеевич!

Тригорин. Здравствуйте. Обстоятельства неожиданно сложились так, что, кажется, мы сегодня уезжаем. Мы с вами едва ли еще увидимся когда-нибудь. А жаль, мне приходится не часто встречать молодых девушек, молодых и интересных, я уже забыл и не могу себе ясно представить, как чувствуют себя в 18–19 лет, и потому у меня в повестях и рассказах молодые девушки обыкновенно фальшивы. Я бы вот хотел хоть один час побыть на вашем месте, чтобы узнать, как вы думаете, и вообще что вы за штучка.

Нина. А я хотела бы побывать на вашем месте.

Тригорин. Зачем?

Нина. Чтобы узнать, как чувствует себя известный талантливый писатель. Как чувствуется известность? Как вы ощущаете то, что вы известны?

Тригорин. Как? Должно быть, никак. Об этом я никогда не думал. *(Подумав.)* Что-нибудь из двух: или вы преувеличиваете мою известность, или же вообще она никак не ощущается.

Нина. А если читаете про себя в газетах?

Тригорин. Когда хвалят, приятно, а когда бра-

нят, то потом два дня чувствуешь себя не в духе.

Нина. Чудный мир! Как я завидую вам, если бы вы знали! Жребий людей различен. Одни едва влачат свое скучное, незаметное существование, все похожие друг на друга, все несчастные; другим же, как, например, вам, — вы один из миллиона, — выпала на долю жизнь интересная, светлая, полная значения… вы счастливы…

Тригорин. Я? *(Пожимая плечами.)* Гм… Вы вот говорите об известности, о счастье, о какой-то светлой, интересной жизни, а для меня все эти хорошие слова, простите, все равно, что мармелад, которого я никогда не ем. Вы очень молоды и очень добры.

Нина. Ваша жизнь прекрасна!

Тригорин. Что же в ней особенно хорошего? *(Смотрит на часы.)* Я должен сейчас идти и писать. Извините, мне некогда… *(Смеется.)* Вы, как говорится, наступили на мою самую любимую мозоль, и вот я начинаю волноваться и немного сердиться. Впрочем, давайте говорить. Будем говорить о моей прекрасной, светлой жизни… Ну-с, с чего начнем? *(Подумав немного.)* Бывают насильственные представления, когда человек день и ночь думает, например, все о луне, и у меня есть своя такая луна. День и ночь одолевает

меня одна неотвязная мысль: я должен писать, я должен писать, я должен… Едва кончил повесть, как уже почему-то должен писать другую, потом третью, после третьей четвертую… Пишу непрерывно, как на перекладных, и иначе не могу. Что же тут прекрасного и светлого, я вас спрашиваю? О, что за дикая жизнь! Вот я с вами, я волнуюсь, а между тем каждое мгновение помню, что меня ждет неоконченная повесть. Вижу вот облако, похожее на рояль. Думаю: надо будет упомянуть где-нибудь в рассказе, что плыло облако, похожее на рояль. Пахнет гелиотропом. Скорее мотаю на ус: приторный запах, вдовий цвет, упомянуть при описании летнего вечера. Ловлю себя и вас на каждой фразе, на каждом слове и спешу скорее запереть все эти фразы и слова в свою литературную кладовую: авось пригодится! Когда кончаю работу, бегу в театр или удить рыбу; тут бы и отдохнуть, забыться, ан — нет, в голове уже ворочается тяжелое чугунное ядро — новый сюжет, и уже тянет к столу, и надо спешить опять писать и писать. И так всегда, всегда, и нет мне покоя от самого себя, и я чувствую, что съедаю собственную жизнь, что для меда, который я отдаю кому-то в пространство, я обираю пыль с лучших своих цветов, рву самые цветы и топчу их корни. Разве

я не сумасшедний? Разве мои близкие и знакомые держат себя со мною, как со здоровым? «Что пописываете? Чем нас подарите?» Одно и то же, одно и то же, и мне кажется, что это внимание знакомых, похвалы, восхищение, — все это обман, меня обманывают, как больного, и я иногда боюсь, что вот-вот подкрадутся ко мне сзади, схватят и повезут, как Поприщина, в сумасшедший дом. А в те годы, в молодые, лучшие годы, когда я начинал, мое писательство было одним сплошным мучением. Маленький писатель, особенно когда ему не везет, кажется себе неуклюжим, неловким, лишним, нервы у него напряжены, издерганы; неудержимо бродит он около людей, причастных к литературе и к искусству, непризнанный, никем не замечаемый, боясь прямо и смело глядеть в глаза, точно страстный игрок, у которого нет денег. Я не видел своего читателя, но почему-то в моем воображении он представлялся мне недружелюбным, недоверчивым. Я боялся публики, она была страшна мне, и когда мне приходилось ставить свою новую пьесу, то мне казалось всякий раз, что брюнеты враждебно настроены, а блондины холодно равнодушны. О, как это ужасно! Какое это было мучение!

Нина. Позвольте, но разве вдохновение и са-

мый процесс творчества не дают вам высоких, счастливых минут?

Тригорин. Да. Когда пишу, приятно. И корректуру читать приятно. Но… едва вышло из печати, как я не выношу, и вижу уже, что оно не то, ошибка, что его не следовало бы писать вовсе, и мне досадно, на душе дрянно… *(Смеясь.)* А публика читает: «Да, мило, талантливо… Мило, но далеко до Толстого», или: «Прекрасная вещь, но «Отцы и дети» Тургенева лучше». И так до гробовой доски все будет только мило и талантливо, мило и талантливо — больше ничего, а как умру, знакомые, проходя мимо могилы, будут говорить; «Здесь лежит Тригорин. Хороший был писатель, но он писал хуже Тургенева».

Нина. Простите, я отказываюсь понимать вас. Вы просто избалованы успехом.

Тригорин. Каким успехом? Я никогда не нравился себе. Я не люблю себя как писателя. Хуже всего, что я в каком-то чаду и часто не понимаю, что я пишу… Я люблю вот эту воду, деревья, небо, я чувствую природу, она возбуждает во мне страсть, непреодолимое желание писать. Но ведь я не пейзажист только, я ведь еще гражданин, я люблю родину, народ, я чувствую, что если я писатель, то я обязан говорить о народе, об его

страданиях, об его будущем, говорить о науке, о правах человека и прочее и прочее, и я говорю обо всем, тороплюсь, меня со всех сторон подгоняют, сердятся, я мечусь из стороны в сторону, как лисица, затравленная псами, вижу, что жизнь и наука все уходят вперед и вперед, а я все отстаю и отстаю, как мужик, опоздавший на поезд, и в конце концов чувствую, что я умею писать только пейзаж, а во всем остальном я фальшив, и фальшив до мозга костей.

Нина. Вы заработались, и у вас нет времени и охоты сознать свое значение. Пусть вы недовольны собою, но для других вы велики и прекрасны! Если бы я была таким писателем, как вы, то я отдала бы толпе всю свою жизнь, но сознавала бы, что счастье ее только в том, чтобы возвышаться до меня, и она возила бы меня на колеснице.

Тригорин. Ну, на колеснице… Агамемнон я, что ли?

Оба улыбнулись.

Нина. За такое счастье, как быть писательницей или артисткой, я перенесла бы нелюбовь близких, нужду, разочарование, я жила бы под крышей и ела бы только ржаной хлеб, страдала бы от недовольства собою, от сознания своих

несовершенств, но зато бы уж я потребовала славы… настоящей, шумной славы… *(Закрывает лицо руками.)* Голова кружится… Уф!..

Голос Аркадиной *(из дому)* : «Борис Алексеевич!»

Тригорин. Меня зовут… Должно быть, укладываться. А не хочется уезжать. *(Оглядывается на озеро.)* Ишь ведь какая благодать!.. Хорошо!

Нина. Видите на том берегу дом и сад?

Тригорин. Да.

Нина. Это усадьба моей покойной матери. Я там родилась. Я всю жизнь провела около этого озера и знаю на нем каждый островок.

Тригорин. Хорошо у вас тут! *(Увидев чайку.)* А это что?

Нина. Чайка. Константин Гаврилыч убил.

Тригорин. Красивая птица. Право, не хочется уезжать. Вот уговорите-ка Ирину Николаевну, чтобы она осталась. *(Записывает в книжку.)*

Нина. Что это вы пишете?

Тригорин. Так записываю… Сюжет мелькнул… *(Пряча книжку.)* Сюжет для небольшого рассказа: на берегу озера с детства живет молодая девушка, такая, как вы; любит озеро, как чайка, и счастлива, и свободна, как чайка. Но случайно пришел человек, увидел и от нечего делать погубил ее,

как вот эту чайку.

Пауза.

В окне показывается Аркадина.

Аркадина. Борис Алексеевич, где вы?

Тригорин. Сейчас! *(Идет и оглядывается на Нину; у окна, Аркадиной.)* Что?

Аркадина. Мы остаемся.

Тригорин уходит в дом.

Нина. *(подходя к рампе; после некоторого раздумья).* Сон!

Занавес

Действие третье

Столовая в доме Сорина. Направо и налево двери. Буфет. Шкаф с лекарствами. Посреди комнаты стол. Чемодан и картонки, заметны приготовления к отъезду. Тригорин завтракает, Маша стоит у стола.

Маша. Все это я рассказываю вам как писателю. Можете воспользоваться. Я вам по совести: если бы он ранил себя серьезно, то я не стала бы жить ни одной минуты. А все же я храбрая. Вот взяла и решила: вырву эту любовь из своего сердца, с корнем вырву.

Тригорин. Каким же образом?

Маша. Замуж выхожу. За Медведенка.

Тригорин. Это за учителя?

Маша. Да.

Тригорин. Не понимаю, какая надобность.

Маша. Любить безнадежно, целые годы все ждать чего-то… А как выйду замуж, будет уже не до любви, новые заботы заглушат все старое. И все-таки, знаете ли, перемена. Не повторить ли нам?

Тригорин. А не много ли будет?

Маша. Ну, вот! *(Наливает по рюмке.)* Вы не смотрите на меня так. Женщины пьют чаще, чем вы думаете. Меньшинство пьет открыто, как я, а большинство тайно. Да. И все водку или коньяк. *(Чокается.)* Желаю вам! Вы человек простой, жалко с вами расставаться.

Пьют.

Тригорин. Мне самому не хочется уезжать.

Маша. А вы попросите, чтобы она осталась.

Тригорин. Нет, теперь не останется. Сын ведет себя крайне бестактно. То стрелялся, а теперь, говорят, собирается меня на дуэль вызвать. А чего ради? Дуется, фыркает, проповедует новые формы… Но ведь всем хватит места, и новым и старым, — зачем толкаться?

Маша. Ну, и ревность. Впрочем, это не мое дело.

Пауза. Яков проходит слева направо с чемоданом; входит Нина и останавливается у окна.

Мой учитель не очень-то умен, но добрый человек и бедняк, и меня сильно любит. Его жалко. И его мать-старушку жалко. Ну-с, позвольте пожелать вам всего хорошего. Не поминайте лихом. *(Крепко пожимает руку.)* Очень вам благодарна

за ваше доброе расположение. Пришлите же мне ваши книжки, непременно с автографом. Только не пишите «многоуважаемой», а просто так: «Марье, родства не помнящей, неизвестно для чего живущей на этом свете». Прощайте! *(Уходит.)*

Нина *(протягивая в сторону Тригорина руку, сжатую в кулак).* Чет или нечет?

Тригорин. Чет.

Нина *(вздохнув).* Нет. У меня в руке только одна горошина. Я загадала: идти мне в актрисы или нет? Хоть бы посоветовал кто.

Тригорин. Тут советовать нельзя.

Пауза.

Нина. Мы расстаемся и… пожалуй, более уже не увидимся. Я прошу вас принять от меня на память вот этот маленький медальон. Я приказала вырезать ваши инициалы… а с этой стороны название вашей книжки: «Дни и ночи.»

Тригорин. Как грациозно! *(Целует медальон.)* Прелестный подарок!

Нина. Иногда вспоминайте обо мне.

Тригорин. Я буду вспоминать. Я буду вспоминать вас, какою вы были в тот ясный день — помните? — неделю назад, когда вы были в светлом платье… Мы разговаривали… еще тогда

на скамье лежала белая чайка.

Нина *(задумчиво)*. Да, чайка…

Пауза.

Больше нам говорить нельзя, сюда идут… Перед отъездом дайте мне две минуты, умоляю вас… *(Уходит влево; одновременно входят справа Аркадина, Сорин во фраке со звездой, потом Яков, озабоченный укладкой.)*

Аркадина. Оставайся-ка, старик, дома. Тебе ли с твоим ревматизмом разъезжать по гостям? *(Тригорину.)* Это кто сейчас вышел? Нина?

Тригорин. Да.

Аркадина. Pardon, мы помешали… *(Садится.)* Кажется, все уложила. Замучилась.

Тригорин *(читает на медальоне)*. «Дни и ночи», страница 121, строки 11 и 12.

Яков *(убирая со стола)*. Удочки тоже прикажете уложить?

Тригорин. Да, они мне еще понадобятся. А книги отдай кому-нибудь.

Яков. Слушаю.

Тригорин *(про себя)*. Страница 121, строки 11 и 12. Что же в этих строках? *(Аркадиной.)* Тут в доме есть мои книжки?

Аркадина. У брата в кабинете, в угловом шка-

пу.

Тригорин. Страница 121… *(Уходит.)*

Аркадина. Право, Петруша, остался бы дома…

Сорин. Вы уезжаете, без вас мне будет тяжело дома.

Аркадина. А в городе что же?

Сорин. Особенного ничего, но все же. *(Смеется.)* Будет закладка земского дома и все такое… Хочется хоть час-другой воспрянуть от этой пискариной жизни, а то очень уж я залежался, точно старый мундштук. Я приказал подавать лошадей к часу, в одно время и выедем.

Аркадина *(после паузы)*. Ну, живи тут, не скучай, не простуживайся. Наблюдай за сыном. Береги его. Наставляй.

Пауза.

Вот уеду, так и не буду знать, отчего стрелялся Константин. Мне кажется, главной причиной была ревность, и чем скорее я увезу отсюда Тригорина, тем лучше.

Сорин. Как тебе сказать? Были и другие причины. Понятная вещь, человек молодой, умный, живет в деревне, в глуши, без денег, без положения, без будущего. Никаких занятий. Стыдится и боится своей праздности. Я его чрезвычайно

люблю, и он ко мне привязан, но все же в конце концов ему кажется, что он лишний в доме, чего он тут нахлебник, приживал. Понятная вещь, самолюбие…

Аркадина. Горе мне с ним! *(В раздумье.)* Поступить бы ему на службу, что ли…

Сорин *(насвистывает, потом нерешительно)*. Мне кажется, было бы самое лучшее, если бы ты… дала ему немного денег. Прежде всего ему нужно одеться по-человечески и все. Один и тот же сюртучишка он таскает три года, ходит без пальто… *(Смеется.)* Да и погулять малому не мешало бы… Поехать за границу, что ли… Это ведь не дорого стоит.

Аркадина. Все-таки… Пожалуй, на костюм я еще могу, но чтоб за границу… Нет, в настоящее время и на костюм не могу. *(Решительно.)* Нет у меня денег!

Сорин смеется.

Нет!

Сорин *(насвистывает)*. Так-с. Прости, милая, не сердись. Я тебе верю… Ты великодушная, благородная женщина.

Аркадина *(сквозь слезы)*. Нет у меня денег!

Сорин. Будь у меня деньги, понятная вещь, я

бы сам дал ему, но у меня ничего нет, ни пятачка. *(Смеется.)* Всю мою пенсию у меня забирает управляющий и тратит на земледелие, скотоводство, пчеловодство, и деньги мои пропадают даром. Пчелы дохнут, коровы дохнут, лошадей мне никогда не дают…

Аркадина. Да, у меня есть деньги, но ведь я артистка; одни туалеты разорили совсем.

Сорин. Ты добрая, милая… Я тебя уважаю… Да… Но опять со мною что-то того… *(Пошатывается.)* Голова кружится. *(Держится за стол.)* Мне дурно и все.

Аркадина *(испуганно)*. Петруша! *(Стараясь поддержать его.)* Петруша, дорогой мой… *(Кричит.)* Помогите мне! Помогите!..

Входят Треплев с повязкой на голове, Медведенко.

Ему дурно!

Сорин. Ничего, ничего… *(Улыбается и пьет воду.)* Уже прошло… и все…

Треплев *(матери)*. Не пугайся, мама, это не опасно. С дядей теперь это часто бывает. *(Дяде.)* Тебе, дядя, надо полежать.

Сорин. Немножко, да… А все-таки в город я поеду… Полежу и поеду… понятная вещь… *(Идет,*

опираясь на трость.)

Медведенко *(ведет его под руку)*. Есть загадка: утром на четырех, в полдень на двух, вечером на трех…

Сорин *(смеется)*. Именно. А ночью на спине. Благодарю вас, я сам могу идти…

Медведенко. Ну вот, церемонии!..

Он и Сорин уходят.

Аркадина. Как он меня напугал!

Треплев. Ему нездорово жить в деревне. Тоскует. Вот если бы ты, мама, вдруг расщедрилась и дала ему взаймы тысячи полторы-две, то он мог бы прожить в городе целый год.

Аркадина. У меня нет денег. Я актриса, а не банкирша.

Пауза.

Треплев. Мама, перемени мне повязку. Ты это хорошо делаешь.

Аркадина *(достает из аптечного шкафа йодоформ и ящик с перевязочным материалом).* А доктор опоздал.

Треплев. Обещал быть к десяти, а уже полдень.

Аркадина. Садись. *(Снимает у него с головы*

повязку.) Ты как в чалме. Вчера один приезжий спрашивал на кухне, какой ты национальности. А у тебя почти совсем зажило. Остались самые пустяки. *(Целует его в голову.)* А ты без меня опять не сделаешь чик-чик?

Треплев. Нет, мама. То была минута безумного отчаяния, когда я не мог владеть собою. Больше это не повторится. *(Целует ей руку.)* У тебя золотые руки. Помню, очень давно, когда ты еще служила на казенной сцене, — я тогда был меленьким, — у нас во дворе была драка, сильно побили жилицу-прачку. Помнишь? Ее подняли без чувств… ты все ходила к ней, носила лекарства, мыла в корыте ее детей. Неужели не помнишь?

Аркадина. Нет. *(Накладывает новую повязку.)*

Треплев. Две балерины жили тогда в том же доме, где мы… Ходили к тебе кофе пить…

Аркадина. Это помню.

Треплев. Богомольные они такие были.

Пауза.

В последнее время, вот в эти дни, я люблю тебя так же нежно и беззаветно, как в детстве. Кроме тебя, теперь у меня никого не осталось. Только зачем, зачем ты поддаешься влиянию этого че-

ловека?

Аркадина. Ты не понимаешь его, Константин. Это благороднейшая личность…

Треплев. Однако когда ему доложили, что я собираюсь вызвать его на дуэль, благородство не помешало ему сыграть труса. Уезжает. Позорное бегство!

Аркадина. Какой вздор! Я сама прошу его уехать отсюда.

Треплев. Благороднейшая личность! Вот мы с тобою почти ссоримся из-за него, а он теперь где-нибудь в гостиной или в саду смеется над нами… развивает Нину, старается окончательно убедить ее, что он гений.

Аркадина. Для тебя наслаждение говорить мне неприятности. Я уважаю этого человека и прошу при мне не выражаться о нем дурно.

Треплев. А я не уважаю. Ты хочешь, чтобы я тоже считал его гением, но прости, я лгать не умею, от его произведений мне претит.

Аркадина. Это зависть. Людям не талантливым, но с претензиями, ничего больше не остается, как порицать настоящие таланты. Нечего сказать, утешение!

Треплев *(иронически)*. Настоящие таланты! *(Гневно.)* Я талантливее вас всех, коли на то

пошло! *(Срывает с головы повязку.)* Вы, рутинеры, захватили первенство в искусстве и считаете законным и настоящим лишь то, что делаете вы сами, а остальное вы гнетете и душите! Не признаю я вас! Не признаю ни тебя, ни его!

Аркадина. Декадент!..

Треплев. Отправляйся в свой милый театр и играй там в жалких, бездарных пьесах!

Аркадина. Никогда я не играла в таких пьесах. Оставь меня! Ты и жалкого водевиля написать не в состоянии. Киевский мещанин! Приживал!

Треплев. Скряга!

Аркадина. Оборвыш!

Треплев садится и тихо плачет.

Ничтожество! *(Пройдясь в волнении.)* Не плачь. Не нужно плакать… *(Плачет.)* Не надо… *(Целует его в лоб, в щеки, в голову.)* Милое мое дитя, прости… Прости свою грешную мать. Прости меня, несчастную.

Треплев *(обнимает ее)*. Если бы ты знала! Я все потерял. Она меня не любит, я уже не могу писать… пропали все надежды…

Аркадина. Не отчаивайся… Все обойдется. Он сейчас уедет, она опять тебя полюбит. *(Утирает ему слезы.)* Будет. Мы уже помирились.

Треплев *(целует ей руки)*. Да, мама.

Аркадина *(нежно)*. Помирись и с ним. Не надо дуэли… Ведь не надо?

Треплев. Хорошо… Только, мама, позволь мне не встречаться с ним. Мне это тяжело… выше сил…

Входит Тригорин.

Вот… Я выйду… *(Быстро убирает в шкаф лекарства.)* А повязку ужо доктор сделает…

Тригорин *(ищет в книжке)*. Страница 121…, строки 11 и 12… вот… *(Читает.)* «Если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее».

Треплев подбирает с полу повязку и уходит.

Аркадина *(поглядев на часы)*. Скоро лошадей подадут.

Тригорин *(про себя)*. Если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и позьми ее.

Аркадина. У тебя, надеюсь, все уже уложено?

Тригорин *(нетерпеливо)*. Да, да… *(В раздумье.)* Отчего в этом призыве чистой души послышалась мне печаль и мое сердце так болезненно сжалось?… Если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее. *(Аркадиной.)*

Останемся еще на один день!

Аркадина отрицательно качает головой.

Останемся!

Аркадина. Милый, я знаю, что удерживает тебя здесь. Но имей над собою власть. Ты немного опьянел, отрезвись.

Тригорин. Будь ты тоже трезва, будь умна, рассудительна, умоляю тебя, взгляни на все это, как истинный друг… *(Жмет ей руку.)* Ты способна на жертвы… Будь моим другом, отпусти меня…

Аркадина *(в сильном волнении).* Ты так увлечен?

Тригорин. Меня манит к ней! Быть может, это именно то, что мне нужно.

Аркадина. Любовь провинциальной девочки? О, как ты мало себя знаешь!

Тригорин. Иногда люди спят на ходу, так вот я говорю с тобой, а сам будто сплю и вижу ее во сне… Мною овладели сладкие, дивные мечты… Отпусти…

Аркадина *(дрожа).* Нет, нет… Я обыкновенная женщина, со мною нельзя говорить так… Не мучай меня, Борис… Мне страшно…

Тригорин. Если захочешь, ты можешь быть необыкновенною. Любовь юная, прелестная, поэ-

тическая, уносящая в мир грез, — на земле только она одна может дать счастье! Такой любви я не испытал еще… В молодости было некогда, я обивал пороги редакций, боролся с нуждой… Теперь вот она, эта любовь, пришла, наконец, манит… Какой же смысл бежать от нее?

Аркадина *(с гневом)*. Ты сошел с ума!

Тригорин. И пускай.

Аркадина. Вы все сговорились сегодня мучить меня! *(Плачет.)*

Тригорин *(берет себя за голову)*. Не понимает! Не хочет понять!

Аркадина. Неужели я уже так стара и безобразна, что со мною можно, не стесняясь, говорить о других женщинах? *(Обнимает его и целует.)* О, ты обезумел! Мой прекрасный, дивный… Ты, последняя страница моей жизни! *(Становится на колени.)* Моя радость, моя гордость, мое блаженство… *(Обнимает его колени.)* Если ты покинешь меня хотя на один час, то я не переживу, сойду с ума, мой изумительный, великолепный, мой повелитель…

Тригорин. Сюда могут войти. *(Помогает ей встать.)*

Аркадина. Пусть, я не стыжусь моей любви к тебе. *(Целует ему руки.)* Сокровище мое, отча-

янная голова, ты хочешь безумствовать, но я не хочу, не пущу… *(Смеется.)* Ты мой… ты мой… И этот лоб мой, и глаза мои, и эти прекрасные шелковистые волосы тоже мои… Ты весь мой. Ты такой талантливый, умный, лучший из всех теперешних писателей, ты единственная надежда России… У тебя столько искренности, простоты, свежести, здорового юмора… Ты можешь одним штрихом передать главное, что характерно для лица или пейзажа, люди у тебя, как живые. О, тебя нельзя читать без восторга! Ты думаешь, это фимиам? Я льщу? Ну посмотри мне в глаза… посмотри… Похожа я на лгунью? Вот и видишь, я одна умею ценить тебя; одна говорю тебе правду, мой милый, чудный. Поедешь? Да? Ты меня не покинешь?…

Тригорин. У меня нет своей воли… У меня никогда не было своей воли… Вялый, рыхлый, всегда покорный — неужели это может нравиться женщине? Бери меня, увози, но только не отпускай от себя ни на шаг…

Аркадина *(про себя)*. Теперь он мой. *(Развязно, как ни в чем не бывало.)* Впрочем, если хочешь, можешь остаться. Я уеду сама, а ты приедешь потом, через неделю. В самом деле, куда тебе спешить?

Тригорин. Нет, уж поедем вместе.

Аркадина. Как хочешь, вместе, так вместе…

Пауза.

Тригорин записывает в книжку.

Что ты?

Тригорин. Утром слышал хорошее выражение: «Девичий бор…» Пригодится. *(Потягивается.)* Значит, ехать? Опять вагоны, станции, буфеты, отбивные котлеты, разговоры…

Шамраев *(входит)*. Имею честь с прискорбием заявить, что лошади поданы. Пора уже, многоуважаемая, ехать на станцию; поезд приходит в два и пять минут. Так вы же, Ирина Николаевна, сделайте милость, не забудьте навести справочку: где теперь актер Суздальцев? Жив ли? Здоров ли? Вместе пивали когда-то… в «Ограбленной почте» играл неподражаемо… С ним тогда, помню, в Елисаветграде служил трагик Измайлов, тоже личность замечательная… Не торопитесь, многоуважаемая, пять минут еще можно. Раз в одной мелодраме они играли заговорщиков, и когда их вдруг накрыли, то надо было сказать: «Мы попали в западню», а Измайлов — «Мы попали в запендю»… *(Хохочет.)* Запендю!..

Пока он говорит, Яков хлопочет около чемодана, горничная приносит Аркадиной шляпу, манто, зонтик, перчатки: все помогают Аркадиной одеться. Из левой двери выглядывает повар, который немного походя входит нерешительно. Входит Полина Андреевна, потом Сорин и Медведенко.

Полина Андреевна *(с корзиночкой).* Вот вам слив на дорогу… Очень сладкие. Может, захотите полакомиться…

Аркадина. Вы очень добры, Полина Андреевна.

Полина Андреевна. Прощайте, моя дорогая! Если что было не так, то простите. *(Плачет.)*

Аркадина *(обнимает ее).* Все было хорошо, все было хорошо. Только вот плакать не нужно.

Полина Андреевна. Время наше уходит!

Аркадина. Что же делать!

Сорин *(в пальто с пелериной, в шляпе, с палкой, выходит из левой двери; проходя через комнату).* Сестра, пора, как бы не опоздать в конце концов. Я иду садиться. *(Уходит.)*

Медведенко. А я пойду пешком на станцию… провожать. Я живо… *(Уходит.)*

Аркадина. До свиданья, мои дорогие… Если будем живы и здоровы, летом опять увидимся…

Горничная, Яков и повар целуют у нее руку.

Не забывайте меня. *(Подает повару рубль.)* Вот вам рубль на троих.

Повар. Покорнейше благодарим, барыня. Счастливой вам дороги! Много вами довольны!

Яков. Дай Бог час добрый!

Шамраев. Письмецом бы осчастливили! Прощайте, Борис Алексеевич!

Аркадина. Где Константин? Скажите ему, что я уезжаю. Надо проститься. Ну, не поминайте лихом. *(Якову.)* Я дала рубль повару. Это на троих.

Все уходят вправо. Сцена пуста. За сценой шум, какой бывает, когда провожают. Горничная возвращается, чтобы взять со стола корзину со сливами, и опять уходит.

Тригорин *(возвращаясь)*. Я забыл свою трость. Она, кажется, там на террасе. *(Идет и у левой двери встречается с Ниной, которая входит.)* Это вы? Мы уезжаем…

Нина. Я чувствовала, что мы еще увидимся. *(Возбужденно.)* Борис Алексеевич, я решила бесповоротно, жребий брошен, я поступаю на сцену. Завтра меня уже не будет здесь, я ухожу от отца, покидаю все, начинаю новую жизнь… Я уезжаю, как и вы… в Москву. Мы увидимся там.

Тригорин *(оглянувшись).* Остановитесь в «Славянском базаре»… Дайте мне тотчас же знать… Молчановка, дом Грохольского… Я тороплюсь…

Пауза.

Нина. Еще одну минуту…

Тригорин *(вполголоса).* Вы так прекрасны… О, какое счастье думать, что мы скоро увидимся!

Она склоняется к нему на грудь.

Я опять увижу эти чудные глаза, невыразимо прекрасную, нежную улыбку… эти кроткие черты, выражение ангельской чистоты… Дорогая моя…

Продолжительный поцелуй.

Занавес.

Между третьим и четвертым действием проходит два года.

Действие четвертое

Одна из гостиных в доме Сорина, обращенная Константином Треплевым в рабочий кабинет. Направо и налево двери, ведущие во внутренние покои, Прямо стеклянная дверь на террасу. Кроме обычной гостиной, в правом углу письменный стол, возле левой двери турецкий диван, шкаф с книгами, книги на окнах, на стульях. — Вечер. Горит одна лампа под колпаком. Полумрак. Слышно, как шумят деревья и воет ветер в трубах. Стучит сторож. Медведенко и Маша входят.

Маша *(окликает).* Константин Гаврилыч! Константин Гаврилыч! *(Осматриваясь.)* Нет никого. Старик каждую минуту все спрашивает, где Костя, где Костя… Жить без него не может…

Медведенко. Боится одиночества. *(Прислушиваясь.)* Какая ужасная погода! Это уже вторые сутки.

Маша *(припускает огня в лампе).* На озере волны. Громадные.

Медведенко. В саду темно. Надо бы сказать, чтобы сломали в саду тот театр. Стоит голый,

безобразный, как скелет, и занавеска от ветра хлопает. Когда я вчера вечером проходил мимо, то мне показалось, будто кто в нем плакал.

Маша. Ну, вот…

Пауза.

Медведенко. Поедем, Маша, домой!

Маша *(качает отрицательно головой).* Я здесь останусь ночевать.

Медведенко *(умоляюще).* Маша, поедем! Наш ребеночек небось голоден.

Маша. Пустяки. Его Матрена покормит.

Пауза.

Медведенко. Жалко. Уже третью ночь без матери.

Маша. Скучный ты стал. Прежде, бывало, хоть пофилософствуешь, а теперь все ребенок, домой, ребенок, домой, — и больше от тебя ничего не услышишь.

Медведенко. Поедем, Маша!

Маша. Поезжай сам.

Медведенко. Твой отец не даст мне лошади.

Маша. Даст. Ты попроси, он и даст.

Медведенко. Пожалуй, попрошу. Значит, ты завтра приедешь?

Маша *(нюхает табак).* Ну, завтра. Пристал…

Входят Треплев и Полина Андреевна; Треплев принес подушки и одеяло, а Полина Андреевна постельное белье: кладут на турецкий диван, затем Треплев идет к своему столу и садится.

Зачем это, мама?

Полина Андреевна. Петр Николаевич просил постлать ему у Кости.

Маша. Давайте я… *(Постилает постель.)*

Полина Андреевна *(вздохнув).* Старый, что малый… *(Подходит к письменному столу и, облокотившись, смотрит в рукопись.)*

Пауза.

Медведенко. Так я пойду. Прощай. Маша. *(Целует у жены руку.)* Прощайте, мамаша. *(Хочет поцеловать руку у тещи.)*

Полина Андреевна *(досадливо).* Ну! Иди с Богом.

Медведенко. Прощайте, Константин Гаврилыч.

Треплев молча подает руку: Медведенко уходит.

Полина Андреевна *(глядя в рукопись).* Никто

не думал и не гадал, что из вас, Костя, выйдет настоящий писатель. А вот, слава Богу, и деньги стали вам присылать из журналов. *(Проводит рукой по его волосам.)* И красивый стал… Милый Костя, хороший, будьте поласковее с моей Машенькой!..

Маша *(постилая)*. Оставьте его, мама.

Полина Андреевна *(Треплеву)*. Она славненькая.

Пауза.

Женщине, Костя, ничего не нужно, только взгляни на нее ласково. По себе знаю.

Треплев встает из-за стола и молча уходит.

Маша. Вот и рассердили. Надо было приставать!

Полина Андреевна. Жалко мне тебя, Машенька.

Маша. Очень нужно!

Полина Андреевна. Сердце мое за тебя переболело. Я ведь все вижу, все понимаю.

Маша. Все глупости. Безнадежная любовь — это только в романах. Пустяки. Не нужно только распускать себя и все чего-то ждать, ждать у моря погоды… Раз в сердце завелась любовь, надо ее

вон. Вот обещали перевести мужа в другой уезд. Как переедем туда, — все забуду… с корнем из сердца вырву.

Через две комнаты играют меланхолический вальс.

Полина Андреевна. Костя играет. Значит, тоскует.

Маша *(делает бесшумно два-три тура вальса).* Главное, мама, перед глазами не видеть. Только бы дали моему Семену перевод, а там, поверьте, в один месяц забуду. Пустяки все это.

Открывается левая дверь, Дорн и Медведенко катят в кресле Сорина.

Медведенко. У меня теперь в доме шестеро. А мука семь гривен пуд.

Дорн. Вот тут и вертись.

Медведенко. Вам хорошо смеяться. Денег у вас куры не клюют.

Дорн. Денег? За тридцать лет практики, мой друг, беспокойной практики, когда я не принадлежал себе ни днем, ни ночью, мне удалось скопить только две тысячи, да и те я прожил недавно за границей. У меня ничего нет.

Маша *(мужу).* Ты не уехал?

Медведенко *(виновато)*. Что ж? Когда не дают лошади!

Маша *(с горькой досадой, вполголоса)*. Глаза бы мои тебя не видели!

Кресло останавливается в левой половине комнаты; Полина Андреевна, Маша и Дорн садятся возле; Медведенко, опечаленный, в сторону.

Дорн. Сколько у вас перемен, однако! Из гостиной сделали кабинет.

Маша. Здесь Константину Гаврилычу удобнее работать. Он может, когда угодно, выходить в сад и там думать.

Стучит сторож.

Сорин. Где сестра?

Дорн. Поехала на станцию встречать Тригорина. Сейчас вернется.

Сорин. Если вы нашли нужным выписать сюда сестру, значит, я опасно болен. *(Помолчав.)* Вот история, я опасно болен, а между тем мне не дают никаких лекарств.

Дорн. А чего вы хотите? Валериановых капель? Соды? Хины?

Сорин. Ну, начинается философия. О, что за наказание! *(Кивнув головой на диван.)* Это для

меня постлано?

Полина Андреевна. Для вас, Петр Николаевич.

Сорин. Благодарю вас.

Дорн *(напевает).* «Месяц плывет по ночным небесам…»

Сорин. Вот хочу дать Косте сюжет для повести. Она должна называться так, «Человек, который хотел». «L'homme, qui a voulu». В молодости когда-то хотел я сделаться литератором — и не сделался; хотел красиво говорить — и говорил отвратительно *(дразнит себя)* , «и все и все такое, того, не того»… и, бывало, резюме везешь, везешь, даже в пот ударит; хотел жениться — и не женился; хотел всегда жить в городе — и вот кончаю свою жизнь в деревне, и все.

Дорн. Хотел стать действительным статским советником — и стал.

Сорин *(смеется).* К этому я не стремился. Это вышло само собою.

Дорн. Выражать недовольство жизнью в шестьдесят два года, согласитесь, — это не великодушно.

Сорин. Какой упрямец. Поймите, жить хочется!

Дорн. Это легкомыслие. По законам природы всякая жизнь должна иметь конец.

Сорин. Вы рассуждаете, как сытый человек. Вы сыты и потому равнодушны к жизни, вам все равно. Но умирать и вам будет страшно.

Дорн. Страх смерти — животный страх… Надо подавлять его. Сознательно боятся смерти только верующие в вечную жизнь, которым страшно бывает своих грехов. А вы, во-первых, неверующий, во-вторых — какие у вас грехи? Вы двадцать пять лет прослужили по судебному ведомству — только всего.

Сорин *(смеется)*. Двадцать восемь…

Входит Треплев и садится на скамеечке у ног Сорина. Маша все время не отрывает от него глаз.

Дорн. Мы мешаем Константину Гавриловичу работать.

Треплев. Нет, ничего.

Пауза.

Медведенко. Позвольте вас спросить, доктор, какой город за границей вам больше понравился?

Дорн. Генуя.

Треплев. Почему Генуя?

Дорн. Там превосходная уличная толпа. Когда вечером выходишь из отеля, то вся улица бывает

запружена народом. Движешься потом в толпе без всякой цели, туда-сюда, по ломаной линии, живешь с нею вместе, сливаешься с нею психически и начинаешь верить, что в самом деле возможна одна мировая душа, вроде той, которую когда-то в вашей пьесе играла Нина Заречная. Кстати, где теперь Заречная? Где она и как?

Треплев. Должно быть, здорова.

Дорн. Мне говорили, будто она повела какую-то особенную жизнь. В чем дело?

Треплев. Это, доктор, длинная история.

Дорн. А вы покороче.

Пауза.

Треплев. Она убежала из дому и сошлась с Тригориным. Это вам известно?

Дорн. Знаю.

Треплев. Был у нее ребенок. Ребенок умер. Тригорин разлюбил ее и вернулся к своим прежним привязанностям, как и следовало ожидать. Впрочем, он никогда не покидал прежних, а по бесхарактерности как-то ухитрился и тут и там. Насколько я мог понять из того, что мне известно, личная жизнь Нины не удалась совершенно.

Дорн. А сцена?

Треплев. Кажется, еще хуже. Дебютировала

она под Москвой в дачном театре, потом уехала в провинцию. Тогда я не упускал ее из виду и некоторое время куда она, туда и я. Бралась она все за большие роли, но играла грубо, безвкусно, с завываниями, с резкими жестами. Бывали моменты, когда она талантливо вскрикивала, талантливо умирала, но это были только моменты.

Дорн. Значит, все-таки есть талант?

Треплев. Понять было трудно. Должно быть, есть. Я ее видел, но она не хотела меня видеть, и прислуга не пускала меня к ней в номер. Я понимал ее настроение и не настаивал на свидании.

Пауза.

Что же вам еще сказать? Потом я, когда уже вернулся домой, получал от нее письма. Письма умные, теплые, интересные; она не жаловалась, но я чувствовал, что она глубоко несчастна; что ни строчка, то больной, натянутый нерв. И воображение немного расстроено. Она подписывалась Чайкой. В «Русалке» Мельник говорит, что он ворон, так она в письмах все повторяла, что она чайка. Теперь она здесь.

Дорн. То есть как, здесь?

Треплев. В городе, на постоялом дворе. Уже дней пять как живет там в номере. Я было поехал

к ней, и вот Марья Ильинична ездила, но она никого не принимает. Семен Семенович уверяет, будто вчера после обеда видел ее в поле, в двух верстах отсюда.

Медведенко. Да, я видел. Шла в ту сторону, к городу. Я поклонился, спросил, отчего не идет к нам в гости. Она сказала, что придет.

Треплев. Не придет она.

Пауза.

Отец и мачеха не хотят ее знать. Везде расставили сторожей, чтобы даже близко не допускать ее к усадьбе. *(Отходит с доктором к письменному столу.)* Как легко, доктор, быть философом на бумаге и как это трудно на деле!

Сорин. Прелестная была девушка.

Дорн. Что-с?

Сорин. Прелестная, говорю, была девушка. Действительный статский советник Сорин был даже в нее влюблен некоторое время.

Дорн. Старый ловелас.

Слышен смех Шамраева.

Полина Андреевна. Кажется, наши приехали со станции…

Треплев. Да, я слышу маму.

Входят Аркадина, Тригорин, за ними Шамраев.

Шамраев *(входя).* Мы все стареем, выветриваемся под влиянием стихий, а вы, многоуважаемая, все еще молоды… Светлая кофточка, живость… грация…

Аркадина. Вы опять хотите сглазить меня, скучный человек!

Тригорин *(Сорину).* Здравствуйте, Петр Николаевич! Что это вы все хвораете? Нехорошо! *(Увидев Машу, радостно.)* Марья Ильинична!

Маша. Узнали? *(Жмет ему руку.)*

Тригорин. Замужем?

Маша. Давно.

Тригорин. Счастливы? *(Раскланивается с Дорном и с Медведенком, потом нерешительно подходит к Треплеву.)* Ирина Николаевна говорила, что вы уже забыли старое и перестали гневаться.

Треплев протягивает ему руку.

Аркадина *(сыну).* Вот Борис Алексеевич привез журнал с твоим новым рассказом.

Треплев *(принимая книгу, Тригорину).* Благодарю вас. Вы очень любезны.

Садятся.

Треплев *(принимая книгу, Тригорину)*. Благодарю вас. Вы очень любезны.

Тригорин. Вам шлют поклон ваши почитатели… В Петербурге и в Москве вообще заинтересованы вами, и меня все спрашивают про вас. Спрашивают: какой он, сколько лет, брюнет или блондин. Думают все почему-то, что вы уже немолоды. И никто не знает вашей настоящей фамилии, так как вы печатаетесь под псевдонимом. Вы таинственны, как Железная Маска.

Треплев. Надолго к нам?

Тригорин. Нет, завтра же думаю в Москву. Надо. Тороплюсь кончить повесть и затем еще обещал дать что-нибудь в сборник. Одним словом — старая история.

Пока они разговаривают, Аркадина и Полина Андреевна ставят среди комнаты ломберный стол и раскрывают его; Шамраев зажигает свечи, ставит стулья. Достают из шкафа лото.

Погода встретила меня неласково. Ветер жестокий. Завтра утром, если утихнет, отправлюсь на озеро удить рыбу. Кстати, надо осмотреть сад и то место, где — помните? — играли вашу пьесу. У меня созрел мотив, надо только возобновить в памяти место действия.

Маша *(отцу)*. Папа, позволь мужу взять лошадь! Ему нужно домой.

Шамраев *(дразнит)*. Лошадь… домой… *(Строго.)* Сама видела: сейчас посылали на станцию. Не гонять же опять.

Маша. Но ведь есть другие лошади… *(Видя, что отец молчит, машет рукой.)* С вами связываться…

Медведенко. Я, Маша, пешком пойду. Право…

Полина Андреевна *(вздохнув)*. Пешком, в такую погоду… *(Садится за ломберный стол.)* Пожалуйте, господа.

Медведенко. Ведь всего только шесть верст… Прощай… *(Целует жене руку.)* Прощайте, мамаша. *(Теща нехотя протягивает ему для поцелуя руку.)* Я бы никого не беспокоил, но ребеночек… *(Кланяется всем.)* Прощайте… *(Уходит; походка виноватая.)*

Шамраев. Небось дойдет. Не генерал.

Полина Андреевна *(стучит по столу)*. Пожалуйте, господа. Не будем терять времени, а то скоро ужинать позовут.

Шамраев, Маша и Дорн садятся за стол.

Аркадина *(Тригорину)*. Когда наступают длинные осенние вечера, здесь играют в лото. Вот

взгляните: старинное лото, в которое еще играла с нами покойная мать, когда мы были детьми. Не хотите ли до ужина сыграть с нами партию? *(Садится с Тригориным за стол.)* Игра скучная, но если привыкнуть к ней, то ничего. *(Сдает всем по три карты.)*

Треплев *(перелистывая журнал)*. Свою повесть прочел, а моей даже не разрезал. *(Кладет журнал на письменный стол, потом направляется к левой двери; проходя мимо матери, целует ее в голову.)*

Аркадина. А ты, Костя?

Треплев. Прости, что-то не хочется… Я пройдусь *(Уходит.)*

Аркадина. Ставка — гривенник. Поставьте за меня, доктор.

Дорн. Слушаю-с.

Маша. Все поставили? Я начинаю… Двадцать два!

Аркадина. Есть.

Маша. Три!..

Дорн. Так-с.

Маша. Поставили три? Восемь! Восемьдесят один! Десять!

Шамраев. Не спеши.

Аркадина. Как меня в Харькове принимали,

батюшки мои, до сих пор голова кружится!

Маша. Тридцать четыре!

За сценой играют меланхолический вальс.

Аркадина. Студенты овацию устроили… Три корзины, два венка и вот… *(Снимает с груди брошь и бросает на стол.)*

Шамраев. Да, это вещь…

Маша. Пятьдесят!..

Дорн. Ровно пятьдесят?

Аркадина. На мне был удивительный туалет… Что-что, а уж одеться я не дура.

Полина Андреевна. Костя играет. Тоскует, бедный.

Шамраев. В газетах бранят его очень.

Маша. Семьдесят семь!

Аркадина. Охота обращать внимание.

Тригорин. Ему не везет. Все никак не может попасть в свой настоящий тон. Что-то странное, неопределенное, порой даже похожее на бред. Ни одного живого лица.

Маша. Одиннадцать!

Аркадина *(оглянувшись на Сорина)*. Петруша, тебе скучно?

Пауза.

Спит.

Дорн. Спит действительный статский советник.

Маша. Семь! Девяносто!

Тригорин. Если бы я жил в такой усадьбе, у озера, то разве я стал бы писать? Я поборол бы в себе эту страсть и только и делал бы, что удил рыбу.

Маша. Двадцать восемь!

Тригорин. Поймать ерша или окуня — это такое блаженство!

Дорн. А я верю в Константина Гаврилыча. Что-то есть! Что-то есть! Он мыслит образами, рассказы его красочны, ярки, и я их сильно чувствую. Жаль только, что он не имеет определенных задач. Производит впечатление, и больше ничего, а ведь на одном впечатлении далеко не уедешь. Ирина Николаевна, вы рады, что у вас сын писатель?

Аркадина. Представьте, я еще не читала. Все некогда.

Маша. Двадцать шесть!

Треплев тихо входит и идет к своему столу.

Шамраев *(Тригорину)*. А у нас, Борис Алексеевич, осталась ваша вещь.

Тригорин. Какая?

Шамраев. Как-то Константин Гаврилыч застрелил чайку, и вы поручил мне заказать из нее чучело.

Тригорин. Не помню. *(Раздумывая.)* Не помню!

Маша. Шестьдесят шесть! Один!

Треплев *(распахивает окно, прислушивается)*. Как темно! Не понимаю, отчего я испытываю такое беспокойство.

Аркадина. Костя, закрой окно, а то дует.

Треплев закрывает окно.

Маша. Восемьдесят восемь!

Тригорин. У меня партия, господа.

Аркадина *(весело)*. Браво! Браво!

Шамраев. Браво!

Аркадина. Этому человеку всегда и везде везет. *(Встает.)* А теперь пойдемте закусить чего-нибудь. Наша знаменитость не обедала сегодня. После ужина будем продолжать. *(Сыну.)* Костя, оставь свои рукописи, пойдем есть.

Треплев. Не хочу, мама, я сыт.

Аркадина. Как знаешь. *(Будит Сорина.)* Петруша, ужинать! *(Берет Шамраева под руку.)* Я расскажу вам, как меня принимали в Харькоеве…

Полина Андреевна тушит на столе свечи, по-

том она и Дорн катят кресло. Все уходят в левую дверь; на сцене остается один Треплев за письменным столом.

Треплев *(собирается писать; пробегает то, что уже написано)*. Я так много говорил о новых формах, а теперь чувствую, что сам мало-помалу сползаю к рутине. *(Читает.)* «Афиша на заборе гласила… Бледное лицо, обрамленное темными волосами…» Гласила, обрамленное… Это бездарно *(Зачеркивает.)* Начну с того, как героя разбудил шум дождя, а остальное все вон. Описание лунного вечера длинно и изысканно. Тригорин выработал себе приемы, ему легко… У него на плотине блестит горлышко разбитой бутылки и чернеет тень от мельничного колеса — вот и лунная ночь готова, а у меня и трепещущий свет, и тихое мерцание звезд, и далекие звуки рояля, замирающие в тихом ароматном воздухе… Это мучительно.

Пауза.

Да, я все больше и больше прихожу к убеждению, что дело не в старых и не в новых формах, а в том, что человек пишет, не думая ни о каких формах, пишет, потому что это свободно льется из его души.

Кто-то стучит в окно, ближайшее к столу.

Что такое? *(Глядит в окно.)* Ничего не видно… *(Отворяет стеклянную дверь и смотрит в сад.)* Кто-то пробежал вниз по ступеням. *(Окликает.)* Кто здесь?

Уходит; слышно, как он быстро идет по террасе; через полминуты возвращается с Ниной Заречной.

Нина! Нина!

Нина кладет ему голову на грудь и сдержанно рыдает.

(Растроганный.) Нина! Нина! Это вы… вы… Я точно предчувствовал, весь день душа моя томилась ужасно. *(Снимает с нее шляпу и тальму.)* О, моя добрая, моя ненаглядная, она пришла! Не будем плакать, не будем.

Нина. Здесь есть кто-то.

Треплев. Никого.

Нина. Заприте двери, а то войдут.

Треплев. Никто не войдет.

Нина. Я знаю, Ирина Николаевна здесь. Заприте двери…

Треплев *(запирает правую дверь на ключ, подходит к левой)*. Тут нет замка. Я заставлю креслом.

(Ставит у двери кресло.) Не бойтесь, никто не войдет.

Нина *(пристально глядит ему в лицо)*. Дайте я посмотрю на вас. *(Оглядываясь)* Тепло, хорошо… Здесь тогда была гостиная. Я сильно изменилась?

Треплев. Да… Вы похудели, и у вас глаза стали больше. Нина, как-то странно, что я вижу вас. Отчего вы не пускали меня к себе? Отчего вы до сих пор не приходили? Я знаю, вы здесь живете уже почти неделю… Я каждый день ходил к вам по нескольку раз, стоял у вас под окном, как нищий.

Нина. Я боялась, что вы меня ненавидите. Мне каждую ночь все снится, что вы смотрите на меня и не узнаете. Если бы вы знали! С самого приезда я все ходила тут… около озера. Около вашего дома была много раз и не решалась войти. Давайте сядем.

Садятся.

Сядем и будем говорить, говорить. Хорошо здесь, тепло уютно… Слышите — ветер? У Тургенева есть место: «Хорошо тому, кто в такие ночи сидит под кровом дома, у кого есть теплый угол». Я — чайка… Нет, не то. *(Трет себе лоб.)* О чем

я? Да… Тургенев… «И да поможет Господь всем бесприютным скитальцам…» Ничего. *(Рыдает.)*

Треплев. Нина, вы опять… Нина!

Нина. Ничего, мне легче от этого… Я уже два года не плакала. Вчера поздно вечером я пошла посмотреть в саду, цел ли наш театр. А он до сих пор стоит. Я заплакала в первый раз после двух лет, и у меня отлегло, стало яснее на душе. Видите, я уже не плачу. *(Берет его за руку.)* Итак, вы стали уже писателем… Вы писатель, я — актриса… Попали и мы с вами в круговорот… Жила я радостно, по-детски — проснешься утром и запоешь; любила вас, мечтала о славе, а теперь? Завтра рано утром ехать в Елец в третьем классе… с мужиками, а в Ельце образованные купцы будут приставать с любезностями. Груба жизнь!

Треплев. Зачем в Елец?

Нина. Взяла ангажемент на всю зиму. Пора ехать.

Треплев. Нина, я проклинал вас, ненавидел, рвал ваши письма и фотографии, но каждую минуту я сознавал, что душа моя привязана к вам навеки. Разлюбить вас я не в силах, Нина. С тех пор как я потерял вас и как начал печататься, жизнь для меня невыносима, — я страдаю… Молодость мою вдруг как оторвало, и мне кажется,

что я уже прожил на свете девяносто лет. Я зову вас, целую землю, по которой вы ходили; куда бы я ни смотрел, всюду мне представляется ваше лицо, эта ласковая улыбка, которая светила мне в лучшие годы моей жизни…

Нина *(растерянно)*. Зачем он так говорит, зачем он так говорит?

Треплев. Я одинок, не согрет ничьей привязанностью, мне холодно, как в подземелье, и, что бы я ни писал, все это сухо, черство, мрачно. Останьтесь здесь, Нина, умоляю вас, или позвольте мне уехать с вами!

Нина быстро надевает шляпу и тальму.

Нина, зачем? Бога ради, Нина… *(Смотрит, как она одевается; пауза.)*

Нина. Лошади мои стоят у калитки. Не провожайте, я сама дойду… *(Сквозь слезы.)* Дайте воды…

Треплев *(дает ей напиться)*. Вы куда теперь?

Нина. В город.

Пауза.

Ирина Николаевна здесь?

Треплев. Да… В четверг дяде было нехорошо, мы ей телеграфировали, чтобы она приехала.

Нина. Зачем вы говорите, что целовали землю, по которой я ходила? Меня надо убить. *(Склоняется к столу.)* Я так утомилась! Отдохнуть бы… отдохнуть! *(Поднимает голову.)* Я — чайка… Нет, не то. Я — актриса. Ну да! *(Услышав смех Аркадиной и Тригорина, прислушивается, потом бежит к левой двери и смотрит в замочную скважину.)* И он здесь… *(Возвращаясь к Треплеву.)* Ну, да… Ничего… Да… Он не верил в театр, все смеялся над моими мечтами, и мало-помалу я тоже перестала верить и пала духом… А тут заботы любви, ревность, постоянный страх за маленького… Я стала мелочною, ничтожною, играла бессмысленно… Я не знала, что делать с руками, не умела стоять на сцене, не владела голосом. Вы не понимаете этого состояния, когда чувствуешь, что играешь ужасно. Я — чайка. Нет, не то… Помните, вы подстрелили чайку? Случайно пришел человек, увидел и от нечего делать погубил… Сюжет для небольшого рассказа. Это не то… *(Трет себе лоб.)* О чем я?… Я говорю о сцене. Теперь уж я не так… Я уже настоящая актриса, я играю с наслаждением, с восторгом, пьянею на сцене и чувствую себя прекрасной. А теперь, пока живу здесь, я все хожу пешком, все хожу и думаю, думаю и чувствую, как с каждым днем растут мои душевные силы…

Я теперь знаю, понимаю. Костя, что в нашем деле — все равно, играем мы на сцене или пишем — главное не слава, не блеск, не то, о чем я мечтала, а уменье терпеть. Умей нести свой крест и веруй. Я верую, и мне не так больно, и когда я думаю о своем призвании, то не боюсь жизни.

Треплев *(печально).* Вы нашли свою дорогу, вы знаете, куда идете, а я все еще ношусь в хаосе грез и образов, не зная, для чего и кому это нужно. Я не верую и не знаю, в чем мое призвание.

Нина *(прислушиваясь).* Тсс… Я пойду. Прощайте. Когда я стану большою актрисой, приезжайте взглянуть на меня. Обещаете? А теперь… *(Жмет ему руку.)* Уже поздно. Я еле на ногах стою… я истощена, мне хочется есть…

Треплев. Останьтесь, я дам вам поужинать…

Нина. Нет, нет… Не провожайте, я сама дойду… Лошади мои близко… Значит, она привезла его с собою? Что ж, все равно. Когда увидите Тригорина, то не говорите ему ничего… Я люблю его. Я люблю его даже сильнее, чем прежде… Сюжет для небольшого рассказа… Люблю, люблю страстно, до отчаяния люблю. Хорошо было прежде, Костя! Помните? Какая ясная, теплая, радостная, чистая жизнь, какие чувства, — чувства, похожие на нежные, изящные цветы… Помните?… *(Читает.)*

«Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, обитавшие в воде, морские звезды и те, которых нельзя было видеть глазом, — словом, все жизни, все жизни, все жизни, свершив печальный круг, угасли. Уже тысячи веков, как земля не носит на себе ни одного живого существа, и эта бедная луна напрасно зажигает свой фонарь. На лугу уже не просыпаются с криком журавли, и майских жуков не бывает слышно в липовых рощах…» *(Обнимает порывисто Треплева и убегает в стеклянную дверь.)*

Треплев *(после паузы)*. Нехорошо, если кто-нибудь встретит ее в саду и потом скажет маме. Это может огорчить маму…

В продолжение двух минут молча рвет все свои рукописи и бросает под стол, потом отпирает правую дверь и уходит.

Дорн *(стараясь отворить левую дверь)*. Странно. Дверь как будто заперта… *(Входит и ставит на место кресло.)* Скачка с препятствиями.

Входят Аркадина, Полина Андреевна, за ними Яков с бутылками и Маша, потом Шамраев и Тригорин.

Аркадина. Красное вино и пиво для Бориса

Алексеевича ставьте сюда, на стол. Мы будем играть и пить. Давайте садиться, господа.

Полина Андреевна *(Якову)*. Сейчас же подавай и чай. *(Зажигает свечи, садится за ломберный стол.)*

Шамраев *(подводит Тригорина к шкафу)*. Вот вещь, о которой я давеча говорил… *(Достает из шкафа чучело чайки.)* Ваш заказ.

Тригорин *(глядя на чайку)*. Не помню! *(Подумав.)* Не помню!

Направо за сценой выстрел; все вздрагивают.

Аркадина *(испуганно)*. Что такое?

Дорн. Ничего. Это, должно быть, в моей подходной аптеке что-нибудь лопнуло. Не беспокойтесь. *(Уходит в правую сверь, через полминуты возвращается.)* Так и есть. Лопнула склянка с эфиром. *(Напевает.)* «Я вновь пред тобою стою очарован…»

Аркадина *(садясь за стол)*. Фуй, я испугалась. Это мне напомнило, как… *(Закрывает лицо руками.)* Даже в глазах потемнело…

Дорн *(перелистывая журнал, Тригорину)*. Тут месяца два назад была напечатана одна статья… письмо из Америки, и я хотел вас спросить, между прочим… *(берет Тригорина за талию и отводит*

к рампе) так как я очень интересуюсь этим вопросом… *(Тоном ниже, вполголоса.)* Уведите отсюда куда-нибудь Ирину Николаевну. Дело в том, что Константин Гаврилович застрелился…

Занавес.

Островский Александр. Бесприданница

Действие первое
Лица

Харита Игнатьевна Огудалова, вдова средних лет; одета изящно, но смело и не по летам.

Лариса Дмитриевна, ее дочь, девица; одета богато, но скромно.

Мокий Пармевыч Кнуров, из крупных дельцов последнего времени, пожилой человек, с громадным состоянием.

Василий Данилыч Вожеватов, очень молодой человек, один из представителей богатой торговой фирмы; по костюму европеец.

Юлий Капитоныч Карандышев, молодой человек, небогатый чиновник.

Сергей Сергеич Паратов, блестящий барин, из судохозяев, лет за 30.

Робинзон.

Гаврило, клубный буфетчик и содержатель кофейной на бульваре.

Иван, слуга в кофейной.

Действие происходит в настоящее время, в большом городе Бряхимове на Волге. Городской бульвар на высоком берегу Волги, с площадкой

перед кофейной; направо от актеров вход в кофейную, налево — деревья; в глубине низкая чугунная решетка, за ней вид на Волгу, на большое пространство: леса, села и проч.; на площадке столы и стулья: один стол на правой стороне, подле кофейной, другой — на левой.

Явление первое

Гаврило стоит в дверях кофейной, Иван приводит в порядок мебель на площадке.

Иван. Никого народу-то нет на бульваре.

Гаврило. По праздникам всегда так. По старине живем: от поздней обедни все к пирогу да ко щам, а потом, после хлеба-соли, семь часов отдых.

Иван. Уж и семь! Часика три-четыре. Хорошее это заведение.

Гаврило. А вот около вечерен проснутся, попьют чайку до третьей тоски…

Иван. До тоски! Об чем тосковать-то?

Гаврило. Посиди за самоваром поплотнее, поглотай часа два кипятку, так узнаешь. После шестого пота она, первая-то тоска, подступает… Расстанутся с чаем и выползут на бульвар раздышаться да разгуляться. Теперь чистая публика

гуляет: вон Мокий Парменыч Кнуров проминает себя.

Иван. Он каждое утро бульвар-то меряет взад и вперед, точно по обещанию. И для чего это он себя так утруждает?

Гаврило. Для моциону.

Иван. А моцион-то для чего?

Гаврило. Для аппетиту. А аппетит нужен ему для обеду. Какие обеды-то у него! Разве без моциону такой обед съешь?

Иван. Отчего это он все молчит?

Гаврило. «Молчит»! Чудак ты. Как же ты хочешь, чтоб он разговаривал, коли у него миллионы! С кем ему разговаривать? Есть человека два-три в городе, с ними он разговаривает, а больше не с кем; ну, он и молчит. Он и живет здесь не подолгу от этого от самого; да и не жил бы, кабы не дела. А разговаривать он ездит в Москву, в Петербург да за границу, там ему просторнее.

Иван. А вот Василий Данилыч из-под горы идет. Вот тоже богатый человек, а разговорчив.

Гаврило. Василий Данилыч еще молод; малодушеством занимается; еще мало себя понимает; а в лета войдет, такой же идол будет.

Слева выходит Кнуров и, не обращая внимания на поклоны Гаврилы и Ивана, садится к столу,

вынимает из кармана французскую газету и читает. Справа входит Вожеватов.

Явление второе

Кнуров, Вожеватов, Гаврило, Иван.

Вожеватов *(почтительно кланяясь)*. Мокий Парменыч, честь имею кланяться!

Кнуров. А! Василий Данилыч! *(Подает руку.)* Откуда?

Вожеватов. С пристани. *(Садится.)*

Гаврило подходит ближе.

Кнуров. Встречали кого-нибудь?

Вожеватов. Встречал, да не встретил. Я вчера от Сергея Сергеича Паратова телеграмму получил. Я у него пароход покупаю.

Гаврило. Не «Ласточку» ли, Василий Данилыч?

Вожеватов. Да, «Ласточку». А что?

Гаврило. Резво бегает, сильный пароход.

Вожеватов. Да вот обманул Сергей Сергеич, не приехал.

Гаврило. Вы их с «Самолетом» ждали, а они, может, на своем приедут, на «Ласточке».

Иван. Василий Данилыч, да вон еще пароход

бежит сверху.

Вожеватов. Мало ль их по Волге бегает.

Иван. Это Сергей Сергеич едут.

Вожеватов. Ты думаешь?

Иван. Да похоже, что они-с… Кожухи-то на «Ласточке» больно приметны.

Вожеватов. Разберешь ты кожухи за семь верст!

Иван. За десять разобрать можно-с… Да и ходко идет, сейчас видно, что с хозяином.

Вожеватов. А далеко?

Иван. Из-за острова вышел. Так и выстилает, так и выстилает.

Гаврило. Ты говоришь, выстилает?

Иван. Выстилает. Страсть! Шибче «Самолета» бежит, так и меряет.

Гаврило. Они идут-с.

Вожеватов *(Ивану)*. Так ты скажи, как приставать станут.

Иван. Слушаю-с… Чай, из пушки выпалят.

Гаврило. Беспременно.

Вожеватов. Из какой пушки?

Гаврило. У них тут свои баржи серед Волги на якоре.

Вожеватов. Знаю.

Гаврило. Так на барже пушка есть. Когда Сергея

Сергеича встречают или провожают, так всегда палят. *(Взглянув в сторону за кофейную.)* Вон и коляска за ними едет-с, извозчицкая, Чиркова-с! Видно, дали знать Чиркову, что приедут. Сам хозяин, Чирков, на козлах. — Это за ними-с.

Вожеватов. Да почем ты знаешь, что за ними?

Гаврило. Четыре иноходца в ряд, помилуйте, за ними. Для кого же Чирков такую четверню сберет! Ведь это ужасти смотреть… как львы… все четыре на трензелях! А сбруя-то, сбруя-то! — За ними-с.

Иван. И цыган с Чирковым на козлах сидит, в парадном казакине, ремнем перетянут так, что, того и гляди, переломится.

Гаврило. Это за ними-с. Некому больше на такой четверке ездить. Они-с.

Кнуров. С шиком живет Паратов.

Вожеватов. Уж чего другого, а шику довольно.

Кнуров. Дешево пароход-то покупаете?

Вожеватов. Дешево, Мокий Парменыч.

Кнуров. Да, разумеется; а то, что за расчет покупать. Зачем он продает?

Вожеватов. Знать, выгоды не находит.

Кнуров. Конечно, где ж ему! Не барское это дело. Вот вы выгоду найдете, особенно коли дешево-то купите.

Вожеватов. Нам кстати: у нас на низу грузу много.

Кнуров. Не деньги ль понадобились? Он ведь мотоват.

Вожеватов. Его дело. Деньги у нас готовы.

Кнуров. Да, с деньгами можно дела делать, можно. *(С улыбкой.)* Хорошо тому, Василий Данилыч, у кого денег-то много.

Вожеватов. Дурное ли дело! Вы сами, Мокий Парменыч, это лучше всякого знаете.

Кнуров. Знаю, Василий Данилыч, знаю.

Вожеватов. Не выпьем ли холодненького, Мокий Парменыч?

Кнуров. Что вы, утром-то! Я еще не завтракал.

Вожеватов. Ничего-с. Мне один англичанин — он директор на фабрике — говорил, что от насморка хорошо шампанское натощак пить. А я вчера простудился немного.

Кнуров. Каким образом? Такое тепло стоит.

Вожеватов. Да все им же и простудился-то: холодно очень подали.

Кнуров. Нет, что хорошего; люди посмотрят, скажут: ни свет ни заря — шампанское пьют.

Вожеватов. А чтоб люди чего дурного не сказали, так мы станем чай пить.

Кнуров. Ну, чай — другое дело.

Вожеватов *(Гавриле)*. Гаврило, дай-ка нам чайку моего, понимаешь?.. *Моего!*

Гаврило. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Кнуров. Вы разве особенный какой пьете?

Вожеватов. Да все то же шампанское, только в чайники он разольет и стаканы с блюдечками подаст.

Кнуров. Остроумно.

Вожеватов. Нужда-то всему научит, Мокий Парменыч.

Кнуров. Едете в Париж-то на выставку?

Вожеватов. Вот куплю пароход да отправлю его вниз за грузом и поеду.

Кнуров. И я на днях, уж меня ждут.

Гаврило приносит на подносе два чайника с шампанским и два стакана.

Вожеватов *(наливая)*. Слышали новость, Мокий Парменыч? Лариса Дмитриевна замуж выходит.

Кнуров. Как замуж? Что вы! За кого?

Вожеватов. За Карандышева.

Кнуров. Что за вздор такой! Вот фантазия! Ну что такое Карандышев! Не пара ведь он ей, Василий Данилыч.

Вожеватов. Какая уж пара! Да что ж делать-то, где взять женихов-то? Ведь она бесприданница.

Кнуров. Бесприданницы-то и находят женихов хороших.

Вожеватов. Не то время. Прежде женихов-то много было, так и на бесприданниц хватало; а теперь женихов-то в самый обрез: сколько приданых, столько и женихов, лишних нет — бесприданницам-то и недостает. Разве бы Харита Игнатьевна отдала за Карандышева, кабы лучше были?

Кнуров. Бойкая женщина.

Вожеватов. Она, должно быть, не русская.

Кнуров. Отчего?

Вожеватов. Уж очень проворна.

Кнуров. Как это она оплошала? Огудаловы все-таки фамилия порядочная; и вдруг за какого-то Карандышева… Да с ее-то ловкостью… всегда полон дом холостых!..

Вожеватов. Ездить-то к ней все ездят, потому что весело очень: барышня хорошенькая, играет на разных инструментах, поет, обращение свободное, оно и тянет. Ну, а жениться-то надо подумавши.

Кнуров. Ведь выдала же она двух.

Вожеватов. Выдать-то выдала, да надо их спросить, сладко ли им жить-то. Старшую увез какой-то горец, кавказский князек. Вот потеха-

то была! Как увидал, затрясся, заплакал даже — так две недели и стоял подле нее, за кинжал держался да глазами сверкал, чтоб не подходил никто. Женился и уехал, да, говорят, не довез до Кавказа-то, зарезал на дороге от ревности. Другая тоже за какого-то иностранца вышла, а он после оказался совсем не иностранец, а шулер.

Кнуров. Огудалова разочла не глупо: состояние большое, давать приданое не из чего, так она живет открыто, всех принимает.

Вожеватов. Любит и сама пожить весело. А средства у нее так невелики, что даже и на такую жизнь недостает…

Кнуров. Где ж она берет?

Вожеватов. Женихи платятся. Как кому понравилась дочка, так и раскошеливайся. Потом на приданое возьмет с жениха, а приданого не спрашивай.

Кнуров. Ну, думаю, не одни женихи платятся, а и вам, например, частое посещение этого семейства недешево обходится.

Вожеватов. Не разорюсь, Мокий Парменыч. Что делать! За удовольствия платить надо, они даром достаются, а бывать у них в доме — большое удовольствие.

Кнуров. Действительно удовольствие — это в

правду говорите.

Вожеватов. А сами почти никогда не бываете.

Кнуров. Да неловко; много у них всякого сброду бывает; потом встречаются, кланяются, разговаривать лезут! Вот, например, Карандышев — ну что за знакомство для меня!

Вожеватов. Да, у них в доме на базар похоже.

Кнуров. Ну, что хорошего! Тот лезет к Ларисе Дмитриевне с комплиментами, другой с нежностями, так и жужжат, не дают с ней слово сказать. Приятно с ней одной почаще видеться, без помехи.

Вожеватов. Жениться надо.

Кнуров. Жениться! Не всякому можно, да не всякий и захочет; вот я, например, женатый.

Вожеватов. Так уж нечего делать. Хорош виноград, да зелен, Мокий Парменыч.

Кнуров. Вы думаете?

Вожеватов. Видимое дело. Не таких правил люди: мало ль случаев-то было, да вот не польстились, хоть за Карандышева, да замуж.

Кнуров. А хорошо бы с такой барышней в Париж прокатиться на выставку.

Вожеватов. Да, не скучно будет, прогулка приятная. Какие у вас планы-то, Мокий Парменыч!

Кнуров. Да и у вас этих планов-то не было ли

тоже?

Вожеватов. Где мне! Я простоват на такие дела. Смелости у меня с женщинами нет: воспитание, знаете, такое, уж очень нравственное, патриархальное получил.

Кнуров. Ну да, толкуйте! У вас шансов больше моего: молодость — великое дело. Да и денег не пожалеете; дешево пароход покупаете, так из барышей-то можно. А ведь, чай, не дешевле «Ласточки» обошлось бы?

Вожеватов. Всякому товару цена есть, Мокий Парменыч. Я хоть молод, а не зарвусь, лишнего не передам.

Кнуров. Не ручайтесь! Долго ли с вашими летами влюбиться; а уж тогда какие расчеты!

Вожеватов. Нет, как-то я, Мокий Парменыч, в себе этого совсем не замечаю.

Кнуров. Чего?

Вожеватов. А вот, что любовью-то называют.

Кнуров. Похвально, хорошим купцом будете. А все-таки вы с ней гораздо ближе, чем другие.

Вожеватов. Да в чем моя близость? Лишний стаканчик шампанского потихоньку от матери иногда налью, песенку выучу, романы вожу, которых девушкам читать не дают.

Кнуров. Развращаете, значит, понемножку.

Вожеватов. Да мне что! Я ведь насильно не навязываю. Что ж мне об ее нравственности заботиться: я ей не опекун.

Кнуров. Я все удивляюсь, неужели у Ларисы Дмитриевны, кроме Карандышева, совсем женихов не было?

Вожеватов. Были, да ведь она простовата.

Кнуров. Как простовата? То есть глупа?

Вожеватов. Не глупа, а хитрости нет, не в матушку. У той все хитрость да лесть, а эта вдруг, ни с того ни с сего, и скажет, что не надо.

Кнуров. То есть правду?

Вожеватов. Да, правду; а бесприданницам так нельзя. К кому расположена, нисколько этого не скрывает. Вот Сергей Сергеич Паратов в прошлом году, появился, наглядеться на него не могла; а он месяца два поездил, женихов всех отбил, да и след его простыл, исчез, неизвестно куда.

Кнуров. Что ж с ним сделалось?

Вожеватов. Кто его знает; ведь он мудреный какой-то. А уж как она его любила, чуть не умерла с горя. Какая чувствительная! *(Смеется.)* Бросилась за ним догонять, уж мать со второй станции воротила.

Кнуров. А после Паратова были женихи?

Вожеватов. Набегали двое: старик какой-то с

подагрой да разбогатевший управляющий какого-то князя, вечно пьяный. Уж Ларисе не до них, а любезничать надо было, маменька приказывает.

Кнуров. Однако положение ее незавидное.

Вожеватов. Да, смешно даже. У ней иногда слезенки на глазах, видно, поплакать задумала, а маменька улыбаться велит. Потом вдруг проявился этот кассир… Вот бросал деньгами-то, так и засыпал Хариту Игнатьевну. Отбил всех, да недолго покуражился: у них в доме его и арестовали. Скандалище здоровый! *(Смеется.)* С месяц Огудаловым никуда глаз показать было нельзя. Тут уж Лариса наотрез матери объявила: «Довольно, — говорит, — с нас сраму-то; за первого пойду, кто посватается, богат ли, беден ли — разбирать не буду». А Карандышев и тут как тут с предложением.

Кнуров. Откуда взялся этот Карандышев?

Вожеватов. Он давно у них в доме вертится, года три. Гнать не гнали, а и почету большого не было. Когда перемежка случалась, никого из богатых женихов в виду не было, так и его придерживали, слегка приглашивали, чтоб не совсем пусто было в доме. А как, бывало, набежит какой-нибудь богатенький, так просто жалость было смотреть на Карандышева: и не говорят с

ним, и не смотрят на него. А он-то, в углу сидя, разные роли разыгрывает, дикие взгляды бросает, отчаянным прикидывается. Раз застрелиться хотел, да не вышло ничего, только насмешил всех. А то вот потеха-то: был у них как-то, еще при Паратове, костюмированный вечер; так Карандышев оделся разбойником, взял в руки топор и бросал на всех зверские взгляды, особенно на Сергея Сергеича.

Кнуров. И что же?

Вожеватов. Топор отняли и переодеться велели; а то, мол, пошел вон!

Кнуров. Значит, он за постоянство награжден. Рад, я думаю.

Вожеватов. Еще как рад-то, сияет, как апельсин. Что смеху-то! Ведь он у нас чудак. Ему бы жениться поскорей да уехать в свое именьишко, пока разговоры утихнут, — так и Огудаловым хотелось, — а он таскает Ларису на бульвар, ходит с ней под руку, голову так высоко поднял, что, того и гляди, наткнется на кого-нибудь. Да еще очки надел зачем-то, а никогда их не носил. Кланяется — едва кивает; тон какой взял: прежде и не слыхать его было, а теперь все «я да я, я хочу, я желаю».

Кнуров. Как мужик русский: мало радости, что

пьян, надо поломаться, чтоб все видели; поломается, поколотят его раза два, ну, он и доволен, и идет спать.

Вожеватов. Да, кажется, и Карандышеву не миновать.

Кнуров. Бедная девушка! как она страдает, на него глядя, я думаю.

Вожеватов. Квартиру свою вздумал отделывать, — вот чудит-то. В кабинете ковер грошевый на стену прибил, кинжалов, пистолетов тульских навешал: уж диви бы охотник, а то и ружья-то никогда в руки не брал. Тащит к себе, показывает; надо хвалить, а то обидишь: человек самолюбивый, завистливый. Лошадь из деревни выписал, клячу какую-то разношерстную, кучер маленький, а кафтан на нем с большого. И возит на этом верблюде-то Ларису Дмитриевну; сидит так гордо, будто на тысячных рысаках едет. С бульвара выходит, так кричит городовому: «Прикажи подавать мой экипаж!» Ну, и подъезжает этот экипаж с музыкой: все винты, все гайки дребезжат на разные голоса, а рессоры-то трепещутся, как живые.

Кнуров. Жаль бедную Ларису Дмитриевну! Жаль.

Вожеватов. Что вы очень жалостливы стали?

Кнуров. Да разве вы не видите, что эта жен-

щина создана для роскоши? Дорогой бриллиант дорогой и оправы требует.

Вожеватов. И хорошего ювелира.

Кнуров. Совершенную правду вы сказали. Ювелир — не простой мастеровой: он должен быть художником. В нищенской обстановке, да еще за дураком мужем, она или погибнет, или опошлится.

Вожеватов. А я так думаю, что бросит она его скорехонько. Теперь еще она, как убитая; а вот оправится да поглядит на мужа попристальнее, каков он… *(Тихо.)* Вот они, легки на помине-то.

Входят Карандышев, Огудалова, Лариса. Вожеватов встает и кланяется. Кнуров вынимает газету.

Явление третье

Кнуров, Вожеватов, Карандышев, Огудалова; Лариса в глубине садится на скамейку у решетки и смотрит в бинокль за Волгу; Гаврило, Иван.

Огудалова *(подходя к столу)*. Здравствуйте, господа!

Карандышев подходит за ней. Вожеватов по-

дает руку Огудаловой и Карандышеву. Кнуров, молча и не вставая с места, подает руку Огудаловой, слегка кивает Карандышеву и погружается в чтение газеты.

Вожеватов. Харита Игнатьевна, присядьте, милости просим! *(Подвигает стул.)*

Огудалова садится.

Чайку не прикажете ли?

Карандышев садится поодаль.

Огудалова. Пожалуй, чашку выпью.

Вожеватов. Иван, подай чашку да прибавь кипяточку!

Иван берет чайник и уходит.

Карандышев. Что за странная фантазия пить чай в это время? Удивляюсь.

Вожеватов. Жажда, Юлий Капитоныч, а что пить, не знаю. Посоветуйте — буду очень благодарен.

Карандышев *(смотрит на часы).* Теперь полдень, можно выпить рюмочку водки, съесть котлетку, выпить стаканчик вина хорошего. Я всегда так завтракаю.

Вожеватов *(Огудаловой).* Вот жизнь-то, Харита

Игнатьевна, позавидуешь. *(Карандышеву.)* Пожил бы, кажется, хоть денек на вашем месте. Водочки да винца! Нам так нельзя-с, пожалуй, разум потеряешь. Вам можно все: вы капиталу не проживете, потому его нет, а уж мы такие горькие зародились на свете, у нас дела очень велики; так нам разума-то терять и нельзя.

Иван подает чайник и чашку.

Пожалуйте, Харита Игнатьевна! *(Наливает и подает чашку.)* Я и чай-то холодный пью, чтобы люди не сказали, что я горячие напитки употребляю.

Огудалова. Чай-то холодный, только, Вася, ты мне крепко налил.

Вожеватов. Ничего-с. Выкушайте, сделайте одолжение! На воздухе не вредно.

Карандышев *(Ивану)*. Приходи ко мне сегодня служить за обедом!

Иван. Слушаю-с, Юлий Капитоныч.

Карандышев. Ты, братец, почище оденься!

Иван. Известное дело — фрак; нешто не понимаем-с!

Карандышев. Василий Данилыч, вот что: приезжайте-ка вы ко мне обедать сегодня!

Вожеватов. Покорно благодарю. Мне тоже во

фраке прикажете?

Карандышев. Как вам угодно: не стесняйтесь. Однако дамы будут.

Вожеватов *(кланяясь)*. Слушаю-с. Надеюсь не уронить себя.

Карандышев *(переходит к Кнурову)*. Мокий Парменыч, не угодно ли вам будет сегодня отобедать у меня?

Кнуров *(с удивлением оглядывает его)*. У вас?

Огудалова. Мокий Парменыч, это все равно, что у нас, — этот обед для Ларисы.

Кнуров. Да, так это вы приглашаете? Хорошо, я приеду.

Карандышев. Так уж я буду надеяться.

Кнуров. Уж я сказал, что приеду. *(Читает газету.)*

Огудалова. Юлий Капитоныч — мой будущий зять: я выдаю за него Ларису.

Кнуров *(продолжая читать)*. Это ваше дело.

Карандышев. Да-с, Мокий Парменыч, я рискнул. Я и вообще всегда был выше предрассудков.

Кнуров закрывается газетой.

Вожеватов *(Огудаловой)*. Мокий Парменыч строг.

Карандышев *(отходя от Кнурова к Вожевато-*

ву). Я желаю, чтоб Ларису Дмитриевну окружали только избранные люди.

Вожеватов. Значит, и я к избранному обществу принадлежу? Благодарю, не ожидал. *(Гавриле.)* Гаврило, сколько с меня за чай?

Гаврило. Две порции изволили спрашивать?

Вожеватов. Да, две порции.

Гаврило. Так уж сами знаете, Василий Данилыч, не в первый раз… Тринадцать рублей-с.

Вожеватов. То-то, я думал, что подешевле стало.

Гаврило. С чего дешевле-то быть! Курсы, пошлина, помилуйте!

Вожеватов. Да ведь я не спорю с тобой: что ты пристаешь! Получай деньги и отстань! *(Отдает деньги.)*

Карандышев. За что же так дорого? Я не понимаю.

Гаврило. Кому дорого, а кому нет. Вы такого чая не кушаете.

Огудалова *(Карандышеву)*. Перестаньте вы, не мешайтесь не в свое дело!

Иван. Василий Данилыч, «Ласточка» подходит.

Вожеватов. Мокий Парменыч, «Ласточка» подходит; не угодно ли взглянуть? Мы вниз не пойдем, с горы посмотрим.

Кнуров. Пойдемте. Любопытно. *(Встает.)*

Огудалова. Вася, я доеду на твоей лошади.

Вожеватов. Поезжайте, только пришлите поскорей! *(Подходит к Ларисе и говорит с ней тихо.)*

Огудалова *(подходит к Кнурову)*. Мокий Парменыч, затеяли мы свадьбу, так не поверите, сколько хлопот.

Кнуров. Да.

Огудалова. И вдруг такие расходы, которых никак нельзя было ожидать… Вот завтра рожденье Ларисы, хотелось бы что-нибудь подарить.

Кнуров. Хорошо; я к вам заеду.

Огудалова уходит.

Лариса *(Вожеватову)*. До свиданья, Вася!

Вожеватов и Кнуров уходят. Лариса подходит к Карандышеву.

Явление четвертое

Карандышев и Лариса.

Лариса. Я сейчас все за Волгу смотрела: как там хорошо, на той стороне! Поедемте поскорей в деревню!

Карандышев. Вы за Волгу смотрели? А что с вами Вожеватов говорил?

Лариса. Ничего, так, — пустяки какие-то. Меня так и манит за Волгу, в лес... *(Задумчиво.)* Уедемте, уедемте отсюда!

Карандышев. Однако это странно! Об чем он мог с вами разговаривать?

Лариса. Ах, да об чем бы он ни говорил, — что вам за дело!

Карандышев. Называете его Васей. Что за фамильярность с молодым человеком!

Лариса. Мы с малолетства знакомы; еще маленькие играли вместе — ну, я и привыкла.

Карандышев. Вам надо старые привычки бросить. Что за короткость с пустым, глупым мальчиком! Нельзя же терпеть того, что у вас до сих пор было.

Лариса *(обидясь).* У нас ничего дурного не было.

Карандышев. Был цыганский табор-с — вот что было.

Лариса утирает слезы.

Чем же вы обиделись, помилуйте!

Лариса. Что ж, может быть, и цыганский табор; только в нем было, по крайней мере, весело.

Сумеете ли вы дать мне что-нибудь лучше этого табора?

Карандышев. Уж конечно.

Лариса. Зачем вы постоянно попрекаете меня этим табором? Разве мне самой такая жизнь нравилась? Мне было приказано, так нужно было маменьке; значит, волей или неволей, я должна была вести такую жизнь. Колоть беспрестанно мне глаза цыганской жизнью или глупо, или безжалостно. Если б я не искала тишины, уединения, не захотела бежать от людей — разве бы я пошла за вас? Так умейте это понять и не приписывайте моего выбора своим достоинствам, я их еще не вижу. Я еще только хочу полюбить вас; меня манит скромная семейная жизнь, она мне кажется каким-то раем. Вы видите, я стою на распутье; поддержите меня, мне нужно ободрение, сочувствие; отнеситесь ко мне нежно, с лаской! Ловите эти минуты, не пропустите их!

Карандышев. Лариса Дмитриевна, я совсем не хотел вас обидеть, это я сказал так…

Лариса. Что значит «так»? То есть не подумавши? Вы не понимаете, что в ваших словах обида, так, что ли?

Карандышев. Конечно, я без умыслу.

Лариса. Так это еще хуже. Надо думать, о чем

говоришь. Болтайте с другими, если вам нравится, а со мной говорите осторожнее! Разве вы не видите, что положение мое очень серьезно! Каждое слово, которое я сама говорю и которое я слышу, я чувствую. Я сделалась очень чутка и впечатлительна.

Карандышев. В таком случае я прошу извинить меня.

Лариса. Да Бог с вами, только вперед будьте осторожнее! *(Задумчиво).* Цыганский табор… Да, это, пожалуй, правда… но в этом таборе были и хорошие, и благородные люди.

Карандышев. Кто же эти благородные люди? Уж не Сергей ли Сергеич Паратов?

Лариса. Нет, я прошу вас, вы не говорите о нем!

Карандышев. Да почему же-с?

Лариса. Вы его не знаете, да хоть бы и знали, так… извините, не вам о нем судить.

Карандышев. Об людях судят по поступкам. Разве он хорошо поступил с вами?

Лариса. Это уж мое дело. Если я боюсь и не смею осуждать его, так не позволю и вам.

Карандышев. Лариса Дмитриевна, скажите мне, только, прошу вас, говорите откровенно!

Лариса. Что вам угодно?

Карандышев. Ну чем я хуже Паратова?

Лариса. Ах, нет, оставьте!

Карандышев. Позвольте, отчего же?

Лариса. Не надо! не надо! Что за сравнения!

Карандышев. А мне бы интересно было слышать от вас.

Лариса. Не спрашивайте, не нужно!

Карандышев. Да почему же?

Лариса. Потому что сравнение не будет в вашу пользу. Сами по себе вы что-нибудь значите, вы хороший, честный человек; но от сравнения с Сергеем Сергеичем вы теряете все.

Карандышев. Ведь это только слова: нужны доказательства. Вы разберите нас хорошенько!

Лариса. С кем вы равняетесь! Возможно ли такое ослепление! Сергей Сергеич… это идеал мужчины. Вы понимаете, что такое идеал? Быть может, я ошибаюсь, я еще молода, не знаю людей; но это мнение изменить во мне нельзя, оно умрет со мной.

Карандышев. Не понимаю-с, не понимаю, что в нем особенного; ничего, ничего не вижу. Смелость какая-то, дерзость… Да это всякий может, если захочет.

Лариса. Да вы знаете, какая это смелость?

Карандышев. Да какая ж такая, что тут необык-

новенного? Стоит только напустить на себя.

Лариса. А вот какая, я вам расскажу один случай. Проезжал здесь один кавказский офицер, знакомый Сергея Сергеича, отличный стрелок; были они у нас. Сергей Сергеич и говорит: «Я слышал, вы хорошо стреляете». — «Да, недурно», — говорит офицер. Сергей Сергеич дает ему пистолет, ставит себе стакан на голову и отходит в другую комнату, шагов на двенадцать. «Стреляйте», — говорит.

Карандышев. И он стрелял?

Лариса. Стрелял и, разумеется, сшиб стакан, но только побледнел немного. Сергей Сергеич говорит: «Вы прекрасно стреляете, но вы побледнели, стреляя в мужчину и человека вам не близкого. Смотрите, я буду стрелять в девушку, которая для меня дороже всего на свете, и не побледнею». Дает мне держать какую-то монету, равнодушно, с улыбкой, стреляет на таком же расстоянии и выбивает ее.

Карандышев. И вы послушали его?

Лариса. Да разве можно его не послушать?

Карандышев. Разве уж вы были так уверены в нем?

Лариса. Что вы! Да разве можно быть в нем неуверенной?

Карандышев. Сердца нет, оттого он так и смел.

Лариса. Нет, и сердце есть. Я сама видела, как он помогал бедным, как отдавал все деньги, которые были с ним.

Карандышев. Ну, положим, Паратов имеет какие-нибудь достоинства, по крайней мере, в глазах ваших; а что такое этот купчик Вожеватов, этот ваш Вася?

Лариса. Вы не ревновать ли? Нет, уж вы эти глупости оставьте! Это пошло, я не переношу этого, я вам заранее говорю. Не бойтесь, я не люблю и не полюблю никого.

Карандышев. А если б явился Паратов?

Лариса. Разумеется, если б явился Сергей Сергеич и был свободен, так довольно одного его взгляда… Успокойтесь, он не явился, а теперь хоть и явится, так уж поздно… Вероятно, мы никогда и не увидимся более.

На Волге пушечный выстрел.

Что это?

Карандышев. Какой-нибудь купец-самодур слезает с своей баржи, так в честь его салютуют.

Лариса. Ах, как я испугалась!

Карандышев. Чего, помилуйте?

Лариса. У меня нервы расстроены. Я сейчас с этой скамейки вниз смотрела, и у меня закружилась голова. Тут можно очень ушибиться?

Карандышев. Ушибиться! Тут верная смерть: внизу мощено камнем. Да, впрочем, тут так высоко, что умрешь прежде, чем долетишь до земли.

Лариса. Пойдемте домой, пора!

Карандышев. Да и мне нужно, у меня ведь обед.

Лариса *(подойдя к решетке)*. Подождите немного. *(Смотрит вниз.)* Ай, ай! держите меня!

Карандышев *(берет Ларису за руку)*. Пойдемте, что за ребячество! *(Уходят.)*

Гаврило и Иван выходят из кофейней.

Явление пятое

Гаврило и Иван.

Иван. Пушка! Барин приехал, барин приехал, Сергей Сергеич.

Гаврило. Я говорил, что он. Уж я знаю: видно сокола по полету.

Иван. Коляска пустая в гору едет, значит господа пешком идут. Да вот они! *(Убегает в кофейную.)*

Гаврило. Милости просим. Чем только их попотчевать-то, не сообразишь.

Входят Паратов (черный однобортный сюртук в обтяжку, высокие лаковые сапоги, белая фуражка, через плечо дорожная сумка), Робинзон(в плаще, правая пола закинута на левое плечо, мягкая высокая шляпа надета набок). Кнуров, Вожеватов; Иван выбегает из кофейной с веничком и бросается обметать Паратова.

Явление шестое

Паратов, Робинзон, Кнуров, Вожеватов, Гаврило и Иван.

Паратов *(Ивану)*. Да что ты! Я с воды, на Волге-то не пыльно.

Иван. Все-таки, сударь, нельзя же… порядок требует. Целый год-то вас не видали, да чтобы… с приездом, сударь.

Паратов. Ну, хорошо, спасибо! На! *(Дает ему рублевую бумажку.)*

Иван. Покорнейше благодарим-с. *(Отходит.)*

Паратов. Так вы меня, Василий Данилыч, с «Самолетом» ждали?

Вожеватов. Да ведь я не знал, что вы на своей

«Ласточке» прилетите; я думал, что она с баржами идет.

Паратов. Нет, я баржи продал. Я думал нынче рано утром приехать, мне хотелось обогнать «Самолет»; да трус машинист. Кричу кочегарам: «Шуруй!», а он у них дрова отнимает. Вылез из своей мурьи: «Если вы, — говорит, — хоть полено еще подкинете, я за борт выброшусь». Боялся, что котел не выдержит, цифры мне какие-то на бумажке выводил, давление рассчитывал. Иностранец, голландец он, душа коротка; у них арифметика вместо души-то. А я, господа, и позабыл познакомить вас с моим другом. Мокий Парменыч, Василий Данилыч! Рекомендую: Робинзон.

Робинзон важно раскланивается и подает руку Кнурову и Вожеватову.

Вожеватов. А как их по имени и отчеству?

Паратов. Так, просто, Робинзон, без имени и отчества.

Робинзон *(Паратову).* Серж!

Паратов. Что тебе?

Робинзон. Полдень, мой друг, я стражду.

Паратов. А вот погоди, в гостиницу приедем.

Робинзон *(показывая на кофейную)*. Voila[149]!

Паратов. Ну, ступай, чорт с тобой!

Робинзон идет в кофейную.

Гаврило, ты этому барину больше одной рюмки не давай; он характера непокойного.

Робинзон *(пожимая плечами)*. Серж! *(Уходит в кофейную. Гаврило за ним.)*

Паратов. Это, господа, провинциальный актер. Счастливцев Аркадий.

Вожеватов. Почему же он Робинзон?

Паратов. А вот почему: ехал он на каком-то пароходе, уж не знаю, с другом своим, с купеческим сыном Непутевым; разумеется, оба пьяные до последней возможности. Творили они, что только им в голову придет, публика все терпела. Наконец, в довершение безобразия, придумали драматическое представление: разделись, разрезали подушку, вывалялись в пуху и начали изображать диких; тут уж капитан, по требованию пассажиров, и высадил их на пустой остров. Бежим мы мимо этого острова, гляжу, кто-то взывает, поднявши руки кверху. Я сейчас «стоп», сажусь сам в шлюпку и обретаю артиста Счаст-

---

[149] Примечания: 149
фр. Voila! — Вот!

ливцева. Взял его на пароход, одел с ног до головы в свое платье, благо у меня много лишнего. Господа, я имею слабость к артистам… Вот почему он Робинзон.

Вожеватов. А Непутевый на острове остался?

Паратов. Да на что он мне; пусть проветрится. Сами посудите, господа, ведь в дороге скука смертная, всякому товарищу рад.

Кнуров. Еще бы, конечно.

Вожеватов. Это такое счастье, такое счастье! Вот находка-то золотая!

Кнуров. Одно только неприятно, пьянством одолеет.

Паратов. Нет, со мной, господа, нельзя: я строг на этот счет. Денег у него нет, без моего разрешения давать не велено, а у меня как попросит, так я ему в руки французские разговоры — на счастье нашлись у меня; изволь прежде страницу выучить, без того не дам. Ну, и учит, сидит. Как старается!

Вожеватов. Эко вам счастье, Сергей Сергеич! Кажется, ничего б не пожалел за такого человека, а нет как нет. Он хороший актер?

Паратов. Ну, нет, какой хороший! Он все амплуа прошел и в суфлерах был; а теперь в опереткахиграет. Ничего, так себе, смешит.

Вожеватов. Значит, веселый?

Паратов. Потешный господин.

Вожеватов. И пошутить с ним можно?

Паратов. Ничего, он не обидчив. Вот отводите свою душу, могу его вам дня на два, на три предоставить.

Вожеватов. Очень благодарен. Коли придет по нраву, так не останется в накладе.

Кнуров. Как это вам, Сергей Сергеич, не жаль «Ласточку» продавать?

Паратов. Что такое «жаль», этого я не знаю. У меня, Мокий Парменыч, ничего заветного нет; найду выгоду, так все продам, что угодно. А теперь, господа, у меня другие дела и другие расчеты; Я женюсь на девушке очень богатой, беру в приданое золотые прииски.

Вожеватов. Приданое хорошее.

Паратов. Но достается оно мне не дешево: я должен проститься с моей свободой, с моей веселой жизнью; поэтому надо постараться как можно повеселей провести последние дни.

Вожеватов. Будем стараться, Сергей Сергеич, будем стараться.

Паратов. Отец моей невесты важный чиновный господин; старик строгий: он слышать не может о цыганах, о кутежах и о прочем; даже не

любит, кто много курит табаку. Тут уж надевай фрак и parlez francais[150]! Вот я теперь и практикуюсь с Робинзоном. Только он, для важности, что ли, уж не знаю, зовет меня «ля-Серж», а не просто «Серж». Умора!

На крыльце кофейной показывается Робинзон, что-то жует, за ним Гаврило.

Явление седьмое

Паратов, Кнуров, Вожеватов, Робинзон, Гаврило и Иван.

Паратов *(Робинзону)*. Que faites-vous la? Venez[151]!

Робинзон *(с важностью)*. Comment[152]?

Паратов. Что за прелесть! Каков тон, господа! *(Робинзону).* Оставь ты эту вашу скверную привычку бросать порядочное общество для трактира!

Вожеватов. Да, это за ними водится.

---

[150] Примечания: 150
фр. parlez francais! — Говорите по-французски!

[151] Примечания: 151
фр. Que faites-vous la? Venez! — Что вы там делаете? Идите сюда!

[152] Примечания: 152
фр. Comment? — Как?

Робинзон. Ля-Серж, ты уж успел… Очень нужно было.

Паратов. Да, извини, я твой псевдоним раскрыл.

Вожеватов. Мы, Робинзон, тебя не выдадим, ты у нас так за англичанина и пойдешь.

Робинзон. Как, сразу на «ты»? Мы с вами брудершафт не пили.

Вожеватов. Это все равно… Что за церемонии!

Робинзон. Но я фамильярности не терплю и не позволю всякому…

Вожеватов. Да я не всякий.

Робинзон. А кто же вы?

Вожеватов. Купец.

Робинзон. Богатый?

Вожеватов. Богатый.

Робинзон. И тароватый?

Вожеватов. И тароватый.

Робинзон. Вот это в моем вкусе. *(Подает руку Вожеватову).* Очень приятно! Вот теперь я могу тебе позволить обращаться со мной запросто.

Вожеватов. Значит, приятели: два тела — одна душа.

Робинзон. И один карман. Имя-отчество? То есть одно имя, отчество не надо.

Вожеватов. Василий Данилыч.

Робинзон. Так вот, Вася, для первого знакомства заплати за меня!

Вожеватов. Гаврило, запиши! Сергей Сергеич, мы нынче вечером прогулочку сочиним за Волгу. На одном катере цыгане, на другом мы; приедем, усядемся на коврике, жженочку сварим.

Гаврило. А у меня, Сергей Сергеич, два ананасика давно вас дожидаются; надо их нарушить для вашего приезда.

Паратов *(Гавриле)*. Хорошо, срежь! *(Вожеватову).* Делайте, господа, со мной, что хотите!

Гаврило. Да уж я, Василий Данилыч, все заготовлю, что требуется; у меня и кастрюлечка серебряная водится для таких оказий; уж я и своих людей с вами отпущу.

Вожеватов. Ну, ладно. Чтобы к шести часам все было готово; коли что лишнее припасешь, взыску не будет; а за недостачу ответишь.

Гаврило. Понимаем-с.

Вожеватов. А назад поедем, на катерах разноцветные фонарики зажжем.

Робинзон. Давно ли я его знаю, а уж полюбил, господа. Вот чудо-то!

Паратов. Главное, чтоб весело. Я прощаюсь с холостой жизнью, так чтоб было чем ее вспомнить. А откушать сегодня, господа, прошу ко мне.

Вожеватов. Эка досада! Ведь нельзя, Сергей Сергеич.

Кнуров. Отозваны мы.

Паратов. Откажитесь, господа.

Вожеватов. Отказаться-то нельзя: Лариса Дмитриевна выходит замуж, так мы у жениха обедаем.

Паратов. Лариса выходит замуж! *(Задумывается.)* Что ж... Бог с ней! Это даже лучше... Я немножко виноват перед ней, то есть так виноват, что не должен бы и носу к ним показывать; ну, а теперь она выходит замуж, значит, старые счеты покончены, и я могу опять явиться поцеловать ручки у ней и у тетеньки. Я Хариту Игнатьевну для краткости тетенькой зову. Ведь я было чуть не женился на Ларисе, — вот бы людей-то насмешил! Да, разыграл было дурака. Замуж выходит... Это очень мило с ее стороны; все-таки на душе у меня немного полегче... и дай ей Бог здоровья и всякого благополучия! Заеду я к ним, заеду; любопытно, очень любопытно поглядеть на нее.

Вожеватов. Уж наверное и вас пригласят.

Паратов. Само собой, как же можно без меня!

Кнуров. Я очень рад, все-таки будет с кем хоть слово за обедом перемолвить.

Вожеватов. Там и потолкуем, как нам веселее время провести, может, и еще что придумаем.

Паратов. Да, господа, жизнь коротка, говорят философы, так надо уметь ею пользоваться. N'est ce pas[153], Робинзон?

Робинзон. Вуй, ля-Серж.

Вожеватов. Постараемся; скучать не будете: на том стоим. Мы третий катер прихватим, полковую музыку посадим.

Паратов. До свидания, господа! Я в гостиницу. Марш, Робинзон!

Робинзон *(поднимая шляпу).*

Да здравствует веселье!

Да здравствует Услад!

---

[153] Примечания: 153
фр. N’est ce pas — Не правда ли?

Действие второе
Лица

Огудалова.
Лариса.
Карандышев.
Паратов.
Кнуров.
Вожеватов.
Робинзон.
Илья-цыган.
Лакей Огудаловой.

Комната в доме Огудаловой; две двери: одна, в глубине, входная; другая налево от актеров; направо окно; мебель приличная, фортепьяно, на нем лежит гитара.

Явление первое

Огудалова одна. Подходит к двери налево, с коробочкой в руках.

Огудалова. Лариса, Лариса!

Лариса за сценой: «Я, мама, одеваюсь».

Погляди-ка, какой тебе подарок Вася привез!

Лариса за сценой: «После погляжу!»

Какие вещи — рублей 500 стоят. «Положите, — говорит, — завтра поутру в ее комнату и не говорите, от кого». А ведь знает, плутишка, что я не утерплю, скажу. Я его просила посидеть, не остался, с каким-то иностранцем ездит, город ему показывает. Да ведь шут он, у него не разберешь, нарочно он или вправду. «Надо, — говорит, — этому иностранцу все замечательные трактирные заведения показать». Хотел к нам привезти этого иностранца. *(Взглянув в окно.)* А вот и Мокий Парменыч! Не выходи, я лучше одна с ним потолкую.

Входит Кнуров.

Явление второе

Огудалова и Кнуров.

Кнуров *(в дверях)*. У вас никого нет?

Огудалова. Никого, Мокий Парменыч.

Кнуров *(входит)*. Ну, и прекрасно.

Огудалова. На чем записать такое счастье! Благодарна, Мокий Парменыч, очень благодарна,

что удостоили. Я так рада, растерялась, право… не знаю, где и посадить вас.

Кнуров. Все равно, сяду где-нибудь. *(Садится.)*

Огудалова. А Ларису извините, она переодевается. Да ведь можно ее поторопить.

Кнуров. Нет, зачем беспокоить!

Огудалова. Как это вы вздумали?

Кнуров. Брожу ведь я много пешком перед обедом-то, ну, вот и зашел.

Огудалова. Будьте уверены, Мокий Парменыч, что мы за особенное счастье поставляем ваш визит; ни с чем этого сравнить нельзя.

Кнуров. Так выдаете замуж Ларису Дмитриевну?

Огудалова. Да, замуж, Мокий Парменыч.

Кнуров. Нашелся жених, который берет без денег?

Огудалова. Без денег, Мокий Парменыч, где ж нам взять денег-то.

Кнуров. Что ж он, средства имеет большие, жених-то ваш?

Огудалова. Какие средства! Самые ограниченные.

Кнуров. Да… А как вы полагаете, хорошо вы поступили, что отдаете Ларису Дмитриевну за человека бедного?

Огудалова. Не знаю, Мокий Парменыч. Я тут ни при чем, ее воля была.

Кнуров. Ну, а этот молодой человек, как, по-вашему: хорошо поступает?

Огудалова. Что ж, я нахожу, что это похвально с его стороны.

Кнуров. Ничего тут нет похвального, напротив, это непохвально. Пожалуй, с своей точки зрения, он не глуп. Что он такое, кто его знал, кто на него обращал внимание! А теперь весь город заговорит про него, он влезает в лучшее общество, он позволяет себе приглашать меня на обед, например… Но вот что глупо: он не подумал или не захотел подумать, как и чем ему жить с такой женой. Вот об чем поговорить нам с вами следует.

Огудалова. Сделайте одолжение, Мокий Парменыч!

Кнуров. Как вы думаете о вашей дочери, что она такое?

Огудалова. Да уж я не знаю, что и говорить; мне одно осталось: слушать вас.

Кнуров. Ведь в Ларисе Дмитриевне земного, этого житейского, нет. Ну, понимаете, тривиального, что нужно для бедной семейной жизни.

Огудалова. Ничего нет, ничего.

Кнуров. Ведь это эфир.

Огудалова. Эфир, Мокий Парменыч.

Кнуров. Она создана для блеску.

Огудалова. Для блеску, Мокий Парменыч.

Кнуров. Ну, а может ли ваш Карандышев доставить ей этот блеск?

Огудалова. Нет, где же!

Кнуров. Бедной полумещанской жизни она не вынесет. Что ж остается ей? Зачахнуть, а потом, как водится, — чахотка.

Огудалова. Ах, что вы, что вы! Сохрани Бог!

Кнуров. Хорошо, если она догадается поскорее бросить мужа и вернуться к вам.

Огудалова. Опять беда, Мокий Парменыч: чем нам жить с дочерью!

Кнуров. Ну, эта беда поправимая. Теплое участие сильного, богатого человека…

Огудалова. Хорошо, как найдется это участие.

Кнуров. Надо постараться приобресть. В таких случаях доброго друга, солидного, прочного иметь необходимо.

Огудалова. Уж как необходимо-то.

Кнуров. Вы можете мне сказать, что она еще и замуж-то не вышла, что еще очень далеко то время, когда она может разойтись с мужем. Да, пожалуй, может быть, что и очень далеко, а

ведь может быть, что и очень близко. Так лучше предупредить вас, чтобы вы еще не сделали какой-нибудь ошибки, чтоб знали, что я для Ларисы Дмитриевны ничего не пожалею. Что вы улыбаетесь?

Огудалова. Я очень рада, Мокий Парменыч, что вы так расположены к нам.

Кнуров. Вы, может быть, думаете, что такие предложения не бывают бескорыстны?

Огудалова. Ах, Мокий Парменыч!

Кнуров. Обижайтесь, если угодно, прогоните меня.

Огудалова *(конфузясь)*. Ах, Мокий Парменыч!

Кнуров. Найдите таких людей, которые посулят вам десятки тысяч даром, да тогда и браните меня. Не трудитесь напрасно искать, не найдете. Но я увлекся в сторону, я пришел не для этих разговоров. Что это у вас за коробочка?

Огудалова. Это я, Мокий Парменыч, хотела дочери подарок сделать.

Кнуров *(рассматривая вещи)*. Да…

Огудалова. Да дорого, не по карману.

Кнуров *(отдает коробочку)*. Ну, это пустяки; есть дело поважнее. Вам нужно сделать для Ларисы Дмитриевны хороший гардероб, то есть мало сказать хороший — очень хороший. Подвенечное

платье, ну, и все там, что следует.

Огудалова. Да, да, Мокий Парменыч.

Кнуров. Обидно будет видеть, если ее оденут кой-как. Так вы закажите все это в лучшем магазине, да не рассчитывайте, не копейничайте! А счеты пришлите ко мне, я заплачу.

Огудалова. Право, даже уж и слов-то не подберешь, как благодарить вас!

Кнуров. Вот зачем собственно я зашел к вам. *(Встает.)*

Огудалова. А все-таки мне завтра хотелось бы дочери сюрприз сделать. Сердце матери, знаете…

Кнуров *(берет коробочку).* Ну, что там такое? Что его стоит?

Огудалова. Оцените, Мокий Парменыч!

Кнуров. Что тут ценить! Пустое дело! Триста рублей это стоит. *(Достает из бумажника деньги и отдает Огудаловой.)*До свиданья! Я пойду еще побродить, я нынче на хороший обед рассчитываю. За обедом увидимся. *(Идет к двери.)*

Огудалова. Очень, очень вам благодарна за все, Мокий Парменыч, за все!

Кнуров уходит. Входит Лариса с корзинкой в руках.

Явление третье

Огудалова и Лариса.

Лариса *(ставит корзинку на столик и рассматривает вещи в коробочке).* Это Вася-то подарил? Недурно. Какой милый!

Огудалова. «Недурно». Это очень дорогие вещи. Будто ты и не рада?

Лариса. Никакой особенной радости не чувствую.

Огудалова. Ты поблагодари Васю, так шепни ему на ухо: «благодарю, мол». И Кнурову тоже.

Лариса. А Кнурову за что?

Огудалова. Уж так надо, я знаю, за что.

Лариса. Ах, мама, все-то у тебя секреты да хитрости.

Огудалова. Ну, ну, хитрости! Без хитрости на свете не проживешь.

Лариса *(берет гитару, садится к окну и запевает).*

Матушка, голубушка, солнышко мое,
Пожалей, родимая, дитятко твое!

Юлий Капитоныч хочет в мировые судьи бал-

лотироваться.

Огудалова. Ну, вот и прекрасно. В какой уезд?

Лариса. В Заболотье!

Огудалова. Ай, в лес ведь это. Что ему вздумалось такую даль?

Лариса. Там кандидатов меньше: наверное выберут.

Огудалова. Что ж, ничего, и там люди живут.

Лариса. Мне хоть бы в лес, да только поскорей отсюда вырваться.

Огудалова. Да ото и хорошо в захолустье пожить, там и твой Карандышев мил покажется; пожалуй, первым человеком в уезде будет; вот помаленьку и привыкнешь к нему.

Лариса. Да он и здесь хорош, я в нем ничего не замечаю дурного.

Огудалова. Ну, что уж! Такие ль хорошие-то бывают!

Лариса. Конечно, есть и лучше, я сама это очень хорошо знаю.

Огудалова. Есть, да не про нашу честь.

Лариса. Теперь для меня и этот хорош. Да что толковать, дело решеное.

Огудалова. Я ведь только радуюсь, что он тебе нравится. Слава Богу. Осуждать его перед тобой я не стану; а и притворяться-то нам друг перед

другом нечего — ты сама не слепая.

Лариса. Я ослепла, я все чувства потеряла, да и рада. Давно уж точно во сне все вижу, что кругом меня происходит. Нет, уехать надо, вырваться отсюда. Я стану приставать к Юлию Капитонычу. Скоро и лето пройдет, а я хочу гулять по лесам, собирать ягоды, грибы…

Огудалова. Вот для чего ты корзиночку-то приготовила! Понимаю теперь. Ты уж и шляпу соломенную с широкими полями заведи, вот и будешь пастушкой.

Лариса. И шляпу заведу. *(Запевает.)*

Не искушай меня без нужды.

Там спокойствие, тишина.

Огудалова. А вот сентябрь настанет, так не очень тихо будет, ветер-то загудит в окна.

Лариса. Ну, что ж такое.

Огудалова. Волки завоют на разные голоса.

Лариса. Все-таки лучше, чем здесь. Я по крайней мере душой отдохну.

Огудалова. Да разве я тебя отговариваю? Поезжай, сделай милость, отдыхай душой! Только знай, что Заболотье не Италия. Это я обязана тебе сказать; а то, как ты разочаруешься, так меня же будешь винить, что я тебя не предупредила.

Лариса. Благодарю тебя. Но пусть там и дико, и глухо, и холодно; для меня после той жизни, которую я здесь испытала, всякий тихий уголок покажется раем. Что это Юлий Капитоныч медлит, я не понимаю.

Огудалова. До деревни ль ему! Ему покрасоваться хочется. Да и не удивительно: из ничего, да в люди попал.

Лариса *(напевает).*

Не искушай меня без нужды.

Экая досада, не налажу никак... *(Взглянув в окно.)* Илья, Илья! Зайди на минутку. Наберу с собой в деревню романсов и буду играть да петь от скуки.

Входит Илья.

Явление четвертое

Огудалова, Лариса и Илья.

Илья. С праздником! Дай Бог здорово да счастливо! *(Кладет фуражку на стул у двери.)*

Лариса. Илья, наладь мне: «Не искушай меня без нужды!» Все сбиваюсь. *(Подает гитару.)*

Илья. Сейчас, барышня. *(Берет гитару и под-*

*страивает.)*Хороша песня; она в три голоса хороша, тенор надо: второе колено делает… Больно хорошо. А у нас беда, ах, беда!

Огудалова. Какая беда?

Илья. Антон у нас есть, тенором поет.

Огудалова. Знаю, знаю.

Илья. Один тенор и есть, а то все басы. Какие басы, какие басы! А тенор один Антон.

Огудалова. Так что ж?

Илья. Не годится в хор, — хоть брось.

Огудалова. Нездоров?

Илья. Нет, здоров, совсем невредимый.

Огудалова. Что же с ним?

Илья. Пополам перегнуло набок, совсем углом; так глаголем и ходит, другая неделя. Ах, беда! Теперь в хоре всякий лишний человек дорого стоит; а без тенора как быть! К дохтору ходил, дохтор и говорит: «Через неделю, через две отпустит, опять прямой будешь». А нам теперь его надо.

Лариса. Да ты пой.

Илья. Сейчас, барышня. Секунда фальшивит. Вот беда, вот беда! В хоре надо браво стоять, а его набок перегнуло.

Огудалова. От чего это с ним?

Илья. От глупости.

Огудалова. От какой глупости?

Илья. Такая есть глупость в нас. Говорил: «Наблюдай, Антон, эту осторожность!» А он не понимает.

Огудалова. Да и мы не понимаем.

Илья. Ну, не вам будь сказано, гулял, так гулял, так гулял. Я говорю: «Антон, наблюдай эту осторожность!» А он не понимает. Ах, беда, ах, беда! Теперь сто рублей человек стоит, вот какое дело у нас; такого барина ждем. А Антона набок свело. Какой прямой цыган был, а теперь кривой. *(Запевает басом.)* «Не искушай…»

Голос в окно: «Илья, Илья, ча адарик! ча сегер!»[154]

Палсо? Со туке требе[155]?

Голос с улицы: «Иди, барин приехал!»

Хохавеса![156]

Голос с улицы: «Верно приехал!»

Некогда, барышня, барин приехал. *(Кладет гитару и берет фуражку.)*

---

[154] Примечания: 154
Поди сюда! Иди скорей!

[155] Примечания: 155
Зачем? Что тебе?

[156] Примечания: 156
Обманываешь!

Огудалова. Какой барин?

Илья. Такой барин, ждем не дождемся: год ждали — вот какой барин! *(Уходит.)*

Явление пятое

Огудалова и Лариса.

Огудалова. Кто же бы это приехал? Должно быть, богатый и, вероятно, Лариса, холостой, коли цыгане так ему обрадовались. Видно, уж так у цыган и живет. Ах, Лариса, не прозевали ли мы жениха? Куда торопиться-то было?

Лариса. Ах, мама, мало, что ли, я страдала? Нет, довольно унижаться.

Огудалова. Экое страшное слово сказала: «унижаться»! Испугать, что ли, меня вздумала? Мы люди бедные, нам унижаться-то всю жизнь. Так уж лучше унижаться смолоду, чтоб потом пожить по-человечески.

Лариса. Нет, не могу; тяжело, невыносимо тяжело.

Огудалова. А легко-то ничего не добудешь, всю жизнь и останешься ничем.

Лариса. Опять притворяться, спять лгать!

Огудалова. И притворяйся, и лги! Счастье не

пойдет за тобой, если сама от него бегаешь.

Входит Карандышев.

Явление шестое

Огудалова, Лариса и Карандышев.

Огудалова. Юлий Капитоныч, Лариса у нас в деревню собралась, вон и корзинку для грибов приготовила!

Лариса. Да, сделайте для меня эту милость, поедемте поскорей!

Карандышев. Я вас не понимаю; куда вы торопитесь, зачем?

Лариса. Мне так хочется бежать отсюда.

Карандышев *(запальчиво)*. От кого бежать? Кто вас гонит? Или вы стыдитесь за меня, что ли?

Лариса *(холодно)*. Нет, я за вас не стыжусь. Не знаю, что дальше будет, а пока вы мне еще повода не подали.

Карандышев. Так зачем бежать, зачем скрываться от людей! Дайте мне время устроиться, опомниться, прийти в себя! Я рад, я счастлив… дайте мне возможность почувствовать всю приятность моего положения!

Огудалова. Повеличаться.

Карандышев. Да, повеличаться, я не скрываю. Я много, очень много перенес уколов для своего самолюбия, моя гордость не раз была оскорблена; теперь я хочу и вправе погордиться и повеличаться.

Лариса. Вы когда же думаете ехать в деревню?

Карандышев. После свадьбы, когда вам угодно, хоть на другой день. Только венчаться — непременно здесь; чтоб не сказали, что мы прячемся, потому что я не жених вам, не пара, а только та соломинка, за которую хватается утопающий.

Лариса. Да ведь последнее-то почти так, Юлий Капитоныч, вот это правда.

Карандышев *(с сердцем).* Так правду эту вы и знайте про себя! *(Сквозь слезы.)* — Пожалейте вы меня хоть сколько-нибудь! Пусть хоть посторонние-то думают, что вы любите меня, что выбор ваш был свободен.

Лариса. Зачем это?

Карандышев. Как зачем? Разве вы уж совсем не допускаете в человеке самолюбия?

Лариса. Самолюбие! Вы только о себе. Все себя любят! Когда же меня-то будет любить кто-нибудь? Доведете вы меня до погибели.

Огудалова. Полно, Лариса, что ты?

Лариса. Мама, я боюсь, я чего-то боюсь. Ну,

послушайте: если уж свадьба будет здесь, так, пожалуйста, чтобы поменьше было народу, чтобы как можно тише, скромнее!

Огудалова. Нет, ты не фантазируй! Свадьба — так свадьба; я Огудалова, я нищенства не допущу. Ты у меня заблестишь так, что здесь и не видывали.

Карандышев. Да и я ничего не пожалею.

Лариса. Ну, я молчу. Я вижу, что я для вас кукла; поиграете вы мной, изломаете и бросите.

Карандышев. Вот и обед сегодня для меня обойдется недешево.

Огудалова. А этот обед ваш я считаю уж совсем лишним — напрасная трата.

Карандышев. Да если б он стоил мне вдвое, втрое, я б не пожалел денег.

Огудалова. Никому он не нужен.

Карандышев. Мне нужен.

Лариса. Да зачем, Юлий Капитоныч?

Карандышев. Лариса Дмитриевна, три года я терпел унижения, три года я сносил насмешки прямо в лицо от ваших знакомых; надо же и мне, в свою очередь, посмеяться над ними.

Огудалова. Что вы еще придумываете! Ссору, что ли, затеять хотите? Так мы с Ларисой и не поедем.

Лариса. Ах, пожалуйста, не обижайте никого!

Карандышев. Не обижайте! А меня обижать можно? Да успокойтесь, никакой ссоры не будет, все будет очень мирно. Я предложу за вас тост и поблагодарю вас публично за счастье, которое вы делаете мне своим выбором, то, что вы отнеслись ко мне не так, как другие, что вы оценили меня и поверили в искренность моих чувств. Вот все, вот и вся моя месть!

Огудалова. И все это совсем не нужно.

Карандышев. Нет, уж эти фаты одолели меня своим фанфаронством. Ведь не сами они нажили богатство; что ж они им хвастаются! По пятнадцати рублей за порцию чаю бросать!

Огудалова. Все это вы на бедного Васю нападаете.

Карандышев. Да не один Вася, все хороши. Вон смотрите, что в городе делается, какая радость на лицах! Извозчики все повеселели, скачут по улицам, кричат друг другу. «Барин приехал, барин приехал». Половые в трактирах тоже сияют, выбегают на улицу, из трактира в трактир перекликаются: «Барин приехал, барин приехал». Цыгане ума сошли, все вдруг галдят, машут руками. У гостиницы съезд, толпа народу. Сейчас к гостинице четыре цыганки разряженные в

коляске подъехали, поздравить с приездом. Чудо, что за картина! А барин-то, я слышал, промотался совсем, последний пароходишко продал. Кто приехал? Промотавшийся кутила, развратный человек, и весь город рад. Хороши нравы!

Огудалова. Да кто приехал-то?

Карандышев. Ваш Сергей Сергеич Паратов.

Лариса в испуге встает.

Огудалова. А, так вот кто!

Лариса. Поедемте в деревню, сейчас поедемте!

Карандышев. Теперь-то и не нужно ехать.

Огудалова. Что ты, Лариса, зачем от него прятаться! Он не разбойник.

Лариса. Что вы меня не слушаете! Топите вы меня, толкаете в пропасть!

Огудалова. Ты сумасшедшая.

Карандышев. Чего вы боитесь?

Лариса. Я не за себя боюсь.

Карандышев. За кого же?

Лариса. За вас.

Карандышев. О, за меня не бойтесь! Я в обиду не дамся. Попробуй он только задеть меня, так увидит.

Огудалова. Нет, что вы! Сохрани вас Бог! Это ведь не Вася. Вы поосторожнее с ним, а то жизни

не рады будете.

Карандышев *(у окна)*. Вот, изволите видеть, к вам подъехал; четыре иноходца в ряд и цыган на козлах с кучером. Какую пыль в глаза пускает! Оно, конечно, никому вреда нет, пусть тешится; а в сущности-то и гнусно, и глупо.

Лариса *(Карандышеву)*. Пойдемте, пойдемте ко мне в комнату. Мама, прими сюда, пожалуйста, отделайся от его визитов!

Лариса и Карандышев уходят. Входит Паратов.

Явление седьмое

Огудалова и Паратов.

Паратов *(всю сцену ведет в шутливо-серьезном тоне)*. Тетенька, ручку!

Огудалова *(простирая руки)*. Ах, Сергей Сергеич! Ах, родной мой!

Паратов. В объятия желаете заключить? Можно. *(Обнимаются и целуются.)*

Огудалова. Каким ветром занесло? Проездом, вероятно?

Паратов. Нарочно сюда, и первый визит к вам, тетенька.

Огудалова. Благодарю. Как поживаете, как

дела ваши?

Паратов. Гневить Бога нечего, тетенька, живу весело, а дела не важны.

Огудалова *(поглядев на Паратова)*. Сергей Сергеич, скажите, мой родной, что это вы тогда так вдруг исчезли?

Паратов. Неприятную телеграмму получил, тетенька.

Огудалова. Какую?

Паратов. Управители мои и управляющие свели без меня домок мой в ореховую скорлупку-с. Своими операциями довели было до аукционной продажи мои пароходики и все движимое и недвижимое имение. Так я полетел тогда спасать свои животишки-с.

Огудалова. И, разумеется, все спасли и все устроили.

Паратов. Никак нет-с; устроил, да не совсем, брешь порядочная осталась. Впрочем, тетенька, духу не теряю и веселого расположения не утратил.

Огудалова. Вижу, что не утратил.

Паратов. На одном потеряем, на другом выиграем, тетенька; вот наше дело какое.

Огудалова. На чем же вы выиграть хотите? Новые обороты завели?

Паратов. Не нам, легкомысленным джентльменам, новые обороты заводить! За это в долговое отделение, тенька. Хочу продать свою волюшку.

Огудалова. Понимаю: выгодно жениться хотите. А во сколько вы цените свою волюшку?

Паратов. В полмиллиона-с.

Огудалова. Порядочно.

Паратов. Дешевле, тетенька, нельзя-с, расчету нет, себе дороже, сами знаете.

Огудалова. Молодец мужчина.

Паратов. С тем возьмите.

Огудалова. Экой сокол! Глядеть на тебя да радоваться.

Паратов. Очень лестно слышать от вас. Ручку пожарите! *(Целует руку.)*

Огудалова. А покупатели, то есть покупательницы-то, есть?

Паратов. Поискать, так найдутся.

Огудалова. Извините за нескромный вопрос!

Паратов. Коли очень нескромный, так не спрашивайте: я стыдлив.

Огудалова. Да полно тебе шутить-то! Есть невеста или нет? Коли есть, так кто она?

Паратов. Хоть зарежьте, не скажу.

Огудалова. Ну, как знаешь.

Паратов. Я бы желал засвидетельствовать свое

почтение Ларисе Дмитриевне. Могу я ее видеть?

Огудалова. Отчего же. Я ее сейчас пришлю к вам. *(Берет футляр с вещами.)* Да вот, Сергей Сергеич, завтра Ларисы рождение, хотелось бы подарить ей эти вещи, да денег много нехватает.

Паратов. Тетенька, тетенька! ведь уж человек с трех взяла! Я тактику-то вашу помню.

Огудалова *(берет Паратова за ухо)*. Ах ты, проказник!

Паратов. Я завтра сам привезу подарок, получше этого.

Огудалова. Я позову к вам Ларису. *(Уходит.)*

Входит Лариса.

Явление восьмое

Паратов и Лариса.

Паратов. Не ожидали?

Лариса. Нет, теперь не ожидала. Я ждала вас долго, но уж давно перестала ждать.

Паратов. Отчего же перестали ждать?

Лариса. Не надеялась дождаться. Вы скрылись так неожиданно, и ни одного письма…

Паратов. Я не писал потому, что не мог сообщить вам ничего приятного.

Лариса. Я так и думала.

Паратов. И замуж выходите?

Лариса. Да, замуж.

Паратов. А позвольте вас спросить: долго вы меня ждали?

Лариса. Зачем вам знать это?

Паратов. Мне не для любопытства, Лариса Дмитриевна; меня интересуют чисто теоретические соображения. Мне хочется знать, скоро ли женщина забывает страстно любимого человека: на другой день после разлуки с ним, через неделю или через месяц… имел ли право Гамлет сказать матери, что она «башмаков еще не износила» и так далее.

Лариса. На ваш вопрос я вам не отвечу, Сергей Сергеич; можете думать обо мне, что вам угодно.

Паратов. Об вас я всегда буду думать с уважением; но женщины вообще, после вашего поступка, много теряют в глазах моих.

Лариса. Да какой мой поступок? Вы ничего не знаете.

Паратов. Эти «кроткие, нежные взгляды», этот сладкий любовный шопот, — когда каждое слово чередуется с глубоким вздохом, — эти клятвы… И все это через месяц повторяется другому, как выученный урок. О, женщины!

Лариса. Что «женщины»?

Паратов. Ничтожество вам имя!

Лариса. Ах, как вы смеете так обижать меня? Разве вы знаете, что я после вас полюбила кого-нибудь? Вы уверены в этом?

Паратов. Я не уверен, но полагаю.

Лариса. Чтобы так жестоко упрекать, надо знать, а не полагать.

Паратов. Вы выходите замуж?

Лариса. Но что меня заставило… Если дома жить нельзя, если во время страшной, смертельной тоски заставляют любезничать, улыбаться, навязывают женихов, на которых без отвращения нельзя смотреть, если в доме, скандалы, если надо бежать и из дому и даже из городу?

Паратов. Лариса, так вы?..

Лариса. Что «я»? Ну, что вы хотели сказать?

Паратов. Извините! Я виноват перед вами. Так вы не забыли меня, вы еще… меня любите?

Лариса молчит.

Ну, скажите, будьте откровенны!

Лариса. Конечно, да. Нечего и спрашивать.

Паратов *(нежно целует руку Ларисы).* Благодарю вас, благодарю.

Лариса. Вам только и нужно было: вы — чело-

век гордый.

Паратов. Уступить вас я могу, я должен по обстоятельствам; но любовь вашу уступить было бы тяжело.

Лариса. Неужели?

Паратов. Если бы вы предпочли мне кого-нибудь, вы оскорбили бы меня глубоко, и я нелегко бы простил вам это.

Лариса. А теперь?

Паратов. А теперь я во всю жизнь сохраню самое приятное воспоминание о вас, и мы расстанемся, как лучшие друзья.

Лариса. Значит, пусть женщина плачет, страдает, только бы любила вас?

Паратов. Что делать, Лариса Дмитриевна! В любви равенства нет, это уж не мной заведено. В любви приходится иногда и плакать.

Лариса. И непременно женщине?

Паратов. Уж, разумеется, не мужчине.

Лариса. Да почему?

Паратов. Очень просто; потому что если мужчина заплачет, так его бабой назовут; а эта кличка для мужчины хуже всего, что только может изобресть ум человеческий.

Лариса. Кабы любовь-то была равная с обеих сторон, так слез-то бы не было. Бывает это ко-

гда-нибудь?

Паратов. Изредка случается. Только уж это какое-то кондитерское пирожное выходит, какое-то безэ.

Лариса. Сергей Сергеич, я сказала вам то, чего не должна была говорить; я надеюсь, что вы не употребите во зло моей откровенности.

Паратов. Помилуйте, за кого же вы меня принимаете! Если женщина свободна, ну, тогда другой разговор… Я, Лариса Дмитриевна, человек с правилами, брак для меня дело священное. Я этого вольнодумства терпеть не могу. Позвольте узнать: ваш будущий супруг, конечно, обладает многими достоинствами?

Лариса. Нет, одним только.

Паратов. Немного.

Лариса. Зато дорогим.

Паратов. А именно?

Лариса. Он любит меня.

Паратов. Действительно дорогим; это для, домашнего обихода очень хорошо.

Входят Огудалова и Карандышев.

Явление девятое

Паратов, Лариса, Огудалова, Карандышев, потом лакей.

Огудалова. Позвольте вас познакомить, господа! *(Паратову.)* Юлий Капитоныч Карандышев. *(Карандышеву.)* Сергей Сергеич Паратов.

Паратов *(подавая руку Карандышеву).* Мы уже знакомы. *(Кланяясь.)* Человек с большими усами и малыми способностями. Прошу любить и жаловать. Старый друг Хариты Игнатьевны и Ларисы Дмитриевны.

Карандышев *(сдержанно).* Очень приятно.

Огудалова. Сергей Сергеич у нас в даме как родной.

Карандышев. Очень приятно.

Паратов *(Карандышеву).* Вы не ревнивы?

Карандышев. Я надеюсь, что Лариса Дмитриевна не подаст мне никакого повода быть ревнивым.

Паратов. Да ведь ревнивые люди ревнуют без всякого повода.

Лариса. Я ручаюсь, что Юлий Капитоныч меня ревновать не будет.

Карандышев. Да, конечно; но если бы…

Паратов. О да, да. Вероятно, это было бы что-нибудь очень ужасное.

Огудалова. Что вы, господа, затеяли! Разве нет других разговоров, кроме ревности!

Лариса. Мы, Сергей Сергеич, скоро едем в деревню.

Паратов. От прекрасных здешних мест?

Карандышев. Что же вы находите здесь прекрасного?

Паратов. Ведь это как кому; на вкус, на цвет образца нет.

Огудалова. Правда, правда. Кому город нравится, а кому деревня.

Паратов. Тетенька, у всякого свой вкус: один любит арбуз, другой свиной хрящик.

Огудалова. Ах, проказник! Откуда вы столько пословиц знаете?

Паратов. С бурлаками водился, тетенька, так русскому языку выучишься.

Карандышев. У бурлаков учиться русскому языку?

Паратов. А почему ж у них не учиться?

Карандышев. Да потому, что мы считаем их…

Паратов. Кто это: мы?

Карандышев *(разгорячись).* Мы, то есть образо-

ванные люди, а не бурлаки.

Паратов. Ну-с, чем же вы считаете бурлаков? Я судохозяин и вступаюсь за них; я сам такой же бурлак.

Карандышев. Мы считаем их образцом грубости и невежества.

Паратов. Ну, далее, господин Карандышев!

Карандышев. Все, больше ничего.

Паратов. Нет, не все, главного недостает: вам нужно просить извинения.

Карандышев. Мне — извиняться!

Паратов. Да, уж нечего делать, надо.

Карандышев. Да с какой стати? Это мое убеждение.

Паратов. Но-но-но-но! Отвилять нельзя.

Огудалова. Господа, господа, что вы!

Паратов. Не беспокойтесь, я за это на дуэль не вызову: ваш жених цел останется; я только поучу его. У меня правило: никому ничего не прощать; а то страх забудут, забываться станут.

Лариса *(Карандышеву)*. Что вы делаете? Просите извинения сейчас, я вам приказываю.

Паратов *(Огудаловой)*. Кажется, пора меня знать. Если я кого хочу поучить, так на неделю дома запираюсь да казнь придумываю.

Карандышев *(Паратову)*. Я не понимаю.

Паратов. Так выучитесь прежде понимать, да потом и разговаривайте!

Огудалова. Сергей Сергеич, я на колени брошусь перед вами; ну, ради меня, извините его!

Паратов *(Карандышеву)*. Благодарите Хариту Игнатьевну. Я вас прощаю. Только, мой родной, разбирайте людей! Я еду-еду, не свищу, а наеду — не спущу.

Карандышев хочет отвечать.

Огудалова. Не возражайте, не возражайте! А то я с вами поссорюсь. Лариса! Вели шампанского подать да налей им по стаканчику — пусть выпьют мировую.

Лариса уходит.

И уж, господа, пожалуйста, не ссорьтесь больше. Я женщина мирного характера; я люблю, чтоб все дружно было, согласно.

Паратов. Я сам мирного характера, курицы не обижу, я никогда первый не начну; за себя я вам ручаюсь…

Огудалова. Юлий Капитоныч, вы — еще молодой человек, вам надо быть поскромнее, горячиться не следует. Извольте-ка вот пригласить Сергея Сергеича на обед, извольте непременно!

Нам очень приятно быть с ним вместе.

Карандышев. Я и сам хотел. Сергей Сергеич, угодно вам откушать у меня сегодня?

Паратов *(холодно)*. С удовольствием.

Входит Лариса, за ней человек с бутылкой шампанского в руках и стаканами на подносе.

Лариса *(наливает)*. Господа, прошу покорно.

Паратов и Карандышев берут стаканы.

Прошу вас быть друзьями.

Паратов. Ваша просьба для меня равняется приказу.

Огудалова *(Карандышеву)*. Вот и вы берите пример с Сергея Сергеича!

Карандышев. Про меня нечего и говорить: для меня каждое слово Ларисы Дмитриевны — закон.

Входит Вожеватов.

Явление десятое

Огудалова, Лариса, Паратов, Карандышев, Вожеватов, потом Робинзон.

Вожеватов. Где шампанское, там и мы. Каково

чутье! Харита Игнатьевна, Лариса Дмитриевна, позвольте белокурому в комнату войти!

Огудалова. Какому белокурому?

Вожеватов. Сейчас увидите. Войди, белокур!

Робинзон входит.

Честь имею представить вам нового друга моего: лорд Робинзон.

Огудалова. Очень приятно.

Вожеватов *(Робинзону)*. Целуй ручки!

Робинзон целует руки у Огудаловой и Ларисы.

Ну, милорд, теперь поди сюда!

Огудалова. Что это вы как командуете вашим другом?

Вожеватов. Он почти не бывал в дамском обществе, так застенчив. Все больше путешествовал, и по воде, и по суше, а вот недавно совсем было одичал на необитаемом острове. *(Карандышеву.)* Позвольте вас познакомить! Лорд Робинзон, Юлий Капитоныч Карандышев!

Карандышев *(подавая руку Робинзону)*. Вы уж давно выехали из Англии?

Робинзон. Yes. *(Йес)*.

Вожеватов *(Паратову)*. Я его слова три по-английски выучил да, признаться, и сам-то не много

больше знаю. *(Робинзону.)* Что ты на вино-то поглядываешь? Харита Игнатьевна, можно?

Огудалова. Сделайте одолжение.

Вожеватов. Англичане ведь целый день пьют вино, с утра.

Огудалова. Неужели вы целый день пьете?

Робинзон. Yes.

Вожеватов. Они три раза завтракают да потом обедают с шести часов до двенадцати.

Огудалова. Возможно ли?

Робинзон. Yes.

Вожеватов *(Робинзону)*. Ну, наливай!

Робинзон *(налив стаканы)*. If you please *(Иф ю плиз)*!(Пьют.)

Паратов *(Карандышеву)*. Пригласите и его обедать! Мы с ним везде вместе, я без него не могу.

Карандышев. Как его зовут?

Паратов. Да кто ж их по имени зовет! Лорд, милорд…

Карандышев. Разве он лорд?

Паратов. Конечно, не лорд; да они так любят. А то просто: сэр Робинзон.

Карандышев *(Робинзону)*. Сэр Робинзон, прошу покорно сегодня откушать у меня.

Робинзон. I thank you *(Ай сенк ю)*.

Карандышев *(Огудаловой)*. Харита Игнатьевна,

я отправлюсь домой, мне нужно похлопотать кой о чем. *(Кланяясь всем).* Я вас жду, господа. Честь имею кланяться! *(Уходит.)*

Паратов *(берет шляпу).* Да и нам пора, надо отдохнуть с дороги.

Вожеватов. К обеду приготовиться.

Огудалова. Погодите, господа, не все вдруг.

Огудалова и Лариса уходят за Карандышевым в переднюю.

Явление одиннадцатое

Паратов, Вожеватов и Робинзон.

Вожеватов. Понравился вам жених?

Паратов. Чему тут нравиться! Кому он может нравиться! А еще разговаривает, гусь лапчатый.

Вожеватов. Разве было что?

Паратов. Был разговор небольшой. Топорщился тоже, как и человек, петушиться тоже вздумал. Да погоди, дружок, я над тобой, дружок, потешусь. *(Ударив себя по лбу.)*Ах, какая мысль блестящая! Ну, Робинзон, тебе предстоит работа трудная, старайся…

Вожеватов. Что такое?

Паратов. А вот что… *(Прислушиваясь.)* Идут.

После скажу, господа.

Входят Огудалова и Лариса.

Честь имею кланяться.
Вожеватов. До свидания! *(Раскланиваются.)*

Действие третье
Лица

Евфросинья Потаповна, тетка Карандышева.
Карандышев.
Огудалова.
Лариса.
Паратов.
Кнуров.
Вожеватов.
Робинзон.
Иван.
Илья-цыган.

Кабинет Карандышева; комната, меблированная с претензиями, но без вкуса; на одной стене прибит над диваном ковер, на котором развешано оружие; три двери: одна в середине, две по бокам.

Явление первое

Евфросинья Потаповна и Иван (выходит из двери налево).

Иван. Лимонов пожалуйте!

Евфросинья Потаповна. Каких лимонов, аспид?

Иван. Мессинских-с.

Евфросинья Потаповна. На что они тебе понадобились?

Иван. После обеда которые господа кофей кушают, а которые чай, так к чаю требуется.

Евфросинья Потаповна. Вымотали вы из меня всю душеньку нынче. Подай клюковного морсу, разве не все равно. Возьми там у меня графинчик; ты поосторожнее, графинчик-то старенький, пробочка и так еле держится, сургучиком подклеена. Пойдем, я сама выдам. *(Уходит в среднюю дверь, Иван за ней.)*

Входят Огудалова и Лариса слева.

Явление второе

Огудалова и Лариса.

Лариса. Ах, мама, я не знала, куда деться.

Огудалова. Я так и ожидала от него.

Лариса. Что за обед, что за обед! А еще зовет Мокия Парменыча! Что он делает?

Огудалова. Да, угостил, нечего сказать.

Лариса. Ах, как нехорошо! Нет хуже этого сты-

да, когда приходится за других стыдиться. Вот мы ни в чем не виноваты, а стыдно, стыдно, так бы убежала куда-нибудь. А он как будто не замечает ничего, он даже весел.

Огудалова. Да ему и заметить нельзя: он ничего не знает, он никогда и не видывал, как порядочные люди обедают. Он еще думает, что удивил всех своей роскошью, вот он и весел. Да разве ты не замечаешь? Его нарочно подпаивают.

Лариса. Ах, ах! Останови его, останови его!

Огудалова. Как остановить! Он — не малолетний, пора без няньки жить.

Лариса. Да ведь он не глуп, как же он не видит этого!

Огудалова. Не глуп, да самолюбив. Над ним подтрунивают, вина похваливают, он и рад; сами-то только вид делают, что пьют, а ему подливают.

Лариса. Ах! Я боюсь, всего боюсь. Зачем они это делают?

Огудалова. Да так просто, позабавиться хотят.

Лариса. Да ведь они меня терзают-то?

Огудалова. А кому нужно, что ты терзаешься. Вот, Лариса, еще ничего не видя, а уж терзание; что дальше-то будет?

Лариса. Ах, дело сделано; можно только жа-

леть, а исправить нельзя.

Входит Евфросинья Потаповна.

Явление третье

Огудалова, Лариса и Евфросинья Потаповна.

Евфросинья Потаповна. Уж откушали? А чаю не угодно?

Огудалова. Нет, увольте.

Евфросинья Потаповна. А мужчины-то что?

Огудалова. Они там сидят, разговаривают.

Евфросинья Потаповна. Ну, покушали и вставали бы; чего еще дожидаются? Уж достался мне этот обед; что хлопот, что изъяну! Поварихи разбойники, в кухню-то точно какой победитель придет, слова ему сказать не смей!

Огудалова. Да об чем с ним разговаривать? Коли он хороший повар, так учить его не надо.

Евфросинья Потаповна. Да не об ученье речь, а много очень добра изводят. Кабы свой материал, домашний, деревенский, так я бы слова не сказала; а то купленный, дорогой, так его и жалко. Помилуйте, требует сахару, ванилю, рыбьего клею; а ваниль этот дорогой, а рыбий клей еще дороже. Ну и положил бы чуточку для духу, а он

валит зря; сердце-то и мрет, на него глядя.

Огудалова. Да, для расчетливых людей, конечно…

Евфросинья Потаповна. Какие тут расчеты, коли человек с ума сошел. Возьмем стерлядь: разве вкус-то в ней не один, что большая, что маленькая? А в цене-то разница, ох, велика! Полтинничек десяток и за глаза бы, а он по полтиннику штуку платил.

Огудалова. Ну, этим, что были за обедом, еще погулять по Волге да подрасти бы не мешало.

Евфросинья Потаповна. Ах, да ведь, пожалуй, есть и в рубль, и в два; плати, у кого деньги бешеные. Кабы для начальника какого высокого али для владыки, ну, уж это так и полагается, а то для кого! Опять вино хотел было дорогое покупать в рубль и больше, да купец честный человек попался; берите, говорит, кругом по шести гривен за бутылку, а ерлыки наклеим какие прикажете! Уж и вино отпустил! Можно сказать, что на чести. Попробовала я рюмочку, так и гвоздикой-то пахнет, и розаном пахнет, и еще чем-то. Как ему быть дешевым, когда в него столько дорогих духов кладется! И деньги немалые: шесть гривен за бутылку; а уж и стоит дать. А дороже платить не из чего, жалованьем живем. Вот у нас сосед

женился, так к нему этого одного пуху: перин да подушек, возили-возили, возили-возили, да все чистого; потом пушного: лисица, и куница, и соболь! Все это в дом, так есть из чего ему тратиться. А вот рядом чиновник женился, так всего приданого привезли фортепьяны старые. Не разживешься. Все равно и нам форсить некстати.

Лариса *(Огудаловой).* Бежала б я отсюда, куда глаза глядят.

Огудалова. Невозможно, к несчастью.

Евфросинья Потаповна. Да коли вам что не по себе, так пожалуйте ко мне в комнату; а то придут мужчины, накурят так, что не продохнешь. Что я стою-то! Бежать мне серебро сосчитать да запереть, нынче народ без креста.

Огудалова и Лариса уходят в дверь направо, Евфросинья Потаповна — в среднюю. Из двери налево выходят Паратов, Кнуров, Вожеватов.

Явление четвертое

Паратов, Кнуров и Вожеватов.

Кнуров. Я, господа, в клуб обедать поеду, я не ел ничего.

Паратов. Подождите, Мокий Парменыч!

Кнуров. Со мной в первый раз в жизни такой случай. Приглашают обедать известных людей, а есть нечего… Он человек глупый, господа.

Паратов. Мы не спорим. Надо ему отдать справедливость: он действительно глуп.

Кнуров. И сам прежде всех напился.

Вожеватов. Мы его порядочно подстроили.

Паратов. Да, я свою мысль привел в исполнение. Мне еще давеча в голову пришло: накатить его хорошенько и посмотреть, что выйдет.

Кнуров. Так у вас было это задумано?

Паратов. Мы прежде условились. Вот, господа, для таких случаев Робинзоны-то и дороги.

Вожеватов. Золото, а не человек.

Паратов. Чтобы напоить хозяина, надо самому пить с ним вместе; а есть ли возможность глотать эту микстуру, которую он вином величает. А Робинзон — натура выдержанная на заграничных винах ярославского производства, ему нипочем. Он пьет да похваливает, пробует то одно, то другое, сравнивает, смакует с видом знатока, но без хозяина пить не соглашается; тот и попался. Человек непривычный, много ль ему надо, скорехонько и дошел до восторга.

Кнуров. Это забавно; только мне, господа, не шутя есть хочется.

Паратов. Еще успеете. Погодите немного, мы попросим Ларису Дмитриевну спеть что-нибудь.

Кнуров. Это другое дело. А где ж Робинзон?

Вожеватов. Они там еще допивают.

Входит Робинзон.

Явление пятое

Паратов, Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

Робинзон *(падая на диван).* Батюшки, помогите! Ну, Серж, будешь ты за меня Богу отвечать!

Паратов. Что ж ты, пьян, что ли?

Робинзон. Пьян! Рааве я на это жалуюсь когда-нибудь? Кабы пьян, это бы прелесть что такое-лучше бы и желать ничего нельзя. Я с этим добрым намерением ехал сюда, да с этим добрым намерением и на свете живу. Это цель моей жизни.

Паратов. Что ж с тобой?

Робинзон. Я отравлен, я сейчас караул закричу.

Паратов. Да ты что пил-то больше, какое вино?

Робинзон. Кто ж его знает? Химик я, что ли! Ни один аптекарь не разберет.

Паратов. Да что на бутылке-то, какой этикет?

Робинзон. На бутылке-то «бургонское», а в бутылке-то «киндар-бальзам» какой-то. Не пройдет мне даром эта специя, уж я чувствую.

Вожеватов. Это случается: как делают вино, так переложат лишнее что-нибудь против пропорции. Ошибиться долго ли? человек — не машина. Мухоморов не переложили ли?

Робинзон. Что тебе весело! Человек погибает, а ты рад.

Вожеватов. Шабаш! Помирать тебе, Робинзон.

Робинзон. Ну, это вздор, помирать я не согласен… Ах! хоть бы знать, какое увечье-то от этого вина бывает.

Вожеватов. Один глаз лопнет непременно, ты так и жди.

За сценой голос Карандышева: «Эй, дайте нам бургонского!»

Робинзон. Ну, вот, изволите слышать, опять бургонского! Спасите, погибаю! Серж, пожалей хоть ты меня. Ведь я в цвете лет, господа, я подаю большие надежды. За что ж искусство должно лишиться…

Паратов. Да не плачь, я тебя вылечу; я знаю, чем помочь тебе; как рукой снимет.

Входит Карандышев с ящиком сигар.

Явление шестое

Паратов, Кнуров, Вожеватов, Робинзон и Карандышев.

Робинзон *(взглянув на ковер)*. Что это у вас такое?

Карандышев. Сигары.

Робинзон. Нет, что развешано-то? Бутафорские вещи?

Карандышев. Какие бутафорские вещи! Это турецкое оружие.

Паратов. Так вот кто виноват, что австрийцы турок одолеть не могут.

Карандышев. Как? Что за шутки! Помилуйте, что это за вздор! Чем я виноват?

Паратов. Вы забрали у них все дрянное, негодное оружие; вот они с горя хорошим английским! и запаслись.

Вожеватов. Да, да, вот кто виноват! теперь нашлось. Ну, вам австрийцы спасибо не скажут.

Карандышев. Да чем оно негодное? Вот этот пистолет, например. *(Снимает со стены пистолет.)*

Паратов *(берет у него пистолет)*. Этот пистолет?

Карандышев. Ах, осторожнее, он заряжен.

Паратов. Не бойтесь! Заряжен ли он, не заряжен ли, опасность от него одинакова: он все равно не выстрелит. Стреляйте в меня в пяти шагах, я позволяю.

Карандышев. Ну, нет-с, и этот пистолет пригодиться может.

Паратов. Да, в стену гвозди вколачивать. *(Бросает пистолет на стол.)*

Вожеватов. Ну, нет, не скажите! По русской пословице: «На грех и из палки выстрелишь».

Карандышев *(Паратову)*. Не угодно ли сигар?

Паратов. Да ведь, чай, дорогие? Рублей семь сотня, я думаю.

Карандышев. Да-с, около того: сорт высокий, очень высокий сорт.

Паратов. Я этот сорт знаю: Регалия капустиссима dos amigos, я его держу для приятелей, а сам не курю.

Карандышев *(Кнурову)*. Не прикажете ли?

Кнуров. Не хочу я ваших сигар — свои курю.

Карандышев. Хорошенькие сигары, хорошенькие-с.

Кнуров. Ну, а хорошие, так и курите сами.

Карандышев *(Вожеватову)*. Вам не угодно ли?

Вожеватов. Для меня эти очень дороги; пожалуй, избалуешься. Не нашему носу рябину клевать: рябина — ягода нежная.

Карандышев. А вы, сэр Робинзон, курите?

Робинзон. Я-то? Странный вопрос! Пожалуйте пяточек! *(Выбирает пять штук, вынимает из кармана бумажку и тщательно завертывает.)*

Карандышев. Что же вы не закуриваете?

Робинзон. Нет, как можно! Эти сигары надо курить в природе, в хорошем местоположении.

Карандышев. Да почему же?

Робинзон. А потому, что если их закурить в порядочном доме, так, пожалуй, прибьют, чего я терпеть не могу.

Вожеватов. Не любишь, когда бьют?

Робинзон. Нет, с детства отвращение имею.

Карандышев. Какой он оригинал! А, господа, каков оригинал! Сейчас видно, что англичанин. *(Громко.)* А где наши дамы? *(Еще громче)*. Где дамы?

Входит Огудалова.

Явление седьмое

Паратов, Кнуров, Вожеватов, Робинзон, Карандышев и Огудалова.

Огудалова. Дамы здесь, не беспокойтесь. *(Карандышеву тихо).* Что вы делаете? Посмотрите вы на себя!

Карандышев. Я, помилуйте, я себя знаю. Посмотрите: все пьяны, а я только весел. Я счастлив сегодня, я торжествую.

Огудалова. Торжествуйте, только не так громко! *(Подходит к Паратову).* Сергей Сергеич, перестаньте издеваться над Юлием Капитонычем! Нам больно видеть: вы обижаете меня и Ларису.

Паратов. Ах, тетенька, смею ли я!

Огудалова. Неужели вы еще не забыли давешнюю ссору? Как не стыдно!

Паратов. Что вы! Я, тетенька, не злопамятен. Да извольте, я для вашего удовольствия все это покончу одним разом. Юлий Капитоныч!

Карандышев. Что вам угодно?

Паратов. Хотите брудершафт со мной выпить?

Огудалова. Вот это хорошо. Благодарю вас!

Карандышев. Брудершафт, вы говорите? Извольте, с удовольствием.

Паратов *(Огудаловой)*. Да попросите сюда Ларису Дмитриевну! Что она прячется от нас!

Огудалова. Хорошо, я приведу ее. *(Уходит.)*

Карандышев. Что же мы выпьем? Бургонского?

Паратов. Нет, уж от бургонского увольте! Я человек простой.

Карандышев. Так чего же?

Паратов. Знаете что: любопытно теперь нам с вами коньячку выпить. Коньяк есть?

Карандышев. Как не быть! У меня все есть. Эй, Иван, коньяку!

Паратов. Зачем сюда, мы там выпьем; только велите стаканчиков дать, я рюмок не признаю.

Робинзон. Что ж вы прежде не сказали, что у вас коньяк есть? Сколько дорогого времени-то потеряно!

Вожеватов. Как он ожил!

Робинзон. С этим напитком я обращаться умею, я к нему применился.

Паратов и Карандышев уходят в дверь налево.

Явление восьмое

Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

Робинзон *(глядит в дверь налево).* Погиб Карандышев. Я начал, а Серж его докончит. Наливают, устанавливаются в позу; живая картина. Посмотрите, какая у Сержа улыбка! Совсем Бертрам. *(Поет из «Роберта».)* «Ты мой спаситель. — Я твой спаситель! — И покровитель. — И покровитель». Ну, проглотил. Целуются. *(Поет.)* «Как счастлив я! — Жертва моя!» Ай, уносит Иван коньяк, уносит! *(Громко.)* Что ты, что ты, оставь! Я его давно дожидаюсь. *(Убегает.)*

Из средней двери выходит Илья.

Явление девятое

Кнуров, Вожеватов, Илья, потом Паратов.

Вожеватов. Что тебе, Илья?

Илья. Да наши готовы, собрались совсем, на бульваре дожидаются. Когда ехать прикажете?

Вожеватов. Сейчас все вместе поедем, подождите немного!

Илья. Хорошо. Как прикажете, так и будет.

Входит Паратов.

Паратов. А, Илья, готовы?

Илья. Готовы, Сергей Сергеич.

Паратов. Гитара с тобой?

Илья. Не захватил, Сергей Сергеич.

Паратов. Гитару нужно, слышишь?

Илья. Сейчас сбегаю, Сергей Сергеич! *(Уходит.)*

Паратов. Я хочу попросить Ларису Дмитриевну спеть нам что-нибудь, да и поедемте за Волгу.

Кнуров. Не весела наша прогулка будет без Ларисы Дмитриевны. Вот если бы… Дорого можно заплатить за такое удовольствие.

Вожеватов. Если бы Лариса Дмитриевна поехала, я бы, с радости, всех гребцов по рублю серебром оделил.

Паратов. Представьте, господа, я и сам о том же думаю; вот как мы сошлись.

Кнуров. Да есть ли возможность?

Паратов. На свете нет ничего невозможного, говорят философы.

Кнуров. А Робинзон, господа, лишний. Потешились, и будет. Напьется он там до звериного образа — что хорошего! Эта прогулка дело серьезное, он нам совсем не компания. *(Указывая в*

*дверь.)*Вон он как к коньяку-то прильнул.

Вожеватов. Так не брать его.

Паратов. Увяжется как-нибудь!

Вожеватов. Погодите, господа, я от него отделаюсь. *(В дверь.)* Робинзон!

Входит Робинзон.

Явление десятое

Паратов, Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

Робинзон. Что тебе?

Вожеватов *(тихо)*. Хочешь ехать в Париж?

Робинзон. Как в Париж, когда?

Вожеватов. Сегодня вечером.

Робинзон. А мы за Волгу сбирались.

Вожеватов. Как хочешь; поезжай за Волгу, а я в Париж.

Робинзон. Да ведь у меня паспорта нет.

Вожеватов. Это уж мое дело.

Робинзон. Я пожалуй.

Вожеватов. Так отсюда мы поедем вместе; я тебя завезу домой к себе; там и жди меня, отдохни, усни. Мне нужно заехать по делам места в два.

Робинзон. А интересно бы и цыган послушать.

Вожеватов. А еще артист! Стыдись! Цыганские

песни — ведь это невежество. То ли дело итальянская опера или оперетка веселенькая! Вот что тебе надо слушать. Чай, сам играл.

Робинзон. Еще бы! я в «Птичках певчих» играл.

Вожеватов. Кого?

Робинзон. Нотариуса.

Вожеватов. Ну, как же такому артисту да в Париже не побывать. После Парижа тебе какая цена-то будет!

Робинзон. Руку!

Вожеватов. Едешь?

Робинзон. Еду.

Вожеватов *(Паратову)*. Как он тут пел из «Роберта»! Что за голос!

Паратов. А вот мы с ним в Нижнем на ярмарке дел наделаем.

Робинзон. Еще поеду ли я, спросить надо.

Паратов. Что так?

Робинзон. Невежества я и без ярмарки довольно вижу.

Паратов. Ого, как он поговаривать начал!

Робинзон. Нынче образованные люди в Европу ездят, а не по ярмаркам шатаются.

Паратов. Какие же государства и какие города Европы вы осчастливить хотите?

Робинзон. Конечно, Париж, я уж туда давно собираюсь.

Вожеватов. Мы с ним сегодня вечером едем.

Паратов. А, вот что! Счастливого пути! В Париж тебе действительно надо ехать. Там только тебя и недоставало. А где ж хозяин?

Робинзон. Он там, он говорил, что сюрприз нам готовит.

Входят справа Огудалова и Лариса, слева Карандышев и Иван.

Явление одиннадцатое

Огудалова, Лариса, Паратов, Кнуров, Вожеватов, Робинзон, Карандышев, Иван, потом Илья и Евфросинья Потаповна.

Паратов *(Ларисе)*. Что вы нас покинули?

Лариса. Мне что-то нездоровится.

Паратов. А мы сейчас с вашим женихом брудершафт выпили. Теперь уж друзья навек.

Лариса. Благодарю вас. *(Жмет руку Паратову.)*

Карандышев *(Паратову)*. Серж!

Паратов *(Ларисе)*. Вот видите, какая короткость. *(Карандышеву).* Что тебе?

Карандышев. Тебя кто-то спрашивает.

Паратов. Кто там?

Иван. Цыган Илья.

Паратов. Так зови его сюда.

Иван уходит.

Господа, извините, что я приглашаю Илью в наше общество. Это мой лучший друг. Где принимают меня, там должны принимать и моих друзей. Это мое правило.

Вожеватов *(Ларисе тихо)*. Я новую песенку знаю.

Лариса. Хорошая?

Вожеватов. Бесподобная! «Веревьюшки веревью, на барышне башмачки».

Лариса. Это забавно.

Вожеватов. Я вас выучу.

Входит Илья с гитарой.

Паратов *(Ларисе)*. Позвольте, Лариса Дмитриевна, попросить вас осчастливить нас! Спойте нам какой-нибудь романс или песенку! Я вас целый год не слыхал, да, вероятно, и не услышу уж более.

Кнуров. Позвольте и мне повторить ту же просьбу!

Карандышев. Нельзя, господа, нельзя, Лариса

Дмитриевна не станет петь.

Паратов. Да почем ты знаешь, что не станет? А может быть, и станет.

Лариса. Извините, господа, я и не расположена сегодня, и не в голосе.

Кнуров. Что-нибудь, что вам угодно!

Карандышев. Уж коли я говорю, что не станет, так не станет.

Паратов. А вот посмотрим. Мы попросим хорошенько, на колени станем.

Вожеватов. Это я сейчас, я человек гибкий.

Карандышев. Нет, нет, и не просите, нельзя; я запрещаю.

Огудалова. Что вы! Запрещайте тогда, когда будете иметь право, а теперь еще погодите запрещать, рано.

Карандышев. Нет, нет! Я положительно запрещаю.

Лариса. Вы запрещаете? Так я буду петь, господа!

Карандышев, надувшись, отходит в угол и садится.

Паратов. Илья!

Илья. Что будем петь, барышня?

Лариса. «Не искушай».

Илья *(подстраивая гитару)*. Вот третий голос надо! Ах, беда! Какой тенор был! От своей от глупости. *(Поют в два голоса.)*

Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей!
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней.

Все различным образом выражают восторг. Паратов сидит, запустив руки в волоса. Во втором куплете слегка пристает Робинзон.

Уж я не верю увереньям,
Уж я не верую в любовь
И не хочу предаться вновь
Раз обманувшим сновиденьям.

Илья *(Робинзону)*. Вот спасибо, барин. Выручил.

Кнуров *(Ларисе)*. Велико наслаждение видеть вас, а еще больше наслаждения слушать вас.

Паратов *(с мрачным видом)*. Мне кажется, я с ума сойду. *(Целует руку Ларисы.)*

Вожеватов. Послушать да и умереть — вот оно что! *(Карандышеву).* А вы хотели лишить нас этого удовольствия.

Карандышев. Я, господа, не меньше вашего восхищаюсь пением Ларисы Дмитриевны. Мы сейчас выпьем шампанского за ее здоровье.

Вожеватов. Умную речь приятно и слышать.

Карандышев *(громко)*. Подайте шампанского!

Огудалова *(тихо)*. Потише! Что вы кричите!

Карандышев. Помилуйте, я у себя дома. Я знаю, что делаю. *(Громко.)* Подайте шампанского!

Входит Евфросинья Потаповна.

Евфросинья Потаповна. Какого тебе еще шампанского? Поминутно то того, то другого.

Карандышев. Не мешайтесь не в свое дело! Исполняйте, что вам приказывают!

Евфросинья Потаповна. Так поди сам! А уж я ноги отходила; я еще, может быть, не евши с утра *(Уходит.)*

Карандышев идет в дверь налево.

Огудалова. Послушайте, Юлий Капитоныч!.. *(Уходит за Карандышевым.)*

Паратов. Илья, поезжай! чтоб катера были готовы! Мы сейчас приедем.

Илья уходит в среднюю дверь.

Вожеватов *(Кнурову)*. Оставим его одного с

Ларисой Дмитриевной. *(Робинзону.)* Робинзон, смотри, Иван коньяк-то убирает.

Робинзон. Да я его убью. Мне легче с жизнью расстаться!

Уходят налево Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

Явление двенадцатое

Лариса и Паратов.

Паратов. Очаровательница! *(Страстно глядит на Ларису.)* Как я проклинал себя, когда вы пели!

Лариса. За что?

Паратов. Ведь я — не дерево; потерять такое сокровище, как вы, разве легко?

Лариса. Кто ж виноват?

Паратов. Конечно, я, и гораздо более виноват, чем вы думаете. Я должен презирать себя.

Лариса. За что же, скажите!

Паратов. Зачем я бежал от вас! На что променял вас?

Лариса. Зачем же вы это сделали?

Паратов. Ах, зачем! Конечно, малодушие. Надо было поправить свое состояние. Да Бог с ним, с состоянием! Я проиграл больше, чем состояние, я потерял вас; я и сам страдаю, и вас заставил

страдать.

Лариса. Да, надо правду сказать, вы надолго отравили мою жизнь.

Паратов. Погодите, погодите винить меня! Я еще не совсем опошлился, не совсем огрубел; во мне врожденного торгашества нет; благородные чувства еще шевелятся в душе моей. Еще несколько таких минут, да… еще несколько таких минут…

Лариса *(тихо)*. Говорите!

Паратов. Я брошу все расчеты, и уж никакая сила не вырвет вас у меня, разве вместе с моей жизнью.

Лариса. Чего же вы хотите?

Паратов. Видеть вас, слушать вас… Я завтра уезжаю.

Лариса *(опустя голову)*. Завтра.

Паратов. Слушать ваш очаровательный голос, забывать весь мир и мечтать только об одном блаженстве.

Лариса *(тихо)*. О каком?

Паратов. О блаженстве быть рабом вашим, быть у ваших ног.

Лариса. Но как же?

Паратов. Послушайте: мы едем всей компанией кататься по Волге на катерах — поедемте!

Лариса. Ах, а здесь? Я не знаю, право… Как же здесь?

Паратов. Что такое «здесь»? Сюда сейчас приедут: тетка Карандышева, барыни в крашеных шелковых платьях; разговор будет о соленых грибах.

Лариса. Когда же ехать?

Паратов. Сейчас.

Лариса. Сейчас?

Паратов. Сейчас или никогда.

Лариса. Едемте.

Паратов. Как, вы решаетесь ехать за Волгу?

Лариса. Куда вам угодно.

Паратов. С нами, сейчас?

Лариса. Когда вам угодно.

Паратов. Ну, признаюсь, выше и благородней этого я ничего и вообразить не могу. Очаровательное создание! Повелительница моя!

Лариса. Вы — мой повелитель.

Входят Огудалова, Кнуров, Вожеватов, Робинзон, Карандышев и Иван с подносом, на котором стаканы шампанского.

Явление тринадцатое

Огудалова, Лариса, Паратов, Кнуров, Вожеватов, Робинзон, Карандышев и Иван.

Паратов *(Кнурову и Вожеватову)*. Она поедет.

Карандышев. Господа, я предлагаю тост за Ларису Дмитриевну. *(Все берут стаканы.)*Господа, вы сейчас восхищались талантом Ларисы Дмитриевны. Ваши похвалы — для нее не новость; с детства она окружена поклонниками, которые восхваляют ее в глаза при каждом удобном случае. Да-с, талантов у нее действительно много. Но не за них я хочу похвалить ее. Главное, неоцененное достоинство Ларисы Дмитриевны — то, господа… то, господа…

Вожеватов. Спутается.

Паратов. Нет, вынырнет, выучил.

Карандышев. То, господа, что она умеет ценить и выбирать людей. Да-с, Лариса Дмитриевна знает, что не все то золото, что блестит. Она умеет отличать золото от мишуры. Много блестящих молодых людей окружало ее; но она мишурным блеском не прельстилась. Она искала для себя человека не блестящего, а достойного…

Паратов *(одобрительно)*. Браво, браво!

Карандышев. И выбрала…

Паратов. Вас! Браво! браво!

Вожеватов и Робинзон. Браво, браво!

Карандышев. Да, господа, я не только смею, я имею право гордиться и горжусь. Она меня поняла, оценила и предпочла всем. Извините, господа, может быть, не всем это приятно слышать; но я счел своим долгом поблагодарить публично Ларису Дмитриевну за такое лестное для меня предпочтение. Господа, я сам пью и предлагаю выпить за здоровье моей невесты!

Паратов, Вожеватов и Робинзон. Ура!

Паратов *(Карандышеву)*. Еще есть вино-то?

Карандышев. Разумеется, есть; как же не быть? Что ты говоришь? Уж я достану.

Паратов. Надо еще тост выпить.

Карандышев. Какой?

Паратов. За здоровье счастливейшего из смертных, Юлия Капитоныча Карандышева.

Карандышев. Ах, да. Так ты предложишь? Ты и предложи, Серж! А я пойду похлопочу; я достану. *(Уходит.)*

Кнуров. Ну, хорошенького понемножку. Прощайте. Я заеду закушу и сейчас же на сборный пункт. *(Кланяется дамам.)*

Вожеватов *(указывая на среднюю дверь)*. Здесь пройдите, Мокий Парменыч. Тут прямо выход в переднюю, никто вас и не увидит.

Кнуров уходит.

Пиратов *(Вожеватову)*. И мы сейчас, едем. *(Ларисе.)* Собирайтесь!

Лариса уходит направо.

Вожеватов. Не дождавшись тоста?
Паратов. Так лучше.
Вожеватов. Да чем же?
Паратов. Смешнее.

Выходит Лариса с шляпкой в руках.

Вожеватов. И то смешнее. Робинзон! едем.
Робинзон. Куда?
Вожеватов. Домой, сбираться в Париж.

Робинзон и Вожеватов раскланиваются и уходят.

Паратов *(Ларисе тихо)*. Едем! *(Уходит.)*
Лариса *(Огудаловой)*. Прощай, мама!
Огудалова. Что ты! Куда ты?
Лариса. Или тебе радоваться, мама, или ищи меня в Волге.

Огудалова. Бог с тобой! Что ты!

Лариса. Видно, от своей судьбы не уйдешь. *(Уходит.)*

Огудалова. Вот, наконец, до чего дошло: всеобщее бегство! Ах, Лариса!.. Догонять мне ее иль нет? Нет, зачем!.. Что бы там ни было, все-таки кругом нее люди… А здесь хоть и бросить, так потеря не велика.

Входят Карандышев и Иван с бутылкой шампанского.

Явление четырнадцатое

Огудалова, Карандышев, Иван, потом Евфросинья Потаповна.

Карандышев. Я, господа… *(Оглядывает комнату.)* Где ж они? Уехали? Вот это учтиво, нечего сказать! Ну, да тем лучше! Однако когда ж они успели? И вы, пожалуй, уедете? Нет, уж вы-то с Ларисой Дмитриевной погодите! Обиделись? — понимаю! Ну, и прекрасно. И мы останемся в тесном семейном кругу… А где же Лариса Дмитриевна? *(У двери направо.)*Тетенька, у вас Лариса Дмитриевна?

Евфросинья Потаповна *(входя)*. Никакой у

меня твоей Ларисы Дмитриевны нет.

Карандышев. Однако что ж это такое, в самом деле! Иван, куда девались все господа и Лариса Дмитриевна?

Иван. Лариса Дмитриевна, надо полагать, с господами вместе уехали… Потому как господа за Волгу сбирались, вроде как пикник у них.

Карандышев. Как за Волгу?

Иван. На катерах-с. И посуда, и вина, все от нас пошло-с; еще давеча отправили; ну, и прислуга — все как следует-с.

Карандышев *(садится и хватается за голову).* Ах, что же это, что же это!

Иван. И цыгане, и музыка с ними — все как следует.

Карандышев *(с горячностью).* Харита Игнатьевна, где ваша дочь? Отвечайте мне, где ваша дочь?

Огудалова. Я к вам привезла дочь, Юлий Капитоныч; вы мне скажите, где моя дочь!

Карандышев. И все это преднамеренно, умышленно — все вы вперед сговорились… *(Со слезами.)*Жестоко, бесчеловечно жестоко!

Огудалова. Рано было торжествовать-то!

Карандышев. Да, это смешно… Я смешной человек… Я знаю сам, что я смешной человек.

Да разве людей казнят за то, что они смешны? Я смешон — ну, смейся надо мной, смейся в глаза! Приходите ко мне обедать, пейте мое вино и ругайтесь, смейтесь надо мной — я того стою. Но разломать грудь у смешного человека, вырвать сердце, бросить под ноги и растоптать его! Ох, ох! Как мне жить! Как мне жить!

Евфросинья Потаповна. Да полно ты, перестань! Не о чем сокрушаться-то!

Карандышев. И ведь это не разбойники, это почетные люди… Это все приятели Хариты Игнатьевны.

Огудалова. Я ничего не знаю.

Карандышев. Нет, у вас одна шайка, вы все заодно. Но знайте, Харита Игнатьевна, что и самого кроткого человека можно довести до бешенства. Не все преступники — злодеи, и смирный человек решится на преступление, когда ему другого выхода нет. Если мне на белом свете остается только или повеситься от стыда и отчаяния, или мстить, так уж я буду мстить. Для меня нет теперь ни страха, ни закона, ни жалости; только злоба лютая и жажда мести душат меня. Я буду мстить каждому из них, каждому, пока не убьют меня самого. *(Схватывает со стола пистолет и убегает.)*

Огудалова. Что он взял-то?

Иван. Пистолет.

Огудалова. Беги, беги за ним, кричи, чтоб остановили.

Действие четвертое
Лица

Паратов.
Кнуров.
Вожеватов.
Робинзон.
Лариса.
Карандышев.
Илья.
Гаврило.
Иван.
Цыгане и цыганки.

Декорация первого действия. Светлая летняя ночь.

Явление первое

Робинзон с мазиком в руках и Иван выходят из кофейной.

Иван. Мазик-то пожалуйте!
Робинзон. Не отдам. Ты играй со мной! Отчего ты не играешь?

Иван. Да как же играть с вами, когда вы денег не платите!

Робинзон. Я после отдам. Мои деньги у Василия Данилыча, он их увез с собой. Разве ты не веришь?

Иван. Как же вы это с ними на пикник не поехали?

Робинзон. Я заснул; а он не посмел меня беспокоить, будить, ну, и уехал один. Давай играть!

Иван. Нельзя-с, игра не равна; я ставлю деньги, а вы нет; выигрываете — берете, а проигрываете — не отдаете. Ставьте деньги-с!

Робинзон. Что ж, разве мне кредиту нет? Это странно! Я первый город такой вижу; я везде, по всей России все больше в кредит.

Иван. Это я оченно верю-с. Коли спросить чего угодно, мы подадим; знавши Сергея Сергеича и Василья Данилыча, какие они господа, мы обязаны для вас кредит сделать-с; а игра денег требует-с.

Робинзон. Так бы ты и говорил. Возьми мазик и дай мне бутылку… чего бы?..

Иван. Портвейн есть недурен-с.

Робинзон. Я ведь дешевого не пью.

Иван. Дорогого подадим-с.

Робинзон. Да вели мне приготовить… знаешь,

этого… как оно…

Иван. Дупелей зажарить можно; не прикажете ли?

Робинзон. Да, вот именно дупелей.

Иван. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Робинзон. Они пошутить захотели надо мной; ну, и прекрасно, и я пошучу над ними. Я, с огорчения, задолжаю рублей двадцать, пусть расплачиваются. Они думают, что мне общество их очень нужно — ошибаются; мне только бы кредит; а то и один не соскучусь, я и solo могу разыграть очень веселое. К довершению удовольствия, денег бы занять…

Входит Иван с бутылкой.

Иван *(ставит бутылку)*. Дупеля заказаны-с.

Робинзон. Я здесь театр снимаю.

Иван. Дело хорошее-с.

Робинзон. Не знаю, кому буфет сдать. Твой хозяин не возьмет ли?

Иван. Отчего не взять-с!

Робинзон. Только у меня — чтоб содержать исправно! И, для верности, побольше задатку сейчас же!

Иван. Нет, уж он учен, задатку не дает: его так-то уж двое обманули.

Робинзон. Уж двое? Да, коли уж двое…

Иван. Так третьему не поверит.

Робинзон. Какой народ! Удивляюсь. Везде поспеют; где только можно взять, все уж взято, непочатых мест нет. Ну, не надо, не нуждаюсь я в нем. Ты ему не говори ничего, а то он подумает, что и я хочу обмануть; а я горд.

Иван. Да-с, оно, конечно… А как давеча господин Карандышев рассердились, когда все гости вдруг уехали! Очень гневались, даже убить кого-то хотели, так с пистолетом и ушли из дому.

Робинзон. С пистолетом? Это нехорошо.

Иван. Хмельненьки были; я полагаю, что это у них постепенно пройдет-с. Они по бульвару раза два проходили… да вон и сейчас идут.

Робинзон *(оробев)*. Ты говоришь, с пистолетом? Он кого убить-то хотел — не меня ведь?

Иван. Уж не могу вам! сказать. *(Уходит.)*

Входит Карандышев, Робинзон старается спрятаться за бутылку.

Явление второе

Робинзон, Карандышев, потом Иван.

Карандышев *(подходит к Робинзону)*. Где ваши

товарищи, господин Робинзон?

Робинзон. Какие товарищи? У меня нет товарищей.

Карандышев. А те господа, которые обедали у меня с вами вместе?

Робинзон. Какие ж это товарищи! Это так… мимолетное знакомство.

Карандышев. Так не знаете ли, где они теперь?

Робинзон. Не могу сказать, я стараюсь удалять-ся от этой компании; я человек смирный, знаете ли… семейный…

Карандышев. Вы семейный?

Робинзон. Очень семейный… Для меня тихая семейная жизнь выше всего; а неудовольствие какое или ссора — это Боже сохрани; я люблю и побеседовать, только чтоб разговор умный, учтивый, об искусстве, например… Ну, с благородным человеком, вот как вы, можно и выпить немножко. Не прикажете ли?

Карандышев. Не хочу.

Робинзон. Как угодно. Главное дело, чтобы неприятности не было.

Карандышев. Да вы должны же знать, где они.

Робинзон. Кутят где-нибудь: что ж им больше-то делать!

Карандышев. Говорят, они за Волгу поехали?

Робинзон. Очень может быть.

Карандышев. Вас не звали с собой?

Робинзон. Нет; я человек семейный.

Карандышев. Когда ж они воротятся?

Робинзон. Уж это они и сами не знают, я думаю. К утру вернутся.

Карандышев. К утру?

Робинзон. Может быть, и раньше.

Карандышев. Все-таки надо подождать; мне кой с кем из них объясниться нужно.

Робинзон. Коли ждать, так на пристани; зачем они сюда пойдут! С пристани они прямо домой проедут. Чего им еще? Чай, и так сыты.

Карандышев. Да на какой пристани? Пристаней у вас много.

Робинзон. Да на какой угодно, только не здесь; здесь их не дождетесь.

Карандышев. Ну, хорошо, я пойду на пристань. Прощайте. *(Подает руку Робинзону.)* Не хотите ли проводить меня?

Робинзон. Нет, помилуйте, я человек семейный.

Карандышев уходит.

Иван, Иван!

Входит Иван.

Накрой мне в комнате и вино перенеси туда!

Иван. В комнате, сударь, душно. Что за неволя!

Робинзон. Нет, мне на воздухе вечером вредно; доктор запретил. Да если этот барин спрашивать будет, так скажи, что меня нет. *(Уходит в кофейную.)*

Из кофейной выходит Гаврило.

Явление третье

Гаврило и Иван.

Гаврило. Ты смотрел на Волгу? Не видать наших?

Иван. Должно быть, приехали.

Гаврило. Что так?

Иван. Да под горой шум, эфиопы загалдели. *(Берет со стола бутылку и уходит в кофейную.)*

Входит Илья и хор цыган.

Явление четвертое

Гаврило, Илья, цыгане и цыганки.

Гаврило. Хорошо съездили?

Илья. И, хорошо! Так хорошо, не говори!

Гаврило. Господа веселы?

Илья. Разгулялись, важно разгулялись, дай Бог на здоровье! Сюда идут; всю ночь, гляди, прогуляют.

Гаврило *(потирая руки)*. Так ступайте усаживайтесь! Женщинам велю чаю подать, а вы к буфету — закусите!

Илья. Старушкам к чаю-то ромку вели — любят.

Илья, цыгане и цыганки, Гаврило уходят в кофейную. Выходят Кнуров и Вожеватов.

Явление пятое

Кнуров и Вожеватов.

Кнуров. Кажется, драма начинается.

Вожеватов. Похоже.

Кнуров. Я уж у Ларисы Дмитриевны слезки видел.

Вожеватов. Да ведь у них дешевы.

Кнуров. Как хотите, а положение ее незавидное.

Вожеватов. Дело обойдется как-нибудь.

Кнуров. Ну, едва ли.

Вожеватов. Карандышев посердится немножко, поломается, сколько ему надо, и опять тот же будет.

Кнуров. Да она-то не та же. Ведь чтоб бросить жениха чуть не накануне свадьбы, надо иметь основание. Вы подумайте: Сергей Сергеич приехал на один день, и она бросает для него жениха, с которым ей жить всю жизнь. Значит, она надежду имеет на Сергея Сергеича; иначе зачем он ей!

Вожеватов. Так вы думаете, что тут не без обмана, что он опять словами поманил ее?

Кнуров. Да непременно. И, должно быть, обещания были определенные и серьезные; а то как бы она поверила человеку, который уж раз обманул ее!

Вожеватов. Мудреного нет; Сергей Сергеич ни над чем не задумается: человек смелый.

Кнуров. Да ведь как ни смел, а миллионную невесту на Ларису Дмитриевну не променяет.

Вожеватов. Еще бы! что за расчет!

Кнуров. Так посудите, каково ей, бедной!

Вожеватов. Что делать-то! мы не виноваты, наше дело сторона.

На крыльце кофейной показывается Робинзон.

Явление шестое

Кнуров, Вожеватови Робинзон.

Вожеватов. А, милорд! Что во сне видел?

Робинзон. Богатых дураков; то же, что и наяву вижу.

Вожеватов. Ну, как же ты, бедный умник, здесь время проводишь?

Робинзон. Превосходно. Живу в свое удовольствие и притом в долг, на твой счет. Что может быть лучше!

Вожеватов. Позавидуешь тебе. И долго ты намерен наслаждаться такой приятной жизнью?

Робинзон. Да ты чудак, я вижу. Ты подумай: какой же мне расчет отказываться от таких прелестей!

Вожеватов. Что-то я не помню: как будто я тебе открытого листа не давал?

Робинзон. Так ты в Париж обещал со мной ехать — разве это не все равно?

Вожеватов. Нет, не все равно! Что я обещал, то исполню; для меня слово — закон, что сказано, то свято. Ты спроси: обманывал ли я кого-нибудь?

Робинзон. А покуда ты сбираешься в Париж, не

воздухом же мне питаться?

Вожеватов. Об этом уговору не было. В Париж хоть сейчас.

Робинзон. Теперь поздно; поедем, Вася, завтра.

Вожеватов. Ну, завтра, так завтра. Послушай, вот что: поезжай лучше ты один, я тебе прогоны выдам взад и вперед.

Робинзон. Как один? Я дороги не найду.

Вожеватов. Довезут.

Робинзон. Послушай, Вася, я по-французски не совсем свободно… Хочу выучиться, да все времени нет.

Вожеватов. Да зачем тебе французский язык?

Робинзон. Как же, в Париже да по-французски не говорить?

Вожеватов. Да и не надо совсем, и никто там не говорит по-французски.

Робинзон. Столица Франции, да чтоб там по-французски не говорили! Что ты меня за дурака, что ли, считаешь?

Вожеватов. Да какая столица! Что ты, в уме ли? О каком Париже ты думаешь? Трактир у нас на площади есть «Париж», вот я куда хотел с тобой ехать.

Робинзон. Браво, браво!

Вожеватов. А ты полагал, в настоящий? Хоть

бы ты немножко подумал. А еще умным человеком считаешь себя! Ну, зачем я тебя туда возьму, с какой стати? Клетку, что ли, сделать да показывать тебя?

Робинзон. Хорошей ты школы, Вася, хорошей; серьезный из тебя негоциант выйдет.

Вожеватов. Да ничего; я стороной слышал, одобряют.

Кнуров. Василий Данилыч, оставьте его! Мне нужно вам сказать кой-что.

Вожеватов *(подходя)*. Что вам угодно?

Кнуров. Я все думал о Ларисе Дмитриевне. Мне кажется, она теперь находится в таком положении, что нам, близким людям, не только позволительно, но мы даже обязаны принять участие в ее судьбе.

Робинзон прислушивается.

Вожеватов. То есть вы хотите сказать, что теперь представляется удобный случай взять ее с собой в Париж?

Кнуров. Да, пожалуй, если угодно: это одно и то же.

Вожеватов. Так за чем же дело стало? Кто мешает?

Кнуров. Вы мне мешаете, а я вам. Может быть,

вы не боитесь соперничества? Я тоже не очень опасаюсь; а все-таки неловко, беспокойно; гораздо лучше, когда поле чисто.

Вожеватов. Отступного я не возьму, Мокий Парменыч.

Кнуров. Зачем отступное? Можно иначе как-нибудь.

Вожеватов. Да вот, лучше всего. *(Вынимает из кармана монету и кладет под руку.)* Орел или решетка?

Кнуров *(в раздумье)*. Если скажу: орел, так проиграю; орел, конечно, вы. *(Решительно.)*Решетка.

Вожеватов *(поднимая руку)*. Ваше. Значит, мне одному в Париж ехать. Я не в убытке; расходов меньше.

Кнуров. Только, Василий Данилыч, давши слово, держись; а не давши, крепись! Вы купец, вы должны понимать, что значит слово.

Вожеватов. Вы меня обижаете. Я сам знаю, что такое купеческое слово. Ведь я с вами дело имею, а не с Робинзоном.

Кнуров. Вон Сергей Сергеич идет с Ларисой Дмитриевной! Войдемте в кофейную, не будем им мешать.

Кнуров и Вожеватов уходят в кофейную. Входят Паратов и Лариса.

Явление седьмое

Паратов, Лариса и Робинзон.

Лариса. Ах, как я устала. Я теряю силы, я насилу взошла на гору. *(Садится в глубине сцены на скамейку у решетки.)*

Паратов. А, Робинзон! Ну, что ж ты, скоро в Париж едешь?

Робинзон. С кем это? С тобой, ля-Серж, куда хочешь, а уж с купцом я не поеду. Нет, с купцами кончено.

Паратов. Что так?

Робинзон. Невежи!

Паратов. Будто? Давно ли ты догадался?

Робинзон. Всегда знал. Я всегда за дворян.

Паратов. Это делает тебе честь, Робинзон. Но ты не по времени горд. Применяйся к обстоятельствам, бедный друг мой! Время просвещенных покровителей, время меценатов прошло; теперь торжество буржуазии, теперь искусство на вес золота ценится, в полном смысле наступает золотой век. Но, уж не взыщи, подчас и ваксой напоят, и в бочке с горы, для собственного удовольствия, прокатят — на какого Медичиса нападешь. Не

отлучайся, ты мне будешь нужен!

Робинзон. Для тебя в огонь и в воду. *(Уходит в кофейную.)*

Паратов *(Ларисе)*. Позвольте теперь поблагодарить вас за удовольствие — нет, этого мало, — за счастие, которое вы нам доставили.

Лариса. Нет, нет, Сергей Сергеич, вы мне фраз не говорите! Вы мне скажите только: что я — жена ваша или нет?

Паратов. Прежде всего, Лариса Дмитриевна, вам нужно ехать домой. Поговорить обстоятельно мы еще успеем завтра.

Лариса. Я не поеду домой.

Паратов. Но и здесь оставаться вам нельзя. Прокатиться с нами по Волге днем — это еще можно допустить; но кутить всю ночь в трактире, в центре города, с людьми, известными дурным поведением! Какую пищу вы дадите для разговоров.

Лариса. Что мне за дело до разговоров! С вами я могу быть везде. Вы меня увезли, вы и должны привезти меня домой.

Паратов. Вы поедете на моих лошадях — разве это не все равно?

Лариса. Нет, не все равно. Вы меня увезли от жениха, маменька видела, как мы уехали — она

не будет беспокоиться, как бы поздно мы ни возвратились… Она покойна, она уверена в вас, она только будет ждать нас, ждать… чтоб благословить. Я должна или приехать с вами, или совсем не являться домой.

Паратов. Что такое? Что значит: «совсем не являться»? Куда деться вам?

Лариса. Для несчастных людей много простора в божьем мире: вот сад, вот Волга. Здесь на каждом сучке удавиться можно, на Волге — выбирай любое место. Везде утопиться легко, если есть желание да сил достанет.

Паратов. Какая экзальтация! Вам можно жить и должно. Кто откажет вам в любви, в уважении! Да тот же ваш жених: он будет радехонек, если вы опять его приласкаете.

Лариса. Что вы говорите! Я мужа своего если уж не любить, так хоть уважать должна; а как я могу уважать человека, который равнодушно сносит насмешки и всевозможные оскорбления! Это дело кончено: он для меня не существует. У меня один жених: это вы.

Паратов. Извините, не обижайтесь на мои слава! Но едва ли вы имеете право быть так требовательными ко мне.

Лариса. Что вы говорите! Разве вы забыли? Так

я вам опять повторю все с начала. Я год страдала, год не могла забыть вас, жизнь стала для меня пуста; я решилась, наконец, выйти замуж за Карандышева, чуть не за первого встречного. Я думала, что семейные обязанности наполнят мою жизнь и помирят меня с ней. Явились вы и говорите: «Брось все, я твой». Разве это не право? Я думала, что ваше слово искренне, что я его выстрадала.

Паратов. Все это прекрасно, и обо всем мы с вами потолкуем завтра.

Лариса. Нет, сегодня, сейчас.

Паратов. Вы требуете?

Лариса. Требую.

В дверях кофейной видны Кнуров и Вожеватов.

Паратов. Извольте. Послушайте, Лариса Дмитриевна! Вы допускаете мгновенное увлечение?

Лариса. Допускаю. Я сама способна увлечься.

Паратов. Нет, я не так выразился; допускаете ли вы, что человек, скованный по рукам и по ногам неразрывными цепями, может так увлечься, что забудет все на свете, забудет и гнетущую его действительность, забудет и свои цепи?

Лариса. Ну, что же! И хорошо, что он забудет.

Паратов. Это душевное состояние очень хоро-

шо, я с вами не спорю; но оно непродолжительно. Угар страстного увлечения скоро проходит, остаются цепи и здравый рассудок, который говорит, что этих цепей разорвать нельзя, что они неразрывны.

Лариса *(задумчиво)*. Неразрывные цепи! *(Быстро.)* Вы женаты?

Паратов. Нет.

Лариса. А всякие другие цепи — не помеха! Будем носить их вместе, я разделю с вами эту ношу, большую половину тяжести я возьму на себя.

Паратов. Я обручен.

Лариса. Ах!

Паратов *(показывая обручальное кольцо)*. Вот золотые цепи, которыми я скован на всю жизнь.

Лариса. Что же вы молчали? Безбожно, безбожно! *(Садится на стул.)*

Паратов. Разве я в состоянии был помнить что-нибудь! Я видел вас, и ничего более для меня не существовало.

Лариса. Поглядите на меня!

Паратов смотрит на нее.

«В глазах, как на небе, светло…» Ха, ха, ха! *(Истерически смеется.)* Подите от меня! Довольно! Я уж сама об себе подумаю. *(Опирает голову на руку.)*

Кнуров, Вожеватов и Робинзон выходят на крыльцо кофейной.

Явление восьмое

Паратов, Лариса, Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

Паратов *(подходя к кофейной).* Робинзон, поди сыщи мою коляску! Она тут у бульвара. Ты свезешь Ларису Дмитриевну домой.

Робинзон. Ля-Серж! Он тут, он ходит с пистолетом.

Паратов. Кто «он»?

Робинзон. Карандышев.

Паратов. Так что ж мне за дело!

Робинзон. Он меня убьет.

Паратов. Ну, вот, велика важность! Исполняй, что приказывают! Без рассуждений! Я этого не люблю, Робинзон.

Робинзон. Я тебе говорю: как он увидит меня с ней вместе, он меня убьет.

Паратов. Убьет он тебя или нет — это еще неизвестно; а вот если ты не исполнишь сейчас же того, что я тебе приказываю, так я тебя убью уж наверное. *(Уходит в кофейную.)*

Робинзон *(грозя кулаком)*. О, варвары, о, разбойники! Ну, попал я в компанию! *(Уходит.)*

Вожеватов подходит к Ларисе.

Лариса *(взглянув на Вожеватова)*. Вася, я погибаю!

Вожеватов. Лариса Дмитриевна, голубушка моя! Что делать-то? Ничего не поделаешь.

Лариса. Вася, мы с тобой с детства знакомы, почти родные; что мне делать — научи!

Вожеватов. Лариса Дмитриевна, уважаю я вас и рад бы… я ничего не могу. Верьте моему слову!

Лариса. Да я ничего и не требую от тебя; я прошу только пожалеть меня. Ну, хоть поплачь со мной вместе!

Вожеватов. Не могу, ничего не могу.

Лариса. И у тебя тоже цепи?

Вожеватов. Кандалы, Лариса Дмитриевна.

Лариса. Какие?

Вожеватов. Честное купеческое слово. *(Отходит в кофейную.)*

Кнуров *(подходит к Ларисе)*. Лариса Дмитриевна, выслушайте меня и не обижайтесь! У меня и в помышлении нет вас обидеть. Я только желаю вам добра и счастья, чего вы вполне заслуживаете. Не угодно ли вам ехать со мной в Париж на

выставку?

Лариса отрицательно качает головой.

И полное обеспечение на всю жизнь?

Лариса молчит.

Стыда не бойтесь, осуждений не будет. Есть границы, за которые осуждение не переходит: я могу предложить вам такое громадное содержание, что самые злые критики чужой нравственности должны будут замолчать и разинуть рты от удивления.

Лариса поворачивает голову в другую сторону.

Я бы ни на одну минуту не задумался предложить вам руку, но я женат.

Лариса молчит.

Вы расстроены, я не смею торопить вас ответом. Подумайте! Если вам будет угодно благосклонно принять мое предложение, известите меня, и с той минуты я сделаюсь вашим самым преданным слугой и самым точным исполнителем всех ваших желаний и даже капризов, как бы они странны и дороги ни были. Для меня невозможного мало.

(Почтительно кланяется и уходит в кофейную.)

Явление девятое

Лариса одна.

Лариса. Я давеча смотрела вниз через решетку, у меня закружилась голова, и я чуть не упала. А если упасть, так, говорят… верная смерть. *(Подумав.)* Вот хорошо бы броситься! Нет, зачем бросаться!.. Стоять у решетки и смотреть вниз, закружится голова и упадешь… Да, это лучше… в беспамятстве, ни боли… ничего не будешь чувствовать! *(Подходит к решетке и смотрит вниз. Нагибается, крепко хватается за решетку, потом с ужасом отбегает.)* Ой, ой! Как страшно! *(Чуть не падает, хватается за беседку.)* Какое головокружение! Я падаю, падаю, ай! *(Садится у стола подле беседки.)*Ох, нет… *(Сквозь слезы.)* Расставаться с жизнью совсем не так просто, как я думала. Вот и нет сил! Вот я какая несчастная! А ведь есть люди, для которых это легко. Видно, уж тем совсем жить нельзя; их ничто не прельщает, им ничто не мило, ничего не жалко. Ах, что я!.. Да ведь и мне ничто не мило, и мне жить нельзя, и мне жить незачем! Что ж я не решаюсь? Что меня держит над этой пропастью?

Что мешает? *(Задумывается.)* Ах, нет, нет… Не Кнуров… роскошь, блеск… нет, нет… я далека от суеты… *(Вздрогнув.)* Разврат… ох, нет… Просто решимости не имею. Жалкая слабость: жить, хоть как-нибудь, да жить… когда нельзя жить и не нужно. Какая я жалкая, несчастная. Кабы теперь меня убил кто-нибудь… Как хорошо умереть… пока еще упрекнуть себя не в чем. Или захворать и умереть… Да я, кажется, захвораю. Как дурно мне!.. Хворать долго, успокоиться, со всем примириться, всем простить и умереть… Ах, как дурно, как кружится голова. *(Подпирает голову рукой и сидит в забытьи.)*

Входят Робинзон и Карандышев.

Явление десятое

Лариса, Робинзон и Карандышев.

Карандышев. Вы говорите, что вам велено отвезти ее домой?

Робинзон. Да-с, велено.

Карандышев. И вы говорили, что они оскорбили ее?

Робинзон. Уж чего еще хуже, чего обиднее!

Карандышев. Она сама виновата: ее поступок

заслуживал наказания. Я ей говорил, что это за люди; наконец она сама могла, сама имела время заметить разницу между мной и ими. Да, она виновата, но судить ее, кроме меня, никто не имеет права, а тем более оскорблять. Это уж мое дело: прошу я ее или нет; но защитником ее я обязан явиться. У ней нет ни братьев, ни близких; один я, только один я обязан вступиться за нее и наказать оскорбителей. Где она?

Робинзон. Она здесь была. Вот она!

Карандышев. При нашем объяснении посторонних не должно быть; вы будете лишний. Оставьте нас!

Робинзон. С величайшим удовольствием. Я скажу, что вам сдал Ларису Дмитриевну. Честь имею кланяться! *(Уходит в кофейную.)*

Карандышев подходит к столу и садится против Ларисы.

Явление одиннадцатое

Лариса и Карандышев.

Лариса *(поднимая голову)*. Как вы мне противны, кабы вы знали! Зачем вы здесь?

Карандышев. Где же быть мне?

Лариса. Не знаю. Где хотите, только не там, где я.

Карандышев. Вы ошибаетесь, я всегда должен быть при вас, чтобы оберегать вас. И теперь я здесь, чтобы отмстить за ваше оскорбление.

Лариса. Для меня самое тяжкое оскорбление — это ваше покровительство; ни от кого и никаких других оскорблений мне не было.

Карандышев. Уж вы слишком невзыскательны. Кнуров и Вожеватов мечут жеребий, кому вы достанетесь, играют в орлянку — и это не оскорбление? Хороши ваши приятели! Какое уважение к вам! Они не смотрят на вас, как на женщину, как на человека, — человек сам располагает своей судьбой; они смотрят на вас, как на вещь. Ну, если вы вещь, — это другое дело. Вещь, конечно, принадлежит тому, кто ее выиграл, вещь и обижаться не может.

Лариса *(глубоко оскорбленная)*. Вещь… да, вещь! Они правы, я вещь, а не человек. Я сейчас убедилась в том, я испытала себя… я вещь! *(С горячностью.)* Наконец слово для меня найдено, вы нашли его. Уходите! Прошу вас, оставьте меня!

Карандышев. Оставить вас? Как я вас оставлю, на кого я вас оставлю?

Лариса. Всякая вещь должна иметь хозяина, я

пойду к хозяину.

Карандышев *(с жаром)*. Я беру вас, я ваш хозяин. *(Хватает ее за руку.)*

Лариса *(оттолкнув его)*. О, нет! Каждой вещи своя цена есть… Ха, ха, ха… я слишком, слишком дорога для вас.

Карандышев. Что вы говорите! мог ли я ожидать от вас таких бесстыдных слов?

Лариса *(со слезами)*. Уж если быть вещью, так одно, утешение — быть дорогой, очень дорогой. Сослужите мне последнюю службу: подите пошлите ко мне Кнурова.

Карандышев. Что вы, что вы, опомнитесь!

Лариса. Ну, так я сама пойду.

Карандышев. Лариса Дмитриевна! Остановитесь! Я вас прощаю, я все прощаю.

Лариса *(с горькой улыбкой)*. Вы мне прощаете? Благодарю вас. Только я-то себе не прощаю, что вздумала связать судьбу свою с таким ничтожеством, как вы.

Карандышев. Уедемте, уедемте сейчас из этого города, я на все согласен.

Лариса. Поздно. Я вас просила взять меня поскорей из цыганского табора, вы не умели этого сделать; видно, мне жить и умереть в цыганском таборе.

Карандышев. Ну, я вас умоляю, осчастливьте меня.

Лариса. Поздно. Уж теперь у меня перед глазами заблестело золото, засверкали бриллианты.

Карандышев. Я готов на всякую жертву, готов терпеть всякое унижение для вас.

Лариса *(с отвращением)*. Подите, вы слишком мелки, слишком ничтожны для меня.

Карандышев. Скажите же: чем мне заслужить любовь вашу? *(Падает на колени.)*Я вас люблю, люблю.

Лариса. Лжете. Я любви искала и не нашла. На меня смотрели и смотрят, как на забаву. Никогда никто не старался заглянуть ко мне в душу, ни от кого я не видела сочувствия, не слыхала теплого, сердечного слова. А ведь так жить холодно. Я не виновата, я искала любви и не нашла… ее нет на свете… нечего и искать. Я не нашла любви, так буду искать золота. Подите, я вашей быть не могу.

Карандышев *(вставая)*. О, не раскайтесь! *(Кладет руку за борт сюртука.)* Вы должны быть моей.

Лариса. Чьей ни быть, но не вашей.

Карандышев *(запальчиво)*. Не моей?

Лариса. Никогда!

Карандышев. Так не доставайся ж ты никому!

(Стреляет в нее из пистолета.)

Лариса *(хватаясь за грудь)*. Ах! Благодарю вас! *(Опускается на стул.)*

Карандышев. Что я, что я… ах, безумный! *(Роняет пистолет.)*

Лариса *(нежно)*. Милый мой, какое благодеяние вы для меня сделали! Пистолет сюда, сюда, на стол! Это я сама… сама. Ах, какое благодеяние… *(Поднимает пистолет и кладет на стол.)*

Из кофейной выходят Паратов, Кнуров, Вожеватов, Робинзон, Гаврилои Иван.

Явление двенадцатое

Лариса, Карандышев, Паратов, Кнуров, Вожеватов, Робинзон, Гаврило и Иван.

Все. Что такое, что такое?

Лариса. Это я сама… Никто не виноват, никто… Это я сама.

За сценой цыгане запевают песню.

Паратов. Велите замолчать! Велите замолчать!

Лариса *(постепенно слабеющим голосом)*. Нет, не зачем… Пусть веселятся, кому весело… Я не

хочу мешать никому! Живите, живите все! Вам надо жить, а мне надо… умереть… Я ни на кого не жалуюсь, ни на кого не обижаюсь… вы все хорошие люди… я вас всех… всех люблю. *(Посылает поцелуй.)*

Громкий хор цыган.

Пушкин Александр. Скупой рыцарь[157]

[157] Примечания: 157

Сцены из Ченстоновой трагикомедии: The covetous Knight (Скупой рыцарь. (англ.).

Сцена I

В башне.

Альбер и **Иван**

Альбер

Во что бы то ни стало на турнире
Явлюсь я. Покажи мне шлем, Иван.

Иван подает ему шлем.

Пробит насквозь, испорчен. Невозможно
Его надеть. Достать мне надо новый.
Какой удар! проклятый граф Делорж!

Иван

И вы ему порядком отплатили:
Как из стремян вы вышибли его,
Он сутки замертво лежал – и вряд ли
Оправился.

Альбер

А все ж он не в убытке;

Его нагрудник цел венецианский,
А грудь своя: гроша ему не стоит;
Другой себе не станет покупать.
Зачем с него не снял я шлема тут же!
А снял бы я, когда б не было стыдно
Мне дам и герцога. Проклятый граф!
Он лучше бы мне голову пробил.
И платье нужно мне. В последний раз
Все рыцари сидели тут в атласе
Да бархате; я в латах был один
За герцогским столом. Отговорился
Я тем, что на турнир попал случайно.
А нынче что скажу? О бедность, бедность!
Как унижает сердце нам она!
Когда Делорж копьем своим тяжелым
Пробил мне шлем и мимо проскакал,
А я с открытой головой пришпорил
Эмира моего, помчался вихрем
И бросил графа на двадцать шагов,
Как маленького пажа; как все дамы
Привстали с мест, когда сама Кло-

тильда,
Закрыв лицо, невольно закричала,
И славили герольды мой удар, —
Тогда никто не думал о причине
И храбрости моей и силы дивной!
Взбесился я за поврежденный шлем,
Геройству что виною было? – скупость.
Да! заразиться здесь не трудно ею
Под кровлею одной с моим отцом.
Что бедный мой Эмир?

Иван

Он все хромает.
Вам выехать на нем еще нельзя.

Альбер

Ну, делать нечего: куплю Гнедого.
Недорого и просят за него.

Иван

Недорого, да денег нет у нас.

Альбер

Что ж говорит бездельник Соломон?

Иван

Он говорит, что более не может
Взаймы давать вам денег без заклада.

Альбер

Заклад! а где мне взять заклада, дьявол!

Иван

Я сказывал.

Альбер

Что ж он?

Иван

Кряхтит да жмется.

Альбер

Да ты б ему сказал, что мой отец
Богат и сам, как жид, что рано ль, поздно ль
Всему наследую.

Иван

Я говорил.

Альбер

Что ж?

Иван

Жмется да кряхтит.

Альбер

Какое горе!

Иван

Он сам хотел прийти.

Альбер

Ну, слава Богу.
Без выкупа не выпущу его.

Стучат в дверь.

Кто там?

Входит ***жид****.*

Жид

Слуга ваш низкий.

Альбер

А, приятель!
Проклятый жид, почтенный Соломон,
Пожалуй-ка сюда: так ты, я слышу,
Не веришь в долг.

Жид

Ах, милостивый рыцарь,
Клянусь вам: рад бы… право не могу.
Где денег взять? весь разорился я,
Всё рыцарям усердно помогая.
Никто не платит. Вас хотел просить,
Не можете ль хоть часть отдать…

Альбер

Разбойник!
Да если б у меня водились деньги,
С тобою стал ли б я возиться? Полно,
Не будь упрям, мой милый Соломон;
Давай червонцы. Высыпи мне сотню,
Пока тебя не обыскали.

Жид

Сотню!
Когда б имел я сто червонцев!

Альбер

Слушай:
Не стыдно ли тебе своих друзей
Не выручать?

Жид

Клянусь вам...

Альбер

Полно, полно.
Ты требуешь заклада? что за вздор!
Что дам тебе в заклад? свиную кожу?
Когда б я мог что заложить, давно
Уж продал бы. Иль рыцарского слова
Тебе, собака, мало?

Жид

Ваше слово,
Пока вы живы, много, много значит.
Все сундуки фламандских богачей
Как талисман оно вам отопрет.
Но если вы его передадите
Мне, бедному еврею, а меж тем
Умрете (Боже сохрани), тогда
В моих руках оно подобно будет
Ключу от брошенной шкатулки в море.

Альбер

Ужель отец меня переживет?

Жид

Как знать? дни наши сочтены не нами;
Цвел юноша вечор, а нынче умер,
И вот его четыре старика
Несут на сгорбленных плечах в могилу.
Барон здоров. Бог даст – лет десять, двадцать
И двадцать пять и тридцать проживет он.

Альбер

Ты врешь, еврей: да через тридцать лет
Мне стукнет пятьдесят, тогда и деньги
На что мне пригодятся?

Жид

Деньги? – деньги
Всегда, во всякий возраст нам пригодны;
Но юноша в них ищет слуг проворных
И не жалея шлет туда, сюда.
Старик же видит в них друзей надежных

И бережет их как зеницу ока.

Альбер

О! мой отец не слуг и не друзей
В них видит, а господ; и сам им служит.
И как же служит? как алжирский раб,
Как пес цепной. В нетопленной конуре
Живет, пьет воду, ест сухие корки,
Всю ночь не спит, все бегает да лает.
А золото спокойно в сундуках
Лежит себе. Молчи! когда-нибудь
Оно послужит мне, лежать забудет.

Жид

Да, на бароновых похоронах
Прольется больше денег, нежель слез.
Пошли вам Бог скорей наследство.

Альбер

Amen![158]

Жид

---

[158] Примечания: 158
Аминь! *(лат.)*

А можно б...

Альбер

Что?

Жид

Так, думал я, что средство
Такое есть...

Альбер

Какое средство?

Жид

Так —
Есть у меня знакомый старичок,
Еврей, аптекарь бедный...

Альбер

Ростовщик
Такой же, как и ты, иль почестнее?

Жид

Нет, рыцарь, Товий торг ведет иной —
Он составляет капли... право, чудно,
Как действуют они.

Альбер

А что мне в них?

Жид

В стакан воды подлить... трех капель будет,
Ни вкуса в них, ни цвета не заметно;
А человек без рези в животе,
Без тошноты, без боли умирает.

Альбер

Твой старичок торгует ядом.

Жид

Да —
И ядом.

Альбер

Что ж? взаймы на место денег
Ты мне предложишь склянок двести яду,
За склянку по червонцу. Так ли, что ли?

Жид

Смеяться вам угодно надо мною —
Нет; я хотел... быть может, вы... я думал,

Что уж барону время умереть.

Альбер

Как! отравить отца! и смел ты сыну…
Иван! держи его. И смел ты мне!..
Да знаешь ли, жидовская душа,
Собака, змей! что я тебя сейчас же
На воротах повешу.

Жид

Виноват!
Простите: я шутил.

Альбер

Иван, веревку.

Жид

Я… я шутил. Я деньги вам принес.

Альбер

Вон, пес!

Жид уходит.

Вот до чего меня доводит
Отца родного скупость! Жид мне смел
Что предложить! Дай мне стакан ви-

на,
Я весь дрожу… Иван, однако ж деньги
Мне нужны. Сбегай за жидом проклятым,
Возьми его червонцы. Да сюда
Мне принеси чернильницу. Я плуту
Расписку дам. Да не вводи сюда
Иуду этого… Иль нет, постой,
Его червонцы будут пахнуть ядом,
Как сребреники пращура его…
Я спрашивал вина.

Иван

У нас вина —
Ни капли нет.

Альбер

А то, что мне прислал
В подарок из Испании Ремон?

Иван

Вечор я снес последнюю бутылку
Больному кузнецу.

Альбер

Да, помню, знаю…
Так дай воды. Проклятое житье!
Нет, решено – пойду искать управы
У герцога: пускай отца заставят
Меня держать как сына, не как мышь,
Рожденную в подполье.

Сцена II

Подвал.

Барон

Как молодой повеса ждет свиданья
С какой-нибудь развратницей лукавой
Иль дурой, им обманутой, так я
Весь день минуты ждал, когда сойду
В подвал мой тайный, к верным сундукам.
Счастливый день! могу сегодня я
В шестой сундук (в сундук еще неполный)
Горсть золота накопленного всыпать.
Не много, кажется, но понемногу
Сокровища растут. Читал я где-то,
Что царь однажды воинам своим
Велел снести земли по горсти в кучу,
И гордый холм возвысился – и царь
Мог с вышины с весельем озирать
И дол, покрытый белыми шатрами,

И море, где бежали корабли.
Так я, по горсти бедной принося
Привычну дань мою сюда в подвал,
Вознес мой холм – и с высоты его
Могу взирать на все, что мне подвластно.
Что не подвластно мне? как некий демон
Отселе править миром я могу;
Лишь захочу – воздвигнутся чертоги;
В великолепные мои сады
Сбегутся нимфы резвою толпою;
И музы дань свою мне принесут,
И вольный гений мне поработится,
И добродетель и бессонный труд
Смиренно будут ждать моей награды.
Я свистну, и ко мне послушно, робко
Вползет окровавленное злодейство,
И руку будет мне лизать, и в очи
Смотреть, в них знак моей читая воли.
Мне всё послушно, я же – ничему;
Я выше всех желаний; я спокоен;

Я знаю мощь мою: с меня довольно
Сего сознанья...

(Смотрит на свое золото.)

Кажется, не много,
А скольких человеческих забот,
Обманов, слез, молений и проклятий
Оно тяжеловесный представитель!
Тут есть дублон старинный.... вот он. Нынче
Вдова мне отдала его, но прежде
С тремя детьми полдня перед окном
Она стояла на коленях воя.
Шел дождь, и перестал, и вновь пошел,
Притворщица не трогалась; я мог бы
Ее прогнать, но что-то мне шептало,
Что мужнин долг она мне принесла
И не захочет завтра быть в тюрьме.
А этот? этот мне принес Тибо —
Где было взять ему, ленивцу, плуту?
Украл, конечно; или, может быть,
Там на большой дороге, ночью, в роще...
Да! если бы все слезы, кровь и пот,

Пролитые за все, что здесь хранится,
Из недр земных все выступили вдруг,
То был бы вновь потоп – я захлебнулся б
В моих подвалах верных. Но пора.

(Хочет отпереть сундук.)

Я каждый раз, когда хочу сундук
Мой отпереть, впадаю в жар и трепет.
Не страх (о нет! кого бояться мне?
При мне мой меч: за злато отвечает
Честной булат), но сердце мне теснит
Какое-то неведомое чувство…
Нас уверяют медики: есть люди,
В убийстве находящие приятность.
Когда я ключ в замок влагаю, то же
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая в жертву нож: приятно
И страшно вместе.

(Отпирает сундук.)

Вот мое блаженство!

(Всыпает деньги.)

Ступайте, полно вам по свету рыскать,
Служа страстям и нуждам человека.
Усните здесь сном силы и покоя,
Как боги спят в глубоких небесах...
Хочу себе сегодня пир устроить:
Зажгу свечу пред каждым сундуком,
И все их отопру, и стану сам
Средь них глядеть на блещущие груды.

(Зажигает свечи и отпирает сундуки один за другим.)

Я царствую!.. Какой волшебный блеск!
Послушна мне, сильна моя держава;
В ней счастие, в ней честь моя и слава!
Я царствую... но кто вослед за мной
Приимет власть над нею? Мой наследник!
Безумец, расточитель молодой,
Развратников разгульных собеседник!
Едва умру, он, он! сойдет сюда
Под эти мирные, немые своды
С толпой ласкателей, придворных жад-

ных.
Украв ключи у трупа моего,
Он сундуки со смехом отопрет.
И потекут сокровища мои
В атласные диравые карманы.
Он разобьет священные сосуды,
Он грязь елеем царским напоит —
Он расточит... А по какому праву?
Мне разве даром это все досталось,
Или шутя, как игроку, который
Гремит костьми да груды загребает?
Кто знает, сколько горьких воздержаний,
Обузданных страстей, тяжелых дум,
Дневных забот, ночей бессонных мне
Все это стоило? Иль скажет сын,
Что сердце у меня обросло мохом,
Что я не знал желаний, что меня
И совесть никогда не грызла, совесть,
Когтистый зверь, скребущий сердце, совесть,
Незваный гость, докучный собеседник,

Заимодавец грубый, эта ведьма,
От коей меркнет месяц и могилы
Смущаются и мертвых высылают?..
Нет, выстрадай сперва себе богатство,
А там посмотрим, станет ли несчастный
То расточать, что кровью приобрел.
О, если б мог от взоров недостойных
Я скрыть подвал! о, если б из могилы
Прийти я мог, сторожевою тенью
Сидеть на сундуке и от живых
Сокровища мои хранить, как ныне!..

Сцена III

Во дворце.

Альбер, Герцог

Альбер

Поверьте, государь, терпел я долго
Стыд горькой бедности. Когда б не крайность,
Вы б жалобы моей не услыхали.

Герцог

Я верю, верю: благородный рыцарь,
Таков, как вы, отца не обвинит
Без крайности. Таких развратных мало…
Спокойны будьте: вашего отца
Усовещу наедине, без шуму.
Я жду его. Давно мы не видались.
Он был друг деду моему. Я помню,
Когда я был еще ребенком, он
Меня сажал на своего коня

И покрывал своим тяжелым шлемом,
Как будто колоколом.

(Смотрит в окно.)

Это кто?
Не он ли?

Альбер

Так, он, государь.

Герцог

Подите ж
В ту комнату. Я кликну вас.

***Альбер** уходит; входит **барон**.*

Барон,
Я рад вас видеть бодрым и здоровым.

Барон

Я счастлив, государь, что в силах был
По приказанью вашему явиться.

Герцог

Давно, барон, давно расстались мы.
Вы помните меня?

Барон

Я, государь?

Я как теперь вас вижу. О, вы были

Ребенок резвый. Мне покойный герцог

Говаривал: Филипп (он звал меня

Всегда Филиппом), что ты скажешь? а?

Лет через двадцать, право, ты да я,

Мы будем глупы перед этим малым…

Пред вами, то есть…

Герцог

Мы теперь знакомство

Возобновим. Вы двор забыли мой.

Барон

Стар, государь, я нынче: при дворе

Что делать мне? Вы молоды; вам любы

Турниры, праздники. А я на них

Уж не гожусь. Бог даст войну, так я

Готов, кряхтя, влезть снова на коня;

Еще достанет силы старый меч

За вас рукой дрожащей обнажить.

Герцог

Барон, усердье ваше нам известно;
Вы деду были другом; мой отец
Вас уважал. И я всегда считал
Вас верным, храбрым рыцарем – но сядем.
У вас, барон, есть дети?

Барон

Сын один.

Герцог

Зачем его я при себе не вижу?
Вам двор наскучил, но ему прилично
В его летах и званье быть при нас.

Барон

Мой сын не любит шумной, светской жизни;
Он дикого и сумрачного нрава —
Вкруг замка по лесам он вечно бродит,
Как молодой олень.

Герцог

Нехорошо

Ему дичиться. Мы тотчас приучим
Его к весельям, к балам и турнирам.
Пришлите мне его; назначьте сыну
Приличное по званью содержанье…
Вы хмуритесь, устали вы с дороги,
Быть может?

Барон

Государь, я не устал;
Но вы меня смутили. Перед вами
Я б не хотел сознаться, но меня
Вы принуждаете сказать о сыне
То, что желал от вас бы утаить.
Он, государь, к несчастью, недостоин
Ни милостей, ни вашего вниманья.
Он молодость свою проводит в буйстве,
В пороках низких…

Герцог

Это потому,
Барон, что он один. Уединенье
И праздность губят молодых людей.

Пришлите к нам его: он позабудет
Привычки, зарожденные в глуши.

Барон

Простите мне, но, право, государь,
Я согласиться не могу на это…

Герцог

Но почему ж?

Барон

Увольте старика…

Герцог

Я требую: откройте мне причину
Отказа вашего.

Барон

На сына я
Сердит.

Герцог

За что?

Барон

За злое преступленье.

Герцог

А в чем оно, скажите, состоит?

Барон

Увольте, герцог...

Герцог

Это очень странно,
Или вам стыдно за него?

Барон

Да... стыдно...

Герцог

Но что же сделал он?

Барон

Он... он меня
Хотел убить.

Герцог

Убить! так я суду
Его предам, как черного злодея.

Барон

Доказывать не стану я, хоть знаю,
Что точно смерти жаждет он моей,
Хоть знаю то, что покушался он

Меня...

Герцог

Что?

Барон

Обокрасть.

Альбер бросается в комнату.

Альбер

Барон, вы лжете.

Герцог *(сыну)*

Как смели вы?..

Барон

Ты здесь! ты, ты мне смел!..
Ты мог отцу такое слово молвить!..
Я лгу! и перед нашим государем!..
Мне, мне... иль уж не рыцарь я?

Альбер

Вы лжец.

Барон

И гром еще не грянул, Боже правый!
Так подыми ж, и меч нас рассуди!

(Бросает перчатку, сын поспешно ее подымает.)

Альбер

Благодарю. Вот первый дар отца.

Герцог

Что видел я? что было предо мною?
Сын принял вызов старого отца!
В какие дни надел я на себя
Цепь герцогов! Молчите: ты, безумец,
И ты, тигренок! полно.

(Сыну.)

Бросьте это;
Отдайте мне перчатку эту.

(Отымает ее.)

Альбер *(в сторону)*

Жаль.

Герцог

Так и впился в нее когтями! – изверг!
Подите: на глаза мои не смейте
Являться до тех пор, пока я сам
Не призову вас.

*(**Альбер** выходит.)*

Вы, старик несчастный,
Не стыдно ль вам…

Барон

Простите, государь….
Стоять я не могу… мои колени
Слабеют… душно!.. душно!.. Где ключи?
Ключи, ключи мои!..

Герцог

Он умер. Боже!
Ужасный век, ужасные сердца!

Электронная книга издана «Мультимедийным Издательством Стрельбицкого», г. Киев. С

нашими изданиями электронных и аудиокниг Вы можете познакомиться на сайте www.audio-book.com.ua. Желаем приятного чтения! Пишите нам: audio-book@ukr.net